

СОВРЕМЪННИКЪ

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и (съ 1859 года) ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА

И. ПАНЧЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LXXVII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

=
1859

PSlav[△] 652.10 (77)
✓

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. Сентября 1 дня 1859 года.

Ценсоръ С. Палаузовъ.

Keller Fol

ГОДИВА.

(изъ тиннисона.)

Я поджидалъ поѣзда въ Ковентри
И на мосту стоялъ съ толпой народа,
На три высокихъ, древнихъ башни глядя ;
И старое преданье городское
Мнѣ вспомнилось....

Не мы одни — позднѣйшій
Посѣвъ время, новѣйшей эры люди,
Что мчится вдаль, пути не замѣчая,
И прошлое хулимъ, и громко споримъ
О лжи и правдѣ, о добрѣ и злѣ, —
Не мы одни любить народъ умѣли
И скорбь его—душою понимать.
Не такъ, какъ мы (тому теперь десятый
Минуетъ вѣкъ), не такъ, какъ мы. народу
Не словомъ, дѣломъ помогла Годива,
Сувруга графа грознаго, что правилъ
Всевластно въ Ковентри. Когда свой городъ
Онъ податю тяжелой обложилъ,
И матери сошлись толпами къ замку,
Неся дѣтей, и плакались: «кожь подать

Заплатимъ, всё мы съ голоду померемъ!» —
 Она пошла къ супругу. Онъ одинъ
 Шагаль по залѣ средь собачьей стаи ;
 На пядь впередъ торчала борода,
 И на локоть торчали сзади космы.
 Про общій плачь Годива рассказала
 И мужа умоляла... «Если подать
 Они заплатятъ, съ голоду умрутъ!»
 Онъ странно на нее глаза уставилъ
 И молвилъ: «Полноте! вы не дадите
 Мизинца уколоть за эту сволочь!»
 — «Я умереть готова!» возразила
 Ему Годива. Онъ захохоталъ ;
 Петромъ и Павломъ клялся, что не вѣритъ;
 Потомъ по бриллиантовой сережкѣ
 Ей шолкнулъ и сказалъ: «слова! слова!»
 — «Скажите, чѣмъ», промолвила она: —
 «Мнѣ доказать? Потребуйте любаго!»
 И сердцемъ жесткимъ, какъ рука Исава,
 Графъ испытанье выдумалъ.... «Ступайте
 На лошади по городу нагая —
 И отиѣню!» Насмѣшливо кивнулъ
 Онъ головой и ровными шагами
 Пошелъ, съ собой собачью стаю клеча.

Когда одна осталася Годива ,
 Въ ней мысли, словно бѣшеные вихри,
 Кружились и боролись другъ съ другомъ ,
 Пока не побѣдило состраданье.
 Она отправила герольда въ городъ ,
 Чтобъ съ трубнымъ звукомъ всёми онъ возвѣстилъ ,
 Что графъ назначилъ тяжкое условье ,
 Но что она спасти народъ рѣшилась.
 «Они меня всё любятъ», говорила: —
 «Такъ пусть до полдня ни одна нога
 Не ступитъ, ни одинъ не взглянетъ глазъ
 На улицу, когда я ѣхать буду ;
 Пусть посидятъ покаместъ дома всё,
 Затворятъ двери и закроютъ окна.»

Потомъ пошла она въ свою свѣтлицу
 И пряжку пояса съ двумя орлами, —
 Подарокъ злаго лорда своего, —
 Тамъ разстегнула. Но у ней стѣснилось
 Дыханье, и замедлилась она,
 Какъ медлить въ бѣлой тучкѣ лѣтній мѣсяць.
 Опомнившись, тряхнула головой,
 И до колѣнъ рассыпались волнами
 Ея густые волосы. Поспѣшно
 Она одежду сбросила и стала
 Украдкою по лѣстницѣ спускаться.
 Какъ лучъ дневной между колоннъ скользнуть,
 Такъ и Годива кралась отъ колонны
 Къ колоннѣ, и въ ворѣтахъ очутилась.
 Тутъ конь ея стоялъ ужъ на готовѣ,
 Весь въ пурпурѣ и въ золотыхъ гербахъ.

И на конѣ поѣхала Годива,
 Одѣта цѣломудріемъ. Казалось,
 Вокругъ нея весь воздухъ притаился,
 И вѣтерокъ едва дышалъ отъ страха,
 И шурились изподтишка лукаво
 На жолобахъ съ широкой пастью рожи.
 Дворняшка гдѣ-то тявкнула, и шоки
 Годивы вспыхнули. Шаги коня
 Ее кидали и въ ознобъ, и въ трепетъ.
 Казалось ей, что всѣ въ щеляхъ коварныхъ
 Глухія стѣны, что затѣмъ тѣснятся
 Надъ головой у ней шпили домовъ,
 Чтобъ на нее взглянуть изъ любопытства.
 Но ѣхала и ѣхала Годива,
 Пока предъ ней въ готическія арки
 Градской стѣны не показалось поле,
 Сіяя бѣлымъ цвѣтомъ бузины.

Тогда она поѣхала назадъ,
 Одѣта цѣломудріемъ. Въ то время
 Одинъ несчастный, никогда незнавшій
 Біеня благодарности въ груди
 И бранному присловью давшій имя,

Дыру въ закрытомъ ставнѣ пробуравилъ,
И, весь дрожа, лицомъ къ нему припалъ;
Но не успѣлъ желанья утолить,
Какъ у него глаза одѣлись мракомъ
И вытекли. Такъ сила дѣлъ благихъ
Сражаетъ злыя чувства. Ничего
Не вѣдая, проѣхала Годива,
И съ сотни башенъ разомъ, сотней мѣдныхъ,
Звонящихъ языковъ, безстыдный полдень
Весь городъ огласилъ. Она поспѣшно
Вошла въ свою свѣтлицу, и надѣла
Тамъ мантию и графскую корону,
И къ мужу вышла, и съ народа подать
Сняла, и въ памяти людской на вѣки
Оставила свое святое имя.

МНХ. МИХАЙЛОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КОЛОНИЗАЦІИ СИБИРИ.

Колонизація отдаленныхъ странъ преступниками была въ употребленіи еще въ древнія времена и въ послѣдствіи признана большинствомъ мнѣній однимъ изъ лучшихъ средствъ къ исправленію чело-вѣка, отвергнутаго обществомъ изъ своей среды. При всѣхъ неудачныхъ попыткахъ Англіи въ установленіи правильной системы колонизаціи отдаленныхъ своихъ провинцій преступниками, въ настоящее время она одна изъ западныхъ европейскихъ государствъ достигла болѣе или менѣе цвѣтущаго состоянія своихъ колоній. Опытъ доказалъ, что исправленіе преступника и пріобрѣтеніе имъ правъ гражданина гораздо легче достигается внѣ отечества, потому что преступникъ, вступая въ новую жизнь, такъ сказать—перерождается: въ новой колоніи прошедшее для преступника не существуетъ, нигдѣ не слышно упрека прежнимъ его поступкамъ, всѣ здѣсь въ общественномъ понятіи равны, всѣ носятъ одну и ту же печать нравственнаго ихъ достоинства. Въ отечествѣ, чело-вѣкъ уронившій себя въ общественномъ мнѣніи, подымается трудно, и какъ бы ни было велико его раскаяніе—суровый и безсострадательный приговоръ общества тяготѣетъ надъ нимъ вѣчно. Въ колоніи, напротивъ, преступникъ,—если только онъ не злодѣй закоренѣлый и искра совѣсти и стыда въ немъ не угасла совершенно,—по окончаніи срока наказанія, легче, чѣмъ гдѣ либо, находитъ средства къ честному существованію, обзаводится домомъ, семействомъ, трудится, пріобрѣтаетъ права гражданскія, — и прежняя жизнь, съ которой онъ простился на-

всегда, какъ только ступилъ на новую землю, быть можетъ иногда какъ сновидѣніе мелькнетъ въ его воображеніи — и только! Никто здѣсь не осмѣлится поставить ему въ упрекъ его темные дни въ отечествѣ, и отнынѣ для ссыльнаго нѣтъ другаго отечества, кромѣ колоніи, — мѣста, гдѣ въ послѣдствіи онъ научается понимать трудъ, честность, сознаніе собственного достоинства и обязанностей гражданина.

Конечно, такихъ прекрасныхъ качествъ отъ ссыльныхъ преступниковъ можно ожидать только въ колоніяхъ благоустроенныхъ, гдѣ заботятся объ удобствахъ ссыльныхъ поселенцевъ и предоставляютъ имъ средства къ лучшему общественному устройству. При подобныхъ условіяхъ развились въ нѣкоторыхъ уголкахъ Сибири прекраснѣйшія колоніи, жители которыхъ и забыли о своемъ или отцевъ своихъ первоначальномъ происхожденіи, и едва ли кто нибудь изъ нихъ помышляетъ возвратиться въ Россію. Есть многіе крестьяне Сибири, которые гордятся своимъ настоящимъ положеніемъ, и для такихъ Россія — родина отцовъ или дѣдовъ — все равно, что для насъ чужіе края, или — такая страна, съ которою онъ, кромѣ языка и вѣры, не имѣетъ ничего общаго. Въ первое время моего пребыванія въ Сибири, мнѣ часто случалось спрашивать поселенцевъ, попавшихъ сюда, безъ всякаго сомнѣнія, за какое нибудь преступленіе, — проявляется ли въ нихъ когда нибудь желаніе возвратиться на родину, въ Россію; но рѣдко получалъ отвѣтъ утвердительный, въ особенности отъ тѣхъ, которые обзавелись своимъ хозяйствомъ въ Сибири. «Да и что въ этой родинѣ, говорилъ мнѣ одинъ изъ поселенцевъ, прожившій въ Сибири лѣтъ 20 и сдѣлавшійся примѣрнымъ хозяиномъ и семьяниномъ: — въ Россіи я любилъ молодую дѣвушку страстно; связь ея со мною долго скрывалась. Наконецъ родился ребенокъ.... Сколько слезъ пролила бѣдная, благороднѣйшей души дѣвушка, — сколько горечи испытала она въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ своей жизни! Ошибку свою она дорого искупила бы, еслибъ можно было чѣмъ нибудь скрыть и загладить дѣвичій стыдъ и позоръ, которымъ заклеимило ее общественное мнѣніе. Но всѣ отвернулись отъ кающейся грѣшницы, даже родные; никто не протянулъ ей руки помощи, хотъ бы изъ состраданія! Дѣвушка долго боролась съ чувствомъ стыда и презрѣніемъ общества, въ которомъ приходилось ей жить, наконецъ простилась съ родиною, со всѣмъ, что такъ дорого было ея сердцу, и вотъ уже 18-ть лѣтъ со мною въ Сибири. Люди знаютъ ее, и Богъ свидѣтель, что лучшей жены, хозяйки — невозможно и требовать». — Да, таковъ законъ и приговоръ каждаго образованнаго общества: онъ одинаково караетъ

и закоренѣлаго злодѣя и невинную жертву страстей! Нужно удалиться изъ этого общества, найти себѣ новую родину, порвать всѣ прежнія связи, чтобы имѣть возможность возстановить свое нравственное достоинство и избавиться отъ горькихъ послѣдствій прежнихъ ошибокъ!...

Прежде, чѣмъ приступимъ къ очерку колонизаціи Сибири, представимъ хотя вкратцѣ историческій очеркъ колонизаціи отдаленныхъ провинцій преступниками въ западной Европѣ.

Изгнаніе изъ отечества предшествовало ссылке; оно придумано гордымъ Римомъ, въ періодъ его могущества и величія; гражданинъ, оказавшійся недостойнымъ носить съ честью это званіе, хотя нѣкъмъ не могъ быть исключенъ изъ списка гражданъ, но лишался, по приговору общества, необходимыхъ потребностей жизни, т. е. *употребленія огня и воды*. Дипломатическая эта выдумка заставляла гражданина отыскивать себѣ другое отечество и переселяться туда на жительство со всѣмъ своимъ семействомъ.

Этотъ родъ наказанія былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ, какія только встрѣчаются въ тѣ времена, потому что преступникъ самъ избиралъ себѣ мѣсто изгнанія не подвергаясь никакимъ оскорбленіямъ и тѣлеснымъ наказаніямъ. Цицеронъ говоритъ:

«Тѣло гражданина неприкосновенно, свобода ненарушима; слѣдовательно заключать его въ оковы — самое гнусное дѣло; наказывать на тѣлѣ преступленіе и убивать — измѣна.» Таково было понятіе о наказаніи у римлянъ. вмѣстѣ съ римскими законами, изгнаніе перешло и въ Германію, но здѣсь оно утратило уже первобытный свой характеръ, и у нѣмцевъ изгнаніе всегда сопровождалось всевозможными тѣлесными и унижающими достоинство человѣка истязаніями.

Впослѣдствіи, когда тюремныя заведенія и смертная казнь стали входить въ употребленіе, изгнаніе замѣнено было ссылкой или переселеніемъ преступника въ отдаленныя мѣста, такъ что въ настоящее время, за исключеніемъ одной Франціи, изгнаніе ни въ какомъ государствѣ уже не употребляется.

Ссылка существовала еще при Августѣ, но болѣе всего сдѣлалась употребительною въ концѣ прошедшаго и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ настоящее время ссылка преимущественно существуетъ въ Англіи, Франціи и у насъ, — именно въ тѣхъ государствахъ, которыя обладаютъ отдаленными и ненаселенными провинціями. — Мѣста ссылки въ Россіи — Сибирь и Закавказскій край; въ Англіи — Новая Голландія или Ботанибей; Франція для ссылки выбираетъ свои про-

винціи за предѣлами материка, гдѣ преступникъ остается на всю жизньъ.

КОЛОНИЗАЦІЯ ВЪ НОВѢЙШІЯ ВРЕМЕНА.

Первая колонизація европейскихъ преступниковъ начинается въ Америкѣ, съ третьяго путешествія Колумба, который не находя добровольныхъ охотниковъ для своей экспедиціи, выпросилъ у испанскаго короля позволеніе взять съ собою всѣхъ преступниковъ, наполнявшихъ въ то время тюремныя заведенія Севиллы, съ цѣлю поселить ихъ въ новой части свѣта. Съ тѣхъ поръ, золотые прииски въ Перу и другія за-атлантическія провинціи Испаніи стали принимать на свою почву разныхъ классовъ людей, осуждавшихся за уголовныя преступленія и за долги; — одни только еретики не подвергались ссылкѣ и доканчивали въ Испанскихъ темницахъ послѣдніе дни своей жизни.

Со времени водворенія Англіи въ Сѣверной Америкѣ, правительство тотчасъ постигло всѣ выгоды переселенія — какъ преступниковъ, такъ и добровольныхъ людей изъ своихъ подданныхъ — въ Америку. Такъ при Елисаветѣ данъ былъ первый приказъ ссылатъ преступниковъ, осужденныхъ за уголовныя преступленія, въ Америку. Во время же политическихъ переворотовъ и религіозныхъ преслѣдованій при Карлѣ I, эмиграціи изъ Англіи въ Америку стали усиливаться до такой степени, что британскій кабинетъ нашелся вынужденнымъ принять строгія мѣры къ ограниченію стремленія европейцевъ въ за-атлантическія страны. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее: въ Коннектикути основана была лордами Сэ и Брукомъ небольшая пуританская колонія, куда условились собраться всѣ сектаторы. Уже большой вооруженный корабль стоялъ на Темзѣ съ множествомъ эмигрантовъ, готовыхъ отплыть въ море, какъ вдругъ дано было приказаніе, чтобы всѣ владѣтели кораблей, отправлявшихся въ Америку, принимали на свои суда только пассажировъ, которые предъявляютъ паспорта отъ членовъ королевскаго совѣта, назначеннаго для организаціи колоній въ Америкѣ. Въ числѣ пассажировъ этого корабля былъ и *Кромвелль*, который послѣ этого долженъ былъ сойти вмѣстѣ съ другими на берегъ и остаться въ Англіи. Такое поразительное стеченіе обстоятельствъ, воспрепятствовавшее Кромвеллю отправиться въ Америку, послужило потомъ еще къ большому развитію колонизаціи въ Сѣверной Америкѣ, ибо послѣ побѣды, одержанной надъ шотландцами, въ то время, когда Карлъ I находился въ заключеніи, — по приказанію Кромвелля, всѣ почти военнопленные, взд-

тые при сдачѣ Глостера, угнаны были, какъ стадо барановъ, на рынокъ, гдѣ спекуляторы за ничтожную плату брали и отвозили несчастныхъ въ Сѣверную Америку. Немного позже такая же участь постигла и ирландцевъ. — Но эта торговля бѣлыми не принесла никакой пользы для Англіи, потому что люди ссылались безъ разбору, безъ всякой системы и оставались на совершенный произволъ судьбы въ новой части свѣта.

Наконецъ, въ 1718 году, былъ изданъ билль, которымъ предписано ссылатъ въ Сѣверную Америку тѣхъ только преступниковъ, которые по приговору суда должны были подвергнуться трехлѣтнему тюремному заключенію. Но цѣль и этого закона была скорѣе та, чтобы очистить Англію отъ размножившихся злодѣевъ и политическихъ возмутителей, чѣмъ та, чтобы способствовать правильному устройству колоній въ Новой-Англіи. Эта оплошность англійскаго правительства стоила ему дорого и возбудила истинное негодованіе въ гражданахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Такъ, знаменитый Франклинъ, въ порывѣ благороднаго негодованія, писалъ британскому кабинету: «En vidant vos prisons dans nos villes, en faisant de nos terres l'ègoût des vices, dont les vieilles sociétés de l'Europe ne peuvent se garantir, vous nous avez fait un outrage, dont les moeurs agrestes et pures des colons auraient du les garantir.... Eh! que diriez-vous, si nous vous envoyons des serpens à sonnettes?» (*).

Такимъ образомъ Сѣверной Америкѣ первой суждено было приютить подъ своимъ кровомъ всю нечистоту народонаселенія устарѣлой Англіи; большая часть отъявленныхъ злодѣевъ, спасавшихся отъ висѣльницы, должники, преслѣдуемые кредиторами, разгульная молодежь, отвергнутая родителями, — все это несло въ Новыи Свѣты! Но ничто такъ не способствовало эмиграціямъ и основанію въ Америкѣ цвѣтущихъ колоній, какъ религіозныя преслѣдованія: пуритане, квакеры и другія секты положили въ Новой Англіи начало первымъ благоустроеннымъ колоніямъ. Фактъ этотъ повторяется почти во всѣхъ странахъ, гдѣ только существовали расколы и религіозныя преслѣдованія; у насъ въ Сибири самые отличные хозяева, испытанной трезвости, честности и трудолюбія, — преимущественно изъ старообрядцевъ и вообще сектаторовъ.

Переселеніе преступниковъ въ Америку продолжалось почти 56 лѣтъ, то есть до 1776 года, — времени сѣверо-американской войны за независимость.

Впоследствии, когда въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ провозглашена была республика и колоніи англійскія отложились отъ ме-

(*) *Histoire de Colonies Pénales de l'Angleterre, par Blosseville.*

трополи, британское правительство назначаетъ мѣстомъ для колонизаціи своихъ преступниковъ—Новую Голландію. Въ то время весь ученый міръ занятъ былъ открытіемъ новой земли капитаномъ Кукомъ, и множество ученыхъ сочиненій посвящалось изслѣдованіямъ пятой части свѣта, этого обширнаго и баснословнаго края. Англія обрадовалась такому открытію и въ 1786 году послѣдила отправить въ Новую Голландію корабль съ преступниками, которые и положили первое основаніе Ботанибейскимъ колоніямъ.

Мы не станемъ разбирать степень процвѣтанія англійскихъ колоній, скажемъ только, что колонизація новыхъ странъ преступниками, въ періодъ ея развитія, возбуждала много шума и толковъ между учеными, которые съ негодованіемъ возставали противъ принятой Англіею системы. Такъ, напримѣръ, Бентамъ видѣлъ въ заселеніи преступниковъ въ новыхъ странахъ не только большое неудобство, но и опасность. Но какъ только приходилось замѣнить ссылку другимъ наказаніемъ и придумать новую систему, всѣ возгласы и разсужденія ученыхъ умолкали. По крайней мѣрѣ въ настоящее время дознано опытомъ, что хотя добровольныя эмиграціи служатъ лучшимъ и болѣе прочнымъ залогомъ вновь возникающихъ колоній, но и колонизація преступниками—во-первыхъ удовлетворяетъ юридическому закону справедливости или возмездія за преступленіе, лишая преступника всѣхъ удобствъ жизни несравненно болѣе, чѣмъ лишеніе свободы, а во-вторыхъ—ссылка обезпечиваетъ государство отъ новыхъ преступленій; а если колоніи хорошо устроены, то онѣ не только не обременительны для правительства, но и приносятъ не малую пользу заселеніемъ и разработкою отдаленнаго и пустыннаго края.

Кромѣ Англии и Франціи, нѣкоторыя изъ европейскихъ государствъ тоже прибѣгали къ колонизаціи отдаленныхъ провинцій преступниками, но болѣею частию безуспѣшно. Такъ Португалія нѣкогда ссылала своихъ преступниковъ, осужденныхъ на смертную казнь, въ Индію и Мозамбикъ; кораблямъ, отправлявшимся для изслѣдованія африканскихъ и азіатскихъ береговъ, поручались преступники, которые употреблялись при новыхъ открытіяхъ для первыхъ развѣдокъ необитаемой земли. Если рекогносцировка вновь открытой земли обходилась безъ опасностей и мѣстность находили удобною для поселеній, то преступники прощались за совершенныя ими преступленія, съ тѣмъ однакожъ, что никто не могъ оставлять мѣста поселенія, подъ опасеніемъ смерти. Къ концу XVIII столѣтія, Португалія ограничивалась ссылкой государственныхъ преступниковъ въ королевство Конго; въ новѣйшее время для ссылки избираются иногда острова Зеленаго мыса, Биссао и Качео.

Голландія довольно долго разсѣивала свое народонаселеніе въ разныхъ частяхъ Азии и Африки, но, къ сожалѣнію, колоніи эти не представляютъ ничего утѣшительнаго.

Пруссія, не имѣющая ни хорошаго флота, ни за-атлантическихъ провинцій, начинаетъ вводить въ законодательство свое ссылку преступниковъ въ Вандименову землю, куда каждые два или три года, изъ Гамбурга или одного изъ голландскихъ портовъ, будетъ отправляться корабль со ссыльными.

Правительственныя лица во Франціи, по примѣру Англіи, давно уже высказывались въ пользу ссылки, но на колонизацію отдаленныхъ своихъ провинцій преступниками смотрѣли слишкомъ односторонне, находя въ ней только средство избавить отечество отъ закореѣныхъ злодѣевъ и преступниковъ. И въ то время, когда британское правительство, постигая всю важность обладанія различными пунктами на земномъ шарѣ, обезпечивало себя на будущность отдаленными провинціями, внѣ своего королевства, тогда только французскіе ученые стали проповѣдывать, что и для Франціи не мѣшало бы имѣть въ за-атлантическихъ странахъ свои провинціи, въ которыхъ бы, при постепенно-перераждающемся европейскомъ племени, можно было новому поколѣнію найти прежніе нравы, обычаи, законы, религію и языкъ предковъ. Такъ возникли французскія колоніи въ Канадѣ и Луизианѣ, гдѣ всѣ старанія англичанъ уничтожить французскую національность остались безуспѣшны.

Первые опыты ссылки во Франціи начались съ 1758 г.; но колонизація преступниковъ въ отдаленныя страны долго не имѣла никакой правильной системы. Такъ напримѣръ, во время управленія Канадою губернатора маркиза де-Лароша прислано было изъ Франціи нѣсколько преступниковъ (1758 г.), которые были поселены на песчаномъ островѣ, возлѣ Акадіи. Несравненно позже, извѣстный Law, въ періодъ обширныхъ своихъ финансовыхъ изобрѣтеній, составилъ мемуары объ этомъ политико-экономическомъ вопросѣ и берега Миссисипи, по его предложенію, приняли на свою почву нѣсколько партій французскихъ преступниковъ и проституціонныхъ женщинъ. Но опытъ этотъ, основанный на довольно шаткихъ предположеніяхъ, какъ и всѣ выдумки Лоу, принялъ во Франціи видъ какого-то постыднаго преслѣдованія и не принесъ никакихъ благотельныхъ послѣдствій. Около 1763 года новый опытъ колонизаціи сдѣланъ былъ въ Гвіанѣ; но цѣль и этого проэкта состояла болѣе въ истребленіи во Франціи нищенства, чѣмъ въ образованіи правильныхъ колоній изъ преступниковъ, которые только въ небольшомъ числѣ высылались въ эту страну; такъ что изъ 12,000 свободныхъ переселенцевъ, вышедшихъ изъ Франціи вмѣ-

ствѣ съ нищими, для заселенія Гвіаны, погибло 9,000 отъ голода и дурнаго образа администраціи лицъ, присматривавшихъ за ними.

Вообще должно сказать, что несмотря на эгоизмъ и равнодушіе, за которыя французы упрекаютъ англичанъ, послѣдніе вездѣ, гдѣ только дѣло шло о достиженіи заданной себѣ цѣли, никогда не устрашались неудачами, но съ настойчивостію, терпѣніемъ и хладнокровіемъ шли впередъ и почти всегда достигали предполагаемой цѣли. Много неудачъ и издержекъ стоили Англіи Ботанибейскія колоніи; британское правительство не страшилось этихъ неудачъ и наконецъ достигло того, что колоніи эти въ настоящее время доведены до цвѣтущаго состоянія и служатъ для Англіи важнымъ пунктомъ между Азіею и Америкою; — значитъ пожертвованія сдѣланы были не даромъ. Франція, во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ къ образованію колоній въ отдаленныхъ провинціяхъ, — то быстро увлекалась слишкомъ филантропическими идеями, и такъ же скоро къ нимъ охладѣвала, то приступала къ исполненію заданнаго себѣ плана сгоряча, необдуманно, и никогда почти не имѣла настолько твердости и терпѣнія, чтобы выждать время и дождаться отъ колонизаціи своихъ провинцій преступниками благодѣтельныхъ послѣдствій.

Послѣ множества проэктовъ и неудачныхъ опытовъ въ устройствѣ правильной колонизаціи Гвіаны, конституціонное правленіе предложило въ 1791 году учредить на берегахъ Африки, а въ особенности на Мадагаскарѣ, колоніи изъ преступниковъ; но и этотъ проекутъ остался безъ всякаго исполненія. Точно тѣмъ же кончились проекты Boulay и правительства во времена директоріи объ образованіи колоній изъ политическихъ преступниковъ и преслѣдуемыхъ иезуитовъ.

Послѣ того, въ 1802 г., изданъ былъ законъ о ссылкѣ преступниковъ, сужденныхъ за уголовныя преступленія; новый кодексъ, изданный Наполеономъ, утвердилъ этотъ законъ и въ первые восемь лѣтъ существованія кодекса было произнесено сто одиннадцать приговоровъ о ссылкѣ преступниковъ, но высылка ихъ не состоялась. Нельзя не упомянуть здѣсь о важномъ и очень гуманномъ предположеніи французскаго правительства, изданномъ въ 1814 году, — объ учрежденіи во Франціи, въ видѣ опыта, тюремнаго заведенія, въ которое предполагалось помѣщать всѣхъ преступниковъ не старше 20 лѣтъ, съ цѣлью занимать ихъ различными рукодѣльями, работами, религиозными наставленіями, чтобы потомъ, по полученіи ими свободы, образовать изъ нихъ мирныхъ и полезныхъ для общества гражданъ. Открытіе этого благотворительнаго заведенія должно было состояться 1 мая 1816 года; но къ сожалѣнію, несчастныя

событія 20 марта помѣнили привести въ исполненіе и это предположеніе.

А между тѣмъ время проходило; число злодѣевъ и преступниковъ увеличивалось; тюремныя заведенія и каторжныя работы, наполняясь годъ отъ году самыми отъявленными преступниками, превратились въ родъ спеціальной школы, гдѣ изучались всѣ тайны разврата, злодѣйства, безнравственности и порчи. Французское правительство ужаснулось этого множества преступленій и преступниковъ, большинство публики единогласно требовало принять новыя и болѣе энергическія мѣры къ предупрежденію преступленій. Много появилось сочиненій по этому случаю, и между прочимъ поручено было академіи наукъ рассмотреть обстоятельно этотъ вопросъ и составить правила о ссылкѣ преступниковъ изъ отечества. Но всѣ ученые ограничивались одними только преніями и смотрѣли на ссылку слишкомъ съ философской точки зрѣнія, совершенно уклоняясь отъ практической цѣли колонизаціи преступниковъ въ отдаленныя провинціи.

Этимъ можно и заключить нашъ краткій обзоръ неудачныхъ попытокъ Франціи къ образованію правильной колонизаціи своихъ провинцій преступниками.

Теперь перейдемъ къ болѣе подробному историческому обзору колонизаціи Сибири.

КОЛОНИЗАЦІЯ СИБИРИ.

Прежде нежели Сибирь сдѣлалась мѣстомъ постоянной ссылки, проходитъ длинный рядъ узаконеній, часто неясныхъ, неопредѣлительныхъ, сбивчивыхъ, безъ программы преступленій, за которыя предоставлено уголовному суду въ приговорахъ его назначать ссылку въ Сибирь.

Распространивъ въ 1650 году на Сибирь дѣйствіе Соборнаго Уложенія относительно суда и расправы, правительство, кажется въ первый разъ, дало понятіе о будущемъ предназначенія ссылки въ Зауральскій край, потому что рѣка Лена уже назначается (Улож. XIX. 13.) для исправительнаго переселенія посадскихъ и тяглыхъ людей, *которые закладывали себя высшимъ сословіемъ для отбывательства отъ податей и службъ.*

Указами 1669, 1680 и 1682 годовъ повелѣвается *преступниковъ, обличенныхъ въ воровство и разбой* и сознавшихъ въ распросѣ и съ пытки, ссылатъ въ Сибирь на пашню, на вѣчное житье, съ женами и дѣтьми. Надо замѣтить, что подъ словомъ воровство разумѣлись въ ту эпоху весьма многія преступленія, совершенно различныя по ро-

ду и значенію своему, и ворами, какъ видно изъ государственныхъ актовъ, именуется даже важные государственные преступники; слѣдовательно уголовный судъ, по неопредѣлительности закона, не имѣлъ почти никакихъ границъ для безпристрастнаго произнесенія приговора о ссылкѣ въ Сибирь. Въ началѣ 1684 года, объѣзжимъ головамъ и въ наказныхъ статьяхъ тѣмъ же головамъ. 1686 года, является уже это различіе преступленій, сопровождающихся ссылкой. Въ первомъ изъ нихъ повелѣвается бить кнутомъ и ссылатъ въ Сибирь и въ другіе города на вѣчное житье за *участіе въ кулачныхъ бояхъ въ Москвѣ и за пѣду на возжахъ по улицѣ*; во второмъ назначается ссылка въ сибирскіе и повизовые города на вѣчное житье *при несостоятельности заплатить положенный штрафъ за содержаніе безъ записки и поручныхъ записей пришлыхъ и гулящихъ людей.*

Въ 1691 году въ томъ же духѣ издаются два указа: одинъ о наказаніи воровъ *за три преступленія* кнутомъ, вмѣсто смертной казни, и о ссылкѣ ихъ съ заклеяніемъ въ сибирскіе города, другой—о наказаніи *кнутомъ, вояманныхъ во второй разъ въ нищенствѣ и о ссылкѣ* въ дальніе сибирскіе города.

Въ 1733 году велѣно *за дѣланіе золотыхъ и серебряныхъ вещей ниже пробѣ, поддѣлку ихъ и торговлю ими*, по тѣлесномъ наказаніи, ссылатъ въ дальніе города на-вѣчно.

Другимъ указомъ того же года велѣно *лицъ священнаго и монашескаго чина за дурное поведеніе, ссоры, драки, пьянство, соблазнъ и за сказываніе безъ причины слова и дѣла* наказывать, какъ свѣтскихъ людей, то есть, — молодыхъ по наказаніи плетью отдавать въ солдаты, а старыхъ, неспособныхъ къ службѣ, бить кнутомъ и, вырѣзывая ноздри, ссылатъ въ Сибирь въ каторжную работу; меньше же виновныхъ бить кнутомъ и, не вырѣзывая ноздрей, — ссылатъ въ Сибирь на житье.

Изъ доклада правительствующаго сената, Высочайше утвержденнаго въ 1744 году, между прочимъ видно, что именнымъ указомъ, 20 августа 1737 г., повелѣвалось тѣхъ, которые *положеннаго и не положеннаго* въ подушный окладъ чужаго человѣка, *также и крестьянина, продадутъ, или зная купятъ, или въ рекруты отдадутъ* и въ томъ будутъ изобличены, наказывать: годныхъ въ службу — плетью и посылать въ Оренбургъ въ солдаты, а негодныхъ — бить кнутомъ и ссылатъ на житье въ Охотскъ, взыскивая, кромѣ того, съ виновныхъ въ пользу владѣльцевъ, за каждаго проданнаго или отдавнаго въ рекруты человѣка, съ имѣющихъ недвижимое имѣніе, — лучшаго крестьянина или двороваго человѣка, а съ неимѣющихъ

жгѣнія недвижимаго — 100 руб. деньгами и пожилое, какъ по указу на бѣглыхъ назначено.

Дѣйствіемъ указовъ 1753 и 1754 годовъ, по которымъ, замѣнена смертная казнь политическою, ссылка въ Сибирь преступниковъ увеличивается въ числѣ и становится постоянною.

Указомъ 1763 года, о порядкѣ производства уголовныхъ дѣлъ по воровству, разбою и пристанодержательству, повелѣвалось (пунк. 3), когда на оговореннаго въ вышеозначенныхъ преступленіяхъ, въ большомъ повальномъ обыскѣ будутъ падать явныя подозрѣнія и къ тому онъ окажется человѣкомъ дурной нравственности, то такового обвиняемаго пытатъ, для дознанія истины, и если онъ въ пыткѣ не сознается, отдать на поруки; когда же никто не возьметъ, ссылать въ Сибирь на житье, какъ уже неодобреннаго по обыску и опоздѣннаго.

Въ 1766 году опредѣлено изъ преступниковъ, *изобличенныхъ въ корчемствѣ* отсылать одну половину въ Оренбургъ, а другую въ Сибирь, на поселеніе.

Именнымъ указомъ 1797 года, объявленнымъ генералъ-прокуроромъ, о распредѣленіи уголовныхъ и другихъ преступниковъ, по важности ихъ, въ каторжную работу, на поселеніе и въ крѣпостную работу постановлено: 1) *уголовныхъ преступниковъ, смертоубійцъ, произносителей дерзкихъ словъ противъ Императорскаго Величества, возмутителей народа и пристанодержателей*—по наказаніи отсылать въ Нерчинскія работы; 2) преступниковъ другихъ родовъ, приговариваемыхъ на поселеніе, отправлять въ Иркутскъ, на тамошнюю суконную фабрику; 3) осужденныхъ къ тѣлесному наказанію и безъ онаго за долги и другія преступленія, навсегда или временно въ смирительныя дома и другія казенныя работы,—отправлять къ крѣпостнымъ строеніямъ, куда кто способенъ.

Впрочемъ ссылка на иркутскую тельминскую фабрику указани 1798 года (іюня 26 и октября 31) была отмѣнена; но какъ этими же указами велѣно назначавшихся на фабрику преступниковъ, второй степени, отсылать на екатеринбургскіе золотые промыслы и обращать на поселеніе вообще въ Сибирь, то опять смѣшано понятіе о двухъ видахъ ссылки, — и за одно извѣстное преступленіе опредѣлялась въ тоже время и ссылка въ каторжную работу и ссылка на поселеніе.

Ссылка на екатеринбургскіе рудокопныя золотые промыслы есть, безспорно, въ высшей степени каторжная работа, такъ же, какъ и работа нерчинская, которая указомъ 1797 года отнесена къ преступникамъ первой степени; а ссылка на поселеніе въ Сибирь, куда

велѣно обращать того же рода преступниковъ, — совершенно другой видъ наказанія.

Далѣе, указомъ 1799 года, между прочимъ, опредѣлено: преступниковъ, сдѣлавшихъ воровство—кражу отъ 20 руб. и выше, наказывать плетми и, возвращая ихъ въ селенія, годныхъ — отдавать въ рекруты съ зачетомъ, а негодныхъ — отсылать въ Сибирь, на поселеніе. Сбивчивость понятій о ссылкѣ въ каторжную работу и на поселеніе подала поводъ бывшему новгородскому, ярославскому и тверскому генералъ-губернатору, принцу Ольденбургскому, представить на разрѣшеніе нѣкоторые вопросы относительно ссылки. Разрѣшеніе, данное рескриптомъ на имя его свѣтлости, 5 іюня 1811 года, заключало въ себѣ раздѣленіе всѣхъ преступниковъ на три степени: 1) на *важныя*, какъ-то: смертоубійство, разбой, возмущеніе, лихоимство и тому подобныя; 2) на *среднія*, въ числѣ которыхъ поименованы: кража выше ста рублей, неоднократное воровство, пристанодержательство, бродяжество; 3) на *маловажныя*; здѣсь означены маловажныя кражи, мошенничества, непослушаніе и т. п.

За преступленія первой степени велѣно ссылать въ каторжную работу, второй — на поселеніе, третьей — не назначая ссылки, опредѣлять одно полицейское наказаніе. Но при всей справедливости этого раздѣленія, судебныя мѣста встрѣтили въ немъ неясности и нерѣдко относили одно и то же преступленіе къ различнымъ степенямъ. Однако, говоря вообще о ссылкѣ въ Сибирь, не должно забывать, что всѣ эти узаконенія объ ней издавались для руководства собственно уголовнаго суда. Кромѣ того существовала другая рода ссылка или переселеніе въ Сибирь, совершаемая непосредственно исполнительною властью.

Такъ, указомъ 1739 года августа 3-го, предписано отсылать мастеровыхъ и рабочихъ людей за пьянство и игру въ кости и карты — въ Сибирь, на коштъ фабрикантовъ, буде они посылаются по ихъ прошенію.

Указомъ 1755 года мая 11-го велѣно не добровольно возвращающихся изъ Польши и Литвы бѣглецовъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ посылать для укомплектованія полковъ, на поселеніе въ Сибирь, и, по просьбамъ помѣщиковъ и владѣльцевъ, крестьянъ ихъ зачитать имъ въ рекруты, въ будущіе наборы, а тѣхъ изъ нихъ, которые по болѣзнямъ или увѣчью неспособны для поселенія, или имѣютъ выше 50-ти лѣтъ, отсылать туда не иначе, какъ съ женами и дѣтьми, зачитая сихъ послѣднихъ за рекрутъ.

До воспослѣдованія замѣны смертной казни политическою, издавались по разнымъ случаямъ Всемилостивѣйшіе манифесты, по которымъ преступники, подлежащіе смертной казни, съ освобожденіемъ

ніемъ отъ оной, ссылались въ Сибирь на житье и поселеніе, съ семействами.

Сверхъ того, было время и особой, весьма многочисленной ссылки, о которой извѣстно только изъ сказаній современниковъ. Такъ, Манштейнъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что, въ теченіе десятилѣтія по 1740 годъ, было сослано въ Сибирь до 20,000 однихъ дворянъ и чиновниковъ.

По крайней мѣрѣ изъ всѣхъ вышеприведенныхъ узаконеній видно, что правительство обрекло Сибирь въ постоянное мѣсто ссылки за преступленія, а въ самой ссылкѣ положило основаніе двумъ главнымъ видамъ наказанія: назначенію на поселеніе и въ каторжную работу. Какъ распредѣлялись тѣ и другіе преступники въ Сибирь и какими успѣхами сопровождались правительственныя мѣры въ водвореніи ссыльнопоселенцевъ, — это составляетъ предметъ обзорѣнія двухъ отдѣльныхъ видовъ ссылки — на поселеніе и въ каторжную работу. Первый изъ нихъ мы рассмотримъ въ этой статьѣ.

О ссылкѣ на поселеніе.

Въ самомъ началѣ было сказано, что съ распространеніемъ въ 1650 году дѣйствія Соборнаго Уложенія, въ первый разъ назначается въ Сибири мѣстомъ ссылки берегъ рѣки Лены. Несмотря на неопредѣлительность такого обозначенія въ отношеніи къ пространству, какое протекаетъ Лена, нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что берега ея и берега впадающихъ въ нее рѣкъ Вилюя и Амги дѣйствительно служили въ некоторое время мѣстами ссылки, чему живыми свидѣтелями служить и нынѣ Амгинская слобода, на Амгѣ, въ 200 верстахъ отъ Якутска и Вилюйска, — и русскіе колонисты.

Свѣдѣнія о хозяйствѣ Амгинской слободы восходятъ до первой половины прошедшаго столѣтія. Время заселенія ея неизвѣстно въ точности, но то достовѣрно, что она существовала гораздо ранѣе этого времени, — тѣмъ болѣе, что во все остальное время не встрѣчается никакихъ извѣстій объ этой дальней ссылкѣ. Давность заселенія русскихъ на Амгѣ, такъ же какъ и на Вилюѣ, доказывается самою утратою русскихъ нравовъ, обычаевъ, языка у здѣшнихъ поселенцевъ. Водворенные среди якутовъ, по ту и другую сторону Лены, и не имѣя нигдѣ, кромѣ города Якутска, сношеній съ русскими, они все заняли отъ якутовъ и, вступая съ ними въ бракъ, утратили даже типъ русскаго происхожденія.

Амгинскіе поселенцы, въ числѣ превосходящемъ 400 душъ обоюго пола, до сихъ поръ еще живутъ домами, хотя разбросанными

на большомъ пространствѣ по лѣсамъ и лугамъ; но поселенцы, водворенные на рѣкѣ Вилюѣ, и того не имѣютъ: разсѣянные между якутами, они ведутъ жизнь бродячую, почти безпріютную, такъ что, несмотря на давность водворенія, теперь едва насчитываютъ ихъ до 109 душъ мужскаго пола. Тѣ и другіе весьма бѣднаго состоянія, особенно вилюйскіе колонисты, изъ которыхъ многіе питаются единственно рыбою и сосною корою. Главными причинами того служатъ безпечность и лѣность, которыя они вмѣстѣ съ нравами и образомъ жизни заимствовали отъ якутовъ. Преданіе однако же говоритъ, что амгинцы нѣкогда, при одномъ комиссарѣ, жили весьма изобильно и вывозили хлѣбъ на якутскій базаръ; теперь этого нѣтъ, но хлѣбопашество еще продолжается и не со всѣмъ оставлено даже у вилюйскихъ поселенцевъ.

Между тѣмъ, обращаясь къ первоначальному назначенію водворенія на Амгѣ и Вилюѣ, нельзя не отдать полной справедливости предусмотрительности мѣстнаго начальства въ избраніи этихъ мѣстъ. Лишеніе ссыльныхъ способовъ къ побѣгамъ, посредствомъ водворенія въ мѣстѣ, отдаленномъ отъ русскаго населенія, занятіе удобной для хлѣбопашества и вообще для сельскаго хозяйства земли, какой нѣтъ лучше въ Якутскомъ краѣ, обезпеченіе этого города въ продовольствіи, которое онъ и нынѣ получаетъ по Ленѣ изъ иркутскаго округа, слишкомъ за 2,000 верстъ, и наконецъ намѣреніе примѣрами дѣйствовать на самихъ якутовъ и распространить земледѣліе въ отдаленной странѣ, гдѣ инородцы подвергаются нѣрѣдко голоду отъ неурожа рыбы и звѣря и отъ падежа скота, — все соединилось въ этомъ выборѣ для двухъ поселеній.

Послѣ назначенія береговъ Лены для водворенія ссыльныхъ, представляется большой промежутокъ времени, въ который повидимому правительство не принимало участія въ размѣщеніи ссыльныхъ въ Сибири. Только въ имянномъ указѣ 1731 года мая 10, о назначеніи сосланнаго въ Жиганскій острогъ (Якутской области) Григорія Писарева—начальникомъ Охотска, встрѣчается повелѣніе отправлять въ Охотскъ на поселеніе, вмѣсто каторги, преступниковъ и за неплатные долги, но не старыхъ и увѣчныхъ, давая имъ казенное содержаніе и опредѣляя въ службу, въ мастерство, работы и на пашню, кто куда способенъ будетъ.

Въ этомъ смыслѣ дана была и инструкція Писареву, но въ слѣдующемъ году, при отправленіи капитана командира Беринга въ Камчатку, велѣно Писарева отослать на прежнее мѣсто, гдѣ онъ содержался, а Берингу привести въ исполненіе помянутую инструкцію, съ возложеніемъ на него полнаго устройства края.

Заѣмъ, указомъ правительствующаго сената, 1733 года 26 іюля, предписано сибирскому губернатору, чтобы изъ посланныхъ и имѣющихъ посылаться впредь въ ссылку въ Охотскъ и Камчатку, отправлять туда не болѣе того числа, какое можетъ содержать себя на своемъ пропитаніи, а остальныхъ преступниковъ разсылать въ другіе малолюдные сибирскіе города и остроги, къ Китайской границѣ, опредѣляя купцовъ въ купечество, мастеровыхъ въ цехи, крестьявъ же селить и отводить имъ удобныя для хлѣбопашества земли, давая на первый посѣвъ сѣна и лошадей, и вообще способствовать къ устройству осѣлости и хозяйственнаго быта ихъ. Въ 1737 году еще упоминается объ отправленіи въ Охотскъ несостоятельныхъ для платежа штрафа за продажу, куплю, наемъ, отдачу въ рекруты чужаго человѣка. Ссылка въ Охотскъ была немедленно начата вслѣдствіе состоявшагося о томъ перваго указа, а въ 1733 году ссыльные переводились уже изъ Охотска въ Камчатку.

Теперь остается разсмотрѣть: какую пользу принесло настоящее предпріятіе? Очевидно, что поселеніе ссыльныхъ въ Охотскъ и Камчатку, имѣло одну общую цѣль — заведеніе хлѣбопашества; сверхъ того въ первомъ недоставало мастеровыхъ и рабочихъ при портѣ.

Трудность сообщенія и чрезвычайная оттого дороговизна доставки хлѣба туда изъ иркутской губерніи, конечно, — такія обстоятельства, по которымъ стоило заняться заведеніемъ тамъ собственнаго хлѣбопашества; но мысль эта не была подвергнута предварительно опытамъ, по крайней мѣрѣ въ Охотскѣ, гдѣ природа на-отрѣзъ отказала въ хлѣбопашествѣ. Истину этого подтвердилъ самый строгій опытъ, произведенный въ недавнее время. Хлѣбъ въ Охотскѣ засѣвали по три года: онъ шелъ въ трубку, колосился, но каждый разъ погибалъ на стеблѣ, отъ раннихъ инеевъ. Слѣдовательно, въ Охотскѣ удовлетворялась только небольшая потребность въ мастеровыхъ и рабочихъ, за недостаткомъ морскихъ служителей; прочіе же ссыльные должны были служить въ обремененіе казны, на попеченіи которой оставалось продовольствіе излишняго числа противъ распредѣленія. Само собою разумѣется, что ссылка въ Охотскъ скорѣ прекращена. Въ Камчатку однако же нашлись въ южной части мѣста, на которыхъ хлѣбъ могъ родиться; поэтому въ 1738 и 1744 годахъ, кромѣ ссыльныхъ, взяты были туда съ Лены и крестьяне, въ счетъ рекрутскаго набора. Всѣ они поселены отъ Ключевской сонки вверхъ по рѣкѣ Камчаткѣ, въ нѣсколькихъ деревняхъ. Странно впрочемъ покажется, что несмотря на удобность занимаемой ими земли, хлѣбопашество у нихъ находится въ самомъ жал-

комъ положеніи (*); причину такого нерадѣнія камчатскихъ колонистовъ о хлѣбопашествѣ должно искать въ изобиліи, съ какимъ дастъ имъ природа рыбу, пушнаго звѣря и птицу.

Въ 1761 году положено было приступить къ заселенію нынѣшняго большаго тракта чрезъ Барабинскую степь до Томска: — предпріятіе весьма важное, какъ по той пользѣ, какою оно принесло краю, такъ и по самому исполненію.

Извѣстно, что до того времени Сибирь не имѣла другаго сообщенія отъ Тобольска до Иркутска, кромѣ одного воднаго пути, по рѣкамъ Иртышу, Оби и Ангарѣ, и путешественникъ не могъ достигнуть отъ перваго города до послѣдняго ранѣе полугода. Несмотря однакожь на слишкомъ полутора-вѣковое поселеніе русскихъ въ Сибири, непроходимые лѣса и необитаемыя степи долго еще разъединяли связь сухопутнаго сообщенія. Барабинская степь, на 600 верстѣ въ протяженіи, не имѣла тогда никакого осѣдлаго населенія, исключая трехъ форпостовъ, которые служили станціями для проѣзда только курьеровъ съ чрезвычайными депешами, и къ которымъ пролегла едва примѣтная тропа. Надобно было разчистить лѣса, осушить болота и топи, покрывавшія степь, устроить мосты и гати, заготовить матеріалы для постройки домовъ, запасти разные инструменты и земледѣльческія орудія и обзавести водворяющихся домашнимъ скотомъ и прочими принадлежностями хозяйства. И все это трудное и хлопотливое дѣло совершено въ короткое время заботливостью и энергіею бывшаго тогда сибирскаго губернатора Чичерина. Вся степь Барабинская заселена между 1761 и 1765 годами, преимущественно ссыльными и присланными за развратное поведеніе, въ зачетъ рекрутъ, помѣщичьими крестьянами, которые развѣ немногимъ отличались въ поведеніи отъ преступниковъ.

Къ сожалѣнію, недостатокъ фактовъ (**) мѣшаетъ возможности видѣть всѣ пружины, которыми управляла сильная рука губернатора Чичерина по устройству этого поселенія; но его строгая дисциплина и расправа, въ которыхъ онъ содержалъ вообще ссыльныхъ, и быстрое заселеніе цѣлой линіи дороги на 600 верстѣ, съ самыми ничтожными пособіями отъ правительства, — и теперь еще сохранились въ памяти

(*) Самая большая запашка въ 1844 году была въ Камчатскомъ селѣ и состояла изъ 184 пудовъ посѣяннаго ячменя, отъ котораго собрано 1193 пуда въ сѣмени; въ селеніи Верхнекамчатскомъ посѣяно было только 2 пуда 3 фунта и собрано 27 пуд. 1 фун.; во всѣхъ прочихъ деревняхъ, или вовсе нѣтъ хлѣбопашества, или засѣвается самое ничтожное количество.

(**) Тобольскій архивъ, гдѣ находилось все дѣлопроизводство сибирскаго губернатора, истребленъ неоднократно пожарами, и нѣтъ съ дѣлами, относящимися ко времени заселенія Барабинской степи.

старожиловъ, какъ рѣзкая черта въ темныхъ преданіяхъ о управленіи края. Во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что никогда въ Сибири не было предпринято поселенія въ такомъ обширномъ размѣрѣ, какъ въ Барабинской степи, и никакая еще колонизація въ Сибири изъ ссыльныхъ не получала столь прочнаго основанія и не приносила столь существенной пользы краю, какъ созданная губернаторомъ Чичеринымъ. Цвѣтушія села и деревни, которыя и нынѣ существуютъ въ самомъ лучшемъ видѣ, по дорогѣ Барабинской, составляютъ незабвенный памятникъ энергической дѣятельности сибирскаго администратора.

Сверхъ того, въ 1762 году (августа 6—го) состоялся указъ, которымъ велѣно ссыльныхъ и поступающихъ въ Сибирь съ зачетомъ въ рекруты водворять въ удобныхъ къ хлѣбопашеству мѣстахъ, по рѣкамъ Бухтармѣ и Иртышу, на пограничной линіи и внутри, противъ крѣпостей Семипалатинской, Ямышевской и Омской, съ отводомъ каждому семейству по 5 десятинъ подъ посѣвъ, и по пятидесяти десятинъ покосу. При этомъ разрѣшено выдавать поселенцамъ на счетъ казны 54 пуда сѣмяннаго хлѣба безвозвратно, и по 5 руб. каждому на лошадь, и поселеніе немедленно начать подъ наблюдениемъ способныхъ и опытныхъ управителей, имѣя въ виду, что съ распространениемъ въ тѣхъ мѣстахъ хлѣбопашества можно будетъ избѣгать дальней и дорогой доставки провіанта изъ другихъ провинцій. Далѣе, указомъ этимъ предписано, чтобы для избѣжанія обременительной и дорогой поставки провіанта въ пограничныя крѣпости заселять по Иртышу и Бухтармѣ ссыльныхъ, вдовыхъ и холостыхъ, которыхъ и употреблять для взвода по этимъ рѣкамъ судовъ съ хлѣбомъ. Однако это повелѣніе только частію приведено въ исполненіе. Бухтарма, по происшедшимъ распрямъ съ Китаемъ, оставалась еще долгое время землею независимую отъ владѣній Россіи, и служила однимъ только притономъ нашимъ бѣглымъ людямъ, посредствомъ которыхъ въ 1792 году и присоединена къ Сибири; пограничныя земли, отъ Усть-Каменогорской крѣпости внизъ по Иртышу, были уже заселены частію — или пограничными казаками, или крестьянами Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, — а другія не были удобны къ хлѣбопашеству. Кромѣ того, вся иртышская линія приводилась въ вооруженное положеніе, на случай непріязненныхъ дѣйствій со стороны китайцевъ, что также служило препятствіемъ къ водворенію ссыльныхъ въ мѣстахъ, гдѣ сосредотчивались войска. При всемъ этомъ, сообразно предположенію, принимались мѣры къ водворенію ссыльныхъ на пограничной линіи. Нѣсколько деревень, существующихъ нынѣ между Ямышевской и Омской крѣпостями, заселеніемъ своимъ принадлежать къ тому времени.

Но заботы объ устройствѣ сообщеній въ Сибири не ограничивались большимъ трактомъ чрезъ Барабу и по берегамъ рѣки Иртыша; самые отдаленнѣйшіе пути не были оставлены безъ вниманія. Такъ указомъ 1783 года 6 марта, между прочими мѣрами объ устройствѣ иркутскаго намѣстничества, велѣно, для облегченія сообщенія отъ Якутска къ Охотску, стараться заселить лежащую между ними дорогу, устройвъ на первое время отъ 5 до 10 дворовъ на каждыѣхъ 20 или 25 верстахъ; на каковой предметъ посылать въ Иркутскую губернію осужденныхъ за вины на поселеніе изъ ближайшихъ по связи съ Зауральскимъ краемъ 15-ти губерній, а изъ прочихъ—въ Тобольское намѣстничество, наблюдая, чтобы всѣ ссыльные доставляемы были къ мѣстамъ назначенія безъ удержанія. Надо замѣтить, что ни одна дорога въ Сибири не обременяетъ казну столь дорогою платою за провозъ продуктовъ для продовольствія Охотска и Камчатки, а извозчиковъ—изнуреніемъ и упадкомъ лошадей, какъ дорога, идущая отъ Якутска къ Охотску, гдѣ всѣ тяжести перевозятся единственно на вьючныхъ лошадяхъ (*). Слѣдственно мысль объ устройствѣ гужевоѣ дороги на 1,000 верстахъ, раздѣляющихъ означенные два пункта и о заселеніи ея ссыльными, имѣла превосходныя основанія; но она должна была встрѣтить величайшія неудобства въ исполненіи, потому что, на 803 верстахъ пути, отъ рѣки Амги до Алдана и отъ Алдана до Охотска, залегаютъ — на первой полосѣ обширныя кочковатыя болота и тундры, обращающіяся лѣтомъ въ непроходимыя топи, а на второй — каменистыя и утесистыя горы и горныя потоки, которые, безпрестанно измѣняя направленіе, дѣлаютъ невозможнымъ устройство перевозовъ или мостовъ. Вообще же для водворенія на сказанномъ разстояніи всегда представлялось то главное препятствіе, что тамъ нѣтъ ни сѣнокосныхъ мѣстъ, ни удобной для хлѣбопашества земли, исключая береговъ Амги и Алдана. Нѣтъ сомнѣній, что по этой собственно причинѣ предположеніе правительства о заселеніи дороги отъ Якутска къ Охотску ссыльными не осуществилось, хотя для достиженія главной цѣли, — устройства гужеваго пути, неоднократно принимались мѣры, стоившія значительныхъ издержекъ (**).

(*) Изъ Якутска въ Охотскъ ежегодно отправляется съ казенною и частною кладью отъ 10 до 12 тысячъ вьючныхъ лошадей, изъ которыхъ около 2 тысячъ всегда падаетъ. За доставку казенныхъ тяжестей по одной этой дорогѣ выдано якутамъ въ 1841 году 203 тысячи, въ 1842 году 185 тысячъ, въ 1843 году 160 тысячъ руб. ассиг., при отправленіи — въ первомъ году 27 тысячъ, во второмъ 25 тысячъ, въ третьемъ 23 тысячъ пудовъ.

(**) Въ 1883 г. пытались было снова устроить поселенія между Охотскомъ и Амгою, но эти попытки тоже не увѣчились успѣхомъ.

Съ большею заботливостію занялось правительство заселеніемъ Забайкальскаго края, который, владѣя богатою природою, еще въ 1733 году, при назначеніи ссылки въ Охотскъ и Камчатку, обратилъ на себя вниманіе своею сопредѣльностію съ Китайской границей. Положивъ намѣреніе распространить въ этомъ краѣ земледѣліе, Императоръ Павелъ I, указомъ 1799 года 17 октября, повелѣлъ: 1) поселить тамъ на первый разъ до 10 тысячъ душъ; 2) поселеніе начать съ сентября 1800 года, дабы къ тому времени успѣть заготовить все нужное. 3) Для поселенія употребить: а) отставныхъ солдатъ, какіе отъ воинскихъ командъ туда назначены будутъ, которыхъ, по населеніи, считать государственными поселянами; б) преступниковъ, которые не будутъ подлежать къ ссылкѣ въ каторжную работу, именуя ихъ сначала просто ссыльными, а потомъ чрезъ 10 лѣтъ, смотря по поведенію и прилежанію къ земледѣлію, государственными поселянами, и в) помѣщичьихъ людей съ зачетомъ въ рекруты, не старѣе 45 лѣтъ. 4) Подъ поселеніе отвести удобнѣйшія, по усмотрѣнію Иркутскаго начальства, мѣста между Байкаломъ, рѣкою Верхнею-Ангарою, Нерчинскомъ и Кяхтою, назначая на каждую душу по 30 десятинъ. 5) При отводѣ этому не касаться пространства, находящагося между городомъ Верхнеудинскомъ и Читинскимъ острогомъ, если оно занимается Харинскими бурятами, ни другихъ мѣстъ, кому либо принадлежащихъ или кочующими народами занятыхъ. 6) Селенія расположить такъ, чтобы въ одномъ мѣстѣ болѣе 100 дворовъ не было, и тѣ селенія расположить позади селеній государственныхъ крестьянъ, разумѣя отъ Китайской границы. 7) На первый разъ построить для 200 душъ въ назначенныхъ селеніяхъ дома на счетъ казны, запаста хлѣба на 1½ года, приготовить земледѣльческія и другія орудія, снабдивъ поселянъ потребнымъ скотомъ для обзаведенія и сѣменами для посѣва, а на отдаваемыхъ съ зачетомъ въ рекруты, какъ они берутся безъ разбора, взыскивать съ помѣщиковъ жалованье и провіантъ на годъ, съ обыкновенною при рекрутскомъ приѣмѣ обувью и платьемъ. 8) Когда первые 2,000 человекъ поселены будутъ, должны они въ свободное время отъ работъ заготовлять дома для слѣдующихъ на будущій годъ поселянъ, и для того первое поселеніе расположить такъ, чтобы на всякомъ, назначенномъ для селенія мѣстѣ, было бы не болѣе 20 дворовъ. 9) До совершеннаго устройства поселеній, губернское начальство обязано опредѣлить попечительныхъ, надежныхъ и знающихъ сельское хозяйство надзирателей. 10) Каждый пришедшій поселянинъ свободенъ отъ всякихъ податей 10 лѣтъ, а солдатамъ быть наравнѣ съ прочими таковыми же поселянами въ другихъ мѣстахъ. 11) Однакожь предвзлагается не въ видѣ податей, а для общей пользы того края, особ-

живо же для приходящихъ вновь, собирать съ каждой души хлѣба въ магазины по одному четверику, начиная съ перваго урожая.

Правительствующій сенатъ, возлагая исполненіе сего указа на Иркутское губернское начальство, предписалъ ему представить исчисленіе суммы потребной на водвореніе и обзаведеніе 2,000 душъ. Иркутскій военный губернаторъ Лещановъ исчислилъ на это 98,156 р. 22 коп., и предполагалъ, чтобы для построенія домовъ, которыхъ на первый случай понадобится 334, употребить самихъ поселенцевъ, съ дачею имъ плакатныхъ денегъ. Сумма была ассигнована, но согласія не изъявлено на то, чтобы поселенцы строили сами себѣ дома, чтобы не изнурять съ перваго же раза людей, еще не имѣющихъ пристанища. Сенатъ предписалъ непременно заготовить третью часть домовъ, а земледѣльческія орудія и плотничьи инструменты доставить на поселеніе съ казенныхъ заводовъ.

Между тѣмъ, по приходѣ въ 1801 году въ Иркутскъ до 1,454 поселенцевъ, назначенныхъ за Байкалъ, изъ которыхъ только нѣкоторая часть была отправлена на мѣста поселенія, цѣны на хлѣбъ такъ возвысились, что представилась опасность недостатка хлѣба для продовольствія. Это было причиною, что правительствующій сенатъ, вслѣдствіе представленія мѣстнаго начальства, указомъ 3 сентября того года, велѣлъ остановить до времени находящихся еще на пути поселенцевъ въ Красноярскомъ уѣздѣ, раздавъ ихъ въ селеніяхъ для работъ. Однако вскорѣ дошло до свѣдѣнія правительствующаго сената, что все предпріятіе о поселеніи за Байкаломъ, отъ небрежнаго исполненія предназначенныхъ мѣръ, вмѣсто ожидаемой пользы, обращается на погибель посылаемыхъ туда людей; что многіе изъ нихъ, бывъ отправлены отъ помѣщиковъ въ рубищахъ, почти полунагими и безъ достаточнаго снабженія кормовыми деньгами, бродятъ толпами по сибирской дорогѣ съ женами и дѣтьми, питаются подавнѣемъ обывателей, къ крайнему ихъ самихъ отягощенію, и что даже тѣ, которые достигаютъ мѣста своего назначенія, находятъ земли неудобныя и неплодныя, не получая нигдѣ ни малѣйшаго со стороны начальства призрѣнія.

Къ отвращенію такого зла, на основаніи докладовъ правительствующаго сената, Высочайше повелѣно было: а) принятіе на поселеніе помѣщичьихъ людей и крестьянъ остановить впредь до указа, продолжая только отправленіе туда преступниковъ; б) пришедшихъ въ Тобольскую губернію, остановивъ, употребить въ тамошнихъ селеніяхъ въ работы, пока къ водворенію ихъ въ Иркутской губерніи не будетъ все приготовлено, а между тѣмъ стараться изыскивать средства водворять людей сихъ и въ самой Тобольской губерніи; в) остановить также поселенцевъ въ губерніяхъ: Пермской, Казанской

и Вятской, буде они тамъ окажутся, раздавъ ихъ равнымъ образомъ въ селенія для работъ, и г) для удостовѣренія какъ въ образѣ пересылки слѣдующихъ на поселеніе въ Сибирь людей, такъ и въ способахъ ихъ обзаведенія, послать дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лабу.

Затѣмъ, вслѣдствіе представленія обозрѣвавшаго сибирскія губерніи сенатора Смилифантова и доклада сената, Высочайше утвержденнаго 8 февраля 1802 г., положено было, чтобы, не останавливая плана о забайкальскомъ поселеніи и пока тамъ всѣ способы къ принятію людей будутъ устроены, оставленныхъ въ Тобольской губерніи селить по тракту къ Иркутску и близи его, а находящихся въ самомъ Иркутскѣ водворить въ Нижнеудинскій округъ, за исключеніемъ отставныхъ солдатъ, которымъ предоставлено на волю селиться или за Байкаломъ или по большой Сибирской дорогѣ.

Лаба, по прибытіи своемъ въ 1802 г. въ Тобольскую и потомъ въ Иркутскую губернію, доставилъ подробныя донесенія объ образѣ пересылки и продовольствія поселенцевъ, по всей сибирской дорогѣ отъ С.-Петербурга до Иркутска, присовокупляя при томъ, что нѣкоторые изъ сихъ поселенцевъ, при отправленіи ихъ изъ губерній, снабжены были кормовыми деньгами и одеждою недостаточно; другіе ни деньгами, ни одеждою, совсѣмъ снабжены не были; многіе довольствованы губернскими начальствами изъ присланныхъ для нихъ денегъ безразсчетно; иныя, пришедшіе въ ближайшія къ Сибири губерніи безъ кормовыхъ денегъ (кои отсылались впередъ по почтѣ, большею частію въ Тобольское и Иркутское губернскія правленія), отправляемы были изъ сихъ губерній далѣе, также безъ кормовыхъ, и хотя таковыхъ денегъ доставлено было въ Иркутское губернское правленіе до 15 т. р., но изъ нихъ поселенцамъ ничего не было выдано, кромѣ малой части при проходѣ небольшого числа поселенцевъ чрезъ Иркутскъ; другіе хотя и были снабжены отъ губернскаго начальства, но получивъ все нужное въ руки, по небреженію и разстройству, кормовыя деньги промотали, не дошедши еще до половины пути; наконецъ большая часть изъ нихъ принуждена была продавать платье и терпѣла въ пищѣ и одеждѣ недостатокъ и изнуреніе, питаясь подаяніемъ обывателей или хозяевъ, къ которымъ поселенцы ставлены были на квартиры. Кромѣ того, стекаясь изъ разныхъ мѣстъ на сибирскую дорогу большимъ числомъ, поселенцы перемѣшивались между собою, такъ что не рѣдко, а особенно съ потерю документовъ, терялась и извѣстность о происхожденіи или званіи ихъ.

Главною же причиною неустройствъ, произошедшихъ въ пересылкѣ поселенцевъ, которыхъ препровождали въ нѣкоторыхъ губер-

нiяхъ штатныя команды, а большею частiю сами обыватели, было то, что нигдѣ не находилось смотрителей, обязанныхъ заботиться о содержанiи поселенцевъ, и что вездѣ деньги давались самимъ поселенцамъ въ руки.

Въ числѣ поселенцевъ были люди, имѣвшiе, въ противность положенiя, болѣе 45 лѣтъ, другiе же хотя и были опредѣленныхъ лѣтъ, но дряхлые, увѣчные и для поселенiя неспособны; съ беременными женщинами, и вообще съ большими поселцами, поступаемо было небрежно; тѣ и другiе въ самомъ жалкомъ положенiи возимы были за партiями, къ которымъ принадлежали, и оттого нѣкоторые безвременно умирали, а женщины рожали въ телегахъ.

Словомъ, Лаба нашелъ, что изнуренiя разныхъ родовъ, претерпѣваемыя поселенцами въ пути, были чрезмѣрно велики и пересылка ихъ во многихъ мѣстахъ произведена была въ такомъ безпорядкѣ, что наконецъ потерялся счетъ людямъ и деньгамъ, отпущеннымъ на продовольствiе тѣхъ, которые приняты въ зачетъ рекрутской повинности.

Равнымъ образомъ, многiе изъ прибывшихъ на поселенiе оставшихъ солдатъ, особливо въ Тобольской губернiи, объявили Лабѣ, что они присланы изъ полковъ противъ желанiя. Нѣкоторые изъ нихъ отправлены были единственно за выслугою 25 лѣтъ, а другiе за ранами, въ службѣ полученными. Почему послѣдовало Высочайшее повелѣнiе, iюля 6, чтобы таковыхъ солдатъ, освободивъ отъ дальнѣйшей пересылки, оставить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они найдены, или предоставить имъ возвратиться къ семействамъ и родственникамъ, распространяя мѣру эту и на сосланныхъ за воровство-кражу свыше 30 руб., если только, по дряхлости своей, признаны будутъ неспособными.

Отведенныя для поселенiя за Байкаломъ земли Лаба нашелъ разсѣянными на пространствѣ болѣе 4,000 верстъ и нѣкоторыя изъ нихъ вовсе къ поселенiю неудобными, и въ замѣнъ того отыскано имъ за Байкаломъ до 105,000 десятинъ самой плодосной въ томъ краѣ земли. Имъ не найдено также ни нужнаго количества хлѣба для водворенiя первыхъ 2,000 душъ, ни назначеннаго числа домовъ для помѣщенiя ихъ, исключая только 35, построенныхъ и купленныхъ, въ которыхъ и водворено семьями 236 человекъ, мужскаго и женскаго пола поселенцевъ. Вообще же приведено въ извѣстность Лабою поселенцевъ въ Иркутской, Томской и Тобольской губернiяхъ 10,430 душъ.

Въ Нижнеудинскомъ округѣ водворенiе производилось съ худшимъ успѣхомъ, и приготовленiя къ тому были ничтожны.

При этомъ Лаба представлялъ, что принимая въ соображеніе количество найденныхъ имъ удобныхъ земель за Байкаломъ и въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, было бы полезно и ближе къ успѣху, — тѣхъ поселенцевъ, которые въ мѣстахъ на этой сторонѣ Байкала женились и вошли въ семейство старожиловъ, или сами купили себѣ дома и обзавелись хозяйствомъ, или найдя родственниковъ, просить быть водворенными вмѣстѣ съ ними — поселить въ тѣхъ мѣстахъ, по ихъ желанію. Затѣмъ 1,000 душъ мужескаго пола изъ отставныхъ солдатъ, которые пожелаютъ, и изъ преступниковъ надежнѣйшаго поведенія и способныхъ къ водворенію, поселить въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ производится Высочайше назначенное тамъ заселеніе, съ цѣлю умноженія селъ по большой иркутской дорогѣ.

Въ такомъ же смыслѣ г. Лаба изъяснилъ свои предположенія относительно поселенцевъ, оставшихся въ Тобольской губерніи: т. е. женившихся, обзаведшихся собственнымъ хозяйствомъ и т. п. — оставить на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они находятся, а всѣхъ прочихъ водворить въ уѣздахъ Омскомъ, Ишимскомъ и Тарскомъ, вблизи большой иркутской дороги, гдѣ есть много пустопорожныхъ, удобныхъ къ поселенію мѣстъ.

Наконецъ вообще для поселенія въ Сибири начертаны были особенныя правила: а) водвореніе производить преимущественно въ Томской и Иркутской губерніяхъ, подъ главнымъ наблюденіемъ сибирскаго генералъ-губернатора, непосредственно чрезъ тамошнихъ гражданскихъ губернаторовъ, съ помощію смотрителей; б) губернаторамъ предоставляется *полная свобода дѣйствій* для успѣха водвореній, съ личною отвѣтственностію за всякіе безпорядки и упущенія; въ обязанность имъ поставляется: наблюденіе за немедленнымъ отправленіемъ присылаемыхъ на мѣсто назначенія; призоріе поселенцевъ въ пути и на самомъ мѣстѣ; предупрежденіе недостатка въ пропитаніи; благовременное заготовленіе нужныхъ для поселянна сельскихъ инструментовъ, орудій и домашняго скота, а именно: на каждую семью по одной лошади, по одной коровѣ, по три овцы и по три свиньи; в) наблюденіе за заготовленіемъ лѣса, постройкою домовъ и другими работами, производимыми самими поселенцами; г) водворить въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ 1769 душъ, оставленныхъ тамъ для водворенія по Высочайшему повелѣнію и умножить это поселеніе новыми 1,000 душъ, по большой дорогѣ; д) на поселеніе за Байкаломъ обратить людей согласно утвержденному положенію, исключая обзаведшихся и водворившихся въ другихъ мѣстахъ поселенцевъ и не стѣсняя солдатъ въ свободѣ выбора

мѣсть; е) ремесленниковъ стараться водворить въ городахъ Иркутской губерніи, опредѣляя нужную на водвореніе ихъ ссуду по распоряженію губернатора; ж) также поселенцевъ, или преступниковъ, которые по разсмотрѣнію губернатора окажутся неспособными къ сельскимъ упражненіямъ, а особенно евреевъ и цыганъ, причислять въ городахъ въ мѣщанство и поручать полиціи имѣть за поведеніемъ ихъ особенное наблюденіе; з) посланныхъ не за преступленіе, согласно желанію ихъ, можно опредѣлить въ военную службу; и лицъ изъ однихъ мѣсть, и одну вѣру исповѣдывающихъ, стараться поселять вмѣстѣ; і) наблюдать правила относительно приѣма поселенцевъ на границѣ каждой губерніи, препровожденія на мѣста, водворенія и проч.; к) въ Томской губерніи, кромѣ тѣхъ крестьянъ, которые нынѣ уже тамъ находятся, водворять преимущественно казенныхъ крестьянъ изъ тѣхъ внутреннихъ губерній, откуда, по недостатку, пожелаютъ они переселиться; л) при губернаторахъ Томскомъ и Иркутскомъ назначается особый штатъ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей собственно по предмету поселеній, а въ Тобольской губерніи, по неимѣнію необходимости и по неприведенію земель въ извѣстность, ограничиться поселеніемъ тѣхъ только, которые остались изъ слѣдовавшихъ за Байкалъ; м) поселенцевъ, добровольно приходящихъ, не водворять вмѣстѣ съ преступниками или съ присланными въ зачетъ рекрутъ; н) преступники, или другія лица, къ поселенію назначенныя, и въ число опредѣленныхъ для забайкальскаго поселенія не вошедшія, должны воспользоваться при поселеніи ихъ въ Иркутскую, Томскую или Тобольскую губерніи слѣдующими выгодами: 1) они получаютъ отъ казны хлѣбъ, или кормовыя деньги до первой по поселеніи ихъ жатвы или до того времени, пока ремесломъ или работою на мѣстѣ поселенія могутъ имѣть способъ пропитанія; 2) по достиженіи до мѣста назначенія, всѣ деньги, какія употреблены будутъ на прокормленіе или обзаведеніе переселенцевъ, должны обратиться на ихъ счетъ и почитаться казеннымъ на нихъ долгомъ, который они обязаны выплатить въ свое время; 3) переселенцы должны получить льготы отъ платежа податей и другихъ повинностей, исключая рекрутской, находящейся на особомъ положеніи, по указу 1770 года 16 іюня; по прошествіи же этого срока, они обязаны всѣ казенныя подати отправлять наравнѣ со старожилами и деньги въ ссуду выданныя, съ того же времени, т. е. по истеченіи трехъ лѣтъ, должны быть въ продолженіи 15 лѣтъ по частямъ ими выплачены; о) поселенцамъ, по собственному ихъ желанію, за мало-земеліемъ изъ внутреннихъ губерній туда приходящимъ, предоставить свободу отъ платежа податей и отъ всѣхъ повинностей на пять лѣтъ, однакоже не включая рекрутской повинности, которую они должны

отбывать безъ всякой льготы, на томъ основаніи, какъ дѣлается это переселяющимися изъ одной губерніи въ другую; а уплата ссудныхъ денегъ должна начаться по прошествіи пяти лѣтъ и окончена въ послѣдующіе за тѣмъ 15 лѣтъ.

Теперь намъ остается обозрѣть, какимъ образомъ было исполнено это дѣло, которое въ своемъ началѣ шло не только неуспѣшно и неудачно, но и противорѣчило тѣмъ благимъ намѣреніямъ, съ какими было предпринято устройство поселеній въ Забайкальскомъ краѣ.

По настоящему, говоря о дѣйствіяхъ мѣстныхъ начальствъ въ дѣлѣ водворенія ссыльно-поселенцевъ, должно бы обозрѣть поселенія какъ въ Иркутской, такъ Тобольской и Томской губерніяхъ; но недостатокъ фактовъ и самая значительность поселеній заставляютъ обзоръ этотъ ограничить только предѣлами Иркутскихъ поселеній, тѣмъ болѣе, что въ западной Сибири, послѣ устройства Барабинской дороги, не было предпринимаемо никакой значительной колонизаціи.

Устройство поселеній какъ за Байкаломъ для первыхъ 2,000 душъ, такъ и въ Нижнеудинскомъ округѣ для 1769 душъ, и водвореніе въ нихъ ссыльно-поселенцевъ совершилось быстро въ періодъ 1807 года.

Назначеніе г. Трескина — Иркутскимъ гражданскимъ губернаторомъ было весьма полезно для устройства поселеній въ Иркутской губерніи.

Трескинъ умѣлъ сдѣлать выборъ чиновниковъ, какъ для образованія при себѣ штата для производства дѣлъ по поселенческой операціи, такъ и для исправленія разныхъ должностей по тому же предмету. Затѣмъ онъ далъ подробныя наставленія, опредѣлявшія обязанности и отвѣтственность каждого лица, принадлежащаго къ составу управленія ссыльными, и строго слѣдилъ за всѣми дѣйствіями своихъ чиновниковъ. По всѣмъ, даже маловажнымъ обстоятельствамъ водворенія, Трескинымъ предписаны были правила и предупреждены многіе случаи, которые могли бы затруднять или останавливать ходъ дѣла.

Поселенцы, по прибытіи на мѣсто водворенія, были тотчасъ снабжаемы всѣмъ нужнымъ для обузаведенія и хозяйства; земли для первоначальнаго засѣва хлѣба приготовлялись самими поселенцами, или прежде водворенными, смотря по времени и надобности. Вырубкою дѣса для домовъ и постройкою ихъ поселенцы занимались во время свободное отъ полевыхъ и сельскихъ работъ.

Дома строились по чертежу, изданному въ 1722 году, и въ нихъ помѣщалось по двѣ семьи, изъ которыхъ каждая состояла сначала

изъ одного женатаго и двухъ холостыхъ. Положено было завести въ каждомъ двухъ селеніяхъ по одной кузницѣ и выстроить во всякомъ повозаводимомъ селеніи запасные магазины, въ которые и собирать хлѣбъ, съ перваго урожая, — положенное количество.

Чтобы доставить поселенцамъ болѣе средствъ къ женитьбѣ, гражданскій губернаторъ Трескинъ обращался съ просьбою къ Иркутскому архіепископу, чтобы онъ предписалъ сосланныхъ за Байкаль женщины и дѣвицы не вѣнчать ни съ кѣмъ, кромѣ поселенцевъ, что и было исполнено со стороны духовнаго начальства.

Скотъ (лошади, коровы и овцы) для забайкальскихъ поселенцевъ пріобрѣтался покупкою въ Верхнеудинскомъ округѣ, преимущественно же у Харинскихъ бурятъ, дѣлавшихъ по приглашенію начальства въ пользу поселеній значительныя безмездныя пожертвованія; кромѣ того были значительныя добровольныя приношенія скотомъ отъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Желѣзныя земледѣльческія орудія и домашніе инструменты заготовлялись въ Петровскомъ заводѣ. Для поселенія Нижнеудинскаго округа, скотъ покупался въ Енисейской губерніи, а желѣзо въ инструментахъ и орудіяхъ заготовлялось въ Колывано-Воскресенскихъ заводахъ, а также пріобрѣталось покупкою въ разныхъ мѣстахъ Томской губерніи. Выдавалось по всѣмъ селеніямъ, — на домъ: одна корова, топоръ дроворубный, долото, два бурава, большой и малый скобель, ножъ, косарь, котель желѣзный или чугунный въ 10 фунтовъ; и на семью — лошадь, двѣ овцы, двѣ свиньи, конская упряжь съ приборомъ, 10 сажень веревокъ, пара сошниковъ, топоръ плотничный, коса-литовка, два серпа, хлѣба для посѣва: ржи или ярицы по 12 пудовъ, ячменя по 6 пуд., овса по 6 пуд., сѣмени конопляннаго по 1 пуд., и на продовольствіе на 18 мѣсяцевъ каждому поселенцу: муки ржаной по 36 пуд., и соли по 1 фунту въ мѣсяць, а женщинамъ и дѣтямъ половину того и другаго.

Такимъ образомъ, въ продолженіе не болѣе трехъ лѣтъ, съ 1807 по 1809 годъ, основались и затѣмъ въ послѣдующее пятилѣтіе совершенно устроились казенныя поселенія за Байкаломъ и въ Нижнеудинскомъ округѣ. Объ успѣхѣ водворенія и развитія промышленности и хозяйства, зрителями поселеній доставлялись срочныя свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что по 1-е іюня 1817 года выстроено было въ 18 селеніяхъ Нижнеудинскаго округа, домовъ 936, часовень 8, кузницъ 19, магазиновъ 29, мельницъ 11, кожевенъ 5; въ 34-хъ поселеніяхъ Нерчинскаго округа и поселеніяхъ Верхнеудинскаго округа — домовъ 1359, часовень 19, кузницъ 36, магазиновъ 45, мельницъ 10, кожевня 1. Въ вѣдомости, представленной при донесеніи отъ 10-го сентября 1812 года Тре-

скинымъ сибирскому генералъ-губернатору въ числѣ убитыхъ и падчанаго скота у водворенныхъ въ Байкаломъ поселенцевъ, считался по 1-е июня 1812 года, что всего скота дано было оныхъ казны 8,597 головъ, убыло разными случаями 2,064, затвердѣвъ приплодомъ на лицо 14,242 головы. Въ Нижнеудинскихъ и 46 поселеніяхъ по то же время считалось на лицо равнаго скота 7,663 головы; значительную разности въ распространѣніи оного выдѣла на обоихъ поселеніяхъ, Нижнеудинскому и Нарчинскому, а изъ обстоятельствъ къ качеству пастбищъ, изобильныхъ и превосходныхъ скота Байкаломъ. Для замѣщенія убыли въ скотѣ, предпринимавшою возмозности разныя мѣры—пріобрѣтеніемъ новыхъ, покупкою, и пожертвованіями, мѣною излишнихъ и провѣденіемъ атаклонной чести въ влои

Обращено было также особенное вниманіе на выдѣлку колонизованныхъ казѣй поселенцами; свѣдѣнія, представляемыя смотрителями поселеній по этому предмету показываютъ

Въ первую половину 1816 года выдѣлки было

Холста	Сукна	Купца	Число
44,228	2,646	8,530	1,030
6,595	4,846	9,355	695

Въ 18 поселеніяхъ Нижнеудинскаго округа 44,228 2,646 8,530 1,030 765

Въ 34 поселеніяхъ Нарчинскаго округа 6,595 4,846 9,355 695 530

Особенно превосходнымъ устройствомъ отличались поселенія Нижнеудинскаго округа, въ которыхъ господствовали чистота, хозяйство и можно сказать отсутствіе преступленій.

Изъ правительственныхъ мѣръ, предпринятыхъ въ послѣднее столѣтіе до изданія устава о ссыльныхъ, съ цѣлію устройства общеній, остается привести о поселеніи ссыльныхъ Томской губерніи въ зимовьяхъ Туруханскаго края (*).

Государственный совѣтъ въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ журналъ департамента экономіи, мѣній, Высочайше утвержденныхъ 30-го июня 1811 г., положилъ: 1) Для обнаруженія въ Туруханскомъ уездѣ (нынѣ 6 отдѣленіе Енисейскаго Округа) нежащихъ по тракту зимовьевъ, которыя обязаны перевозить почту и чиновниковъ, изданныхъ для сбора ясака и по другимъ дѣламъ, переселить туда до 300 человекъ женатыхъ людей. Изъ этого числа назначить въ 17 зимовьяхъ до Туруханска столько, чтобы въ каждомъ было по 10 человекъ, а по тракту, на западъ отъ Туруханска, на суматинское мѣсто,

(*). При раздѣленіи Сибири, по учрежденіи 1822 г. Туруханскій край отдалъ часть къ Енисейской губерніи.

называемое Тазъ, — завести въ удобныхъ мѣстахъ новыя зимовья, полагая на каждое по 5 душъ; прочихъ же людей распредѣлить по зимовьямъ отъ Туруханска по Енисею до Толстаго Носа, гдѣ собираютъ въ казну подати, удѣливъ, буде нужно, нѣкоторое число и въ дальнѣйшія зимовья, лежащія по Енисею и Ледовитому морю; 3) На поселеніе это обращать изъ Томской губерніи всѣхъ тѣхъ, которые по суду слѣдовать будутъ къ отсылкѣ въ Иркутскъ, исключая только приговоренныхъ въ каторжную работу, а также по желанію изъ слѣдующихъ изнутри Россіи на поселеніе за Байкаль, избирая впрочемъ въ обоихъ случаяхъ людей нестарыхъ и здоровыхъ; холостыхъ женить на ссыльныхъ преступницахъ и убыль людей обоего пола на пути пополнять сообразно съ тамошнимъ краемъ. 4) Поселенцамъ, слѣдующимъ въ 17 зимовьевъ до Туруханска, дать должное пособіе на покупку лошадей или собакъ, смотря по мѣстному положенію зимовья, и доставить имъ на мѣсто по коровѣ и нужныя въ домашнемъ быту вещи. 5) Исчисленныя на такую ссуду деньги до 50 руб. на семейство по означенному заселенію, а для поселенцевъ въ другихъ мѣстахъ въ 25 руб., взыскивать съ нихъ по прошествіи льготныхъ лѣтъ. 6) Кромѣ того, въ первый разъ отпустить на каждого поселенца и жену его, безъ платежа и возврата, 6 четвертей муки и пудъ соли. 7) Всѣхъ поселенцевъ освободить отъ платежа податей на 6 лѣтъ и отъ рекрутской повинности, — т. е. какъ поставляемаго въ натурѣ рекрута, такъ и складочныхъ денегъ, навсегда распространивъ эту послѣднюю выгоду и на всѣхъ 240 старожиловъ, въ зимовьяхъ по Енисею и по тракту на Тазъ, и простивъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ недоимки, накопившіяся по 1811 годъ, равно какъ и долгъ за хлѣбъ, слѣдующій въ Туруханскіе запасные магазины. 8) Какъ старожиловъ этихъ, такъ и переселенныхъ къ нимъ, — считать впредь въ окладѣ единственно по числу наличныхъ людей, не обременяя ихъ платежемъ за умершихъ или безъ вѣсти пропавшихъ. 9) Предоставить всѣмъ поселенцамъ исключительное право производить ловлю звѣрей и рыбы въ мѣстахъ ихъ водворенія, и пріѣзжающимъ изъ Енисейска промышленникамъ воспретить это. 10) Поселенные въ 17 зимовьяхъ, какъ и старожилы, относительно своего хозяйства, исправленія почтовой гоньбы и сбора податей отдаются подъ надзоръ особаго смотрителя, а въ прочихъ мѣстахъ — въ распоряженіе земскаго исправника. Нужныя на операцію эту 22,000 руб. предполагается употребить изъ суммы назначенной въ томъ году вообще на поселеніе казенныхъ крестьянъ.

Согласно этому начертанію, поселенцы были водворены только по Енисею, для содержанія сообщенія отъ города Енисейска до Туруханска. Нѣсколько селеній, расположенныхъ въ 25 или 30 верстахъ

одно отъ другаго и имѣвшихъ отъ 7 до 10 дворовъ, составили эту небольшую колонію, которая послужила важнымъ облегченіемъ для проѣзда въ Туруханскъ, но въ этомъ только и состояла польза отъ всего предпріятія. Отъ Енисейска къ сѣверу, на 350 или 400 верстъ, хлѣбъ уже не можетъ родиться, и потому всѣ деревни, находящіяся далѣе къ Туруханску, снабжаются привознымъ хлѣбомъ и имѣютъ скудное хозяйство, обезпечивая свое существованіе единственно рыбною и звѣриною ловлею. По этой причинѣ, и чтобы продовольствіе поселеній въ отдаленныхъ мѣстахъ крайне не затруднило, предположеніе о водвореніи ссыльныхъ ниже Туруханска по Енисею и на Тазъ не имѣло дальнѣйшаго успѣха.

Таковы были главныя правительственныя мѣры въ распредѣленіи и водвореніи собственно ссыльно-поселенцевъ отъ начала ссылки въ Сибирь до изданія въ 1822 году особаго о нихъ устава. Пробѣлы, остающіеся между ними отъ времени до времени, какъ само собою разумѣется, не составляютъ періодовъ, въ которые ссылка въ Сибирь прекращалась. Легко можно представить, что правительство, принимая участіе въ значительныхъ предпріятіяхъ, гдѣ требовались казенныя суммы или особыя мѣроположенія, все остальное предоставляло мѣстному начальству, которое съ своей стороны или обращало ссыльныхъ на предназначенныя поселенія, или размѣщало ихъ въ Сибири, по деревнямъ старожиловъ, или же употребляло ихъ, посредствомъ частныхъ распоряженій, на содержаніе сообщеній, водворяя преимущественно по берегамъ рѣкъ, гдѣ недоставало осѣлаго населенія. Поэтому численіе русской населенности изъ ссыльныхъ показываетъ, что въ 1669 году было водворено 3,000 человекъ по рѣкѣ Енисею и 4,000 человекъ по Ангарѣ, Ленѣ и за Байкаломъ, а къ 1709 году ссыльные встрѣчаются даже на берегахъ Колыма. Чтобы, кромѣ того, предпріяты были поселенія въ размѣрѣ болѣе обширномъ, на это нѣтъ въ виду ни официальныхъ распоряженій, ни другихъ указаній на мѣстахъ самой ссылки.

Наконецъ, въ какомъ размѣрѣ правительство допускало образъ дѣйствій ссыльно-поселенцевъ въ общественной жизни въ періодъ описываемой ссылки, въ какой степени и съ какими условіями дозволяло, или нѣтъ, имъ возвращаться въ гражданство и какою властію облечено было мѣстное начальство въ управленіи преступниками, по этому издавались, сообразно съ мѣстными уваженіями, постановленія, которыя не представляя ничего цѣлаго, исходили болѣе въ видѣ частныхъ разрѣшеній.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ представить здѣсь числовыхъ данныхъ о движеніи колонизаціи въ Сибири, со времени назначенія ея мѣстомъ ссылки до 1822 года, потому что достовѣрныя свидѣнія

числѣ осѣдлыхъ, доступавшихъ въ Сибирь, имѣются только съ 1822 года, т. е. съ времени преобразования Сибири графомъ Спендерскимъ, некогда бывшимъ генералъ-губернаторомъ восточной Сибири.

По свѣдѣніямъ статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, въ 1856 году въ Сибирь числилось жителей 3,312,067 душъ на пространствѣ 228,519 квадр. геогр. миль (*). Нельзя не замѣтить, что заселеніе столь огромнаго края производится чрезвычайно медленно; въ Сибирь есть еще множество пустынныхъ мѣстъ, въ которыя, кромѣ дикаго звѣря, дога человѣческая не проникла, и пустыни эти долго еще останутся безжизненными. До сихъ поръ народонаселеніе въ Сибирь гущится преимущественно по большимъ почтовымъ трактамъ и рѣкамъ; въ сторонѣ отъ этихъ путей сообщенія, если и есть небольшая горсть народонаселенія, то самая ничтожная, и то болѣе состоитъ изъ коневыхъ швордцевъ, чѣмъ изъ осѣдлыхъ русскихъ.

Цѣль распределенія русскаго народонаселенія въ Сибирь, какъ мы видѣли выше, главнымъ образомъ состояла въ установленіи постоянныхъ путей сообщенія между отдаленными пунктами Сибири.

Въ географіяхъ уже давно упоминается о важномъ сообщеніи Петербурга съ Охотскимъ моремъ; но путь этотъ чисто морской, потому что, за исключеніемъ трехъ или четырехъ большихъ рѣкъ въ Сибирь, остальные всѣ почти несудоходны. При томъ наибольшее число болѣе или менѣе судоходныхъ рѣкъ течетъ въ Деловитре море, по странамъ дѣсистымъ и безлюднымъ, и потому не могутъ удовлетворять тому важному условію, которое требуется отъ воляныхъ двигателей внутри края. Вотъ почему, возникающія на сибирскихъ рѣкахъ колоніи, раздѣляясь одна отъ другой большими протѣженіями непроходимыхъ дѣсовъ и горъ, не могли увеличиваться и ограничивались заселеніемъ только того небольшого клонка земли,

(*) А именно:

Тобольской	61,473
Томской	681,477
Енисейской	274,500
Иркутской и Кяхтинск. провинц.	348,187
Якутской	214,208
Земляно-Якутской	356,888
Семипалатинской	189,897
Сибирскихъ киргизовъ	245,466
Камчатской (31 октября 1856 упразднена)	7,334
Всего	3,312,067

гдѣ поселяло ихъ правительство. Недостатокъ удобныхъ и быстрыхъ сообщеній въ Сибири былъ, можетъ быть, одной изъ главныхъ причинъ медленнаго заселенія этого обширнаго края. Въ Америкѣ духъ предприимчивости, промышленныхъ и торговыхъ спекуляцій, имѣлъ послѣдствіемъ, что цвѣтущія колоніи, города, мануфактуры, фабрики, возникаютъ тамъ съ неизмѣрною быстротою:—всему этому осталась чужда Сибирь! Рѣка Амуръ, текущая въ Восточный океанъ, — единственная изъ рѣкъ восточной Сибири, которая судоходна на всемъ своемъ протяженіи и обѣщаетъ великую будущность для этого богатаго края. Но все это для будущаго... а въ настоящемъ слѣдано еще очень немного...

Изъ сухопутныхъ сообщеній, по которымъ группируется большая часть народонаселенія Сибири, можно назвать только «Большой московскій почтовый трактъ» и вѣтви его отъ главныхъ губернскихъ городовъ на югъ и сѣверъ. Есть еще проселочные тракты, заселенные какъ сибиряками—старожилами, такъ и поселенцами; но тракты эти, какъ удаленные отъ городовъ и московской почтовой дороги, служатъ только для сообщеній между бѣдными деревнями и селами, лежащими по этимъ путямъ, и потому не имѣютъ никакой особой важности для края вообще. Вновь проложенный путь (въ 1852 г.) отъ Якутска до Аянскаго порта, на который издержано болѣе 20,000 р. с. и переселено 211 душъ, ничѣмъ не отличается пока отъ стариннаго болотистаго пути къ Охотску, и, несмотря на всѣ старанія правительства, представляетъ огромныя препятствія къ развитію здѣсь народонаселенія. Мѣстность по этому тракту лѣсистая и болотистая, климатъ суровый и переселенные здѣсь люди—жалкіе.

Кромѣ сухопутнаго Аянскаго тракта, въ *Приморской Области* идутъ еще двѣ вѣтви сообщеній: въ Камчатку, кругомъ моря, и въ Колымскъ. Сообщение съ Колымскомъ, на сѣверъ къ Ледовитому морю, производится верхомъ на лошадяхъ и оленяхъ; трактъ этотъ, если горныя тропинки можно назвать трактомъ, заселенъ самою ничтожною горстью русскихъ и представляетъ дикую пустыню лѣсовъ, въ чащу которыхъ проникаетъ одинъ только бродячій инородецъ: колонизація этого края русскими не могла привиться. Нагорный путь изъ Якутска въ Камчатку возможенъ для прохода только въ зимнее время и сопряженъ со множествомъ лишеній и бѣдствій: путешествіе совершается на собакахъ, станціи находятся на разстояніи 200 и 300 верстъ,—колоній русскихъ не существуетъ.

Казалось бы, для заселенія столь огромнаго края, какъ Сибирь, много должны были способствовать ссыльные поселенцы, которыми наполняется Сибирь вотъ уже 200 лѣтъ, и которыхъ ежегодно присылается сюда по нѣскольку тысячъ. Но, къ сожалѣнію, должно ска-

зять, что въ настоящее время, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ развились въ Сибири золотые прииски, колонизація ссыльными не достигаетъ дѣйствительной своей цѣли: ссыльные увеличиваются только числомъ, но вліяніе ихъ на заселеніе края и развитіе въ немъ предприимчиваго духа—самое ничтожное. Тѣ только изъ ссыльно-поселенцевъ, которые по прибытіи на мѣсто ссылки успѣли обзавестись домами и сдѣлались осѣдлыми, принесли пользу для Сибири; остальные затѣмъ, кромѣ полезности своей, какъ рабочихъ на золотыхъ приискахъ, не представляютъ ничего утѣшительнаго для края. Такъ, на примѣръ, въ 1828 г., при генераль-губернаторѣ восточной Сибири, въ видѣ опыта, положено было устроить поселенія изъ ссыльныхъ; такихъ поселеній, иждивеніемъ правительства, устроено въ Енисейской губерніи 22, съ 1,487 домами, для водворенія 5,955 поселенцевъ, а въ Иркутской 5 поселеній. Постройки начались въ 1829 г. и наша колонизація этихъ мѣстъ началась тотчасъ же, но послѣднія постройки кончились только черезъ 10 лѣтъ. Къ тому времени народонаселеніе въ этихъ колоніяхъ умножилось до 59,523 душъ мужскаго и 3,835 женскаго пола (*). Селенія здѣсь были построены по плану въ одну широкую улицу съ большою площадью по срединѣ. Дома выстроены большіе, просторные, и вовсе несогвѣтственные суровому климату; въ фасадѣ имѣютъ четыре окна, въ срединѣ крыльцо съ стѣнами, раздѣляющими домъ на двѣ половины, для двухъ семействъ. Окна въ домахъ высокія съ стеклами. Для построекъ употреблены были тѣже ссыльно-поселенцы, которыхъ предназначалось здѣсь водворить. На четырехъ человекъ для перваго обзаведенія выдано было: 3 лошади, 2 коровы, 3 овцы, 3 пары сошниковъ, 3 топора, 3 серпа, 3 косы и ссудныя деньги на содержаніе дома. Платье, колеса, телеги и другіе хозяйственные предметы—поселенцы должны были пріобрѣтать собственными трудами. На каждый домъ полагаютъ по 4 человекъ или 2 семейства.

Но несмотря на эти удобства,—желаніе ли имѣть собственные дома и отдѣльное хозяйство, небрежная ли постройка казенныхъ домовъ, или, что всего вѣроятнѣе, богатые заработки на развивавшихся тогда золотыхъ приискахъ, произвели то, что нѣкоторые поселенцы выстроили себѣ собственные дома и въ нихъ переселились, находя казенные дома холодными; другіе, безсемейные поселенцы, пустились на приисковые заработки и, оставивъ домъ и хозяйство на произволъ судьбы, болѣе не возвращались. Такимъ образомъ въ 1855 г., когда намъ случилось проѣзжать по этимъ поселеніямъ, взору представлялись ветхіе, полуразрушившіеся дома, съ заколоченными до полови-

(*) Обзоръ сіе Сибири—Гагемейстера.

ны окнами (потому что величина ихъ не соотвѣтствовала сибирскимъ морозамъ), почернѣвшіе отъ времени; большая часть изъ нихъ необитаемы и служатъ убѣжищемъ въ зимнее время для скота. Эти большія колоніи только и поддерживаются тѣми изъ поселенцевъ, которые на первыхъ порахъ своего водворенія женились, завелись собственнымъ хозяйствомъ и сдѣлались осѣдлыми; другіе же—или бродяжничаютъ по приискамъ, или, если и живутъ въ поселеніяхъ, то въ самомъ бѣдномъ и жалкомъ состояніи. Причина всему этому можетъ быть и бѣдность, но скорѣе праздность, непривычка къ усиленнымъ земледѣльческимъ работамъ, непреодолимое влеченіе на золотые прииски и страсть къ вину.

Вообще должно сказать, что во всѣхъ странахъ, гдѣ только возникали колоніи изъ ссыльныхъ, дознано было на опытѣ, что только тѣ изъ колоній достигали цвѣтущаго состоянія, которыя образовались изъ добровольныхъ переселенцевъ. Въ Сибирь есть много селеній, возникшихъ изъ добровольныхъ переселенцевъ, которыя могутъ назваться образцовыми и служатъ самымъ лучшимъ залогомъ для будущаго поколѣнія этой юной страны.

Мы упомянули выше, что въ 1856 году въ Сибирь, на протяженіи 228,519 кв. миль, помѣщалось народонаселеніе въ 3,312,067 жителей. За неизмѣнимъ подъ руками данныхъ о числѣ ссыльныхъ, числившихся въ Россіи въ 1856 году, мы представимъ здѣсь общія свѣдѣнія о ссыльныхъ по 1850 годъ и таблицу движенія колонизаціи Сибири преступниками съ 1822 по 1845 годъ.

По официальнымъ даннымъ Тобольскаго и Иркутскаго приказовъ о ссыльныхъ, съ 1823 по 1850 годъ въ Сибирь поступило:

Поселенцевъ и каторжныхъ 228,221 душа обоюго пола.

Въ томъ числѣ:

Въ Восточную Сибирь	117,436 душъ (*).
— Западную	110,785 —

Итого 228,221 душа.

Въ числѣ ссыльныхъ, поступившихъ съ 1822 по 1850 годъ въ восточную Сибирь, значилось:

(*) Въ 1851 году жителей въ восточной Сибирь, какъ видно изъ отчетовъ главнаго управленія восточной Сибири, было: 824,685 муж. и 474,867 жен. пола, а всего 999,552 души.

Въ томъ числѣ:

Государственныхъ крестьянъ и инородцевъ	909,374
Ссылно-поселенцевъ, кромѣ каторжныхъ	89,978

	Мужск.	Женск.	Итого.
Поселенцевъ	78,762	12,537	91,299
Каторжныхъ	20,957	2,805	23,762
Всего	99,719	15,342	115,061
Добровольно пришедшихъ женъ и дѣтей ихъ			2,375
Итого	117,436		т. е.

Среднимъ числомъ на каждый годъ приходится: въ восточной Сибири по 4,375, въ западной по 4,103 ссыльныхъ; во всей же Сибири — по 8,478 въ годъ.

Весьма интересно было бы разобрать все образовавшееся изъ преступниковъ народонаселеніе въ Сибири по преступленіямъ, возрасту, прежнему состоянію и проч., но это составляетъ уже предметъ уголовной статистики Сибири, болѣе подробные результаты которой мы представимъ на судъ публики впоследствии. А теперь, въ заключеніе, прослѣдимъ, хотя вкратцѣ, движеніе колонизаціи Сибири преступниками съ 1822 по 1845 годъ.

Всѣ преступники, ссылаемые изъ Россіи въ Сибирь, отправляются прямо въ Тобольскъ, гдѣ существуетъ приказъ о ссыльныхъ. Въ Тобольскѣ, каждый изъ преступниковъ, смотря по винѣ и другимъ обстоятельствамъ, получаетъ свое особое назначеніе, т. е. Тобольскій приказъ о ссыльныхъ распределяетъ уже преступниковъ по всей Сибири. По свѣдѣніямъ Тобольскаго приказа, съ 1822 по 1845 годъ, въ вѣдѣніе его поступило изъ Россіи ссыльныхъ:

Г о д ы.	Число сосланныхъ за преступленія и по распоряженію правительства:		По волѣ пришедшихъ женъ и дѣтей ихъ:
	Мужскаго.	Женскаго.	
Въ 1823	6,141	655	145
— 1824	11,085	965	471
— 1825	10,313	2,195	403
— 1826	10,203	1,320	295
— 1827	10,311	1,943	337
Среднее число	9,610	1,415	330
— 1828	9,388	1,234	457
— 1829	6,763	1,291	435
— 1830	6,192	1,235	415
— 1831	6,971	1,300	500
— 1832	5,978	964	543
Среднее число	7,058	1,204	470

Въ 1833	6,026	1,036	474
— 1834	5,926	1,392	475
— 1835	6,549	1,659	631
— 1836	8,452	1,469	652
— 1837	7,615	1,351	731
Среднее число	6,913	1,381	592
— 1838	6,216	1,263	583
— 1839	7,114	1,233	711
— 1840	7,150	1,368	563
— 1841	6,907	1,992	760
— 1842	5,276	1,154	592
Среднее число	8,532	1,402	641
— 1843	7,434	1,297	847
— 1844	7,305	1,395	926
Среднее число	7,369	1,346	886

Если сравнить между собою общіе итоги съ средними числами, то получимъ за каждое пятилѣтіе слѣдующія цифры:

	Сослано за преступленія.		Добровольно пришедшихъ жень и дѣтей.	Итого.
	Мужскаго.	Женскаго.		
Съ 1823 — 1827				
Всего	48,053	7,078	1,651	55,296
Среднее число	9,610	1,415	330	
Съ 1828 — 1832				
Всего	35,292	6,024	2,340	43,666
Среднее число	7,058	1,204	470	
Съ 1833 — 1837				
Всего	34,568	6,907	2,963	44,438
Среднее число	6,913	1,381	593	
Съ 1838 — 1842				
Всего	42,663	7,010	3,209	52,882
Среднее число	8,532	1,402	641	
Съ 1843 — 1844				
Всего	14,739	2,692	1,773	19,204
Среднее число	7,369	1,346	886	
Съ 1823 — 1844				
Всего	175,315	29,717	11,946	215,486
Среднее число за 22 года	8,514	1,350	543	9,794

Такимъ образомъ, самое сильное движеніе ссыльныхъ въ Сибирь замѣчается въ два періода: съ 1823 — 1827 и съ 1838 — 1842; въ слѣдующія два пятилѣтія за первымъ періодомъ (съ 1827—1837) число ссыльныхъ хотя уменьшается, но незначительно. Причины такого неравнобѣрнаго колебанія въ движеніи ссыльныхъ въ Сибирь — весьма трудно указать съ точностью, — по недостатку статистическихъ данныхъ.

Мужчины большею частью ссылались за слѣдующія преступленія: бродяжничество, убійство, буйство и развратное поведеніе; остальная часть удалена въ Сибирь на житье—какъ по распоряженію правительства или по приговорамъ мірскихъ обществъ, такъ и вслѣдствіе просьбъ помѣщиковъ объ удаленіи крѣпостныхъ ихъ людей въ Сибирь, за дурное поведеніе. Преступленія же, за которыя ссылаются въ Сибирь женщины, большею частью бываютъ: съ 18 до 22-хъ-лѣтняго возраста—поджогъ, дѣтубійство, отравленіе и развратъ; старше 22-хъ лѣтъ попадаютъ преимущественно за дурное поведеніе, пристанодержательство, воровство, и очень рѣдко за убійство; но орудіемъ убійства никогда не бываетъ огнестрѣльное оружіе.

Наконецъ число женъ и дѣтей, сопровождающихъ мужей своихъ и отцевъ добровольно на мѣсто ссылки, прогрессивно возрастаетъ съ самаго начала до конца приведеннаго нами 22 лѣтняго періода.

Замѣчательный фактъ, что въ числѣ женъ сопровождающихъ мужей своихъ въ ссылку, весьма рѣдко попадаютъ молодыя женщины. Это показываетъ отчасти, что добровольное обреченіе себя на ссылку происходитъ въ женщинахъ нашего простаго народа не изъ состраданія къ горькой участи мужа, а болѣе отъ привычки и семейныхъ обязанностей, связывающихъ иногда между собою супруговъ. Дознано опытомъ, что за недостаткомъ женщинъ въ Сибири, для поддержанія нравственности между ссыльно-поселенцами, весьма благотѣльно оказывается переселеніе ихъ вмѣстѣ съ женами (хотя по закону подобное переселеніе не обязательно). Впрочемъ въ первое время ссылки поселенецъ всегда стремится къ осядлости, хотя бы онъ былъ и холостой, — и если не достигаетъ ея, то это — какъ отъ невозможности собственными средствами и трудами скоро преодолѣть ежедневныя препятствія къ водворенію, такъ и отъ недостатка присмотра за домомъ и вообще небольшимъ хозяйствомъ, во время отсутствія ссыльнаго на заработкахъ. Одиному ссыльному, для пріобрѣтенія самаго ничтожнаго имущества, нужно, чтобы трудъ его принесъ избытокъ, и избытокъ такой, который бы позволилъ ему купить хижину и нанять кого нибудь для присмотра за нею. Но путь отъ крайней нужды, по прібытіи ссыльнаго въ Сибирь, до избытка очень

далекъ, и потому прежде всего вновь пришедшему ссыльному (я говорю здѣсь о поселенцѣ) нужно найти временное пристанище, и обыкновенно за одинъ только ночлегъ онъ уже работаетъ сибиряку-старожилу, безъ платы. Ему нужна пища, а крестьянинъ, особенно въ зимнее время, не принимаетъ ссыльнаго въ работу изъ одного хлѣба.... Работа при условіяхъ суроваго климата требуетъ хорошей одежды, которая тамъ чрезвычайна цѣнна, а поселенецъ пришедшій въ село, къ которому онъ причисленъ, находится въ совершенной наготѣ. Такимъ образомъ, долговременная цѣль самыхъ неслыханныхъ и худо-вознаграждаемыхъ трудовъ его—есть приобретѣніе одежды, приобретѣніе важное, дающее ему возможность свободной, невынужденной и вознагражденной работы. Эта нужда, встрѣчающаяся поселенца на первыхъ порахъ по прибытіи его въ Сибирь, бываетъ причиною, что поселенцы идутъ работать охотнѣе на золотые промыслы, гдѣ уже при самомъ наймѣ они получаютъ довольно большіе задатки, удовлетворяющіе первыя потребности существованія. Если послѣ этой долгой пужды, стремленіе къ охладной и семейной жизни въ поселенцѣ еще не истреблено, — это окончательно доказываетъ степень его нравственной силы. Тогда ссыльно-поселенецъ считаетъ первымъ необходимымъ условіемъ вступить въ бракъ, обзавестись домомъ и сдѣлаться охладнымъ, и только отъ такого поселенца можно ожидать какой нибудь пользы: человекъ, не имѣющій охладности, рано или поздно дѣлается обременителемъ для общества, рано или поздно ему нужна богадѣльня или мірское подаваніе. И хотя въ Сибири мало обращается вниманія на прежнюю жизнь вновь прибывшаго ссыльнаго и очень рѣдко кто нибудь изъ крестьянъ старожиловъ упрекаетъ ссыльнаго преступленіемъ, за которое онъ присланъ въ Сибирь, въ особенности если поселенецъ ведетъ себя безукоризненно; но во всякомъ случаѣ, и здѣсь ссыльный съ большимъ трудомъ приобретаетъ нравственное гражданское благосостояніе: нужно для этого заслужить довѣріе общества, въ которомъ приходится жить ссыльному, нужно сдѣлаться охладнымъ, обзавестись семействомъ и домомъ. Ссыльный бездомовый, бродяжничающій изъ одного села въ другое, предающійся грубымъ и развратнымъ наслажденіямъ, нестѣсненный никакими общественными и семейными обязанностями, живетъ беззаботно и можетъ быть гораздо довольнѣе домового. Но за то благосостояніе поселенца-хозяина и семьянина есть несомнѣнное доказательство его трудолюбія, бережливости, нравственного его исправленія, и ручается за прочность будущаго крестьянскаго быта. Притомъ, должно еще сказать и то, что приобретѣніе ссыльнымъ недвижимой собственности имѣетъ вліяніе и на будущее благосостояніе его потомства. Ес-

ли поселенецъ въ первые годы ссылки женился, обзавелся семействомъ, но не приобрѣлъ дома, то что завѣщаетъ онъ своимъ дѣтямъ? Или кабалу у старожиловъ, изъ которой одинъ только исходъ — наняться въ рекруты, или нищенство — эту первую степень бродяжничества, а бродяжничество юноши тысячу разъ опаснѣе для общества, чѣмъ бродяжничество взрослога ссыльнаго! Вотъ почему, для устоявшаго отъ искушеній разгульной жизни ссыльнаго, недвижимая собственность становится еще въ большей степени важною, чѣмъ для другаго свободнаго владѣльца: другіе часто приобретаютъ имущество чужими трудами, между тѣмъ какъ приобретение этого права ссыльнымъ есть результатъ кроваваго пота, самаго тягостнаго и упорнаго труда.

Какимъ же образомъ восходитъ на степень нравственности ссыльный безсемейный, за которымъ въ мѣсто ссылки не пошла ни одна женщина, даже изъ состраданія; за котораго не согласится выйти замужъ ни одна сибирячка, даже опороченная какимъ нибудь предосудительнымъ поступкомъ дѣвушка? Такой ссыльный въ первые три льготные года предается со всѣмъ неистовствомъ разгульной жизни; его домъ — кабакъ, семья — цаловальникъ! Но и въ числѣ этихъ гулякъ очень много попадаетъ людей, въ которыхъ, несмотря на совершенное ими преступленіе и полученное за то наказаніе, стремленіе къ осѣдлости не изглаживается. Такіе безсемейные ссыльные составляютъ артель, приобретаютъ одну избу и дѣлаются владѣтелями *по углу въ избѣ*. Жизнь такихъ владѣтелей распредѣляется слѣдующимъ образомъ: одинъ или два поселенца идутъ въ поденную работу, или нанимаются на золотые прииски, и отдаютъ избытокъ набранному ими *товарищу*, который, оставаясь въ купленной избѣ, заготавливаетъ доскутъ пашни, запасаетъ овощи, дрова и т. п., и когда эта бѣдная артель собирается домой, то находитъ уголь, гдѣ можно прожить суровую зиму, занимаясь ремесломъ и не таскаясь по деревнѣ съ сумою. Такое *четыресть-помѣстное владѣніе углами избы* есть вѣчто въ родѣ богадѣльни: владѣльцы ея живутъ на условіяхъ взаимнаго призернія и наслѣдства.

Г. ПЕЙЗЕНЪ.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ОЧЕРКИ.

ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ

А. Н. АПУХТИНА.

1. ПОСВЯЩЕНІЕ.

Еще свѣжа твоя могила ,
Еще и вьюга съ высоты
Ни разу снѣгомъ не покрыла
Ея поблекшіе цвѣты ;
Но я усталъ отъ жизни этой ,
И безотрадной , и тупой ,
Твоимъ дыханьемъ не согрѣтой ,
Съ твоими днями не слитой .

Увы ! ребенокъ ослѣпленный ,
Иного я отъ жизни ждалъ :
Въ туманѣ берегъ отдаленный .
Мнѣ такъ привѣтливо сіялъ .
Я думалъ : счастья , страсти шумной
Мнѣ много будетъ на пути
И, Боже ! какъ хотѣлъ , безумный ,
Я въ дверь закрытую войти !

И я поплылъ.... Но что я видѣлъ
 На томъ желанномъ берегу,
 Какъ запылалъ, возненавидѣлъ, —
 Пересказать я не могу.
 И вотъ, съ разбитою душою,
 Мечту отбросивши свою,
 Я передъ дверью роковую
 Въ недоумѣннн стою.

Остановлюсь ли у дороги,
 Съ пустой смѣшаюсь ли толпой,
 Иль, не стерпѣвъ души тревоги,
 Отважно кинусь я на бой?
 Въ борьбѣ неравной юный воинъ,
 Въ бояхъ неопытный боецъ, —
 Какъ ты, я буду ль твердъ, спокоенъ,
 Какъ ты, паду ли наконецъ?

О, гдѣ бѣ твой духъ, для насъ не зримый,
 Теперь счастливый ни виталь,
 Услышь мой стихъ, мой трудъ любимый:
 Я ихъ отъ сердца оторвалъ!
 А если нѣтъ тебя.... о Боже!
 Къ кому жь идти? Я здѣсь чужой....
 Ты и теперь мнѣ всѣхъ дороже
 Въ могилѣ темной и нѣмой!

2. ВЪ ПОЛДЕНЬ.

Какъ стелется по вѣтру рожь золотая
 Широкой волной,
 Какъ пыль поднимается, путь застилая
 Густою стѣной!

Какъ грудь моя ноетъ тоской безымянной,
 Мученьемъ былымъ....

О, если бы встрѣтить мнѣ друга неожиданно
И плакать бы съ нимъ!

Но горькія слезы я лью только съ вами
Пустыя поля....

Сама ты горька и полита слезами,
Родная земля!

3. ПРОСЕЛОКЪ.

По Руси великой, безъ конца, безъ края,
Тянется дорожка узкая, кривая....
Черезъ лѣса да рѣчки, по степямъ, по нивамъ
Все бѣжитъ куда-то шагомъ торопливымъ,
И чудесь хоть мало встрѣтишь той дорогой,
Но мнѣ милъ и близокъ видъ ея убогой.
Утро ли займется на небѣ румяномъ, —
Вся она рососою блещетъ подъ туманомъ;
Вѣтерокъ разноситъ изъ поляны сонной
Скошеннаго сѣна запахъ благовонный;
Все молчитъ, все дремлетъ; въ утреннемъ покоѣ
Только ржи мелькаетъ море золотое,
Да куда ни глянешь освѣженнымъ взоромъ, —
Отовсюду вѣетъ тишь и просторомъ.
На гору-ль вѣѣжаешь, — за горой селенье
Съ церковью зеленой видно въ отдаленіи.
Вотъ и деревенька.. барскій домъ повыше....
Покосились на бокъ сломанныя крыши;
Ни садовъ, ни рѣчки.... Въ роцѣ невысокой
Липа да орѣшникъ разрослись широко,
А вдали надъ прудомъ высится плотина....
Бѣдная картина! милая картина!
Ужь съ серпами въ поле шумно идутъ жницы,
Между липъ немолчно распѣваютъ птицы,
За клячонкой жалкой мужичекъ шагаетъ,
Съ дикимъ воплемъ стадо путь перебѣгаетъ;

Жарко.... День, краси́я, всходитъ понемногу,
 Скоро на большую вы́демъ дорогу.
 Тамъ скрывать обозы, тамъ стоять ракиты....
 Изъ краевъ заморскихъ къ намъ тропой пробитой
 Тамъ идетъ крикливо всякая новинка....
 Тамъ ты и заглохнешь, русская тропинка !

По Руси великой, безъ конца, безъ края,
 Тянется дорожка узкая, кривая....
 На большую съѣхалъ: впереди застава,
 Сзади пыль, да версты.... Смотришь, а направо
 Снова вьется путь мой лентою узорной —
 Тотъ же прихотливый, тотъ же непокорный!

4. ПѢСНИ.

Май на дворѣ.... Началися посѣвы,
 Пахарь поетъ за сохой....
 Снова внемлю вамъ, родные напѣвы,
 Съ той же глубокой тоской!

Но не одно гореванье тупое —
 Плодъ безконечныхъ скорбей, —
 Миѣ уже слышится что-то иное
 Въ пѣсняхъ отчизны моей.

Льются смѣлѣй заунывные звуки,
 Полные силъ молодыхъ.
 Многихъ годовъ пережитыя муки
 Грозно скопилися въ нихъ.....

Пусть тебя, Русь, одолѣли невзгоды,
 Пусть ты — унынья страна....
 Нѣтъ, я не вѣрю, что пѣсня свободы
 Этимъ полямъ не дана !

5. ЛѢТНЕЙ РОЗѢ.

Что такъ долго и жестоко
 Не цвѣла ты, дочь востока,
 Гостя нашей стороны?
 Пронеслись они, блистая,
 Золотыя ночи мая,
 Золотые дни весны.

Знаешь, тутъ подъ тѣнью сонной
 Ждалъ кого-то и, влюбленный,
 Пѣлъ немолчно соловей;
 Пѣлъ такъ тихо и такъ нѣжно,
 Такъ глубоко-безнадежно,
 Объ измѣнницѣ своей!

Еслибъ ты тогда явилась, —
 Какъ бы чудно оживилась
 Пѣсня полная тоской;
 Какъ бы онъ, пѣвецъ крылатый,
 Наслаждениемъ объятый,
 Изнывалъ передъ тобой!

Словно перлы дорогіе,
 На листы твои живые
 Тихо-бъ падала роса;
 И сквозь сумрачныя ели
 Высокобъ на васъ глядѣли
 Голубыя небеса.

6.

Вчера у окна мы сидѣли въ молчаньи...
 Мерцаніе звѣздъ, соловья замиранье,
 Шумящіе листья въ окно,

И нѣга, и трепеть.... не правда-ль, все это
 Давно уже было другими воспѣто,
 И намъ ужь знакомо давно?

Но я былъ взволнованъ мечтой невозможной:
 Чего-то въ прошедшемъ искалъ я тревожно,
 Забытые спрашивалъ сны....
 Въ отвѣтъ только звѣзды свѣтлѣе горѣли,
 Да слышались громче далекия трели
 Пѣвца улетавшей весны.

7. ГРУСТЬ ДѢВУШКИ.

(идиллия).

Жарко мнѣ! не спится....
 Мѣсяцъ ужь давно,
 Красный весь, глядится
 Въ низкое окно.
 Призатихло въ полѣ,
 Въ избахъ полегли;
 Ужь слышнѣй на волѣ
 Запахъ конопли,
 Ужь туманы скрыли
 Потемнѣвшій путь....
 Слезы-ль, соловьи-ли —
 Не дають заснуть....

Жарко мнѣ! не спится....
 Сонъ отъ глазъ гоня,
 Что-то шевелится
 Въ сердцѣ у меня.
 Точно плачетъ кто-то,
 Стонетъ позади ...
 Въ головѣ забота,
 Камень на груди;
 Точно я сгараю

И хочу обнять....
 А кого — не знаю,
 Не могу понять.

Завтра воскресенье....
 Гости къ намъ придуть,
 И меня въ селенье,
 Въ церковь повезуть.
 Средь лѣсовъ дремучихъ
 Свадьба будетъ тамъ....
 Сколько слезъ горючихъ
 Лить мнѣ по ночамъ!
 Всѣ свои печали
 Я таю отъ дня...
 Еслибъ только знали,
 Знали про меня!

Какъ вчера я встала,
 Да на пашню шла,
 Парня повстрѣчала
 Съ ближняго села. —
 Права, знать, такова —
 Больно ужъ не смѣлъ:
 Не сказалъ ни слова,
 Только посмотрѣлъ....
 Да съ тѣхъ поръ томится
 Вся душа тоской....
 Пусть же веселится
 Мой женихъ сѣдой!

Только изъ тумана
 Солнышко блеснетъ,
 Поднимусь я рано,
 Выйду изъ воротъ....
 Нѣтъ, боюсь признаться....
 Какъ отцу сказать?
 Станетъ братъ ругаться,
 Заколотитъ мать....
 Жарко мнѣ! не спится....
 Мѣсяцъ ужъ давно,

Красный весь, глядится
Въ низкое окно.

8. СОСѢДЪ.

Какъ я люблю тебя, дородный мой сосѣдъ,
Когда, дыша пріязнью неизмѣнной,
Ты плавной поступью приходишь на обѣдъ,
Съ улыбкой вкрадчиво-смиренной!
Мнѣ нравятся въ тебѣ — твой сладкій голосокъ,
Избытокъ важности и думъ благочестивыхъ,
И тихо льющійся, заманчивый потокъ
Твоихъ бесѣдъ медоточивыхъ;
Пороку мысль твоя спокойно-высока,
Порой приходишь ты въ волнение,
Касаясь не безъ жолчи, хоть слегка,
Ошибокъ стараго дьячка
И молодаго поколѣнья...
И долго слушая, подъ звукъ твоихъ рѣчей
Я забываюся... Тогда въ мечтѣ моей
Мнѣ чудится, что сѣвъ въ большія дроги,
На парѣ толстыхъ лошадей
Плетусь я по большой дорогѣ.
Навстрѣчу мнѣ пустынный путь лежитъ:
Нѣтъ ни столбовъ, ни вѣхъ, ни горъ, ни перевоза,
Ни даже тощенькихъ ракинь,
Ни даже длиннаго обоза, —
Все гладко и мертво; густая пыль кругомъ...
А сѣрый пристяжной, съ своей подругой жирной,
По знойному пути бредутъ-себѣ шагкомъ,
И я полудремлю, раскачиваясь мирно...

9. СЕЛЕНЬЕ.

Здравствуй, старое селенье,
Я знавалъ тебя давно....

Снова пѣсни въ отдаленьи, —
И, какъ прежде, это пѣнье
На лугахъ повторено.

И широко за лугами
Лѣсомъ красится земля,
И зернистыми снопами
Скоро лягутъ подъ серпами
Отягченныя поля.

Но какъ зрѣющее поле,
Не цвѣтутъ твои жнецы;
Но въ ужасной, дикой долѣ,
Въ сокрушительной неволѣ
Долго жили ихъ отцы;

Но духовными плодами
Не блеститъ твоя земля;
Но горючими слезами,
Но кровавыми ручьями
Смочены твои поля...

Братья! будьте же готовы,
Не смущайтесь, близокъ часъ:
Жребій кончится суровый...

.
.

Будетъ полдень молчаливый,
Будетъ жаркая пора...
О, тогда, въ тотъ день счастливый
Собирайте ваши нивы,
Пойте пѣсни до утра!

.
.

10. ПРОЩАНІЕ СЪ ДЕРЕВНЕЙ.

Прощай, приютъ родной, гдѣ я съ мечтой лѣнливой
Безъ горя проводилъ задумчивые дни:

Благодарю за миръ , за твой покой счастливый,
За вдохновенія твои!

Увы, въ послѣдній разъ въ тоскливомъ упоеньи
Гляжу на этотъ садъ, на дальніе лѣса;
Меня отсюда мчитъ иное назначенье,

И ждутъ иныя небеса.

А если жизнью смятъ, обманутый мечтами,
Къ тебѣ, какъ блудный сынъ, я снова возвращусь, —
Кого еще найду межъ старыми друзьями

И такъ ли съ новыми сойдусь?

И ты... что будешь ты страна моя родная?

Пойметъ ли твой народъ всю тяжесть прежнихъ лѣтъ?

И буду-ль видѣть я, хоть свой закатъ встрѣчая,
Твой полный счастья разсвѣтъ?

А. АНУХИНЪ.

ВОПРОСЪ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОТСТАВНАГО ШТАБЪ-ЛѢКАРЯ).

Первымъ признакомъ развивающагося сознанія у человѣка служатъ вопросы, которые онъ задаетъ себѣ о причинахъ явленій, происходящихъ около него и въ немъ, — явленій до тѣхъ поръ принимаемыхъ имъ на вѣру, по привычкѣ, безъ мысли о ихъ значеніи и ихъ взаимной, внутренней связи между собою. Человѣкъ начинаетъ мыслить и, анализируя до мельчайшихъ подробностей всѣ факты своей жизни, путемъ разумнаго опыта доходить до познанія себя, жизни этой, условій и цѣли ея. А ужь извѣстно, что познанія, надъ которыми работаетъ свѣтлый умъ и чистое сердце, ведутъ къ усовершенствованію и къ тому, что человѣкъ называетъ истиннымъ своимъ благомъ. Такъ бываетъ съ отдѣльными личностями, такъ же точно дѣлается и съ цѣлыми народами. Въ немного лѣтъ сознательной и разумной жизни Россіи задано столько важныхъ и существенныхъ вопросовъ, что нашъ братъ, отжившій и засохшій подъ тяжестью годовъ, дивится, какъ могли эти вопросы прежде не приходить въ голову, — какимъ образомъ, въ продолженіе столь долгаго времени, жилось безъ думки, и человѣкъ, съ тѣмъ же мозгомъ и тою же душой, былъ вовсе не человѣкъ, а только столоначальникъ, ординаторъ, титулярный совѣтникъ, учитель и т. д!... Говорятъ многіе, что даръ слова, обнаружившійся въ послѣднее время, породилъ фразеровъ, Надимовыхъ, резонеровъ, — но да-

же отставная шестидесятилѣтняя голова, если у ней осталось нѣсколько грань здраваго смысла и чувства жизни, съумѣеть отличить ложь отъ истины и, презирая Надимовыхъ съ братією, готова отъ всей души своими засохшими и костлявыми руками обнять молодое поколѣніе, котораго рѣчи напомнили ей давно забытую пору молодости, вѣры въ умъ и волю человѣка,—ту пору, которая начиналась и кончалась на школьной скамейкѣ, никогда послѣ того не повторяясь въ жизни, потому что изъ жизни духъ чиновничества вырвалъ самое названіе человѣка, превративши его въ секретарей и совѣтниковъ различныхъ степеней.

Въ числѣ многихъ современныхъ вопросовъ первой важности должно поставить и слѣдующій вопросъ: отчего мы такъ скоро дѣлаемся равнодушны къ службѣ, отчего, положимъ, для меня, отставнаго штабъ-лѣкаря, тридцать лѣтъ прослужившаго Богу и Государю, какъ увѣряютъ, вѣрой и правдой, уже на третьемъ году по выходѣ изъ университета служба сдѣлалась чѣмъ-то второстепеннымъ, далекимъ отъ сердца дѣломъ, о которомъ я мало думалъ дома, занятый болѣе серьезными и существенными для меня интересами? Отчего въ началѣ служебной жизни я опустилъ для нея руки, и только бѣдность да боязнь распеканій дѣлали то, что я, несмотря на равнодушіе и апатію, тянулъ хладнокровно до тридцати лѣтъ, то есть до пансіона и,—ей богу правда,—получивъ отставку, вскочилъ какъ школьникъ съ постели и босикомъ на полу сдѣлалъ восемь такихъ уморительныхъ па, что писарь, Авдѣй Семеновичъ, принесшій мнѣ по утру увѣдомленіе объ этой благодати, принялъ меня за сумасшедшаго? Правда, я за такой неумѣстный восторгъ заплатился трехдневнымъ кашлемъ и одышкою, но зато отъ души протанцевалъ соло изъ какого-то стараго балета.

И такіе казусы случаются не съ одними штабъ-лѣкарями, а,—смѣю увѣрить,—со многими и очень многими русскими чиновниками. «Эхъ, если бы мнѣ 500 рублей годоваго дохода, говорить двадцати-пяти-лѣтній юноша:—бросилъ бы службу, поклонился его превосходительству и зажилъ бы себѣ припѣваючи, гдѣ-нибудь по близости университета!» — «Охъ, кабы я не былъ женатъ (дуракъ я, что женился!),—воскликаетъ сорокалѣтній мужъ любимой и любящей жены и отецъ восьмерыхъ дѣтей:—подавалъ бы въ отставку и искалъ бы *золной службы*: сколько есть помѣщиковъ, нуждающихся въ управителѣ, конторѣ—въ секретарѣ, да говорить, и частныхъ компаній гибель собирается къ но-

вому году. » Такіе *эти* и *охи* каждый изъ насъ не разъ слышалъ и, конечно, спрашивалъ себя: отчего это такъ? Вѣдь служба, по идеѣ, есть простое требованіе общественной жизни, есть прямой долгъ cadaго отдѣльнаго члена общества взаимно служить другъ другу, чтобы тѣмъ поддерживать и упрочивать свое нравственное и физическое благосостояніе.... Отчего же эту естественную, изъ самой природы человѣка вытекающую обязанность, мы такъ равнодушно и лѣниво несемъ?

На этотъ вопросъ есть множество отвѣтовъ, довольно разнообразныхъ; всякая отрасль служебной дѣятельности, отъ имени своихъ маленькихъ тружениковъ, можетъ серьезно и справедливо дать объ этомъ свое мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія, имѣющія достовѣрность аксіомы, могутъ быть приведены къ одному общему знаменателю. Я же, отставной штабъ-лѣкарь, вмѣсто отвѣта расскажу читателю маленькій эпизодъ изъ моей служебной жизни. Рассказъ будетъ довольно коротокъ, приличенъ и безукоризненно вѣренъ. Начну немножко *ab ovo*.

Отецъ, умирая, оставилъ мнѣ двѣ серебряныя ложки, вызолоченный крестикъ да бараній тулупъ съ суконнымъ верхомъ. Съ этимъ наслѣдствомъ я поступилъ на медицинскій факультетъ —скаго университета. На первыхъ порахъ перебивался уроками, а послѣ за хорошіе успѣхи былъ принятъ на казенное содержаніе. Всяко жилось въ университетѣ, но большею частію было весело. Окончивши же курсъ, я увидѣлъ себя совершенно одинокимъ, безъ копѣйки въ карманѣ, безъ возможности уплатить даже булочнику, у котораго набралъ, въ продолженіе университетскаго курса, на 23 рубля серебромъ. Здоровье отъ бѣдной когда-то жизни, занятій и сѣвернаго климата было разстроено. Къ этому присоединилась забота о родномъ, близкомъ мнѣ человѣкѣ, которому я, какъ господинъ что нибудь уже имѣющій, по всѣмъ законамъ долженъ былъ помогать. Ну, дѣло молодое, расчетовъ въ головѣ никакихъ, — авось, думалось, какъ нибудь и того.... жалованье же вѣдь дають на службѣ, будемъ какъ нибудь перебиваться. Больше всего занимала меня *eximia laus*, которую получилъ на выпускномъ, да экзамень на степень доктора, для котораго хотѣлъ поработать еще годика два.

Передѣлавъ тулупъ на шубу, а голубой воротникъ сюртука на черный съ кантикомъ, и взявши въ казначействѣ впередъ третнее жалованье, я поѣхалъ въ одну изъ провинцій русскихъ, ку-

да былъ назначенъ въ распоряженіе штабъ-доктора Амоса Карловича Пилата. На пути заѣхалъ въ городъ Игрекъ, гдѣ въ губернской гимназіи, въ которой я воспитывался, былъ учителемъ Ѳедоръ Карловичъ Пилатъ, родной братъ моего настоящаго главнаго начальника. У него жилъ маленькій, семилѣтній Пилатъ — племянникъ, сынъ Амоса Карловича. Учитель обрадовался бывшему своему ученику и, прощаясь со мной, поручилъ мнѣ отвезти брату-начальнику нѣсколько тетрадокъ, заключающихъ въ себѣ каллиграфію, живопись и различныя дѣтскія марамя его сына, говоря, что отецъ крѣпко этому обрадуется и, вѣроятно, приметъ меня радушно. Послѣ многихъ дней странствованія, прибылъ я въ городъ Горячевъ, гдѣ имѣлъ свое пребываніе Амосъ Карловичъ Пилатъ....

Кто не помнитъ, сколько диковинокъ, дотолѣ невиданныхъ и неслыханныхъ, встрѣчаетъ несчастный студентъ, вступая изъ тѣсной университетской аудиторіи на широкое поле служебной дѣятельности? Голова пойдетъ кругомъ на первыхъ порахъ, когда услышишь заплеснѣвшіе толки о томъ, что еще такъ свѣжо въ памяти со словъ любимаго профессора; когда, мимо всякихъ возможныхъ правилъ морали, начнутъ высказывать правила жить, служить и дослуживаться; а вмѣсто свѣтлыхъ вопросовъ науки, слышишь толки объ умѣнии, котораго цѣль — насущный хлѣбъ, покой физическій (душевный покой — дѣло слишкомъ условное, и его всякъ понимаетъ и ищетъ по своему) и репутація безответнаго животнаго, несмѣющаго рассуждать и намекать на то, что онъ даже въ зоологіи называется homo sapiens.... Я былъ, какъ въ омутѣ: глупъ былъ тогда, сердяга!... Лѣкаръ П...., славный малый, мой дальній родственникъ, безсовѣстно смѣялся надъ моими недоразумѣніями, шутилъ надъ мечтами о докторскомъ экзаменѣ и, когда я объявилъ рѣшительное желаніе быть усерднѣйшимъ ординаторомъ, совѣтовалъ — на службѣ медленно спѣшить и не забывать пословицы: кто везетъ, на того валять. Видя, что у меня денегъ ни гроша, посоветовалъ взять мнѣ впередъ изъ здѣшней комисіи половину жалованья слѣдующей трети, купить шпагу и перчатки и отправляться къ Амосу Карловичу, предупредивъ, что хотя онъ и статскій совѣтникъ, но величать его слѣдуетъ ваше превосходительство, — такъ даже въ бумагахъ отъ подчиненныхъ пишется. Что же касается до пшени и отчества или до слова; докторъ, — то объ этомъ не велѣлъ и думать....

Гошпиталь военный, по близости котораго жилъ лѣкаръ П..., былъ за городомъ, и я отправился пѣшкомъ. Въ передней будующаго генерала сидѣлъ фельдшеръ, въ полосатомъ госпитальномъ халатѣ, и на вопросъ мой, дома ли Амосъ Карловичъ — отвѣчалъ: «сейчасъ доложу». Съ этимъ онъ исчезъ, оставивъ меня одного любоваться на вычищенные сапоги генерала и какой-то мелко-исписанный годовой отчетъ о больныхъ, которымъ эти сапоги были прикрыты. Черезъ полчаса дверь отворилась, и я вошелъ въ залу, держа подъ мышкой свертокъ съ тетрадами.... Еще черезъ четверть часа вышелъ господинъ немолодыхъ лѣтъ, довольно тучный, въ форменномъ сюртукѣ, застегнутомъ на-глухо со всѣхъ сторонъ; волосъ у него на головѣ почти не было, лицо немного отекшее, глаза матоваго цвѣта, а держался прямо, точно аршинъ проглотилъ.

— Честь имѣю явиться, ваше превосходительство, лѣкаръ таковой-то, прибывшій оттуда-то, — отпрапортовалъ я, прямо со словъ П... и не знаю, почему, — покраснѣлъ, какъ ракъ. Генералъ, положивши правую руку себѣ на грудь, а лѣвую за спину, началъ ходить по комнатѣ твердыми шагами, заглядывая по временамъ въ зеркала, висѣвшія на стѣнахъ. Я стоялъ у порога.

— Гм!... Гдѣ вы воспитывались?...

— Въ —скомъ университетѣ, ваше превосходительство, — и опять покраснѣлъ....

— Гм!... Гм!...

Генералъ глядѣлъ мнѣ подъ мышку....

— Что это у васъ?

— Привезъ поклонъ вамъ.... кехе.... вашему превосходительству отъ брата изъ Игрека и тетради вашего превосходительства сына.... кехе.... сына вашего превосходительства.

— Гм!... Вы знакомы съ братомъ?

— Я у нихъ воспитывался.

— Позвольте!...

Я отдалъ бумаги.

— Гдѣ ваши документы?...

Я подалъ предписаніе департамента....

— Гм!... Какъ фамилія?...

— Цилатъ, ваше превосходительство.

— Я знаю, что я Цилатъ. Ваша какъ фамилія?

Я совсѣмъ струслилъ; генералъ дернулъ себя за галстукъ и покраснѣлъ отъ моей невѣжливости.

— Такой-то, едва слышно проговорилъ я и положилъ лѣвую руку на эфесъ шпаги, а правую за пуговицу скюртука...

Долгое хожденіе по діагонали залы, долгое стояніе у порога и очень долгая пауза.

— Гмъ!... На казенномъ воспитывались или на своемъ!...

— На казенномъ-съ....

Пауза.

— Гмъ!... Вы не владѣете лѣвой рукой?

— Владѣю; она у меня, слава Богу, здорова.

— Зачѣмъ же вы повѣсили ее на шпагу?

Генералъ опять крѣпко дернулъ за галстукъ.

Я опустилъ руку къ штанамъ и ужь кстати вынулъ изъ за-пазухи правую.... Догадливость нѣсколько смягчила генерала.

— Гмъ!... Вы видѣли моего сына?

— Видѣлъ предъ выѣздомъ сюда.

— Что, онъ выросъ?

И тутъ же безъ промежутка другой вопросъ:

— У васъ форменный мундиръ? Гдѣ шили?...

Я не зналъ, на что прежде отвѣчать и ляпнулъ:

— По плечо вашему превосходительству.

— Гмъ!... Я спрашиваю, форменный у васъ мундиръ?

— Форменный, ваше превосходительство.

— Всѣ такъ носятъ?

— Всѣ.

— И въ департаментѣ въ немъ были?

— Въ немъ....

Пауза, въ продолженіе которой генералъ принялся разсматривать пуговицы, петлицы и даже швы на моемъ мундирѣ.

— А почему вы безъ штрипокъ?

Тутъ ужь меня пробралъ смѣхъ, да такой, что если бы генералъ не оборотился ко мнѣ вдругъ спиной, то лицо его, вѣроятно, покрылось бы обильными каплями моей слюны.... Но Амось Карловичъ оборотился, и я поспѣшилъ достать изъ кармана платокъ, чтобъ придержать себя за носъ.

— Гмъ!... Вы и прежде знали моего брата?

— Зналъ. Онъ былъ моимъ наставникомъ.

— Кто это онъ?

— Вашъ братъ.

— А какъ вы его называли?

— Федоръ Карловичъ....

Пауза.

— Отправляйтесь въ госпиталь и явитесь къ главному доктору; я васъ прикомандировываю къ должности ординатора.

— Хорошо.

— Что вы сказали?

— Я сказалъ: хорошо.

— Гмъ!.. Гмъ!.. Я и самъ знаю, что хорошо, а что дурно... Ступайте!..

Я повернулся къ двери.

— Стойте!... Вы играете въ карты?...

Генералъ, какъ я послѣ узналъ, любилъ турниры на зеленомъ полѣ и позволялъ даже подчиненному съ собой состязаться, если только послѣдній былъ великодушень въ уступкахъ чести побѣды.

— Нѣтъ-съ.

— А чѣмъ же вы занимаетесь?

— Медициной.... Осмѣлюсь сказать, ваше превосходительство, здоровье мое плохое, я крѣпко страдалъ грудью еще въ университетѣ; но свое дѣло люблю, и хотѣлъ бы чрезъ годикъ или два, позанявшись хорошенько, держать экзамень на доктора.

— Гмъ!... Ну, такъ что же?

— Сдѣлайте одолженіе, докт.... кехе!... ваше превосходительство, — не командируйте меня никуда изъ госпиталя хоть одинъ годъ.

— Одолженій я не дѣлаю... А зачѣмъ вы пальцами киваете? Я не люблю этого, сказалъ генералъ, глядя, какъ моя рука, отекавшая при отвѣсномъ положеніи, начинала подыматься къ шпагѣ.

Я былъ просто зарѣзанъ.

— Такъ вы хотите держать экзамень? Гмъ!... Хорошо.... я поговорю съ моимъ управляющимъ. Ступайте!

Я вышелъ, какъ кипяткомъ облитый. Веселое расположение духа, по поводу штрипокъ, опять смѣнилось невыразимой грустью... Господи!.. Чтожь это такое? Что это такое, — думалъ я, плетясь въ госпиталь, «запуганный, задавленный, съ поникшей головой», — думалъ, думалъ да и заплакалъ, потому что глупъ былъ тогда, сердечный....

Лѣкаръ П.... разохотался, когда я высказалъ ему наивно свое мнѣніе о такомъ приѣмѣ.—«Дурень ты еще, душка моя», сказалъ онъ мнѣ.

Оказалось послѣ, что Амосъ Карловичъ крѣпко любилъ своего сына, но онъ подавлялъ въ себѣ отеческое любопытство, чтобы не разнѣжиться предъ подчиненнымъ...

Матвѣй Андреевичъ, главный докторъ Горячевскаго гошпиталя, былъ человекъ умный, понялъ меня, и черезъ недѣлю поставилъ на ряду съ лучшими своими сослуживцами, обѣщая свое заступничество, въ случаѣ командировокъ, которыя... но дальше увидите...

Ободренный хоть здѣсь, я нанялъ маленькую квартирку и началъ заниматься такъ, какъ даже въ университетѣ не занимался.... Климатъ здѣшній оказался для меня полезнымъ.... Дѣла вдоволь—больныхъ на моихъ рукахъ человекъ до 100: наблюдай, помогай, работай. Въ библиотекѣ—книги и новые журналы. Я перекрестился отъ радости, и написалъ самое восторженное письмо къ роднымъ; солдатики чрезъ мѣсяць стали называть меня отцемъ, хоть мнѣ было всего 23 года отъ роду, и я многимъ изъ нихъ во внуки бы годился....

Такъ прошло три мѣсяца, хорошихъ мѣсяца, въ которые одни я, изъ всей послѣдующей служебной жизни, приносилъ истинную пользу и себѣ, и другимъ.... На четвертый пришло въ контору гошпиталя предписаніе Амоса Карловича командировать меня въ Поддубскій военный гошпиталь. Матвѣй Андреевичъ отправился хлопотать обо мнѣ, но не имѣлъ успѣха. Замѣтите странное свойство въ натурѣ Амоса Карловича: онъ рѣшительно не вѣрилъ рекомендаціи о насъ нашего медицинскаго начальства. Зато каждое слово посторонняго, особенно изъ нѣжнаго пола, было для него непреложной истиной. Отсюда съ его стороны—пристрастіе къ сплетнямъ, по которымъ онъ, не обинуясь, составлялъ мнѣніе о каждомъ изъ подчиненныхъ, а со стороны подчиненныхъ — искательство вѣнъ службы, откуда нибудь съ боку, помощи и защиты. Мы объясняли это привычкою къ интригамъ съ молодыхъ лѣтъ... Поѣхалъ я самъ. Генералъ принялъ меня, какъ и прежде, погенеральски: подержалъ минутъ десять у порога, три раза сказалъ: гмъ!... четыре раза намекнулъ о пользѣ службы и отослалъ къ управляющему спросить, нельзя ли меня замѣнить кѣмъ нибудь. Управляющій очень резонно указалъ мнѣ на то, что бумаги давно написаны и разосланы, что подорожная уже вѣрно готова, что прогоны въ комиссіи выведены въ расходъ на мое имя, что... что Амосъ Карловичъ могъ бы все сдѣлать.... Я поцелелъ на свою

квартиру и на столѣ нашелъ уже предписаніе конторы отправляться немедленно. Офиціальныя: «немедленно» и «весьма нужное» имѣли тогда такую же силу, какъ на подорожной по казенной надобности: «давать лошадей безъ задержанія». Оказалось въ первыхъ, что у меня не было денегъ. Уже половина слѣдующей трети жалованья была забрана. Живя на мѣстѣ, имѣя уже нѣкоторые посторонніе источники и привыкши къ окружающему, я могъ бы какъ нибудь перебиваться и хоть понемножку занимать у знакомыхъ, но теперь, отправляясь въ чужую сторону, мнѣ надо многое въ дорогѣ, чего бы не надо было на мѣстѣ, а что существенно годилось дома, то не лѣзетъ на почтовую телегу. И я взялъ остальную половину. Начались затѣмъ хожденія за подорожной, за прогонами, на станцію; сборы, откланиванья, и я, на 12-й день по полученіи предписанія, немедленно отправился къ мѣсту своего новаго назначенія, протосковавъ цѣлую дорогу, какъ истинный идеалистъ, — и о книгахъ гошпитальной библиотеки, и о больныхъ своей палаты, и о добрыхъ товарищахъ, и даже о квартирѣ съ голыми стѣнами....

Пріѣхавши въ Поддубскій гошпиталь, я увидѣлъ, что надо многое позабыть, что это многое дѣйствительно было вздоромъ, навѣяннымъ молодостью и невывѣтреннымъ въ школѣ, что надо служить, а не мечтать, что я ординаторъ госпиталя, а не кандидатъ только на степень доктора медицины. Все это было правда, и я принялся изучать свою обязанность, запасшись изъ конторы Сводомъ Военныхъ Постановленій, котораго, признаюсь откровенно, прежде никогда и въ рукахъ не держалъ. Несмотря на множество параграфовъ, прибавленій и дополненій, я дней въ десять дошелъ до того, что понималъ, что такое и что мнѣ надо дѣлать.... На 11-й день забраковалъ, на основаніи такой-то статьи гошпитальныхъ постановленій, несвѣжую говядину, доставленную для больныхъ подрядчикомъ; на 12-й не подписалъ смотрительскаго требованія на 40 разбитыхъ вътроемъ стеколъ въ моей палатѣ, потому что было разбито только три, да не вытребовалъ сѣна для набивки 15-ти, вовсе несуществовавшихъ въ дѣйствительномъ мірѣ, тюфяковъ; на 13-й не сдѣлалъ операціи по приказанію главнаго лѣкаря, отъ которой, по мнѣнію всѣхъ ординаторовъ, больной умеръ бы подъ ножомъ, — а на 15-й меня командировали къ баталіону, въ глухую деревню, и донесли о командировкѣ, какъ необходимой для пользы службы, Амосу Карловичу. Главный лѣкаръ Поддубскаго

гошпитала назвалъ меня на одномъ вечерѣ, играя въ карты, еще очень молодымъ и черезчуръ острымъ, и совѣтовалъ потеряться. Я оказался ненужнымъ здѣсь. И дѣйствительно я былъ ненуженъ. Двое изъ здѣшнихъ медиковъ успѣли поболѣть и выздороветь, пока я пріѣхалъ изъ Горячева, и командировали-то меня не потому собственно, что они заболѣли, — а когда-то въ этой провинціи, по недостатку медиковъ, введена была система, передвиженія, да такъ и осталась, несмотря на то, что условій на это вовсе уже не существовало: никто не думалъ вникать въ дѣло, и оно шло себѣ еще лѣтъ 20-ть, пока вмѣсто Амосовъ появились люди съ новыми углами зрѣнія....

Надо ѣхать въ батальонъ. Покупаю лошадь, бросаю все, что привезъ на тройкѣ, а съ нимъ бросаю половину охоты къ занятіямъ, любви къ больнымъ и усердія къ службѣ.

Въ батальонѣ новыя лица, новая жизнь и новая наука. Ротный командиръ проситъ держать побольше солдатъ въ окологкѣ, потому что на вѣкъ рота получаетъ особенное содержаніе, хотя ѣдятъ и пьютъ они то же, что и здоровые. Батальонный командиръ предписываетъ не держать окологка, а отправлять всѣхъ заболѣвшихъ въ лазаретъ его же батальона, въ 20 верстахъ, потому что тамъ и самый лазаретъ, и лѣкаръ, и завѣдующій офицеръ, и даже служителя — его произведенія и живутъ одною съ нимъ благодатью. Подрядчикъ кланяется въ ноги — не браковать строго продуктовъ, потому что лучшихъ достать негдѣ; полковой штабъ-лѣкаръ пишетъ выговоры — за израсходованный рвотный камень до срока, за увеличившееся число окологочныхъ больныхъ; но выговоры эти суть отраженія сверху внизъ, — имъ онъ отвѣчаетъ мнѣ на выговоры, сдѣланные ему высшимъ начальствомъ, а не на мои рапорты, въ которыхъ ясно указаны причины израсходования и заболѣваемости. Эти рапорты кладутся подъ сукно, потому что двинуть ихъ выше, какъ бы слѣдовало, нельзя: въ нихъ-то и есть правда неподкрашенная. Но правды-то нельзя было тогда пущать снизу вверхъ, потому что она глаза колеть, а колонье глазъ — операція болѣзненная.

Что дѣлать? Кого слушать? Я рѣшился никого не слушать, ибо еще не имѣлъ духу ничего не дѣлать; я принялся опять за Сводъ Военныхъ Постановленій — и на третій мѣсяцъ меня воротили къ Поддубскому гошпиталю. И при батальонѣ я оказался ненужнымъ: туда батальонный командиръ выписалъ, чрезъ кан-

целярю Амоса Карловича, новаго медика, и какъ тамъ зажили, я уже не знаю. Воротившись въ Поддубье, я продалъ лошадь, сшилъ сюртукъ и, оставшись безъ копѣйки наличныхъ и съ сотнею рублей долгу, сдѣлался снисходительнѣе къ госпитальному подрядчику, за что онъ давалъ мнѣ 3 фунта говядины каждый день, 2 головки капусты каждую недѣлю и возъ дровъ каждый мѣсяцъ. Обѣдалъ зачастую у смотрителя. Сошелся я и съ главнымъ лѣкаремъ.... Снискавши этотъ, — правда, условный — вокой, я задумалъ опять приняться за книги, опять стала просвѣтаться любовь къ наукѣ, къ больнымъ, къ труду, во мнѣ знаніи и общественнаго долга; опять мечты о докторскомъ экзаменѣ....

Прошло два мѣсяца. Въ 100 верстахъ отъ Поддубья былъ лазаретъ. Мѣсто дальнее, безлюдное, дичь и глушь. Рота рабочихъ солдатъ, ротный командиръ, майоръ—начальникъ, да лѣкарь, спившійся отъ скуки и отравленный въ Горячевѣ на исправленіе. Сверху сводъ небесный, по сторонамъ стень и гладь, а за стенью—конецъ свѣта. Туда назначили лѣкаря Д..., но ему объ этой радости далъ знать писарь главнаго лѣкаря, еще не перебѣливши черноваго предписанія, — и Д... подалъ рапортъ о болѣзни, а между тѣмъ поискалъ протекціи у какого-то полковаго адъютанта, который, отправившись по своимъ дѣламъ въ Горячевѣ, увѣрилъ Амоса Карловича въ благонамѣренности и болѣзненномъ состояніи Д..., и генералъ прислалъ предписаніе никому не посылать Д... изъ Поддубья.

Назначили меня. Я вздумалъ упрямиться: отправился къ главному лѣкарю и сказалъ, что не могу ѣхать, представляя причиною—желанье позаняться, истинно болѣзненное свое состояніе, а главное,—то, что, путешествуя уже около года, я забываю, что зналъ, не могу привыкнуть къ службѣ, не радѣю о ней, не знакомлюсь съ больными, убиваю все время въ сборахъ въ дорогу и разорился окончательно — долгу уже на двѣ трети впередъ. Главный лѣкарь—то просьбой, то угрозой всунулъ мнѣ предписаніе и общалъ чрезъ два мѣсяца меня смѣнить, будучи совершенно согласенъ, что въ Ерощкахъ нельзя долѣе держать одного и того же человѣка; а самъ между тѣмъ съ первою почтою послалъ къ Амосу Карловичу бумагу, прося представить меня штатнымъ въ Ерощскій лазаретъ. Къ чему это надуванье,—я тогда не зналъ. О немъ мнѣ написалъ тотъ же писарь главнаго лѣкаря, какъ только я прибылъ въ Ерощки. Писарю за это я послалъ два цѣлковыхъ.

Въ Ерощахъ опять новыя лица, новая жизнь и новая наука. Сводъ Военныхъ Постановленій тутъ ужъ ничему не поможетъ: мѣсто такое, откуда три года скачи, никуда не доѣдешь. Офицеръ пьянъ, майоръ пьянъ, фельдшеръ пьянъ, и я, совмѣстивъ въ своемъ лицѣ медика, комиссара, фельдшера, а отчасти и прислугу, закрылъ глаза и уши отъ всего, что было—не больной, и въ больномъ видѣлъ только патологическій субъектъ для медицинскихъ наблюденій, безъ отношенія его къ гигиенѣ и діететикѣ. Я такъ усердно занимался и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ крѣпко скучалъ, особенно при мысли, что мнѣ долго придется здѣсь прожить, что въ концѣ втораго мѣсяца завѣдыванія Ерощскимъ лазаретомъ началъ харкать кровью. Испугавшись въ одно ненастное утро собственного носоваго платка, я послалъ три письма: одно къ своему столичному знакомому, у котораго училъ дѣтей, будучи студентомъ, другое къ Амосу Карловичу, третье къ главному доктору Горячевскаго госпиталя. Въ тотъ же день послалъ рапортъ главному лѣкарю о болѣзни. Амосъ Карловичъ оскорбился письмомъ, Матвѣй Андреевичъ не имѣлъ успѣха, а главный лѣкарь подумалъ, что я его надуваю; и уже когда столичный знакомый, довольно значительное лицо, написалъ два письма къ генералу, и когда я, больной и убитый, на первой попавшейся телегѣ пріѣхалъ изъ Ерощекъ въ Поддубье, оставивъ самовольно лазаретъ на произволь судьбы,—тогда только пришло отъ Амоса Карловича предписаніе возвратитъ меня въ Горячевъ.

Безъ денегъ, безъ здоровья и безъ вѣры въ службу воротился я въ Горячевъ, и здѣсь первый мѣсяць проболѣлъ жестоко. Кромѣ тяжкаго физическаго недуга, мѣсяць этотъ былъ нравственнымъ моимъ кризисомъ. Лежа въ постели, многое я передумалъ въ это время о лицахъ, съ которыми встрѣчался, и дѣлахъ, какія видѣлъ, все сообразилъ, разобралъ и переварилъ не мозгомъ юноши и человѣка, а головою чиновника, въ которой недовѣріе къ людямъ, личный интересъ и апатія къ службѣ уже начали плести себѣ гнѣздо. Я хотѣлъ было уже пуститься за знаками отличія, за хорошимъ мнѣніемъ и теплымъ мѣстомъ; но въ высшей степени слабое здоровье и проклятая мысль о докторскомъ экзаменѣ не давали мнѣ покоя.

По выздоровленіи я прежде всего отправился къ Амосу Карловичу. Онъ, несчастный, получилъ дѣйствительнаго статскаго и окончательно поглотился собственнымъ величіемъ. Всякое движеніе его, всякій взглядъ на меня, ясно показывали, что гене-

ралъ не знаетъ, что съ собой сдѣлать. По наружности, впрочемъ, онъ мало измѣнился, только принималъ въ полной формѣ. Но я не тѣмъ уже предсталъ къ нему. Опустивши руки по швамъ, нагнувъ голову и, не отступая больше шага отъ порога, я прозвезъ едва слышнымъ, почти шипучимъ голосомъ:

— Честь имѣю лвиться, ваше превосходительство!

— Что, вы здоровы? грозно спросило превосходительство.

— Слава Богу, ваше превосходительство; лучше мнѣ, ваше превосходительство, только кашель еще меня беспокоитъ, ваше превосходительство!

— Отправляйтесь къ гошпиталю и служите здѣсь.

— Слушаю, ваше превосходительство!... И налѣво кругомъ.

— Пойдите, послышалось позади меня.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Вы отчего не хотѣли остаться въ Ерощахъ?

— Заболѣлъ крѣпко, ваше превосходительство! Къ тому же, ваше превосходительство....

Я остановился.

— Что къ тому же? Говорите!... Терпѣть не могу полусловъ!

— Я уже имѣлъ честь прежде докладывать вашему превосходительству, что хотѣлъ бы позаняться для докторскаго экзамена и т. д.

— Вы что писали въ столицу? перебилъ генералъ.

— Писалъ, ваше превосходительство, что я боленъ, какъ и прежде зналъ объ этомъ Семенъ Михайловичъ (мой столичный знакомый), и что, позанявшись при гошпиталѣ, поправивши здоровье и собравши нѣсколько рублей, намѣренъ ѣхать въ университетъ.

— Вы хотите непременно держать экзаменъ? спросилъ генералъ какъ будто ласковымъ тономъ.

— Хочу, ваше превосходительство, началъ я, ободренный его масляными на ту пору глазами, хочу учиться, хочу и служить, — въ послѣднемъ отношеніи я не считаю себя исключеніемъ, но мнѣ надо не больше года побыть при гошпиталѣ....

— Хорошо, сказалъ генералъ.... отправляйтесь къ госпиталю; я васъ не командирую.

— Слушаю, ваше превосходительство!... И—налѣво кругомъ.

— Стойте!

— Слушаю, ваше превосходительство!

— Вы были въ Поддубьи въ послѣднее время?

— Былъ, ваше превосходительство!

— Какъ тамъ.... что.... Гмъ!...

— Госпиталь устраивается, ваше превосходительство; больныхъ до 400, — большею частію грудные и изъ грудныхъ преимущественно катарральное пораженіе легкихъ; при мнѣ въ хирургическомъ отдѣленіи сдѣланы двѣ операциі, чрезвычайно замѣчательныя; первая....

Генераль началъ то краснѣть, то блѣднѣть, губы у него задрожали, глаза налились кровью. Я остановился и увидѣлъ, что сдѣлалъ страшную глупость. Амосъ Карловичъ крѣпко не любилъ разговоровъ о медицинѣ съ подчиненными: всякое слово съ ихъ стороны объ этомъ предметѣ онъ считалъ почему-то насмѣшкою надъ нимъ.

— Вы бывали у зрителя? началъ генераль, худо скрывая свой гнѣвъ.

— Бывалъ, ваше превосходительство.... Виноватъ, ваше превосходительство!... Варвара Ивановна приказывала мнѣ кланяться вашему превосходительству и просить не забывать ихъ домъ, когда будете въ Поддубьи.

Генераль повеселѣлъ. Онъ ускорилъ шаги по залѣ и началъ подробно спрашивать меня о здоровьи, житьѣ-бытьѣ и знакомствахъ Варвары Ивановны. Я видѣлъ, что этимъ можно поправить дѣло и распространился объ этой знаменитой личности, которая была не что иное, какъ дебелая, мужеподобная баба, державшая всѣхъ поддубскихъ эскулаповъ въ своихъ рукахъ.

— Въ послѣдніе только дни, ваше превосходительство, апрѣля мѣсяца, она не выходила изъ дому.

— Что жъ такое?

— Лошадн, ваше превосходительство, которыхъ они приготовили для проѣзда вашего превосходительства, понесли....

Генераль вскрикнулъ, отскочилъ отъ меня шага на четыре и, закрывши лицо руками, опустился въ кресло, гдѣ и остался недвижимъ.... Опять я подгадилъ!... Амосъ Карловичъ какъ-то истерически боялся собакъ и лошадей, и будучи даже въ генеральскомъ чинѣ, большею частію ходилъ пѣшкомъ.

— Ступайте, сказалъ онъ мнѣ, нѣсколько успокоившись; ступайте, служите лучше и будьте благоразумны.

— Слушаю, ваше превосходительство!... И—нальво кругомъ уже безвозвратно.

Господи! думалъ я и въ этотъ разъ, возвращаясь отъ начальства, — что жь это такое?... Но теперь я уже не плакалъ, а смѣлся отъ полноты души, до боли подъ ложечкой....

Амосъ Карловичъ оставилъ меня при гошпиталѣ, но началъ стороною наводить справки, насколько близокъ мнѣ тотъ знакомый, который писалъ ему обо мнѣ изъ столицы.

Здравствуй, мой тихій уголокъ, гдѣ въ первый разъ я началъ службу, не зная ея, — но служилъ вѣрой и правдой, насколько сила и умѣнья хватало. Нанята квартирка, — та самая, въ которой и прежде жилъ, — столъ заложень книгами, начались обычныя визитаціи утромъ и вечеромъ, записыванья, повѣрка знанія, — отыскалась любимая коленка. Надолго-ли? спрашивали товарищи... Надолго-ли? спрашивалъ я самъ себя...

Здравствуй, мой добрый уголокъ! Правда, и ты не безъ грѣха, но и я уже воротился къ тебѣ безъ идеаловъ и иллюзій. Прежде всего далъ писарю въ штабѣ 10 цѣлковыхъ, потомъ писарю Амоса Карловича 5 цѣлковыхъ, чтобъ заблаговременно давали знать, какъ мной захочетъ распорядиться начальство. Оба они были парни славные и совершали такія дѣла, которыхъ ни одинъ начальникъ отдѣленія не рѣшился бы совершить; а главное — были честные люди: ужь коли имъ подарить, — знай навѣрное, что дѣло въ шляпѣ.

Все обстояло благополучно. Разъ только, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ посѣтилъ нашъ гошпиталь Амосъ Карловичъ и разсердился на меня за то, что я показавъ ему интереснаго больнаго въ своей палатѣ: показывать, представлять, рекомендовать смѣетъ только главный докторъ, а не младшій ординаторъ. Я хотѣлъ поправиться и заблаговременно отперъ генералу дверь... Вѣтеръ чуть пахнулъ въ палату, а генералъ закричалъ дребезжащимъ голосомъ: запирайте!... Я заперъ и сейчасъ же съумѣлъ струсить. Тѣмъ только и помогъ себѣ, что струсилъ, — а иначе бѣда: Амосъ боялся холоду такъ же, какъ собакъ и лошадей.... Главный докторъ хвалилъ меня и просилъ Амоса Карловича оставить меня на долгое время въ Горячевѣ. Генералъ обѣщалъ.

Черезъ два мѣсяца опять написано было начерно предписаніе о командированіи меня въ Малакайскаго гошпиталь. Писарь далъ знать, и я подалъ рапортъ о болѣзни. Предписаніе пришло; отвѣчали: боленъ, — оставили. Еще черезъ три мѣсяца опять командировка. Поѣхалъ самъ къ Амосу Карловичу.

— Какъ ваша фамилія?

— Такой-то, ваше превосходительство!

— Гдѣ служите?

— При Горячевскомъ госпиталѣ.

— Что вамъ надо?

— Назадъ тому полгода, ваше превосходительство изволили объщать не командировать меня, потому что.... и т. д. извѣстные резоны.

— Вы гдѣ прежде служили?

— Тамъ-то и тамъ.... Генераль совсѣмъ забылъ обо мнѣ.

— Гмъ!... Поѣзжайте домой и подайте рапортъ о болѣзни; я назначу другаго.

Сказано — сдѣлаво. Я попробовалъ еще остаться на мѣстѣ. Ближайшій начальникъ меня любилъ и хвалилъ, — я приобрѣлъ репутацію умнаго и честнаго чиновника.... Но спустя нѣсколько времени начались такія штуки, изъ которыхъ я увидѣлъ, что Амось очень немѣло надуваетъ меня. Тогда я плюнулъ на все и, бросивши мечты объ ученой степени да изучивши отлично систему взаимнаго служебнаго надуванья, пустился работать для извѣстныхъ цѣлей: Анна, Станиславъ, Владиміръ — на грудь, плѣшь на голову, апатія въ душу и отставка слѣпому и беззубому. Всего этого я достигъ и только теперь, вздохнувши свободнѣе, задумалъ вспомнить вслухъ эпизодъ изъ моей жизни.

Дальше нечего рассказывать....

То есть многое можно рассказать, но на этотъ разъ будетъ. Метаморфоза совершилась. Человѣкъ стусевался, и изъ человѣческой куколки выползъ чиновникъ, совершенно довольный своей судьбой въ образѣ начальства и своимъ счастьемъ въ карманѣ и на груди.

Правда, что не всѣ такъ благополучно кончали, хотя почти у всѣхъ одинаковое начало. Иной, потерявъ на первыхъ годахъ физическія и нравственныя силы, прибѣгалъ къ довольно обыкновенному утѣшенію русскаго человѣка, которое кончалась прыжкомъ изъ окна третьяго этажа гошпитальной палаты, въ припадкѣ бѣлой горячки; другой, не умѣя взять поклономъ, раздраженный пошлостью и незаконностью, задумывалъ выставить кулаки, и какъ разбойникъ изгонялся изъ общества; третій, сберегая здоровье и свои интересы, болѣлъ по 10 мѣсяцевъ въ году, рапортуя о выздоровленіи въ концѣ каждыхъ трехъ, чтобъ не лишиться мѣста; четвертый.... но мало ли какихъ кон-

цовъ не бывало.

Да, добрый читатель, всяко случалось въ наше время съ несчастными военно-медицинскими чиновниками, и въ этомъ отношеніи они едва ли не больше когонибудь другаго достойны были сожалѣнія и участія. Кто, полѣнившись кончить три класса гимназій, добровольно надѣвалъ юнкерскую шинель, чтобы, добравшись до кокарды на фуражкѣ, безнаказанно бить солдату въ рыло, когда бы ни захотѣлось, и послѣ смотра закусывать водку лукомъ или чеснокомъ, не зная большаго благополучія; кто изъ вриходскаго училища, а иногда и прямо изъ дому посаженный въ какойнибудь палатѣ или комиссіи за переписку отношеній и предписаній, ничего не видѣлъ выше своего столначальника и краше почерка Ивана Ивановича, — тотъ не могъ и не умѣлъ требовать отъ жизни чегонибудь лучшаго, потому что и самъ для нея ровно ничего не дѣлалъ. Но медикъ, какъ бы бѣдны ни были его научныя познанія, все-таки былъ человѣкъ изъ высшаго учебнаго заведенія, порядочно работавшій для своей будущности; кругозоръ его былъ шире, надежды полнѣе и выше; онъ былъ существомъ мыслящимъ и уже въ университетской аудиторіи болѣе требовательнымъ и менѣе уступчивымъ. И каково же было его разочарованіе, когда на первыхъ порахъ службы онъ, посланный въ батальонъ, попадалъ подъ власть какогонибудь капитана, который и по уму, и по развитію, и по взгляду на жизнь, стоялъ неизмѣримо ниже его, или—что еще безотраднѣе—въ своихъ, такъ сказать, одноклассникахъ, людяхъ какъ и онъ, когда-то просвѣщенныхъ, встрѣчалъ произволь, невѣжество, дичь и вздоръ, недостойный человѣка...:

Глубоко вѣлось въ наше общество взяточничество, низкоклонство, раболѣпство, нерадѣніе. Но все-таки можно положительно сказать, что университеты никогда ничего подобнаго не могли прививать молодымъ людямъ. Всякій почти изъ насъ, оставляя аудиторію, выносилъ и вѣру въ людей, и энергію къ добру, и надежду на свои силы. Правда, что вмѣстѣ съ этими достоинствами было много лишняго, молодаго, непригоднаго въ жизни, — но вѣдь это ничтожный, поверхностный наростъ, который можно было однимъ движеніемъ добраго и умнаго вліянія стереть навсегда, — и вышелъ бы изъ юноши крѣпкій и разумный человѣкъ. А тутъ, на первыхъ шагахъ въ жизнь, онъ сталкивался съ Амосомъ Карловичемъ, который ничего не писалъ, кромѣ

«Пилать» и ничего не читалъ, кромѣ производства въ приказахъ, (хоть и хвасталъ всякому встрѣчному, что лучше его никто не напишетъ, и онъ въ отчаяніи, что медики такъ глупы), который ничѣмъ умственно не занимался со дня вступленія на службу и потому не умѣлъ цѣнить трудъ и не понималъ, что такое значить работать отъ сердца... Ктонибудь скажетъ, пожалуй, что Амосъ былъ просто чудакомъ, на котораго не стоитъ сердиться. Можетъ быть, это и правда, да бѣда въ томъ, что этотъ чудакъ былъ въ то время безконтрольный паша, судившій и рядившій о службѣ на основаніи своихъ мелкихъ и маленькихъ идей, если только могли быть у него даже такія идеи; этотъ чудакъ правилъ, въ самомъ обширномъ значеніи слова, судьбою 400 чиновниковъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ 300. были умнѣе его; вліяніе этого чудака, несмотря на всю неестественность его существа, отражалось на всемъ, что было въ предѣлахъ его правленія, и каждый почти отдѣльный начальникъ вѣренной ему части, по довольно понятному закону отраженія, походилъ или, по крайней мѣрѣ, старался походить на Амоса Карловича....

И опускалъ руки бѣдный юноша. А организмъ требовалъ хлѣба насущнаго, пріюта и покоя: ихъ и искалъ онъ послѣ путями, по которымъ шло все общество....

Моимъ похождениямъ минуло много лѣтъ. Не бросимъ камня на старое время: вѣдь мы же сами и были это старое время, а засыплемъ его спокойно землею, и крестъ поставимъ по обычаю русскаго человѣка, который знаменуетъ крестомъ все, что кончилось. Многое измѣнилось, многое, какъ видно, хочетъ измѣниться, и на старой глухой могилѣ, гдѣ всѣ почти отчаялись увидѣть жизнь, можетъ быть она наконецъ покажется.

Миръ праху твоему, отжившее поколѣніе!

ЕР. В—ШЪ.

8 апрѣля,
1859 г.

ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНИЯ

ТРИФОНА АѦАНАСЬЕВА.

ПОВѢСТЬ.

(По повѣсти княжны Натальи Петровны Шаликовой.)

I.

Въ молодости моей знавалъ я крестьянина (звали его Трифономъ АѦанасьевымъ) изъ сосѣдняго со мною сельца Пересвѣтова. Мрачная доля этого человѣка всегда памятна мнѣ. Я хочу теперь разсказать про его жизнь, замѣчательную въ психологическомъ отношеніи страшнымъ паденіемъ и внезапнымъ, высокимъ возстаніемъ.

Сельцо Пересвѣтово находится въ лѣсномъ уголку одной изъ среднихъ великороссійскихъ губерній, въ мѣстности, гдѣ почва бѣдна и неблагоприятна. Въ уголку этомъ, не лишенномъ, впрочемъ, средствъ для мѣстной сельской промышленности, издавна существовалъ обычай отходить на сторону для заработковъ. Пересвѣтовцы любили изстари свободу промысловъ (или по крайней мѣрѣ возможность свободно выбрать любой изъ нихъ) и не отстаи отъ этого обычая даже тогда, какъ въ нѣкоторыхъ окольныхъ селеніяхъ стала успѣшно развиваться фабричная промышленность. Съ раннихъ лѣтъ всякой почти пересвѣтовецъ покидалъ родное селеніе и свою семью, шелъ на далекую сторо-

ну, жилъ тамъ по-долгу, обыкновенно до сорока или сорока пяти лѣтъ жизни, а иногда и состарѣвался на сторонѣ. Такъ началъ и Трифонъ Аванасьевъ. На четырнадцатомъ году онъ узналъ чужую сторону. Былъ у него въ Питерѣ родной дядя, занимавшійся биржевымъ извозничествомъ, и мать Трифона, тотчасъ послѣ смерти отца его, отправила къ этому дядѣ своего сына. Само собою разумѣется, дядя пристроилъ племянника по своей же части.

Нелегка эта часть, какъ и всѣ почти промыслы нашихъ русскихъ людей, добывающихъ себѣ хлѣбъ на сторонѣ. Не по труду нелегка, не потому, что съ ранняго утра до глухой полночи, а иногда съ вечера и вплоть до утра, извозчикъ-работникъ, въ стужу и непогодъ, все на улицѣ и всегда занятъ, но нелегка она — по расчету за трудъ, потому, что работникъ этотъ въ непрерывномъ, тяжкомъ отвѣтѣ передъ хозяиномъ. Хозяину нѣтъ возможности повѣрять его въ выручкѣ, а поэтому онъ самъ учитываетъ его кое-какъ, и всегда произвольно. Чаще же всего онъ такъ дѣлаетъ: отпуская съ утра работника, онъ напередъ назначаетъ сумму, которую тотъ непременно долженъ выѣздить, а если не выѣздитъ, — вычитаетъ изъ его жалованья недостачу. Обращеніе хозяевъ съ работниками — весьма тяжелое, справедливости не ищи; хозяева, считая себя постоянно обманутыми со стороны работниковъ, и сами обманываютъ, притѣсняють ихъ чуть не на каждомъ шагѣ; а работники, зная, что хозяева никогда не пощадятъ ихъ, въ свою очередь вслѣдствіе стараются надуть хозяевъ. Круговая порука эта, допускающая только рѣдкія исключенія, не первый уже день ведется на Руси-святой и отъ многихъ причинъ держится крѣпко-на-крѣпко...

Въ первые годы своей жизни въ Петербургѣ, Трифонъ не очень много нужды вытерпѣлъ. Дядя не выпускалъ его изъ глазъ своихъ, берегъ и всегда отстаивалъ, былъ къ нему добръ и ласковъ, училъ усердно уму-разуму. Правда, не вся его наука могла быть кстаті малому. Дядя, — хоть и отличный извозчикъ, — былъ охотникъ большой своровать все, что подойдетъ подъ руку. — отчего нигдѣ не уживался, и племянника, пока тотъ совсѣмъ въ возрастъ не вошелъ, перетаскивалъ за собою съ мѣста на мѣсто. Однако Трифонъ не пошелъ по его слѣдамъ, дурной и столь близкій примѣръ не испортилъ его, — онъ, напротивъ, спозаранку отличался удивительной честностью. Во все житіе свое въ Питерѣ не взялъ онъ на душу грѣха воров-

ства и обмана. Можетъ быть, отъ природы были живучи и сильны въ душѣ его сѣмена правды; можетъ быть, поддерживало его воспоминаніе объ отцѣ, старикѣ добромъ и честномъ, съ которымъ оцъ прожилъ дома всѣ почти годы дѣтства; а можетъ быть, и жалкая доля дяди вселяла въ Трифона отвращеніе къ мошенническимъ продѣлкамъ.

Пантелею, — такъ звали этого дядю, — вчастую доставалось за плутни. Не разъ и въ полицію его забирали, что не дешево ему стоило; не разъ и у хозяевъ подвергался онъ домашней, тяжелой расправѣ. Все это постоянно бывало на глазахъ Трифона. А когда было ему уже лѣтъ за двадцать, онъ увидалъ и бѣдственный конецъ дяди. За какую-то довольно неважную плутню строгій ховяинъ съ работниками своими такъ избилъ провинившагося, что тотъ недѣль шесть вылежалъ въ больницѣ. И жаловался онъ полицейскимъ властямъ, — только бокамъ его стало не легче оттого, что его обидчику пришлось поплатиться за самосудъ.

Трифонъ сначала во всемъ обвинялъ одного дядю и даже сильно серчалъ на него.

«Вотъ, въ-первой, что ли, такъ-то? думалъ онъ. — А все нейма!... Разъярился, вишь, на чужое добро, — а можно бы жить и безъ этого. И миѣ-то съ нимъ какое житье!... Урекають тоже изъ-за него!... Эхъ! кабы воля была!...»

Но Пантелей совсѣмъ зачахъ съ этого разу. Скоро хворость его усилилась до крайней степени, и видно было, что ужъ не жилецъ онъ на свѣтѣ. Жалѣючи его, загоревалъ тогда Трифонъ, а виѣстъ съ тѣмъ онъ почувствовалъ сильную вражду къ тѣмъ людямъ, которые такъ безчеловѣчно поступили съ его дядею.

«Вишь, какъ исколотили, въ гробъ вогнали! — разсуждалъ онъ самъ съ собою. И даромъ имъ пройдетъ, — гдѣ ужъ теперича суда искать?... А онъ-то помретъ безпремѣнно!...»

И точно: отъ этихъ жестокихъ побоевъ Пантелей душу отдалъ Богу. Передъ самымъ концомъ много каялся онъ во грѣхахъ передъ племянникомъ.

— Помирать, Триша, пришлось.... говорилъ онъ. — По грѣхамъ моимъ, — самъ, то есть, причинень!... Триша! ты ужъ не забудь поминъ сдѣлать по душѣ....

— Знаю, сдѣлаю.... отвѣчалъ печально Трифонъ.

— Охъ, тяжко! продолжалъ Пантелей. — А ты не думай, Триша.... не думай, что все зря только грѣшилъ, ради-для ба-

ловства одного.... Вѣдь сначала-то мекалъ, какъ бы побольше деньжонками сбиться.... мало ль на что надобно было?... а опосля думывалъ семьѣ помочь.... Сколько людей такъ-то нажали-ся!... Лѣта мои уходили, домой надоть было собраться, — а съ чѣмъ придти?... Не шло все въ руку-то, — оттого больше....

— Не надоть бы.... тихо замѣтилъ Трифонъ.

— Да, да.... не надоть бы,—самъ вижу, самъ вижу!... Триша! вѣдь сыновья махонькіе, подростутъ тоже, — откупиться думалъ на волю.... Давно хотѣлося откупиться, для этого больше и съ братомъ Аванасемъ раздѣлился... Мало ль хлопотъ и грѣха было? Баринъ не позволялъ, ужъ на силу-то....

— Господи! продолжалъ умирающій. — Помираю, а дѣти-то!... Обижать, пожалуй, общество станетъ.... кто за нихъ заступится?... Подростутъ, думалъ съ собою пристроить.... а вотъ помираю!... Триша! ради Христа, не покинь!... пристрой, какъ подростутъ!...

— Не покину, отвѣчалъ Трифонъ.

— А ты меня прости.... въ чемъ согрѣшилъ супротивъ.... Не покинь же, Триша, не покинь ты....

Повторяя безпрестанно эти просьбы не покинуть дѣтей, онъ умеръ. Трифонъ много плакалъ о немъ.

Онъ остался безъ всякой поддержки на чужой сторонѣ. Въ первое время жутко и тяжело ему было, но потомъ онъ построилъ дѣлишки. Онъ самъ себя помогъ. Ловкой смышленостью и бойкой неутомимостью въ работѣ онъ приобрѣлъ себѣ хорошую извѣстность, тѣмъ болѣе прочную, что нельзя же было его хозяевамъ не замѣтить его безукоризненной честности. Впрочемъ былъ у него и недостатокъ довольно крупный, а въ его положеніи особенно неудобный: онъ былъ черезъ-чуръ своеобразчивъ и упрямъ; ему все хотѣлось быть посвободиѣе, дѣлать посвѣдому, а иной разъ онъ бывалъ грубоватъ.

Скоро случилось происшествіе, взволновавшее сильно его впечатлительную, живую душу.

Я сказалъ уже, что Трифонъ отличался особенной смышленностью, — она-то помогла ему сослужить большую службу хозяйну. Какъ-то осенью, когда настали темныя ночи, подмѣтилъ Трифонъ, что одинъ изъ жившихъ съ нимъ двоихъ работниковъ все что-то высматриваетъ въ хозяйскихъ горницахъ и какъ будто особенно старается ознакомиться съ той горницей, въ которой спитъ хозяйнъ.

Разъ Трифонъ спросилъ этого работника:

— Ванюха! ты что это все высматриваешь?

— А чего мнѣ высматривать?... Что ты ко мнѣ пристаешь?...
отвѣчалъ сердито Ванюха — и заругался.

Дня черезъ два послѣ того, Трифонъ увидалъ нечаянно, что нѣсколько досокъ въ самомъ темномъ углу конюшни приподымаются и что подъ ними вырыта довольно большая яма.

«Хоть что хошь, подумалъ онъ, а работалъ это Ванька. Видно, дѣльце какое-ни-на-есть, затѣваетъ....»

Вмѣстѣ съ тѣмъ пришло ему на память, что Ванька въ послѣдніе дни все шептался о чемъ-то съ Ефремомъ, другимъ работникомъ. Обо всѣхъ этихъ наблюденияхъ Трифонъ собрался уже сообщить хозяину, какъ вдругъ у хозяина случилось большое горе: украли сундукъ, въ которомъ берегъ онъ всю свою казну.

Покража была сдѣлана смѣло да притомъ явно — людьми близкими, хорошо знавшими расположение дома и всю домашнюю обстановку. И — странное дѣло — ни хозяинъ, ни жена его (ихъ было только двое) не слышали, какъ просверлили буровомъ дверь комнаты, гдѣ они спали, какъ отодвинули задвижку, какъ вошли, взяли и вынесли большой сундукъ. Проснувшись на другой день, по обыкновенію, ранехонько, хозяинъ насилу голову приподнялъ отъ сильной боли, но какъ разъ увидалъ, что драгоценный сундукъ исчезъ. Хоть и больной, онъ, однако, проворно распорядился: задержалъ всѣхъ работниковъ дома и кинулся въ полицію. Тотчасъ началось слѣдствіе, произвела осмотры и обыски, забрали работниковъ и разсадили по рознь.

Когда стали допрашивать Трифона, онъ объявилъ, что самъ въ кражѣ неповиненъ, а подозрѣваетъ въ ней Ваньку, съ которымъ, можетъ-статься, участвовалъ и Ефремъ. Это показаніе онъ сдѣлалъ прямо, ясно и твердо. По разсказу его о подмѣченной ямѣ въ углу конюшни, кинулись туда и, точно, нашли процавній и еще непочатый, на счастье хозяина, сундукъ. Эта улика была сильна и неотразима, но обвиняемые рѣшительно заперлись во всемъ и въ свою очередь стали всячески путать Трифона.

Слѣдователь, частный приставъ, былъ великій скептикъ, какъ и подобаетъ быть у насъ полицейскому чиновнику. Онъ заподозрѣлъ тоже и докащика, если не въ прямомъ преступле-

нѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ соучастіи съ Ванькой и Ефремомъ.

— Эге, другъ! — говорилъ онъ, понюхивая табачокъ «для освѣженія мыслей». Ты у меня не вертись! ты у меня и не думай вертѣться.... Я вашего брата знаю вдоль и поперегъ! Что ты думаешь — мало перебывало у меня воровъ и мошенниковъ на разную статью? Эге! да еще какіе мошеннички-то бывали! что твои гусли.... Такъ-то, любезный! Ты, вотъ, постой, я тебѣ по пальцамъ все расскажу и растолкую.

Тутъ словоохотливый частный приставъ приостановился, разомъ зарядилъ свой носъ крупной порціей табачку, подошелъ вплотъ къ Трифону, дружески потрепалъ его по плечу, приподнялъ голову его вверхъ, стукнувъ, несовсѣмъ-то ужь по дружески, кулакомъ въ подбородокъ — и, безпрестанно подмигивая лѣвымъ глазомъ да улыбаясь слегка и какъ-то особенно лукаво, началъ говорить съ подобающей важностью.

— Ну, братецъ ты мой, напередъ тебѣ объявляю: сердце мое чуетъ — вѣдь оно у меня вѣщунъ — сердце мое чуетъ, что будешь ты моимъ «крестничкомъ.» Такъ ты чѣмъ скорѣе сознаешься, тѣмъ для тебя же будетъ лучше, — что безъ-толку время волочить?... Теперь слушай внимательно да смотри мнѣ прамехонько въ глаза, — я, братъ, очень люблю, коли мнѣ въ глаза прямо смотрять, а стоять чинно и смирно. Ты говоришь, что Ванька и Ефремка украли, а самъ ни въ чемъ не виновать, а я тебѣ скажу: быть сего не можетъ!... И вотъ почему....

Трифонъ не выдержалъ; его ужь давно подмывало огрызнуться.

— Анъ нѣту!... прервалъ онъ, горячо размахивая руками. — Отродясь воровъ не былъ.... вотъ однава дыхнуть!... Вишь ты: я-жь доказалъ на воровъ, а на меня вину валить!... Да я....

Частный проворно подбѣжалъ къ нему.

— Тссъ!... молчать! вскричалъ онъ, зажимая широкой ладонью своей ротъ Трифона. — Что ты это?... Съ ума никакъ сошелъ!... Я лишь на первый разъ рѣшаюсь простить тебѣ такую продерзость. Начальство съ тобой говорить, начальство доказываетъ тебѣ, начальство изволить тебѣ доказывать, — а ты ротъ свой мерзкій развѣаешь, а ты руками смѣешь размахивать! Ну, смотри у меня!... Въ другой разъ я не осмѣлюсь даже простить, а тутъ же долженъ буду.... да, да!... ни гугу! смотри!...

Вслѣдъ за этимъ онъ опять приподнялъ голову Трифона, два раза стукнувъ его кулакомъ въ подбородокъ такъ, что у малаго зубы во рту ходенемъ заходили. Такія убѣдительныя доказательства подѣйствовали на Трифона: съ этого раза онъ уже не прерывалъ слѣдователя.

— Ну, слушай же, малой, началъ опять частный приставъ. — Я буду говорить доказательно, а дѣльце твое разсужу, какъ по писанному. Это страсть моя—объяснять всякому ворискѣ въ чемъ его провинность состоитъ; надо же васъ, мошенниковъ, съ законами знакомить. Вотъ какъ дѣло было у васъ: всѣ вы трое, — я, братъ, справедливъ и знаю, что не ты одинъ, — всѣ вы трое заблаговременно сговорились, умыселъ учинили, и яму вмѣстѣ вырыли, и хозяевъ дурманомъ опонли, — вѣдь спали они, какъ сурки, и ничего не слышали, — а потомъ сундукъ вмѣстѣ украли.... Ну, а наконецъ задѣлили другъ друга, вотъ ты, — въ дѣлежкѣ, значить, обиженный, — и доказываешь теперь. А то съ чего бы тебѣ знать и про яму, и про все тамъ? Невѣроятно! невѣроятно!... Такъ, что ли, малый?... вѣдь задѣлили тебя?...

— Нѣту, помилуйте!... отвѣчалъ Трифонъ. Какъ такъ задѣлили? Помилуйте!... да сундукъ-отъ цѣлехонекъ найденъ, неразбитъ и не отпертъ....

Возраженіе это озадачило частнаго. Онъ нѣсколько разъ повторилъ глубокомысленно: гмъ! гмъ!... и нѣсколько разъ освѣжилъ свои соображенія крѣпкими понюшками.

— Ты, однако, не сбивай меня, братецъ! — сердито сказалъ онъ. — Слышишь? не сбивай меня!... Знаю я, что цѣль, — ну, такъ чтожь такое! Все же могли вы поссориться и разладить, хоть, напримѣръ, изъ того, что одинъ изъ васъ, за большее участіе въ дѣлѣ, хотѣлъ воспользоваться лучшею долею. Ну, самъ скажи: могли поссориться? могли разладить?...

— А почему я знаю, чего не знаю! — возразилъ грубовато Трифонъ.

— Экой ты скоть, братецъ ты мой! Экой ты скоть.... все-то запираешься.... промолвилъ какъ-то задумчиво частный, — сила скептическихъ его соображеній опять замѣтно ослабѣла. Ну, а что ты скажешь, продолжалъ онъ, уже путаясь въ словахъ, что скажешь.... вотъ, напримѣръ, да!... ну, о томъ, что хозяевъ-то дурманомъ за ужиномъ опонли?...

Яркая мысль мгновенно озарила голову Трифона.

— Да и я съ ними ужиналъ! быстро вскричалъ онъ.—Ваше высокоблагородіе! я тоже спалъ, какъ убитый.... Самъ хозяишъ насилу меня добудился, — вотъ извольте спросить.... А Ванька и Ефремъ не ужинали....

Слова эти и подтвердившія ихъ показанія хозяевъ повели къ разслѣдованіямъ. Ванька и Ефремъ чрезвычайно спутались; сначала они заперлись было въ томъ, что не ужинали, а потомъ разбѣлись въ рѣчахъ; хозяева и Трифонъ во многомъ ихъ уличили. Частный приставъ оказался не только говорунѣмъ и скептикомъ, но и неумолимымъ преслѣдователемъ преступленія. Онъ загонялъ Ваньку и Ефрема полицейскими силлогизмами, для большей убѣдительности когорыхъ не пожалѣлъ и вспомогательныхъ средствъ, то есть, всякихъ угрозъ, обѣщаній, что ничего не будетъ за признаніе, а особенно лихихъ «зубочистокъ», — и наконецъ Ефремъ сознался, а Трифонъ окончательно былъ оправданъ въ полицейскомъ судилищѣ.

Какъ видите, — порокъ наказанъ, добродѣтель Трифона восторжествовала. Но восторжествовала добродѣтель эта не въ глазахъ частнаго пристава. Въ какомъ-то раздумьѣ и съ явнымъ неудовольствіемъ выпустилъ онъ изъ подъ ареста Трифона.

— Ну, любезный, молвилъ онъ при этомъ, — ловкой ты мошенникъ, изъ молодыхъ да ранній. А помни мое слово — не сносить тебѣ головы: не мнѣ, такъ другому попадешься и уже не отвертнешся....

Но этимъ предсказаніемъ онъ не ограничился. Получивъ отъ хозяина «благодарность» за благополучное окончаніе дѣла, онъ, въ порывѣ своей благосклонности, счелъ долгомъ предупредить его насчетъ Трифона.

— Смотри ты въ оба и, какъ огня, берегись этого малаго, сказалъ онъ хозяину. — Продувная бестія! На рѣчахъ какой бойкій — мало встрѣчалъ я подобныхъ мошенниковъ. Просто, вотъ, глаза отвелъ, изъ воды сухъ вышелъ. А все скажу: не можетъ быть сего! Ужь какъ нибудь да участвовалъ онъ въ этой кражѣ....

Хозяишъ много кланялся за такое предупрежденіе. И не пропало оно даромъ. Съ этого разу онъ сталъ нападать на Трифона, во всемъ его заподозривая; хозяйка тоже взѣлась на него; взятые на мѣсто Ваньки и Ефрема работники искоса на него глядѣли и часто поговаривали, что, «вотъ, донощику-то надо-бы

первый кнутъ.» Не разъ Трифонъ и самъ упрекнулъ себя за то, что показалъ на бывшихъ своихъ товарищей.

— «А пожалуй лучшебъ не показывать.... думалъ онъ, — и такъ бы дѣло-то сошло.... Сундукъ вотъ.... что жь! я-то имъ не покорыствовался бы, а хозяинъ самъ бы, чай, пашель его, а то можно бъ ему было укавать опосля,... Вишь ты, за правду-то каково стоять!... поди-ка-сь напасть вышла какая! И мошенникомъ тоже сочли, — и чѣмъ бы спасибо сказать, а тутъ всѣ, какъ есть, взѣлись.... Наустилъ меня лукавый!...»

Скоро опротивѣло ему такое житье; болѣзненно оскорбляли его эти несправедливыя подозрѣнія, эта вражда, эти попреки. Хозяинъ не сгонялъ его еще отъ себя, по ясно было, что онъ хочетъ отъ него отдѣлаться — Трифонъ самъ рѣшился перейти на другое мѣсто. Онъ потребовалъ расчета, а хозяинъ и тутъ его притѣснилъ, обсчитавъ на нѣсколько десятковъ рублей; крупно поругался съ нимъ Трифонъ и объявилъ, что «до суда дойдетъ» изъ-за своей обиды.

— Эва! угрозилъ ты намъ! возразилъ хозяинъ.—Насъ, братъ, знаютъ-то получше. Мы начальство-то уважаемъ, неоднова сходимъ съ поклономъ, доступъ, вѣдь, имѣемъ.... Да чѣмъ такимъ ты докажешь-то?...

Хозяинъ былъ правъ. Частный приставъ—старый нашъ знакомый—разсудилъ дѣло, какъ слѣдуетъ.

— Экая ты, бестія, сказалъ онъ Трифону, и бестія-то неугомонная!... Изъ пустяковъ сущихъ къ начальству лѣзешь, беззаконны!... Ты, мошенникъ, вспомнилъ бы старое-то дѣльце. Добрый еще человекъ твой хозяинъ, что тогда же не постарался запрятать тебя въ острогъ, да еще сколько времени держалъ тебя послѣ того.... Пошолъ вонъ, и не смѣй лѣзть на глаза изъ-за всякой дряни!...

Этотъ-то весьма обыкновенный случай имѣлъ большое вліяніе на развитіе характера Трифона. Онъ раздражилъ его и поселилъ въ немъ недовѣріе къ окружающимъ его людямъ и ко всему его положенію. Положеніе это было таково, что часто приходилось ему встрѣчаться съ людскою несправедливостью, а онъ не умѣлъ выносить и терпѣть, не умѣлъ прилаживаться къ обстоятельствамъ. Отъ этого и онъ, подобно дядѣ-мошеннику, нигдѣ не уживался. Правда, онъ не лишался черезъ то работы. Русскій людъ, особенно промысловый, непривередливъ—и коли одинъ хозяинъ, по какой ни-на-есть причинѣ, разстанется съ

работникомъ, вчастую недобромъ разсчитшись съ нимъ, — навѣрное, сыщется другой, который тотчасъ же приметъ къ себѣ прогнаннаго: однако для Трифона мало толку было въ этомъ. Какъ только приходилось ему искать мѣста, новый хозяинъ прижималъ его, бывало, и давалъ плату неподходящую. Но дѣлать было нечего, — Трифонъ занимался и за такую плату. Такимъ образомъ цѣна съ его работы, труда потоваго, сильно всегда упадала. Трифонъ былъ уменъ, онъ хорошо видѣлъ все это и зналъ досконально, по какой причинѣ дѣло его «не выгораетъ», а все-таки не въ мочь было ему поправить бѣду: какъ быть, — съ такимъ нравомъ «ничего не подѣлаешь».

Между тѣмъ онъ женился у себя на родинѣ, въ Пересвѣтовѣ, и сдѣлалъ это больше по требованію своей матери, чѣмъ по собственному желанію: матери его понадобилась помощница въ домѣ, или, просто сказать, работница. Впрочемъ жена ему попалась хорошая и добрая, только чересчуръ уже смиренная, — а это послѣднее качество было не подѣлать характеру ея свекрови Афиньи, бабы малоумной и крайне сварливой. Трифонъ, хоть и обзавелся своей собственной семьей, рѣдко и ненадолго навѣщалъ Пересвѣтово. И тяжело бывало ему проживать дома. Афинья обращалась съ его женою всегда глупо и несправедливо, а иногда даже жестоко. Ужь какъ хотѣлось ему вырвать пзъ-подъ этого гнета бѣдную жену, которую онъ очень любилъ! Сначала онъ порывался — было взять ее съ собою въ Питеръ, вопреки обычаю и несмотря на то, что мать и слышать про это не хотѣла; но средства его для жизни съ женою на сторонѣ были недостаточны, да къ тому же пошли у него дѣти — и онъ долженъ былъ отложить свое намѣреніе.

Вспомнилъ онъ тогда, какъ дядя Пантелей все добивался, чтобы откупиться на волю. Мысль о свободѣ стала вдругъ любимою, дорогою, потаенною его мыслью. Онъ положилъ работать безъ устали для этой цѣли. Онъ разсчитывалъ, что какъ только откупится, то приютить съ собою жену и дѣтей, а дѣти, подрастая, помогать будутъ, и легче дѣло его пойдетъ и, смотришь, подъ-конецъ самъ онъ сможетъ сдѣлаться хозяиномъ, хоть и не на большую руку.

«Лишь бы выбиться на «стремя» — то, думывалъ онъ: — а тамъ по водѣ ужъ легко будетъ плыть!...»

II.

И сталъ Трифонъ Аөанасьевъ жить да поживать все въ Питерѣ. Вообще не очень удалось ему здѣсь, но онъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ привольнымъ, бойкимъ городомъ;—«благо обжился, къ мѣсту пришелся», какъ онъ говаривалъ, — тутъ и свѣковать ему желалось. Да и во всякомъ случаѣ, онъ хоть и немного добывалъ въ Питерѣ, однако доставало ему изъ заработковъ своихъ уплачивать оброкъ исправно и въ домъ подавать ежегодно рублей сотню ассигнаціями; а сверхъ того, во многіе годы работы, сколотилъ онъ и запасецъ порядочный.

Такъ прошло слишкомъ двадцать годовъ; Трифонъ же доживалъ свой четвертый десятокъ. Къ этому времени накопилось у него въ запасцѣ тысячи полторы рублей. Онъ не выпускалъ ихъ изъ рукъ, хранилъ, какъ зѣницу ока, и носилъ всегда на крестѣ.

«Вотъ, думалъ онъ теперь частенько: еще годика три-четыре поработаю, авось и еще рубликовъ пятьсотъ сколочу.... А семья у меня небольшая, — можетъ, баринъ и возьметъ тысячки полторы.... Приписаться будетъ стоить дорогонько: вѣдь нашего брата тоже не помилуютъ.... Больно мало останется у меня деньжонокъ, и обзавестись, почитай, будетъ не на что.... да ничего!... Юшка вѣдь на возрастѣ, и Мишутка авось, съ помощью Господней, поправится.... А право-слово, баринъ возьметъ полторы тысячи; онъ вѣдь добрый, хоша и безтолковъ маменько....»

Но во всю жизнь недобрая доля преслѣдовала Трифона.

Въ послѣдній годъ пребыванія своего въ Питерѣ получилъ онъ, въ началѣ лѣта, извѣстіе изъ дому, что жена его умерла. Онъ тотчасъ же отправился въ Пересвѣтово и нашелъ осиротѣвшую семью свою въ чрезвычайно плохомъ положеніи: старшій сынъ его Ефимъ, малый лѣтъ уже пятнадцати, оказывался хворымъ и поэтому ненадежнымъ къ постоянной, усиленной работѣ; дочь Аграфена въ прошлую зиму потеряла ноги отъ сильной простуды и сидѣла калѣвкой; младшій сынъ Михайло, семилѣтній мальчикъ, испуганный въ дѣтствѣ бабкою Афимьей, имѣлъ падучую болѣзнь, и уже теперь было замѣтно, что онъ на всю жизнь останется дурачкомъ. Бѣдный Трифонъ былъ пораженъ такимъ положеніемъ семьи. Много тужилъ онъ о женѣ, еще больше горевалъ о дѣтяхъ и, ко всему этому, сильно неладилъ съ матерью, которую онъ не могъ не попрекнуть за несчастье

младшаго сына своего и за дурное обращеніе съ женою, захирѣвшей, можетъ быть, черезъ нее. Недѣли четыре только пробылъ онъ дома и подъ-конецъ этого времени усильно спѣшилъ отправиться въ Петербургъ,—такъ тяжко и горько было ему дома глядѣть на семью свою.

Онъ пришелъ въ Петербургъ въ праздничный день къ вечеру и, при самомъ входѣ въ городъ, встрѣтился съ двумя знакомыми извозчиками, земляками ему изъ сосѣдней съ Пересвѣтовымъ деревни Загорья.

— Трифонъ, братъ, здорово, весело сказали они оба.—Изъ дому, что ли?

— Изъ дому, отвѣчалъ Трифонъ.

— По-доброу ль, по-здорову побывалъ?

— Нѣту, братцы!...

И онъ разсказалъ имъ про свое домашнее горе. Земляки потужили, поохали, стали утѣшать его, какъ умѣли, а покончили утѣшенія такими словами:

— Что жъ, братъ, дѣлать-то? Воли Божьей не минуешь, а ужъ оно, знать, такъ на роду тебѣ написано.... А чѣмъ горевать-то, братъ, пойдемъ-ко да выпьемъ маненько. Ты хоша и не больно охочь до вина, да все жъ иногда пропускалъ, — мы вѣдь знаемъ.... Такъ теперича-то и самъ Богъ велѣлъ—съ горя... А намъ тебя, братъ Трифонъ, вотъ же ей-ей, до-смерти жалко!...

— Спасибо, братцы, на добромъ словѣ, отвѣчалъ Трифонъ:— а вина не надо.... чай, и въ душу не пойдетъ....

— Экой ты!... говоримъ — надоть тебѣ безпремѣнно теперича... Легче непримѣръ будетъ!... Мы вотъ и сами, братъ, съ горя тоже, — съ мѣстовъ слетѣли, хозяйнѣ обидѣлъ, такъ оттого больше....

— Да какъ же, возразилъ уже въ какомъ-то раздумьи Трифонъ, которому, въ ту минуту, такъ вдругъ захотѣлось испить винца, какъ никогда прежде не хотѣлось: — да какъ же, братцы.... а я было думалъ прямо на фатеру къ хозяйну ночевать, да завтра съ утра ужъ и за дѣло приниматься....

— Эва! сказали, смѣясь, оба пріятели:— успѣешь еще наработаться, — дѣло-то не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ, а нашему брату, ей-же-Богу право, можно иной разъ и отвернуться отъ дѣла хоть на часокъ.... Вишь ты, ретивый какой!... Ты пойдемъ-ко съ нами, да выпьемъ, братъ, — а вотъ ночевать-то, ну, коли

поздненько тамъ будетъ, али захмѣлѣешь больно, такъ хоша съ нами почнешь....

Трифонъ не сталъ уже болѣе возражать; онъ тѣмъ легче согласился на предложеніе земляковъ, что его самого такъ и подмывало пойти размыкать грусть-тоску; да къ тому же земляки эти были люди хорошіе и по душѣ ему.

Обыкновенно скупой на всякія напрасныя траты, Трифонъ въ харчевнѣ раскутился не на шутку. Голова сго затуманилась, онъ вдругъ позабылъ про свое горе, и легко стало у него на сердцацъ; пріатели его тоже весело кутили. Скоро присталъ къ нимъ еще товарищъ на выпивку, тоже извощикъ, знакомый нѣскольکو пріателямъ Трифона, парень молодой, разгульный и весельчакъ затѣливый. Онъ подсѣлъ къ Трифону и такъ подладилъ ему веселою рѣчью, что подъ-конецъ сталъ брататься съ нимъ. Всѣ наши гуляки выпили тутъ немало и еще хотѣли бы выпить, но было уже поздно, и харчевникъ выпроводилъ ихъ вонъ почти насильно.

На свѣжемъ воздухѣ голова хмѣльнаго Трифона еще больше затуманилась, а ноги у него такъ и подкашивались. Онъ смутно понималъ, что въ такомъ положеніи не слѣдуетъ ему идти къ себѣ на квартиру, до которой было недалеко.

— Кузьма, а Кузьма!... сказалъ онъ одному изъ двухъ пріателей-земляковъ: — я, братъ, тово.... ужъ и больно-то я захмѣлѣлъ теперича.... Идти на фатеру,—а нѣту, братъ, никакъ вотъ не могу!... и недалеко мѣсто, право-слово!... Да вотъ что, братъ, прибавилъ онъ, понижая голосъ, но говоря, однако, такъ, что всѣ слова можно было слышать:—боюся тово.... какъ бы деньжонки, братъ, кровныя денежки,—на крестъ вотъ ношу, откупиться приготовилъ,—какъ бы, то есть, не отняли....

— А хошь?... я тебя провожу!... проворно вмѣшался разгульный парень.

— Ну, братъ.... началъ-было Трифонъ.

— Нѣту!... возразилъ Кузьма.—Пошолъ ты прочь, Андрюшка! . Знаемъ мы тебя,—заведешь ты его, пожалуй.... Пойдемъ-ко, братъ Трифонъ, съ нами ночевать....

— Такъ и я съ вами!... вызвался опять Андрюшка.

— Ну, куда еще!... проваливай-ко!... Тамъ и такъ тѣсно будетъ.... отвѣчалъ товарищъ Кузьмы, Петруха.

— Ужъ пожалуйста, братцы, не прогоняйте меня! сдѣлайте такую милость!... больно далече идти....

— А чортъ съ тобой!... иди, пожалуй!... вымолвилъ съ неудовольствіемъ Кузьма.

Въ большомъ, душномъ и темномъ подвалѣ, куда вошелъ теперь Трифонъ съ своими товарищами, уже спало, вповалку на полу, довольно много всякаго народу, и не безъ труда отыскали наши гуляки мѣстечко себѣ посреди подвала. Трифонъ, Кузьма и Петруха скорехонько и крѣпко заснули, но Андрюшка не спалъ: онъ задумалъ раздобыться въ эту ночь чужимъ добромъ. Увѣрившись, что товарищи его крѣпко разоспались, онъ ползкомъ и потихоньку подкрался къ Трифону, смѣло разстегнулъ ему воротъ рубахи, вытащилъ изъ-за пазухи шнурокъ съ крестомъ и кошелькомъ, и складнымъ ножомъ ловко перерѣзалъ шнурокъ. Затѣмъ онъ хотѣлъ-было уже убираться вонъ изъ подвала, но вдругъ пришла ему въ голову затѣйливая мысль.... онъ усмѣхнулся про себя, опять смѣло подобрался къ Трифону и осторожно надѣлъ ему на шею свой крестъ съ грязной ладонкою. Окончивъ счастливо эту опасную затѣю, онъ посвѣшилъ уйти, и тутъ нечаянно спотыкнулся объ ноги Кузьмы. Кузьма приподнялся на локоть и спросилъ съ-проборомъ:

— Кто это?

Андрюшка не отвѣчалъ, но невольно остановился.

— А, чортъ!... ноги отдалить.... сказалъ сердито Кузьма.— Да кто такой?...

— Я... отвѣчалъ шопотомъ Андрюшка.

— Вишь ты, воръ-Андрюшка!... пробормоталъ уже почти безсознательно Кузьма и повалился опять спать, а воръ проворно выбрался изъ подвала.

На другой день Трифонъ только-что глаза открылъ, какъ по болѣзненному какому-то предчувствію, прежде всего хватился за свои денежки — и не нашелъ ихъ....

— Братцы!... родимые!... сталъ онъ кричать, кидаясь между просыпавшимися рабочими: — помогите!... отдайте, братцы!... Господи! за что погубить хотите?... Двадцать лѣтъ работалъ!... Братцы!... отдайте!...

Нѣкоторые изъ рабочихъ начали разспрашивать, въ чемъ дѣло, другіе же, изъ-разныхъ опасеній, стали уходить потихоньку, — можетъ быть, и всѣ бы скоро разошлись, еслибъ Кузьма и Петруха, особенно испуганные этимъ происшествіемъ, не закричали наконецъ:

— Стой, ребята!... не расходись!... никого не выпускай!... человека обокрали... Начинай вот съ насъ обыскивать!...

— Нѣту, не надо!... братцы! что обыскивать? говорилъ Трифонъ. — Ради Христа, такъ ужь отдайте!... не пойду до суда... Богъ съ вами!... Хоть долю какую возьмите, только отдайте, — не губите души!... Безъ ножа вѣдь зарѣзали...

Между тѣмъ обыскъ состоялся. Послѣ Кузумы и Петрухи, и всѣ прочіе, кто тутъ еще былъ, дали себя обыскать. Само собою разумѣется, денегъ Трифоновыхъ ни у кого не нашли. Тогда рабочіе стали всѣ расходиться, и только двое изъ нихъ, видно особенно любопытные, оставались еще тутъ. Съ уходомъ рабочихъ послѣдняя надежда Трифона исчезла и отчаяніе его возрасло до высшей степени. Онъ заплакалъ такими горькими слезами, что разжалобилъ не только земляковъ своихъ, но и постороннихъ любопытныхъ.

— Экой грѣхъ приключился! — толковали эти любопытные. Вотъ какъ человека обездолили... И кто это злодѣй такой?...

— Знаешь: на кого я мекаю? — вдругъ сказалъ Кузьма Петрухъ.

— А на кого?

— Да на Андрюшку!... Коли ты его не знаешь? Воръ настоящій!... И зачѣмъ это вчера увязался за нами?... Да вотъ еще — изъ ума было вонъ — ночью-то онъ ноги мнѣ отдалъ....

Дрожая всѣми членами отъ волненія, Трифонъ прислушивался къ этимъ словамъ.

— А что жь, малый, — сталъ совѣтывать ему одинъ изъ рабочихъ, — ступай-ко ты теперь же въ часть да объяви.... авось и разыщутъ....

— Какъ-же! дождайся!... замѣтилъ другой рабочій, покачавъ головою. — Гдѣ ужь тутъ разыскать?... Для кого другаго, а для нашего брата....

Но Трифонъ тотчасъ же ухватился за этотъ совѣтъ и настойчиво сталъ просить Кузьму и Петруху, чтобы они сопровождали его въ часть; — но они и слышать объ этомъ не хотѣли.

— А зачѣмъ намъ идти? — говорили они.

— Да какъ же, братцы! умолялъ Трифонъ: — вотъ на счетъ Андрюшки-то....

— Эка, братъ! мало ль что на человека думается, а на суду какъ доказывать?... Нѣту, мы въ свидѣтели супротивъ него не

пойдемъ.... Вѣдь, пожалуй, такъ-то и насъ свяжутъ, и тебѣ не уйдти!... Что ужъ тутъ! Вишь, въ свидѣтели зоветь!... Нѣтъ, ты ужъ самъ — какъ знаешь....

Долго спорилъ съ ними Трифонъ, но онъ никакими доводами не убѣдились; слезно просилъ онъ ихъ поддержать его въ такой бѣдѣ, но они все остались при своемъ. Двое рабочихъ были тутъ же и съ видимымъ участіемъ слушали эти переговоры; жаль имъ стало Трифона, и они не утерпѣли, чтобы не замолвить за него словечка.

— Чтожь, братцы! — сказали они Кузьмѣ и Петрухѣ, — вѣдь вамъ и то можно бы.... Вишь, и впрямь человекъ пропадаетъ.... Оно, хоша и тово.... да все жъ никакъ вамъ можно бы.... Ужъ и больно-то жалко....

— Вотъ, въ-чужѣ-то легко говорятъ! возразили съ сердцемъ земляки Трифона. — А развѣ мы его не жалѣемъ? Да вѣдь ничего не подѣлаешь!... Какъ насъ-то къ дѣлу притянуть, — легче, что ль, ему будетъ?... Нѣту! мы вѣдь тоже виды выдали.... скажешь, анъ и пропадешь!...

— Коли такъ, братцы, — обратился Трифонъ къ рабочимъ, — такъ я на васъ пошлюся, — вы слышали, какъ они вотъ говорили объ Андрюшкѣ....

— Ну, васъ — къ Богу! возразили рабочіе. — Уходитъ надоть поскорѣй отъ васъ.... Вишь, какъ лѣсной звѣрь на всѣхъ кидается!... Разбирайтесь, какъ хотите, — а чужимъ то что?....

И они тотчасъ же ушли.

Трифонъ, конечно, пожаловался о своемъ дѣлѣ. Ему ничего другаго не оставалось, какъ прибѣгнуть къ полицейскому правосудію, — утопающій и за соломенку хватается. Впрочемъ, на первыхъ порахъ дѣло его пошло, если не успѣшно, то скоро. Андрюшку тотчасъ же отыскали и обыскъ у него произвели, «по которому ничего подозрительнаго не оказалось». За тѣмъ начались допросы и очные ставки.

Съ дерзкою самонадѣянностью и съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчалъ при допросахъ Андрюшка: онъ отвергалъ не только обвиненіе Трифона въ покражѣ у него денегъ, но не сознавался даже и въ томъ, что онъ начевалъ вмѣстѣ съ нимъ, съ Кузьмою и Петрухою. У него нашлись трое свидѣтелей, утверждавшихъ, что онъ почевалъ съ ними. Кузьма и Петруха, уличавшіе его сначала, что онъ изъ кабака отправился по-

чевать съ ними, — увидавъ свидѣтелей съ его стороны, сильно струсили, сбились въ показаніяхъ и стали уже перевирать всѣ обстоятельства, — что обратило на нихъ особенное подозрѣніе слѣдователя. Само собою разумѣется, подозрѣній своихъ насчетъ Андрюшки, высказанныхъ Трифону, они не подтвердили теперь при слѣдствіи; изъ этого родилось новое противорѣчіе — и дѣло еще больше запуталось. Наконецъ, на послѣдней очной ставкѣ Трифона съ Андрюшкой, невинность Андрюшки оканчательно восторжествовала въ глазахъ слѣдователя.

— Вотъ ты, — Богъ тебѣ судья, — началъ говорить Андрюшка противъ уликъ Трифона: — вотъ ты все лаешь, что у тебя деньги украдъ.... Да ты скажи по-крайности: какъ такъ могъ я, то есть, украсть деньги твои: изъ кармана, чтоль, вынуть, аль онѣ въ шапкѣ у тебя защиты были, аль тамъ въ сапогѣ. ..

— На крестѣ были.... отвѣчалъ Трифонъ, въ какомъ-то недоумѣніи.

— На крестѣ! — возразилъ Андрюшка. — Ну, хорошо, на крестѣ, такъ тому дѣлу и быть.... значить, срѣзалъ я у тебя крестъ-то твой?...

Трифонъ замаялся. Слѣдователь, которому уже сильно надоѣли эти очныя ставки, сталъ теперь внимательно слушать.

— Ну, что жъ ты? отвѣчай, братецъ! — прикрикнулъ онъ на Трифона.

— Да что отвѣчать-то? — молвилъ угрюмо Трифонъ. — Теперича вяжу, что онъ изъ всѣхъ, чай, мошенниковъ самый, то есть, первый мошенникъ.... Точно, вотъ какъ передъ Богомъ, деньги на крестѣ у меня были, только моего-то креста нѣту, а что теперича на мнѣ крестъ (онъ показалъ его при этомъ), какъ есть — не мой.... должно-быть, — его, разбойника!...

— А ты, малой, не бранися, — возразилъ съ торжествующимъ видомъ Андрюшка: — что браниться-то? ты толкомъ говори, — чай, вѣдь начальство разсудитъ насъ.... Такъ значить, по твоему, я жъ и твой крестъ срѣзалъ, да я жъ на тебя и свой-то надѣлъ опосля?... Ваше высокоблагородіе! статочное ли оно, это дѣло?... Я все это сдѣлалъ, а онъ ничего-таки не слыхалъ?... Да и зачѣмъ бы крестъ-то надѣвать на него понадобилось?... Вѣдь, чай, ужъ если украдъ деньги, такъ и бѣжать бы поскорѣе, — а то нѣтъ! для потѣхи, чтоль, какой, — такъ вотъ я и остался тутъ да и сталъ надѣвать свой крестъ на него!... Долж-

но-быть, боялся я тогда, какъ бы чортъ душу его не унесъ безъ креста-то!...

Всѣ присутствующіе засмѣялись. Слѣдователь не вытерпѣлъ, подошелъ къ Андрюшкѣ, потрепалъ его по плечу и сказалъ: «ну, братъ, — молодецъ!»

А между-тѣмъ сердце сильно запыло у Трифона. Мрачная злоба противъ лиходѣя Андрюшки одолѣвала его: — такъ бы вотъ кинулся онъ на него, такъ бы и растерзалъ его тутъ же на мѣстѣ! Но онъ удержался и молчалъ, опустивъ голову.

— Запишите всѣ эти возраженія Андрея Парамонова, — сказалъ слѣдователь своему письмоводителю, — да пожалуйста повѣриѣ, именно такъ, какъ онъ говорилъ теперь, — это даже любопытно вышло!... Ну, братецъ, продолжалъ онъ, весьма сурово обращаясь къ Трифону:—ты чтожь молчишь?... Видно, всѣ пѣсни пропѣлъ?... То-то, дрянъ ты эдакая.... Если и были у тебя деньги, смотришь—прошилъ, прогулялъ, или обронилъ, а по какой ни-на-есть злобѣ — сталъ сваливать вотъ на него.... Ну, какъ-таки не слышать, какъ и шнурокъ съ крестомъ обрѣзали, а потомъ чужой крестъ на тебя надѣвали?... Да и въ самомъ дѣлѣ, на что было нужно вору надѣвать на тебя крестъ, терять время и даромъ подвергаться опасности быть пойманнымъ на мѣстѣ преступленія?...

— Онъ, разбойникъ, сдѣлалъ это, онъ!... возразилъ съ ожесточеніемъ Трифонъ, — а не слыхаль-то я оттого, что больно пьянъ былъ.... Что жъ это ему, вору, во всемъ вѣрять!...

— Ну, ну! — закричалъ слѣдователь, — у меня много неразговаривай!... а на грубости и рта не смѣй разѣвать!... А то смотри!...

— Власть ваша.... я не грублю... отвѣчалъ Трифонъ, пересиливая гнѣвъ своей. Ваше высокоблагородіе! вы вотъ извольте Кузьму-то спросить подъ присягою.... авось тогда души не убьетъ. Сейчасъ умереть — а онъ говорилъ, что укралъ деньги Андрюшка!...

— Учи ты меня! — сказалъ слѣдователь. — Подъ присягой Кузьму нельзя спрашивать: онъ — прикосновенный къ дѣлу. Да и что тутъ еще толковать? Исторія совершенно ясна.... Убий-райся-ко ты вонъ, пока цѣлъ!

Тѣмъ и покончилось тутъ разбирательство; Андрюшку выпустили, а Трифона чуть не засадили за продерзостныя рѣчи. Однако, не имѣя уже почти никакихъ надеждъ, онъ все-таки

долго не кидалъ своего дѣла: страшный задоръ разбиралъ его при мысли, что такъ и канули, какъ ключъ ко дну, его кровныя денежки, что воръ-лиходѣй правъ совсѣмъ остался, что Кузьма и Петруха, земляки его, и люди, казалось, хорошіе, такъ безсовѣстно выдали его въ самой сущей правдѣ. Съ крайнимъ упорствомъ хлопоталъ Трифонъ по своему несчастному дѣлу — и всѣ хлопоты его, конечно, были напрасны. Истерялъ онъ только послѣднія деньжонки, бывшія за хозяиномъ, надоѣлъ смертельно полицейскимъ, надоѣлъ и хозяину, какъ просьбами о выдачѣ жалованья впередъ, такъ и плохой работою. Наконецъ изъ-за своего хлопотанья по дѣлу этому потерялъ онъ и мѣсто. Въ прежнее время такое знакомое ему обстоятельство нисколько не встревожило бы его, но теперь затронуло и оно его за живое: онъ крѣпко закручинился, разхворался ненапуганно и, можетъ, умеръ бы, еслибъ не помогъ ему землякъ-рабочій, въ самую пору доставившій ему помѣщеніе въ одной изъ больницъ. Но только-что оправился онъ отъ болѣзни, — вдругъ овладѣло имъ величайшее, непреодолимое отвращеніе къ жизни въ Петербургѣ, и онъ тотчасъ отправился домой.

Онъ ушелъ изъ Питера безъ всякой мысли о томъ, что будетъ дѣлать дома, ушелъ оттого, что невыносимо стало ему жить тамъ, гдѣ такъ много, тяжело и напрасно трудился онъ, гдѣ въ одну несчастную минуту потерялъ все, что было накоплено долговременнымъ трудомъ, гдѣ живутъ его злые недруги: воръ, похитившій его кровное добро, и тѣ люди, которые потакнули вору и правды не нашли при разборѣ дѣла.

III.

Онъ пришелъ въ Пересвѣтово угрюмый, печальный, даже больной отъ печали, но живая, дѣятельная натура его не поддалась безсильному унынію; онъ скоро совсѣмъ оправился тѣломъ и духомъ; воздухъ родины подѣйствовалъ на него живо-творно. Умно вомотрѣлся онъ въ положеніе семьи своей, безъ него безпомощной, въ свое собственное положеніе на родинѣ, и ни на минуту не захотѣлъ сложить руки для лѣниваго отдыха, подѣ предлогомъ бѣды или немощи, но тотчасъ же сталъ искать вокругъ себя занятій, скоро нашелъ ихъ и началъ работать усердно.

Одно только тревожило его, и иногда сильно тревожило: это — неладница въ домѣ отъ глупыхъ распоряженій матери его, Афины, которая тоже нападала на него частехонько и бранила за то, что онъ пришелъ изъ Питера, гроша не имѣя въ карманѣ, да пришелъ—то не на побывку, а затѣмъ, чтобы навсегда остаться дома. Старуха Афинья была горластая баба, привыкшая, еще при жизни смирнаго своего мужа, своевольничать въ дому; не таковская была она, чтобы не высказать сыну всего, что ей на умъ ни взбредеть.

— Вишь ты, лѣшій, говорила она, обращаясь постоянно къ Трифону съ такимъ привѣтствіемъ: — право—слово, лѣшій!... жилъ—жилъ на сторонѣ, а чего нажилъ?... Въ домъ—отъ подавалъ бездѣлицу, — не могли мы, горькіе, коровенки лишней завести, по всякъ—день хлѣбъ одинъ ѣдали, а мяса, почитай, и не видывали.... А ты—то, пѣсъ эдакой, чай, на сторонѣ прохлаждался!... Куда всѣ деньги—то дѣвалъ?... а? куда дѣвалъ—то?... пропилъ — прогулялъ!... Вотъ такъ я тебѣ и повѣрила, что, молъ, отрѣзали денежки!... Знаемъ—ста и мы, бабы, какъ вы, черти, на чужой сторонѣ балуетесь!... Ну, зачѣмъ тепера дома живешь?... у чего тутъ жить?... Вишь ты: мочи, чтоль, не хватаетъ?... Дай вотъ срокъ: баринъ пріѣдетъ, просить на тебя буду, бездѣлушникъ эдакой!... Вона Юшка, малый хворой, изъ силѣнки выбивается, рукъ не покладаетъ, ужъ какъ все работаетъ! А Мишутку—то всего родимецъ изломалъ, — а Грушка—то обезножила, пластомъ лежитъ!... Ты, лѣшій, сосчиталъ бы сколько у насъ ртовъ—то падотъ кормить....

Но Трифонъ терпѣливо сносилъ эту несправедливую брань, изрѣдка только перекидываясь съ матерью взаимнымъ попрекомъ — и то лишь тогда, какъ она начинала бранить и клясть жену его, покойницу. Несмотря на эту неладницу дома и на тяжкіе труды для поддержанія своей несчастной семьи, онъ полюбилъ жизнь домашнюю особенно потому, что часто сравнивалъ эту простую жизнь съ мудренымъ, шумнымъ житьемъ въ Питерѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ такъ много нужды, горя и неправды. Глубокая ненависть къ тому житью навсегда въ немъ осталась.

Въ деревенскомъ же быту характеръ его былъ вообще ровень. Спокойно занимался онъ сельскими работами, а въ свободное отъ нихъ время или извозничалъ, или приторговывалъ на мѣстѣ по мелочи; довольно спокойно встрѣчалъ и неудачи, по крайней мѣрѣ никогда не говаривалъ сосѣдямъ про худой ко-

нецъ дѣлишекъ, никому и ни на что не жаловался. При всемъ этомъ онъ былъ очень уживчивъ и сообщителенъ съ своимъ односельцами: охотно совѣтъ подавалъ сосѣду и разсуждалъ о всякомъ дѣлѣ, не отказывалъ и въ сильной помощи; ни одной мірской ссодки, бывало, не пропускалъ; любилъ тоже не-на-дѣлѣ зайти къ сосѣдямъ и покалякать кой о чемъ; любилъ, между дѣломъ, побывать на базарѣ; о праздникахъ храмовыхъ любилъ погулять въ сосѣднихъ деревняхъ, и у себя, въ такіе праздники, вдоволь угостить хорошаго человѣка чѣмъ Богъ послалъ.

Такъ прошло года три — и обжился совсѣмъ Трифонъ на родинѣ. А тутъ произошла значительная перемѣна въ отношеніяхъ его къ односельцамъ.

Какъ-то, лѣтомъ, владѣлецъ сельца Пересвѣтова, Иванъ Данилычъ Одоньевъ жилъ-гостилъ въ этомъ имѣніи. Я сказалъ: «гостилъ» — недаромъ. У барина нашего «губа была не дура»: онъ былъ очень не богатъ, а все-таки, не хуже большихъ баръ, любилъ понѣжиться и ничего не дѣлать. Ужь Богъ его знаетъ, зачѣмъ онъ ѣзжалъ иногда на житье въ Пересвѣтово: тутъ не было никакого господскаго хозяйства, да и въ околоткѣ жили такіе сосѣди-помѣщики, хлѣбосолецтво и знакомство съ которыми не представляло въ себѣ ничего заманчиваго. Пересвѣтовцы совершенно понимали ненадобность и бесполезность деревенскаго житья своего барина. — «Вотъ, зачѣмъ опять, припожаловалъ? — говаривали они при его пріѣздахъ. — Въ степную вотчину бы ѣхалъ, — а тутъ чего дѣлать?... Усядется теперь! — безъ него-то все ка-быть повадише!...» Впрочемъ Иванъ Данилычъ ни въ чемъ не былъ помѣхою для крестьянъ своихъ: жилъ онъ себѣ преспокойно, ни до чего не доходя; весьма въ рѣдкихъ случаяхъ даже разбиралъ онъ жалобы пересвѣтовцевъ другъ на друга, обыкновенно же отсылалъ ихъ на судъ старосты и міра. Вообще на жизнь, окружавшую его въ деревнѣ, жизнь тяжело-трудовую, темную и тѣсную, онъ обращалъ мало серьезнаго вниманія, а если и взглядывалъ на нее, то мелькомъ, случайно; ему казалось и того довольно, что крестьяне его въ Пересвѣтовѣ были зажиточны. Вотъ и узналъ онъ, по случаю, что Трифонъ Аеанасьевъ — мужикъ умный, бывалый и расторопный; по случаю тоже, нуждался онъ тогда въ старостѣ, и случайно пришло ему въ голову поставить старостою Трифона. Распоряженіе это, хоть и случайное, казалось барину наше-

му какъ нельзя больше удачнымъ, — но вышло не совсѣмъ такъ.

На первыхъ порахъ родные Трифона, да и всѣ почти крестьяне въ Пересвѣтовѣ, очень обрадовались новому старостѣ. Всѣ были увѣрены, что онъ всегда и во всемъ будетъ имъ мирволить — и, какъ ловкій человекъ, барина тоже на гнѣвъ не наведетъ. Болѣе же всѣхъ надѣялись на Трифона сыновья его дяди Пантелея, — Максимъ и Никифоръ; они считали какъ бы правомъ своимъ ожидать отъ него всякаго послабленія. Однако, какъ Максимъ и Никифоръ, такъ и прочіе пересвѣтовцы, жестоко ошиблись въ новомъ старостѣ.

Съ назначеніемъ въ начальники, сильно разыгралось въ Трифонѣ честолюбіе, вмѣстѣ съ страстью къ строгому порядку и справедливости. Онъ никому и ни въ чемъ не дѣлалъ поблажки, никому не спускалъ даже малѣйшей провинности. Такъ Максиму и Никифору не простилъ онъ ни одной подводы, — бабамъ ихъ ни одного аршина холста; а разъ, заставъ Максима за воровскою рубкою въ господскомъ заказномъ лѣсу, такъ отпотчивалъ онъ двоюроднаго братца, тутъ же на мѣстѣ преступленія, что тотъ на силу домой доплелся. Надо замѣтить здѣсь, что Трифонъ Афанасьевъ особенно берегъ этотъ заказной лѣсъ, стоялъ за него, какъ за свою собственность, — и это было крѣпко непонутру пересвѣтовцамъ. И вообще новый староста провелъ надъ всѣми своими подчиненными уровень самой суровой власти. Намѣренія его были хороши, онъ дѣйствовалъ по строгимъ внушеніямъ совѣсти, — но ужъ черезчуръ требовательно во всемъ, даже въ мелочахъ. Такъ онъ хотѣлъ, чтобы крестьяне никуда и ни зачѣмъ не отлучались изъ вотчины безъ его спросу; чтобы никто въ деревнѣ шинковъ не держалъ и даже дома, про себя, вина не пилъ; чтобы съ базаровъ мужики возвращались непьяные; чтобы при встрѣчахъ съ нимъ непременно шапки снимали; а особенно — чтобы ни въ чемъ не могли поперечить ему на мирскихъ сходкахъ.

Но община пересвѣтовскихъ крестьянъ, съиздавна состоявшихъ на оброкѣ, постоянно отличалась свободнымъ духомъ въ отношеніи своихъ старостъ, — а съ такимъ старостою, каковъ былъ Трифонъ, они всего менѣе могли быть уступчивы: ни за что не хотѣли они покориться затѣйливымъ новымъ порядкамъ.

— Вишь ты, чего захотѣлъ! говорили они промезъ себя: — волю-то какую забралъ!... пуще барина, — словно бѣлены объ-

ѣлся.... Да куда те баринъ?... а вотъ словно мы къ Трифону Афанасьичу въ кабалу попали!... Амъ нѣтъ! шалюшь, малый!... вѣдь ты — нашъ же братъ, крестьянинъ.... Да чтой-то, ребята, мудритъ онъ надъ нами? Коли теперича волю-то ему дать — въ разоръ-разорить!... Вотъ такъ и поддалися мы ему!...

Однако до поры до времени пересвѣтовцы ограничивались лишь такими разсужденіями и всякими уловками, чтобы обойти приказанія старосты, да надуть его въ чемъ бы то ни было половчѣе: имъ какъ будто со всѣхъ сторонъ хотѣлось его испробовать. Между тѣмъ Трифонъ все крѣпче и крѣпче держался за учрежденные имъ порядки и жестоко наказывалъ провинившихся изъ-за нихъ.

Такъ прошло опять два года — и скоро пришлось Трифону разстаться съ сельской властью. Всѣхъ менѣе щадилъ онъ на міру своихъ родныхъ, боясь, чтобы не заподозрили его въ потаканьи, а они-то пуше всѣхъ взѣлись на него, и наконецъ были причиною, что міръ пересвѣтовскій избавился отъ строгаго старосты.

Вотъ изъ-за какого дѣла возстали противъ него родные.

У Никифора Пантелеева была дочь невѣста, которую онъ еще въ прошломъ году просваталъ за сына своего сосѣда, Василья Бочара. Свадьбу отложили до вешняго Николы, потому что невѣстѣ года еще не вышли. Для вѣрности договора, положено было между сватами, Никифоромъ и Васильемъ, что если кто отетуцится отъ своего слова, то повиненъ отдать другой сторонѣ корову. Пришелъ срокъ, назначенный для свадьбы, — вдругъ Никифоръ зартачился и, на вопросъ Бочара: «за что такая немилость?»

— А не хочу, говоритъ, не хочу да и шабашъ!... Сынъ твой — такой-сякой, пьяница, мотыга, верченый, на сторонѣ больно избаловался, просто разбойникъ сталъ!... Вотъ не выдамъ-таки за него дочери!...

— Какъ же такъ! возразилъ озадаченный Василій: — уговоръ у насъ былъ.... уговоръ — лучше денегъ.... Да и сынъ-отъ мой, — ничѣмъ, какъ есть....

— Ну, неча и баять! закричалъ Никифоръ: — что жь! былъ у насъ уговоръ, — я не отрекаюсь — и бери вонъ корову.... А дочери не отдамъ.... Сынъ твой — пьяница, малый пропащій!...

Но совсѣмъ напрасно обидѣлъ Никифоръ Васильева сына, котораго никто о-сю-пору ни въ чемъ худомъ не замѣтилъ. Дѣло

было въ томъ, что пока дожидались совершеннолѣтія невѣсты, присватался къ ней другой женихъ, изъ чужой деревни, Иванъ Головачъ, которому дочь Никифорова очень полюбилась. Семья Головача слыла въ околоткѣ богатою, и самъ Иванъ былъ парень ловкій и бывалый, хотя озорной, гуляка и черезчуръ рьяный. Онъ прельстилъ Никифора и жену его подарками и обѣщаніями, что дочь ихъ будетъ жить за нимъ во всякомъ довольствѣ, «словно купчиха».

Такое вѣроломство Никифора крайне нравилось Василию Бочару: безотмѣнно нужна была ему сноха, какъ работница въ дому; сынъ его нарочно пришелъ со стороны для женитьбы; Василий таки порядочно ужъ изхарчился для свадьбы; да наконецъ и передъ добрыми людьми было бы зазорно, коли бъ жениха такъ изъ-за напрасна охаяли: по всѣмъ этимъ причинамъ Василий отправился съ жалобою къ старостѣ, который самъ находился на рукобитьи и былъ свидѣтелемъ условія. Трифонъ велѣлъ тотчасъ же позвать своего двоюроднаго брата, для очной ставки съ Бочаромъ. Никифоръ явился, какъ ни въ чемъ не бывало: въ этомъ дѣлѣ, какъ семейномъ, а не барскомъ и не мірскомъ онъ вполне обнадеживалъ себя, что староста приметъ его сторону.

— Ты зачѣмъ отъ рѣчей своихъ отказываешься? спросилъ его грозно Трифонъ.

— А чтожь, Трифонъ Аванасьевичъ, отвѣчалъ съ видимой робостью Никифоръ: — оно вотъ по дѣлу-то выходить....

— Чего тамъ выходить?

— Сынъ-то его больно озорновать, сказываютъ.... Вишь, хмѣлемъ зашибается шибко....

— А врешь ты! Никто про него худа не сказываетъ.... Такъ это, съ-вѣтру ты самъ выдумалъ.... Я развѣ не знаю?... Ты говори у меня прямо, а не виляй душой-то....

— Чтожь, Трифонъ Аванасьичъ, отвѣчалъ Никифоръ, сильно путаясь въ словахъ: — барину вѣдь урона никакого не будетъ.... Головачи за выкупомъ не постоятъ.... Люди больно хорошіе.... и для тебя не постоятъ....

— Я-тѣ дамъ—хорошіе!... закричалъ Трифонъ.—Какой хорошіи?... Ужь на что озорнѣ Ваньки Головача? Чай, во всемъ околоткѣ не найдти еще такого-то?... Я-тѣ дамъ люди — хорошіе!... Ты у меня и думать не моги!... Коли свои женихи есть,

такъ нешто слѣдъ отдавать дѣвокъ на сторону?... Я-тѣ ска-
зываю, чтобы свадьба въ воскресенье была!

— Да какъ же... началъ-было Никифоръ.

— А вотъ какъ же! возразилъ Трифонъ и, схвативъ двою-
роднаго брата своего за волосы, сталъ таскать его по всей избѣ,
приговаривая: «я вѣдь начальникъ! я вѣдь начальникъ!... слу-
шаться должонъ!... слушаться должонъ!..»

Наконецъ Никифоръ взмолился благимъ-матомъ.

— Батюшка! кричалъ онъ: — отдамъ дочь!... отдамъ!...
Хоть сейчасъ берите!...

Трифонъ выпустилъ его, а затѣмъ, дрожащимъ еще отъ вол-
ненія голосомъ, сказалъ ему слѣдующее наставленіе:

— Ты чтѣ думаешь-то?... что ты братомъ двоюроднымъ мнѣ
причитаешься, такъ значить, по твоему, и можешь каверзничать?...
Анъ нѣту! ошибся!... у меня никто спуска не жди!...
Баринъ меня старостой поставилъ, волю надъ вами далъ,—такъ
и слушайтесь!... Ты что думаешь-то?... Ты ужь мнѣ какъ надо-
ѣль-то? Вотъ, еще въ чемъ замѣчу, да и отпишу барину, чтобы
онъ тебя, мошенника, въ Делюхино перевелъ.... а тамъ, братъ,
степная сторона, барщина,—съ жиру-то бѣситься не станешь!...
И вотъ ей-же-ей, право-слово, коли такъ не сдѣлаю!... больно
ужь вы оба съ Максимкой мнѣ надоѣли!

Свадьба Бочарова сына состоялась въ слѣдующее же воскре-
сенье; но съ этихъ самыхъ поръ ненависть Никифора и Макси-
ма къ Трифону возрасла до высшей степени. Особенно эта угро-
за о переводѣ въ Делюхино бѣспла и тревожила ихъ. Они рѣ-
шились наконецъ сжить съ рукъ лихаго старосту. Всего болѣе
хлопоталъ объ этомъ Максимъ, человѣкъ, болѣе брата своего
рьяный характеромъ и прежде всѣхъ задѣтый Трифономъ. Оба
они стали безпрестанно толковать на міру, что нельзя больше
терпѣть притѣсненій старосты, что слѣдуетъ барину жаловаться,
что слѣдуетъ неуступно просить барина о смѣнѣ старосты. Та-
кія предложенія пришли по душѣ пересвѣтовцамъ. Лиха бѣда
начать дѣло, — вызвался принести первую жалобу отъ всего
міра Максимъ Пантелѣевъ, а тамъ, коли дѣло съ-разу не вы-
горитъ, — вызвался быть ходакомъ къ барину и Никифоръ.
Написали втихомолку посланіе къ барину и отправили Максима.
Въ первый разъ, какъ и предвидѣли, дѣло не удалось: баринъ
съ глазъ согналъ Максима; но міръ вѣдь упрямъ — и съ этихъ
поръ жалобы на Трифона уже не прекращались. Чего-чего не

дѣлалъ баринъ, чтобы заставить пересвѣтовцевъ уважать свой выборъ! Между прочимъ, однажды, онъ весьма убѣдительно доказывалъ имъ на общей сходкѣ, «что если и палку вздумается ему поставить надъ ними старостою, — они и палку обязаны почитать и слушать». Однако, крестьяне не убѣдились и отъ жалобъ не унялись, а при всякой оказіи все настоятельнѣе просили «ослобонить» ихъ отъ Трифона. Одоновева надоѣло наконецъ донельзя это докучанье — и онъ рѣшился смѣнить старосту. Сдѣлалъ онъ это не безъ сожалѣнія.

— Что дѣлать, Трифонъ, сказалъ онъ: — я былъ доволенъ тобою, да вотъ на міръ ты не угодилъ.... На меня ты не пеняй, пожалуйста.

— Батюшка! отвѣчалъ печально Трифонъ: — вѣдь хотѣлося, чтобъ тоже порядки были.

IV.

Это барское распоряженіе чрезвычайно смутило Трифона; не того онъ надѣялся за свою усердную, честную службу; онъ думывалъ иногда, что баринъ наградить его со временемъ вольною. Приунылъ онъ крѣпко, — а старуха Афимья, которая до сихъ поръ уважала въ немъ сельскую власть и мудрую барскую волю, не переча ему даже тогда, какъ онъ самъ за чтонибудь выговаривалъ ей, опять стала нападать на него за то, что не умѣлъ старостой остаться, а особенно за то, что не умѣлъ нажитья.

— Да развѣ ты, лѣшій, годишься куда ни на есть! прибавляла она съ презрѣніемъ.

Сосѣди Трифона, которыхъ крайне забавлялъ безумный гнѣвъ старухи, — смѣху-ради, а, можетъ, и изъ мести, — еще больше подстрекали ее, рассказывая всякія нелѣпости про сына. Скоро и еще прибавилась причина къ ея ожесточенію. Любима она чрезвычайно внучка своего Юшку, а этого внучка Трифонъ отправилъ на сторону, несмотря на всѣ возраженія и даже просьбы Афимьи. Съ этого-то разу повела она съ сыномъ своимъ уже постоянную войну. Бывало, не проснется онъ безъ брани съ матерью, не пообѣдаетъ, не поужинаетъ, не ляжетъ спать безъ брани же съ нею. Афимья чашку со щами ставить на столъ передъ нимъ съ бранью и попрѣкомъ, Афимья каши ему накла-

дываетъ, тоже ругаясь, — за все про все раздоръ да ссоры.... Вотъ однажды не вытерпѣлъ Трифонъ, — былъ онъ подь хмѣлькомъ на ту пору, — и, грѣшникъ великій, самъ обругалъ ее и даже замахнулся на старуху-мать. Къ счастью, она проворно выѣжала изъ избы, и въ ту ночь у сосѣдей ночевала. На другой день Афимья ни за что не хотѣла простить раскаившагося своего сына и отправилась жаловаться къ новому старостѣ, который на ту-пору собирался ѣхать къ барину съ оброкомъ. Староста этотъ былъ одинъ изъ наиболѣе недовольныхъ Трифономъ, и такой случай былъ для него находкою.

— Ужь ты, тѣтка-Афимья, не сумлѣвайся, — сказалъ онъ старухѣ въ отвѣтъ на ея жалобу: — живъ не хочу быть, а сына твоего усмиримъ важно!... Онъ намъ во-какъ насолилъ, — такъ ужь ты не сумлѣвайся.....

И точно: староста представилъ дѣло Ивану Данилычу въ самомъ черномъ видѣ; нагаль ему съ-три короба, рассказавъ, что будто бы Трифонъ, послѣ того, какъ высадили его изъ старость, сталъ сильно виномъ зашибаться, а поэтому всякую почти ночь съ-пьяну выгоняетъ мать свою изъ избы, и что будто вся деревня опасается, какъ бы уголовщина не вышла въ Трифоновомъ домѣ.

Это очень удивило барина.

— Да ты не клепешь ли на него, Ермилъ? — сказалъ онъ старостѣ.

— Помилуйте, батюшка, — отвѣчалъ Ермилъ, крестясь усердно, — да на семь бы миѣ мѣстѣ.....

— Ну, ну!... перервалъ баринъ и сталъ ходить по комнатѣ, въ раздумѣ.

— Такъ какъ же ты думаешь, Ермилъ? — спросилъ онъ его наконецъ.

— А насчетъ чего, батюшка?

— Да вотъ насчетъ Трифона.... Я, право, не знаю.... чело-вѣкъ онъ немолодой да и хорошій мужъ къ-быль.

— Прикажите батюшка, на міру его наказать.

— То есть, какъ же это?

— Да такъ, маненько розгами.

— Нѣтъ! я этого не хочу.

— И, батюшка! вѣдь его не убудетъ.... а глядишь — и по-ушѣетъ.... смирится эдакъ-то.....

Баринъ опять позадумался. Ермилу было извѣстно, что Иванъ Данилычъ праву нерѣшительнаго, но теперь, видя, что баринъ и объ такой «мелочи» раздумываетъ до не рѣшается, — онъ просто диву дался.

— Пускай міръ разсудитъ хорошенько.... — сказалъ наконецъ баринъ. Если Трифонъ точно виноватъ, міръ можетъ назначить ему какое-нибудь наказаніе. Только ты, Ермилъ, скажи старикамъ, что я не желалъ бы розогъ.

— Слушаю-съ, батюшка.

Тотчасъ же, по прїѣздѣ въ Пересвѣтovo староста повѣстилъ всему міру, и старикамъ и молодымъ мужикамъ, чтобы собирались судить Трифона Аванасьева. Съ большою радостію сбѣжались всѣ на эту сходку, даже немощные старики выползли, даже неуказныхъ лѣтъ парни явились. Нетаковской былъ староста Ермилъ, чтобы передать старикамъ послѣднее приказаніе барина, да нетаковской былъ и міръ пересвѣтовскій, чтобы онъ, въ случаѣ, гдѣ могъ выместить на человѣкѣ свое неудовольствіе, послушался неопредѣленнаго приказанія барина, — еслибъ оно и на полной сходкѣ было объявлено. Еще до призыва Трифона на сходку, вырывались уже почти у всѣхъ такія выраженія, изъ которыхъ видно было, что ему, бѣдному, хорошаго нечего ждать.

— Что, малой, — кричалъ одинъ, — а надоть его безпремѣнно... унять надоть....

— Нами-то, вишь, крутилъ-мутилъ!

— Ужь и чортъ ему не братъ, — мудренъ больно!

— А вотъ, ребята, постегать хорошенько....

— Знамо, ребята: пускай міръ уважаетъ!

— А то вѣдь какъ зазнался!

— Спѣсь-то, надоть сбить.... Онъ-то умень, онъ-то разумень!

Наконецъ позвали на сходку Трифона и Афимью. Первый явился, блѣденъ и взволнованъ; этотъ судъ на міру смущалъ его гораздо болѣе, чѣмъ судъ полицейскій въ Питерѣ, при двухъ немоловажныхъ случаяхъ его жизни. Вторая же, даромъ что было дура набитая, пришла съ приличной, смиренной кротостію, пришла, вздыхая и охая, какъ будто сейчасъ еще вынесла тяжкіе побои.

— Ну вотъ, тетка Афимья, сказалъ староста:—баринъ приказъ со мной прислалъ: разсудить тебя на міру съ сыномъ-то.

— Касатики!... родимые!... завопила Афимья, ужь житья мнѣ нѣтъ въ дому!... Измывается безперечь. Терпѣла терпѣла!.. А яль его не родила, яль не вспоила, не вскормила?... Я вѣдь хлопотала, на сторону пристроила.... А онъ-то, лѣшій, пѣсь эдакой!... а онъ-то, разбойникъ, домъ совсѣмъ кинулъ, ничего-то намъ не давалъ, бралъ денежки, загребалъ, а намъ хоть бы что; макова зерна не выдали, чуть съ голоду не померли!... Жена-то его старый вѣкъ мой заѣдала, а я все въ домѣ дѣлала, дѣтей ихъ призрѣла. Жена-то его ужь такая была, а онъ хоша бы словечко за меня замолвилъ, все супротивъ, все супротивъ!... Мочушки моей не стало!... головушка бѣдная!...

И подложивъ руку подъ щеку, Афимья заголосила на всю улицу. Однако, всѣ эти жалобы, и при всемъ предубѣжденіи міра не въ пользу Трифона, должны были показаться ему ужь черезчуръ несправедливыми: всѣмъ было извѣстно, что Трифонъ былъ работникъ исправный и всегда съ охотою пособлялъ домашнимъ, что жена его покойница была баба пресмирная и безотвѣтная. Поэтому, выслушавъ Афимью, судьи мірскіе молчали, изрѣдка только въ заднихъ рядахъ схода кое-кто перешептывался. Между тѣмъ Трифонъ стоялъ, опустивъ низко голову и, казалось, ни одного словечка не хотѣлъ вымолвить въ свою защиту.

— Чтожь ты молчишь? прикрикнулъ на него староста:—отвѣчать ты должонъ!

— А что говорить-то мнѣ теперича? отвѣчаеъ Трифонъ:—на суду мірскомъ, супротивъ матери говорить не слѣдь....

— Какже такъ!... нѣтъ, ты говори!... сказано: отвѣчать должонъ.... возразилъ опять староста.

— Говори, говори! раздались голоса въ сходкѣ.

— Богъ видитъ правду, а больше нечего мнѣ.... право, нечего молвить.... проговорилъ тихимъ голосомъ Трифонъ.

Въ толпѣ пошелъ глухой говоръ. Казалось, и вѣчная правда и здравый смыслъ начали уже дѣйствовать на предубѣжденныхъ мірянъ. Но въ эту самую минуту явился на сходку Никифоръ Пантелѣевъ, только что воротившійся изъ лѣсу. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ сталъ кричать во все горло:

— Вы что, ребята, на него смотрите?... Эхъ, вы!... тоже судъ судить собралися!... Аль не знаете, каковъ есть человекъ? малодь мудрилъ надъ всѣмъ міромъ! Мнѣ вотъ что понадѣлалъ...

эхъ, вы!... А ты, тетка Аѳимья, дѣло говори!.. Ну, что стала?.. аль все ужь позабыла и рѣчей не найдешь?...

И злобная баба снова пустилась причитать:

— Батюшки!... кормилицы!... разберите, заступитесь. Со свѣту сжилъ! ни одного денька не проходитъ, все-то меня, горькую, пилятъ-пилятъ, ругаетъ-ругаетъ, а онамеднись чуть было не убилъ... у добрыхъ людей ночевала!... А яль не вспоила, не вскормила его? яль за дѣтьми его не ходила, яль.... Онъ, вѣдь, всѣмъ роднымъ злодѣй!... Малоль я его останавливала, какъ онъ былъ старостою-то. Я за весь мѣръ заступалася да онъ, разбойникъ, слушать не хотѣлъ!...

Тутъ поднялся такой шумъ на сходкѣ, что ужь нельзя было и слышать дальнѣйшихъ словъ Аѳимьи. Вся сходка напала на Трифона, всѣ бранили его неистово, отвсюду слышались голоса, что наказать его нужно.

Не стану описывать мрачную сцену наказанія. Не посмотрѣли на горькія мольбы Трифона, не помиловали его, человѣка уже пожилаго, человѣка, не видавшаго никогда на себѣ такого срама; мѣръ вдоволь потѣшился надъ нимъ, высѣкли его жестоко....

Послѣ этого происшествія, тяжкая скорбь налегла на душу Трифона. Въ первые дни онъ сна и пищи лишился; мѣста нигдѣ не могъ найти себѣ отъ тоски; унизительное наказаніе не выходило у него изъ ума; трудно и стыдно было ему на людей смотрѣть. Не мало времени прошло, пока онъ пересидѣлъ свою скорбь душевную, но и осиливъ ее, онъ не успокоился. Онъ потерялъ бодрость духа, какое-то достоинство, проявлявшееся въ его поступкахъ; сдѣлался молчаливъ, угрюмъ и наконецъ, чтобы заглушить въ себѣ горькую думу, сталъ мало по малу испытывать съ горя....

V.

Однако, онъ не сдѣлался пьяницею. Его спасла отъ злаго запойства любовь къ труду. Эта любовь была въ немъ чрезвычайно сильна и живуща. Правда, онъ и не думалъ идти опять на сторону; но не слабѣла въ немъ охота находить себѣ занятія и трудиться не по одному только домашнему крестьянскому дѣлу. Онъ видѣлъ, что и дома живучи, можно доставать себѣ при-

быль хорошую, — онъ видѣлъ вообще дальше своихъ односельцевъ. Вотъ и вздумалъ онъ торговать лугами и снялъ нѣсколько десятинъ поемнаго лугу въ сосѣднемъ селѣ Боровомъ, для распродажи въ разницу; но дѣло это вышло неудачное: наемщики луговъ убрали сѣно въ дождливую погоду и, нестѣсняемые потерю малаго задатка, отказались взять стога. Иванъ Данилычъ Одоньевъ заступился было за Трифона и сталъ хлопотать объ исполненіи наемщиками условій, но оказалось, что всѣ эти наемщики были помѣщичьи крестьяне, которымъ, безъ поручительства помѣщиковъ, можно было вѣрить только на пять рублей ассигнаціями. Трифонъ понесъ большой убытокъ, задолжалъ и очень поразстроился, такъ что и деньги, подаваемые Ефимомъ въ домъ, не помогли ему поправиться какъ слѣдуетъ.

Между тѣмъ прошло еще нѣсколько лѣтъ. Старуха Афимья, одряхлѣвшая и совсѣмъ обезсилѣвшая, перестала наконецъ вести съ сыномъ своимъ яростныя ссоры и только лежа большую часть дня на печкѣ, бормотала себѣ что-то подъ носъ. Хозяйствомъ стала заниматься расторопная бабенка, жена Ефимова. Самъ Трифонъ устарѣлъ, ему за пятьдесятъ перевалило. Къ этому-то времени, съ тяжелымъ чувствомъ недовѣрчивости къ самому себѣ, отказался онъ, слишкомъ на годъ, отъ всякой промысловой дѣятельности.

Подъ конецъ же этого «прогульнаго» времени опять сталъ онъ приглядываться, чѣмъ бы такимъ позаняться. Скоро примѣръ сосѣда Михея Савостьянова, старика лѣтъ шестидесяти и тоже вдовца, соблазнилъ его: онъ рѣшился, съ помощью этого добраго сосѣда, приняться за пчеловодство. Захотѣлось ему быть пчеловодомъ оттого больше, что занимаясь такимъ дѣломъ, могъ онъ удаляться отъ своихъ односельцевъ, которыхъ онъ уже очень не долюблялъ; унижительное наказаніе не выходило изъ его памяти.

А мысль о новомъ промыслѣ пришла ему въ голову въ самую пору: только что весна тогда наступала, весна теплая и благоприятная для роенія пчель.

Однажды, утромъ, Трифонъ отправился къ Михею Савостьянову на пчельникъ, находившійся въ верстѣ отъ Пересвѣтова.

Мѣсто это было пріютное. Отъ холоднаго, сѣверо-западнаго вѣтра защищала его густая березовая роща: саженяхъ въ полутора ста съ другой стороны находился прекрасный липовый лѣсокъ, спускавшійся по отлогому склону извилистой рѣчки, бе-

рега которой были опушены темнолистными ольховыми и светлозелеными ивовыми кустами. Самый пчельникъ Михѣя представлялъ собою рощицу изъ березъ, липокъ, яблонь, рябинъ, черемухъ и другихъ цвѣтущихъ деревьевъ. Лугъ по рѣчкѣ былъ покрытъ цвѣтущими травами: душистымъ дятленникомъ, звѣробоемъ, медовою кашкою, и все это доставляло обильную пищу пчеламъ. Недаромъ Михѣй Савостьяновъ устроилъ себѣ здѣсь пчельникъ: кажется, во всемъ околоткѣ, не было мѣста пригоднѣе.

Утро, когда Трифонъ пошелъ на этотъ пчельникъ, было тихое и жаркое. Съ самаго восхода солнца начало парить. Иной разъ солнышко заволакивали прозрачныя нити весеннихъ, скоро-бѣгучихъ облачковъ. Кой-гдѣ, въ мѣстахъ пониже, надъ рѣчкой, надъ озерками, курился легкій паръ; то тамъ, то здѣсь, по краямъ горизонта, протягивались свѣтло-синія дождевыя полосы и громъ глухо, отрывисто, какъ будто гнѣвно, гремѣлъ въ этихъ летучихъ тучкахъ, быстро появлявшихся, и также быстро исчезающихъ. По временамъ сіяніе солнца ярко освѣщало нныя мѣста холмистой окрестности, а надъ другими, въ ту же пору, бѣжали легкія тѣни. Надъ всею окрестностью и тѣни и лучи свѣта играли въ живыхъ переливахъ.

Работа у пчелъ на Михѣевомъ пчельникѣ шла живо и усиленно: онѣ спѣшили воспользоваться до дождя роскошной данью цвѣтовъ и растений. Гармонично жужжа, быстро сновали онѣ по лугу; но такое-жъ движеніе было замѣтно и на самомъ пчельникѣ, гдѣ пчелы могли найти себѣ тоже много пищи.

Тихой поступью похаживалъ промежъ ульевъ Михѣй Савостьяновъ, старикъ приземистый, широкоплечій и худощавый,—старикъ сѣдой какъ лунь, но еще бодрый, съ живыми, свѣтлыми глазами, и даже съ легкимъ румянцемъ на щекахъ. Въ рукахъ у Михѣя не было курилки; голова его ничѣмъ не была покрыта. Пчелы безпрестанно садились ему на загорѣлую шею, на худощавыя, темныя руки, на лицо, — и не жалили его.

Входя въ дверцы пчельника, и увидавъ Михѣя, мирно занятаго дѣломъ, Трифонъ внезапно почувствовалъ въ душѣ горькую зависть и тотчасъ же потомъ грустно стало ему.

— Богъ въ помощь, Михѣй Савостьянычъ, сказалъ онъ, подходя къ старику.

— Милости просимъ, родимый, отвѣчалъ радушно Михѣй.

— А я къ тебѣ... за дѣльцемъ пришелъ....

— Ну, чтожь, сказывай.

Но Трифонъ не тотчасъ сталъ говорить. Онъ изподлобья осмотрѣлся кругомъ, какъ будто опасаясь, чтобы кто нибудь не подслушалъ ихъ разговора, опустилъ угрюмо голову и словно позадумался.

— Чтожь ты, сосѣдь?... сказывай.... повторилъ Михѣй, глядя съ участиемъ на пригорюнившасяго Трифона.

— Надоть бы мнѣ.... началъ печально Трифонъ, надоть бы опять за дѣлцо какое приняться.... Отъ чужой стороны я ужъ отсталъ; зачѣмъ идти туда теперича?... Что, Михѣй Савостьянычъ! позднечко прежнее дѣло начинать съизнова.... Дома-то хотѣлось бы дѣломъ позаняться.... Да вотъ удачи все нѣтъ!...

— Богу надоть молиться...

— Оно, знамо.... дя я, кажись, тово.... а все, вишь, дѣло мое въ прокъ нейдетъ....

— Чтожь дѣлать, Трифонъ Аеанасичъ.... воля Божья!... А ты все молися.... Богу молиться — впередъ пригодится.

— Вотъ я, Михѣй Савостьянычъ, къ тебѣ пришелъ.... Какъ ты мнѣ скажешь: пчелокъ не завести ль мнѣ?

— А съ Божьей помощью! Дѣло доброе; на чтѣ лучше?

— Коли ты совѣтуешь, такъ и помощи по сусѣдскому дѣлу. Право слово, вотъ тѣ Христось! по смерть не забуду.

— Отчего жъ не помочь?... Пошли Господи, чтобъ дѣло-то въ руку шло!... Возьми улейка три, да что тутъ! пожалуй, и пятокъ возьми на разживу, а разживешься, отдашь.

— Спасибо, Михѣй Савостьянычъ!... Дай тебѣ Господи во всемъ-то удачу, сказалъ обрадованный Трифонъ: — да ужъ ты укажи, какъ и дѣло дѣлать.

— А пожалуй, и поучу тебя... Дай только Господи, чтобъ въ руку шло.

Съ этихъ поръ Михѣй Савостьяновъ сталъ отъ всего сердца помогать Трифону. Указалъ онъ ему мѣстечко хорошее для заведенія пчельника—въ сторонѣ отъ своего пчельника, возлѣ самой липовой рощицы; помогъ ему въ ту же весну насадить вѣтель вокругъ избраннаго мѣста и огородить его; указалъ какихъ кустовъ насадить и какихъ травъ настѣять; подарилъ изъ своего садика цѣлый десятокъ молодыхъ яблонь и далъ на разживу пять колодокъ пчель. Скорехонько пошло въ ходъ новое «дѣлце» Трифона.

И точно: съ легкой руки Михѣевой оно пошло хорошо. На третью весну у Трифона было уже около тридцати ульевъ. Однако, и такой успѣхъ не удовлетворялъ его. Скорая удача новаго предпріятія, разжигая въ немъ желаніе сколь возможно болѣе усилить дѣло, козорымъ онъ занимался теперь, пробудила въ душѣ его старыя надежды. Сталъ онъ страстно разчитывать, что годковъ черезъ пятокъ можетъ выдти у него колодокъ полтора ста; что продасть онъ тогда меду не мало; что наконецъ и слишкомъ сотню колодокъ можно будетъ продать, — а такимъ образомъ выручится столько денегъ, что онъ можетъ и откупиться со всей семьей — да кромѣ того останется еще довольно пчелы и впредь на разживу. А откупиться онъ желалъ больше прежняго: уже крѣпко не любилъ онъ своихъ односельцевъ; необходимымъ казалось ему разстаться съ ними навсегда.

Къ осени онъ продалъ меду пудовъ съ-восемь. Съ какою радостью получилъ онъ деньги за этотъ медъ! На ту-пору и сынъ доставилъ ему въ домъ больше обыкновеннаго. Дѣла Трифона пошли отлично. Къ зимѣ онъ уже задумалъ такое дѣльцо, которое, по расчету его, должно было принести ему особенную пользу. Еще осенью же съѣздивъ онъ къ барину и выпросилъ у него другое мѣстечко подъ пчельникъ, гораздо попросторнѣе, — именно возлѣ березовой рощицы и какъ разъ за пчельникомъ Михея Савостьянова. Тогда же сталъ онъ готовить это мѣсто на весну: насадилъ всякихъ деревьевъ, кустовъ и растений. Несправедливость людская, отъ которой такъ много потерпѣлъ Трифонъ, вредно подѣйствовала на его нравственную сторону; онъ утратилъ большую часть совѣстливости, которою отличались прежде его дѣйствія. Такъ и теперь пришелъ ему въ голову лукавый помыселъ.

Когда увидалъ Михей работы Трифона, онъ сказалъ ему:

— Какъ же это, рѣдкимый, — никакъ ты сюда хочешь пчельникъ свой перенести?

— Точно, Михей Савостьянычъ, отвѣчалъ Трифонъ: — баринъ позволилъ....

— Эко дѣло!... продолжалъ Михей, — оно, пожалуй, и неладно будетъ....

— А что такъ?

— Да какъ же!... либо моя пчела станетъ забижать твою, либо твоя мою.... вѣдь, вокругъ Петрова дня будутъ все летать въ липовую рощу....

— Э, дядя Михай, ничего это, — ну, тамъ разберемъ какънибудь.

— А нѣтъ, Трифонъ Афанасичъ!... намъ бы лучше по-Божьи... ты ужь лучше оставь это дѣло....

— Какъ бы не такъ! возразилъ грубо Трифонъ, — баринъ мнѣ позволялъ, — такъ тому и быть!... благо, позволилъ!...

Михей Савостьяновъ ничего не сказалъ больше и ушелъ домой, закручивившись, а Трифонъ въ ту же осень соорудилъ себѣ такой пчельникъ, что любо было посмотреть.

Теперь было у Трифона свободныхъ сотни три-четыре рублей ассигнаціями, вотъ онъ и порѣшилъ: прикупить у сосѣднихъ пчеловодовъ еще колодокъ подѣ-тридцать и къ веснѣ выставить пчельникъ почти равный Михѣеву. Такъ онъ и сдѣлалъ. Весною, на его новомъ пчельникѣ, деревья такъ хорошо принялись, что ни одно не погибло и всѣ одѣлись богатой листвою. Трифонъ выставилъ колодокъ подѣ-шестьдесятъ.

Между тѣмъ у Михѣя Савостьянова дѣла шли плоховато. Прохворалъ онъ чуть не во всю зиму. Не было у него людей такихъ знающихъ и разумныхъ, которые, постояннымъ уходомъ за пчелами въ омшанникѣ, сохранили бы ихъ въ хорошемъ положеніи и подготовили бы имъ благополучное появленіе на свѣтъ Божій весною. Много потерялъ Михей по причинѣ своей болѣзни. Весною онъ могъ выставить ульевъ лишь около сорока. Это обстоятельство восхищало Трифона; недобрая радость особенно обуюла его, когда онъ подмѣтилъ, что его пчела гораздо сильнѣе пчелы Михѣевой. На его пчельникѣ шумъ пчелиной былъ густъ, ровень и громокъ; онъ отзывался такою здоровою, сильною жизнью, а на Михѣевомъ пчельникѣ пчела гудѣла жиденькимъ голоскомъ, прерывисто, какъ-то въ разбивку.

По нѣскольку разъ на дню навѣщалъ Трифонъ пчельникъ сосѣда, который встрѣчалъ его съ явной неохотою, а самъ къ нему ни зачѣмъ не заходилъ; — и всегда, при этихъ посѣщеніяхъ, сердце Трифона переполнялось гордымъ торжествомъ.

— Наша взяла! разсуждалъ онъ самъ съ собою, — изловчился я съ-разу, — анъ дѣло и выгорѣло. Право-слово, можно будетъ откупиться!... А Михѣевъ-то пчельникъ такъ и таетъ, такъ и таетъ, — и роятся плохо, и берутъ не берутъ.... Пожалуй, въ прогорить онъ скорѣхонько. Оно бы и жаль, — да вѣдь былъ его чередъ, былъ да и сплылъ.... Ну, и плохъ онъ пчелинецъ-то!...

Разъ какъ-то пришелъ и Михѣй на Трифоновъ пчельникъ.

— Здорово, дядя Михай, сказалъ ему весело Трифонъ, — ну, вотъ и ты ко мнѣ зашелъ.... Все ли по-добру, по-здорову?

— Слава тѣ Господи! Богъ грѣхамъ терпитъ, отвѣчалъ Михѣй: — а я къ тебѣ, Трифонъ Афанасьичъ.... по-сусѣдски....

— А милости просимъ.... право-слово, радъ тебѣ. Вотъ погляди-ко на пчельничокъ мой.... Ну, что?... живѣтъ?..

— Пчельникъ твой — очень хорошъ... только ужъ твоо... пчела-то твоя больно озорная....

— Вишь ты!... а почему такъ?

— Я затѣмъ и пришелъ къ тебѣ, Трифонъ Афанасьичъ... Ты ужъ Бога побойся!.. Надо бы намъ жить по-сусѣдски, по-божьи...

— А какъ бы это по-сусѣдски да по-божьи? возразилъ уже довольно сердито Трифонъ: — я то какъ же живу?.. Знамо, никого не обижаю — и тебя тоже; ну, чѣмъ такимъ тебя изобидѣлъ?

— Нѣту, родимый, отвѣчалъ Михѣй:— больно ты меня изобидѣлъ... Вспомни-ка... помогъ я тебѣ дѣло начать, — право-слово, по душѣ помогъ.... А ты теперича что со мною сдѣлалъ?... Озорною пчелой мою пчелу забиваешь!.. Чтожъ, Трифонъ Афанасьичъ, вѣдь не по-божьи...

— Да я-то чѣмъ причиненъ?... Нечà грѣха таить: пчела, вишь, у тебя больно слабосильная...

— А то разсуди: нонѣ моя пчела слабосильна, а на лѣто, пожалуй, и твоя ослабѣтъ... вѣдь она урочлива... Ну, что хорошаго, какъ мы другъ-друга поѣдомъ будемъ ѣсть?.. Ты ужъ, родимый, поправь дѣло...

— Какъ это поправить?..

— Дѣло немудрое... захоти только... А вотъ возьми да перенеси пчелу свою на старое мѣсто.

— И думать не моги!..

— Трифонъ Афанасьичъ! въ честь прошу... За что меня, старика, обижать будешь?.. Я вѣдь тебя ничѣмъ не изобидѣлъ...

— Сказано — и думать не моги! возразилъ съ ожесточеніемъ Трифонъ: — ничего не сдѣлаю, — вотъ тѣ Христось!.. Вишь ты!..

— Ну, Богъ съ тобою! отвѣчалъ печально Михѣй: — только Господь накажетъ тебя! На чужомъ добрѣ не раздобудешься — помани мое слово...

— Проваливай!.. проваливай!..

И Михей ушелъ. На другой же день сталъ онъ прискивать, куда бы перебраться со своего любимаго пчельника. Скоро онъ нашелъ мѣстечко у дьячка приходской своей церкви, который, за пару цѣлковыхъ, дозволилъ Михѣю поставить пчелъ въ его садикѣ до тѣхъ поръ, пока повезетъ онъ ихъ на гречиху. Прискорбно было Михѣю покидать свой пріютный, укромный уголокъ, этотъ пчельникъ, въ которомъ лѣтъ пятнадцать сряду трудился онъ честно. Но невольно сгрустнулось и Трифону, когда онъ увидалъ, что Михѣй не на шутку задумалъ оставить «обсиженное» мѣсто, что онъ покидаетъ свой пчельникъ черезъ него именно. Совѣсть заговорила въ Трифонѣ. Онъ не вытерпѣлъ, пошелъ къ сосѣду и сталъ уговаривать его остаться.

— Ну, что пустое толковать! отвѣчалъ старикъ: — вѣдь ты-то не переѣдешь на старое мѣсто... Что ужъ!... Вотъ, кажись, и просторное мѣсто было, а смотри-кось намъ съ тобою тѣсно стало. Оставайся ты здѣсь, а я найду уголокъ...

И старикъ не захотѣлъ дольше слушать рѣчей Трифона. Плюнулъ Трифонъ и прочь пошелъ, бормоча сердито про себя:

— Вишь ты, какой нравной!.. словно баринъ-помѣщикъ... не сговоришь и никакихъ рѣчей не принимаетъ! А и то мо-литъ: была бы честь приложена, а отъ убытку Богъ избавилъ. Эка важность!... Да вотъ постой маненько... какъ бы не пришлось Михѣю Савостьянычу и къ намъ придти за помощью... Можетъ, вотъ-какъ станетъ кланяться?... А коли придетъ, — чтожь! — и я помогу... Мы таперича въ состояніи...

Слѣдствія всего этого были очень непріятныя для бѣднаго Михѣя. Весь почти пчельникъ его уничтожился; къ осени осталось у него только колодокъ десять да и то плохихъ, тощихъ. Между тѣмъ и у Трифона къ осени оказались дѣла не совсѣмъ хороши: потери, правда, не было, но и прибыли вышло мало. Какъ только Михѣй перебрался изъ сосѣдства Трифона, пчела Трифонова плохо стала брать отчего-то. Потомъ, съ конца мая, пошли сильные дожди, которыми забило много пчелы; весь іюнь и половину іюля стояла погода неблагопріятная для роенія: холодная и съ сильными вѣтрами; добыча на гречихѣ тоже была дурная; и наконецъ — осень несвоевременно рано настала. Къ осени пчела Трифонова оказалась слаба и тоща. Но, увлекаясь своими задушевными планами, не имѣя притомъ настоящей опытности въ пчеловодствѣ, Трифонъ рѣшился пустить въ зиму всю

пчелу, которая осталась за выломкою меду. Послѣдствія вышли печальныя: слабая пчела не вынесла продолжительной зимы и плохого продовольствія. Къ слѣдующей веснѣ у Трифона оказалось всего только тринадцать колодокъ, годныхъ на выставку, — столько же почти, сколько было теперь и у Михея. — А затѣмъ въ какіе-нибудь два года и все его пчеловодство дотла извелось.

Погрѣшилъ онъ по-напрасну противъ добраго сосѣда. И грѣхъ взялъ свое: вѣлся онъ глубоко въ сердце Трифона.

VI.

Много былъ опечаленъ Трифонъ послѣднею неудачею. Да и какъ было не сокрушаться ему? Въ его года гибель завѣтныхъ надеждъ, гибель передъ самымъ ихъ осуществленіемъ, является особенно страшною.

Раза два-три порывался онъ пойдти за помощью къ Михѣю Савостьянову, у котораго дѣла опять стали поправляться по немногу, но горькое сознание вѣны своей передъ сосѣдомъ, своей черной неблагодарности, не допустило Трифона до этого. И остался онъ опять безъ дѣла.

Но бѣда одна не живетъ, — одна бѣда вызываетъ всегда другую; когда встаетъ волна на морѣ, идутъ за нею другія, еще болѣе страшныя волны. Такъ стало и съ Трифономъ.

Не успѣлъ онъ еще привыкнуть къ мысли, что послѣдній трудъ его пропалъ безвозвратно, какъ новое несчастье окончательно поразило его: сынъ его Ефимъ умеръ на сторонѣ. Недолго хворалъ онъ, бѣдняга, и съ самаго начала болѣзни предчувствовалъ смерть. Передъ концомъ, попросилъ онъ какого-то знакомаго грамотѣя написать домой письмо; слезно прощался онъ со всѣми родными и наказывалъ имъ долго жить.

О, какъ горевалъ Трифонъ! Всѣ на деревнѣ, мужики и бабы, въ-чужѣ жалѣли о немъ, всѣ утѣшали его. Тяжкое положеніе Трифона всѣмъ бросалось въ глаза: самъ онъ — уже старикъ, мать его — старуха, обезумѣлая отъ старости и немощи, сынъ — малолѣтний, дочь — калѣка, да двѣ внучки, дочери Ефима, одна трехъ лѣтъ, а друга — меньше году, — и на весь домъ одна только настоящая работница, вдова Ефимова...

И сталъ бѣднѣть Трифонъ съ каждымъ днемъ, сталъ бѣднѣть не по днямъ, а по часамъ. Не кому было исправить, какъ надо, вуждѣ домашнихъ; подмоги не откуда было ждать. Хоть бы внучка маленькаго далъ Богъ на утѣшеніе, внучка, который, — глядишь, годковъ черезъ десятокъ, эдакъ, — поднялся бы на ноги: сначала подсоблялъ бы по домашнему дѣлу, а тамъ и на сторону можно бы его отпустить... Совсѣмъ осиротѣлъ Трифонъ, а у него на шеѣ обуза немалая.

Слыхалъ я отъ одного барина присловье, объясняющее, по его мнѣнію, пословицу: «на Руси святой съ голоду не умираютъ» — вотъ какое это присловье: «русскій мужикъ — что ракитовый кустъ, какъ ни стриги его, онъ опять обростетъ...» Можетъ, оно и правда въ землѣ нашей, гдѣ водятся такъ много всякихъ диковинокъ, только къ Трифону это присловье не подходило. Обездолѣлъ онъ, горемычный, совершенно и во всемъ. И онъ потерялъ бодрость духа. Дума его, до сихъ поръ почти безпрестанно подзывавшая его на новый трудъ, манившая надеждами, дума эта, прежде столь плодovitая, теперь стала твердить ему ежечасно, что не зачѣмъ уже трудиться, что не на что надѣяться, что впереди лишь — нужда да смерть.

Тотчасъ же послѣ смерти Ефима, баринъ освободилъ Трифона отъ оброка, отъ подводъ и отъ всякихъ податей; но и это не помогло. Года въ два перевелись у него всѣ деньжонки, накопленные отъ пчеловодства и отъ заработковъ Ефимовыхъ.

«Гдѣ тонко, тамъ и рвется» — скоро и самъ Трифонъ сталъ усилывать свое разореніе невоздержностью: принялся онъ опять за вино, за пьянство, хоть и не безобразно, а все-таки частенько. Въ это время случилось съ нимъ происшествіе, доведшее его до гибели душевной.

Трифонъ не любилъ пьянствовать дома и у себя — на деревнѣ; любилъ онъ выпивку въ сосѣднемъ огромномъ селѣ Боровомъ, гдѣ по субботамъ бываютъ базары. Всякую субботу отправлялся онъ въ Боровое. Не было у него тамъ никакого дѣла: продавать было нечего да и покупать не на что, а онъ все-таки постоянно ѣзжалъ на базары. Онъ былъ мастеръ великій присосѣдиться къ какому нибудь пьяницѣ и «погулять» на чужой счетъ. Только та бѣда, что и для такого мастерства приходилось дѣлать надержки: надо было и самому поднести иной разъ хоть одинъ стаканчикъ. Стаканчикъ за стаканчикомъ, деньжонки-то и ушывали, деньжонки послѣднія, истинно кровныя. И Трифонъ не

жалѣлъ ихъ; онъ считалъ нужнымъ пить, чего бы то ни стоило,—онъ пилъ теперь истинно съ горя: во время пьянства горе легче становилось; нужда, столь близкая къ нему, не такъ уже страшила его; смерть, тоже близкая, казалась желанною гостею.

Скоро Трифонъ нашелъ себѣ въ Боровомъ пріятеля, деревенскаго портнаго Савелья Кондратьича, двороваго человѣка сосѣдняго помѣщика, который прогналъ его отъ себя давно уже за пьянство; съ нимъ-то онъ всего болѣе пилъ-гулялъ. Савелій Кондратьичъ,—человѣкъ лѣтъ уже слишкомъ пятидесяти, высокій, сухопарый, легкій на ногу,—былъ горчайшій пьяница. Все, что ни добудеть, бывало, работая безъ устали чуть не цѣлую недѣлю, пропивалъ онъ въ субботу (базарный день) и въ воскресенье, да такъ пропивалъ, что зачастую и опохмѣлиться въ понедѣльникъ было не на что. Много труда, нужды, горя перенесъ и переносилъ на своемъ вѣку Савелій — и никогда не унывалъ. «Съ меня что кому взять?... да и мнѣ объ чемъ такомъ кручиниться?... вольная птица!...» говаривалъ онъ самъ про себя. Беззаботно трудился онъ какъ умѣлъ, балясы точилъ за работою, пѣлъ во все горло, а пропивалъ трудъ свой еще беззаботнѣе. Хорошій человѣкъ былъ Савелій Кондратьичъ. Одно только и было въ немъ не совсѣмъ хорошо: въ хмѣлю бывалъ онъ неспокоенъ, не то, чтобы задоренъ и буенъ, а ужъ черезчуръ болтливъ и суетливъ. Съ нимъ-то сошелся и очень подружился Трифонъ. Съ годъ были они друзьями закадычными, оттого больше, что сначала какъ-то ровно всегда пьянствовали; но къ концу этого года Савелій Кондратьичъ плохъ сталъ оказываться: черезчуръ ужъ скоро пьянѣлъ, а иной разъ «до чѣртиковъ» допивался.

Однажды Трифонъ много попрекалъ его за эту послѣднюю способность.

— Ну, что ты меня попрекаешь? возразилъ Савелій Кондратьичъ.—Эхъ, братъ Триша!... ну, зачѣмъ ты попрекаешь меня, слабаго человѣка?... Вотъ погоди... какъ бы, братъ, хуже чего съ тобою не вышло...

И точно, скоро приключилась съ Трифономъ премудрая оказія.

Разъ,—это было въ концѣ сентября,—ѣхалъ онъ домой изъ Бороваго, нисколько не пьяный, а только немного на-веселѣ: пріятеля его Савелья Кондратьича не было на ту пору въ Боровомъ, а ни съ кѣмъ другимъ не похотѣлось Трифону выпить

лишній стаканчикъ. Дѣло было къ вечеру. Солнце только-что сѣло въ небольшой, темной тучкѣ, края которой ярко еще золотила заря. Сквозь тонкія, въ видѣ тумана, облака, заволакивавшія во многихъ мѣстахъ блѣдно-голубое осеннее небо, недавно народившійся мѣсяцъ тускло глядѣлъ на окрестность. Путь Трифона шелъ по широкимъ лугамъ села Бороваго, начистѣ вытравленнымъ тогда скотомъ, ходившимъ по отавѣ. Легкій и зыбкій туманъ кой-гдѣ стоялъ надъ этими лугами. Сквозь туманъ просвѣчивала мѣстами темно-сизая, какъ хорошо закаленная сталь, полоса захладовавшей большой рѣки, которая влѣвъ прихотливо извивалась въ бугристыхъ, песчаныхъ берегахъ.

Трифонъ ѣхалъ потихоньку, нисколько не понукая тощую свою лошаденку, ѣхалъ и думалъ невеселую думу.

«Эхъ!» думалъ онъ: «инымъ-то людямъ счастье какое!.. Вотъ хоша бы Зоть Гордѣичъ: пріѣхалъ изъ Загорья на такомъ конѣ,—по базару давича расхаживаетъ,—и кто-кто не снимаетъ передъ нимъ шапку!.. и я тоже снялъ,—провалиться бы ему!.. такъ ужь на бѣломъ свѣту, испоконъ, чай, вѣку, повелось,—знаю, богатъ человекъ, ну и кланяются. Никто въ народѣ его не любитъ,—больно лють и нежалостливъ, а, поди-кось, какъ почитаютъ!.. Вонъ я честно жилъ и работалъ,—чего жь такого нажилъ-то? кошель на шею нажилъ, да не себѣ одному, а всей семьѣ!.. Господи! семья моя!.. А Зоть Гордѣичъ, сказываютъ, куда-легко большія деньги добылъ... добыча эта, охъ, добыча!.. И добро бы уменъ былъ Зоть Гордѣичъ да во всемъ-то ему удача была... и обманывалъ, и обкрадывалъ, и нажималъ все съ удачею,—воля какая ему теперича!.. вотъ и почитаютъ его, боятся... Эхъ! хоша бы годикъ-другой пожить хорошенько!..

На послѣдней мысли дума Трифона оборвалась: телегу вдругъ сильно трянуло, чуть не опрокинуло. Онъ взглянулъ вокругъ себя. Мѣсяцъ совсѣмъ заволокло; только малое, желтоватое пятнышко осталось отъ него въ бѣлыхъ, плотно скупенныхъ облакахъ. Впереди, и уже не такъ далеко, Трифонъ увидалъ небольшую, черную полосу, рѣзко отдѣляющуюся отъ туманнаго горизонта и отъ темнаго пространства луговъ безъ травы: то было село Пересвѣтово, съ его садиками и пчельниками.

Но тотчасъ же потомъ показалось Трифону, что вдали, на самомъ краю горизонта, встаютъ словно волны какія-то... Съ испугомъ, онъ сталъ всматриваться—и почудилось ему: далекія волны эти тронулись и покатались въ его сторону... Вотъ онъ

все ближе и ближе, вот затопили окрестность; луга потеряли свой темный оттѣнокъ и покрылись тускло-свѣтящимися рядами шибко бѣгущихъ волнъ... Замерло сердце у Трифона. Ему ужъ казалось, что телегу его заливаютъ водою; что волны такъ и рвутся упасть на него, слиться надъ нимъ; что онъ долженъ непремѣнно утонуть...

— Эй! постой-ка, братъ!... эка диво!... стойтъ на колѣняхъ въ телегѣ, озирается во всѣ стороны, а ничего не видитъ... произнесъ вдругъ человѣкъ, очутившійся, какъ-разъ, съ правой стороны телеги.

— Съ нами крѣстная сила!... вскричалъ Трифонъ, дрожа всѣми членами.

— Да что ты, братъ?... словно ошалѣлъ совсѣмъ!... Аль больно заспался?... А то, можетъ, хлебнулъ больно черезъ край? сказалъ встрѣтившійся человѣкъ.

— Тьфу ты, пропасть!... молвилъ наконецъ Трифонъ: — да это ты, никакъ, Савелій?...

— А ты какъ бы думалъ?... знаю, я, — а не лѣшій аль водяной.

При этихъ словахъ Трифонъ опять задрожалъ, перекрестился и осмотрѣлся кругомъ; но видѣнія уже не было—волны исчезли. Пересвѣтovo было видно, какъ на ладонкѣ; огни мелькали съ избахъ; собаки во всѣхъ дворахъ заивались звонкимъ лаемъ.

— Диковина приключилась!... сказалъ, какъ бы про себя, Трифонъ.

— Что, братъ, такое? спросилъ любопытный Савелій Кондратьичъ.

— Опосля скажу... Ты куда, Савушка?

— А почевать въ Боровое.

— И! что такую даль ночью!... Поѣдемъ ко мнѣ лучше, у меня почуемъ.

— Ну, чтожъ! пожалуй, поѣдемъ. Я и то хотѣлъ-было давеча у тебя заночевать, да не засталъ тебя дома.

Пріятели скорѣхонько добрались до Пересвѣтова. Между тѣмъ небо потемнѣло; густой туманъ всталъ надъ болотистыми озерами и надъ рѣкою, совсѣмъ закрывъ ее и боръ, примыкающій къ селу Боровому.

VII.

Когда Трифонъ и Савелій Кондратьичъ вошли въ избу, Анна, вдова Ефимова, сказала полушопотомъ свекору:

— Бабушкѣ-Афимѣ труднѣхонько.... съ чего-то вдругъ подбѣялось.... все металась на печкѣ, больно стоцала.... А теперича зпать полегчело, словно заснула да все тяжело таково дышетъ....

— Ну!... произнесъ задумчиво Трифонъ.

— А какъ бы не померла за ночь-то?... молвилъ Саввушка.

— Нѣту!... отвѣчалъ Трифонъ: — она завсегда такъ-то съ самой осени да и зиму.... знаю, человекъ старой, чай, всѣ кости болятъ....

— А что, малый?... потихоньку и будто робко спросилъ Савелій Кондратьичъ у Трифона: — не пойти ль, тово, къ Аринѣ... выпить бы надо маненько.... вотъ, вишь, у меня полтора цѣлковенькихъ есть, — за работу въ Машинѣ получилъ....

— Нѣту, въ шинокъ не пойду, угрюмо возразилъ Трифонъ.

— А сюда бы... тово.... можно? умильно спросилъ Саввушка.

Но Трифонъ ничего не отвѣчалъ на этотъ умильный вопросъ.

— Что жъ ты?... продолжалъ Саввушка, — да!... можетъ... тово.... помирать она собралась?

— Наладилъ съ однимъ! сердито отвѣчалъ Трифонъ: — сказано, что завсегда такъ къ осени.

— Ну, и то такъ... Я теперича пойду къ Аринѣ.

И Саввушка вышелъ.

Черезъ минуту старуха Афимья громко и протяжно простонала. Трепетъ обдалъ Трифона, когда онъ услышалъ этотъ тяжкій стонъ. Анна проворно бросилась на печку къ старухѣ и въ то же время показалась съ полатей косматая голова полоумнаго Мишутки; онъ смотрѣлъ внизъ, уставивъ на отца огромные, безжизненные глаза на выкатѣ.

— Невѣстка-касятка, — промолвила на полатяхъ глухимъ полушопотомъ дочь Трифона Аграфена: — никакъ бабушка....

И она заплакала, громко всхлиывая.

Слова Аграфены съ пронзительною болью отозвались въ сердцѣ Трифона.

— Что тамъ еще!... сказалъ онъ тихо, но очень сердито, — ака дура! ничего невидя, хнычетъ... словно махонькая.

Груша тотчасъ же замолкла и притаила даже дыханіе; въ то же мгновеніе спряталась и голова Мишутки: въ домѣ всѣ очень боялись Трифона; со времени послѣднихъ несчастій своихъ онъ сталъ къ семьѣ суровъ чрезвычайно, даже до жестокости.

Скоро спустилась съ печи Анна.

— Ну? — спросилъ Трифонъ.

— Кажись, спать, отвѣчала она.

Между тѣмъ прошло много времени, а Савелій Кондратычъ все еще не возвращался. Трифонъ, однако, не замѣчалъ этого. Онъ былъ весь погруженъ въ печальныя мысли. Опять смерть стучалась въ дверь его дома — и новая забота вставала опять для него, забота похоронить старуху: вѣдь на похороны да на поминки нужны расходы не малые. Въ избѣ же было все тихо, такъ тихо, что всякій звукъ можно было различить явственно: слышно было и ровное сопѣнье Мишутки и прерывистое дыханіе старухи; тишину эту нарушало лишь изрѣдка рѣзкое вскрикиваніе сверчка подъ печкой.

Но наконецъ воротился и Савушка. Тихонько отворилъ онъ дверь, просунулъ въ нее свое узенькое рыльцо и визгливымъ шопотомъ промолвилъ оттуда:

— Триша!... а, Триша!... иди чтоль?...

— Да иди, провались ты!... отвѣчалъ вполголоса Трифонъ.

— А тетка-то.... тетка Акимья?... жива, аль тово: померла ужь?...

Зло взяло Трифона.

— Ахъ, ты, лѣшій, пьяница!... право-слово, надоѣлъ до смерти.... проговорилъ онъ съ ожесточеніемъ.

— Ну, ну.... ты, Триша.... за что? не ругайся! вотъ вишь... иду, иду....

И Савушка вошелъ въ избу, сильно покачиваясь. Бережно, словно кладъ какой, держалъ онъ за пазухой штофъ вина; правая рука его лежала на драгоценной ношѣ, крѣпко прижимая ее къ груди. Видно было, что Савелій Кондратычъ не потерялъ даромъ времени: лицо его горѣло, какъ маковъ-цвѣтъ, а носъ пылалъ, словно полымя; глаза были сильно на выкатѣ. Медленно, заплетая ногами, и ныряя безпрестанно всклокоченной головою, подошелъ онъ къ столу, за которымъ сидѣлъ Трифонъ.

— Важно успѣлъ нахлюстаться.... сказалъ Трифонъ съ презрѣніемъ.

— А, а! что жь такое? лепеталъ Саввушка: — Триша.... вѣдь на свои денежки.... кровныя свои.... ну, и того.... Да ты не тужи, братъ.... вишь, цѣлый штофъ? цѣлый штофикъ принесъ! поживемъ, Триша....

— Эхъ, ты!...

— Триша!... слабый я человѣкъ.... человѣкъ, тоись, Божій.... а никого не избидѣлъ.... Вотъ ей-же-ей! никого, какъ есть.... смирный человѣкъ.... и у господъ служилъ.... и то снѣня пороха....

И Саввушка, — человѣкъ, показывавшій во время пьянства большую чувствительность, — горько заплакалъ. Но черезъ минуту слезы его изсякли.

— Триша, вдругъ спросилъ онъ, заикаясь: — а тетка Афанья?...

— Перестань поминать про нее! грозно вымолвилъ Трифонъ.

— Ну, ну, не стану, сказалъ пьяница. Потомъ успѣлся онъ у стола, поставилъ штофъ и возлѣ него два стакана, одинъ большой квасной, а другой маленькій, — и умильно улыбнулся.

— Родимый, милый ты человѣкъ! Триша!... залепеталъ опять Саввушка: — ты смотри-ка, не избидѣлъ тебя, выйдетъ, вотъ же ей, поровну; у Арины-то, съ хорошимъ человѣкомъ, не утерпѣлъ.... да вишь, досталъ стаканчикъ-то одинъ, смотри какой! это — тебѣ, братъ Триша, а мнѣ махонькой... а мнѣ махонькой!

Трифонъ ничего ему не отвѣчалъ; онъ сидѣлъ, опустя низко голову. А между тѣмъ Савелій Кондратьичъ и здѣсь не упускалъ времени: бормоча какую-то нескладицу, то громко, то шопотомъ, то съ дребезжающимъ смѣхомъ, то съ ребяческимъ плачемъ, онъ успѣлъ разъ-за-разомъ вытянуть четыре стаканчика. Скоро голосъ его оборвался, онъ совсѣмъ осовѣлъ — и замолкъ. Такъ прошло съ полчаса.

Но вдругъ Саввушка порывисто приподнялся съ лавки, вытянулся во весь длинный, нескладный ростъ, нѣсколько секундъ пошатался, застоналъ пронзительно визгливо, какъ будто сквозь сильно стиснутые зубы, закинулъ голову назадъ, медленно повелъ вверхъ лѣвую руку, словно хотѣлъ схватить себя за голо-

бу, еще разъ отрывисто взвизгнулъ — и тяжело свалился на полъ, ударившись головою о косякъ лавки.

Трифонъ и Анна бросились поднимать Саввушку. Когда они положили его на лавку, онъ былъ уже бездыханенъ; губы были раскрыты и черезъ нихъ выставлялись крѣпко стиснутые зубы; въ открытыхъ глазахъ не свѣтилось и слабаго луча жизни; все лицо было синевато-багроваго цвѣта. Изъ всѣхъ силъ хлопоталъ Трифонъ около своего пріятеля, и прыскалъ водой ему въ лицо, и лилъ воду въ ротъ, и обливалъ голову, и встряхивалъ его, но все было напрасно. Съ каждымъ мгновениемъ все холоднѣе и окоченелѣе становились члены бѣднаго Савелья Кондратьича. Но не хотѣлось Трифону разстаться съ надеждой, что можетъ онъ еще и не умеръ.

— Аннушка! сказалъ онъ невѣсткѣ: — глянь-ко ты, ради Христа... авось онъ... вотъ грѣхъ-то приключился!...

Анна долго тоже хлопотала около Саввушки, но наконецъ она увѣрилась, что смерть его несомнѣнна.

— Померъ... прошептала она, потомъ прибавила:

— Батюшка-свекоръ... взглянь-ко, вотъ у него на правомъ вискѣ пятно какое-то...

И въ самомъ дѣлѣ, на вискѣ у Саввушки было огромное, темно-багровое пятно.

— Плохо дѣло! бѣда!... подумалъ Трифонъ. Пожалуй, становой привяжется... откупиться нечѣмъ, сгніешь въ острогѣ. Скажутъ — вмѣстѣ пьянствовали — подрался, убилъ... вишь, пятно проклятое!...

Крѣпко позадумался Трифонъ. Наконецъ вышелъ онъ потихоньку на улицу. Ночь была темна и глуха. Нигдѣ у сосѣдей огня уже не было; всѣ на деревнѣ спали крѣпко, даже собаки, — ни одна изъ нихъ и съ просонья не тявкнула. Воротившись на дворъ къ себѣ, Трифонъ и тутъ постоялъ да подумалъ. Потомъ подошелъ онъ къ заднимъ воротамъ, полегоньку отодвинулъ задвижку, еще тише принялся отворять ихъ — и отворились онѣ, нисколько не заскрипѣвъ. Заглянулъ онъ за ворота: на задахъ двора его было еще тише и глуше, чѣмъ на улицѣ.

Трифонъ мгновенно теперь рѣшился — и все, что придумалъ, сдѣлалъ осмотрительно и осторожно. Тихо подмазалъ онъ телегу, тихо запрегъ лошадь, собаченку свою, привыкшую сопровождать лаемъ выгнать его со двора, заперъ въ хлѣвушокъ — и за тѣмъ проворно воротился въ избу.

— Надо прибрать... оказалась онъ отрывисто Аинѣ: — помоги снести его въ телегу...

— Батюшка-свекоръ!... промолвила трепещущимъ голосомъ Анна, — какъ бы...

— Что тамъ еще!... бери за ноги... ну!...

И вдвоемъ они легко вынесли Савелья Кондратьича: онъ и тутъ легко оказался, если не на ногу, такъ всей своей особою. Трифонъ выѣхалъ въ заднія ворота. На его счастье ни одна собаченка нигдѣ не залаяла; онъ выбрался изъ Пересвѣтова благополучно. Путь его лежалъ не далеко. Онъ рѣшился спроводить пріятеля своего въ рѣку, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она очень глубока.

Какъ ни тверда была эта рѣшимость его, много страху онъ натерпѣлся дорогою. Его пугали теперь не опасенія быть пойманнымъ на такомъ страшномъ дѣлѣ. Но ѣхать съ мертвецомъ въ глухую пору, чуть не въ самую полночь, ѣхать по той же дорогѣ, гдѣ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ являлись ему страшныя видѣнія, — вотъ отчего безпрестанно дрожь принимала Трифона и дыбомъ вставали волосы на его головѣ.

И все усиливало его страхъ. Бѣловато-мутная мгла, разстилавшаяся кругомъ, представлялась ему какою-то бездонною пропастью, въ которую вотъ сейчасъ стремглавъ полетитъ онъ съ телегой и съ безгласнымъ своимъ сѣдокомъ. Лошадка Трифона должна идти тихо, какъ же бѣжать съ покойникомъ по кочковатой луговой дорожкѣ? Трупъ Саввушки, съ открытыми, потухшими глазами, отъ которыхъ Трифонъ не могъ оторвать взора своего, трепъ этотъ, подскакивавшій безпрестанно въ телегѣ отъ толчковъ, ужасалъ его невыразимо.

Наконецъ онъ достигъ того мѣста, гдѣ предположилъ похоронить Савелья Кондратьича. Это былъ довольно отлогой берегъ большой рѣки, опушенный здѣсь густыми кустами ракитника; у этого-то самого берега было чрезвычайно глубоко. Тутъ былъ омутъ, который въ иные трескучіе морозы никогда не замерзалъ.

Бережно навязалъ Трифонъ на шею Саввушки большой отломокъ жерноваго камня, захваченный имъ съ собою изъ дому; бережно спустилъ трепъ изъ телеги на землю и поволокъ его за ноги, черезъ кусты. А въ тоже время, съ тяжкимъ ужасомъ, смотрѣлъ онъ на темное лицо своего бѣднаго пріятеля; тоска мучительно сжимала его сердце. Но вотъ онъ на самомъ краю

берега.... Положилъ онъ трупъ ногами къ рѣкѣ и потихоньку сталъ подвигать его въ воду.... Наконецъ онъ совсѣмъ спихнулъ его....

Въ тоже мгновеніе почудилось ему, что въ кустахъ кто-то простоналъ тяжело.... Не помня себя отъ ужаса, онъ вскочилъ въ телегу и погналъ лошадь, что есть мочи.

Воротился онъ домой еще до свѣту и также незамѣтно, какъ выѣхалъ.

Все остальное время ночи онъ не могъ уже заснуть. Душа его ныла; великая жалость къ бѣдному Саввушкѣ наполняла ее. Иной-разъ казалось ему, что онъ кинулъ въ рѣку не трупъ его, но живаго его, что онъ убилъ Саввушку....

Не спали въ ту ночь и дочь его Аграфена и невѣстка Анна: тихо и робко плакали онѣ о чемъ-то. Только Мишутка да двѣ дѣвочки, Аннины дочери, спали безмятежно; да казалось, спитъ и старуха Афиья, дыханье которой, къ концу ночи, сдѣлалось ровнѣе и легче.

Когда же стало разсвѣтать на дворѣ, Афирья опять отрывисто громко простонала и вслѣдъ за тѣмъ завозилась на печкѣ. Анна посиѣшила къ ней. Было замѣтно, что старуха проснулась, — если только спала, — но глазъ она не открывала.

— Бабушка, — спросила потихоньку Анна, — испить не подать ли?...

— Ненадоть.... отвѣчала Афирья густымъ и твердымъ голосомъ. — А пьяницу Савку куда схоронили?... вдругъ спросила она также громко.

Анна ничего не отвѣчала и только робко поглядывала на Трифона, а онъ, услышавъ слова матери, затрепеталъ всѣми членами.

— Все слышала.... продолжала старуха, — куда жъ дѣвали-то?... а?... ну, все равно!... Аннушка! подай дѣвчонокъ своихъ, Мишутку, Грушку позови....

Когда Анна подала къ ней потягивавшихся сквозь сонъ дѣвочекъ, Афирья положила имъ на голову костлявыя, горячія руки, перекрестила ихъ и приложила холодныя губы къ разгорѣвшимся щочкамъ малютокъ. Потомъ перекрестила она Мишутку и Грушку.

— Ну, ступайте.... промолвила она уже хриплымъ голосомъ, а черезъ минуту прибавила чуть слышнымъ шопотомъ: «попа!...»

Между тѣмъ Трифонъ подошелъ къ печкѣ.

— Матушка!... сказалъ онъ, — аль тебѣ больно-тяжко стало?...

Старуха не отвѣчала.

— Матушка!—повторилъ Трифонъ дрожащимъ голосомъ, — аль помирать ты хочешь?... Всѣхъ ты благословила.... меня не забудь.... благослови меня, матушка....

Но отвѣта не было. Трифонъ горько заплакалъ.

— Прости меня, Христа-ради.... говорилъ онъ, — прости меня, окаяннаго!... Наказалъ Господь довольно.... Благослови, какъ ихъ-то благословила.... Прости передъ концомъ!...

Трифонъ обнималъ и цаловалъ ноги матери, бралъ руки ея, но она ничего не отвѣчала. Заглянулъ онъ въ лицо ей—и ужаснулся. Расширенные чрезвычайно зрачки горѣли сверхъестественнымъ огнемъ и пристально, грозно смотрѣли на него. Почернѣвшія губы были крѣпко сжаты; тонкій носъ обострился; въ горлѣ звонко билъ «колоколець». Старуха была страшна не сказанно.

Неотступно умолялъ Трифонъ мать свою о прошеніи, а она все не отвѣчала ему и томилась смертною мукою. Пришелъ священникъ. Онъ исповѣдалъ старуху «глухою исповѣдью» и причастилъ. Передъ причащеніемъ, онъ долго убѣждалъ ее простить сына, дать ему благословеніе крестнымъ знаменіемъ, но старуха осталась не преклонна и взоръ ея горѣлъ грознымъ огнемъ, когда устремлялся на сына.

И три дня такъ прошло, три дня страшныхъ мученій для Трифона. Сна и пищи онъ лишился. Безпрестанно просилъ у матери благословенія — и все понапрасну.

Пересвѣтовцы, одни за другими, навѣщая и избу Трифона, глядѣли на старуху, покачивали головой, шептались таинственно промежь себя — и много жалѣли Трифона. Наконецъ нѣкоторые изъ стариковъ и старухъ посоветовали ему поднять «матцу» въ потолкѣ.

— А то вишь она не кончается... душа не выходитъ... говорили они.

Но Трифону не до того было, чтобы вслушиваться въ разные совѣты; онъ почти обезумѣлъ отъ ужаса и отъ мучивій душевныхъ.

На третій день лицо старухи почернѣло. Съ-утра стала она стонать безъ перерыву; «колоколець» билъ въ горлѣ у ней уже

неровно: то тихо, то громко. Къ полуночи стонала она такъ, что было слышно на улицѣ и въ сосѣднихъ домахъ. А иногда стоны прекращались и на нѣсколько секундъ какъ будто останавливалось и дыханье ея. Конецъ Аѳимьи уже былъ близокъ.

За нѣсколько мгновений до ея смерти, Трифонъ, не уставшій умолять о прошеніи, наклонился надъ самымъ лицомъ матери и, рыдая, сталъ опять повторять:

— Матушка!... прости, ради Господа!... прости!... прости!...

— Прочь!... прошптала она для него только слышнымъ голосомъ — и въ ту же минуту испустила духъ.

VIII.

Трифонъ перенесъ страшныя впечатлѣнія всѣхъ этихъ событій; но на нѣкоторое время былъ пораженъ такой мрачной тоскою, что нельзя было видѣть его безъ содраганія. Мѣсяца два прохворалъ онъ въ тяжкой болѣзни; крѣпкое, жилистое сложение его было надорвано душевнымъ страданіемъ. Однако, все вынесла его натура. Черезъ какихъ нибудь полгода сгладились на немъ наружные слѣды душевныхъ мученій. Только для глубоконаблюдательнаго взора могли быть замѣтными рѣзкія перемѣны въ характерѣ Трифона.

Онъ сдѣлался чрезвычайно неровень во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ: иногда слезно жаловался всякому на свои несчастья, иной же разъ, весь погруженный въ мрачное уныніе, словечка не хотѣлъ вымолвить ни съ кѣмъ и ни объ чемъ. На базары онъ пересталъ совсѣмъ почти ѣздить, — развѣ-развѣ понадобится купить для домашняго дѣла соли или другое что нужное; къ сосѣдямъ пересталъ тоже заходить; на праздники никуда уже не ходилъ и къ себѣ не пускалъ; на мірскія сходки сначала еще являлся, но когда спрашивали его о чемъ нибудь, — бывало, рукой махнетъ да отвѣтитъ: — «А что тутъ?... какъ міръ хочеть!... мое дѣло сторона... изба моя съ краю, ничего не знаю...

Когда же случалось ему услыхать на сходкѣ про какое нибудь несчастіе въ сосѣдствѣ, — напримѣръ, про пожаръ, —

онъ не присѣдинялся къ общему хору сожалѣній, а всегда коротко возражалъ:

— Ну, сгорѣли, такъ сгорѣли... опять выстроятся... Дѣло это поправное...

— Вишь ты, братъ, какъ поговариваешь!... А у тебя случяся?...

— Всего случилось... отвѣчалъ, бывало, тихимъ голосомъ Трифонъ.

И, сказавъ слова эти, онъ уходилъ домой, повѣсивъ голову и ни на кого не глядя.

Наконецъ, даже по позывамъ стариковъ, онъ чрезвычайно-рѣдко сталъ являться на сходки; сталъ онъ все дома заниматься какимъ нибудь пустымъ дѣломъ: то колышки какіе-то, бывало, заостриваетъ, то хворостъ обрубаютъ для топки печи, то разберетъ какой-нибудь старенькой хлѣвушокъ на дворѣ, и разберетъ-то его безъ надобности, да потомъ опять собираетъ...

Скоро мужички пересвѣтовскіе начали какъ-то дичиться Трифона, избѣгали всякихъ разговоровъ съ нимъ, перестали звать его не только на мірскія сходки, но даже на крестины, на свадьбы и на другія пирушки.

— Словно какой «оглашенный» сталъ! — говорили они, разсуждая иной разъ о Трифонѣ, — никуда вишь не ходитъ и въ церкви-то рѣдко бываетъ... А опрежь-того былъ совсѣмъ другой человѣкъ: дѣломъ все хотѣлъ заниматься...

— Въ руку, видишь, все ему не шло.

— Да больно ужъ затѣйливъ былъ!... оно бы попроще... анъ и тово...

— И на базары частехонько ѣзжалъ.

— А поминишь? съ Саввушкой-то какія пріатели были!

— Какъ же! какъ же!.. Да, малой! поди-кось, пропалъ вотъ Саввушка, — инда ни слуху, ни духу...

— Да, вѣдь, кажись, передъ самой-то смертью Афины, былъ Саввушка у насъ на деревнѣ! Сказываютъ, — у Арипы съ Васькой Лимавскимъ пьянствовалъ, а вотъ опосля-того словно сквозь землю провалился.

— Поспросишь бы у Трифона: не заходилъ ли къ нему въ тѣ поры!.. А то не ночевалъ ли?

— Эва! что его спрашивать? вишь какой онъ сталъ!... слово колдунъ настоящій!

— А и то молвить: кому нужда-то до Саввушки?... Ни рѣду, ни племянн у него. Померъ, чай, съ пьяну, — и приняла его просто-на-просто мать-сыра-земля...

О Савельѣ Кандратычѣ точно не было никакихъ разспросовъ и развѣдываній. Онъ былъ безродный, гулящій человекъ — и никто не заботился о немъ. Лишь одинъ Трифонъ часто о немъ думывалъ.

Въ странной, но крѣпкой связи все представлялись ему и смерть матери, и смерть Саввушки; тайные похороны его въ рѣкѣ, съ камнемъ на шеѣ, и трехдневное, страшное боренье со смерью старухи Афиньи; какой-то тяжкій стонъ въ кустахъ, послѣ похоронъ Саввушки, и неумирная воля матери, ея послѣднее слово: «прочь!...»

При этихъ воспоминаніяхъ, постоянно, чуть не каждую минуту, грызшихъ его, Трифонъ доходилъ иногда до такого отчаянія, что готовъ бывалъ наложить на себя руки — и наложилъ бы, можетъ-статься, коли бъ не привязывала его къ жизни какая-то горькая жалость, какая-то слѣпая любовь къ полумному Мишуткѣ. Въ минуты страшной тоски вспоминалъ онъ всегда не про жалкую калѣку дочь свою, не про бѣдныхъ, маленькихъ внучекъ, а именно про Мишутку, который, однако, не показывалъ ему нисколько привязанности.

И съ каждымъ днемъ росло также ожесточеніе Трифона. Онъ совсѣмъ удалился отъ знакомыхъ своихъ, пріятелей, родныхъ. Стало невыносимо ему сообщество съ людьми; не возлюбилъ онъ людей отъ всей души....

Разъ какъ-то, по-зимѣ, былъ онъ на базарѣ въ Боровомъ. Искуливъ себѣ кой-чего для дома, а кой чего нужнаго и не купивъ по недостатку денегъ, онъ возвращался домой, полегоньку плетясь на своей тощей лошаденкѣ. Ъхалъ онъ и думалъ все о томъ, къ чему душа его обращалась ежечашно, — думалъ о сынѣ, безвременно умершемъ, о матери, не простившей его передъ концомъ, о Саввушкѣ, безъ покаянія погибшемъ и похороненномъ въ рѣкѣ, можетъ быть, за-живо....

Вдругъ обогналъ его вскачь, зацѣпившись за его сани и чуть не опрокинувъ ихъ, крестьянинъ изъ деревни Загорья, Ларіонъ Максимовъ, извѣстный пьяница и пріятель въ прежнее время Саввушки.

— Эй ты, Кузька!... разбойникъ!... закричалъ Ларіонъ: — ты, братъ, тово... право, братъ!... Вотъ вмѣстѣ бы... ну, я маленько сосну... а ты ужъ тово...

Ларіонъ тотчасъ повалился на сѣно въ саняхъ и крѣпко заснулъ; слышно было, какъ онъ всхрапывалъ. Лошадь его тихо шла по дорогѣ, за нею брела и Трифонова лошаденка.

И вдругъ овладѣло Трифономъ томительное чувство, до сихъ поръ ему незнакомое; онъ весь дрожалъ, охваченный мрачнымъ, тоскливымъ безпокойствомъ; въ головѣ его шумѣло, какъ отъ сильнаго угара. Какой-то странный голосъ сталъ наошптывать ему странныя рѣчи. И невольно, съ тяжкимъ замраніемъ сердца, Трифонъ прислушивался къ этимъ темнымъ рѣчамъ.

«Чтожь ты?... чего смотришь, — объ чемъ еще думаешь?...» говорилъ голосъ:—«онъ не узналъ тебя, Кузькой назвалъ!... Никого нѣтъ ни впереди, ни позади... снѣгъ порохить, глянь, какъ стемнѣло, — никто не увидитъ!... Смотри-кось: тулупъ-то новехонькой... одинъ рукавъ свѣсился, волочитя по снѣгу... а вонъ и мѣшки... никто не увидитъ!... не бойся!... скорѣй только!... скорѣй!...»

Самъ не помня уже себя, выѣзъ онъ изъ саней своихъ, пошелъ къ санямъ Ларіоновымъ, взялъ тулупъ, взялъ одинъ изъ мѣшковъ... и, задыхаясь отъ страшнаго волненія, кинулся въ сани, изо всей мочи приударилъ свою клячку и ускакалъ стремглавъ домой.

Только подѣзжая къ Пересвѣтову, опомнился онъ нѣсколько и сдержалъ лошадь. Онъ чувствовалъ страшную головную боль и совершенное изнеможеніе во всемъ тѣлѣ.

Между тѣмъ совсѣмъ уже смерклося; снѣгъ валилъ хлопьями. Темно было на улицѣ, когда Трифонъ взѣхалъ къ себѣ на дворъ. Съ величайшею заботливостью зарылъ онъ въ сѣно тулупъ и мѣшокъ Ларіоновы и не допустилъ невѣстку взять изъ саней мелкія свои покупки. Ночью, онъ вышелъ потихоньку изъ избы и зарылъ украденныя вещи на погребницѣ. Всю эту ночь онъ не спалъ и нѣсколько разъ выходилъ на дворъ и на улицу чего-то посмотреть, чего-то послушать...

Но этотъ ребячій страхъ, эта тревога души были не надолго.

Съ того разу стало манить Трифона безпрестанно къ воровству; онъ быстро освоился съ новымъ ремесломъ своимъ и началъ красть смѣло, дерзко, ничѣмъ не стѣсняясь, ничего какъ будто не страшась. Съ особеннымъ, порывистымъ ожесточе-

нѣмъ предавался онъ пороку. Правда, рядомъ съ этимъ ожесточеніемъ, дѣлавшимъ его опаснымъ врагомъ обществу, жила въ немъ и неумолчная совѣсть. Ничѣмъ не могъ онъ заглушить ее: голосъ ея часто терзалъ душу его страшными мученіями; но на бѣду, ему уже не доставало силъ духовныхъ для того, чтобы побороть свое ожесточеніе. Горемычный старикъ видѣлъ гибель свою — и легко поддавался ей.

Вокругъ себя онъ не могъ найдти помощь для возстанія...

«Она прокляла меня», думывалъ онъ все о своей матери: «не замолишь... на томъ свѣтѣ безпремѣнно огонь вѣчный!... Охъ! доля моя пропашая!... А дѣти-то?.. Мигутка!... и они, можетъ, погибнуть... Бѣдность, нужда!... Дай такъ еще поработаю, — хочу покудова пожить вольно!... Они всѣ супротивъ меня... такъ я самъ!...»

Темная мысль о мщеніи людямъ за какую-то страшную вину ихъ противъ него безотвязно вертѣлась въ головѣ Трифона и непрестанно подстрекала его на преступленія. Онъ воровалъ, несчастный, не изъ мелкой корысти, а подъ влияніемъ страстнаго, жгучаго желанія дѣлать зло.

Скоро въ Пересвѣтовѣ замѣтили чѣмъ сталъ промышлять Трифонъ — и всѣ диву дались.

— Эка оказія!... говорили пересвѣтовцы. — Вишь ты: на старости-то вотъ и воровать пустился!

— Диковина, малой!...

— Чего тутъ диковина!... вѣдь чай знаешь, каковъ чело-вѣкъ? мать, при смерти, прокляла!...

— А и то: вѣдь онъ, разбойникъ, бивалъ ее, сердешную.

— Слышь, ребята: какъ бы и у насъ не сталъ призеровать?... Что тогда дѣлать-то?...

— Да что?... А барину можно...

— Эка!... барину!... ну, что онъ сдѣлаеть?...

— Авось, малой, и не станетъ насъ забиждать!...

И пересвѣтовцы, послѣ такого совѣщанія, стали обходиться съ Трифономъ очень осторожно. Встрѣчаясь съ нимъ, они не очень-то пускались въ разговоры, зато всегда ласково кланялись, по имени и по отчеству называли. Бабы же боялись его, какъ огня. Онъ колдуномъ его считали и рассказывали про него странныя вещи: будто, напримѣръ, въ дому его, по ночамъ, сосѣди слыхали громкіе голоса, а въ полуночную пору видали самаго Трифона бродящимъ вокругъ двора. Грозной таинственностью

стала облекаться въ глазахъ народа личность Трифона. И онъ самъ старался усилить въ народѣ боязнъ къ себѣ, признаки которой подмѣтилъ. Въ позднее ночное время, бродилъ онъ иногда вокругъ двора своего, пугая собакъ и заставляя ихъ выть.

Между тѣмъ онъ занялся своимъ новымъ промысломъ такъ хорошо, какъ будто весь вѣкъ имъ занимался: умъ его, всегда искавшій дѣятельности, теперь опять усиленно работалъ. Трифонъ зналъ, что «одинъ въ полѣ — не воинъ», что «одному и у каши не спору» — поэтому онъ завелъ знакомство съ самыми ловкими ворами изъ близкихъ деревень и часто принималъ ихъ къ себѣ, никогда однако не позволяя имъ пьянствовать въ своемъ домѣ. Вообще онъ хотѣлъ быть воромъ не на мелкую руку, — зато въ два-три года и прославился онъ во всемъ окресткѣ.

Но все, что добывалось воровствомъ, не впрокъ шло ему да онъ и не старался, чтобы былъ прокъ. Малую часть изъ воровской добычи онъ употреблялъ на необходимый въ дому обиходъ, другую часть, побольше, — на покупку гостинцевъ для внучекъ да красныхъ рубахъ и нарядныхъ кафтановъ для Мишутки; затѣмъ все остальное изъ этой добычи шло на пьянство, хотя оно было и не по душѣ ему. Съ тяжелымъ принужденіемъ принимался онъ за чарку и почти никогда не пьянѣлъ, сколько бы ни выпилъ. Онъ пилъ потому лишь, что во время пьянства заглушались его черныя мысли и упреки совѣсти да память тупѣла.

Кстати сказать здѣсь, что Трифонъ былъ очень счастливъ въ воровствѣ: почти всякой замыселъ его былъ удаченъ да притомъ никогда и ни въ чемъ онъ не попадался.

И мало было ему — воровать съ товарищами, изстари знакомыми съ опаснымъ промысломъ, — что-то подзывало его къ тому, чтобы привлекать на свою сторону людей свѣжихъ, нечастныхъ еще пороку. Такъ въ сосѣднемъ селѣ Моховѣ сдѣлалъ онъ ворами двухъ мужиковъ и въ самомъ Пересвѣтовѣ научилъ воровству молодого парня, лѣтъ двадцати, Езыкванку. (*)

Езыкванка былъ малый простой, чуть не до глупости. Семья у него была огромная: мать съ шестью малолѣтними сестрами и братьями, и онъ — одинъ работникъ на всю семью.

Разъ и сказалъ ему Трифонъ:

(*) Еезекиль.

— Эхъ ты, малый — простота! пришелъ бы ко мнѣ да поклонился, — а я сказалъ бы такое слово... научилъ бы тебя уму-разуму.

И точно, черезъ нѣсколько времени, онъ научилъ Езыканку уму-разуму по-свойски: малый сталъ воромъ притоманнымъ и чрезвычайно преданнымъ Трифону человѣкомъ. Въ послѣднюю бесѣду свою съ Езыканкой, послѣ которой парень этотъ всей душой ему покорился, вотъ что толковалъ Трифонъ:

— Ты, малый, губы-то не распускай, живучи на свѣтѣ!... Вотъ ты таперича скуденъ и малосилень, а помогъ ли тебѣ кто?... Ни, ни! не могли и подумать о помощи!... помогай же самъ себѣ!... Глянь,—мужики въ Загорѣ — богачи какіе! а поди-кось попроси у нихъ малую бездѣлицу на разживу — ни за что не дадутъ! А коли и дадутъ, такъ запрягутъ тебя въ неволю-работу, пуще лошади, загоняютъ до смерти, обочтутъ, обокрадутъ, наругаются.... Нѣтъ! эдакъ-то лучше будетъ: подь темную ночь поудить у нихъ по клѣтнямъ... ну, лошадки важные у нихъ тоже, — да мало-ль что!... Надо только умненько дѣло дѣлать.

Не въ одномъ Пересвѣтовѣ боялись Трифона; боялись его особенно въ Загорѣ, на которое онъ всего чаще нападалъ; всѣ его боялись — и только одинъ молодой парень Иванъ Головачъ клялся-божился, что нисколько не боится Трифона, что рано ли, поздно ли, а изведетъ онъ его, разбойника.

Но Трифонъ, до котораго доходили эти похвалы и угрозы Головача, ничего не опасался. Онъ могъ страшиться лишь самаго себя.

Какъ ни занятъ былъ умъ его замыслами новыхъ кражъ, — но тоска душевная не умялась. Сна у него почти не было; высохъ онъ, какъ кошей; глаза ввалились; черные круги обвели ихъ и придавали имъ страшное выраженіе. Иной разъ впадали ему на мысль мрачныя представленія о пожарахъ, въ которыхъ горѣли и съ громомъ падали большіе дома, о мертвецахъ съ перерѣзанными горлами....

Уже начинало манить его на большое зло....

IX.

Разъ, въ концѣ декабря 1849 года, Иванъ Данилычъ Одоньевъ получилъ отъ своего пересвѣтовскаго старосты Потапа Максимова слѣдующее донесеніе:

«Ваше высокоблагородіе, милостивые наши отцы и покровители, Иванъ Данилычъ и Катерина Николавна. Заочно вашей милости кланяюсь. Присемъ посылаю за крещенскій срокъ оброку, всего 981 руб. 50 коп., по «ересту» съ кого сколько. А Семень отказывается, говоритъ: денегъ нѣту, взять теперича негдѣ, проситъ обождать до вешней первой путины (*), а Василій Павловъ самъ отдастъ, какъ поѣдетъ изъ Астрахани съ рыбой; Ѳедоръ уѣхалъ прежде къ вашей милости. Еще осмѣлюсь доложить, ваше высокоблагородіе Иванъ Данилычъ, а у насъ въ вотчинѣ не вовсе благополучно; вотъ на одной недѣлѣ въ трети пріѣзжаютъ съ обыскомъ въ деревню, къ Трифону АѢнасьеву. Какъ вашей милости угодно, воля ваша,—а намъ житья нѣту, боимся, какъ бы всѣмъ не быть въ отвѣтѣ. Онамеднись самъ становой былъ, говоритъ: «худо, дескать, всю вотчину порочить.» А писарь становаго — такъ лается: «вы, молъ, всѣ потатчики.» А обыскивали изъ Загорья. Ничего тутъ и не подѣлаешь! А Костянтинъ при всемъ мірѣ и меня обругалъ, говоритъ, что я — точно потатчикъ, вашей милости не доношу. Ужъ тутъ мы, батюшка, всѣ, какъ есть, пропадемъ. У Трифона сняпороха не нашли, а слава про него больно-худая. Вашъ слуга, староста Потапъ Матвѣевъ.»

Прочитавъ вслухъ это донесеніе ровнымъ и повидимому спокойнымъ тономъ, баринъ всталъ съ кресель, вытянулъ правую руку, въ которой было донесеніе, для какого-то, вѣроятно, грознаго жеста,—потомъ тотчасъ же опять сѣлъ. Лицо его сильно покраснѣло; на лбу явственнѣе обозначились ломанныя морщины; въ темно-сѣрыхъ глазахъ ярко блеснулъ огонь гнѣва. Но баринъ видимо хотѣлъ сдержать себя. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять всталъ, началъ ходить по комнатѣ и скоро, казалось, опять успокоился.

(*) Время, когда крестьяне прирѣчныхъ селъ нанимаются въ коноводы къ баркамъ.

Барыня была тутъ же и слышала посланіе старосты. Замѣтивъ, по лицу и по движеніямъ мужа, признаки гнѣвной вспышки, она покинула свою работу и тревожно глядѣла на него.

Иванъ Данилычъ первый заговорилъ о донесеніи:

— Вотъ, Катя, разсердило—было меня письмо Потапа... Мерзавецъ Трифонъ! воромъ, на старости лѣтъ, сдѣлался!... А я-то еще жалѣлъ о немъ, старался облегчить его положеніе!... Ну, я—жь его проучу! Вотъ на дняхъ же нарочно поѣду...!

— Но, мой другъ, возразила Катерина Николаевна:—зачѣмъ же тебѣ самому ѣздить? Да и къ чему тутъ личныя распоряженія? По моему, лучше удалить его изъ Пересвѣтова,—вѣдь наказаніемъ его не исправишь... Да и онъ — старикъ... Нельзя ли сослать его,—чтобы онъ не портилъ всего имѣнія?

— Э, ты ничего не знаешь!... Не учи меня, что дѣлать... отвѣчалъ онъ сердито и вышелъ изъ комнаты.

Считаю нужнымъ покороче познакомить читателей съ Одоньевымъ.

Ему тогда было лѣтъ тридцать съ чѣмъ-нибудь. Онъ былъ малаго роста, толстъ и неуклюжъ. Его круглое, красноватое лицо, вся невзрачная его фигура, почти всегда производили неприятное впечатлѣніе. Во всей физіономіи его, несмотря на разнообразную, какую-то летучую ея подвижность, было что-то жестокое. Черты же духовной природы Одоньева отражались на лицѣ его такъ смутно, что, безъ особенно-короткаго знакомства съ нимъ, трудно было, по одному наружному его виду, вывести вѣрное заключеніе даже о такихъ общихъ свойствахъ: добръ или недобръ онъ, уменъ или неуменъ.

Нельзя сказать, однако, чтобы духовныя его свойства были неумовимо-мелки; напротивъ, въ сущности онѣ были рѣзки и крупны, но онѣ выражались въ дѣйствіяхъ какъ-то перепутанно, даже хаотично. Онъ былъ впечатлителенъ до-нельзя, пылокъ, порывистъ; подчасъ онъ бывалъ дѣятеленъ, но безъ толку. а всего чаще лѣнь одолевала его, впрочемъ оттого больше, что ему казалась бесплодною всякая его дѣятельность. Черезчуръ свободное и раннее развитіе его способностей дало имъ направленіе неравномѣрное, отъ этого въ умъ его, въ характеръ, въ чувствахъ была бездна самыхъ разнообразныхъ, самыхъ противоположныхъ оттѣнковъ. Онъ былъ очень добръ, но доброта его была какъ-то безцѣльна, а главное — она не имѣла въ себѣ

достаточно силы, чтобы стать твердымъ основаніемъ всѣхъ его дѣйствій.

Его подвижная натура доступна была, чуть не на каждомъ шагу, вліянію другихъ, — хоть онъ и дичился постоянно людей постороннихъ, недовѣря имъ и опасаясь ихъ, хоть и не обладалъ онъ терпимостью къ людямъ, особенно потому, что сильно не навидѣлъ въ нихъ собственные свои недостатки и пороки. И точно: онъ безпрестанно покорялся вліянію не только разныхъ лицъ, но и разныхъ обстоятельствъ, — а на бѣду, вліяніе это, большею частію, выходило вредное, потому что сбивало съ толку добрыя его склонности. Вообще г. Олоньевъ не умѣлъ управлять ни собою, ни своими дѣлами.

Дѣла его были въ разстроенномъ положеніи. Всѣ безпорядки, какіе существовали по управленію въ его имѣніи еще прежде него, держались крѣпко и при немъ. Были въ этомъ имѣніи мѣстныя выгоды, которыми онъ, и зная про нихъ, все-таки не умѣлъ воспользоваться; были у него тяжбы, тяжелья, безпокойныя и убыточныя, которыхъ онъ не умѣлъ ни вести, ни покончить.

Имѣніе его состояло на оброкѣ. Оброкъ этотъ былъ очень легокъ; но крестьяне часто платили его несправно, хотя по зажиточности своей имѣли полную возможность быть исправными. Олоньевъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, крайне гнѣвался на нихъ за это, а все не могъ заставить ихъ платить, какъ слѣдуетъ. Крестьяне сельца Пересвѣтова нисколько не боялись гнѣвныхъ выходокъ своего барина, выражавшихся, впрочемъ, лишь въ сильныхъ бранныхъ словахъ да въ грозныхъ приказахъ къ старостѣ. Они даже любили Ивана Данилыча за кроткое его обращение, за правдивость его, за самую безпечность въ управленіи ими, за то наконецъ, что онъ не походилъ на сосѣднихъ, крѣпко занимавшихся «хозяйствомъ», помѣщиковъ, которые очень не жаловали его.

— «Пустой человекъ Иванъ Данилычъ! говаривали эти помѣщики; — взгляните, какъ перебаловалъ крестьянъ своихъ, — просто, ни на что не похоже!... Вредныя даже примѣры подаетъ въ уѣздъ!... А что бы можно сдѣлать изъ его Пересвѣтова! вѣдь это имѣніе, въ хорошихъ рукахъ, — золотое дно... Ну, да авось продавать будутъ, — обстоятельства его куда-тонки!...»

X.

Однако баринъ нашъ, несмотря на то, что сильно разгнѣвался на Трифона Аванасьева, не скоро распорядился. Правда, въ отвѣтъ своемъ на донесеніе старосты Потапа, онъ цѣлую страницу исписалъ о Трифонѣ и имя его всякой разъ упоминалъ съ какимъ нибудь браннымъ прилагательнымъ; но все-таки на страницѣ этой ничего положительнаго не было, а были все лишь такія фразы: «ты ему, негодяю, скажи на сходкѣ», «ты строго на строго объяви, моймъ именовъ, что я его не пощажу....» «ты главное растолкуй ему, что мнѣ, его барину, всѣ его мірскія плутни и воровства хорошо извѣстны....» «ты и самъ, смотри, у меня, не давай нисколько воли и потачки ему, старому мошеннику....» Кромѣ того, всякій разъ, какъ пріѣзжали къ Ивану Данилычу за чѣмъ нибудь крестьяне изъ Пересвѣтова, онъ по-долгу спрашивалъ чуть не каждаго мужика о Трифонѣ и всегда наказывалъ при этой вѣрной оказіи къ старостѣ и ко всему пересвѣтовскому міру, «что, дескать, о Трифонѣ-мошенникѣ баринъ непременно и скорехонько сдѣлаетъ особенное строжайшее распоряженіе».

Но проходили недѣли, мѣсяцы — и все оставалось по старому.

А Трифонъ Аванасьевъ видно не очень боялся заглазнаго гнѣва барина: нисколько не унимался онъ отъ воровства и продолжалъ ловко и бойко, не хуже молодого вора, промыслять по сторонамъ. Въ теченіе зимы, послѣдовавшей за донесеніемъ Потапа Матвѣева, три раза являлись изъ Загорья съ обыскомъ къ Трифону и хотя опять ничего не нашли, однако, въ Загорьѣ, въ самомъ Пересвѣтовѣ и во всемъ околоткѣ мужики были твердо убѣждены, что въ трехъ покражахъ, по которымъ дѣлались обыски, приложилъ тяжелую руку свою не кто другой, а именно Трифонъ Аванасьевъ.

Прошла зима, настала пора вешнихъ сельскихъ работъ, и вдругъ, въ началѣ мая, явился къ Ивану Данилычу староста его Потапъ. Онъ пріѣхалъ лично доложить барину о самой свѣжей, самой мудреной продѣлкѣ Трифона.

— Что ты, Потапъ? за чѣмъ это пріѣхалъ? спросилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ Иванъ Данилычъ своего тяжелого на

подъемъ старосту, который изъ-за всего, бывало, вступалъ съ баринномъ въ дипломатическія сношенія.

— А вотъ, батюшка Иванъ Данилычъ, отвѣчалъ Потапъ:— насчетъ это Трифона, мѣръ къ вашей милости прислалъ....

— Что тамъ еще?

— Да ужь власть ваша,—а меня извольте изъ старость выставить, увольте, батюшка!... Мочи моей не стало, такіе, т. е. порядки пошли.... Костянтинъ поѣдомъ-ѣсть, а все изъ-за Трифона, вишь, онъ сватъ мнѣ доводится, такъ глаза все этимъ и колетъ, говорить: «потакаешь Тришкѣ», а мнѣ какъ можно ему потакать?... Да теперича Костянтинъ и мѣръ-то весь замутилъ; всѣ мужички урекаютъ меня теперича Тришкою воромъ. Ужъ вы, Иванъ Данилычъ, батюшка, явите божескую милость, ослобоните меня изъ старость!... А я передъ вашей милостью и передъ міромъ ничѣмъ, какъ есть, не причиненъ.

— Ахъ ты, Господи! сказалъ баринъ съ сердцемъ:— вотъ съ три короба намололъ, а ничего и разобрать нельзя! Ты мнѣ толкомъ скажи въ чемъ дѣло-то,—право, олухъ настоящій!

— Да въ чемъ дѣло-то? отвѣчалъ староста,—знамо, все изъ Трифона, мѣръ таперича меня послалъ. Вотъ я, по зимѣ, три раза вашей милости отписывалъ, что къ Трифону съ обыскомъ приходили....

— Ну, писалъ ты.... Изъ Загорья всѣ три раза обыскивали?...

— Изъ Загорья.

— Я и сдѣлаю распоряженіе.... А теперь-то? спросилъ баринъ нѣсколько робко, нѣтъ ли еще чегонибудь новаго?...

— А какъ же, батюшка!... есть....

— Такъ рассказывай же!...

— Да вотъ, батюшка, у Зота Гордѣича въ Загорѣ быка увели и надо быть — Трифоново дѣльцо да никакъ пособлялъ ему въ этомъ Езыкканка.

— Ахъ разбойникъ! вскричалъ Одоньевъ съ величайшимъ негодованіемъ,—самъ, старый чортъ, воромъ сдѣдался да и другихъ съ пути сбиваетъ!...

— Точно, батюшка!.. ужъ и не знаемъ мы, что и дѣлать-то; всѣ, какъ есть, теперича пропадаютъ изъ-за него разбойника!...

— Ну, ну! дальше...

— Ну, и украли, продолжалъ Потапъ Матвѣевъ, съ особеннымъ какимъ-то ожесточеніемъ размахивая руками:— да и какъ

важно украли-то, батюшка Иванъ Данилычъ: въ сапоги быка обули, чтобы слѣду животины не видать было, — такъ и свели быка.

— Значить, — поймали ихъ?... уличили?...

— Нѣту, гдѣ ихъ поймать! ужь такіе-то воры темные, что на-поди!... Такъ въ народѣ только проговариваютъ, что, — надо-быть, — быка въ сапоги обули, вѣдь мокреть передъ этимъ была а слѣдовъ-то бычьихъ не нашли...

— Слѣдствіе было?

— Какъ же, и слѣдствіе наводили, — становой пріѣзжалъ, по всей деревнѣ обыски дѣлали, насъ всѣхъ къ допросу пригоняли, ужь маяли — маяли... изъ того больше и міръ зло взяло.

— Ну, а что Трифонъ и Езыкканка?

— Да ихъ долго все допрашивали, а тамъ и въ станъ раза два гоняли — и то ничего!... Трифонъ, какъ есть, оправдался; Зотъ Гордѣвичъ малоль хлопоталъ, чтобы его въ острогъ посадить, да нѣтъ! становой говоритъ: «никакъ нельзя, уликъ никакихъ нѣту...» А вотъ Езыкканка — такъ онъ разбился въ рѣчахъ: теперича въ стану его держатъ; писарь становаго Семень Дорофѣвичъ мнѣ проговаривалъ — никакъ въ острогъ угодить Езыкканка... а на Трифона онъ ничего не показываетъ. На Езыкканку стало подозрѣніе изъ того больше, что лошадь его больно перепала: слухи есть, что они проводили быка въ сосѣдній уѣздъ, въ Сысоевку, гдѣ ужь испоконъ-вѣку воры, да на лошади-то Езыкканкиной до-свѣту домой и поспѣли — вотъ она и перепала.

— Ну, а самъ ты допрашивалъ Трифона?... Ты бы его отъ моего имени на сходкѣ...

— А что его допрашивать? Развѣ онъ какія рѣчи принимаетъ? Слова-то ему, какъ къ стѣнѣ горохъ... Какъ стали у насъ изъ за него обыски дѣлать да къ допросу всѣхъ таскать, въ тѣ-поры малоль всѣмъ міромъ на рѣчахъ его тазали! Да ничего съ нимъ не подѣлаешь...

— Чтожь онъ говорить?

— Да что, батюшка Иванъ Данилычъ? говоритъ онъ, что, дескать, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю... А какъ больно приставать къ нему стали, такъ онъ, охаверникъ эдакой, лаяться началъ, хуже — прости Господи — всякой злой собаки... сожжетъ, боимся!...

— А ты бы ему мной пригрозилъ...

— И, батюшка! онъ вашу милость и въ грошъ не ставитъ.

— Вот ты дуракъ какой!... ну, какъ-таки онъ смѣетъ?...

— Да ужь вы не взъщите на простомъ словѣ. Онъ, допрежь того что, бывало, говаривалъ? «А что мнѣ баринъ? Я его, махонькаго, изъ хохлацкой земли привезъ...» Не обезсудьте, батюшка, вѣдь это онъ такъ-то похвалится.

— Экая шельма! промолвилъ Одоньевъ.

— Ну, да теперича, продолжалъ староста, — онъ много тише сталъ; сумлѣваться, кажись, началъ. Вотъ онамеднишь мать Езыканкина Афросинья, — ужь какъ она, сердешная, по сынѣ убивается! — встрѣла на улицѣ Тришку, встрѣла да и стала его упрекать, что сына ея воромъ сдѣлалъ, загубилъ, а сама такъ и заливается слезами!... А онъ уставился эдакъ-то въ землю, уставился, а ничего насупротивъ не сказалъ да и прочь пошелъ, молча... Вотъ съ этого разу много тише сталъ, словно сумлѣваться началъ...

Подъ конецъ этого разговора Иванъ Данилычъ разгнѣвался чрезвычайно. Досталось и старостѣ Потапу за то, что онъ, «мошенникъ тоже», не исполняетъ въ точности какихъ-то приказаний барскихъ и не печется о порядкѣ въ вотчинѣ. Но гнѣвъ этотъ на старостѣ и оборвался. Правда, Одоньевъ рѣшился принять непременно «самыя дѣйствительныя» мѣры въ отношеніи Трифона; но опять никакихъ распоряженій покуда не сдѣлалъ и Потапа отпустилъ безъ всякаго приказа.

Прошло еще недѣли двѣ-три, Езыканку перевели, по хлопотамъ Зота Гордѣвича, въ острогъ, и староста Потапъ, не рѣшаясь уже на личный докладъ, донесъ объ этомъ барину письменно. Гнѣвъ Ивана Данилыча поневолѣ долженъ былъ обратиться на настоящаго виновнаго. Къ тому же, мать Езыканкина пришла къ Одоньеву «просить милости», чтобы заступился за ея сына и выручилъ его изъ острога. Съ горькими слезами жаловалась она на Трифона.

— Батюшка! вопила она: — онъ, разбойникъ, загубилъ моего Езыканку!... А малый, допрежь того, смиренный былъ, — малаго ребенка николи не обидѣлъ!... Родимый ты нашъ! смилуйся надъ нами, сиротами горькими!... Батюшка! ни въ чемъ-то мы не виновны!... Тришка злодѣй, душегубецъ!... Езыканку онъ загубилъ!... Всѣ-то мы теперича осиротѣли, — семеро насъ!.. одинъ былъ работникъ на всю семью, батюшка!...

Жалобныя рѣчи и горькія слезы Афросиньи наконецъ подействовали рѣшительно на Ивана Данилыча: онъ тотчасъ же

собрался ѣхать въ деревню и, несмотря на возраженія Катерины Николаовны, убѣждавшей его опять отложить поѣздки на нѣкоторое время, отправился въ путь. Дорогою онъ всячески поддавалъ себѣ жару и кипятился страшно, совершенно забывая, что въ лѣтнее жаркое время никакъ не годилось бы ему, толстому увальню, кипятиться.

XI.

Иванъ Данилычъ пріѣхалъ въ село Пересвѣтово чрезмѣрно гнѣвный, не на шутку грозный: придрался онъ къ старостѣ и разбранилъ его въ пухъ за то, что господскій флигель нечисто содержанъ и нисколько не готовъ для пріема владѣльца имѣнія; оттакалъ за вихоръ мальчишку-садовника изъ-за какой-то бездѣлицы; прогналъ отъ себя скотницу Мавру, затопавъ на нее изо всей мочи ногами, «словно какой оглашенный!», какъ потихоньку рассказывала потомъ Мавра; объявилъ съ великимъ азартомъ всѣмъ мужикамъ-домохозяевамъ, которые, по обыкновению, собрались на встрѣчу и на поклонъ барину, что онъ ихъ, мошенниковъ, черезчуръ ужъ избаловалъ, а теперь не намѣренъ баловать и никакихъ безпорядковъ больше не потерпитъ; и наконецъ громогласно приказалъ позвать къ себѣ «бездѣльника, вора, разбойника Тришку» — такъ-таки и назвалъ онъ его тутъ же.

Трифоновъ дворъ былъ неподалеку отъ флигеля, гдѣ такъ грозно распоряжался баринъ, и Трифонъ явился скорехонько, «какъ листъ передъ травой», именно какъ листъ, потому что онъ дрожалъ всѣми членами.

Надо сказать здѣсь, что гнѣвъ барскій врасплохъ засталъ стараго грѣшника.

Еще до первой жалобы на него старосты Потапа, въ письмѣ къ барину, онъ уже нерѣдко уставалъ отъ воровской жизни и впадалъ въ какое-то безсиліе: мысль его попрежнему часто стремилась къ грѣшнымъ дѣламъ, но не всегда доставало воли его на совершеніе ихъ; а чаще овладѣвали имъ прежнія скорбныя и страшныя воспоминанія о сынѣ, о гибели труда своего, о матери, о Саввушкѣ, — воспоминанія, подавленные передъ тѣмъ разнообразными впечатлѣніями воровскаго промысла и безотчетною печалью, но теперь надрывающія въ немъ всѣ силы душевныя,

всѣ силы на зло и добро. Только, послѣ жалобъ на него барину, энергія его пробудилась, и онъ, не страшась ни гнѣва барскаго, ни уреканій старосты и всего міра, напротивъ раздражаемый этой борьбою, принялся вновь за воровство, принялся ловко и бойко, не хуже молодого вора. Но съ самого посаженія Езыканки въ тюрьму душа его заняла страшной тоскою. Онъ горевалъ объ Езыканкѣ, какъ будто потерялъ послѣдняго сына, послѣднюю опору и надежду въ жизни. Совѣсть громко и непрестанно твердила ему, что онъ былъ причиною несчастія простоватаго парня, причиною нищенства и бѣдствія его семьи. Съ великимъ ужасомъ созналъ онъ, что, кромѣ матери, сына, семейныхъ своихъ и бѣднаго Саввушки, еще погубилъ человѣка.

Идя теперь на барскій дворъ, Трифонъ былъ проникнутъ тяжелымъ ужасомъ. Ноги у него подкашивались; онъ брѣлъ медленно и неровной поступью.

Это былъ мужикъ высокаго роста, худощавый и сгорбленный. Темноцвѣтныя, впалыя щеки его были покрыты рѣдкими, сѣдыми волосами; жидкая бородка торчала клиномъ; черные съ просѣдью волоса падали длинными прядями съ головы, закрывая лобъ и отчасти глаза. Онъ былъ одѣтъ бѣдно, въ полинявшей, ветхой свиткѣ.

Когда онъ былъ уже на половинѣ барскаго двора, Иванъ Данилычъ выглянулъ изъ окна.

— Ну, ну! закричалъ онъ: — скорѣй, разбойникъ!... Ахъ ты!...

Но Трифонъ не ускорилъ шагу и головы не приподнялъ.

Переступая черезъ порогъ флигеля, онъ запнулся, пошатнулся, словно пьяный, на мгновеніе оперся о притолоку, потомъ, чуть не бѣгомъ, прямо безъ зова, вошелъ въ ту комнату, гдѣ былъ Иванъ Данилычъ, и низехонько поклонился онъ барину, отирая лѣвымъ рукавомъ крупный потъ, катившійся со лба. При этомъ онъ откинулъ пряди волосъ, набѣгавшія ему на глаза, и черты лица его совсѣмъ открылись. Трифонъ былъ старикъ, съ виду слабый и дряхлый. Высокій лобъ его былъ изрѣзанъ глубокими, ломанными морщинами; его глаза, обведенные черными кругами, глядѣли необыкновенно робко и тревожно перебѣгали съ предмета на предметъ, ни на одномъ не останавливаясь. Брови его были напряженно приподняты и сдвинуты; а губы нѣсколько раскрыты, какъ будто въ ту же минуту собирался онъ заговорить; жиденькая бородка его замѣтно тряслась. Во всемъ

лицѣ, во всей осанкѣ его, выражался рѣзкими чертами совершенный упадокъ духа.

Жалкій видъ старика мгновенно поразилъ Одоньева, и онъ никакъ не могъ собраться съ духомъ задать ему на первыхъ же порахъ славный окрикъ, такой окрикъ, на который баринъ нашъ былъ великій мастеръ,—благо судьба одарила его широкою грудью и звонкимъ голосомъ. Мало того, что не могъ крикнуть, Иванъ Данилычъ почувствовалъ, что весь гнѣвъ его улетучивается, что въ душу его проникаетъ какая-то странная жалость къ этому такъ оробѣвшему старику.

Съ минуту, молча и пристально смотрѣлъ онъ на Трифона, а этотъ бѣднякъ стоялъ, посреди комнаты, сгорбившись, бродя вокругъ отупѣлымъ, бессмысленнымъ взоромъ и вздрагивая по временамъ всѣмъ тѣломъ, какъ будто на ту пору мучила его самая злая изъ всѣхъ сорока сестеръ-лихоманокъ.

— Ну, такъ какъ же, Трифонъ?... сказалъ наконецъ баринъ негромкимъ голосомъ, выраженію котораго, впрочемъ, онъ старался придать особенную суровость: — ну, такъ какъ же?... Чтожь мнѣ съ тобой дѣлать теперь?... а?...

— Батюшка... началъ-было дрожащимъ голосомъ Трифонъ, волненіе котораго, казалось, еще болѣе усилилось.

— Да что «батюшка»?... какой я тебѣ «батюшка»!... прервалъ Одоньевъ:—ты самъ скажи, что мнѣ съ тобой дѣлать теперь...

Но Трифонъ молчалъ.

— Какъ!... заговорилъ опять Иванъ Данилычъ, шибко расхаживая по комнатѣ:—какъ!... Господи Боже мой!... на старости лѣтъ, передъ смертью, накануне, можетъ, смерти, воромъ гнуснымъ сдѣлался!... шестидесятый годъ пошелъ,—я нарочно по ревизской сказкѣ справился .. Да мало того, что самъ воръ, молодыхъ парней еще съ пути сбиваешь!... Езыканка-то въ острогъ попалъ!... Афросинья да шестеро малыхъ ребятъ круглыми сиротами опять остались!... А кто ихъ осиротилъ, пустилъ по міру? кто погубилъ простаго и, можетъ, добраго парня? Ты, старый воръ! ты, воръ проклятый!... Да ты все имѣніе у меня эдакъ можешь погубить!... міръ-то чтò отъ тебя, вора, выносить?... За чтò обыски у невиноватыхъ людей дѣлаютъ, къ допросамъ таскаютъ, отрываютъ отъ дѣла?... За чтò на цѣлой деревнѣ лежитъ слава худая?... Да что жъ ты думаешь: могу я терпѣть, чтобы всѣ изъ-за тебя погибали?... Ну, говори же!...

Батюшка... залепеталъ Трифонъ, — сивя пороха... на деревнѣ... не пропало...

— Ахъ ты, разбойникъ!... такъ ты еще считаешь благодареніемъ съ своей стороны, что у своихъ не воруетъ!... Да знаешь ли ты? — продолжалъ Одоньевъ протяжно, подойдя къ Трифону вплоть, и положивъ руку на его вздрагивавшее плечо: — да знаешь ли, — что если бъ ты принялся воровать у своихъ и они тебя своимъ судомъ разсудили бы да подъ ночь-потемнѣе сбыви съ рукъ, прибрали подальше... я... коли бъ и навѣрное узналъ, что съ тобою сдѣлали, — я бы рукой махнулъ и сказалъ бы только: «собакъ собачья смерть!»... Повѣрь, я бы не выдалъ изъ-за тебя, вора гнуснаго, тѣхъ, кто раздѣлался бы съ тобою!...

Жестокія слова эти Иванъ Данилычъ сказалъ порывисто и, конечно, необдуманно. Невольно дрожь пробѣжала у него между плечъ; онъ замолчалъ, отошелъ къ окну и призадумался. Гнѣвный порывъ противъ Трифона вновь погасъ въ душѣ его — и на этотъ разъ совсѣмъ погасъ. Между тѣмъ Трифонъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Слушай, — продолжалъ Одоньевъ уже довольно спокойно: — слушай хорошо; я помню тебя давно, — давно знаю, что ты за человѣкъ. Ты былъ всегда неуживчивъ съ людьми... но это еще что?... ты мать не почиталъ, негодай!... старуха была кропотливая и малоумная, да вѣдь мать же!... Помпишь, нечестивую руку свою ты осмѣлился поднять на нее?... помнишь это? Ну, что — скажи, простила она тебя?... простила и благословила?...

Старикъ молчалъ, упорно уставивъ взоръ въ землю. Рѣдкія слезы катились изъ глазъ его.

— А, не отвѣчаешь!... сказалъ опять Иванъ Данилычъ. — Знаю, что она не хотѣла благословить тебя, умерла, не простивши!... И посмотри, что вышло: ты былъ крестьяниномъ довольно зажиточнымъ, а сталъ бобылемъ и бобылемъ останешься, вѣдь воровство не поможетъ, на него не разживешься... Сынъ твой, на котораго ты много надѣялся, въ молодыхъ годахъ умеръ да оставилъ двухъ дѣтей малыхъ, лишнюю обузу для семьи; другой сынъ — не въ помощь, а въ тягость; дочь — калѣка; жена умерла... Видишь ли, какъ Господь наказуетъ тебя за грѣхи? А ты святую руку Его и не почувствовалъ?... Богъ ждалъ отъ тебя раскаянія, а ты раскаялся ли?... Нехристь ты настоящій!...

Знаешь, почему ты подъ старость воромъ сдѣлался? мать тебя не простила и прокляла, — Богъ покаралъ и отступился!... И прикоснулся къ мысли твоей, къ душѣ твоей, ко всѣмъ дѣламъ твоимъ самъ дьяволъ... онъ тебя осѣтилъ — и, наканунѣ смерти, ты сталъ его вѣрнымъ слугою!...

Слова эти, какъ громовый ударъ поразили Трифона. Онъ упалъ, рыдая въ голосъ, какъ женщина надъ гробомъ любимаго дѣтища. Долго лежалъ онъ и не могъ слова вымолвить. Тоска душевная отзывалась во всемъ: въ громкихъ рыданіяхъ, тяжело приподнимавшихъ его старое тѣло, въ глухихъ вздохахъ, въ безсилъѣ встать съ полу. Невольно прошибла слеза и Одоньева. Душа его была умягчена совершенно, не оставалось въ ней и тѣни гнѣва; напротивъ, она смущена была трепетнымъ чувствомъ состраданія къ несчастному старику.

Онъ приподнялъ его. Старикъ стоялъ, шатаясь, какъ пьяный; съ смертной блѣдностью на лицѣ, съ помертвѣлымъ взоромъ, съ полураскрытымъ ртомъ.

— Полно, Трифонъ... промолвилъ Одоньевъ тихимъ голосомъ. Да прости тебѣ Господь, да прости тебѣ всѣ грѣхи твои... а я прощаю тебя!... Не бойся, ничего тебѣ не сдѣлаю, — Богъ тебѣ Судья; ступай домой, не бойся!... Вѣдь ты не станешь больше воровать? не станешь, скажи мнѣ?... Трифонъ! къ клятвамъ не приневоливаю тебя, скажи только, просто, — не станешь воровать?...

Старикъ приподнялъ качавшуюся голову, взглянулъ на образа, перекрестился дрожащей рукою и прошепталъ.

— Не стану...

— Вѣрю!... ничего мнѣ больше не надо. Да укрѣпитъ тебя Богъ великой милостью своею!... Ступай домой!... Молись!... Милость Божья велика!...

И Трифонъ вышелъ не твердыми шагами. Опустивъ голову, тихо плача и тяжело вздыхая, побрелъ онъ домой...

Этимъ рѣшеніемъ Ивана Данилыча очень недовольны остались мужички пересвѣтовскіе. Они надѣялись было, что баринъ по крайней мѣрѣ подвергнетъ Трифона тяжелому тѣлесному наказанію.

— Вотъ ужъ разсудилъ! говорили они, — смотри, малый, вотъ таперича-то начнетъ Тришка разбойничать!...

А что если бы сосѣдніе помѣщики узнали о такомъ рѣшеніи «ихъ брата-дворянина» Одоньева? Думаю, — они еще болѣе убѣдились бы въ томъ, что «онъ вредный примѣръ подаетъ».

ХІІ.

Но Трифонъ Аванасьевъ, послѣ разговора своего съ баринѣмъ, не только пересталъ воровать и прекратилъ всякія сношенія съ ворами, но и какъ будто совсѣмъ переродился.

Станнымъ и неестественнымъ, можетъ быть, найдутъ многіе это внезапное возстаніе глубоко-павшаго человѣка; но это дѣйствительно такъ было. Не возьмусь объяснять такое явленіе; укажу только на одно обстоятельство, которое, — кажется мнѣ, — можетъ навести на лучшее объясненіе. Много разъ случалось мнѣ быть свидѣтелемъ удивительнаго дѣйствія самыхъ немудрыхъ лѣкарствъ на неиспорченную натуру больныхъ простолюдиновъ; много разъ также видалъ я у нихъ быстрые и полные переходы отъ одного чувства къ другому, отъ одной мысли къ другой: вообще ихъ радости и печали, ихъ смѣхъ и печаль, ихъ добрыя и злыя дѣянія — просты и несложны.

Итакъ, Трифонъ честно сдержалъ данное слово, — милость Божія помогла ему въ этомъ. Но въ то же время одряхлѣвъ онъ чрезвычайно и, взглядѣвшись въ него попристальнѣе, нельзя было не замѣтить, что скоро онъ долженъ будетъ предстать предъ послѣдній, праведный судъ.

Теперь, съ семьей своей да съ своей немощью, Трифонъ перебывался кое-какъ изо дня въ день и тяжело маялся: иной разъ не на что было соли купить, иной разъ приходилось хоть кошель надѣтъ да пойти по міру; но Трифонъ все сносилъ терпѣливо, ни на что не жаловался, никого не просилъ о помощи. А положеніе его было истинно трудное, тѣмъ болѣе, что народная ненависть стала преслѣдовать его постоянно и жестоко.

Покуда боялись Трифона, ненависть эта не обнаруживалась; но какъ только подмѣтили, что нечего уже бояться его (а это подмѣтили скоро) — она рѣзко выразилась и во всемъ околоткѣ, и въ самомъ Пересвѣтовѣ. Въ Пересвѣтовѣ стали притѣснять и обижать его безпрестанно: всѣхъ чаще и безъ соблюденія очереди угоняли лошаденку Трифона подъ какія нибудь подводъ; всѣхъ чаще и его самого наряжали на разныя общественныя ра-

боты: дороги поправлять, мосты и гати чинить, луга и лѣсъ караулить. Не смотрѣли на его старость, дряхлость и скудость; не хотѣли нисколько уважить бѣдственнаго положенія его семьи.

— А что его жалѣть-то?... говорили пересвѣтовцы: — мало ль онъ, старый чортъ, измывался надъ нами!... Пускай теперича самъ узнаетъ. А мы изъ-за него ужъ терпѣли — терпѣли!... да какъ еще боялись-то его, разбойника!...

Въ Пересвѣтовѣ, впрочемъ, хорошо всѣ знали, что Трифонъ больше не воруетъ, но въ сосѣднихъ селеніяхъ, а особенно въ Загорьѣ не знали или не хотѣли знать этого. При всякой покражѣ, шли, по старой привычкѣ, обыскивать къ Трифону, и пересвѣтовцы не только не мѣшали этимъ обыскамъ, но даже поощряли ихъ своими толками.

— Вишь ты, говаривали они, — глянь-ко, малый, до чего дожилъ старый чортъ, Тришка!... нѣту таки ему вѣры, все къ нему да къ нему съ обысками.... право-слово, старый чортъ!... Славу худую на всю деревню положилъ, хоть бы околѣвалъ поскорѣ!...

— И, малый! проживетъ онъ до свѣта-преставленія!... Вѣдь, чай, знаешь: мать прокляла, — земля-то его, нехрестя, и не принимаетъ.

— И то, знать, малый!... а глянь, какъ изсохъ-то, инда почернѣлъ весь.... Молиться, кажись, сталъ — да нѣту!... незамолить теперича... гдѣ ужъ!... мать прокляла!...

— Знамо, не замолить... Вонъ и отецъ Ермиль говоритъ... Вотъ кабы сорокоустъ заказалъ, — обѣдни бѣ надо почасту служить, да милостыню роздалъ бы по монастырямъ, да нищей братья... ну, такъ оно бы тово... полегче было бѣ, — анъ, на это кармана его не хватаетъ! Вѣдь, какіе у него достатки? воровалъ, воровалъ, старой цѣсъ, а что толку вышло?... Что наворуетъ, бывало, все-то пропьетъ!..

— А куда смиренъ сталъ!..

— Эка, смиренъ!.. возражали приходившіе съ обысками, сердитые загорцы, — прикидывается, старой чортъ!.. Коли теперича самъ не воруетъ, такъ краденое принимаетъ, аль сбываетъ куда... Знамо, не пересталъ воровомъ быть: ужъ повадился кувшинъ по воду ходить, на томъ ему и голову сложить... По опасливѣе только сталъ разбойникъ!

А между тѣмъ Трифонъ изъ всѣхъ силъ старался поддержать въ себѣ бодрость духа. Онъ видѣлъ себя одинокимъ, покину-

тымъ вѣнн, гонимымъ, заслуженно-гонимымъ. Онъ скорбѣлъ и томился отъ всего этого, а пуще отъ жгучихъ укоровъ совѣсти; но ожесточеніе уже оставило его, но мгла грѣховная уже разсѣялась и духъ его возсталъ. Слова Ивана Данилыча: «молись!... милость Божья велика!» безпрестанно, живительно звучали въ сердцѣ его, и началъ онъ молиться Богу, къ нему лишь обращая не многія надежды свои. Молитва его была жарка и страстна, но проникнута великой печалью. Однако мало по малу сталъ онъ почерпать изъ ней утѣшеніе для больной души: страшный призракъ матери, рѣже становился обокъ его, когда начиналъ онъ молиться. И крѣпка уже была въ немъ мысль о великомъ милосердіи Бога.

Всего чаще молился онъ по ночамъ, одинокъ съ своею совѣстью, передъ страшнымъ окомъ вездѣсущаго Бога.

Позади двора его, въ недалекомъ разстояніи, находился не большой пригорокъ, на которомъ стоялъ старый и полузасохшій вязъ, и откуда видна была бѣлая церковь села Мохова. Почти каждую ночь, какъ только засыпала жизнь въ Пересвѣтовѣ, Трифонъ приходилъ на пригорокъ этотъ, прислонялся спиною къ вязу, устремлялъ взоры на церковь, и молился съ великимъ сокрушеніемъ душевнымъ...

Разъ, крестьянинъ деревни Загорья Иванъ Головачъ, о которомъ мы упоминали уже мелькомъ, проѣзжая ночью, не подалеку отъ Трифонова пригорка, увидалъ Трифона подъ вязомъ. Сначала Головачъ сильно перепугался, но скоро, всмотрѣвшись, узналъ старика. Подивился онъ и не зналъ, что подумать; на на другой день пришлось ему объяснить случай этотъ посвоему: по утру, глянь, увели у него со двора лучшую упряжную его лошадь. Головачъ какъ-разъ заподозрилъ въ покражѣ Трифона и хотя по обыску, тотчасъ же сдѣланному, ничего не нашли у него, однако Головачъ былъ твердо увѣренъ, что обокралъ его не кто другой, а Трифонъ.

Головачъ былъ человѣкъ рьяный и злобный; онъ въ ту же ночь рѣшился отомстить Трифону, «хорошенько намять ему бока доброй дубиной». Какъ только уснули въ Загорьѣ, онъ отправился съ своей увѣсистой дубинкой къ Пересвѣтову и залегъ подъ плетнемъ, на задѣхъ Трифонова двора.

Вскорѣ онъ увидалъ, что Трифонъ выходитъ изъ заднихъ воротъ своихъ. Съ непокрытой, поникшей головою, тихо прошелъ онъ, мимо самаго Головача, прямо на пригорокъ. Голо-

вачь хотѣлъ было тутъ же кинуться на него, но что-то ударжало его.

— Дай, посмотрю, подумалъ онъ, — что Тришка дѣлать будетъ... Вишь крадется... словно колдунъ какой!...

Между тѣмъ старикъ, взойдя на пригорокъ, сталъ на колѣни и началъ молиться. Потомъ упалъ онъ ницъ на землю и долго-долго не приподнималъ головы; тяжкіе вздохи и прерывистыя рыданія слышны были Головачу.

Изумился онъ чрезвычайно всему этому и хоть не прошла злоба его на Трифона, однако онъ не рѣшился уже теперь напасть на беззащитнаго, молящагося старика.

— Вишь, Тришка проклятый! сказалъ онъ самому себѣ, — ну, счастливъ твой Богъ!... Гдѣ грѣхи-то вздумалъ замалывать!... чудно, право... А въ церковь, чай, рѣдко ходитъ...

Проходили дни, недѣли, мѣсяцы — и опять весна настала, весна теплая, красная, благодатная для деревъ и растеній, озарившая кроткимъ свѣтомъ надеждъ темныя лица поселянъ, — весна, опять благопріятная для роенія пчелъ.

Однажды выдался весь денекъ пасмурный и дождливый. Подъ вечеръ, эдакъ уже въ сумерки, вдругъ взмошелъ на дворъ Трифоновъ старый знакомый нашъ Михѣй Савостьяновъ.

У полурастворенныхъ заднихъ воротъ Трифонъ починивалъ борону.

— Богъ въ помощь, сосѣдъ! сказалъ ему привѣтливый Михѣй.

Трифонъ, съ изумленіемъ, почти съ испугомъ, посмотрѣлъ на добраго старика.

— Спасибо... отвѣчалъ онъ глухимъ голосомъ и ни слова больше не могъ произнести.

— А что, родимый?... сказалъ какъ-то особенно весело Михѣй Савостьяновичъ: — я вѣдь за дѣльцомъ пришелъ теперича къ тебѣ: ты вотъ пчелкой не хочешь ли опять позаняться?... Ну, право-слово, оно бы тово... Миѣ-то Господь послалъ, у меня вдоволь, пожалуй, съ радостью помочь могу.

Трифонъ ничего не отвѣчалъ. Крупныя слезы потекли изъ глазъ его.

Михѣй тотчасъ же замѣтилъ волненіе сосѣда.

— Что ты! что ты!... Господь съ тобою!... говорилъ добрый старикъ. — Ты бы, родимый, перекрестился. Ну, объ чемъ такъ-то плачешь, сокрушаешься?...

— Объ окаянствѣ своемъ... отвѣчалъ Трифонъ печально. — Нѣту, Михѣй Савостьянычъ! не для чего теперича дѣло это затѣвать!... Знаешь ты мою семью?... Господь на меня прогнѣвался!... Знаешь — каковъ человѣкъ я былъ недавно?... Охъ! грѣшникъ окаанный!... А мать-то... вѣдь она...

И старикъ не могъ договорить.

— Господи помилуй! молвилъ Михѣй и перекрестился. — А зачѣмъ ты тоску на себя напускаешь?... Ну, какъ на Бога не надѣяться?... Милость Его велика!... Молися о грѣхахъ со слезами, а не унывай... Господи тебя помилуй!... чтѣ ты, право?... Ты вотъ теперича потрудишься честно, зависти не имѣй, потрудишься, душу сберегаючи.... Трифонъ! вѣдь Богъ-то любить честный трудъ!

— Не могу, Михѣй Савостьянычъ! видить Богъ, не могу!... Мнѣ и жить-то здѣсь нельзя, — развѣ не знаешь?... Что людей еще на грѣхъ наводить?... Всѣ-то клянуть меня... гонять, ненавидять...

— Что жъ дѣлать-то?... Богу молися!... Дай срокъ, и они увидятъ, что надо по-Божьи дѣлать!...

Но всѣ возраженія и утѣшенія Михѣя Савостьянова были тщетны: Трифонъ наотрѣзъ отказался отъ его благодушнаго предложенія, и въ концѣ разговора высказалъ свою потаенную мысль.

— Вотъ что я задумалъ, Михѣй Савостьянычъ: сказываютъ, баринъ пріѣдетъ сюда вкругъ Троицына дня... думаю попросить его, — колибъ перевелъ онъ меня въ Делюхино!... Далекое отселева... тамъ не знаютъ... не буду тамъ и добрыхъ людей на грѣхъ наводить... На-послѣдяхъ-то авось мнѣ полегче будетъ...

Къ троицыну дню баринъ, точно, пріѣхалъ въ сельцо Петровское. Онъ былъ сильно не въ духѣ на ту пору: пересѣтовцы опять неисправно заплатили оброкъ, да къ тому же приходилось лѣнивому Ивану Данилычу позаняться, въ теченіе нѣсколькихъ дней, полюбовнымъ размежеваніемъ съ сосѣдними помѣщиками. Неудачно выбралъ время Трифонъ Аѳанасьевъ для разговора своего съ барининомъ.

— Что ты?... зачѣмъ еще?... спросилъ сурово Одошевъ, увидавъ старика.

— Къ вашей милости, батюшка...

— Говори ты мнѣ скорѣе... некогда тутъ возиться со всякими вашими глупостями!

— Батюшка, сказала Трифонъ дрожащимъ голосомъ:—сдѣлайте божескую милость... переведите меня въ Делюхино...

— Это зачѣмъ?

— Да не въ могути, батюшка, стало..., не въ могути стало проживать здѣсь...

— Чтò за вздоръ!... это пустяки!... Объясни по крайней мѣрѣ, толкомъ: отчего нельзя жить тебѣ здѣсь?

— Все обыскиваютъ... понапрасну теперича... А видитъ Богъ...

И старикъ горько, горько заплакалъ. Жаль стало его Одошеву.

— Взялъ бы я тебя во дворъ, сказалъ онъ, нѣсколько подумавъ: — но у тебя семья такая, ну, да и дворня-то у меня... Нѣтъ, эдакъ не приходится...

— Куда хотите, батюшка, дѣвайте, а отселева-то... сдѣлайте божескую милость!... увольте, батюшка...

— Но чтожь ты будешь дѣлать въ Делюхинѣ? спросилъ Иванъ Данилычъ.

— Кормить буду семью, батюшка.

— Ну, хорошо, хорошо, — такъ и быть! Однако, вѣрнаго обѣщанія не даю, а подумую... Положди, — вотъ увидимъ...

И баринъ нашъ, по обыкновенію своему, не рѣшилъ дѣла окончательно. Зато судьба скоро порѣшила участь Трифона.

XIII.

На Ильинъ-день бываетъ храмовой праздникъ въ селѣ Лимавѣ, въ приходѣ котораго состоитъ и деревня Загорье. Лимавскіе и, особенно, загорскіе крестьяне очень зажиточны и любятъ широко попить, когда «праздникъ на ихъ улицу заходитъ». Обыкновенно, празднованье это продолжается три дня: въ первый и второй дни собственно празднуютъ, а въ третій провожаютъ праздникъ, опохмѣляясь и добромъ его поминаючи.

Наканунъ Ильина-дня зашелъ къ Трифону отецъ его невѣстки Анны, Алексѣй, крестьянинъ изъ села Лимава, человекъ небогатый, но радужный и добрый.

— Сватъ Трифонъ, сказалъ Алексѣй:—о праздникъ къ намъ милости просимъ. Ты и Аннушку со внучками отпусти, хоша на завтрашній денекъ, — истопить дома печку, да и къ намъ, а къ ночи вернется...

— Пожалуй, сватъ Алексѣй, невѣстку отпущу, отвѣчалъ Трифонъ.

— Да ты самъ-то безпремѣнно приходи.

— Нѣту, сватъ Алексѣй!... гдѣ мнѣ по праздникамъ таскаться?... Не могу. Спасибо...

Какъ ни просилъ Алексѣй, но Трифонъ на отрѣзъ отказался и только обѣщалъ придти вечеромъ, чтобы проводить домой невѣстку.

— Ты, сватъ, не забудь же, приходи, говорилъ Алексѣй, прощаясь съ Трифономъ: — вѣдь у меня некому будетъ проводить домой Аннушку; а пойдетъ она одна, такъ, пожалуй, загорскіе парни, съ хмѣлю-то, избодятъ... Вѣдь самъ ты знаешь — озорный они пародъ!...

Во всю ночь подъ Ильинъ-день не спалъ Трифонъ; онъ пробылъ долго, долго на пригоркѣ своемъ и жарко молился. Въ эту ночь душа его была исполнена смертной печалью: ныла и билась она подъ какимъ-то грознымъ предчувствіемъ.

На самый праздникъ онъ былъ у заутрени и у обѣдни въ селѣ Моховѣ. Съ появленіемъ свѣта дневнаго тоска его разсѣялась и стало легко у него на душѣ, какъ давно уже не бывало. Послѣ обѣдни, зашелъ онъ на кладбище и безпечально помолился: даже на могилѣ матери не гнела его прежняя душевная скорбь. Затѣмъ и во весь день онъ былъ спокоенъ.

Передъ вечеромъ зашелъ онъ къ Михѣю Савостьянову на пчельникъ и пробылъ тамъ съ часокъ. Старый пчелинецъ обрадовался, увидавъ, что Трифонъ спокоенъ духомъ. Трифонъ разсказалъ ему свои предположенія о переходѣ въ Делюхино и о житьѣ тамъ; Михѣй вполнѣ одобрилъ ихъ. Старики наговорились до-сыта и по душѣ. Но передъ уходомъ, Трифонъ задумался и тоскливо опустил голову.

— Что ты, словно, опять закручинился? спросилъ Михѣй.

— А такъ... отвѣчалъ тихо Трифонъ, — прощай Михѣй Савостьянычъ... Въ дверяхъ пчельника онъ остановился на мгновенье и промолвилъ:

— Ужъ такая тоска!... Михѣй Савостьянычъ!... коли что со мной подѣется... помолись ты о грѣшной душѣ моей...

— Да полно ты, полно!.. Господь съ тобою!... ну, что ты это?...

— Трудно очень на душѣ стало... прошепталъ Трифонъ.

Трифонъ прямо отправился въ Лямаву.

Путь его шолъ на Загорье. Опасаясь, чтобы пьяные мужики не привязались къ нему да не побили бы, онъ пошелъ не по деревнѣ, а по задворьямъ. Деревня эта вытянута въ одну длинную линію — и онъ миновалъ все пространство задворьевъ благополучно, не встрѣтивъ ни одного человѣка.

Но на концѣ деревни встрѣлась ему небольшая толпа самыхъ удалыхъ, отчаянныхъ гулякъ: тутъ были молодые парни, сильно-пьяные, да нѣсколько бабъ молодыхъ, большею частію солдатокъ, видимо тоже подгулявшихъ. Надо замѣтить, что Загорье селеніе большое и жаж иточное по отходной и фабричной промышленности своихъ жителей, и что жители эти, какъ мужчины, такъ и женщины, не отличаются нравственностью.

Толпа гулякъ, встрѣтившихся Трифону, была шумна и весела. Она шла медленно, съ громкими пѣснями, а передъ нею бойко отплясывалъ, съ визгомъ и гикомъ, Иванъ Головачъ. — Но, завидѣвъ Трифона, онъ вдругъ пересталъ плясать и закричалъ ему:

— Эй ты, старый чортъ, воръ-Тришка!... опять по-задамъ шатаешься!.. высматриваешь!... Я тебя, старый чортъ!.. ужъ доканаю!...

Но въ толпѣ послышались голоса, понуждавшіе Головача приняться за пляску, и онъ снова пустился выдѣлывать ногами разныя штуки; а Трифонъ прошелъ дальше, стороной.

У свата-Алексѣя праздникъ оказался не въ праздникъ. Жена его вдругъ разнемоглась — и Трифонъ, оставивъ Анну при больной матерн, отправился одинъ домой.

Поздно ужъ было, когда онъ подошелъ опять къ Загорью. Въ раздумьи онъ остановился у околицы. «Гдѣ тутъ пройти? — думалъ онъ — черезъ деревню, аль опять по-задворьямъ?» Слышалъ онъ, что народъ шибко гуляетъ на улицѣ; съ разныхъ мѣстъ неслись буйно-веселые крики и звонко-голосое пѣнье... И съ страшнымъ замираніемъ сердца, онъ рѣшился идти по задворьямъ.

Ночь была не свѣтлая; мутная мгла осталась отъ дневнаго зноя и потопляла всю окрестность; сквозь нее тускло, кой гдѣ мерцали звѣзды; съ лѣвой стороны, надъ краемъ горизонта, вставалъ мѣсяцъ огромнымъ, темно-багровымъ шаромъ.

Трифонъ прошелъ уже половину дороги. На самой этой половинѣ, дорога дѣлала изгибъ — и поворотивъ за него, старикъ очутился лицомъ къ лицу съ Головачомъ да съ другимъ какимъ-то парнемъ, тщедушнымъ и рыжеватенькимъ.

— Ахъ ты!... все не уймаешься!... молвилъ, стиснувъ зубы Головачъ, — поджидалъ я тебя... теперича не минуешь!...

И онъ со всего размаху ударилъ Трифона толстымъ коломъ по головѣ. Старикъ успѣлъ только приподнять немного руку, чтобы перекреститься — и упалъ на землю.

— Никакъ, тово... съ-разу... сказалъ рыжеватенькій парень, невольно содрогнувшись.

— Нѣтъ еще! — отвѣчалъ злобно Головачъ — а вотъ теперича... доканать надо!...

И Головачъ нанесъ бездыханному старику еще два страшныхъ удара по головѣ, но они были напрасны. Трифонъ первымъ ударомъ былъ уже убитъ...

Началось слѣдствіе — и было открыто только, что черепъ Трифона разбитъ на тридцать семь кусковъ. Слѣдствіе это шло долго; временное отдѣленіе земскаго суда производило его со всѣмъ, возможнымъ для него, усердіемъ, — но все было напрасно: кровь Трифона осталась невыiskanною съ головы убійцы отъ суда людскаго.

Какъ-то тяжело изумились пересвѣтовцы, свѣдавъ про злополучную долю Трифона. Память о немъ еще до сихъ поръ жива въ Пересвѣтовѣ; о невинной смерти его часто толкуютъ крестьяне, и ими убійцы поминаютъ съ проклятіемъ за то, что не пощадилъ старика...

Семью Трифона призрѣлъ и устроилъ Иванъ Данилычъ. Баринъ сдѣлалъ свое дѣло — и, конечно, никто и ни въ чемъ не осудить его за Трифона...

4 ноября, 1838 г.

С. СЛОВУТНИСКИЙ.

Люблю я памятникъ великаго Петра,
Стоящій весело наль царственной Невоею:
Проста и нехитра гранитная гора,
Что, кажется, звенить подь мощною пятою
Могучаго коня. — Съ открытой головою,
Какой-то плащъ простой накинувъ на плеча,
Великій всадникъ вдаль, съ приподнятой рукою,
Глядитъ, открытый всѣмъ, безъ шпоръ и безъ меча....
И всю его любовь къ Руси непросвѣщенной
Въ движеніи его душою умиленной
Я смутно чувствую, и говорю безъ словъ:
Все пусто на землѣ; лишь велика любовь!

И. И. КУСКОВЪ.

ЗАПИСКИ МОЕГО ОТЦА.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Разбирая бумаги по порученію моего отца, я нашелъ его рукопись, писанную имъ отъ скуки въ длинныя зимніе вечера; мнѣ понравилось описаніе нравовъ тогдашняго времени, статская и военная служба и разныя приключенія, случившіяся во время его молодости. Выпросивъ позволеніе у моего отца выдать въ свѣтъ эту рукопись, я подобралъ происшествія по порядку времени и представляю на судъ читающей публикѣ.

Изд.

I.

Я родился въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ губернскомъ городѣ при рѣкѣ Волгѣ. Младенчество мое прошло незамѣтно для меня; помню только, что, сажая меня за азбуку, отслужили молебень, и что при этомъ я горько плакалъ, и вопль мой разносился по всѣмъ комнатамъ дома.

Надобно замѣтить, что я былъ любимецъ и баловень бабушки. Скажу нѣсколько словъ объ этой старушкѣ.

Она была дочь К—го коменданта и много этимъ гордилась; не иначе называла свой домъ, какъ высокороднымъ, а была замужемъ только за надворнымъ совѣтникомъ во-второмъ супружествѣ, отъ котораго родилась мать моя; бабушка имѣла двадцать два человѣка дѣтей, которыхъ всѣ померли, исключая моей ма-

тери. Бабка моя была веселаго характера, поѣвала всегда пѣсенки, а особенно когда возила меня въ поле, на своихъ четвероногихъ дрожкахъ, запряженныхъ двумя двадцати-пятилѣтними рыжими лошадьми. Тутъ надобно было видѣть ея проворство: какъ она рвала незабудки, бѣгала отъ одного цвѣтка къ другому.... Въ это время башмаки ея, — не имѣя задниковъ на высокихъ каблукахъ, — хлопали о пятки такъ, что на всякомъ шагу били тактъ. Въ молодости своей она была недурна собой, до старости почти не бывала больна, и прожила болѣе ста лѣтъ. Постоянная ея поговорка была: «ахъ мои матушки»; а брань: — «прахъ тебя возьми.» Во время пугачовскаго бунта была въ плѣну (*); она много рассказывала мнѣ объ этомъ смутномъ времени; но къ сожалѣнію я ничего передать не могу: въ такія лѣта до историческихъ ли рассказовъ? Мнѣ нужны были пироги съ янцами, мясомъ, капустою, морковью, и бабка моя мастерица была готовить ихъ въ разныхъ изящныхъ видахъ. Памятно мнѣ время, когда въ длинные зимніе вечера, она начинала рассказъ свой о пугачовщинѣ, — кому отрубили голову, гдѣ нѣсколько человѣкъ повѣшены... Жалко, что я не могъ сохранить въ моей памяти никакого происшествія, заслуживающаго особеннаго вниманія; помню только имена генераловъ Михельсона и Панина.

Итакъ я сказалъ, что я былъ баловень моею бабушки, которой отданъ былъ на ея совершенное попеченіе; а потому ученіе и шло плохо.... Наконецъ кое-какъ, къ двѣнадцатому году, я поступилъ въ гимназію и тутъ выучился многому, чего нѣтъ ни въ какой программѣ. Хотя я дурно учился, но все-таки каждый годъ переходилъ въ высшіе классы и получалъ похвальные листы и книги; я не понималъ тогда, за что меня награждали, но теперь, вспомнивши хорошенько, думаю, что переводъ мой изъ класса въ классъ и получаемыя награды были попеченіемъ милой бабушки. Нерѣдко замѣчалъ я, что въ саняхъ, въ которыхъ я отправлялся въ гимназію, были положены—то голова сахару, то кулекъ съ большою стерлядью и другими съѣстными принасами, которыя домой не возвращались: вѣроятно ученые желудки уничтожали привозимое мною съ благодарностію, а предъ экзаменомъ изъ рукъ бабушки переходила въ руки учителей и звонкая монета, — вѣроятно получавшаяся ими заимообразно....

Повышаясь каждый годъ, я достигъ наконецъ высшаго класса (ихъ было тогда три), изъ котораго вышелъ преждевременно. Пріѣзжій военный офицеръ разомъ прекратилъ мои ученія занятія; мнѣ

(*) Вѣроятно, бабушка называла крѣпость плѣномъ; иначе неправдоподобно.

понравился армейскій мундиръ, блестящіе эполеты, болѣе, нежели математика и словесность. Я оставилъ учиться, мечталъ о военной службѣ, пересталъ ходить въ гимназію, бросилъ книги, и въ промежутокъ между ученъемъ и службою узналъ истинное удовольствіе быть ружейнымъ охотникомъ.

Я имѣлъ двоюроднаго брата, который былъ много меня старше; онъ первый далъ мнѣ понятіе, что такое охота: сперва бралъ меня только какъ зрителя, заставлялъ стрѣлять изъ своего ружья въ цѣль, а послѣ въ галокъ и воронъ. Братъ мой былъ уже на службѣ, а потому не могъ пользоваться временемъ охоты каждодневно; но когда назначался день, я былъ въ полномъ восторгѣ. Канунъ этого дня казался для меня годомъ: наконецъ миновалась ночь, іюльская заря передвинулась на востокъ, — свѣтаетъ... Я на дворѣ, бѣгу за ворота встрѣтить брата... Улица пуста; городской шумъ не касается слуха; все погружено въ глубокой сонъ, только иногда простучитъ вдалекѣ телега съ бочкой. Ёдущая за водой, да щебечутъ галки около обветшалого карниза.... Но вотъ знакомый звукъ тележки, я бѣгу на середину улицы; братъ подѣхалъ, и я въ одинъ прыжокъ подлѣ него, не останавливая даже скудной рыси его лошади. Куда ѣдемъ? по чемъ охотиться?—это не мое распоряженіе; я еще охотникъ безъ ружья и собаки, только начинающій чувствовать увлеченіе благородной страсти. Тележка наша катится по крутому спуску къ рѣкѣ Волгѣ все ниже и ниже, и вотъ ея поемныя луга, съ озерами, заливами и душистымъ, недавно скошеннымъ сѣномъ.

Братъ мой былъ утинымъ охотникомъ; не знаю охотился ли онъ и по красной дичи, но избралъ перваго рода охоту потому, что утокъ разныхъ породъ было такое множество, что трудно повѣрить нынѣшнимъ молодымъ охотникамъ. Вотъ подѣзжаемъ къ озеру; утки съ открытаго мѣста бросились къ берегамъ; камышь зашевелился и, качаясь, какъ отъ вѣтру, принялъ ихъ подъ свою защиту.

Многіе не изъ числа охотниковъ, скажутъ: почему бы уткамъ не улетѣть? Но въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца молодыя утки не имѣютъ еще крыльевъ, а старыя линяютъ. Къ этой охотѣ, очень добычливой и болѣе корыстной, приучилъ меня братъ: тутъ не надо искусства охотника, а дѣло одной собаки — найти въ травѣ подлинъ или молодую, поймать и подать охотнику; рѣдко, рѣдко выскочить на чистое мѣсто, съ едва зеленѣющей отъ линки головою, селезень — и сейчасъ, пораженный выстрѣломъ, ложится на воду съ распростертыми крыльями. Обошедши кругомъ озеро, надобно идти къ тележкѣ, чтобы сложить многочисленную добычу; потомъ на другомъ озерѣ — таже исторія. Кому можетъ нравиться охота такого рода! Это скорѣе истребленіе.... Но въ то время я не понималъ другихъ

охотъ... и мнѣ нравилась эта, до тѣхъ поръ, пока я не увидалъ лучшей.

Въ одну изъ нашихъ потѣхъ, или лучше сказать травель, подошли къ намъ два охотника. Ягдташи ихъ наполнены были дичью, которая совсѣмъ не была похожа на утокъ; у одного изъ охотниковъ былъ ягдташъ не закрытый кожей, а просто на ремнѣ висѣла обыкновенная плетевая изъ толстыхъ нитокъ сумка; въ ячеи этой сумки торчали длинныя носы и маленькія ножки, безъ утиныхъ перепонкъ.

Какія это у васъ птички? спросилъ я охотника. Дупель, — отвѣчалъ онъ: — а вотъ это бекасъ, вотъ перепелъ, вотъ и быстроногій коростель. Говоря это, онъ наклалъ мнѣ на траву большую кучу разной болотной дичи.

Отдохнувши немного, охотники пригласили меня посмотрѣть стрѣльбу на болотную дичь; я согласился съ радостію, и мы отправились. Мѣста эти вовсе не болотистыя: не имѣли родниковъ и ржавыхъ мѣстъ, какъ въ обыкновенныхъ болотахъ, а просто низкія мѣста, съ которыхъ недавно скатилась вода, оставивъ послѣ себя илъ, по которому росла уже молодая трава. Тутъ много было болотной дичи, а особенно коростелей; крикъ ихъ раздавался на каждомъ шагу, и собака безпрестанно дѣлала стойку и прыжки, чтобы спугнуть птицу; но, какъ видно, охотники пренебрегали этой дичью. Но вотъ собака пошла ровнымъ шагомъ и сдѣлала мертвую стойку. Смотрите, тутъ дупель, сказалъ охотникъ. Я едва перевожу дыханіе, сердце бьется, ожидая чего-то необыкновеннаго, незнакомаго. Пилъ! Дупель вылетѣлъ въ десяти шагахъ, раздался выстрѣлъ.... промахъ! Птица, пролетѣвъ не болѣе пятидесяти шаговъ, съѣла (перемѣстилась). Началась таже передѣлка: собака опять повела, опять стойка, и опять промахъ, — дупель съѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ; наконецъ въ третій разъ онъ былъ убитъ, а потомъ другой и третій, — собака прекрасно стояла и подавала убитыхъ. Мнѣ такъ понравилась охота по болотной дичи, что я рѣшился завести ружье. Не стану описывать, сколько слезъ стоило мнѣ это пріобрѣтеніе; но все-таки, съ большимъ трудомъ, я получилъ ружье, конечно очень дешевое, купленное на рынкѣ; съ нимъ сходилъ я нѣсколько разъ за городскую заставу, чтобы стрѣлять въ цѣль. Накуплено было множество кремней, пороху и дроби. Изъ бумаги я надѣлалъ трубочки, намазывая крахмаломъ бумагу и наворачивая ее на круглую палку; когда это высохало, я снималъ съ палки, раздѣлялъ внутри всякую трубочку пополамъ пробкою, — это были мои патроны: въ одной сторонѣ насыпался порохъ, а въ другой дробь. Итакъ я посвятилъ себя въ охотники, и понемногу научился стрѣлять.

Между тѣмъ осень пролетѣла; пришла зима съ своими морозами, — охота забыта. За то другая страсть не давала мнѣ покою: военная служба представлялась мнѣ во снѣ и на яву; но много разъ получалъ я отъ родителей отказъ въ исполненія моего желанія, потому что мнѣ было только пятнадцать лѣтъ.

II.

Зима была на исходѣ, когда я убѣдилъ отца и мать отправить меня въ военную службу. Бабушка сама вызвалась отвезти меня въ Казань, гдѣ постоянно квартировалъ батальонъ учебнаго карабинернаго полка, которымъ командовалъ полковникъ Трескинъ, Семенъ Ивановичъ, и въ который я намѣренъ былъ опредѣлиться. Нужныя для этого бумаги были готовы, тщательно вложены въ нарочно-сшитую изъ сукна сумку и положены въ чемоданъ; все было готово къ отъѣзду. Бабушка рѣшилась отправиться на долгихъ; въ подобныхъ поѣздкахъ возилъ ее староста; въ это время онъ пріѣхалъ изъ деревни съ какимъ-то обозомъ, и ему велѣно было немедленно войти въ комнаты. Явился рыжій мужикъ, съ небольшою лысиной; двѣ свитыя сосульки изъ бороды его лежали на груди; онъ сталъ у порога, поклонился старушкѣ, засунулъ два большіе пальца за кушакъ, и ожидалъ приказанія.

— Что, Кузьма, свозишь ли ты насъ въ Казань—туда и обратно? спросила бабушка.

— Для-ча не такъ матушка! Теперь время порожнее, дорога еще терпится, а утренниками и больно хорошо;—прикажешь приготовить тройку?

— Тройку, тройку, возразила бабушка:—ступай домой и возвращайся завтра непременно, да подкуй лошадей, прахъ тебя возьми! Въ тотъ разъ возилъ меня на богомолье, — лошади бѣдныя падали безпрестанно, а деньги берешь дорогія.

— Эхъ, матушка! ужъ какія это деньги.... Деревня-то, гдѣ явленная Богоматерь, отсюда два ста версть будетъ, а я съ тебя взялъ семь рублей съ полтиной; овесъ-то нынче на постоялыхъ дворахъ двадцать пять копѣекъ мѣра, сѣно по алтыну пудъ, — такъ сама счита, много ли останется?

— У тебя на все свои отговорки: и кормы дороги и версть насчиташь невѣсть сколько. Я знаю тебя рыжаго.... чай, съ моего гумна лошадей своихъ кормишь; а теперь, — прахъ тебя возьми, — счета завелъ.... Ступай, ступай! пріѣзжай поскорѣе, чтобы въ четвергъ выѣхать непременно.

— Слушаю, матушка! Приѣхать-то приѣду, и лошадей подкую, да только—драть его горой! — сивой меринъ у меня что-то сталъ прицапывать; придется взять лошадь у сына, который отдѣлился по осени, или кобылу свою впрячь... да на пристяжкѣ не ходить.

Староста хотѣлъ, какъ видно, спросить о цѣнѣ, но бабушка повторила приказаніе ѣхать домой и возвращаться немедленно; онъ почесалъ затылокъ и вышелъ изъ комнаты.

Деревня была въ тридцати верстахъ отъ города, и потому староста приѣхалъ на другой же день на своей тройкѣ. Начались дорожные сборы. Это было въ первыхъ числахъ марта. Не стану описывать слезныхъ прощаній моей матери, родительскихъ наставленій, объятій и благословеній. Нанутный молебенъ былъ отслуженъ, все уложено, ружье мое также не забыто, и столько наложено кульковъ и мѣшковъ, съ булками, ватрушками и кокурками, что не оставалось мѣста протянуть ногу.

— Ахъ, Петруша, ты ружье свое положилъ тутъ же, сказала бабушка: — смотри, оно у тебя выпалитъ!

— Да ружье не заряжено, бабушка!

— На грѣхъ мастера нѣтъ, — все съ людьми случается.

И вотъ мы, провожаемые, со всѣхъ сторонъ повозки, малой и большой прислужгой, тронулись съ мѣста. Лошадки побѣжали рысью, прежде улицами города, потомъ большимъ базаромъ, миновали городскую заставу и выѣхали на большую казанскую дорогу. На всякомъ перекресткѣ, бабушка крестилась и читала молитву; за заставой велѣла мнѣ, по какому-то обыкновенію, оглянуться назадъ и поклониться городу. Я ничего не чувствовалъ особеннаго, ни при прощаньи, ни при выѣздѣ за городъ, вѣроятно предчувствовалъ, что воротимся домой; жалѣлъ только, что не было колокольчика. Его замѣнялъ Кузьма, который безпрестанно посвистывалъ на лошадей и заводилъ съ ними разговоры, какъ будто бы онѣ могли понимать его: на коренную, — «что упираешься, ну! вытягивай ноги-то длинны журавлины, али не видишь дороги-то;» а пристяжнымъ — «куды лѣзешь въ сторону? ну! оглядывайся, эка лошадь-то пострѣлъ!» И при этомъ онъ крѣпко дергалъ возжами и подхлестывалъ кнутомъ собственной работы. За эти удары Кузьма получалъ отъ бабушки—дурака, болвана, а иногда и палача; брань переходила изъ повозки на козлы, а съ козелъ на лошадей.

Въ половинѣ дня, дорога стала притаивать: темнокоричневые полюсы навоза, на ней лежавшія, обнаружались, въ ухабахъ и ямкахъ мѣстами показалась вода; но къ утру все это покрывалось опять льдомъ, съ разными выпуклостями бураго и краснаго цвѣта. На четвертый день, въ 10 часовъ утра, приѣхали мы въ Казань. Въ тотъ же

день вечеромъ бабушка отправилась со мною къ какому-то Василью Петровичу; онъ брался хлопотать о моемъ опредѣленіи и назначилъ намъ день для представленія нашего командиру батальона. Между тѣмъ приготовили просьбу и принадлежащія къ опредѣленію бумаги, а также сшиты были — бабушкѣ новый чепецъ, а мнѣ картузь.... Я ходилъ по улицамъ города, любовался на военныхъ и съ нетерпѣніемъ желалъ надѣть мундиръ.

Наступилъ назначенный день, и восторгъ мой превратился въ робость; я ожидалъ чего-то необыкновеннаго, думалъ о разлукѣ съ бабушкою.... Мнѣ стало грустно, я раскаялся въ моемъ намѣреніи и украдкою утиралъ слезы; но въ десять часовъ надобно было ѣхать. Мы отправились прежде къ Василью Петровичу, а потомъ, вмѣстѣ съ нимъ, къ полковнику. У подъѣзда полковничьяго дома, или квартиры, расхаживалъ часовой; ружье его и черная глянцовая аммуниція, при каждомъ его поворотѣ, блестя на солнцѣ, высокій черный султанъ едва колыхался при движеніи, нафабранные бакенбарды толстымъ слоемъ выказывались изъ ярко-вычищенной чешуи. Не видавши никогда одѣтаго по формѣ солдата, я былъ въ полномъ восторгѣ; часовой этотъ и еще, кто-то въ прихожей, вѣроятно ординарецъ, надолго врѣзались въ моей памяти. Впослѣдствіи, я командовалъ ротой и батальономъ; но мнѣ казалось, что нѣтъ лучше видѣнныхъ мною молодцовъ: вотъ что значитъ пятнадцатилѣтній возрастъ!

Полковникъ не заставилъ насъ долго ждать. Я не могу припомнить ни одной черты лица его, — золотые блестящіе эполеты болѣе всего занимали меня. Онъ принялъ бабушку въ гостиной, вѣжливо спрашивалъ объ ея просьбѣ, и когда узналъ, въ чемъ она заключается, оборотился ко мнѣ и сказалъ: «не этотъ ли вашъ внукъ?» Бабушка отвѣчала утвердительно; тогда онъ, взявши меня за обѣ руки, поставилъ ближе къ себѣ и продолжалъ: «кого вы привезли, сударыня? — вѣдь это дитя, которому еще должно учиться, вмѣсто ружья, — играть въ куклы и ѣздить на палочкѣ верхомъ.... Ну, посмотрите, можетъ ли эта грудь вынести тяжесть ранца, наполненнаго солдатскими принадлежностями? можетъ ли эта дѣтская рука держать ружье и дѣлать имъ разные приемы? А голова его при вѣтрѣ не выдержитъ кивера съ нашимъ длиннымъ султаномъ.... Однимъ словомъ — продолжалъ полковникъ — онъ у васъ не сложился, да и молодъ; привозите чрезъ два года, даю вамъ слово принять его, а теперь совѣтую кормить послаще, да учить побольше». Онъ потрепалъ меня по плечу и прибавилъ: «учись! учись! безъ ученья не будешь хорошимъ офицеромъ».

Такимъ образомъ первая попытка моя опредѣлиться въ военную службу не удалась. Бабушка возила меня по Казани, показывала мнѣ крѣпость, памятникъ по убиенныхъ и разныя мѣста, на которыхъ были еще слѣды Пугачовскаго нашествія. Съѣздивши къ святымъ мощамъ и отслуживъ молебень, мы отправились на родину; тотъ же Кузьма привезъ насъ на своихъ лошадяхъ обратно.

Матушка очень обрадовалась, что меня не приняли. Было положено, на семейномъ совѣтѣ, отдать меня вновь въ гимназію; но брошенные книги и страсть къ охотѣ заставили меня сильно воспротивиться этому. Послѣ сего домашній совѣтъ былъ въ разногласіи: мать желала, чтобы я продолжалъ ученье, бабушка, по моему настоянію, желала, чтобы я лѣто провелъ въ деревнѣ, а послѣ опредѣлился въ статскую службу. Перевѣсъ остался на нашей сторонѣ.

III.

Апрѣль былъ на исходѣ, когда мы отправились съ бабушкой въ деревню. Весна вступила въ свои права, вездѣ зеленѣлось; рѣки не бушевали уже вешнею водою, а скромно лились въ своихъ берегахъ, остались одни заливы, да низкія мѣста на полянѣ, наполненныя водою, которыя назывались у насъ бакалдинами; на этихъ-то бакалдинахъ утки разныхъ породъ водились въ большомъ изобиліи; кромѣ нырковъ, которые постоянно находятся на большихъ рѣкахъ или озерахъ, кряковныя, шилохвосты, сѣрухи, широконоски и чирки наполняютъ собою эти весеннія лужи. Подъѣзжая къ этому пернатому обществу, издали видишь, какъ кряковная утка съ зеленоголовымъ своимъ супругомъ копаютъ носами грязь, мало заботясь о проѣзжающихъ; другія, этой же породы, бродятъ по сухой жнивѣ. Шилохвосты, большею частію на самой срединѣ озера, вытянувъ свои длинныя шеи, смотрятъ на приближающагося человѣка; красивый, широконосый селезень, согнувши свою шейку, такъ что носъ его едва не касается зоба, вмѣстѣ съ своею подругою ищетъ мѣста, гдѣ бы спрятаться въ траву; чирки, тоже парами, съ своимъ крикомъ перелетаютъ съ одного разлива на другой. На верху слышны крики куликовъ разныхъ породъ; вотъ нетигель или веретинникъ съ крикомъ бросается на собаку; не думая объ опасности, маленькіе кулички ходятъ около ручейковъ и разливовъ, перелетывая безпрестанно и выискивая лучшаго и удобнаго мѣста. Все это движеніе и весенняя картина приводятъ молодого охотника въ неописанный восторгъ.

Во все время весенней охоты я каждый день отправлялся на утокъ, съ прикащикомъ бабушки Сергѣемъ, на лошади, запряженной или въ маленькую тележку, или просто въ мужичьи роспуски. Съ вечера набивалъ я свои бумажные патроны, протиралъ ружье, ввертывалъ новый кремень или поправлялъ старый; а поутру, до восхожденія солнца, запрягалась лошадка, на которой мы отправлялись на подъѣздъ утокъ. Охота была всякій разъ очень удачная — по весеннимъ разливамъ, а особенно по лужамъ на самой пашнѣ. Крестьяне уже пахали подъ яровой сѣвъ; дичь такъ привыкла къ безпрестанному приближенію человѣка и лошади, что нисколько не заботилась объ опасности. Утки шилохвастыя и широконосые подпускали на двадцать и двадцать пять шаговъ — вотъ до чего они были смиренны! Прикащикъ Сергѣй всегда совѣтовалъ не стрѣлять въ одну птицу, а выжидать, когда пара сойдется вмѣстѣ; но нетерпѣніе мое было такъ велико, что я рѣдко пользовался его совѣтомъ, а иногда убивалъ и пару однимъ выстрѣломъ. Все затрудненіе состояло въ поднятіи убитыхъ: для этого прикащикъ снималъ сапоги и отправлялся въ воду, если бакадина не выше колѣнъ; но если встрѣчалось глубокое мѣсто, то для этого выпрягалась лошадь и Сергѣй верхомъ доставалъ дичь. Прогулка эта по водѣ ему сильно нравилась, и онъ иногда отказывался за болѣзнію ногъ.

Что вамъ, говорить, не завести собаки? Здѣсь въ селѣ, у госпожи Торновой, многіе изъ дворовыхъ охотниковъ вѣрно продадутъ ученую собаку. У Прокофья есть такая собака, просто всѣмъ на диво: не только-что ходитъ въ воду, подаетъ убитую дичь, но Прокофій заставляетъ ее подавать себѣ сапоги, или вынетъ изъ кармана ключъ, поплюетъ на него, да и закинетъ въ густую траву, — вѣдь найдетъ, проклятая! Вотъ какъ, сударь, продолжалъ онъ, помолчавъ немного: — просите у бабушки денегъ да и купимъ собаку....

Разсказъ прикащика о собакѣ такъ заинтересовалъ меня, что я рѣшился, во что бы то ни стало, купить собаку, зная напередъ, что ласки мои къ бабушкѣ, а иногда и слезы, отонрутъ мнѣ ея сундучекъ. Дорогою я долго спрашивалъ прикащика о предлагаемой собакѣ: какъ ее видѣть, когда послать за Прокофьемъ, и можно ли съ нимъ отправиться на пробную охоту....

По пріѣздѣ домой, я началъ свой маневръ о покупкѣ собаки. Много было затрудненій уговорить бабушку дать мнѣ денегъ; она долго предлагала мнѣ достать прежде щенка, или выпросить у когонибудь собаку, въ городѣ; наконецъ, послѣ многихъ моихъ просьбъ и убѣжденій рѣшилась послать за Прокофьемъ, съ тѣмъ условіемъ, что она сама будетъ съ нимъ торговаться; «а тебя онъ обманетъ, го-

ворила старушка, — ты, Петруша, и виду не показывай, что хочешь купить собаку.»

Нѣсколько часовъ провелъ я въ мучительномъ ожиданіи собаки, не отходя отъ окна; глаза мои безпрестанно были устремлены на дорогу, откуда долженъ былъ явиться Прокофій. Прошло много времени, и вотъ изъ—за угла крестьянскихъ избышекъ показался человекъ, въ нанковомъ сюртукѣ, подпоясанный старымъ кушакомъ неопредѣленнаго цвѣта и фуражкѣ, ведя за собою на веревочкѣ бѣлую лягавую собаку, съ темнокоричневыми пятнами и такого же цвѣта ушами. Я выскочилъ на дворъ, потомъ на улицу и стремглавъ бросился на встрѣчу будущей моей покупкѣ; я узналъ сейчасъ, что Прокофій дѣйствительно продаетъ собаку. Онъ заставлялъ ее при мнѣ дѣлать разныя штуки. Собака прекрасно подавала заднюю и переднюю поноску, становилась на заднія лапы, лаемъ своимъ просила ѣсть; — я былъ въ совершенномъ восторгѣ. Но вотъ насъ зовутъ къ бабушкѣ. Прокофій предсталъ предъ старушку съ низкими поклонами. Бабушка, по сдѣланному плану, начала рѣчь не о собакѣ; спрашивала о здоровьѣ барыни, о времени будущаго сѣва, о коровахъ, хорошо ли несутся куры, и тому подобное. Прокофій отвѣчалъ на всѣ вопросы, вертя картузь и выставляя то одно, то другое плечо впередъ. Бабушка положила свой чулокъ, улыбнулась, поправила чепчикъ и начала спрашивать о настоящемъ дѣлѣ.

— Ты продаешь свою собаку, Прокофій?

— Какъ же, сударыня... Я по вашему приказу за тѣмъ и пришелъ къ вашей милости. Прекрасная собака! Еще два года, а какая умница.

— Нѣтъ, вѣдь я такъ только спросила, возразила старушка, ждая показать, что она нисколько не желаетъ купить собаку: — однако что же ты за нее просишь?

— Десять рублей, сударыня.

Цѣна эта такъ поразила бабушку, что она, какъ мнѣ показалось, или вздрогнула, или присѣла на своемъ мѣстѣ. Я наблюдалъ малѣйшее ея движеніе.

— Ахъ, прахъ тебя возьми! Да ты съ ума сошелъ, Прокофій! За пса десять рублей... Ахъ, мои матушки! Нынче овца — два рубля пятьдесятъ копѣекъ, корова — пятнадцать и двадцать рублей, а ты просишь десять рублей за собаку!... (Разумѣется весь этотъ торгъ, происходившій, по тогдашнему, на ассигнаціи).

— Ахъ, сударыня, отвѣчалъ Прокофій: — какая это цѣна!... Есть собаки по сту рублей и дороже.

Бабушка расхохоталась, а Прокофій улыбнулся и прибавилъ: — не дорога собака, а дорого ученье, сударыня.

— Да что съ тобою толковать! ты возьми за свои труды цѣлковый, да я велю еще дать тебѣ осмину муки, и то только, чтобы потѣшить Петрушу.

Прокофій поклонился, вышелъ и отправился домой; я чуть не со слезами проводилъ его до самыхъ воротъ.

— А какъ кличка твоей собаки? спросилъ я, догоняя Прокофья.

— Валетъ! сказалъ онъ.— Вотъ придетъ осень—и двадцати-пяти рублей не возьму... И, ворча еще что то, онъ скрылся за уголъ избы.

Не стану описывать, какихъ трудовъ стоило мнѣ приобрести Валета; но какъ бы то ни было, собака на другой же день принадлежала мнѣ. Но вотъ еще горе: бабушка не позволяла держать ее въ комнатѣ, увѣряла, что отъ нея пахнетъ и собака что нибудь непременно сблудитъ, да и грѣхъ держать пса, гдѣ святые образа.

Сергѣй опрокинулъ что-то въ родѣ савей къ углу анбара, pokrылъ это соломой и сдѣлалъ конуру для моего Валета. Нѣсколько разъ въ день отправлялся я кормить его—творогомъ, щами а иногда остатками пирога. По сдѣланной пробѣ, собака оказалась, по тогдашнему моему понятію, очень хороша: ходила въ воду, вытаскивала убитую дичь и приносила ко мнѣ нисколько неизмятую; но все это было только на однѣхъ утокъ: какъ то порадуетъ она меня въ болотѣ? думать я. Но дупеля и бекасы были мнѣ недоступны, — тутъ надобно умѣнье стрѣлять, проворство охотника и навыкъ, и, кромѣ того, бекасиная дробь; я не имѣлъ еще этого ничего, но все таки упросилъ Сергѣя отправиться въ болото. Это было въ первыхъ числахъ мая. При вступленіи моемъ въ царство пернатыхъ, дупеля и бекасы полетѣли въ такомъ количествѣ, что я истинно растерялся и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ просто на воздухъ. Собака стала гонять дичь, которая въ разныхъ направленіяхъ мелькала мимо головъ нашихъ, вылетала изъ-подъ ногъ то справа то слѣва. Дупеля садилась опять, взлетали. Бекасы съ своимъ крикомъ вились въ воздухъ, кулики со всѣхъ сторонъ бросались на собаку. Пиголицы то кувыркались, то бѣжали, на своихъ красныхъ ножкахъ, отъ насъ по лугу. Коростели кричали повсемѣстно. Однимъ словомъ—было отъ чего растеряться и старому охотнику. Я вязнулъ по колѣно, гоняся за дупелями, думая, нельзя ли убить сидячаго; но никакъ не успѣлъ въ моеи предиріятіи, измучился, потъ лился съ меня ручьями... Проходя въ болѣе четырехъ часовъ по болоту, я вернулся—не отъ усталости, а оттого, что всѣ патроны мои были пусты; убилъ я двухъ дупелей, во восторгъ мой былъ выше всякаго описанія.

Сергѣй взялъ въ руки дичь и началъ дѣлать свои замѣчанія.

— Есть изъ чего ходить по колѣно въ грязи, мучить себя и драть понапрасну сапоги! Эга птичка и гроша не стоятъ; то ли дѣло утки!

Гораздо больше, да и охота покойная. Утокъ можно убить съ разу трехъ или четырехъ; а то — сколько пороху выпалили, а убили двоихъ куликовъ. Нѣтъ, батюшка, прибавилъ Сергѣй: — охота эта больно невыгодна, да и бабушка удивится: все привозили по шести и по семи утокъ, а нынче двухъ стахъ.

— Вотъ охотникъ, подумалъ я, и не сталъ увѣрять Сергѣя, что охота болотная гораздо лучше другихъ.

На дворѣ холодно, грязно; сѣверный вѣтеръ гонитъ тучи, которыми и конца не видно; моросить; дождикъ, а иногда снѣжокъ и крупа падаютъ на землю; въ воздухѣ сырость какъ въ водяномъ колесникѣ (отдѣленіе мельницы, въ которомъ ходятъ водяныя колеса), однимъ словомъ — денекъ такой, какими мы нерѣдко пользуемся въ маѣ мѣсяцѣ. Какъ отправиться на охоту? Но страсть толкаетъ подъ бока: надобно одѣваться.

Сергѣй всячески отговаривалъ, но согласился идти на ближнее болото; къ нему надобно было перейти черезъ рѣчку, которая мѣстами была довольно глубока, а ширины не болѣе трехъ сажень. Сергѣй предложилъ идти къ пчельнику, думая найти тутъ переходъ. Мы отправились, прошли около версты по поймамъ, потомъ кустами, и явились у перехода. Пчельникъ былъ на той сторонѣ рѣки; черезъ нее было положено довольно толстое бревно, съ одного берега на другой. Тутъ же лежало нѣсколько длинныхъ кольевъ, для опоры проходящимъ черезъ бревно. Сергѣй взялъ одинъ колъ, попробовалъ имъ, — глубина оказалась выше груди; первый перешелъ прикащикъ, потомъ и я. Небольшіе валы, бывшіе о бревно, дѣлали его мокрымъ, такъ что, при первой неосторожности, можно было поскользнуться и упасть въ воду; но мы прошли благополучно.

Болото это было совсѣмъ другаго рода, съ большими кочками, между которыхъ была вода, а потому дупелей было очень мало, да и тѣ были только около крайка болота. Бекасовъ я нашелъ очень много, но удачи не было, — я не убилъ ровно ничего. Промокши до костей, мы возвратились тою же дорогою домой. Сергѣй опять чрезъ бревно перешелъ первый, а я былъ уже на половинѣ пути, какъ собака, оставшейся сзади, вдругъ вздумалось опередить меня: она бросилась впередъ по бревну, сбила меня съ ногъ, и я полетѣлъ стремглавъ въ воду, окунулся съ головой, но сейчасъ же всталъ на ноги и вышелъ въ бродъ на берегъ. Съ меня текло, какъ съ крыши во время сильнаго дождя; холодъ оковалъ мои члены, вѣтеръ проникалъ насквозь, и я едва могъ дойти до дому; къ вечеру же почувствовалъ сильную головную боль и жаръ, а ночью показался бредъ. Бабушка проклинала и охоту, и собаку, и бревно, обыкновенно приговаривая: «прахъ ихъ возьми»; но это нисколько не пособило.

Я былъ въ опасномъ положеніи, нѣсколько дней не имѣлъ памяти, не принималъ пищи; но, благодаря моей молодости и попеченію милой бабушки, чрезъ три недѣли я былъ уже на ногахъ.

Наступилъ іюнь, и охота прекратилась; самки были на яйцахъ, а самцы скрылись въ глушь, чтобы смѣнить свои перышки; невидно плавающихъ утокъ на разливахъ и бакалинахъ, да и воды нигдѣ не осталось, кромѣ коренныхъ рѣкъ; не слышно крику куликовъ и пеголицъ; болота и поемныя мѣста заросли высокою травой и камышемъ, нигдѣ ни птички; только болотной быкъ (*) стонетъ въ отдаленіи, да перепела по зарямъ перекликаются между собой, то въ лугахъ, то въ хлѣбѣ, который стоялъ уже высокою стѣною, отражая съ кудрей своихъ желтый цвѣтъ, носимый вѣтромъ, какъ туманъ, предвѣщая обильный урожай. Мошки миллионами вились въ воздухѣ, лѣзли въ глаза; комары пищали надъ ухомъ, толкушки, въ полномъ смыслѣ достойныя ихъ названія, толкли собою воздухъ; всѣ насѣкомыя принялись какъ будто за работу; наступили жары съ душными и тихими ночами.

Въ праздничные и воскресные дни Сергѣй былъ совершенно свободенъ отъ занятій и смотрѣній за работами, а потому отправлялся удить рыбу. Въ рѣкѣ нашей множество было разной породы рыбъ. Окунь, ерши, язи, плотва и щука водились въ большомъ изобиліи и хорошо брали на удочку. Въ одинъ изъ такихъ праздниковъ, я пошелъ съ Сергѣемъ посмотреть, какъ онъ ловить рыбу. Мы подошли къ крутому берегу, спустились къ самой водѣ, она на этомъ мѣстѣ вилась только клубомъ и какъ будто не дѣлала впередъ теченія. Это мѣсто называлось яромъ. Сергѣй надергалъ изъ стога сѣна, разослалъ его на самомъ берегу; усадивъ меня, пристроился самъ и закинулъ четыре удочки, объясняя всѣ правила ужения шопотомъ, чтобы не испугать рыбу, какъ онъ увѣрялъ меня. Началось подергиваніе поплавокъ, а вслѣдъ за этимъ вытаскиваніе рыбы. Сергѣй въ продолженіе одного часа накидалъ не одинъ десятокъ разной мелкой рыбы, отъ трехъ до четырехъ вершковъ не болѣе. Эта охота также мнѣ понравилась, и я, не имѣя другихъ занятій, всякій разъ уходилъ съ Сергѣемъ удить рыбу; я выучился какъ насаживать червей и хлѣбъ на удочку и какъ надобно подсѣчь рыбу, во время погруженія полавка, — однимъ словомъ, могъ, безъ помощи моего наставника, управиться со всѣми продѣлками ужения, и отправлялся на эту охоту одинъ, когда Сергѣй былъ занятъ работами.

Въ одинъ весьма знойный день, въ шесть часовъ вечера, забравши свои удочки, которыхъ успѣлъ заготовить довольно много, я от-

(*) Выбь.

правился одинъ удить рыбу къ глубокому яру. Берега этого яра были такъ круты, что восходили отъ поверхности воды въ вышину перпендикулярно, и составляли изъ красной глины стѣну. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣна эта нависла надъ водою, угрожая паденіемъ; близъ самой стѣны глубина была, какъ послѣ оказалось, не болѣе полуаршина, а далѣе къ срединѣ рѣки было довольно глубоко. Я выбралъ недалеко отъ этого мѣста отлогій берегъ и принялся за ужение; несмотря на седьмой часъ вечера, воздухъ былъ душень, вѣтерокъ не трогалъ съ мѣста даже цуха, потеряннаго пасущимися на лугу гусями. Солнце палило. Но вотъ засинѣлся югозападъ; тучи разныхъ величинъ, цвѣту и видовъ стали соединяться въ одну темную густую массу; раскаты грома слышались все чаще и чаще, молнія, разсѣкая тучи, отражалась въ ровной поверхности воды, — все предвѣщало сильную грозу и ливень. Миѣ не хотѣлось оставить мое занятіе; я думалъ, что туча пройдетъ стороною, или не скоро приблизится. Но вотъ на другомъ берегу рѣки зашевелились камыши, перешоптываясь между собою, въ отдаленіи неслась пыль по дорогѣ, а масса тучъ подходила все ближе и ближе. Сильный ударъ грома заставилъ меня свернуть мои удочки и поспѣшить домой; не успѣлъ я оставить моего мѣста, какъ начался ливень, и въ нѣсколько секундъ я былъ вымоченъ до нитки. Все это не принесло бы большой неприятности, но вдругъ хлынулъ градъ, довольно крупный и частый, и такъ сильно билъ въ лицо, плечи и грудь, что не было терпѣнія сносить его удары. Я думалъ, что миѣ нѣтъ спасенія; одна была надежда—воротиться на мѣсто ужения и стать подъ земляную стѣну, которая повисла надъ рѣкою. Такъ и было сдѣлано. Градъ шелъ съ той стороны, откуда стѣна меня прикрывала, и я не получалъ отъ града ни одного удара, стоялъ по колѣно въ водѣ, имѣя на себѣ болотные сапоги. Градъ сталъ уменьшаться, но гроза свирѣпствовала въ полномъ своемъ раздольѣ; дождь превратился въ какой-то водопадъ, такъ что рѣка, въ нѣсколько минутъ, замѣтно стала прибывать, и вдругъ, въ нѣсколькихъ отъ меня шагахъ, сдѣлалось какое-то колыханіе и вмѣстѣ съ тѣмъ огромная часть навислой земляной стѣны рухнула въ воду. Шумъ отъ паденія этой массы былъ такъ великъ, что заглушилъ ливень дождя и самый громъ; не только брызги, но огромныя водяныя глыбы полетѣли въ разные стороны; я едва могъ устоять на ногахъ, и растерялся совершенно. Валы отъ паденія этой земляной стѣны далеко плеснулись на противулежащій берегъ, потомъ вся эта масса тихо погрузилась въ глубину рѣки. Простоявши нѣсколько минутъ, я рѣшился выйти изъ моего убѣжища. Дождь еще продолжался, но не съ такою силою; удары грома повторялись ежеминутно; несмотря на это, я принялъ намѣреніе от-

правиться домой. Моя бабушка, стоя на крыльцѣ, сильно беспокоилась объ моемъ отсутствіи, и уже хотѣла отправлять челоуѣка, чтобы меня отыскивать. Увидя меня, вымоченнаго съ головы до ногъ, она ахнула, и начала хлопотать о перемѣнѣ бѣлья и натирании ногъ виномъ для предохраненія отъ простуды; упрекамъ и наставленіямъ о сохраненіи моего здоровья не было конца; но происшествіе это не оставило послѣ себя никакого послѣдствія.

IV.

На другой день послѣ этого происшествія я получилъ письмо отъ отца. «Пора тебѣ, милый Петруша, писалъ онъ,—подумать о себѣ, не все же шататься по болотамъ, стрѣлять пшголицъ и мартышекъ и удить рыбу; пора бросить эти занятія, не приносящія ровно никакой пользы. По возвращеніи твоемъ изъ Казани, продолжалъ онъ, ты не захотѣлъ учиться, при всѣхъ моихъ настояніяхъ; бабушкѣ твоей лучше показалось взять тебя въ деревню и выучить бродить по цѣлымъ днямъ за утками и куликами. Вспомни, тебѣ пятнадцать лѣтъ: если не учиться, то служить надобно. Въ военную службу поступить тебѣ не удалось, по твоей комплекціи; надобно опредѣлиться въ статскую. Я избираю тебѣ гражданскую палату; предсѣдатель—человѣкъ мнѣ знакомый, да и секретарь также; я уже говорилъ съ ними о твоемъ опредѣленіи. Жду твоего пріѣзда, и приказываю явиться непременно, — это есть моя непремѣнная воля!»

Когда я прочелъ письмо бабушкѣ, она положила свой чулокъ, застѣялась, что-то долго шевелила губами, произнося невнятные слова, и наконецъ сказала съ сердцемъ.

— Ребенка опредѣлить въ службу! Не дадутъ отдохнуть! Онъ еще послѣ болѣзни не оправился. Ахъ, мои матушки! въ гражданскую палату! въ подъячіе, къ этому скареду предсѣдателю, отдать ребенка! Да онъ, пожалуй, заморить безъ обѣдовъ... Какъ онъ обходится и съ взрослыми—то, прахъ его возьми! Вѣдь онъ солдатскій сынъ, какая въ немъ душа? Онъ, проклятый, и болѣзни-то въ человѣкѣ никакой не вѣрять, знаю я его.... Кто опоздалъ да придетъ въ палату однимъ часомъ послѣ его, то и велитъ взять сторожу шапку и не пущать обѣдать; а случается — приказываетъ и за волосы подрать. Извѣстное дѣло, — сторожъ не пощадитъ, запуститъ мужичью лапу въ вихоръ, да такъ оттаскаетъ, что послѣ этого съ недѣлю волосы лѣзутъ. Прахъ его возьми, дуракъ эдакій, неучъ плѣшивый! А еще генералъ! Не даромъ нынче видѣла во снѣ все ягоды, — земляника, крупная такая. Это къ слезамъ, право къ слезамъ...

Долго еще бабушка роптала на будущую судьбу мою, бранила предсѣдателя, досталось и секретарю; но за всѣмъ тѣмъ приказала приготовить лошадей къ завтрашнему отъѣзду.

Рано поутру къ крыльцу была подвезена наша повозка, запряженная старыми рыжаками бабушки; мы уложились и тронулись въ дорогу. Сергѣй провожалъ насъ верхомъ версты двѣ. Миѣ грустно было оставить деревню съ ея покойною жизнію и просторомъ вольности....

Путешествіе наше за тридцать верстъ, продолжалось пять часовъ; старые кони плелись небольшою рысью, и то только подъ гору.

Наконецъ мы дома. Свиданіе съ отцомъ и матерью, распросы съ обѣихъ сторонъ пропускаю мимо; скажу одно, что завтрашній день рѣшено было представить меня предсѣдателю; бабушка представляла какія-то препятствія, но воля отца была непоколебима.

Въ семь часовъ утра я былъ одѣтъ въ свой коричневый фракъ, съ тѣмъ, чтобы явиться предсѣдателю, и тщательно осмотрѣлъ съ ногъ до головы. Пора, пора! говорилъ мой отецъ:—предсѣдатель выѣзжаетъ рано въ палату; какъ бы намъ застать его.—И мы отправились.

Когда доложили о нашемъ приѣздѣ, къ намъ въ залу вышелъ старичокъ небольшого роста, съ порядочной лысиной на головѣ. Все лицо его въ разныхъ направленіяхъ испещрено морщинами; небольшіе сѣренькіе глазки едва были замѣтны изъ нависшихъ сѣдыхъ большихъ бровей. Это былъ предсѣдатель. Халать его, неопредѣленнаго цвѣта и матеріи, вѣроятно давно кончилъ срокъ своей службы, да и спальныя сапоги могли бы давно получить пенсіонъ.

— Прошу садиться, сказалъ предсѣдатель по тогдашнему обыкновенію.

Мы сѣли. Разговоръ начался прежде о погодѣ, наконецъ дошелъ и до моего опредѣленія. На всѣ вопросы предсѣдателя, отецъ мой отвѣчалъ съ почтеніемъ, называя его очень часто вашимъ превосходительствомъ.

— Хорошо ли пишетъ вашъ сынъ?

— Недурно, ваше превосходительство.

— Я только и добиваюсь въ моей палатѣ, чтобы служащіе писали чотко. Иногда приходится и въ сенатъ послать донесеніе,—такъ, знаете, чтобы былъ красивый почеркъ: это много значитъ. Мои подъячіе—народъ пьяный; никакія наказанія деликатныя не дѣйствуютъ. Если и таску велишь задать все какъ съ гуся вода,—только отряхнется и опять запрешнее; а оставить безъ обѣда, это ему канальѣ ни почемъ: налопается збитню съ калачами,—что твой обѣдъ. То ли дѣло, если бы разрѣшено было ихъ палочьемъ колотить: это средство

было бы много исправительнѣе. Я самъ служилъ солдатомъ; бывало, страхъ боишься, какъ бы въ спину не засыпали, — оглядываешься на всѣ стороны. И былъ порядокъ, я вамъ скажу; бывало, идетъ фельд-фебель, — что твоя гроза приближается; я бы и здѣсь эдакій порядокъ завелъ, да ужъ старъ становлюсь. Секретари—взяточники, какъ-разъ подсунуть какое нибудь дѣльце подписать, за которое они взяли барашка въ бумажкѣ, а что будешь дѣлать? Вижу ясно, какъ говоритъ моя совѣсть, что та сторона правая, противъ которой я подписываю, такъ вѣтъ, — проклятый секретаришка и начнетъ показывать законы: вотъ этотъ указъ то говоритъ, а вотъ этотъ тоже подтверждаетъ, вотъ и новоуказныя статьи не противорѣчатъ этимъ обстоятельствамъ; словомъ сказать, накидаетъ передо мной столько книгъ, что умъ разступится; читаешь, читаешь, и все будто кажется, что одинъ указъ противорѣчитъ другому, — просто запутаешься, плюнешь да и подпишешь. А совѣтникъ и дворянскіе засѣдатели подписываютъ, никогда не читая, а о купеческихъ и говорить нечего... Ты смотри, батюшка, сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ: — не избалуйся, не привыкай пить вино съ подъячими; я строго буду взыскивать... Подайте завтра просьбу о его опредѣленіи, и прикажите ходить въ палату пораньше; я люблю раннія занятія. Прощайте! прощайте! прибавилъ онъ, — пора въ палату».

Бабушка, лишь только, по приѣздѣ нашемъ домой, услышала объ моемъ опредѣленіи, не замедлила тайно послать за секретаремъ палаты, который когда-то былъ знакомъ ея мужу. Въ шесть часовъ вечера явился Ефимъ Тимофеевичъ, палатскій секретарь, довольно высокаго роста, въ длиннополомъ изъ чернаго сукна сюртукѣ, съ маленькими пуговицами, обтлнутыми тѣмъ же сукномъ; воротникъ сюртука толстымъ слоємъ обхватывалъ его шею и доставалъ до самыхъ ушей, прикрывая почти половину затылка; лицо господина секретаря было брусничнаго цвѣта, съ небольшими расписными яловыми оттѣнками, большой носъ едва не касался подбородка, сѣрые глаза чуть-чуть показывались, какъ будто изъ длинноватыхъ прорѣзанныхъ щелей; онъ былъ близорукъ, такъ что, если нужно что нибудь разсмотрѣть, то онъ всякую вещь подносилъ близко къ носу и сжималъ свои рѣсницы. Кланялся какъ-то необыкновенно: прежде нежели сдѣлать поклонъ, онъ перегибался всѣмъ тѣломъ назадъ, а потомъ вдругъ съ размаху опускалъ голову почти противъ живота, и это повторялось почти два раза.

Бабушка закидала его вопросами о моей будущей службѣ, — какъ и когда ходить въ палату? — просила о неоставленіи, и тому подобное.

Подали чай.

— Не прикажите ли, Ефимъ Тимофеевичъ, съ прибавленіемъ?

— Очень хорошо—съ, отвѣчалъ онъ.

Явился на столъ графинъ французской водки (она тогда болѣе употреблялась, нежели ромъ). Ефимъ Тимофеевичъ выпилъ три чашки съ водкою, отказался было отъ четвертой, но, по увѣренію бабушки, что изба о четырехъ углахъ, согласился, будто нехотя, влить въ себя четвертую. Послѣ этой чашки лицо Ефима Тимофеевича оживилось много противъ прежняго, на устахъ безпрестанно показывалась улыбка, рѣсницы сходились въ одну точку. Онъ часто нюхалъ табакъ изъ своей круглой табакерки съ какимъ-то портретомъ. Начались разные шуточные разговоры о городскихъ новостяхъ, наконецъ, когда все было высказано, просьба объ моемъ вѣоставленіи, конечно, была послѣднимъ разговоромъ. Секретарь началъ отвѣшивать свои странные поклоны и отправился домой.

При первомъ моемъ вступленіи въ палату меня сильно поразила нечистота комнатъ, беспорядокъ и сильный, какой-то особенный запахъ. Въ нынѣшнее время ни въ одномъ сельскомъ приказѣ нельзя встрѣтить такой неопрятности, какъ было тогда въ комнатахъ палаты. Изъ огромныхъ сѣней дверь вела въ прихожую, небольшую комнату, штукатурныя стѣны которой когда-то были выбѣлены; на лавкѣ стояли два деревянныхъ ведра, наполненныхъ водою, для утоленія жажды послѣ сильнаго похмѣлья приказно-служителей; на другой сторонѣ этой комнаты была дверь, обитая изорванною рогожей; за дверью находилась комната сторожа, гдѣ продавалъ онъ калачи, каленныя яйца и воблу (*)—постоянную закуску служащихъ. При входѣ въ самую палату, въ большой комнатѣ, стояло семь или восемь столовъ некрашенныхъ и ничѣмъ непокрытыхъ, довольно большого формата; у нѣкоторыхъ ножки перевязаны, были веревками; вокругъ столовъ, вмѣсто стульевъ, были деревянные скамейки; на каждой изъ нихъ лежало нѣсколько черновыхъ и газетныхъ бумагъ, для мягкаго сидѣнія. Одни только стонаначальники имѣли стулья, которые едва стояли на своихъ раненыхъ ногахъ. Къ стѣнѣ, для храненія дѣлъ, поставлены сундуки и шкафы разной величины и вида, тоже некрашенные, но отъ времени такъ запачканные, что можно было подумать, будто они вытащены изъ болота. На столахъ, вмѣсто чернильницъ, красовались помадныя банки, поставленныя въ бумажныя коробки, наполненныя пескомъ. Некрашенные полы мылись только къ большимъ праздникамъ, а потому можно судить, какъ они были чисты. Въ присутствіи, такъ же какъ и нынѣ, стоялъ длинный столъ, покрытый сукномъ; сукно это въ молодости своей было краснаго цвѣта, но теперь пожелало и было запачкано саломъ и

(*) Дешевая соленая рыба.

чернилами. Здѣсь можно было встрѣтить и стеклянныя чернильницы и крашеный шкафъ, съ книгами законовъ; вокругъ стола стояли кресла, обитыя протертою кожею. Портретъ императора Александра I висѣлъ за предсѣдательскими креслами, въ деревянныхъ желтыхъ рамкахъ. Художникъ, рисуя лицо Благословеннаго, такую темную сдѣлалъ тѣнь на одной сторонѣ волосъ, что правая сторона представляла блондина, а лѣвая брюнета, — о сходствѣ и говорить нечего. У дверей присутствія стоялъ отставной солдатъ, въ худомъ сюртукѣ, съ двумя медалями на груди.

Какой же народъ наполнял эти неурядныя, хотя и каменные палаты? Эти люди были не чище комнатъ, мебели и даже самыхъ грязныхъ половъ. Что за грустныя лица, и что они выражали! У нѣкоторыхъ были синяки подъ глазами, волосы въ пуху и непричесаны, сюртуки въ большихъ заплаткахъ, которыя спорили съ настоящимъ цвѣтомъ платья; жилетъ и шейный платокъ — до того грязны, что нельзя опредѣлить ни матеріи, ни цвѣта; у многихъ даже выглядывали изъ сапогъ пальцы. На однихъ столоначальникахъ были фраки изъ синяго сукна, съ свѣтлыми пуговицами, и у всѣхъ были изношены до невозможности. Поутру, довольно рано, отъ нѣкоторыхъ несло впомъ и лукомъ. А вотъ и разговоръ ихъ.

— А что, Кожурковъ, сказалъ одинъ изъ служащихъ сидящему за столомъ своему собрату: — гдѣ ты вчера съ цѣлымъ днемъ бражничалъ? Предсѣдатель тебя спрашивалъ и хочеть тебя проучить порядкомъ...

— Не надоѣдай! сказалъ Кожурковъ: — мочи нѣтъ болитъ голова. Повѣренный по дѣлу Сѣмечкина завелъ въ расторачку; ну, братецъ ты мой, и угостилъ на славу!

При этомъ лицо его нѣсколько оживилось.

— А ты не догадайся позвать меня съ собою? сказалъ его товарищъ. — У насъ въ столѣ будетъ справка по его дѣлу, — сухо не отдѣлается. А какое было угощеніе?

— Угощеніе? Во-первыхъ, братецъ ты мой, велѣлъ подать поросенка подъ хрѣномъ, потомъ солянку съ почками, подовые пироги и жаренаго гуся; иѣнникомъ хоть облейся, а ужъ какое пиво, братецъ ты мой, что твой малпна.

— Хороша тебѣ будетъ малина нынче отъ предсѣдателя!

— Что мнѣ предсѣдатель! — Въ рожу не треснетъ: я самъ губернской секретарь, отъ тѣлеснаго наказанія избавленъ. Пусть его ругаетъ, сколько хочеть, а рукавъ воли не давай! А брань на вороту не виснетъ, недаромъ пословица говорится: «нобьютъ — не возъ навьютъ, побранятъ — не два навалятъ». Развѣ прижимать шибко станеть и велить убавить жалованья, такъ мнѣ недолго подать просьбу объ увольненіи отъ службы, — гербовый листъ въ пятьдесятъ копѣекъ для

меня и пивка стоитъ... Вотъ теперь, братецъ ты мой, какъ бы хватить стаканчикъ пѣвничку, — поправился бы немного; а то голова трещить, какъ послѣ баннаго угара.

— А что, повѣренный Сѣмечкина хотѣлъ быть нынче въ палатѣ? Я бы ему шепнулъ что нибудь о справкахъ по его дѣлу.

— Что ты ему будешь шептать, — я не знаю, братецъ ты мой... Онъ ужъ напечатался съ твоимъ столоначальникомъ, а третьяго дня былъ въ присутствіи у секретаря. Я будто бы за книгой вошелъ въ присутствіе, а между тѣмъ и слышу, что Ефимъ Тимофеевичъ, говорить повѣренному: «напрасно, напрасно!». А ты самъ, братецъ ты мой, знаешь, что это значитъ... Какъ только дадутъ ему деньги, всегда и говоритъ: «напрасно, напрасно», а самъ руку протягиваетъ. Если твой столоначальникъ взялъ съ повѣреннаго, такъ извѣстное дѣло: двумъ помощникамъ изъ полученнаго противъ его — половина; раздѣлъ этотъ, братецъ ты мой, не новый.

— Не хочется мнѣ питаться крупницами, падающими со стола господъ, сирѣчь уподобиться псу; давно пора самому быть столоначальникомъ: вотъ двѣнадцатый годъ сижу на этомъ мѣстѣ, а повышенія не вижу. Еще въ прошломъ году попытался было проситься у предсѣдателя на мѣсто покойника Краюшкина, такъ куда! Не выслушалъ онъ и одного слова; «вонъ, говоритъ, свинья нечосанная!» Бранилъ, бранилъ, — такъ и лѣзетъ къ рылу.

Разговоръ этотъ былъ довольно рано поутру. Но вотъ явился одинъ изъ столоначальниковъ; онъ положилъ тщательно свою шинель гороховаго цвѣта на сундукъ, гдѣ покоились дѣла его, досталъ изъ этого сундука большую связку бумагъ, обложилъ ими конецъ стола и, усѣвшись на свой утлый стулъ, понюхалъ табаку, утерся клѣтчатымъ платкомъ и началъ разбирать бумаги; потомъ вынулъ перо изъ помадной банки, сильно щолкнулъ имъ подъ своимъ стуломъ, обтеръ его подъ мышкою и вдругъ закричалъ: «опять чернилъ нѣтъ, одна гуща! Не догадаются сдѣлать свое дѣло... Кожурковъ! вели, пожалуйста, купеческому засѣдателю подлить чернилъ; я думаю, — онъ дрыхнетъ тамъ въ сторожевской». Явился засѣдатель, въ крашенинномъ полукафтанѣ, въ большихъ дегтярныхъ сапогахъ, съ кувшиномъ въ рукѣ, и налилъ изъ него чернилъ столоначальнику.

— Секретарь идетъ! вскричалъ какой-то человекъ, въ нанковомъ сюртукѣ, и всѣ палатскіе сѣли на свои мѣста; откуда явился весь этотъ хламъ, мгновенно наполнившій палату?

Ефимъ Тимофеевичъ вошелъ съ прищуренными глазками, стараясь разсмотрѣть Кожуркова, и тотчасъ началъ гнѣвно спрашивать у него отчета, почему вчера не былъ у должности? Несчастный губернской секретарь, повѣся голову, не дѣлалъ никакого оправданія.

«Сторожъ! повелительно вскричалъ Ефимъ Тимофеевичъ: — сними сапоги съ Кожуркова; на три дня безъ обѣда», прибавилъ онъ и ушелъ въ присутствіе.

Вскорѣ явился и предсѣдатель; всѣ встали и отдали ему по пояскому поклону; вахмистръ растворилъ двери присутствія, старичокъ вошелъ и занялъ свое мѣсто.

Къ десяти часамъ стали являться просители; столоначальники выходили съ ними въ большія сѣни, о чемъ-то толковали; иные возвращались на свои мѣста съ веселымъ лицомъ, а на другихъ выразалась неудача.

Меня зачислили въ крѣпостной столъ, гдѣ пишутъ купчія крѣпости. Являлся какойнибудь покущикъ имѣнія, дома или земли, и обращался съ своею просьбою въ крѣпостной столъ. Производилась справка, нѣтъ ли запрещенія на продажу, и для этого посылался запросъ столоначальникамъ: одинъ изъ служащихъ въ крѣпостномъ столѣ бралъ бумагу и отправлялся по всѣмъ столамъ; на листѣ этомъ подписывалъ столоначальникъ: «что у него запрещенія нѣтъ», и такъ далѣе передавалось въ прочіе столы. Если приказный, разносившій бумагу, бралъ съ просителя синецкую бумажку, то есть пять рублей, то мѣнялъ ее въ казначействѣ на мѣдныя деньги и разносилъ по столамъ по пятидесяти копѣекъ, ставя кучку мѣдныхъ денегъ передъ самимъ столоначальникомъ, и это дѣлалось такъ публично, что всѣ могли видѣть.

V.

Я продолжалъ посѣщать палату каждодневно; бабушка какъ-то устроила, что я могъ быть у должности только поутру, слѣдовательно у меня много было свободнаго времени, которое было употребляемо для охоты.

Я имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми охотниками, и одинъ изъ нихъ, офицеръ Мавринъ, постоянно жившій по какому-то порученію въ городѣ, принялъ меня подъ свое покровительство по дѣламъ лѣснымъ и болотнымъ. Подъ его руководствомъ я научился стрѣлять, узнавать мѣста, гдѣ находятся дичь, различать породы и названія утокъ и разной дичи, такъ что къ концу осени я почти не сдѣлался опытнымъ охотникомъ. Почти каждодневно я съ Мавринымъ отправлялся въ болото, которое было близко отъ города; удача была не та, что прежде: я приносилъ домой по десяти, пятнадцати и болѣе дупелей и разной болотной дичи, которой

было такое множество, что непростительно было и плохому егерю не убивать въ день нѣсколько десятковъ.

Однажды вечеромъ Мавринъ зашелъ ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы пригласить меня завтра на охоту; онъ не имѣлъ собственной лошади, мнѣ же безъ малѣйшаго затрудненія позволялось брать бабушкиныхъ лошадей во всякое время.

— Пора вамъ показать охоту по лѣсной дичи, сказалъ Мавринъ, а потому не хотите ли завтра въ лѣсъ. — Только пожалуйста привяжите вашу собаку; она гоняетъ дичь, бросается какъ угорѣлая, — въ лѣсу съ ней нельзя охотиться; по лѣсной дичи, нужна собака вѣжливая, несуетливая, болѣе медленная, нежели съ большой энергией; съ такой собакой весь выводокъ будетъ у васъ въ ягдташѣ.

На другой день лишь только появилась утренняя заря, я уже подъѣзжалъ къ квартирѣ моего товарища, засталъ его совсѣмъ готовымъ и мы отправились. Я не послушался Маврина и взялъ свою собаку.

Лѣсъ, въ которомъ мы начали охотиться, былъ окруженъ ярвымъ хлѣбомъ. Гречиха совсѣмъ отцвѣла, овесъ пожелтѣлъ и склонилъ свои вѣтки подъ тяжестью росы, пшеница и полба гордо выпрямили свои головки съ колючими усамн. Офицеръ не щадилъ никакого хлѣба и шагаль, какъ по большой дорогѣ.

— Теперь вамъ надобно дать нѣкоторое понятіе о лѣсной охотѣ, сказалъ Мавринъ. Это не то, что на болотѣ. Болотная охота вамъ нѣсколько извѣстна, и я говорить о ней не стану; но въ лѣсу другое дѣло. Начнемъ съ того: если собака приведетъ васъ къ выводку, мать взлетаетъ первая, съ обыкновеннымъ ся крикомъ, и начинаетъ дѣлать свои обманы: то садится на землю въ недалеомъ разстояніи, такъ, чтобы можно было ее видѣть, то опять подымается и летитъ очень низко. Собака, какъ бы ни была выучена, бросается за ней; охотникъ, не зная этихъ продѣлокъ, также идетъ за нею, между тѣмъ весь выводокъ разбѣгается въ разныя стороны, и вы, ушедши за матерью, не только не въ состояніи найти дѣтей, но даже и мѣсто потеряете, гдѣ они были: лѣсъ — не поле, предметы одни и тѣже... А должно оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ нашли выводокъ, который, съ умной собакой, весь будетъ у васъ въ ягдташѣ. Потомъ, если собака сдѣлала стойку, выбирайте чистое мѣсто, чтобы птица не могла мелькнуть за дерево; не безпокойтесь и не торопитесь, — молодой тетеревъ скоро не слетитъ, а особенно въ такую сильную росу. Если вы нашли или убили одного выводка, продолжайте искать около этого мѣста, — тутъ вѣрно не одинъ. Теперь о мѣстности лѣсной дичи. Молодые тетерева въ самомъ младенчествѣ питаются ягодами и сѣменами различныхъ растеній, но когда поспѣютъ хлѣба, мать выво-

дѣтей своихъ кормиться хлѣбными зернами, а потому въ нынѣшнюю пору все тетеревиное поколѣніе находится въ опушкѣ лѣса. Рано поутру ихъ можно застать въ хлѣбахъ, а какъ кончатъ свой ранній обѣдъ и наступитъ жаркая пора, то вся птица забивается въ тѣнь, подъ самые корни кустовъ дуба и березы, въ особенности гдѣ растетъ высокая трава. Но всего вамъ передать невозможно; время — лучший учитель. Не мѣшаетъ замѣтить насчетъ осторожности: если вы ходите съ однимъ или двумя охотниками и не будете наблюдать всѣхъ охотничьихъ правилъ, то какъ-разъ можете влѣпить зарядъ въ бокъ вашему товарищу; повторяю вамъ, — здѣсь не болото; кусты закрываютъ отъ васъ человѣка, птица можетъ вылетѣть и поровняться на одной линіи съ другимъ охотникомъ, и выстрѣлъ вашъ можетъ его изуродовать, если не положить на мѣстѣ. Это несчастіе случилось нерѣдко.

Не успѣли мы кончить нашего разговора, какъ собака Маврина потянула къ гречи, изъ которой вылетѣлъ черный тетеревъ; я не успѣлъ опомниться, какъ мой товарищъ положилъ его на повалъ. «Ну-ка, полѣзай, краснобровый, нынче въ ягдташъ, а завтра на сковороду,» сказалъ Мавринъ. Онъ зарядилъ снова ружье, и мы стали подвигаться тихо впередъ. Открылась небольшая полянка. Собаки заметались, какъ угорѣлыя! «Возьмите вашу собаку на веревку», закричалъ Мавринъ. — Я взялъ ее за ошейникъ и держалъ около себя; между тѣмъ собака Маврина, безъ моего Валета, стала хладнокровно отыскивать выводокъ и вотъ наконецъ, сдѣлавши нѣсколько медленныхъ шаговъ, остановилась. Влетѣла старая, и была убита наповаль; потомъ началось исканіе молодыхъ, и всѣ они или были убиты Мавринымъ, или пойманы его собакой. Много еще находили мы выводковъ; офицеръ набилъ полный ягдташъ, а я удостоился чести убить одного молодого, и въ полномъ восторгѣ отъ лѣсной охоты возвратились домой. Дорогою долго Мавринъ смѣялся надъ моимъ охотничьимъ костюмомъ, одноствольнымъ ружьемъ, а въ особенности надъ бумажными патронами, съ которыми, по прошествіи четырехъ дней, вотъ что случилось.

Близъ самаго города отдѣляется изъ Волги истокъ, довольно глубокой, шириною не болѣе шести сажень; всѣ истоки, исходящіе изъ Волги, называются воложками. Этотъ истокъ, протекая разными изгибами верстъ 8, впадаетъ опять въ Волгу, образуя между собою и Волгою большой островъ, со множествомъ озеръ и болотъ, наполненныхъ разной дичью. Чтобы попасть на этотъ островъ, нужно или переѣхать на лодкѣ, или отправиться на мостъ, который устроены черезъ истокъ, близъ самаго его впаденія въ Волгу; слѣдовательно, надобно проѣхать восемь верстъ, чтобы попасть на мостъ. Мнѣ взду-

малось одному ѣхать на островъ и непремѣнно верхомъ. Я не разсудилъ, удобно ли исполнять охоту, пе имѣя возможности отдать кому нибудь лошадь. Мнѣ осѣдали сѣраго коня, который каждый день усердно возилъ воду и по метрическому свидѣтельству, если бы его можно было имѣть, вѣроятно былъ старше меня пятью годами. Я отправился довольно рано, имѣя за плечами ружье; бумажные мои патроны, находившіеся въ холщевомъ мѣшкѣ, были привязаны къ лукѣ сѣдла. Не имѣя возможности достать лодку, я поѣхалъ на мостъ, по прїѣздѣ на самый островъ долго охотился на утокъ, высматривая ихъ прежде съ лошади, потомъ привязывалъ ее къ кустамъ и подкрадывался къ уткамъ. Много разъ удавалась мнѣ эта продѣлка; но послѣ одной изъ нихъ, возвращаясь къ лошади, я увидѣлъ, что она отвязалась отъ кустовъ и щипала траву. Лишь только сталъ я къ ней подходить, лошадь, чувствуя свободу, бросилась отъ меня и побѣжала къ самому истоку, вдоль котораго пошла шагомъ къ городу. Мостъ остался у меня назади, я шелъ за лошадью въ той надеждѣ, что могу ее поймать, когда она подойдетъ къ самому устью истока; но случилось противное. Пройдя верстъ шесть, лошадь моя дѣйствительно подошла къ мѣсту, гдѣ вытекалъ истокъ изъ Волги, посмотрѣла на всѣ стороны и, видя, что она со всѣхъ сторонъ окружена водою, пошла ровнымъ шагомъ въ воложку все дальше и дальше, потомъ поплыла и наконецъ вышла на другой берегъ, отряхнулась и отправилась къ городу. Я былъ въ отчаяніи: на той сторонѣ нельзя было никого видѣть, потому что одни городскіе сады примыкали къ этому мѣсту. Что было дѣлать? не болѣе двадцати шаговъ другой берегъ, но чтобы слѣзть эти двадцать шаговъ, — надобно пройти шестнадцать верстъ, то есть воротиться на мостъ...

Въ грустномъ одиночествѣ я сѣлъ на каршу (*), чтобы нѣсколько собраться съ силами. Въ городѣ благовѣстили къ обѣднѣ, звонъ колоколовъ долеталъ до моего слуха и какъ будто напоминалъ мое незавидное положеніе; оставалась одна надежда на судно, которое могло подойти къ этому мѣсту. Бурлаки, при тихой погодѣ, тянуть лямкою суда свои и, подойдя къ истоку, переѣзжаютъ воложку на лодкѣ; но и эта надежда не могла исполниться. Былъ южный вѣтерокъ, который, надувая паруса, гналъ множество судовъ самую средину Волги. Нигдѣ не слышно человеческого голоса, только небольшіе валы, выплескивая на берегъ бѣлую пѣну, производили однообразный свой говоръ. Безчисленное множество мартышекъ вилось надъ истокомъ, наполняя

(*) Большое дерево привезенное весеннею водою.

воздухъ своимъ докучливымъ крикомъ; увидѣвъ въ водѣ свою добычу, онѣ становились неподвижно въ воздухѣ, выжидая удобной минуты, и вдругъ стремглавъ бросались въ воду, погружаясь до половины, выносили небольшую рыбку — свой лакомый завтракъ, потомъ опять поднимались и крутились въ воздухѣ, перелетая съ одного берега на другой. Лошадь моя была въ виду, близъ садоваго плетня; выбравъ зеленую лужайку, спокойно кушала она траву, не обращая на меня никакого вниманія. Нужно было отправиться къ мосту. Имѣя въ ружьѣ одинъ зарядъ, я нисколько не думалъ о дичи, которая мнѣ попадалась. Едва передвигая усталыя ноги, измученный и голодный до крайности, я возвратился домой около четырехъ часовъ вечера, и выслушалъ справедливые упреки и приказаніе не давать мнѣ никогда безъ челоуѣка лошади, которая уже посредствомъ полиціи приведена была домой; при чемъ дичи не оказалось, а патроны мои размокли и выброшены, какъ негодные для употребленія. Но скоро забылись случившіяся со мною неприятности, и опять началась наша охота съ Мавринымъ по лѣсной и болотной дичи...

VI.

Но не все же описывать охоту... У меня были въ это время и сердечныя обстоятельства. Мнѣ уже шестнадцать лѣтъ, такъ почему же въ эту пору не испытать любовной страсти? Надобно узнать и это увлеченіе и перемѣшать со страстію охоты; не все же сидѣть въ палатѣ, а особенно юношѣ, начитавшемуся романовъ: Жанлисъ, Радклифъ и Дюкре-дю-Мениля.

Я нѣкоторые романы тогдашняго времени (конечно, переводные) зналъ почти наизусть, на примѣръ: Лолота и Фанфанъ, Викторъ или дитя въ лѣсу, Мальчикъ наигрывающій колокольчиками, Ринальдо Ринальдони, Полночный колоколь, который начинается: «Я не дура, рву изъ головы моей волосы»: потомъ разные абатства, таинственные замки и подземелья. Начитавшись тогдашнихъ романовъ, я сталъ мечтать о чемъ-то незнакомомъ, создавалъ свой идеалъ; недоставало только Дульцинен, въ которую я могъ бы влюбиться по уши. Дульциненя эта не замедлила явиться.

Не помню, въ декабрѣ или въ январѣ, только въ зимнюю пору, возвратился я однажды изъ палаты ранѣе обыкновеннаго. Съ бабушкой въ гостинной сидѣла дама; она была въ черномъ шерстяномъ платьѣ, обшитомъ плерезами, въ черномъ креповомъ чепчикѣ, съ ленточками такого же цвѣта; однимъ словомъ, она была въ полномъ траурѣ. Ей было не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, она была педурна собою.

полный, круглый станъ и цвѣтъ лица показывали, что она пользуется прекраснымъ здоровьемъ; большіе черные глаза были заплаканы, и вообще она находилась въ грустномъ состояніи. Она казалась мнѣ тогда грузинкою, но, какъ оказалось потомъ, родилась не далѣе степей Оренбургской губерніи.

— Я много слышана о вашихъ добрыхъ качествахъ и что вы любите помогать бѣднымъ, сказала дама, моей бабушкѣ. — Мужъ мой служилъ майоромъ въ... пѣхотномъ полку; пріѣхавъ въ вашъ городъ по дѣламъ службы, здѣсь простудился, занемогъ, и я имѣла несчастье его лишиться, сдѣлавъ похороны пособіемъ добрыхъ людей; теперь сама въ чужомъ городѣ, не имѣя ни знакомыхъ, ни пристанища, ни средствъ къ пропитанію, лишена возможности ѣхать на свою родину. Нельзя ли вамъ сдѣлать мнѣ, по вашимъ средствамъ, какое нибудь пособіе? Я не могу брать взаимны деньги, но сдѣланную вами мнѣ помощь, почту истиннымъ христіанскимъ одолженіемъ.

При этихъ словахъ, вдова опять принялась плакать, бабушка тоже разчувствовалась и сказала:

— Я вамъ матушка не могу помочь многимъ. Ну, если дать вамъ нѣсколько рублевиковъ, могутъ ли они обезпечить васъ на долгое время? Проживши эти деньги, вы должны будете опять просить у людей помощи. А лучше всего, такъ какъ вы не имѣете здѣсь никого знакомыхъ, стало бытъ вамъ нужна и квартира, и столъ, и услуга, — все это я предлагаю вамъ; переходите ко мнѣ въ домъ, вамъ отвѣдутъ комнату, столъ можете имѣть виѣсть съ нами безъ всякой платы, а между тѣмъ не пріищемъ ли вамъ случая отправиться къ роднымъ. Если вы желаете принять совѣтъ мой, то сейчасъ же можно послать лошадь за вашимъ сундукомъ или чемоданомъ.

Дама бросилась цаловать бабушку, но отказалась отъ посылки за имуществомъ.

— Какъ ваша фамилія? спросила бабушка.

— Марья Петровна Буракова.

— Итакъ, Марья Петровна, я думаю вы останетесь довольны моимъ предложеніемъ; у насъ домъ довольно великъ и вы будете совершенно покойны....

— Я не знаю какъ благодарить васъ за предлагаемое одолженіе; нынче позвольте мнѣ окончить начатое мною домашнее дѣло, а завтра явлюсь къ вамъ непременно.

Она распрощалась и вышла изъ дому.

На другой день бабушка приказала очистить комнату и долго ждала Марью Петровну, но она не являлась. Прошелъ день, другой, недѣля и болѣе—вдовы не было; наконецъ Марья Петровна была за-

быта. Она разыграла драму; теперь надобно явиться ей чуть-чуть не въ трагедіи.

Быль зимній вечеръ, на дворѣ бушевала метель; я сидѣлъ въ своей комнатѣ, которая примыкала къ заднимъ сѣнямъ, и слушалъ какіе-то страшные рассказы о разбойникахъ, кладахъ и колдунахъ: всѣ эти ужасы съ большими подробностями умѣла рассказывать жившая у насъ старушка. Вечеръ былъ на исходѣ, какъ вдругъ въ дверь заднихъ сѣней стали сильно стучаться съ неистовымъ крикомъ: «отоприте! защитите! защитите!» У насъ въ домѣ все пришло въ движеніе. Отперли сѣни, въ комнату вбѣжала молодая женщина, длинныя волосы были растрепаны, ситцевое платье изорвано и висѣло лоскутьями, обнаженныя руки и плечи были изсѣчены. Эта женщина была Марья Петровна. Куда дѣвалось траурное платье и крѣповый чепчикъ! Едва можно было узнать особу, назадъ тому двѣ недѣли такъ хорошо одѣтую; она была даже босикомъ и не имѣла платка, которымъ бы могла прикрыть роскошную грудь свою. Что съ вами? что съ вами? раздалось нѣсколько голосовъ. — «Спасите! спасите меня, закричала Марья Петровна: я избита мужемъ.»

— Какъ покойникомъ? вскричала бабушка.

— Онъ никогда не умиралъ... Я васъ обманывала, моя благодѣтельница; я совсѣмъ не вдова и не майорша Буракова, а поручица Полуслѣтова. Мужъ мой, съ своими развратными сестрами, привезъ меня сюда изъ Оренбургской губерніи; они безпрестанно пьютъ въ трактирахъ, крадутъ въ домахъ, меня же, какъ несчастную жертву, наряжаютъ въ трауръ, заставляють притворяться и называть себя вдовой, затѣмъ, чтобы испрашивать подаяніе, которое они пропиваютъ. Если я могу чтонибудь выпросить, то мнѣ дадутъ кусокъ хлѣба, въ противномъ случаѣ меня встрѣтитъ жестокое наказаніе; вотъ и теперь — распаренными въ печи розгами я изсѣчена до невозможности. Терпѣніе мое истощилось, я забыла женскій стыдъ, ушла отъ моихъ злодѣевъ, въ надеждѣ имѣть въ вашемъ домѣ убѣжище, которое вы мнѣ предлагали. Позвольте ночевать мнѣ съ людьми вашими, даже въ вашей конюшнѣ... но къ мужу я возвратиться не могу.

Рыданія прекратили слова ея, она упала на сундукъ въ сильномъ изнеможеніи.

Въ это время вошелъ въ комнату отецъ мой; ему рассказали случившееся. Надобно дать знать полиціи, сказалъ онъ: — Богъ знаетъ, что это за особа! Она была майорша — теперь поручица; была вдова, а теперь мужъ живъ; была Буракова, теперь Полуслѣтова, а завтра можетъ быть опять другая перемѣна.

— Дѣлайте, что вамъ угодно; я сама душевно желаю довести до свѣдѣнія правительства мое положеніе; у васъ же прошу только поз-

воленія ночевать, и увѣрю всѣмъ, что есть святаго, что я дѣйстви- тельно благородная женщина, Марья Петровна Полусвѣтова; завтра узнаете, что я сказала истину.

Послали въ полицію, не замедлил явиться частный приставъ, который все распросилъ и записалъ, и когда узналъ фамилію мужа Марьи Петровны, то удостовѣрился, что это не выдумка. «Мужъ вашъ третьяго дня, сказалъ частный приставъ: — укралъ въ трактирѣ серебряную ложку: объ этомъ доведено до свѣдѣнія начальника губер- нии, а потому мужу вашему велѣно выѣхать изъ города; завтра я до- ложу объ васъ губернатору, но долженъ васъ спросить, гдѣ вы на- мѣрены имѣть свое мѣстопробываніе, если не послѣдуете ва мужемъ.

— Если все это справедливо, сказала бабушка, то я беру ее къ себѣ въ домъ. Грѣшно, мои матушки, не защитить противъ такихъ обидъ, сдѣланныхъ беззащитной женщиной.

Частный приставъ раскланялся, и на другой день прислалъ записку, что все происшествіе—не выдумка: поручикъ Полусвѣтовъ, какъ воръ и негодяй, высланъ изъ города, а женѣ его, если она не жа- лаетъ отправиться съ нимъ, дозволялось остаться въ домѣ надворной совѣтницы Б....

Итакъ Марья Петровна пріютилась у насъ въ домѣ; ей отвели комнату, одѣли просто, но прилично; изсѣченныя плечи и руки ско- ро зажили. Черные ея глаза не наполнялись болѣе слезами и приня- ли свой блестящій видъ. Вообще, эта женщина такъ перемѣнилась въ свою пользу, что въ теченіе двухъ или трехъ недѣль нельзя было узнать избитую Марью Петровну; она каждодневно занималась какой нибудь работой: то вязала чулки, то вышивала въ пяльцахъ; я при- выкъ къ ней, какъ къ семьянкѣ, и вотъ у насъ началось чтеніе.

Я принесъ цѣлую кучу книгъ въ комнату Марьи Петровны, и скоро мы принялись читать вмѣстѣ.

Оказалось, что она до сихъ поръ ничего не читала; но за то те- перь она слушала мое чтеніе съ большимъ чувствомъ.

Я почти неразлученъ былъ съ Марьею Петровою, скучалъ, ког- да мать брала ее въ гости, — однимъ словомъ, чувствовалъ тоску въ ея отсутствіе и необходимость быть съ нею. Какое-то незнакомое чувство начиналъ я испытывать... Я сравнивалъ ее съ героинями про- читанныхъ романовъ и сталъ понимать, что я люблю ее. Не расста- ваясь съ нею въ зимніе вечера, я много прочелъ ей, но немало удив- лялся тому, что она не читала прежде ни одного романа изъ предла- гаемыхъ мною.

— Что же вы читали? спросилъ я однажды. — Вѣроятно Орен- бургская губернія, по отдаленности своей отъ столицы, не пользуется выписываніемъ книгъ, какъ это дѣлается у насъ?

— Надобно вамъ сказать откровенно, отвѣчала Марья Петровна, немного покраснѣвшись: — что я дурно читаю, а пишу и того хуже, могу только подписать свое имя и фамилію.

— Такъ вотъ почему вамъ неизвѣстны названія книгъ, мною предлагаемыхъ! Печему же родители ваши не заботились о вашемъ образованіи?

— Отецъ мой, когда я была девяти лѣтъ, жилъ съ матерью моею большею частію въ степи, торгуя лошадьми и баранами; мнѣ уже было пятнадцать лѣтъ, какъ онъ перешелъ на службу въ самый Оренбургъ, на мѣнновой дворъ. Гдѣ же я могла хорошенько научиться русской грамотѣ, не говоря уже о другихъ наукахъ. Эта служба приносила отцу моему много выгодъ; хотя онъ имѣлъ небольшой чинъ, но все-таки была ему возможность купить въ городѣ домъ, и мы жили хотя не богато, но очень достаточно. Въ это время у отца моего была контора, въ которой постоянно занимался старичокъ писарь, Кононъ Захаровичъ. Онъ свободное время употреблялъ со мною на чтеніе и письмо. И это былъ единственный мой учитель, котораго я могла имѣть. Можетъ быть, продолжая ученіе, я могла бы сколько нибудь себя усовершенствовать въ чтеніи и письмѣ; но вдругъ отецъ мой занемогъ, около году лежалъ въ тяжелой болѣзни и скончался, оставивъ насъ безъ всякаго состоянія. Всѣ накопленныя деньги перешли, во время болѣзни отца, въ руки лѣкарей или въ аптеку. Остался небольшой домикъ, который по простествіи четырехъ лѣтъ сгорѣлъ, во время одного большого пожара. Я съ матерью осталась въ самомъ жалкомъ положеніи. Слава Богу, что добрые люди, знакомые моего отца, не оставляли насъ своею помощію. Мы около года жили на дешевой квартирѣ, матушка день ото дня становилась слабѣе, видимо приближалась къ могилѣ, и желала одного, чтобы при жизни своей могла видѣть меня пристроенною. И вотъ исполнилось ея желаніе: явилась сваха съ предложеніемъ, что я нравлюсь офицеру Полусвѣтову, который привезъ въ Оренбургъ какія-то казенныя вещи. Женихъ мнѣ понравился, не потому, что дурень собою, — гдѣ ужъ разбирать бѣдной дѣвухкѣ красоту! — но я видѣла его не одинъ разъ пьянымъ; общее дурное мнѣніе о его нравственности дѣлало его въ глазахъ моихъ отвратительнымъ.

— Какъ же вы рѣшились выйти за человѣка съ такимъ дурнымъ поведеніемъ?

— Просьба матушки заставила меня сдѣлать такой рискъ. Скажу вамъ по совѣсти, что мужъ мой былъ бы, можетъ быть, человѣкомъ сколько нибудь сноснымъ, но двѣ сестры, при немъ жившія, развращали его, пили съ нимъ вмѣстѣ и, какъ змѣи, напоятывали ему на меня, что приходило имъ въ голову.

— Любили ли вы вашего мужа?

— Могла ли я любить человѣка, отъ котораго всякій день переносила брань и побои!

— Вы такъ еще молоды, что можете полюбить страстно человѣка, который будетъ вамъ преданъ....

И тутъ я сдѣлалъ пеловкое, но страстное признаніе....

Марья Петровна подняла на меня свои черные глаза. «Что вы говорите! сказала она: — вспомните что я замужняя женщина — а вы еще дитя, и что скажетъ бабушка, когда узнаетъ ваши чувства! Нѣтъ, ради Бога перестаньте: вы пошутили, вы начитались романовъ, и хотите быть дѣйствующимъ лицомъ въ шутку».

— Нѣтъ, Марья Петровна, я не шучу съ вами, а желаю чтобы вы отвѣчали мнѣ тѣмъ же чувствомъ, какое я къ вамъ питаю.

— Подумайте, Петръ Михайловичъ, что будетъ изъ любви этой? Я любила васъ любовію благодарности, а теперь буду васъ бояться.

— Вѣрьте, что я не употреблю во зло вашей довѣренности; но нельзя же лишній разъ не поцаловать вашей ручки и не получить отъ васъ настоящаго поцѣлуя. Вы сами сказали, что я дитя, а потому дарите меня вашими поцѣлуями, въ родѣ дѣтскихъ игрушекъ.

Мы разстались въ этотъ вечеръ недовольными другъ другомъ, но впослѣдствіи Марья Петровна начала дарить меня просимыми игрушками, которыя я принималъ съ истиннымъ восторгомъ.

Такъ прошла долгая зима; наступила весна съ своимъ благотворнымъ воздухомъ, и мы съ Марьей Петровной не выходили изъ сада: гуляли, бѣгали, прятались въ кусты смородины, и всѣ эти движенія пересыпали жаркими поцѣлуями. Но пришелъ день моего несчастія. Возвращаясь одинъ разъ изъ палаты, я узналъ, что подруга моя уѣхала съ двоюроднымъ братомъ своимъ въ Оренбургъ. Не умѣя понять причины скорого и тайнаго ея отъѣзда, я только грустилъ о ней, какъ можно грустить о любимой женщинѣ.

Надобно отдать справедливость этой женщинѣ; она имѣла много сильныхъ чувствъ и добрыхъ наклонностей, любила подавать милостыню изъ сдѣланныхъ ей подарковъ и внимательна была къ больнымъ. Если бы женщина эта получила приличное образованіе, она могла бы осчастливить не такого мужа, какого ей послала судьба.

Я продолжалъ грустить не на шутку, и бродилъ одинъ въ саду, мечтая о Марьѣ Петровнѣ; каждый кустикъ и каждая дорожка напоминали мнѣ ея отсутствіе. Но всему есть конецъ; наступило время охоты, явился Мавринъ съ предложеніемъ ѣхать въ мѣста лѣсныя и болотныя. Начались тѣ же раннія вставанья, хлопоты, сборы и рассказы о неудачной стрѣльбѣ. Надобно замѣтить, что я

въ продолженіе зимы перерядился въ настоящаго охотника и даже приобрѣлъ, съ помощію Маврина новую собаку — Трезора, вмѣсто Валета....

Итакъ, мы съ Мавринымъ продолжали охотиться почти ежедневно; я уже безъ помощи моего товарища могъ отыскивать тетеревей, куропатокъ и разную болотную дичь, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ Мавринъ неказалъ мнѣ охоту на вальдшнеповъ. Но эта дичь мнѣ не давалась: длинноносые такъ быстро мелькають между деревьями, что надобно быть очень хорошимъ стрѣлкомъ, чтобы изъ десяти выстрѣловъ не сдѣлать промаховъ наполовину, и я считалъ за счастье, если изъ десяти убивалъ двухъ. Съ наступленіемъ половины октября, вальдшнепы стали пропадать и наконецъ совсѣмъ исчезли. Охота прекратилась, осталась одна стрѣльба тетеревей съ подѣзду по первому свѣгу, но я не могъ воспользоваться этой охотой, потому что меня увезли къ роднымъ, въ деревню.

VII.

Наступилъ новый годъ; въ этотъ день обыкновенно отправлялись, какъ и нынче, съ визитами, а должностныя лица — съ поздравленіемъ, раздѣваясь въ своихъ треугольныхъ шляпахъ безъ султановъ, въ мундирахъ, съ высокими голубыми воротниками безъ всякаго шитья. Мундиръ, шпага и шляпа, одинакаго вида и покроя, принадлежали какъ предсѣдателю, такъ и послѣднему чиновнику, не имѣя никакого различія. Одни статскіе совѣтники имѣли на шляпахъ плюмажъ изъ страусовыхъ перьевъ, а недостаточные замѣняли ихъ гусинымъ пухомъ. Всѣ статскіе, отъ мала до велика, были въ большомъ волненіи въ день новаго года; малкіе чины отправлялись прежде всего къ секретарю съ поздравленіемъ. Секретарь, какъ гусиный вожакъ, ѣхалъ съ ними всегда самъ впереди, имѣя за собою огромной хвостъ ѣдущихъ въ саняхъ, санкахъ и пошевняхъ, покрытыхъ коврами — цѣльными, дырчатыми и коврами сдѣланными изъ покровокъ. Вся эта ватага заѣзжала прежде къ совѣтнику, потомъ общей гурьбой къ предсѣдателю, который, поговоривши съ чиновниками, заслуживающими особенное вниманіе, о предметахъ службы, погодѣ или особенныхъ происшествіяхъ, потомъ со всѣми вмѣстѣ ѣхалъ къ начальнику губерніи. Тамъ уже находили всѣхъ служащихъ и почетное купечество. Зала наполнялась, чуть-чуть не до потолка. Крупные чины ходили по комнатѣ, разговаривая тихомолкомъ, съ разными улыбками, ужимками и тѣлодвиженіями.

Мелкіе чины находились въ почтительномъ отдаленіи близъ стѣны, не перемѣняя своей позы, какъ вешки, поставленныя землемѣромъ:

Но вотъ пробѣжалъ шопоть: «идеть! идеть!» Глаза всѣхъ устремились на дверь кабинета, изъ котораго является начальникъ губерніи; его встрѣчаетъ сотня поклоновъ, онъ тоже раскланивается, вездѣ слышны повторенія: «съ новымъ годомъ! съ новымъ годомъ!» Губернаторъ нѣкоторыхъ занимаетъ разговорами о здоровьѣ, погодѣ и кончаетъ словами: «пора къ обѣднѣ, господа», и всѣ отираются въ церковь.

Надобно сказать нѣсколько словъ о Ефимѣ Тимофеевичѣ, секретарѣ палаты: онъ не любилъ, чтобы его поклоны оставались безъ вниманія (а въ большомъ обществѣ нельзя замѣтить поклона каждаго); поэтому онъ прежде всѣхъ бѣжалъ на крыльцо и тамъ, увидѣвши выходящаго губернатора, нѣсколько минутъ топтался на мѣстѣ, и лишь только замѣчалъ, что начальничи взоры обращались на него, сейчасъ опрокидывалъ свою голову назадъ и съ размаху дѣлалъ поясной поклонъ, потомъ другой, за нимъ третій; въ это время поясница его была какъ на шарнирѣ; довольный своимъ успѣхомъ, онъ также ѣхалъ въ церковь. По окончаніи обѣдни, мелкіе чины ѣхали домой обѣдать, а крупные приглашались къ начальнику губерніи.

Въ этотъ день отецъ мой также былъ одѣтъ въ свой губернской мундиръ и, сдѣлавши визиты, возвратился домой, приказалъ мнѣ надѣть фракъ и ѣхать съ нимъ къ губернскому предводителю: «пора тебя представить его превосходительству, я такъ много пользуюсь его вниманіемъ, что мнѣ непростительно до сихъ поръ не показать тебя». И мы поѣхали.

Предводитель принялъ насъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ былъ еще въ халатѣ и зеленыхъ туфляхъ; это былъ худощавый старичокъ довольно высокаго роста, глаза и всѣ черты лица его показывали особенную доброту; при свѣжести своей онъ имѣлъ ловкость въ пріемахъ и вообще скорыя тѣлодвиженія.

Не успѣли мы войти въ кабинетъ и поздравить съ новымъ годомъ, какъ предводитель предупредилъ насъ.

— Съ новымъ годомъ поздравляю! сказалъ онъ, подавая руку отцу моему. — прошу садиться, вы уже облетали половину города, а я, какъ видите, не трогаюсь съ мѣста, да и тяжело въ мои дѣта исполнять всѣ свѣтскія приличія.

— Имѣю честь представить вашему превосходительству моего сына.

— Знаю, знаю, сказалъ предводитель; помню, когда ему выдалъ свидѣтельство. Да какой онъ у васъ молодецъ сталъ и мастеръ такъ

довать! Я его часто видалъ въ маскарадахъ. Ну что, мой милый, статская служба тебѣ понравилась, теперь забылъ объ военной?

— Я всегда желалъ служить въ военной службѣ, ваше превосходительство, и теперь за счастье бы счелъ исполнить мое желаніе, — сказалъ я.

— Такъ за чѣмъ же дѣло? — Съ Богомъ, поѣзжай! Вы вѣрно его отпустите, Михаилъ Ивановичъ? Я дамъ ему письмо къ Павлу Антоновичу и увѣренъ въ этомъ генералѣ, что онъ все для меня сдѣлаетъ — опредѣлитъ и доставитъ случай скорѣе быть офицеромъ.

— Вы такъ милостивы, ваше превосходительство, что я почту за счастье отправить моего сына по вашему назначенію.

— Съ Богомъ! сказалъ предводитель: — кстати, ты отвезешь отъ меня бумаги генералу; онъ просилъ меня внести его въ дворянскую книгу по здѣшней губерніи и выслать грамоту. Она готова, и ты доставь лично Павлу Антоновичу. Между тѣмъ дайте мнѣ знать, когда у васъ все будетъ готово къ отправленію; я приготовлю письмо.

Мы раскланялись и поѣхали домой.

— Прощай палата! закричалъ я, входя въ комнаты нашего дома. Прощайте бабушка! судьба моя рѣшена, я отправляюсь въ военную службу.

— Въ лѣсъ или въ болото? сказала старушка. — Чѣмъ выдумывать сказки, лучше не хочешь ли пирожка съ малосольной севрюгой?

— Какія сказки, бабушка! Я васъ увѣряю, что это не выдумка. Самъ предводитель будетъ хлопотать объ моемъ опредѣленіи, даеть письмо къ генералу и отправляетъ со мной очень нужныя бумаги. Слава Богу, я скоро избавлюсь отъ названія подъячаго, отъ этого пьянаго поколѣнія, чернильныхъ душъ взяточниковъ.

— Если это правда, Петруша, то я сама рада; мнѣ всегда хотѣлось, чтобы ты служилъ въ военной службѣ. Жаль одного, — что ты привыкъ здѣсь, да и жалованье тебѣ прибавили; да скажу и по пословицѣ: тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.

— Эта пословица, бабушка, нейдетъ къ моему положенію; вы не можете знать, что дѣлается въ палатѣ... Я теперь сталъ понимать себя, такъ право совѣстно быть между подобными людьми: такова эта палатская сволочь.

— А секретарь — развѣ сволочь какал? Онъ человѣкъ богомольный, всякій праздникъ въ церкви Божіей, самъ ставитъ свѣчки къ святымъ образамъ, а по окончаніи обѣдни раздаетъ нищимъ милостыню, — человѣкъ очень добродѣтельный, да и поведенія самого трезваго... А какъ хвалилъ тебя, что ты хорошо пишешь, и ведешь себя прекрасно!

— Вы, бабушка, не знаете этого человека и всѣхъ его подлостей. Я до сихъ поръ ничего не говорилъ. Помните, когда я былъ съ маленькой у теткн и просрочилъ недѣлю, — какъ вашъ хваленый на меня закричалъ: «какъ ты смѣлъ, мальчишка, просрочить? шатаешься только на охотѣ; безъ обѣда его, — въ чуланъ запереть! приказывалъ онъ гнѣвно столоначальнику. Вотъ вамъ и добродѣтельный человекъ!»

— Ахъ онъ, каналья! вскричала бабушка: — антихристъ проклятый! пугало гороховое! Да съ чего это онъ взялъ обращаться такъ съ ребенкомъ? Пугачовъ, мой матушки, настоящій Пугачовъ... даи Пугачовъ этого не сдѣлаетъ! Запереть въ чуланъ! Нѣтъ, голубчикъ мой, я этого не потерплю: я дочь коменданта, со мной онъ дешево не раздѣлается... Глаза-то у него и такъ плохо видать, да Богъ еще накажетъ не такъ за его злодѣянія. Здѣсь намъ хорошо, каково-то будетъ на томъ свѣтѣ? какъ отдашь отвѣтъ въ грѣхахъ нашихъ? Страшенъ смертный часъ, Ефимъ Тимофеевичъ, страшенъ... обѣда великое дѣло... обидѣть человека не долго, — какъ будешь отвѣчать?

— Вы говорили, бабушка, что онъ очень богомоленъ.

— Все личина, батюшка, одна личина! Онъ ставитъ свѣчку, а самъ думаетъ, какъ бы уязвить человека. Ну, да погоди, я ему выпою порядкомъ.

— Оставьте его въ покоѣ; завтра я подаю просьбу объ увольненіи, слѣдовательно, мы больше не увидимся, да и къ тому же онъ только накричалъ, а не исполнилъ наказанія на дѣлѣ.

— А зачѣмъ страшать, батюшка? Не ровень часъ — можетъ испугъ и болѣзнь приключиться; ему съ пьяной-то рожей хорошо покрикивать! Я право радехонька, что ты рѣшился идти въ военную службу.

Скоро пріѣхала матушка отъ обѣдни, узнала о переѣздѣ моей службы, немного поплакала, и вотъ на другой день всѣ въ домѣ принялись шить, кроить; посадили дѣвушекъ — кого стегать одѣяло, кого шить бѣлье, вязать носки, точно собирали невѣсту; недоставало только пѣсенъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ полное увольненіе отъ статской службы, нужныя бумаги были готовы. Отецъ съѣздилъ къ предводителю, привезъ письмо къ генералу и его грамоту, для которой сдѣлали особенный ящикъ, чтобы сохранить ее, какъ святыню.

Стали искать случая, съ кѣмъ бы я могъ отправиться въ Калугу, гдѣ расположенъ былъ квартиранъ полкъ, въ который я долженъ былъ поступить на службу. Случай нашелся скорѣе, нежели кончились мои сборы въ дорогу.

Явился какой-то небольшой человекъ, съ краснымъ лицомъ; онъ своимъ ростомъ походилъ на дѣтскую куклу большого размѣра, это былъ небогатый помѣщикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ управляющій боль-

шаго имѣнія у другаго владѣльца. Этотъ господинъ долго торговался о прогонахъ и вообще о путевыхъ нашихъ расходахъ; наконецъ все устроилось благополучно.

Бѣлье и прочія принадлежности готовы, чемоданъ купленъ, въ конецъ одѣяла зашили небольшой бумажникъ, съ деньгами, чтобы не могли быть потеряны. Наконецъ, все было готово къ отъѣзду; проводы, слезныя прощанья, сдобныя булки и кокурки были въ такомъ же порядкѣ, какъ и предъ отправленіемъ моимъ въ Казань.

И вотъ я въ Москвѣ! Первымъ долгомъ моимъ было исполнить совѣтъ родныхъ быть у св. мощей, у Иверской Божіей Матери, въ соборахъ: Успенскомъ и Архангельскомъ и въ Чудовомъ монастырѣ. Потому слазилъ я на колокольню Ивана Великаго, взглянулъ на царь-пушку, на огромный колоколъ, который тогда былъ еще въ землѣ. Не имѣя знакомыхъ, я думалъ, что мнѣ трудно будетъ въ такомъ большомъ городѣ отыскать всѣ достопримѣчательности, но за деньги, и очень небольшія, нашлось много руководителей.

Прошло семь лѣтъ послѣ неудачнаго визита, сдѣланнаго Наполеономъ нашей древней столицѣ, но слѣды пожара замѣтны еще были на всякой улицѣ. Обгорѣлые каменные дома, какъ черные великаны, стояли рядомъ съ домами уже отдѣланными и представляли собой большой контрастъ; изъ бывшихъ деревянныхъ домовъ торчали только однѣ высокія трубы. Будущую Москву, какъ она должна быть въ своемъ блескѣ и величіи, возили еще безпрестанно по улицамъ; она состояла изъ кирпичей, глины, песку и лѣса; все загромождено было матеріалами для стройки; на одной сторонѣ улицы носятъ кирпичи, приготовляя къ будущей кладкѣ; на другой плотники, съ своимъ крикомъ и пѣснями, поднимаютъ огромную балку, рабочіе и владѣльцы домовъ кипятъ какъ въ муравейникѣ.

Мы пробывши въ Москвѣ два дня и отправились въ Калугу; здѣсь разстался я съ моимъ спутникомъ. Онъ уѣхалъ въ какую-то деревню, и я узналъ, что генераль, къ которому было отъ предводителя письмо и грамота, находился въ городѣ Б.... Въ этомъ городѣ и еще въ городѣ В.... расположена квартирами его бригада. Я нашелъ лошадей и въ теченіе семи или восьми часовъ былъ въ Б.... Надобно знать, что я еще имѣлъ письмо отъ одного старичка Аправица, занимающаго въ нашемъ городѣ значительную должность. Этотъ старичокъ просилъ меня доставить письмо родному его племяннику той же фамиліи, служащему подпоручикомъ въ полку, въ который я намѣренъ былъ опредѣлиться.

Я остановился на постояломъ дворѣ у одного мѣщанина и помѣстился въ одной комнатѣ съ хозяиномъ, отъ котораго узналъ, что генераль отчаянно боленъ. Это извѣстіе сильно меня опечалило

и поставило въ грустное размышленіе о будущемъ моемъ опредѣленіи.

— Что, батюшка, задумался? сказала словоохотливая хозяйка; въ это время варившая рыбу: — или сгрустнулось о маменькѣ?

— Нѣтъ, хозяйюшка, я думаю о болѣзни генерала; я къ нему имѣю письмо объ опредѣленіи меня на службу.

— Что тебѣ енаралъ, батюшка! Здѣсь много военныхъ — и полковниковъ, и майоровъ, ну, къ нимъ письмо и отнеси!... А вы изда-леча ли?

— Родина моя отсюда тысячу верстъ.

— Въ городѣ, или въ деревнѣ тамъ проживаете?

— Въ городѣ, на Волгѣ.

— А! на Волгѣ, — сколько у васъ рыбы-то, чай! Не то, что наше горе! Вотъ заплатила за какую дрянь рубль двадцать копѣекъ, — смотрѣть не на что? Пожилъ бы тамъ, пожилъ!... Пролымымъ лѣтомъ кумъ Матвѣй ходилъ на Волгу въ заработки, вотъ чудесъ-то насказалъ про вашу Волгу... Этой рыбы, говорить, видимо не видимо: осетровъ, севрюгъ, лещей, а ужъ стерлядей — такъ, говорить, полѣвницы на берегу и лежать, покупають по самой дешевой цѣнѣ... Да на что покупать? запрету въ ловлѣ нѣтъ. Сберетса мужиковъ пять или шесть человекъ, отъѣдутъ, говорить, на лодкѣ сажень на десять, да шестами и гонють, бухъ! бухъ! А рыба-то сердечная, все къ берегу да къ берегу, а тутъ ужъ бабы и ждуть съ рѣшотами и давай вытаскивать, да въ воза, да въ воза!.. Эко приволье, подумаешь ты!.. А какъ, говорить, весной эта Волга разливаается, глазъ не возьметъ; верстъ на сотню все такъ и потопить... Вотъ эвтимъ-то только нехорошо: чай вамъ страшно жить, въ часъ свесеть цѣлую слободу?

— У насъ, хозяйюшка, дѣйствительно рыбы много и не такъ дорога; но чтобы изъ нея лежали полѣвницы и чтобы былъ такой ловъ, какъ говорить твой кумъ, такъ это сущая ложь, да и разливу такого нигдѣ нѣтъ, даже при самомъ впаденіи рѣки въ море.

— Такъ, батюшка, такъ! Я и сама думаю, что кумъ видно прихвасталъ немного: статное ли дѣло рыбѣ въ полѣвницахъ лежать! ну, а вода-то, чай, у васъ солена-пресолена?

— Почему ты такъ думаешь?

— Какъ же? Вѣдь рѣка-то течетъ изъ моря, — извѣстное дѣло, морская вода соленая.

— Въ Волгѣ, хозяйюшка, вода такая же, какъ и у васъ, прѣсная и очень вкусная; рѣка не течетъ изъ моря, а въ него впадаетъ.

— А что, правда ли это, батюшка, что въ вашей Волгѣ есть мѣста, которыя никогда не замерзаютъ, и на этомъ мѣстѣ вода кипитъ, словно въ котлѣ?

— Мѣста эти на Волгѣ дѣйствительно есть, и они называются полыньями; вода въ нихъ не кипитъ, но въ большіе морозы идетъ паръ, потому что вода много теплѣе воздуха...

На другой день я отправился къ поручику Аправину; онъ принялъ меня такъ ласково и оказалъ столько участія ко мнѣ, неопытному мальчику, совѣмъ ему незнакомому, что я до сихъ поръ отдаю ему душевную благодарность. Онъ пригласилъ меня жить у него на квартирѣ, и сейчасъ приказалъ на своей лошади перевезти къ себѣ мое имущество, заключавшееся въ одномъ чемоданѣ и кожаной подушкѣ. Здѣсь я встрѣтилъ много офицеровъ, съ которыми не замедлилъ познакомиться меня Аправинъ. Не выдавши прежде въ сборѣ военныхъ, я плѣнился ихъ жизнію, истинно нараспашку: здѣсь видишь играющихъ въ карты, тамъ разговаривающихъ съ большей энергіей объ охотѣ, а тутъ спорящихъ о прошедшемъ ученьи и распеканціи отъ полковника... Вотъ еще одинъ рассказываетъ товарищу своему любовное похождение и полученную записку! Все это смѣшано въ одной небольшой комнатѣ. А какіе разнообразныя костюмы на молодомъ этомъ обществѣ! Нѣкоторые въ сюртукахъ съ эполетами и безъ эполетъ, находящіеся въ должности или возвратившіеся изъ развода въ мундирахъ и шарфахъ, а вотъ нѣсколько лицъ въ халатахъ; были нѣкоторые даже въ сорочкахъ. Хозяинъ квартиры занималъ одну изъ штабныхъ должностей; а у господъ этихъ собраніе офицеровъ всегда многочисленно.

Аправинъ прочиталъ письмо своего дяди. «Очень радъ, сказалъ онъ, помочь вамъ моимъ совѣтомъ и сдѣлать все, что отъ меня будетъ зависѣть, но теперь, къ вашему несчастью, генералъ крѣпко не здоровъ, и въ болѣзненномъ состояніи едва ли можетъ заняться вашимъ дѣломъ. Согласитесь сами, что больному не до того, чтобы чѣмъ нибудь заниматься; онъ даже не командуетъ бригадою, а исправляетъ эту должность нашъ полковой командиръ. Вы куда намѣрены опредѣлиться, въ нашъ полкъ, или который квартируетъ въ В?»

— По сдѣланному мнѣ вами приему, я желаю служить съ вами, да и зачѣмъ ѣхать въ другой городъ, когда полки совершенно одинаковы.

— Но можетъ быть вы имѣете тамъ знакомыхъ, а на меня, пожалуйста, не надѣйтесь; я въ будущемъ сентябрѣ подаю въ отставку, но до тѣхъ поръ употреблю все стараніе чтобы быть вамъ полезнымъ. Завтра вы поѣзжайте къ генералу; приметъ онъ васъ или нѣтъ, но письмо и грамоту отвезти должно непременно.

На слѣдующее утро для меня заложили лошадь, и я отправился къ генералу, имѣя при себѣ письмо нашего предводителя и небольшой ящикъ съ грамотою.

— Генераль никого не принимасть, сказалъ мнѣ человекъ, когда я вошелъ въ прихожую.

— Доложи его превосходительству, что я привезъ письмо отъ... губернскаго предводителя, и сверхъ того имѣю къ генералу грамоту, которую приказано мнѣ отдать лично.

Человекъ пошелъ съ докладомъ и, возвратившись чрезъ нѣсколько минутъ, сказалъ: «пожалуйте!» Меня провели огромной залой, черезъ гостиную, устланную мягкими коврами, и потомъ въ самую спальню. Генераль лежалъ на широкой кровати, въ одной сорочкѣ, подъ бѣлымъ одѣяломъ, закрывавшимъ его до половины груди, и обложенъ подушками; ему было повидимому съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, черные бакенбарды рѣзко отдѣлялись отъ блѣднаго его лица, не совсѣмъ еще исхудалаго. Генераль былъ, какъ мнѣ показалось, совсѣмъ не въ такомъ опасномъ положеніи, какъ объ этомъ говорили. Подлѣ самой кровати сидѣла въ креслахъ довольно полная дама, въ бѣломъ утреннемъ капотѣ, имѣя въ рукахъ стаканъ, наполненный водою, въ которомъ она мѣшала чайной ложкой, вѣроятно какой нибудь порошокъ. Эта дама была генеральша.

Я, сказавши мою фамилію, подалъ съ поклономъ письмо и ящикъ съ грамотою.

«На, читай», сказалъ генераль женѣ своей. Генеральша прочитала письмо, въ которомъ, послѣ многихъ привѣтствій, говорилось о посылкѣ грамоты и наконецъ объ моемъ опредѣленіи въ его бригаду.

— Вотъ кстати, сказала, генеральша, указывая при этомъ на меня: — его отправить въ В.

— За чѣмъ въ В? спросилъ генераль.

— Какъ же, мой другъ, туда завтра есть оказія, и его отвезуть безъ наемки лошадей.

— Эхъ, матушка, все ты не то говоришь.

— Какъ же, душенька, есть случай,—за чѣмъ же пропускать его?

— Да какой случай, и зачѣмъ случай!

— Какъ какой случай! Развѣ ты забылъ, что отъ насъ завтра въ В. ѣдетъ пара лошадей? Ты въ болѣзни нечего не помнишь.

— Очень помню, что ѣдутъ отсюда лошади; но что же тутъ съ нимъ общаго?

— Ты не хочешь меня понять, мой другъ: наши лошади пойдуть совершенно пустыя, его и отвезуть въ В., и ты этимъ сдѣлаешь одолженіе молодому человеку.

— Боже мой, что ты наговорила! Да скажи пожалуйста, — ему-то зачѣмъ ѣхать въ В?

— Чтобы тамъ опредѣлиться въ полкъ.

— Да это, матушка, надобно его спросить, куда онъ желаетъ опредѣлиться. Ты какой выбираешь полкъ, чтобы поступить на службу.

— Позвольте, ваше превосходительство, мнѣ опредѣлиться въ полкъ, который квартируетъ здѣсь: я имѣю знакомаго господина Аправина, который принялъ во мнѣ живое участіе.

— Ну, видишь ли, матушка, онъ желаетъ служить здѣсь, а ты его въ В. отправляешь, только для того, что лошади наши пойдутъ пустья, — хорошо одолженіе! — Скажи отъ меня Аправину чтобы, онъ похлопоталъ о твоёмъ опредѣленіи, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Спасибо за грамату, ну теперь ступай съ Богомъ!

Просьба съ надлежащими бумагами на другой день была подана.

Обязательный Аправинъ представилъ меня командиру полка; опредѣленіе послѣдовало очень скоро, и я черезъ нѣсколько дней ходилъ въ военномъ мундирѣ съ золотыми галунами. Аправинъ оставилъ меня у себя жить до тѣхъ поръ, когда полкъ соберется на тѣсныя квартиры, то есть расположится въ самыхъ ближнихъ деревняхъ къ городу. Итакъ я прожилъ у Аправина болѣе мѣсяца, и въ это время могъ видѣть многихъ офицеровъ полка.

VIII.

Прошла половина апрѣля, грязь на улицахъ стала высыхать, рѣки вошли въ берега свои, наступила тихая и теплая погода. Полкъ расположился тѣсными квартирами. Меня зачислили во вторую роту. Фельдфебель этой роты пріѣхалъ въ городъ по дѣламъ службы и предложилъ мнѣ отправиться, вмѣстѣ съ нимъ, на ротный дворъ, находящійся въ 5 верстахъ отъ города. Поблагодаривши Аправина за всѣ его одолженія, для меня сдѣланныя, я поѣхалъ въ роту, которою командовалъ капитанъ Котовичъ. Это былъ человекъ лѣтъ тридцати пяти; рябое лицо, тупые сѣрые глаза и вообще отвратительная наружность мало предсказывали хорошаго. Онъ былъ сутуловатъ и смотрѣлъ изподлобья; лицо его, всегда надутое, казалось и было какъ будто покрыто масломъ, — оказалось, что онъ любилъ выпить тайнымъ образомъ. Во всѣхъ манерахъ его видѣлась какая-то неловкость и натянутость. Жестокость его къ нижнимъ чинамъ изумила бы въ нынѣшнее время самаго строгаго служаку. Котовичъ принялъ меня довольно грубо, спросилъ о мѣстѣ

моего жительство, дѣлалъ разные наставленія, предупреждалъ о тѣхъ порокахъ, о которыхъ я не имѣлъ еще никакого понятія.

«Я не люблю баловать матушкиныхъ сынковъ, сказалъ капитанъ: — у меня прошу вести себя прилично вашему званію и быть совершеннымъ солдатомъ, находиться всегда съ нами, а не шататься по офицерскимъ квартирамъ, какъ это дѣлается въ другихъ ротахъ; займитесь службою и чтобы вы непременно могли встать во фронтъ къ будущему лагерю. Теперь ступайте!» Я сдѣлалъ поклонъ и хотѣлъ выйти изъ комнаты. «Постойте, сказалъ капитанъ: — вамъ надобно зашѣлкать: когда вамъ приказываютъ идти, вы должны сказать начальнику: «счастливо оставаться, ваше благородіе!» и поворотиться на лѣво кругомъ, да не размахивать руками, шапку всегда держать въ лѣвой рукѣ, воротникъ застегнуть на всѣ крючки. Вотъ и теперь у васъ верхній крючокъ не застегнуть, а это означаетъ своевольство и неуваженіе къ начальнику. Ступайте!»

Хорошъ гусь, подумалъ я, выходя изъ комнаты капитана. Незавидная моя квартира, состоявшая изъ курной избы, грубое обращеніе новаго моего начальника и совершенное одиночество — заставили меня грустно подумать о будущей моей жизни. Что же будетъ далѣе, разсуждалъ я, если съ неопытнымъ мальчикомъ, незнающимъ еще службы, такъ обходятся и дѣлаютъ подобныя замѣчанія?...

Рано поутру на другой день въ окошко моей квартиры сильно постучался ефрейторъ и во весь голосъ прокричалъ приказаніе:

«Выходить на рогное ученье! Одѣваться въ старыя мундиры, въ боевой амуниціи, кивера въ чехлахъ безъ султановъ!»

Я вскочилъ съ своего убогаго ложа и не зналъ за что приняться.

Я имѣлъ уже всѣ солдатскія принадлежности и полное обмундированіе, но слова: «въ боевой амуниціи» поставили меня въ тупикъ. Къ утѣшенію моему, со мной квартировалъ солдатъ, которому я былъ отданъ на попеченіе. Эти старыя солдаты называются дядьками; всякаго рекрута отдаютъ подобнымъ дядькамъ. Солдатъ разъяснилъ мнѣ, въ чемъ состояло приказаніе; онъ тщательно одѣлъ меня, осмотрѣлъ, и мы вышли къ собиравшейся на улицѣ ротѣ. Огромная бадушка, обтянутая клеенкой, надѣтая на мою голову, называлась киверомъ. Эта кадушка, при малѣйшемъ движеніи, на тулѣ своей такъ вертѣлась на головѣ, что безпрестанно угрожала паденіемъ, и жала объемъ головы до невозможности. Фельдфебель сдѣлалъ расчетъ ротѣ и повелъ ее къ капитанской квартирѣ. Вышелъ нахмуренный капитанъ, въ сюртукѣ съ эполетами и въ шапкѣ безъ козырька; верхъ этой шапки былъ прижатъ почти къ самымъ глазамъ,

она похожа была больше на лепешку, нежели на шапку военного человѣка.

Капитанъ отвелъ роту на лугъ, за околицу, и началъ производить ротное ученье; а меня, какъ незнающаго, поставили съ рекрутами, которые учились въ недалекомъ разстояніи отъ роты. «Рыбаковъ! сказалъ фельдфебель унтеръ-офицеру, обучающему рекрутъ:— возьми къ себѣ дворянина да займись маршировкой; прежде на учебномъ шагѣ съ недѣлю продержатъ надобно, а потомъ и подъ ружье». Рыбаковъ бросилъ на полъ палочку, которую онъ держалъ въ рукахъ; какъ видно для того, чтобы съ нею обучать рекрутъ; — безъ этого нельзя же, вѣдь и фокусникъ, дѣлая различныя штуки, имѣетъ въ рукахъ палочку, — посмотрите, какъ онъ командуетъ разъ, два, три *allop march*, и все по его приказу разомъ исполняется... Кромѣ Рыбакова, всѣ унтеръ-офицеры и ефрейторы при рекрутахъ имѣли въ рукахъ по палкѣ, и порядкомъ нахлыстывали спины и лядвіи молодымъ воинамъ; впоследствии я видѣлъ лично самъ, что рекрутскія ляпки не имѣли времени для заживанія, болячки присыхали на вѣкоторое время къ бѣлью и снова омывались свѣжею кровью, что повторялось каждодневно... И еще удивлялись, что много было бѣжавшихъ! Унтеръ-офицеры, находящіеся во фронтѣ, имѣли по три и четыре палки, затыкая ихъ подъ фалдочки мундира, около спины, и сверхъ того, палки были въ ружейныхъ стволахъ, сколько ихъ могло помѣститься. Къ намъ верѣдко доходили звуки палочныхъ ударовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкіе голоса: «ваше благородіе, помиосердауйте, заставьте за себя вѣчно Бога молить!» Капитанъ не вѣрилъ молитвѣ за него и никакому возгласу. Мнѣ кажется, онъ думалъ, что людямъ, которые такъ умоляли его, совсѣмъ не было больно, потому что его отвратительная рожа, никогда не перемѣняла своего положенія... Выведетъ, бывало, пять или шесть человѣкъ наказывать, а самъ, не обращая на это никакого вниманія, идетъ равнять роту; между тѣмъ выведенные впередъ, съ разными тѣлодвиженіями отъ боли, загнувши руки на голову, просятъ о пощадѣ. Какого же рода были вины этихъ страдальцевъ? Вѣроятно капитанъ наказываетъ ихъ за воровство или пьянство, думалъ я. Нѣтъ! сдѣланныя преступленія были выше этихъ пороковъ: они состояли въ нарушеніи красоты фронта. Напримѣръ, этого солдата бьютъ за то, что онъ, повернувши голову на право, не имѣлъ лѣваго глаза между пуговицъ мундира; (*) другаго пахлыстываютъ за то, что онъ держалъ ружье не совсѣмъ перпендикулярно; третій завалилъ лѣвое плечо; а этотъ маленькій солдатикъ въ средней шеренгѣ поддер-

(*) Мундиры были тогда двубортные.

жалъ тихомолкомъ ружье, отъ усталости лѣвой руки, правую; а вотъ настоящій преступникъ и нарушитель чистоты фронта—не вытянулъ, въ своихъ толстыхъ сапогахъ, носка, подобно танцмейстеру!.. Такого рода вины капитанъ Котовичъ не прощалъ никогда, да и зачѣмъ было прощать, когда служба требуетъ показать себя, по тогдашнему времени, настоящимъ служакою! Котовичъ не только не прощалъ подобныхъ вѣтъ, но и не любилъ наказывать десятками ударовъ: у него больше употреблялись сотни. При подобныхъ наказаніяхъ, онъ кричалъ во все горло: «Полно, пора хватиться; прошло золотое времечко зимнихъ квартиръ; я сквозь пальцы смотрѣлъ; пять-сотъ слишкомъ закачу!» и тому подобное. Когда же давалъ ротѣ опраться, то есть стоять вольно, онъ шелъ осматривать ученье—рекрутъ; если который нибудь изъ нихъ по непривычкѣ къ фронту, держалъ голову не такъ прямо, то капитанъ направлялъ ее кулакомъ, ударяя въ ту сторону, куда надобно наклониться головѣ, а проходя по задней части фронта, онъ билъ эфесомъ шпаги по шлему, а иногда и подъ бока,—это называлось у него «поподчивать скорошнымъ», или «выбить мужичій жиръ». За вины же, сдѣланныя вѣтъ фронта,—нѣяство или буйство съ хозяиномъ квартиры,—капитанъ употреблялъ наказаніе другаго рода: тогда онъ собиралъ роту въ кружокъ, въ который вносилось нѣсколько пучковъ палокъ и розогъ, виноватаго приводили подъ карауломъ и, раздѣвши до послѣдней рубашки, производили по голому тѣлу наказаніе—двадцать пять ударовъ розгами и двадцать пять палками, продолжая эту перемѣну до тѣхъ поръ, покуда наскучить капитану, или захочется выпить водки,—это наказаніе называлось «въ пересыпку». Я всякій день былъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, сначала мнѣ дѣлалось дурно отъ всего, мною видѣннаго, но къ чему нельзя привыкнуть? Видя дѣла такого рода безпрестанно, а особенно въ лагеряхъ, я сдѣлался равнодушнымъ зрителемъ, и смотрѣлъ на это, какъ на явленія весьма обыкновенныя.

Между утреннимъ и вечернимъ ученьями, фельдфебель сажалъ въ мастерскія, находящіяся въ крестьянскихъ сараяхъ, портныхъ, сапожниковъ, этишкетчиковъ и лакировщиковъ за работу: начиналась пригонка портупей, перевязей, ранцевъ и мундировъ. Я въ первый разъ испыталъ въ то время, какъ пріятно находится въ полной походной аммуниціи: не знаю, съ чѣмъ сравнить положеніе человека, одѣтаго во всѣ солдатскія принадлежности и зятянутаго до невозможности, по прежней формѣ. Положеніе это похоже на то, какъ будто бы человекъ опутанъ кругомъ круто веревками, и сго со всѣхъ сторонъ жметъ, какъ тисками, начиная съ панталонъ, которыя были хотя не такъ узки, но натягивались очень туго на помочахъ; внизу, отъ колѣнъ до самаго подъема ноги, на-

дѣвались кожаный краги, подклеенныя холстомъ; онѣ стояли, какъ колъ, и имѣли девять мѣдныхъ пуговицъ, которыя натягивались посредствомъ веревки. Двубортный мундиръ очень туго застегивался на самой талии, потомъ надѣвалась португеза съ тесакомъ, а сверху перевязь съ шестьюдесятью боевыми патронами. Скатанная въ трубку шинель носилась на лѣвомъ плечѣ; она должна имѣть такую длину, чтобы пальцы правой руки едва могли достать концы ея; потомъ надѣвался ранецъ, со всѣми солдатскими вещами. Ранцевые ремни застегивались очень туго, такъ чтобы тяжесть ранца не могла вздернуть ихъ кверху; отъ этой затяжки шинель сильно давила грудь, стѣсняла самое дыханіе. Общая тяжесть нисколько не была уравнена; болѣе страдала лѣвая сторона, на ней была сума съ патронами, шинель и въ лѣвой рукѣ ружье. Амуниція была вся лакированная; во время непарадныхъ учений и похода солдаты обшивали ее разною ветошью, для сохраненія отъ царапинъ. Боже сохрани, если какойнибудь значокъ дѣлался по неосторожности ружьемъ или прижкою.... Какая разыгрывалась буря, если капитанъ находилъ потертымъ какойнибудь ремешокъ! Прежде брался за фельдфебеля, потомъ отвѣчали за это капральный и десяточный унтеръ-офицеры и ефрейторъ: всѣ эти начальствующія лица получали малочные выговоры, потомъ доходило дѣло и до хозяина амуниціи.

Капитанъ рѣдкій вечеръ не пользовался удовольствіемъ послушать пѣсенниковъ, а особенно когда у него собирались капитаны другихъ ротъ и младшіе офицеры. Главное угощеніе составлялъ пуншъ, за которымъ проводили всю ночь пирующие. Пѣсенники, съ бубнами, ложками и тарелками, кричали во все горло съ довольно веселыми лицами, несмотря на то, что у многихъ изъ нихъ не зажили еще малочные удары. Не имѣя на это большой претензіи, а можетъ быть считая необходимою, они, съ криками:

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно! —

принимались качать своего капитана и другихъ офицеровъ. Капитанскія тучныя тѣлеса, полутучныя и худыя молодыхъ подпоручиковъ шибко возносились къ самому потолку капитанской квартиры, за что пѣсенники изъ рукъ своихъ начальниковъ получали — на водку, по рублю, полтиннику, смотря по щедрости летающаго по воздуху.

— Лодку! закричалъ Котовичъ, наполненный уже пуншемъ, ерофичемъ и наливкою. — Лодку!

Чтобы представить лодку, состоящую изъ самихъ ноющихъ, для этого садились на полъ двѣнадцать пѣсенниковъ въ двѣ линіи, по

шести человекъ. Въ срединѣ этой линіи становился одинъ изъ пѣсенниковъ, болѣе знающій свое дѣло, который исправлялъ роль кормчаго, называемаго солдатами по какому-то случаю, есауломъ. Онъ имѣлъ въ рукъ свернутую бумагу, которая замѣняла ему зрительную трубу, безпрестанно похаживалъ между воображаемыми матросами, которые, то и дѣло, переваливаясь съ одного бока на другой, ударяя при этомъ движеніи въ ладоши и представляя какъ будто они гребуть веслами, пѣли «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». По знаку его бумажнаго телескопа, голоса умолкали, матросы ложились на мнимые борта и одинъ изъ нихъ начиналъ спрашивать:

— Господинъ есаулъ, взгляните въ вашу трубу: не видите ли какого нибудь города, острова или непріятельскаго корабля?

Есаулъ наводилъ трубу во всѣ углы капитанской квартиры и, не замѣчая ничего, кромѣ таракановъ и мокрицъ, приказывалъ продолжать плаваніе, которое начиналось также съ пѣсней: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Наконецъ есаулъ, замѣтивъ вдали непріятельское судно, громогласно приказывалъ остановить ходъ лодки, давалъ повелѣніе открывать люки, заряжать пушки, и метался, какъ угорѣлый, на своей палубѣ, примѣтя будто бы близкую опасность. Есаулъ кричалъ: «ребята, надобно спасать капитана».

Всѣ люди, наполнявшіе лодку, бросались къ своему начальнику, и начиналось опять тоже качанье съ пѣснями: «Мы тебя любимъ сердечно».

Капитанскій пиръ кончался засыпаніемъ всѣхъ пирующихъ; пѣсенники распускались. Утренняя заря начинала показываться на востокъ; чрезъ два часа надобно всѣмъ поющимъ и представляющимъ лодку быть на ученьи. Съ грустными лицами и отягощенными отъ проведенной безъ сна ночи глазами, они являлись на ту площадку, гдѣ производилось каждодневное образованіе по фронту. Эта площадка во всѣхъ направленіяхъ была пробита узкими дорожками, выбитыми ногами марширующихъ; тутъ лежали обломки палокъ, напоминавшіе прошедшее ученье, и кусочки бумажекъ, оставшіеся отъ выстрѣленныхъ холостыхъ патроновъ, и мѣсто, гдѣ стоялъ грозный капитанъ. Но, слава Богу, онъ, послѣ весело-проведенной ночи, почиваетъ, — и ученье идетъ одиночное. Молодые подпоручики и прапорщики ходятъ въ отдаленіи, — о чемъ-то разговаривая между собою; занимались учениемъ одни унтеръ-офицеры, — гроза не такъ велика!

Въ это время къ намъ въ роту перевели юнкера Эйбера; онъ служилъ уже болѣе трехъ лѣтъ, въ ожиданіи офицерскаго чина. Эйберъ былъ двадцати двухъ или двадцати трехъ лѣтъ, имѣлъ прекрасную наружность, стройную фигуру, граціозно танцевалъ мазурку, сло-

вомъ сказать—былъ въ полномъ смыслѣ свѣтскій молодой человѣкъ. Въ противность этому, нравственность его была весьма незавидная: онъ игралъ съ молодыми офицерами въ карты во всѣ возможныя игры, пренебрегалъ службою и былъ первымъ воителемъ между кутилами. Онъ былъ дворянинъ Смоленской губерніи, нерѣдко получалъ отъ отца небольшія деньги, которыя онъ испрашивалъ у него подъ разными мнимыми предлогами,—то квартира его сгорѣла и вмѣстѣ казенная аммуниція, то дѣлалась покража изъ его вещей, то начальство приказывало имѣть новую форму, и много подобныхъ несчастныхъ случаевъ, которые онъ мастеръ былъ описывать отцу въ разныхъ небывалыхъ видахъ, съ присовокупленіемъ просьбъ и умоленій о высылкѣ денегъ. Отецъ, вѣроятно погоревавши о несчастіяхъ сына, высылаетъ деньги, но не болѣе половины просимой суммы. Присланныя ассигнаціи немедленно употреблялись на карту и шипучія вина. По назначенію капитана, Эйберъ былъ поставленъ на одной со мною квартирѣ. При немъ былъ крѣпостной человѣкъ, старичокъ подъ шестьдесятъ лѣтъ; примѣрная привязанность къ господину, исполненіе своей обязанности, строгая нравственность и сбереженіе господскаго интереса могли бы изумить каждаго.

Миръ праху твоему, добрый старичекъ, Лукьянъ! Судя по лѣтамъ, ты уже давно долженъ улетѣть въ лучшій міръ... И теперь помню твой высокій ростъ, небольшую сутуловатость, сухое тѣлосложеніе, впалыя щоки, сѣрые глаза, большіе русые бакенбарды, зачесанные всегда книзу, такъ что концы ихъ едва не касались сюртучнаго воротника; онъ тосковалъ какъ, любовникъ, давно не видавшій своей подруги, о своемъ молодомъ господинѣ, который иногда пропадалъ съ квартиры болѣе трехъ дней, и выходилъ за ворота или безпрестанно смотрѣлъ въ окошко,—нейдетъ ли его прокаженный, какъ онъ называлъ его заочно. Зато въ другое время, когда Эйберъ былъ въ должномъ порядкѣ, ходилъ въ свое время на ученье, Лукьянъ не отходилъ отъ воротъ нашей квартиры, посматривалъ безпрестанно въ ту сторону, гдѣ находится господинъ его, и лишь только замѣчалъ, что ученье кончилось, бѣжалъ стариковской рысью ставить самоваръ, встрѣчалъ своего барина въ самыхъ сѣняхъ, спѣшилъ снять съ него аммуницію. «Устали, батюшка, устали,» говорилъ добрый старикъ:—«сейчасъ чай подамъ, отдохните немножко, да не прикажете ли подать умыться, я и воды приготовилъ, все личико—то въ пыли». И старикъ метался въ разныя стороны, не зная, какъ угодить своему господину.

Случалось, Эйберъ являлся навеселѣ, иногда съ выигранными деньгами, которыя высыпалъ съ громомъ на столъ, вызывая добраго Лукьяна.

— Лукьянъ, Лукьянъ! кричалъ Эйберъ: — смотри, я все это выигралъ! Возьми и положи въ шкатулку.

— Что мнѣ вашъ выигрышъ, говорилъ старикъ: — эти деньги бѣсовское навожденіе, нынче выиграли, а завтра спустите и прибавите вдесятеро изъ своихъ. Эхъ, батюшка, Махайло Алексѣевичъ! Подумайте о себѣ, какъ вы себя ведете: чѣмъ бы заниматься службою, какъ другіе дворяне, а вы проводите время за картами съ господами, которые того и смотрять, чтобы замѣть въ чужой карманъ, употреблете разные напитки, — а до офицерскаго чину ихъ и нюхать-то не слѣдуетъ... Теперь не были на четырехъ ученыхъ, — что скажетъ ротный начальникъ! Вотъ какъ поставитъ на часы, или подъ ружья, хорошо будетъ—а! Да по правдѣ сказать,—и подѣломъ: шила въ мѣшкѣ не утаишь, батюшка.

— Ну полно, старый, сказки рассказывать! кричитъ Эйберъ: — давай ужинать, да принеси водку!

— Ужинать сейчасъ накрою, а водки не хотители изъ-подъ лодки; и такъ кажется немного.... тутъ! старикъ поводитъ рукою около головы.

— Что за глупости, кричитъ снова Эйберъ: — тебѣ приказываютъ, а ты вздоръ несешь, скотина!

— Да ужъ воля твоя, мнѣ хоть отпиши батюшкѣ, что я не слушаюсь. Я знаю приказаніе вашихъ родителей: какъ они повелѣли, такъ и будетъ. Да и грѣшно бы было мнѣ старику не высказать вамъ правды; давайте — напишемъ домой: вы свое, а я свое,— кому пришлютъ благодарное слово? По вашему разсужденію только и заслужилъ — скотину... Привыкъ я, батюшка, въ три-тогода къ разнымъ названіямъ; лучше-то видно не заслужу. Богъ съ вами, Михайла Алексѣевичъ! А скажу вамъ по Божески, какъ душу открыть слѣдуетъ, что лучше вы меня домой отпустите, а то не стерплю вашихъ проказы и какъ слѣдуетъ увѣдомлю батюшку.

И онъ отправлялся за кушаньемъ.

— Добрый старикъ... сказалъ мнѣ разъ Эйберъ, по уходѣ Лукьяна: — только страсть его ворчать безпрестанно... Онъ—кочерга старого-лѣса, не знаетъ, что молодому человѣку нужно пожить, какъ требуетъ нынѣшнее время, поиграть въ карты... Безъ этого нельзя же. Вотъ завтра приглашаетъ меня навечеръ... Анна Петровна Бурсакова: какъ отказался? Тутъ будетъ все лучшее общество... Не все же служба.

— Вашъ Лукьянъ, сказалъ я, — говоритъ вамъ по своей преданности; подобной трудно найти въ крѣпостномъ человѣкѣ.

— Только онъ своею преданностію сильно мнѣ надоѣдаетъ. По полученіи офицерскаго чина отправлю его домой, — только вы пожалуйста не говорите ему этого.

— А вы таки, какъ я вижу, старика побаиваетесь, чтобы не написалъ вашему отцу.

— Черта съ два напишетъ! Онъ только страшаетъ своими письмами. Прошлаго года я былъ въ отпуску; подѣзжая къ дому, сказалъ: Лукьянъ! смотри—ни полслова, что видѣлъ и слышалъ... Такъ онъ, я вамъ скажу, и губами не пошевелилъ, сколько его ни спрашивали.

Лукьянъ прекратилъ нашъ разговоръ, принесши намъ ужинать; онъ долго ворчалъ на своего господина, дѣлая ему разныя наставленія и замѣчанія.

— Чѣмъ же вы завтра оправдаетесь передъ капитаномъ, что не были на прошедшихъ ученьяхъ? спросилъ я.

— Оправданія противъ капитана у меня въ карманѣ: вотъ они! И съ этимъ вмѣстѣ онъ вынулъ порядочный пукъ ассигнацій.

— Что же это за деньги? спросилъ я.

— Деньги эти теперъ принадлежать капитану, а онъ такъ жаденъ получать какія бы то ни было деньги: стоитъ только показать ему ассигнаціи, — гнѣвъ его потухнетъ, какъ огонь, залитый водою. Деньги эти прислалъ ему комиссіонеръ, чрезъ нашего квартирмейстера, — вы меня понимаете?

— Нисколько не понимаю: — долгъ ли это какой присланъ капитану, или казенная сумма?

— Да! я и забылъ, что вы еще рекруты! Я вамъ расскажу, какія это деньги. Каждая рота должна получить на двѣсти пятьдесятъ человекъ муки и крупы, по положенію. Этотъ провіантъ долженъ раздаваться обывателямъ, у которыхъ квартируютъ солдаты. Ротные командиры должны представлять въ полковой штабъ квитанціи. По прошествіи мѣсяца капитанъ отправляется по помѣщикамъ и проситъ подписать квитанцію, а фельдфебель собираетъ къ себѣ старшинъ казенныхъ селеній и дворянъ ихъ имѣній, гдѣ не живетъ самъ помѣщикъ, напоить ихъ виномъ до самаго вечера, — и дѣло въ шляпѣ: квитанціи готовы, въ нихъ сказано все опредѣлительно, — что обидѣ и претѣсненій учителямъ чинимо не было, насильнымъ образомъ ни у кого ничего не брато, нижніе чины довольствовались провіантомъ казеннымъ. А этотъ провіантъ и остается въ капитанскихъ карманахъ. Но такъ какъ нельзя же самому ротному командиру продавать муку и крупу, то комиссіонеръ, вмѣсто провіанта, выдаетъ капитанамъ деньгами. Нынче мука—то почти два рубли ассигнаціями за пудъ, такъ сочтите,

сколько въ карманъ положить капитанъ за двѣсти пятьдесятъ чело-
вѣкъ! Онъ запишетъ въ солдатскую экономію рублей пятьдесятъ
ассигнаціями, удѣлитъ частичку квартирмейстеру, такъ какъ дѣла
эти идутъ чрезъ его руки, а остатокъ все еще будетъ великъ. Вотъ
эти-то деньги мнѣ велѣно доставить нашему капитану;—такъ какое
же тутъ взысканіе по службѣ, когда надобно считать деньги, да къ
тому же я знаю, изъ какихъ они источниковъ!

Дѣйствительно капитанъ нисколько не гнѣвался на Эйбера, и то-
варищъ мой снова дѣлалъ по временамъ, безъ позволенія, отлучки,—
за что получалъ только отъ своего Лукьяна замѣчанія и выговоры,
дѣлавшіеся добрымъ старикомъ, иногда съ горькими слезами.

Итакъ мы съ Эйберомъ простояли на одной квартирѣ болѣе
двухъ мѣсяцевъ; въ продолженіе этого времени рота перемѣнила
своего капитана, потому что Котовичъ, команда знаменною ротою,
худо маршировала съ знаменемъ впереди, когда батальонъ шелъ раз-
вернутымъ фронтомъ. Къ намъ назначенъ былъ, предъ самымъ на-
шимъ выступленіемъ въ лагерь, капитанъ Уткинъ. Этотъ чело-
вѣкъ былъ совершенно различенъ во всѣхъ отношеніяхъ съ Котовичемъ.
Строгость къ нижнимъ чинамъ хотя и была, по тогдашнему времени,
обыкновеннымъ дѣломъ, но Уткинъ, много былъ снисходительнѣе
Котовича. Новый капитанъ былъ высокаго роста, совершенный
брюнетъ, черные небольшіе глаза прыгали у него, какъ на прово-
локѣ; онъ очень любилъ заниматься своимъ туалетомъ, сидѣлъ по
нѣскольку часовъ передъ небольшимъ своимъ зеркаломъ и пригла-
живалъ волосокъ къ волоску, имѣя на себѣ утренній разноцвѣтный
халатъ и красныя туфли. Главное щегольство его состояло въ жиле-
тахъ, разумѣется внѣ фронта, и какихъ не было жилетовъ: бѣлые,
красные, желтые, полосатые, клѣтчатые, разныхъ формъ и по-
кроя... Всякій жилетъ имѣлъ различныя пуговицы; болѣе всего,
какъ видно, нравились ему всячія, вызолоченныя. Воротнички
этихъ жилетовъ были и стоячіе, и откладные и просто прямые во-
ротнички, съ висящими четырьмя пуговицами, которыя сходились
одна подлѣ другой. И какъ все это занимало капитана, особенно когда
надѣвалъ красный жилетъ и шелъ гулять по улицѣ, закинувъ назадъ
полы своего сюртука, такъ чтобы вся грудь его была открыта! Какъ
видно, онъ хотѣлъ щегольнуть передъ бабами, или воображалъ себя
гвардейскимъ офицеромъ.

Мы съ Эйберомъ почти каждодневно бывали у новаго капита-
на, который оставлялъ насъ — то обѣдать, то пить чай, и вообще
обходился съ нами очень хорошо.

IX.

Въ половинѣ іюня полученъ приказъ о выступленіи въ лагерь, подъ Калугу. Все засуетилось: принялись укладывать чемоданчики, узелки, оставляя ненужное въ цейхгаузахъ. Наступилъ день похода. До появленія утренней зари, солдаты начали толпиться по улицѣ, укладывая на подводы свои мѣшечки. Фельдфебель бѣгалъ, суетился, собиралъ ефрейторовъ, отдавалъ приказанія, отправлялъ обозъ и, при своемъ энергическомъ состояніи, не забывалъ иногда ударить когонибудь по зубамъ. Барабанъ загремѣлъ сборъ, люди стали строиться, одѣтые въ походную форму, — все было готово къ выступленію. Капитанъ вышелъ изъ своей квартиры, поздоровался съ ротую, скомандовалъ по отдѣленіямъ направо, барабанщикъ ударилъ фельдмаршъ, и люди тихо выступили изъ селенія и чрезъ часъ вышли на большую Калужскую дорогу.

Пѣсенники, вызванные впередъ роты, съ бубнами и тарелками, начали пѣть свою любимую пѣсню:

«Ахъ, весело жить
 Намъ солдатамъ молодымъ,
 Солдатамъ молодымъ
 Гренадерамъ полевымъ.
 Только та наша бѣда —
 Лѣтомъ въ лагеряхъ стоять,
 Поутру рано вставать,
 На ученье поспѣшать...
 Намъ ученье ничего,
 Только, впрочемъ, тяжело.»

Не помню конца этой пѣсни, да врядъ ли и начало приведено мною совершенно точно; она сохранилась кажется до сихъ поръ въ военномъ хорѣ. Въ то время была еще въ употребленіи слѣдующая пѣсня:

«Я желалъ бы быть съ усами,
 И на фалдахъ ключъ имѣть,
 Мундиръ, шитый галунами,
 Саблей, шпорами гремѣть.
 Какъ бы милая Лизета
 Танцевать со мной пошла,
 И искавши эполета,
 Можетъ, сердце бы нашло!
 Посмотрите, какъ танцуетъ,

Какъ прекрасно говорить;
 Какъ прекрасно вальсируетъ
 И усами шевелить!»

Мы съ Эйберомъ, по позволенію капитана, шли въ однихъ португальскихъ, и даже безъ ружей. Такой облегченный походъ казался намъ прогулкою, тѣмъ болѣе, что переходы были не болѣе осьмнадцати верстъ. Наконецъ эта прогулка кончилась; на четвертый день мы подошли къ Калугѣ. Прекрасная погода измѣнила свой характеръ: послѣ сильной грозы съ проливнымъ дождемъ, наступило ненастное и холодное время; дождь лился безпрестанно, сильный вѣтеръ затруднялъ наше шествіе. Въ трехъ верстахъ отъ Калуги мы должны были собраться побатальонно и ожидать приказанія. На этотъ пунктъ мы пришли въ одиннадцать часовъ утра; сюда же вскорѣ прибылъ весь полкъ и явился командиръ полка. Людямъ велѣно составить ружья въ козлы и оправиться, — ожидали, что получимъ приказъ вступить въ городъ съ церемоніей; между тѣмъ на юнкеровъ надѣли всю солдатскую принадлежность. Дождь—то крупными, то мелкими каплями не переставалъ поливать насъ. Конечно, онъ былъ полезенъ для хлѣбныхъ полей, но совсѣмъ не для людей, не имѣвшихъ отъ него никакой защиты. Офицеры набились биткомъ въ какой-то небольшой сарайчикъ, который низкой своей крышей доказывалъ, что тутъ дѣлались когда-то кирпичи. Грязь увеличилась до того, что на дорогѣ нельзя было найти мѣста, гдѣ бы была возможность пройти, не увязнувъ до самой щиколотки. Въ четыре часа въ городѣ заблагоговѣстили къ вечернѣ, но приказанія еще не было; вотъ пять и шесть часовъ — мы оставались въ одномъ ожиданіи; наконецъ, прискакалъ адъютантъ съ извѣстіемъ, что сейчасъ придетъ самъ начальникъ дивизіи, который лично отдастъ приказаніе о вступленіи въ городъ. Полковой командиръ рѣшился ждать его, не одѣвая людей въ парадную форму, по случаю ненастного времени. Со словомъ: «ѣдетъ! ѣдетъ!» люди встали въ ружье; офицеры побѣжали на свои мѣста, батальонные командиры сѣли на лошадей. «Смирно!» — раздалась команда — «отъ ноги!» — «слушай!» — на караулъ!» — Начальникъ дивизіи подѣхалъ къ колоннамъ, поздоровался съ людьми, поздравилъ ихъ съ лагеремъ, — какъ будто съ какимъ-нибудь торжественнымъ праздникомъ! Этотъ генералъ былъ Б. В. П., самый добрейшій человекъ тогдашняго времени; онъ былъ со всѣми деликатенъ, внимателенъ; у него не было слова: «дурно», или какогонибудь громкаго восклицанія съ подчиненными, — все было хорошо. «Золотые мои!» говорилъ онъ обыкновенно офицерамъ, разговаривая съ ними. Много есть еще и теперь служакъ того времени, которые по одному слову: «золотой мой!» сейчасъ узнаютъ его и, воз-

вратившись къ давно минувшимъ днямъ, перекрестятся и попросятъ у Господа царствія небснаго бывшему ихъ начальнику.

— Ну, золотой мой, сказалъ генералъ нашему полковнику: — по случаю ненастной погоды, полку невозможно идти черезъ городъ въ парадъ. Пройдите просто, только безъ малѣйшаго шума. Люди ваши, сохраняя лакированную аммуницію, обшили ее, кто чѣмъ могъ. Это прекрасно, золотой мой; но чтобы они не встрѣтились съ кѣмъ нибудь изъ начальствующихъ лицъ, то въ семь часовъ вечера проведите ихъ въ лагерь небольшими улицами. Въ городѣ корпусный командиръ и начальникъ главнаго штаба, — такъ неловко, если встрѣтятъ полкъ вашъ, обшитый тряпками. Съ Богомъ, золотой мой, завтра увидимся!

Если приказаніе, отданное отъ высшаго начальства, сдѣлано, положимъ, поутру: выводить людей въ семь часовъ; за нимъ, ниже его начальникъ приказываетъ выводить въ шесть, и т. д. Всякій низшій начальникъ, боясь опоздать, назначаетъ часомъ ранѣе; дѣло дойдетъ до трехъ часовъ....

Не такъ случилось теперь. Предварительныхъ распоряженій и сборовъ некогда было дѣлать, и потому мы должны были запоздать. Начальникъ дивизіи приказалъ вести въ семь часовъ, и мы могли быть за-свѣтло въ лагеряхъ; но наше ближайшее начальство распорядилось иначе, боясь и того, чтобъ мы не были открыты, какъ будто подъ непріятельскимъ городомъ. Полкъ двинулся по-ротно въ самыя сумерки. Мы спустились къ самой Окѣ и пошли по ея берегу. Двухдневный проливной дождь, который не прекращался ни на минуту, до того растворилъ глиняный грунтъ берега, что мы съ трудомъ вытаскивали ноги, шагая въ темнотѣ безъ всякаго разбора. Этотъ глиняный растворъ прилипалъ къ ногамъ до такой степени, что каждая нога чувствовала тяжесть пудовой гири. Къ несчастію нашему, берегъ расположенъ былъ косогоромъ; ноги катились внизъ, скользили, перепутывались одна за другую, будучи не въ состояніи держать туловище въ прямомъ положеніи. Темная ночь отъ нависшихъ тучъ усиливала еще больше непріятность нашего путешествія, продолжавшагося по мягкому шоссе болѣе двухъ часовъ. Наконецъ, миновали городъ и вышли на луговину, которая показалась намъ лучше всякаго паркета. Не говоря о себѣ: я отъ усталости едва могъ понимать мое существованіе; но и старые солдаты, привыкшіе къ ранцамъ и боевой аммуниціи, едва тащили ноги. И можно ли быть въ бодромъ состояніи, когда рано поутру пройдено двадцать верстъ, около девяти часовъ простояли на мѣстѣ, ожидая приказанія, не имѣя пищи, кромѣ кусочковъ хлѣба, взятыхъ на случай опытными солдатами, и, наконецъ, прогулялись по мягкой глини,

удерживающей всякій шагъ, слѣданный съ огромною тяжестью на плечахъ? И все это, какъ путешествіе, такъ и стоянка—обмывалось проливнымъ дождемъ!

Но вотъ вдали засвѣтились огоньки, надежда на близкое успокоеніе заставила немного ободриться, въ глазахъ что-то заблѣлось, еще нѣсколько десятковъ шаговъ—и мы въ лагеряхъ. Людей поставили на линейки и стали разсчитывать по палаткамъ: въ каждую палатку приходилось по осьми и девяти человекъ. Я стоялъ, опершись на мое тяжелое ружье, и печально увидѣлъ внутренность капитанской палатки, которая показалась мнѣ царскими чертогами. Въ ней стояла деревянная кровать, совсѣмъ готовая, съ тюфякомъ, одеяломъ и подушками, полъ въ палаткѣ былъ вымощенъ досками. Около самой кровати стоялъ столикъ, на которомъ горѣла свѣча и стояла шкатулка. Если бы предложили мнѣ въ то время нѣсколько сокровищъ, я выбралъ бы одно — чтобы броситься на эту капитанскую кровать. Послѣ долгихъ разсчетовъ, люди стали занимать отведенныя имъ палатки и, при всей усталости, солдаты не замедлили приняться отпущать разныя шутки. Вотъ одинъ гренадеръ, подходя къ отведенному ему съ товарищами холщевому домику, кричитъ воображаемую хозяйку, съ приказаніемъ изготавить ему борщъ или щи, другой здороваётся съ хозяиномъ и проситъ о помѣщеніи аммуниціи въ хорошее мѣсто, третій привѣтствуетъ красныхъ дѣвушекъ, желая имъ прясть, ткать и молодыхъ гренадеръ обнимать и проч. Я вбѣжалъ въ отведенную палатку, скинулъ мокрую шинель, мундиръ, и крѣпко уснулъ на постланной соломѣ. Солдаты пошли ѣсть кашу, которая заранѣе готовилась имъ, посланными впередъ хлѣбопѣками и кашеваромъ.

На другой день погода прояснилась, солнце взошло безъ тучъ и разлило свою отрадную теплоту; мошки и бабочки ожили и стали кружиться въ воздухѣ съ обыкновеннымъ пискомъ; ласточки своимъ высокимъ полетомъ предвѣщали продолжительную хорошую погоду.

Полкъ на утренней зарѣ ушелъ въ парадной формѣ за заставу, съ тѣмъ, чтобы съ церемоніей вступить въ городъ. Мы съ Эйберомъ остались въ лагеряхъ, — я по случаю неумѣнья находиться еще во фронтѣ, а онъ по болѣзни, которой, повидимому, вовсе не было. Еще съ вечера капитанъ приказалъ отвести намъ особенную палатку, въ которую мы поутру не замедлили переселиться.

— Скажи пожалуйста, гдѣ ты находился вчера вечеромъ, когда мы месили глину и илъ? спросилъ я Эйбера:—я тебя не видалъ при ротѣ.

— Ахъ вы, простаки, отвѣчалъ онъ:—что мнѣ за охота таскаться за вами и по ночамъ любоваться теченіемъ Оки? Вы народъ молодой, вамъ пройти по колѣно въ грязи ничего не стоитъ, а я — вотъ

видишь, что сдѣлалъ: лишь только рота повернула къ спуску рѣки, я — въ первый попавшійся мнѣ переулочекъ и мелькнулъ въ городъ, взявъ встрѣчнаго извозчика и пріѣхалъ сюда въ лагерь, никѣмъ въ потьмахъ не замѣченный, покойно и скоро; остановился у офицера, который находился здѣсь для разбивки лагеря, у него поужиналъ и спалъ всю ночь препокійно, и теперь къ твоимъ услугамъ.

— Что же ты не пригласилъ меня съ собою? Хорошо товарищъ! Не хотѣлъ избавить отъ труднаго путешествія, которое утомило меня до такой крайности, что я до сихъ поръ не могу опомниться.

— Зачѣмъ вамъ, сударь, перенимать дурное? сказалъ Лукьянъ: — мой баринъ бьетъ на всѣ руки, — какъ разъ втянетъ васъ въ такую вершу, что и не выльзешь. Какъ можно, батюшка, отлучаться отъ роты и шататься въ городъ въ непристойныхъ мѣстахъ.

— Что ты, старый дуракъ, такую дичь порешь? Или видѣлъ дурной сонъ и до сихъ поръ не можешь проснуться? возразилъ Эйберъ.

— Хорошо, если бы это было во снѣ, а то, къ несчастію, наяву, сказалъ Лукьянъ: — я васъ, сударь, противъ Петра Михайловича скрывать не стану. Во-первыхъ, хорошо ли вы сдѣлали, что отлучились самовольно, взяли извозчика и заѣхали въ какой-то трактиръ, и тамъ....

Эйберъ покраснѣлъ.

— Молчи, старое помело, вотъ какую сказку выдумалъ! Или не проснулся еще порядкомъ?

— Я же выдумалъ! Такъ знайте же, мнѣ все извѣстно, я васъ на прокараулилъ, моего голубчика. Вы пріѣхали на извозникѣ, который разсказалъ мнѣ, что вы взяли его изъ нижней улицы, подѣхали къ трактиру, скинули ранецъ и всю аммуницію, положили на дрожки, а сами побѣжали на лѣстницу каменнаго дома. Въ трактирѣ были, сударь, въ трактирѣ! сказалъ шопотомъ Лукьянъ, боясь, чтобы ктонибудь его не подслушалъ: — ну, если я вру, то гдѣ восемь рублей съ полтиной, которыхъ у васъ нѣтъ въ кошелькѣ? Деньги у меня всѣ на счету. Да и пріѣхали-то, знаете, немного того.... Эти слова старикъ сказалъ еще тише.

— Перестанешь ли ты каркать, глупая ворона? Надоѣлъ, какъ собака! вскричалъ съ сердцемъ Эйберъ.

— Не очень я боюсь вашего крику! Стыдно, батюшка, стыдно! неровень случай: ну, если бы ктонибудь васъ увидѣлъ въ трактирѣ, или могла бы случиться какаянибудь оказія, буйство, драка, и oprичъ того, всякія дѣла непристойныя. — что стали бы дѣлать? Узнало бы начальство, тогда просто пропавшая голова! Вамъ съ такими проказами не дослужиться до офицерскаго чина.

Эйберъ не могъ ничего возражать старику, только сказалъ мнѣ: «Пойдемъ на линейки! соловья баснями не кормить. Прощайте, любезнѣйшій Лукьянъ Трофимовичъ, прибавилъ онъ: — предоставляю вамъ дѣлать наставленія вотъ этой древкѣ».

— Она скорѣе послушаетъ! ворчалъ старикъ намъ въ-догонку.

Эйберъ проводилъ меня по всѣмъ мѣстамъ лагернаго расположенія, толкуя мнѣ, какъ старый служака, обо всемъ, что намъ могло встрѣтиться во время нашей прогулки. Въ одиннадцать часовъ полки возвращались съ параду. Они шли съ музыкой и распущенными знаменами, подвигаясь все ближе и ближе къ лагерю. Вотъ раздалась команда: «въ палатки, маршъ!» Люди стали обтирать свои ружья и уставлять ихъ въ пирамиду; а чрезъ полчаса пошли обѣдать. Мы съ Эйберомъ приняли предложеніе двухъ офицеровъ имѣть съ ними общій столъ; одинъ назначался совершеннымъ хозяиномъ; у него хранились общія деньги; онъ приказывалъ кушанья и проч. Подобныхъ кружковъ составлялось въ полку довольно много.

Начались каждодневныя ученія — ротныя, батальонныя, полковыя, бригадныя и цѣлой дивизіей. Въ продолженіе трехъ недѣль лагерной жизни я могъ нѣсколько узнать службу, а потому былъ поставленъ во фронтъ. Моя обязанность состояла въ томъ, чтобы выбѣгать на линію изъ-за лѣваго фланга четвертаго взвода. Знакомясь со службою, я узналъ всѣхъ офицеровъ полка не только по фамиліямъ, но и по именамъ; а потому хочу теперь сказать нѣсколько словъ о прежнемъ бытѣ офицеровъ, ихъ службѣ, нравахъ и обращеніи съ нижними чинами.

Всѣ старые капитаны украшены были владимірскими крестами и медалями двѣнадцатаго и четырнадцатаго годовъ, а штабъ-офицеры—рѣдкіе не имѣли Анны на шеѣ, «pour les merites». Эти войны двѣнадцатаго года составляли изъ себя особенный кружокъ, держались чрезвычайно гордо и важно, въ особенности противъ молодыхъ офицеровъ; они требовали отъ нихъ исполненія всѣхъ обязанностей службы, и господа прапорщики принимали за особенное одолженіе слово, сказанное старымъ капитаномъ въѣ службы, называли ихъ по именамъ, но никакъ не по чинамъ или фамиліямъ; даже заочно употреблялось имя и отчество; напр., молодой прапорщикъ, приходя въ палатку своего товарища, говорилъ о своемъ капитанѣ: «Иванъ Матвѣичъ приказалъ это исполнить». Я, по случаю особеннаго вниманія моего капитана Уткина, бывалъ у него часто въ палаткѣ и нерѣдко имѣлъ случай слышать разговоръ старыхъ ветерановъ. Въ этомъ разговорѣ никогда не случалось слышать о литературѣ, искусствахъ, политикѣ; только двѣ книги были въ большомъ употребленіи, это «Военный Уставъ» и «Рекрутская Школа».

Говорили больше объ ученяхъ, и иногда продолжительно спорили о компаниі двѣнадцатаго года. Затѣмъ опять разговоръ переходилъ къ настоящему: дѣло шло объ ученяхъ и о приготовленіи къ скорому смотру начальника главнаго штаба.

— У тебя славная рота! говорилъ Подавиловъ капитану Гурову:— тебѣ спутя рукава командовать гренадерской ротой,—люди выбраны лучшіе изъ полка. Дать бы тебѣ фузелеровъ: посмотрѣлъ бы я, много ли на нихъ выѣдешь! Каждый день колотишь подлецовъ и палками, и розгами, да нѣтъ.—на негодномъ конѣ далеко не уѣдешь. У тебя фронтальная часть идетъ отлично, а самъ рѣдко бываешь на одиночномъ ученіи.

— Я, мой милый, возражалъ Гуровъ: — нахожу совершенно лишнимъ быть самому всякій разъ на одиночномъ ученіи. Надежды на молодыхъ офицеровъ нѣтъ никакой, они только и бредятъ стихами Пушкина, да играютъ въ карты; но всю основу въ ротѣ составляютъ унтеръ-офицеры и фельдфебель. Дери шкуры галанщикамъ, — все пойдетъ, какъ по маслу! Я приду на одиночное ученіе, да какъ закачу по двѣсти капральнымъ и десяточнымъ унтеръ-офицерамъ! А они послѣ хоть выспись на солдатскихъ спинахъ, — у меня въ этомъ запретѣ нѣтъ; вѣрь, что фронтальная часть будетъ въ отличномъ порядкѣ. Другіе ротные командиры на тѣсныхъ квартирахъ сами ходятъ въ мастерскія, копаются и смотрятъ пригонку аммуниціи; ко мнѣ приводятъ людей для осмотра на квартиру, и отвѣчаетъ за пригонку фельдфебельская спина. Что найдешь худо, дай ему сотню-другую; онъ приведетъ людей одѣтыхъ по циркулю и чистыхъ, какъ стеклушко.

— Я тоже на тѣсныхъ квартирахъ, говорилъ Сидоренко: — никогда не бываю на одиночномъ ученіи, кромѣ субботы. Въ этотъ день у меня полная раздѣлка за всю недѣлю съ унтеръ-офицерами. Какъ сдѣлаю имъ субботнюю баню, то, какъ говорится, ж до новыхъ вѣшниковъ не забудутъ! Вотъ спины имъ въ теченіе всей недѣли и напоминаютъ, чего требуетъ начальство. Иногда, прохаживаясь, зайду на ученіе и въ другое время; похожу, погляжу, и тутъ ужъ пальцемъ не трону, а только напомию день субботній.

Во время такого разговора вошелъ разъ въ палатку прапорщикъ Фундуковъ. Этотъ молодой офицеръ былъ хорошо образованъ и уважаемъ въ полку по своему состоянію, а болѣе потому, что былъ племянникъ одного изъ начальствующихъ генераловъ. Одинъ разъ Фундуковъ вмѣшался въ разговоры старыхъ капитановъ. «Скажите, господа, спросилъ Фундуковъ:—неужели нельзя обойтись безъ палокъ? Не говорю, чтобы ихъ совсѣмъ оставить; но по крайней мѣрѣ, не

такъ жестоко обходиться съ солдатами, которыхъ мы называемъ защитниками отечества».

— Вотъ! перебилъ его скоро Гуровъ:— вотъ вамъ и надежда на молодыхъ офицеровъ! Ахъ, вы масоны, продолжалъ онъ.— Вы, молодой человекъ, вѣрно знаете, что этого требуетъ высшее начальство? Мнѣ непріятно же получать замѣчанія и выговоры, а особенно имѣя на себѣ вотъ это украшеніе,—и онъ тутъ показалъ пальцемъ на свой владимірскій крестъ.— Штучка, кажется, не велика, а я имѣю стулъ во всякомъ присутствіи! Спросите вашего товарища Лыскова, онъ былъ свидѣтелемъ, когда генералъ Хрусталева смотрѣлъ 7-ю роту: что онъ сказалъ капитану Панфилову, когда увидѣлъ кривобокаго солдата? «Почему у васъ, капитанъ, не выправленъ этотъ человекъ? Какъ онъ стоитъ! перевалился на ружье, искривленъ, исковерканъ, уродъ-уродомъ!» — Ваше превосходительство! осмѣлился отвѣчать Панфиловъ:— рядовой имѣетъ тѣлесныя недостатки отъ природы.— «Вы вздумали дѣлать свои оправданія и еще во фронтѣ! какой вы ротный командиръ, когда не можете избавиться отъ подобнаго калеки; убейте, сударь, его: нынче сто, завтра двѣсти, вгоните въ чахотку, въ лазаретъ, а тамъ — и поминай, какъ звали!» — Ну, что, молодой человекъ, пріятно получать подобныя замѣчанія?

— Я бы не исполнилъ приказанія генерала, сказалъ Фундуковъ.

— А не будете исполнять приказаній, — карьера ваша пропала навсегда. Вотъ, зачѣмъ далеко ходить? — скажемъ между нами о вашемъ дялюшкѣ. Я привелъ къ нему одинъ разъ ординарцевъ, такъ онъ нашель, что пряжка у ружейнаго погона была немного погнута, и то едва замѣтно. Превосходительный вашъ такую поднялъ пыль, что Боже упаси! А ужь, кажется, какъ не осматривалъ, всю дорогу стиралъ пыль своимъ платкомъ съ аммунициѣю, не полѣнился наклониться и къ сапогамъ. Сами знаете, въ нашей перетяжкѣ самому солдату нагнуться невозможно... Ахъ, молодежь! молодежь! Походили бы вы съ-наше!.. Эти ступки (при этомъ капитанъ показалъ на свои толстыя ноги) прошли всю Германію, были два раза въ Парижѣ, а теперь стану я изъ-за какого нибудь солдатшки переносить непріятности!

Во все это время Сидоренко только безпрестанно поддакивалъ, изъясняя тѣлодвиженіями какую-то радость, что товарищъ его закидалъ словами молодого прапорщика, а Фундуковъ, видя, что слова его — гласъ вопіющаго въ пустынь, пересталъ спорить, но сказалъ въ свою очередь: «мнѣ, господа, странно и непонятно, какъ можно, имѣя право наказывать людей, исполнять это съ какою-то особенною радостію, безъ всякаго состраданія не прощая слабости подобному себѣ».

— Вы были бы хорошимъ проповѣдникомъ, сказалъ капитанъ Подавиловъ: — судьба сдѣлала ошибку, назначивъ васъ фронтовымъ офицеромъ.

— Я думаю, началъ опять Фундуковъ, что и во фронтѣ, и гдѣ бы то ни было, должно имѣть чувство сострадательности. Я вамъ хотѣлъ сказать, что я былъ свидѣтелемъ жестокаго, не по винѣ, наказанія, которое сдѣлалъ однажды капитанъ Котовичъ.

— Пожалуйста, расскажите о вашей женской чувствительности, сказали почти въ одинъ голосъ капитаны, съ особенной улыбкой.

— Барабанщикъ Савиновъ изъ роты Котовича выпросился у фельдфебеля, въ воскресный день, въ городъ. Это было на тѣсныхъ квартирахъ. Прошло три дня; барабанщикъ въ роту не явился, Котовичъ подалъ о немъ рапортъ, какъ о бѣжавшемъ. Едва рапортъ поступилъ въ полковую канцелярію, какъ барабанщикъ пришелъ въ роту, о чемъ опять сдѣлано донесеніе, — что Савиновъ изъ бѣговъ возвратился, тогда какъ онъ вовсе не имѣлъ и намѣренія къ побѣгу, а просто, отыскавъ въ городѣ какого-то кума изъ городскихъ мѣщанъ, сильно подгулялъ съ нимъ и на другой день, по слабому тѣлосложенію, занемогъ и пролежалъ, никѣмъ незнаемый, три дня. Эта отлучка, по рапорту капитана, сочлась за побѣгъ, а потому, приказомъ по полку было велѣно, чтобы капитанъ Котовичъ наказалъ барабанщика передъ ротою палками. Я, бывши тогда въ ротѣ, видѣлъ слезы Савинова и слышалъ, какъ онъ подъ арестомъ хотѣлъ лучше пройти сквозь строй, нежели попасть въ руки Котовичу. И вотъ несчастнаго поставили передъ ротою, принесли огромную охапку палокъ, какъ будто нужно было городить нѣсколько сажень плетня, сняли солдатскую шинель, и унтеръ-офицеры съ обѣихъ сторонъ спины началъ дѣлать сильные удары... А какъ любовался наказаніемъ Котовичъ! — Переменялъ разныя положенія наказываемаго: то взваливалъ его на плечи дюжему солдату, какъ говорилось, — на козла, то клалъ его на землю и поднималъ снова, приказывалъ натягивать рубашку, которая избилась въ лоскутки, облитая кровью, и посинѣлая спина обнаружилась, и удары приходились еще больнѣе по обнаженному и избитому тѣлу! А что всего хуже, что подобное наказаніе было сдѣлано капитаномъ Котовичемъ въ нетрезвомъ видѣ.

— Оставьте вашу аттестацію о капитанѣ, сказалъ Гуринъ: — вы бы, я думаю, на его мѣстѣ погладили по головкѣ барабанщика и сказали только: «какъ тебѣ не стыдно!» По вашимъ нѣжнымъ чувствамъ напрасно вы вступили въ военную службу и теперь даете себѣ право разсуждать о старшихъ. А кто понимаетъ дѣло, тогъ, вѣрно, скажетъ, что барабанщику сдѣлали счастье, не предавъ его военному суду.

Капитаны вешашутку стали кричать на молодого офицера, но вѣрно вспомнили, что онъ племянникъ генерала, понемногу затихли и разошлись по своимъ палаткамъ.

Солдаты боялись, какъ огня, ротныхъ учений, любили болѣе батальонныя и полковыя, потому что на этихъ ученьяхъ ротные командиры стояли сами во фронтѣ и не могли лично замѣчать слѣдственныхъ ошибокъ; но чтобы ошибки не всѣ пропадали даромъ, унтеръ-офицеры дѣлали небольшіе значки мѣломъ на ошибающихся и раздѣлка была послѣ ученья на кухню.

Полковое и батальонное ученья производились не болѣе одной версты, отъ лагеря на ровномъ лугу. По окончаніи ученья, командиръ полка командовалъ: «ружье вольно!» и люди шли вольнымъ шагомъ къ лагерямъ; но если который нибудь изъ ротныхъ командировъ не былъ доволенъ своей ротой во время полкового ученья, или былъ самъ распекаемъ за собственныя ошибки, тогда въ порывѣ гнѣва капитанъ велъ свою роту въ ногу, держа ружья подъ прикладъ. Какой-то особенный страхъ выражали въ то время всѣ лица унылыхъ солдатъ; только и слышно было побрякиваніе тесаковъ, мѣрный шагъ марширующихъ и капитанская брань. Съ такой церемоніей онъ проводилъ роту чрезъ палатки за самую кухню; тамъ прежде наказывались тѣ, которые имѣли на себѣ крестяки, слѣдственные мѣломъ унтеръ-офицерами; потомъ капитанъ производилъ ученье, — и чего тутъ не было! и палокъ и розокъ! Тутъ скидывались иногда и мундиры, чтобы слѣзть наказаніе поплотнѣе въ одной рубашкѣ. Это страшное ученье продолжалось до самаго обѣда. Нельзя сказать, чтобы и въ молодыхъ капитанахъ не было подобной строгости. Примѣръ заразителенъ! Всѣ, отъ мала до велика, любили отдавать приказаніе подать палки и розги. Палочный бекетъ всегда былъ полонъ ожидающихъ своей участи. Если случалось идти мимо этого бекета, то рѣдкій разъ не услышишь жалобныхъ голосовъ и разныхъ моленій. Высшіе начальники иногда обходились безъ палокъ, а особенно на парадныхъ ученьяхъ, куда запрещалось носить палки; онѣ замѣнялись тесаками и шомполами. Гренадеры имѣли длинные черные султаны, которые при малѣйшемъ движеніи челоуѣка, отличали его шевеленіе, а это шевеленіе считалось истиннымъ преступленіемъ. Бригадный командиръ любилъ мертвую тишину. Если султанъ у кого либо колыхался, генераль скакалъ съ своего мѣста, пробивалъ своимъ конемъ рядъ, или два и вытаскивалъ несчастнаго. «Унтеръ-офицеры! тесаковъ и шомполовъ!» кричалъ онъ грозно. Солдатскія фалды поднимались, сталь блестѣла въ воздухѣ, моленія вырывались изъ устъ страдальца, заглушаемыя генеральской бранью. «Полно!» приказывалъ онъ. «Смирно!» Мертвая тишина... И дѣй-

ствительно, она была въ полномъ смыслѣ мертвая. Десять или двѣнадцать тысячъ стоятъ подѣ ружьемъ и по слову: «смирно!» вся окружность сольется въ общую беззвучность. Вы слышите пискъ летающей букашки, полетъ жука, крикъ пѣтуха въ ближней деревнѣ, или благовѣсть въ городѣ; болѣе ничто не нарушаетъ фронтовой тишины, не только кашель или чиханье людей, но и ржаніе лошади запрецалось, какъ нарушеніе святыни. Если бы слѣпца привести на площадь ученья, онъ могъ бы подумать, что на этомъ полѣ нѣтъ живаго существа. Но какая здѣсь гармонія дѣлается во время передвиженій! Полки стоятъ въ батальонныхъ колоннахъ въ тишинѣ, которую я описалъ, и вдругъ команда: «перемѣна дирекціи налѣво!» Всѣ начальствующие лица, отъ большаго до батальоннаго командира повторяютъ ту же команду; наконецъ, взводные разными голосами исполняютъ окончательное движеніе. Вы слышите въ разныхъ мѣстахъ голоса офицеровъ; кто кричитъ: «глаза на-право!», другой слово: «стой!» «во фронтъ!» Все это смѣшивается въ одинъ общій гулъ, который вдругъ превращается въ могильную тишину. И вотъ опять движеніе, и опять все безъ звука. Такіе переходы доставляютъ какой-то особенный восторгъ для истиннаго служака.

Фронтвые офицеры и нижніе чины имѣли лѣтнія панталоны бѣлыя, съ пришитыми штиблетами, которыя закрывали весь сапогъ; видѣлся одинъ только кончикъ носка. Строго требовалось, чтобы штиблеты гладко обтягивали носокъ сапога, для этого употреблялось слѣдующее средство: на сапожныхъ подошвахъ, въ разстояніи одного вершка отъ самаго носка, съ обѣихъ сторонъ дѣлались двѣ петли изъ тонкой мѣдной проволоки, а къ штиблетамъ пришивались шнурки, которые продѣвались въ сдѣланные у подошвъ петли и крестообразно завязывались около щиколотки; потомъ застегивались пуговицы, которыхъ было на каждой сторонѣ панталонъ по девяти штукъ. Въ такой формѣ нельзя было пройти во время сильной росы; пыль, смѣшанная съ водяными каплями, измараетъ штиблеты и самыя панталоны, такъ что въ нихъ и слѣда не остается должной чистоты. Чтобы дойти до мѣста, гдѣ производилось парадное ученье, офицеры и нижніе чины шли на отведенный лугъ въ простыхъ панталонахъ, а панталоны съ штиблетами привязывались къ патроннымъ сумкамъ, офицерскія же несли деньщики. Съ началомъ утренней зари, полкъ приходилъ на сборное мѣсто, солдаты ставили ружья въ козлы, садились на землю и надѣвали парадныя панталоны. Потомъ начиналась пригонка аммуниціи; безъ помощи сапожниковъ самъ солдатъ не могъ одѣться по всѣмъ правиламъ формы, съ полными ея размѣрами. Туалетъ кончался къ семи часамъ утра, и все готово къ смотру начальника.

Такъ прошелъ и знаменитый смотръ начальника главнаго штаба. Онъ остался доволенъ, благодарилъ полковыхъ командировъ, офицеровъ и солдатъ. Послѣдніе прокричали ему: «рады стараться, ваше превосходительство!» Этимъ кончился лагерь.

Х.

Мы выступили изъ Калуги въ послѣднихъ числахъ іюля, и третьяго августа были уже на зимнихъ квартирахъ. Нашей ротѣ досталось село (названіе теперѣ не припомню), принадлежавшее князю Трубецкому. Прекрасной архитектуры каменная церковь, огромный господскій домъ съ разными флигелями, садами и рощами дѣлали превосходный видъ въ имѣніи князя. Противъ самаго дома разстилался огромный прудъ, съ камышами и плавающими дикими утками. На той сторонѣ пруда стоялъ крестьянскій порядокъ, а вправо выглядывала большая водяная мельница. Капитанъ занялъ одинъ изъ флигелей, состоящій изъ пяти или шести комнатъ, довольно хорошо отдѣланныхъ. Намъ съ Эйберомъ отвели прекрасную квартиру также въ господскомъ строеніи. Самого владѣльца въ имѣніи не было. Въ господскомъ домѣ жилъ управляющій Иванъ Степановичъ. Не знаю, изъ какого онъ былъ сословія, но жилъ на барскую ногу. Всегдашній къ нему пріѣздъ офицеровъ и другихъ особъ составлялъ въ его домѣ веселое общество. Нашъ капитанъ почти каждый день былъ у управителя; мы съ Эйберомъ пользовались также приглашеніемъ быть у него въ домѣ. Безпрестанная картежная игра манила офицеровъ въ домъ управителя, а главная приманка была — швейная, устроенная въ особомъ домѣ. До тридцати дворовыхъ дѣвушекъ, хорошо одѣтыхъ, сидѣли за пядями и вышивали по тюлю, кисеѣ и коленкору. Изъ тридцати дѣвицъ были очень хорошенькія; слѣдовательно, офицерскіе глаза частенько обращались на швейную, а ноги не отказывались лишній разъ идти туда, чтобы полюбоваться прекрасной работой. Иванъ Степановичъ смотрѣлъ на посѣщенія офицеровъ сквозь пальцы; но дѣвицы были очень разборчивы и недоступны. Нашему капитану, какъ незавидному собою мужчине, плохо удавалось волокитство, и неудача эта обрушилась на меня съ Эйберомъ. Деньшикъ выдумалъ на насъ сплетню, будто бы мы, рассматривая работу дѣвицъ, назвали капитана уродомъ, и хотя на самомъ дѣлѣ подобнаго разговору у насъ вовсе не было, но капитанъ перемѣнилъ съ нами хорошее обращеніе на худое; сдѣлался взыскателемъ, ставилъ насъ на часы во время сильныхъ холодовъ подъ свои окошки и наконецъ объявилъ намъ, чтобы мы, для узнанія служ-

бы, жили не на ротномъ дворѣ, а въ капральствахъ. Когда отданное приказаніе мы объявили Лукьяну, онъ не замедлилъ разсыпаться на насъ съ своимъ упреками.... Но дѣлать было нечего, надо было ѣхать.

Я былъ поставленъ въ четвертое капральство, въ десяти верстахъ отъ ротнаго двора, а Эйберъ—версть восемь еще далѣе. Свиданія наши почи прекратились. Село, въ которомъ я получилъ новую квартиру, было окружено со всѣхъ сторонъ сосновымъ лѣсомъ, отчего вся окрестность имѣла грустный видъ. Небольшая деревянная церковь и маленькіе крестьянскіе домики, почти безъ улицъ, потому что избы стояли на дворахъ, довершали незавидное положеніе будущей моей стоянки. Жизни какъ будто не было: только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по лѣсу разносившійся дымъ отъ угольныхъ ямъ и сидки дегтю обличалъ присутствіе человѣка.

Единственная въ деревнѣ квартира, состоявшая изъ крошечной, отдѣльной отъ хозяина, коморки, была у ктитора (*); ее я и занялъ. Хозяинъ, добрый старичокъ, желая всячески мнѣ угодить, сдѣлалъ изъ старыхъ досокъ кровать и столикъ, которые едва помѣстились въ моей мрачной комнатѣ. Я остался совершенно одинъ, даже лишенъ былъ возможности ѣхать къ Эйберу. Такъ, видно, было приказано отъ капитана капральному унтеръ-офицеру. Не желая быть нарушителемъ его воли, я вполне исполнялъ его приказаніе. Скука была невыносимая; развлеченій отыскать невозможно; о книгахъ и говорить нечего. Единственная была отрада — старья письма, полученные отъ родныхъ. Я ихъ перечитывалъ почти каждодневно. Утромъ каждый день слушалъ брань двухъ снохъ хозяина; не проходило дня, чтобы эти бабы не бранились между собою, въ отсутствіи мужей своихъ, которые уходили въ работу на всю зиму. «Дура настояща!» «Сучка меделянска!» и т. п. слышалось всякое утро. Старикъ хозяинъ приходилъ ко мнѣ дѣлать зимніе вечера, садился на деревянный отрубокъ, поставленный имъ около печки, и начиналъ свой любимый рассказъ о пчелахъ. Онъ имѣлъ пчаську, гдѣ проводилъ постоянно все лѣтнее время. Теперь пчелки его закупорены въ землянку; но хозяинъ рассказываетъ о нихъ, какъ будто бы видитъ ихъ летающими. Какъ онъ одушевляется, если начинаетъ объяснять всѣ правила ухода за пчелами; особенно его приводила въ восторгъ роевая пора. «Вотъ, говоритъ старикъ: — жду не дождусь роечка. Ужъ который улей оказалъ себя,—берегу крѣпко, хожу около него, словно часовой; приложу ухо: сильно гудитъ родимый, и вдругъ изъ улья ровню туча! И зачнетъ отыгры-

(*) Церковный староста.

ваться; ужь играетъ, играетъ, мой миленькій, да куда нибудь и привьется. Тутъ, Господи благослови! возьмешь маточникъ и посадишь въ него матку, и начнешь огребать пчелъ въ лукошко, и завяжешь его крѣпко на-крѣпко; свѣсишь на безмѣнъ: двѣнадцать, или тринадцать фунтовъ! Вотъ, государь мой, какіе бывають рои! На другой годъ онъ и дастъ тебѣ около пуда меду».

Старикъ нерѣдко рассказывалъ мнѣ, какъ онъ встрѣтился въ лѣсу съ медвѣдемъ и въ какомъ былъ тогда страхѣ. «Радъ-радехонекъ говорилъ онъ: — что Михайло Иванычъ прошелъ мимо». Старикъ представлялъ все въ лицахъ: какъ шелъ медвѣдь, какъ онъ спрятался за дерево и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Подобные рассказы на нѣсколько часовъ освобождали меня отъ несносной скуки. Положеніе мое недѣли черезъ три немного перемѣнилось: ко мнѣ изъ дому присланъ былъ человѣкъ для услуженія. Я обрадовался ему, какъ родному; рассказамъ не было конца. Онъ привезъ мою собаку, ружье и всѣ принадлежности охоты. Теперь по крайней мѣрѣ я былъ не одинъ. Трезоръ развлекалъ меня отъ скуки и былъ вѣрнымъ моимъ товарищемъ.

Такъ прошла скучная зима.

Наступили послѣднія числа марта. Солнце сильно стало пригрѣвать; вездѣ побѣжали ручейки, разрѣзывая своимъ теченіемъ снѣгъ до самой земли; дорога покрылась навозомъ. Вотъ и грачи прилетѣли и показали на гумнахъ и на улицахъ; овсянки запѣли въ бору свою одноколѣнную пѣсенку; все стало воскресать и обновляться новою жизнію.

Въ эту пору Эйберъ былъ на ротномъ дворѣ, видѣлся съ капитаномъ и успѣлъ оправдаться передъ нимъ въ выдуманной на насъ сплетнѣ. Капитанъ принялъ отъ него увѣреніе, какъ истинно-неложное. Мы опять были переведены на ротный дворъ и заняли ту же квартиру. Лукьянъ былъ въ восторгѣ, да и мы не менѣе его восхищались возвращеніемъ къ прежней жизни. Но стоянка наша была не-продолжительна: въ первыхъ числахъ апрѣля выступили на тѣсныя квартиры.

Пропускаю мимо два лагеря и двѣ зимы, какъ незаслуживающія никакого описанія. Также строгость къ нижнимъ чинамъ, также чистота, тѣже ученья въ лагеряхъ и также скука на зимнихъ квартирахъ. Въ теченіе этого времени много сдѣлалось перемѣнъ въ начальствующихъ лицахъ. Старый полковой командиръ произведенъ въ генералы, его замѣнилъ новый; старшіе капитаны произведены въ майоры; другихъ повысили въ слѣдующіе чины. Эйберъ, къ неописанной радости Лукьяна, былъ произведенъ въ офицеры. Какъ восхищался добрый старикъ чиномъ, пожалованнымъ его господину!

Когда онъ увидѣлъ Эйбера, одѣтаго въ полную форму, то заплакалъ отъ радости, ходилъ кругомъ своего господина, осматривалъ каждую вещь.

— Слава Богу! говорилъ онъ:—теперь и золотые крылышки получили! А шарфъ-то, шарфъ-то—какъ жаръ горитъ! Кисти-то—какъ у настоящаго енарала... И онъ, все выхваляя, пощолкивалъ языкомъ.— Молодецъ! право, молодецъ! не ждалъ и не думалъ, батюшка, такой я радости. Слава Богу! привелъ Господь увидѣть моего сокола такимъ чиновнымъ! Поздравляю васъ, Михайло Алексѣевичъ, съ царской милостью! А какъ обрадуется маменька, когда напишемъ о пожалованномъ чинѣ! Да и всѣ дворовые подивятся такому чуду. .. Дай-ка, батюшка, почищу неможко плечико-то; видно, въ мѣлу замарали.

Старикъ принимался чистить, обдувалъ малѣйшую пушинку и всему удивлялся, какъ будто никогда не видалъ по формѣ одѣтаго офицера. Эйберъ вынулъ пятирублевую ассигнацію и, подавая Лукьяну, сказалъ: «это тебѣ, старикъ, на водку; поздравь меня, какъ слѣдуетъ!»

— Много благодаренъ, Михайло Алексѣевичъ, на вашей милости! Вамъ извѣстно, водку я не употребляю; лучше сохраните для вашихъ офицерскихъ отличій; и безъ того много денегъ на платье потратили.

— Ну, а намъ кутнуть теперь можно? Какъ говорится, sprysnutъ офицерскій чинъ?

— Какъ вамъ не приняться за старое! Лучше бы сказали, сударь: я-де пойду въ церковь Божию, отслужу благодарственный молебень, поставлю свѣчку; а вы вонъ о чемъ помышляете! Скажу вамъ пословицу: будете кутить, станетъ брюхо мутить; а примитесь—ка лучше за службу, какъ слѣдуетъ, и вышихъ чиновъ дослужитесь; а теперь, если позволить начальство, и въ отпускъ съѣздить можно.

Не прошло мѣсяца, какъ Эйберъ дѣйствительно уѣхалъ въ отпускъ. Чтобы прекратить объ немъ разсказъ, скажу, что Эйберъ послужилъ послѣ производства въ офицеры не болѣе двухъ лѣтъ, кутилъ на славу, женился на какой-то богатой дѣвушкѣ въ Бѣлевѣ, вышелъ въ отставку и пропалъ навсегда изъ виду всѣхъ сослуживцевъ.

XI.

Возвращаюсь къ собственной моей жизни.

Опять весна, и опять тѣсныя квартиры. Рота расположилась въ четырехъ верстахъ отъ города, въ имѣннѣ богатой помѣ-

щицы — старой дѣвicy Ч. (*). Она такъ любила и ласкала офицеровъ, что въ домѣ ея всякій разъ можно найти большое общество военныхъ. Ей было болѣе осьмидесяти лѣтъ; она не могла уже ходить по комнатамъ безъ помощи вожатыхъ. Лишь только официантъ провозглашалъ: «кушанье поставлено!»,—вся молодежь бросалась непрерывно — нести старушку съ креслами въ столовую. Старушка имѣла твердую память; она часто рассказывала намъ про жизнь свою въ Петербургѣ, въ царствованіи Елизаветы Петровны, и такъ была увлечена рассказами о богатыхъ своихъ костюмахъ, что не рѣдко приказывала подавать ей парадныя платья тогдашняго времени и брильянтовые вещи! И какъ восхищалась ими старушка. Она сама ихъ протираала, разставляла на столѣ разными фигурами, и потомъ укладывала опять въ сафьянные футляры.

Огромный деревянный домъ, старинной архитектуры, въ три этажа, принадлежащій Ч., стоялъ на возвышеніи. Къ нему примыкала большой садъ, а за нимъ быстро неслась рѣка Жиздра, за которой разстилались поемные луга съ болотами, небольшими озерами и кой-гдѣ растущимъ тальникомъ. Къ этимъ лугамъ примыкала большой, вѣчно зеленѣющей, сосновый боръ. И какой былъ очаровательный видъ съ верхняго этажа дома на всю окрестность, особенно въ тихую лунную ночь!

Въ свободное отъ ученья время, я катался по рѣкѣ на маленькой лодкѣ, иногда бралъ ружье, собаку, переѣзжалъ на ту сторону, охотился; убитую дичь приносилъ я старушкѣ, у которой имѣлъ столъ и помещеніе въ нижнемъ этажѣ. Хозяйка заботилась обо мнѣ, какъ о родномъ; удивлялась, какъ я могъ носить изъ толстаго сукна мундиръ и тяжелое ружье, спрашивала о всѣхъ солдатскихъ принадлежностяхъ и пожелала одинъ разъ видѣть меня, одѣтаго въ полную походную аммуницію. Былъ какой-то смотръ, по окончаніи котораго я предсталъ къ доброй моей хозяйкѣ въ тяжеломъ моемъ облаченіи и явился къ ней на ординарцы, какъ будто къ генералу.

— Поди-ка, поди-ка ко мнѣ поближе, сказала старушка. — Это что у тебя тутъ въ чемоданѣ? спросила она, указывая на ранецъ.

— Здѣсь, ваше превосходительство, отвѣчалъ я, какъ предъ генераломъ,—бѣлье, сапожный товаръ, щотка, накремникъ и разныя вещи на случай похода.

— А это что за оловянная сзади посуда?

— Въ ней носится вода, а потому и называется водоносная фляга, или манерка.

(*) Близкая родственница Пушкиныхъ. Они получили послѣ нея все имѣніе. Здѣсь не одинъ разъ я видѣлъ, живши въ домѣ у старушки,—Сергѣя Львовича и его супругу, ихъ сына Льва и дочь Ольгу, въ самой первой молодости.

— А что въ сумкѣ, которая назади?

— Тутъ шестьдесятъ боевыхъ патроновъ, которые посылаются, вмѣсто каменныхъ орѣховъ, непріятелю.

— Котораго ты и въ глаза еще не видалъ... Эка тяжесть, я думаю! Кругомъ ремни да пряжки, точно лошадь въ каретной упряжкѣ; въ киверъ воткнута какаля-то длинная черная палка. Чай, въ вѣтеръ всю головушку разломить?... Поди, батюшка, раздѣвайся скорѣе! Я думаю — плечи всѣ отдавило.

Я поворотился на-лѣво-кругомъ и вышелъ отъ моего генерала-хозяйки.

Итакъ я простоялъ у доброй старушки болѣе двухъ мѣсяцевъ, во время расположенія полка тѣсными квартирами. Продолжались батальонныя и полковыя ученья и всевозможные смотры, для которыхъ собирались всѣ роты на лугъ, находящійся близъ самой городской заставы. На мѣсто ученья каждой ротѣ приходилось пройти отъ четырехъ до восьми верстъ, въ полной амуниціи; я былъ, слава Богу, избавленъ отъ тяжести носить всю принадлежность солдата и ходилъ въ одной портупеѣ, потому что былъ поставленъ, какъ члѣвоющій хорошо маршировать, подъ знамя.

Въ послѣднихъ числахъ іюля было объявлено о выступленіи въ лагерь подъ Орель, гдѣ ожидали Высочайшаго смотра. По приходѣ въ этотъ городъ, дивизія расположилась лагеремъ на пашнѣ, близъ большой дороги, обсаженной по обѣ стороны, по извѣстному размѣру, шпалерно березами. Лагерь этотъ имѣлъ то большое неудобство, что разбить былъ на пашнѣ. Сухой и холодный августъ заставилъ насъ дрожать въ палаткахъ, а сильные вѣтры несли тучами съ черныхъ пашенъ пыль на наши палатки. Пыль эта, избитая человѣческими и конскими ногами въ мельчайшій порошокъ, пробивалась сквозь полотно, такъ что при солнечныхъ лучахъ во внутренности палатки замѣтно было ея паденіе. Все было покрыто толстымъ слоемъ пыли. Если офицеръ спалъ на бѣлой подушкѣ, то по пробужденіи своемъ, вѣрно находилъ свой силуэтъ на наволочкѣ.

Полки каждодневно отправлялись верстъ за семь отъ лагеря на репетицію маневровъ, предполагавшихся въ присутствіи Государя Императора. Въ лагерь возвращались часу въ четвертомъ, до того напудренные черною орловскою пылью, что солдаты не узнавали другъ друга. Самое большое затрудненіе было перейти единственный мостъ чрезъ рѣчку, кажется, Орликъ. По окончаніи маневровъ, всякій полкъ спѣшилъ къ мосту, чтобы поскорѣе перейти и быть въ лагеряхъ. По дорогѣ къ этому мосту сталкивались всѣ вмѣстѣ: кавалерія, артиллерія и пѣхота, опережая другъ друга. Конечно, кавалерія имѣла всегда преимущество противъ пѣхоты,

пускаясь на рысяхъ съ самаго мѣста ученій; но пѣхота, желая выиграть первенство, тѣснила своихъ товарищей, и если какой нибудь полкъ оставался послѣднимъ, то онъ навѣрно приходилъ часомъ позднѣе въ лагерь. Беспорядки эти происходили болѣе оттого, что полковые командиры, по окончаніи маневровъ, отправлялись въ городъ, поручая вести людей батальоннымъ командирамъ; а иногда и капитаны исправляли эту должность.

Возвращаясь одинъ разъ въ лагерь, полкъ нашъ подходилъ къ мосту. Офицеры усмотрѣли вдали ѣдущую за нами, на полныхъ рысяхъ, конную артиллерію. Капитаны, желая быть первыми на мосту, кричали безпрестанно своимъ ротамъ: «прибавь шагъ!» и наконецъ, этотъ шагъ обратился въ рысь. Нѣсколько шаговъ осталось гренадерской ротѣ дойти до желаемого пункта, какъ артиллерія стала опережать, и при самомъ вступленіи на мостъ завязалась страшная сцена. «Топчи пѣхотинцевъ!» кричали артиллерійскіе офицеры. «Бей ихъ прикладами! тащи съ лошадей!» приказывали наши своимъ гренадерамъ. Солдаты схватили подъ уздцы лошадей и не давали имъ хода. Люди лѣзли, тѣснились, перешагивали черезъ построжки; кутерьма сдѣлалась общая. Не знаю, чѣмъ бы кончилось это примѣрное сраженіе, если бы не подѣхалъ скоро артиллерійскій полковникъ. Замѣта издали беспорядокъ, онъ во весь духъ прискакалъ на своемъ ворономъ конѣ. «Орудія, стой!» закричалъ полковникъ: — «смирно! господа офицеры! на свои мѣста!» — и все сдѣлалось безмолвно. «Стыдно вамъ, господа, сказалъ онъ своимъ и нашимъ офицерамъ: — дѣлать подобныя сцены и подстрекать солдатъ къ такимъ беспорядкамъ, которые могли бы кончиться съ обѣихъ сторонъ большими неприятностями... Ведите вашихъ гренадеръ!» А самъ онъ остался при своей артиллеріи.

Мы отошли отъ моста не болѣе четверти версты, какъ эта же самая артиллерія обогнала насъ на рысяхъ. «Прощайте, господа! кричали намъ, подсмѣиваясь, артиллеристы: — «совѣтуемъ сдѣлать тутъ ночлегъ и дневку!» — «Приготовьте намъ квартиры и посмотрите за чистотой!» отвѣчали наши офицеры вслѣдъ удаляющимся артиллеристамъ.

Близъ этого мѣста я былъ свидѣтелемъ еще кровавой сцены. Однажды полкъ нашъ, какъ и всегда это дѣлалось, спѣшилъ къ мосту. Люди бѣжали бѣгомъ; одинъ солдатъ упалъ и, не выпуская изъ рукъ ружья своего, поставилъ его такъ, что штыкъ сдѣлался не выше и не ниже человѣческой груди; слѣдующій за нимъ солдатъ набѣжалъ, и упалъ на штыкъ со всего разбѣга. Оружіе попало подъ ложечку и прошло сквозь ребра праваго бока; кровь заструилась изъ раны и горла и въ нѣсколько секундъ окрасила собою бѣлыя панталоны;

рашеннаго отвезли въ госпиталь, и что съ нимъ сдѣлалось — опредѣлительно сказать не могу.

Наступилъ день Высочайшаго смотра. Полковые командиры рвались съ истиннымъ усердіемъ представить свой полкъ лучше другаго, не жалѣли для того даже собственныхъ издержекъ. Два дня продолжались маневры. По окончаніи ихъ полки возвратились въ лагерь въ три или четыре часа по полудни, и простоявши тутъ одинъ день для приготовленія въ походъ, отправились опять на свои зимнія квартиры, въ Калужскую губернію.

XII.

Солдаты, послѣ маневровъ получивши царское спасибо, а офицеры разныя награды, спѣшили насладиться отдохновеніемъ на нашей постоянно занимаемой стоянкѣ. Опять заняты прежнія квартиры, вѣтъ болѣе ученій, офицеры разъѣзжаютъ по помѣщикамъ, — свобода совершенная! Одни юнкера лишены были этого удовольствія и готовились путешествовать въ корпусную квартиру, куда требовались всѣ молодые дворяне, не получившіе офицерскаго чина.

Начальникъ штаба гренадерскаго корпуса, генералъ Д. А. Стальпинъ, какъ ученый человекъ тогдашняго времени, понималъ, что ничѣмъ другимъ нельзя приготовить лучшихъ офицеровъ, какъ давши имъ образованіе; а между тѣмъ большая часть юнкеровъ не были учены дома тому, что бы долженъ знать военный офицеръ. При вступленіи въ полкъ, экзамена никакого не было; а потому родители, а особенно съ малымъ состояніемъ, зная это, мало заботились объ ученіи своихъ дѣтей. Многіе изъ юнкеровъ плохо писали, съ большими грамматическими ошибками, едва знали сложеніе и вычитаніе, а дѣленіе, съ тремя цифрами дѣлителя, ставило многихъ въ тупикъ; географію и исторію знали по наслышкѣ. Я не могу сказать этого о всѣхъ вообще молодыхъ дворянахъ, служившихъ въ гренадерскомъ корпусѣ; были и такіе, которые по своему состоянію хотя получили не блестящее образованіе, но все-таки могли имѣть понятіе о наукахъ и говорили по-французски; число такихъ было очень невелико.

Генералъ Стальпинъ видѣлъ необходимость дать образованіе будущимъ офицерамъ и, съ Высочайшаго разрѣшенія, устроилъ въ Калугѣ школу. Все строеніе заключалось въ четырехъ большихъ флигеляхъ; они построены были изъ экономическаго суммы плотниками, присланными изъ полковъ, подъ личнымъ наблюденіемъ самого генерала. Онъ выбралъ изъ всего корпуса ученыхъ офицеровъ. Явился историкъ, географъ, математики; хотя и не совершенно,

но все-таки они могли замѣнить учителей. Въ эту школу поступили всѣ юнкера, числомъ болѣе двухсотъ человекъ. По прибытіи въ Калугу насъ поставили по квартирамъ; помѣщенія въ школѣ, кромѣ классовъ, не было еще никакого. Намъ сдѣлали строгій экзаменъ и распредѣлили всѣхъ на три класса: на нижній, средній и верхній. При этомъ—то экзаменъ я могъ узнать свои и товарищей моихъ свѣдѣнія въ наукахъ. Обученіе французскому языку не было обязательно, а устроенъ былъ классъ для однихъ желающихъ. Сверхъ того, изъ каждаго полка было прислано въ эту школу по нѣскольку человекъ солдатъ лучшей нравственности. Они занимали особенное отдѣленіе и обучались грамотѣ по ланкастерской методѣ. Вся эта команда, — какъ дворяне, такъ и солдаты, — въ отношеніи подчиненности соединилась въ одно цѣлое, подъ завѣдываніемъ директора, избраннаго генераломъ изъ числа штабъ-офицеровъ; его обязанность состояла въ томъ, чтобы наблюдать за нравственностью юнкеровъ, за своевременнымъ приходомъ въ классы и вообще за всѣмъ порядкомъ, долженствующимъ быть въ командѣ, слетѣвшейся съ разныхъ сторонъ Калужской и Тульской губерній (*). Этотъ же штабъ-офицеръ занимался обученіемъ фронтовой службѣ, для которой назначалось два дня въ недѣлѣ. Слабыхъ по фронту юнкеровъ онъ отдавалъ для выправленія солдатамъ (ланкастерамъ, какъ мы ихъ называли). Во время восьмириднаго ученья, юнкера командовали взводами и дивизионами, а сверхъ того былъ устроенъ тактичeskій классъ въ самой школѣ, гдѣ показывались на доскѣ разныя построения, разсыпной строй, лагерная и гарнизонная служба....

Стальпинъ любилъ юнкеровъ, какъ дѣтей своихъ, входилъ въ положеніе каждаго; не только было обращено имъ вниманіе на науки и фронтъ, но онъ заботился даже о необходимой развязности и ловкости въ молодыхъ людяхъ въ присутствіи дамъ. Для этого онъ приказывалъ наряжать къ себѣ, по воскресеньямъ, по два и по три человека обѣдать, и въ каждое танцевальное собраніе назначать по пяти человекъ изъ числа умѣющихъ танцовать; позволялъ быть въ театрѣ; однимъ словомъ, онъ занимался своими воспитанниками, какъ бы слѣдовало заниматься отцу; рѣдкій день не пріѣзжалъ самъ въ школу, присутствовалъ въ классѣ, выслушивалъ уроки, поощрялъ прилежныхъ, дѣлалъ замѣчанія лѣнивымъ. Часто толковалъ онъ правила артиллерійской службы, дѣланіе пороху, приготовленіе снарядовъ; а лѣтомъ заставлялъ при себѣ заряжать самими юнкерами пушку и стрѣлять въ цѣль.

(*) 2-я гренадерская дивизія стояла въ Калугѣ, а 3-я въ Тулѣ.

Прошло полгода нашей жизни въ Калугѣ. Юнкера познакомились съ городомъ, собирались по гостямъ большими кучками; а гдѣ много молодыхъ людей, тамъ есть и проказы: начались шалости, явились жалобы; генералъ дѣлалъ приличныя наказанія, но успѣха не было; входъ въ театры былъ запрещенъ, потому что молодежь стала на сцену бросать яблоки. Скажу по совѣсти, что я не былъ участникомъ въ разныхъ происшествіяхъ; но проказы моихъ товарищей были мнѣ извѣстны. Расскажу случай, который заставилъ генерала очень разсердиться, а послѣ смѣяться.

Наступила ранняя зима; пушистый снѣгъ при теплой погодѣ покрывъ землю на двѣ четверти; потомъ сдѣлалась оттепель; снѣгъ получилъ особенную мягкость, такъ что изъ него удобно было дѣлать разныя фигуры, напримѣръ катать шары которые, какъ извѣстно, чѣмъ больше катятся, тѣмъ болѣе растутъ; этихъ шаровъ мы накатали множество. Все наше начальство было гдѣ-то на именинномъ пирогѣ, — свобода совершенная! Нѣсколько юнкеровъ придумали устроить изъ шаровъ крѣпость въ большой залѣ, никѣмъ и ничѣмъ не занимаемой. Мысль была одобрена; главнымъ руководителемъ былъ маленькій «Жучка». Раздалась команда: «катить шары!» Работа, исполняемая не однимъ десяткомъ, а сотнею молодыхъ людей, шла успѣшно. Въ короткое время зала имѣла внутри себя двѣ свѣжныя горы, одна противъ другой, и крѣпости готовы. Юнкера раздѣлись и каждая половина заняла свою крѣпость. Но надобно же чѣмъ нибудь защищаться, отъ непріятеля... Въ нѣсколько минутъ снѣжныя ядра сдѣланы, поставлены пирамидой; къ каждой крѣпости выбраны военачальники, которые, окруживъ себя войскомъ, вошли на стѣны. Началась перестрѣлка, прежде небольшая, потомъ бой сталъ разгораться все болѣе и болѣе и дошелъ до совершеннаго изступленія; ядра летѣли съ обѣихъ сторонъ и попадали въ головы и носа осаждающихъ; показались и раненные, потому что снѣгъ въ теплѣ сдѣлался довольно твердымъ; у кого капала изъ носу кровь, другой держался за глазъ съ расшибенной бровью; досталось болѣе всего стекламъ, — они пали отъ выстрѣловъ свѣжной артиллеріи. Но вдругъ, среди самаго сильнаго сраженія, раздается дверь и генералъ явился передъ нами. Грозный, нахмуренный, стоялъ онъ, смотря на обѣ стороны, оборотился назадъ, закричалъ: «республика!» хлопнулъ сильно дверью и ушелъ къ ланкастерамъ. Мы разбѣжались по классамъ и сѣли на свои скамейки, какъ ни въ чемъ не бывало.

Съ грустными физиономіями явились офицеры въ свои классы и завяли свои предметы; розыска виновныхъ никакого не было, потому что участниками въ происшествія были все классы.

Явился директоръ, разсыпался на всѣхъ угрозами, но взыскать со всѣхъ не было возможности, и прошедшаго не воротить.

Вошелъ генераль.

— Какъ вы смѣли, мальчики, вскричалъ онъ гнѣвно: — дѣлать подобныя шалости?

Всѣ стояли въ мертвомъ молчаніи.

— Ну, говорите же, продолжалъ онъ кричать и приставалъ къ одному небольшому юнкеру: — говори! я приказываю.

— Ваше превосходительство! сказалъ испуганный юнкеръ, не зная, что отвѣчать: — вчера въ классѣ читали «артиллерію».

— А вы, молокососы, вздумали сдѣлаться артиллеристами въ натурѣ, и вмѣсто непріятели, перебили у меня стекла! Г. майоры! сказалъ онъ директору: — всѣхъ этихъ артиллеристовъ не пускать нынче обѣдать; въ военное время приходится иногда терпѣть голодъ; вы это испытаете у меня тоже въ натурѣ... Генераль вышелъ, и мы могли слышать смѣхъ его въ корридорѣ.

Прошла бѣда, но не прошли шалости. Въ городѣ юнкера рассказывали большими партіями по улицамъ. Остановить на дорогѣ дѣвущку-мѣщанку, обидно посмѣяться надъ ней, подтрунить дерзко надъ густыми бородами купцовъ—ничего не значило. Генераль рѣшился быть строгимъ, выписалъ трехъ или четырехъ юнкеровъ въ армейскіе полки, разумѣется, съ хорошими аттестатами;—а это наказаніе считалось сильнѣйшимъ; перевелъ сорокъ человекъ въ казармы при самой школѣ, и шалости — какъ въ воду канули.

Но вотъ настало осьмое декабря, — день вѣчно оставшійся въ памяти у многихъ изъ товарищей, день восхищенія и восторга. Мы узнали, что въ это число насъ до тридцати человекъ изъ корпуса произведены въ офицеры. Обращаюсь къ вамъ, господа статскіе чиновники, съ тѣмъ сожалѣніемъ, что вы въ жизни вашей не имѣли возможности узнать подобнаго дня! Съ полученіемъ коллежскаго регистратора у васъ не сдѣлалось ровно никакой перемѣны, кромѣ тоненькой черной палочки, висящей на цѣпочкахъ и называемой шагою; платье ваше осталось тоже самое, должностное мѣсто ваше безъ всякой перемѣны, тотъ же столъ предъ вами, тотъ же стулъ, на которомъ сидѣли, и таже чернилица; а поэтому вы не можете понимать радости при производствѣ въ первый чинъ. Въ военной службѣ перемѣна поразительна: сброшена толстая солдатская одежда, тяжелый ранецъ, ружье и куча ремней съ пряжками; сшитый изъ толстаго сукна галстухъ, такъ немилосердо тершій шею, замѣняется шелковымъ платкомъ, однимъ словомъ—чувствуешь какое-то перерожденіе. Вчера вы шли по улицѣ, скидали вашу шапку всякому попадавшемуся офицеру и дѣлали честь вашимъ фронтомъ; но нынче

вы произведены и подходите къ тому же самому офицеру, какъ товарищъ, съ однимъ обыкновеннымъ поклономъ. Теперь на оборотъ: предъ вами снимаютъ шапку нижніе чины и отдають должную честь по фронту. Эта-то быстрая перемѣна, какъ я думаю, и производитъ тотъ восторгъ, который чувствуетъ всякій, вновь произведенный прапорщикъ.

Новые офицеры не могли скоро имѣть полной экипировки, по случаю неприсылки изъ домовъ своихъ денегъ. Получивши лично поздравленіе генерала и должное наставленіе, многіе отправлялись по полкамъ; прощаясь съ товарищами, каждый изъ насъ не замедлилъ пригласить распить нѣсколько бутылокъ вина; смотря по состоянію, кто угощалъ горскимъ, мадерою; у другихъ являлось и шампанское. Особенной претензіи не было: все пилось, что подавали, лишь бы поздравить съ полнымъ стаканомъ вина.

По дальнему разстоянію отъ мѣста моего жительства, я не могъ скоро получить деньги на мою экипировку. Въ ожиданіи этой присылки, помѣстился я на квартирѣ офицера нашего полка, находившагося постоянно въ корпусномъ штабѣ. На другой день Рождества Христова, я былъ обрадованъ полученіемъ изъ дому денегъ; принялся за расчеты, какъ и что сдѣлать; просилъ не оставить совѣтомъ хозяина квартиры, и въ этотъ вечеръ мы принялись записывать предполагаемыя покупки: какой цѣны поставить сукно на мундиръ, сюртукъ и шинель, сколько нужно эполетъ, шарфовъ и другихъ принадлежностей, — какъ вдругъ наше занятіе прекратилось прїѣздомъ изъ нашего полка капитана Баталина. «Здорово ребята!» вскричалъ капитанъ, снимая съ себя дорожное платье и распутывая большой шерстяной шарфъ, окутывавшій его шею. «Миръ вамъ, и я къ вамъ!» повторилъ онъ. «Поздравляю съ эполетами!» сказалъ онъ, увидавши меня и подавая мнѣ руку.

— Отецъ командиръ! произнесъ мой хозяинъ: — какими судьбами и зачѣмъ къ намъ пожаловали?

— Прежде всего напой меня чаемъ, а потомъ задавай вопросы, сказалъ Баталинъ. Сытый голоднаго не разумѣетъ...

Подали самоваръ. Капитанъ выпилъ нѣсколько стакановъ со сливками, сухарями, а послѣ съ трубкою.

— Не угодно ли съ ромцомъ?

— Выпью и съ ромцомъ, а между тѣмъ стану рассказывать вамъ полковыя новости; что знаю, все передамъ, говорилъ капитанъ. — Полковой командиръ ѣдетъ въ Питеръ на двадцать-восемь дней; штабсъ-капитану Самсонову дали роту на мѣсто Котовича, а этого уroda перевели въ гарнизонъ. Да и давно пора: спился съ кругу! И вообразите его печальную участь—что съ нимъ надѣлала наша моло-

дежь, когда прочитали о переводѣ его въ приказѣ! Они поспѣшили къ Котовичу поздравить его съ блестящимъ переводомъ, нашли переведенца въ его квартирѣ, упившагося до послѣдней крайности, подбавили ему еще нѣсколько рюмочекъ, и прежній командиръ третьей роты заснулъ, сидя, имѣя сюртукъ съ нашими еще эполетами. Молодежь торовата на выдумки: въ отсутствіи деньщика, котораго послали за водкой, завели шумъ, вымазали его физиономію, и безъ того отвратительную, разными фигурами, вырѣзали съ эполетъ желтое сукно и замазали убылое мѣсто ржанымъ тѣстомъ; въ такомъ положеніи его и оставили, съ желаніемъ счастливой дороги и скорого свиданія съ новыми товарищами. Не знаю, оскорбился ли г. гарнизонный такими продѣлками, только на другое утро, за всѣмъ желаніемъ нашимъ видѣть Котовича, мы не нашли его въ квартирѣ; онъ выѣхалъ въ ночь къ новому назначенію.

Баталіонъ раскурилъ поданную ему трубку и продолжалъ: скажу теперь о себѣ: я назначенъ отъ дивизіи выбрать рекрутъ въ полки гренадерскаго корпуса; для этого командирують мѣся въ Казань, куда соберется нѣсколько партій. Завтра явлюсь къ начальнику дивизіи, получу прогонныя деньги—и катай къ татарамъ пить цветочный чай и ѣсть аршинную стерлядь!... При этомъ послѣднемъ словѣ, онъ вдругъ оборотился ко мнѣ и продолжалъ:

— Послушай, новый прапорщикъ! Вѣдь, кажется, твоя родина недалеко отъ Казани?

— Да, недалеко, отвѣчалъ я.

— Такъ чего же ты, пріятель, смотришь? Ѣдемъ вмѣстѣ! Я съ тебя до Казани копѣйки не возьму: прогоны казенные, подорожная тоже.

— Благодарю васъ, капитанъ, за намѣреніе доставить мнѣ удовольствие видѣться съ родными; но препятствій столько, что я не могу воспользоваться вашимъ предложеніемъ.

— Желалъ бы я знать, какія это препятствія и почему не можешь воспользоваться отпускомъ, когда имѣешь случай? Развѣ нѣтъ своего желанія? Это дѣло другаго рода.

— А вотъ какія препятствія: вы знаете, что я въ полкъ еще не являлся,—надобно туда ѣхать; не знаю, согласится ли на мой отпускъ полковой командиръ; а если и согласится, то я долженъ подать просьбу, и разрѣшеніе выйдетъ не прежде трехъ недѣль; такъ можете ли вы ждать меня такъ долго! Второе, я не имѣю ни одной офицерской вещи, только передъ вашимъ пріѣздомъ получилъ деньги и хочу теперь приступить къ экипировкѣ.

— Ахъ вы, молодежь, молодежь! Ты наговорилъ мнѣ много пустяковъ и ни одного препятствія. Я тебя научу, что дѣлать. Ты въ

полкъ не являлся, слѣдовательно принадлежишь еще корпусному начальству. Иди завтра къ Стальшину, скажи, что имѣешь случай ѣхать въ отпускъ; онъ отъ тебя приметъ просьбу и, не дожидаясь разрѣшенія, выдастъ тебѣ билетъ. Это такъ вѣрно, какъ я къ новому году въ Казани; а насчетъ экипировки—чего же лучше сдѣлать все въ Москвѣ? Я для тебя пробуду тамъ дня два, или три, пожалуй, и въ это время тебѣ все сдѣлаютъ. Тамъ нашъ казначей; у него остановимся. Если денегъ не хватитъ, — за бока казначея. Мы тебя нарядимъ, какъ куколку, да еще и въ театръ свожу, показать публикѣ новаго офицера. Ну, по рукамъ, что ли?

—Еще разъ благодарю васъ, добрыйшій капитанъ! Завтра постараюсь испытать совѣтъ вашъ на дѣлѣ.

На другой день все случилось такъ, какъ говорилъ Баталинъ. Генералъ принялъ меня очень ласково, и немедленно согласился на мой отпускъ. Въ двѣнадцать часовъ утра билетъ объ увольненіи былъ у меня въ карманѣ. Къ этому времени и капитанъ получилъ полное отправленіе, прогонныя деньги и подорожную.

— Ну, кто правъ? кто виноватъ? сказалъ капитанъ, — увидя меня.

— Я виноватъ! я виноватъ!... И въ истинномъ восторгѣ, я бросился обнимать Баталина.

— За тобой шампанское два раза: первое за офицерскій чинъ, а второе за отпускъ.

— Рады стараться! закричалъ я, — и мы вечеромъ кутнули какъ слѣдуетъ.

XIII.

Съ сильною головою болью отъ вечерней гулянки и съ чувствами неописанной радости отъ поѣздки на родину, сѣлъ я съ капитаномъ на другой день въ рогожную повозку. Ямщикъ гаркнулъ на лошадей, язычокъ колокольчика суетливо забѣгалъ во всѣ стороны, производя однообразный звукъ. Кони понеслись, разметывая свои длинныя гривы и бросая изъ-подъ ногъ снѣжную пыль и комочки снѣга. Прощай, Калуга! прощай, школа! думалъ я, прижавшись въ уголъ нашей повозки....

Капитанъ на половинѣ пути заѣзжалъ къ знакомому помѣщику, гдѣ мы вочевали; а потому мы пріѣхали въ Москву только на другой день, въ самыя сумерки. Казначей нашъ Каравинъ, у котораго мы остановились, обрадовался намъ какъ роднымъ; пошли разспросы съ его стороны о полковыхъ товарищахъ, а съ нашей о москов-

скихъ новостяхъ, о театрѣ, и скоро ли онъ кончитъ пріемъ суконъ, холста и прочаго.

Прошло болѣе двухъ часовъ послѣ нашего пріѣзда; во все это время въ углу комнаты сидѣлъ военный офицеръ, въ сюртукъ безъ эпюлетъ. Красивое лицо молодаго человѣка было омрачено какою-то грустію, онъ сидѣлъ почти неподвижно, рѣдко шевелилъ губами, не издавая никакого звука; черные глаза его неподвижно устремлены были на зажженную свѣчку; онъ даже не прикасался къ поставленному предъ нимъ стакану съ чаемъ. Я терялся въ догадкахъ о нашемъ собесѣдникѣ; наконецъ капитанъ, улуца минутоу, спросилъ о немъ нашего казначея.

— Скажи, пожалуйста, Каранинъ, кто этотъ безсловесный офицеръ? сказалъ шопотомъ Баталинъ.

— Это несчастный казначей О—го пѣхотнаго полка, поручикъ Буфаловъ. Третій годъ мы пріѣзжаемъ въ Москву, для пріема въ полкъ мундирныхъ и аммуничныхъ вещей; каждый разъ становились на одной квартирѣ; у насъ все общее. Надобно знать, какой онъ превосходный товарищъ; прекрасно образованъ и даже поеть... Грустно видѣть его несчастіе, котораго онъ не понимаетъ.

— Не проигралъ ли онъ казенныхъ денегъ, или не промахнулся ли въ пріемѣ вещей?

— Все бы это ничего, но онъ — сумасшедшій!

— Какъ, — давно ли? вскричали мы въ одинъ голосъ.

— Не болѣе трехъ недѣль.

— Почему же ты не отправишь его въ госпиталь? можетъ быть, его вылѣчатъ.

— А я думаю, что на его выздоровленіе нѣтъ никакой надежды. Я знаю всѣ семейныя обстоятельства несчастнаго Буфалова. Мать его умерла въ сумасшествіи; старшая сестра болѣе десяти лѣтъ находится въ такомъ же положеніи. Надобно думать, что эта болѣзнь у нихъ въ семейной крови. Съ этимъ мнѣніемъ согласны два медика, приглашенные мною для лѣченія Буфалова; у него есть еще младшій братъ, который теперь студентомъ Харьковского университета. Можетъ быть, и его ожидаетъ подобное несчастіе. Хорошо слѣлалъ старикъ, отецъ ихъ, что не дожидъ до несчастія видѣть сына помѣшаннымъ и ожидать той же участи надъ младшимъ. Притомъ же мнѣ не хочется, продолжалъ казначей, — помѣстить его въ здѣшній госпиталь; онъ бываетъ болтливъ, можетъ вывести наружу свои слѣпки съ коммиссіонерами; тутъ можетъ страдать личность полковаго командира. Я писалъ къ его полковнику, увѣдомлялъ о случившемся и про-

силъ немедленно прислать для приѣмки другаго офицера, а Буфалова отвезутъ въ полкъ; тамъ болтай, что хочешь, — дѣло домашнее. Я думаю, командиръ ихъ полка останется доволенъ моимъ распоряженіемъ. Впрочемъ, больной не остается безъ лѣченія; его пользуютъ два здѣшніе медика.

— Какой главный пунктъ его помѣшательства и какъ оно началось? спросилъ капитанъ.

— Больной бредитъ стихами своего сочиненія и дѣлаетъ гигантскіе расчеты съ комиссіонерами, которые будто бы къ нему являютя; проситъ накладки на холсты и другія вещи; у него нѣтъ другаго счета, какъ двадцать или пятьдесятъ миліоновъ. Я удивляюсь, что онъ до сихъ поръ не вступилъ съ вами въ разговоръ, воображая васъ членами комиссіи. Больной бываетъ очень разговорчивъ, декламируетъ свои стихи, поремѣшиваетъ ихъ съ стихами изъ «Кавказскаго Пѣвника» или изъ Жуковскаго; однимъ словомъ — несетъ, что придетъ въ голову, лишенную своего хозяина. Сумасшествіе его началось мгновенно. Назадъ тому съ небольшимъ три недѣли не было ни малѣйшаго признака. Въ этотъ день, когда началось его помѣшательство, мы прѣбыли до трехъ часовъ въ комиссіи. Вхавши на квартиру, дорогою онъ убѣдительно упрасивалъ меня ѣхать обѣдать въ «Троицкій». я согласился. Заказали четыре блюда и, въ ожиданіи игры, сѣли за приготовленный столъ; за горячимъ мой товарищъ призадумался, но ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, и вдругъ довольно громко закричалъ: «Я, изорву стихи» и началъ въ свою тарелку крошить бѣлый хлѣбъ и бросать съ такою силою, что брызги супа летѣли въ разныя стороны. Я, нимаю не подозрѣвая въ немъ умственнаго разстройства, просилъ его оставить дурачество, боюсь обратить вниманіе постороннихъ свидѣтелей. Подали холодное.

— Изъ чего сдѣланы эти котлеты? спросилъ Буфаловъ.

— Изъ телятины, отвѣчалъ половой.

— Врешь, закричалъ онъ: — онѣ изрублены изъ сапожнаго товару!

Я былъ въ томъ убѣжденіи, что товарищу моему показались котлеты дурно приготовленными, удивлялся только тому, что онъ такъ громко кричалъ въ трактирѣ. За послѣдними блюдами онъ сдѣлался задумчивъ, а когда половой принесъ намъ сдачу съ десятирублевой ассигнаціи, Буфаловъ потребовалъ счета, на которыхъ быстро сталъ высчитывать разныя суммы на косточкахъ, означающихъ миліоны. Эга продѣлка продолжалась довольно долго. Я

началь подозрѣвать состояніе моего товарища, который окончатель-
но довершилъ мою догадку сдѣланнымъ вопросомъ половому.

— Ты присланъ отъ комиссіонера? закричалъ Буфаловъ.

— Отъ какого комиссіонера? спросилъ половой.

— Отъ Иванова! Онъ подослалъ тебя. Скажи ему, что я никакъ
не согласенъ на тотъ расчетъ, который онъ предлагаетъ; я отъ не-
го долженъ получить десять миліоновъ, а какую онъ даетъ накладку?
Стыдно сказать — десять аршинъ! Что, неправда, скажешь ты? Я
васъ выучу, — отъ образца не отступлю ни на шагъ! Скарედъ прокля-
тый! У самого до сорока миліоновъ въ процентахъ ходить, а все-
таки жалко разстаться съ копѣйками.

— Половой стоялъ, вытараща глаза и не могъ отвѣчать на воп-
росы, можетъ быть думая, что онъ говоритъ съ офицеромъ, поря-
комъ подгулявшимъ. Мнѣ стояло большого труда увезти Буфалова до-
мой; осталось одно средство: придумать какой нибудь обманъ. Я такъ и
сдѣлалъ, — сказалъ, что у трактирнаго подъѣзда ожидаетъ его комис-
сіонеръ. Обманъ удался, — Буфаловъ опрометью бросился съ лѣстни-
цы; я уговорилъ его сѣсть въ сани и привезъ на квартиру. Итакъ
вотъ чѣмъ началось сумасшествіе, которое развивается все болѣе
и болѣе.

По окончаніи этого разговора, мы замѣтили, что больной что-
то говорилъ. Въ это время онъ держалъ въ рукахъ крышку съ эпо-
летнаго футляра; на крышкѣ, обыкновенно, какъ всегда дѣлается,
былъ наклеенъ печатный билетикъ, означающій мѣсто продажи офи-
церскихъ вещей и фамилію хозяина магазина. Сумасшедшій долго
читалъ этотъ билетикъ, и вдругъ громко закричалъ:

— Совралъ, какъ песь!

— Кто совралъ? спросилъ его нашъ казначей.

— Развѣ ты не видишь, что совралъ Солодовниковъ? Посмотри,
что онъ тутъ напечаталъ: «Магазинъ офицерскихъ вещей, купца
Солодовникова. Эполеты, шарфы, кутасы и разные военные при-
боры», — гдѣ же тутъ рифма? И какіе это стихи! Не умѣлъ написать
двустихіе, а еще въ печать отдалъ! Если бы онъ написалъ: «эпо-
леты, шарфы, кутасы и разные военные припасы», — тутъ была бы
рифма. Двухъ словъ не умѣютъ написать по-русски, а отдаютъ въ
печатать!

Окончивши критическій разборъ наклееннаго билетика, Буфа-
ловъ схватилъ со стола карандашъ и началъ писать во внутренности
крышки эполетнаго футляра. По окончаніи своей работы, онъ по-
далъ нашему казначею футлярную крышку, и мы прочли слѣдующее:

«Всѣ адъютанты
 Носятъ эксельбанты,
 А московскіе франты —
 Рововые банты;
 Поютъ музыканты
 Разные канты;
 Дѣвушки играютъ въ фанты,
 Саблями драбанты....

На новые эшкеты
 Уставлены лорнеты;
 Щоголи одѣты
 Въ бѣлые жилеты,
 А въ дамскіе браслеты
 Смотрятъ всѣ планеты;
 Сжаты всѣ въ корсеты,
 Глядя на балеты.

— Не хотите ли прочесть его стихи, сказалъ нашъ казначей, писанные въ сумасшествіи? Видите, подъ его кроватью разбросаны бумаги. Тутъ вы найдете множество сплетенныхъ рифмъ и ни одной здоровой мысли.

Я взялъ изъ-подъ кровати одну бумагу, исписанную кругомъ карандашемъ, съ небольшими поправками. Стихи эти начинались очень недурно, и даже можно думать, что они писаны имъ прежде сумасшествія. Но конецъ не имѣлъ никакого смысла, хотя рифмы и реченія были сохранены. Больной не пріятствовалъ читать свое сочиненіе; впрочемъ онъ не обращалъ никакого вниманія и на то, если его въ глаза называли сумасшедшимъ.

Прошло не болѣе двухъ часовъ послѣ оконченнаго нами чая, Буфаловъ сдѣлался болѣе разговорчивымъ, ходилъ большими шагами по комнатѣ, декламировалъ стихи, бранился съ комиссіонерами. Мы было оставили его въ покоѣ, какъ вдругъ онъ подбѣжалъ къ Каранину и, указывая на капитана, спросилъ: «этотъ казначей котораго полка?»

— Махорскаго пѣхотнаго, отвѣчалъ Каранинъ.

— Махорскаго пѣхотнаго, повторилъ сумасшедшій: — это какой дивизіи?

— 514-й, отвѣчалъ нашъ казначей.

— 514-й, повторилъ опять Буфаловъ и задумался.... А гдѣ квартируетъ эта дивизія?

— Въ Грибной губерніи.

Сумасшедшій разразился громкимъ смѣхомъ.

— Стало быть, у нихъ, вмѣсто провiанта, грибы ѣдятъ? — Хорошо! право хорошо! А это что еще за казначей? спросилъ онъ обо мнѣ у Каранина: — и гдѣ служить?

— Этотъ казначей служить въ конномъ флотѣ и пріѣхалъ принимать алебастръ для замазки кораблей.

Сумасшедшій косо посмотрѣлъ на меня и, подумавши, сказалъ: — ну, этого вы въ нашей комиссіи не найдете! — Прошу, господа, познакомиться, продолжалъ онъ, — и быть въ дѣлахъ нашихъ откровенными; на комиссіонеровъ плоха надежда: если ихъ не прижать порядкомъ, они вамъ не дадутъ никакой накладки, а объ деньгахъ и говорить нечего. Вы также, я думаю, получили разрѣшеніе отъ своихъ полковниковъ принимать вещи ниже образцовъ. Тутъ дѣло въ шляпѣ. Комиссіонеры и самъ управляющій берутъ же деньги съ фабрикантовъ. Шутка ли, — съ каждаго аршина по сту рублей! Тутъ, кажется, можно подѣлиться съ нашимъ братомъ и командиромъ полка. Прошлаго года я взялъ на одинъ рубашечный холстъ пять миллионовъ, а нынче мнѣ предлагаютъ только два. Не видалъ что ли я вашихъ ассигнацій! Заплати мнѣ стихами, въ которыхъ бы была истинная поэзія! Прозы не возьму ни за что; иначе отъ образцовъ не отступлю. Вчера въ комиссіи показывали мнѣ подкладочный холстъ, который хотѣли мнѣ подосунуть. — Да это тюль! вскричалъ я на комиссіонера. — «Вы отгадали, отвѣчалъ онъ съ низкимъ поклономъ: — этотъ тюль будетъ приниматься на однихъ рекрутъ, которые продадутъ его дамамъ, что рекрутамъ составитъ большую прибыль.» Вотъ нынче какова комиссія! Я ихъ не буду баловать, — напишу такую сатиру, что сторожъ, который снимаетъ съ насъ шинели, расхохочется надъ своими воспитанниками и закричитъ: «здравія желаю, ваше благородіе!» а я ему дамъ двѣсти золотыхъ на водку. И Буфаловъ опять захохоталъ во все горло.

Во время этого разсказа Каранинъ напѣвалъ водевильные куплеты и какъ будто старался ими заглушить слова сумасшедшаго.

— Теперь надобно бы намъ при первомъ знакомствѣ выпить темную, т. е. казначейскую, и поздравить съ будущими денежками. Эй! Поскребаевъ! Поскребаевъ! закричалъ Буфаловъ.

Явился деньщикъ, очень опрятно одѣтый, и ожидалъ приказанія своего господина.

— Поди, принеси, закричалъ сумасшедшій: — двѣ тысячи дюжинъ шампанскаго, возьми четыре аршина лучшаго швейцарскаго сыру,

да не захватишь ли гдѣ свѣжей икорки? Приготовь зеленого лучку, и все это поставь, какъ слѣдуетъ! Понимаешь?

— Понимаю, ваше благородіе!

Деньщикъ пожалъ плечами и отправился опять на отдыхъ въ хозяйскую кухню.

Больной скоро забылъ отданное имъ приказаніе и, вмѣсто шампанскаго, въ десять часовъ, выпилъ двѣ рюмки настойки, ушелъ въ свою комнату и черезъ нѣсколько минутъ захрапѣлъ богатырски.

На другой день декабрьское солнце освѣтило квартиру нашего казначея. Глазамъ моимъ представились вещи довольно дорогой цѣны. Вотъ на письменномъ столѣ блестяли серебряные подсвѣчники и разные галантерейные приборы, бритвенный ящикъ, наполненный всякими вещами, отдѣланными въ серебрѣ; въ углу стояли прекрасные черешневые чубуки, съ огромными янтарями; дорогой коверъ, прибитый къ стѣнѣ, красовался различными цвѣтами. На этомъ коврѣ висѣли два пистолета въ прекрасной отдѣлкѣ, а между ними роскошно, на бархатной подушечкѣ, помѣщались золотые карманные часы. Вообще всѣ вещи говорили, что онѣ имѣютъ богатаго хозяина, который вышелъ къ намъ въ прекрасномъ шелковомъ халатѣ и въ вышитыхъ серебромъ по сафьяну полусапожкахъ. Я пришелъ въ большое затрудненіе рѣшить заданный себѣ вопросъ: откуда все это взялось у г. Каранина? Офицеръ этотъ, какъ намъ извѣстно, вовсе не имѣлъ никакого состоянія; ужъ не накладъ ли это, взятая съ комисіонеровъ, о которой такъ простодушно толковалъ сумасшедшій Буфаловъ? Когда мы одѣлись, чтобы ѣхать въ разные магазины, то мнѣ опять пришла въ голову казначейская накладъ, которая будто говорила за себя, что она въ казначейскомъ карманѣ. Каранинъ надѣлъ на себя стеганную на левантинѣ ваточную шинель съ бровымъ, въ просѣдъ, воротникомъ. Къ подѣзду была подана красивая лошадь, запряженная въ лучшія городскія санныя съ полостью изъ чернаго медвѣдя; щегольски одѣтый кучеръ нѣсколько разъ проѣхалъ нетерпѣливаго коня и ожидалъ своихъ пассажировъ.

Капитанъ сѣлъ съ казначеемъ, а я взялъ извозчика, и мы отправились покупать разныя офицерскія вещи. Въ этотъ день все было для меня накуплено и отдано портному; однимъ словомъ, я черезъ три дня былъ обмундированъ окончательно. Пробывши въ Москвѣ четверо сутокъ, побывавши два раза въ театрѣ и наконецъ поблагодаривши хозяина, мы отправились въ Казань.

XIV.

3 января, вечером, мы въехали въ бывшее татарское царство и остановились въ домѣ благороднаго собранія. Тутъ были номера для прїѣзжающихъ; а на другой день, послѣ сытнаго завтрака, капитанъ поѣхалъ явиться военному начальству, а я, распростившись съ нимъ, совершенно одинъ отправился на родину. Человѣкъ мой еще изъ Калуги былъ отправленъ въ полкъ.

Тройка лихихъ татарскихъ лошадей быстро пронесла меня разомъ двѣ станціи. Вообще, отъ Казани до нашего города возятъ татары. Проѣхать двѣ-три станціи, не кормя, у нихъ ни-почемъ, было бы только на это позволеніе пассажира. Скорая ѣзда по этому тракту сохранила свой характеръ и въ настоящее время. Татарскіе ямщики визгливымъ крикомъ на своихъ маленькихъ лошадей даютъ имъ будто новую силу и быстроту въ бѣгѣ. Вы пролетѣли, въ полномъ смыслѣ этого слова, двадцать верстъ; въ виду станція; вы думаете о перемѣнѣ на ней лошадей; напротивъ, татаринъ оборачивается къ вамъ съ вопросомъ: «Что, бачка—еще тащить станцію?» Вамъ жалко разстаться съ лихой тройкой, и вы соглашаетесь на его предложеніе. Татаринъ заревѣлъ, завизжалъ, ударилъ коренную, подстегнулъ пристяжныхъ, и въ нѣсколько минутъ станція осталась далеко за вами. Врядъ ли кто нибудь и гдѣ нибудь встрѣтитъ скорую ѣзду, подобную казанскому тракту. Надобно замѣтить,—если вы отправляетесь по этому тракту, не беспокойтесь о подорожной, она будетъ спокойно лежать въ вашемъ карманѣ.

Дневной свѣтъ умиралъ отъ наступающей ночи; небольшой вѣтерокъ тащилъ по снѣжному пространству веревками мелкій свѣгъ, представляющій собою будто волны, бѣгущія по одному направленію (такое состояніе погоды въ простонародіи называется пополухою). Наступившія сумерки все болѣе и болѣе брали верхъ надъ исчезающимъ свѣтомъ, и наконецъ безлунная ночь съ густыми сѣрыми облаками, закрывающими небо, воцарилась совершенно. Въ это время я прїѣхалъ на четвертую станцію. Татаринъ подвезъ меня къ крестьянской избѣ, остановилъ упаренныхъ лошадей, постучалъ въ окошко и закричалъ во все горло: «разгонъ!» Будущій мой ямщикъ, также татаринъ, пригласилъ меня выдти изъ повозки отогрѣться. Морозъ былъ не болѣе двѣнадцати градусовъ; а потому, не чувствуя холода, я отказался отъ его приглашенія, торопилъ толь-

ко о перемѣнѣ лошадей. Прошло не болѣе десяти минутъ, какъ за скрипѣли тяжелыя ворота, изъ которыхъ выѣхала тройка лошадей, запряженная въ подобную же рогожную повозку, въ какой я приѣхалъ. Выходящій длинною полоскою свѣтъ изъ окошка далъ мнѣ возможность увидать бойкихъ коней, для меня приготовленныхъ, и широкое лицо ихъ хозяина. «Готово, бачка!» сказалъ онъ, садясь на козлы и подбирая на-туго возжи. Я перекинулъ свой чемоданъ и подушку въ новую повозку, бросился на посланное сѣно; татаринъ опустилъ сверху рогожный фартукъ, поправилъ свой малахай, закричалъ посвоему на лошадей, и вся тройка съ отчаянiемъ понеслась по дорогѣ. Съ небольшимъ въ часъ проѣхалъ я станцію; татаринъ, по обыкновенiю, везъ меня другую. Однообразный звонъ колокольчика, скрипъ подъ санями и татарская пѣсня ямщика такъ меня убаюкали, что я заснулъ крѣпкимъ и прiятнымъ сномъ. Не знаю, долго ли продолжался мой сонъ, но когда проснулся, повозка стояла на мѣстѣ, кругомъ все тихо, какъ въ могилѣ, только изрѣдка побрякивалъ колокольчикъ отъ движенiя коренной лошади. Вотъ мы и на станціи, подумалъ я; мысль эта болѣе подтвердилась тѣмъ, что въ небольшое отверстiе между спущенной рогожей и самой повозкой видѣлась въ самомъ близкомъ разстоянiи соломенная крыша. «Эй! ямщикъ! закричалъ я:—татаринъ! татаринъ!» Отвѣта не было. Вѣрно ушелъ въ избу и толкуетъ себѣ на просторѣ съ своими земляками, подумалъ я. Однакожъ ожиданiе было напрасно; терпѣнiе мое истощилось; я быстро вскочилъ на ноги, откинулъ рогожную занавѣску, и въ это время картина, бывшая въ моихъ мысляхъ, совершенно перемѣнилась: вмѣсто воображаемой улицы и избы, я стоялъ въ чистомъ полѣ, окруженный одними сугробами снѣга. Вся тройка лошадей стояла по брюхо въ снѣгу, не двигаясь съ мѣста. Приглядываясь понемногу къ окружающимъ предметамъ, я удостовѣрился, что нахожусь въ оврагѣ, берега котораго съ обѣихъ сторонъ были много выше моей повозки, а на поверхности ихъ ростъ кустарникъ, который въ отверстiе повозки показался мнѣ соломенною крышею. Глубина оврага препятствовала даже дуновению вѣтра; онъ разгуливалъ только въ полѣ и шумѣлъ вдали сосновымъ боромъ. Я вышелъ изъ повозки, обошелъ ее кругомъ, увязая по колѣно въ снѣгу, и удостовѣрился, что дороги тутъ никакой не было. Слѣдъ оставленный лошадьми и повозкой былъ сдѣланъ по глубокому цѣлику. Незвѣстность, гдѣ нахожусь я, и что сдѣлалось съ ямщикомъ моимъ, поставила меня въ незавидное положенiе: даже лошади, какъ будто чувствуя потерю своего хозяина и не имѣя путеводителя, повѣсили головы и уныло ожидали своей участи. Я долго кричалъ татарина,

но голосъ мой умиралъ въ воздушномъ пространствѣ безъ всякаго отвѣта. На что рѣшиться и что дѣлать? Ъхать одному, наудалую, было бы безразсудно, да и лошади отъ снѣжной глубины не могли двинуться съ мѣста. Я сѣлъ опять въ повозку и рѣшился дожидаться свѣта. Къ несчастію, и время было мнѣ неизвѣстно; часы безъ репетира, а глазами нельзя разсмотрѣть ни одной цифры. Ощупалъ руками циферблатъ—Боже мой! обѣ стрѣлки были наверху; слѣдовательно, двѣнадцать или часъ ночи! Цѣлая вѣчность представлялась мнѣ пробыть въ такомъ положеніи.

Прошло болѣе часу, и вдругъ слуха моего коснулся будто-бы человѣческій голосъ, произносящій одни междометія: го-го-го! го-го-го! Не вѣря моему счастью, я выскочилъ изъ моего убѣжища, и уже на открытомъ воздухѣ ясно услышалъ невнятные слова и наконецъ увидѣлъ движущуюся фигуру челоѵка огромнаго росту. Фигура эта находилась на самой крутизнѣ овражнаго берега, и потому изъ моей ямы казалась мнѣ исполиномъ. Это былъ мой ямщикъ, который не сошелъ ко мнѣ, но скатился кубаремъ къ самымъ лошадинымъ ногамъ, отъ усталости едва переводя дыханіе. Я было принялся распрашивать о случившемся происшествіи, но одни вздохи и аханья были отвѣтомъ. Когда же понемногу прошло утомленіе татарина, онъ прерывающимся голосомъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: «У насъ знаешь, бачка, кнутъ кончалъ — шайтанъ его знаетъ—куда пошелъ; я его искалъ, и поднялъ кнутъ, и вернулъ къ лошадямъ; вотъ какъ не дошелъ до нихъ близка, бачка, не дошелъ, ударилъ только кнута отъ шуба... знаешь, снѣга отбить отъ шуба, — какъ бросится мой кони... вовсе притка пошелъ... совсѣмъ юкъ сталъ, тошно самъ шортъ на немъ сидеть... А ты-то видно спалъ; мы ужъ тебя кричали: — доржи! балтъ! а ты писявѣ не слыжалъ, бульна твоя сонъ крипка була, совсѣмъ было бѣдамъ тащилъ, прусто головамъ кружилъ, такъ и думалъ — совсѣмъ кончалъ! Охъ, Алла! Алла! проговорилъ татаринъ и началъ хлопотать около лошадей. — «Далеко-ли большая дорога? спросилъ я.» — Нибульна далеко, отвѣчалъ онъ — можетъ, саженъ триста будеть.

Съ большимъ усиліемъ и, можно сказать, общими силами обернули мы назадъ повозку, медленно потянулись цѣликомъ по сдѣланному нами же слѣду и выѣхали на большую торную дорогу. Путешествіе мое пошло обыкновеннымъ порядкомъ.

Одна станція оставалась да мѣста моей родины. Было семь часовъ утра, когда запрягли мнѣ лошадей. Русскій мужичокъ, ямщикъ мой, одѣтый въ два нагольные тулупа, сѣлъ на козлы. «Съ Богомъ!»

сказалъ онъ, махнувъ рукавицей, — и русскія, большаго роста, лошади побѣжали какой-то тяжелой рысью.

Свѣтасть! Теперь, наоборотъ противъ вечера, стала умирать ночная тѣнь, воскресать утренній свѣтъ. Всѣ предметы отдѣлялись другъ отъ друга; кусты и сухая прошлогодняя трава, напудренные инеемъ, дѣлались яснѣе и яснѣе; верстовыя столбы показывали настоящую свою краску; вотъ уже на нихъ можно разобрать цифры, а вотъ и вороны тронулись изъ лѣсу и стали садиться на дорогу, съ своимъ докучливымъ крикомъ. Разсвѣло совершенно, когда я подѣзжалъ къ небольшому лѣску, въ которомъ такъ много охотился до поѣздки моей въ полкъ; но мѣста эти мало напоминали мнѣ прошедшее удовольствіе охоты. Одна мысль — скорое свиданіе съ родными все заглушала; невольный трепетъ ожиданія, смѣшанный съ сильнымъ нетерпѣніемъ, занимали духъ, и сердце билось быстрѣе нормального состоянія. Открылся городъ съ дымящимися трубами... Пошолъ! ради Бога, пошолъ! кричалъ я изъ повозки, и кони отъ ударовъ кнута понеслись во всѣ лопатки. Вотъ и застава съ раскрашеннымъ форменнымъ шлагбаумомъ, а за нимъ сейчасъ базаръ, наполненный народомъ, который волновался, суетился, шелъ взадъ и впередъ, перебѣгалъ дорогу и двигался во всѣхъ направленіяхъ. Тутъ надобно было ѣхать шагомъ. «Пади! пади!» безпрестанно кричалъ ямщикъ мой: — эй, ты, съ поросенкомъ! посторонись! посторонись! Куда лѣзешь, баба? прямо подъ лошадей! задавлю! держи правѣе! кричалъ онъ ѣхавшимъ навстрѣчу, — или не видишь? Эй? татарскій малахай! въ сторону! дай дорогу!»

Но вотъ народъ сталъ рѣдѣть, рѣдѣть, и мы выѣхали на просторъ совершенно. Лошади запрыгали по большой улицѣ; она миновалась. Еще одна улица; проѣхали и ту; крутой поворотъ направо — и домъ нашъ стоялъ, какъ на ладонкѣ, и вотъ его отворенныя ворота! «Направо! направо!» кричалъ я ямщику, и мы въѣхали на просторный дворъ. Ни одной живой души на немъ не было; только одна старая шавка, сидя на навозной кучѣ, около конюшни, привѣтствовала своимъ хриплымъ лаемъ нежданнаго гостя. Я въѣхалъ въ переднюю; и въ ней, какъ на дворѣ, не было человѣка. Сбросивъ, куда попало, свою военную шинель, отворилъ я дверь, вошелъ въ залу; но и въ этой комнатѣ царствовала таже пустота; я — въ гостиную, и тутъ никого не было. Съ трепетаніемъ сердца берусь за ручку спальной двери, отворяю ее, едва переводя дыханіе. Матушка исполняла утреннюю молитву: шелестъ моихъ шаговъ заставилъ ее обернуться; она ахнула отъ испуга и радости, и я бросился въ объятія нѣжнолюбимой

матери, и долго, долго продолжалась эта слезная, безмолвная сцена!...

П. АРЕНВАШЕВЪ.

Здѣсь останавливаются записки моего отца. По увѣренію его, есть еще продолженіе этихъ записокъ; но я въ его бумагахъ, здѣсь находящихся, отыскать не могъ. Отецъ мой помнитъ, что написано имъ весело проведенное время въ отпуску, возвращеніе въ полкъ, походъ въ военное поселеніе, прибытіе послѣ отставки на родину; пожарный годъ и прочія воспоминанія. Бумаги эти, вѣроятно, остались въ другомъ нашемъ имѣніи. Если предлагаемыя теперь записки заслужатъ хотя малѣйшее одобреніе публики, то я постараюсь выдать и остальные.

Издатель.

ПѢСНЯ ЕРЕМУШКЪ.

«Стой, ящикъ! жара неносная :
Дальше ѣхать не могу!»
Вить пора-то сѣнокосная —
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялаго
Только нянюшка сидитъ,
Закачавъ ребенка малаго,
И сама почти-что спитъ;

Черезъ силу тянетъ пѣсенку
Да зѣвая крестить ротъ.
Сѣлъ я рядомъ съ ней на лѣсенку;
Няня дремлетъ и поетъ :

«Ниже тоненькой былимочки
Надо голову клонить,
Чтобъ на свѣтѣ сиротиночкѣ
Безпечал: но вѣкъ прожить.

Сила ломить и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшіе Еремушку
Въ люди вывели скорѣй.

Въ люди выйдешь, все съ вельможами
 Будешь дружество водить,
 Съ молодыми да съ пригожими
 Будешь съ дѣвками шалить.

И привольная и праздная
 Жизнь покатится шутя...»
 Эка пѣсня безобразная!
 — Няня! дай-ко мнѣ дитя!

«На, родной! да ты откудова?»
 — Я проѣзжій, городской. —
 «Покачай; а я покудова
 Подремлю... да пѣсню спой!»

— Какъ не спѣть! спую, родимая,
 Только, знаешь, не твою.
 У меня своя любимая...
 Баю-баю-шки-баю!

— Въ пошлой лѣни усыпляютій
 Пошлыхъ жизни мудрецовъ,
 Будь онъ проклятъ, растлеватій
 Пошлый опытъ — умъ глупцовъ!

— Въ насъ подъ кровлею отеческой
 Не запало ни одно
 Жизни чистой человѣческой
 Плодотворное зерно.

— Будь счастливей!... Силу новую
 Благородныхъ юныхъ дней
 Въ форму старую, готовую
 Необдуманно не лей!

— Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
 Душу вольную отдай,
 Человѣческимъ стремленіямъ
 Въ ней проснуться не мѣшай.

— Съ ними ты рожденъ природою —
 Возледей ихъ, сохрани!

Братствомъ, Истиной, Свободою
Называются они.

— Возлюби ихъ! на служеніе
Имъ отдайся до конца!
Нѣтъ прекраснѣй назначенія,
Лучезарнѣй нѣтъ вѣнца.

— Будешь рѣдкое явленіе,
Чудо родины своей;
Не холопское терпѣніе
Принесешь ты въ жертву ей:

— Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду
И довѣренность великую
Къ безкорыстному Труду.

— Съ этой пенавистью правою,
Съ этой вѣрою святой,
Надъ неправдою лукавою
Грянешь Божьею грозой...

— И тогда-то...

Вдругъ проснулося

И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
«Сытъ? Ну, баю-шки-баю!»
И зашѣла надъ малюткою
Снова пѣсенку свою...

И. НЕКРАСОВЪ.

ПРОГРЕСЪ.

(ИМЪ БАРБЪ).

Къ чему же служатъ намъ исторіи примѣры
И назиданія вѣковъ,
Когда позоры вновь и бѣдствія безъ мѣры
Къ сынамъ приходятъ отъ отцовъ?
Безумцы! мы давно ль гимнъ пламенный свободы
Пропѣли хоромъ надъ землей?
И восторженные насъ видѣли народы
Дубовой вѣнчанныхъ листвою.
Мы пѣли, полные святаго упоенья,
Богиню чистую любви,
Не думая тогда, что жертвоприношенья
Она потребуеть свои.
Мы небо видѣли безъ облакъ надъ собою,
Пространную и вѣчную лазурь:
Скопаялася межъ тѣмъ гроза надъ головою —
Предвѣстница грядущихъ бурь...
И старыя опять мы увидали страсти
Временъ постыднѣйшихъ тогда:
Измѣны низкія и грубость самовластья,
И алчность славы для вреда.
Мы видѣли потомъ — и вѣрить мы не смѣли —
Какъ кровь ручьемъ пустилась течь,
Какъ матерей сердца отъ страха леденѣли,
Какъ стекла рѣзала картечь...
Мы видѣли убійцъ и мстителей побѣдныхъ,
Клятвопреступниковъ въ вѣнкахъ,
И разъяренный штыкъ въ груди у женщинъ блѣдныхъ, —
Дѣтей пронзенныхъ на рукахъ:
Всѣ ужасы поры, отжившей и презрѣнной
У насъ воскресли на глазахъ,
Чтобъ усомнились мы, что вѣчный ходъ вселенной
Подвинулся хотя на шагъ...

И. КОВАЛЕВСКІЙ.

ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРЪ БУБЕНЧИКОВЪ.

ГЛАВА I.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪѢЗДЪ ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА БУБЕНЧИКОВА
ВЪ ГОРОДЪ ПРИМОРСКЪ.

Покойные пѣты: Херасковъ, Петровъ и Сумароковъ (царство имъ небесно!...) иначе не начинали своихъ поэмъ, какъ возгласомъ: «пою!». Напримѣръ:

Пою отъ варваровъ Россію освобожденну,
Поправшу власть татаръ и нго дерзновенно....

Такое вступленіе очень мило! Чѣмъ оно хуже начала нашихъ повѣстей и романовъ, обыкновенно начинающихся описываньемъ какого нибудь будуара, гостинной, или какого нибудь городка, въ царствованіе царя Гороха? На мой взглядъ, — оно даже лучше! По крайней мѣрѣ, безъ всякихъ околичностей, прямо поетъ о дѣлѣ.... А то всё эти описанія павильоновъ, будуаровъ и гостинныхъ, въ которыхъ идеальныя красавицы съ неслыханными физическими и нравственными совершенствами фантазируютъ о томъ, какъ приставить рога своимъ мужьямъ.... правду-истину сказать, до тоски надоѣли! При всей своей поэтичности, они производятъ иной разъ въ душѣ такое непоэтическое настроеніе, что только вздохнешь да подумаешь: Боже

Т. LXXVII. Отд. I. 16

всемогущій! почему бы и нашимъ поэтамъ и сочинителямъ не начинать своихъ поэмъ такъ, какъ ихъ начинали Херасковъ, Петровъ, Сумароковъ и прочая честная компанія?...

И въ самомъ дѣлѣ, читатели, не лучше ли и намъ, гражданамъ XIX вѣка, какъ выражается одинъ мой знакомый, начать *плть* своихъ героевъ?

О! зачѣмъ я не родился поэтомъ! Я бы первый звучнымъ александрійскимъ стихомъ воспѣлъ моего Бубенчикова!... Попытаюсь развѣ?... Пѣть? не упнжу искусства — и начну рассказъ мой, по мѣрѣ данныхъ мнѣ силъ, шероховатой и презрѣнной прозой; впрочемъ, безъ всякихъ поэтическихъ вступленій и описаній.

Вотъ извольте слушать.

Въ городѣ Приморскѣ грязь по колѣно, хотя на дворѣ стоитъ июнь. Не вѣрите такому диву,—поѣзжайте и вы убѣдитесь, что этотъ городъ—чудо изъ чудесъ... подымется пыль—и море, разстилающееся у его подножья, становится сѣрымъ, и буквально—на морѣ пыль; или польетъ дождь—и вы тонете на его улицахъ въ лужахъ, въ особенности на базарныхъ площадяхъ. Въ этомъ-то миломъ и поэтическомъ городѣ, на одной изъ его неглавныхъ улицъ, стоитъ хорошенкій домикъ; близъ него хлопочутъ квартальный надзиратель—худенькій, рыженькій, съ медалью за турецкую кампанію, и два полицейскихъ солдата: квартальный на всѣ лады и манеры бранить и грязь и городъ, солдаты лопатами прочищаютъ улицу.

— Отъ этой грязи просто хошь вопъ бѣги!... начинается одинъ изъ нихъ, обращаясь къ товарищу.

— Чтобъ ей, проклятой, сквозь землю провалиться! отвѣчаетъ флегматически другой.

Въ это время на клячѣ, запряженной въ ветхую повозчѣнку, ѣдетъ оборванный жидокъ.

— Куда лѣзешь, жидюга? для тебя что ли чистимъ улицу? кричитъ ему грозно солдатъ, начавшій разговоръ, — и энергически грозитъ ему лопатой.

Жидокъ останавливаетъ клячу и сквозь носъ говорить:

— Кудазе ѣхать? — сюдой шляхъ для вснхъ.

— Развѣ не знаешь, жидюга, палицмѣстера ждемъ!—ему фатеру готовимъ.

— Палицмѣстера?... восклицаетъ вопросительно жидокъ, быстро поворачиваетъ въ-обратную и начинается хлестать клячу

нзо всѣхъ силъ; но кляча, какъ разумное животное, понимая, что если она на этотъ разъ побѣжитъ, то ея владѣлецъ и въ другой разъ пожелаетъ повторенія того же самого, въ дипломатической своей рѣшимости, упорно стала—и ни съ мѣста. Жидокъ встаетъ на ноги и начинаетъ ее хлестать на всѣ бока; квартальный бранится; полицейскіе солдаты шумятъ... Вдругъ, о ужасъ! коляска, запряженная шестерней, несется во всю прыть и форейторъ почти наѣзжаетъ на бѣднаго еврея.

Изъ коляски выглядываетъ бронецъ, въ военной фуражкѣ; квартальный бѣжитъ по грязи къ экипажу, берется подъ козырекъ и скороговоркой, картавя, говоритъ:

— Честь имѣю явиться вашему высокоблагородію: квартальный надзиратель 1-го квартала, 3-ей сѣвѣжной части, провинціальный секретарь Блюдолизъ. Все обстоитъ благополучно...

— Какъ все обстоитъ благополучно, когда въ грязи у васъ тонутъ люди? за городомъ вездѣ сухо, а здѣсь хоть въ лодкѣ катятся. Гдѣ моя квартира?

— Ваше высокоблагородіе, ужь двѣ недѣли, какъ мы ждемъ васъ.... Эй, вы! оттащите повозку этого жвда.... дайте дорогу его высокоблагородію.

Солдаты суетятся близъ повозки, отваживаютъ ее въ сторону; экипажъ новаго полиціейстера торжественно въѣзжаетъ во дворъ его квартиры: тамъ, на порогѣ, его встрѣчаетъ старый полиціейстеръ съ частнымъ приставомъ.

Первый изъ нихъ выше средняго роста, бѣлокурый мужчина, съ легкой просѣдью и лысиной; форменный сюртукъ на немъ поистасканный. Второй — толстый, съ распухшимъ краснымъ лицомъ и маленькими сѣрыми глазами.

Новый полиціейстеръ выходитъ изъ коляски и протягиваетъ старому руку.

— Имѣю честь рекомендоваться штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи *** полка Бубенчиковъ.

— Имѣю честь рекомендоваться, прерываетъ его старый полиціейстеръ: — вашъ предмѣстникъ, полковникъ Шлагенштокъ. Поздравляю васъ съ пріѣздомъ.... Слава Богу, что благополучно къ намъ прибыли.... Съ какимъ нетерпѣніемъ я васъ ждалъ.... Рекомендую вамъ пристава 3-ей части Свинорылова.... Вы вѣрно устали съ дорогъ: я приготоуилъ обѣдъ, самоваръ.... чтѣ прикажете?...

— Я бы чаю напился.... съ дороги жажда.... Наши станціи никуда не годятся: если изъ города не возьмешь запасовъ провизіи, можно умереть съ голоду. Одинъ только несчастный самоваръ застѣишь и то страшно изъ него пить чай—можно отравиться: по нѣскольку лѣтъ онъ не лудится.

— Точно такъ-съ, отвѣчаетъ съ сладенькой улыбкой приставъ.

— Гмъ! произноситъ многозначительно Шлагенштокъ и выразительнымъ жестомъ приглашаетъ Бубенчикова въ столовую.

Здѣсь на кругломъ ясномомъ столѣ шипитъ самоваръ; секретарь полиціи, высокій мужчина, въ синнихъ очкахъ, суетится близь него, принявъ на себя обязанность хозяйки.

— Рекомендую вамъ секретаря полиціи г. Шпака. Онъ на сегодняшній день у васъ хозяйка, пронзоситъ съ нѣкоторою торжественностью Шлагенштокъ.

— Очень благодаренъ, отвѣчаетъ Бубенчиковъ.

А Свинорыловъ при этомъ улыбается такъ умильно и облизывается точно котъ, нахлебавшійся густыхъ сливокъ,—какъ будто его высокоблагородіе сказалъ удивительно умную вещь! Бубенчиковъ садится за столъ, беретъ съ видимою усталостью стаканъ и, прихлебнувъ изъ него, обращается къ Шлагенштоку.

— У васъ все готово къ сдачѣ должности?

— Все какъ съ игопочки: дѣла всѣ въ порядкѣ, вѣдомости готовы, все хозяйство въ порядкѣ.

— Такъ я могу сегодня или завтра вступить въ должность?

— Какъ угодно.

Бубенчиковъ, обращаясь къ секретарю:

— Потрудитесь написать предложеніе полиціи о вступленіи мною завтра же въ должность. А вы, полковникъ, завтра же сдадите мнѣ хозяйство; пожарная команда у васъ въ исправности?

— Какъ съ игопочки: лошади немного устарѣли; брантсѣ-бой ветхи; но они отмѣнно хорошо дѣйствуютъ.

— Завтра посмотримъ.

Бубенчиковъ бросаетъ серьезный взглядъ на Шлагенштока и пораженъ тѣмъ, что его предмѣстникъ насупилося и кусаетъ кончики своихъ жесткихъ усовъ; отъ него переноситъ свой взоръ къ Свинорылову и Шпаку: первый снова сильно облизывается, а второй принявъ мрачное выраженіе и трагическую позу. «Что nibудь нечисто», подумалъ Бубенчиковъ:—«вѣроятно пожарная

команда въ сильномъ безпорядкѣ»; обращаясь къ Шлагенштоку, эту мысль онъ перефразировалъ слѣдующимъ образомъ:

— Здѣсь должна бы быть отличная пожарная команда: горюдь имѣть столько средствъ, столько доходовъ...

— Текъ-съ, отвѣчаетъ Шлагенштокъ,—но ремонту мало отпускаяютъ; поживете, увидите.

Сиречь вера секретаря, пишущаго предложеніе полиціи, обращаетъ на себя вниманіе присутствующихъ; Бубенчиковъ подымается съ мѣста, подходитъ къ нему и говоритъ отрывисто:

— Пишите, что, по распоряженію высшаго начальства, я назначенъ сюда для исправленія полиціи; пишите бумагу погрозиѣ.

— Слушаю-съ, отвѣчаетъ секретарь и подымаетъ на носу такъ высоко очки, что чрезъ нѣсколько минутъ вынужденъ ихъ опустить.

— Развѣ г. министръ мною недоволенъ? Флегматически спрашиваетъ Шлагенштокъ.

— Не вами, а полиціею. Его высокопревосходительство, при моемъ отъѣздѣ, изволилъ благосклонно мнѣ сказать: «вы принимаете полицію, гдѣ нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка,—преобразуйте ее; приставовъ и квартальныхъ смѣните».

При этомъ онъ бросаетъ на Свинорылова грозный взглядъ, имѣющій слѣдующій смыслъ: ничтожный смертный, захочу—и уничтожу тебя. Свинорыловъ краснѣетъ, пыхтитъ, сморкается и кашляетъ.

Бубенчиковъ начинаетъ ходить быстро взадъ и впередъ по комнатѣ; Шлагенштокъ даетъ правой рукой разныя направленія своимъ усамъ: то закручиваетъ ихъ торчмя, то внизъ, то старается захватывать ихъ губами; а покраснѣвшая его лысина доказываетъ, что онъ взволнованъ. Секретарь пишетъ бумагу такъ шибко, какъ будто его кто нибудь гонитъ въ шею; скрипѣніе его пера съ каждой секундой усиливается все болѣе и болѣе; наконецъ, достигнувъ фортиссима, скрипѣніе вдругъ замолкаетъ: перо съ быстротою молніи появляется за ухомъ секретаря, который подымается и читаетъ:

«Приказомъ отъ 1 мая сего года, за № 5,000,000, я назначенъ въ должность полиціймейстера въ Приморскъ; прибывъ сего числа къ мѣсту моего назначенія, я завтра вступаю въ управленіе моею должностію. Вслѣдствіе сего предлагаю оной полиціи: на завтрашнее число, къ 8 часамъ утра, сдѣлать завясля-

щее распоряженіе, чтобы всѣ чины оной полиціи явились къ тому времени въ ея присутствіе. Къ сему присовокушляю, что завтра будутъ осмотрѣны мною всѣ дѣла и хозяйство полиціи, и буде я найду какой либо безпорядокъ, взыщу съ виновныхъ по всей строгости законовъ, ибо я присланъ сюда для исправленія полиціи».

Прочитавъ это краспорѣчное посланіе, секретарь окидываетъ присутствующихъ торжествующимъ взоромъ.

— Хорошо, сказалъ Бубенчиковъ.—Перепишите на бѣло; я подпишу и вы отправите эту бумагу немедленно въ полицію.

Въ это время Шлагенштокъ подмигнулъ секретарю и частному приставу, чтобы они удалились.

Приставъ, вытянувъ свою толстую фигуру, обратился къ Бубенчикову:

— Никакихъ нѣтъ-съ приказаній?

— Никакихъ, отвѣчалъ тотъ сухо и поклонился ему.

Приставъ, раскланиваясь, лѣвой ногой шаркнулъ назадъ, а правую граціозно согнулъ: эту честь оказывалъ онъ только начальству, и чѣмъ выше было лицо, тѣмъ болѣе правая нога его принимала дугообразное положеніе и тѣмъ сильнѣе было шарканье лѣвой. Секретарь въ свою очередь взялъ фуражку и объявилъ, что онъ немедленно сбѣгаетъ домой и сію же *минуточку* переписать бумагу на-бѣло. Они уже хотѣли выйти, но Бубенчиковъ возвратилъ пристава.

— Я хочу васъ просить, сказалъ онъ,—отыскать сейчасъ же господина Искрина; года два тому назадъ онъ выѣхалъ сюда изъ Петербурга и, кажется, занимается частными дѣлами.

— Я его отыщу сейчасъ же, отвѣчалъ приставъ и быстро ушелъ.

Когда Шлагенштокъ остался глазъ на глазъ съ Бубенчиковымъ, ему хотѣлось излить свое сердце предъ своимъ намѣстникомъ, т. е. сказать ему: дружище, не бери съ меня ни копѣйки; хотя пожарная команда у меня дрянъ, зато денежки мои такія миленькія: такъ жаль съ ними разстаться! Подъ вліяніемъ этой трагической мысли, Шлагенштокъ произнесъ отрывисто «тексъ» и закрутилъ энергически усы; Бубенчиковъ остановился противъ него съ вопросительнымъ взглядомъ.

— Тексъ, повторилъ Шлагенштокъ:—вотъ вы къ намъ пріѣхали, по распоряженію высшаго начальства.... А полковникъ

Кулаковъ сильно надѣялся получить мое мѣсто; онъ даже нанялъ квартиру, обзавелся, перевезъ семейство. Текстъ, текстъ!

— Я не виноватъ: меня сюда назначили.... Я и незнакомъ съ господиномъ Кулаковымъ.

— Я и не обвиняю васъ... Я только такъ говорю къ слову... А съ губернаторомъ извольте быть знакомы?

— Нѣтъ.

— И рекомендательныхъ писемъ къ нему не имѣете?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ! воскликнулъ Шлагенштокъ и вскочилъ со стула съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто узналъ ужасную вѣсть.

— Кажется, сказалъ сухо Бубенчиковъ, назначеніе меня господиномъ министромъ въ настоящую должность — лучшая рекомендація для меня.

— Оно конечно.... я съ вами согласенъ.... но рекомендательныя письма въ этомъ случаѣ приличны.... оно знаете какъ-то трогательно: вотъ-дескать, я человѣчекъ не дерзалъ бы явиться къ вашему превосходительству, если бы не высокія особы, ваши друзья, приняли во мнѣ участіе.... Такое смиреніе очень, очень трогательно.

Шлагенштокъ гототь былъ отъ умиленія прослезиться, но, встрѣтивъ преарительный взглядъ Бубенчикова, началъ сильно теревить свои усы.

Послѣ минутной паузы, онъ прервалъ молчаніе.

— Когда вы явитесь къ губернатору?

— Завтра утромъ, послѣ вступленія въ должность и осмотра полиціи.

— Не лучше ли вамъ прежде явиться по начальству, а потомъ заѣхать въ полицію?

— Къ чему? Своихъ обязанностей не люблю откладывать.

— Какъ угодно.

«Нѣтъ, подумалъ Шлагенштокъ, сегодня съ нимъ ничего не скажешь.... Утро вечера мудренѣй: я лучше завтра утромъ пошлю къ нему своего фактора (*).»

— Желаю вамъ заснуть хорошенько съ дороги, а завтра я буду имѣть честь васъ принять въ полиціи.

Шлагенштокъ раскланялся и ушелъ.

(* Факторъ въ западныхъ губерніяхъ — въ Польшѣ и южной Россіи, то, что въ Великой Россіи — кулакъ.

ГЛАВА II.

БЕСѢДА ДВУХЪ ДРУЗЕЙ.

Когда Бубенчиковъ остался одинъ, ему сдѣлалось невыразимо пріятно.... наконецъ онъ, въ обѣтованномъ мѣстѣ, начальникомъ города. Мечты переносятъ его въ дѣтство, когда онъ жилъ въ этомъ самомъ городѣ.... Съ какимъ наслажденіемъ онъ бывало глядитъ на тогдашняго полиціймейстера, сидящаго верхомъ на дрожкахъ, которыя мчатъ пара вороныхъ коней, — а за ними, согнувшись къ лукъ сѣдла, летитъ донской казакъ съ ногойкой въ рукъ. Этотъ полиціймейстеръ — гроза и бичъ всѣхъ бродягъ, воровъ и мошенниковъ; на всемъ скаку его орлиный взглядъ пронзааетъ проходящаго; онъ вдругъ останавливаетъ лошадей и встрѣтившаго его мужика отправляетъ съ ѣдущимъ за нимъ казакъ въ полицію, гдѣ оказывается, что взятый подъ стражу мужикъ—или бродяга, или бѣглый солдатъ. Этотъ идеалъ полиціймейстера, который раздѣвался разъ въ недѣлю, когда мѣнялъ бѣлье, который не зналъ постели, — съ дѣтства преслѣдовалъ Бубенчикова, стоялъ постоянно предъ его глазами.... Съ Бубенчиковымъ въ Петербургѣ дѣлалась лихорадка, когда мимо него проскакивала пожарная команда. Какое-то трепетное чувство, въ родѣ ожиданія, овладѣвало имъ и невольный вздохъ вырывался изъ его сердца.... Наконецъ, въ этомъ же самомъ городѣ онъ сдѣланъ полиціймейстеромъ!...

— О! я надѣюсь, восклицаетъ онъ мысленно, что и я оставлю по себѣ такую же память.... дѣятельность, безкорыстіе, добросовѣстность, — вотъ мой девизъ.

Эти восторженные его мысли были прерваны скрипомъ дверей; онъ оглянулся: предъ нимъ стоялъ высокій, полный мужчина, съ чрезвычайно правильными чертами, одѣтый со вкусомъ; черные глаза и свѣтлые волосы придавали какое-то оригинальное выраженіе его лицу.

— Искринь!

— Бубенчиковъ!

И оба обнялись.

— Спасибо, сказалъ Искринь:—что далъ мнѣ сейчасъ знать о своемъ пріѣздѣ. По газетамъ я узналъ о твоёмъ назначеніи....

и признаться, мнѣ грустно сдѣлалось, когда я прочиталъ эту новость.... Но ты ужь здѣсь.... Слава Богу, что тебя вижу.

— Ты говоришь, тебѣ грустно сдѣлалось, когда ты узналъ о моемъ назначеніи? Мѣсто мое кажется порядочное.

— Какъ для кого, возразилъ Искринъ: — кто чего ищетъ; ты вачѣмъ пріѣхалъ сюда?

— Фронтальная служба мнѣ надоѣла и я рѣшилъ занять распорядительное и исполнительное мѣсто. Цѣль моя — служить и приносить пользу.

— Такъ я тебѣ совѣтую, мой другъ, не являясь даже къ начальству, вели закладывать свою коляску и возвращайся въ полкъ.

— Почему же такъ?

— Потому что ты, братецъ, по гражданской части ничего не смыслишь и пользы никакой не примешь. Если же ты, скажи откровенно, пріѣхалъ сюда, чтобы составить себѣ состояніе, — это дѣло другое.... Казеннаго содержанія, то есть жалованья, столовыхъ и разъѣздныхъ у тебя будетъ 1,500 р.; чарочный откупъ будетъ платить тебѣ 3,000 р., продовольствіе и отопленіе полиціи дастъ тебѣ 1,000 р., — вотъ тебѣ постояннаго дохода 5,500 р. О другихъ не постоянныхъ доходахъ, которыхъ наберется столько же, а можетъ быть и болѣе, умалчиваю.

— Какіе же существуютъ здѣсь не постоянные доходы?

— Смѣни всѣхъ приставовъ, по однопочкѣ, а у тебя ихъ — 5 въ частяхъ, 3 въ присутствіи, — и тебѣ заплатятъ за каждое мѣсто отъ 300 до 1,000 рублей.... Кроме этого, ты можешь имѣть оброкъ съ трактировъ и чайныхъ заведеній, а ихъ въ городѣ до 200; считай по 10 р. съ cadaго, это составитъ — 2,000 р....

— Послушай....

— Нѣтъ, ты слушай дальше: здѣсь до 300 погребовъ....

— Послушай, Искринъ, не черезчуръ ли ты *заллпортвовался*, какъ говорятъ наши солдаты.

— Постой, дружище, я еще не кончилъ; оброкъ твой простирается еще на пожары и всѣ спорныя, контрактныя дѣла....

— Ты, Искринъ, наговорилъ мнѣ три короба разной вслчины, — объясни хоть все послѣдовательно.

— Изволь, мой другъ, только у меня горло пересохло; хотя твой самоваръ давно потухъ, но въ немъ еще станетъ столько воды, чтобы сдѣлать себѣ грогъ.... Я здѣсь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ англійскими шкиперами.... Ну, вотъ видишь — мой

грогъ готовъ.... Прохладилса! Теперь продолжаю, или можетъ быть — начать систематически?

— Хорошо, начинай.

— Первая оброчная статья.... Я умалчиваю объ откупѣ и продовольствіи полиціи, такъ какъ эти доходы такъ же вѣрны, какъ твое казенное жалованье.... Итакъ, первая оброчная твоя статья—доходъ съ раздачи мѣстъ.... придратъса къ полицейскому чиновнику дѣло плевое, — не исполнилъ твоего предписанія и вонъ его съ мѣста....

— Положимъ, я могу такъ поступить съ частными приставами; члены же полиціи точно такіе же члены, какъ я.

— Но ты предсѣдатель, начальникъ, а придратъса не трудно.... Здѣшняя полиція чистый омутъ: сегодня поступать къ ней бумага и безъ ея нумера самъ чортъ ее не отыщетъ; медленность, беспорядокъ на каждомъ шагу. Съумѣй только взятьса за дѣло и ты увидишь — каждый приставъ полиціи будетъ въ твоихъ рукахъ.... Вторая оброчная статья — трактиры, чайныя заведенія и погреба; въ нихъ пьютъ вино и чай солдаты, бродяги, воры; они не закрываются въ праздничные дни, во время литургіи; стоятъ открытыми до 12 часовъ ночи; въ нихъ играютъ органы; происходятъ оргіи.... Попробуй все это воспретить и денежки, какъ манна, посыплются къ тебѣ со всѣхъ сторонъ....

— За спорныя контрактныя дѣла я понимаю почему существуютъ оброки; но почему ты отнесъ пожары къ оброкамъ?

— А вотъ почему: здѣсь почти всѣ дома застрахованы; послѣ пожара нужно составить актъ о томъ, что по неизвѣстной причинѣ пожаръ *учинился*... понимаешь?

— Понимаю только то, что я этихъ оброчныхъ статей, какъ ты ихъ называешь, имѣть не буду. Злоупотребленія, противузаконности, взяточничество буду преслѣдовать всѣми силами; я не пощажу ни здоровья, ни дѣятельности....

— Заврался, заврался, братъ!... Ха! ха! ха! прибавь еще долгъ, совѣсть, честь!... Это очень трогательно и идетъ во время страстнаго изъясненія въ любви....

— Клянусь тебѣ этими эполетами, этой саблей, которую я заслужилъ въ Венгерскую кампанію!...

— Тихе! тихе! не горячись.... Ты откажешься отъ жалованья съ откупа? Прекрасно, благородно! Но дѣло въ томъ, что въ кабакахъ будутъ по прежнему производиться безчивіа, будетъ продаваться также самая гадкая, вонючая, жгучая водка, по преж-

нему они не будутъ закрываться равьше полуночи, будутъ торчать рядомъ съ церквами, и въ то время, какъ тамъ будетъ происходить божественная служба, въ кабакахъ будетъ пѣть пьяная сводочъ гаднiя шѣсни....

— О! я этого не допущу, — я ихъ запечатаю.

— Ты послѣ этого и одного дня не усядишь на мѣстѣ....

Бубенчиковъ грустно опустилъ голову и нахохлился.

— Ты, быть можетъ, энергически продолжалъ Искринъ, думаешь отказаться отъ дохода съ отопленiя, освѣщенiя и продовольствiя полицiи? Это было бы честно и благородно, да дѣло въ томъ, что ты казнѣ не принесешь никакой существенной пользы. Всѣ эти предметы отдаются думою, съ торговъ, подрядчикамъ, а эти послѣднiе съ своей ужь стороны платятъ полицiймейстерамъ дань. Значитъ — ты подрядчикамъ принесешь пользу, а не казнѣ. Относительно же погребовъ, трактировъ, чайныхъ и другихъ заведенiй, необходимыхъ холостякамъ.... помнишь.... ты пока можешь не беспокоиться! Они поручены вѣдѣнiю одного чиновника, и нѣкоторые изъ нихъ состоятъ подъ непосредственнымъ его покровительствомъ....

— У тебя, Искринъ, презлой языкъ.

— Злой! возразилъ Искринъ и, съ азартомъ засучивъ рукава, ударилъ по столу:—познакомлю тебя съ господами, съ которыми я къ несчастiю два года долженъ былъ жить, имѣть дѣла, вертѣться въ одномъ кругу.... Поживешь здѣсь — увидишь, наладишься лицезрѣнiемъ разныхъ гадовъ, въ образѣ человѣка. Злой?... Слушай, начну съ главнаго. Пустѣйшiй человѣкъ!... всѣмъ ворочаетъ его жена, Ольга Федоровна, старая беззубая кокетка, и ея любовникъ, косоглазое пугало, Мунштучковъ. Когда ни придешь, вѣчно торчать у окна и барабанить по стеклу...

— Чтѣ это за личность?

— Бывшiй сослуживецъ губернатора, теперь—обѣ руки его жены: чрезъ него все сдѣлаешь.... Но подлець первой руки.... лбедникъ, плутъ, словомъ, все—чтѣ хочешь. Предсѣдатель коммерческаго суда....

— Что жъ ты правителя канцелярiи губернатора пропустилъ?

— Онъ ничего не значитъ,—это пресмыкающееся.... Итакъ, предсѣдатель коммерческаго суда изъ грековъ,—хитрая штучка, увѣряющая всѣхъ въ своей добросовѣстности, но въ сущности отъявленный взяточникъ, христопродавецъ.... Прокуроръ никого

не принимает, нигдѣ не бываетъ, кромѣ театра и бульвара: что-бы не говорили, что онъ беретъ; и дѣйствительно, онъ въ делахъ.... Но дѣло въ томъ, что въ городѣ нѣтъ прокурора: онъ безгласенъ и нѣмъ, какъ рыба, и если ему удастся иногда показать жизнь, ему самому становится совѣстно....

Строительный комитетъ раздѣляется на двѣ категоріи: гласныхъ и безгласныхъ; къ первымъ относятся всѣ чиновники и члены отъ казны; ко вторымъ — члены отъ кунечества. Первые мостятъ городъ, вмѣсто щебня, — глиной; деруть съ живаго и мертваго; вторые, какъ козлы, сидятъ въ присутствіи, сладенько улыбаются его превосходительству, господину губернатору, сидятъ на кончикахъ своихъ стульевъ и безусловно подписываютъ журналы.... Посмотри на улицу: теперь іюнь на дворъ, а грязь по колѣно.... Былъ случай, что наша главная улица была вымощена; на другой день пошелъ дождь и весь щебень разлѣзся и разплылся.... А сколько денегъ ежегодно жертвуется на эти мостовыя! Лѣтъ 20 тому назадъ, здѣсь хотѣли вымостить городъ мальтійскимъ камнемъ; суда, проходя чрезъ Мальту, могутъ его брать вмѣсто балласта и за безцѣнокъ онъ можетъ быть сюда доставленъ. Чтожь ты думаешь? Сдѣлали опытъ, — вымостили цѣлую улицу; она и была какъ паркетная; потомъ не ремонтировали ее 15 лѣтъ; разумѣется, плиты разшатались, начали трещать и ломать экипажи; поэтому рѣшили, что мальтійскій камень ни къ чорту не годится, т. е., другими словами, что съ него нѣтъ дохода.

— А дума что? Неужели она молчить?

— Ктожь тебѣ говорить?... Экой ты, чудакъ! вотъ напелъ святыхъ!... Градской глава, почтенный иностранецъ, подписывающій очень красиво свою фамилію по французски или англійски, имѣющій великолѣпную дачу, пьющій за столомъ, вмѣсто воды, по двѣ бутылки чистаго хереса, — моститъ городъ экономическимъ образомъ, т. е., деньги кладетъ себѣ въ карманъ, а мы хоть головы ломаемъ себѣ. Бываютъ случаи, что экипажъ осенью завязнетъ въ грязи, потомъ прихватитъ его морозомъ и онъ нѣсколько дней стоитъ посреди улицы.

— Но главные улицы по крайней мѣрѣ вымощены?

— Да, въ особенности близъ полиціи.... тамъ въ прошлую осень образовался провалъ, — погребъ провалился. Нужно тебѣ сказать, здѣсь весь городъ стоитъ на минахъ и погребкахъ; первое землетрясеніе и страшныя бѣдствія могутъ обрушиться на го-

родь.... Но я отступилъ отъ моей темы.... Секретарь думы, очень умный человекъ, только промаха не дастъ: вымогать — не вымогаетъ, но рыбку въ мутной водѣ поймаетъ; живетъ скромно и солидно; отличный семьянинъ. Это его правая рука, господинъ Взятчиковъ — антихристъ изъ антихристовъ.... Представь себѣ, рябая морда, съ подлѣйшимъ лисьимъ выраженіемъ, шмыгающая по канцеляріи Думы и вынюхивающая, гдѣ пахнетъ деньгами. Даетъ ли городъ балъ — онъ распорядитель; а тамъ смотри къ нему ташутъ на квартиру и стеариновыя свѣчи и конфеты и вино; раздастъ ли городъ солдатамъ закуску, — къ нему ташатъ пироги, водку. Съ базара у него все даромъ: съ самой послѣдней торговки яйцами или молокомъ — онъ что нибудь да возьметъ. Явись только въ думу съ какимъ нибудь дѣломъ, онъ или сдеретъ съ тебя, или испортитъ дѣло. Всѣ оцѣнки по откупамъ у него въ рукахъ, словомъ — онъ въ своемъ дѣлѣ всемогущъ. Бухгалтеръ думы также замѣчательная личность.... Онъ изобрѣлъ способъ, считая деньги, приобрѣтать ихъ, — наука до настоящаго времени никому неизвѣстная; въ теченіи 10-лѣтней своей службы, получая рублей 500 содержанія, онъ построилъ себѣ домъ въ 100 тысячъ рублей.

— Въ чемъ же заключаются доходы думскихъ чиновниковъ?

Искринъ всталъ съ своего мѣста и началъ считать по пальцамъ:

— *Primo* — подряды; *secundo* — оброчныя статьи....

— Какіе же подряды у нихъ въ рукахъ?

— Продовольствіе всѣхъ городскихъ командъ, отопленіе и освѣщеніе городскихъ зданій, которыхъ здѣсь безчисленное множество. Оброчныя же статьи заключаются въ лавкахъ на базарныхъ площадяхъ и участкахъ городской земли. Но главнѣйшій доходъ думы, или, лучше сказать, ея жатва — это три предмета: 1) оцѣнка домовъ на откупа; 2) народная перепись или ревизія; 3) рекрутскій наборъ.... Вотъ гдѣ есть разгуляться.... Дома оцѣняются въ три-четыре раза выше своей стоимости; при ревизіи записываются въ мѣщане тысячи бродягъ; а при рекрутскомъ наборѣ бѣдные и беззащитные отлучаются за зажиточныхъ мѣщанъ.

Искринъ замолкъ, подошелъ къ чайному столу, допилъ свой стаканъ грогу и задумался.... Бубенчиковъ сдѣлался грустенъ и серьезенъ: онъ былъ похожъ въ это время на негоціанта, считающа-

шаго себя миллионеромъ, какъ вдругъ приходитъ его бухгалтеръ и начинаетъ сводить его приходъ и расходъ, — и выходитъ, что въ общемъ итогъ у него нуль. — но какъ человекъ, рѣшившійся на все, онъ началъ грызть ногти и обратился къ Искрину:

— Чтожь ты не продолжаешь?

— Грустно, очень грустно, сказалъ задумчиво Искринъ, прохаживаясь быстрыми шагами по комнатѣ. — Да, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ: — совѣстно зайти въ присутственное мѣсто, напримѣръ, въ нашъ уѣздный судъ.... Выходишь по грязной, узенькой, въ аршинъ, лѣстничкѣ, въ темныя сѣни, вѣчно набитыя арестантами и солдатами; отсюда входишь въ небольшую душную комнату — гражданское отдѣленіе суда. За столомъ, по правую руку, сидитъ господинъ въ синихъ очкахъ, съ чрезвычайнымъ выраженіемъ лица, — это столоначальникъ; отъ него не добьешься ничего, какъ отъ камня воды; съ роднаго отца онъ бы содралъ шкуру, если бы она чтонибудь стоила. Жалованья получаетъ онъ 15 р. въ треть, а жена щеголяетъ въ бархатной шубѣ.

Прямо противъ входа, за столомъ, сидитъ журналистъ, пожилой человекъ, сѣденькій брюнетъ, кланяющійся всѣмъ просителямъ и посѣтителямъ и просящій у нихъ на чай, при ихъ уходѣ; рядомъ съ нимъ сидитъ писецъ гражданского стола, съ краснымъ пятномъ на лицѣ, торгующійся съ просителями за составленіе доклада и не приступающій иначе къ занятіямъ, какъ прежде получивъ задатокъ.

Изъ этой комнаты входишь въ другую — крѣпостное отдѣленіе; здѣсь никто не вымогаетъ: просители сами даютъ сколько привыкли давать, смотря по своему состоянію и дѣлу. Отсюда вступаешь ты въ святилище суда — въ присутствіе. Судью никогда не застанешь; зато присутствіе освѣщается краснымъ носомъ старшаго засѣдателя: у этого человека ничего нѣтъ, кромѣ носа; поговори съ нимъ о дѣлѣ и онъ, поднявъ глаза къ небу, скажетъ:

— Боже мой! Боже мой! Мы многогрѣшны.... Сколько дѣлъ, сколько дѣлъ!... За арестантскія дѣла — правленіе прислало нарочнаго.... День и ночь работаемъ.... Ужь вы въ канцеляріи не хлопчите; пусть внесутъ докладъ, — что совѣсть мнѣ велитъ — все сдѣлаю....

Ты начинаешь имѣть *хожденіе* къ столоначальнику въ синихъ очкахъ; пока не сунешь ему красненькую, онъ и не повернетъ

къ тебѣ головы,—уткнетъ носъ въ бумагу и скрипитъ перомъ.... Ходишь день, ходишь другой; надоѣстъ тебѣ эта исторія и трянешь своимъ карманомъ: тутъ лицо столоначальника разъясняется, при твоёмъ входѣ въ канцелярію, онъ ужъ протягиваетъ руку, но все таки кормить тебя завтраками. Наконецъ онъ подалъ въ присутствіе докладъ. Ты отправляешься туда въ полной увѣренности, что красноносый засѣдатель исполнитъ твою просьбу, и дѣйствительно—онъ клянется тебѣ всѣми святыми, что на его совѣсти лежитъ твое дѣло; но послѣ двухъ, а иногда и шестимѣсячнаго *хожденія* къ нему, ты обращаешься снова къ столоначальнику и спрашиваешь его совѣта.

— Подмажьте, говорить онъ: — и повезетъ повозка.

Отправляюсь вечеромъ, въ ужасное ненастье къ нему на квартиру; онъ живетъ въ собственномъ домѣ, у чорта на куличкахъ, въ глухомъ переулкѣ. Стучу цѣлый часъ въ калитку и ворота; наконецъ сиплый женскій голосъ спрашиваетъ:

— Какой тамъ чортъ стучить?

— Отворите. Господинъ засѣдатель дома?

— Дома.

Баба отворяетъ мнѣ калитку и впускаетъ меня въ грязный дворъ. Она вводитъ меня въ темныя сѣни; оттуда въ комнату, освѣщенную сальнымъ огаркомъ. Комната небольшая, убранная старою мебелью, покрытою обливнымъ и засаленнымъ ситцемъ. Ничего въ комнатѣ нѣтъ; я, скуки ради, обращаюсь къ стѣнамъ, чтобы ихъ обозрѣть; они увѣшаны картинами суздальскаго издѣлія: надъ диваномъ, по лѣвую сторону, на конѣ, стоящемъ на заднихъ ногахъ, сидитъ какое-то пугало, въ красной чалмѣ, и въ зеленой римской тогѣ; сабля виситъ у этого героя до самой земли; а подпись гласитъ:

«Морѣйская гѣройня Бубулина. Немецкыя офицѣри съ заграницы пышутъ пысьма, што сѣя женщина умоумъ зѣло крѣпка, отличинной храбрости и таковаго же мужѣства».

По правую сторону виситъ нѣмецкая картина, изображающая будущую жизнь: на воздухѣ виситъ мостъ; умершіе, съ лѣвой стороны, взбираются по лѣстницѣ на мостъ; грѣшники, проваливаясь сквозь мостъ, захватываются чортомъ на крючкѣ и кидаются имъ въ костеръ; праведники же взбираются по лѣстницѣ, стоящей на мосту, прямо въ небо. Художникъ въ облакахъ представилъ рай — въ видѣ сада, гдѣ прохаживаются голые люди и между ними разныя животныя, обезьяны и свиньи.

Во время моего созерцанія, я услышалъ за собою глухой кашель; оглянѹвшись, я увидѣлъ предъ собою — засѣдателя; онъ былъ въ тепломъ халатѣ, въ мѣховыхъ сапогахъ и шея закутана въ полинялой шали.

— Какъ я радъ васъ видѣть! Вотъ неожиданный гость!

Онъ обнялъ меня и поцаловалъ въ обѣ щеки.

— Извините, сказалъ я, съ сердечнымъ трепетомъ отъ его любезнаго приема: — что беспокою васъ: я все хлопочу за мое нужное дѣло: пора бы его и покончить.

Да, да, пора, пора! Боже мой, Боже мой, прости мнѣ согрѣшенія.... Я сегодня цѣлый вечеръ думалъ о вашемъ дѣлѣ; сердечно хотѣлось бы его кончить.... Но знаете, казусное, запутанное, большая отвѣтственность.

— Помилуйте, что можетъ быть яснѣ моего дѣла: отецъ мой умеръ, оставилъ мнѣ банковыя билеты; я единственный его наслѣдникъ; вызовъ наслѣдниковъ былъ сдѣланъ, сроки прошли.... Чего жъ еще?

— Но видите ли, въ доказательство того, что вы сынъ вашего отца, вы представили метрическое свидѣтельство и указъ объ отставкѣ вашего батюшки; въ этихъ двухъ документахъ различіе: въ метрикѣ значится онъ дворяниномъ Херсонской губерніи, а въ указѣ объ отставкѣ сказано просто «изъ дворянъ». Это важное обстоятельство, нужна справка: мы напишемъ въ инспекторскій департаментъ и въ херсонское депутатское собраніе.... Маленько промедлитса, да за то вѣрнѣе дѣло будетъ; о васъ же хлопочу.

— Спасибо за милость, отвѣчалъ я съ сжатымъ сердцемъ: — эта справка заволочитъ дѣло на два года, по крайней мѣрѣ.

— Боже мой! Боже мой! Чтожъ мнѣ дѣлать? По закону, по совѣсти дѣйствую.... Мы многогрѣшны, многогрѣшны....

— Къ чему поведутъ эти справки? Откуда взялись бы ко мнѣ банковыя билеты, если бы ихъ не оставилъ мнѣ отецъ? Метрика для васъ недостаточна, указъ — вздоръ, несмотря на то, что я въ немъ записанъ.

Я досталъ изъ кармана портфель, отсчиталъ двѣсти рублей серебромъ и положилъ ихъ на столъ.

— Что вы! Что вы! Бога не боитесь! Я не вымогаю.... Конечно я бѣдный человѣкъ.... Боже мой! Боже мой! Совѣсть моя чиста, — если беру, дѣло дѣлаю.... Отчего не взять.... Но я не вымогаю.... Я не подлець какой нибудь. Онъ отомкнулъ ящикъ,

быстро взялъ деньги, бережно ихъ пересчиталъ, одну надорванную ассигнацію осмотрѣлъ при свѣтѣ свѣчи, потомъ положилъ и замкнулъ ихъ въ ящикъ.

— Боже мой! Трудныя времена, люди начали страшно грѣшить, можно сказать: теперъ царство дѣвола.

Онъ возвелъ очи свои горѣ. Мнѣ стало противно у него сидѣть; меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ; я всталъ съ мѣста, раскланялся съ нимъ, онъ проводилъ меня до самыхъ воротъ. Съ другаго же дня я снова началъ имѣть хожденіе въ судъ и дѣло кончилось тѣмъ, что чрезъ полгода мнѣ объявилъ столоначальникъ въ судѣ, что журналъ составленъ объ истребованіи справки изъ тѣхъ мѣстъ, откуда говорилъ засѣдатель. Въ отчаяннѣ я рѣшился написать въ докладной запискѣ сущности моего дѣла, отдать ее другому засѣдателю и просить его подать мнѣніе по моему дѣлу. Вздумалъ и сдѣлалъ; но представь себѣ мой ужасъ, когда онъ объявилъ мнѣ, что не можетъ ее прочесть, такъ какъ онъ забылъ дома свои очки; но тутъ же одинъ чиновникъ шепнулъ мнѣ на ухо:

— Вретъ, онъ просто не умѣетъ читать, грамоты не знаетъ.

Искринъ съ сердцемъ плюнулъ, схватилъ фуражку и обратился къ Бубенчикову.

— Вотъ тебѣ и засѣдатели.... До свиданья, другъ мой.

— Куда жь ты торопишься, поразкажи мнѣ еще что нибудь.

— Нѣтъ, братъ, довольно и такъ наболталъ. Поживешь, самъ на практикѣ все узнаешь.

Искринъ, пожавъ дружески руку своему пріятелю, общался иногда къ нему заходить.

ГЛАВА III.

НОЧНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ БУБЕНЧИКОВА.

Когда Бубенчиковъ остался одинъ, ему, въ противоположность прежнему его состоянію, сдѣлалось грустно на сердцѣ.... И мнѣ, подумалъ онъ, придется жить и дѣйствовать между этими людьми; но тутъ мечты перенесли его въ Петербургъ, въ кругъ его знакомыхъ.... Много милыхъ лицъ промелькнуло въ его воображеніи, но одно остановилось передъ его глазами и ему каза-

лось, что оно грустно глядитъ на него.... Мечты его были прерваны приходомъ секретаря, который принесъ ему къ подписи предложеніе въ полицію о вступленіи его въ должность. Бубенчиковъ, прочитавъ бумагу, подписалъ ее; отдавая ее секретарю, онъ просилъ его сдѣлать конвертъ и отнести пакетъ въ полицію.

Когда секретарь ушелъ, Бубенчиковъ тяжело вздохнулъ и перекрестился: ему такъ тяжело сдѣлалось на сердцѣ, что онъ готовъ былъ его вернуть, отнять пакетъ, разорвать его и немедленно выѣхать изъ города, въ который онъ торопился — сломя голову. Онъ даже машинально выгянулъ изъ окна; но тутъ его развеселила слѣдующая картина: секретарь хотѣлъ по грязи перебраться чрезъ улицу и переставлялъ ноги по тропинкѣ; съ противоположной стороны въ это время переходила по этой же дорожкѣ пансіонерка; занятая своими мыслями, оба они замѣтили другъ друга тогда только, когда стояли лицомъ къ лицу. Секретарь, какъ услужливый и вѣжливый кавалеръ, хотѣлъ уступить своей дамѣ и маневрировалъ, какъ бы благополучно отступить, не потерявъ колошъ; вдругъ, откуда ни возьмись, изъ-за угла выѣхала повозка ломоваго извозчика и прямо поѣхала на нихъ; страшась быть обрызганною, пансіонерка быстро отступила, набравъ полныя башмаки грязью; тутъ она сдѣлала прыжокъ и одна нога застряла у нея на колѣно въ глинистой лужѣ. Секретарь, озлобленный, остановился и сталъ кулакомъ грозить извозчику; но тотъ, разлегшись на повозкѣ, прехладнокровно проѣхалъ подъ самымъ носомъ секретаря, обдавъ его съ ногъ до головы грязью.

Развеселившись этой сценой, Бубенчиковъ позвалъ слугу и велѣлъ подать себѣ пальто и статскую фуражку; преобразовавшись въ партикулярнаго человѣка, онъ пошелъ бродить по городу.

Настала ночь. Городъ былъ Бубенчикову хорошо знакомъ съ дѣтства; онъ пошелъ, какъ говорятъ, куда глаза глядятъ. Проходя мимо собора, онъ увидѣлъ, что онъ освѣщенъ извнѣ площадками и внутри безчисленнымъ множествомъ свѣчей. У церковнаго входа толпился народъ, но нѣсколько квартальныхъ надзирателей, частныхъ приставовъ, десятниковъ и, въ главѣ ихъ, полиціймейстеръ никого не впускали въ церковь.

— Что тутъ такое? спросилъ Бубенчиковъ, одну старую дѣву, постоянную посѣлительницу всѣхъ вѣнчальныхъ обрядовъ.

— Свадьба, отвѣчала она, тяжело вздохнувъ.

— Чья же?

— А Богъ ихъ знаетъ.

— Отчего же народъ толпится такъ.... я думалъ, что какой нибудь знатный женится....

— Знатный!... сказала съ сердцемъ дѣва. Какой-то выгнанный изъ службы офицеръ, называетъ себя барономъ, женится на.... на....

Дѣва замолчала, сдѣлавъ какую-то гримасу, ради стыдливости.

— Кто же невѣста? упорно продолжалъ допрашивать Бубенчиковъ.

— Невѣста... говорятъ... любовница губернатора.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ подъѣхавшими экипажами; изъ нихъ выползли шафера, посаженная мать, дружки, невѣста и женихъ. Весь женскій полъ былъ страшно нарумяненъ и набѣленъ; невѣстѣ было лѣтъ за 30. Вслѣдъ за ними подкатила карета: полиціимейстеръ Шлагенштокъ чуть не отперъ дверцы экипажа—такъ ретиво онъ бросился къ нему; только, къ несчастію его, лакей предупредилъ его. Изъ кареты вышелъ осанистый господинъ. Слегка кивнулъ онъ полиціимейстеру головою и быстро вошелъ въ церковь. Бубенчиковъ воспользовался наплывомъ участниковъ этого замѣчательнаго праздника и, вмѣстѣ съ старою дѣвою, проскользнулъ сквозь фалангу полицейскихъ. Женихъ—брюнетъ, съ выпуклыми, выкатившимися на лобъ глазами, съ тупымъ, апатическимъ лицомъ, стоялъ рядомъ съ невѣстою. Обрядъ вѣнчанья начался. Губернаторъ любезно разговаривалъ съ генералъ-губернаторскимъ адъютантомъ; всѣ зрители говорили кто громко, кто шопотомъ; видно было, что большая часть изъ нихъ знала исторію жениха и невѣсты.

— Странно, подумалъ Бубенчиковъ, о чемъ люди хлопочутъ и что ихъ интересуетъ... Губернаторская любовница! А Шлагенштокъ—эта порода полиціимейстера, готовъ согнать полицію, если бы его превосходительство вздумалъ выдать замужъ собаченку своей супруги или любовницы.

Съ досадою вышелъ Бубенчиковъ изъ церкви и пошелъ бродить по городу. Проходя мимо одного погребка, на которомъ была надпись: входъ въ погребальный залъ, rendez vous des amis, и услышавъ въ немъ шарманку, Бубенчиковъ остановился; дѣтскій женскій голосъ пѣлъ:

Звукъ унылый фортопяна....

Разбитый голосъ дѣвочки, пѣвшей изо всей мочи, сжалъ сердце Бубенчикова; онъ опустился по лѣстницѣ въ погребъ и внизу очутился въ квадратной комнатѣ: на правую руку стоялъ простой, бѣлый столъ, и вокругъ него скамьи; на одной изъ нихъ, къ стѣнѣ, сидѣлъ сѣденькій мужчина, въ истасканномъ сюртукѣ; близъ него стоялъ недопитый стаканъ вина; на той же самой скамьѣ сидѣлъ шарманщикъ и усердно вертѣлъ ручкой своего инструмента. Этотъ бродячій музыкантъ былъ низенькій, съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица еврей; онъ держался въ наклонномъ положеніи, вслѣдствіе долголѣтняго ношенія на спинѣ шарманки. Противъ него сидѣла маленькая дѣвочка лѣтъ десяти, запачканная, нечесаная, въ платьѣ, сшитомъ изъ разноцвѣтныхъ кусковъ разной матеріи.

Бубенчиковъ, войдя въ погребъ, обратился къ стоявшему за стойкой погребщику и потребовалъ отъ него *стаканъ вина*. Погребщикъ былъ грекъ; правильныя черты загорѣлаго его лица, рѣзкія движенія обнаруживали въ немъ энергическую натуру; но онъ какъ-то безстрастно налилъ изъ бочки стаканъ вина, поставилъ его на столъ и, отойдя за стойку, погрузился въ самого себя. Бубенчиковъ сѣлъ противъ сѣденькаго господина.

Нѣсколько минутъ этотъ послѣдній на него глядѣлъ, осматривая его то съ ногъ до головы, то съ головы до ногъ; наконецъ, вынувъ изъ кармана тавлинку и щелкнувъ по ней указательнымъ пальцемъ правой руки, онъ обратился къ Бубенчикову:

— Не изволите ли одоужиться табачкомъ—съ.

— Благодарствуемъ, не употребляемъ, отвѣчалъ Бубенчиковъ, стараясь поддѣлаться подъ его ладъ.

— Какъ заблагоугодность. Люблю очиво это дьявольское зелье.... хе! хе! хе!

И сѣденькій господинъ съ такимъ наслажденіемъ втянулъ въ себя табакъ, какъ будто отроду не нючалъ; потомъ онъ вынулъ изъ кармана какое-то тряпье, исправлявшее у него должность носоваго платка, разложилъ его на колѣняхъ, разгладилъ, положилъ на обѣ ладони, поднесъ его къ носу и, захвативъ его въ обѣ руки, съ присвистомъ высморкался. Окончивъ съ наслажденіемъ эту операцію, онъ бережно сложилъ платокъ, положилъ его въ карманъ и обратился къ Бубенчикову:

— А смѣю васъ спросить: вы первый разъ въ этомъ погребѣ? Смѣю вамъ доложить, здѣсь отиѣнное вино-съ. Онъ щелкнулъ языкомъ, взялъ двумя пальцами правой руки стаканъ, сначала прикоснулся къ нему губами, чмокнулъ нѣсколько разъ, потомъ вынулъ его залпомъ, отплюнулся и вытеръ губы полою.

— Вы постоянный здѣшній посѣтитель? спросилъ его Бубенчиковъ.

— Эге! мы съ Барбой, онъ указалъ на погребщика, давнишніе друзья.

— Вы у кого нибудь служите вблизи?

— Нѣтъ-съ. Служилъ-съ когда-то; лѣтъ десять тому назадъ, сказалъ онъ со вздохомъ. — Теперь, занимаемся сочиненіемъ размыхъ прошеній, объявленій, жалобъ частныхъ и таковыхъ же апелляціонныхъ.

— Гдѣ же вы прежде служили?

— Отставили меня злодѣи, ябедники; безъ куска хлѣба остался.... Домишка былъ у меня, по казенному начету взять въ опеку.... была у меня и мебель и картины.... ахъ, какія картины были! Похороны kota, страженіе подъ Варной, Петръ I на бѣломъ морѣ.... чтѣ вспоминать! все проѣлъ.... Безъ службы — жизнь какая?

— За что же васъ отставили отъ службы?

— За что? ну, извѣстно за что: служилъ я, знаете, письмоводителемъ земскаго суда. Исправникъ, извѣстно, то и дѣло въ развѣздахъ; члены то и дѣло въ уѣздѣ: то введъ во владѣніе, то во временное отдѣленіе по какому нибудь уголовному дѣлу; а я сиди въ судѣ, да о. дувайся за всѣхъ — доклады составляй, резолюціи и отпуски пиши.... Одинъ не разорвешься, за всѣмъ не усмотришь; а тутъ, какъ на смѣхъ, всѣ столоначальники да писцы пьяницы преестественные.... да и кто изъ порядочныхъ пойдетъ въ судъ служить: штатные чиновники получаютъ рублей по 15 сер. жалованья въ годъ, а не штатные берутся туда ажъ, *бенефиции* ради.

— Что это такое бенефиции?

— Бенефиции? Это, знаете, была у насъ тогда въ судѣ поговорка, то есть, что съ кого можешь, то и сдери. Вотъ изволите видѣть, чиновники только и занимались этими бенефициями, а дѣла не дѣлали; входящіе бумаги бывало записываются въ журналъ, спустя мѣсяцъ послѣ ихъ вступленія, а исходящія лежали по мѣсяцу въ регистратурѣ и не отправлялись по назначенію....

А тутъ налетѣлъ ревизоръ, да прямо и добрался до входящихъ и исходящихъ журналовъ. Извольте видѣть, это вѣчный ихъ конекъ... Иди въ судъ все вверхъ дномъ, лишь бы касса была цѣла да журналы вѣрны. Разгорячился ревизоръ да на исправника напалъ; тотъ руки по швамъ и молчитъ, какъ козелъ, только глаза вылупилъ, да усами помагаеть, какъ моржъ. Ревизія шла съ одиннадцати часовъ утра до пяти, — проголодался ревизоръ. Тутъ исправникъ говоритъ: извольте осчастливить, ко мнѣ хлѣба-соли откушать. Поѣхалъ къ нему ревизоръ, да тутъ жена исправника его околдовала: была она толстѣйшая баба, глаза черные, брови широкіе, волосы черные... словомъ, сдобная баба... Ревизоръ послѣ обѣда совсѣмъ переселился къ исправнику; а на завтра, какъ пріѣхалъ въ судъ, точно зѣръ какой на меня напустился: ты, говоритъ, разбойникъ, въ Сибирь пойдешь! ты, говоритъ, такой-сякой, изъ подъ суда не выйдешь, — довѣріе начальства во зло употребляешь. А я ему и говорю: ваше превосходительство, я исправенъ былъ, не отлучался изъ канцелярій, даже переселился сюда, — все отпусками и докладами занимался... А онъ какъ изволить крикнуть на меня: «врешь, мошенникъ!» да тутъ же сами, ей Богу не вру вамъ, сами изволили съѣсть да написать предложеніе суду: за разныя безчія, безпорядки и противузаконія, письмоводителя суда, титулярнаго совѣтника Коробейника, отрѣшивъ отъ должности, предать суду...

Титулярный совѣтникъ Коробейникъ вынулъ платокъ, стеръ потъ съ лица, высморкался и, понюхавъ съ чувствомъ щепоть табаку, шелкнулъ сильно пальцами. Въ это время вошелъ въ погребъ высокій, плотный мужчина, прилично одѣтый; его манеры, походка и вся личность показывали, что онъ привыкъ обращаться въ порядочномъ обществѣ. Съ подозрительнымъ видомъ осмотрѣлъ онъ все общество погреба и подошелъ къ Коробейнику.

— Ну, старина, сказалъ онъ, протянувъ ему руку: — ниши прошеніе: говорятъ, новый полиціймейстеръ пріѣхалъ; авось онъ дастъ направленіе моему дѣлу.

— Новый! воскликнулъ съ негодованіемъ Коробейникъ. — Видали мы виды; съ горяча наберутъ, по новизнѣ, нѣсколько стоѣ разныхъ докладныхъ записокъ и прошеній, потомъ пирожное въ нихъ и заворачиваютъ.

— Помилуй, старина, меня ограбила часть: описали и ввели въ секвестръ мое имущество за чужіе долги!

— Эка штука, я тебѣ почище этого расскажу: вчера обокрали одного господина среди бѣлаго дня; онъ прибѣжалъ ко мнѣ и я ему написалъ объявленіе въ часть; съ нимъ онъ туда и отправился сегодня; но представь себѣ его удивленіе, когда приставъ принималъ его — одѣтый въ украденномъ у него!

— Ха! ха! ха! славная штука.... Что жъ этотъ господинъ сказалъ приставу?

— Ничего, не подалъ ему даже объявленія, а просто повернулъ налѣво кругомъ и бѣжалъ безъ оглядки.

— Что жъ ты мнѣ совѣтуешь, старина?

— А вотъ что: вмѣсто того, чтобы бросить задарма пятнадцать копѣекъ на гербовую бумагу, велика подать два стакана вина и выпьемъ за твое благоденствіе и мое здравіе.

Вошедшій мужчина вынулъ изъ кармана пятналтынный и бросилъ его на стойку.

— Дайте ему два стакана вина, сказалъ онъ погребщику и вышелъ.

— Молодецъ, сказалъ Коробейникъ, когда тотъ вышелъ: — продувная бестія, далеко пойдетъ. Служилъ прежде мальчикомъ въ лавкѣ, потомъ сдѣлался прикащикомъ, а теперь самъ сталъ хозяиномъ. А бойкій какой! такъ и лѣзетъ, и къ губернатору и къ генералъ-губернатору.... вы, говоритъ, ваше превосходительство, того.... я знаете того.... я того шутить не люблю.... Министрамъ, въ Сенатъ, Царю нашему.... такой шутникъ, ей Богу... Ужъ я ему не разъ говорю, смотри! на казенный счетъ пошлютъ путешествовать, примѣромъ сказать, въ Сибирь. А онъ, куда тебѣ, и слышать не хочетъ: пиши, говоритъ, порѣзче. Я, знаете, маленькій человекъ и пишу всегда такъ.

Коробейникъ всталъ съ мѣста, вынулъ тавлинку, понюхалъ медленно табаку и началъ протяжно :

— Ваше превосходительство! не дерзалъ бы принадлеать къ стопамъ высокой особы вашей и слезно умолять склонить благоклонно ваше высоконачальническое ухо къ выслушанію почтительнѣйшей сей моей просьбы, если бы не всѣмъ извѣстное великодушіе ваше къ внимательному возрѣнію на просьбы и слезы угнетенныхъ, вдовъ и сиротъ....

А такъ ваяя существо дѣла, то есть, примѣромъ сказать, если бы вамъ съ позволенія вашего, сударь, морду побили, я бы написалъ такъ: проходя по такой-то улицѣ, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, на меня напалъ нѣкій господинъ, который побилъ

миѣ морду; вслѣдствіе чего, представляя при семъ медицинское свидѣтельство о моемъ изувѣчьи, слезно молю—предписать кому слѣдуетъ произвести формальное слѣдствіе....

Во время этой импровизаціи Коробейника, шарманщикъ, наскучивъ попусту сидѣть, поднялся съ мѣста и заигралъ пѣсню; дѣвочка, его компаньонка, затянула:

Среди долины ровныя и т. д.

Бубенчиковъ въ свою очередь поднялся съ мѣста, бросилъ мелкую монету погребщику на стойку и вышелъ изъ погреба.

— Вотъ, подумалъ онъ, представитель нашего адвоката, адвокатское краснорѣчіе и начало процесса: большая часть жалобъ и прошеній получаютъ начало гдѣ нибудь въ погребѣ, и сколько бумаги потомъ исписывается присутственными мѣстами по этимъ дѣламъ. Съ такими мыслями Бубенчиковъ приблизился къ общественному городскому саду. Двѣ площадки горѣли у его входа; у воротъ, по обѣимъ его сторонамъ, сидѣли торговки и на лоткахъ и въ корзинахъ продавали фрукты и пряники. Полнцейскій солдатъ близъ нихъ суетился; видно было, что сидѣлки — бабы — подставныя лица, и что онъ владѣтель этой торговли. При входѣ въ садъ на главной аллеѣ, Бубенчикова поразило одно обстоятельство: гулявшія тамъ женщины говорили и смѣялись громко, а мужчины что-то тихо имъ нашептывали. Пройдя главную аллею, Бубенчиковъ очутился близъ кафе-ресторана; здѣсь общество было порядочнѣе: одни закусывали, другіе пили чай. Оркестріонъ гремѣлъ въ залѣ трактира. Бубенчиковъ усѣлся въ уединенномъ углу, откуда можно было наблюдать. Противъ него, шагахъ въ десяти, сидѣла бородка; по виду и фizioноміи можно было узнать въ ней русскаго человѣка; съ наслажденіемъ распивала бородка чай: потъ катилъ съ чела купца крупными каплями. Въ разгарѣ распиванія чаю онъ и незамѣтилъ, какъ къ нему подсѣла низенькая, сѣденькая фигурка, въ фуражкѣ съ огромнымъ казырькомъ... Длинный носъ, темно-каріе глаза обнаруживали въ немъ жителя греческихъ островъ; ухмыляясь, протянулъ онъ черезъ столъ свою жесткую, огрубѣлую отъ трудовъ, руку. Русская бородка чуть-чуть не поставилъ на нее чайникъ, но, увидѣвъ неожиданнаго посѣтителя, поднялъ глаза.

— Ахъ, Панаіоти, это вы? Милости просимъ чаю откушать. Все ли въ добромъ здравіи обстоите благополучно?

— Слава Богу, васими молитвами зивемъ.

— А что укціонъ?

Грекъ сдѣлалъ жестъ руками и такую гримасу, которая выражала презрѣніе.

— Укціонъ? Шу!... Онъ плюнулъ. — Нитаконъ дѣла меня занимай.

— Чтожь, вамъ — рожна въ бокъ, что ли? Знаете ли, вы купили 26 барокъ, которыя стоили Думъ 96,000, за 600 рублей. Положимъ они старыя, да все же въкоторыя изъ нихъ годны въ дѣло.

Грекъ улыбнулся.

— У меня у кармани одина контракта на Думу: за десяти барка мы взяли тысячу двѣсти карбованъ, стѣби полозить ихъ изъ мори на суса. Э! сто ти знаеешь!

— То-то! самъ взялъ тыеячу двѣстѣ рублей, чтобы вытащить на берегъ 10 барокъ, а всѣ 26 — купилъ за 600 рублей. Экъ, братъ, Панаіоти, наши казенныя дѣла идуть что-то плохо. Грѣхъ, злодѣямъ, обижать такъ казну. Вотъ примѣрича купчикъ Посохъ Иванъ, какъ я служилъ въ Сиротскомъ судѣ.... умора была.... Получаемъ его отчетъ, по опека одного малолѣтняго. Въ отчетѣ значится:

1) За прокормленіе лошади, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ	387 руб. сер.
2) За подковку лошади	250 » »
3) На наемъ ей помѣщенія, за 4 мѣсяца	300 » »
4) Наемъ кучера	100 » »
5) За леченіе лошади	50 » »
Итого.	1087 руб. сер.

Ниже по этимъ отчетамъ видно, что эта же лошадь продана, по негодности, за 50 руб. сер. Вотъ, Панаіоти, какъ дѣлишкинто обдѣльняють!

— Бре! Бре!... произнесъ протяжно грекъ, цмокнувъ губами и плюнувъ. У насъ, братъ, на Турецина за такомъ вазна дѣла, дадоть сто фаланги....

— А вотъ видишь, Панаіоти, у насъ и не такія дѣла съ рукъ сходятъ; примѣрича: глава градской и думскіе всѣ — мошенникъ на мошенникѣ; вѣдь мы съ тобою это хорошо знаемъ, да и всѣ знаютъ.... ну чтожь! сидятъ себѣ всѣ на своихъ мѣстахъ и издѣваются надъ всѣми.... Ты Панаіоти тонкостей не знаешь...

Примѣрича, снова голова, вишь большой хозяинъ, городской интересъ соблюдаетъ, хозяйственнымъ образомъ мостить городъ и смотришь: сегодня навезутъ щебня на какуюнибудь улицу, комитетъ освидѣтельствуетъ, а ночью глядишь — щебень перетаскали на другую улицу....

— Бре! Бре! воскликнулъ грекъ, цмокнувъ снова губами.

Бубенчиковъ въ это время почувствовалъ такой сильный приливъ крови къ горлу, что кашлянулъ; собесѣдники быстро посмотрѣли въ его сторону, значительно переглянулись и замолкли.

Довольно узнавши на первый разъ и усталый отъ дороги и разныхъ впечатлѣній, Бубенчиковъ отправился домой. По дорогѣ онъ подходилъ ко всѣмъ полицейскимъ буднямъ, но всѣ часовые храпѣли во всю носовую завертку. Долго не могъ Бубенчиковъ заснуть, когда возвратился домой: всѣ лица, которыхъ онъ видѣлъ и о которыхъ слышалъ въ этотъ день, мелькали въ его воображеніи; около часу ворочался онъ съ боку на бокъ, лицо и голова его горѣли; наконецъ усталость превозмогла и онъ заснулъ.

ГЛАВА IV.

ПЕРВОЕ ИСКУШЕНІЕ БУБЕНЧИКОВА, И КАКЪ ИНОГДА ВАЖНЫЯ ОСОБЫ БЫВАЮТЪ НЕВЪЖЛИВЫ.

Было около 8 часовъ утра, а Бубенчиковъ все еще спалъ. Деньщикъ его Иванъ употреблялъ ужь съ полчаса всѣ возможные будильныя средства: ничто не помогало. Бубенчиковъ только ворчалъ что-то невнятно. Наконецъ Иванъ рѣшился на обыкновенный свой маневръ: полѣзъ подъ кровать, легъ на четвереньки и спиной началъ то подымать, то опускать доски кровати, виѣсть съ матрацомъ и бараномъ своимъ; отъ этой эволюціи Бубенчиковъ, какъ мячикъ, запрыгалъ по постели и, проснувшись, закричалъ:

— А! негодяй! ты опять не даешь мнѣ спать....

— Вставайте, ваше высокоблагородіе, пробасилъ Иванъ.

— Вотъ, я тебя!... Бубенчиковъ нагнулся и началъ искать сапоги; но Иванъ, которому было хорошо извѣстно, что такое орудіе было для него опасно, оставлялъ ихъ всегда въ передней.

— А! мошенникъ, завопилъ Бубенчиковъ: — ты снова мнѣ сапоговъ не далъ!

Онъ схватилъ подушку и бросилъ ее на Ивана, тотъ ее подхватилъ и положилъ подъ себя; Бубенчиковъ же растянулся снова во весь ростъ на постели и захрапѣлъ. Иванъ повторилъ свои эволюціи и баринъ его снова запрыгалъ по постели, какъ мячикъ.

— Что, пожаръ! завопилъ Бубенчиковъ и присѣлъ на постели.

Молчаніе. Онъ протяжно зѣвнулъ и крикнулъ:

— Иванъ!

Молчаніе.

— Иванъ!

— Чево изволите, ваше высокоблагородіе?

— А ты гдѣ, бестія?

— Подъ кроватью.

— Что ты тамъ, ракаля, дѣлаешь?

— Будилъ ваше высокоблагородіе.

— Чтожъ ты не вылѣзешь оттуда?

— Бить будете.

— Не буду. Вылѣзай да давай одѣться.

— Побожитесь, что бить не будете.

— Говорятъ тебѣ: не буду.

Иванъ быстро вылѣзаетъ изъ подъ кровати, таща за собою подушку, и становится посреди комнаты, въ благородной дистанціи отъ постели.

— Что, поздно, Иванъ?

— Никакъ, ужъ должно быть часъ десятый.

— Запоздалъ. Давай скорѣй одѣваться.

Бубенчиковъ быстро одѣлся, умылся и сѣлъ пить чай, Ивана же послалъ за извощикомъ. Не успѣлъ этотъ послѣдній выйти на улицу, какъ къ нему подошелъ средняго роста, сѣденькій еврей, въ мериносовомъ, національномъ своемъ костюмѣ, какого-то неопредѣленнаго цвѣта. Еврей поклонился низко Ивану и обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Чи можно къ его высокоблагородію?—маю вазное дѣло.

— Что, лахманъ?...

— Его высокоблагородіе, господинъ полицмейстеръ чи почитаютъ, чи встали?

— Всталъ. А на что онъ тебѣ?

— Важное дѣло маю.

— Иди вотъ сюда. Баринъ чай пьетъ.

Иванъ показалъ ему куда идти, а самъ побѣжалъ отыскивать дрожки.

Еврей тихо вошелъ въ переднюю и началъ громко сморкаться и кашлять.

— Кто тамъ? спросилъ Бубенчиковъ.

Тогда еврей поставилъ въ уголъ палку, надѣлъ на нее свою шапку, а ермолку спряталъ въ одинъ изъ своихъ кармановъ и, войдя въ комнату, остановился у дверей.

— Что тебѣ нужно? спросилъ Бубенчиковъ.

— Съ прїѣздомъ имѣю честь поздравить.

— Спасибо, любезный. Что тебѣ нужно?

— Я къ вамъ съ важнымъ дѣломъ.

— Съ дѣломъ?

Бубенчиковъ поднялся съ мѣста и подошелъ къ нему.

— Меня прислалъ къ вамъ бывшій полицмейстеръ.

— Тебя? ко мнѣ? Не ошибся ли ты, любезный?

— Къ вамъ, вѣсе высокоблагородіе.... насчетъ пазарной....

— Я тебя не понимаю, любезный; чего жъ ты хочешь?

— Пазарная, вѣсе высокоблагородіе, добрая.... лошади знанные, богацко гросивъ кустовали.... да и струменты хоросіе.

— Чего же ты хочешь?

— Господинъ Слагенстокъ хочетъ вамъ дать тысяцу карбованцевъ.... не бракуйте пазарной....

Тутъ Бубенчиковъ понялъ, въ чемъ дѣло: пожарная команда въ беспорядкѣ и его хотятъ задобрить взяткой. Кровь бросилась ему въ голову, онъ затопалъ ногами и съ бѣшенствомъ закричалъ:

— Вонъ, мерзавецъ, пока еще кости твои цѣлы.

Еврей быстро скользнулъ въ двери и исчезъ.

Бубенчиковъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, сжимая кулаки и ворча про себя:

— Подкупить меня хотѣла эта нѣмецкая лисица... Я ему дамъ — все забракую....

Съ сердцемъ присѣлъ онъ къ своему чаю, глотнулъ изъ стакана, но жидкость остановилась у него въ горлѣ....

— Двѣ тысячи карбованцевъ.... запищалъ за нимъ голосъ еврея, который просунулъ только голову въ полуоткрытыя двери.

Бубенчиковъ, взбѣшенный этой наглостью, выплеснулъ на

него стаканъ чаю. Голова еврея спряталась съ визгомъ за дверь и чрезъ минуту Бубенчиковъ увидѣлъ, какъ онъ улепетывалъ куда-то безъ оглядки, какъ будто черти за нимъ гонялись.

Нѣсколько минутъ Бубенчиковъ ходилъ назадъ и впередъ по комнатѣ; кровь сильно прихлынула ему къ сердцу и онъ едва переводилъ дыханіе.

«И какъ, думалъ онъ, я встрѣчусь съ этимъ негодяемъ!... прислать ко мнѣ фактора.... это безчестно.... безсовѣстно....» Эти жолчныя его думы были прерваны Ивановъ; онъ привелъ ему извозчика. Бубенчиковъ накинулъ на себя лѣтнюю шинель, сѣлъ на извозчика и велѣлъ ему ѣхать къ губернатору.

Когда Бубенчиковъ очутился въ тѣсныхъ губернаторскихъ сѣняхъ, жандармъ снялъ съ него молча шинель и отперъ ему дверь; Бубенчиковъ вошелъ въ нее и очутился лицомъ къ лицу съ начальникомъ.

— Честъ имѣю явиться вашему превосходительству: штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи *** полка Бубенчиковъ...

— А!... вы къ намъ... васъ прислали исправить насъ?... Не такъ ли? Молоды, сударь... очень молоды... Чей вы протекже?

— Я сюда пріѣхалъ не по протекціи, а по желанію господина министра...

— Ха! ха! ха! Повторите снова... это очень оригинально... Не правда ли, Архипъ Петровичъ?...

Онъ обратился къ господину, стоявшему у окна и барабанившему пальцами по стеклу; тотъ промычалъ: «гм!» Тутъ только Бубенчиковъ замѣтилъ его и узналъ въ немъ того господина, котораго Искринъ рекомендовалъ ему подъ названіемъ: обѣ руки Ольги Федоровны.

— Я люблю такія басни, *любезнѣйшій*... продолжайте... продолжайте.

У Бубенчикова вся кровь бросилась въ голову; сердце его сильно сжалось, но онъ удержался и довольно холодно сказалъ:

— Прикажете вступить сегодня въ должность, ваше превосходительство?

— Когда угодно.... только у меня смотрите! начнете брать взятки да притѣснять народъ... я васъ подъ судъ отдамъ безъ сожалѣнія... Ступайте... вы мнѣ не нужны.

Бѣшенство снова закипѣло въ груди Бубенчикова, но онъ вторично удержался и, поклонившись сухо губернатору, вышелъ. Отсюда поѣхалъ онъ къ исправлявшему должность генералъ-гу-

бернатора. Въ его передней застава онъ унтеръ-офицера ординарца; тотъ доложилъ о немъ.

— Проси, раздався рѣзкій голосъ изъ сосѣдней комнаты.

Ординарецъ, растворивъ дверь настежь, пригласилъ Бубенчикова войти въ кабинетъ генераль-губернатора Иванова.

ГЛАВА V.

ИВАНОВЪ БЕСѢДУЕТЪ СЪ БУБЕНЧИКОВЫМЪ.

....Передъ олицетвореннымъ *благодуміемъ* начальника стола теперь Бубенчиковъ.

— Честь имѣю явиться... началъ было Бубенчиковъ; но Ивановъ прервалъ его *весьма* милостивыми и благосклонными словами:

— Очень радъ васъ видѣть. Я получилъ отъ министра письмо: онъ *весьма* лестно объ васъ отзывается... онъ, кажется, рекомендовалъ васъ также и губернатору?

— Никакъ нѣтъ-съ. При прощальной моей аудиенціи, г. министръ, отдавая мнѣ письмо къ вамъ, о господинѣ губернаторѣ упомянулъ только вскользь, какъ о человѣкѣ, близкомъ къ графу...

— А!... да... Не намекалъ ли вамъ министръ насчетъ моего предложенія о дѣшнихъ злоупотребленіяхъ по мошенію улицъ? Это дѣло извѣстно въ министерствѣ подъ заглавіемъ «О противозаконныхъ дѣйствіяхъ такого-то строительнаго комитета и градской думы въ мошеніи улицъ въ городѣ Приморскѣ».

— Ничего не слышалъ... Г. министръ по этому предмету ничего не сообщалъ мнѣ.

— А! воскликнулъ вновь Ивановъ, надулъ губы и захватилъ въ зубы коротенькіе свои усы.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Итакъ, продолжалъ Ивановъ, какъ бы договаривая свою мысль: — васъ, вѣрно, губернаторъ дурно принялъ. Вы назначены вопреки его желанію: онъ представилъ на ваше мѣсто полковника Кулакова. Онъ будетъ къ вамъ придирается, будетъ преслѣдовать васъ; но вы не уступайте ему ни на шагъ: я — за васъ.

— Очень благодаренъ, ваше превосходительство!

— Но продолжалъ съ разстановкою Ивановъ:—объ одномъ прошу васъ. Вы, можетъ быть, слышали уже, каковъ онъ... вы въ городѣ узнаете много кое-какихъ проказъ... Какъ у полиціи-мейстера, у васъ будутъ средства и возможность собрать мнѣ нѣкоторые факты... Понимаете?

— Употреблю всѣ силы и старанія.

— Я иначе и не полагалъ. Министръ пишетъ объ васъ много лестнаго... Вы на меня полагайтесь, какъ на каменную гору: я въ обиду васъ не дамъ... будьте спокойны. Теперь можете отправиться въ полицію и вступить въ должность... Будьте осторожны: тамъ мошенникъ—на—мошенникъ. До свиданія.

Ивановъ благосклонно кивнулъ Бубенчикову своею гладко остриженною, сѣдою головою и еще благосклоннѣе сдѣлалъ какую-то гримасу въ видѣ улыбки.

Съ восторгомъ вышелъ Бубенчиковъ отъ Иванова.

«Ну», думалъ онъ, «я собью спѣсъ тому... онъ принялъ меня, какъ привыкли у насъ принимать юнкеровъ. Этотъ штафирка и забылъ, что я армейскій штабъ-офицеръ... Погоди, годубчикъ, поставлю я тебѣ скамеечку: достану я Иванову документы противъ тебя — пусть эти собаки грызутся.»

А того неопытный Бубенчиковъ не зналъ, что, по малоросійской пословицѣ, когда паны дерутся, то у мужиковъ зубы болятъ...

ГЛАВА VI.

ВСТУПЛЕНІЕ ВУБЕНЧИКОВА ВЪ ДОЛЖНОСТЬ.

Отъ Иванова Бубенчиковъ отправился въ полицію. Здѣсь у подъѣзда встрѣтили его всѣ власти полицейскія, подъ предсѣдательствомъ его предшественника, Шлагенштока.

Бубенчиковъ вѣжливо раскланялся со всѣми подчиненными, при чемъ сказалъ маленькую рѣчь, въ которой высказалъ, что онъ пріѣхалъ честно служить и что будетъ преслѣдовать всякія противозаконности и злоупотребленія. Всѣ чины полиціи слушали его благоговѣнно и съ такимъ смиреніемъ и кротостію, что наблюдатель подумалъ бы, что это — сборище святыхъ, слушающихъ проповѣдь праведнаго пустытника. Окончивъ рѣчь, Бубенчиковъ направилъ шаги свои въ канцелярію полиціи. Въ

дежурной комнатѣ онъ увидѣлъ сѣденькаго чиновника въ зеленыхъ очкахъ и истасканномъ вицмундирѣ, сидящаго за конною бумагою.

— Это кто? спросилъ Бубенчиковъ.

— Журналистъ, отвѣчалъ Шлагенштокъ.

Бубенчиковъ подошелъ къ столу и заглянулъ въ книгу: было 20 іюня, а туда записывались бумаги отъ 5 іюня.

— Это что? спросилъ Бубенчиковъ.

— Извольте видѣть, сказалъ Шлагенштокъ, медленно понюхавъ табакъ: — журналистъ не успѣваетъ записывать ни въ исходящій, ни во входящій журналы всѣхъ бумагъ, при ихъ вступленіи: вотъ онъ и записываетъ въ книгу ежедневно столько бумагъ, сколько успѣетъ, и на записанныхъ въ книги бумагахъ и выставляется то число, въ которое они успѣли попасть въ книгу.

— Но это страшный беспорядокъ! воскликнулъ Бубенчиковъ. — Дѣла полиціи требуютъ поспѣшности, преслѣдованія преступленія по горячимъ слѣдамъ; а тутъ бумаги вступающія и исходящія лежатъ въ регистратурѣ двѣ недѣли.

— Текъ-съ! сказалъ Шлагенштокъ. — Но что прикажете дѣлать! Штаты сокращены: мало рабочихъ рукъ.

Бубенчиковъ былъ нѣсколько лѣтъ полковымъ адъютантомъ и зналъ отлично весь канцелярскій порядокъ; поэтому онъ и началъ съ регистратуръ разныхъ наименованій. Беспорядокъ канцеляріи полиціи былъ страшный: многіе столы вовсе не имѣли настольныхъ журналовъ, другіе имѣли — кто за два, кто за три года. Бубенчиковъ увидѣлъ, что самое учрежденіе этой гѣни порядка было не столько дѣломъ закона или правила, а прихотью разновременныхъ начальниковъ отдѣленія и столоначальниковъ. Обойдя всю канцелярію, дѣлая въ каждомъ столѣ замѣчанія, что порядокъ въ немъ заведенный незаконный, Бубенчиковъ отъ всѣхъ чиновниковъ слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: у насъ такъ принято.

— Какими же правилами вы руководствуетесь? воскликнулъ наконецъ выведенный изъ терпѣнія Бубенчиковъ.

— Общимъ уставомъ объ устройствѣ присутствій, отвѣчалъ помощникъ полиціймейстера.

— Но вѣдь должны же быть какія нибудь правила относительно правъ и обязанностей членовъ полиціи?

— Ничего нѣтъ. *Принято* у насъ, что полиціѣmeisterъ есть предсѣдатель, а мы — члены общаго присутствія полиціи... Мы немножко придерживаемся порядка с.-петербургскихъ управъ благочинія...

Бубенчиковъ пожалъ только плечами.

Осмотрѣвъ канцелярію полиціи, Бубенчиковъ объявилъ своему предшественнику, что послѣ обѣда онъ намѣренъ осмотрѣть пожарную команду, и поэтому отдалъ брантъ-майору приказъ собрать на площади тюремнаго замка всю эту команду съ брантсъ-боями. Сдѣлавъ эти распоряженія, онъ сухо поклонился всѣмъ чинамъ полиціи и уѣхалъ домой, съ твердымъ намѣреніемъ *преобразовать полицію и поставить ее на ногу.*

Но послушаемъ, какъ думала объ немъ полиція. По отъѣздѣ Бубенчикова, два столоначальника гражданскаго отдѣленія, вѣсельнаго стола — Проценщиковъ, и контрактоваго — Неустойкинъ, такъ разсуждали въ архивѣ, кура папироски:

Проценщиковъ. А вѣдь молодець нашъ полиціѣmeisterъ! саблю за храбрость имѣеть... лично министру извѣстенъ... Важная, стало быть особа!... Да и ростъ-то какой! а усы-то, усы!...

Неустойкинъ. Побей Богъ мою душу! Чтобъ у меня покрышки не было, если ты что нибуль смыслишь въ дѣлахъ. На какой чортъ намъ его сабля, ростъ и усы!... Вотъ если бы у него была девятая клепка въ головѣ — дѣло другое.

Проценщиковъ. Оно такъ! Но ростъ важная вещь... А усы?... (Поеть)

Усы гусара украшаютъ,
Усы гусару даютъ видъ,
Они сердца дѣвицъ плѣняютъ,
Усы для дѣвушки магнитъ...

(Покручиваетъ двѣ волосинки, носяція у него названіе усовъ.)

Неустойкинъ. Чтобъ у меня покрышки не было, если я не побью тебя когда нибуль, фанфаронъ, прощальга ты атакой!... (Плюетъ и уходитъ.)

ГЛАВА VII.

СЕРМЯЖНОЕ РЫЦАРСТВО ВЫЗЫВАЕТЪ НА ПЛОЩАДЬ
ПУБЛИКУ.

Послѣ обѣда, въ день вступленія въ должность Бубенчикова, по улицамъ Приморска была картина самая очаровательная для удичныхъ мальчишекъ: длинною вереницею тянулись другъ за дружкой брантсъ-бои, запряженные въ тройки и пары. Гордый видъ откормленных на убой лошадей и блескъ ихъ глазъ, происшедшій отъ данной имъ порціи водки; горѣвшія на солнцѣ мѣдныя каски пожарной команды, свѣтлосѣрые мундиры и веселый ея видъ, наконецъ величавая фигура толстаго брантъ-майора, желтые эполеты котораго горѣли еще жарче касокъ команды, — все это имѣло невыразимо прелестный видъ. Мальчики со всѣхъ частей города устремились за этой процессіей и запыхавшись слѣдили за нею по тротуарамъ съ любопытствомъ и завистью. Команда, размѣщавшаяся на брантсъ-бояхъ, окидывала эту толпу саркастическимъ взглядомъ, а иногда и комплиментами въ слѣдующемъ родѣ:

— Экъ ихъ бѣсенковъ нанесло! Шарлатаны этикіе!

Съ такою торжественностью команда собралась изъ разныхъ частей города въ сборное мѣсто, на площадь тюремнаго замка; по мѣрѣ ея приближенія туда, къ толпамъ мальчиковъ присоединялись и взрослые зѣваки, такъ что вся площадь вскорѣ открылась народомъ. Каждый хотѣлъ занять мѣсто поближе къ командѣ и поэтому давка сдѣлалась порядочная.

— Эка-ты! не толкайся!... Вишь какъ руки-то распустилъ, говорила кухарка молодому парню-водовозу.

— А ты куда лѣзешь?... Тебѣ бы въ кухнѣ сидѣть да пироги печь...

— А тебѣ шарлатану какое дѣло... сидѣлъ бы да лапти плелъ... Миѣ здѣсь дѣло... Мой баринъ фартальнымъ служить... Ужо погоди... будетъ пожаръ, скажу фартальному: онъ тебя шарлатана перваго на пожаръ за шиворотъ потащить.

— Ну, молчи баба, злющая ты этакая! Боюсь я твоего фартальнаго! Велика птица!... Года два тому, возилъ, возилъ ему воду, а онъ хотъ бы копѣчку далъ... Такой, Господи прости,

скарденный, шаромыжный... Ваше благородіе, говорю, удовольствуйте моль жалованьемъ; наше дѣло крестьянское: оброкъ, почпортъ... деньги потребны... А онъ какъ взвизгнетъ на меня: безпашпортный, этакой-сякой, бродяга... подъ рѣшотку посажу. Вотъ каковъ твой фартальный!...

— Сволочь! проговорила въ отвѣтъ на его монологъ кухарка и начала всею силою работать руками, такъ что чрезъ нѣсколько минутъ была впереди всѣхъ.

Но вотъ пожарная команда начала пыхтѣть и сморкаться; брантъ-майоръ крикнулъ: «смирно!» толпы народа зашевелились и слышались голоса: «палицмѣстеръ ѣдетъ».

Подѣхавъ къ командѣ, Бубенчиковъ поздоровался съ нею и началъ осматривать инструменты и лошадей. Ревизіи и пріемъ были самые строгіе: лошади были выпрягаемы и осматриваны сначала безъ упряжи, потомъ испытывались онѣ запряженныя въ инструментахъ.

Шлагенштокъ былъ какъ въ угарѣ. Всѣ пороки и недостатки не только каждой лошади, но и брантсъ-боевъ были отмѣчаемы Бубенчиковымъ на особомъ пути. Этотъ осмотръ продолжался нѣсколько часовъ. Публика, накутивъ такимъ скучнымъ представленіемъ, начала рѣдѣть; на площади оставались только мальчишки и отчаянные зѣваки: усѣвшись по протяженію бульвара, надъ рвомъ, подъ тѣнью деревъ, они подвергали критикъ каждую лошадь, каждаго полицейскаго чиновника и солдата.

— Вотъ эво, примѣрича сказать, былъ палицмѣстеръ...

Съ такими словами обратился одинъ изъ зѣвакъ, толстый купецъ, высокаго роста, въ запыленной чуйкѣ, съ сѣрою бородою, къ другому купцу, съ рыжею козлиною бородкой.

— Василевскій-то? Неча сказать, голова былъ... я въ тѣ поры...

— Нѣтъ, ужь ты не говори: не то, что голова, а извергъ былъ. Приступу никакого къ себѣ не давалъ: какъ бѣсъ какой взѣвѣтся... Дочка моя, Матренка, вотъ что замужемъ теперича, была дѣвка задорная, вишь на фортоплясахъ играла да по басурмански балякала, — какъ говорятъ: «за мужика али за прикащика замужь не пойду; мнѣ подай судьбу не эвакую: хочу за офицера, чтобъ у него вексельбанты были...» Я ей и говорю: «дурище ты безмозглая, куда намъ! эвакой за тебя не выйдетъ!» А она хнычетъ да заливается, будто за покойника... Я махнулъ

рукой да плюнулъ: пускай, думаю, сидить въ дѣвкахъ—не стерпится... ужь такая, вишь, бабья причуда... Думалъ я такъ, а вышло иначе: принесла нелегкая ко мнѣ фартиранта, гусарскаго, аль кирасирскаго офицера... говорятъ, въ кавалеріи служилъ...

— То-ись не въ кавалеріи, а въ конницѣ, сказала, съ видомъ знатока, рыжая бородка.

— Да, вишь, въ конницѣ... Вотъ ужь эвто не знаю, пускаль ли онъ Матренкѣ балясы, аль что другое, но извелась дѣвка: подь глазами точно радуга какая, а сама какъ щавель зеленая...

— Да ты бы ее, Пантеленчъ, до знахарки да ладаномъ обкурить аль волосками изъ хвоста чернаго кота. Сердечная, видно, исхудала.

— Куда-ты! Сама точно щепка, худая, худая; а животикъ-то... понимаешь?

— Вотъ эвто штука!... Срамница такая!

— Я и смекнулъ, кумъ, что эвто дѣло хошь плюнь. Надѣлъ я новую чуйку, навѣсилъ, знаешь, свою кавалерію, что на анненской имѣю, да и пошелъ съ челобитной къ эвтому Василевскому... знамо дѣло, съ гостинцемъ сахарцу головъ съ шесть: да чаю московскаго—не то, что аглицкій—хунтовъ съ пять... Какъ завидѣлъ онъ мою бакалю, «эвто что? говорить. Ты, бородатая свинья, не знаешь что ли, что эвтого не люблю? Смотри впервой прощаю, а тамъ, пожалуй, и подь судъ отдамъ. Посулы твоей мнѣ не надо. Ну, говори, чего хочешь?...» Я ему въ ноги. «Ваше высокоблагородіе, помилуйте, вѣчно Бога буду молить... такъ и сякъ, извелъ карасейръ дѣвку мою, сама какъ щепка, а животикъ того...» «Ну», «говорить его высокоблагородіе», дѣло-то дрянъ; да ты самъ виноватъ: зачѣмъ на фортоплясахъ училъ, да по басурмански, да познакомилъ ее съ романами... «Никакъ вѣтъ-съ, говорю, карасейръ не Романомъ, а Степаномъ зовется...» «Ну, молъ, говорить, Романомъ аль Степаномъ, все едино. Колл бѣ она не того, то и карасейръ былъ бы того...» Я было того. Но вѣдь онъ шутить-то не любилъ: какъ разъ попалъ бы на съѣзжую.

Купецъ задумался. Рыжая бородка сильно втянула въ себя носомъ воздухъ, плюнула, погладила бородку и оперла глубокомысленно объ ладонь правой руки голову.

Нѣсколько минутъ они молчали. Послѣдній перервалъ паузу.

— А что, Пантеленчъ, новый-то палицмѣстеръ не будетъ наѣзжать?

— Кто жь его знаетъ! чужая душа — потемки... Извѣстно дѣло, безъ гостинца и не суйся.

— Насъ раскольниками кличутъ. Пускай такъ. Церковь-то нашу, что близъ кладбища, молитвеннымъ домомъ прозвали, будто школа жидовская. Пускай такъ! Мы, то-ись, единственно для проформы одной въ Успенскую церковь ходимъ, да ты и титоромъ туда выбранъ; а вѣдь служба-то шла у насъ въ молитвенномъ-то домѣ.

— Спасибо прежнему палицѣмстеру. Тотъ нѣмецъ: по мнѣ хошь, говоритъ, сатанѣ молись; но эвто, говоритъ, по закону запрещено: такъ, говоритъ, давай по 25 рублей за каждую службу, а тамъ хошь двадцать разъ служи. Эвтакой, право! А таперешный изъ россѣйскихъ...

Рыжая борода сильно обезпокоилась; она начинаетъ фыркать, будто носъ ея набитъ биткомъ пылью.

— Россѣйскій? произнесъ онъ плачевнымъ голосомъ и щупая свой носъ, какъ будто рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ необходимаго члена его лица.

— Видали мы виды, продолжаетъ его кумъ: — не съ эвтакими справлялись... Дашь ему сотеньку, «не хочу», говоритъ. Дашь двѣ сотеньки — «не хочу»... Тьфу пропасть! Высыпишь пятьсотъ, тысячу — все не хочу... Плюнешь да скажешь со сѣдямъ-собратамъ: не хочетъ, окаянный: говоритъ, самому дороже стоять. И двѣ, и три тысячи не жалѣютъ рябятъ... Правослово!

— Ну, эвто нное дѣло. Таперь знамо...

— Обнакновенно! Хошь новый палицѣмстеръ россѣйскій, но сердце — не камень... Однако, мы тутъ закалякались. Глядь-ко: уже смотръ кончился!... А, кумъ!

— Чаго?

— Кушать хочешь чаю?

— Могѣмъ.

— Идемъ въ трактеръ, что на Успенской... А вывѣска тамъ какая, точно въ матушкѣ Москвѣ: «Неаполитано-африкано, новотроянко-московской, новоткрытой трахтеръ»... Вѣришь ли, право-слово, два мѣсяца учился произнести, какъ онъ зовется... Видно, ученый сочинилъ... професоръ какой.

— Ой-ли?

ГЛАВА VIII.

САТАНА ИСКУСИТЕЛЬ ИЛИ ОТКУПНОЙ ФАКТОРЪ АБРАМКА
ОНЪ ЖЕ ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Измученный тревогами и впечатлѣніями, предвидя ссору съ своимъ предшественникомъ, разгорченный дурнымъ приѣмомъ губернатора, Бубенчиковъ вечеромъ того же дня, какъ вступилъ въ должность полиціймейстера, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и пилъ чай.

«Ну», думалъ онъ, «на мнѣ осуществилась малороссійская пословица: «не мала баба хлопотъ, тай купала порося». Дернула меня нелегкая сюда приѣхать! Служилъ бы себѣ смирновъ полку; днемъ ходилъ бы на ученье, а вечеромъ — ералашъ, театръ, балы... Всѣ товарищи и начальники меня любили; начальство вѣжливо, привѣтливо, товарищи радушны... Такъ нѣтъ! натура человѣка ужъ такова!... Славно Лермантовъ выразилъ такое стремленіе наше чортъ знаетъ къ чему въ своемъ стихотвореніи «Парусь»:

А онъ мятежный проситъ бури,
Какъ будто въ бурѣ есть покой!...

«Да я самъ искалъ бури...»

Онъ всталъ, въ задумчивости началъ ходить по комнатѣ и, тяжело вздыхая, шепталъ стихи Огарева:

Я его любила,
Я ему сказала...

«Нѣтъ! я не могъ на ней жениться... У меня нѣтъ никакого состоянія... Разводить нищихъ я не намѣренъ... Я посоветовалъ ей выйти замужъ за богатаго генерала. Она бы могла быть его дочерью!... Какъ она умоляла меня пощадить ее! Но я выше обстоятельствъ: я почти принудилъ ее согласиться на бракъ... Когда она вышла замужъ, я тогда увидѣлъ, какъ я ее люблю... Но было уже поздно, и я потерялъ ее невозвратно... Что жъ оставалось мнѣ тогда дѣлать?»

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
 Въ туманѣ моря голубомъ.
 Что ищетъ онъ въ странѣ далекой,
 Что кинулъ онъ въ краю родномъ?...

Нашъ герой (если только герои существуютъ въ настоящее время), изволите видѣть, не чуждъ немного романтизма: онъ любитъ декламировать стихи, подводя подъ нихъ мѣрку свои ощущенія и стремленія къ нѣмецкому *туда* (dahin); а изъ его нѣсколькихъ думъ вы можете заключить, что въ сущности онъ живетъ сердцемъ и что идеализмъ привитъ къ нему точно такъ, какъ прививаютъ человѣку оспу: болѣзнь есть, но она дѣйствуетъ въ организмѣ человѣка чисто отрицательно, предохраняя его отъ нашествія натуральной оспы. Я убѣжденъ, что за это тривиальное сравненіе поэты страшно на меня возстанутъ и не пустятъ меня на Парнасъ; но Богъ съ ними! мнѣ весело живется и на землѣ; я счастливъ и тѣмъ, что хотя (моды и важности ради) ношу очки, но на жизнь гляжу простыми глазами. Я не вижу въ кудряхъ — шелкового каскада, у рыбокъ — лукаваго взгляда, а на темно-синемъ небѣ, безъ оптическихъ снарядовъ, звѣзды мнѣ не кажутся голубыми, а просто свѣтлыми, мерцающими огоньками... Впрочемъ, мы, обыкновенные смертные, безъ дара вдохновенія, безъ пророческаго огня въ сердцѣ, можемъ вовсе иначе глядѣть на свѣтъ Божій, чѣмъ люди съ печатью высшаго стремленія на чель. Итакъ, я съ своимъ прозаическимъ взглядомъ на жизнь видѣлъ въ Бубенчиковѣ добраго человѣка, немного избалованнаго дамами, хотѣвшаго разыграть роль Печорина, но во время своего дебюта увидѣвшаго, что онъ сильно промахнулся; но было ужъ поздно. Его Соничка, тихое, доброе, умное и покорное его деспотизму и эгоизму дитя, вышла, по его требованію, замужъ за стараго генерала, — и всѣ радости для него погибли. Кажется, такой ударъ былъ достаточенъ для того, чтобы образумить Бубенчикова; такъ нѣтъ: онъ ужасно любилъ въ своихъ мечтахъ и думахъ видѣть себя Печоринимъ. Жаль, что покойникъ Гамлетъ не подслушалъ его мысли, онъ бы вѣрно сказалъ, что Бубенчиковъ такъ похожъ на Печорина, какъ онъ, Гамлетъ, на Геркулеса. Яснѣе всего это выразилось въ положеніи Бубенчикова на двухъ его аудіенціяхъ у сильныхъ міра сего. Дерзости перваго не отразилъ Бубенчиковъ ни единымъ словомъ, а нахальное желаніе втораго, чтобы онъ сдѣлался доносчикомъ, было имъ принято даже съ нѣкото-

рымъ энтузіазмомъ. Но не вините слишкомъ строго моего героя. Предупреждаю васъ снова, мой герой вовсе не идеаль, и если онъ въ поэтическомъ озлобленіи на дерзости важнаго лица не вызвалъ его на дуэль или, по крайней мѣрѣ, не вышибъ у него послѣдняго старческаго зуба, то на это онъ имѣлъ такія же ясныя и законныя причины, какъ на то, чтобы принять съ энтузіазмомъ неинного щекотливый для поэтическаго сердца предложеніи другаго важнаго лица. Мой герой, съ самаго ранняго возраста, поступилъ въ кадетскій корпусъ, прямо изъ-подъ фартуха своей мамы, которая вскорѣ потомъ отдала Богу душу, оставивъ своему драгоцѣнному сыну въ наслѣдіе одно только материнское благословеніе и ни гроша за душой. Отецъ же Бубенчикова скончался за нѣсколько лѣтъ врѣдъ поступленіемъ его въ корпусъ. Получивъ первоначальное воспитаніе отъ матери, женщины кроткаго нрава, религіозной и умной, Бубенчиковъ позаимствовалъ отъ нея покорность судьбѣ, разсудительность, мягкость и чисто женскую терпѣливость и кротость. Съ такимъ направленіемъ вступивъ въ военно-учебное заведеніе, Бубенчиковъ довольно долго подвергался большимъ непріятностямъ со стороны своихъ товарищей, которые въ разныя времена надавали ему слѣдующія имена: *плакса*, *Катенька*, *подлиза*. Первое изъ этихъ названій они основали на томъ, что Бубенчиковъ, при поступленіи своемъ въ корпусъ, въ отвѣтъ на ихъ *махлобучки* и *тумаки*, бывало, садеть въ уголокъ и втихомолку поплачетъ. Второе названіе Бубенчиковъ получилъ за свѣжее, румяное какъ персикъ личико и особенно дѣвственную миловидность лица. Третье названіе товарищи дали ему за то, что онъ внимательно и старательно исполнялъ требованія учителей и начальства, за что и былъ отличаемъ послѣдними. Эти три качества въ первые учебные годы были причиною того, что Бубенчикова не слишкомъ товарищи жаловали: при каждомъ удобномъ случаѣ, они ему, какъ говорится, подставляли ножку. Но когда Бубенчиковъ достигъ высшаго класса, глаза его товарищей раскрылись: они увидѣли въ немъ добраго, искренняго, добродушнаго сотрудника, который помогалъ всѣмъ и каждому съ любовью и терпѣніемъ; что его мнимое подлизыванье было не что иное, какъ добросовѣстное исполненіе имъ своихъ обязанностей и что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его наставники переходили границы вѣжливости, онъ первый возвышалъ голосъ за правду и истину. Но это возвышеніе

голоса обходилось ему очень дорого: два раза его за это пералодно отодрали розгами, при чемъ ему говорили:

— Старшаго слушать, не рассуждать; ваше дѣло—слушать, повиноваться и исполнять.

Сдѣлавшись чрезъ эти двѣ операціи идоломъ своихъ товарищей, которые глядѣли на него, какъ на героя и мученика, Бубенчиковъ много отъ этихъ операцій потерялъ въ нравственномъ отношеніи: мягкая его натура подчинилась розочному направленію, и онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что рассуждать о дѣйствіяхъ старшихъ — преступленіе, за которое должны слѣдовать розги. Но этого мало: за рассуженіе Бубенчиковъ чуть-чуть не попалъ въ гарнизонъ; къ счастью, его спасъ одинъ изъ высшихъ его начальниковъ, которому онъ понравился за то, что въ пѣсенникахъ всегда былъ отличнымъ загввалой и при этомъ выплясывалъ съ разными тѣлодвиженіями и жестами самымъ умерительнымъ образомъ. «Коли не плетью, такъ обухомъ», говоритъ пословица, такъ и Бубенчиковъ: коли не чрезъ умъ и познанія, такъ чрезъ пляску попалъ въ гвардію. Намъ-то до этого нѣтъ дѣла; но изъ пѣснисловъ не выкидываютъ. Мы должны слѣдовать исторической вѣрности: иначе, читатель имѣлъ бы полное право упрекнуть насъ въ пристрастіи, да и самъ Бубенчиковъ, какъ человекъ правдивый, прочтя настоящую мою хроніку, озялся бы на меня еще хуже, нежели губернаторъ на него за занятіе имъ мѣста, которое было назначено его супругою господину Кулакову.... Но я удалился отъ предмета.... О чемъ бишь я хотѣлъ говорить? Странно! вѣдь я, когда началъ писать настоящую главу, имѣлъ намѣреніе познакомить моего читателя съ сатаною; а, между тѣмъ, герой мой сбиль меня съ надлежащаго пути, съ законнаго порядка, какъ сказалъ бы навѣрно мой другъ, красноносый засѣдатель уѣздчаго суда. Но сами посудите, виновать ли я, что Бубенчиковъ размечтался о своей петербургской жизни. Надѣвъ эполеты и поступивъ въ гвардейскій полкъ, Бубенчиковъ на практикѣ убѣдился, что субалтерному офицеру нечего рассуждать: знай хорошо ружистику и шагистику да ротное и батальонное ученье, являйся исправно въ манежъ, ходи аккуратно въ караулъ, не отлучайся съ гауптвахты, не выпускай арестантовъ домой, не пьянствуй и не играй съ ними въ азартныя игры, носи мундиръ и принадлежности его по формѣ, стриги низко волосы,—и будетъ тебѣ благо. Къ чему рассуженія?... Но Бубенчиковъ не отучился отъ своей дурной

приемы разсуждать. Однажды во фронтъ его полковой командиръ подошелъ къ нему и отдалъ ему какое-то приказаніе. Бубенчиковъ, взявшись подъ козырекъ, чрезвычайно вѣжливо зашѣтилъ ему, что по правиламъ слѣдуетъ сдѣлать вотъ такъ.

— Какъ вы смѣете меня учить, поручикъ? закричалъ гнѣвно полковой командиръ:—разсуждать вздумали.... Я вамъ дамъ такое разсужденіе, что вы своихъ не узнаете... Отдайте вашу саблю... ступайте на гауптвахту.

Двухнедѣльный арестъ на гауптвахтѣ окончательно убѣдилъ Бубенчикова, что голова дана ему только для того, чтобы носить остриженные по формѣ волосы и украшать ее каской съ султаномъ.

Выйдя съ гауптвахты, онъ переродился: разсуждать онъ пересталъ, и ему такъ легко сдѣлалось на сердцѣ, какъ будто съ него гора свалилась. Тутъ только онъ понялъ, почему всѣ его товарищи такъ беззаботны и веселы, почему они отличаются такъ рѣзко отъ ненавистныхъ имъ штафирокъ. Бубенчиковъ убѣдился тогда, что все суета суеть и всяческая суета, и поэтому, закинувъ подъ постель всѣ ученые трактаты о тактикѣ, стратегіи, фортификаціи и другія тому подобныя глупости, которыя онъ до того времени изучалъ, и, предавъ ауто-да-фе всѣ обличительныя, противъ этой глупой его страсти, улики, т. е. всѣ свои замѣтки и выписки, мой герой приваялся практиковаться въ высокихъ чувствахъ. На этомъ новомъ поприщѣ высокій станъ, красивое и выразительное лицо, огненные темно-каріе глаза, шелковистые темные волосы и усы дѣлали его истиннымъ героемъ, такъ что, подобно Цезарю, онъ могъ смѣло сказать: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Отъ послѣдней гриветки и камелии самаго высокаго полета до величественной, добродѣтельной во всѣхъ отношеніяхъ барыни, — все заискивало его. Сначала Бубенчиковъ, по неопытности своей (вѣдь и Фридрихъ Великій обратился въ бѣгство въ первомъ своемъ сраженіи), довольствовался вещественными знаками невещественныхъ отношеній; потомъ, усовершенствовавшись, онъ началъ искать невещественные знаки вещественныхъ отношеній, т. е. посредствомъ связей составить себѣ карьеру. На этомъ поприщѣ онъ дебютировалъ очень успѣшно, пока не встрѣтился съ одною гувернанткой, Соничкою. Избалованному, какъ я выше сказалъ, дамами, Бубенчикову хотѣлось съ Соничкою разыграть роль Печорина, на личность котораго онъ имѣлъ большую претензію; но Соничка

не была ни гризеткою, ни роскошною камелією, ни породистою барыней, и поэтому онъ плохо разыгралъ роль свою... Когда Соничка вышла замужъ, ему Петербургъ опротивѣлъ, и онъ, чрезъ свои прошедшія вещественныя отношенія, попалъ въ Приморскъ начальникомъ полиціи, гдѣ я и имѣлъ честь рекомендовать его моимъ читателямъ... Но довольно! Чувствую и знаю, что вы горите неимовѣрнымъ желаніемъ познакомиться съ сатанюю. Но вы дѣлаете гримасу, вы не хотите признаться, что желаете, или, какъ поэты выражаются, жаждете познакомиться съ этимъ падшимъ ангеломъ... Полноте, не лукавьте... Съ жадностью мы съ вами слушали въ дѣтствѣ отъ мамы и нянекъ похождения его на землѣ и его продѣлки съ разными личностями; потомъ, въ возмужаломъ возрастѣ, мы съ наслажденіемъ читали съ вами: «Потерянный Рай», «Фауста», «Демона», «Хромоногаго Бѣса» и тьму записокъ, хроникъ, романовъ и повѣстей, излагавшихъ судьбу этого древняго героя... Но успокойтесь, любезный читатель: я не имѣю намѣренія познакомить васъ съ сатанюю въ такомъ видѣ, какъ вы о немъ читали во всѣхъ указанныхъ мною сочиненіяхъ: мой бѣсъ не хромоногъ; онъ не имѣетъ также такого величія и красоты, какъ соблазнительный демонъ; онъ вовсе не по бѣсовски уменъ, какъ Мефистофель; онъ также не въ состояніи писать записки на какомъ бы то ни было языкѣ, потому что ни одного достаточно не знаетъ и въ грамотѣ не крѣпокъ. За то у него съ Мефистофелемъ большое сходство: подобно этому бѣсу, онъ по части женскаго пола мастеръ улаживать дѣла своихъ патроновъ; усердіе его въ этомъ случаѣ превосходитъ мефистофелево: онъ даже жену свою жертвуетъ. Сходство его съ нашимъ простонароднымъ чортомъ то, что оба роконосцы.

Еще съ хромоногимъ бѣсомъ мой сатана имѣетъ сходство и *сродство* (выражаюсь языкомъ химіи, потому что, по риторикѣ Кошанскаго, слогъ долженъ быть приличенъ случаю и мѣсту; а извѣстно, хромоногій бѣсъ былъ въ затворничествѣ у химика): это сходство состояло въ томъ, что первый сидѣлъ въ стклянкѣ полгода, пока случайно не былъ изъ нея освобожденъ; мой же бѣсъ всю жизнь свою просидѣлъ за стклянками чарочнаго откуца и такъ былъ къ нимъ приколдованъ, что, разбогатѣвъ посредствомъ профессіи друзей своихъ Мефистофеля и Асмодея, не переставалъ быть сткляночнымъ *повѣреннымъ*. Какое магическое слово «чарочный повѣренный»! Вы, любезный мой чи-

татель, если только принадлежите къ какимъ нибудь губернскимъ, или уѣзднымъ, или городскимъ властямъ, можетъ быть, и сами испытали его волшебное дѣйствіе, когда приходилъ къ концу какой нибудь мѣсяць....

— Вотъ, говорили вы своей супругѣ, раздѣваясь и ложась на брачное ложе (*):—завтра первое число и *повѣренный*, вѣрно, завезетъ мнѣ жалованье: онъ, бестія, всегда, аккуратенъ... Я тебѣ, мой пупыричекъ, закажу завтра шляпку изъ этихъ денегъ.

— О! откупъ исправенъ, возражаетъ супруга, отталкивая руку мужа. — А какую шляпку ты мнѣ купишь?

А инфузоріи губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ присутственныхъ мѣстъ, удостоиваемыя только полученіемъ отъ откупа, вмѣсто жалованья, къ новому году водки, начиная съ 5 до 1 штофа полугара, или пѣнной, или очищенной,—съ какимъ нетерпѣніемъ они въ декабрѣ мѣсяцѣ ждутъ твоего появленія, г. повѣренный, чтобы предъявить тебѣ списокъ всѣхъ смертныхъ, пользовавшихся щедротами откупа! А какой шумъ поднимаетъ какая нибудь канцелярская крыса, какъ напрімѣръ архивариусъ, когда въ числѣ счастливыхъ онъ обойдетъ откупомъ!

— Я убѣжденъ, говоритъ онъ бѣлобрысому журналисту, съ азартомъ выбивая пыль изъ стараго дѣла:—это все штуки секретаря: о! онъ политикакъ, интриганъ.... знаемъ мы его.... Но чтобъ мнѣ до завтрашняго дня не дожить, если я ему не отплачу. Придетъ онъ ко мнѣ за справочкой, чтобы подлизаться къ председателю: цѣлый годъ буду его водить.... вѣдь у меня-то описей дѣламъ нѣтъ: хорошо, что я умѣю отыскивать....

— Послушай, дружище, возражаетъ ему журналистъ:—какъ разъ выгонять тебя. Смотри не пузырься.

— Меня! возражаетъ горячо архивариусъ: — еще не родился тотъ человѣкъ, который бы меня выгналъ въ отставку; захочу—самъ подамъ.... но вотъ я тебѣ докажу: пусть секретарь придетъ за справкой, цѣлый годъ будетъ ходить.

Въ это время вбѣгаетъ въ архивъ впопыхахъ секретарь.

— Господинъ архивариусъ, отыщите сейчасъ же, безъ всякаго отлагательства, дѣло, начавшееся въ 1801 году и переданное въ архивъ за неполученіемъ, втеченіе 15 лѣтъ, отъ губер-

(*) Чиновникъ говоритъ съ женою только за обѣдомъ и въ постели.

скаго правленія отзыва. Теперь поступило отъ сына истца прошение, и предсѣдатель требуетъ къ себѣ дѣло.

— Подъ какимъ же оно заглавіемъ?

— *О немедленномъ отысканіи пропавшей у колониста Гельмана коровы на ярмаркѣ въ городѣ Балтъ.*

— Помилуйте, Леонардъ Павлычъ! пропалъ архивариусъ:— я думаю, косточки этой коровы давно погнили: вѣдь корова—то пропала 57 лѣтъ тому назадъ.

— Молчать! заревѣлъ секретарь, Леонардъ Павлычъ. — Не разсуждать! Когда господинъ предсѣдатель находитъ возможность отыскивать эту корову и хочетъ начать немедленно, не теряя минуты, дѣйтельную переписку по этому дѣлу, то не вамъ, г. архивариусъ, разсуждать о предметѣ, рѣшенномъ резолюціею его превосходительства.

Для вящшаго убѣжденія архивариуса, Леонардъ Павлычъ ткнулъ ему подъ носъ резолюцію, на которую ссылаясь. Архивариусъ бросился со всѣхъ ногъ отыскивать *не терпящее отлагательства* дѣло; секретарь ушелъ, а журналистъ, ударивъ по плечу горячившагося архивариуса, сказалъ ему:

— Ты слышалъ разсказъ горячаго нѣмца?

— Нѣтъ, отвѣчалъ мрачно архивариусъ, уткнувъ носъ въ какое-то дѣло.

— Коли не слышалъ, то я тебѣ передамъ его буквально. Нѣмецъ разсказывалъ мнѣ такъ:

— «О! я горейчій шеловѣкъ! Билъ я на Вольфа ресторанъ, на Нефска проспектъ... Пришелъ и сказалъ: гарсонъ, подай мнѣ одинъ кафе. Гарсонъ подалъ. А я фсялъ газетъ и политикъ шитай. Тутъ пришелъ матросскій офицеръ и фишилъ мой кафе... О! я горейчій шеловѣкъ!»

— Чтò жъ вы ему сказали? спросилъ я его.

— Я? я ему сказалъ: какъ ты смѣешь! а онъ далъ мнѣ одинъ оплеухъ.... О!... я горейчій шеловѣкъ....

— Чтò жъ вы ему сдѣлали?

— Я?... я фелѣлъ себѣ подать другой кафе.... онъ фишилъ и другой.... я горейчій шеловѣкъ....

— О! я увѣренъ, вы въ этомъ случаѣ не смолчали....

— Гм!... смолчать!... я сказалъ ему: зашѣмъ пьешь мой кафе?... А онъ далъ мнѣ другой оплеухъ.... О! я горейчій шеловѣкъ — побѣжалъ на графъ Бенкендорфъ.

— Чтò жъ тебѣ графъ сказалъ?

— Графъ сказалъ: «и, горейчій человѣкъ, когда матросскій офицеръ тастъ фамъ еще одинъ оплеухъ, придить и скажить мнѣ. Я ему скажу: такъ негодится тѣлать».

Съ этими словами журналистъ, презрительно улыбаясь, вышелъ; а архивариусъ горячо началъ рыться въ дѣлахъ, для отысканія 57-лѣтняго дѣла—о немедленномъ отысканіи коровы колониста Гельмана, между тѣмъ, какъ мысли его были заняты откупнымъ повѣреннымъ. Бѣдные чиновники! какъ жалко ваше положеніе, когда какой нибудь откупной повѣренный можетъ бросить тѣнь на ваше сердце. Благо, если бы это былъ откупной адвокатъ, а то повѣренный!... Да знаете ли вы, что такое повѣренный откупа? Это тотъ же факторъ, у него даже довѣренности нѣтъ отъ имени откупщика; титулуется же онъ повѣреннымъ, чтобы имѣть доступъ во всѣ присутственныя мѣста и ко всѣмъ властямъ. Въ большихъ городахъ прямыя, существенныя обязанности этихъ повѣренныхъ заключаются: въ разноску всѣмъ чиновнымъ ежемѣсячнаго жалованья, въ подкупъ властей, по процессамъ откупа, въ развозку предъ новымъ годомъ чиновникамъ опредѣленнаго количества водки; а, между тѣмъ, несмотря на эту факторскую роль, какъ любезно встрѣчаетъ этого повѣреннаго весь чиновный миръ; даже гордый пріятель нашъ Леонардъ Павлычъ (*), забывая свое польское шляхетство, готовъ ему ручку поцаловать, лишь бы къ праздникамъ получить лишній штофъ допелькюмеля. Такимъ-то повѣреннымъ или факторомъ былъ въ Приморскѣ Абрамка Рабиновъ, онъ же почетный гражданинъ.

Слышалъ я (нужно вамъ сказать, что я, какъ истинный порядочный человѣкъ, ничего ученаго не читаю, развѣ на сонъ грядущій преис-кубантъ книгопродавца Исакова; поэтому объ ученыхъ предметахъ сужу по наслышкѣ), что въ Европѣ званіе почетнаго гражданина даннаго города не дается легко: тутъ нужны дѣйствительныя заслуги, истинная честность и талантъ, признанный цѣлою націею. У насъ же стѣять вамъ состоять въ 1-й гильдіи 10, а во 2-й 12 лѣтъ и вы получаете дипломъ на это званіе (**). Согласенъ съ тѣмъ, что записанныя въ первыхъ двухъ гильдіяхъ лица приносятъ городу большую пользу, платя ему ежегодно; первые 800 руб. сер., вторые — 280 рублей; но эта польза никакъ не

(*) Леонардъ Павлычъ считаетъ себя потомкомъ Пяста.

(**) Я не говорю объ ученыхъ, которые по всей справедливости получаютъ почетное гражданство.

можетъ быть основаніемъ къ предоставленію такимъ лицамъ права на почетное званіе. Законъ, установивъ это правило, не имѣлъ вовсе въ виду одной только пользы: въ доказательство мы можемъ сказать, что если бы онъ имѣлъ только это одно своимъ началомъ, то дипломы на почетное гражданство прямо продавались бы, какъ это дѣлалось во Франціи, Австріи и даже Польшѣ. Смыслъ же нашего закона тотъ, что если кто пробылъ извѣстное число лѣтъ записаннымъ въ гильдію и велъ свои дѣла честно и благородно, то онъ достоинъ почетнаго названія гражданина.

Но какъ вы узнаете, что данное лицо вело себя честно и благородно? Гласности у насъ нѣтъ не только въ судахъ, но и въ газетахъ; остается только одно средство къ дознанію истины, а именно забрать справки, не состоитъ ли данное лицо подъ слѣдствіемъ и судомъ. Но это юридическое основаніе очень недостаточно: можно быть ловкимъ плутомъ, производить всѣ возможные беззаконія и не состоять ни подъ слѣдствіемъ, ни подъ судомъ. Не лучше ли было бы въ этомъ случаѣ установить баллотировку? большинство голосовъ купечества было бы заѣсь нѣкоторымъ образомъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія противъ лица, причисляющагося къ почетному гражданству.

Но его мрачность господинъ Абрамка Рабиновъ знать не хочетъ не только никакихъ общественныхъ мнѣній, но и общественной пользы; чтобъ достигнуть почетнаго гражданства, онъ не платилъ гильдейскихъ ни по 1-й, ни по 2-й гильдіи; притомъ, какъ еврею, эта плата ему ни къ чему не служила бы, такъ какъ дѣти Израиля исключаются изъ числа людей, могущихъ за деньги быть почетными гражданами. Поэтому его мрачность прибѣгъ къ уловкѣ, дѣлающей честь его уму: онъ сдѣлался факторомъ одного важнаго лица, о которомъ замѣтилъ одинъ нашъ остроумный аристократъ, что онъ держитъ на мизинцѣ *по пуду*. Абрамка овладѣлъ совершенно этимъ сильнымъ міра сего: всѣ блага сыпались на тѣхъ, кого Абрамка принималъ подъ свое покровительство. Самъ же Абрамка принялъ громкое официальное названіе главнаго комиссіонера *** пѣхотнаго корпуса; хотя на это названіе у него не было диплома, но всѣхъ встрѣчныхъ на улицѣ онъ останавливалъ и показывалъ свою подорожную, въ которой ясно значилось: «главному комиссіонеру ***, Абраму Израилевичу Рабинову, по весьма экстренной военной надобности, давать изъ *курьерскихъ* по три лошади, съ проводникомъ, подъ собственный экипажъ.» Имѣя въ рукахъ такой важный

документъ, Рабиновъ до того возгордился, что иначе не говорилъ:

— Мы съ Александромъ Ивановичемъ (такъ назывался важный человекъ) это дѣло уладили... Мы разбили венгерцевъ... мы побили турокъ, англичанъ, французовъ.

Говорятъ, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Такъ случилось и съ Абрамкой: чѣмъ больше онъ приобреталъ довѣріе генерала, тѣмъ болѣе становился онъ дерзокъ, такъ что въ описываемое мною время онъ, вмѣсто *мы*, началъ употреблять мѣстоимѣніе *я*. Въ этомъ однажды я убѣдился въ судѣ. Я зашелъ туда по дѣлу и засталъ Рабинова въ страшныхъ хлопотахъ.

— Что вы такъ хлопочете? спросилъ я.

— Пишу рядную записку.

— Развѣ вы выдаете замужъ дочь свою?

— Нѣтъ. Я выдаю замужъ дочь Александра Ивановича.

— Съ чѣмъ васъ и ее поздравляю, отвѣчалъ я.

— Покорно благодарю, отвѣчалъ онъ серьезно, не понявъ моего сарказма.

Согласитесь, при такихъ подвигахъ, человекъ, развѣзжавшій на курьерскихъ по весьма экстренной военной надобности, не могъ не сдѣлаться почетнымъ гражданиномъ; о потомкахъ же Суворова кто-то сказалъ, что потомки того, который въ церкви православной воспѣвается побѣдителемъ, не могутъ не быть русскими князьями. И Абрамка на этомъ основаніи попалъ за особенныя услуги въ почетное гражданство. Хроника города Приморска утверждаетъ, что Абрамка получилъ извѣстіе объ этомъ въ два часа ночью, когда уже спалъ: его разбудили и вручили ему бумагу. Рабиновъ выскочилъ изъ постели и, прочтя бумагу, на скорую руку одѣлся, выбѣжалъ на улицу и давай стучаться къ сосѣдямъ.

— Кто тамъ? раздавался говоръ бабы или мужика.

— Скажи господамъ, что я — почетный гражданинъ...

— «Убирайтесь къ чорту»... «Пьяница»... «Шарлатанъ!»... Такіе отвѣты получалъ отъ всѣхъ этихъ безчувственныхъ тварей Абрамка.

Эта страница хроники немного преувеличена и, я, признаться, ей не вѣрю; знаю только то, что съ этого времени Абрамка иначе не выбѣжалъ, какъ съ ливрейнымъ лакеемъ. Но, несмотря на свое возвышеніе, Абрамка оставался вѣренъ своей натурѣ —

отъ откупныхъ стклянокъ онъ никакъ не отставалъ, былъ покорнымъ слугою и вѣчно неизмѣннымъ повѣреннымъ откупа. Такое пристрастіе Абрамки къ чарочному откупу удивляло меня, и я, однажды, встрѣтивъ его въ уѣздномъ судѣ, рѣшился его спросить:

— Скажите, г. Рабиновъ, что за охота вамъ быть повѣреннымъ откупа?

— Видите ли, возразилъ онъ:—у каждого человѣка есть своя заноза, своя страстишка: я къ откупу чувствую *природное* влеченіе... Говорятъ, маменька моя жила противъ виннаго откупа и, видно, когда меня *носила*, какъ нибудь засмотрѣлась на откупъ.

Но его семейная геральдика и метрика гласить, что маменька его имѣла маленькую страстишку къ одному цаловальнику и къ ерофенчу и эту страсть передала по родовому закону природы сыну своему Абрамкѣ.

Этотъ-то Абрамка, въ то время, какъ Бубенчиковъ мечталъ о Соничкѣ, въ день вступленія своего въ должность полиціейстера, прервалъ его думы своимъ появленіемъ у дверей его кабинета.

— Честь имѣю рекомендоваться: повѣренный здѣшняго откупа, почетный гражданинъ Рабиновъ.

— Очень пріятно, отвѣчалъ вѣжливо Бубенчиковъ.—Прошу сѣсть. Вы вѣрно ко мнѣ по какому нибудь дѣлу?

— Когда же откупу не имѣть дѣла до полиціейстера и обратно: вѣдь рука руку моетъ. Отъ имени откупщика я пришелъ поговорить съ вами о томъ, въ какое время угодно вамъ получить откупное жалованье.

Сердце Бубенчикова сильно сжалось; но, собравшись съ духомъ, онъ сказалъ:

— Очень благодаренъ господину откупщику за его вниманіе... Развѣ здѣшній полиціейстеръ на жалованьи у откупа?

— Какже. Онъ получаетъ 3,000 р. въ годъ... здѣсь всѣ получаютъ жалованье: правитель губернаторской канцеляріи — 1,500 р., помощникъ вашъ — 580 р., члены полиціи — по 400, пристава частей—300, окружные и смотрителя колоній по 500, секретарь полиціи—300.

— Очень благодаренъ вамъ за доставленіе мнѣ этихъ статистическихъ свѣдѣній. Передайте также мою благодарность

вашему откупщику; но скажите ему, какъ бывшему военному, слѣдовательно товарищу моему по оружію, что я отказываюсь отъ его жалованья и прошу его прекратить производство жалованья моимъ подчиненнымъ.

— Какъ можно! воскликнулъ Абрамка съ непритворнымъ удивленіемъ:—отъ такого куша, какъ я вамъ предлагаю, не отказываются.

— Имѣйте въ виду, что у каждаго свои убѣжденія и каждый живетъ своимъ умомъ.

— Я не могу допустить, чтобы вы, небогатый и незнатный человекъ, отказались отъ 3,000 р. сер., когда за такую же сумму одинъ большой человекъ, въ 1800 году, выхлопоталъ, чтобы его корпусъ былъ въ полномъ составѣ собранъ въ городъ Е... на смотръ, для того, чтобы поднять тамъ откупъ. Поймите: за 3,000 р. тащился 500 верстъ, въ лѣтній эной, цѣлый корпусъ; израсходовали казенныхъ сотни тысячъ для того, чтобы мой откупщикъ, Михаилъ Васильевичъ, не былъ въ убыткѣ на откупѣ. Да и сыну его, теперешнему откупщику, онъ навѣсилъ видимо-невидимо всѣхъ возможныхъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ. Вотъ что значитъ 3,000! а вы еще отказываетесь. Помилуйте! мнѣ совѣстно передать даже вашъ отвѣтъ откупщику. Онъ не повѣритъ.

— Чтобы откупщикъ не имѣлъ и тѣни сомнѣнія въ моей рѣшимости, я напишу къ нему письмо.

Бубенчиковъ присѣлъ къ столу.

— Прошу васъ, не дѣлайте этого. Губернаторъ узнаетъ и будетъ вами очень не доволенъ...

— Я служу не губернатору, а царю и отечеству.

— Но позвольте, что вы хотите этимъ выразить?

— То, милостивый государь, что я не позволю шинкамъ торчать у собора, рядомъ съ полиціею, на углу улицъ Преображенской и Почтовой. Не позволю, чтобы шинки, въ праздничные дни, отворялись до заутрени и чтобы тамъ продавалась водка, не имѣющая и 12^о; не позволю, чтобы солдаты пьянствовали въ кабакахъ, чтобы цаловальники грабили несчастный рабочій классъ, котораго положеніе и такъ неблестательно.

— Очень, очень жаль. А откупщикъ будетъ очень огорченъ этимъ...

— Душевно сожалѣю объ огорченіи вашего откупщика; но передайте ему мой отвѣтъ.

— Можеть быть, для васъ мало трехъ тысячъ...

— Послушайте, милостивый государь, если бы мой предшественникъ не упизился до того, что былъ подлымъ откупнымъ орудіемъ, я бы за дерзкое оскорбленіе ваше вытолкалъ васъ въ шею... Какъ вы смѣете считать меня такимъ безчестнымъ чело-вѣкомъ, что стану торговать совѣстью? Если вашъ откупщикъ не стыдится, то это нисколько не даетъ вамъ повода считать та-кими всѣхъ людей...

— Я ничего такого оскорбительнаго не сказалъ; я хлопочу о вашемъ интересѣ...

— Позвольте мнѣ самому хлопотать о своемъ интересѣ; вамъ же повторю: прекратите выдачу жалованья моимъ чиновни-камъ, не развращайте, не растлѣвайте общества... Если въ чело-вѣкѣ есть искра совѣсти, не заглушайте ея своимъ золотомъ. Пе-редайте это вашему откупщику, какъ мою убѣдительнѣйшую просьбу. Если же моя просьба не будетъ уважена, пеняйте тогда на самого себя.

— Послѣднее ваше слово?

— Послѣднее.

— До свиданія, сказалъ Абрамка, подымаясь съ мѣста. — А я было полагаалъ, что мы будемъ друзьями.

— Лучше будемъ ни врагами, ни друзьями.

Сдѣлавъ кислую гримасу, Абрамка вышелъ не въ духѣ отъ новаго полиціймейстера.

ГЛАВА IX.

ГЕРОИЧЕСКАЯ РѢШИМОСТЬ БУБЕНЧИКОВА.

Когда Абрамка ушелъ, Бубенчикову такъ скверно сдѣла-лось на сердцѣ, онъ такъ возненавидѣлъ міръ, людей и въ осо-бенности свою должность, что готовъ былъ сейчасъ же сѣсть въ экипажъ и ускакать далеко, далеко. Но куда уѣхать? Въ Пе-тербургѣ его ожидало горе. «Въ другое какое мѣсто?» подумалъ Бубенчиковъ. «Но нужно отыскать новую должность, и будетъ ли она лучше настоящей? Вездѣ люди, вездѣ тѣ же стра-сти, та же пошлость, та же безнравственная язва обществъ, отъ которой мы страждемъ... И я... что я такое? пѣтухъ, который пѣтушится предъ какимъ нибудь повѣреннымъ откупа, который

высказывает свои благородные порывы предъ шинкаремъ, факторомъ и которому можетъ зажать ротъ каждый превосходительный невѣжда!

«Отчего мы, герои, идущіе на пушку,—отчего мы такъ безсильны, такъ ничтожны при выраженіи нашихъ мнѣній, нашихъ сужденій?»

Мысли его были прерваны приходомъ Искрина.

— Что это ты, Бубенчиковъ, нахохлился? видно, солоно хлебается на новой твоей должности.

— Твое выраженіе, что я нахохлился, очень кстати въ настоящую минуту. Я только что думалъ, что я и ты, и всѣ мы такъ называемые порядочные люди ни больше, ни меньше, какъ пѣтухи. Мы съ тобою очень краснорѣчиво въ своемъ кабинетѣ разглагольствуемъ о чести, громимъ лицемѣріе въ кругу своихъ товарищей, высказываемъ прочувствованныя общественныя идеи предъ какой нибудь человѣческой букашкой, а явись предъ нами мало-мальски значительное лицо, ты теряешься, робѣешь, говоришь капитальныя глупости, защищаешь противъ своихъ убѣжденій такія вещи, что намъ позавидовали бы герои фонъ-Визина, Грибоѣдова, Гоголя.

— Э-э! сказалъ Искринъ: — ты вѣрно получилъ нахлобучку отъ губернатора. Я этого ожидалъ: ты откуда назначенъ безъ его представленія.

— Да, другъ мой, нахлобучка была пренепріятная: онъ принялъ меня такъ, какъ не принимаютъ послѣдняго лакея, и я, представъ себѣ, стоялъ, какъ болванъ, даже не разинулъ рта, чтобы ему дать хоть вѣжливый отпоръ. А всему виною проклятое наше воспитаніе: оно убиваетъ въ насъ все наше внутреннее достоинство, все, что облагороживаетъ человѣка! Изъ насъ дѣлаютъ палку, болвана, на который можно надѣть и каску, и чепчикъ, и дурацкій колпакъ... Въ дѣтствѣ — наши наставники, а въ возмужалый возрастъ — наше начальство употребляютъ всѣ старанія, всѣ усилія, чтобы убить нашу самостоятельность, чтобы извратить нашу натуру, вселяютъ намъ притворство, лицемѣріе и зависть... Вся мерзость нашего растлѣнія видна изъ того, что мы удивляемся и считаемъ героизмомъ прямодушіе Якова Долгорукова, говорившаго правду царю своему. Можетъ ли быть что нибудь пошлѣ этого: говорить правду — у насъ подвигъ, достойный подвиговъ Александра Македонскаго, Юлія Цезаря и Аннибала.

— Послушай, Бубенчиковъ, съ такими идеями напрасно ты прїѣхалъ сюда. Я тебѣ разъ ужъ сказалъ, лучше бы ты сдѣлалъ, еслибъ, не являясь къ начальнику, сѣлъ въ экипажъ и ѣхалъ въ полкъ.

— Вотъ въ томъ-то и сила, что мы всѣ похожи другъ на друга: мы мастера итти по ровной, гладкой дорогѣ, укатанной протекціею бабушекъ, тетусекъ или метрессъ... признаюсь въ этомъ откровенно... малѣйшая шереховатость нашего пути, кочки, бугорки, рытвины лишаютъ насъ энергіи, силъ и заглушаютъ наши способности... Одни изъ насъ дѣлаются — Гамлетами Щигровскаго уѣзда, другіе — Печоринными, третьи — циниками, мизантропами... иные предаются игрѣ и пьянству. Знаешь, Искринъ, до сегодняшняго дня во мнѣ дремало все, кромѣ эгоизма; но я проснулся, оглянулся въ свое прошедшее, и мнѣ противно сдѣлалось за себя и за другихъ, кого я считалъ людьми порядочными... Я потерялъ подругу, потерялъ навѣки ангела, потому что во мнѣ недоставало столько мужества, терпѣнія, энергіи и силы воли жениться на бѣдной... Я заставилъ ее выйти замужъ за хвораго, больнаго старика и при этомъ утѣшалъ себя мыслью, что я исполнилъ свой долгъ! Великолѣпно я исполнилъ обязанности человѣка! живую зарылъ молодую, цвѣтущую женщину въ могилу, для спасенія себя отъ маленькихъ усилій трудиться для нея и семейства... Еще часъ предъ этимъ я оправдывалъ себя тѣмъ, что я бѣденъ и что грѣшно разводить нищихъ. Посмотри на мою безцвѣтность; а вѣдь такіе — мы всѣ, по большей части: наши страстишки мелочны, въ насъ нѣтъ ни характера, ни убѣжденій... О! я чувствую, что во мнѣ совершился переворотъ; а всему причиной откупной факторъ: онъ столько гадостей поразказалъ мнѣ, что я невольно заглянулъ въ свою душу и увидѣлъ всю пошлость, все ничтожество моей собственной природы.

— Счастливъ тотъ, возразилъ Искринъ: — кто, познакомившись съ гноемъ нашего общества, можетъ переимѣниться къ лучшему. Но много ли такихъ? Большая часть людей, мой другъ, въ этомъ случаѣ похожи на обезьяну дѣдушки Крылова: они, въ зеркалѣ увидѣвъ свою образину, толкаютъ подъ бокъ кума и говорятъ: «гляди, какая противная рожа! если бы мы были на нее похожи, мы бы удавились». Мы всѣ считаемъ себя болѣе или менѣе совершенными и, открывая спицу въ глазѣ нашего друга или брата, не видимъ бревна въ нашемъ собственномъ.

Это старая истина, и ты не исправишь общества, мой друг! Каждый правъ по своему: одинъ великъ на малыя дѣла, другой — на большія, и оба считаютъ себя равными. Если бы этого не было, или всѣ были бы совершенны, или у большей части людей была бы потеряна вѣра въ самого себя, одна изъ самыхъ сильныхъ двигательницъ ума и воли человѣка... Пусть же мы заблуждаемся насчетъ нашихъ совершенствъ: болѣе пользы принесемъ мы, нежели живя съ горькимъ сознаниемъ нашего ничтожества. Нужно побольше хладнокровія и больше практической философіи, мой друг!

— Ты ошибаешься, Искринъ, если предполагаешь, что мое самосознаніе поведетъ меня къ бездѣйствію, ипохондріи. Напротивъ, сознавъ свое ничтожество, я хочу дѣятельности, хочу приносить пользу, — словомъ, я хочу быть человѣкомъ и добросовѣстнымъ гражданиномъ.

Искринъ улыбнулся.

— Ты, Бубенчиковъ, добрый и благородный человѣкъ; но ты фантазёръ, энтузіастъ... Ты думаешь, что, создавъ себѣ теорію, положимъ даже очень прекрасную, можно ее осуществить? Ты полагаешь, что нашъ дѣдушка Крыловъ даромъ ломалъ себѣ голову надъ басней «Щука, ракъ и лебедь»: щука тянетъ въ воду, ракъ пятится назадъ, а лебедь подымается къ небесамъ... Когда нѣтъ единства, когда есть разладица въ обществѣ, тогда можно ли чегонибудь достигнуть?... Смотри: въ губернаторѣ ты найдешь рака, а въ полиціи—щуку; послѣдняя, какъ щука, хищна и непремѣнно юркнетъ въ мутную воду, чтобы ловить рыбокъ, а губернаторъ будетъ пятиться, по старости, назадъ, а, между тѣмъ, клещами больно щипаться. Ты думаешь, что въ твоёмъ положеніи, въ твоей должности достаточны честный трудъ, образованность и умъ?

— Такъ думаю я, да это и всеобщее мнѣніе.

— Мнѣніе, другъ мой, совершенно ошибочное: полиція есть не только мѣсто исполнительное, но и слѣдственное и, по дѣламъ безспорнымъ, судебное. Здѣсь нуженъ не только огромный запасъ теоретическихъ, но и практическихъ знаній граждаискаго и уголовного судопроизводства... Въ томъ-то и несчастіе наше, что въ нашемъ обществѣ вовсе другой взглядъ на полицію: умѣющей командовать ротой или эскадрономъ считается способнымъ быть начальникомъ полиціи.

— Хорошо, Искринъ, согласенъ съ тобою: мнѣ нужно многому поучиться. Даю тебѣ слово заняться серьезно своимъ дѣломъ, изучу основательно гражданское и уголовное судопроизводство. Надѣюсь послѣ этого, что я тогда въ силахъ буду исполнить добросовѣстно свои обязанности.

Искринъ вздохнулъ.

— Едва ли, отвѣчалъ онъ. — Не думай, Бубенчиковъ, что я принадлежу къ *esprits contradictoires* и что я хочу разочаровать тебя. Вѣрь мнѣ, я говорю тебѣ сущую правду. Знай ты въ совершенствѣ все уголовное и гражданское судопроизводство, будь ты хоть о девяти пядей во лбу, ты ничего не сдѣлаешь. Причины тому слѣдующія: *во-первыхъ*, полиція обременена разными административными и судебными мѣстами такою громадною перепискою, что у тебя едва станетъ времени для подписи бумагъ, не только для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ; *во-вторыхъ*, слѣдствія уголовныя и гражданскія тысячами вступаютъ ежегодно въ полицію, такъ что ты едва ли будешь даже знать одни ихъ названія; притомъ всѣ эти дѣла всегда обращаются для производства по частямъ; *въ-третьихъ* — если бы ты обратилъ свое вниманіе на какое нибудь изъ нихъ и хотѣлъ дать ему законное направленіе, то тѣ лица, противъ которыхъ ты захочешь итти, вырвутъ изъ рукъ твоихъ дѣло; по ихъ ходатайству, оно перейдетъ или въ судъ, или къ губернаторскому чиновнику особыхъ порученій; *въ-четвертыхъ*, по вексельнымъ и контрактнымъ дѣламъ, если бы ты хотѣлъ правильно рѣшить дѣло, то не забудь, что у тебя, какъ у предсѣдателя, только два голоса, а у остальныхъ членовъ полиціи 3, значить, если они захотятъ, твой голосъ останется пустымъ звукомъ, называемымъ въ рѣшеніяхъ *мильиёмъ*. Но допустимъ даже, что твои сочлены рѣшили бы дѣло согласно съ твоимъ мнѣніемъ: такъ ты думаешь, что ты уже принесъ пользу обществу? Вѣрь мнѣ, ни одно твое рѣшеніе не будетъ имѣть дѣйствительной силы: всѣ они перерѣшатся или магистратомъ, или уѣзднымъ судомъ. Вотъ почему я тебѣ и говорилъ, что только тогда можно достигнуть чего нибудь, когда въ дѣлахъ и отношеніяхъ правительственныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ существуетъ единство.

— Такъ, по твоему мнѣнію, Искринъ, администраторъ или чиновникъ, находя въ обществѣ разладицу и неурядицу, долженъ опустить руки, долженъ сдѣлаться лицомъ въ нязъ

кимъ взяточникомъ, для того, чтобы походить на своихъ собратьевъ и не быть исключеніемъ изъ общаго правила?

— Нѣтъ, Бубенчиковъ, я представилъ тебѣ картину твоей дѣятельности вовсе не для того, чтобы изъ тебя сдѣлать обыкновеннаго рутиннаго полиціймейстера; я только предупредилъ тебя, что ты долженъ имѣть въ виду страшную борьбу со всѣми начальствующими, судебными и подчиненными тебѣ властями. Будь честенъ и добросовѣстенъ, — это святой долгъ каждаго патриота; дѣйствуй по мѣрѣ силъ и способностей своихъ. Но, повторяю тебѣ снова, кто бы ни былъ на твоемъ мѣстѣ, если бы даже Ришлѣ или Кольберъ возстали изъ гроба и сѣли на твое мѣсто, едва ли они сдѣлали бы что нибудь путное... Чтобы у насъ дѣла шли какъ слѣдуетъ, нужно: 1) дать чиновникамъ образованіе и хорошее содержаніе; 2) сократить переписку всѣхъ присутственныхъ мѣстъ съ полиціями; 3) чтобы всѣ или, по крайней мѣрѣ, большая часть чиновниковъ исполняли добросовѣстно свои обязанности; 4) чтобы полиціи были преобразованы по образцу французскихъ и англійскихъ полицій. Согласись, мой другъ, что все это зависитъ не отъ твоей добросовѣстности, не отъ твоихъ познаній.

— Что жъ мнѣ остается дѣлать? сказала, послѣ нѣкотораго молчанія, почти съ отчаяніемъ, Бубенчиковъ.

— Быть честнымъ, справедливымъ и при всякомъ случаѣ преслѣдовать зло, не обращая вниманія ни на какое лицо. Плетью обуха не перешибешь. Работай и дѣлай по мѣрѣ силъ и возможности, а все остальное предоставь времени и Богу. Заря наша занялась; подожди—взойдетъ и солнце... Однако, мой другъ, я и забылъ, что у меня билетъ на благородный спектакль любителей въ пользу одного бѣднаго семейства. Эти благородные спектакли уморительны: деньги идутъ на любовницъ самыхъ любителей. Да и способъ сбыта билетовъ самый оригинальный: большая часть изъ нихъ отдаются частнымъ приставамъ, которые въ видѣ контрибуціи рассылаютъ ихъ кому слѣдуетъ. Какъ это нравственно!... До свиданія, другъ мой. Заѣзжай иногда и ко мнѣ. Вотъ тебѣ мой адресъ....

Когда Бубенчиковъ остался одинъ, въ его ухахъ зловѣщно звучали слова Искрина:

«Если бы Ришлѣ или Кольберъ возстали изъ гроба и сѣли на твое мѣсто, едва ли и они сдѣлали бы что нибудь путное!»

Но, несмотря на то, походивъ нѣсколько минутъ въ размышленіи, Бубенчиковъ сѣлъ къ письменному столу и написалъ слѣдующія двѣ бумаги:

1.

КЪ ГУБЕРНАТОРУ.

Сего числа я имѣлъ честь, при вступленіи мною въ должность здѣшняго полиціймейстера, осмотрѣть канцелярію полиціи и нашель, что наибольшая часть дѣлъ полиціи не имѣютъ описей; по столамъ и отдѣленіямъ нѣтъ настольныхъ реестровъ. Поэтому неизвѣстно, находятся ли дѣла полиціи въ порядкѣ и существуютъ ли въ нихъ всѣ документы, по которымъ они производятся, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ чиновниковъ полиціи при своемъ увольненіи не сдаетъ, а при вступленіи не принимаетъ отъ своего предшественника дѣлъ. Въ силу этого и я, по вѣдомости, представленной мнѣ господиномъ Шлагенштокомъ, квитанціи о приѣмѣ мною дѣлъ полиціи ему выдать не могу, впредь до назначенія вашимъ превосходительствомъ комиссіи для обревизовки этихъ дѣлъ. Пожарная же команда находится въ совершенномъ безпорядкѣ, какъ подробно мною обозначено въ особо прилагаемой при семъ вѣдомости; поэтому она принята мною не можетъ быть, на законномъ основаніи. О чемъ имѣю честь донести вашему превосходительству, для зависящаго съ вашей стороны распоряженія по означеннымъ предметамъ.

2.

ВЪ ПОЛИЦІЮ.

До свѣдѣнія моего дошло, что здѣшній откупъ, вопреки существующимъ постановленіямъ, устроиваетъ шинки на церковныхъ площадяхъ, открываетъ ихъ за полночь, продаетъ въ нихъ низкодобротную, злокачественную водку по высокимъ цѣнамъ, допускаетъ нижнихъ воинскихъ чиновъ къ пьянству и безпутству въ кабакахъ, гдѣ постоянно господствуютъ развратъ и оргіи. Вслѣдствіе этого предлагаю полиціи, немедленно по полученіи настоящаго предписанія, распорядиться о прекращеніи

вышеизложенных мною злоупотреблений, возлагая всю ответственность на Части, съ тѣмъ, что если я замѣчу одинъ изъ этихъ безпорядковъ, то виновные будутъ предаваемы суду, по всей строгости законовъ.

Начертивъ эти двѣ бумаги, Бубенчиковъ переписалъ ихъ, запечаталъ и подумалъ.

«Перчатка брошена. Борьба начинается.»

Съ этими мыслями онъ раздѣлся, набожно перекрестился и бросился на постель.

ГЛАВА X.

П О Ж А Р Ъ.

На другой день, послѣ вступленія Бубенчикова въ должность полиціймейстера, онъ былъ разбуженъ въ два часа ночи своимъ Иваномъ.

— Чтò? пожаръ? крикнулъ онъ, по своему обыкновенію.

— Пожаръ, отвѣчалъ изъ-подъ кровати Иванъ.—Извольте, ваше высокоблагородіе, вставать. Во второй части горить.

Хотя пожаръ былъ верстахъ въ двухъ отъ квартиры Бубенчикова, но зарево было такъ сильно, что въ его комнату, сквозь не закрытыя ставнями окна, проходило столько свѣта, какъ будто горѣло въ сосѣдствѣ.

— Гдѣ пожаръ? повторилъ Бубенчиковъ.

— Говорять, во второй части.

Бубенчиковъ вскочилъ съ постели и въ нѣсколько минутъ одѣлся. Между тѣмъ, извощикъ Бубенчикова, у котораго лошади были наготовѣ, быстро запрегъ, съ помощью казака, дрожки и подалъ ихъ.

Въ четверть часа Бубенчиковъ успѣлъ одѣться и прикатить на пожаръ: горѣлъ питейный откупъ и его водочные склады.

Вслѣдъ за Бубенчиковымъ прискакала пожарная команда первыхъ двухъ частей, а за нею и остальная часть. Солдаты дѣйствовали молодецки: они не боялись ни пламени, ни разрушенія. Какъ духи, они появлялись у самаго пламени и направляли на него брантъ-бои. Пожаръ былъ ужасный: бочки со спиртомъ и водкой, загораясь, лопались, взрывали крыши магазиновъ и подваловъ, и огненный потокъ наполнилъ весь дворъ откупа.

Бубенчиковъ потребовалъ цѣлую роту саперъ съ заступами и въ тѣхъ мѣстахъ двора, гдѣ это огненное озеро могло прорваться и потечь по улицамъ города, началъ рыть канавы и дѣлать насыпи. Бубенчиковъ своею распорядительностію спасъ городъ отъ угрожавшей ему опасности; но пламя было такъ сильно, что его жертвою сдѣлались всѣ магазины откупа и его флигеля. Поднявшійся сильный вѣтеръ грозилъ не только главному корпусу откупнаго зданія, но и всѣмъ домамъ, стоявшимъ съ нимъ на одной улицѣ. Но Бубенчиковъ дѣйствовалъ энергически и рѣшительно. Склады откупа были отданы въ жертву пожара, а отставались только тѣ дома, которые были въ сосѣдствѣ; вслѣдствіе этого, чтобы не дать распространиться пламени, Бубенчиковъ началъ ломать и разрушать флигель и службы, соединявшіе главный корпусъ со складами.

Въ это время къ нему подошелъ Абрамка.

— Господинъ полиціѣмейстеръ, сказалъ онъ: — вы все преслѣдуете откупъ.

Бубенчиковъ посмотрѣлъ на него презрительно и хотѣлъ отъ него отойти.

— Вотъ письмо къ вамъ откупщика, продолжалъ Абрамка.

— Чего хочеть отъ меня вашъ хозяинъ? съ нетерпѣніемъ спросилъ Бубенчиковъ, не принимая пакета.

— Прочтите и узнаете.... Мнѣ только остается сказать вамъ отъ имени его, что всѣ склады и всѣ постройки откупа застрахованы... Напрасно вы рискуете жизнью своею и солдатъ... За усердіе васъ откупщикъ благодарить. ..

Съ этими словами Абрамка сунулъ Бубенчикову въ руку пакетъ и исчезъ въ толпѣ. Бубенчиковъ распечаталъ его — и пукъ ассигнацій очутился у него въ рукѣ. Отъ изумленія и бѣшенства Бубенчиковъ стоялъ нѣсколько минутъ въ оцѣпененіи; но, прійдя въ себя, онъ увидѣлъ, что неловко въ такомъ мѣстѣ, гдѣ глаза всей публики на него устремлены, стоять со сверткомъ ассигнацій въ рукѣ. Онъ быстро положилъ деньги въ карманъ и, подождавъ частиаго пристава, велѣлъ поискать Абрамку въ толпѣ; но тотъ какъ будто канулъ въ воду.

«А!» думалъ Бубенчиковъ, «откупъ желаетъ, чтобы всѣ его постройки сгорѣли: видно, главный корпусъ оцѣненъ втридорога. Нѣтъ, извини, голубчикъ, хотя очень трудно, но я отстою главныя постройки.»

Мысли его были прерваны одною толстою дамою, съ растрепанной головой.

— Благодѣтель мой! кормилецъ родной! вопила она: — спаси, Христа ради спаси....

— Чтò съ вами, сударыня? успокойтесь....

— Домишка одинъ у меня.... весь хлѣбъ мой.... я сирота безродная.... сгорить — по міру пойду....

— Гдѣ вашъ домъ?

— Въ другомъ кварталѣ стоитъ; а искры такъ и летаютъ.... вѣдь домъ не застрахованный.

— Сударыня, отвѣчалъ Бубенчиковъ:—искры разносятся теперь вѣтромъ гораздо дальше вашего дома.... я не имѣю столько людей, чтобы дѣйствовать вездѣ, куда только искры долетаютъ. Поставьте на крышу вашего дома одного человѣка съ ведромъ воды и ложитесь спокойно спать.

— Спать! А если пожаръ дойдетъ до меня?

— Я надѣюсь его не допустить.... Конечно, все отъ Бога.

— Спать, проворчала вновь дама и, отойдя въ толпу, завопила: — знаемъ мы эти штуки! Отъ страховой конторы взялъ взятку, такъ и согналъ на пожарище всю полицію, а мой домъ—хоть сгори....

— Въ этомъ нѣтъ-съ, судя по моей комплекціи, никакого сужленія, замѣтилъ многозначительно русскій купчикъ, почесывая себѣ носъ.

Въ это время пріѣхалъ губернаторъ. Увидѣвъ, что Бубенчиковъ отстаиваетъ главный корпусъ горѣвшихъ строеній, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Чтò вы возитесь, г. полиціймейстеръ, близъ этого дома? Развѣ вы не видите, что вокругъ него море огня? Едва ли вы въ силахъ будете спасти его; между тѣмъ, сосѣдніе дома въ опасности.

— Ваше превосходительство! отвѣчалъ Бубенчиковъ: — я принялъ всѣ мѣры, чтобы дома, болѣе другихъ подверженные опасности, отстаивались пожарной командой; для этой цѣли я командировалъ брантъ-майора съ однимъ брантъс-боемъ и нѣсколькими солдатами.

— Слушайте, чтò вамъ приказываютъ и исполняйте безъ всякихъ разсужденій, возразилъ губернаторъ.

— Я дѣйствую какъ мнѣ долгъ велить и по крайнему моему разумѣнію.... Впрочемъ, если вамъ благоугодно, чтобы я бро-

силъ строеніе, могущее быть спасеннымъ, и обратилъ всѣ свои силы и средства на мѣста безопасныя, то неблагоугодно ли будетъ вамъ дать мнѣ форменное предписаніе....

— Предупреждаю васъ, возразилъ со сдержаннымъ бѣшенствомъ губернаторъ:—если только одинъ домъ займется отъ этого пожара, я предамъ васъ суду, какъ дерзкаго ослушника и взбалмошнаго человѣка.

— Хладнокровіе и распорядительность—не взбалмошность: судъ разберетъ эти понятія. За пожаръ я отвѣчаю, а не вы.... О главнокомандующемъ судять не въ началѣ сраженія, а по его окончаніи; конецъ вѣнчаетъ дѣло....

Получивъ отпоръ, губернаторъ смягчился, но все-таки сказалъ строго и сурово:

— Дѣйствуйте какъ знаете; но вы мнѣ смотрите....

И съ этими словами, повернувшись спиною къ Бубенчикову, онъ быстро пошелъ къ своему экипажу и уѣхалъ домой.

Между тѣмъ, пожарная команда дѣйствовала энергически: послѣ нѣсколькихъ часовъ работы, она успѣла отдѣлать главный корпусъ откушнаго зданія отъ пожара и обратила всѣ свои средства къ уменьшенію пламени. Эти работы продолжались всю ночь и до обѣда другаго дня. Пожаръ утихъ; только развалины магазиновъ курились. Бубенчиковъ торжествовалъ: онъ доказалъ губернатору, что дѣйствовалъ не какъ взбалмошный, а какъ опытный, дѣятельный и распорядительный полиціймейстеръ. Къ обѣду, передавъ начальство надъ пожарной командой своему помощнику, Бубенчиковъ отправился домой. Здѣсь на порогѣ его встрѣтилъ Иванъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица; усы его, какъ у моржа, подымались, по движенію его стиснутыхъ челюстей, то вверхъ, то внизъ. Бубенчиковъ зналъ хорошо своего Ивана и, взглянувъ на его лицо, тотчасъ узналъ, что онъ чѣмъ-то озабоченъ и недоволенъ.

— Иванъ! сказалъ онъ, сбрасывая съ себя сюртукъ и надѣвая халатъ: — ты что-то сердить....

— Сердить, ваше высокоблагородіе!

— На кого жь ты сердишься?

— На васъ, ваше высокоблагородіе!

— На меня? Ахъ ты, бездѣльникъ! Ну, говори, за что я у тебя въ овалѣ?

— Немножко на васъ, а больше на себя. Такая оказія, что хошь плюнь.

— И на себя? Ахъ, ты шутникъ! Ну, говори же.

— И дернулъ же меня чортъ привезти васъ сюда, въ этотъ дрянной городъ... тфу, Господи прости!...

— Вѣрно ты, бестія, забѣжалъ въ кабачокъ, да тебѣ тамъ морду набили?...

— Набили? Эвось! не родился еще тотъ человѣкъ, кто бы мнѣ морду набилъ.

— А предъ отъѣдомъ изъ Петербурга? а въ Курскѣ? Ты, какъ выпьешь, любишь рукамъ волю давать...

— Въ Питерѣ и въ Курскѣ — тамъ дѣло другое: я насуслился, какъ зюзя...

— Отчего жъ ты такъ сердить на Приморскъ?

— Ужъ что ни говорите, ваше высокоблагородіе, а городъ, просто, съ позволенія вашего, дрянъ... Ну, статочно ли дѣло! обѣгалъ всѣ рынки — нѣтъ ни ряпушки, ни корюшки, ни тетерекъ, ни рябчиковъ...

— Шутъ ты гороховый! ряпушка и корюшка ловятся только въ Невѣ, а рябчики и тетерки водятся только на сѣверѣ; за то ты найдешь здѣсь скумбріи и глосы, а изъ дичи — перепелки, куропатки, кулики, бекасы...

— Ну, этого не зналъ... Вы изволили мнѣ приказать сдѣлать уху, а на жаркое — дичь... Въ Питерѣ я дѣлалъ уху изъ корюшки или изъ ряпушки, а жаркое — тетерка или ряпчикъ... Не нашель у окаянныхъ... Вотъ, выше высокоблагородіе, мы и безъ обѣда.

— Какъ безъ обѣда! заревѣлъ Бубенчиковъ, проголодавшійся порядкомъ.

— То есть хлѣбецъ есть... да и самоваръ можно поставить.

— Пойми, разбойникъ, я со вчерашняго дня ничего не ѣлъ!

— Какъ не знать, ваше высокоблагородіе! да не моя вина и не ваша. Городъ окаянный: хошь тресни, ничего не достанешь... Вѣдь еще въ Питерѣ говорилъ...

Зная по опыту, что съ Иваномъ толковать-то нечего, что, пожалуй, въ концѣ преній окажется онъ во всемъ правымъ, а баринъ его — главнымъ виновникомъ несчастія, Бубенчиковъ, доставъ изъ портъ-монне деньги, послалъ его въ трактиръ за обѣдомъ.

Хотя Бубенчиковъ титуловалъ своего Ивана не слишкомъ вѣжливыми словами, какъ, напримѣръ, бездѣльникъ, бестія, шутъ

гороховый, но за то, нужно отдать ему справедливость, онъ не любилъ употреблять крѣпкихъ словъ, которыми такъ обогатился нашъ языкъ во время монгольскаго ига и до которыхъ такіе охотники наши военные. О подобныхъ господахъ Бубенчиковъ отзывался всегда съ презрѣніемъ и даже рассказывалъ скандальный анекдотъ объ одномъ полковомъ командирѣ, который на жалобу одной дамы, что его офицеры употребляютъ при дамахъ неприличныя слова, далъ ей совѣтъ вывести ихъ изъ компанства за... что попало.

Что же касается до Ивана, то онъ о комплиментахъ Бубенчикова такъ рассуждалъ:

— Баринъ мой добръющій—хошь языкомъ любить помолоть, но рукавъ воли не даетъ; такого въ цѣлой гвардіи не сыщешь. Одна бѣда, что къ постели, какъ дрыхнетъ, не подступай: какъ собака злой.

Этотъ отзывъ Ивана хотя не вполне опредѣлительнъ, но онъ самъ того не сознавалъ, что на барина онъ имѣлъ огромное вліяніе. Бубенчиковъ ничего не предпринималъ безъ предварительнаго совѣщанія съ Иваномъ: такъ, напримѣръ, когда ему захотѣлось разыграть въ Соничкой роль Печорина, онъ, придя домой, разлегся на диванѣ и, закуривъ папироску, обратился къ Ивану съ слѣдующими словами:

— Иванъ! ты, братъ, болванъ?

— Болванъ, ваше высокоблагородіе.

— Отчего ты не женишься?

— Куда намъ, бурлакамъ, этимъ забавляться! Ни за грошъ пропадешь. Жена, сказано, не то, что ранецъ аль ружье: ей въ походъ и фатеру давай и подводу... А коли на зубастую нападешь, такъ той и платки шелковые покупай и сарафаны шей; а не слѣлаешь, житья не будетъ: захнычетъ баба, ажно тошно станетъ... Теперь я самъ—другъ, куда хошь, куда ступай, съ сусѣдомъ, съ кумомъ въ кабаки зайдешь; а коли женюсь, стой! шалишь! тутъ ужъ непригоже забавляться. Ну, ее нелегкая возьми!

Иванъ энергически махнулъ рукой, плюнулъ и утеръ фартукомъ губы.

— Дуралей ты, безмозглый! отвѣчалъ ему Бубенчиковъ.—Тебѣ бы только по кабакамъ таскаться...

И съ этими словами началъ размышлять о героическомъ своемъ подвигѣ не жениться на Соничкѣ, потому что она, дескать, стѣснитъ его свободу, и т. д.

Но интереснѣе всего былъ разговоръ Бубенчикова съ Иваномъ предъ выѣздомъ ихъ изъ Петербурга. Бубенчикову обѣщаютъ мѣсто полиційместера въ Приморскѣ; онъ возвращается домой въ нерѣшительности — принять или не принять этой должности. Иванъ копошится въ своей комнатѣ, приготовляя барину обѣдъ.

— Иванъ! зовешь его Бубенчиковъ.

— Чаво изволите, ваше высокоблагородіе? отвѣчаетъ Иванъ и входитъ къ нему въ кабинетъ, съ кострюлей въ одной рукѣ и съ ложкой въ другой.

— Собирайся, Иванъ, въ дорогу.

— Коли ѣхать, такъ ѣхать.

— Меня - хотятъ назначить полиціймейстеромъ въ Приморскъ.

— Полиціймейстеромъ?... Вотъ такъ хорошо!... Что хорошо, то хорошо.

— Почему же хорошо?

— Полиціймейстеръ самъ себѣ господинъ... сказано командѣръ... Здѣсь что?... Гляди и ротный, и батальонный, и полковой, и бригадный, и корпусный, кажиной на обахту посадить: вишь, командѣры... Да и что день, то смотри, а тамъ гляди: у робятъ пугвицы нѣтъ, аль ранецъ не блеститъ, ступай на обахту.

— Ступай, Иванъ, говоритъ Бубенчиковъ, вполне соглашаясь съ мнѣніемъ Ивана; но этотъ послѣдній не уходитъ. — Что жъ ты еще хочешь сказать? спрашиваетъ его Бубенчиковъ.

— Ваше высокоблагородіе, окажите божескую милость: коли будете полиціймейстеромъ, не берите горластаго кучера.

— Почему же не брать?

— Севодни, ваше высокоблагородіе, иду изъ лавки и несу вашей милости къ столу бутылку вина да и задумался; а тутъ какъ крикнетъ горластый кучеръ полиціймѣстера, я съ перепугу и тряхъ бутылку о земь...

— Хорошо, Иванъ; только иди да поскорѣй подай обѣдать.

Изъ этихъ двухъ разговоровъ вы можете видѣть, что Иванъ не былъ въ черномъ тѣлѣ у своего барина, и хотя этотъ послѣдній, по общей барской мягкости языка, придавалъ своему слугѣ разные эпитеты, но въ сущности прибѣгалъ къ его авторитету въ крайнихъ и затруднительныхъ случаяхъ.

Этотъ-то достойный слуга, оставившій барина своего безъ обѣда, потому что въ Приморскѣ не было ни корюшки, ни ряпушки, ни рябчиковъ, ни тетерекъ, въ настоящую минуту возвратился изъ трактира съ обѣдомъ и, въ сердцахъ разставляя кушанье на столъ, ворчалъ:

— Окаянный городъ : усѣ бусурманы. Вѣдь и по ихнему говоришь, ничего не понимаютъ...

— Чтò ты тамъ ворчишь?

— Да вотъ, ваше высокоблагородіе, пришелъ въ трахтѣръ, а тамъ хозяинъ грекъ ; а я къ нему: мусью, да почухонски и говорю: вотъ, молъ, баринъ мой безъ обѣда остался—давай супъ, жаркое, да пирожное... А онъ вытаращилъ свои буркулы и говоритъ: «не понимай!» Ужъ такой, право, народъ! по своему не понимаетъ...

Эта выходка Ивана разсмѣшила Бубенчикова; но онъ ничего ему не сказалъ, зная по опыту, что его вѣрный слуга твердѣ въ своихъ убѣжденіяхъ и на всѣ разсужденія и доводы его Бубенчикова отвѣтитъ: слушаю-сь, ваше высокоблагородіе; а, между тѣмъ, про себя подумаетъ: толкуй себѣ чтò хочешь, а я лучше понимаю. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, Бубенчиковъ съ гомерическимъ аппетитомъ уложилъ въ свой чемоданъ, по выраженію одного моего пріятеля, весь трактирный обѣдъ и, развалившись на кушеткѣ, затягивался съ наслажденіемъ изъ длиннаго чубука.

ГЛАВА XI.

ДОНОСЪ.

Кейсъ Бубенчикова былъ прерванъ приходомъ одного грека, о которомъ доложилъ ему Иванъ. Бубенчиковъ велѣлъ его принять.

Когда грекъ вошелъ, Бубенчиковъ узналъ въ немъ того погребщика, котораго рекомендовалъ ему бывший секретарь земскаго суда, титулярный совѣтникъ Коробейниковъ, подъ названіемъ Барбы; но этотъ послѣдній не узналъ въ полиціимейстерѣ бывшаго своего носѣтителя.

— Чтò скажете? спросилъ его полиціимейстеръ.

Т. LXXVII. Отд. I.

20

Грекъ оглянулся во все стороны, какъ бы высматривая, нѣтъ ли кого изъ постороннихъ, потомъ, притворивъ за собою плотно дверь, подошелъ къ Бубенчикову съ таинственнымъ видомъ и спросилъ его:

— Вы слышали, что въ нынѣшнюю зиму обокрали брильянтика тысячу на десять и ограбили почту на большую сумму?

— Слышалъ. Чтò жъ изъ этого?

— Я могу васъ навести на преступниковъ, но подъ условіемъ, чтобы меня не тягали по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ... Нужно вамъ сказать, что здѣшняя полиція дѣйствуетъ такъ, что нѣтъ никакой возможности имѣть съ нею дѣло... Былъ случай: обокрали нашего богача М.... Посреди бѣлаго дня къ нему забрался воръ и съ накрытаго къ обѣду стола стащилъ у него все столовое серебро. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ полиція поймала одного мошенника, и въ числѣ воровскихъ вещей были найдены ложки, вилки и ножи съ вензелемъ М... Полиціймейстеръ отправился къ нему съ этимъ серебромъ и спрашиваетъ его, узнаетъ ли онъ свои вещи.

— Я узнаю ихъ: это мои. Но прошу васъ, какъ особенной милости, не вмѣшивайте въ дѣло моего имени. Я знаю, вещей я никогда не получу; а, между тѣмъ, вы будете только беспокоить меня своими запросами и людей моихъ будете отрывать отъ ихъ занятій.

— Изъ этого вы можете судить, господинъ полиціймейстеръ, какъ пріятно имѣть дѣло съ полиціею сильному человѣку; а я, маленькій человѣкъ, занятъ своею торговлею...

— Даю вамъ слово, отвѣчалъ Бубенчиковъ: — употребить все стараніе не вводить вашего имени въ дѣло.

— Вашему слову я вѣрю, и если рѣшился явиться къ вамъ, то только потому, что вы здѣсь новый человѣкъ; съ здѣшними же старыми чиновниками нельзя имѣть никакого дѣла...

— Какже вы укажете мнѣ преступниковъ и какъ вы напали на ихъ слѣды?

— Мы, погребщики, поневолѣ знаемъ со всякою сволочью: погребъ открытъ, и кто хочетъ, тотъ и входитъ въ него... Известно, и бродяга, и воръ, и мошенникъ, — все туда лѣзетъ. Вотъ вчера я ужъ хотѣлъ запирать погребъ, какъ появились у дверей два нѣмца-колониаста: одинъ — Букой, другой — Гансомъ прозываются.

— Пстой, Барба, закричалъ Бука: — не запирай: мы хотимъ съ Гансомъ у тебя квартиру сантуринскаго вышить.

— Поздно, говорю я: — нельзя ли на завтра отложить?

— Нельзя, говоритъ Бука. — Сегодня — не завтра; пусти, а не то въ другой разъ не будемъ.

А эти колонисты — горчайшіе пьяницы, да и постоянно у меня пьютъ: нельзя, думаю, отказать. Вотъ и впустилъ ихъ, а самъ заперъ погребъ на всякій случай. Далъ я Букѣ и Гансу квартиру сантуринскаго, да самъ прилежъ близъ бочки и думаю, пока они выпьютъ, засну. Только что прилежъ, сонъ меня одолѣлъ, и ничего больше не помню... А я, извините, имѣю привычку во снѣ драться: то черти, то разбойники снятся... Вотъ мнѣ и снится, что чортъ меня за горло давитъ; я и давай съ нимъ драться, да, видно, руками, со сна, какъ началъ колотить во всѣ стороны, и задѣлъ крантъ отъ бочки, а вино такъ и полилось мнѣ прямо въ лицо; я и проснулся. Гляжу: Бука и Гансъ сильно пьяны, обнялись и говорятъ межъ собой:

— Нѣтъ, Гансъ, ужь чтò ни говори, а приставъ Пѣшковъ честный человекъ; взялъ съ меня тысячу рублей да нѣсколько брильянтовъ и выпустилъ изъ части. Вѣдь мы бы съ тобою пропали, какъ собаки.

— Да, возразилъ Гансъ: — тебѣ — то дешево обошлось, а мнѣ — то пришлось не такъ поплатиться; чрезъ нашего ремесленнаго маклера Мунштучкова... онъ, ты знаешь, знакомъ съ губернаторшей... Вотъ онъ и пришелъ ко мнѣ и говоритъ: «Гансъ, ты пропадешь, какъ каналья. Дай мнѣ пять тысячъ рублей, да брильянты для губернаторши, да тысячу рублей для полиціѣмейстера: я и тебя и Буку освобожу, да и полиція больше васъ трогать не будетъ; казну негрѣхъ обворовывать, да и брильянтикъ богатъ — чортъ его не возьметъ, коли меньше у него 10 тысячами будетъ.» Вотъ оно какъ, Бука, не то, что тысячу рублей: вѣдь я далъ съ брильянтами тысячъ десять. А знаешь, намъ нужно достать наши деньги, чтò закопаны близъ крѣпости, въ канавѣ: тамъ, я думаю, будетъ тысячъ шесть...

— А я все это какъ услышалъ, продолжалъ грекъ: — лежу, какъ мертвый и храплю, будто сплю...

— Послушай, Гансъ, говоритъ Бука: — а найдемъ ли мы то мѣсто, гдѣ закопали?

— Какъ не найти! противъ переулка, который идетъ между казармой и садомъ Сикара.

— Ну, Гансъ, такъ завтра ночью пойдемъ туда и выполнаемъ деньги...

Этими словами окончилъ грекъ свой доносъ.

— Послушайте, сказалъ ему Бубенчиковъ:—вы можете быть совершенно спокойны; идите домой. Я имени вашего не введу въ дѣло, а преступниковъ постараюсь арестовать.

Грекъ низко поклонился и вышелъ.

«Ну», думалъ Бубенчиковъ, «хорошія вещи здѣсь дѣлаются, и я попалъ въ этотъ омутъ!... Вотъ Ивановъ хотѣлъ, чтобы я сдѣлался доносчикомъ; но дѣло, кажется, идетъ само къ раскрытію истины...»

Эти мысли Бубенчикова были прерваны появленіемъ Ивана: онъ доложилъ баряну, что пріѣхалъ его помощникъ. Бубенчиковъ радъ былъ пріѣзду послѣдняго: онъ желалъ съ нимъ поближе познакомиться.

Помощникъ его, Зосимъ Юрьевичъ Пуло, былъ средняго роста, съ черными волосами, смуглымъ лицомъ и плутовскими карими глазами; человекъ онъ былъ въ высшей степени способный, съ необыкновенной памятью и знаніемъ дѣла. Любо было посмотрѣть на него въ полиціи: каждому изъ посѣтителей умѣлъ онъ дать отвѣтъ—кому по-французски, кому по-итальянски, кому по-гречески. Несмотря на обширность и многолюдство города, онъ всѣхъ зналъ. Зосимъ Юрьевичъ былъ грекъ, и какъ большая часть торговавшаго въ этомъ городѣ сословія состояла изъ грековъ, то онъ и былъ въ большомъ почетѣ. Этотъ авторитетъ у его соотечественниковъ не мѣшалъ, однакожь, ходить темнымъ слухамъ, которые его обвиняли, во первыхъ, въ томъ, что онъ переходящія суммы, частныя и казенныя, держалъ у себя по нѣскольку мѣсяцевъ и отдавалъ ихъ на проценты, такъ какъ онъ въ полиціи исполнялъ обязанность казначея; во вторыхъ, что по контрактнымъ дѣламъ тотъ былъ правъ, кто больше давалъ; въ третьихъ, что гербовыя пошлины взыскивались съ частныхъ лицъ по нѣскольку разъ, такъ что, говорятъ, одинъ господинъ, явившись къ нему въ присутствіе, формально укорялъ его въ этомъ и даже грозился представить генераль-губернатору выданныя ему двѣ квитанціи о томъ, что съ него два раза ввыскивали одну и ту же сумму; но это дѣло заблагоразсудилъ Зосимъ Юрьевичъ затереть, поговоривъ съ сердитымъ господиномъ въ архивѣ полиціи глазъ-на-глазъ. Еще много другихъ разныхъ обвиненій было противъ Зосима Юрьевича; но это по большей

части клевета, потому что въ формулярномъ его спискѣ ясно зна-
чалось, что онъ подъ слѣдствіемъ и судомъ не состоялъ и къ
производству въ слѣдующій чинъ аттестуется.

Въ это свидѣтельство формулярнаго списка не вѣрилъ толь-
ко одинъ его соотечественникъ, г. Скумбрія. Этотъ господинъ
разсказывалъ, что будто въ 1846 г. онъ купилъ отъ казны спир-
ту 10 тысячъ ведеръ, въ полной надеждѣ взять откупъ При-
морска; но другой откупщикъ, Ѳедотовъ, набилъ цѣну и Скум-
брія оставилъ за нимъ этотъ городъ. Между тѣмъ, у Ѳедотова
не было денегъ откупить откупъ, а Скумбрія не хотѣлъ ему въ
кредитъ отдать заготовленный имъ спиртъ. Но тутъ Ѳедотову
помогъ Зосимъ Юрьевичъ: онъ посовѣтовалъ ему послать къ
Скумбріѣ двухъ факторовъ, въ извѣстный часъ и день, съ тѣмъ,
чтобы они поторговали у него спиртъ и просили дозволенія
посмотрѣть товаръ лицомъ. «Больше, присовокупилъ Зосимъ
Юрьевичъ, инѣ ничего не нужно.» Фактора, въ назначенный
день и часъ, явились къ Скумбріѣ, сошлись съ нимъ отъ имени
откупа въ цѣнѣ и просили его показать имъ самый спиртъ.

— Я не могу, отвѣчалъ Скумбрія: — бочки запечатаны ча-
рочнымъ откупомъ.

— Да вѣдь мы сами отъ чарочнаго откупа, отвѣчали тѣ: —
вы смѣло можете распечатать одну бочку.

Скумбрія убѣдился этимъ доводомъ и, отправившись вмѣстѣ
съ факторами въ магазинъ, гдѣ былъ сложенъ спиртъ, сорвалъ
съ одной бочки печать и нацѣдилъ въ рюмку немного спирту;
въ это самое время въ магазинъ явился чарочный ревизоръ, съ
помощникомъ полиціѣмейстера и съ приставомъ корчемныхъ
дѣлъ, и объявилъ, что г. Скумбрія торгуетъ водкой, вслѣдствіе
чего магазинъ былъ запечатанъ и спиртъ конфискованъ въ поль-
зу откупа, несмотря на всѣ протесты и вопли Скумбрії. Само
собою разумѣется, что это дѣло пошло процеснымъ порядкомъ,
и чрезъ 10 лѣтъ Правительствующій Сенатъ рѣшилъ, что поли-
ція неправильно секвестровала весь спиртъ, а что она обязана
была конфисковать только ту бочку, которая была распечатана,
въ силу чего предписано одно изъ двухъ: или откупу заплатить
Скумбрію за 10 тысячъ ведеръ спирта по той цѣнѣ, которая суще-
ствовала во время конфискація, или возвратитъ ему спиртъ та-
кого качества и доброты, какой былъ конфискованъ. Откупъ —
такъ какъ откупщикъ въ Приморскѣ былъ прежній — согла-
сился на послѣднее условіе, потому что спиртъ былъ въ это

время дешево; притомъ, онъ затѣвалъ съ Скумбрию сыграть штуку еще почище и повѣрнѣе первой. Сдавши Скумбрию около 10 тысячъ ведеръ спирта, откупъ ровно чрезъ недѣлю подкупилъ его магазинера съ тѣмъ, чтобы онъ 1) поставилъ нѣсколько штофовъ водки въ разныхъ мѣстахъ магазина, 2) просверлилъ во всѣхъ бочкахъ дыры и замазалъ ихъ смолою, 3) изъ нѣкоторыхъ бочекъ выпустилъ понемногу спирта.

Магазинеръ буквально исполнилъ приказъ откупа, и въ одно прекрасное утро явился въ магазинъ Скумбрии откупъ и конфисковалъ снова весь спиртъ. Скумбрія, говорятъ, протестовала снова; но, вѣрно, внуки его будутъ читать рѣшеніе поэтому дѣлу. Руководителемъ откупа въ этихъ дѣлахъ былъ Зосимъ Юрьевичъ; а, между тѣмъ, если бы вы съ нимъ поговорили, вы бы подумали, что это одинъ изъ самыхъ нравственныхъ и честнѣйшихъ людей въ мірѣ: такъ мягкокъ былъ его голосъ, такъ кротка улыбка, такъ сладко глядѣли на *просителя* его глазки, ну точь-въ-точь котъ, глядящій на своего друга мышонка. Съ такимъ же выраженіемъ глазъ и улыбки Зосимъ Юрьевичъ вошелъ теперь въ кабинетъ полиціймейстера.

— Вы съ пожара? Что, развалины перестали куриться? спросилъ его послѣдній.

— Все, слава Богу, окончилось; только, для безопасности, я оставилъ на пожарищѣ часовыхъ и одинъ брантъсъ-бой. Я ужъ успѣлъ и домой заѣхать, да и съ дѣльцемъ къ вамъ...

— Съ дѣломъ! Въ чемъ же ваше дѣло?

— Полиція составила опредѣленіе по одному уголовному дѣлу. Всѣ члены и я подписали; остается только вамъ подписать.

Зосимъ Юрьевичъ вынулъ изъ портфеля набѣло переписанную тетрадь и подалъ ее полиціймейстеру. Бубенчиковъ, хотя былъ неопытенъ въ дѣлопроизводствѣ, но былъ дипломатъ: онъ бѣгло осмотрѣлъ рукопись, присѣлъ къ столу и взялъ перо въ руки, будто въ намѣреніи подписать опредѣленіе. Глаза Зосима Юрьевича запрыгали отъ удовольствія. Бубенчиковъ, замѣтивъ это, прехладнокровно началъ съ конца перелистывать тетрадь и, добравшись до начала, положилъ перо и началъ со вниманіемъ читать дѣло. Содержаніе его заключалось въ слѣдующемъ:

1 іюня 185.. года, биржевой маклеръ Виолинскій представилъ въ градскую полицію заемное письмо на 6 тыс. руб. сер. и объяснилъ, что въ маѣ мѣсяцѣ (котораго числа—не помнитъ) явились къ нему какихъ-то два господина и принесли при-

лагаемое заемное письмо, писанное отъ купца Великанова на имя купца Россола, въ займѣ первымъ у второго 6 тыс. рублей сер., срокомъ на одинъ годъ, за указанные проценты. Въмѣсто купца Великанова, по его слѣпотѣ, расписался чиновникъ первой стѣзжей части Гаскетъ; а дѣйствительность рукоданной просьбы Великанова о подписи за него Гаскетомъ засвидѣтельствовала первая часть. Но, присовокупляетъ маклеръ, два неизвѣстныхъ мнѣ лица, оставивши мнѣ означенное заемное письмо (которое я въ тотъ же день внесъ въ маклерскія книги и засвидѣтельствовалъ), больше не являлись; вслѣдствіе чего, усомнившись въ дѣйствительности подписи и займа г. Великанова, равно въ засвидѣльствованіи его подписи первою частью, ниѣю честь при семъ представить это заемное письмо, для зависящаго со стороны полиціи распоряженія къ производству по сему предмету формальнаго слѣдствія.

Въ тотъ же день потребованы въ полицію приставъ первой части и Гаскетъ.

Первый далъ отзывъ, что онъ никакого заемнаго письма въ глаза не видѣлъ и что подпись на немъ не его, а подложная.

Гаскетъ же отозвался:

Что въ двадцатыхъ числахъ мая пришелъ въ канцелярію части слѣпой мужчина, немолодой, котораго привели какія-то два человѣка. Они объявили ему Гаскету, что этотъ слѣпой — купецъ Великановъ и что онъ хочетъ занять у купца Россола 6 тысячъ руб. сер., а потому просятъ его, Гаскета, подписаться вмѣсто слѣпца и на самомъ актѣ изготвить засвидѣльствованіе части; Гаскетъ все это сдѣлалъ и отдалъ документъ слѣпому просителю, который сказалъ, «что теперь пристава нѣтъ дома и что онъ послѣ обѣда заѣдетъ къ нему для подписи засвидѣльствованія и приложенія печати».

На основаніи этихъ двухъ отзывовъ, полиція немедленно подвергла Гаскета тюремному заключенію и, продолжая далѣе слѣдствіе, отобрала отъ жены и сына маклера Віолинскаго слѣдующіе два отзыва: отъ первой, «что въ концѣ мая явились къ ей мужу два неизвѣстныхъ ей человѣка, которые принесли заемное письмо Великанова и просили внести его въ маклерскую книгу, поручая ей мужу изготвить это дѣло до другаго дня; а такъ какъ они не явились на другой день, то мужъ ея усомнился въ дѣйствительности подписи и представилъ въ полицію фальшивое заемное письмо». Сынъ же Віолинскаго показалъ, «что онъ не

видѣлъ тѣхъ лицъ, которыя принесли заемное письмо, потому что ходилъ въ коммерческій судъ за маклерскими книгами; но такъ какъ онѣ не были готовы, то онъ три дня за ними ходилъ туда и потому ничего не знаетъ».

По этимъ отзывамъ, полиція опредѣлила, что Гаскетъ — составитель фальшиваго заемнаго письма, вслѣдствіе чего — предать его уголовному суду.

Прочитавъ это дѣло, Бубенчиковъ поднялся съ мѣста и, пройдя нѣсколько разъ по комнатѣ, остановился противъ своего помощника и спросилъ его:

— И вы считаете это опредѣленіе совершенно правильнымъ и добросовѣстнымъ?

— Вся полиція единогласно рѣшила такъ дѣло. Гаскетъ пьяница, негодяй....

— Пусть будетъ онъ пьяница, негодяй; но я спрашиваю васъ, не касаясь личности Гаскета, правильно ли рѣшено дѣло?

— Совершенно правильно и добросовѣстно.

Бубенчиковъ вспыхнулъ.

— А я вамъ скажу, такъ рѣшать дѣла грѣшно предъ Богомъ и совѣстно предъ людьми: 1) по моему мнѣнію, первый виновникъ въ этомъ дѣлѣ купецъ Россола, въ пользу котораго писано заемное письмо, но онъ не только не арестованъ, но даже не спрошенъ; 2) не спрошенъ купецъ Великановъ; можетъ быть, онъ дѣйствительно просилъ Гаскета подписаться за него; 3) маклеръ Віолинскій не совсѣмъ чистъ въ этомъ дѣлѣ: во первыхъ, его показаніе, что онъ не помнитъ, котораго числа къ нему пришли тѣ лица, которыя принесли ему заемное письмо, слишкомъ неопредѣлительно и доказываетъ уклоненіе отъ истины; во вторыхъ, если онъ усомнился въ дѣйствительности подписи Великанова, то почему онъ не обратился къ нему съ вопросомъ по этому предмету, а также къ приставу первой части; въ третьихъ, онъ показываетъ, что не помнитъ, котораго числа ему принесено заемное письмо, а, между тѣмъ, присовокупляетъ, что онъ того же числа внесъ документъ въ маклерскую книгу; изъ засвидѣтельствванія же находящагося на немъ открывается, что это происходило за 10 дней до подачи маклеромъ объявленія въ полицію: почему же онъ молчалъ въ продолженіе этого времени? Въ четвертыхъ, сынъ Віолинскаго показываетъ, что онъ ходилъ въ судъ за книгами и втеченіе трехъ дней не получалъ ихъ изъ суда: какимъ же образомъ его отецъ въ первый же день

могъ внести заемное письмо въ книгу? Эти противорѣчія ясно доказываютъ, что не совсѣмъ чистъ и биржевой маклеръ; къ тому же, для полноты дѣла, недостаетъ показанія чиновниковъ первой части о томъ, дѣйствительно ли приходилъ Великановъ въ полицію.... Я понимаю дѣла такъ, что Россола—главное лицо, имѣющее сообщниковъ, въ томъ числѣ и Виолинскаго, что, вѣроятно, первые съ послѣднимъ не сошлись и онъ сдѣлалъ доносъ; иначе онъ и сдѣлать не могъ, такъ какъ нужно было очистить свою маклерскую книгу.... Изъ всѣхъ менѣе всего виновенъ Гаскетъ: если бы этого не было, онъ бы запирался, а то онъ чистосердечно признается во всемъ. Впрочемъ, покажите подлинный подложный актъ.

Помощникъ его сдѣлалъ кислую гримасу и, отыскавъ въ своемъ портфелѣ заемное письмо, показалъ его Бубенчикову.

— Видите ли, я и правъ: подпись пристава сдѣлана твердымъ, превосходнымъ почеркомъ; между тѣмъ, подпись Великанова и засвидѣтельствованіе, сдѣланное рукою Гаскета, обнаруживаютъ дурной почеркъ. Да и то и другое писано различными чернилами: Гаскетъ писалъ водянистыми, а надпись пристава тушевая.

При этомъ анализѣ Бубенчиковымъ дѣла, его помощникъ кусалъ со злости губы: въ неопытномъ дѣлопроизводителѣ онъ не надѣялся найти столько юридическаго такта.

— Что же вы предполагаете по этому дѣлу? сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я думаю подать особое мнѣніе по этому дѣлу и буду просить доколнвенія и разъясненія всѣхъ его обстоятельствъ.... Однако, пора въ театръ... Прошу васъ взять нѣсколько казаковъ и пріѣхать часовъ въ десять въ театръ: мнѣ нужно устроить одно дѣло....

— А дѣло о Гаскетѣ оставить у васъ?

— То есть, вы хотите сказать о Россолѣ.... Оставьте у меня. По закону, я имѣю право держать у себя дѣло три дня....

Помощникъ его съѣлъ грибъ, раскланялся съ нимъ и вышелъ отъ него злѣйшимъ его врагомъ.

ГЛАВА XII.

БУБЕНЧИКОВЪ ЛОВИТЬ ВОРОВЪ.

Послѣ спектакля, Бубенчиковъ, верхомъ, вмѣстѣ съ помощникомъ своимъ и пятью казаками, поѣхалъ къ крѣпости. На вопросъ Зосима Юрьевича, куда и зачѣмъ они ѣдутъ, онъ отвѣчалъ уклончиво, что ему хотѣлось бы осмотрѣть крѣпостной ровъ, нѣтъ ли въ немъ подозрительныхъ лицъ. Ночь была темная, хотя небо было чисто и ясно; шагахъ въ десяти трудно было различать предметы. Когда они подъѣхали къ концу крѣпости, къ самымъ дачамъ, Бубенчиковъ велѣлъ всѣмъ спѣшиться и самъ, слѣзши съ коня, оставилъ всѣхъ лошадей при одномъ казакѣ, а съ остальными и съ своимъ помощникомъ спустился въ ровъ и тихо началъ пробираться къ тому мѣсту, гдѣ, по указанію грека, колонисты Бука и Гансъ должны были копать. Дойдя до предполагаемаго имъ мѣста, онъ шопотомъ приказалъ всѣмъ лечь на землю въ глубинѣ рва. Около часу они лежали не шевелясь; все было тихо, только прыжки жабъ нарушали иногда тишину. Казаки и помощникъ Бубенчикова, не зная и не понимая причины этой засады, въ душѣ проклинали своего начальника за это скучное препровожденіе времени. Но вотъ по бульвару раздался шагъ, быстро приближающіеся къ нимъ, и слышны два голоса.

— Гансъ, я тебѣ говорю, мы здѣсь копали... я помню, противъ этого дерева... Зажигай свой фонарь и опустимся въ ровъ.

— А... можетъ быть, Бука!... Вотъ я и фонарь зажегъ. Ну, полѣзай въ ровъ... вотъ тебѣ заступъ... спустился?... бери фонарь поскорѣй: во рву его не видно будетъ...

— Я думаю, Гансъ, ассигнаціи не промокли въ послѣдній дождь: онѣ лежатъ въ почтовомъ чемоданѣ, а онъ изъ хорошей кожи.

— О, нѣтъ! Лишь бы нашъ найти мѣсто... Видишь: тутъ мягка земля, значить, раскопанная... бери, Бука, заступъ... видишь, я правъ... а вотъ я тебѣ помогу... но прежде потуши фонарь... а то обходъ проѣдетъ и замѣтитъ... ну, вотъ и потушилъ... у! у!... тащи...

Но вдругъ Бука и Гансъ чувствуютъ, что сильныя руки схватили ихъ. Они хотятъ вырваться и бѣжать; но градъ ударовъ отъ нагаекъ заставляеть ихъ смириться.

— Если кто нибудь изъ васъ осмѣлится шевельнуться, произносить чей-то твердый голосъ: — я его проколю саблей. Казаки! ведите ихъ въ крѣпостную гауптвахту, оставьте ихъ тамъ подъ карауломъ и возвращайтесь сюда съ лошадыми за чемоданомъ.

— Пустите, господинъ офицеръ! Какъ вы смѣете насъ арестовать? сказала Бука.

— Я полиціейmeisterъ и беру тебя, вора и грабителя, подъ стражу.

При словѣ: «полиціейmeisterъ», Бука присмирѣлъ и пошелъ съ казаками къ гауптвахтѣ, которая находилась шагахъ въ двухстахъ отъ этого мѣста. Минуть черезъ двадцать казаки вернулись; чемоданъ былъ взваленъ на одну казачью лошадь, и Бубенчиковъ направилъ поѣздъ къ гауптвахтѣ, гдѣ находились арестанты. Здѣсь онъ взялъ себѣ въ помощь пѣхотный караулъ и, вмѣстѣ съ арестантами, отправился въ полицію.

Зосимъ Юрьевичъ во всю дорогу былъ нѣмъ, какъ рыба: видно, что арестъ Бубенчиковымъ такихъ важныхъ преступниковъ, разграбителей почты, легъ тяжелымъ камнемъ на его сердце. Причинъ такой печали не беремся описывать; можетъ быть, Зосимъ Юрьевичъ страдалъ оттого, что ему не удалось самому, безъ всякой посторонней помощи, отыскать почтовый чемоданчикъ. . о! по мягкости своего сердца, по великодушнымъ порывамъ своей полицейской души, онъ бы, вѣрно, пріютилъ на своемъ чердакѣ этотъ чемоданъ; а денѣжки, находившіяся въ немъ, нашли бы самое выгодное и общепольное мѣсто: онъ попал бы въ коммерческія конторы, откуда, мѣняясь на пшеницу, сало и шерсть, приносили бы цѣлому краю несомнѣнную пользу... И все этотъ Бубенчиковъ, этотъ врагъ общественнаго благосостоянія, онъ имѣлъ у себя въ рукахъ всѣ эти суммы, которыя пойдутъ въ разные концы Россіи для разныхъ самыхъ безнравственныхъ цѣлей!

Тутъ чадолубивая маменька посылаетъ сынку въ полкъ денегъ, которыхъ давно ждутъ или факторы-жидки за мертвый и живой товаръ, или кредиторъ-шуллеръ, ежедневно посѣщающій его и, вмѣсто спроса: «какъ ваше здоровье?» восклицаящій: «повѣстку съ почты получили!»

Тутъ вы найдете письмо отъ какого нибудь артельного парня-ноденщика, въ которомъ онъ пишетъ своей супругѣ: «любѣзная моя жена Аграфна Пантелѣевна, отписываю сѣ письмо всовѣршенномъ здравіи, съ приложеніемъ одново рубля, чаю и вамъ желаю и поклонъ вамъ посылаю. Дѣтѣй цалую и съ наступающимъ праздникомъ и съ прошедшимъ постомъ проздравляю. Мой низкій поклонъ также тятенькѣ Касьну Онуфріевичу и матушкѣ Исидорѣ Артемоновнѣ. Кланяюсь также сусѣдамъ Архипу Прохоровичу съ законной ѣво супругой. Скажи уеѣмъ, што въ здравіи ихъ молитвами поживаемъ да денѣшки наживаемъ...»

Тутъ вы найдете посланіе строгаго родителя къ своему сыну, студенту, котораго онъ упрекаетъ за то, что много тратитъ и что въ старину 10 р. сер. составляли на ассигнаціи 35 р., были приличнымъ мѣсячнымъ содержаніемъ, что теперь нравы развращены и молодкососы, вмѣсто того, чтобы сидѣть за книжкой, таскаются по баламъ и театрамъ. Предавая анаемѣ всѣ эти соблазны, нѣжный родитель обращаетъ вниманіе юноши на книгу подъ заглавіемъ: «О соблазнахъ и способахъ умерщвленія плоти и страстей и достиженія духовнаго совершенства». Къ этому роскошному блюду, въ видѣ приправы, родитель совѣтуетъ сыну дѣлать моціонъ, вставать на разсвѣтѣ, такъ какъ утро вечера мудренѣе и утромъ мысли свѣжей и память яснѣй. Въ заключеніе прилагается 10 руб. сер., съ примѣчаніемъ, что больше ему не вышлютъ впредь до будущаго мѣсяца...

Тутъ, какъ благоухающая весенняя роза, ласкаетъ вашъ взоръ письмо невѣсты, въ которомъ, застѣнчиво извиняясь, она умоляетъ своего жениха занять у нея ея трудовую копѣйку, которую она накопила втеченіе года....

Рядомъ съ этимъ письмомъ лежитъ другое, въ которомъ одинъ господинъ посылаетъ своей возлюбленной камелин тысячу рублей, вырученныхъ имъ отъ продажи женнинныхъ наслѣдственныхъ брильянтовъ, послѣдняго ея достоянія... Но всего не перечтешъ тутъ: и горе, и радость, и нравственность, и развратъ... И все это Зосимъ Юрьевичъ могъ бы уничтожить, стереть съ лица земли; но Бубенчиковъ предупредилъ его. Поглядите, онъ сидитъ теперь въ присутствіи полиціи, на предсѣдательскомъ мѣстѣ; Бука и Гансъ стоятъ близъ него въ кандалахъ; Зосимъ Юрьевичъ, вмѣстѣ съ дежурнымъ квартальнымъ, вынимаетъ изъ чемодана пакеты и раскладываетъ ихъ по столу. Двѣ сальныя, на канце-

лярскомъ языкѣ называемыя, маканныя свѣчи горятъ на столѣ и, разливая блѣдный свѣтъ на окружающіе предметы, придаютъ этой картинѣ какое-то мрачное выраженіе. Лицо Бубенчикова горитъ какимъ-то дихорадочнымъ жаромъ; щеки его блѣдны, глаза блестятъ. Бука нахально глядитъ на представителей правосудія; а Гансъ хнычетъ и постоянно сморкается въ полу своего сюртука. Двое часовыхъ, охраняющихъ преступниковъ, мало интересуются этой сценою и дремлютъ, стоя. Немного въ сторонѣ, за особымъ столомъ, сидитъ дежурный полицейскій чиновникъ, съ перомъ въ рукѣ, ожидая начатія допроса; глаза его заspanы, и онъ часто позѣвываетъ въ свою лѣвую руку.

Полиціймейстеръ обращается къ Букѣ.

— Ты теперь попался съ наличнымъ: запираешься нечего; признавайся откровенно во всемъ, и, можетъ быть, тебѣ смягчатъ наказаніе.

— Чего тутъ скрывать и запираешься, ваше высокоблагородіе: — попался, такъ попался.

— Говори же всю правду и не щади никого, открой всѣхъ своихъ сообщниковъ и товарищей.

— Всю правду скажу, ваше высокоблагородіе! Я и Гансъ, да еще два колониста давно думали, какъ бы разбогатѣть: думали, думали и рѣшили, что овладѣть почтой — не грѣхъ: казна богата и заплатитъ тѣмъ, которые посылаютъ деньги по почтѣ. Но какъ это сдѣлать? съ почтой иногда двѣ тройки, да на нихъ почтальионъ, у котораго пистолеты да два ящичка. Вотъ я и сказалъ: нужно выбрать такую почту, когда будетъ одна тройка: съ двумя легче справиться, чѣмъ съ тремя; только, чуръ, никого не убивать. Черезъ нашу колонію проходитъ почтовая дорога, и въ колоніи находится почтовая станція. Я съ смотрителемъ станціи—пріятели: вотъ и узналъ отъ него, въ какіе дни проходитъ почта. Въ эти дни я и зааживалъ къ нему: сажу, разговариваю и жаду почту. Такъ прошло полгода, и мы ничего не могли сдѣлать: то почта пройдетъ днемъ, то въ двѣ, три тройки. Случилось это въ прошлую осень. Грязь была ужасная, дождь лилъ нѣсколько дней, и смотритель сказывалъ мнѣ, что почта запоздала и что, вѣрно, она будетъ не раньше ночи. Вотъ я и зашелъ къ нему, сидимъ да рассказываемъ про то, про еѣ. Я и говорю ему, не послать ли за водкой, выпить бы, а то такое ненастье, что морозъ по кожѣ подираетъ. Смотритель сейчасъ и послалъ за водкой. Мы съ нимъ, какъ пріятели, выпили ужъ

полштофа, а тут слышимъ колокольчикъ.... У меня сердце замерло: ну, думаю, почта... Она и была... Входитъ почтальйонъ, маленькій, мизерный такой — не на что и плюнуть. *

— Что, одна тройка? спрашиваетъ смотритель.

— Одна, отвѣчаетъ онъ.

— Вы озябли, говорю я: — хотите согрѣться?

Подношу ему стаканчикъ, да такой, что четверть штофа въ него вошло. Онъ туда-сюда, говорить: не годится, много будетъ, охмѣлею. Вздоръ, говорю я:—почтальйонъ долженъ пить; да въдь ваша братья всѣ пьяницы горьчайшіе—не стать намъ учить васъ— а отказомъ вашимъ вы только обижаете насъ. Онъ и хвать весь стаканчикъ. Тутъ я и присталъ къ смотрителю: пей да пей; онъ съ дуру и вышей. Не вышей онъ, самъ бы, вѣрно, поѣхалъ провожать почту: темень была ужасная, а почтальйонъ и ямщики неблагонадежные. Но водка его отуманила, и онъ не въ силахъ былъ шепельнуть языкомъ. Тогда со станціи побѣжалъ я къ Гансу. Тамъ ужъ были наши товарищи.... Мы взяли тоноры, сѣли верхомъ и поскакали по почтовой дорогѣ. Верстъ пять отѣхали, стали и ждемъ. Слышимъ колокольчикъ гудить.... все ближе.... ближе.... вотъ мы и стали поперекъ дороги и кричимъ: «стой!» Тройка остановилась. Почтальйонъ спрашиваетъ, что мы за люди и что намъ нужно.

— Слѣзай, кричу я ему: — и отдай намъ почту.

А онъ какъ закричитъ: «разбойники, грабители! поворачивай, ямщикъ, да скачи назадъ!» Ямщикъ и повернулъ назадъ лошадей да и погналъ ихъ; а мы въ догонку, да какъ нагнали ихъ. Въ азартѣ перваго почтальйона зашибли, а потомъ и ямщика. Всѣ сумки мы сейчасъ же забрали съ собою по домамъ; потомъ вернулись, съ повозкой, да остальные чемоданы перетасили къ себѣ. На другой день вся колонія зашумѣла; сосѣдъ къ сосѣду бѣжить и шопотомъ говорить: вотъ бѣда приключилась—почту разграбили.... А мы ни гу-гу; охаемъ и стонемъ съ другими: что вотъ начальство слѣдствие нарядить и будутъ насъ невинныхъ таскать; а сами мы поговорили межъ собой, что нужно чемоданы въ городъ перевезти, что у насъ могутъ ихъ найти.... Въ тотъ же вечеръ я и Гансъ повезли ихъ въ городъ, будто овесъ веземъ на продажу. Какъ пріѣхали въ городъ, мы на Молдаванкѣ наняли квартиру, стасили туда чемоданы ночью; но думаемъ себѣ, и здѣсь ихъ неловко держать: вотъ, по ночамъ, мы чемоданы и закопали въ разныхъ мѣстахъ, за городомъ...

Каждую ночь ходили туда, разбирали пакеты, деньги отбирали, а конверты закапывали. Такъ мы всё чемоданы и сумки перепробовали, кромѣ того, что теперь у васъ.

— Сколько денегъ у васъ было? спросилъ Бубенчиковъ.

— Тысячъ сто.

— Кто жь ваши сообщники?

— Кауфманъ и Ландесбомъ. Мы всё подѣлились поровну.

— Гдѣ деньги?

— Мои деньги дома, а прочихъ не знаю.

— На твою долю пришлось 25 тысячъ. Всѣ деньги цѣлы?

— Не всѣ: я много истратилъ.

— На что ты ихъ истратилъ?

— Тысячу рублей взялъ у меня приставъ 1-й части, чтобы освободить меня.

— Ты покажешь ему это въ глаза?

— Какъ не показать! Вы у него можете найти и два брилльянтовые кольца одно съ голубою эмалью, другое съ черною. Кольца важныя, отъ брилльянтика Пигати.

— Откуда вы взяли эти кольца и за что вы были арестованы.

— Я и Гансъ, какъ поразбогатѣли, то и думаемъ, какъ упадемся и начнемъ откупаться у полиціи и суда, то у самихъ ничего не остается: не изъ чего было и хлопотать. Подумали, подумали и рѣшились обокрасть брилльянтика Пигати. Черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ мы ограбили почту, мы, въ темную, ненастную ночь, часа въ два, взломали стѣнку въ лавкѣ брилльянтика и забрали у него всѣ брилльянты, золото и серебро. На другой день вездѣ, въ цѣломъ городѣ, объ этомъ говорили; а мы съ Гансомъ смѣемся и попиваемъ сантуринское. Но не все же коту масляница; черезъ недѣлю съ нами случилась бѣда. Дѣло было вотъ какъ. Чиновникъ съ колоніи производилъ слѣдствіе о разграбленіи почты — взялъ за бока смотрителя и спрашиваетъ его, не былъ ли почтальйонъ или онъ, смотритель, пьяны. Тотъ отпираться; а чиновникъ давай распрашивать ямщиковъ, а одинъ и расскажи, что вотъ Бука въ тотъ вечеръ потчивалъ водкой и смотрителя, и почтальйона. Чиновникъ послалъ за мной; а ему говорятъ: ужъ нѣсколько недѣль съ Гансомъ уѣхалъ въ городъ продавать овесъ, да не возвращается. Это и навело на насъ сумленіе. Онъ пріѣхалъ въ городъ и черезъ полицію началъ разыскивать насъ. Полиція нашла насъ: меня арестовала

1-я часть, а Ганса—квартирный, который отправилъ его въ полицію. Ганса обыскали и нашли у него брильянтова серги.... Дѣло было плохо... Мы ужь сидѣли цѣлую недѣлю; на восьмой день, вечеромъ, зоветъ меня къ себѣ приставъ Пѣшковъ. «Хочешь, говоритъ онъ, я тебя освобожу? Я знаю, ты мошенникъ и съ Гансомъ ограбили почту и Пигати. За тебя и Ганса хлопчуть сильные люди. Вотъ и полиціимейстеръ пишетъ мнѣ записку.» Онъ началъ читать: «Прошу васъ освободить колониста Буку, арестованнаго по извѣстному вамъ дѣлу: это дѣло нужно затереть.» «Но, продолжалъ приставъ, они съ Ганса содрали, а я—то что: за козла у нихъ что ли?... Дай пять тысячь—освобожу тебя.... «Нѣтъ у меня столько, закричалъ я, да въ ноги къ нему: не губите, говорю, дамъ 500 рублей.» Торговались, торговались и кончили—на тысячу рублей да на два кольца.... На честное слово онъ отпустилъ меня, чтобы я ему на другой день, утромъ, доставилъ обѣщанныя деньги и вещи. Когда я вышелъ изъ части, я взялъ дрожки и, какъ сумасшедшій, поѣхалъ домой. Тамъ я засталъ Ганса: онъ сидѣлъ и плакалъ. «Чего плачешь?» спросилъ я. «Плачу», отвѣчалъ онъ, «оттого, что меня ограбили: забрали у меня всѣ брильянты да еще пять тысячь въ придачу.» «Кто жь у тебя взялъ?» Тутъ онъ разсказалъ какъ къ нему пришелъ Мунштучковъ — нашъ ремесленный мадеръ — какъ онъ ему грозился, какъ онъ съ нимъ торговался и взялъ деньги и вещи. На другой день онъ и я были освобождены.

Это показаніе Буки, отъ слова до слова, было передано дежурнымъ писцомъ, прочтено ему и имъ подписано.

Но, когда Бубенчиковъ началъ снимать показаніе съ Ганса, тотъ хныкалъ, и отъ него онъ не могъ добиться толку: Гансъ путался въ отвѣтахъ и противорѣчилъ себя на каждомъ шагу. Между тѣмъ, Зосимъ Юрьевичъ выложилъ на столъ всѣ почтовые пакеты. Бубенчиковъ пересчиталъ съ нимъ письма и велѣлъ ихъ положить въ кассовый ящикъ, для того, чтобы на другой день составить имъ подробную опись.

— Теперь, сказалъ онъ:—мы поѣдемъ къ приставу Пѣшкову и арестуемъ его.

— Какъ можно! воскликнулъ съ ужасомъ Зосимъ Юрьевичъ. — Вѣдь онъ приставъ.... не мѣшанинъ какой пибудь. Мы можемъ за это пострадать.

— Для меня сообщники воровъ и грабителей всѣ равны, дворяне ли они, или мѣщане: не мы ихъ арестуемъ, а законъ....

— Какъ хотите, я не могу на это согласиться. Здѣсь нужно разрѣшеніе высшаго начальства. Сдѣлать обыскъ у пристава — это нешуточное дѣло: если мы вичего не откроемъ, насъ предадутъ суду, отрѣшатъ отъ должности.

— Я буду слѣдователемъ, господинъ помощникъ мой, а вы будете только депутатомъ. Напишите предписаніе на ваше имя; я его подпишу.

— Но здѣсь нужны понятые.

— Въ полночь негдѣ достать понятыхъ. Полицейскіе служители и казаки будутъ нашими свидѣтелями.

Зосимъ Юрьевичъ хотѣлъ еще возражать; но, взглянувъ на Бубенчикова и встрѣтивъ его сердитый взглядъ, онъ закусилъ губы, взялъ листъ бумаги и написалъ себѣ предписаніе—о присутствованіи имъ въ качествѣ депутата со стороны полиціи, при арестѣ и обыскѣ пристава Пѣшкова.

Когда эта бумага была изготовлена и подписана Бубенчиковымъ, онъ запечаталъ кассовый ящикъ печатями — своею и его помощника, и отправился съ Зосимомъ Юрьевичемъ въ первую часть.

Когда они явились въ квартиру Пѣшкова, они застали его въ постели; онъ только что легъ спать. Увидѣвъ полиціймейстера и Зосима Юрьевича, Пѣшковъ выскочилъ изъ постели и надѣвъ халатъ, началъ извиняться въ томъ, что они его застали въ такомъ неглиже. Въ отвѣтъ на это, Бубенчиковъ сказалъ ему сурово: «Одѣньтесь: вы намъ нужны по очень важному дѣлу». Пѣшковъ хотѣлъ было выйти въ другую комнату, чтобы совершить свой туалетъ; но Бубенчиковъ просилъ его не беспокоиться.

Серьезность и рѣзкость полиціймейстера бросала Пѣшкова то въ жаръ, то въ холодъ. Сознавая свою совѣсть не слишкомъ чистою, онъ предчувствовалъ что-то недоброе.

Когда онъ одѣлся, Бубенчиковъ сказалъ ему холодно:

— Вы арестованы.

— За чтò? воскликнулъ приставъ блѣднѣя.

— Въ полиціи я сообщу вамъ причины. Вамъ остается только отдать намъ ключи отъ вашего комода, письменнаго стола и шкафа. Мы должны забрать и запечатать ваши бумаги.

— Помилуйте, я не воръ.... Со мною нельзя поступать какъ съ мѣщаниномъ.... я дворянинъ и чиновникъ....

— Это судъ разбереть.... Не угодно ли будетъ вамъ отдать мнѣ ключи?... Если вы будете упорствовать, мы взломаемъ и перепортимъ вашу мебель.

При этомъ рѣшительномъ отвѣтѣ Бубенчикова, Пѣшковъ отдалъ ему ключи. Тотъ замкнулъ всѣ ящики комода и письменнаго стола и запечаталъ ихъ; а портфель, лежавшій на столѣ, онъ взялъ съ собою.

— Теперь, сказалъ онъ: — ѣдемъ въ полицію.

Во всю дорогу Пѣшковъ нахально утверждалъ, что на свѣтѣ истинные злодѣи торжествуютъ, а невинность страждетъ, что не онъ первый, не онъ и послѣдній, что слѣдствіе и судъ докажутъ и покажутъ его полицейскія добродѣтели, добросовѣстность, званіе дѣла. Когда же они пріѣхали въ полицію и Бубенчиковъ, объявивъ Пѣшкову причину ареста, далъ ему очную ставку съ Букой, тотъ сильно растерялся, но упорно заперся и даже отвергалъ то, что Бука былъ подъ арестомъ.

— И какъ можно, воскликнулъ онъ: — унижить такъ чиновника — ставить его на одну доску съ разграбителемъ почты и давать ему съ такимъ мошенникомъ очную ставку!

Но тутъ онъ запнулся: Бубенчиковъ, перебирая бумаги его портфеля, нашелъ записку къ нему Шлагенштока, въ которой этотъ ясно писалъ, «чтобы Пѣшковъ освободилъ Буку»; тогда Пѣшковъ заблагоразсудилъ закричать, что ему дурно, и упалъ въ обморокъ. Запечатавъ его бумаги въ портфель, Бубенчиковъ приказалъ Зосиму Юрьевичу отвезти его въ городовую больницу, въ видѣ арестанта. Самъ же полиціймейстеръ, утомленный тревогами того дня, отправился на отдыхъ домой.

ГЛАВА XIII

НОВАЯ БЕСѢДА СЪ ИСКРИНЫМЪ.

Арестъ грабителей почты и брильянтика Пигати, оговоръ Буки и арестъ пристава Пѣшкова надѣлали страшнаго шуму въ городѣ Приморскѣ; много было толковъ и прикрасъ по этому дѣлу, и о Бубенчиковѣ стали говорить какъ о сказочномъ героѣ. Жаль, что о немъ не дошла молва до Суздаля, а то вѣроятно

провинціальныя трактиры и чайныя заведенія, также станціонныя дома и купеческія гостинныя украсились бы замѣчательными художественными произведеніями, въ родѣ сожженія какимъ нибудь героемъ—прапорщикомъ одной пушкой всего англо-французскаго флота. Само собою разумѣется, что, вмѣсто англо-французскаго флота, Бубенчиковъ былъ бы изображенъ человѣкомъ, создающимъ новую полицію и сажающимъ старую въ новую. Это было бы очень трогательно и назидательно, въ особенности для русскаго человѣка, съ удовольствіемъ слушающаго и похождения Соловья-разбойника, и казнь Пугачева. Снова повторяю, очень жаль, что популярность Бубенчикова ограничилась однимъ Приморскомъ. Здѣсь и полиція, и бродяги, и мошенники на-время присмирѣли. Первая расторопно исполняла всѣ приказанія своего начальника, лѣзла изъ кожи, стояла предъ нимъ на вытяжкѣ; вторые попрытались по разнымъ каменоломнямъ, откуда изгонялись отважными набѣгами Бубенчикова. По этому обстоятельству господинъ, исправляющій должность генералъ-губернатора, благодушный Ивановъ, изволилъ ему даже замѣтить, что въ той области, гдѣ онъ состоитъ губернаторомъ, такое нашествіе бродягъ изъ Приморска, что полиція съ ума сходитъ. При этомъ онъ даже забылъ, что самъ состоялъ въ этой области владѣльцемъ одного уѣзднаго городка, населеніе котораго увеличилось этими бродягами....

Вообще жители этого города отдавали преимущество Иванову предъ кровопролитнымъ Румянцевымъ, покоящимся теперь въ Печерской Лаврѣ. Румянцевъ взялъ этотъ городъ послѣ рѣзни турокъ и татаръ, которые падали мертвые отъ одного дыханія этого героя; Ивановъ же взялъ этотъ самый городъ безъ рѣзни, а просто вмѣшавшись въ тяжбу двухъ помѣщиковъ, которые сражались на бумагѣ за право владѣнія этимъ городомъ и многими деревнями. Ивановъ принялъ сторону того, кто имѣлъ меньше правъ на эти владѣнія, подъ условіемъ получить *одинъ* городъ, уступая ему *многія* деревни. Тотъ согласился, и такимъ образомъ Ивановъ, безъ боя, овладѣлъ тѣмъ городомъ, за который было когда-то пролито столько басурманской крови. Итакъ, городъ этотъ быстро населился бродягами, чему споспѣшествовалъ много Бубенчиковъ, открывши тяжкое гоненіе на этихъ дикихъ звѣрей, постоянныхъ жертвъ полицейской кровожадности и сребролюбія. Вышло въ сущности, что Бубенчиковъ принесъ только пользу Иванову. Правда, полиція страшно суетилась при его по-

явленіи въ канцелярію, и дѣла, на которыя онъ обращалъ вниманіе, рѣшались тотчасъ же; но до преобразованія полиціи было далеко. Тотъ же застой въ дѣлахъ съ хроническими недугами, та же парализація его дѣйствій—то губернаторомъ, то судебными мѣстами, то же обремененіе полиціи разными административными присутственными мѣстами безчисленнымъ множествомъ порученій объ объявленіи рѣшеній на прошенія, въ родѣ слѣдующаго: «дозволить—пустить брандеръ, подъ названіемъ *бурлотъ*, на англо-французскій флотъ, который безъ людей, паровъ, вѣтра, парусовъ и веселъ сожжетъ всѣ непріятельскія суда....» А по уголовнымъ дѣламъ пристава и квартальные, обремененные тысячами слѣдственныхъ дѣлъ, производили ихъ нерадиво; свидѣтели, безъ дѣйствительной присяги, подписывали такъ называемое клятвенное обѣщаніе; при повальномъ обыскѣ о поведеніи даннаго лица или о какомъ нибудь событіи — сгонялся разный сборъ уличный. Все дѣлалось при Бубенчиковѣ, какъ и въ старину: тотъ же антагонизмъ правосудія. Онъ ясно это видѣлъ, чувствовалъ все безсиліе свое, при громадности переписки съ разными присутственными мѣстами; но какъ помочь горю? Однихъ паспортовъ, разныхъ отсрочекъ по нимъ, статейныхъ и другихъ списковъ, также резолюцій на докладныхъ регистрахъ ему доводилось иногда подписать по 200 и по 300 втеченіе дня. А между тѣмъ къ генераль-губернатору и губернатору являлся каждое утро съ рапортомъ, что отнимаетъ по крайней мѣрѣ два часа; уѣздное казначейство свѣдѣтельствуя ежемѣсячно; въ попечительствѣ о тюрьмахъ засѣдай; на всѣхъ выборахъ и гуляньяхъ присутствуй; въ театрѣ ежедневно бывай; туши пожары, которыхъ въ годъ можно насчитать до ста; арестантовъ ежедневно осматривай; просителей у себя дома и въ полиціи принимай. У Бубенчикова кружилась голова, и онъ ходилъ какъ угорѣлый. Вслѣдствіе этого, то только исполнялось какъ должно, на что онъ обращалъ особенное вниманіе; страдали одни бродяги, воры же въ усъ не дули: онъ арестуетъ ихъ, а городской страпчій или судъ ихъ освободитъ: то мало уликъ, то полиція, арестуя вора съ поличнымъ, не имѣла въ это время понятыхъ, какъ свидѣтелей. А при этомъ блюстители правосудія забывали, что въ полночь, когда воры выходятъ на охоту, весь городъ спитъ и полиція не можетъ съ обходомъ таскать понятыхъ. Стучаться же при поимкѣ вора во всѣ окна въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пойманъ, и будить всѣхъ жителей, не идетъ поли-

ціи, какъ блюстительницѣ общественнаго спокойствія. Несмотря, однакожь, на это, энергическія дѣйствія Бубенчикова такъ рѣзко бросались въ глаза, что воры присмирѣли на-время, въ особенности, когда были арестованы грабители почты и приставъ первой части и когда исправляющій должность генераль-губернатора назначилъ надъ ними слѣдственную комиссію. Впослѣдствіи же времени, увидѣвъ, что не всѣ воры одинаково преслѣдуются, разныя воровскія шайки снова подняли головы.

..... Въ то время, когда дѣла находились въ такомъ положеніи, на бульварѣ Приморска играла военная музыка и толпы гуляющихъ ходили взадъ и впередъ по ровнымъ его аллеямъ. Ночь была тиха и прекрасна; море чуть-чуть шевелилось въ берегахъ; луна показалась на морскомъ горизонтѣ, какъ красный фонарь, потомъ, поднявшись на значительную высоту, бросила сребристую полосу свѣта на зеркальную поверхность воды; блескъ и игра свѣта еще болѣе увеличились въ этой полосѣ отъ тихаго движенія поверхности моря. Отъ судовъ явились длинныя, причудливыя тѣни; огоньки, горѣвшіе на нихъ, мерцали въ отдаленности, какъ звѣздочки.

Въ воздухѣ было душно, и запахъ цвѣтшей оливки располагалъ къ какой-то нѣгѣ и дремотѣ; къ такому настроенію гулявшихъ много располагала и музыка, игравшая монотонно, а также и движущіяся взадъ и впередъ по аллеямъ толпы.

Усѣвшись на скамьѣ, въ концѣ бульвара, Бубенчиковъ безсознательно глядѣлъ на проходившія мимо его лица; мысли его были далеко. Какъ жаль, что онъ не былъ наблюдателемъ; чего бы онъ тутъ не увидѣлъ! Вотъ идетъ пятидесятилѣтняя княгиня, маленькаго роста, съ высокимъ своимъ любовникомъ, негодянтю, который, ради ея княжеской короны, бросаетъ сотни тысячъ. Вслѣдъ за ними, подъ руку, идутъ перерѣзанные три дочери княгини и, подъ защитой той же короны, бросаютъ фланкирующей молодѣжи не совсѣмъ скромные взгляды.

Но кто это появился? Присматриваюсь: бывшая моя горничная, разряженная по послѣдней парижской модной картинкѣ, плавно и граціозно выступаетъ подъ руку съ какою-то салошницей; близъ нея увивается гусарь и до слуха моего долетаютъ слова: «графиня, лучше и образованнѣе васъ я не встрѣчалъ женщины». Ихъ смѣняетъ новая пара: молодой человекъ съ бородой и дама лѣтъ пятидесяти у него подъ руку. Узнаю васъ! молодой человекъ: цвѣтъ Приморска — уменъ, образо-

ванъ, хорошъ и миллионеръ. Полюбился ему сатана, лучше ясного сокола; онъ даже просилъ руки у той барыни, у которой дѣти старше его 15 годами. Они прошли. Появилась новая пара: кавказскій артиллеристъ съ хорошенькой дамой; она виситъ у него на рукѣ и умильно глядитъ ему въ глаза. А! это наши — Ловласъ и герцогиня Шеврѣзъ. Ловласъ — высокій, стройный мужчина, съ чрезвычайно пріятнымъ и красивымъ лицомъ; черкесскій костюмъ придаетъ его физиономіи оригинальность. Герцогиня — низенькаго роста, граціозное, милое созданіе, пренебрегающее своею репутаціею и именемъ. Сегодня она виситъ на рукѣ Ловласа, завтра вы увидите ее висящую на рукѣ какого нибудь трехъ-аршиннаго генерала. Сзади ихъ идутъ подъ руку двѣ дамы, видимо ихъ преслѣдующія: одна изъ нихъ лѣтъ сорока, высокая полная женщина, одѣта въ бѣломъ платьи, съ открытой таліею и руками; другая одѣта бѣднѣе; первая — эмансипированная русская помѣщица, вторая — эмансипированная ея компаньонка. Счастливецъ этотъ Ловласъ! женщины бѣгаютъ за нимъ, грызутся, царапаютъ другъ другу глаза, а онъ кутитъ на ихъ общій счетъ, улучшаетъ жалкіе остатки своего родоваго наслѣдія и пользуется всѣми возможными физическими и нравственными благами. А куда ты дѣлъ благоуханную нашу южную розу, которая услаждала сердце добрыхъ жителей Приморска своимъ мелодическимъ контръ-альто? Исчезла она съ театральной сцены: ты сорвалъ этотъ цвѣтокъ, выжалъ изъ него всѣ соки и потомъ, какъ бесполезный, бросилъ, съ кучей ребятишекъ, гдѣ-то за границей. Счастливъ ты, Ловласъ, что нѣтъ ни гласности, ни публичнаго суда — грозныхъ бичей разврата и порока.

А ты, герцогиня ты, могла бы быть украшеніемъ общества и человечества. Красота, умъ, таланты — неужели могутъ гармонировать съ развратомъ и цинизмомъ?

Прошли, слава Богу! *И се*, какъ восклицалъ безсмертный профессоръ элоквенціи Мерзляковъ, грядетъ мужъ, знаменитый изслѣдованіемъ русской древности и доказавшій, какъ дважды два четыре, что русскіе происходятъ отъ Ахиллеса. Ученый міръ, въ особенности славянофилы, восхищенные тѣмъ, что Гомеръ воспѣвалъ цивилизацію русскихъ, сдѣлали его шефомъ просвѣщенія въ Приморскѣ. Тяжелыми шагами, надутый спѣсью учености, влача на плечахъ своихъ громоздкихъ 9 классовыхъ гражданскихъ чиновъ, сей мужъ прошелъ мимо Бубенчикова.

Тутъ только послѣдній показалъ жизнь: онъ сдѣлалъ такое движеніе, какое обыкновенно дѣлаетъ пѣшеходъ, услышавъ за собою топотъ копытъ.

Послѣ этого движенія, Бубенчиковъ вновь впалъ въ задумчивость; въ воображеніи его мелькали туманно разныя лица.

«Чортъ знаетъ, что дѣлать!» думалъ онъ «Здѣсь просто пропадешь. Скука смертельная: куда ни пойдешь — вездѣ холодная официальность заставляетъ зѣвать. И понесла же меня не легкая принять на себя роль обличителя! Просто, хоть съ ума сойди: вездѣ мошенники, воры, бездѣйствіе закона и властей...»

Онъ преусердно зѣвнулъ, при чемъ меланхолически закрылъ глаза.

Но вотъ кто-то взялъ его за руку.

Бубенчиковъ открылъ глаза; предъ нимъ стоялъ Искринъ.

— Садись, сказалъ Бубенчиковъ, пожавъ его руку. — Радъ тебя видѣть. Гдѣ ты пропадалъ?

— Былъ занятъ, все дѣла и дѣла.

— Дѣла. Скучно, братъ, жить на свѣтѣ.

Бубенчиковъ усердно зѣвнулъ.

— Что, ужъ усталъ? Вы храбры на словахъ, попробуйте на дѣлѣ, сказалъ безсмертный Пушкинъ. То-то, мы всѣ на словахъ страшные герои:

Ступить на горы — горы трещать,
Ляжетъ на воды — воды кипятъ,
Граду коснется — градъ упадетъ,
Башни рукою за облакъ бросаетъ...

Удалъ чисто русская, напоминающая не Суворова, а Соловья-разбойника! Этими словами Державинъ выразилъ прекрасно нашу прыть. Ты, кажется, хотѣлъ изъ полиціи сдѣлать храмъ правосудія, кротости и тому подобное: «я не пожалѣю ни трудовъ, ни времени; я... я...» такъ кажется, ты говорилъ; а теперь ты позѣываешь, подобно намъ, грѣшнымъ людямъ; скука, апатія овладѣваютъ? а?... Что жъ ты молчишь?... Нѣтъ, голубчикъ, коли корни гнилые, сколько ни очищай вѣтвей, дерева не оживишь...

Бубенчиковъ молча стучалъ своей саблей по поску сапога и грустно насунился.

— Слышалъ я, продолжалъ Искринъ: — что ты усерденъ в дѣятельствѣ, не стыдишься учиться и въ каждую свободную ми-

нугу сидишь надъ уголовными и гражданскими законами. Слышалъ я, что у тебя отличный юридическiй тактъ и что ты понимаешь дѣло. Меня это очень, очень радуетъ. Но почему ты разочоровался, опустилъ вдругъ руки, сдѣлался мраченъ, страдаешь сплиномъ?

— Почему?... Гм!... Почему взоръ и вкусъ человѣка ласкаютъ ся какою нибудь неизвѣстною ему красивою ягодою? Съ наслажденiемъ онъ раскусываетъ ее; но при этомъ вкусъ его поражается горечью и онъ съ кислую гримасою ее выплевываетъ. Думалъ я честно, добросовѣстно исполнить свой долгъ; но труды мои приносятъ такую же пользу, какъ капля воды—морю. Буду я ночью и ловлю вора, вылѣзающаго изъ окна магазина съ разными украденными вещами — судъ освобождаетъ его, на томъ основанiи, что мало уликъ. Поймалъ я на заставѣ нѣмца съ уворованными волами, страпчiй освободилъ его—на основанiи его отзыва, что онъ этихъ воловъ нашелъ и хотѣлъ ихъ доставить въ пятую часть. Зачѣмъ, спрашиваю я, ему было доставлять воловъ за 15 верстъ, когда онъ могъ ихъ доставить въ ближайшую часть? Мнѣ возражаютъ на это, что такая пришла ему фантазiя, и дѣло съ концомъ!... Является ко мнѣ одинъ, выгнанный изъ службы, чиновникъ, Дымаревъ, и объявляетъ мнѣ, что онъ можетъ открыть дѣлателей фальшивой монеты и на этотъ предметъ требуетъ 25 р. Я не жалѣю денегъ, даю ему—и что же? Черезъ недѣлю онъ доставляетъ мнѣ фальшивый полуимперiалъ и объявляетъ, что если я ему дамъ еще сто рублей, то онъ откроетъ преступниковъ. Я не соглашаюсь ему дать больше денегъ, такъ какъ на этотъ предметъ у меня нѣтъ казенныхъ суммъ, и онъ уходитъ. Я представляю губернатору монету и требую слѣдствiя; губернаторъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, даетъ предписанiе своему чиновнику, произвести о монетѣ формальное слѣдствiе. При слѣдствiи, Дымаревъ подтверждаетъ мои слова, но присовокупляетъ, что полицiейстеръ неисполненiемъ его требованiя *способствовалъ* къ сокрытiю преступниковъ. Слѣдствiе тутъ принимаетъ другой оборотъ: перестаютъ гѣснить Дымарева, оставляютъ его даже на свободѣ, а надо мною начинаютъ производить слѣдствiе—почему, дескать, сдѣлалъ упущенiе. Обворовали жандармскаго офицера и уворованный его синiй сюртукъ былъ найденъ на базарѣ — что жъ ты думаешь? отъ него потребовали доказательства, что сюртукъ дѣйствительно его. У плацъ-адъютанта украли шкатулку съ бумагами и вещами, шка-

тулка съ бумагами была подброшена, а вещи украдены; полиція не хотѣла возвратить плацъ-адъютанту шкатулки, пока онъ не представилъ двухъ свидѣтелей, несмотря на то, что въ ней были найдены два его диплома на получение имъ чиновъ. Съ такими порядками просто съ ума сойдешь! Развѣ можетъ воля обнаруживать дѣятельность безъ головы, туловища, рукъ и ногъ? Предлагаю тебѣ въ свою очередь вопросъ...

— Ты правъ. Намъ нужны коренныя преобразованія.

— Да еще какія! Нужны гласность, публичный судъ, судъ присяжныхъ; а тамъ требуй энергіи, дѣятельности, добросовѣстности. Нѣтъ, голубчикъ, тогда губернаторъ не поступилъ бы со мною, какъ это онъ сдѣлалъ съ пожарной командой, съ дѣлами полиціи и откупомъ.

— Я что-то слышалъ въ городѣ... Расскажи...

— Тебѣ извѣстно, что я не хотѣлъ принять ни дѣлъ полиціи, ни пожарной команды и по этому предмету вошелъ даже съ рапортомъ къ губернатору. На другой день вечеромъ я былъ въ театрѣ; онъ потребовалъ меня къ себѣ въ ложу и очень убѣдительно и краснорѣчиво упрасивалъ меня, чтобы я взялъ назадъ мой рапортъ; но я остался твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Что жъ, ты думаешь, онъ сдѣлалъ? заднимъ числомъ вошелъ къ министру съ представленіемъ слѣдующаго содержанія: «что средства и объемъ пожарной команды въ Приморскѣ незначительны въ сравненіи съ количествомъ пожаровъ; поэтому инструменты недолго служить и приходятъ скоро въ совершенную негодность, несмотря на ревностное содѣйствіе бывшаго полиціѣмейстера Шлагенштока, употреблявшаго изъ своего жалованья значительныя суммы на ремонтъ. Вслѣдствіе этого онъ ходатайствуетъ у министра объ ассигновкѣ, изъ городскихъ суммъ, капитала, для покупки новыхъ инструментовъ и лошадей, а старыхъ проситъ разрѣшить продать». Согласно этому представленію, я получилъ на свой рапортъ слѣдующій отвѣтъ, что плохое состояніе пожарной команды ему давно извѣстно и что онъ еще до полученія моего рапорта за №... такимъ-то писалъ министру о томъ-то. Что же касается до безпорядковъ, найденныхъ мною въ полиціи, то слово «безпорядокъ» слишкомъ неопредѣленно; поэтому если я сомнѣваюсь въ исправности веденія дѣлъ, то онъ рекомендуетъ мнѣ обревизовать всѣ дѣла полиціи и скрѣпить ихъ по листамъ... Каковъ гусь! Предложилъ мнѣ выпить море однимъ глоткомъ?... Вотъ тебѣ

администрація, централизація власти въ лицѣ его превосходительства.... Вообще я ломалъ себѣ голову о томъ, куда дѣваются всѣ городскія суммы, которыхъ Приморскъ получаетъ свыше милліона рублей серебромъ? И почему въ городѣ нѣтъ никакихъ улучшеній? Чтожь ты думаешь? эти деньги поглощаются на содержаніе городскихъ присутственныхъ мѣстъ и учреждений, которыя всѣ, начиная отъ губернатора, не стоятъ мѣдной полушки!.. Другой важный предметъ городского бюджета—это выдача войскамъ квартирныхъ денегъ, отопленія и освѣщенія. На какой чортъ городу столько дармоѣдовъ?—Для охраненія внутренняго порядка развѣ городъ не могъ устроить милицію? Это не стоило бы ему ни гроша. Если же необходимо содержаніе въ городѣ большаго количества войска, то развѣ городъ не можетъ выстроить для него одновременно казармы, съ квартирами для офицеровъ? — Если разсчитать сколько потрачивается въ годъ квартирныхъ денегъ, то изъ нихъ въ нѣсколько лѣтъ можно бы было построить полный комплектъ казармъ.

— Но на это нужна единовременно большая сумма, — возразилъ Искринъ.

Развѣ городъ не можетъ сдѣлать займа, положимъ, въ государственномъ банкѣ? А если онъ этого не захочетъ, пусть онъ выпуститъ на эту сумму облигаціи на 5% и вѣрь, мнѣ—онѣ пойдутъ на разхватъ, въ одинъ день. Эти 5% будутъ сотой долей того, что платитъ теперь городъ войскамъ. Я не говорю ужъ о томъ, что всѣ городскія земли, лавки, и разные сборы, — коробочные и гильдейскіе, — должны бы были идти на общественныя учрежденія. Оставимъ ужъ эти суммы въ сторонѣ. По крайней мѣрѣ, двухъ-процентный сборъ съ сѣночной суммы домовъ, уплачиваемый домохозяевами, долженъ бы былъ цѣликомъ отойти на освѣщеніе города и мостовыя. У насъ, мой другъ, нѣтъ какъ слѣдуетъ муниципальнаго устройства; въ думу избираются люди безъ образованія, безъ яснаго сознанія общественныхъ интересовъ; городскія суммы получаютъ чортъ знаетъ какое направленіе, и распределеніе ихъ зависитъ не отъ дѣйствительныхъ нуждъ города, а отъ усмотрѣнія начальства. Такъ мы далеко не уйдемъ. Во время войны въ Приморскъ съѣхалось нѣсколько сотъ офицерскихъ семействъ, которымъ начальство разрѣшило получать квартирныя деньги изъ городскихъ суммъ. Кажется мнѣ, городъ нисколько не виноватъ, что имъ было угодно въ него съѣхать-

ся?.. Если бы, напримѣръ, они оставались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ засталъ ихъ походъ, они бы получили квартирныя деньги въ тѣхъ городахъ, гдѣ они прежде находились, а то квартирная повинность половины Россіи пала на одинъ городъ... Я много думалъ по этому предмету; до тѣхъ поръ не будетъ толку, пока распределение городскихъ суммъ не будетъ предоставлено городскому депутатскому собранію; пренія и отчетность объ этихъ суммахъ должны быть публичны и только одна ихъ ревизія должна подлежать отчетности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Отчего колонисты свои общественныя суммы, по мірскимъ приговорамъ, имѣютъ право употреблять на общественныя нужды? почему городскія сословія лишены этого права? Развѣ всѣ сословія не одинаковы въ своихъ правахъ?... Почему такое преимущество однимъ предъ другими?... Да и при нынѣшнемъ порядкѣ можно ли ожидать раскрытія злоупотребленій по дѣламъ думы? Она ничего не дѣлаетъ сама собою: все разрѣшается или губернаторомъ или генералъ-губернаторомъ или министромъ, и, если сдѣланъ промахъ, — ктожь потащитъ этихъ лицъ къ суду и отвѣтственности? Кто приметъ на себя эту обязанность?... И болитъ ли сердце губернатора при израсходованіи сотенъ тысячъ изъ городскихъ суммъ? Онъ сегодня здѣсь, а завтра можетъ уѣхать къ чорту.... Вотъ ужъ болѣе двадцати лѣтъ слышны воли жителей Приморска на мостовыя, освѣщеніе и воду.... И чтоже? городъ мостятъ отвратительнымъ щебнемъ, на 50 или 60 верстномъ разстояніи назначено около 500 фонарей; а воду городъ *не имѣлъ средствъ* самъ провести и передалъ это дѣло частному лицу, которое теперь зарабатываетъ рубль-на-рубль, угощая городъ прескверною водою, отъ несошанарства трубъ.... просто противно говорить.

— Эге! любезный другъ, возразилъ Искринъ: — у тебя начинается развиваться желчь! добрый знакъ, теперь есть надежда, что ты сдѣлаешься порядочнымъ челоуѣкомъ. Видно тебѣ хорошо допекли эти порядки.... Но ты заговорился о городскомъ хозяйствѣ и забылъ рассказать какъ кончилось дѣло твое съ откупомъ.

— Прескверная, братъ, исторія: нестоитъ и рассказывать... Миѣ наклеили носъ и довольно съ тебя.

— Какъ же это было? я большой охотникъ слушать рассказы про откупныя продѣлки.... Признаться, я къ откупнымъ лицамъ

тѣмъ даже маленькую симпатію, потому что считаю ихъ утонченнѣйшими плутами и грабителями.

— Коли есть охота, слушай. При вступленіи мною въ должность полиціймейстера, я объявивъ себя отъявленнымъ врагомъ откупа, т. е. отказался отъ откупнаго жалованья и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы нижніе чины не пьянствовали въ кабакахъ, чтобы шинки не торчали близъ церквей и не отворялись до литургии....

— Итакъ, продолжавъ Бубенчиковъ: — сдѣлавъ распоряженіе относительно откупа, я твердо рѣшился наблюдать за тѣмъ, чтобы мое приказаніе было исполнено: я не люблю дѣйствовать полумѣрами. Каждую ночь я началъ объѣзжать городъ, и всѣ шинки, которые были открыты позже 9 часовъ, запечатывалъ; тоже самое я дѣлалъ и съ тѣми шинками, которые открывались до окончанія литургии... Боже мой! какъ взбѣленились... наряжена была слѣдственная коммисія о моихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ: откупщикъ доказывалъ, что я запечаталъ шинки неправильно, что они закрываются въ положенное время, и объявилъ на меня претензію тысячъ па сто. Но я такъ же не промахъ; каждый день я ловилъ въ шинкахъ солдатъ и собралъ столько фактовъ, что едва ли откупщикъ выиграетъ дѣло. — Такъ я сражался съ мѣсяцъ; но, признаюсь тебѣ откровенно, такая неровная борьба мнѣ надоѣла....

— Что? малѣйшее препятствіе и сейчасъ назадъ?!

— Все не то; какую пользу я принесу моею борьбой? Что испишутъ нѣсколько тысячъ листовъ бумаги?... Нѣтъ, братъ, такой дѣятельности я не люблю; когда мои силы не могутъ приносить пользы, пусть лучше онѣ погибнутъ, завянутъ въ самомъ своемъ зародышѣ. Переливать изъ пустаго въ порожнее могутъ только ребятишки; теперь не тотъ вѣкъ, не тотъ духъ. Я жизни хочу и жажду, а не канцелярской мертвой буквы.... А тутъ вѣдь все основано на одной отпискѣ: отписали бумагу и воображаемъ себѣ, что мы служимъ отечеству. Мы бумажнымъ и чернильнымъ фабрикамъ служимъ, а не государству....

Въ это время прошелъ мимо ихъ *халатникъ*, т. е., подмастерье. Искринъ не обратилъ на него никакого вниманія; но Бубенчиковъ, по своему полицейскому настроенію, началъ слѣдить за нимъ глазами; подмастерье направился къ площадкѣ, гдѣ стояла вѣстовая пушка, онъ смотрѣлъ ее, при чемъ нѣсколько

разъ оглянулся, какъ будто боясь, чтобы ктонибудь не подмѣтилъ его осмотра.

— Послушай, Искринъ, сказалъ Бубенчиковъ: — ты видишь вонъ-того человѣка, который вертится близъ пушки?

— Вижу, чтожь такое?

— Онъ тебѣ не кажется подозрительнымъ?

— Нисколько; вышелъ человѣкъ, послѣ дневныхъ трудовъ, подышать воздухомъ и дѣло съ концомъ.

— Нѣтъ, другъ мой, подмастерье въ такую позднюю пору не выйдетъ гулять.

— Чтожь въ немъ подозрительнаго? Неужели ты полагаешь, что онъ въ карманъ запрячетъ пушку?

Искринъ расхохотался.

— То-то и бѣда въ васъ полицейскихъ, что вы на все глядите подозрительно, поэтому и впадаете въ крайности.

— Экой правоучитель нашелся! Полно нотации читать. Пойдемъ-ка лучше поужинаемъ и выпьемъ бутылку шампанскаго.

— Люблю умныя рѣчи. Идемъ.

Пріятели поднялись съ мѣста и направили шаги свои къ аристократическому ресторану.

ГЛАВА XIV.

КАКЪ ИНОГДА МОЖНО БЕЗЪ БОЮ ОВЛАДѢТЬ ПУШКОЙ.

На другой день, Приморскъ былъ въ страшномъ недоумѣніи: вѣстовая пушка, даръ, принесенный городу графомъ Сорокинымъ, въ полдень не возвѣстила жителямъ выстрѣломъ, что хронометръ показываетъ 12 часовъ. Пошли по городу разные толки. Дипломаты стали увѣрять, что иностранныя державы, по трактату, обязали насъ не стрѣлять въ Приморскъ, такъ какъ это намекаетъ на то, что и этотъ мирный городъ можетъ быть обращенъ въ крѣпость и угрожать независимости Турціи. Другіе утверждали, что будто жители бульвара подали формальное прошеніе объ уничтоженіи варварскаго обычая стрѣлять, изъясняя при этомъ слѣдующія причины: 1) что въ домахъ стекла лопаются и штукатурка портится; 2) что слабовервные и больные бѣгутъ съ бульвара; 3) что со многими дѣтьми дѣлаютъ-

ся конвульсив и т. п. Всѣхъ пунктовъ насчитывали до ста... Въ обжорномъ же ряду на толкучемъ рынкѣ бабы рассказывали, что собственными глазами видѣли, какъ пушка по цѣлому городу прошла, никѣмъ нетащимая, и что на ней верхомъ сидѣла та бронзовая статуя, которая стоитъ на бульварѣ.

Бубенчиковъ сидѣлъ въ присутствіи полиціи, когда явились туда пристава всѣхъ частей и, рассказавъ ему всѣ городскіе толки о пушкѣ, присовокупили:

— Вѣрнѣ всего, что пушка украдена.

Первая мысль, явившаяся при этомъ въ головѣ Бубенчикова, была та, что недаромъ халатникъ, котораго онъ видѣлъ наканунѣ близъ пушки, такъ увивался вокругъ нея. Не будь этотъ Искринъ, подумалъ онъ, я бы поймалъ воровъ: пусть теперь смѣется надъ моею подозрительностью.

Эту мысль онъ никому не сообщилъ, и приказалъ приставамъ употребить всѣ силы къ розысканію преступниковъ. Я же, присовокупилъ онъ, хотя былъ сегодня у губернатора, но онъ не принялъ меня; теперь же нужно къ нему ѣхать; дѣло скандальное, да и графъ будетъ недоволенъ.

Сказавъ это, Бубенчиковъ взялъ каску и поѣхалъ къ губернатору.

Губернаторъ не повернулъ къ нему даже головы. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Все благополучно въ городѣ? спросилъ сквозь зубы губернаторъ.

— Я пріѣхалъ доложить вашему превосходительству, что вѣстовая пушка исчезла съ бульвара.

— Вѣстовая пушка?...

— Точно такъ!

Губернаторъ вскочилъ со стула.

— Какъ вы смѣли явиться ко мнѣ съ докладомъ о такомъ скандальномъ событіи? Знаете ли вы, городъ получилъ этотъ подарокъ отъ графа?... Ваша полиція ни зачѣмъ не смотритъ.... Отчего близъ пушки не было часоваго?

— Оттого, что двадцать лѣтъ до моего прибытія никто объ этомъ не подумалъ; притомъ назначеніе часовыхъ не зависитъ отъ меня.

— Вы еще смѣете оправдываться? Чтобы пушка была... слышите ли? или вы будете подъ судомъ.

— Ваше превосходительство, возразилъ гордо Бубенчиковъ: — никто не страдаетъ за чужіе грѣхи. Посуду я докажу, что употреблялъ всѣ силы и старанія для поимки воровъ и мошенниковъ; но полиція освобождала ихъ на другой или третій день, по распоряженію разныхъ мѣстъ и лѣць. Ничего не будетъ удивительнаго, если начнутъ въ Приморскѣ обдирать людей посреди бѣлаго дня....

— Вы очень краснорѣчивы, г. Бубенчиковъ.... Что же говорятъ въ городѣ о пропажѣ пушки?

— Дипломаты увѣряютъ, что европейскія державы запретили намъ стрѣлять, такъ какъ это намекъ на то, что мы можемъ покуситься на цѣлость Оттоманской имперіи; и какъ изъ этого факта дипломаты приходятъ къ заключенію, что *будетъ переписка* между европейскими державами, поэтому пшеница успѣла ужъ подняться на 1½ рубля.

— Экой вздоръ!

— Я обязанъ доложить вашему превосходительству обо всемъ, что только говорятъ въ городѣ.... Еще толкуютъ, что будто жители бульвара требовали прекращенія нелѣпой пальбы, отъ которой нервы и здоровье жителей страдаетъ.

— Какъ вы смѣете говорить «нелѣпой пальбы», когда это учредилъ его сиятельство?

— Я передаю народные толки: изъ пѣсни словъ не выбрасываютъ.

— Вы любите разсуждать.... продолжайте....

— Еще бабы толкуютъ, что бронзовая статуя, стоящая на бульварѣ, верхомъ на пушкѣ развѣзжала по городу.

— Что за вздоръ вы мнѣ мелете. Вы скажите мнѣ съ толкомъ, куда дѣлась пушка?

— Я за этимъ самъ пріѣхалъ къ вашему превосходительству.

— Такъ она рѣшительно пропала?

— Должно быть такъ, и я ужъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ее отыскивали.

— Ступайте и смотрите, чтобъ мнѣ пушка была....

Бубенчиковъ разкланялся съ губернаторомъ и поѣхалъ обратно въ полицію; на полицейской улицѣ онъ увидѣлъ идущаго портотуару того халатника, котораго онъ наканунѣ видѣлъ близъ пушки. Бубенчиковъ остановилъ свои дрожки и сдѣлалъ бывшему у него въ ординарцахъ и ѣхавшему за нимъ казаку знакъ

рукою. Казакъ пригнулся къ лукѣ сѣдла, пришпорилъ коня и подскакалъ къ нему.

— Ты видишь вонъ того человѣка, который идетъ по тротуару?

— Вижу, ваше высокоблагородіе.

— Доставь его сейчасъ въ полицію.

Казакъ помчался исполнить приказаніе полиціймейстера; а послѣдній поѣхалъ въ полицію.

Когда Бубенчиковъ вошелъ въ присутствіе въ полицію, онъ увидѣлъ предъ Зосимомъ Юрьевичемъ монаха.

— Что это за человѣкъ? спросилъ онъ своего помощника.

— Это извольте видѣть, возразилъ съ сладкою улыбкой Зосимъ Юрьевичъ, монахъ, выдающій себя за монаха съ Аѳонской горы; родомъ онъ — болгаринъ, и такъ какъ жилъ нѣкоторое время въ Россіи, то довольно порядочно говоритъ по-русски.

— У него должны быть документы, возразилъ Бубенчиковъ.

— Онъ-то представилъ паспортъ турецкаго правительства; да дѣло въ томъ, что въ немъ, во-первыхъ, не значится онъ монахомъ съ Аѳонской горы; во-вторыхъ — у него нѣтъ разрѣшенія собирать пожертвованія въ пользу Аѳонскаго монастыря. Между тѣмъ онъ два года собираетъ здѣсь милостыню и успѣлъ ужъ набрать, кромѣ дорогихъ вещей, тысячу полуимперьяловъ. Вотъ вещи и деньги.

Зосимъ Юрьевичъ указалъ на огромный кошелекъ, набитый полуимперьялами, и на множество драгоценныхъ вещей.

Бубенчиковъ обратился къ монаху.

— Чѣмъ вы можете доказать, что вы дѣйствительно монахъ, и что сборы ваши законные?

— Ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ низко кланяясь монахъ: — извольте спросить здѣшнюю консисторію; она знаетъ для кого я собираю деньги....

— О! въ такомъ случаѣ мы можемъ сдѣлать слѣдующее: пусть сейчасъ изготовятъ бумагу въ консисторію; вещи же и деньги могутъ остаться въ кассѣ полиціи. Зосимъ Юрьевичъ, потрудитесь составить актъ, въ которомъ сдѣлайте опись вещамъ и деньгамъ. Вы же, св. отецъ, ужъ извините, до полученія отвѣта консисторіи, останетесь у насъ въ полиціи.

Монахъ сдѣлалъ кислую мину и хотѣлъ что-то возразить; но въ это время казакъ, ординарецъ полиціймейстера, ввелъ подмастерье.

— Пойди-ка сюда, любезный, сказалъ ему Бубенчиковъ.

Подмастерье подошелъ къ нему и дерзко смотрѣлъ ему въ глаза.

— Ты кто такой?

— Здѣшній мѣщанинъ.

— Какъ твоя фамилія?

— Кочетовъ.

— Въ чемъ твое ремесло?

— Я и кузнецъ и мѣдныхъ дѣлъ мастеръ.

— У кого служишь?

— Ни у кого; я поденщикъ.

— Есть у тебя отецъ и мать?

— Какъ же; мать прачкой, отецъ кучеромъ, служатъ у купца Подсвѣчникова, на старомъ базарѣ.

— Гдѣ же ты теперь работаешь?

— Нигдѣ.

— Куда ты сегодня шелъ?

— Никуда.

— Какъ никуда? за такіе отвѣты, я велю тебя подъ рѣшетку посадить.

— Не за что, ваше высокоблагородіе.

— Не упорствуй въ отвѣтахъ, я тебя спрашиваю снова, куда ты ходилъ сегодня?

— Хозяинъ посылалъ.

— Кто-жь теперь твой хозяинъ?

— Лудильщикъ Степановъ.

— Давно ты у него?

— Три дня.

— Гдѣ жь его мастерская?

— На Молдаванкѣ, близъ Михайловской церкви.

Бубенчиковъ позвонилъ; вошелъ вѣстовой солдатъ.

— Отведи этого мѣщанина подъ рѣшетку, да пришли мнѣ дежурнаго квартальнаго.

Мѣщанина Кочетова вывели изъ присутствія. Въ это время Зосимъ Юрьевичъ составилъ актъ и написалъ бумагу въ конексторію; Бубенчиковъ прочелъ обѣ бумаги и подписалъ ихъ. Вошелъ дежурный квартальный.

Поѣзжайте въ 4 и 2 часть, и велите отъ моего имени арестовать мѣщанъ Кочетовыхъ, проживающихъ у купца Подсвѣчникова во 2 части, и лудильщика Степанова, живущаго на Молдаванкѣ. Отд. 1.

даванкѣ. Пусть сдѣлають у нихъ обыскъ, не отыщутся ли слѣды пушки. Отдавъ это приказаніе, Бубенчиковъ вышелъ изъ полиціи.

ГЛАВА XV.

БУБЕНЧИКОВЪ ПРОМАХНУЛСЯ.

Вечеромъ того же дня, Бубенчикову доложилъ его Иванъ, что приставъ 2 части пріѣхалъ. Полиціймейстеръ велѣлъ его принять.

— Что, арестовали отца и мать мѣщанина Кочетова?

— Арестовалъ. Я ихъ привезъ съ собою.... Они кажется не замѣшаны въ воровствѣ пушки; купецъ, у котораго они служатъ, отзывался объ нихъ съ похвалою.

— Велите ихъ ввести сюда.

Приставъ подошолъ къ дверямъ, отворилъ ихъ и крикнулъ: гей, вы! войдите.

Въ кабинетъ Бубенчикова вошолъ высокаго росту мужикъ, съ окладистой, съ просѣдью, бородою и бабенка лѣтъ за сорокъ. Отецъ Кочетова невольнo вселялъ къ себѣ довѣріе: лицо его было кротко и пріятно, сѣрые глаза его были добры, а на губахъ играла улыбка добродушія. Жена его очень хорошо сохранилась и имѣла несомнѣнные признаки отцвѣтшей красоты. Оба вошли робко, но смотрѣли Бубенчикову смѣло въ глаза.

— Вы изъ какихъ? спросилъ Бубенчиковъ.

— Изъ тутошнихъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ Кочетовъ-старшій.

— Я знаю, что вы здѣшніе мѣщане; но ты родомъ изъ Россіи?

— Мы россійскіе, ваше высокоблагородіе, отвѣчала жена Кочетова.

— А давно прибыли сюда?

Кочетовъ съ женой значительно переглянулись.

— Мы, то-ись, какъ бы сказать.... Навѣрное не помню, возразилъ Кочетовъ.

— Не бойся, — говори откровенно; я догадываюсь, ты вѣрно изъ бѣглыхъ крестьянъ; это дѣло прошлое.... Не за этимъ я призвалъ тебя.

— Виновать, ваше благородіе....

— Чтò же побудило тебя бѣжать?

— Барыня наша была этакая злющая.... Да и барину бывало достается; изволите видѣть, баринъ нашъ былъ изъ духовнаго званія, да изъ бурсаковъ; учился онъ разнымъ наукамъ въ семинаріи. А у стараго нашего барина, — помяни его Господи въ своемъ царствіи! добрый былъ баринъ, — имѣлись сынъ и дочь. Вотъ къ молодому барину и приставили бурсу, стало быть учить его грамотѣ и цифири.... А онъ давай балясы отпускать барышнѣ, да въ одинъ вечеръ они и улизнули вдвоемъ и отписываютъ старому барину: «такъ не такъ, дескать, прости, да благослови, мы молъ обвинчались, въ законномъ бракѣ сожителствуемъ». А старый баринъ ни гу-гу: ни отвѣта, ни благословенія родительскаго не послалъ; только сталъ угрюмъ старикъ, точно изъ могилы возсталъ, ажно сердце болить, глядя на сердечнаго. На бѣду и барченокъ къ Спасу захворалъ, а къ Филиповкѣ Богу душу отдалъ. Ни слезки единой старый баринъ не проронилъ, а все вздыхаетъ, да вздыхаетъ. Послѣ погребенія, батюшка, отецъ Иванъ начали говорить старику барину: «такъ и такъ, Степанъ Трофимычъ, не вѣкъ дочкѣ твоей быть въ опалѣ: мужъ-то ея честный, богобоенный; ужь ты прости ихъ, вѣдь она у тебя теперь единая». Подумалъ, подумалъ баринъ да и послалъ дочкѣ родительское благословеніе, да отписываетъ ей: пріѣзжай молъ, все твое будетъ, закрой отцу глаза, больно старъ сталъ, силенки околѣваютъ. Дочка его пріѣхала съ мужемъ и всѣмъ завладѣла, а старый баринъ кажинный днь все хуже и хуже хвораеть, да къ велико-дню Богу душу отдалъ. Ужь что мы опосля наплакались — не приведи Господи вторично такого испытанія! И отъ куда у барыни бралась злость! какъ разсердится, все что ни есть въ домѣ швыряеть, ломаеть.... Дѣвкамъ ротъ завяжетъ, да щиплетъ.... А жена моя Агафья въ горничныхъ у нея преbывала: всѣ волосы барыня у нея повывада.... Сжалился надъ нами бурса, баринъ-то нашъ, и давай за насъ стоять; а она его и такимъ и сякимъ чортовымъ отродьемъ назвала, бурсой попрекала, да говоритъ: я тутъ барыня, коли еще разъ дерзость скажешь, я велю тебя на конюшнѣ.... Баринъ видитъ дѣло это дрянъ; да въ ту же ночь зашелъ ко мнѣ въ конюшню. Васька, говоритъ баринъ, я тебя осчастливаю, бѣжи со

мною сегодня ночью. Могѣмъ, говорю я, да Агафьи жаль. Ну, говорить, и Агафью бери. Въ ту же ночьку мы дали тягу, да недѣли чрезъ двѣ пріѣхали сюда въ Приморскъ. Лѣтъ десять мы были при баринѣ.

— Гдѣ же теперь вашъ баринъ?

— Служилъ баринъ здѣсь въ секлетаряхъ — и мы были при немъ; въ послѣднюю ревизію записалъ онъ насъ въ здѣшніе мѣщане; да года два тому назадъ отдалъ Богу душу. Вѣчная ему память: добрѣйшій баринъ былъ.... Теперь, ваше высокоблагородіе, къ вашей милости мы представлены; говорятъ, что мы дескать пушку украли — гдѣ намъ эвтимъ дѣломъ забавляться; и съ молоду не крали, а на старостѣ не станемъ грѣха на душу класть....

— Но отчего ты сына распустилъ, возразилъ Бубенчиковъ. Видишь, онъ теперь въ подозрѣніи, таскается по городу.

— Ваше высокоблагородіе, перебила его жена Кочетова: — вотъ-те крестъ Христовъ, учили мы его уму-разуму, наказывали мы ему быть христіаниномъ, трудящимся; не охочь онъ да работы; посидитъ два-три дня у хозяина, а потомъ гляди цѣлый мѣсяцъ опосля по шинкамъ и кабакамъ шляется; съ разною сволочью и озорниками знается.

— Ужъ сдѣлайте вашу божескую милость, ваше высокоблагородіе, сказалъ Кочетовъ старшій:—ослободите насъ отъ сумленія; сынка-то нашего хорошо посѣкните, чтобы страму не дѣлалъ родителямъ, да чтобы на старости не быть намъ въ отвѣтъ за него. Говорилъ я не разъ женкѣ моей: одинъ битый стоитъ десять не битыхъ; а она толкуетъ: онъ еще малъ, выростетъ и остепенится. Теперь гляди и насъ тащутъ за него.

— Ступайтѣ съ Богомъ, сказалъ Бубенчиковъ; я вижу вы не виноваты; а съ сыномъ вашимъ я расправлюсь.

Кочетовъ старшій съ женою поклонились ему низко и вышли.

—Ишь ты орчала старуха, толкая по дорогѣ подъ бокъ своего мужа,—сказано, дитя любить и поболовать и пображничать.... Одинъ битый стоитъ десяти не битыхъ—ишь ты какой!... Злющій ты этакой!

— Эхъ, жена, жена, погубила ты ни за что, ни про что сына....

Между тѣмъ, какъ такъ ворчали другъ на друга эти самородные представители двухъ русскихъ системъ воспитанія, — розочной и пряничной, — приставъ четвертой части привелъ къ Бубенчикову-арестованнаго имъ, хозяина Кочетова младшаго; у этого по обыску оказался кусокъ металла, очень похожаго на отпиленный конецъ пушки. Бубенчиковъ началъ допрашивать арестанта, но тотъ утверждалъ, что найденный у него кусокъ металла не что иное, какъ металлическая ступка, расплеченная имъ года два тому назадъ; что эту ступку онъ купилъ отъ неизвѣстнаго имъ лица и что найденный у него полицію кусокъ — остатокъ, который у него валялся между хламомъ.

Осмотрѣвъ найденный металлъ, Бубенчиковъ видѣлъ ясно, что это не мѣдь, а артиллерійская смѣсь; къ тому же толщина и объемъ окружности этого металла вовсе не соответствовали величинѣ той ступки, на которую ссымался арестантъ. Бубенчиковъ уличалъ и убѣждалъ его говорить правду. Но онъ имѣлъ дѣло съ старымъ воробьемъ; мастеровой упорно стоялъ на своемъ. Видя безуспѣшность своего допроса, Бубенчиковъ велѣлъ арестанта отвести въ полицію и въ замѣнъ его доставить къ нему на квартиру Кочетова-младшаго.

Когда послѣдняго привели къ Бубенчикову, онъ дерзко спросилъ полиціѣмейстера:

— За что меня содержать въ полиціи, безъ всякой причины; я жаловаться буду.

Бубенчиковъ началъ его усовѣщивать, попрекать въ дурномъ поведеніи и убѣждать — открыть истину.

— Ты молодецъ, говорилъ онъ, тебѣ за раскаянье простятъ твое преступленіе; ты можешь еще быть порядочнымъ чело-
вѣкомъ.

На эти слова Кочетовъ отвѣчалъ дерзко и нагло. Бубенчиковъ разсердился и, вспомнивъ просьбу Кочетова-старшаго о наказаніи его сына, распорядился по военному: велѣлъ приставу четвертой части вывести его на дворъ и дать ему десять розокъ.

Приставъ съ видимою радостью исполнилъ приказаніе полиціѣмейстера и чрезъ нѣсколько минутъ дворъ Бубенчикова огласился ударами ногойки.

Послѣ этого наказанія, Бубенчиковъ отослалъ Кочетова въ полицію; а самъ одѣлся и пошелъ пройтись по городу.

Долго бродилъ онъ по городу безъ цѣли; тоска душила его и въ его ушахъ раздавались какъ-то зловѣще удары козачьей погайки. Вспомнилъ онъ нѣжное, кроткое воспитаніе своей матери, несправедливое и жестокое наказаніе, которому онъ подвергся въ корпусѣ — и ему сдѣлалось совѣстно за опрометчивый свой поступокъ съ Кочетовымъ.

Кто знаетъ, думалъ онъ, можетъ быть дурное воспитаніе было причиною его испорченности; можетъ быть, если бы на него обращено было вниманіе, и изъ него вышелъ бы порядочный человѣкъ.

Эти мысли заставили его машинально направиться къ полиціи; подойдя къ ней, онъ увидѣлъ въ присутствіи свѣтъ.

Кто бы тамъ былъ, подумалъ онъ и зашелъ въ полицію. Когда онъ отворилъ дверь, ведущую въ присутствіе, съ изумленіемъ онъ остановился: надъ кассою стоялъ Зосимъ Юрьевичъ и перебиралъ въ ней деньги. Тихо притворилъ Бубенчиковъ дверь присутствія и быстро вышелъ изъ полиціи.

— Не крадетъ ли онъ ужъ деньги? подумалъ Бубенчиковъ. — Что ему дѣлать въ кассѣ вечеромъ?

Съ этими мыслями онъ направилъ свои шаги къ Искрину.

Я убѣжденъ, что читатель давно желаетъ познакомиться поближе съ этою личностью.

Мать Искрина рано овдовѣла и осталась при небольшомъ состояніи и единственномъ сынѣ, Петѣ. Получивъ отличное образованіе, она приготовила сына въ первые классы гимназіи, куда онъ и поступилъ на 12 году своей жизни. Тихо и мирно прошли годы его воспитанія въ гимназіи; но когда онъ окончилъ въ этомъ заведеніи курсъ ученія, онъ затѣялъ переѣхать въ петербургскій университетъ. Долго сѣтовала мать о предстоящей ей разлукѣ съ сыномъ; наконецъ рѣшила, что для его будущности ему нужно получить прочное и основательное образованіе. Петю снарядила она вскорѣ въ дорогу и обѣщалась ему высылать половину получаемыхъ ею съ маленькаго ея домка доходовъ, т. е. 300 руб. въ годъ. Небольшой же капиталъ, заключавшійся въ банковыхъ билетахъ, оставшихся послѣ ея мужа, она оставила неприкосновеннымъ въ банкѣ. Слезамъ и наставленіямъ не было конца. Но вотъ Петя вырвался изъ ея объятій, быстро сѣлъ въ экипажъ своего попутчика; лошади тронулись съ мѣста и помчали его туда, гдѣ ему рисовалась жизнь студенческая, со всѣми ея прелестями и соблазнами, какія только изображались когда

либо въ романахъ и повѣстяхъ. Университетъ и Петербургъ охладили, въ первый же годъ, Искрина; серьезное направленіе университета и трудолюбіе его товарищей показали ему, что наслажденіе студенческой жизни не заключается въ канканированіи съ гризетками à la chauchière; а въ основательномъ изученіи науки, которой онъ посвятилъ себя. Выбравъ наобумъ юридическій факультетъ, не понимая и не сознавая ни значенія, ни пользы права, онъ вскорѣ страстно предался изученію этого предмета, когда, въ первомъ курсѣ, энциклопедія законовѣденія начала вводить его въ храмъ этой науки. Онъ тогда понялъ, что его факультетъ объемлетъ жизнь русскаго народа, что въ немъ онъ знакомится со всѣмъ историческимъ и настоящимъ жизненнымъ отправленіемъ нашего общества. Сознавъ это, онъ предался всею душою юриспруденціи. Но еще болѣе побудилъ его къ дѣятельности Петербургъ; здѣсь онъ увидѣлъ, что каждый занять своимъ дѣломъ и трудится для пользы общей и своей; что слава, почеть и богатство не легко даются.

Золотыя, провинціальныя его мечты, о томъ, какъ онъ обратитъ на себя всеобщее вниманіе столицы, какъ въ него влюбится какая нибудь знатная дама, какъ онъ попадетъ въ придворные и сдѣлается русскимъ Ришелье или Мазарини — разлетѣлись въ прахъ; онъ увидѣлъ, что онъ ни больше ни меньше, какъ Петръ Искринъ, студентъ юридическаго отдѣленія, который получаетъ отъ матери 300 р. сер. содержанія, едва достающихъ ему на квартиру и столъ. Такое разочарованіе имѣло на Искрина благотѣльное вліяніе: онъ принялся усердно трудиться по своему факультету и жадно слѣдилъ за всѣми тогдашними политическими событіями. Какъ-то неловко примѣнялись въ это время въ Европѣ политико-экономическія и юридическія идеи ученыхъ и философовъ прошлаго и настоящаго вѣка, такъ что, съ окончаніемъ курса наукъ, Искринъ впалъ въ какую-то умственную апатію, пересталъ вѣрить въ науку, въ ея высокое значеніе и практическую пользу. Съ такимъ настроеніемъ прибылъ онъ въ Приморскъ, и здѣсь его вѣрованія получили окончательный ударъ. Опредѣлился онъ по просьбѣ матери въ канцелярію губернатора и увидѣлъ, что даромъ просидѣлъ четыре года въ университетѣ. У губернатора дѣла раздѣлялись на двѣ категоріи; однѣ были передаточныя, т. е. такія, которыя передавались имъ на исполненіе въ другія присутственныя мѣста; втораго рода дѣла отписывались по резолюціи губернатора. Слѣдователь-

но Искринъ сдѣлался чистою машиною; голова его ходила кругомъ и онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ, что онъ глупѣетъ и глупѣетъ. Къ этому присоединились еще канцелярскія взятки, интриги, сплетни, клеветы и высокомеріе тогдашняго правителя канцеляріи, который обращался съ чиновниками, какъ турецкій паша. Искрину служба при губернаторѣ сдѣлалась невыносимою и онъ перешелъ въ канцелярію одного изъ судовъ города Приморска. Здѣсь, думалъ онъ, по крайней мѣрѣ будетъ пища для ума: дѣла обсуживаются, примѣняются законы къ даннымъ случаямъ, встрѣчаются казусы; словамъ—въ судахъ можно найти полную юридическую практику.

Но—увы!—еще горьче было его разочарованіе въ судѣ, еще мелочнѣе были тамъ интриги, еще ниже было вымогательство взятки, еще безцвѣтнѣе были дѣла; законы примѣнялись на выдержку и иногда въ гражданскомъ дѣлѣ ссылались на какую нибудь шести тыс. статью X тома, которой вовсе не существуетъ. А адвокаты, адвокаты! Безграмотный жидокъ по фамиліи Серебряковъ, который пишетъ обѣимъ сторонамъ—истцу и отвѣтчику, за что, какъ гласить преданіе, его даже поѣкли, по жалобѣ одного коммерческаго дома.... Ему подъ стать идетъ адвокатъ Собакинъ, который, вмѣсто исковыхъ прошеній пишетъ высокаторжественные оды, могущія поспорить съ одами Третьяковскаго и переводами Авчинникова, наслѣдника и преемника перваго. Противна сдѣлалась и административная и судебная служба Искрину, и, онъ подавъ въ отставку, началъ заниматься коммисіонерствомъ и адвокатствомъ.

Добросовѣстность и пониманіе дѣла гскорѣ приобрѣли ему извѣстность и онъ получилъ возможность самостоятельно, безбѣдно существовать. Но въ его характерѣ и образѣ мыслей сдѣлалась большая пережѣна: его кротость, любовь къ человечеству, прежде выразившіяся въ немъ тѣмъ, что онъ прощалъ людямъ ихъ слабости и недостатки, теперь измѣнилась въ желчность. Когда онъ брался за какое нибудь дѣло, онъ былъ похожъ на рыцаря, идущаго въ крестовой походъ. Всѣ исходившія отъ него бумаги—прошенія, жалобы и отзывы дышали озлобленіемъ; беспощадно хлесталъ онъ присутственныя мѣста, администраторовъ и общество. Весь чиновный міръ поднялся на дыбы: «что онъ за указчикъ намъ, кричали они, ротъ нашелся выскочка! На каждомъ шагу попрекаетъ насъ тѣмъ, что мы закона не смыслимъ, что мы не правосудны! Надо его проучить!» Однако,

несмотря на всѣ эти озлобленные, энергическіе возгласы, они стали побавяться Искрина, и въ душѣ своей такъ разсуждали объ немъ: «чортъ его побери! ему нужно сдѣлать то, что онъ просить; у него, пожалуй, рука не дрогнетъ написать на насъ доносъ!» А подѣ словомъ «доносъ», они подразумѣвали, что онъ ихъ шашни выведетъ на чистую воду. Въ свою очередь Искринъ думалъ такъ: «нѣтъ, милостивые государи, не исполните моихъ законныхъ требованій, я выведу на чистую воду всѣ ваши противозаконія; называйте это клеузой, ябедой, доносомъ, чортъ съ вами! кумиться и крестить не стану съ вами, а съ мѣста спихну». Вслѣдствіе такихъ отношеній къ чиновному міру, Искринъ жилъ чрезвычайно уединенно; кромѣ Бубенчикова и кліентовъ своихъ онъ никого не принималъ и ни у кого не бывалъ. Вечера Искринъ проводилъ у себя дома, за книгами. Изученіе европейскихъ законодательствъ и литературы сдѣлалось главнымъ его предметомъ.

И теперь, когда Бубенчиковъ зашелъ къ Искрину, послѣдній сидѣлъ надѣ провинціальными письмами Паскаля.

— Вотъ неожиданный гость, сказалъ Искринъ:—откуда тебя Богъ несетъ.

— Вышелъ пройтись и зашелъ къ тебѣ. Что дѣлаешь?

— Читаю обличенія Паскалемъ іезуитовъ.... знаешь, мой другъ, я думаю, эти обличенія приходились бы во многихъ отношеніяхъ и на долю нынѣшняго вѣка.... Мы, теперешніе герои, похожи на лермонтовскаго гладіатора, махающаго мечемъ картоннымъ; но истинный человекъ говоритъ истину прямо, безъ обиняковъ, не боясь суда людскаго. Паскаля не пугали ни вопли противниковъ, ни осужденіе духовной и свѣтской власти, ни позорное сожженіе его книги палачемъ.... Сѣмена, посѣянные Паскалемъ черезъ девять лѣтъ взошли: въ 1666 были осуждены тѣ правила, за обличія которыя былъ въ 1657 году осужденъ Паскаль. Правда беретъ свое; рано или поздно она приноситъ плоды.... Но я пустился въ философію; а ты, какъ кажется, ничего не слушалъ....

— Прегадкая исторія, сказалъ Бубенчиковъ:—слышалъ ты о покражѣ пушкѣ? Все ты виноватъ; если бы ты не осмѣялъ мое подозрѣнія, этого бы не случилось....

— Развѣ халатникъ, котораго ты мнѣ показывалъ, замѣшанъ въ это? дѣлѣ?

Бубенчиковъ разсказалъ ему все дѣло.

— Ну, братъ, началъ Искринъ, мы съ тобою еще очень, очень молоды, чтобы занять общественное мѣсто; мы еще до розокъ падки.

— Да намъ безъ нихъ нельзя обойтись.

— Обойтись не только возможно, но должно. Ты думаешь, мой другъ, розга исправляетъ простаго человѣка? Онъ только озлобляется противъ твоей власти и больше ничего.

— Сознаю свою ошибку! Всему виновато проклятое мое воспитаніе; развѣ меня не сѣкли до крови и за что?...

— Вотъ видишь, ты спрашиваешь, за что? А тѣ, которые тебя наказывали, по своимъ идеямъ, считали тебя, вѣроятно, достойнымъ наказанія. Развѣ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ не существовали субботки, т. е. обычай поголовно сѣчь всѣхъ бурсаковъ — и хорошихъ и дурныхъ. И на это имѣлись у тогдашнихъ мудрыхъ педагоговъ слѣдующія основанія: 1) хорошаго слѣдуетъ сѣчь, чтобы не сдѣлался дурнымъ и потому, что за одного битаго даютъ десять не битыхъ; 2) дурнаго слѣдуетъ сѣчь, чтобы онъ сдѣлался хорошимъ; 3) начальство могло упустить изъ виду какія нибудь дурныя дѣла воспитанниковъ; поэтому субботки исправляли упущенія начальства; 4) наконецъ въ воскресенье воспитанники, идя домой, могли напроказить или напалить; въ силу чего начальство давало имъ задатки впередъ. Эти основанія, несмотря на свою нецѣлостность, были когда-то базисомъ воспитанія. Въ настоящее же время нашли, что человѣкъ можетъ воспитываться и безъ розокъ. И почему у насъ введена розочная система наказанія для простолюдиновъ? Мнѣ кажется, денежныя штрафы и арестъ посущественнѣе этого.

— Знаешь, мнѣ сильно опротивѣла служба; но подать въ отставку я не могу; у меня нѣтъ состоянія, чтобы существовать; образованіе же мое, какъ военное, такъ неполно, что я го-жусь только во фронтъ; верховую ѣзду, выправку, маршировку, я знаю, но больше ни *бильмеса*, какъ говорятъ татары. Поэтому мнѣ приходится снова перейти въ полкъ.

— Вотъ этого я теперь не совѣтую тебѣ слѣдовать... Враги твои не дремлютъ и едва ли тебѣ сойдетъ съ рукъ наказаніе мальчика, хотя бы по просьбѣ его отца. Помнишь ты въ баснѣ Крылова — «морь звѣрей»; — вола возвели на костеръ за то, что онъ въ голодь стащилъ клокъ сѣна съ поповскаго воза?... Чтобы эта басня на тебѣ не осуществилась... Да и оста-

влять битву такъ сильно тобою начатую значить: сдѣлаться картоннымъ героемъ. Нѣтъ, Бубенчиковъ, ты славно началъ: продолжай свою борьбу, только пожалуйста безъ розогъ! Уважай въ другихъ личность, потому что она представительница твоей же собственной. Когда ты мнѣ разсказалъ исторію съ Кочетовымъ, ты потерялъ въ глазахъ моихъ но крайней мѣрѣ 10⁰/₀; теперь я вижу: ты погорячился, еще не оставь отъ прежней своей колени.... Повторяю тебѣ снова—борись, иди впередъ, не оглядывайся назадъ, и будешь человѣкомъ....

Бубенчиковъ поднялся съ мѣста.

— Спасибо, Искринъ, за дружбу, сказалъ онъ: — прощай, не забывай меня.

Онъ пожалъ съ чувствомъ руку Искрина и вышелъ.

— Прекрасная, свѣтлая душа, подумалъ Искринъ: — жаль его! пропадетъ ни за что; чиновники заѣдаютъ его. Получи онъ лучшее образованіе и воспитаніе, сколько бы пользы эта благородная душа принесла тебѣ, матушка Россія.

Искринъ глубоко вздохнулъ, закрылъ Паскаля, поднялся съ мѣста, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ; потомъ бросился на постель и, закинувъ подъ голову обѣ руки, онъ долго, долго лежалъ неподвижно.

ГЛАВА XVI.

БУБЕНЧИКОВЪ УБѢЖДАЕТСЯ, ЧТО ИЗЪ ОМУТА НЕ ЛЕГКО
ВЫЛѢЗТЬ, РАЗЪ ПОПАВШИ ВЪ НЕГО.

Наказаніе Кочетова непрошло даромъ Бубенчикову. Обрадовавшись, что наконецъ нашелся случай къ нему придраться, придали этому дѣлу огромные размѣры, назначили слѣдствіе. Въ то время, когда противъ Бубенчикова готовилось это слѣдствіе, онъ, ничего не подозрѣвая, сидѣлъ въ присутствіи полиціи и просматривалъ поднесенные ему доклады.

Зосимъ Юрьевичъ сидитъ по правую его руку и часто бросаетъ на него косвенные взгляды; ясно, онъ готовится о чемъ-то доложить полиціямейстеру и по выраженію лица своего начальника ищетъ удобной минуты.

Около часу Зосимъ Юрьевичъ видѣлъ лицо Бубенчикова серьезнымъ; но вотъ при чтеніи одной докладной записки онъ

улыбнулся; тутъ Зосимъ Юрьевичъ улучилъ счастливую минуту и обратился, чрезвычайно мягкимъ и нѣжнымъ голосомъ, къ своему начальнику.

— Помните ли того монаха, котораго арестовала полиція за собраніе имъ подаянія для Аѳонской горы?

— Помню, возразилъ Бубенчиковъ: — мы, кажется, писали о немъ въ консисторію.

— Сегодня полученъ оттуда отвѣтъ: консисторія увѣдомляетъ насъ, что арестованный монахъ дѣйствительно съ Аѳонской горы и собираетъ подаяніе для своего монастыря.

— О! въ такомъ случаѣ его слѣдуетъ освободить и возвратить ему деньги и вещи.

— Я объ этомъ же хотѣлъ вамъ доложить... онъ, бѣдный, совсѣмъ истомился... онъ такъ перепуганъ.

Зосимъ Юрьевичъ позвонилъ, и явившемуся на его зовъ дежурному солдату велѣлъ привести въ присутствіе монаха.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ робко въ присутствіе монаха, подозрительно осмотрѣлъ всѣхъ присутствующихъ и, едва переводя дыханіе и низко кланяясь полиціймейстеру, остановился посреди комнаты.

— Вотъ о нихъ бумага, сказалъ Зосимъ Юрьевичъ, подавая полиціймейстеру форменную бумагу съ бланкомъ консисторіи.

Бубенчиковъ прочиталъ ее вслухъ и обратился къ своему помощнику съ слѣдующими словами:

— Потрудитесь возвратить вещи и деньги отцу-монаху; да пусть распишется на актѣ въ полученіи ихъ.

Зосимъ Юрьевичъ быстро изъ своего портфеля досталъ актъ и подаль его, вмѣстѣ съ перомъ, монаху; тотъ торопливо подписалъ бумагу и отошелъ въ сторону. Тогда Зосимъ Юрьевичъ всталъ съ мѣста и, отворяя кассу, мигнулъ монаху; тотъ подошелъ къ нему.

Бубенчиковъ въ это время читалъ какую-то бумагу; но движеніе монаха къ кассѣ заставило его бросить туда взглядъ, и удивленнымъ его глазами представилась слѣдующая картина: Зосимъ Юрьевичъ вынималъ изъ кассы вещи, а монахъ за пазуху пряталъ совсѣмъ пустой кошелекъ, въ которомъ должно было быть 1,000 полумпериаловъ. У Бубенчикова застыла кровь въ жилахъ; тутъ вспомнилъ онъ, какъ наканунѣ онъ засталъ Зосима Юрьевича надъ кассой; ему пришло въ голову, не украдъ ли его помощникъ этихъ денегъ. Когда монахъ, забравъ вещи,

хотѣлъ удалиться изъ присутствія, Бубенчиковъ не утерпѣлъ и обратился къ нему.

— Отецъ, сказалъ онъ: — напрасно вы не пересчитаете денегъ: деньги счетъ любить.

— Не извольте беспокоиться.... возразилъ монахъ, торопливо отперъ дверь и исчезъ изъ присутствія.

Тутъ что-то нечисто, подумалъ Бубенчиковъ, притянувъ къ себѣ лежавшій на столѣ отзывъ консисторіи; онъ теперь только замѣтилъ свой промахъ; вопросъ полиціи заключался въ томъ, дѣйствительно ли отецъ Агафангелъ собираетъ; съ разрѣшенія Синода, подаваніе для своего монастыря; на это консисторія отвѣчала утвердительно. Но дѣло въ томъ, тожественъ ли арестованный монахъ съ Агафангеломъ, или нѣтъ?... Этотъ вопросъ такъ озадачилъ Бубенчикова, что онъ, не сказавъ своему помощнику ни слова, поѣхалъ въ консисторію. Когда онъ вошелъ въ ея присутствіе, секретарь канцеляріи спросилъ его: «Скажите, пожалуйста, на что вамъ понадобились свѣдѣнія насчетъ отца Агаангела?»

— Такъ, возразилъ Бубенчиковъ: — онъ производитъ здѣсь сборы, и полиція должна знать, законны ли они или нѣтъ.

— Да вотъ онъ только-что самъ былъ здѣсь; можетъ быть, вы даже съ нимъ встрѣтились на улицѣ: низенькій, совсѣмъ сѣдой, согбенный старикъ.

— А!... воскликнулъ Бубенчиковъ:—больше мнѣ ничего нужно....

Сердито вышелъ онъ изъ консисторіи и поѣхалъ въ полицію; войдя въ присутствіе, онъ обратился къ своему помощнику и пригласилъ его на пару словъ въ архивъ.

Когда они вошли туда, Бубенчиковъ заперъ дверь на ключъ и, пройдясь нѣсколько разъ по комнитѣ, остановился противъ Зосима Юрьевича, устремилъ на него пылливый взоръ и спросилъ:

— Долго ли вы намѣрены издѣваться надъ закономъ, совѣстью и людьми? Долго ли вы думаете потворствовать всѣмъ предосудительнымъ дѣламъ, освобождать преступниковъ, тѣснить невинныхъ?...

— Я васъ не понимаю, возразилъ нахально Зосимъ Юрьевичъ.

— Неправд! воскликнулъ горячо Бубенчиковъ: — вы меня хорошо понимаете.... Скиньте, пожалуйста, личину чистоты и

добросовѣстности. Всѣ ваши дѣла мнѣ извѣстны: вы отдаете на проценты всѣ переходящія суммы; вы ихъ задерживаете по два почти года; гербовыя пошлины взыскиваются по нѣскольку разъ....

— Это меня оклеветали мои враги; никто этого не докажетъ.

— То-то и ваше счастье, что вы такъ обдѣльваете ваши дѣлишки, что трудно противъ васъ дѣйствовать! я это хорошо понимаю; я бы давно предалъ васъ суду.

— Напрасно изволите на меня сердиться.... моя честность....

— Можетъ быть вы скажете, что и поступокъ вашъ съ сегоднешнимъ монахомъ также честенъ?...

— Разумѣется честенъ; мы не имѣли права задерживать его дольше.... да и безъ доклада вамъ я его не освобождалъ.... вы сами изволили приказать.... это дѣло ясное....

— Ясно мнѣ только то, что этотъ монахъ самозванецъ; я видѣлъ отца Агаѳангела: онъ вовсе не похожъ на этого монаха.... А вчерашняя исторія съ полумперіалами?... Словомъ, съ подобнымъ человѣкомъ, какъ вы, я служить не могу....

— Какъ вамъ угодно.

— Подайте въ отставку.... Я вамъ приказываю.

— Я не вамъ служу....

— Чорту, хотѣли вы сказать.... Не подадите въ отставку, я васъ предамъ суду.

Бубенчиковъ вышелъ съ бѣшенствомъ изъ архива и уѣхалъ домой.

Прехладнокровно вышелъ въ свою очередь Зосимъ Юрьевичъ изъ архива и, встрѣтивъ архиваріуса, сказалъ ему:

— А нѣтъ ли у васъ, любезнѣйшій, табачку?...

Архиваріусъ досталъ изъ кармана роговую табакерку, шелкнулъ въ нее нѣсколько разъ двумя пальцами правой руки и поднесъ ее Зосиму Юрьевичу; тотъ захватилъ большую щепоть табаку, въ два приѣма втянулъ ее въ ноздри и, щелкнувъ пальцами, сказалъ:

— Благодарствую, Прокопъ Аеонасьевичъ....

При чемъ онъ чихнулъ. Архиваріусъ не преминулъ пожелать здравія, на что Зосимъ Юрьевичъ отвѣчалъ: «лучше пожелайте мнѣ новаго полиціймейстера». Съ этими словами онъ отправился въ присутствіе, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Между тѣмъ весь тотъ день Бубенчиковъ былъ спящо не въ духъ; пріѣхавъ домой изъ полиціи, онъ приказалъ Ивану нико-

го не принимать. За обѣдомъ Иванъ было заговаривалъ съ своимъ бариномъ; но тотъ былъ глухъ, какъ тетерька, и нѣмъ, какъ рыба.

— Эвти жида народъ бѣдовый, ваше высокоблагородіе; имъ говоряшь толкомъ: полицмѣстеръ принимать не велѣлъ.... А онъ суеть въ руку гривну.... Ужь такой право народъ! А плодущій, плодущій какой; у кажинаго, чай, десятка два ребятъ... Сказываютъ, они этакую штуку смастерили: значить, пришелъ обозъ молдованъ съ угольемъ; ну, извѣстно дѣло, распродали товаръ, да домой собираются, ходить по базару да платки и рожки покупаютъ.... Извольте, ваше высокоблагородіе, супъ кушать—простынетъ.... Вотъ, значить, въ дорогу собираются, стало быть у города дѣловъ больше нѣту.... До поросенка хрѣнъ, или горчицу прикажете?... Коли хрѣнъ, такъ хрѣнъ: матушка моя иначе не ѣла,—царство ей небесное.... Вотъ, ваше высокоблагородіе, жида какъ запримѣтили, что мужики, стало быть, въ дорогу собираются, да къ нимъ: дескать, добрые люди, зачѣмъ даромъ съ пустыми возами ворочаться вамъ домой? ужъ по дорогѣ завезли бы въ Тирашполь тумбу, то есть катокъ, что улицу укатываютъ. Мужики того.... и жида того... потолковали, почесали затылки и сошлись.... Ваше высокоблагородіе, свиная голова очень вкусна.... Жида, значить, говорятъ: стало быть, коли кончено; магарыча нужно; а что тумба будетъ исправно доставлена, взяли съ мужиковъ 100 рублей... Выпили магарычъ, запрягли въ тумбу 18 паръ воловъ, наложили полныя шапки рожковъ, ѣдятъ и погоняютъ воловъ.... А на таможнѣ ихъ цапъ-царапъ: куда, молъ, тумбу везете? а мужики, значить, говорятъ въ Тирашполь.... а ихъ, сердечныхъ, назадъ погнажи, въ части продержали.... Этакіе, право....

Несмотря на эту болтовню, Бубенчиковъ не прикоснулся къ поданному обѣду и, вставъ отъ стола, закурилъ сигару и легъ на кушетку.

До самаго вечера онъ такъ прохандрилъ; много думъ, много плановъ вертѣлось у него въ головѣ; но самый важный вопросъ, занимавшій его, былъ тотъ: перейти ли ему снова въ полкъ, гдѣ онъ прежде служилъ, или нѣтъ? къ вечеру онъ рѣшилъ продолжать начатую имъ борьбу и даже началъ насвистывать какую-то итальянскую арію, что означало хорошее расположение его духа. Вдругъ вошелъ къ нему въ кабинетъ Иванъ и подалъ ему письмо, принесенное почталіономъ съ почты.

Сердце Бубенчикова сильно забилось, руки его дрожали; почеркъ былъ ему знакомъ; письмо было отъ Сонички. Быстро распечаталъ онъ письмо, оно было все въ желтыхъ пятнахъ — слѣды слезъ. Въ первый разъ въ жизни Бубенчиковъ пришелъ въ невыразимый восторгъ отъ женскаго письма; на нѣсколько минутъ припалъ онъ къ нему губами и цаловалъ его. Потомъ онъ бережно его раскрылъ, какъ святыню, и началъ читать:

«Драгоценный другъ, чувствую и сознаю, что я нарушаю свой долгъ, долгъ жены — священнѣйшей обязанности женщины; повторяю снова: чувствую и сознаю это; но тѣмъ не менѣе сердце мое такъ полно горечью, въ глазахъ моихъ столько, столько слезъ, что я должна предъ тобою высказаться.... Мнѣ тяжело, Сержъ, очень, очень тяжело; мысль о тебѣ преслѣдуетъ меня день и ночь: то ты мнѣ представляешься блѣднымъ, худымъ, больнымъ; то вижу я тебя въ объятіяхъ какой нибудь красавицы. О! эти мысли невыносимо тяжелы; я по цѣлымъ ночамъ не сплю и все плачу.... Прости меня, за мое грустное письмо; ты не знаешь, какъ безгранично я тебѣ предалась, какъ безусловно я люблю тебя.... Какъ ни тяжело было для меня мое замужество, но ты былъ близъ меня; чего мнѣ еще недоставало? я тебя видѣла, слышала твой мягкій голось, глядѣла въ твои умные, каріе глаза. А теперь? я одна, одна въ цѣломъ мірѣ; окружающія меня лица такъ холодны, такъ бездушны; мужъ постоянно болѣнъ и капризенъ.... Я не жалуясь тебѣ, ты знаешь, какъ я терпѣлива, какъ я ухаживаю, какъ угождаю ему; но скажу тебѣ откровенно, я опасаюсь за его жизнь — еда ли онъ перенесетъ осень. Боже мой, какая скука, какая тоска! Когда я увижусь съ тобой? Быть можетъ никогда, быть можетъ.... Но что я дѣлаю, безумная? вмѣсто того, чтобы своимъ письмомъ развеселить тебя, я хнычу и плачу. Прости меня, мой ненаглядный; порадуи и ты меня вѣсточкой о себѣ; ты оживишь, воскресишь меня.

По гробъ вѣрная тебѣ Sophie.»

Прочитавъ это письмо, Бубенчиковъ съ полчаса сидѣлъ, задумавшись; но вотъ онъ всталъ, присѣлъ къ столу и написалъ слѣдующую бумагу, на имя губернатора.

«По домашнимъ обстоятельствамъ я вынужденнымъ нахожусь — перейти въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ, въ мѣсто моего прежняго служенія; вслѣдствіе сего честь имѣю по-

корнѣйше просить ваше превосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе о моемъ переводѣ.»

Перейсавъ набѣло эту бумагу, Бубенчиковъ съ какимъ-то радостнымъ чувствомъ одѣлся, положилъ свой рапортъ въ каску и отправился къ губернатору.

Войдя въ кабинетъ его превосходительства, Бубенчиковъ засталъ въ немъ только одного Мунштучкова.

— Генералъ дома? спросилъ его Бубенчиковъ.

— Дома. Сейчасъ выйдетъ.

Бубенчиковъ сѣлъ. Молчаніе.

— А не правда ли, сегодня хорошая погода? заговорилъ Мунштучковъ.

— Жарко и пыльно.

— Да, непожко жарко, но....

Эту милую бесѣду прервалъ губернаторъ; когда онъ вошелъ въ кабинетъ, Бубенчиковъ всталъ съ мѣста и, подойдя къ нему, подалъ ему свой рапортъ.

— Что это такое? спросилъ губернаторъ, нахмутивъ брови.

— Я прошу перевода въ прежній полкъ.

— Нельзя.

Губернаторъ возвратилъ Бубенчикову бумагу и повернулся къ нему спиною, въ намѣреніи выйти изъ кабинета; Бубенчиковъ вспыхнулъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, сказалъ онъ, возвысивъ голосъ: — словомъ я не могу ограничиться.... По закону я имѣю полное право располагать моею особою....

— Но.... состоящіе подъ слѣдствіемъ могутъ быть только удалены отъ занимаемыхъ ими должностей, въ особенности, если они во зло употребляютъ дарованную имъ власть.... сквозъ зубы проговорилъ губернаторъ, сисясь удержаться въ приличныхъ границахъ.

— Я не понимаю вашихъ словъ, возразилъ Бубенчиковъ.

— Они очень ясны: надъ вами я назначилъ произвести два слѣдствія: — о превышеніи вами своей власти, по аресту члена полиціи, и о питаніи мѣщанина Кочетова при допросѣ....

У Бубенчикова опустились руки; въ первый разъ въ жизни онъ поблѣднѣлъ; молча, отвернувшись отъ губернатора, взявъ свою каску и быстро вышелъ изъ губернаторскаго кабинета.

Вслѣдъ за нимъ раздавался хохоть.

Спустя нѣсколькo времени, Бубенчиковъ сидѣлъ у себя на квартирѣ съ Искринымъ; бесѣда ихъ какъ-то не клеилась, какое-то тяжелое предчувствіе лежало у обоихъ на сердцѣ. Уныло шумѣлъ предъ ними самоваръ; свѣчи тускло горѣли; вѣтеръ завывалъ въ печкѣ; дождь стучалъ въ окна.

Вошелъ Иванъ и подалъ пакетъ Бубенчикову; машинально началъ онъ читать эту бумагу; но вдругъ поблѣднѣлъ, судорожно сжалъ ее въ рукѣ, скомкалъ и бросилъ на полъ.

— Чтo съ тобою? спросилъ перепуганный Искринъ.

— Ничего, возразилъ Бубенчиковъ:—я только отрѣшенъ отъ должности....

— Отрѣшенъ....

Настало мертвое молчаніе. Стѣнные часы, какъ будто сочувствуя присутствующимъ, ускорили свой стукъ.... Но вотъ вновь вошелъ Иванъ и подалъ письмо.

Письмо это было отъ Сонички; она увѣдомляла о смерти своего мужа....

— Еще не все погибло! воскликнулъ Бубенчиковъ и протянулъ Искрину руку; тотъ пожалъ ее съ чувствомъ.

М. ФИЛИПОВЪ.

ОПУСТЫВШІЙ ДОМЪ.

Одинъ по улицамъ брожу я съ грустной думой...
На спящій городъ хоръ дрожащихъ звѣздъ глядить.
Вотъ предо мной дворецъ забытый и угрюмый,
Гдѣ жизнь провелъ въ пирахъ и нѣгѣ сибарить.

Когда-то музыка гремѣла въ пышныхъ залахъ,
Изъ оконъ лился свѣтъ отъ тысячи свѣчей,
И кубки старые усердно осушала
Шумящая толпа напудренныхъ гостей.

Теперь заброшены огромныя палаты;
Въ роскошныхъ комнатахъ и пусто и темно;
Давно лежитъ въ землѣ хозяинъ тороватый;
Въ чужихъ краяхъ живутъ наследники давно.

Стоитъ уныло домъ; а на крылечныхъ плитахъ,
Подъ рубищемъ дрожа, бѣднякъ заснуть прилежъ
И думаетъ: когда бъ въ палатахъ позабытыхъ
Отъ стужи дали мнѣ хоть тѣсный уголокъ!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

ЛУННОЙ НОЧЬЮ.

И мнѣ когда-то было мило
Свѣтило блѣдное ночей:
Такъ много грѣзь оно будило
Въ душѣ неопытной моей!

Когда лучи его дрожали
На влагѣ дремлющей рѣки,
Душа рвалась къ неясной дали,
Полна невѣдомой тоски.

И было томное сіянье
Путеводителемъ моимъ,
Когда спѣшилъ я на свиданье,
Кипя восторгомъ молодымъ.

Проникъ неясныя стремленья
И поэтическіе сны!
Теперь вѣны впечатлѣнья
Во мнѣ луной порождены.

Досадно мнѣ, что такъ безстрастно,
Съ недосыгаемыхъ высотъ,
Она глядитъ на міръ несчастный
Гдѣ зла и лжи повсюду гнѣтъ;

Гдѣ столько слабыхъ и гонимыхъ,
Изнемогающихъ отъ битвъ;
Гдѣ столько льется слѣзъ незримыхъ
И скорбныхъ слышится молитвъ!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

Моей молоденькой сосѣдкѣ
Ужъ минуло шестнадцать лѣтъ;
У ней голубенькіе глазки,
И очень узенькій корсетъ.
Bonjour! я ей сказала однажды
И ей отвѣсилъ мой поклонъ;
Съ тѣхъ поръ, при каждой нашей встрѣчѣ,
Она краснѣетъ какъ цвѣтъ,
Не говорить со мной, дичится,
Отъ маменьки не отстаетъ....
Мой Богъ! чего она боится?
Она не мышъ, а я не котъ...
Ей-ей, не нахожу причины...
А, впрочемъ, господа,
Листы молоденькой осины
Дрожать безъ вѣтра иногда.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

По горамъ двѣ хмурыхъ тучи
Знойнымъ вечеромъ блуждали
И на грудь скалы горючей
Къ ночи медленно сползали.
Но сошлись — не уступили
Той скалы другъ другу даромъ
И пустыню огласили
Яркой молніи ударомъ.
Грянулъ громъ — по дебрямъ влажнымъ
Эхо рѣзко засмѣялось,
А скала такимъ протяжнымъ
Стономъ жалобно сказала,
Такъ вздохнула, что не смѣли
Повторить удара тучи
И у ногъ скалы горючей
Улеглись и обомлѣли...

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ИПОХОНДРИКА.

I.

ЛИСТКИ, ПОДОБРАННЫЕ НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ МЕЖДУ
ВЮРЦБУРГОМЪ И ШВЕЙНФУРТОМЪ.

.... Путешествовать! Кто, видя въ зеркалѣ худое, желтое лицо свое, не повторялъ съ надеждою и вѣрой этого слова? Кому оно не представлялось на порогѣ пустыхъ комнатъ, въ дымѣ ладана, или на кладбищѣ? Человѣкъ бѣжитъ отъ прошлаго, бѣжитъ отъ горя, а, самъ того не замѣчая, только разноситъ за собою и прошлое и горе, какъ соръ.... Отъ этого уже на половинѣ жизни ему некуда дѣваться: гдѣ ни ступить, вѣчно попадетъ въ свои слѣды.... Въ какія бы мѣста онъ ни вернулся, уже не находитъ самыхъ мѣстъ, но только запекшіеся на нихъ слѣды своей жизни.... Берлинъ и Вѣна смотрятъ на него консилиумомъ и десятью глазами важныхъ консультантовъ, очень озабоченныхъ десяткомъ предстоящихъ консультацій.... Дорога до Италіи звучитъ смертельнымъ кашлемъ матери, стонами жены, друга. Это дорога могилъ, несбывшихся и несбыточныхъ надеждъ, путь, нѣкогда пестрѣвшій цвѣтами, теперь посыпанный зеленымъ хвоемъ.... Голубѣютъ ли равнины Адриатики между островами, онѣ — объятія, принявшія дорогую могилу въ плющахъ и молодыхъ побѣгахъ розъ, которые оплели ее своими

южными руками и закрыли надпись, высѣченную чужимъ рѣзцомъ.... Мелькнетъ ли городъ, — тамъ, на заворотѣ улицы, есть памятные окна—комната, завѣшанная шторами, съ духомъ лекарствъ, съ рыданьями, сначала сдержанными черезъ силу, съ кроваткою въ углу и блѣдною повисшею ручонкою, холодною, какъ мраморъ.... и опять рыданьями, разразившимися крикомъ....

Еслибъ человѣкъ могъ удержаться на ногахъ отъ перваго напора жизни, онъ не несся бъ, перепуганный, на новыя мѣста.... Ты думаешь, тамъ только и бываетъ, что затишье? Бѣдный! первая гроза тебѣ покажетъ, что затишья нѣтъ нигдѣ, а всюду только грозы...

И отчего такъ много подмывающаго въ этомъ словѣ — путешествовать, что даже люди и не желтые, знакомые съ кладбищемъ по однимъ послѣднимъ актамъ оперъ, — люди, дѣлѣемые жизнью и другими людьми, которые для нихъ ходятъ, какъ въ балетѣ, на дыпочкахъ, — и тѣ лѣзутъ въ дилижансы, и въ вагоны, и на пароходы, — словомъ, путешествуютъ!... Вѣдь путешествовать (еслибъ они только знали)—это трусить, что *гаускиелтъ* не постучится въ двери въ половинѣ пятаго; видѣть ва зарѣ дымящій и отчаливающій пароходъ и одной ногою прыгать на доску, которую вытаскиваютъ изъ-подъ ногъ, и подавать рукой билетъ, который вырываютъ изъ руки.... Путешествовать—это ночевать въ пароходномъ буфетѣ, замѣняя скатертью простыню и столомъ кровать, съ прилагомъ за это ехга (*); ѣсть тоненькія *миньтцель* на сметанѣ, вѣря, что онѣ котлеты; восхищаться Рейномъ... Путешествовать—значить уложить свою жизнь въ чемоданъ, а самому перебиваться кое-какъ по волѣ кондуктора, ѣсть аппетитомъ *оберъ-кельнера* и чувствовать всеми пятью чувствами *лондинера*....

— Послушайте, буфетчикъ: скатерть въ соусѣ, — какже я стану спать на ней? не безъ основанія замѣчаетъ путешественникъ господину почтенной наружности, въ курткѣ, заставившему платить ехга....

— Бароны спали — были довольны! отвѣчаетъ, тоже съ основаніемъ, почтенная наружность въ курткѣ:—вы не баронъ, стало, будьте еще довольнѣе и спите!

Вамъ ѣсть не хочется; но это часъ *табль-доша*: вы не имѣете права не быть голодными! Въ вагонѣ, на колѣняхъ, у васъ лежатъ чужое дитя, вздымается нучина женскихъ юбокъ; вы просите у кон-

(*) Единственная возможность спать иначе, какъ сюда, на дунайскихъ пароходахъ, между Вѣной и Линцомъ, и на многихъ другихъ.

дуктора мѣста: мѣста есть довольно, — дѣти менѣе трехъ дѣтъ и юбки — не считаются!

Съ тѣхъ поръ, какъ путешествіе стало возможнымъ, удобно путешествовать стало невозможнымъ. Человѣкъ и его сонъ вездѣ принесены въ жертву почтѣ, которая не спитъ и потому охотно ѣздитъ ночью; время считается по недосугу путешествующихъ купеческихъ прикащиковъ и маклеровъ, которые въ двадцати-четыре часахъ сутокъ видятъ теченіе не солнца, но послѣдней цѣпры курра, и стремятся обратить ее, пока она не заслонилась новой.... Личность путешественника стерта омнибусомъ, и путешественникъ, состоящій въ четвертомъ классѣ, не безъ содраганія видитъ себя причисленнымъ къ классу сапожниковъ, если у него вѣтъ курьера съ приличнымъ прибавленьемъ чемодановъ!... Послѣднее особенно печально, и когда слышишь мѣнія *кельнеровъ* о проѣзжающихъ, то не безъ нѣкотораго сердечнаго сжиманья замѣчаешь повсемѣтное предпочтеніе чемодана орденской ленточкѣ! Размившіеся лавочники и дровенники, мраморники и портные, архитекторы, всѣ тѣ особы съ невообразиме-выбритыми подбородками и отличными клѣтчатыми штанами, съ женами и дочерьми въ воланахъ, на подобіе парусныхъ судовъ, люди съ выдающимся желудкомъ, который они предлагаютъ на показъ Европѣ, англичане вовсе клѣтчатые, — словомъ, всѣ эти господа съ курьеромъ въ бакенбардахъ и сумдуками въ мѣдныхъ гвоздикахъ, счастливыцы съ горничными и лаксами позади, извѣстные въ Италіи подъ именемъ *famiglie di conseguenza*, а въ Германіи — *grosse Herrschaften*, — рѣшительно и безнаказано устали на голову особамъ четвертаго класса! Гаускиехты пералъ ними остаются *ohne Hut* (безъ шапокъ): ни дождь, ни вѣтеръ не берутся во вниманье! Кельнеры почтительно слѣбуютъ къ ихъ приборамъ блюда, и желѣзное тѣло трактирщиковъ внезапно пріобрѣтаетъ гибкость выюна, какъ только они проколятъ мимо.... А четвертому классу остаются одиѣ прамыя спины, часто даже безъ сюртука, да колаки на головахъ, сплетенные изъ какихъ-то окверныхъ кромокъ. Это положительно печально!... Но что еще печальнѣе, такъ это то, что жить становится тѣсно, сидѣть узко, а лежать коротко, и дышать все труднѣе и труднѣе, съ тѣхъ поръ, какъ все едѣлалось удобно: Европа, вся разбитая на маленькіе участки, на владѣнія, отгородившія себя таможами и крѣпостями, — владѣнія, разбитыя еще на собственности; собственность, искрошенная на кусочки, и все переплетенное, какъ сѣткою, стѣнами и заборами, заборчиками и стѣнками, рѣшотками, рѣшоточками, воротами и калитками; дороги, ограниченныя камнями; тропинки, огороженныя

и перегороденныя; дворники, дома, надѣланные для какихъ-то лицъ-путевъ; кровати, на которыхъ едва возможно сидѣть, и диваны, на которыхъ сидѣть невозможно: все это наводитъ на раздумье, какое испытываетъ развѣ особа четвертаго класса, когда сундуки, убитые гвоздиками, станутъ ей поперекъ дороги....

Чѣмъ болѣе страна, по которой ѣдетъ путешественникъ, благоденствуетъ, тѣмъ болѣе путешественникъ въ ней бѣдствуетъ. Несчастливая Италія, до того неблагоустроенная, что человѣка въ ней не запираютъ даже въ оми бусъ за то, что онъ затѣялъ путешествовать.—Италія, надменно позабытая Европой, какъ старая мать выскочившими въ люди сыновьями, Италія еще лаетъ покуда шѣсто по дорогамъ и воздухъ въ комнатахъ; ея кровати можно бы съ успѣхомъ заселять семействами нѣмецкихъ эмигрантовъ.... Отъ *табльдота*, этой крайности измелъчившейся Европы, этого омнибуса желудка, и отъ парижскаго обѣда à la carte, гдѣ время до того по счету, что лакей обходится языкомъ телеграфической депеши: *rommes-nature* (*), *biff aux rommes* (**), *demi-rouge* (***) и проч., отъ казематовъ общинныхъ каретъ, отъ таксы *обязательной*, если желаешь дать на водку, уберегутъ долго бѣдную Италию поросшіе оливами и лавромъ, кипарисами и пинной скаты ел Аппенивъ. Какъ только пивна замѣнилась елкой, появляются удобства и становится тѣснѣе; и, по мѣрѣ того, какъ лавры начинаютъ попадаться только въ соусѣ, удобства съ тѣснотою попадаются повсюду: ужъ въ Австріи удобства, чѣмъ въ Пьемонтѣ, а въ Баваріи и Пруссіи, съ семьею малорослыхъ герцогствъ, и того удобства: во Франціи становится уже совсѣмъ удобно, и наконецъ какая нибудь Бельгія обѣими руками схватываетъ за горло и душитъ удобствами: «а! попался! такъ на же, мошь, бери мой удобства! хочешь или не хочешь, бери — не мое дѣло!» Тутъ уже пользоваться удобствами—обязанность; не пользоваться ими—преступленіе; не ѣсть въ гостинницѣ, когда ѣсть не хочется, —бунтъ, и быть подвергнутому за то изгнанію на улицу—малѣйшее изъ бѣдствій! Человѣку дѣлается больно; кровь приливаетъ къ головѣ; онъ чувствуетъ, что вотъ еще невозможно поудобнѣй, и духъ вонь!

Я не сомнѣваюсь, что въ произведенной вновь губерніи Самарской путешествіе устроивается совсѣмъ на другихъ началахъ и никто не принуждаетъ туриста, ѣдущаго на перекладныхъ, сѣ-

(*) *Pommes de terre au naturel.*

(**) *Beefstek aux pommes de terre.*

(***) *Une demi-bouteille du vin rouge.*

дать всѣхъ куръ въ деревнѣ, покуда ему наконецъ дадутъ лошадей.

Время путешествія еще зависить много оттого, съ кѣмъ именно придется путешествовать. Такъ, съ нѣмцемъ время увеличивается: нѣмецъ обременителенъ, какъ тѣтяныя блюда его кухни. Нѣмецъ радъ всему и хочетъ, чтобъ и вы были рады; онъ сохраняетъ въ коленкоромъ чехлѣ свой зонтикъ, вытираетъ сапоги отъ пыли; онъ изучаетъ цѣны кушаньевъ, и ужъ смотря потому, какими ихъ находятъ, чувствуетъ или не чувствуетъ потребность пообѣдать; нѣмецъ видитъ малѣйшее движеніе сосѣда поглядѣть въ окно и очищаетъ мѣсто, да еще въ добавокъ подставляетъ зрительную трубу, въ которую тотъ очень ясно различаетъ его пальцы.... Нѣмецъ—идеалистъ: онъ по ночамъ глядитъ на небо изъ вагона и о клѣцкахъ въ сунѣ говоритъ съ волненіемъ; нѣмецъ, если онъ только не баронъ, всѣмъ рачтуетъ нѣжность своего участія.... словомъ, нѣмецъ нестерпимъ.

Французъ — тотъ нестерпимъ по своему: онъ суетится, топчетъ ноги, извиняется, снова ихъ топчетъ и снова извиняется; онъ говоритъ даже въ то время, когда говорить нѣтъ никакой возможности: когда колеса оглушаютъ въ туннелѣ, когда звонитъ и свищетъ парохоль; онъ говоритъ всегда, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ!

Англичанинъ лучше нѣмца и француза: онъ молчитъ даже тогда, когда не говорить, повидимому, невозможно: напримѣръ, когда онъ голоденъ и его спрашиваютъ, хочетъ ли онъ ѣсть. Онъ невнимателенъ; онъ топчетъ вамъ ноги и не извиняется; вы топчете его ноги и не думаете извиняться! Чѣмъ вы невѣжливѣй, тѣмъ лучше: онъ съ вами непременно познакомится!

Итальянца—спутника вы не замѣчаете: свой человѣкъ! И итальянецъ васъ не замѣчаетъ: итальянцу всякій свой человѣкъ. Онъ сниметъ сюртукъ, если жарко, и даже объяснить сосѣдкѣ, что вспотѣлъ. А перекиньтесь съ нимъ десяткомъ словъ, и вы ужъ десять лѣтъ знакомы. При разставаньи, онъ васъ треплетъ по плечу и называетъ caro mio! Вы съ нимъ столкнетесь черезъ годъ — онъ вамъ кидается на шею....

Русскій путешественникъ прежде всего тревожно озабоченъ тѣмъ, находится ли онъ въ обществѣ порядочныхъ людей, т. е. нѣтъ ли между спутниками его сапожника, человѣка безъ всякаго чина, жидъ или такого русскаго, укатораго нѣтъ дялѣ генерала.... Жидъ и сапожникъ, равно какъ русскій и человѣкъ безъ чина — ставятъ его

тотчасъ въ неприятную необходимость показать всѣми поступками непереступаемую разницу, лежащую между нимъ и обществомъ, въ которае его поставилъ случай. Онъ громко разговариваетъ съ кондукторомъ и на его отвѣты испускаетъ «а!».—бросаетъ за окно, не докуривъ, сигару.... словомъ, ведетъ себя впадѣнъ сообразно съ нѣномъ. Если онъ военный, или хотъ и въ отставкѣ, да бытъ военнымъ, соотечественнику его не избѣжать вопроса: кто онъ и гдѣ служитъ, и въ какомъ состоитъ классѣ? не дядюшка ль ему такой-то? при чемъ допрашивающій не забываетъ открыть тайны собственнаго званія, полка и продолжительности отпуска.... Путешественники не благоволятъ только къ рыжей бородѣ и очень мѣтко отличаютъ черную, что, какъ извѣстно, составляетъ признакъ итальянца или француза. Но бородѣ вцѣло суждено лянать, какъ только обнаружится ея домашнее происхожденіе....

Различіе народностей еще не все различіе въ туристахъ: они подвержены и множеству другихъ различій, смотря потому, съ какою цѣлью отреклись отъ независимой или служебной жизни и отъбумажныхъ денегъ своей родины, Завалы или ревматизмы рѣшаютъ всего чаще въ этихъ случаяхъ, и спутникъ, ѣдущій съ такою подорожною еще не худшій спутникъ: не трогайте его, и онъ доволенъ; не открывайте оконъ, и онъ счастливъ. Онъ не справляется о людѣ, чинъ его не занимаетъ; словомъ,—онъ спутникъ, съ которымъ ѣхать можно. Но есть болѣзни, выталкивающія челоуѣка на большія дороги, бросающія его въ вагоны и изъ вагоновъ на пароходы, съ пароходовъ на снѣжныя вершины и съ снѣжныхъ вершинъ въ подземелья,—болѣзни, истощающія термапи Каракалы и нѣмецкими школами живописи отъ Альберта Дюрера до Овербека включительно: такія болѣзни порождаютъ путешественниковъ, омерзимыхъ проказою все знать и обо всемъ слышать, со всѣми говорить и на каждой станціи высовываться по поясъ изъ окошка, подзывать къ себѣ смотрителя и кондуктора, машиниста, у котораго плачутъ глаза отъ дыму, работника, который наливаетъ масло въ оси,—всѣхъ кому не до него, и всѣхъ распрашивать о томъ, что до него не касается. Такіе путешественники—бичи вагона, испытаніе дилижанса и причина мозолей на пароходѣ. Если жъ они къ тому еще французы,—доля испытанія увеличивается, и мозольному оператору остается уже лѣпить пластыри на всѣ пальцы безъ исключенія.

Таковъ путешественникъ, котораго можно назвать путешественникомъ *многострадальнымъ*.

Путешественникъ *разочарованный* представляетъ нѣкоторый *любства*; онъ служитъ противовѣсомъ *опаздывающему*, который тоже

случается и стоить многострадальнаго. Очарованный бывает нѣмецъ или барыня любой народности.

Но худяій спутникъ, безъ сомнѣнія;—путешествующая нѣмка, которая до пятидесятилѣтняго возраста видѣла вселенную въ Карлсруэ или Швейнфуртѣ, а въ жизни только средство колотить муку и лица для *мельшнейзе*. Въ подобной нѣмкѣ очарованный и многострадальный толкуется лбами, и бѣда капитану, мичману, шатросамъ парохода, гдѣ она поѣдетъ! Нѣтъ бугорка на берегу, булыжника; сваливагося съ воза, въ которыхъ они не были бы призваны дать отчетъ; бѣда соѣдымъ по вагону, а пуще того по дилижансу: ея корзинка съ *куленами* и ридикуль со *штриккеномъ* перебиваютъ на всѣхъ колѣняхъ; ея дыханіе, даже не той свѣжести, какъ масло ея кухеновъ, ея испарина, естественная при волненіи,—все дастъ поочереди себя попробовать соѣдымъ....

Есть нѣмки юныя — лиловыя, съ руками англійскихъ ростбифовъ, съ волосами свѣтло-желтыми и рѣсницами подъ цвѣтъ волосъ. Здоровья въ нихъ обыкновенно такъ же много, какъ мало бровей, и души ихъ раскрыты нараспашку всякой всячинѣ: мѣстамъ втораго класса, гдѣ онѣ сидятъ на кончикѣ дивана, и туннелю, гдѣ имъ бываетъ страшно, и разговору двухъ бѣлесоватыхъ нѣмцевъ, отъ котораго смѣшно неудержимо, а смѣяться—*schande* (стыдно)... Для подобныхъ нѣмокъ путешествіе (онѣ обыкновенно ѣдутъ изъ Бамберга въ Нюрнбергъ)—тайнство, счастливая случайность жизни, закрѣпляемая воспоминаніемъ до гроба... Ихъ никакъ не надо смѣшивать съ пересушившими себя передъ плитой до состоянія нѣмецкаго жаркова нѣмками, въ фальшивыхъ локонахъ и съ острыми локтями...

Путешествовать, конечно, значить перебрасывать себя, съ большей или меньшей неосторожностью, изъ вагона на пароходъ и съ парохода въ омнибусъ, спать на столѣ въ буфетѣ, и такъ дальше; но въ благородномъ смыслѣ слова путешествовать — совсѣмъ не то. Иные думаютъ, что ѣхать по Германіи ужъ значить путешествовать; быть въ Мюнхенѣ — касаться самаго апофеоза древней Греціи... Но это заблужденіе: ѣхать по Германіи значить просто — ѣхать по Германіи, а въ Мюнхенѣ чегонибудь касаться значить—кружки съ пивомъ.... Ѣхать въ Германію съ иными цѣлями, чѣмъ ѣхать, если и позволится, то разѣ на воды. Это даже предписывается, и очень часто....

Воды изобрѣла Германія: я убѣжденъ, что безъ нея и въ голову никому не пришли бы воды. За то я также убѣжденъ, что воды мо-

гутъ дѣйствовать только въ Германіи (нѣмцы много способствуютъ тому, чтобъ воды слабили). Во Франціи, источники Виши, напримѣръ, запираютъ. И это оттого, что французы себя тоже запираютъ — утромъ для завтрака, который длится два часа, а послѣ для обѣда, продолжающагося вдвое; вечерніе концерты въ залѣ—тѣ же ванны (!) Французъ въ водахъ видитъ возможность перенести Парижъ въ своемъ *sac de nuit* въ такое мѣсто, гдѣ надѣнетъ шляпу *panama* съ рубцомъ и бѣлые панталоны; нѣмецъ — средство прицѣпить всю нѣжность идилической природы къ *Luft und Land*, нагородить бесѣдокъ, гдѣ печетъ покрѣпче, и просидѣтъ въ нихъ съ трубкою и чашкою кофе, пока не посвѣжѣетъ; нѣмецъ видитъ въ водахъ дорожки, самымъ правильнѣйшимъ образомъ неправильно идущія къ развалинѣ, которую зовутъ *руиной*; видитъ вдоль дорожекъ яблони, доставляющія, вмѣсто плодовъ и тѣни, только выставку различныхъ объявленій (*Warnung*), гдѣ, какъ выражается одинъ мой знакомый, *темно объяснено* почтенной публикѣ высокое ея призваніе — не трогать яблоковъ (призваніе, легко достигаемое, потому что яблоковъ никогда не бываетъ)... Нѣмецъ въ словѣ *воды* слышитъ не бурчанье минеральныхъ газовъ въ животѣ, но мелодіи безсоннаго оркестра изъ Вюрцбурга или Гмунда, готовя всегда съ пѣтушинымъ кукарику... Нѣмецъ въ водахъ видитъ Баденъ-Баденъ, который называетъ *Патенъ-Патеномъ* и съ именемъ котораго въ его душѣ соединилось все, что есть высокаго, *эсть-романтишь* и сверкающаго въ жизни, — Баденъ-Баденъ, куда онъ стремится, точно мусульманинъ въ Мекку, изъ Киссингена, Крейценаха и Штокаха, Эйзенаха — изъ всѣхъ *аговъ*. — Францынскъ и много Бада. — изъ Мигавы, Риги, Либавы и Вяндавы (я не поручусь даже за отдаленный островъ Эзель), — Баденъ-Баденъ, который видѣть и умереть (*vedi Baden-Baden e poi mori*) и котораго я, къ удовольствію, не видѣлъ, потому что хочу жить, хотя побѣдъ, наполненный лютеранскими правовѣрными, сворачивалъ передъ моимъ носомъ прямо въ Мекку (чего я не говорю при нѣмцахъ), а я спокойно продолжалъ поганую дорогу на Мангеймъ!

Во Франціи нѣтъ Баденъ-Бадена (давно извѣстно, что во Франціи нѣтъ и поэзіи): *l'on va à Vichy, puisqu'il faut aller quelque part, puisque tout le monde y va!* Поѣздка на воды во Франціи — обрядъ, въ которомъ сердце не принимаетъ участія; въ Германіи это дормать вѣры. Воды во Франціи—въ мундирахъ, какъ солдаты; въ Германіи

(*) Въ Виши ежедневные концерты, а также и балы, даются въ заведеніи *казанъ*, въ залѣ, гдѣ можно задушиться отъ жара и отъ минеральныхъ газовъ.

онѣ остаются съ идилліей засученныхъ по локоть рукавовъ. Въ водахъ Германіи есть содержаніе — свой водный идеалъ; во Франціи въ водахъ, какъ и во всемъ, одна наружность, вывѣска, decouim... Франція устроитъ заведеніе для ваннъ: надъ крышей непременно будетъ флагъ; у каждой двери надпись; каждый водовозъ въ мундирѣ, съ блахой; кадки, вѣдра — съ ярлыками; сторожа, прислужники — въ эмблемахъ, говорящихъ, что они лакси; но комнатки для ваннъ величиной съ шкатулку, и ванны получать возможно только ночью (*), а помѣщаться въ нихъ и вовсе невозможно. Въ нѣмецкой ваннѣ можно жить (о, еслибъ строились дома, какъ ванны!) и ихъ всегда бываетъ вдоволь; но готовить ихъ нѣмка съ голыми руками. У нѣмцевъ Fremdenblatt (листокъ пріѣзжихъ) продается за мѣдную монету въ книжной лавкѣ, и въ лавкѣ, гдѣ колбасы, и въ аптекѣ. Французы для десятка напечатанныхъ именъ заводятъ вѣдомство: коробки съ кантикомъ, мальчишекъ съ кантикомъ и надписи на ящикахъ и на мальчишкахъ: «Liste des étrangers». Листокъ отъ этого обходится дороже сочиненій Шиллера (компактныхъ); за то онъ brevetée и на концѣ его подробно значитъ, что есть другой листокъ, подѣльный, въ чемъ больной и приглашается принять живѣйшее участіе («ne pas confondre la liste brevetée avec une autre liste, qui n'est qu'une contrefaçon de celle-la»). Точно, на другомъ концѣ мелькаеть новая эмблема списка пріѣзжихъ—мальчики уже другаго роста, съ кантиками уже не такими, но также съ надписями всюду.

— Это двѣ компаніи, qui se font concurrence (которыя соперничаютъ)! замѣтилъ мнѣ одинъ больной, отпаивавшій у себя свиней въ Лиможѣ и выпивавшій самъ, — должно быть, въ видѣ опыта, — по полведра воды.

— Которая жъ имѣетъ выгоды?

— Обѣ разоряются!

Вотъ, стойтъ хлопотать такъ безкорыстно!

Смотритель парка, то есть человѣкъ, котораго призваніе — сидѣть на лавкѣ и дремать, владѣетъ здѣсь такими исполинскими усами, на головѣ его такой ужасный киверъ, а при белрѣ такой тесакъ, что пробираетъ дрожь, когда проходишь мимо! У нѣмцевъ это просто старый нѣмецъ въ курткѣ, успокоительно сосущій трубку. Французъ не вѣритъ вещи, если вѣтъ надъ нею ярлыка, смѣется, если человѣкъ безъ вывѣски.... Во Франціи и *сестеръ милосер-*

(*) Въ Виши всякій долженъ быть готовъ къ тому, что получить себѣ ванну, на нѣсколько недѣль, въ четвертомъ часу утра.

дѣла не пощадила мундиристика и прицѣпила имъ какіе-то отръзки коленкора за спиною, вмѣсто крыльевъ!...

Воды Германіи — открытыя объятія всего, что надо человѣку-нѣмцу лѣтомъ: въ нихъ садикахъ—по деревянному дивану на прищельца и по столу на пѣвку (пѣвка не съ умѣть вывязать чулка, если клубокъ не будетъ на столѣ: ей нуженъ столъ, чтобъ не спускались петли)! Во Франціи — четыре каменные скамейки въ паркѣ и стулья за деньги, сдѣланные очень остроумно для того, чтобы на нихъ нельзя было усѣсться. Я видѣлъ ужасъ нѣмца, занесеннаго какимъ-то взмахомъ рока — *шиксаль!* — во Францію, когда онъ сѣлъ на стулъ и долженъ былъ за это заплатить!

— *Deux sous, monsieur, s'il vous plaît!* раздался около него фальцетный голосъ женщины, съ ридикюлемъ черезъ плечо.

Онъ осмотрѣлся, всталъ и только произнесъ: *те зу, шенефена!* потомъ пустился бѣстро по аллеѣ. Женщина пустилась за нимъ.... Не знаю, поддался ли пенѣ безъ вины виновный нѣмецъ, или стульница оставила свой искъ, увидя, что «*monsieur n'est qu'un simple drôl qui ne connaît pas les usages*» (*).

Въ Германіи, по воскресеньямъ, самый воздухъ уступаетъ свое мѣсто людямъ, и чистыя его пространства наполняются угаромъ горькихъ трубокъ мужиковъ. Мужички утоляютъ жажду минеральными водами и заѣдаютъ хлѣбомъ. Во Франціи въ святилище источника проходитьъ сквозъ записку доктора, что значигъ 20 франковъ....

Нѣмецкіе *Kurärzte* (лекаря) ходятъ по аллеямъ даромъ и даромъ говорятъ больнымъ, какое именно число стакановъ слѣдуетъ вливать въ желудокъ, чтобъ его разстроить. Нѣмцу-доктору, если онъ приходитъ повѣрять желудочныя тайны на домъ, вы за два мѣсяца заплатите 100 франковъ, да еще оставите признательнаго человѣка; а французъ вамъ подаетъ *une note*, какъ прачка.

У нѣмцевъ чувствуется связь между водой и ими; мнѣ, по крайней мѣрѣ, длинногорлая бутылка минеральныхъ водъ всегда напоминаетъ нѣмца, длинногорлый нѣмецъ — минеральную бутылку....

Французъ, толкуя о водѣ, употребляетъ термины — *сульфаты*, *сульфиды*, которымъ выучился изъ афишъ; онъ къ ней отвѣсикъ

(*) Не всякій повѣритъ, что собираемыми мѣдными *су* за стулья откупщики въ Парижѣ покрываютъ съ барышами 30 тысячъ франковъ, которые платятъ городу за право держать стулья въ Тюилари, и 60 тысячъ за то же право въ Елисейскихъ поляхъ.

ся свысока. Нѣмецъ весь переходитъ въ воду; онъ растворяется въ водѣ, какъ сахаръ....

Главное, чтобъ всякой вещи было свое мѣсто: чтобъ Тинторета, напимѣръ, смотрѣть въ Венеціи, антики въ Ватиканѣ, во Франціи носить отлично скроенныя панталоны, а соленую брюкву ѣсть въ Вѣнѣ и минеральными водами пользоваться у нѣмцевъ.

Водъ болѣе всего надѣлано на Рейнѣ: Рейнъ—это млечный путь, который выведетъ больнаго на воды, какъ, говорятъ, выводитъ богомольцевъ въ Кіевъ...

Рейнъ долженъ былъ потечь въ Германіи, чтобъ обсадились его горки, чтобъ берегамъ придалась аккуратность, и самая свирѣпость замковъ рыцарей смягчилась виноградомъ, чтобъ вышелъ изъ него тотъ Рейнъ, который тцетно думалъ растрепать Гюго порывами своей фантазіи,—Рейнъ, красоты котораго доступны всякому, какъ цѣны блюдь по утвержденной таксѣ. Рейнъ, разумѣется, хорошъ посвоему; онъ поражаетъ человѣка съ Черной рѣчки, поражаетъ человѣка и съ Москвы-рѣки. Торжественность его и *риттерлихкейтъ* вправѣ сбивать съ ногъ нѣмца изъ Карлсруэ! А такъ какъ нѣмцы, по словамъ моего пріятели, рождаются большей частію въ Карлсруэ, то имъ и позволительно валиться съ ногъ отъ Рейна.

— Нравится вамъ Рейнъ? испытывалъ я каждый разъ энтузіастовъ, бившихся по палубѣ съ разрѣзами и панорамами, продольными и поперечными сѣченіями Рейна.

— О, да! конечно! былъ всегда отвѣтъ.

— Что жъ именно вамъ нравится?

— Какъ что? да все мнѣ нравится!

— И это тоже (пароходъ при этомъ шель обыкновенно мимо мѣста *sehr berühmt* — ужасно знаменитаго)!

— Ну, въ этомъ я не вижу ничего особеннаго!

— Помилуйте, оно-то и особенно! Вы загляните въ планъ.

Испытываемый устремлялся въ планъ и не безъ ужаса отыскивалъ, что мѣсто *sehr berühmt*!

Экзаментъ, продолжавшійся до Бонна, разрѣшался въ Кельнѣ поканіемъ.... Иные прибавляли только: «а все же Рейнъ!» и съ этими нельзя было не согласиться.

Французы, падкіе на все готовое, конечно, если оно изготовлено французами (отчего и готовыхъ платьевъ въ Парижѣ пропасть), ужъ при видѣ пароходнаго билета начинаютъ убѣждаться, *que c'est beau*, и отправляются по Рейну съ доводомъ, карманнымъ, но несо-

крушимымъ: *c'est connu!* У Француза только то и есть, что признано (*connu*), и не будь признано, напримѣръ, что у него есть носъ, онъ былъ бы убѣжденъ, что онъ безъ носа.

.... Я ничего не знаю успокоительнѣй для совѣсти, какъ путешествіе по Германіи. Неправда ль, непріятно видѣть, если то, что васъ везетъ, — торопится, потѣетъ, выбивается изъ силъ? Въ Германіи, что бы ни везло, везетъ всегда какъ будто въ свое удовольствіе, и именно какъ будто въ свое, а не въ ваше. Поѣздъ по рельсамъ катится такъ, что вотъ немножко, — и остановился! Строишь — и остановился, точно! Дальше десяти минутъ паровой рысакъ бѣжать не долженъ: у него отдышка. За то совѣсти легко....

Лошадьми безъ пару можно повѣрять хронометръ: если прошла миля, значитъ пробилъ часъ... Это хронометры тоже, но въ хомутахъ. Подвинуть ихъ труднѣй, чѣмъ вызвать почтальона за *тринкгельдъ* перенести свой бичъ съ высотъ, гдѣ онъ паритъ обыкновенно, на ихъ спины.... Если жъ это и случится, то лошадь, всегда мамонтова роста, почувавъ на спинѣ что-то незнакомое, терлется, неловко скачетъ въ стороны и крутитъ ноги, какъ на картинкахъ подъ Фридрихомъ Вторымъ. Миля оттого не сокращается, и тринкгельдъ пропадаетъ даромъ....

Пароходъ идетъ зѣвакой: смотреть только, какъ бы подхватить кого. Повтому, хватая поминутно, онъ упускаетъ главное — не идетъ впередъ. На палубѣ тѣмъ временемъ подхваченные обзаводятся — кто мѣстомъ, кто знакомымъ, а кто и кофеемъ или стопою пива. Конторщики уже заговорили кабалистическими 42 и 309 (*), и производятъ ими потрясающее дѣйствіе другъ на друга... Австрійскіе офицеры, въ бѣлыхъ мундирахъ, изъ которыхъ неприлично выросли, стучать, безъ всякой видимой причины, палашами; а дѣтей такъ вотъ и тянетъ непреодолимой силою свалиться за бортъ; няньки приходятъ въ ужасъ отъ дѣтей, а маменьки отъ нянекъ; тѣ и другія недовольны. Няньки вяжутъ чулокъ, съ успѣхомъ доходя до пятки... Вдругъ между ними обнаруживается тревога: *Лохенли-Зицъ* или только *Зиценъ-Лохъ* тотъ бугорокъ, мимо котораго поѣдутъ? Онѣ толкаются, хватаютъ *кельнера*, съ полсотнею тарелокъ на ладони, и требуютъ отчета. Кельнеръ, весь поглощенный тѣмъ, что у него пятьдесятъ тарелокъ на ладони, несетъ околесную. Няньки теряютъ изъ виду бугоръ, который такъ и остается Зиценъ-Лохомъ въ ихъ воспоминаніи....

(*), Цифры биржеваго курса.

А пароходъ зѣваетъ и все ловитъ! Die reisende Studenten (*), съ сумкой за спиной и толстыми слоями пыли на ногахъ, только-что сходившихъ въ Италію, причаливаютъ или сходятъ въ лодки; лѣзутъ англичане съ *пледами*, вытаскивая изъ кармановъ телескопы; показываются нѣмки, коротко знакомыя со всѣми Зиценъ—Лохами и оттого снѣдаемыя жаждой вылить на кого нибудь занасъ своихъ познаній; *сэры*, вынимающіе, вслѣдъ за телескопомъ, ткани, которыя мгновенно переходятъ въ тюфяки отъ собственного ихъ, сэрова, дыханья; *леди* безъ пылинки, такія, что при нихъ die reisende Studenten ужь не кажутся людьми, но просто *макъ-адамами!*

Скоро все на пароходѣ двинулось, кромѣ парохода: нѣмки, томимыя охотою малить познанія, соединились съ нѣмками, томимыя охотою познать; дѣтей успѣли рассадить и объясняютъ имъ, какъ возмутительно ихъ поведеніе: дѣти, видя себя эпозоренными передъ обществомъ, стыдятся подымать глаза... Ужь *леди* безъ пылинки улеглась на тюфякъ, набитомъ сэровымъ дыханьемъ, и *рейзенде штудентъ* храпитъ, свалившись у паровика... Конторщики забыли 42, подошли къ нѣмкамъ, у которыхъ снѣтъ патка, и говорятъ имъ видимо не цифры: по крайней мѣрѣ, нѣмки давятся отъ смѣха и выворачиваютъ петли съ скрытымъ счастьемъ... Конторская душа, разставшись съ цифрами, вдругъ натывается плашмя на чувства и даже пробуетъ себя въ стихахъ, которые писала въ школѣ по-латыни. Стихи, на этотъ разъ не по-латыни, выходятъ не безъ поту, въ тропической температурѣ, гдѣ храпитъ студентъ. Романъ, завязанный нѣмецкой рюмою, затягивается сильнѣй полфунтомъ вишенъ, высыпаемыхъ на платье, при чемъ оно не портится, потому что нѣмка уснѣваетъ подложить платокъ....

Подумаешь: что за хорошая вещь жизнь! какъ весело любить! какое счастье сочинять стихи! какъ ярко смотреть солнце съ неба! какъ пахнуть липы съ береговъ! какіе омнибусы ждутъ у пристани! Нельзя не вѣрить въ безконечность духа! нельзя не бѣжать на воды! больнымъ остаться невозможно! Этотъ старикъ, налитый водою, выздоровѣтъ!... Вы развѣ не замѣтили — все розоваго цвѣта: *Зибенбирге* и весь западъ, кѣльнскій соборъ и даже мундиръ на австрійскомъ офицерѣ!...

(Тутъ отпечатокъ рельсовъ и недостаетъ листовъ.)

.... Жизнь не даетъ надеждъ — она ихъ отнимаетъ! На водахъ можно только простудиться.... Кому не позволяютъ средства псны-

(*) Странствующие студенты.

тать, что такое итальянская зима, тотъ можетъ провести ее, съ умеренной издержкою, въ июнѣ и въ июлѣ, въ Крейденахъ, Ишлѣ и Гастейнѣ, Киссингенѣ, Францынсъ-Шлангенѣ-Карльсѣ, Мариентъ и Висъ-бадѣ, вообще во всѣхъ мѣстахъ, куда съѣзжаются, чтобъ проводить съ большою пользою лѣто.... *Куръ-арцтовъ* держать при водахъ, чтобъ не давать больному выздоровѣть (оно расцетливо: вернется въ другой разъ!); они составили свои понятія о человѣческомъ желудкѣ и наливаютъ его водой, какъ пожарную бочку. Человѣкъ прѣдетъ нездоровымъ, а выѣдетъ больнымъ!

... А небо — точно войлокъ, да еще съ дырою: все съпится какая-то промочка! Куда ни глянешь, нѣмцы тянутся смотрѣть *Umgegend* (*).... Старикъ, налитый водяной, и тотъ сидитъ въ бесѣдкѣ, гдѣ печеть, а самъ мечтаетъ объ *Umgegend*, — я это вижу по его глазамъ.... А ужъ глаза не видятъ — только смотрятъ! Онъ восковой, и у него глаза, какъ фольга....

Ребенокъ больше чувствуетъ, что ужъ недолго... Мы только думаемъ, что дѣти глупы... Рядомъ со старикомъ живетъ дитя... его прислали на воды... Оно сидитъ весь день подъ деревомъ и думаетъ... о чемъ? о чемъ-то будто близкомъ... тамъ, возьметъ цвѣтокъ и обрываетъ... Мать наклоняется, целуетъ ручку, блѣдную, худую... дитя прильнетъ къ ея щекѣ и позабудется... Съ игрушками играетъ между тѣмъ котенокъ, подкрадывается, сочиняетъ западни и гнетъ дугою спину, ставитъ хвостъ, какъ свѣчку, и, фыркая, несется къ кошкѣ, которая свернулась на коврѣ... Дитя посмотритъ и не улыбнется, только вздохнетъ... Или подниметъ розу и оциплетъ... Когда приходитъ господинъ въ очкахъ (*куръ-арцтъ*, я это знаю) приставать къ ребенку, то ребенокъ плачетъ.

— Молока побольше! молока! говорить въ подобныхъ случаяхъ ученый и трогаетъ свои очки: — коровы наши знамениты: ихъ молоко, какъ пухъ! Свобода, воздухъ горъ, трава по предписанью, — словомъ, это молоко — лекарство! Купайте въ молокѣ, пойте молокомъ! *du lait, madame, du lait*.

Мать слушаетъ и видно, что жалѣетъ, зачѣмъ нельзя совѣмъ переселиться въ молоко.

Однакожь, воздухъ горъ, свобода и коровы заставили меня подумать: отчего въ горахъ такъ пусто? и отчего какая-то нѣмая вся окрестность? чего недостаетъ ей?... Прислушиваешься: небрякнетъ колоколь коровы, не затрепичитъ сучокъ въ кустахъ и не просунется рогатая фигура, паявно уливленная, куда она попала. День удаляетъ

(*) Окрестности.

ся какимъ—то сиротою: никто его не провожаетъ ревомъ; не замы-
чить и не поднять пылу стадо... Точно не было на небѣ свѣта,
точно ужь никому и не жалѣ, что ночь настала и надо подь запорь...

Вотъ женщина, въ запачканныхъ навозомъ башмакахъ, съ вед-
ромъ, просовывается въ двери какого—то глухаго темнаго сарая...
Пронзительно удушливая атмосфера воня бьетъ внаружу. Десятковъ
узниковъ съ рогами, на цѣпяхъ, жуеть у яслей, дышетъ тяжело и
косо взглядываетъ на дверь... А за дверью стоитъ вечеръ съ запа-
хомъ травы...

— Зачѣмъ же онѣ дома? спросилъ я женщину, которая впотьмахъ
дошла.

— Дома? а гдѣ жь имъ быть? Онѣ и то все дома!

— Какъ, и днемъ?

— И днемъ, и вечеромъ, весь годъ! Травы у насъ довольно дома.
Послѣднія слова произносились гордо.

— Пригомъ же, продолжала женщина: — наши коровы sind zu
lustig—слишкомъ веселы: ихъ выпусти на волю—молока не будетъ!

«Какъ странно!» думалъ я: «надо имѣть ипхохондрию, чтобъ было
молоко.»

— И у всѣхъ коровы заперты?

— У всѣхъ... у кого онѣ есть, прибавила глубокомысленная ба-
ба: — коровники здѣсь, слава Богу, имѣють, чѣмъ кормить скотину!
Да притомъ, когда стоитъ, не съѣсть такъ много.

Бѣдная скотина!

— Ну, да вѣдь и молоко—то будетъ густо?

— О, freilich густо! молоко густое. Только выпить, такъ на же-
лудкѣ слышишь... густое молоко, тяжелое... ja, freilich!

Бѣдное дитя!

.... Сегодня все черно. Тучи спустилися такъ низко, будто хот-
ятъ закрыть собою землю... Еловые лѣса стоятъ, какъ ночь... По-
токъ, измученный дождями, скачетъ злобно. Сплавныя бревна ме-
чутся по немъ, то ударяясь концомъ о камни, то несаясь стоймя, под-
нятыя водоворотомъ.

На меня всегда наводитъ тягостное чувство картина пущеннаго
на волѣ рѣчки лѣса. Давно ли онъ стоялъ такъ твердо мощными
корнями, какъ крѣпкою ступенью, въ мшистой почвѣ, съ весною
зеленѣлъ и золотился осенью, шумѣлъ, качался, не сдавался бурѣ?

«Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ—холодомъ,

«И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
Вороти назадъ!
Держи около!»

И вотъ несетъ тебя, по шальной прихоти своей, волна, кидаетъ тобой о берегъ, гдѣ ты хозяйничалъ, и тѣшится твоею немощью!...

Пришло ли кому въ голову, что въ этомъ сплавѣ лѣса — цѣлая поэма жизни? Дерево ль, корова, или человѣкъ, — развѣ не все равно? Все тѣ же атомы природы, брызги и песчинки цѣлаго, всеобщаго, все сливашаго своею единицей — міра... Увезено ли изъ роднаго мѣста, или вырвано у корня, заперто въ сарай, — все одинаково отторгнуто отъ тѣла матери-природы, поругано въ ея святомъ чертогѣ.

Сначала бревна, спущенныя вмѣстѣ, мчатся дружно: ужъ если горе несть, все легче вмѣстѣ... Вдругъ глыба: ухъ! и разлетѣлися по сторонамъ... Одно пошло впередъ, расщепленное, другими кинуло о берегъ, гдѣ имъ и завязнуть въ тинѣ; которыя схватили водоворотъ и крутить-крутить, такъ что и не узнать, куда потомъ метнетъ его. Немногія пошли впередъ, осиротѣлыя и не досчитываясь братьевъ.. Омуть: всѣхъ нестало! Думаешь: хотъ отдохнуть на днѣ — не тутъ-то было: вышвырнетъ за полъ-версты, и изъ немногихъ поплыветъ ужъ только двое... Вотъ одно попятилось — идетъ назадъ... авось, верхнетъ его къ родному корню. Прилегло бы да и сгнило. Нѣтъ, подняло и мчитъ по быстринѣ и обогнало остальныхъ... Впередъ! впередъ! нѣтъ мочи! хотъ бы поскорѣй до берега — чужаго, все равно — до берега бы только!...

Вотъ лошадыи, гужомъ, противъ теченія вздымаютъ бичевою барку... Бревна толкаются въ ея бока и идутъ мимо... Можетъ быть, росли сосѣдями бревна и барка, и, можетъ, будущей весной и эти бревна ужъ поѣдутъ баркой въ верховья, забирать своихъ убитыхъ братьевъ!...

За баркою идетъ процессія съ крестомъ — эмблемой вѣчнаго страданія. Хоронятъ старика, умершаго отъ водяной.. А вчера онъ собирался ѣхать in Umgegend!...

Изъ этой хижины чуть выходило солнце изъ-за горъ, шелъ на завалянку работникъ, изувѣченный машиной. Солнце уходило за горы — онъ тоже уходилъ... Сегодня онъ не вышелъ вовсе...

Подходить парходь... А черная, какъ катафалкъ, туча идетъ навстрѣчу... На палубѣ толпа... Есть тамъ и пара новобрачныхъ — это сейчасъ видно: ихъ губы только и умѣютъ улыбаться; глаза все видятъ ясное — они не видятъ тучи. Они украдкою отъ кельнера,

который подаетъ объѣдъ, жмутъ руки... Салфетка на полу — причина къ поцѣлю; чихнулъ сосѣдъ — ребяческій смѣхъ, безъ мѣры, безъ причины... Для чего причина, если въ сердцѣ столько счастья?.. Смѣйтесь! смѣйтесь громче! И вы на порогѣ: перешагнете, будетъ не до смѣха... Вонъ видите, тамъ женщина, прекрасная, какъ роза послѣ бури; рядомъ мужъ, избитый не годами — жизнью.... Ихъ губы позабыли улыбаться; руки ихъ слабы для пожатій, скоронивши счастье... Они еще недавно ѣхали — гораздо больше, чѣмъ влосмь...

Тамъ молодая дѣвушка сидитъ и утираетъ слезы... Съ берега долго махала ей старушка влажнымъ носовымъ платкомъ... Можетъ, отпустила дочку къ чужимъ людямъ — искать иглою и потомъ хлѣба. Объѣдъ себѣ спросила горемыка — чашку кофе, и расплатилась мѣдью... Миѣ казалось, что слезы попадали даже въ кофе... А старушка? Что, готовить ли и ей, какъ прежде, чашку? Нѣтъ, только себѣ: ея осталася въ шкау... Старушка, вѣрно, тоже приправляетъ завтракъ горемъ...

А вонъ другая женщина, вся въ кружевахъ; курьеръ въ прекрасныхъ бакенбардахъ окуталъ ей ноги шалью и повторилъ четыре раза excellence... Дѣти, здоровыя, какъ утро, ластятся и лѣзутъ цѣловать ее въ лицо... А щеки и глаза ея потухли, и она куда-то ѣдетъ умирать отъ воды!...

Вѣдь кажется, куда нелѣпо и для чего любить все то, что умираетъ, чахнетъ, покидаетъ, что вчера сулило жить и уже не вставало нынче! Привязаться къ человѣку! Да не лучше ли къ звѣздѣ, которая косою полосой стремится съ неба — заблестѣла, даже не успѣлъ сказать: постой!...

Я счастливѣйшій подъ клѣномъ маленькаго сада: вѣтвистый здоровякъ меня переживетъ. Я прихожу поутру, убѣжденный, что найду его такимъ же, какъ вчера; а вечеромъ иду спокойно спать и знаю, что завтра меня встрѣтитъ тѣнь его, прохладная, безъ перемѣны... Внукъ мой прилетитъ сюда на аэростатѣ и отдохнетъ отъ поднебеснаго пути подъ той же тѣнью.

Мой хозяинъ — нѣмецъ, роетъ огородъ и думаетъ: «какъ разростется брюква!» А брюква выростетъ его вдовѣ!

Забавно! то, что человѣкъ дѣлаетъ, не умираетъ; а онъ и не докончитъ часто, какъ умереть. Корреджіевою ночью я люблюсь, зная, что ея предназначенье — вѣчность! Подъ трещинами красокъ море свѣта не погаснетъ... И знаешь, что погаснутъ поколѣнья, какъ ужъ гасли, а холстъ все будетъ также свѣтелъ...

..... Но — увы! — что жь сдѣлали съ корреджіевою ночью?

— Сторожь! sie! что сдѣлалось съ картиной?

— Картина war restauriert: теперь узнать нельзя! самодовольно отвѣчаетъ нѣмецъ.

И точно, теперь узнать нельзя!...

А клѣвъ? Я слышу звуки топоровъ... бѣгу: упрямый богатырь противится, сжалъ крѣпкіе бока и не сдается людямъ. Но вотъ зеленая вершина дрогнула, и отскочили люди... ницъ на землю! Только поднялъ вѣтви кверху, точно руки, и молитъ о пощадѣ... Поздно! Изъ пня пошли обильныя и понапрасну пролитыя слезы!..

Ужь если нѣмецъ вздумалъ сѣять огородъ, — не жить тебѣ: ты задушалъ бы брюкву!...

П. КОВАЛЕВСКИЙ.

Юль 1858.

Ишль.

ОЧЕРКИ НАРОДНАГО БЫТА.

VIII. (*)

БОВЫЛЬ.

«Унасъ, на краю села, жилъ мужикъ Карней; онъ ни роду ни племени не имѣлъ: при немъ находился только его сынишко лѣтъ десяти. У Карнея былъ домъ, очень чуденъ! Ни тебѣ соломы на немъ, ни жерди. Одинъ уголъ въ срубѣ поднялся вверхъ, — Карней его взялъ да скрутилъ веревками. Зимой снѣгъ валилъ въ избу. Зимой Карней рѣдко жилъ дома, а спасался кое-у-кого у сосѣдей.

«Насчетъ благородства — Карней.... толковать нечего! умный!... и такъ старателенъ насчетъ ежели обмануть кого... Онъ никогда не работалъ, а сытъ былъ всегда. Шапка на немъ, то есть, вышла изъ употребленія; но на обувь онъ обращалъ свое вниманіе, ходилъ больше въ сапогахъ.

«Хлѣбопашествомъ Карней не занимался сроду. Сперва онъ все коммерцію устраивалъ: табачную лавочку у себя открывалъ, ѣздилъ по деревнямъ съ мелкимъ товаромъ. Но какъ у него не было капитала, такъ онъ бросилъ все, и вышелъ изъ него послѣдній человѣкъ.

(*) См. «Современникъ» 1859 г. № 4.

«Угодить начальству — это за наше почтеніе! Карней умѣлъ съ важными лицами поговорить и услужливостію своею всѣхъ превзошелъ: напримѣръ, паловить въ рѣкѣ раковъ лаптями и понесеть къ становому. За то, случись гдѣ нибудь несчастіе, глядь, Карней съ становымъ катить на слѣдствіе; на козлахъ сидитъ. А то иному въ день ангела принесеть зайца въ подарокъ, иному добудеть живую драхву.

«Карней почти никогда не платилъ обществу податей. За это его часто сѣкли. Да онъ не боялся казни! Случалось такъ: сидитъ онъ въ своихъ сѣняхъ и рассказываетъ, какъ одинъ козакъ на Дону влюбился въ козачку. Народъ слушаетъ. Вдругъ прибѣгаютъ къ нему и говорятъ: «Эй! Карней, на сходку!» Идетъ. На сходкѣ спрашиваютъ:

«— Чтò жь деньги?

«— Повременяте, братцы: отдамъ.

«Ну, сейчасъ наказывать за неплатежъ податей. Высѣкутъ— онъ поддернетъ штаны, прибѣжитъ опять въ свои сѣни и опять рассказываетъ: ну, вотъ, братцы мой, и влюбился козакъ въ козачку.... На Дону дѣло было....

«Разъ его чуть не засѣкли до смерти. Карней ужь тутъ не вытерпѣлъ, всталъ и началъ говорить міру:

«— Вы наказывайте, да не забывайте.... Въ одной деревнѣ одного мужика, не плошь меня—тоже Карнеемъ звали—совсѣмъ уходили. Вотъ тутъ и дивись!

«Ну, голова велѣлъ его освободить. «А то, говоритъ, за правду мы его до смерти заколотимъ».

«Пропитывался Карней такимъ манеромъ: къ примѣру, услыхалъ онъ, что у попа пекутъ блины; какъ разъ добудеть цѣпь, прилетитъ на поповскій токъ и давай молотить съ работниками. Близъ обѣда приходитъ туда священникъ. Карней сброситъ съ себя шапку, вытянетъ руки и подходитъ подъ благословеніе.

«— Какъ дѣла? спроситъ священникъ.

«— Все благополучно, ваше высокоблагословеніе! Работники ваши усердно стараются. Давеча гляжу на нихъ и думаю: надо пособить. Ужь цѣпь добылъ — взялъ.

«— Спасибо. Бросайте-ко цѣпы, идите ѣсть блины.

Карней опять пустится подъ благословеніе, а послѣ обѣда и исчезнетъ.

«Будь гдѣ ни-на-есть крестины, Карней первый тащитъ купель, носить воду, зажигаетъ свѣчи... однимъ словомъ, наба-

ловался — шабашъ! Ни одной вечеринки, ни одного сборища не обходилось безъ него. Онъ даже, вотъ ежели скоть мреть, съ бабами опахиваетъ землю.... поеть съ ними.... И бабы ему ничего. А въ опахиваніи у насъ мужиковъ не должно быть.

«Только вѣжливостію своею Карней заставлялъ каждаго любить себя. Однавѣ священникъ съ попадѣей уѣхали въ гости за 50 верстъ и дома оставили груднаго ребенка. Карней этого ребенка качалъ въ люлькѣ и кашей кормилъ. Былъ замѣсто старухи.

«За такое благодареніе поппъ сдѣлалъ его караульнымъ при церкви и положилъ ему перковное жалованье. Но Карнюха былъ не очень усерденъ къ службѣ: всякому рассказывалъ, что онъ ночи не спитъ напролетъ, а на самомъ дѣлѣ заляжетъ въ караулкѣ, проведетъ отъ колокола къ своей ногѣ веревку, лежитъ и благовѣститъ; а мы думаемъ, онъ караулитъ. И все говорить: «каждую ночь мертвецовъ вижу». Сидитъ, это на завалинкѣ у караулки, передъ нимъ стоитъ какая нибудь баба.

«— Здорово живешь, Карней Левонычъ!

«— Здравствуй!

«— Ничего ты нынѣ ночью не видалъ?

«— Нынѣ ночью страшно было! Въ глухую полночь столько мертвецовъ провалило, что я думалъ—настаетъ страшный судъ....

«— А невѣстка моя ходитъ?

«— Ходитъ.

«Однако скоро наскучило Карнею быть караульнымъ, и онъ опять пустился по крестинамъ, по вечеринкамъ разнымъ.

«А вотъ наступаетъ Святая Недѣля. Карней первый вызоветъ въ оброшники (оброшники нѣсятъ образа), ударится съ попами по приходу. Чтобы не носить Божьей Матери или Николы (у насъ это самые большіе образа), Карней схватитъ фонарь и несетъ его впереди всѣхъ, а то кропило, которымъ людей кропятъ.

«На улицѣ примется съ дьячками пироги дѣлать.

— Ты что тамъ дѣлаешь? спроситъ его, въ ризахъ, священникъ.

— А вотъ хлѣбы дѣлю, ваше высокоблагословеніе! У Сидоровыхъ вашей матушкѣ пожертвовалась драчена, такъ я ихъ въ общество не кладу.

— Не клади!

«Карней тоже любилъ запѣвать духовныя пѣсни. Въ избѣ еще не совсѣмъ молебень кончился, а онъ ужъ выносить свой фонарь и на всю глотку оретъ — мужики подтягиваютъ. Такимъ образомъ, всѣ шумать...

«Тоже, когда дома что нибудь работаетъ, безпремѣнно поетъ. Въ домѣ ни крохи нѣтъ, — такъ и быть! Стоитъ съ топоромъ въ сѣнцахъ, глядитъ вверхъ — бревно хочетъ стащить, а самъ тянетъ: «я-ако....»

«— Отчего ты, Карней, не работаешь? спросишь его.

Заголосить:

«— Братцы! повѣсьте меня, не могу я работать.... Я человекъ не такой....

«На Кирика и Улиты онъ померъ. Сыну своему отказалъ шапку съ кафтаномъ и наставленіе давалъ ему: дескать, подражай мнѣ во всемъ!

«Одинъ барскій лакей сочинилъ ему на могилу стишокъ:

«Здѣсь лежитъ Карней,

«Скончавшійся въ 7 дней.»

IX.

ОБЪДЪ У ПРИКАЩИКА.

По случаю именинъ прикащика Ястребова, въ деревнѣ Чуркахъ съ ранняго утра происходили большія хлопоты. Староста повѣщалъ мужиковъ, чтобы они приходили поздравлять прикащика и запасались подарками. Земскій, правая рука Ястребова, слывшій за начитаннаго и высокоумнаго человека, ѣздилъ по сосѣднимъ деревнямъ съ приглашеніями на обѣдъ. Онъ распустилъ слухъ, что Ястребовъ, несмотря на зимнюю пору, намѣренъ поставить въ Чуркахъ фейерверкъ. Когда удивленный именинникъ сталъ у него спрашивать, кто такой слухъ распространилъ, земскій клялся отцомъ и матерью, что не онъ. Тѣмъ не менѣе, отозванные на праздникъ прикащички мечтали объ ожидающихъ ихъ увеселеніяхъ въ Чуркахъ. Одни объясняли дома своимъ женамъ, что такое буракъ, свѣчи римскія; другіе, не имѣющіе женъ, толковали работницамъ, что фейерверки бываютъ

только на коронаваніяхъ царей и что поэтому какъ бы чуркинскій прикащикъ не попалъ въ острогъ за свои затѣп.

Первыѣ въ Чурки пріѣхалъ сельскій церковный причетъ, приглашенный служить молебень. Его, по приказанію Ястребова, земскій помѣстилъ въ кухнѣ, гдѣ двѣ работницы вытаскивали изъ печи горшки, жареныхъ гусей, и отъ изнурительной хлопотни казались совершенно ополоумѣвшими. Земскій столько чувствовалъ въ себѣ внутренняго достоинства, что, не успѣвши поздороваться съ дьячками, замѣтилъ имъ ихъ неопрятность и велѣлъ подобрать на затылкѣ пучки. Тѣ посмотрѣли на него съ изумленіемъ.

По мѣрѣ съѣзда гостей, прикащикъ кухня наполнилась народомъ. Въ ней находились староста чуркинскій, кучера, какія-то старухи и мѣщане. Кучера вели между собою разговоры о своихъ прикащикахъ. Говорить громко они боялись, потому что въ кухнѣ часто появлялся хлопотливый земскій съ приказаніями шаршавымъ мужикамъ, бѣгавшимъ съ посудой. Кучера и съ земскимъ кое-о-чемъ поговаривали, сохраняя къ нему должное уваженіе. Они его спрашивали о предметахъ возвышенныхъ. Земскій съ важностію объяснялъ имъ обращеніе земли около солнца или, напримѣръ, что такое Англія. «Англія — говорилъ онъ — есть океанъ и вѣруеть во многихъ боговъ». Снова прибѣжавши въ кухню, земскій продолжалъ: «самая непросвѣщенная имперія!» и снова уходилъ въ горницу, держа въ рукахъ вилку, крышку отъ самовара или что нибудь въ родѣ этого. Староста со вздохами разсматривалъ въ переднемъ углу образа и силился по складамъ прочитатъ правоучительный анекдотъ, вставленный въ рамку. Анекдотъ былъ такой: «сія матерія взята изъ глубокой древности въ назиданіе старцамъ, вьюношамъ, рабомъ и господамъ: некогo лѣкаря спросили въ собраніи, не знаетъ ли онъ лѣкарства отъ грѣховъ? Лѣкаръ отвѣчалъ: возьми-накопай кореньевъ послушанія, надери коры терпѣнія, нарви листьевъ душевной скорби. Все сіе изсуши постомъ воздержанія и изотри въ порошокъ колѣнопреклоненіемъ. Положи въ кострюлю добрыхъ дѣлъ, помѣшай весломъ покаянія, остуди и принимай по три ложки въ день страха Божія».

Дверь въ кухнѣ была растворена настежь. Въ нее взадъ и впередъ бѣгали мальчики, мужики съ тарелками и пирогами. Въ горницѣ шла закуска. Староста, бросивъ поучительный анекдотъ, стоялъ у притолоки и смотрѣлъ за порядкомъ, хотя и зем-

скій исполнялъ ту же должность въ строжайшей точности. Онъ земли подъ собою не видѣлъ: поминутно кричалъ, суетился и успѣлъ такъ постушить съ однимъ служителемъ, котораго заподозрилъ въ сѣденіи куска пирога, что приказалъ ему открыть ротъ. Не нашедши тамъ ничего, онъ съ удивленіемъ спросилъ служителя, отчего же у него отдулась щека. Служитель сказалъ, отчего отдулась. Земскій проникся сожалѣніемъ къ бѣдному мужику и приласкалъ его.

Кучеръ воронецкаго прикащика говорилъ въ кухнѣ старухѣ про свою прошлую, солдатскую жизнь, гдѣ бывалъ и чего на-принимался.

— Были, бабушка, и въ градѣ Кіевѣ, повѣствовалъ онъ. — Окромя вѣдьмъ тамъ никто не живетъ. Въ каждомъ домѣ вѣдьма. Намъ Господь далъ одну поймать. Сизая такая. Послѣ она обратилась въ лошадь. Мы эту лошадь продали за пятнадцать рублей.

Старуха, вытаращивъ глаза, смотрѣла на разсказчика.

Гости Ястребова находились въ продолговатой выбѣленной комнатѣ. Въ числѣ гостей, состоявшихъ изъ десятка прикащиковъ съ женами, былъ какой-то помѣщикъ, точно сейчасъ явившійся съ сѣновала; были и купчики, ведшіе себя скромно и вѣжливо.

Закуска была кончена. Хозяинъ, съ лысиной на головѣ, съ рыжими усами, бѣгалъ по комнатамъ, въ гнѣвѣ вырывалъ у мужиковъ подносы съ рюжками и подчивалъ самъ гостей. На диванѣ рядомъ сидѣли рыхлые и громко икавшія прикащицы, которыя отъ нечего дѣлать щупали другъ у друга платья, спрашивая, по-чемъ ситецъ...

Въ толпѣ гостей, уже выпившихъ и стоявшихъ въ дверяхъ, слышался хохотъ. Тамъ что-то разсказывали.

Въ передней хозяинъ бранилъ служителей. Пьяный гость-прикащикъ слушалъ его и вдругъ, забывъ, что онъ въ гостяхъ, вскинулся себѣ на мужиковъ.

— Да вы что же разговаривать вздумали? закричалъ онъ. — Я васъ, какъ червей, раздавлю!

Передъ толстыми прикащицами стоялъ горбатый прикащикъ Коровкинъ.

— У насъ, въ Орловской губерніи, говорилъ Коровкинъ: — былъ басъ. (Истинная правда.) Знаете, на Вербное въ заутрени онъ такъ цапнулъ, что одна женщина ребенка уронила на полъ... Да

вы позволите, вы не вѣрите? У насъ въ Орловской можетъ быть все...

— Нѣтъ-съ, ужь оставьте, пожалуйста, говорила съ пренебреженіемъ одна прикащица, Марья Сидоровна:—что, каковы у васъ нынѣ огурцы?

— Какъ-то плохи, Ирина Федосѣевна!

— Я вамъ докажу еще не то! кричалъ Коровкинъ, приставая къ прикащицамъ: — я въ Орловской собственными глазами видѣлъ дьявола... Отсохни языкъ! ночью ловилъ я перепеловъ... вдругъ молнія освѣтила; а онъ съ рожками сидитъ на лугу.

Сидѣвшій вмѣстѣ съ купцами непричесанный помѣщикъ затрогивалъ вѣру и Россію. Рѣчь его отличалась крайней безсмыслицей.

— Позвольте, Федоръ Федорычъ, перебилъ его купецъ: — я вамъ доложу про нашего мальчика:—мой братецъ родной... Онъ, къ примѣру, съ пяти лѣтъ охоту возымѣлъ къ божественной религіи, стало быть пристрастіе къ ней имѣлъ вона какое! Мы перва дивовались на него, да на шестомъ годочку и тиснули его въ монастырь. Тепереча ему ровно восемнадцать лѣтъ: дѣло выходитъ пустое. Врагъ рода человѣческаго соблазняетъ его бѣжать оттелева, изъ святыхъ-то мѣстъ. Мы же, Федоръ Федорычъ — какъ, можно! — противимся и увѣщаемъ братца: «моль, ежели ты, братецъ, пяти лѣтъ отъ роду своего возжаждалъ благодати Господней, то ужь теперича тебѣ лебошничать не приходится.»

— Вѣрно, онъ у васъ глупъ, братъ-то? сказалъ помѣщикъ.

— Оченно, оченно недалній человѣкъ, тоскливо вымолвилъ купецъ.

Часа въ два начался обѣдъ. Гости сидѣли тихо, не шевелясь. У двери стоялъ староста. Хозяинъ, сверкая глазами, смотрѣлъ, какъ мужикъ несъ тарелку съ супомъ.

— Сюда, сюда! сердито вскрикнулъ онъ: — станови здѣсь! Господа, да что же вы ничего не пьете? Иванъ Петровичъ!...

— Я больше не могу.

— Да ну, чортъ возьми! Для кого же я все это приготовилъ! У лакея за столомъ—полакейски веди себя....

— Я слышалъ, вы, Иванъ Иванычъ, хорошо продали гречиху...

— Эй, Иванъ! сказалъ хозяинъ, не слушая гостя: — позови мнѣ Петьку! Да ну! живѣй!—Хозяинъ отъ нетерпѣнія повернулся на стулѣ.

Явился мальчикъ Петька.

— Поди сюда! ты что же не погрѣлъ лафита?

— Я и то погрѣлъ, сквозь зубы отвѣтилъ посинѣвшій мальчикъ.

— Староста!

— Чего изволите? тихо сказалъ староста, выступая впередъ.

— На житный дворъ!... скорѣй! Да что же вы не пьете, гости? Не смотрите на меня.... Я всегда таковъ.—Стой! стой! закричалъ вдругъ хозяинъ, выскакывая изъ-за стола и подбѣгая къ мужику, который несъ тарелку къ столу.—Ты куда несешь? куда несешь?

— Вотъ имъ, сказалъ мужикъ.

— А ты не видишь, здѣсь помѣщикъ сидитъ?... Староста! приготовь тамъ....

— Готово, отвѣтилъ староста.

Хозяинъ вырвалъ у мужика тарелку и воскликнулъ:

— Пошелъ прочь... Ваньку позвать!

Явился малый лѣтъ семнадцати.

— Держи тарелку, сказалъ хозяинъ: — подавай, какъ подаешь? кому слѣдуетъ?

— Вотъ имъ, указавъ парень на помѣщика.

— Почему?

— Потому что они помѣщики.

— Ага! садясь на свое мѣсто проговорилъ Ястребовъ: — да пейте, братцы, что ли....

Гости, однако, не церемонясь, пили.

— Что вы такъ горячитесь, Иванъ Ивановичъ? спросилъ хозяина помѣщикъ.

— Такого Богъ создалъ, — жадно глотая куски, сказалъ хозяинъ. — Гм... съ этими скотами... скажи, Ванька, тамъ всѣмъ, что я у всѣхъ душу вымотаю! Я васъ дамъ! ну, что жъ стоишь? скорѣй зайцевъ неси!

Иванъ принесъ зайцевъ.

— Поди сюда! вставая и подходя къ малому, заговорилъ хозяинъ.—Ты что принесъ?

— Зайцевъ, съ помутившимися глазами, вымолвилъ парень.

— Жареныхъ?

— Жареныхъ....

— Къ жареному что надо?

Иванъ молчалъ.

— Что надо?

Слезы показались на глазахъ у парня.

— Ты не помнишь салата? ты его не помнишь?... Староста!

— Чего изволите?

— Бери!... Еще кто тамъ есть?

— Симіонъ.

— Зови!

Явился запачканный и ошипанный мальчикъ.

— Что къ жареному нужно? спросилъ хозяинъ, самъ держа зайцевъ.

— Солдатъ, выговорилъ мальчикъ.

— Ладно, неси солдата.

— Марья Семеновна! вполголоса говорилъ одинъ прикащикъ сидѣвшей противъ него прикащицѣ:—наливочки не угодно ли?

— Какая?

— Вишневка-съ... Извольте! Замѣчаете, Марья Семеновна, какъ у этихъ служителей проявляется духъ вольности?...

— Замѣчаю...

— Ступай за пирожнымъ! кричалъ хозяинъ.—Староста! скажи, чтобы тамъ меня подождали на житномъ... Ты что? куда суешься? куда становишь пирожное? Говори, можно одно блюдо на другое ставить? а?

— Нельзя....

— Староста!...

Хозяинъ самъ взялъ тарелку съ пирожнымъ, поставилъ ее на столъ и сказалъ:

— Прошу покорно.

Гости взяли за пирожное.

Послѣ обѣда прикашики въ безпорядкѣ бродили изъ комнаты въ комнату, хохотали и цаловали своихъ женъ. Хозяинъ нѣсколько разъ исчезалъ изъ горницы и нѣсколько разъ являлся съ краснымъ лицомъ, часто повторяя: «когда же это наконецъ Русь просвѣтится?»

Гости разъѣхались поздно. Одинъ прикащикъ, подѣхавъ къ своему дому и видя невозможность быть вытщеннымъ изъ са-

ней, приказалъ запросто вывалить себя у крыльца. Многие плу-
тали въ поляхъ, видѣли разныя привидѣнiя и нечаянно заѣзжа-
ли въ кабаки.

XI.

ДОРОЖНЫЯ СЦЕНЫ.

1.

(Среди постоялаго двора ямщикъ запрягаетъ лошадей въ четырехъ-
мѣстный тарантасъ; подлѣ него стоятъ двѣ крестьянскiя старухи и одна
молодая, очень красивая баба въ синей поддевки съ опушкою на рукавахъ
и въ козловыхъ ботинкахъ. Высунувъ голову изъ тарантаса, смотритъ на
молодую бабу купецъ. По двору идетъ офицеръ, съ узломъ въ рукахъ.)

Офицеръ. Что имъ нужно?

Ямщикъ. Да съѣхать до Москвы съ нами желаютъ: на пе-
редокъ просятся.

Офицеръ. Всѣ?

Ямщикъ. Нѣтъ, одна молодая баба.

Офицеръ (*подошедши къ бабѣ и посмотрѣвъ ей въ лицо*).

Посади, посади.

Старухи (*вмѣстѣ*). Ахъ, спасибо вамъ, ваше благородiе!...

(*Къ тарантасу идутъ гимназистъ, большаго роста и молодой
человѣкъ въ партикулярномъ платьѣ, готовящiйся въ универси-
тетъ.*)

Гимназистъ и готов. въ универс. Кого это посадить?
старуху?

Ямщикъ (*натягивая супонь*). Молодую, на передокъ.

(*Молодая баба рассчитывается съ ямщикомъ. Путники садятся
въ тарантасъ.*)

Старухи (*прощаясь съ бабой*). Прощай, моя ягодка, про-
щай, милое дѣтище, прощай, сокруха!...

Офицеръ (*изъ тарантаса*). Зачѣмъ она ѣдетъ въ Москву?

1-я старуха. Мужа провѣдать: при смерти, батюшка....

Офицеръ (*надѣвая перчатку*). Ты ему мать?

1-я старуха. Мать.

Офицеръ. А ты?

2-я старуха. А я мать этой бабочки, что съ вами ѣдетъ. Не оставьте ея, ваше благородіе!

Офицеръ (*съязая со двора*). Хорошо, хорошо.

2-я старуха (*на бѣгу*). А вотъ, ваше благородіе, она разъ тоже нанимала на передокъ, такъ одинъ баринъ, не плоше васъ, посадилъ ее рядомъ съ собою....

(*Офицеръ смѣется и гладитъ свои усы. Молодая баба сидитъ на передкѣ, подвязывая подъ подбородокъ бѣлый платокъ. Тарантасъ ѣдетъ.*)

Кучеръ. Эй, вы!...

2.

(Вечерѣтъ. На каменной дорогѣ въ полѣ стоитъ тотъ же тарантасъ. Кучеръ перелаживаетъ постромки.)

Офицеръ (*въ тарантасъ*). Ее надо посадить съ нами.

Купецъ. Почему жъ не такъ? А то можетъ случиться несчастіе : какъ-разъ слетитъ съ передка—то... Отвѣтишь, пожалуй...

Гимназистъ. Конечно, лучше посадить. Вѣдь мѣсто есть.

Офицеръ (*высовывая голову въ лѣвое окно*). Баба, а баба!

Баба. Чего—съ?

Офицеръ. Садись къ намъ.

Купецъ. Садись, тетенька, къ намъ...

Кучеръ (*осаживая назадъ пристяжную*). Ступай къ нимъ. Мнѣ отъ тебя править несподручно.

(*Баба слѣзаетъ съ передка и садится въ тарантасъ*)...
купцомъ.)

Купецъ (*усмѣхаясь*). Тебя, матушка, Дарьей звать?

Баба. А ты почему знаешь?

Купецъ. Да я знаю. Мнѣ про тебя говорили.

Баба. Кто жъ это тебѣ сказывалъ?

Купецъ. Да одинъ человекъ... (*Офицеру*) Ваше благородіе! Одна я ѣхалъ; только, откуда ни возьмись, идетъ баба. Я ей сейчасъ говорю, не хуже теперяшняго: тетенька, садись со мной! Она прямо мнѣ: «я бы, голубчикъ, и сѣла, да... нельзя... (*Офицеръ смѣется.*) Значитъ, постигла мои намѣренія...

Офицеръ. Ямщикъ! сколько до станціи?

Ямщикъ (*вѣзая на козлы*). Двѣ версты.

Офицеръ. Дарья, гдѣ жъ ты будешь ночевать? въ кухнѣ?

БАБА. Нѣтъ-съ... надо вѣдь за ночлегъ деньги платить. Я лучше въ тарантасѣ лягу.

ОФИЦЕРЪ. Ну, хорошо. Кстати покараулишь наши вещи... *(Готовящемуся въ университетъ тихо)* А недурно за ней приволокнуться: бабенка чудная!..

ГОТОВ. въ унив. *(съ видомъ знатока)*. Чудная!...
(Тарантасъ ѣдетъ.)

3.

(Вечеръ; темно. Постоялый дворъ, наполненный экипажами. Кое-гдѣ свѣтятся фонари. По угламъ кричатъ извозчики: «Эй, Егоръ, куда хомутъ дѣвалъ? Митрій, поди сюда... подсобляй! ну!...» Офицеръ, купецъ, гимназистъ и готовящийся въ университетъ стоятъ въ кучѣ у тарантаса.)

Ямщикъ *(отпрягая лошадей)*. Вотъ что, господа: вы нонѣ не мѣшкайте. Я стравлю мѣру овса, да и запрягать. Завтра надо пораньше въ Москву.

ОФИЦЕРЪ *(гимназисту)*. Г. Орѣховъ! распорядитесь подите насчетъ чаю...

ГИМНАЗИСТЪ. А вы куда отправляетесь?

ОФИЦЕРЪ. Я здѣсь останусь. Я скоро явлюсь. Мнѣ нужно сообразить кое-что...

ГИМНАЗИСТЪ *(указывая на готовящагося въ университетъ)*. Вонъ г. Орловъ лучше пойдетъ, распорядится... Мнѣ тоже надо кое-что сообразить...

ОФИЦЕРЪ. Но, господа, къ чему это?... Вы понимаете...

ГИМНАЗИСТЪ *(отвертываясь)*. Толкуйте!...

ОФИЦЕРЪ *(съ упрекомъ)*. Я думаю!... Купецъ! а что жъ стоишь?... Ступай въ номеръ.

КУПЕЦЪ *(съ важностію)*. Мы въ ресторацію пойдемъ. Тамъ покрайности вдоволь всего подадутъ.

ОФИЦЕРЪ. Ну, ступайте въ ресторацію!

(Купецъ уходитъ. Офицеръ гимназисту и готовящемуся въ университетъ что-то шепчетъ. Молодые люди удаляются въ номеръ. Офицеръ подступаетъ къ тарантасу и тихонько начинаетъ приподнимать каждую занавѣску.)

БАБА *(изъ тарантаса)*. Кто это?

ОФИЦЕРЪ *(негромко)*. Это я, Дарья... офицеръ!... Ты здѣсь?

БАБА. Здѣсь!

ОФИЦЕРЪ (*занимался*). Я того... вещи пришелъ посмотрѣть...
Какъ бы не пропали...

БАБА. Цѣды будутъ. Не бойтесь, ваше благородіе...

ОФИЦЕРЪ. Разумѣется... я такъ... (*Призадумывается у тарантаса. Мимо него проходятъ два кучера съ мѣшками.*)

КУЧЕРЪ (*офицеру*). Кто это?

ОФИЦЕРЪ (*сердито*). Тебѣ на чтò?

КУЧЕРЪ (*проходя*). Ишь какой благородный!...

(*Офицеръ снова приподнимаетъ занавѣску у тарантаса.*)

ОФИЦЕРЪ (*бабѣ*). Что-то, Дарья, до смерти голова болитъ и ѣсть ничего не хочется... Думалъ было такъ въ тарантасѣ того.

БАБА (*суется*). Извольте, извольте...

ОФИЦЕРЪ. Да, чтò жъ ты, куда? Я тебѣ говорю, мѣста много въ тарантасѣ. Лежи, сдѣлай милость...

БАБА (*гордо*). Какъ же можно!...

ОФИЦЕРЪ. Ну, ну, ужь сиди! я не пойду... Какая ты глупая!...

БАБА. Нѣтъ, я не глупая, ваше благородіе... А то что одно: я опаску имѣю... Сами разсудите... А ежели вы что нибудь про меня имѣете въ своихъ мысляхъ, такъ я ужь лучше найму другаго ящика...

ОФИЦЕРЪ. Да помилуй, съ чего ты взяла?... Конечно, твой мужъ уже при смерти... Тебѣ бы слѣдовало объ себѣ подумать... потому—ты простая крестьянская баба... Собственно говоря, твой мужъ умираетъ, и у тебя надеждъ никакихъ...

БАБА. Ваше благородіе! неужто мнѣ радостно, что мой мужъ умираетъ? (*Будто плачетъ.*)

ОФИЦЕРЪ (*умиляясь*). Знаю, Дарья, знаю все... Ты только пойми меня... Не плачь!... Знаешь ли, каковъ я человекъ? Я страшно тебя люблю и уважаю, повѣрь!... (*Придвигается къ тарантасу.*)

БАБА (*кричитъ*). Ваше благородіе! Ежели вы будете разговаривать со мною, я сейчасъ уйду...

(*Офицеръ входитъ въ номеръ, во второй этажъ. Молодые люди сидятъ за самоваромъ.*)

ОФИЦЕРЪ (*сурово и бросаю на диванъ фуражку*). Негодная!... (*Молодые люди пристально смотрятъ на него. Офицеръ ходитъ по комнать, потомъ бросается на диванъ и сидитъ повѣся голову. На дворъ у крыльца стоитъ толпа извозчиковъ, въ темнотѣ.*)

1-й извозчикъ. А ты скажи, для чего женщина создана изъ ребра нашего?

2-й извозчикъ. Извѣстно, для домашняго обиходу.

1-й извозчикъ. Ну, этого недовольно. Она еще для одного дѣла создана...

2-й извозчикъ. Для какого же это дѣла? Умень ты, я вижу...

1-й извозчикъ. Видите, братцы, эта загадка простая. Извѣстно, женщина создана для прихоти нашей... потому всѣ мы люди и всѣ человекѣ. А насчетъ невоздержности нашей толковать нечего... Правда ли?

Всѣ (*серьезно*). Ну, это такъ.

1-й Извозчикъ. Значитъ, она служить для нашей забавы...

Всѣ. Теперь-то понятно стало. А давеча ты занесъ было!...

(*Со втораго этажа по лѣстницѣ спускается готовящійся въ университетъ. Онъ подходитъ къ тарантасу и, поднимаясь на цыпочки, шопотомъ кличетъ бабу.*)

БАБА (*испуганно*). Кто это?

ГОТОВ. въ универ. Я... я... Чтò ты кричишь? Это я, чтò съ тобой ѣхалъ. Видишь, Дарья, нельзя ли мнѣ въ тарантасъ поселиться?...

БАБА (*гнѣвно*). Затѣмъ-то вы меня усадили здѣсь!...

ГОТОВ. въ универ. Ты пойми, въ чемъ дѣло...

БАБА (*открываетъ съ другаго боку занавѣску и намърывается уходить*). Я сейчасъ найму другаго извозника!

ГОТОВ. въ универ. Зачѣмъ же ты открылась? Постой, я тебя закрою... Ты, вѣдь, тетушка, ей Богу, многаго не понимаешь...

БАБА (*сбирая свои узлы*). Я вижу, съ вами пива не сварить.

ГОТОВ. въ универ. Куда ты бѣжишь? Ужь лучше я уйду; ты не конфузъ насъ...

БАБА (*останавливаясь*). Ну, такъ чтò же вы?... (*Готов. въ универ. уходитъ, самъ ворчитъ: дура! погоди же!... Навстрѣчу идетъ гимназистъ.*)

ГОТОВ. въ универ. Куда?

ГИМНАЗИСТЪ. Да вонъ туда...

Готов. въ универ. Къ тарантасу?

Гимназистъ. Ну, да...

Готов. въ универ. Не стóить, воротись...

Гимназистъ. А что?

Готов. въ универ. Да не стóить...

(Оба идутъ въ номеръ. Съ лѣстницы спускается офицеръ. На дворъ онъ встрѣчаетъ своего ямщика.)

Офицеръ (ямщику). Куда ходилъ?

Ямщикъ. За овсомъ, ваше благородіе! А вы что желаете?

Офицеръ. Да ничего...

Ямщикъ. Бабу ищите?

Офицеръ. Эту бабу, слышишь ты, посади на передокъ. Понимаешь? Она въ тарантасъ не можетъ сидѣть...

Ямщикъ. Понимаю...

Офицеръ (*удаляясь*). Куда хочешь, на передокъ или на запятки...

Кучеръ. Понимаю... это все можно...

Офицеръ (*подходя къ тарантасу и поднявъ занавѣску*). Ты, Дарья, здѣсь?...

Баба. Чего? Кто это?

Офицеръ (*тихо*). Не цугайся! это я... офицеръ... Послушай...

Баба. Знаю, что офицеръ! Только я сейчасъ уйду... Что это такое будетъ?... Завтра, небось, Спасъ Преображенія... я не пила, не ѣла... Да что съ вами говорить!... (*Уходитъ изъ тарантаса.*)

Офицеръ. Дарья! я за чаемъ приходилъ...

(Офицеръ, гимназистъ и готов. въ универ. сидятъ въ номеръ за столомъ. Передъ ними ихъ ямщикъ.)

Офицеръ (ямщику). Поди — выпей за мое здоровье...

Ямщикъ. Чувствительно вамъ благодарны...

Офицеръ. А гдѣ Дарья?...

Ямщикъ. Въ кухнѣ-съ... Кто-то ихъ шибко очень разобидѣлъ... Припечалимши сидитъ...

Офицеръ. А гдѣ купецъ?

Ямщикъ. Въ рестораціи... Тоже не съ короткимъ пристаесть ко мнѣ...

Офицеръ. Съ чѣмъ пристаесть?

Ямщикъ. Да то-то говоритъ: пригласи Дарью ко мнѣ... Я говоритъ, ее уважаю...

Офицеръ. Ну, поди скажи ей, чтобы она шла въ тарантасъ. Скажи, мы спать ложимся...

Ямщикъ. Хорошо. *(Уходитъ.)*

(На дворъ проходятъ, съ узелками, пропѣзжіе. Извозчики тащутъ тарантасы и кричатъ: «Ну-ко, братъ, подсоблай... Стой, камень попалъ... Ну-ко, ну! подавай, съ Богомъ! Ладно... тпру-у... стой... закладывай.)

Ямщикъ *(входитъ въ номеръ и снимаетъ шляпу)*. Въ тарантасъ!...

(Всѣ вскакиваютъ. Офицеръ стучитъ ногами по лѣстницѣ и говоритъ молодымъ людямъ позади себя: «господа!...» Молодые люди останавливаются на лѣстницѣ. Офицеръ—у тарантаса. Ямщикъ, растопыривъ руки, стоитъ подъ навѣсомъ и съ любопытствомъ глядитъ на офицера.)

Офицеръ *(просовывая голову въ окно тарантаса)*. Дарья!...

Баба *(кричитъ)*. Да что же это такое? Заступница моя усердная!... *(Выбѣгаетъ съ узелками изъ тарантаса.)*

Офицеръ *(отчаянно)*. Тьфу ты пропасть!...

(Офицеръ и молодые люди входятъ въ номеръ.)

Офицеръ. Кажется, господа, дождь начинается итти. Вотъ когда ее напередокъ-то...

Готов. въ универ. А съ вашимъ характеромъ, сударь, вы никогда ни въ чемъ не успѣете... Что вы дѣлаете, такъ это представить трудно...

Офицеръ. Ну, ужъ, прошу безъ замѣчаній... Я вамъ не указываю, хотя вы именно и были причиною всѣхъ безпорядковъ...

(Гимназистъ беретъ фуражку и медленно уходитъ изъ номера.)

Готов. въ универ. *(зѣвая)*. Однако, спать пора.

(Ложится на диванъ. Офицеръ, облокотившись на столъ, сердито смотритъ на свѣчу. На дворъ у крыльца стоятъ извозчики.)

1-й извозчикъ. Что это, малый, кричали?

2-й извозчикъ. Да видишь: взяли съ собою на дорогу бабу да и безобразничаютъ съ нею...

1-й извозчикъ. Ну, не на меня они напали! Я бы имъ задалъ....

2-й извозчикъ. Свиньи!

(Изъ-подъ навѣса выступаетъ гимназистъ и подходитъ къ тарантасу.)

Гимназистъ *(тихо)*. Дарья!

Голосъ изъ тарант. Что угодно?

Гимназистъ. Это вы?

Купецъ. Я-съ.

Гимназистъ. А гдѣ же Дарья?

Купецъ. Да, говорятъ, въ кухнѣ. Что это вы такъ объ ней заботитесь?... А безъ пути вы, господа, съ ней поступали!... Развѣ такъ можно?

Гимназистъ. Какъ же съ ней поступать?

Купецъ. А вотъ какъ: благородно, не спѣша... А вы ее только пугали...

Гимназистъ. Да! рассказывай... *(Уходитъ. На дорогѣ встрѣчаетъ своего ямщика.)* Ямщикъ!

Ямщикъ *(выводя лошадей изъ-подъ навѣса)*. Чего?

Гимназистъ. Скажи Дарьѣ, чтобы она опять шла въ тарантасъ.

Ямщикъ. Хорошо; только лошадей напою...

Гимназистъ. Да нельзя ли тарантасъ-то пододвинуть подъ сарай... Кажется, заря занимается... Что-то свѣтло...

Ямщикъ. Ладно. Нѣтъ, до зари далеко!

(На дворъ является офицеръ и подходитъ къ тарантасу.)

Офицеръ. Дарья здѣсь?

Купецъ. Нѣту, ваше благородіе... въ кухнѣ. Вамъ оченно она нужна?

Офицеръ. Нѣтъ; такъ себѣ...

Купецъ. Вамъ, ваше благородіе, къ примѣру сноровку имѣть нужно насчетъ бабы... право слово... Эта баба — что и говорить! — отмѣнная! Да только за ней надобенъ уходъ... особенный присмотръ... А, значить, какъ вы, поступать—это все равно ее безъ вниманія оставить... Какъ же можно! Теперича по всему двору то-и-дѣло раздается: Дарья!... Дарья!... Ну, этакъ нельзя...

Ямщикъ *(подходя къ тарантасу)*. Эй, купецъ, вылѣзь!... Дарья идетъ!...

(Купецъ выскакиваетъ изъ тарантаса. Офицеръ прячется. По двору идетъ печальная Дарья. За ней издали слѣдуютъ гимназистъ и готовящійся въ университетъ.)

Ямщикъ (бабѣ). Не тронетъ никто... всѣ спать легли... я тебѣ говорю...

(Подъ навѣсомъ раздается смѣхъ. Снова слышится голосъ: Дарья! и пр. Баба опять издаетъ крикъ и бѣжитъ по двору. На крыльцѣ ямщики.)

1-й извозчикъ. Кто это такъ кричить?

2-й извозчикъ. Да все баба... Кому жъ больше?

1-й извозчикъ. Чтѣ за оказія такая, все кричить!...

2-й извозчикъ. А надо бы ихъ поколотить хорошенько!...

Ишь навялились!...

(Изъ кухни выходитъ хозяинъ, въ красной рубахѣ, почесывая животъ.)

Хозяинъ. Эй, ребята, будетъ вамъ шумѣть. Запирайте ворота да приберите тутъ бабу, чтѣ кричить... Ей отдыху не даютъ...

1-й извозчикъ. Приберемъ... (Товарищу) А баба, слышь, чудесная.

2-й извозчикъ. Баба, малый, страсть!...

(По двору раздаются голоса: «Кто это идетъ? — Ямщикъ. — Дарья тутъ нѣтъ? — Какая тебѣ Дарья! — Дарья! ты здѣсь?...» и пр. Въ номеръ офицеръ и молодые люди, приготовившіеся спать.)

Офицеръ (бросаясь на диванъ, раздѣтый). Усталъ!...

Н. УСПЕНСКІЙ.

ЖЕНА АВСТРІЙЦА.

ИЗЪ БЕРШЕ (*).

I.

Она одинока въ веселомъ собраньи
И зора не смѣетъ поднять на подругъ,
Отъ страха, что встрѣтитъ одно порицанье,
Насмѣшки и строгіе взоры вокругъ.
А тѣ же какъ прежде затѣи и пляски,
Но руку никто не протянетъ ужъ ей, —
И льстивыя рѣчи исполнены ласки, —
Лишь нѣтъ для нея этихъ льстивыхъ рѣчей.

II.

Ребенокъ цвѣтущій, что розанъ весенній,
Къ отверженной всѣми одинъ прибѣжалъ
И, къ матери бѣдной вскочивъ на колѣни,
Съ рѣсницы слезу поцалуями снялъ.
Безмолвно проходятъ предъ милымъ дитятей,
Его не похвалятъ внимательный свѣтъ:

(*) Берше — современный миланскій поэтъ.

Ни дѣтскихъ забавъ, ни раскрытыхъ объятій
Ему, какъ привѣта для матери, нѣтъ.

III.

Но если сторонній вдругъ спроситъ неловко:
«Кто эта, прильнувшая нѣжной щекой
«Къ курчавой и русой ребячьей головкѣ,
«Съ такою покорной и тихой тоской?»
Сто устъ ему разомъ отвѣтятъ, блѣднѣя —
Сто устъ—и ихъ рѣчь будетъ злобы полна:
«Жена она общаго всѣмъ намъ злодѣя —
«Жена человѣка чужаго она!»

IV.

Въ театрѣ, на пирѣ, предъ Богомъ во храмѣ,
Предъ Богомъ, прощенье дарующимъ всѣмъ, —
Въ толпѣ, сторожимой шпионовъ ушами, —
Вопль кары народной не сдержанъ ничѣмъ!
И встрѣчены всюду однимъ восклицаньемъ
Ея ненавистныя взору черты:
«Проклятье тебѣ! итальянскимъ лобзаньемъ
«Солдата-австрійца счастливила ты!»

V.

Она одинока. Но дней сиротливыхъ
Біеніемъ сердца часы сочтены,
И полно оно ожиданій счастливыхъ :
Вотъ мужъ изъ далекой придетъ стороны...
Неправда! Разбитое сердце не знаетъ
Давно отлетѣвшаго вздоха любви:
Иная забота его занимаетъ,
Иное тревожное чувство въ крови.

VI.

«За что Ты мнѣ, Боже, послалъ наказанье
 (Твердить она въ мракѣ безсонныхъ ночей),
 «Когда допустилъ за чужое лобзанье
 «Меня позабыть объ отчизнѣ моей?
 «Не я ли была ея дочерью милой?
 «Моя ли не въ радостяхъ юность цвѣла?
 «И что жь? этой родинѣ я измѣнила,
 «Предъ нею и братьями я солгала;

VII.

«Отъ общихъ страданій и мукъ отказалась,
 «Отвергла ихъ стоны, какъ будто чужихъ,
 «Тиранишь Итали я улыбалась,
 «Я гостьей сидѣла на пирѣ у нихъ.
 «Презрѣнная! ты изъ стыда и позора
 «Сама одѣянье соткала себѣ:
 «Останься жь въ немъ вѣчнымъ предметомъ укора —
 «Не снать его плачемъ бесплоднымъ тебѣ.

VIII.

«Любви непреступной святая награда —
 «Невинный младенецъ, на стыдъ осужденъ,
 «Отверженъ и проклятъ, какъ блудное чадо,
 «Чужой тому краю, въ которомъ рожденъ.
 «Теперь онъ на груди у матери прячетъ
 «Обиду, которой не въ силахъ понять;
 «А позже узнаетъ онъ, что она значить —
 «И можетъ быть самъ оскорбить свою мать...

IX.

«И если случится, что узелъ неволи
 «Отыщутъ изнывшіе люди въ цѣпяхъ,

«И въ сердцѣ у трусовъ, для доблестной доли,
 «Воскреснетъ сознание силы въ рукахъ, —
 «Къ какому народу пристану, съ судьбою
 «Кого я сердечный союзъ заключу,
 «О комъ къ небесамъ обращаюся съ мольбою,
 «Чье знамя побѣднымъ узрѣть захочу?

X.

«Сестра и гражданка, и мать и супруга,
 «Иду я особо колючей тропой;
 «Я въ тернье вошла изъ цвѣтущаго круга
 «И съ болью ступаю дрожащей стопой...
 «Презрѣнная! ты изъ стыда и позора
 «Сама одѣянье соткала себѣ:
 «Останься жь въ немъ вѣчнымъ предметомъ укора—
 «Не снять его плачемъ бесплоднымъ тебѣ...»

И. КОВАЛЕВСКІЙ.

МОЛНТВА О ВНОГРАДЪ.

Призри съ небесе и виждь,
и посѣти виноградъ сей.
Псал. LXXIX.

Призри, Господь, виноградникъ забытый!
Жжетъ его солнце палящимъ лучемъ;
Здѣсь онъ заглохъ отъ травы ядовитой,
Тамъ обнаженъ и затоптанъ кругомъ.

Самъ отъ Египта Ты лозу святую
Взялъ и на этой землѣ посадилъ;
Злую, кремнистую, почву сухую
Самъ раскопалъ и водой напоилъ.

Взялъ и стѣной обложилъ Ты зубчатой
Нѣжную лозу отъ всякаго зла.
Стала лоза виноградникъ богатый,
Запахъ густаго вина издала.

Чудо-садовника къ ней Ты приставилъ,
Жизненной силой его вдохновилъ...
Боже! зачѣмъ же до срока оставилъ
Ты виноградъ, иль зачѣмъ насадилъ?

Буйволъ свирѣпый бодаетъ рогами,
Дикій кабанъ его роетъ клыкомъ,

И неуклюжими ходить ногами
Глупый верблюдъ въ виноградѣ Твоемъ.

Вѣтъ отъ сѣвера холодъ суровый,
Жабы гнѣзятся у сочныхъ корней,
Смрадные козлища ближней дубровы
Гложутъ одежду нарядныхъ вѣтвей.

О, посѣти виноградникъ забытый,
Дай благотворныхъ дождей благодать!
Боже! ужели верблюжьи копыты
Въ землю должны виноградъ твой втоптать?...

Е. ЗАРИНЪ.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ

И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ВЪ ЕВРОПѢ.

V (*).

ЗЕМСКІЕ БАНКИ.

Общій характеръ земскихъ банковъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и ихъ отличіе отъ землевладѣльческихъ кредитныхъ институтовъ. — Баварскій гипотечный и учетный банкъ; его устройство и операціи; статистическія данныя изъ его 23-лѣтней дѣятельности и ея результаты. — Разборъ этихъ результатовъ и выводъ нѣкоторыхъ общихъ положеній относительно земскихъ банковъ. — Историческій очеркъ развитія поземельнаго кредита во Франціи; состояніе ея гипотечныхъ долговъ и способы ихъ заключенія. — Возникновеніе и устройство *crédit foncier de France*. — Результаты дѣятельности этого учрежденія; общія замѣчанія относительно земскихъ банковъ. — Земскіе банки: въ Бельгіи, Дармштадтѣ и Насаускомъ герцогствѣ.

Въ предъидущихъ статьяхъ (гл. II, III и IV) мы разсматривали учрежденія поземельнаго кредита, устроенныя преимущественно въ интересахъ землевладѣльцевъ, или заемщиковъ, съ *исключительною* цѣлью открытія и облегченія послѣднимъ кредита, на возможно болѣе выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Теперь мы переходимъ къ учрежденіямъ, преслѣдующимъ въ операціяхъ по поземельному кредиту преимущественно промышленныя вы-

(*) См. «Современникъ» 1859 г., № 8.
Т. LXXVII. Отд. 1.,

годы или прибыли капиталистов—закладчиков (или вкладчиков). Этой последней группой учреждений по преимуществу присваивается название гипотечных или земских банков, ибо, во первых, они бывают основаны, как всякие другие банки, капиталистами (или казною, играющею здесь ту же роль капиталиста), торгующими предложением кредита, в то время, как учреждения первой группы заключают в себя ассоциацию землевладельцев (или основаны казною, которая является здесь высшею представительницею или попечительницею землевладельческих интересов), соединившихся только для защиты личной гарантии каждого заемщика совокупною гарантией всех заемщиков. Во вторых, форма операций второй группы сходна с операциями всяких банков, и собственно к гипотечным делам присоединяются здесь многие другие банковские операции, в то время, как первая группа ограничивается (почти повсеместно) выдачею закладных листов, гарантированных не одним лицом и имением, а целою ассоциацией лиц и имений. Нам нет надобности говорить, что сделанное нами и принятое всеми специалистами по гипотечному кредиту разделение имеет больше значения в практическом отношении и что, в строгом смысле науки, и та и другая группа относятся к общей системе банков, как промышленных предприятий, торгующих кредитом. Но в практике это различие имеет весьма существенное значение, ибо проявляется совершенно различным характером практической деятельности. Нам нет надобности также говорить, что это различие не имеет такого практического смысла, как будто первая группа, преследуя исключительно выгоды землевладельцев или заемщиков, была противна выгодам капиталистов или кредиторов, и вторая, преследуя выгоды капиталистов, противна выгодам землевладельцев. Такого рода воззрения, конечно, нельзя ожидать от экономистов. И та и другая категория гипотечных учреждений может быть, в высшей степени, выгодна для всех многообразных интересов стран и ее народонаселения и одинаково для всех их пагубна, при невольно придуманных условиях организации или недобросовестности исполнения. Но землевладельческие ассоциации действуют по исключительному побуждению личного интереса заемщика, разумное удовлетворение которому может быть сопряжено с выгодами капиталиста; земский банк действует по побуждению личного интереса капиталиста, разумное

удовлетвореніе которому можетъ быть выгодно для заемщика. Та и другая форма кредитной организаціи заключаетъ въ себѣ столкновеніе двухъ сторонъ, двухъ интересовъ, которые на денежномъ рынкѣ приходятъ, въ закладномъ актѣ, къ сдѣлкѣ болѣе или менѣе выгодной для каждаго изъ нихъ; землевладѣльческая ассоціація есть представительница интереса заемщика передъ денежнымъ рынкомъ, на которомъ находится и ищетъ номѣщенія для своего капитала капиталистъ; земскій банкъ есть представитель капиталиста передъ денежнымъ рынкомъ, на который выходитъ землевладѣлецъ, для отысканія для себя кредита.

Описаніе устройства и дѣятельности нѣкоторыхъ земскихъ банковъ всего лучше можетъ ознакомить съ основаніями ихъ организаціи. Главное мѣсто занимаютъ здѣсь баварская и французская система. Первая имѣетъ за собою многолѣтнюю опытность и совершенно упрочившуюся славу; вторая есть до сихъ поръ еще опытъ, и даже не совсѣмъ удавшійся.

Въ Баваріи (*) преобладаетъ (сравнительно, впрочемъ, только съ другими частями Германіи) крупная поземельная собственность; измеленіе началось только въ весьма недавнее время. Недостатокъ кредита въ сельскомъ хозяйствѣ чувствовался здѣсь съ давнихъ поръ; имѣнія были отягощены долгами на весьма невыгодныхъ условіяхъ. Баварскому правительству были представляемы въ 20-хъ годахъ различные проекты кредитныхъ учреждений; въ 1834 г. оно утвердило уставъ *баварскаго ипотечнаго и учетнаго банка* (Bayerische Hypoteken- u. Wechsel-Bank zu München), сдѣлавшагося самымъ замѣчательнымъ земскимъ банкомъ нашего времени.

Баварскій банкъ есть собственность частной компаніи на акціяхъ. Первоначальный складочный капиталъ былъ 10 милліоновъ гульденовъ (**). Компанія получила при своемъ учрежденіи

(*) Для системы поземельнаго кредита въ Баваріи служили намъ источниками: O. Hübner—*Die Banken*, p. 72; Hocker. *Die Banken. Köln. 1859.* Royer—*Des institutions de crédit foncier, etc.* (Въ обоихъ этихъ изданіяхъ помѣщенъ полный уставъ мюнхенскаго ипотечнаго банка); Jousseau, *des institutions, etc.* Rau—*Die ländliche Urproduction, etc.* p. 64; Weber—*ueber das bairische Credit u. Schuldenwesen, etc.* Sulzbach. 1819. C. F. Aretin—*Ausführliche Darstellung der bairischen Credit-Vereins-Anstalt u. ihrer Bedingnisse, etc.* München, 1823.

(**) Баварскій (или рейнскій) гульденъ, или флоринъ = 33 к. с.

право увеличить свой капиталъ въ акціяхъ до 20 милліоновъ гульденовъ. Но и безъ этого капитала ей дозволено было выдавать ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ на сумму до 12 милліоновъ гульденовъ. Право учрежденія банка даровано было компаніи на 99 лѣтъ. Капиталы разныхъ правительственныхъ и присутственныхъ мѣстъ должны быть отдаваемы на храненіе въ банкъ и его конторы, а банкъ обязался уплачивать по этимъ вкладамъ проценты. Банкъ получилъ отъ правительства привиллегію на исключительное передъ всякими кредитными учрежденіями въ Баваріи право выпускать циркуляціонныя банковыя билеты (Banknoten) au porteur (то есть безъ-именные); цифра выпуска не должна превышать $\frac{4}{10}$ основнаго капитала; въ самомъ крайнемъ случаѣ она можетъ доходить до 8 милліоновъ гульденовъ. На $\frac{3}{4}$ суммы выпущенныхъ билетовъ банкъ долженъ всегда непремѣнно имѣть вдвое большую цифру выданныхъ имъ гипотечныхъ, ссудъ, а остальная $\frac{1}{4}$ должна быть обезпечена рубль за рубль наличностью кассы въ звонкой монетѣ. Кромѣ этихъ обязательныхъ обезпеченій билетовъ, изъ предѣловъ которыхъ банкъ никакъ не можетъ выходить, правленіе должно, по уставу, пещись, чтобы на $\frac{3}{4}$ обращающихся билетовъ, не обезпеченныхъ металлическимъ фондомъ, находилась всегда въ кассѣ соотвѣтствующая сумма разныхъ кредитныхъ цѣнностей съ легкою реализаціей, то есть легко обрацаемыхъ въ чистыя деньги, какъ, напримѣръ, государственныя фонды. Билеты банка принимаются при всѣхъ платежахъ въ казну но нарицательной, то есть, вынускной, а не курсовой ихъ цѣнѣ. Эта послѣдняя привиллегія чрезвычайно важна; въ сущности она составляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ гарантію, ручательство правительства въ кредитъ банка (*). Банкъ не обязанъ принимать къ исполненію никакихъ частныхъ и казенныхъ претензій на своихъ владчиковъ или вообще лицъ, которыхъ деньги или какія бы то ни было цѣнности находятся въ его распоряженіи; точно также до него вовсе не касаются никакія запрещенія или секвестръ, налагаемые на выпущенные имъ билеты вслѣдствіе исковъ на владѣльцевъ билетовъ. Въ то же время банкъ имѣетъ право непосредственно, безъ всякаго особеннаго разрѣшенія,

(*) Вѣроятно, основываясь на этомъ постановленіи, г. Жоссо называетъ курсъ билетовъ Баварскаго банка узаконеннымъ, или насильственнымъ (*course forcée*), съ чѣмъ можно согласиться.

обращать взысканіе всякихъ суммъ, должныхъ ему его вкладчиками, на находящіеся въ банкѣ вклады ихъ. Во всѣхъ дѣлахъ банка не допускается никакого различія между казною и частными лицами: первая подлежитъ тѣмъ же правиламъ ответственности передъ банкомъ, какъ всякое частное лицо. Таковы привилегіи, дарованныя баварскому банку его уставомъ.

Переходимъ къ операціямъ, составляющимъ предметъ дѣятельности Баварскаго банка и предоставленныхъ ему уставомъ компаніи. Существенную часть его операцій составляютъ ссуды подъ залогъ недвижимой собственности. Въ гипотечныхъ помѣщеніяхъ затрачивается большая часть его основнаго, или складочнаго компанейскаго капитала. Правленіе банка обязано стараться, чтобъ до $\frac{3}{5}$ основнаго капитала находилось постоянно въ гипотечныхъ ссудахъ; остальная только часть капитала предназначена для другихъ операцій банка. Спекуляція вообще воспрещена банку. Онъ не можетъ принимать вкладовъ иностранныхъ облигацій.

Гипотечныя ссуды банкъ выдаетъ подъ залогъ всякой приносящей доходъ недвижимой собственности, находящейся въ предѣлахъ Баварскаго королевства (въ томъ числѣ и подъ залогъ домовъ, но исключая загородныхъ замковъ и другихъ подобныхъ строеній, не годящихся для отдачи въ наемъ). Каждая ссуда не можетъ превосходить половины цѣны залога, не можетъ быть менѣе 500 гульденовъ (значитъ, только имѣніе въ 1,000 гульд., или около 500 р., можетъ быть заложено) и можетъ быть выдана только подъ первую ипотеку (*). Подданные королевства Баварскаго могутъ закладывать въ банкъ свои имѣнія, находящіеся и въ другихъ государствахъ Германскаго Союза, если законы тѣхъ государствъ достаточно обезпечиваютъ сохранность залоговъ и быстроту взысканія долговъ. Подданные всѣхъ государствъ Германскаго Союза могутъ также получать ссуды подъ имущество, находящіеся въ этихъ государствахъ, но лишь въ томъ случаѣ, если $\frac{3}{5}$ основнаго капитала банка уже роздано баварскимъ подданнымъ и подъ имѣнія въ Баваріи.

(*) Первою ипотекою называется право взысканія долга съ залога преимущественно передъ всѣми прочими лежащими на немъ долгами. Долги по второй, третьей и т. д. ипотекамъ взыскиваются въ порядкѣ постепенности послѣ взысканія съ имѣнія долга первой ипотеки. Этотъ порядокъ взысканія записывается въ гипотечную книгу каждаго имѣнія.

Каждый желающий получить ссуду подъ свое имѣніе обязанъ представить самъ, вмѣстѣ съ другими документами, оцѣнку имѣнія, произведенную, на основаніи существующихъ для того правилъ, и закладной актъ на имѣніе, заключенный въ подлежащемъ присутственномъ мѣстѣ. Заемщикъ письменно обязуется признавать за основанія своихъ отношеній къ банку только правила, заключающіяся въ уставѣ банка, и предоставляетъ, безъ всякаго съ своей стороны прекословія, въ случаѣ всякой неисправности, черезъ 14 дней послѣ назначенныхъ для него сроковъ платежей въ банкъ, обратитъ взысканіе, установленнымъ порядкомъ, на заложенное имѣніе. Банкъ имѣетъ право обратитъ взысканіе слѣдующихъ ему денегъ, по своему собственному усмотрѣнію, на каждую часть заложеннаго имущества, не стѣсняясь въ этомъ отношеніи никакимъ порядкомъ постепенно, установленнымъ вообще для гипотечныхъ долговъ, и неисправный должникъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ оспаривать избраннаго банкомъ способа взысканія. Въ случаѣ неудовольствія, онъ можетъ дѣлать возраженія только лицамъ, производящимъ взысканіе, на самомъ мѣстѣ взысканія, не имѣя никакого права его приостановить. Заемщикъ отказывается прибѣгать къ какимъ бы то ни было облегченіямъ и льготамъ, даруемымъ закономъ и правительствомъ частнымъ должникамъ. Далѣе банкъ выговариваетъ себѣ право требовать, при всякомъ поврежденіи заложеннаго имущества, возврата всего ссуженаго капитала, въ шести-мѣсячный срокъ. Наконецъ, если бы заемщикъ банка встрѣтилъ надобность, послѣ полученія ссуды изъ банка, въ новомъ займѣ подъ то же имущество отъ постороннихъ лицъ, то онъ обязуется сперва, для обезпеченія исправности своей передъ банкомъ, записать десятую часть банковаго долга, еще разъ въ гипотечную книгу, въ разрядѣ долговъ второй гипотеки (то есть, имѣющей преимущество взысканія, послѣ первой, передъ всякими другими долгами). Всѣ изложенныя обязательства со стороны заемщика записываются въ гипотечную книгу. Нельзя не сказать, что такія условія ссудъ изъ Баварскаго банка до крайности суровы и едва ли необходимы во всемъ своемъ объемѣ для состоятельности его операцій. Многія правила (въ особенности послѣднее) можно даже назвать, согласно съ мнѣніемъ г. Гюбнера (*), весьма странными. Какая, напримѣръ, надобность

(*) *Die Banken*, p. 27.

для банка записывать (въ случаѣ новыхъ частныхъ долговъ заемщика) еще разъ десятую часть его долга во вторую ипотеку, когда весь его долгъ уже записанъ въ первую ипотеку и пользуется преимуществомъ взысканія передъ какими бы то ни было долгами, которые уже не могутъ быть записаны въ первый разрядъ? Такая предосторожность нѣсколько похожа на уловку ростовщика. Мы не смѣемъ легкомысленно осуждать приемы учреждения, пользующагося столь многолѣтнимъ авторитетомъ, какъ Баварскій банкъ, но намъ кажется достаточнымъ обезпеченіемъ гипотечныхъ ссудъ: правильная оцѣнка имѣнія, запись въ первый разрядъ гипотечныхъ долговъ, незамедлительный административный порядокъ взысканія, по требованію банка, и право на принятіе нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности, какъ, напримѣръ, секвестръ имѣнія, въ случаѣ важнаго въ немъ разстройства. Многихъ правилъ Баварскаго банка мы не встрѣчаемъ рѣшительно ни въ одномъ подобномъ учрежденіи.

Для погашенія гипотечныхъ долговъ устроена въ Баварскомъ банкѣ строгая система ежегодныхъ процентныхъ взносовъ (*annuités*) со стороны заемщиковъ въ счетъ занятыхъ капиталовъ. Ежегодное погашеніе капитальнаго долга обязательно для всѣхъ заемщиковъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они могутъ во всякое время вносить, и сверхъ слѣдующихъ съ нихъ платежей, деньги (не менѣе всякій разъ цифры ежегоднаго процентнаго платежа) въ уплату своихъ долговъ или даже возвратитъ весь капиталъ. При всякомъ добровольномъ взносѣ въ счетъ уплаты капитала дѣлается пропорціональная сбавка ежегодныхъ процентовъ. На обязательное погашеніе вносится обыкновенно 1% и никакъ не менѣе $\frac{1}{2}\%$; заемщики могутъ постоянно погашать и въ размѣрѣ высшемъ, нежели 1%, заявивъ о своемъ желаніи при заключеніи займа.

Ежегодные платежи вносятся въ банкъ по полугодно. Такимъ образомъ, по исчисленіямъ, принятымъ въ банкѣ, каждый долгъ погашается сполна:

При ежегодномъ взносѣ	$4\frac{1}{2}\%$	въ $61\frac{1}{2}$ лѣтъ.
— — —	5%	— 43 —
— — —	$5\frac{1}{2}\%$	— $34\frac{1}{2}$ —
— — —	6%	— 29 —

Въ этихъ процентныхъ взносахъ заключаются собственно процентъ (ростъ) и погашеніе. Расходы на управленіе исчисля-

ются только при $6\frac{1}{2}\%$ и 43-лѣтнихъ погашеніяхъ; при болѣе краткосрочныхъ погашеніяхъ, они вовсе не взыскиваются и потому не входятъ въ $5\frac{1}{2}\%$ и 6% .

Пропорціонально погашенной (ежегодными взносами или добровольными уплатами) части капитальнаго долга, заемщикъ можетъ всегда получать вновь въ ссуду всю списанную съ него сумму долга. Это облегченіе чрезвычайно важно. Въ видѣ исключеній, при особенно благоприятныхъ условіяхъ состоятельности заложеннаго имущества, допускаются банкомъ ссуды на вѣчныя времена (т. е. *непрерывные долги*), съ уплатою 5% , безъ всякаго погашенія капитала. Въ такомъ случаѣ заключается съ банкомъ особое условіе, остающееся неизмѣнно на имѣніи, при всѣхъ его будущихъ владѣльцахъ. Впрочемъ, такіе непрерывные долги могутъ быть погашены единовременнымъ возвратомъ всего капитала.

Кромѣ ссудъ подѣ недвижимыя имущества, Баварскій банкъ производитъ и другія операціи:

1) Банкъ дисконтируетъ: а) всякія баварскія государственныя кредитныя бумаги, по которымъ полученіе обратно капитала или размѣнъ на звонкую монету не превосходитъ шести-мѣсячнаго срока со дня учета; б) коммерческіе векселя: срокъ уплаты по векселямъ не долженъ превосходить 3 и 2 мѣсяца со дня учета. Векселя съ одною подписью (т. е. дисконтируемые самимъ лицомъ, ихъ выдавшимъ или подписавшимъ, и равняющіеся обыкновеннымъ денежнымъ роспискамъ) принимаются къ учету съ залогомъ товаровъ, драгоценныхъ вещей изъ камней, золота и серебра, и государственныхъ кредитныхъ бумагъ, обращающихся на биржахъ въ Мюнхенѣ и Нюрнбергѣ.

2) Банкъ выдаетъ ссуды подѣ залогъ баварскихъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ и своихъ собственныхъ акцій, золота и серебра, не болѣе, какъ на 90-дневный срокъ.

3) Банкъ держитъ открытые счета (*compte courant, giro geschäft*) для мѣстныхъ купеческихъ домовъ и своихъ акціонеровъ.

4) Принимаетъ въ депозитъ всякія бумаги, документы, деньги и драгоценныя вещи, со взиманіемъ съ депонентовъ извѣстнаго процента за храненіе.

5) **Застрахованіе жизни и пожизненныхъ доходовъ, на основаніяхъ, утвержденныхъ правительствомъ, и застрахованіе отъ огня.**

Управленіе дѣлами банка, какъ частной компаніи, пользующейся исключительными привилегіями отъ правительства, принадлежитъ компаніи, но съ участіемъ и подъ наблюденіемъ правительства. Въ главѣ банка стоятъ: *дирекція* и *правленіе*. Представительницею всей совокупности акціонеровъ и ихъ интересовъ передъ дирекціей и правленіемъ служитъ особый постоянный комитетъ. Правительство назначаетъ особаго чиновника, для постоянного наблюденія за операціями банка. 60 самыхъ значительныхъ акціонеровъ образуютъ собою постоянный банковый комитетъ, который избираетъ изъ своей среды членовъ дирекціи. Директоры выходятъ по очереди и замѣняются новыми членами комитета. Дирекція ежегодно назначаетъ изъ среды двухъ завѣдывающихъ дѣлами или главныхъ директоровъ банка.

Отъ дирекціи зависитъ общее направленіе всѣхъ операцій банка и руководство для каждой отрасли его дѣятельности; она устанавливаетъ всѣ общія правила дѣйствій банка, обязанности должностныхъ и провинціальныхъ конторъ банка, ежегодно ревизуетъ кассы, опредѣляетъ взносы складочнаго капитала по акціямъ, размѣръ дивиденда по акціямъ (сверхъ обязательныхъ 3%, ежегодно выдаваемыхъ акціонерамъ), процентъ учета, ссудъ и проч., назначаетъ должностныхъ лицъ и экспертовъ. Всѣ члены дирекціи исправляютъ свою должность безвозмездно. Правленіе банка состоитъ изъ главнаго директора и старшихъ чиновниковъ всѣхъ отдѣльныхъ отраслей дѣятельности банка. Вся исполнительная часть лежитъ на правленіи. Всѣ члены правленія, такъ же, какъ и прочія должностныя лица, получаютъ жалованье. Оно два раза въ годъ сводитъ счета и представляетъ ихъ дирекціи и банковому комитету. Потому два раза въ годъ выводятся балансъ банка и чистая прибыль. Изъ чистой прибыли выдается обязательный процентъ (3%) акціонерамъ, затѣмъ $\frac{1}{4}$ чистой прибыли отдѣляется въ запасный капиталъ и наконецъ остатокъ разверстывается въ пользу акціонеровъ. Когда запасный капиталъ составляетъ $7\frac{1}{2}\%$ на весь основной капиталъ, то вся чистая прибыль раздается акціонерамъ. При дирек-

шіп находится особый юрисконкультъ для судебныхъ вопросовъ (*).

Изъ изложеннаго порядка управленія Баварскаго банка видно, что оно находится исключительно въ рукахъ крупныхъ акціонеровъ, и потому большая часть акціонеровъ навсегда отстранена отъ всякаго не только участія въ управленіи, но даже контроля надъ дѣйствіями дирекціи. Еслибъ акціонерный комитетъ избирался, по крайней мѣрѣ, общимъ собраніемъ акціонеровъ, то составъ его могъ бы постоянно возобновляться, но, заключая въ себѣ лишь 60 самыхъ значительныхъ акціонеровъ, онъ, безъ сомненія, съ весьма ничтожными исключеніями, всегда состоитъ изъ однихъ и тѣхъ же лицъ и представляетъ собою интересъ однихъ и тѣхъ же личностей.

Изъ сдѣланнаго очерка организаціи и дѣятельности Баварскаго банка можно уже вывести заключенія о его особенностяхъ, совершенно отличающихъ подобныя гипотечныя учрежденія отъ земледѣльческихъ кредитныхъ институтовъ. Последніе собираютъ нужные имъ для ссудъ капиталы постепеннымъ выпускомъ закладныхъ листовъ, которыхъ владѣльцы и суть вкладчики кредитнаго учрежденія; въ Баварскомъ банкѣ, лица, желающія затратить свои капиталы въ ссуды подъ ипотеку, соединились вмѣстѣ и разъ навсегда собрали капиталъ (въ акціяхъ) для выдачи изъ него ссудъ. Въ первомъ случаѣ движеніе дѣлъ имѣетъ точкою своего отправления надобность заемщиковъ, владѣльцевъ закладываемыхъ имѣній; во второмъ случаѣ движеніе начинается съ самихъ вкладчиковъ, кредиторовъ. Потому можно болѣе или менѣе сказать, что въ первомъ случаѣ даетъ направленіе, *тонъ* операціямъ потребность земли въ кредитъ, во второмъ — потребность капиталовъ въ помѣщеніи. Если свободныхъ капиталовъ, расположенныхъ къ долгосрочнымъ затратамъ, много въ странѣ, или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ въ нихъ положительнаго недостатка, или если общественныя и политическія условія мѣстности и времени благоприятны для долгосрочныхъ затратъ, то въ первомъ случаѣ потребность земли въ кредитъ находитъ удовлетвореніе, соразмѣрное своему развитію, не побуждаемое никакими влеченіями внѣшними, чуждыми для хо-

(*) Система управленія банка и составъ и обязанности его органовъ изложены нами такъ, какъ они были вновь преобразованы въ 1880 г.

зайства въ кругу недвижимыхъ имуществъ; во второмъ случаѣ, безъ всякой надобности, гипотечный кредитъ развивается подъ вліяніемъ интересовъ акціонеровъ, чуждыхъ хозяйству и могущихъ дать ненормальное, искусственное направленіе или хозяйству, или землевладѣльцамъ. Но если въ свободныхъ капиталахъ, расположенныхъ къ гипотечнымъ растратамъ, чувствуется недостатокъ, то для поземельнаго кредита весьма выгодно, что уже разъ навсегда собранъ фондъ, который именно предназначенъ для этой цѣли и изъ котораго онъ можетъ постоянно почерпнуть нужные ему способы, на условіяхъ болѣе или менѣе нормальныхъ. Этими общими замѣчаніями относительно сравненія обо-его рода земскихъ кредитныхъ учрежденій мы пока ограничимся.

Фондъ для гипотечныхъ ссудъ Баварскаго банка, независимо отъ складочнаго капитала, имѣетъ еще въ своемъ распоряженіи: депозиты и посторонніе вклады, премія страхователей и, самое главное, *циркуляціонные билеты*, которыхъ банкъ можетъ выпустить до 8 милл. гульденовъ. Возможность выпуска собственныхъ, безпроцентныхъ билетовъ подъ залогъ имѣній, вмѣсто займа или процентныхъ вкладовъ (закладныхъ листовъ), даетъ особенный просторъ дѣйствіямъ банка и очевидно сопряжена съ чрезвычайными прибылями для банка. Пока мы только обращаемъ вниманіе на это обстоятельство, чтобы позже возвратиться къ вопросу о циркулярныхъ банковыхъ билетахъ въ связи съ гипотечными операціями.

Намъ остается представить нѣкоторыя данныя изъ 23-лѣтней дѣятельности Баварскаго банка со времени его учрежденія и разсмотрѣть значеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ результатовъ этой дѣятельности. Обороты его по гипотечнымъ ссудамъ, которыя насъ собственно интересуютъ, явствуютъ изъ слѣдующей таблицы (*).

(*) Таблица эта извлечена нами изъ губернскаго статистическаго ежегодника за 1856 г. (драгоценнаго изданія для финансовыхъ и экономическихъ справокъ, преимущественно по Германіи): *Jahrbuch für Volkswirtschaft u. Statistik von O. Hübner, Lpz. 1857.* (позднѣйшаго выпуска этого изданія еще нѣтъ въ продажѣ). Всѣ денежныя суммы показаны въ этой таблицѣ, какъ и въ слѣдующихъ исчисленіяхъ нашихъ по Баварскому банку, въ гульденахъ.

ДВИЖЕНИЕ
КАПИТАЛОВЪ БАВАРСКАГО ГИПОТЕЧНАГО И УЧЕТНАГО БАНКА ВЪ ГИПОТЕЧНЫХЪ ССУДАХЪ СЪ 1835 ПО 1856 ГОДЪ.

Годъ.	С о с т о я л о с с у д ъ.		Возвращено по новому укладу капиталъ.		Списано со счетовъ взносов впередъ.		Погашено процентными взносами.	Всего (всѣми способами) погашено.
	Число за-емщиковъ.	Кап и т а л ъ.	Средняя цѣ-ра капитала на каждую ссуду.	Число за-емщиковъ.	Кап и т а л ъ.	Число заемщи-ковъ.		
1836	803	2,252,650	2,805	43,700	2	6,000	2,213	51,913
1837	1,384	3,664,036	2,647	43,407	32	41,400	18,857	103,664
1838	1,800	4,839,291	2,688	85,225	32	21,251	31,337	137,814
1839	2,104	5,776,627	2,745	104,695	34	34,097	39,525	178,318
1840	2,379	7,296,293	3,066	156,497	64	91,974	51,123	299,026
1841	2,642	8,937,113	3,382	407,264	75	71,019	71,872	571,112
1842	2,935	9,794,501	3,337	256,022	79	144,357	99,117	426,159
1843	3,130	10,934,280	3,493	436,749	94	91,093	114,060	695,168
1844	3,419	11,755,392	3,438	303,103	95	89,943	123,413	517,069
1845	3,786	12,504,587	3,302	298,288	105	89,943	144,026	532,258
1846	4,220	13,441,320	3,185	249,482	132	155,277	154,385	559,145
1847	4,796	14,878,724	3,102	266,107	135	174,063	184,509	624,680
1848	4,917	14,628,843	2,975	137,975	125	123,554	181,564	443,093
1849	5,122	14,519,681	2,834	238,023	116	118,616	210,442	567,082
1850	5,604	15,063,837	2,688	302,010	164	171,387	228,765	702,163
1851	6,309	16,225,882	2,571	513,090	206	192,389	242,658	948,638
1852	7,189	17,461,730	2,428	800,157	212	215,750	254,494	1,270,402
1853	7,947	18,010,970	2,266	566,997	256	211,262	261,732	1,039,991
1854	8,302	17,703,728	2,132	529,635	273	164,777	286,396	980,809
1855	8,465	17,092,916	2,019	470,988	279	169,321	293,439	933,799
Итого				6, 209,425		2,379,444	2,993,935	11,582,804

Вникнемъ въ ряды цифръ этой таблицы и постараемся извлечь изъ нея нѣкоторые выводы относительно движенія гипотечныхъ операций Баварскаго банка. Такіе выводы, относясь къ учрежденію, дѣйствующему, втеченіе 23 лѣтъ (1835 — 1859), въ предѣлахъ весьма значительныхъ и пользующемуся большимъ авторитетомъ (*), имѣютъ интересъ болѣе, чѣмъ мѣстный, и могутъ быть поучительны для соображеній нашихъ вообще въ дѣлѣ поземельнаго кредита.

Въ цифрахъ, означающихъ число должниковъ банка по гипотечнымъ ссудамъ за каждый годъ (столбецъ II), мы замѣчаемъ постоянное возрастаніе отъ одного года къ другому. Это увеличеніе числа заемщиковъ банка нисколько не ослабѣваетъ съ развитіемъ банка, какъ мы, напротивъ того, видѣли въ нѣкоторыхъ *землевладельческихъ* кредитныхъ компаніяхъ. Последнія учреждались вслѣдствіе настоятельной потребности членовъ въ займахъ, тотчасъ по своемъ возникновеніи удовлетворяли этой потребности, и затѣмъ новыя ссуды возрастали въ постепенно меньшихъ размѣрахъ. Здѣсь же самыя большія цифры новыхъ заемщиковъ принадлежатъ позднѣйшимъ годамъ дѣятельности банка, и именно 1851 и 1852. Если эти два года ознаменовались особенно значительнымъ количествомъ новыхъ ссудъ, вслѣдствіе (можетъ быть) необходимости поправленія дѣлъ послѣ революціоннаго періода, оставившаго разрушительные слѣды на всѣхъ хозяйствахъ, то, во всякомъ случаѣ, въ общемъ направленіи ежегодно заключавшихся новыхъ займовъ не замѣтно болѣе усиленной дѣятельности въ первыхъ годахъ (исключая самаго перваго года, который нѣсколько превосходитъ послѣдующіе), чѣмъ въ позднѣйшихъ (исключая самаго революціоннаго періода), а скорѣе напротивъ (**). Изъ послѣдняго извѣстнаго намъ отчета банка 1856 г. мы знаемъ только, что въ этомъ году оказалось особенное уменьшеніе новыхъ ссудъ; но одинъ этотъ годъ безъ связи съ послѣдующими еще не позволяетъ намъ дѣлать никакихъ заключеній. Впрочемъ, мы ниже будемъ говорить о послѣднемъ отчетѣ банка.

(*) Акціи и билеты Баварскаго банка пользуются большимъ кредитомъ и продаются постоянно съ премією.

(**) Все это видно изъ цифръ ежегоднаго заключенія новыхъ займовъ, которыхъ мы не помѣстили въ таблицѣ, чтобы не обременять ея излишними массами цифръ.

Возрастаніе ссудъ весьма естественно : банкъ, съ развитіемъ своихъ операцій, постепенно развивалъ свою потребность въ ссудахъ, вслѣдствіе возрастанія своихъ свободныхъ капиталовъ денежныхъ и кредитныхъ. Въ землевладельческихъ институтахъ должна настать извѣстная пора насыщенія; ибо члены ихъ, удовлетворивъ своимъ надобностямъ, должны стремиться скорѣе стѣснить границы своихъ операцій, чѣмъ ихъ расширять, въ чѣмъ они не могутъ видѣть особенныхъ для себя выгодъ. Съ развитіемъ ссудъ земскаго банка возрастаютъ его дивиденды, а съ развитіемъ ссудъ землевладельческой компаніи возрастаетъ только ея отвѣтственность.

Въ цифрахъ состоявшихъ ежегодно въ гипотечныхъ ссудахъ капиталовъ (столбецъ III) мы, разумѣется, должны встрѣтить, въ общихъ чертахъ то же самое направленіе, какъ и въ числахъ заемщиковъ. Капиталъ, затраченный банкомъ въ гипотечныя ссуды, постоянно возрасталъ, болѣе или менѣе пропорціонально возрастанію числа новыхъ заемщиковъ (погашеніе старыхъ долговъ, хотя правильно возраставшее, какъ увидимъ ниже, не могло еще существенно уменьшить цифры занятыхъ капиталовъ). Только въ послѣднихъ двухъ годахъ, 1854 и 1855, мы замѣчаемъ довольно значительное (около 300,000 гульд. въ 1854 и 700,000 въ 1855) уменьшеніе капитала въ ссудахъ. Объясненіе этому должны мы искать въ особенно значительныхъ возвратахъ капиталовъ должниками банка въ двухъ предъидущихъ годахъ (1852 и 1853) и въ ослабленіи въ 1854 и 1855 заключенія новыхъ займовъ, послѣ чрезвычайнаго, исключительнаго возрастанія ихъ въ 1852 и 1853 годахъ (см. выше).

Любопытна для насъ средняя цифра капитала, приходившаяся на каждаго заемщика въ каждомъ году (столбецъ IV). Въ этомъ отношеніи замѣтны два періода. Сперва эта цифра постоянно и правильно возрастаетъ до 1843 года (въ этомъ году приходилось 3,400 гульденовъ на каждаго заемщика), съ 1844 года она начинаетъ постоянно упадать и въ 1835 году дѣлается гораздо ниже, чѣмъ въ 1836 году (въ 1836 году — 2,805 гульденовъ, въ 1855 году — 2,019) (*). Чрезвычайно замѣчательно, что въ этомъ общемъ направленіи въ оба періода

(*) Въ ссудахъ, вновь выданныхъ въ 1856 г. (какъ видно изъ послѣдняго отчета банка), средняя цифра упадаетъ даже до 764 г. на каждаго заемщика.

нѣтъ рѣшительно даже ни одного исключительнаго года. Это обстоятельство позволяет намъ смотрѣть на такое направление цифръ, какъ на явленіе не случайное, и потому весьма благодѣтельное, ибо оно должно доказывать постепенное пріобщеніе къ поземельному кредиту, втеченіе послѣднихъ 14 лѣтъ (съ 1841 по 1855) (*), большаго и большаго числа мелкихъ землевладѣльцевъ или возрастаніе мелкихъ займовъ насчетъ крупныхъ, которые воспользовались новою кредитною системою только въ первые года ея дѣйствій. Это заключеніе могло бы быть подорвано лишь тѣмъ предположеніемъ, что въ основаніи мелкихъ займовъ, которые могли, конечно, быть заключаемы и крупными землевладѣльцами, лежитъ не хозяйственный расчетъ, а спекуляція, употреблявшая занятыя деньги не на имѣнія, а на промышленные и коммерческіе или даже биржевые обороты. На это, конечно, мы не найдемъ объясненія въ статистическихъ таблицахъ и отчетахъ банка, которымъ должны быть довольно благодарны уже и за весьма подробное оглашеніе однѣхъ цифръ, чѣмъ шеголяють далеко еще немногія учрежденія. Къ сожалѣнію, подозрѣніе въ спекулятивномъ употребленіи гипотечныхъ ссудъ привязывается, въ нашихъ глазахъ, всегда болѣе къ ссудамъ, испешимъ изъ банковъ, чѣмъ изъ акціонерныхъ землевладѣльческихъ компаній, строго наблюдающихъ за своими членами и имѣющихъ на то всѣ средства. Но объ этомъ мы еще будемъ говорить ниже, а теперь обратимъ еще наше вниманіе на характеръ и составъ ссудъ и заемщиковъ по Баварскому банку.

Мы можемъ представить слѣдующій обзоръ (**) всѣхъ состоявшихся въ декабрѣ 1855 г. ссудъ:

Отъ	50	до	500	гульд.	1,891	ссуды.
—	501	—	1,000	—	2,891	—
—	1,001	—	1,500	—	1,047	—
—	1,500	—	2,000	—	685	—
—	2,001	—	2,500	—	281	—
—	2,501	—	3,000	—	356	—
—	3,001	—	3,500	—	117	—

(*) Изъ свѣдѣній о заключавшихся каждый годъ новыхъ займахъ видно, что повышеніе средней цифры ссудъ именно началось съ 1841 г.

(**) Эти цифры почерпнуты нами также изъ ежегодника Губнера, 1857 г. (стр. 189).

Отъ 3,501 до 4,000 гульд.	194 ссуды.
— 4,001 — 4,500 —	47 —
— 4,501 — 5,000 —	127 —
— 5,001 — 5,500 —	18 —
— 5,501 — 6,000 —	93 —
— 6,001 — 6,500 —	11 —
— 6,501 — 7,000 —	46 —
— 7,001 — 7,500 —	7 —
— 7,501 — 8,000 —	68 —
— 8,001 — 8,500 —	10 —
— 8,501 — 9,000 —	24 —
— 9,001 — 9,500 —	2 —
— 9,501 — 10,000 —	56 —
— 10,001 — 11,000 —	9 —
— 11,001 — 12,300 —	30 —
— 12,001 — 13,000 —	12 —
— 13,001 — 14,000 —	14 —
— 14,001 — 15,000 —	14 —
— 15,001 — 20,000 —	33 —
— 20,001 — 25,000 —	20 —
— 25,001 — 36,000 —	12 —
— 30,001 — 40,000 —	9 —
— 40,001 — 50,000 —	7 —
— 50,001 и болѣе —	20 —

И въ этомъ окончательномъ результатѣ состава ссудъ мы находимъ рѣшительное преобладаніе мелкихъ капиталовъ (отъ 50 до 3,000 гульд.) надъ крупными (болѣе 3,000). Самое большое количество ссудъ приходится на капиталы отъ 50 до 1,000 гульд. Этотъ результатъ не могъ быть иной вслѣдствіе постоянного возрастанія мелкихъ ссудъ втеченіе послѣднихъ 14 лѣтъ.

Взглянемъ на характеръ самихъ заемщиковъ, какъ онъ представляется въ концѣ 1855 г., за все время дѣйствій банка, съ его учрежденія (*):

(*) Тамъ же, стр. 189.

Кто получилъ ссуду.	Число ссудъ.	Сколько всего капитала.
1) Общины	101	498,730 гул.
2) Монастыри и благотворительныя духовныя учрежденія (Stiftungen)	19	511,000 —
3) Церкви (Pfarreien)	57	116,305 —
4) Корпораціи	13	78,700 —
5) Дворяне и вообще помѣщики	185	5,951,380 —
6) Подъ наемныя дома въ большихъ городахъ	363	1,643,850 —
7) Подъ фабричныя заведенія	37	884,500 —
8) Разныя промышленныя люди и ремесленники	2,643	6,608,150 —
9) Собственно крестьяне-землепашцы	8,073	11,449,055 —

Итого было занято съ 1836 по 1855 годъ 27,741,970 гул.

Въ этомъ раздробленіи заемщиковъ по ихъ званію и состоянію (хотя такія категоріи различаются въ настоящее время весьма приблизительно), самое значительное количество ссудъ, и по числу заемщиковъ, и по объему капиталовъ, принадлежитъ двумъ послѣднимъ категоріямъ промышленныхъ людей и крестьянъ. Масса крестьянъ и своею численностью и разбромъ занятыхъ капиталовъ далеко оставляетъ за собою (болѣе 11 милл. гульд. на 27 милл. всей массы ссудъ со времени учрежденія банка) каждую изъ прочихъ категорій заемщиковъ. Предполагая, что въ средѣ крестьянства наименѣе развитъ духъ спекуляціи и быстрыхъ оборотовъ, чуждыхъ самому хозяйству (по крайней мѣрѣ, это предположеніе можетъ быть довольно основательно для Баваріи, хотя въ прочихъ частяхъ Германіи — средней и прирейнской — духъ спекуляціи проникъ даже въ крестьянство), мы можемъ считать весьма значительную часть капиталовъ Баварскаго банка затраченными въ землю и сельское хозяйство и непричастными спекуляціи.

Теперь обратимся къ движенію цифръ по погашенію ссудъ Баварскаго банка. Погашеніе процентными взносами (annuités) (столбецъ IX) шло безостановочно, какъ и слѣдовало ожидать при устроенной системѣ обязательнаго погашенія и строгихъ мѣръ взысканія. Только 1848 г. выдвигается уменьшеніемъ уплаченнаго капитала. Потрясенія этого года, безъ сомнѣнія, не могли

обойтись безъ недоимокъ. Полезно сравнить ежегодное процентное погашеніе съ ежегодно заключавшимися новыми займами; въ строгомъ смыслѣ, при совершенно нормальныхъ обстоятельствахъ гипотечнаго банка и въ періодъ его совершенной зрѣлости капиталъ, ежегодно вновь отходящій въ ссуду, долженъ быть болѣе или менѣе равенъ капиталу, ежегодно погашаемому. Этого мы рѣшительно не встрѣчаемъ въ Баварскомъ банкѣ, имѣющемъ въ своихъ билетахъ огромный фондъ для новыхъ ссудъ и потому не нуждающемся для выдачи ихъ уплаты старыхъ. Всего погашено съ 1836 по 1856 г. процентными взносами 2,993,935 гульд.

Любопытны по Баварскому банку цифры, показывающія добровольный возвратъ занятыхъ капиталовъ, въ одинъ разъ (столбецъ II). Этотъ способъ погашенія совершенно преобладаетъ здѣсь, по крайней мѣрѣ въ конечныхъ статистическихъ результатахъ, надъ процентнымъ погашеніемъ. Всего возвращено капиталовъ съ 1836 по 1856 г. болѣе 6 милл. гульд., что составляетъ на всю массу ссудъ втеченіе этого періода (27 милл. 700,000 ч.) около 22⁰/₀, т. е. болѣе одной пятой доли всего занятаго въ Баварскомъ банкѣ капитала было возвращено разомъ и не воспользовалось облегченіями процентнаго постепеннаго погашенія, столь необходимаго для поземельнаго кредита и хозяйства въ недвижимыхъ имуществвахъ, преимущественно сельскихъ и земледѣльческихъ. Такое явленіе должно особенно поражать насъ, послѣ землевладѣльческихъ кредитныхъ институтовъ, гдѣ процентное погашеніе играетъ главную роль, а возвращеніе ссудъ разомъ есть обстоятельство болѣею частію случайное и ничтожное въ ихъ операціяхъ. Зная, въ какой степени важно (*) прогрессивное процентное погашеніе, не только для сельскаго хозяйства, но и для благоустройства всякой недвижимой собственности, и зная, до какой степени реализація или освобожденіе капитала для нея трудно, мы поневолѣ склонны думать, что возвратъ ссудъ въ Баварскомъ банкѣ, въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, предполагающій краткосрочные займы, былъ сопряженъ съ быстрыми оборотами занятыхъ капиталовъ въ рукахъ землевладѣльцевъ, а не въ кругу собственно ихъ хозяйства, въ

(*) См. I главу — объ основныхъ началахъ поземельнаго кредита, стр. 383 и слѣд.

недвижимыхъ имуществахъ. Въ категоріяхъ заемщиковъ (см. выше) мы находимъ помѣщиковъ, домовладѣльцевъ и промышленниковъ, занявшихъ всего до 14 милл. гульд., и полагаемъ, что большая часть возвратовъ капитала происходила въ кругу этихъ лицъ. Домовладѣлецъ, помѣщикъ и вообще владѣлецъ недвижимой собственности можетъ занять въ банкѣ капиталъ подъ залогъ своей собственности и производительно употреблять его, не на одну затрату въ землю или въ основной фондъ своего хозяйства, но также и не на чистую спекуляцію, а на *оборотную часть* своего хозяйства. Съ этою цѣлью онъ можетъ завести для себя въ банкѣ, съ помощью занятаго капитала, *открытые счета* и постоянно съ развитіемъ своихъ оборотовъ брать изъ банка и возвращать въ него деньги. Такая система кредита, хотя и поземельнаго, по характеру гарантіи, но движимаго, по своему назначенію, развита во многихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Шотландіи и во Франціи, гдѣ занимаются ею провинціальныя нотаріусы и банкиры (*). Эта система предполагаетъ значительную потребность въ хозяйствѣ оборотнаго капитала, который въ земледѣліи положительно растетъ съ успѣхами агрономіи и общаго духа промышленности въ странѣ. Можетъ быть, такова причина огромныхъ цифръ возвратовъ ссудъ по Баварскому банку. Въ окончательномъ результатѣ возвратъ разомъ вдвое превышаетъ здѣсь процентное погашеніе. Возвраты почти постоянно возрастали втеченіе 20 лѣтъ, если взять общее ихъ движеніе, въ которомъ, однако, есть колебанія; но самая бѣльшая цифра принадлежитъ 1852 г. (около 800,000 гульд. и 342 лица), году, который по своей близости къ революціонной эпохѣ, казалось бы, не долженъ былъ представлять обстоятельство, благоприятныхъ для серьезныхъ хозяйственныхъ реализацій. Это опять наводитъ мысль на употребленіе ссудъ чисто на биржевую спекуляцію.

Въ отцѣль погашенія намъ остается еще упомянуть о добровольныхъ взносахъ впередъ или возвратѣ разныхъ долей капитала (столбецъ VIII). Здѣсь цифры также постоянно возрастаютъ, кромѣ значительнаго перерыва въ 1844 и 1845 годахъ и менѣе значительнаго въ 1844 и 1849 г. И здѣсь самыми обильными годами

(*) См. для Франціи Courcelle Seneuil. *Traité des opérations de Banque. Paris. 1857. Сл. VI, p. 243.*

являются 1852 и 1853, которые какъ-то во всемъ рядѣ годовъ отличаются исключительною высотой цифръ по всемъ предметамъ. Въ числѣ лицъ, вносившихъ впередъ капиталныя доли, замѣчается болѣе правильное возрастаніе. Можетъ быть, именно эта категорія погашенія всего болѣе представляетъ собою движеніе по открытымъ счетамъ землевладѣльцевъ, потому что открытые счета въ Баварскомъ банкѣ допущены для недвижимой собственности, вслѣдствіе неограниченно дозволеннаго въ немъ списыванія съ капитальнаго долга всякихъ суммъ и полученія вновь въ заемъ погашенныхъ долей.

Если мы наконецъ взглянемъ на общіе результаты погашенія всѣми тремя способами (столбецъ X), то оно весьма удовлетворительно возрастало, кромѣ 1845 и революціонной эпохи, послѣ которыхъ, однако, цифры не только возвратились къ прежнимъ уровнямъ, но далеко ихъ превысили. Если мы сравнимъ общее ежегодное погашеніе капитала съ ежегоднымъ открытіемъ новыхъ ссудъ, то хотя и не замѣтимъ совершеннаго соотвѣтствія въ этихъ цифрахъ, какое желали бы видѣть, но за большую часть годовъ (1842, 1844, 1848, 1854), въ которыхъ замѣтно ослабленіе погашенія, слѣдуютъ года и съ относительно слабыми цифрами новыхъ ссудъ, какъ и слѣдуетъ быть для прочности гипотечныхъ операцій. Всего погашено втеченіе 20 лѣтъ 11,582,000 гульд., что составляетъ на капиталъ всѣхъ ссудъ за этотъ періодъ болѣе 44%, значить около половины.

Не излишне обратить вниманіе на составъ погашенія процентными взносами (annuités) и на разныя категоріи ихъ. Вотъ цифры (*), выражающія число заемщиковъ по каждой категоріи процентныхъ взносовъ:

Размѣръ процентовъ (тутъ же ростъ и погашеніе).	Число заемщиковъ.
4½%	6
5%	11,272
5½%	6
6%	121
6½%	4

(*). См. *Jahrbuch von Hübner*, p. 190.

Размѣръ процентовъ (гдѣ же ростъ и погашеніе).	Число заемщиковъ.
7 ⁰ / ₀	15
7 ¹ / ₂ ⁰ / ₀	4
8 ⁰ / ₀	16
8 ¹ / ₂ ⁰ / ₀	2
9 ⁰ / ₀	1
10 ⁰ / ₀	33
11 ⁰ / ₀	1
12 ⁰ / ₀	1
14 ⁰ / ₀	1
15 ⁰ / ₀	2

Изъ этого перечня видно, что вся масса заемщиковъ уплачиваетъ 5⁰/₀ (то есть 1⁰/₀ погашенія), вѣроятно, какъ самый удобный размѣръ, предпочитая его 4¹/₂ ⁰/₀ (minimum по уставу банка, то есть 1¹/₂ ⁰/₀ погашенія), которые погашаютъ капиталъ только въ 61 г., а 5⁰/₀ въ 43. Весьма важно знать, именно какой масштабъ погашенія наиболѣе соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ страны и привычкамъ народонаселенія.

За всѣми новыми займами и погашеніями, капиталъ, остававшійся въ долгу Баварскому банку подъ ипотекою, составлялъ къ 1856 году 16,159,166 гульд. (*), или на все народонаселеніе Баваріи (4¹/₂ милл.) около 3¹/₂ гульденовъ, или 1 р. 75 к. на душу, и на все территоріальное пространство Баваріи около 11,477 гульд. (или 5¹/₂ тыс. руб.) на одну географическую квадратную милю.

Разсмотрѣвъ въ подробности гипотечныя операціи Баварскаго банка независимо отъ прочихъ отраслей его дѣятельности, взглянемъ теперь на нихъ въ связи съ общими оборотами капиталовъ банка, съ ходомъ другихъ его операцій и съ развитіемъ его способовъ, зависящихъ отъ этихъ операцій. Съ этою цѣлью мы соединяемъ въ нижеслѣдующей таблицѣ, подлѣ гипотечныхъ ссудъ, движеніе капиталовъ по важнѣйшимъ (выпуску билетовъ и дисконту) операціямъ, занимающимъ банкъ (**):

(*) По балансу банка къ 1858 г. (только что нами полученному). эта цифра также составляетъ около 16 милл. гульд.

(**) Цифры въ этой таблицѣ взяты нами изъ *Banken u. Jahrbuch* Гюбнера.

Годы.	Новыя ссуды.	Всего состо- ло капитала въ ссудахъ.	Складочный капиталъ по акціямъ.	Ежегодно выпущен- ные билеты (').	Ежегодный дисконтъ раз- ныхъ бумагъ.
1836	2,252,650	2,252,650	3,733,333	100,000	7,207,872
1837	1,463,300	3,664,036	5,686,033	700,000	9,004,697
1838	1,278,920	4,839,291	6,250,000	1,400,000	8,487,409
1839	1,075,150	5,776,627	7,000,000	2,700,000	6,717,323
1840	1,697,985	7,296,293	7,513,900	3,200,000	10,009,024
1841	1,939,846	8,937,113	8,027,800	3,500,000	9,155,336
1842	1,428,500	9,794,501	10,000,000	4,000,000	7,401,147
1843	1,565,939	10,934,280	10,000,000	4,000,000	7,999,991
1844	1,516,280	11,755,392	10,000,000	4,000,000	8,944,951
1845	1,266,805	12,504,587	10,000,000	4,000,000	8,597,371
1846	1,468,991	13,441,320	10,416,666	4,400,000	8,573,394
1847	1,996,549	14,878,724	11,000,000	4,800,000	8,242,685
1848	374,800	14,628,843	12,000,000	4,800,000	3,848,502(**)
1849	333,931	14,519,681	12,333,333	5,200,000	3,520,468
1850	1,111,238	15,063,837	13,500,000	6,300,000	4,857,750
1851	1,864,208	16,225,882	15,000,000	6,375,000	5,001,696
1852	2,184,486	17,461,730	20,000,000	8,000,000	7,629,623
1853	1,819,642	18,010,970	20,000,000	8,000,000	— —
1854	732,750	17,703,728	20,000,000	8,000,000	10,324,431
1855	369,997	17,092,916	20,000,000	8,000,000	14,579,122
1856	1,137,409	16,159,166	20,000,000	8,000,000	10,696,953

Основной капиталъ банка (столбецъ 10) достигъ своихъ крайнихъ предѣловъ, назначенныхъ ему по уставу, 20 м. г. Выпускъ билетовъ также достигъ своего maximum, определеннаго въ законѣ. Въ движеніи по дисконту мы замѣчаемъ колебанія, которыя до 1848 г. вращаются, однако, около одной цифры 7 милл.; дисконтъ быстро упадетъ въ революціонный періодъ, вѣроятно, вслѣдствіе предосторожностей, принятыхъ банкомъ, и еще быстрѣе подымается съ возстановленіемъ дѣлъ въ Европѣ, послѣ революціоннаго застоя промышленности. Но мы не имѣемъ надобности вдаваться въ разборъ дѣйствій банка по разнымъ отраслямъ кредита и только принимаемъ ихъ въ сооб-

(*) Здѣсь показана только разность между выпущенными билетами, предъявленными къ размѣну, то есть билеты, оставшіеся въ обращеніи къ слѣдующему году.

(**) Въ 1848 г. сдѣлано на огромную сумму отсрочекъ по прежнимъ учетамъ, но стѣсненъ кредитъ по новымъ дисконтамъ.

раженіе, на сколько они касаются нашего предмета—гипотечнаго кредита. Посмотримъ на движеніе гипотечныхъ ссудъ (столбецъ II) въ связи съ основнымъ капиталомъ, выпускомъ билетовъ и дисконтомъ. Замѣтимъ сперва, что капиталъ, затраченный въ гипотечныхъ ссудахъ, не только давно достигъ законенныхъ $\frac{3}{5}$ основнаго капитала, какъ сказано въ уставѣ, но далеко превышаетъ эту пропорцію. Послѣ шести лѣтъ своего существованія, 1840, почти весь основной капиталъ компаніи былъ затраченъ въ гипотечныя ссуды, и съ 1846 г. капиталъ въ гипотечныхъ ссудахъ постоянно превышаетъ основной капиталъ до 1852 г. (исключая 1842 г., когда послѣдній былъ увеличенъ выпускомъ новыхъ акцій). Изъ этого можно заключить, что гипотечныя помѣщенія были существеннымъ предметомъ дѣятельности Баварскаго банка и не служили въ глазахъ компаніи лишь для благовиднаго прикрытія другихъ, болѣе спекулятивныхъ помѣщеній капитала и оборотовъ. Впрочемъ, банкъ и не могъ имѣть такихъ побужденій дѣйствовать иначе, потому что его прибыли отъ гипотечныхъ операций далеко превышаютъ прибыли отъ всѣхъ другихъ дѣлъ. Въ 1852 г. основной капиталъ доведенъ былъ, выпускомъ новыхъ акцій, до своего maximum—20,000,000 гульд., вѣроятно, въ виду усилившихся послѣ революціоннаго періода требованій на ссуды, которыя, дѣйствительно, и возростали до 1854 г. Но съ 1852 г. капиталъ, затраченный въ гипотечныя ссуды, уже постоянно менѣе основнаго капитала, на 2, 3 и наконецъ въ 1856 г. на 4 милл. гульд., и мы уже не понимаемъ именно съ 1852 г. усилившагося выпуска циркуляціонныхъ билетовъ (до 8 милл.), если они должны служить воспособленіемъ для гипотечныхъ ссудъ, главнаго и самаго выгоднаго назначенія Баварскаго банка.

По крайнему нашему разумѣнію, во всякомъ правилно организованномъ гипотечномъ банкѣ, *имѣющемъ складочный акціонерный капиталъ, достаточно покрывающій размеры вѣроятнаго требованія на ссуды*, циркуляціонные билеты должны служить лишь для усиленія способовъ банка къ выдачѣ новыхъ ссудъ, при внезапномъ (или, по крайней мѣрѣ, непропорціоальному погашенію старыхъ долговъ) усиленіи требованія на ссуды и при недостаткѣ къ тому наличныхъ капиталовъ въ кассѣ банка; по мѣрѣ развитія погашенія, и билеты должны возвращаться въ банкъ. Выпускъ билетовъ можетъ быть и самостоятельнымъ источникомъ ссудъ, если съ самаго основанія складочный капиталъ

банка для того недостаточенъ. Учетъ векселей и прочихъ *кратко-срочныхъ* коммерческихъ и кредитныхъ бумагъ долженъ служить гипотечному банку для временнаго помѣщенія капиталовъ, остающихся праздыми, вслѣдствіе временнаго ослабленія требованія на ссуды, т. е. долженъ служить именно цѣли, противоположной выпуску билетовъ. Такъ понимаемъ мы назначеніе циркуляціонныхъ билетовъ и учета для гипотечнаго банка, если его вниманіе сосредоточено преимущественно на ссуды подъ ипотеку. Сравнивая движеніе цифръ ежегоднаго выпуска билетовъ по Баварскому банку съ ежегоднымъ заключеніемъ новыхъ гипотечныхъ займовъ, мы, дѣйствительно, находимъ, что въ нѣкоторые года усиленіе выпуска билетовъ какъ бы сопровождается усиленіемъ требованій на ссуды (1840, 1841, 1846, 1847, 1851, 1852 г.); но за то въ остальныхъ годахъ количество обращающихся билетовъ нисколько не уменьшается, при болѣе слабыхъ требованіяхъ на ссуды, и даже ипогда усиливается при уменьшеніи послѣднихъ (1842 г.) Если же разсматривать циркуляціонные билеты Баварскаго банка не какъ временной и переходящей способъ подкрѣпленія кассъ для удовлетворенія чрезвычайнаго прилива требованій на гипотечныя ссуды, а какъ *постоянный фондъ для ссудъ* подлѣ основнаго капитала, то мы припомнимъ, въ какой пропорціи находился этотъ капиталъ къ капиталу, затраченному въ ссудахъ, чтобы отдать себѣ отчетъ, удовлетворяютъ ли билеты такому назначенію. Съ 1836 по 1839 г. включительно основній капиталъ постоянно превосходитъ размѣры капитала, затраченнаго въ ссудахъ, на $1\frac{1}{2}$ и на 2 милл. г. Въ 1840 г. свободный излишекъ основнаго капитала составлялъ только 200,000 г.; въ 1841 г. основнаго капитала уже недостаетъ для ссудъ почти на 1 милл. г.; съ 1842 г. онъ былъ увеличенъ до 10 милл., и съ 1843 до 1852 г., несмотря на постоянное возростаніе, его опять недостаетъ для покрытія капитала, затраченнаго въ ссудахъ, на 2, на 3 и даже до 4 милл. г. Итакъ, съ 1841 г. до 1852 билеты банка (хотя и выпущенные въ размѣрахъ, превышавшихъ на 1 милл. и болѣе дефицитъ основнаго капитала въ покрытіи всѣхъ гипотечныхъ ссудъ) выполняютъ эту роль служить постояннымъ, дополнительнымъ къ основному капиталу фондомъ для гипотечныхъ ссудъ. Такая роль циркуляціонныхъ билетовъ (разумѣется, коль скоро въ этомъ орудіи мѣны есть потребность въ странѣ, они не обременяютъ собою обращенія, и постоянная разность между билетами выпускаемы-

ми и предъявляемыми къ размѣну въ кассѣ указываетъ, что масса, остающаяся въ обращеніи отъ одного года къ другому, не превышаетъ потребности въ билетахъ въ публикѣ) весьма выгодна для банка, потому что всѣ проценты, выручаемые по ссудамъ, сдѣланнымъ билетами, являются чистою прибылью подлѣ процентовъ на основной капиталъ. Но съ 1852 г. произведенъ былъ Баварскимъ банкомъ новый выкупъ акцій, и основной капиталъ былъ доведенъ до 20 милл. г. Съ этихъ поръ до 1856 г. включительно онъ уже далеко превосходитъ капиталъ, затраченный въ гипотечныхъ ссудахъ, и билеты, какъ въ первые годы существованія банка, уже представляются совершенно излишними, какъ фондъ для ссудъ. Съ 1852 по 1856 г. основной капиталъ и билеты составляютъ вмѣстѣ 28 милл. г., а капиталъ въ ссудахъ отъ 16 до 18 милл., излишекъ почти на 10 милл. При такомъ отношеніи основнаго капитала къ ссудамъ, т. е. при болѣе, чѣмъ достаточныхъ размѣрахъ перваго для послѣднихъ, билеты могли бы служить, какъ мы говорили, только временнымъ подкрѣпленіемъ кассы для чрезвычайныхъ требованій на ссуды; но и для этой надобности достаточно свободнаго излишка основнаго капитала, тѣмъ болѣе, что, послѣ исключительнаго усиленія въ 1852 и 1853, новыя ссуды начали значительно ослабѣвать.

Билеты Баварскаго банка имѣютъ, кромѣ гипотечныхъ ссудъ еще другое назначеніе—учетъ векселей и кредитныхъ бумагъ, который мы оставляли въ сторонѣ, занимаясь исключительно поземельнымъ кредитомъ. Учетныя операціи столько же составляютъ принадлежность Баварскаго банка, какъ и гипотечныя. Если мы разсматриваемъ всѣ его предпріятія, какъ бы подчиненныя гипотечнымъ, то это только потому, что насъ болѣе интересуетъ собственно выясненіе нѣкоторыхъ сторонъ и комбинацій поземельнаго кредита, нежели положеніе дѣлъ самаго Баварскаго банка, мотивы дѣйствій котораго притомъ намъ мало могутъ быть извѣстны. Съ 1840 г. по 1852 возрастаніе билетовъ, кажется, не обусловливается движеніемъ учета, который въ этомъ періодѣ то колеблется около одной и той же цифры, то быстро упадаетъ (въ 1848 г.); въ этомъ періодѣ, какъ мы сказали, билеты дополняютъ основной капиталъ для гипотечныхъ ссудъ. Но съ 1854 г. (*) учетъ быстро возрастаетъ (съ 7 до 10 милл.), а гипотечныя ссуды, несмотря на увеличеніе съ 1852 г. основнаго ка-

(*) За 1853 г. мы не имѣемъ цифры учета.

питала, уменьшаются, такъ что 10 милл. излишка основнаго капитала и билетовъ противъ ссудъ едва покрываютъ учетъ трехъ послѣднихъ лѣтъ. Здѣсь, кажется, и объясненіе возрастанія билетовъ, уже непричастныхъ поземельному кредиту.

До 1851 г. включительно, какъ мы увидимъ, прибыли отъ учетныхъ операцій Баварскаго банка были ничтожны въ сравненіи съ прибылями отъ гипотечныхъ ссудъ, и мы не знаемъ, въ какой степени можетъ быть оправдано развитіе перваго насчетъ послѣднихъ. Конечно, учетъ векселей, съ оживленіемъ коммерческихъ дѣлъ, значительно поднялся въ послѣднее время, а поземельный кредитъ имѣетъ вездѣ извѣстныя границы, достигнувъ которыхъ онъ долженъ остановиться. Съ точки зрѣнія собственно поземельнаго кредита намъ представлялось бы болѣе выгоднымъ для Баварскаго банка уменьшить свой основной капиталъ, который понапраспу обременяетъ банкъ, когда въ билетахъ онъ имѣетъ болѣе дешевый фондъ для гипотечныхъ ссудъ. Но здѣсь уже является вопросъ о законномъ и обязательномъ по уставу отношеніи основнаго капитала къ билетамъ ($\frac{4}{10}$), изъ котораго Баварскій банкъ не можетъ выходить. Не въ этомъ ли заключается *стѣсненіе средствъ*, на которое жалуется банкъ въ своемъ послѣднемъ отчетѣ (*) 1856 г. и которое, по его словамъ, объясняетъ нѣкоторое ослабленіе его операцій въ послѣднее время? Это ослабленіе замѣтно только (и то положительно лишь въ 1856) по выдачѣ новыхъ гипотечныхъ ссудъ; во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ банка мы находимъ скорѣе противное, а мы видѣли, что основной капиталъ далеко превышаетъ затраты банка на гипотечныя ссуды. Итакъ, положительнаго недостатка въ средствахъ нѣтъ; но, можетъ статься, было бы весьма выгодно замѣнить значительную часть основнаго капитала, затраченнаго въ ссудахъ, *билетами*, если потребность обращенія ихъ это позволяетъ. Здѣсь мы соприкасаемся съ вопросомъ объ отношеніи циркуляціонныхъ билетовъ къ основному банковому капиталу, не входящемъ въ кругъ нашихъ настоящихъ изслѣдованій.

Мы постоянно упускали изъ виду способы, которые почерпаетъ Баварскій банкъ изъ другихъ отраслей своей дѣятельности, напримѣръ депозиты и вклады. Но здѣсь, сколько видно изъ таблицъ банка, активъ болѣе или менѣе уравнивается съ пас-

(*) *Hübner Jahrbuch*, p. 191—193.

сивомъ (*), ссуды подъ кредитныя бумаги—съ депозитами, такъ что разсчитывать на свободные излишки капиталовъ по этимъ статьямъ, кажется, нельзя.

Нѣсколько ниже мы приводимъ таблицу свѣдѣній о чистой прибыли (**), извлеченной Баварскимъ банкомъ изъ разныхъ отраслей его операций. Обозрѣвая эту таблицу, мы видимъ, что до 1851 года включительно прибыли отъ гипотечныхъ операций составляли главную часть доходовъ банка, и всѣ остальные прибыли подлѣ нихъ почти ничтожны. За гипотечными прибылями слѣдуютъ: учетъ, ссуды подъ движимыя цѣнности и застрахованія. Первый упалъ въ революціонный періодъ, вторыя въ то же время возрасли до огромной цифры въ 1851 году (вѣроятно, вслѣдствіе воздержности банка отъ учета и требованія болѣе существенныхъ гарантій открываемаго кредита), а послѣднія значительно развились. Въ послѣдніе годы всѣ эти три вѣтви дохода должны были главнымъ образомъ увеличить дивиденды акціонеровъ, чему не могли содѣйствовать гипотечныя ссуды, какъ мы знаемъ, ослабѣвшія. До 1852 г. гипотечный кредитъ былъ главною затратою капиталовъ банка и главнымъ источникомъ его чистыхъ доходовъ; потому дивидендъ акціонеровъ и долженъ былъ преимущественно заключаться въ процентахъ, уплачиваемыхъ заемщиками—землевлѣдѣльцами. Послѣдніе платятъ 4⁰/₁₀ (безъ погашенія). Размѣръ дивидендовъ и подтверждаетъ это. Съ 1836 до 1840 года мы видимъ дивиденды: 3⁰/₁₀, 3⁷/₁₀, 3⁸/₁₀, 4¹/₁₀; въ этомъ періодѣ основной капиталъ превышаетъ капиталъ затраченный въ гипотечныхъ ссудахъ, потому и дивидендъ не можетъ превышать 4⁰/₁₀, а долженъ быть нѣсколько ниже. Въ 1840 г. возрасли значительно ссуды и съ нимъ дивидендъ. Съ 1840 по 1851 г. включительно капиталъ въ ссудахъ значительно превышаетъ основной капиталъ, и съ нимъ возвысились дивиденды, хотя учетныя прибыли мало поднялись и потомъ упали. Въ 1851 г. къ прибылямъ отъ ипотеки прибавилась чрезвычайная прибыль отъ ссудъ подъ движимыя цѣнности.

(*) *Активъ* все то, что постороннія лица должны банку, напримѣръ векселя въ его кассѣ, ссуды подъ залогъ бумагъ и проч.; *пассивъ* — все то, что въ долгу на банкъ, напримѣръ депозиты, циркуляціонныя билеты и проч.

(**) Свѣдѣнія эти взяты нами изъ *Banken*, Гюбнера. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ столь подробныхъ свѣдѣній позже 1851 г.

ПРИБЫЛЕЙ БАВАРСКАГО ГИПОТЕЧНАГО И УЧ

Статья доходовъ.	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842
Доходъ (*).							
Остатокъ отъ пред- ыдущаго года. . . .	—	—	—	—	—	2,113	4,16
По гипотечнымъ ссудамъ.	—	119,640	171,873	212,126	254,014	315,567	361,92
По учетнымъ опе- раціямъ.	98,690	99,275	88,336	91,972	108,145	114,154	120,11
По разнымъ ссу- дамъ подъ кредит- ныя бумаги.	6,001	17,960	36,470	49,495	43,163	37,582	48,14
По переводамъ ка- питаловъ, откры- тымъ счетамъ и де- позитамъ.	136	138	506	477	570	734	93
По застрахованію. Чистая прибыль въ счетъ запаснаго ка- питала.	—	—	—	5,000	34,822	24,178	30,05
	—	—	—	833	1,911	3,525	5,49
Всего дохода . . .	147,457	237,013	297,195	359,903	442,626	497,853	579,84
За всеми расхода- ми банка остава- юеъ чистой при- были	104,244	186,516	254,804	312,861	391,271	424,630	498,14
Изъ чистой при- были выдано ак- ціонерамъ въ ди- видендъ (въ томъ числѣ обязатель- ные 3%)	3 ⁰ / ₀	3 ⁷ / ₁₀ ⁰ / ₀	3 ⁸ / ₁₀ ⁰ / ₀	4 ¹ / ₁₀ ⁰ / ₀	4 ⁶ / ₁₀ ⁰ / ₀	4 ⁷ / ₁₀ ⁰ / ₀	4 ⁵ / ₁₀ ⁰ / ₀

(*). Подъ доходомъ здѣсь разумѣется чистая прибыль, а не валовый приходъ, по к

ТАБЛИЦА.

ТАБЛИЦА ПО РАЗНЫМЪ ЕГО ОПЕРАЦИЯМЪ.

1843	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851
2,982	5,290	1,078	630	596	2,333	1,291	1,159	1,006
24,039	445,068	473,822	508,630	553,920	588,355	576,795	578,573	609,009
26,127	138,488	139,082	187,484	144,748	97,134	72,726	75,413	52,803
44,469	35,146	36,939	36,812	41,184	49,007	80,225	148,644	266,461
1,262	906	1,066	1,109	1,275	1,167	1,008	1,481	1,367
54,262	44,108	41,568	22,964	48,860	37,298	36,379	59,873	62,787
6,908	5,942	7,560	21,951	14,866	18,165	19,590	45,066	51,527
660,050	674,019	701,137	729,586	820,449	793,452	788,015	909,209	1,044,97
572,887	569,790	580,415	597,096	680,166	662,666	670,278	809,766	935,790
5 ⁵ / ₁₀ %	5 ¹ / ₁₀ %	5 ² / ₁₀ %	5 ¹ / ₁₀ %	5 ¹ / ₁₀ %	5%	4 ⁹ / ₁₀ %	5 ¹ / ₁₀ %	5 ⁶ / ₁₀ %

всехъ операций.

Сравнимъ теперь, для подтвержденія нашей мысли, колебанія дивиденда съ колебаніями излишка капитала въ гипотечныхъ ссудахъ передъ основнымъ капиталомъ (излишка, покрываемаго билетами и обусловливающего, какъ мы говорили, главнымъ образомъ выгоды земскаго банка).

Годъ.	Дивидендъ.	Разница между гипотечнымъ капиталомъ и основнымъ.
1841	$4\frac{7}{10}\%$	+ 909,313
1842	$4\frac{5}{10}\%$	— 65,720
1843	$5\frac{1}{10}\%$	+ 934,280
1844	$5\frac{1}{10}\%$	+ 1,755,392
1845	$5\frac{2}{10}\%$	+ 2,504,587
1846	$5\frac{1}{10}\%$	+ 9,024,654
1847	$5\frac{1}{10}\%$	+ 3,878,724
1848	5%	+ 2,628,843
1849	$4\frac{9}{10}\%$	+ 1,156,328
1850	$5\frac{4}{10}\%$	+ 1,563,837
1851	$5\frac{6}{10}\%$	+ 1,225,882
1852	5%	— 2,538,270

Разумѣется, эти колебанія того и другаго рода цифръ не могутъ математически совпадать между собою; но важно то, что въ общемъ своемъ направленіи они подтверждаютъ высказанный нами взглядъ. Мы не можемъ отрицать зависимости доходовъ банка и отъ прибылей въ иныхъ оборотахъ, кромѣ гипотечнаго кредита. Но по 1853 г. они преимущественно заключались въ этомъ послѣднемъ, а въ немъ обуславливались преимущественно излишкомъ капитала, затраченнаго въ ссудахъ, передъ основнымъ капиталомъ, иначе были обратно пропорціональны величинѣ основнаго капитала и прямо пропорціональны величинѣ гипотечнаго капитала. Наконецъ, основываясь преимущественно на прибыляхъ по гипотечнымъ ссудамъ, дивиденды акціонеровъ на столько могли превышать 4% , уплачиваемые заемщиками, на сколько гипотечный капиталъ превышалъ основной, если не было особенно великихъ прибылей по другимъ операціямъ, кромѣ поземельнаго кредита. Излишекъ гипотечнаго капитала передъ основнымъ потому особенно важенъ для банка, что онъ можетъ покрываться безпроцентнымъ фондомъ — циркуляціонными билетами.

Такова сущность нашихъ мыслей. Въ нихъ можно убедиться, выкинувъ во всё представленныя нами цифры и таблицы. Для примѣра мы между прочимъ укажемъ только на дивиденды 1842 и 1852 годовъ. Незначительный (исключительный въ этомъ десятилѣтїи) излишекъ основнаго капитала въ 1842 г. тотчасъ обнаружился уменьшенїемъ дивиденда; значительный излишекъ 1852, которымъ начинается новый періодъ (непрерывающагося излишка) сопровождается паденїемъ дивиденда на $\frac{6}{10}\%$, несмотря на то, что этотъ годъ былъ самый обильный за все время существованїя банка ипотечными ссудами.

Въ 1854, 1855 и 1856 годахъ были самыя высокія дивиденды по Баварскому банку: $6\frac{1}{2}\%$, $6\frac{4}{5}$, $7\frac{1}{5}$ (*). Въ этомъ періодѣ основной капиталъ постоянно преобладаетъ надъ капиталомъ, затраченнымъ въ ипотечныхъ ссудахъ, но поземельный кредитъ вообще уже отстываетъ въ этомъ періодѣ на задній планъ, и чрезвычайно усиливается учетъ и другія банковыя операціи, которыя только и могли дать такіе дивиденды, совершенно недоступныя для поземельнаго кредита.

Замѣтимъ, оканчивая изложенїе положенїя дѣлъ Баварскаго банка, что его запасный капиталъ постоянно возрасталъ и въ 1851 г. уже достигъ весьма почтенной цифры 1,025,899 гульденовъ.

Изъ того, что нами сказано относительно выгодъ, которыя могутъ быть извлечены банкомъ изъ излишка требованїй на ипотечныя ссуды передъ его основнымъ капиталомъ, и изъ удовлетворенїя этимъ требованїямъ циркуляціонными банковыми билетами, можетъ быть выведено заключенїе, что мы выставляемъ желательнымъ образованїе ссуднаго фонда земскихъ банковъ изъ банковыхъ билетовъ. Мы бы никакъ не хотѣли, чтобы изъ нашихъ словъ было выводимо такое заключенїе, потому что мы далеко не приверженцы организаціи поземельнаго кредита на основѣ банковыхъ циркуляціонныхъ билетовъ. Потому и спѣшимъ оговориться. Поземельный кредитъ и ипотечныя ссуды, по самой сущности своей, какъ мы не разъ говорили и какъ очевидно для всякаго, необходимо требуютъ долгосрочности. Циркуляціонные банковые билеты, выпускаемые банкомъ по мѣрѣ ежедневной, ежечасной потребности денежнаго рынка въ

(*) *Hübner. Jahrbuch. 1857. P. 186.* Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробныхъ отчетовъ прибылей по разнымъ статьямъ за эти годы.

бумажныхъ знакахъ, какъ орудіи мѣны, и ежедневно и ежеминутно предъявляемые въ его кассу къ обмѣну на звонкую монету, по мѣрѣ потребности рынка въ звонкой монетѣ, по самой природѣ своей составляютъ принадлежность краткосрочнаго коммерческаго кредита: учета коммерческихъ бумагъ и открытыхъ счетовъ. Соединеніе банковыхъ билетовъ, размѣняемыхъ въ кассѣ по предъявленію, съ поземельнымъ кредитомъ составляетъ вообще трудную и весьма сложную задачу государственнаго хозяйства, тѣмъ болѣе, когда въ поземельномъ кредитѣ данной страны преобладаетъ потребность въ постоянномъ капиталѣ, а не оборотномъ, въ затратахъ на землю и недвижимое имущество, а не на коммерческую и движимую часть хозяйства. Эта задача до сихъ поръ не разрѣшена, ни въ теоріи, ни въ практикѣ. Закладные листы земскихъ кредитныхъ обществъ съ возвратомъ по нимъ капиталовъ изъ банка по предъявленію (какъ мы видѣли въ остзейскихъ губерніяхъ и нѣкоторыхъ странахъ Германіи) значительно приближаются къ размѣннымъ банковымъ билетамъ; но, во первыхъ, такіе закладные листы все-таки не банковые билеты, во многихъ отношеніяхъ, и, во вторыхъ, и размѣнные закладные листы не припались и въ главнѣйшихъ германскихъ учрежденіяхъ поземельнаго кредита консолидированы, то есть обращены въ листы безъ размѣна, по предъявленію. Между тѣмъ, коль скоро въ гипотечномъ банкѣ уже допущена комбинація ссуднаго фонда изъ складочнаго капитала и билетовъ, то очевидно, что тѣмъ большая часть перваго будетъ покрыта билетами, тѣмъ выгоднѣе для банка. Это только мы и хотѣли сказать. Кромѣ того, билеты Баварскаго банка, какъ *привилегированная*, то есть исключительно во всемъ государствѣ имѣющаго право выпускать банкноты, поставлены въ особенныя условія; въ излишкѣ его билетовъ, ежегодно остающемся въ обращеніи, можно видѣть извѣстное количество билетовъ, удовлетворяющее болѣе или менѣе постоянной и неизмѣнной потребности народа въ бумажныхъ орудіяхъ мѣны, — потребности, на удовлетвореніе которой Баварскій банкъ имѣетъ монополію (*). Потому выпускъ извѣстнаго количества билетовъ обезпеченъ для Баварскаго банка отъ всякихъ случайностей рыночнаго обращенія.

(*) Публика гораздо менѣе обезпечена противъ банка привилегированнаго и монополнаго, нежели совершенно свободнаго. Здѣсь не мѣсто развивать эту мысль, съ которою, впрочемъ, въ настоящее время согласна большая часть экономистовъ.

Въ послѣднее время сдѣланы въ Баварскомъ банкѣ многія важныя преобразованія, которыя предполагались въ отчетѣ банка за 1856 г. и на которыя необходимо указать, хотя послѣдствія ихъ для дѣлъ компаніи еще не могли обнаружиться. Поэтому, въ заключеніе нашихъ сужденій (*) объ истекшей дѣятельности Баварскаго банка, мы считаемъ полезнымъ представить собственные его взгляды на свои дѣйствія, какъ они выказались въ отчетѣ за 1856 г., послѣднемъ намъ извѣстномъ во всѣмъ объемѣ.

Отчетъ подтверждаетъ замѣченное нами постепенное увеличеніе числа мелкихъ заемщиковъ и по справедливости выставляетъ это явленіе, какъ весьма благодѣтельное съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, говоря, что компанія содѣйствовала развитію кредита въ этомъ направленіи, несмотря на то, что крупныя ссуды и обширныя ипотеки ближе ея промышленнымъ интересамъ. Отчетъ указываетъ на развитіе добровольныхъ возвратовъ выданныхъ въ ссуду капиталовъ за разъ или по частямъ. Это право на уплату долга во всякое время составляетъ чрезвычайно важную льготу для заемщиковъ; они никогда не могли бы ее имѣть въ частныхъ кредитныхъ сдѣлкахъ. Отчетъ подтверждаетъ особенное пристрастіе публики къ 5% взлогамъ, (то есть 1% погашенія). До сихъ поръ произволу заемщика предоставлялось выбрать для себя тотъ или другой размѣръ ежегоднаго погашенія, начиная съ 1½% (4½% съ ростомъ) до 6% (10% съ ростомъ); теперь банкъ оставилъ эту льготу только для мелкихъ заемщиковъ, до 1,000 гульд.; ссуды свыше 1,000 гульд. выдаются не иначе, какъ съ условіемъ ежегоднаго взноса больше 5% или 1% на погашеніе и также съ правомъ со стороны банка требовать возврата капитала, по извѣщеніи о томъ заемщика за 6 мѣсяцевъ и съ правомъ заемщика возвращать весь капиталъ также по извѣщеніи за 6 мѣсяцевъ.

(*) Исключительная цѣль сдѣланнаго нами разбора операций и положенія дѣлъ Баварскаго банка за истекшее время была выяснить, какъ для самихъ себя, такъ и для читателей, нѣкоторыя общія условія и черты земскихъ банковъ, а никакъ не критика организаціи и дѣятельности Баварскаго банка. На право такой критики, при тѣхъ матеріалахъ, какіе намъ доступны, и при томъ запасѣ свѣдѣній въ дѣлѣ кредита, какія намъ лично принадлежатъ, мы не имѣемъ никакого притязанія. Потому, оставаясь вѣрными общимъ началамъ поземельнаго кредита, мы могли въ нашей оцѣнкѣ впасть въ ошибочныя сужденія собственно относительно коммерческихъ побужденій самаго Баварскаго банка.

Это важное изменение въ системѣ банка не мотивируется въ его отчетѣ; но, сколько можно понять, оно основано на чрезвычайномъ приливѣ требованій на ссуды. Банкъ не могъ удовлетворять всѣмъ этимъ требованіямъ или же не хотѣлъ вслѣдствіе большей прибыльности другихъ операций (по учету, ссудъ подѣ движимыя цѣнности и проч.), которыя особеннымъ образомъ оживились въ послѣднее время. Наконецъ, въ весьма недавнее время Баварскій банкъ *вовсе закрылъ систему погашенія ежегодными процентными взносами* (*). О послѣдствіяхъ этой важной мѣры мы ничего не знаемъ. Очевидно только для насъ, что обороты Баварскаго банка, въ послѣднее время, направлены преимущественно къ инымъ промышленнымъ и коммерческимъ интересамъ, нежели поземельный кредитъ, который прежде совершенно преобладалъ въ его операцияхъ. вмѣстѣ съ упомянутыми преобразованіями, сдѣлано въ Баварскомъ банкѣ, съ разрѣшенія правительства, расширение коммерческаго кредита, допущены къ учету коммерческія и кредитныя бумаги въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Соединеніе обоюдо рода кредитовъ, гипотечнаго и коммерческаго, и дружное совокупное развитіе того и другаго въ одномъ учрежденіи, вѣроятно, сдѣлалось затрудненіемъ, тѣмъ болѣе замѣтнымъ посреди всеобщаго коммерческаго и промышленнаго оживленія Германіи въ послѣднее время.

Въ группѣ гипотечныхъ учреждений, основанныхъ на началѣ товарищества капиталистовъ или заимодателей, намъ остается послѣ Баварскаго банка подробно рассмотреть устройство поземельнаго кредита во Франціи (**). Судьбы его въ высшей степени любопытны и поучительны не только для уясненія живыми фактами практическаго опыта многихъ специальныхъ вопросовъ поземельнаго кредита, но и какъ отрывокъ изъ современной исторіи Франціи, въ которомъ отражаются важнѣйшіе условія и элементы политической и общественной жизни французскаго народа, въ своихъ дивныхъ и прихотливыхъ сочетаніяхъ и про-

(*) *Hübner. Jahrbuch*, p. 195.

(**) Относительно поземельнаго кредита во Франціи см.: *Wolowitzy. Crédit foncier. (Coquelin et Guillaumin. Dictionnaire de l'Economie politique). Его же. De l'organisation du crédit foncier Paris. 1848. Dr. I. Levita. Die Bottenkredit-anstalt in Frankreich, deren Entwicklung u gegenwärtige Gestaltung (kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes; Heidelberg, 1855) Его же, Beiträge zur französischen Hypothecarreform (тамъ же, 1856). I. E. Horn. Das Creditwesen in Frankreich, nationalökonomische*

тивоположностяхъ. Предѣлы нашего труда не позволяютъ намъ войти во всѣ подробности обстоятельствъ, сопровождавшихъ развитіе поземельнаго кредита во Франціи, какъ бы они ни были интересны; но мы постараемся сдѣлать очеркъ главнѣйшихъ его фазъ.

Франція, какъ извѣстно, не можетъ затѣять у себя никакого дѣла безъ того, чтобы съ шумомъ не возвѣстить всей вселенной о своемъ намѣреніи: своимъ поземельнымъ кредитомъ Франція также надѣлала много шума и забила тревогу во всѣхъ концахъ міра. Великія намѣренія *mobiliser le sol* (любимое выраженіе того времени) и великодушныя обѣщанія разомъ освободить французскую землю отъ тяжести вѣковыхъ долговъ, далеко не осуществились въ организациі *crédit foncier*, какая у насъ теперь передъ глазами. Но не будемъ слишкомъ легкомысленно говорить о французскомъ шумѣ: и здѣсь, если французская земля ни на шагъ не двинулась съ своего мѣста, повелѣніемъ дирекціи *crédit foncier*, если ненавистные ростовщики, по прежнему, гложутъ ея благодатныя поля, если возвышенныя мечты агитаторовъ поземельнаго кредита подпали общей участи всѣхъ предпріятій нашего времени—волненіямъ парижской биржи и спекуляціи ея владыкъ, гвардейскихъ тѣлохранителей общественнаго порядка Франціи, то шумъ, возвѣстившій міру муки рожденія *crédit foncier*, пролилъ чрезвычайно много свѣта на всѣ вопросы поземельнаго кредита и дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ возбудилъ благотѣльную дѣятельность въ умахъ.

Съ исторіей поземельнаго кредита во Франціи связано имя нашего единоплеменника, извѣстнаго современнаго экономиста г. Воловскаго, энергическимъ усиліямъ котораго она обязана своими лучшими страницами и самыми общепользыными начинаніями. Въ то время, когда еще, подъ печальными воспоминаніями о системѣ Лоу и революціонныхъ ассигнаціяхъ, публика и даже

Skizze. Lpz. 1857. E. Bères. Manuel de l'emprunteur et du prêteur aux caisses du crédit foncier. Paris. 1853. H. Rau. Die ländliche Urproduction u. der Real-credit Wien 1857. O. Hübner. Die Banken. Lpz. 1854, pp. 108 и 204. — Courtois. Des opérations de Bourse, Paris, 1856, p. 215. Courcelle-Seneuil. Traité theorique et pratique des opérations de Banque. Paris. 1857. Livre III. Ch. VI. Bailleux de Marizy. Le crédit foncier, ses transformations, et ses progrès en France (Revue des deux mondes, 1858, T. XVII). Ch. Barre. Du Crédit et des banques hypothécaires. 1849. Le Hir. Crédit foncier. 1852. В. Безобразова. Поземельный кредитъ въ Польшѣ и во Франціи. (Журн. М. Г. И. 1856 г. и «Сельское Благоустройство», 1858 г. № 1) Comptes rendus de l'administration générale du crédit foncier en France 1854—1858.

многіе лучшіе умы смотрѣли во Францію на организацію поземельнаго кредита, какъ на бредъ утопистовъ или новый замыселъ противъ чужихъ кармановъ, г. Воловскій непереставалъ говорить объ этой организаціи, какъ о единственномъ способѣ улучшенія стѣсненныхъ кредитныхъ обстоятельствъ французскаго земледѣлія, и, знакомый съ устройствомъ поземельнаго кредита въ своемъ отечествѣ, царствѣ Польскомъ, и Восточной Германіи, онъ указывалъ на нихъ какъ на дѣйствительные, давшую прекрасные, далеко не мечтательные результаты (*).

Иго гипотечныхъ долговъ, тяготѣвшее надъ земледѣльцами и сельскими хозяевами, было во Франціи предметомъ постоянныхъ жалобъ и самыхъ злополучныхъ пророчествъ. Нельзя сказать, чтобы въ этихъ вопляхъ не было значительной доли истины, но нельзя также сказать, чтобы въ нихъ не было блистательнаго преувеличенія, всегда являющагося неизбѣжнымъ спутникомъ страданій французскаго общества и въ его собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ постороннихъ свидѣтелей. Если взять цифру всѣхъ гипотечныхъ долговъ, лежавшихъ на французской поземельной собственности, отъ 11 до 12¹/₂ милліардовъ франковъ (**) и постоянное ихъ возрастаніе (до 500 милліоновъ годъ), то, дѣйствительно, тяжесть ихъ казалась необъятною и будущность сельскаго хозяйства самою роковою.

(*) См. докладъ г. Воловскаго Академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ въ 1839 г. и издававшійся имъ журналъ: *Revue de législation et de jurisprudence*.

(**) По официальнымъ документамъ, исчислялось въ 1832 году гипотечныхъ долговъ (заключенныхъ формальнымъ порядкомъ, со внесеніемъ въ гипотечныя книги) 11, 233, 263, 773 франк., а въ 1840 г. уже 12, 554, 098, 600. Возрастаніе долговъ по гипотечнымъ книгамъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

1840	519,278,160	фр. новыхъ займовъ.		
1841	419,375,820	—	—	—
1842	509,555,000	—	—	—
1843	564,255,000	—	—	—
1844	572,276,700	—	—	—
1845	584,553,000	—	—	—
1846	600,671,700	—	—	—
1847	630,545,840	—	—	—
1848	550,033,300	—	—	—
		3,022,764,620		

Среднимъ числомъ въ годъ 557,973,847

(*Diction. de l'Econ. polit.* T. 1, 537. Статья г. Воловскаго.)

Но эти цифры были, подъ влияніемъ паническаго страха окончательнаго банкротства поземельной собственности, значительно раздуты. Болѣе хладнокровное размышленіе и добросовѣстные изслѣдованія показали, что весь гипотечный долгъ долженъ быть, по крайней мѣрѣ, уменьшенъ на одну треть ⁽¹⁾ и что, по приблизительной вѣроятности, онъ можетъ быть оцѣненъ въ 8 миллиардовъ ⁽²⁾, и даже менѣе. Принимая на основаніи этихъ данныхъ среднюю цифру всего гипотечнаго долга и затѣмъ пропорцію его къ вѣроятной средней цѣнности всей поземельной собственности во Франціи, первый составлялъ приблизительно только одну седьмую послѣдней, и, принимая самыя неблагопріятныя и преувеличенныя исчисленія, мы все-таки получимъ пропорцію 1: 5 ⁽³⁾. Такая пропорція долга къ цѣнности собственности еще далеко не есть ея конечное раззореніе; въ самой же Франціи движимыя имущества, при новыхъ формахъ и отважныхъ предпріятіяхъ коммерческаго и промышленнаго кредита, были въ зависимости отъ кредита въ несравненно болѣе обширныхъ размѣрахъ. Въ то же время, при всѣхъ условіяхъ самой мелочной осторожности земскихъ кредитныхъ учреждений въ Германіи, всякое недвижимое имущество могло быть заложено на половину своей цѣнности, и во многихъ мѣстностяхъ вся совокупность имѣній достигла уже этой пропорціи долга. На основаніи такихъ соображеній, люди, специально занимавшіеся вопросомъ (какъ, на примѣръ, г. Воловскій) ⁽⁴⁾, справедливо утверждали, что вся совокупность поземельной собственности во Франціи *менѣе обременена долами*, чѣмъ въ остальной Европѣ. Постоянно высокія продажныя цѣны на землю и имѣнія во Франціи подтверждали этотъ взглядъ. Кромѣ того, поземельная собственность и земледѣлецъ во Франціи были совершенно свободны отъ инаго бремени, тяготѣвшаго повсемѣстно надъ сельскимъ хозяйствомъ въ Германіи, *феодалныхъ повинностей*. Это бремя, отъ котораго Франція счумѣла освободиться гораздо ранѣе, путемъ некредитныхъ сдѣлокъ, было для многихъ странъ Германіи необходимою болѣе настоятельною всякихъ гипотечныхъ дол-

(1) Вычтя многія суммы, внесенныя въ гипотечныя книги вдвое, для одной формы и проч. (мнѣніе г. Воловскаго).

(2) Мнѣніе г. Шегаре, докладчика законодательнаго собранія въ 1838 г.

(3) *Revue des deux mondes*. T. XVII, p. 598. *Diction. de l'Econ. pol.* T. I, p. 550.

(4) *Diction. de l'Econ. pol.* T. I, p. 550.

говъ и основанію кредитныхъ учреждений; оно стоило всякихъ жертвований правительства и не могло ожидать рѣшенія исключительно отъ успѣховъ частныхъ промышленныхъ предприятий. Всѣ долги французской поземельной собственности были добровольные, и тяжесть ихъ возрастала отъ недостатка земледѣльческой энергіи и медленности агрономическихъ успѣховъ.

Это — свѣтлая сторона гипотечнаго долга, обременявшаго французскія недвижимыя имущества. Но онъ имѣетъ и другую сторону, которая, безъ преувеличенія, дѣйствительно, неутѣшительна и заставляла съ особенною живостью чувствовать тягость кредитныхъ обстоятельствъ.

Не столько *капитальныя цифры* гипотечныхъ долговъ были обременительны для французскихъ собственниковъ, сколько *условія*, на которыхъ они заключались, и *обязательства*, которыя на себя принимали заемщики въ отношеніи къ кредиторамъ. Выше выставляемая нами весьма успокоительная пропорція между цифрою всего гипотечнаго долга и цѣнностью всѣхъ недвижимыхъ имуществъ во Франціи совершенно измѣняетъ свой характеръ, если сравнить ежегодные доходы ихъ и проценты, уплачиваемые заимодавцамъ. Здѣсь уже оказывается пропорція далеко неблагоприятная: по среднимъ исчисленіямъ, ежегодныя обязательства, по крайней мѣрѣ, до 500 или 600 милліоновъ франковъ, а весь поземельный доходъ не превышаетъ двухъ милліардовъ (т. е. пропорція 1 : 4); четвертая или даже третья часть всѣхъ доходовъ идетъ на уплату долговыхъ обязательствъ, безъ малѣйшаго даже погашенія самаго долговаго фонда. Между тѣмъ, гипотечные долги постоянно возрастаютъ, съ ними и ежегодные проценты; а поземельный доходъ, при медленности успѣховъ сельскаго хозяйства во Франціи, не быстро увеличиваются.

Такая несоразмѣрность гипотечныхъ обязательствъ къ доходамъ землевладѣльцевъ происходитъ преимущественно отъ чрезвычайной высоты роста по гипотечнымъ долгамъ во Франціи. По свѣдѣніямъ, собраннымъ для парламентскихъ преній, въ 1851 г. опредѣляли цифру процентовъ, ежегодно выплачиваемыхъ гипотечными должниками, въ средней сложности, на всемъ пространствѣ Франціи, отъ 9 до 10% на занятый капиталъ. Какъ ни чрезмѣрно высока такая средняя цифра гипотечнаго процента, даже въ сравненіи съ странами съ высокими ходячимъ процентомъ на капиталъ, но она была послѣдствіемъ

весьма умѣренныхъ выводовъ изъ точныхъ, повсемѣстныхъ исследованийъ. Изъ 65 департаментскихъ совѣтовъ, спрошенныхъ правительствомъ въ 1845 г. о состояніи гипотечныхъ долговъ. 57 совѣтовъ отвѣчали, что землевладѣльцы всегда платятъ по своимъ долгамъ болѣе 5⁰/₀, 17 выставили для процентовъ и другихъ расходовъ 6⁰/₀ и 7⁰/₀, 12 совѣтовъ — 7, 8, 9 и 10⁰/₀; наконецъ нѣкоторые доходили до 12, 15, 20 и даже 22⁰/₀, особенно въ случаѣ краткосрочныхъ и мелкихъ займовъ. Вообще опредѣляли средній процентъ, при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ заключенія гипотечнаго займа, въ 6 и 7⁰/₀, а съ необходимыми расходами по закладнымъ въ 8—10⁰/₀. Въ этомъ отношеніи Парижъ и нѣкоторые большіе города представляютъ большую разницу съ остальною Франціею и сельскими имуществами; парижскіе домовладѣльцы, при благоприятныхъ условіяхъ ихъ состоятельности, могли занимать подъ залогъ домовъ по 5⁰/₀. Но уже подъ самымъ Парижемъ ростъ доходилъ до 9⁰/₀ (*). Потому, если исключить городскія имущества, особенно состоятельныхъ землевладѣльцевъ и особенно выгодные для поземельной собственности случаи займовъ, средняя цифра процента въ 9 и 10⁰/₀ будетъ довольно вѣрна для большей массы должниковъ. Наконецъ, исключивъ всѣ крайности, какъ благоприятныя, такъ и неблагоприятныя, все-таки можно было, съ полною вѣроятностію, притти къ убѣжденію, что средній, нормальный процентъ по займамъ подъ залогъ недвижимаго имущества во Франціи 7⁰/₀ (**). Нельзя сказать, чтобы такіе результаты, при самой умѣренной ихъ оцѣнкѣ, не были печальны въ странѣ, богатой капиталами, огромными пространствами самой плодородной почвы, съ колоссальнымъ развитіемъ промышленности и съ образцовымъ образомъ устроенною магистратурою и судопроизводствомъ. Достаточно вспомнить для уясненія себѣ невыгодности такихъ результатовъ, что почти во всей сосѣдней Германіи средній процентъ по частнымъ гипотечнымъ займамъ не превышалъ 5⁰/₀. и правительства и частныя лица напрягали усилія, чтобы съ помощью гипотечныхъ учрежденій понизить и этотъ размѣръ процентовъ.

Высота роста и другихъ расходовъ при заключеніи займовъ подъ недвижимую собственность во Франціи объясняется пре-

(*) *Diction. de l'Econ. polit.* T. I, p. 556.

(**) Тамъ же, p. 537.

имущественно характеромъ, который приняли тамъ съ давнихъ временъ такія кредитныя сдѣлки. Всѣ онѣ заключаются черезъ посредство мѣстныхъ нотаріусовъ, маклеровъ и разнымъ сводчиковъ, которые берутъ на себя всѣ хлопоты по договору объ условіяхъ займа и по исполненію всѣхъ законныхъ формальностей (весьма запутанныхъ и мало обезпечивающихъ права собственности и кредиторовъ) и затѣмъ по взысканію процентовъ и долговой суммы (*). За эти услуги они берутъ большое вознагражденіе и стараются извлечь возможно болѣе для себя выгодъ съ обѣихъ сторонъ. Весьма естественно, что вся тяжесть такихъ условій обрушивается преимущественно на заемщиковъ. Издавна образовался этимъ путемъ, во Франціи, осо-

(*) Займы подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ заключаются обыкновенно во Франціи слѣдующимъ, обычаемъ вкоренившимся, порядкомъ. Желающій занять выдаетъ своему комиссіонеру закладной актъ на свое имѣніе, въ той суммѣ, какая ему нужна, и, кромѣ того, подписываетъ на имя комиссіонера, на всю эту сумму, еще нѣсколько заемныхъ писемъ (каждое въ 1,000 фран.). Эти письма или векселя обыкновенно нишутся безъ означенія срока уплаты долга, такъ что могутъ быть во всякое время поданы ко взысканію. Они выдаются также безъ означенія имени кредитора, такъ, чтобы можно было вписать всякое имя. Комиссіонеръ снабжаетъ ихъ своимъ поручительствомъ, или же они выдаются на имя комиссіонера, который дѣлаетъ, для облегченія ихъ обращенія, бланковую надпись. Комиссіонеръ вручаетъ эти заемныя письма другой сторонѣ — кредитору, или вообще продаетъ ихъ капиталистамъ, какихъ отыщеть, и условливается съ ними о срокѣ взысканія долга или о пересрочкѣ, лежащихъ на его отвѣтственности. Кредиторъ и должникъ остаются большею частію другъ другу неизвѣстными и совершенно чуждыми. Агентъ получаетъ проценты и всѣ расплаты отъ должника и рассчитывается съ кредиторомъ; онъ даже, въ случаѣ несогласія послѣдняго на отсрочки, уплачиваетъ ему весь капиталъ и уже самъ справляется съ должникомъ или отыскиваетъ для него другаго заимодавца, или же наконецъ остается самъ его кредиторомъ. Комиссіонеры обыкновенно обнадеживаютъ заемщиковъ насчетъ отсрочекъ, и послѣдніе, не задумываясь о срокѣ расплаты, подписываютъ обязательства на всякую сумму. Весьма часто долги дѣйствительно отсрочиваются безконечное число разъ и обращаются какъ бы въ непрерывныя ренты. Землевладѣлецъ дѣлается вѣчнымъ неоплатнымъ должникомъ сводчиковъ, которые сосутъ изъ него все, что могутъ. Кромѣ операций, прикрытыхъ формою законности, разумѣется, совершается множество мошеническихкихъ продѣлокъ, изъ которыхъ землевладѣльцамъ трудно выкутаться, такъ какъ агенты, знатоки, посвященные во всѣ таинства крочкотворства, всегда одержать верхъ. Внезапная подача ко взысканію, со стороны людей, совершенно неизвѣстныхъ землевладѣльцу, арестъ всего его имущества безпрестанно поражаютъ сельскихъ хозяевъ, въ особенности мелкихъ. Агенты дѣлаются также иногда жертвами капиталистовъ, которые въ общей сложности однимъ спокойно пожираютъ лавры. При этой системѣ сдѣлокъ, заемщики выигрываютъ одно — полную тайну заключеннаго займа. Это обстоятельство и служитъ для нихъ постояннымъ соблазномъ. См. *O. Hübner. Die Banken, p. 108. Courcelle Seneuil. Traite des opérations de Banque, p. 111.*

бный классъ людей, живущихъ и обогащающихся единственно на счетъ стѣпенныхъ обстоятельствъ землевладѣльцевъ, особенно сельскихъ и мелкихъ. Этотъ классъ сдѣлался мало по малу средоточіемъ всѣхъ сдѣлокъ по закладнымъ, и никакой случай займа не могъ миновать ихъ рукъ. Промыселъ этихъ людей основанъ на возможно большемъ возрастаніи гипотечныхъ займовъ, которые, подъ ихъ вліяніемъ, умножались и учащались (посредствомъ краткосрочныхъ условій и пересрочекъ) до неимовѣрности. Много французскаго воображенія, краснорѣчія и остроумія изощрено на описаніе продѣлокъ и хищничества этихъ людей, въ особенності посреди сельскаго и крестьянскаго народонаселенія. Такъ одинъ французскій священникъ, рассказывая ужасы закладныхъ для бѣдныхъ поселянъ-собственниковъ, говоритъ: «все искусство этихъ мелкихъ ростовщиковъ состоитъ въ практическомъ разрѣшеніи слѣдующей задачи: *ссужая поселянину 900 франковъ, найти средство отнять у него 9,000 фр. и остаться честнымъ челоювѣкомъ, въ глазахъ французскаго гражданскаго кодекса*». (*)

Мы указывали на 7⁰/₀, какъ на среднюю цифру ежегоднаго роста по всѣмъ гипотечнымъ долгамъ Франціи, какъ на результатъ самыхъ добросовѣстныхъ и умѣренныхъ исчисленій; между тѣмъ, доходъ собственниковъ земли во Франціи никогда не превышаетъ 3¹/₂⁰/₀ на покупную цѣну земли, и даже въ средней сложности не болѣе 2¹/₂⁰/₀ и 3⁰/₀. Поэтому бремя гипотечныхъ долговъ во Франціи представлялось еще болѣе тягостнымъ, когда выводили изъ этихъ цифръ то необходимое заключеніе, что постоянныя обязательства собственниковъ земли въ отношеніи къ ихъ кредиторамъ, въ нормальномъ порядкѣ вещей, вдвое и даже болѣе превышали ихъ доходы, безъ малѣйшаго даже погашенія самаго капитала долга. Такое экономическое положеніе поистинѣ должно было казаться чудовищнымъ. Чтобы понять причины этого положенія и уяснить кажущееся противорѣчіе его съ тою пропорціею ежегодныхъ процентовъ по ипотекамъ къ среднимъ ежегоднымъ поземельнымъ доходамъ Франціи (1:4), которую мы выставили выше, необходимо вникнуть въ различіе между *поземельнымъ доходомъ* и *доходомъ собственника земли* (или тѣмъ, что называется *рентою*), который составляетъ только часть перваго. Въ общей совокупности чистаго поземель-

(*) E. Bères. *Manuel de l'emprunteur et du prêteur* etc. 49.

наго дохода заключается: вознаграждение за трудъ, дѣятельность и риски сельскаго хозяина, земледѣльца или вообще земледѣльческаго предпринимателя — cultivateur, самъ ли онъ собственникъ земли, или снимаетъ ее отъ собственника), то, что называется его промышленною прибылью, проценты на капиталы, затраченные въ землю и хозяйство, и наконецъ плата за пользование землею, за право собственности, или рента въ пользу собственника. Поземельный доходъ можетъ составлять 10⁰/₀ на цѣну имѣнія, а доходъ собственника, или рента, которую онъ получаетъ безъ малѣйшаго участія своимъ трудомъ, безъ всякихъ хлопотъ, можетъ быть только 2, 3⁰/₀ и 3¹/₂⁰/₀. Между тѣмъ — и въ этомъ состоитъ одно изъ главныхъ условий тяжкихъ кредитныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась поземельная собственность во Франціи — *большая часть ипотечныхъ долговъ заключалась для покупки земли*, и не столько для болѣе выгодной и тщательной ея обработки, сколько для пріобрѣтенія права собственности на землю, этого высочайшаго гражданскаго блага въ глазахъ каждаго члена французскаго общества. Такое направленіе составляетъ съ давнихъ временъ одну изъ чертъ французской національности; оно сопряжено со многими слишкомъ важными политическими и социальными послѣдствіями въ жизни французскаго народа, и мы отмѣчаемъ здѣсь только его экономическіе результаты, или, лучше, одно изъ экономическихъ затрудненій, къ которому привело это движеніе (*).

(*) Выписываемъ мнѣніе по этому предмету знаменитаго французскаго ученаго по вопросамъ земледѣлія г. Буссенго; по нѣкоторымъ мыслямъ, оно можетъ также служить и дальнѣйшему вашему развитію теоріи поземельнаго кредита. «Вообще, когда говорятъ о доходахъ земледѣлія, сказалъ г. Буссенго (во время административныхъ изысканій французскаго правительства относительно ипотечнаго кредита), смѣшиваютъ двѣ вещи, которыя необходимо различать: *доходъ отъ поземельной собственности и промышленную прибыль сельскаго хозяина*. Я думаю, что человекъ, занимающій по 6 и 8 процентовъ, чтобы купить землю, которая принесетъ ему не болѣе 2¹/₂ процентовъ дохода, дѣлаетъ весьма плохую спекуляцію. *Я даже вижу въ этомъ родѣ операціяхъ главную причину гибельнаго положенія, въ которомъ находится большее число сельскихъ жителей*. Но этого бы не было, если бы сельскій хозяинъ занималъ единственно для того, чтобы приумножить свои способы воздѣлыванія почвы, улучшить свое хозяйство; въ этомъ случаѣ онъ могъ бы съ выгодой занимать по такимъ же процентамъ, какъ и для всякой другой промышленности. Безпрестанно повторяютъ: земледѣліе не можетъ процвѣтать, когда оно получаетъ кредитъ по 6 и 8⁰/₀, въ то время, какъ доходъ земли рѣдко достигаетъ 3⁰/₀. Но здѣсь именно надо дѣлать то различіе между доходами, о которомъ мы говорили. Во-первыхъ, капиталъ, за-

то ни стало поземельную собственность, или увеличить уже приобретенную, при вѣчной заботѣ *охранять свои владѣнія* — *s'arrondir*, вошедшей въ плоть и кровь народа, при весьма значительномъ равнодушіи къ самому пользованію землею, къ системѣ ея обработки, при постоянномъ народномъ предпочтеніи къ извлеченію возможно большаго гражданскихъ выгодъ изъ права поземельной собственности, передъ извлеченіемъ возможно большаго промышленныхъ выгодъ изъ пользованія землею или ея

траченный на покупку самой земли, разумѣется, приноситъ небольшой доходъ; умѣренность этого дохода оправдывается вѣрностью помѣщенія. Потому капиталъ, затраченный на обработку, на хозяйство, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Эта часть должна по необходимости приносить почти столько же прибыли, какъ и капиталы во всякой другой промышленности: иначе, не было бы никакого побужденія заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Эта часть затратъ обыкновенно ничтожна въ сравненіи съ покупнымъ фондомъ, и потому, по большей части, землевладѣльцы, сами хозяйничающіе на своей землѣ, купленной дорого, извлекаютъ изъ нея доходъ, весьма мало превышающій тотъ, который бы они имѣли, отдавая землю въ аренду. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы оборотный земледѣльческій капиталъ не могъ бы приносить большаго дохода. Предположимъ, что земля въ 500,000 фр. требуетъ для своей обработки капиталъ въ 50,000 фр. Отдавая ее въ аренду, можно получать ежегоднаго дохода 15,000 фр.; занимаясь сами обработкою, мы бы могли получать 19,000 фр. Въ первомъ случаѣ процентъ на покупной капиталъ будетъ 3%, во второмъ случаѣ — 3¹/₁₀%. Разница небольшая, но все-таки капиталъ собственно хозяина (оборотный) даетъ 8%. Итакъ, земледѣльская спекуляція, пользующаяся кредитомъ не для пріобрѣтенія поземельной собственности, а для воздѣлыванія земли, можетъ, по нашему мнѣнію, занимать, и дѣйствительно занимаетъ, на тѣхъ же условіяхъ, какъ и всякая другая промышленность. И если можно устроить финансовую систему, которая бы дала поземельной собственности средства получать капиталы дешево на долгіе сроки, тогда земледѣльческія прибыли стали бы возрастать, а съ ними и общіе успѣхи сельскаго хозяйства.» (*Diction. de l'Econ. polit. T. 1, p. 351 и 352.*) Къ этимъ словамъ несомнѣнной истинны мы съ своей стороны позволимъ себѣ присовокупить, что здѣсь не упомянуто еще третья категорія (кромя самаго земельного или покупнаго фонда и оборотнаго) капиталовъ: это — расходы на разнаго рода улучшенія почвы (*méliorations, améliorations du sol*), какъ, на примѣръ, осушеніе, дренажъ, ирригація, проведеніе дорогъ и проч. Эти расходы (физіократы присвоивали имъ особое названіе *avances foncières*) занимаютъ весьма важное мѣсто въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ. По своей значительности и медленности оборота затраченнаго на нихъ капитала, онѣ болѣе относятся къ обязанностямъ собственника земли, нежели фермера или земледѣльца, и въ странахъ, гдѣ земледѣліе процвѣтаетъ, какъ въ Англіи, производится болѣею частію самими собственниками, съ возвышеніемъ за то арендной платы. Этого рода затраты приносятъ проценты (постоянно возрастающіе) меньшіе, чѣмъ собственно оборотный капиталъ, но большіе, чѣмъ покупной фондъ. Для такихъ именно затратъ особенно полезенъ правильный, долгосрочный, поземельный кредитъ, съ постепеннымъ погашеніемъ капитала.

воздѣльванія, весьма естественно, что поземельная собственность во Франціи должна была войти въ неоплатные долги, безпрестанно дробясь и переходя изъ рукъ въ руки.

Въ тѣсной связи съ этимъ направленіемъ поземельнаго кредита во Франціи на приобрѣтеніе собственности находится, какъ извѣстно, крайнее измельченіе и затѣмъ чрезвычайное дробленіе кредита и постоянное преобладаніе въ массѣ гипотечныхъ должниковъ Франціи *мелкихъ заемщиковъ*. Такимъ образомъ, исчисляли, что ежегодно заключается во Франціи до 250,000 (единицъ) гипотечныхъ займовъ въ 300 фр. и въ нѣсколько большихъ суммахъ (*). Между тѣмъ, расходы и проценты по гипотечнымъ долгамъ и вообще тяжесть ихъ для должниковъ, въ страшной прогрессіи, возрастаютъ отъ крупныхъ заемщиковъ къ мелкимъ (**); вмѣстѣ съ тѣмъ сроки займовъ

(*) Таково было мнѣніе извѣстнаго финансиста Одифре въ 1838 г. (*Courcelle-Seneuil. Traite, p. 243.*) Г. Воловскій представляетъ, по достовернымъ даннымъ, слѣдующій составъ гипотечныхъ долговъ за 1841 г. (*Diction. d'leg. palit, T. 1, p. 357.*)

Размѣръ cadaго займа.	Число займовъ.	Капиталъ.
Въ 400 фр. и ниже	153,220	36,640,948 фр.
Отъ 400 до 1,000	89,803	62,421,267 —
Свыше 1,000	84,533	302,513,625 —
Всего	329,576	401,575,840 фр.

При не гласности, сопровождающей мелкіе займы, естественно, что официальные данныя ниже дѣйствительности.

(**) Г. Курсель-Сенель, опытный практический знатокъ въ дѣлѣ кредита, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о расходахъ при заключеніи гипотечныхъ займовъ во Франціи, независимо отъ условленныхъ процентовъ въ пользу кредитора:

Расходы по закладной въ 300 фр.		ф.	с.
Выписка изъ гипотечной книги		2	00
Переписка копій		3	00
Крѣпостныя пошлины (<i>suregistrement</i>)		3	50
Гербовая бумага, экспедиція и копія		1	60
Гонораріи за экспедицію		4	00
Гипотечныя пошлины и печать		1	45
Плата хранителю ипотеки		1	25
<i>Redaction des bordereaux</i>		2	50

(Закладной актъ.)

Копія съ квитанціи	3	00
Пошлины	1	65
Гербовая бумага, экспедиція и проч. по снятію запрещенія	2	85
Гонораріи	4	—
Плата хранителю	1	—
Всего	31	60

обыкновенно тѣмъ короче, тѣмъ меньше долговая сумма и тѣмъ бѣднѣе заемщикъ. А постоянныя пересрочки долговъ возобновляютъ каждый разъ всѣ расходы.

Такое положеніе огромной массы народонаселенія не могло не озабочивать съ давнихъ поръ французскаго правительства. Какъ ощущеніе всякаго недуга страны, по неизбѣжному закону развитія французскаго общества, сосредоточивается въ Парижѣ и ищетъ для себя врачеванія въ правительственныхъ центрахъ, а не въ свободной предпримчивости частныхъ лицъ, такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Парижъ и его административные дѣятели тревожились печальными обстоятельствами сельскихъ хозяйствъ, и безъ того содѣйствія сверху, съ которымъ испоконъ вѣка сроднилось все общество, вѣроятно, никакая серьезная организація поземельнаго кредита въ кругу самихъ заинтересованныхъ лицъ не состоялась бы. Къ тому же, здѣсь вопросъ касался одного изъ чувствительнѣйшихъ элементовъ французскаго общества—собственниковъ земли, возростаніе которыхъ составляло, въ глазахъ всѣхъ правительствъ Франціи, безъ различія происхожденія и званія, и всѣхъ политическихъ людей, почти безъ различія партій, составляло лучшую *гордость, доблесть и честь исторіи*. Если всякій вопросъ французской жизни, начиная отъ музыкальнаго діапазона (не такъ давно возрожденнаго изъ анархій къ привилегированному порядку) (*) до престолонаслѣдія, вырастаетъ въ формы вопроса государственнаго и правительственнаго, то интересы поземельной собственности и сельскаго народонаселенія, признаваемые за лучшую опору и за хранительницу порядка, поочередно каждою партіею во Франціи, имѣли по преимуществу право на попеченія правительства. Наконецъ присоединимъ ко всѣмъ этимъ причинамъ шумнаго движенія, окружавшаго вопросъ о поземельномъ кредитѣ въ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ Франціи и особенной популярности этого вопроса, интересы самаго земледѣлія. Успѣхи

Такимъ образомъ, при займѣ въ 300 фр. на годъ, расходы составляютъ 10% сверхъ роста въ пользу кредитора; при займѣ на два года расходы немного болѣе 8%. Нужно замѣтить, что здѣсь не исчислены никакія чрезвычайныя издержки въ пользу нотариуса или сводчика. А тутъ является цѣлая система разныхъ вознагражденій и строгая постепенность установившихся категорій, такъ, напримеръ, *la bienvenue, la fausse alerte*, и проч. (См. *Bérès. manuel, etc. p. 48* и слѣд.)

(*) Для всей Франціи былъ предписанъ одинъ и тотъ же діапазонъ (консерваторіи).

сельскаго хозяйства, въ особенности вблизи отъ блистательныхъ агрономическихъ начинаній двухъ сосѣднихъ странъ—Бельгіи и Великобританіи, этой старинной и коварной соперницы, также были всегда особенно любовнымъ предметомъ заботъ во Франціи, и со стороны мыслящихъ людей, и со стороны правительства. Начиная съ знаменитаго изрѣченія Сюлли: *la bougaye et pâturage sont les deux mamelles de l'état*, Франція до новѣйшаго времени не теряла своихъ притязаній быть *paus agricole*. Правда, трудно отыскать государство, которое не мило бы быть *земледѣльческимъ*: это какой-то почетный титулъ, котораго почему-то добиваются всѣ страны. И Англія провозглашаетъ себя государствомъ земледѣльческимъ, и Германія, и Россія. Это выраженіе: *государство земледѣльческое*, принадлежитъ къ разряду тѣхъ счастливыхъ созвучій словъ, посредствомъ которыхъ говорящій всегда убѣжденъ произнести великую истину и обнаружить глубокомысленность своихъ взглядовъ. Впрочемъ, съ величайшею готовностію, уступая всякому безвредное наслажденіе созвучіями почетныхъ титуловъ, мы не будемъ ставить никому въ упрекъ и притязаній на титулъ земледѣльческаго государства. Излишняя заботливость о сельскомъ хозяйствѣ не можетъ послужить въ ущербъ другимъ цивилизующимъ отраслямъ народной дѣятельности; скорѣе, напротивъ. Замѣтимъ, притомъ, что огромная пропорція сельскаго народонаселенія во Франціи (20 милл. крестьянъ на 35 милл. всѣхъ жителей) можетъ для нея оправдывать званіе земледѣльческой страны. Впрочемъ, такое количественное отношеніе еще не есть доказательство развитія земледѣльческихъ интересовъ, скорѣе напротивъ.

Мы указали на главныя черты затрудненій въ кредитныхъ обстоятельствахъ французской поземельной собственности, теперь переходимъ къ очерку мѣръ, которымъ онѣ послужили поводомъ и которыя привели къ нынѣшней организаціи поземельнаго кредита во Франціи.

Уже іюльское правительство было сильно озабочено устройствомъ поземельнаго кредита, который оставался въ рукахъ нотариусовъ и сводчиковъ и не имѣлъ, несмотря на свое огромное развитіе, ни одного средоточія или публичнаго учрежденія (*). По мнѣнію специалистовъ, задача преимущественно сосредоточи-

(*) Мы не говоримъ о *caisse hypothécaire*, основанной въ Парижѣ на акціяхъ въ 1824 г. съ 80 милл. капитала. Ея операціи были весьма неудачны, и она не долго существовала. (См. *Hübner. Die Banken. p. 204.*)

валась на открытіи поземельнаго кредита съ *постепеннымъ погашеніемъ* долговаго капитала, чего именно недоставало французской поземельной собственности, въ особенности страдавшей отъ безпрестанныхъ востребованій уплатъ долга со стороны кредиторовъ и, такимъ образомъ, постоянно находившейся подъ дамокловымъ мечемъ взысканій и экзекуцій (*). Затѣмъ врачеваніе гипотечнаго кредита должно было заключаться какъ въ *превращеніи* уже накопившагося долга (отъ 8 до 1,000 м.) въ долгосрочный, постепенно погашаемый долгъ, — однимъ словомъ, въ замѣнѣ условій существующихъ обязательствъ болѣе выгодными для заемщиковъ, такъ и въ доставленіи землевладѣльцамъ способовъ, въ видахъ улучшенія экономическихъ обстоятельствъ земледѣлія, къ заключенію новыхъ необходимыхъ займовъ (ежегодно простиравшихся до 500 милл. ф.). Кромѣ собственно финансовой стороны поземельнаго кредита, юридическая представляла огромныя трудности, вслѣдствіе чрезвычайной недостаточности французскихъ ипотекарныхъ законовъ. Эти законы, входившіе въ составъ Code Napoléon, весьма мало поддавались экономическимъ требованіямъ новѣйшаго времени и поземельнаго кредита. Переходъ недвижимыхъ имуществъ отъ одного лица къ другому сопряженъ по этимъ законамъ съ величайшими формальностями и запутанностью, не ограждающею ни собственника, ни его кредитора. Но мы не будемъ входить здѣсь въ разясненіе этихъ вопросовъ, чрезвычайно сложныхъ, породившихъ цѣлую особую литературу во Франціи, въ которой участвовали первые авторитеты права и законодательства, и не прямо относящихся до нашего предмета (**). Впослѣдствіи мы еще будемъ имѣть случай говорить о юридической сторонѣ поземельнаго кредита или собственно о закладномъ правѣ. Здѣсь замѣтимъ, что всякое измѣненіе, хотя бы самое ничтожное, въ Code Napoléon стоитъ неизмѣрныхъ усилій во Франціи. Всѣ политическія партіи Франціи, какъ бы далеко ни заходили ихъ стремленія и надежды, чрезвычайно консервативны въ отношеніи къ кодексу; въ немъ видятъ

(*) См. Статью г. Воловскаго *Crédit foncier*, въ *Dictionnaire de l'Econom. Polit.*

(**) См. между прочимъ *Troplong—commentaires des hypotheques; Durand—revue historique du droit français*; названныя выше статьи г. Лесима, занимающаго весьма почетное мѣсто въ исторіи французскаго поземельнаго кредита, и В. Бельобразова — о поземельномъ кредитѣ въ Польшѣ и во Франціи, гдѣ сдѣланы бѣгламыя указанія на сущность вопроса.

всѣ лучшее и драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, завѣщанное великою эпохою, и во многихъ отношеніяхъ не ошибаются. Передъ Code Napoléon останавливаются самыя смѣлыя преобразовательныя попытки французовъ. Іюльское правительство много хлопотало около гипотечнаго закона и, считая его исходнымъ пунктомъ всякаго устройства поземельнаго кредита, составило уже проекты измѣненій, которые были подвергнуты тщательнымъ обсужденіямъ парламента. Впослѣдствіи затрудненія гипотечнаго закона были разрѣшены, съ меньшими церемоніями, Людовикомъ-Наполеономъ, отчасти исправившимъ запутанность Code Napoléon. Вообще іюльское правительство, хотя медленно подвигаясь въ дѣлѣ поземельнаго кредита, какъ и во многихъ другихъ преобразованіяхъ, собрало чрезвычайно богатые и драгоцѣнные матеріалы, подготовившіе почву для всей позднѣйшей дѣятельности. Лучшіе авторитеты и hommes s'éciésieux Парижа были призваны къ разрѣшенію вопроса. Развитие его начинается въ 1839 г. съ доклада г. Воловскаго Академіи Наукъ. Затѣмъ были отправлены правительствомъ для изученія устройства поземельнаго кредита въ Европѣ, и въ особенности въ Германіи, въ 1844 г. г. Ройе и въ 1848 г. г. Жоссо. Плодомъ этихъ ученыхъ экспедицій были извѣстные сочиненія (*), занимающія до сихъ поръ первое мѣсто въ литературѣ поземельнаго кредита. Если бы всѣ попытки Франціи къ организаціи земскихъ банковъ остались тщетными, то этими трудами она оказала уже огромную услугу всѣмъ людямъ, занимающимся поземельнымъ кредитомъ, и всѣмъ странамъ, стремящимся къ водворенію его у себя.

Въ 1848 г. неожиданно пала, какъ извѣстно, *мѣщанская монархія*, посреди чрезвычайной дѣятельности мысли, слова, промышленности и администраціи, подготовившей всѣ послѣдующія движенія. Вопросъ объ организаціи поземельнаго кредита тотчасъ возродился въ національномъ собраніи, на развалинахъ матеріаловъ и изслѣдованій, собранныхъ предъидущимъ правительствомъ. Национальное собраніе принялось за него съ особенною энергіею: докладъ комиссіи общественнаго призрѣнія (de l'assistance publique) г. Шегаре, въ 1851 г., составляетъ одинъ изъ замѣчательныхъ документовъ для поземельнаго кредита; вслѣдъ за нимъ министеръ земледѣлія и торговли г. Дю-

(*) Много разъ упоминавшіяся нами еще въ первыхъ главахъ сочиненія гг. Ройе и Жоссо.

жа представилъ проэктъ закона для земскихъ банковъ, и въ средѣ національнаго собранія начинается рядъ любопытнѣйшихъ преній, въ которыхъ принимали участіе приверженцы различныхъ способовъ практическаго разрѣшенія и которые освѣтили собою не только многія практическія стороны дѣла, но и существеннѣйшіе общіе вопросы организаціи поземельнаго кредита. Да извинятъ намъ наше пристрастіе къ парламентскимъ преніямъ; но мы по необходимости всегда обращаемся къ нимъ, когда ищемъ свѣта и истины по правительственнымъ вопросамъ. Поэтому вкратцѣ изложимъ сущность преній по поводу поземельнаго кредита въ національномъ собраніи въ 1851 г.

Г. Воловскій, мнѣніе котораго, какъ главнаго двигателя вопроса, было полноуѣсно, склонялся въ пользу учрежденія кредитныхъ компаній, на подобіе описанныхъ нами германскихъ и польскаго учрежденій *первой группы*, т. е. съ цѣлью обезпечить кредитъ заемщикамъ выпускомъ гарантированныхъ компаніями облигацій. Съ умѣренностью держась между крайними мнѣніями по вопросу о степени участія въ этомъ дѣлѣ казны и о централизаціи поземельнаго кредита, онъ полагалъ предоставить правительству лишь учрежденіе компаній и высшее наблюденіе за ними и вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ мысль о гарантіи казны во взысканіи процентныхъ платежей съ должниковъ, чрезъ ея агентовъ, вмѣстѣ съ податями (*). Другой представитель, г. Лойе, желалъ, чтобы компаніи выпускали облигаціи сами въ обращеніе и обязались выдавать ссуды чистыми деньгами, —однимъ словомъ, въ родѣ учрежденій второй группы или акціонерныхъ земскихъ банковъ. Наконецъ г. Мартецъ (Du Loiret) предлагалъ чистые банки, дѣйствующіе выпускомъ циркуляціонныхъ билетовъ, съ размѣномъ въ кассѣ по востребованію. Эти мнѣнія представляютъ какъ бы постепенность отбѣнковъ отъ землевладѣльческихъ компаній, только гарантирующихъ кредитъ своимъ членамъ, до банковъ, создающихъ самый кредитъ своими собственными кредитными обязательствами. Второе мнѣніе преимущественно отразилось въ учрежденіи *crédit foncier*, какъ онъ явился впоследствии на самомъ дѣлѣ. Парламентскія мнѣнія республиканской Франціи продолжались, какъ извѣстно, недолго; празднымъ, ничего не разрѣшающимъ спорамъ положенъ былъ конецъ, и вопросъ о гипотечномъ кредитѣ былъ разрѣшенъ

(*) *Diction. de l'Econ. polit.*, p. 334.

практически, вмѣстѣ со многими другими, тою же смѣлою рукою, которая со 2 декабря 1851 г. если не покончила, то разсѣкла всѣ недоумѣнія. Теперь посмотримъ на *это практическое разрѣшеніе* вопроса.

Декретъ президента республики 28 февраля 1852 года есть первый законодательный актъ, положившій основаніе организаціи поземельнаго кредита во Франціи и, несмотря на нѣкоторыя позднѣйшія въ немъ преобразованія, сохранившійся въ своихъ главныхъ началахъ до сихъ поръ. Изложимъ важнѣйшія постановленія этого декрета.

1) Съ утвержденія правительства (разрѣшенія президента, по рассмотрѣніи государственнымъ совѣтомъ), дозволяется учрежденіе во Франціи *компаній заемщиковъ, землевладѣльцевъ или заимодавцевъ*, капиталистовъ (т. е. обѣ формы земскихъ кредитныхъ учрежденій были одинаково дозволены закономъ), съ цѣлью доставленія владѣльцамъ недвижимой собственности ссудъ подъ залогъ ихъ имуществъ, съ разсрочкою погашенія капитала, процентными взносами, на долгіе сроки. Такія компаніи подчиняются всѣмъ постановленіямъ настоящаго декрета и пользуются даруемыми имъ привиллегіями (§§ 1 и 2).

2) Каждая компанія дѣйствуетъ въ границахъ того пространства государства, какое опредѣлено будетъ для нея при ея утвержденіи правительствомъ (§ 3).

3) Компаніи могутъ выпускать въ обращеніе *облигаціи* или *закладные листы* (lettres de gage), именные или на предъявителя (§§ 4 и 13).

4) Компаніи могутъ выдавать ссуды только подъ первую гипотеку (т. е. съ правомъ преимущественнаго взысканія ихъ долговъ съ имѣнія, исключаяющимъ всякія другія претензіи на должника). Потому имѣніе уже заложенное должно быть, для полученія новой ссуды отъ компаніи, сперва выкуплено изъ запрещенія самою компаніею или заемщикомъ (§ 6).

5) Для облегченія первоначальныхъ дѣйствій компаній, *правительство и департаменты приобрѣтутъ для себя нѣкоторое количество ихъ закладныхъ листовъ*. Въ этомъ заключалось обѣщанное содѣйствіе казны, предназначившей для этого особые вспомогательные капиталы (§ 5).

6) Каждая ссуда компаній ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать половины цѣны закладываемаго имущества. Нан-

меньшій размѣръ ссудъ будетъ опредѣленъ уставомъ каждой компаніи (§ 7).

7) Всѣ ссуды погашаются заемщиками ежегодными процентными взносами (annuités). Каждый заемщикъ имѣетъ право во всякое время очистить часть своего капитального долга или весь долгъ. Это важное облегченіе для заемщиковъ сдѣлано обязательнымъ для французскихъ компаній поземельнаго кредита (§ 10).

8) Въ каждомъ ежегодномъ процентномъ взносѣ заемщика заключаются непремѣнно: 1) условленные проценты, которые никогда не могутъ превосходить 5%; 2) погашеніе капитала, которое никогда не можетъ быть выше 2% и ниже 1%; 3) расходы на управленіе и пошлины, какіе опредѣлены будутъ въ уставѣ (§ 11). Французское правительство признало нужнымъ установить всѣ эти границы процентовъ и платежей обязательными, хотя такія постановленія, при движеніи капиталовъ въ обществѣ, сопряжены съ большими затрудненіями.

9) Сумма всѣхъ выпущенныхъ каждою компаніею облигацій не можетъ превосходить суммы всѣхъ выданныхъ ссудъ, или капитала, въ которомъ заложены всѣ имѣнія (§ 14).

10) Облигаціи или закладные листы не могутъ быть выпускаемы въ суммѣ ниже 100 франковъ (§ 15).

11) По облигаціямъ выплачиваются компаніями проценты. Ежегодно они выкупаются компаніями изъ обращенія, въ размѣръ накопляющагося погасительнаго капитала (§ 16).

12) Никакое лицо, присутственное или судебное мѣсто не могутъ освободить должника компаніи отъ его платежей въ компанію или приостановить по какой либо претензіи эти платежи. По недоимкамъ взыскиваются съ должниковъ проценты (§§ 26, 27 и 28).

13) Въ случаѣ просрочки заемщиками ихъ платежей въ компанію, она можетъ, черезъ посредство предсѣдателя гражданскаго суда первой инстанціи, черезъ 15 дней послѣ повѣщенія недоимщика, наложить секвестръ и вступить во владѣніе заложенымъ имѣніемъ, съ отнесеніемъ всѣхъ своихъ убытковъ на счетъ недоимщика. Во все время своего владѣнія, компанія распоряжается всѣми доходами съ имѣнія и, по очищеніи всѣхъ казенныхъ взысканій, покрываетъ свои недоимки (§§ 29, 30 и 31).

14) Въ случаѣ недоимки или разстройства имѣнія (*détérioration*), компанія можетъ также произвести взысканіе продажею имѣнія. Процедура продажи облегчена и всѣ сроки сокращены (Сар. 11. § 29—42).

Всѣ судебныя и административныя облегченія для производства взысканій съ заложенныхъ имѣній были весьма важны, потому что, при запутанности формальностей, самовластін мѣстныхъ властей и крючкотворствѣ судебныхъ мѣстъ, потворствующихъ несправности должниковъ, не можетъ быть прочна никакая организація поземельнаго кредита (*).

15) Компаніи поземельнаго кредита поставляются подъ наблюденіе министровъ внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и торговли и финансовъ (§ 43).

16) Компаніямъ воспрещается производить всякія другія банковыя операціи, кромѣ здѣсь означенныхъ (§ 44).

17) Онѣ должны передавать на храненіе въ казну всѣ свои свободные капиталы (§ 45).

18) Капиталы опеку, общинъ и вообще публичныхъ учрежденій могутъ быть употребляемы на приобрѣтеніе земскихъ облигацій (§ 46).

19) Въ уставѣ каждой компаніи должны быть опредѣлены: способъ оцѣнки закладываемыхъ имуществъ, какого рода недвижимыя имущества исключаются изъ права на ссуды, тахітум и мінітум каждой ссуды, тарифы для процентныхъ взносовъ, условія взносовъ въ зачетъ будущихъ платежей, сроки уплатъ процентовъ по ссудамъ и облигаціямъ, система выпуска

(*) Мы имѣемъ въ виду весьма близкій намъ случай, но М—ой губ., Б—у уѣзду, гдѣ втеченіе 8 лѣтъ, со дня подачи ко взысканію по закладной на недвижимое имѣніе, до сихъ поръ имѣніе не продано съ публичнаго торга. Дѣло это не заключаетъ въ себѣ никакого спора ни со стороны должника, втеченіе 8 лѣтъ не платящаго ни процентовъ, ни капитала, ни со стороны третьихъ лицъ. Кредиторъ имѣлъ постоянное и неуспѣнное *хожденіе по долгу*, но не рѣшаясь на тѣ плутни и подкуны, къ которымъ прибѣгаетъ постоянно его должникъ, не можетъ до сихъ поръ получить удовлетворенія, несмотря на многократныя описи имѣнія, постановленія присутственныхъ мѣстъ о его продажѣ, даже назначенія къ продажѣ. На всѣ самыя записныя требованія кредитора, *предержащія* лица отвѣтствуютъ только ухмыленіемъ и подписываньемъ бумагъ, которыя, по ихъ собственному убѣжденію, совершенно безвредны для должника. Въ случаѣ надобности, мы можемъ представить документы этого любопытнаго дѣла, простирающагося, однако, на 15 тысячъ. Здѣсь можно изучить на практикѣ организацію кредита. Смѣемъ думать, что при такихъ условіяхъ взысканія долговъ всякія попытки организаціи земскихъ банковъ были бы тщетны.

и выкупа облигацій, съ преміями и безъ премій, источники для составленія резервнаго капитала, правила для ликвидаціи дѣлъ компаній, порядокъ назначенія директоровъ и должностныхъ лицъ и ихъ залогои (§ 48).

18) Особый регламентъ опредѣлить границы и способы наблюденія со стороны правительства за веденіемъ дѣлъ и отчетностью компаній, гласность дѣйствій и отчетовъ компаній, для нихъ обязательную, тарифъ вознагражденія со стороны компаній разнымъ казеннымъ чиновникамъ, призываемымъ компаніями къ содѣйствию въ ихъ дѣлахъ (§ 49).

Таковъ былъ въ главныхъ своихъ распоряженіяхъ декретъ 28 февраля 1852 г. Онъ любопытенъ, какъ продуктъ самыхъ тщательныхъ изысканій въ области поземельнаго кредита, какъ послѣдствіе глубокаго изученія и практики и теоріи вопроса, со стороны первыхъ авторитетовъ и науки и административнаго дѣла, накопецъ, какъ образчикъ административныхъ воззрѣній на организацію поземельнаго кредита со стороны самыхъ современныхъ и могущественныхъ государственныхъ дѣателей. Нельзя сказать, чтобы содержаніе этого законодательнаго акта вовсе не соотвѣтствовало всѣмъ справедливымъ отъ него ожиданіямъ и долготѣннымъ стремленіямъ французскаго общества къ устройству поземельнаго кредита. Границы правительственнаго надзора и вмѣшательства поставлены были весьма умѣренно. Въ основаніе компаній не было положено никакого начала централизаціи — камня преткновенія для всѣхъ законодательныхъ актовъ Франціи. Можно было бы пока поставить въ упрекъ только опредѣленіе *tauximum* процентовъ, какъ предмета, не подлежащаго законодательству, вслѣдствіе крайней измѣнчивости ходячаго процента въ публичномъ обращеніи. Правительство вскорѣ само почувствовало неудобства этого постановленія и хотя не вовсе его отмѣнило, но сказало, въ особомъ декретѣ 28 марта 1858 года, что въ уставѣ каждой компаніи будутъ особо опредѣлены размѣры и сроки погашенія. Вообще же нормы, поставленныя закономъ, были довольно широки, болѣе даже широки, чѣмъ можно было ожидать отъ законодательныхъ актовъ Франціи. Подъ эти нормы подходило разнообразіе весьма многихъ формъ банковъ.

Въ регламентѣ, обѣщанномъ декретомъ 28 февраля и изданномъ 18 октября 1852 г., опредѣлены были способы наблюденія правительства за дѣйствіями компаній поземельнаго кредита.

Особые комиссары, по назначению министров внутренних дѣлъ, земледѣлія и торговли и финансовъ, должны были производить постоянный контроль надъ управленіемъ и счетоводствомъ компаній. Эти комиссары (по одному при каждой компаніи) должны наблюдать за точностью исполненія уставовъ и законовъ. Имъ открытъ доступъ ко всѣмъ дѣламъ и документамъ компаній, также и къ повѣркѣ во всякое время, по ихъ усмотрѣнію, кассы и капиталовъ. Они могутъ присутствовать при всѣхъ общихъ собраніяхъ членовъ, дѣлать свои замѣчанія и требовать включенія ихъ въ протоколы. Они доносятъ черезъ каждые три мѣсяца министру о послѣдствіяхъ своихъ занятій. Компаніи обязываются имѣть всѣ тѣ книги и вѣдомости, какихъ отъ нихъ потребуеетъ правительство или высшее управленіе, учрежденное для нихъ въ министерствахъ. Компаніи обязаны вносить въ особую книгу всѣ распоряженія и предписанія управленія и предъявлять ихъ всѣмъ своимъ акціонерамъ и другимъ заинтересованнымъ лицамъ. Компаніи подлежатъ ревизіи со стороны инспекторовъ министерства финансовъ. Особая коммиссія по назначенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ (подъ предсѣдательствомъ пераго) учреждается для рассмотрѣнія всѣхъ вопросовъ о поземельномъ кредитѣ; членами не могутъ быть ни комиссары, ни должностныя лица компаній. Въ этой коммиссіи сосредоточиваются всѣ дѣла по наблюденію за компаніями. Если компанія нарушитъ свой уставъ или дѣйствующія узаконенія, то министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ немедленно испросить декретъ о закрытіи компаніи и *въ то же время до воспослѣдованія декрета приостановитъ дѣйствія компаніи*. Нельзя сказать, чтобы послѣднее постановленіе не было въ высшей степени стѣснительно: почему бы не ограничиться преданіемъ суду и отвѣтственности по закону директоровъ компаніи, какъ слѣдовало бы быть во всякомъ благоустроенномъ государствѣ? Одно такое распоряженіе административной власти могло бы достаточно охранить интересы акціонеровъ и публики и въ то же время охранить компаніи отъ произвола и прихотей административныхъ лицъ. Всѣ заинтересованныя лица тотчасъ, при преданіи суду директоровъ, слѣдвали бы внимательнѣе къ ихъ дѣйствіямъ и осторожнѣе въ своемъ довѣріи, а директоры, убѣжденные въ своей правотѣ и весьма часто, въ самомъ дѣлѣ, понапрасну заподозрѣнные со стороны агентовъ правительства, могли бы продолжать свою дѣятельность, если она не была бы приостановле-

на самими акціонерами, которые все-таки лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ. Далѣе ликвидація дѣлъ компаній, всякій разъ должна быть разрѣшена министромъ внутреннихъ дѣлъ, который можетъ ускорить ликвидацію. Компаніи должны представлять черезъ каждые шесть мѣсяцевъ отчетъ о положеніи своихъ дѣлъ министрамъ, префектамъ, коммерческимъ и земледѣльческимъ палатамъ и въ мѣстные гражданскіе суды. Всѣ расходы по наблюденію за компаніями производятся казною, *съ содѣйствіемъ самихъ компаній*. Въ этомъ регламентѣ отразились вся мелочность французской администраціи и ея страсть къ бумажной дѣятельности. Какъ бы ни былъ развитъ бюрократизмъ въ Германіи, но мы даже тамъ не встрѣтили такихъ придирчивыхъ постановленій относительно казеннаго надзора за земскими кредитными обществами.

Но въ такомъ дѣлѣ исполненіе законодательной мысли важнѣе самаго закона, а исполненіе зависитъ уже отъ самихъ частныхъ лицъ, отъ энергіи самаго общества и отъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ постоянно держитъ себя административная власть къ частнымъ интересамъ. Какъ мы увидимъ, французскій поземельный кредитъ не остановился въ тѣхъ умѣренныхъ границахъ отношеній къ правительству и централизаціи, которыя были первоначально положены.

Вслѣдъ за декретомъ 28 февраля образовалась въ Парижѣ компанія капиталистовъ (то есть заимодателей) съ 25 милл. фр. основнаго капитала (50,000 акцій); декретомъ 28 марта 1852 г. этой компаніи была предоставлена исключительная привилегія операций поземельнаго кредита въ семи департаментахъ, подвѣдомыхъ парижскому апелляціонному суду. Въ главѣ этого предпріятія сталъ г. Воловскій; въ числѣ учредителей было много замѣчательныхъ личностей, по своему административному общественному положенію, литературной извѣстности или финансовой карьерѣ: такъ, гг. Друенъ де-Луи, Л. Фоше, Е. Перейеръ, Гаспаренъ, А. Фульдъ, Пасси и друг. Срокъ привилегіи былъ назначенъ 20 лѣтъ. Основной капиталъ компаніи долженъ былъ состояться постепеннымъ выпускомъ акцій и оплачиваніемъ ихъ по частямъ. На каждые 5 милл. основнаго капитала могло быть выпущено компаніею до 100 милл. земскихъ облигацій (*obligations foncières*). 30 іюля 1852 г. былъ утвержденъ правительствомъ уставъ парижской компаніи, получившей названіе *парижскаго земскаго банка* (*Banque foncière de Paris*).

Уставъ заключалъ въ сущности своей изложенныя выше основанія декрета 28 февраля. Мы только укажемъ на тѣ правила, которыя не заключались въ декретѣ. Компания обязалась выдавать ссуды чистыми деньгами; облигаціи должны были служить ей для приобрѣтенія денегъ отъ капиталистовъ, которымъ она выдаетъ облигаціи. Складочный капиталъ служитъ обезпеченіемъ кредита компаніи и преимущественно ея облигаціямъ. Не могутъ быть выдаваемы ссуды подъ залогъ театровъ, рудниковъ и каменоломенъ, подъ части имѣній, находящихся въ нераздѣльномъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ, недвижимыя имущества, не находящіяся въ полной собственности заемщиковъ. Всѣ имущества получаютъ ссуды на половину ихъ цѣны, но лѣса и виноградники только на одну треть. Ни въ какомъ случаѣ процентныя взносы заемщика не могутъ превосходить всей цифры доходовъ съ имѣнія. Maximum ссудъ одному лицу—1 милл. фр., minimum — 300 фр. Проценты по ссудамъ опредѣляются правленіемъ; но они не могутъ быть болѣе 5%. Кромѣ того, заемщикъ вноситъ проценты на погашеніе капитальнаго долга, разсрочиваемаго отъ 20 до 50 лѣтъ. Размѣръ ежегоднаго погашенія соотвѣтствуетъ этимъ срокамъ. Наконецъ заемщикъ вноситъ ежегодно на расходы по управленію никакъ не болѣе 60 сантим. на 100 фр., то есть $\frac{6}{10}\%$. Облигаціи выпускаются достоинствомъ отъ 1,000 до 100 фр. По нимъ уплачиваются компаніею проценты, въ размѣрахъ, опредѣленныхъ правленіемъ компанію, при каждомъ выпускѣ. Облигаціи выпускаются серіями; каждая серія имѣетъ свой общій процентъ. Облигаціи не размѣниваются по предъявленію, но выкупаются изъ обращенія тиражемъ. Каждая серія имѣетъ свой погасительный фондъ. Съ выкупомъ соединены преміи или выигрыши разныхъ суммъ въ пользу ихъ владѣльцевъ. Тиражъ бываетъ ежегодно. Доходы компаніи, то есть взносы, поступающіе отъ заемщиковъ, употребляются послѣ покрытія расходовъ управленія, прежде всего на уплату процентовъ по земскимъ облигаціямъ, на уплату капитала по вышедшимъ по тиражу облигаціямъ и на премію и выигрыши для послѣднихъ. Затѣмъ остатокъ составляетъ чистую прибыль компаніи. Изъ нея идетъ сумма на выдачу обязательнаго дивиденда по 25 фр. на акцію (5%), потомъ до 20% съ остальной суммы идетъ въ резервный капиталъ и на добавочное содержаніе директора и вице-директоровъ. Наконецъ, послѣдній остатокъ распредѣляется, въ качествѣ добавочнаго дивиденда, между

всѣми акціонерами. Когда резервный капиталъ составитъ $\frac{1}{5}$ основнаго, то онъ болѣе не накопляется, и опредѣленные на его составленіе доли доходовъ идутъ въ пользу заемщиковъ и на погашеніе. Въ случаѣ недостаточности доходовъ на выдачу 25 ф. дивиденда акціонерамъ, недостатокъ покрывается на счетъ резервнаго капитала. Управление дѣлами компаніи сосредоточено въ совѣтъ (conseil d'administration), и вся исполнительная власть— въ директорѣ, по назначенію совѣта. Совѣтъ состоитъ изъ двадцати акціонеровъ, избранныхъ въ общемъ собраніи и не получающихъ вознагражденія. Всѣ безъ изыятія операціи и дѣла компаніи зависятъ отъ рѣшенія совѣта и лежатъ на его отвѣтственности. Директоръ долженъ быть владѣлецъ 100 акцій и вмѣстѣ съ своими помощниками вице-директорами получаетъ жалованье, по назначенію совѣта. При учрежденіи компаніи, былъ назначенъ директоромъ г. Воловскій. Общее собраніе избираетъ изъ своей среды трехъ цензоровъ, обязанныхъ наблюдать за дѣйствіями совѣта. Ежегодно представляется общему собранію отчетъ, и оно разсматриваетъ и повѣряетъ всѣ операціи компаніи. Всѣ внутреннія несогласія членовъ компаніи разбираются судебнымъ порядкомъ. Всякій искъ противъ совѣта и директоровъ можетъ быть учиненъ не иначе, какъ по рѣшенію общаго собранія.

Вскорѣ по учрежденіи парижской компаніи, возникли совершенно подобныя компаніи поземельнаго кредита въ провинціяхъ: въ Ліонѣ, Тулузѣ, Марсели, Неверѣ, Орлеанѣ, Поатье, Лиможѣ, Руанѣ, Бордо и другихъ городахъ. Правительство, согласно своей первоначальной мысли (декретъ 28 февраля) и воззрѣніемъ, преобладавшимъ въ Парижѣ, при обсужденіи вопроса относительно пользы децентрализаціи или локализаціи поземельнаго кредита, то есть возможно болшемъ развитіи многихъ самостоятельныхъ гипотечныхъ учреждений въ разныхъ центрахъ Франціи, сперва поощряло движеніе, обнаружившееся въ провинціяхъ, и, казалось, стояло далеко отъ идеи централизаціи поземельнаго кредита. Но недолго сохранилось это направленіе, столь чуждое всѣмъ преданіямъ французской почвы. Вскорѣ произошелъ тотъ привычный для Франціи оборотъ дѣлъ, который неудержимо влечетъ всѣ ея учрежденія къ монополіи и централизаціи и который повелъ поземельный кредитъ по той же знакомой стезѣ. Это составляетъ послѣднюю фазу

истории *crédit foncier*, столь сложную своими перепетиями и вмѣстѣ съ тѣмъ столь типически французскую.

Вскорѣ послѣ утвержденія устава парижской компаніи начинается рядъ правительственнымъ мѣръ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою, уже въ 1852 г., къ превращенію этой компаніи въ исключительное, привилегированное гипотечное учрежденіе для всей Франціи. Мотивами необходимости этого превращенія выставлялись: быстрый приливъ капиталовъ къ парижской компаніи (подъ вліяніемъ биржевой спекуляціи и многихъ вліятельныхъ биржевыхъ лицъ, принадлежавшихъ къ компаніи, ея акціи скорѣ послѣ выпуска поднялись съ 500 фр. до 1,200), медленность въ развитіи операций учредившихся провинціальныхъ компаній, возможность при болѣе обширныхъ размѣрахъ операций и капиталовъ понизить процентъ по ссудамъ, въ облегченіе поземельной собственности. Какія бы ни были въ этомъ событіи руководящія побужденія: шумъ ли биржевыхъ премій вокругъ учредителей парижской компаніи и соблазны болѣе широкихъ пространствъ для дѣятельности и для оборотовъ, дѣйствительно ли филантропическія стремленія нѣкоторыхъ участниковъ, или же просто общественно физиологическія инстинкты общества къ великому единству (*la grande unité*),—вѣроятно, все вмѣстѣ, только декретомъ 10 декабря 1852 г. кругъ дѣйствій парижской компаніи, получившей вмѣстѣ съ тѣмъ названіе *поземельнаго кредита Франціи* (*Crédit foncier de France*), былъ распространенъ на всѣ тѣ департаменты, въ которыхъ еще не учредилось компаній, съ правомъ присоединить (*de s'incorporer*) къ себѣ всѣ уже учредившіяся компаніи, въ видѣ своихъ конторъ (*succursales*), подъ управленіемъ своихъ директоровъ. Слитіе произошло всецѣло, и *Crédit foncier de France* пользуется монополіею гипотечныхъ операций на всемъ пространствѣ Франціи. Парижъ долженъ былъ сдѣлаться исключительнымъ *раздавателемъ благодѣній поземельнаго кредита для всей Франціи* (*l'unique dispensateur des bienfaits du Crédit foncier*, какъ весьма характеристично сказано въ министерскомъ докладѣ императору, испрашивавшемъ слитіе въ 1852 г.) Результатъ этой мѣры, по словамъ правительственныхъ лицъ, долженъ было заключаться въ полномъ *освобожденіи Франціи отъ вѣковаго рабства ипотечнаго долга* (*).

(*) *Ainsi donc on peut prévoir le jour où le sol sera affranchi de la dette hypothécaire, dont l'ont obéré les siècles* — такъ говорилось въ томъ же докладѣ.

Дальше мы увидимъ, сбылись ли эти пророчества и каковы благодѣянія французскаго поземельнаго кредита.

Складочный капиталъ парижской компаніи былъ расширенъ въ 1852 г. съ 20 милліоновъ фр. до 60 милліоновъ, изъ которыхъ половина должна быть тотчасъ собрана. Она получала отъ правительства 10 милліоновъ вспоможенія, предполагавшихся первоначально къ раздачѣ всѣмъ мѣстнымъ компаніямъ поземельнаго кредита. Срокъ привилегіи былъ опредѣленъ съ 1852 г. на 99 лѣтъ. Компанія обязалась выдать въ ссуды французскимъ землевладѣльцамъ до 200 милліоновъ фр., по 5% въ годъ (въ томъ числѣ интересы, погашеніе и расходы управленія), съ погашеніемъ каждой ссуды въ 50 лѣтъ. Эти 200 милліоновъ (собранные съ помощью акцій, облигацій и казеннаго вспоможенія) должны были распредѣлиться по всѣмъ департаментамъ пропорціонально ихъ гипотечнымъ долгамъ. Въ то же время компанія обязывалась принять всѣ мѣры и принести всѣ жертвы, чтобы выдавать ссуды всегда (и болѣе, чѣмъ на 200 милліоновъ) на тѣхъ же условіяхъ.

Послѣдній и окончательный фактъ превращенія французской компаніи въ привилегированное монопольное учрежденіе и потомъ изъ частнаго въ правительственное (въ силу общаго закона развитія центральныхъ привилегированныхъ учреждений) былъ замѣнъ (въ 1854 г.) директора и вице-директоровъ, избираемыхъ компаніею, директоромъ и вице-директоромъ по назначенію отъ правительства и съ содержаніемъ на счетъ компаніи (въ 40,000 и 20,000 фр.) Къ великой чести г. Воловскаго должно отнести, что съ изданіемъ этого декрета онъ удался отъ дѣлъ компаніи, въ которой состоялъ директоромъ. Отчетъ министра финансовъ г. Бино, въ 1854 г., объясняющій это преобразование, говоритъ, что «оно должно обезпечить поземельному кредиту ту организацію, которую императоръ Наполеонъ I далъ французскому банку, ту во всѣхъ отношеніяхъ прекрасную организацію, которая втеченіе 50 лѣтъ дала столь великіе результаты» (*).

(*) Замѣчательный обращикъ этихъ великихъ *idées napoléoniennes* по части кредита можно видѣть въ рѣчахъ Наполеона I въ государственномъ совѣтѣ, въ 1806 г., при сужденіяхъ объ устройствѣ французскаго банка. Въ этихъ рѣчахъ между прочимъ сказано: *je veux que la Banque soit assez dans la main du gouvernement et n'y soit pas trop... quant à la nomination du gouverneur je ne veux point présenter des candidats au comité des actionnaires; ce serait restreindre la liber-*

Сдѣлавъ очеркъ развитія организаціи французскаго поземельнаго кредита, посмотримъ теперь на его операціи и въ какой мѣрѣ осуществились въ нихъ великія надежды и обѣщанія.

Замѣтимъ, что съ возникновеніемъ новой организаціи поземельнаго кредита во Франціи круто пріостановилось движеніе его по прежнимъ путямъ сдѣлокъ чрезъ частныхъ агентовъ: заемщики, въ виду блестящихъ обѣщаній, приливали съ своими требованіями къ новому учрежденію; нотариусы и агенты, весьма плохо расположенные къ предпріятію, угрожавшему совершенно парализовать ихъ промыселъ, старались ему противодействовать, но никакъ не облегченіемъ условій по своимъ собственнымъ гипотечнымъ ссудамъ, а скорѣе, напротивъ, стѣсненіемъ кредита. Прежнія гипотечныя сдѣлки, съ которыми всѣ свыклись, стали производиться еще туже. Это налагало еще болѣе отвѣтственности на новое учрежденіе.

Чтобы выдать ссуды до 200,000 фр., нужно было, разумѣется, ихъ имѣть. Выпускъ 50,000 акцій (со взносомъ 250 фр.) доставилъ 12,500,000 фр.; затѣмъ выпущены были 200,000 облигацій, по 1,000 фр. каждая, съ уплатою по нимъ 3%, и выкупомъ, по 1,200 фр., по тиражу, въ которомъ каждый выходящій номеръ облигаціи могъ, сверхъ того, дать выигрышъ, въ 1853 и 1854 гг., отъ 1,200,000 до 800,000 фр. Всѣ эти ресурсы, какъ видно, еще далеки были отъ 200 милліоновъ. Характеръ биржевой спекуляціи, привязавшейся къ учрежденію съ самаго его начала и столь противный операціямъ поземельнаго кредита, и лотерейные соблазны послужили только къ необдуманному биржевому ажіотажу, который въ первое время набилъ курсъ земскихъ облигацій и акцій до огромныхъ премій. Но уже съ января 1853 г. обстоятельства измѣнились: ходячіи проценти на капиталы на парижской биржѣ возрасталъ подъ вліяніемъ войны, неурожаевъ и требованія на капиталы по разнымъ другимъ громаднымъ предпріятіямъ. Поземельный кредитъ тщетно пытался привлечь капиталистовъ къ своимъ бума-

té de mon choix et me mettre dans une position avilissante vis à vis de ce comité... Je pourrais tout au plus consentir à ce que le comité désignât un gouverneur et soumit ce choix à mon approbation; mais je dois être le maître dans tout ce dont je me mêle et surtout dans ce qui regarde la Banque qui est bien plus à l'empereur qu'aux actionnaires... Il faut mettre dans l'administration de cet établissement une classe d'hommes étrangère à la Banque. Il y a des cas où soixante mille francs seront trop peu pour le gouverneur: c'est par l'argent qu'il faut tenir les hommes à argent.

гамъ; но онъ никогда не могъ, по самой сущности своего предприятия, сохранить для него блистательное мѣсто на биржѣ (тѣмъ болѣе парижской), подлѣ цѣнностей промышленныхъ предприятий всякаго рода, представлявшихъ болѣе счастливыхъ комбинацій для спекуляціи. Капиталы стали чрезвычайно медленно приливать къ поземельному кредиту.

Потому уже въ 1853 г. оказалось необходимымъ взять назадъ обѣщанія 1852 г. на счетъ ссуды 200 милліоновъ по 5% (интересовъ и погашенія). Компаніи дозволено было возвысить процентные взносы заемщиковъ до $5^{44}/_{100}$ %, потомъ до $5^{65}/_{100}$ % и даже до $5^{95}/_{100}$ %, всякій разъ, когда государственные трехпроцентные фонды падаютъ въ курсъ до 86 фр. вмѣстѣ съ тѣмъ правительство уменьшило обѣщанное вспоможеніе съ 10 милліонами до 9,700,000, которые обязалось выдать лишь, если ссуды компаніи достигнутъ до 1 января 1857 г. 200,000. Наконецъ въ 1854 г. былъ вовсе уничтоженъ обязательный тахітумъ для процентовъ по ссудамъ и компаніи дано право назначать процентъ, по своему произволу, даже выше 5,95. Это было дѣломъ совершенной экономической необходимости.

Таково оказалось на дѣлѣ то пониженіе процентовъ по ссудамъ, для облегченія доли заемщиковъ, которое выставилось какъ одна изъ главнѣйшихъ цѣлей централизаціи поземельнаго кредита въ одной компаніи.

Мѣсто облигацій въ 1,000 фр. съ 3%, компанія, съ 1854 г., стала выпускать: 1) облигаціи отъ 500 фр. до 100 фр. съ 3%, ежегодныхъ интересовъ, 20% преміи при выкупѣ и выигрышами по тиражу; 2) облигаціи четырехпроцентныя, безъ премій, но съ выигрышами (lots) и 3) облигаціи пятипроцентныя безъ премій и безъ выигрышей. Эти постепенныя уступки въ пользу капиталистовъ или вкладчиковъ поземельнаго кредита, разумѣется, должны были обрушиться на заемщиковъ и болѣе и болѣе отдалить отъ нихъ надежду на 200 милліоновъ ссудъ по 5% съ погашеніемъ капитала въ 50 лѣтъ. Въ 1854 г., для облегченія своихъ оборотовъ и болѣе быстрого высвобожденія своихъ капиталовъ, компанія получила дозволеніе выдавать краткосрочныя ссуды.

Постепенное возвышеніе процентовъ и прибылей въ пользу владѣльцевъ облигацій вынуждало къ постепенному возвышенію процентовъ съ заемщиковъ. Для компаніи дѣлалось все болѣе тягостнымъ обязательство, принятое ею на себя—самой продавать

свои облигаціи и выдавать ссуды *чистыми деньгами*, и не только по умѣренному проценту, но *по какому бы то ни было заранее определенному проценту*. Это обстоятельство вынудило сдѣлать рѣшительное и радикальное измѣненіе въ ея операціяхъ въ отношеніи къ заемщикамъ: въ 1857 г. она стала *выдавать ссуды облигаціями*, а не чистыми деньгами, предоставляя заемщикамъ самимъ продавать ихъ по курсу. Такимъ образомъ, послѣдніе хотя и получали ссуды по тому же проценту, но теряли на каждую облигацію, на сколько она стояла по курсу ниже своей номинальной цѣны. Этимъ самымъ поземельный кредитъ Франціи поставилъ себя въ нормальные обстоятельства между своими вкладчиками и заемщиками; онъ сдѣлался только посредникомъ между ними, но условія ссудъ оттого не улучшились, ибо заемщики должны были принимать облигаціи, постоянно стоявшія ниже номинальной цѣны. Для поддержанія курса облигацій, компанія устроила у себя *открытые счета*, для владѣльцевъ облигацій, подъ залогъ послѣднихъ, — другими словами, стала выдавать ссуды подъ залогъ облигацій; то же самое право даровано было земскимъ облигаціямъ и во Французскомъ банкѣ.

Замѣтимъ, въ видѣ нѣкотораго оправданія *crédit foncier* въ отношеніи къ заемщикамъ, что онъ встрѣтилъ большія затрудненія въ разрѣшеніи всѣхъ требовавшихся ссудъ, вслѣдствіе недостаточности актовъ владѣнія, происходившей отъ несовершенства французскихъ законовъ о переходѣ недвижимой собственности. Эти затрудненія были отчасти устранены закономъ 26 марта 1855 г., *loi sur la transcription de la propriété immobilière*.

Теперь сообщимъ важнѣйшія цифры оборотовъ французскаго поземельнаго кредита.

Къ 31 декабря 1852 года (перваго года существованія компаніи) выданныя ссуды не достигали даже одного милліона франк.; въ то же время, надо замѣтить, неверская и марсельская компаніи выдали вмѣстѣ до 4 милл. Къ 1854 г. ссуды поземельнаго кредита Франціи простирались до 27 милл.; но въ этой цифрѣ ссуды подъ недвижимыя имущества въ Парижѣ далеко преобладали надъ провинціальными и крупные капиталы надъ мелкими. Несмотря на постоянное возвышеніе процента и разныя обѣщанія прибылей по облигаціямъ въ 1853 и 1854 гг., какъ мы уже знаемъ, капиталъ, собранный съ помощью облигацій, въ 1854, едва достигалъ 22 милл. Къ 31 декабря 1854 г., послѣ

всѣхъ указанныхъ нами усилій и преобразованій, къ приобрѣтенію капиталовъ и увеличенію ссудъ, послѣднія уже достигали 54 милл. Эти 54 милл. рапредѣлялись между 826 заемщиками, въ числѣ которыхъ только 216 принадлежали къ категоріи среднихъ и мелкихъ (отъ 10,000 до 300 ф. каждый). На эти 54 милл. ссудъ приходилось облигацій въ обращеніи: 25 милл. по 3⁰/₀ и 22 милл. по 4⁰/₀, 4¹/₂⁰/₀ и 5⁰/₀.

Въ 1857 г. суды возрастаютъ съ 54 милл. до 57, изъ которыхъ 6¹/₂ милл. были уже погашены выкупомъ облигацій. Въ 1855 и 1856 гг. возрастаніе ссудъ шло медленнѣе, чѣмъ въ предъидущихъ годахъ. Но пропорція облигацій, находившихся въ обращеніи (до 68 милл.), т. е. капитала, состоявшаго въ долгу на компаніи, къ ссудамъ, т. е. капиталу, состоявшему въ долгу въ пользу компаніи, была для нея выгоднѣе, хотя обидно было, что изъ 200 милл. облигацій, предполагавшихся къ выпуску, только 69 милл. могли быть выпущены или реализованы.

Въ 1858 г. (въ апрѣлѣ), послѣ важной мѣры, принятой компаніею относительно выдачи облигацій въ руки самихъ заемщиковъ (вмѣсто продажи облигацій и выдачи заемщикамъ чистыми деньгами) всѣ выданныя по это время ссуды доходятъ уже до 83 милл. Оказалось, что этотъ способъ ссудъ значительно ускорилъ ихъ движеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на низкій курсъ облигацій, условія ссудъ сдѣлались все-таки выгоднѣе для заемщиковъ, чѣмъ прежде; ибо теперь они получали облигацію въ 500 фр., продавали ее за 430, значить получали ссуду по 6⁷¹/₁₀₀⁰/₀ (тутъ и интересъ и погашеніе); между тѣмъ, въ прежнее время они хотя получали всю сумму ссуды сполна, но платили процентъ выше. Компанія, съ содѣйствіемъ казны, старалась поддержать курсъ облигацій и, помогая заемщикамъ, помѣщать ихъ чрезъ мѣстныхъ чиновниковъ министерства финансовъ, дѣйствительно успѣла поставить ихъ довольно хорошо въ обращеніи въ провинціяхъ (*).

Въ 1854 г. поземельный кредитъ Франціи сталъ выдавать краткосрочныя гипотечныя ссуды, безъ погашенія процентными взносами. Эти операціи были придуманы въ пользу парижскихъ землевладѣльцевъ, возводящихъ новыя зданія, стало быть, согласно *высшимъ* предначертаніямъ, вознамѣрившимся перестроить

(*) Изъ послѣдняго отчета компаніи, за 1858 г. (только что нами полученнаго), видно, что вся цифра ссудъ доходила къ 1859 г. до 103 милл. фр.

Парижъ. Краткосрочныя ссуды должны были также дать заемщикамъ время выждать болѣе благопріятныхъ условій поземельнаго кредита, вѣроятнаго пониженія процента на капиталы, чтобъ впослѣдствіи превратить краткосрочные долги въ долгосрочные съ погашеніемъ, по болѣе выгодному проценту Мѣра эта, какъ вообще говорятъ, имѣла хорошіе результаты. Кромѣ украшенія Парижа, чему она немало способствовала, въ настоящее время замѣчается возростаніе ссудъ, и даже особенно провинціальныхъ и сельскихъ.

До сихъ поръ мы занимались операціями поземельнаго кредита Франціи въ интересахъ его заемщиковъ и вкладчиковъ; но каковы были выгоды его самаго или его акціонеровъ? Эти выгоды, согласно самому учрежденію поземельнаго кредита, заключаются, во первыхъ, въ прибавочномъ процентѣ съ заемщиковъ на расходы управленія (по уставу по $60/100$ ‰). Этотъ источникъ дохода весьма значителенъ: приблизительно, по весьма умѣреннымъ исчисленіямъ (*), онъ одинъ составляетъ до 5‰ на складочный капиталъ. Кромѣ того, компанія пользуется даровымъ капиталомъ правительства, который постепенно (до 10 милл.) выдается ей въ видѣ вспоможенія (**). Затѣмъ складочный капиталъ можетъ быть самъ употребляемъ въ ссуды, и тогда всѣ проценты по нимъ идутъ въ пользу акціонеровъ. Наконецъ всѣ колебанія между процентомъ по облигаціямъ и по ссудамъ, когда они происходятъ въ ущербъ заемщикамъ, идутъ въ пользу компаніи. Дѣйствительно, дивиденды акціонеровъ были весьма удовлетворительны; до 1857 они составляли 7‰, а потомъ 8‰. Поэтому и акціи поземельнаго кредита стояли весьма хорошо въ курсѣ: почти постепенно выше цари. Какъ видно, это самая благопріятная сторона поземельнаго кредита Франціи.

Въ самое послѣднее время, французское правительство избрало посредство поземельнаго кредита для производства землевладѣльцамъ ссудъ на устройство дренажа, до 100,000,000 ф., на 25 лѣтъ, съ условіемъ 45‰ за комиссію въ пользу компаніи поземельнаго кредита. Такимъ образомъ, эта благотѣльная операція обѣщаетъ компаніи около 450,000 ф. чистой ежегод-

(*) *Revue des deux mondes*, octobre 1858, p. 613. Изъ этой весьма обстоятельной статьи г. де-Мариэ мы преимущественно почерпали данныя о ходѣ предпріятія за послѣднее время.

(**) Хотя компанія далеко не выполнила условія для его полученія (200 милл. ссудъ).

ной прибыли в течение 25 лѣтъ, безъ малѣйшаго съ ея стороны риска. Не обсуждая самой сущности этой операціи, впрочемъ, едва только начатой, нельзя не удивляться, какъ всѣ благотворительныя мѣропріятія французскаго правительства всегда умѣютъ оставлять за собою слѣдъ весьма существенныхъ прибылей въ карманахъ парижскихъ капиталистовъ и комиссіонеровъ. Недешево, стало быть, обходится народу благотворительная правительственная дѣятельность въ пользу народныхъ массъ.

Окончательный результатъ, который мы можемъ вывести изъ не многолѣсныхъ операцій поземельнаго кредита Франціи это около 100 мил. ссудъ землевладѣльцамъ, приблизительно по 6—7⁰/₀, съ погашеніемъ, и удовлетворительное состояніе собственныхъ финансовыхъ дѣлъ. Конечно, это еще не обѣщанные 200 мил. по 5⁰/₀, это еще не освобожденіе французской почвы отъ гипотечнаго долга, который простирается отъ 8 до 10 миллиардовъ, но это все-таки что нибудь сдѣланное и исполненное.

Общественное мнѣніе во Франціи считаетъ *поземельный кредитъ* предпріятіемъ, совершенно неудавшимся, и оно, дѣйствительно, таково, если мы будемъ за основаніе оцѣнки его принимать всю совокупность интересовъ земледѣлія и поземельной собственности во Франціи, которымъ онъ, въ мысляхъ его первоначальныхъ двигателей и въ ожиданіяхъ общественнаго мнѣнія, признанъ былъ удовлетворить. *Crédit Foncier de France*, конечно, мало содѣйствовалъ къ облегченію миллиардовъ гипотечнаго долга, тяготящаго на французской поземельной собственности. Характеромъ своего развитія онъ вовсе не соотвѣтствуетъ характеру развитія французской поземельной собственности. Въ поземельномъ кредитѣ Франціи преобладаютъ крупныя ссуды, а во французскомъ земледѣліи—дробная собственность и потребность въ самыхъ мелкихъ ссудахъ. Организациа поземельнаго кредита Франціи вовсе даже не допускаетъ ссудъ ниже 300 фр., тогда какъ французскіе собственники, можетъ быть, именно по преимуществу нуждаются въ такихъ ссудахъ. Но, при существующихъ политическихъ и общественныхъ условіяхъ страны, поземельный кредитъ Франціи, можетъ быть, достигъ всѣхъ возможно практическихъ результатовъ; успѣхи духа товарищества между самими собственниками и системъ земледѣлія, приспособленныхъ къ дробности земельныхъ участковъ и къ ихъ ассоціаціи, могутъ, впослѣдствіи, если и не быстрыми шагами, дать поземельно-

Т. IXXVII. Отд. I. 30

му кредиту развитіе, соотвѣтствующее внутреннимъ потребностямъ французскаго сельскаго народонаселенія.

Съ точки зрѣнія общихъ началъ организаціи гипотечнаго кредита, выставляются и заслуживаютъ вниманія въ системѣ поземельнаго кредита Франціи главнѣйше: во первыхъ, его крайняя централизація и правительственный характеръ; во вторыхъ, система его земскихъ облигацій, имѣющая нѣкоторыя особенности, и, въ третьихъ, положенная въ его основаніи колмація прибылей капиталистовъ—акціонеровъ и интересовъ землевладѣльцевъ—заемщиковъ.

По первому вопросу мы приведемъ слова одного изъ весьма добросовѣстныхъ современныхъ экономистовъ, г. Горна, изучавшаго кредитныя и финансовыя обстоятельства Франціи на мѣстѣ (вообще весьма строгаго въ своихъ сужденіяхъ о *Crédit Foncier*). «Какъ главная выгода произведенной централизаціи поземельнаго кредита Франціи, говоритъ онъ (*), выставляется (съ особенною настойчивостью въ отчетѣ за 1854) то, что департаментскія учрежденія были слишкомъ подвержены мѣстнымъ вліяніямъ, и потому они могли, *черезъ крайнюю строгость въ своихъ требованіяхъ насчетъ условій обезпеченія ссудъ*, нанести вредъ самимъ себѣ и всей системѣ поземельнаго кредита. Парижское центральное учрежденіе чуждо такимъ вліяніямъ и разрѣшаетъ удовлетвореніе просьбамъ о ссудахъ и опредѣляетъ размѣры ихъ, основываясь на *достоверныхъ свѣдѣніяхъ*, доставляемыхъ казенными сборщиками податей, относительно цѣнности имѣнія и вѣрности залога. Намъ же кажется, что именно въ дѣлѣ поземельнаго кредита такое абсолютное равенство имѣетъ чрезвычайно важныя неудобства. Гипотекарное учрежденіе содѣйствуетъ выдачею ссудъ затратамъ капитала: на улучшеніе почвы, увеличеніе скота, дренажъ, на приобрѣтеніе машинъ проч. Но въ разныхъ департаментахъ, при различныхъ мѣстныхъ и другихъ отношеніяхъ двухъ имѣній, которыя, однако, имѣютъ одну и ту же оффиціальную цѣнность (сборщики податей принимаютъ въ соображеніе при оцѣнкѣ преимущественно податныя единицы), напримѣръ, 50,000 фр., легко можетъ быть, что владѣлецъ одного имѣнія хорошо употребитъ всю сумму ссуды и не только будетъ аккуратно выплачивать проценты, но и самъ приобрѣтетъ для себя прибыль, въ то время, какъ владѣлецъ

(*) *Horn, Das Creditwesen in Frankreich, p. 95.*

другаго имѣнія не сѹмѣеть и одной трети ссуды употребить производительно и его исправность будетъ весьма сомнительна. Не только хозяйство, но и личность должника должна быть принимаема въ соображеніе. Конечно, въ ссудѣ на 50 лѣтъ она не составляетъ главнаго основанія, ибо имѣніе можетъ нѣсколько разъ перейти изъ одного владѣнія въ другое. Но вѣдь существенное обстоятельство для кредита заключается въ томъ, какое сдѣлано изъ денегъ употребленіе въ самый моментъ полученія займа. Хорошій, бережливый хозяинъ часто такъ ихъ употребить, что для всѣхъ послѣдующихъ владѣльцевъ будетъ легко выполнять обязательства, возникшія для имѣнія изъ ссуды. Департаментскія учрежденія принимали бы въ уваженіе всѣ эти мѣстныя и личныя обстоятельства; центральное—не можетъ и не должно. Можетъ быть, именно въ такомъ случаѣ, гдѣ только большіе размѣры ссуды, свыше $\frac{1}{2}$ цѣнности имѣнія (нынѣшней границы) выгодны для заемщика, оно будетъ скупиться кредиторомъ, тогда какъ въ другомъ случаѣ даже и въ этой границѣ дозволенная ей ссуда сопряжена бываетъ съ большимъ рискомъ. Кромѣ того, поселянинъ во Франціи, болѣе, нежели, гдѣ нибудь, привязанъ къ рутинѣ, съ недоувѣріемъ смотритъ на всякое нововведеніе и самую благодѣтельную реформу заставляетъ себя навязывать, вмѣсто того, чтобы добровольно ее принимать. *Crédit Foncier* есть громадное нововведеніе, которое еще въ будущемъ должно пріобрѣсти себѣ довѣріе и популярность; оно дѣйствуетъ въ Парижѣ въ то время, какъ, стѣсненные тяжкими обстоятельствами, поселянинъ имѣетъ передъ своими дверьми своихъ старинныхъ друзей, *сводчиковъ*. Они довольствуются ипотекою втораго разряда, и даже весьма сомнительнаго, а *Crédit Foncier* требуетъ первой ипотеки и совершенно ясныхъ документовъ на права владѣнія. Департаментскіе банки, которые бы стояли и дѣйствовали посреди сельскаго населенія своихъ провинцій, или даже частные агенты *Crédit Foncier* (вмѣсто казенныхъ, какихъ онъ исключительно теперь употребляетъ) легко побороли бы всѣ выставленные выше неудобства. Мы даже думаемъ, что коронные чиновники, сборщики податей, вовсе не годятся для этого дѣла. Послѣдніе будутъ заниматься имъ съ тою обычною небрежностью, которая чиновники обыкновенно вносятъ во все то, что прямо не входитъ въ кругъ ихъ служебныхъ обязанностей, и съ тѣми бюрократи-

ческими послѣдствіями, которыя, къ несчастію, слишкомъ извѣданы.»

Съ своей стороны, мы не можемъ отказать въ полномъ нашемъ сочувствіи этимъ словамъ, на которыя желали бы обратить вниманіе при всѣхъ современныхъ начинаніяхъ относительно поземельнаго кредита. Наше общество, кажется, не имѣетъ причинъ не соглашаться съ такими взглядами на централизацию и регламентированіе публичныхъ учреждений.

Менѣ рѣшительный приговоръ можемъ мы высказать относительно двухъ другихъ выставленныхъ нами вопросовъ: о системѣ французскихъ земскихъ облигацій и комбинаціи прибылей акціонеровъ *Crédit Foncier* съ интересами заемщиковъ.

Французскія земскія облигаціи составляютъ нѣчто среднее между закладными лицами *Pfandbrief*, *lettres de gages* (какъ они и называются часто во Франціи) землевладѣльческихъ кредитныхъ обществъ и банковыми билетами. Сходство съ первыми заключается, во первыхъ, въ томъ, что онѣ не подлежатъ размѣну въ кассѣ учрежденія (*), выпускаются на сроки гипотечныхъ ссудъ и выкупаются постепенно изъ обращенія, по мѣрѣ погашенія гипотечныхъ долговъ. Во вторыхъ, сумма выпуска облигацій *Crédit Foncier* должна быть всегда равна суммѣ гипотечныхъ ссудъ. Въ третьихъ, онѣ выпускаются только для гипотечныхъ операций, только чтобъ служить орудіемъ ссуды подъ залогъ имѣнія, и нынѣ даже выдаются въ руки заемщика, какъ большая часть закладныхъ листовъ. Въ четвертыхъ, французскія облигаціи выпускаются на крупныя суммы и не могутъ быть ниже 100 фр., стало быть онѣ предназначены преимущественно для помѣщенія капиталовъ, какъ закладные листы, а не для того, чтобы служить орудіемъ обращенія—деньгами, какъ циркуляціонные банковые билеты. Наконецъ, въ пятыхъ, что ихъ въ томъ же смыслѣ всего болѣе различаетъ отъ банкнотовъ и приближаетъ къ закладнымъ листамъ, это то, что онѣ приносятъ проценты своимъ владѣльцамъ, и именно проценты, соразмѣряющіеся съ процентами, выплачиваемыми по гипотечнымъ ссудамъ.

Но французскія земскія облигаціи имѣютъ также сходство съ банковыми билетами и совершенно различаются отъ заклад-

(*) Какимъ, по самой своей сущности, закладные листы, хотя въ нѣкоторыхъ странахъ и допущены были исключенія.

ныхъ листовъ, именно въ отношеніи къ гарантіи своего кредита, или, лучше, формы этой гарантіи.

Кредитъ закладныхъ листовъ, то есть исправность связанныхъ съ ними обязательствъ въ пользу владѣльцевъ ихъ: уплаты процентовъ и постепенное погашеніе выкупомъ, обезпечивается круговою отвѣтственностью заемщиковъ, или, лучше, заложенныхъ имѣній; кредитъ французскихъ земскихъ облигацій, подобно банковымъ билетамъ обезпечивается только кредитомъ, состоятельностью банка (компаніи *Crédit foncier*) и между прочимъ его складочнымъ капиталомъ, который по уставу и называется *fond de garantie* и долженъ всегда составлять 5% на всю сумму выпущенныхъ облигацій.

Между тѣмъ, въ сущности состоятельность земскихъ облигацій, то есть исправность обязательствъ по нимъ компаніи, зависитъ, точно такъ же, какъ и закладныхъ листовъ, отъ исправности заемщиковъ и потому остревеннѣе было бы дать имъ, и по самой формѣ, какъ въ землевладѣльческихъ компаніяхъ, ту же гарантію. Это было бы ближе къ истинѣ. Если то или другое отношеніе основнаго капитала къ суммѣ облигацій должно служить обезпеченіемъ послѣднихъ, то есть на случай недостаточности доходовъ банка для уплаты процентовъ, выигрышей и проч. и обѣщаннаго выкупа облигацій, или, другими словами, на случай неисправности заемщиковъ и накопленія ими недоимокъ, если основной капиталъ долженъ выполнять такое назначеніе, то, чтобы оно было не химерою, слѣдовало бы, кажется, имѣть постоянно, на все количество этого капитала, въ наличности, въ кассѣ банка, или чистыя деньги, звонкую монету, или кредитныя бумаги съ самою легкою реализаціей. Это послѣднее обстоятельство (*) требовало бы отъ акціонеровъ рѣшимости имѣть постоянно весьма большой праздный капиталъ, а такой рѣшимости всего менѣе можно ожидать отъ банкировъ и биржевыхъ капиталистовъ; если же она бы, дѣйствительно, осуществилась, то капиталисты, по необходимости, должны были бы заставить заемщиковъ дорого заплатить за такое непроезводительное употребленіе ихъ капиталовъ. Не выйдете ли для заемщиковъ принять на себя самихъ гарантію кредита? Далѣе положимъ, что

(*) Изъ балансовъ *Crédit Foncier de France* видно, что онъ не держится этого правила. Такъ на складочный капиталъ въ 13 милл. было у него въ 1858 г. только около $\frac{1}{2}$ милл. звонкой монеты.

такіе капиталы въ кассѣ банка вовсе не нужны, какъ оно и въ самомъ дѣлѣ, то къ чему же служить основной капиталъ, къ чему посредство акціонеровъ для землевладѣльцевъ, когда они могли бы получать тѣ же самыя ссуды по тѣмъ же облигаціямъ?

Вся разниа процентовъ между облигаціями и ссудами идетъ въ пользу акціонеровъ *Crédit Foncier*, въ вознагражденіе за услуги, оказываемыя ими заемщикамъ, въ доставленіи имъ обезпеченія по облигаціямъ. Если бы они взяли на себя это обезпеченіе, которое, при круговой отвѣтственности, не можетъ имъ дорого обойтись, то разниа процентовъ шла бы не въ руки капиталистовъ, а на усиленіе погасительнаго фонда, или же, проще, соразмѣрно этой разницѣ могли бы быть облегчены и условія ссудъ.

Эти замѣчанія наши мы никакъ не выдаемъ за непогрѣшительныя, но полагали полезнымъ сдѣлать ихъ потому, что они относятся не только къ *Crédit Foncier de France*, но и вообще къ организаціи земскихъ банковъ.

Мы со всею, можетъ быть, даже излишнею, подробностью описали устройство поземельнаго кредита въ Баваріи и Франціи, чтобы показать характеръ гипотечныхъ учрежденій, дѣйствующихъ на основаніи товарищества капиталистовъ. Баварія и Франція занимаютъ главное мѣсто въ этой группѣ; остальные подобныя учрежденія немногочисленны и неважны: большая часть гипотечныхъ учрежденій, по крайней мѣрѣ, наиболѣе замѣчательныхъ въ Европѣ, относятся къ группѣ землевладѣльческихъ товариществъ.

Въ Бельгіи кредитныя обстоятельства поземельной собственности были довольно сходны съ французскими, хотя и не столь тяжки. Два гипотечныя учрежденія: *caisse des propriétaires* и *caisse hypothécaire*, основанныя въ 1835 г., на акціяхъ, т. е. какъ товарищества капиталистовъ, или гипотечныхъ заимодателей, не удовлетворяли потребности, ибо процентъ по ихъ ссудамъ былъ весьма высокъ. Около 1850 года бельгійское правительство было сильно озабочено устройствомъ прочнаго поземельнаго кредита и пришло къ убѣжденію, что нужды поземельной собственности всего лучше могутъ быть удовлетворены гипотечнымъ учрежденіемъ на началахъ землевладѣльческаго товарищества, съ значительнымъ, однако, участіемъ въ управленіи его дѣлами со стороны правительства. Образцомъ принято было при этомъ галиційское гипотечное учрежденіе. На этихъ основаніяхъ со-

ставленъ былъ проэктъ закона; но о послѣдствіяхъ его мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній (*).

Упомянемъ о другихъ важнѣйшихъ земскихъ банкахъ въ Европѣ.

Нассаускій банкъ (Nassauische Landesbank) (**). Этотъ банкъ преобразованъ былъ въ 1849 г. изъ прежней *кредитной кассы (Landescredit Casse)*, существовавшей съ 1840 г. Кредитная касса была учрежденіемъ правительственнымъ, а не частнымъ. Она занималась выдачею ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ, выкупомъ крестьянскихъ повинностей, текущими счетами по коммерческимъ дѣламъ и пріемомъ вкладовъ на храненіе. Способы, которыми располагала касса, заключались: въ выпускѣ банковыхъ билетовъ (или бумажныхъ денегъ, ибо билеты имѣли узаконенный курсъ), въ займахъ у банкировъ, съ выдачею имъ облигацій, и въ срочныхъ займахъ у разныхъ лицъ и вспоможеніяхъ изъ кассъ казенныхъ учреждений. Какъ правительственное учрежденіе, касса должна была преимущественно содѣйствовать финансовымъ операціямъ правительства и его разнымъ предпріятіямъ. Долгосрочныя ссуды производились съ постепеннымъ погашеніемъ процентными взносами. Въ выкупныхъ операціяхъ она требовала предварительнаго соглашенія между крестьянами и помѣщиками и потомъ, удовлетворивъ послѣднихъ, становилась на мѣсто ихъ и погашала, въ опредѣленные сроки, капитализированныя повинности разложеніемъ платежей на крестьянъ.

Въ 1849 г. нассауская касса была преобразована въ настоящій національный банкъ, обнимающій собою всѣ отрасли коммерческаго кредита. Въ то же время онъ поступилъ въ распоряженіе капиталистовъ, которые сдѣлались его акціонерами и за вѣдуютъ его управленіемъ, подъ надзоромъ правительства. Операціи по гипотечнымъ ссудамъ, однако, продолжаютъ. Съ 1849 года выкупъ повинностей сдѣланъ былъ обязательнымъ, и банкъ получилъ разрѣшеніе выпускать для того четырехпроцентныя облигаціи, съ постепеннымъ погашеніемъ капитала. Въ то же время банкъ производитъ операцію сходную на учетъ выкупныхъ облигацій, по желанію ихъ владѣльцевъ. Онъ выдаетъ на нихъ чистыя деньги чрезъ три мѣсяца по предъявленіи, но лишь

(*) *Jousseau, des institutions, etc. Ch. XV.*

(**) Тамъ же, *ch. XIII. Hübnér. Die Banken. P. 463.*

когда наличные его капиталы ему это позволяют. Въмѣстѣ съ тѣмъ банкъ получилъ право на выпускъ до 1 милл. гульд. билетовъ, съ узаконеннымъ курсомъ.

Въ 1849 г. нассаускій банкъ имѣлъ капитала въ ссудахъ :

1) На выкупъ повинностей	6,378,746 гульд.
2) Подъ залогъ имѣній	842,047 —
3) На общинахъ	186,047 —
4) Въ разсроченныхъ недоимкахъ	306,007 —

Всего около 5 милл. р. сер.

Судя по отчету 1849 г., всѣ другія операциі банка были маловажны: такъ, по учету только 188,000 гульд.

Въ то же время было выпущено банкомъ:

1) Билетовъ	2,748,200 гульд.
2) Выкупныхъ облигацій	4,231,063 —

Въ послѣднее время Нассаускій банкъ гораздо болѣе сталъ расширять свои коммерческія операциі и ссуды правительству. Гипотечный кредитъ нѣсколько отстываетъ на второй планъ; но, несмотря на то, Нассаускій банкъ уже оказалъ ему большія услуги.

Въ Гессенъ-Дармштатскомъ великомъ герцогствѣ есть земскій банкъ—*Renten-Anstalt*—*рентное учрежденіе*; но его операциі не обширны, ибо процентъ по ссудамъ довольно высокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ компанія предпочитаетъ пускать свои капиталы въ оборотъ по другимъ предпріятіямъ.

Въ настоящей главѣ мы рассказали устройство главнѣйшихъ гипотечныхъ учреждений, основанныхъ на товариществѣ капиталистовъ. Этимъ мы окончили очеркъ обѣихъ формъ чистыхъ гипотечныхъ учреждений.

* Многие банки производятъ гипотечныя операциі при весьма разнообразныхъ формахъ своего устройства, но какъ побочную отрасль. Чисто гипотечныя учрежденія представляются болѣе или менѣе въ тѣхъ нормахъ, которыя нами описаны. Въ будущей главѣ мы постараемся сдѣлать нѣкоторые общіе выводы относительно организациі поземельнаго кредита и сообщимъ важнѣйшіе результаты объ относительныхъ достоинствахъ той или другой организациі и нѣкоторыя предположенія къ устройству поземельнаго кредита, возникнувшія въ самое послѣднее время.

В. БЕЗОВАЗОВЪ.

ПЕНСИЛЬВАНЦЫ И КАРОЛИНЦЫ.

(ВТОРОЙ РАЗКАЗЪ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ГУБЕРНСКАГО
ДЕПУТАТА).

Не даромъ зовутъ наши новороссійскія степи и нашу Украину краемъ крайностей. Здѣсь съ одной стороны какъ будто одолювають преданія старосвѣтскія, преданія русско-польскія, представители которыхъ, въ незлобїи души и тучности тѣла, желаютъ сохраненія всего, что было прежде, или, какъ говорятъ здѣсь, сохраненія «дѣдовщины» и «батьковщины». Съ другой, здѣсь ясно забираютъ силу молодые побѣги явленій новыхъ, наплывныхъ, колоніальныхъ, для которыхъ еще столько хранятъ простора наши пустынные, воспрїимчивыя и привольныя степи. Чуждыя всякаго консерватизма, онѣ отъ созданія міра свободно пропустили черезъ себя тучи всякихъ Оролячихъ переходныхъ племенъ и всякихъ повятій и вѣрованій, оставляющихъ послѣ себя либо благодатныя сѣмена, либо темные и непонятные слѣды, въ родѣ здѣшнихъ таинственныхъ истукановъ, вашихъ смиренныхъ «каменныхъ бабъ». По всѣмъ новымъ вопросамъ тутъ рѣшительно тѣ же Соединенные Штаты Сѣверной Америки, съ которою наша молодая Украинская Новороссія имѣетъ вообще столько родственнаго. Недаромъ и для слова колоніи здѣсь давно есть свое слово: «заимка». Такъ и по крестьянскому дѣлу здѣсь явились свои пенсильванцы и свои каролинцы, свои сѣверные штаты, поклонники эманципаціи, и свои южные, противники и закоренѣлые враги ея.

Сравненіе съ Соединенными Штатами Америки озадачить читателя.

Но право такъ. Наша русская, степная, украинская колонія вмѣстѣ много общаго съ родиной и любимымъ дѣтищемъ Франклина. Здѣсь кроются дѣльные уроки и для самой метрополіи. Та же благодатная дѣвственная почва и пока та же испорченность большинства первыхъ ея колонизаторовъ. Позднѣйшіе пришлецы, поселенцы новые, идущіе и бѣгущіе сюда безъ обветшалыхъ хартій и привилегій на готовый, вѣками заготовленный трудъ, безъ старыхъ претензій и предрасудковъ, съ однимъ путеводителемъ — силою рукъ и жаждою честныхъ работъ, и съ живыми, бойкими и смѣлыми, денежными капиталами, захватываютъ здѣсь теперь послѣднія, еще не занятая мѣста. Та же здѣсь, какъ и въ Америкѣ, смѣсь сословій и народовъ и та же поэтому горячая мѣстная борьба умирающаго съ начинающимъ жить. Только нѣтъ тутъ еще, какъ въ странѣ Бостона и Филадельфіи, ни каналовъ, ни очищенныхъ и оживленныхъ рѣкъ съ громадными пароходами; нѣтъ пяти-сотъ-тысячныхъ населеній въ здѣшнихъ смиренныхъ, еще первобытныхъ козацкихъ городкахъ, восемьдесятъ лѣтъ назадъ бывшихъ маленькими и глухими запорожскими «заимками». Двѣятыся еще эти «заимки» и до сихъ поръ у тощихъ рѣчювокъ, на пустынныхъ равнинахъ, въ пологихъ и тихихъ степныхъ котловинахъ, не увѣчаные пока ни исполинскими трубами паровыхъ фабрикъ, ни складочными магазинами всесвѣтной торговли. Рѣки плывутъ себѣ тихо, омывая малолюдныя поля, бревенчатые и бѣдные хутора и жалко вспаханныя нивы и прыгая, какъ во времена былыя, какъ, вѣроятно, было и при Адамѣ, черезъ каменные гряды непобѣжденныхъ пороговъ. Молчатъ наши степи. Ихъ зеленныя равнины не оглашаются еще звуками желѣзныхъ чудовищъ, въ иныхъ странахъ давно раскидывающихъ свои дымовыя полосы по вѣтру. По прежнему, здѣсь съ весны бродятъ по пустыннымъ пыльнымъ «шляхамъ» тяжелые чумаки, лѣниво погоняющіе своихъ лѣниво шагающихъ воловъ. Осенняя и весенняя грязь у насъ еще по прежнему, историческая грязь. Многого еще, многого здѣсь нѣтъ. За то уже появляются у насъ новые небывалые люди — «степные янки». Это сыновья бѣдныхъ помѣщиковъ, новыхъ купцовъ и чиновниковъ, кончившіе курсъ въ университетахъ и не служащіе. Бойкіе и ловкіе практики, они ищутъ работъ другихъ, горячихъ и болѣе подвижныхъ. Рыская съ мелкими, сколоченными капиталами, они съ виду мало разнятся отъ тѣхъ же нашихъ купеческихъ подрядчиковъ и прикащиковъ приморскихъ хлѣбныхъ конторъ, отъ бродячихъ кулаковъ, странствующихъ маклеровъ и прочей перелетной торгующей итицы, съ давнихъ поръ, еще отъ генуэзцевъ, населяющихъ, шумными кочевьями наши степныя и по

бережныя мѣста и отважно свивающихъ нынѣ гвѣзда свои тамъ, гдѣ водились еще недавно однѣ степныя цапли да пеликаны. Странствуя въ мѣщанской дубленкѣ и сапогахъ выше колѣнъ, эти небывалые господа, степные янки, являются сюда въ видѣ коммиссіонеровъ, агентовъ и директоровъ разныхъ новыхъ обществъ. И смотришь—то тамъ подъ ихъ началомъ склеилась контора, то здѣсь уладилось и пошло върное и бойковое торговое дѣло, созидаются фабричныя дома, огромныя паровыя мельницы. Это квартиргеры нашихъ будущихъ Франклиновъ. Какъ на диковинку, еще засматриваются здѣсь на ихъ добрыя, здоровыя и какія-то сіяющія лица. Это же по преимуществу и наши пенсильванцы. Но есть у насъ, повторяю, и свои каролинцы. Эги большею частію сродни римскимъ гусямъ. На первомъ словѣ у нихъ старина и бывлыя патріархальныя преданія. Тайнственныя и мрачныя патріоты, господа каролинцы большею частію опираются на примѣры старобытной, старосвѣтской Малороссіи. Это наши южныя козакофилы, хотя въ старомъ козачествѣ было болѣе свободы, чѣмъ въ ихъ требованіяхъ. Ихъ внѣшнее знамя — поклоненіе салу и вареникамъ. Ихъ идеалъ — возвращеніе родныхъ степей къ временамъ Хмѣльницкаго. Небольшой кругъ нашихъ любимыхъ народныхъ писателей съ ними ничего не имѣетъ общаго. Ови плачутъ надъ виршами Сковороды, считая этого мистика за поэта, плачутъ надъ слабѣйшими изъ повѣстей Квитки и не признаютъ Гоголя. А наши дни, наши вѣрованія, по ихъ мнѣнію, прямо ведутъ страну къ участи Содома и Гоморра. Словомъ, здѣсь, какъ вездѣ: умъ работаетъ, безуміе ему несетъ преграды...

Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ были собраны и внесены въ губернскіе комитеты. Комитеты открыли и закрыли свои шумныя, горячія и небывалыя засѣданія. Много высказалось дѣльныхъ мыслей, много выдвинулось живыхъ людей. Пенсильванцы и каролинцы, аболіціонисты и анти-аболіціонисты сошлись на послѣдней исторической раздѣлкѣ, вступили въ борьбу, спорили, писали, составляли сходы, ополченія. Губернскій застой оживился и передалъ движеніе уѣздамъ. Уѣзды раздѣлились на свои враждебныя станы, зашумѣли, а кое-гдѣ шумятъ и до сихъ поръ. Изъ городовъ волненіе перешло въ хутора и деревушки. Въ городахъ оно давало волны большія, морскія, если не волны самого океана; здѣсь оно отозвалось мелкою зыбью рѣчонокъ. Оживились такіе дома, гдѣ уже все, казалось, давно умерло, отпѣто и погребено. Тутъ также открылись ставни, крыльца усыпались песочкомъ, въ комнатахъ явились гости и всѣ спорщики. Явились сюда и невиданныя здѣсь вовсе газеты. Точь-въ-точь, какъ во времена отечественной войны, когда ожидали

антихриста! Старые забытые очки вынуты изъ ящика; пожелтѣлымъ стекла въ нихъ протерты; заржавленные ободки вычищены. Читаются правительственные циркуляры, списки выборовъ, программы; читаются печатныя журнальныя статьи. Тамъ съѣздъ, тутъ съѣздъ... На съѣзды къ холостымъ депутатамъ даже являются непрошенными шестидесятилѣтнія барыни-хуторянки, съ молодыми внучками. И имъ подавай циркуляры и списки; и имъ объясняй программы и печатныя статьи. Враги барынь находятъ даже, что эти неожиданные наѣзды съ ихъ стороны—не болѣе, какъ ловкое видоизмѣненіе прежнихъ способовъ выставить напоказъ своихъ засидѣвшихся невѣстъ: то возили на балы, а теперь на гражданскія сходки; та же мода... Подмѣшалась тутъ, разумѣется, и всегдашняя уѣздная и губернская грязь. Она смѣло липнетъ къ колесамъ нашей торжественной колесницы. Бездарные уѣздные остряки прежде потѣшались уличными сплетнями, описывая въ тупоумныхъ пасквиляхъ какіе нибудь смиренные балы или семейные вечера, куда они сами же первые подобострастно вторгались. Теперь эти уѣздные памфлетисты перенесли свои стрѣлы на степенныхъ депутатовъ по крестьянскому дѣлу. Къ чести пенсильванцевъ надо сказать, что они, какъ партія пока торжествующая, не прибѣгаютъ къ этимъ пасквилямъ. За то каролинцы носятъ усердно въ своихъ сановныхъ и горделивыхъ карманахъ замасленные списки сатиръ на своихъ ненавистныхъ собратій, и сами на старости лѣтъ становятся памфлетистами, какъ школьные мальчишки. Составляются враждебныя эманципаторамъ сходки, адреса; пишутся угрожающія подметныя письма...

А время идетъ своимъ путемъ, и пенсильванцы все-таки празднуютъ пока побѣды, задаютъ пиры, произносятъ рѣчи. Избиратели видятъ, кто торжествуетъ, и заранѣе со вздохомъ спѣшатъ кроить на новый ладъ свой бытъ, свои вѣрованія и свои привычки. Много драмъ разыгрывается въ маленькихъ хуторкахъ, много надеждъ разбивается подъ соломенными и камышевыми кровлями, много позднихъ и не спасающихъ уже слезъ проливается изъ старыхъ глазъ. Нашихъ Кавуровъ зовутъ предателями, нашихъ Меттерниховъ превозносятъ послѣдними и бесплодными оваціями. Старики взываютъ, что дожили до времени, когда прійдется имъ повѣситься на деревьяхъ свои лютни и «сѣдѣти и плакати на рѣкахъ вавилонскихъ». Молодые ждуть-не-ждутся увидѣть зарю жизни новой. Въ печальныхъ попыткахъ только тѣ, кто, какъ дѣвы библейскія, въ ожиданіи прихода жениха, найдены врасплохъ съ угасшими свѣтильниками.

А солнце свѣтитъ по былому, по старому: такъ же взойдетъ, поглядитъ во всѣ яркіе глаза, повеселитъ степь и пажити, сады и покосы и закатится. Дни идутъ; жатва спѣетъ; серпъ и коса машутъ и блестятъ на солнышкѣ. День прошелъ; зной смѣненъ прохладой душистаго, степнаго вечера. Новыя села тѣснятся между хатами старыхъ: это — хлѣбныя и сѣнныя клады новаго сбора, загромажающія собою токи и дворы. Пыль клубится. По дорогѣ съ поля ползутъ громадные золотые жуки, скрипя и звеня по пригорку: это ѣдутъ возы, нагруженные червонно-золотыми копнами пшеницы. На возахъ ѣдутъ хуторянки. Черные бойкіе глаза смотрять оттуда. Длинныя, въ ладонь шириной, горделивыя косы качаются надъ стопами. Вечеръ тихъ. Только черные глаза посматриваютъ на одинокій степной проселокъ. Съ нимъ сливается за пригоркомъ битая столбовая дорога. По ней летять почты и курьеры. И вьется дорога столбовая далеко, далеко, туда, гдѣ лежитъ милый и пока молчаливый сѣверъ....

Быль подлень. Мѣсто — подъ Сагайдачнымъ Лугомъ, гдѣ сходятся дороги изъ Макарославскаго уѣзда въ Южнобайрацкій.

Мы ѣхали опять съ Говорковымъ, и въ той же нетечанкѣ, въ которой представились впервые читателю, по пути въ Сорокопановку. Теперь мы пробирались на Желтыя-Воды, на отдыхъ послѣ трудовъ комитетскихъ.

Товарищъ мой и бывшій секретарь, въ той же гороховой шинелкѣ и смятомъ картузѣ, обдаваемый клубами бѣлой, густой пыли, умирая отъ зноя и духоты, по прежнему не унывалъ и ободрялъ меня рассказами.

Слышали вы, Александръ Сергѣвичъ, у Ницнемацкихъ опять съѣздъ?

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Эти господа такъ и летять въ колоновожатые, такъ и хотятъ попасть въ кругъ передовыхъ, передъ нашими смиренными Павленками, Дубленками, Макаренками и Назаренками!

Клубъ новой убійственной пыли обдалъ опять нетечанку и скрылъ на мгновеніе Говоркова. Но опять высунулись оттуда его голова и рука. Онъ силилсядохнуть чистымъ воздухомъ и кашлялъ.

— А слышали вы, что не только господинъ Штонда, добрыйшій, впрочемъ, старикашка, едва умѣющій подписать свое имя, сочинилъ цѣлый проектъ эманципаціи, даже барыня Забайрачная увѣстилась пиущей братіи! Вообразите, эта барыня, кромѣ шутокъ, сочинила и написала собственноручно, говорятъ даже на картузной какой-то бумагѣ, полный проектъ эманципаціи для края, возить его въ каретѣ шестерикомъ, устраиваетъ литературные вечера, тычетъ

его каждому, ѣздила съ нимъ къ губернатору и чуть не разбрашила губернскаго предводителя на улицѣ за то, что тотъ отъ нея бѣгалъ, какъ отъ чумы, и семь разъ ей не сказалося дома. То-то бойкая дама!

— Вы сегодня, Абрамъ Ильичъ, очень злы: осыпаете насмѣшками даже полезныхъ людей.

— Со смѣху люди бываютъ! заключилъ Говорковъ и закашлялся. Пыль рѣшительно залѣпила ему все горло. — Впрочемъ, нынче уже всѣ тычутся въ передовые; да поздно! И рада бѣ теперь наша мама за пана, да панъ не беретъ!... Охъ, проклятая пыль!...

И онъ опять закашлялся и скрылся въ пыли.

Скоро мы спустились въ долину. Дорога пошла зеленымъ сырватымъ лугомъ, безъ пыли и духоты. Впереди рисовались вербы и поселокъ. Это была недавняя еще слобода бывшихъ южныхъ военныхъ поселеній.

Сбитыя и полуразрушенныя кирпичныя пирамидки вели къ слободѣ, по бокамъ всей дороги. Онѣ имѣли прежде назначеніе скрашивать и указывать дорогу и бѣжились поэтому, чистились и поправлялись ежегодно міромъ. Теперь ихъ тайкомъ поселане развозили на поправку печей. Издали еще, при вѣздѣ въ околицу, мы увидѣли полосатые столбы и шлагбаумъ съ цѣпью сельской, нынѣ упрядненной также, гауптвахты. Намъ, при вѣздѣ въ слободу, никто уже не опустилъ роковой перекладины. Заржавленная, забытая цѣпь ея уныло висѣла. На тяжеломъ концѣ праздно-вброшеннаго шлагбаума сидѣла стая воронъ. А на площадкѣ тутъ же лѣпившейся маленькой гауптвахты бѣгала и шумно суетилась безпечная толпа ребятишекъ, весело крича и со смѣхомъ сѣдая другъ друга. Улицы, по случаю полевыхъ работъ, были совершенно пусты.

— Вотъ, замѣтилъ Абрамъ Ильичъ: — тутъ недалеко живетъ отставной капитанъ, имѣетъ свой собственный благопріобрѣтенный на безпорочной службѣ хуторокъ и десять тысячъ капитала въ сундукѣ. Онъ былъ здѣсь военнымъ волостнымъ, и я его коротко зналъ, даже чай у него пивалъ. Вообразите, онъ всегда говорилъ вмѣсто гауптвахты — абафта, вмѣсто слишкомъ — слышкомъ, вмѣсто комитета — комикетъ, а отлично зналъ службу, то есть порядокъ здѣсь содержалъ до того, что подметалъ улицы два раза въ недѣлю и даже бабъ училъ фронту при встрѣчѣ съ собой....

— Абрамъ Ильичъ, пощадите! Лучше взгляните, какова слободка: заглядѣнье!

— Да-съ, свободное нынѣ, государственное село!

И, вздохнувши, онъ повелъ кругомъ тусклыми, желтоватыми глазами. Кучеръ тоже, какъ бы угадавши нами мысли и давая лошадамъ посмотрѣть на село, ѣхалъ шагомъ.

Мы оба переглянулись: такъ очевидно измѣнился образъ слободы, которую мы оба знали. Видно урожай особенно великъ былъ въ эти два года. Село ломилось отъ хлѣба и сѣнныхъ стоговъ. Я особенно всегда любилъ эту слободку, сорокъ лѣтъ назадъ вольную и обращенную потомъ въ военное поселеніе. Лучшихъ временъ ея я не помню. Сорокъ лѣтъ прошло, и она опять принимала прежній, не натянутый, не щегольски-выровненный и нѣмецки-вылизанный видъ, а видъ простой, домашне-пестрый, даже нѣсколько беспорядочный, за то своеобразный и привольный. Поселяне радовались, что они опять — хуторяне. Прежде всѣ хозяева до-единого чумаковали, то есть ходили въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою. Теперь, скинувши синіе кафтаны съ красными воротниками и уланскія форменныя фуражки, хозяева-землепашцы опять начинали составлять чумацкія «валки». На эту слободку нельзя было не заглядѣться. Переставши быть Ново-новосамарскимъ и ставши опять былою, тихою Цвѣтовѣнкой, она особенно привлекала взоры, какъ всѣ здѣшнія государственныя села, своимъ хлопотливимъ, добродушнымъ домоводствомъ и свойственнымъ хуторянамъ довольствомъ малымъ. При взглядѣ на ея бѣлыя хатки, гнѣздившіяся въ разсыпку, по пригоркамъ ея извилистыхъ, между ярами и буграми, улицъ, казалось, что эти хатки строили бобры, а ласточки ихъ обмазывали. Хатка на хаткѣ и садъ переплетается садомъ. А внизу — пруды, одинъ вытекаетъ изъ другаго; въ нихъ много рыбы. Вербами обсажены берега. Улицы выютя между садами. И все зелень, да бѣленькія хатки, да гладенькія, соломенныя крыши. Четыре церкви, усердно содержимыя обществомъ. Въмѣсто казеннаго волостнаго, выборный изъ села голова, въ простой долгополой свитѣ, по мѣстному степному обычаю — безъ бороды.

— Хорошо село! проговорилъ даже нашъ кучеръ, ткнувши въ воздухъ кнутомъ съ козелъ нетечанки.

— Какъ бы однако сюда опять не затесался, съ властію хотя бы и гражданской, волостной, въ родѣ того, что вмѣсто гауптвахта говоритъ «абаша!» заключилъ мой спутникъ, какъ видно, не очень довѣрявшій продолжительному довольству тихой Цвѣтовѣнки.

— Трогай! сказалъ онъ кучеру, и мы выѣхали опять въ поле.

Лошади пробѣжали еще часа два или три. До подорожной корчмы, гдѣ мы рассчитывали кормить, оставалось не болѣе пяти верстѣ. Надо было только переѣхать новую долину и рѣчку. Кучеръ сталъ уже спускаться въ долину. Намъ дремалось. Вдругъ онъ вскочилъ, замахалъ кнутомъ и давай кричать по своему: «О-о! ге-е-й, а ну, бисовы сыны, паняйте съ мосту!» Нетечанка стала.

— Что ты?

— Да гляньте, вонь...

И онъ указалъ кнутомъ. Съ пригорка видны были внизу рѣка и узенькая жалкая плотинка. Два громадные обоза передними возами съѣхались—одинъ съ той стороны рѣки, а другой съ этой, съѣхались на самой плотинкѣ, сѣѣпились колесами и не могли податься ни впередъ, ни назадъ. Кучка озадаченнаго народа копошилась близъ сѣѣпившихся колесъ. Другіе сидѣли молча или тутъ же стояли, ковыряя въ носахъ. Кучеръ съ бранью всталъ и пошелъ къ плотинкѣ, помахивая кнутомъ.

— Что мы будемъ дѣлать? сказалъ я въ досадѣ: — солнце заходить, а обозы столкнулись такіе, что, какъ говорится, когда задъ ихъ спать собирается и кашу варить, то перѣдъ уже Богу молится и отправляется въ походъ.

— Извѣстное дѣло, будемъ ждать! началъ Говорковъ: — теперь ихъ самъ чортъ не разведетъ! Я уже знаю, какъ это дѣлается! Должно быть, вожакі ѣхали себѣ да ѣхали, то есть шли себѣ, помахивая кнутами. Каждому и захотѣлось понюхать у встрѣчнаго табаку. Вотъ, забывая о томъ, что сзади двигалась громада другихъ возовъ, они и съѣхались на мостку. «Здравствуйте!» — «Здравствуйте!» — «А-ке, лишень, дядьку, кабаки!» Тотъ и наставилъ тавлинку. Нюхаютъ и нюхаютъ, и другіе слазятъ съ возовъ и тоже нюхаютъ. А возы себѣ сходятся и сходятся. Ну, колеса затрещать, они и ахнутъ...

Кучеръ нашъ воротился разобиженный.

— Ну, что?

— Обломались съ фурами соли какъ разъ на мосту...

— А что! Я же вамъ говорилъ! съ радостью крикнулъ Говорковъ: — теперь тутъ ужъ просидишь до вечера.

— Когда бъ до вечера! замѣтилъ кучеръ: — возовъ и до утра не разведешь; съ плотины некуда податься—надо разгружать фуры...

Мы слѣзли съ нетечанки, легли на травѣ и закурили сигары. Долго еще возились чумаки у возовъ. Долго еще неслись оттуда брань и споры. За нами раздался звонокъ и стукъ колесъ. Черезъ минуту съ горы показался экипажъ четверкой въ пыли. Не зная, подобно намъ, что было внизу, онъ стремглавъ, звеня бубенчиками и колокольчикомъ, понесся туда. Крики нашего кучера остановили его. Двѣ бѣлыя холстинковыя фуражки высунулись изъ оконъ крытой коляски. — «А? что?» спрашивали въ сумеркахъ фуражки. Мы рассказали, въ чемъ дѣло. — «Ну, Павладій, бери вправо по берегу!» стойчески заключили фуражки, знавшіе видно, лучше насъ, нужныя сноровки при подобныхъ встрѣчахъ. Мы спросили: «А развѣ направо проѣдешь?» — «Проѣдете: тутъ есть другой мостокъ — вонъ и дорожка туда идетъ. А тамъ сейчасъ Улановка Дѣдятовска-

го. Мы туда ъдемъ. Всего семь верстъ осталось...» — «Дѣятовскаго? Романа Романыча?» спросили мы съ Говорковымъ въ одинъ голосъ. — «Да съ. Тамъ именины и съѣздъ.» Коляска быстро свернула вправо и полетѣла лугомъ надъ рѣкой, подхваченная сытою и рослою четверкой.

Мы взглянули другъ на друга. Дѣятовскаго знали мы оба и любили, несмотря на его скупость и причуды. Это былъ помѣщикъ другаго съ нами уѣзда и каролинецъ. Какъ честные пенсильванцы, мы бы не поѣхали въ такое время гражданскихъ схватокъ къ каролинцу и плантатору, слѣдовательно къ нашему врагу. Это бы у насъ назвали лѣзарничествомъ и неимѣніемъ такта. Но то былъ владѣлецъ другаго уѣзда, и притомъ истинно-невинный и простой человекъ. Разность въ убѣжденіяхъ насъ съ нимъ не поссорила и теперь.

— Признаюсь, хотѣлось бы посмотрѣть на съѣздъ тамошнихъ, сказалъ Говорковъ: — да Романъ Романычъ кстати и именинникъ! Поѣдемъ къ нему. Сколько времени уже мы не были у него! Да тамъ же всегда и безъ церемоній. А гостей своихъ, особенно, напримѣръ, изъ офицеровъ, онъ даже иногда и по фамиліи не знаетъ!

И мы завернули вслѣдъ за коляской. Нетечанкѣ, впрочемъ, было не подъ силу гнаться за нею. Мы скоро отстали.

— Догоняй богатаго, что вѣтра въ полѣ! заключилъ Абрамъ Ильичъ, печально свистнувши вслѣдъ за круглымъ гоготаніемъ ея лежащихъ рессоръ, исчезавшихъ вдали, по тропинкѣ, между темными уже камышами.

Мы также вѣхали въ камыши.

— Да еще какъ! продолжалъ нашъ кучеръ, все еще въ отвѣтъ своимъ недавнимъ перебранкамъ съ чумаками, на плотинѣ: — я пришелъ, спорю; а они мнѣ: «да вы, *бываетъ*, не изъ жидовъ, что добрыхъ людей въ такомъ дѣлѣ попрекаете?» А! мы, съ панями, жиды! — И его огорченію не было предѣловъ. — А я имъ! продолжалъ возница: «ахъ, вы душегубы! Чтобъ вамъ сто-надцать лихорадокъ, да сто болячекъ, да всѣ прыщи и свищи! Такъ вы пановъ жидами звать?...» одного даже за чубъ взялъ, да бросилъ послѣ: ну, его....

Дорога свернула влѣво. Лошади свободно простучали по какому-то мостку. Черезъ полчаса мы впотымахъ вѣхали въ село.

— Это Улановка?

— Нѣтъ, еще не Улановка, а Гусаровка: Улановка черезъ двѣ версты! отозвался чей-то голосъ изъ темноты.

Названія селъ произошли отъ предковъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, бывшихъ друзей. Одинъ служилъ въ уланахъ, другой въ гусарахъ. Это они и оставили по себѣ на память.

Т. LXXVII. Отд. I.

31

Какъ въ Гусаровкѣ, такъ и въ Улановкѣ, при нашемъ проѣздѣ, съ заваленокъ хать вскакивали и шмыгали за ворота какія-то пары.

— Это все влюбленные! шепталъ опять Абрамъ Ильичъ.— Матери и отца нѣтъ дома—парубокъ и садится, обнявшись съ дивчиною. Сидятъ себѣ въ парочкѣ «дружкуются», «женихаются». А въ концѣ села, у какого нибудь свата, уже окна свѣтятся. Тамъ идетъ гульня. Старые условливаются о сватовствѣ дѣтей. И сидятъ эти влюбленные всю ночь, пока, по здѣшнему повѣрью, заря скажетъ мѣсяцу: «мѣсяченьку, мой братику! освитимо звиря въ полѣ, шуку-рыбу въ морѣ, чумака въ дорози!» Только блескъ мѣсяца да стукъ панскихъ колесъ и разгонять этихъ счастливыхъ до новой встрѣчи. И чего только они не перетолкуютъ: про свое хозяйство, про работы, кто изъ нихъ что въ тотъ день работалъ, и что ему сказано, и какъ они устроить свое теплое житье-бытье послѣ свадьбы! А у насъ? баринъ стоитъ на колѣняхъ передъ барышней и говоритъ: «я-съ васъ люблю-съ!» Тѣфу! Ажно противно! Я никогда такъ не говорилъ!

Мы вѣхали въ ворота и подъ крыльцо освѣщеннаго дома. Множество экипажей стояло въ полусвѣтѣ у конюшни.

— Панъ по мечу и кудели! шепталъ Говорковъ, вылѣзая изъ ветчанки: — панъ отъ двадцати колѣнъ панскихъ, этотъ нашъ пріятель Дѣдятовскій! Въ гербѣ у него, говорятъ, сушая шляхетская диковина: пулъ-пса и пулъ-кôзы, да, какъ говорятъ еще въ Польшѣ, «чарна вешка по бембешку гопке біе!»

Кто-то распахнулъ на крыльцо двери, и насъ разомъ обдало свѣтомъ.

— А! Скавронскій! Говорковъ! какая радость!

И Романъ Романычъ уже душилъ насъ въ своихъ объятіяхъ.

— Вотъ, кричалъ анъ, таща насъ на крыльцо:— что значить мѣстоположеніе! Живу на самомъ пупѣ земли, на бугрѣ: ко мнѣ и слетаются всѣ братья! Пожалуйте!

Но, сказавши это, онъ тутъ же засуетился и исчезъ. Мы прошли въ боковую особую комнату, наскоро переодѣлись и пошли въ залу.

Не успѣли мы туда войти, какъ Дѣдятовскій уже стоялъ въ толпѣ другихъ, окружавшихъ какого-то разскащика.

Романъ Романычъ былъ по старому въ ермолкѣ, для прикрытія своей полнѣйшей плѣши, въ сѣренкомъ сюртучкѣ и съ огромнымъ клѣтчатымъ платкомъ въ рукахъ, по случаю нюханія табаку. Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ и очень маленькій ростъ, Романъ Романычъ сохранялъ еще много бойкости и подвижности нрава. Страсти въ немъ еще кипѣли. Тѣло было уже плоховато, какъ отзывался иорою онъ самъ. Голосокъ былъ у него тоненькій и часто зали-

вался веселымъ смѣхомъ. Выйдя рано въ отставку и женившись на милѣйшей и красивѣйшей женщинѣ, онъ скоро вдался въ хозяйство, но остался въ немъ, какъ и въ своихъ убѣжденіяхъ, охранителемъ стараго. Сорокъ лѣтъ онъ прохозяинничалъ, но не улучшилъ имѣнія ни на волосъ, и въ концѣ могъ сдать его въ томъ видѣ, какъ принялъ. Получая порядочный, но ровный всегда доходъ, онъ и его не проживалъ. Гдѣ-то, въ сундукахъ ли, или на сторонѣ, составилъ у него значительный капиталъ. Но, смотря уже въ гробъ, одолаваемый болѣзнями, предтечами послѣдней расплаты, онъ не могъ сказать: я привольно пожилъ на свѣтѣ! Теперь уже и хотѣть-то онъ ничего не могъ. Его деньги были — орѣхи подъ старость беззубой бѣлкѣ. Скопидомство перешло въ скупость. Сперва свои сборы онъ берегъ изъ расчета не заявить ихъ молодой женѣ и молодымъ друзьямъ, потомъ сталъ таить, какъ мрачный и негодный скряга. И говорятъ, боясь сдѣлать о нихъ даже завѣщаніе, чтобы не узнали про нихъ и не промотали ихъ дѣти, онъ могъ вовсе погубить этотъ капиталъ», Любя искусства отъ природы, онъ и теперь еще игралъ часто на скрипкѣ и на фортепьяно. Но, оставши отъ литературы за хозяйствомъ, т. е. за самую дурною стороною хозяйства — за сидѣньемъ надъ душою работника, съ утра до вечера — онъ уже не понималъ современныхъ явленій мысли и прикрывалъ себя довольно пошлою и жалкою отговоркою. — «Вы читаете что нибудь теперь, Романъ Романычъ?» спрашивали его! — «Э! не читаю ничего, кромѣ бебулы, (оберточной бумаги), отвѣчалъ онъ, — съ тѣхъ поръ, какъ карбонары стали писать тамъ всякое эдакое!» Не имѣя на головѣ ни единого волоска, Романъ Романычъ всегда носилъ длинные сѣдые усы.

— А! шеннулъ мнѣ Говорковъ, когда мы вошли и стали незамѣченные въ толпѣ другихъ: посмотрите, — Романъ Романычъ и бороду запустилъ, а ругаетъ радикаловъ!

Въ самомъ дѣлѣ, у него изъ-подъ жабо торчала пресмѣшная, бѣлая, какъ кружевной воротникъ, борода. Онъ ее поминутно гладилъ. Послѣ мы узнали, что эту бороду онъ запустилъ потому, что одинъ его знакомый, старикъ и его другъ, тоже запустилъ ни съ того, ни съ сего бороду.

— Онъ умный человекъ и даромъ ничего уже не сдѣлаетъ! говорилъ Романъ Романычъ: — отпущу и я бороду, а при встрѣчѣ его спрошу, зачѣмъ это; коли нужно, — оставлю, а нѣтъ, — то сбрею!

— Ха ха ха! раздалось вдругъ среди залы изъ круга слушателей. Мы съ шапками подошли ближе.

— А я ему говорю! продолжалъ раскащикъ: — что же, что вы въ комитетѣ были?...

— Ха, ха, ха! Ха, ха, ха! откликнулись ему слушатели.

— Ну, что же онъ? что же онъ? заговорилъ было кто-то изъ толпы слушателей.

Разскащикъ, говорившій, какъ говорили на сходкахъ въ былыя времена гетманы, т. е. по мѣстному выраженію, всѣхъ озвучачи и ни на кого особенно не глядя, бросилъ презрительный взоръ на вопросившаго, сердито сбиль пальцемъ пепель съ папироски, помолчалъ, вздохнулъ и началъ снова:

— Ну, я и пошелъ его валять, и пошелъ! Да мы, говорю, васъ, шелкоперовъ, на выборахъ прокатимъ! Да мы теперь и губернскаго предводителя на воронихъ провеземъ! Да мы васъ опубликуемъ! Что вы? А?! а?! Насъ продавать?...

Слушатели и самъ Романъ Романычъ раболопно молчали, внимая этимъ перунамъ.

— Кто это? шепнулъ я на ухо молодому бѣлокурому господину, стоявшему впереди меня, именно одному изъ двухъ, встрѣченныхъ нами у плотины въ бѣлыхъ фуражкахъ.

— Пивантьевъ....

— Чего же онъ такъ сердится?

— А видите ли, онъ теперь чернить дѣйствія нашего уѣзнаго депутата по комитету: этотъ депутатъ ему бѣльмо въ глазу. На выборахъ того единогласно выбрали, а Пивантьева забалотировали....

Новый хохотъ покрылъ опять какую-то выходку ликующаго Пивантьева. Онъ самодовольно отошелъ къ сторонѣ и направился въ гостиную къ дамамъ. Слушатели тоже разошлись, кто въ кабинетъ, гдѣ играли въ карты, а кто въ садъ, гдѣ гуляли дѣвцы,

— Это, однакожъ, пріятно! прибавилъ бѣлокурый незнакомецъ:— у толпы есть въ спокойныя минуты свой инстинктъ самосохраненія. Теперь она этому господину дѣйствительно аплодируетъ, а тогда его не выбрала. Говорятъ, Пивантьевъ прежде служилъ по строительной комиссіи и былъ нечистъ на руку...

— Пойдемте къ дамамъ, шепнулъ Говорковъ.

Сѣвши къ сторонѣ, въ гостиной, мы окинули глазами присутствующихъ. «Слава Богу, ни одной знакомой!»

— Правда ли, Марѳа Петровна, говорила, при нашемъ входѣ, одна помѣщица въ зеленыхъ лентахъ другой, бывшей въ коричневыхъ, набирая себѣ на блюде варенья: — что наши избавители-то, наши депутаты, уже отдали даромъ волю и нашимъ дворовымъ, что уже наши дѣвки намъ ни шить, ни прать, ни вязать, ни служить безъ денегъ не будутъ?

— Правда, матушка, правда, отвѣчала дама въ коричневыхъ лентахъ.

— Такъ позвольте же васъ спросить, неожиданно крикнула та же дама въ зеленыхъ лентахъ: — какъ же я буду жить, когда у меня девятеро дочекъ, а имѣнія, кромѣ долговъ отца моего Филаши, ничего нѣтъ?

— Плохо, плохо! пищала низенькая, въ розовыхъ лентахъ сосѣдка говорившей. — Много мнѣ рассказывали, много, и проэскты уже печатные читали, и про какія-то урочныя работы, и про общины толковали. Ни клочка не поняла и не припомню изъ всего, — хоть Богъ меня убей, ни клочка, клянусь моею душою! Такъ написано!...

— Да еще то диво, что не чувствуютъ стыда! прибавила первая дама, въ зеленыхъ лентахъ: — даже выѣзжаютъ уже въ свѣтъ, къ избирателямъ въ мирные дома входятъ!

— Это на нашъ счетъ! шепнулъ мнѣ Говорковъ: — стыдитесь!

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Слуги разносили конфеты и арбузы.

— А будетъ ли выкупъ, или примется въ центральномъ правительствѣ обязательный трудъ? спросила протяжно молодая дама, недурная собой и не скидавшая перчатокъ.

Ей не отвѣтили.

— Я полагаю, что выкупъ, потому что это разомъ разрѣшить нашъ міровой вопросъ, нѣсколько учено прибавила милая дама, бойко разрѣзывая маленькими ручками арбузъ, но не безъ волненія видя, что ея собесѣдницы ей не отвѣчаютъ, несмотря на ея перчатки и миловидность.

На какой-то новый вопросъ она опять не дождалась отвѣта. Только вилка судорожно звякнула въ рукѣ дамы съ зелеными лентами, усердно уплетавшей арбузъ.

— Милая пенсильванка! замѣтилъ Говорковъ: — пойду къ тебѣ на помощь! — и подсѣлъ къ ней.

Не рекомендованные, по случаю близкаго конца праздничнаго дня, какъ и двое-трое другихъ, подѣхавшихъ еще послѣ насъ, мы свободно располагались, гдѣ хотѣли. Оставя Говоркова съ «милой пенсильванкой», я пошелъ въ кабинетъ.

Тучи дыма висѣли надъ игравшими въ карты. Съ дивана, сквозь тотъ же дымъ, торчали ноги и головы бесѣдовавшихъ. Какъ новый человѣкъ въ краѣ, и здѣсь я былъ незамѣченъ.

— Да, продолжалъ разговоръ, съ дивана, молодой человѣкъ, съ длинными черными волосами и недурной собой: — ужъ и выдумали же штуку—уступить, продать имъ земли!... Да я-то этого не хочу! Я-то, слышите ли, не хочу! Земля моя—и баста! Или уже, если про-

давать, такъ по вольной цѣнѣ! Я меньше двухсотъ цѣлковыхъ за десятину не возьму!...

— Семь въ червахъ! Вистъ! Пась! отдавалось на это со столовъ играющихъ въ карты.

У окна въ креслахъ сидѣлъ высокій, рябой, мѣдноцвѣтный, какъ житель Отаити, господинъ, въ рыжевато-буромъ парикѣ, толстый и сырой, лѣтъ восьмидесяти, держа и ворочая въ рукахъ изломанную, замасленную, пуховую, городскую шляпу и поминутно обливаясь потомъ. На него рѣшительно никто не обращалъ вниманія. Внукъ хозяина, девятилѣтній разбойникъ, сзади то посыпалъ ему сахару на парикъ, чтобъ липли на него мухи, то просто его щипалъ и толкалъ. Не принадлежа къ кругу помѣщиковъ, этотъ господинъ, впрочемъ, держалъ себя гордо и, утирая потъ съ лица, презрительно улыбался на иные разговоры. Кто-то съ дивана сказалъ, что теперь ходитъ вообще множество всякихъ темныхъ слуховъ.

— Да, повторилъ рябой старикъ и всталъ, порывисто двигаясь въ короткихъ брюкахъ и во фракѣ съ протертыми локтями, какъ у Робера Макера: — въ наше время этого не было. Тогда уважали законность! да, законность! Вотъ и у меня, въ мои дни, когда я былъ губернаторомъ — вѣдь я былъ губернаторомъ! — никто у меня не уходилъ безъ аттенціи—ни-ни! *Sunt cuique!* Всякому была дана пощощь! А теперь?! Насъ презирають, на носъ намъ сажаютъ мальчишекъ....

И онъ обвелъ кабинетъ желтыми, воспаленными глазами, теребя въ одной рукѣ шляпу, а въ другой клѣтчатый, бумажный, продырявленный платокъ.

— Да, теперь, добавилъ онъ шопотомъ и озираясь:—насъ всѣхъ дурачатъ... Да! пришли послѣднія времена!

Въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ тотъ же бѣлокурый знакомецъ нашъ, съ бѣлой фуражкой, и съ нимъ Говорковъ.

— Что, Андрей Петровичъ, что ты тутъ, ваше превосходительство, наговорилъ опять и навралъ? спросилъ насмѣшливо бѣлокурый.

Старикъ ошалѣлъ, завертѣлся, кашлянулъ и сѣлъ со словами, что онъ многое слышалъ въ городѣ.

— Въ городѣ? Да ты, ваше превосходительство, въ городѣ уже пять лѣтъ не былъ! Лучше попроси у меня цѣлковый на выпивку, а не ври! Иначе, исправнику пожалуюсь!

Исправника старикъ, какъ видно, очень боялся, потому что замолчалъ окончательно.

Сидѣвшіе у стола стали опять играть. На выходку бѣлокураго никто не обратилъ вниманія. Старикъ былъ очевидно въ черномъ тѣлѣ у общества.

— Кто это? спросилъ я Говоркова, указывая на бѣлокураго.

— Трубачеевъ, старшій братъ... ихъ два брата, здѣшніе богачи. Этотъ отказался отъ выборовъ два раза. У обоихъ пять тысячъ десятинъ земли. Ведутъ хозяйство по новому способу и сущіе янки. Не служатъ, путешествуютъ, хозяйничаютъ и живутъ въ свою волю. Я съ этимъ сошелся. Благороднѣйшій пенсильванецъ! Дамочка, къ которой я подѣлъ, ихъ сестра, жена одного содержателя пансіона, тоже умнаго человѣка. А главное—оба смѣлы, самостоятельны и съ языками, какъ бритва...

Говорковъ меня сейчасъ познакомилъ съ Трубачеевымъ.

— Очень пріятно: много слышалъ! сказалъ онъ развязно и собираясь опять съ катискомъ на стараго вѣстовщика.

— Кто это? спросили мы съ Говорковымъ у Трубачеева про послѣдняго.

— О! это личность удивительная! началъ вполголоса веселый и развязный Трубачеевъ: — это Андрей Петровичъ Кузничевскій. Онъ, дѣйствительно, былъ лѣтъ двадцать или тридцать назадъ гдѣ-то вице-губернаторомъ, жилъ въ богатѣйшемъ домѣ, задавалъ пиры, развратничалъ и любилъ хананцы, но слегка, потому что было и свое имѣніе. Тогда же онъ ограбилъ одного родственника, честнѣйшаго малаго, кажется Твердова, отнял у него послѣдній хуторокъ. Теперь колесо повернулось: Твердовъ нажилъ новый хуторъ; Кузничевскій прожился въ пухъ, отставленъ отъ службы и живетъ у него же на хлѣбахъ, въ какой-то лачужкѣ, вымаливая у своего роднаго по четвертаку на угѣху въ кабакѣ да ворюя у него серебряныя ложки! Клянусь честью, это не сказка! Да погодите, я его еще сиропу, какъ онъ возилъ съ собою въ Петербургъ одну одиннадцатилѣтнюю дѣвочку изъ собственныхъ крѣпостныхъ...

Но Трубачеевъ замолчалъ.

Въ это время въ кабинетъ впопыхахъ вошелъ хозяинъ дома, нашъ почтенный Романъ Романовичъ. За нимъ шла толпа, и впереди всѣхъ опять Пивантьевъ.

— Господа, позвольте! Слушайте, слушайте! заговорилъ вполголоса старикъ Дѣдатовскій, самъ внѣ себя отъ восторга, ломая руки и подобострастно глядя на Пивантьева: — вотъ Макаръ Макарычъ насъ опять подарить хочетъ рассказами! Что за штиль, что за слова! Чисто жемчугъ! Вотъ кто наши защитники, вотъ кого мы должны въ золотыя рамки вставить!...

— И повѣсить... на стѣнѣ! добавилъ Трубачеевъ вполголоса.

— Расскажите! расскажите! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Всѣ сѣли. Пивантьевъ, не поднимая глазъ попережнему, гетманомъ стоя среди комнаты, началъ:

— Это пустое, господа, это случай; но о немъ нельзя умолчать въ наши звѣрскіе, пагубные дни.

Онъ оглянулся. У дверей, качаясь отъ дремоты, стоялъ ребенокъ—казачокъ.

— Вышлите его вонъ! шопотомъ сказалъ Пивантьевъ.—Пошелъ вонъ! Чего ты, ракалія, стоишь тутъ? все подслушивашь!

Мальчикъ, качаясь, вышелъ.

— Да-съ, въ нашемъ уѣздѣ былъ недавно такой случай! говорилъ, озираясь, Пивантьевъ. — Вы, конечно, Зеленчука помѣщика знаете? Хорошо. Всѣ мы его знаемъ. Вотъ онъ прожилъ до этой эманципации, или, какъ тамъ ее зовутъ наши филантропы, до ампутации, что ли, пятьдесятъ лѣтъ безвыѣздно на своемъ хуторѣ. И какое же несчастье постигло его въ жизни! Его дочка влюбилась въ повара, случилось даже такое дѣло, что она пошла за него замужъ— за лакея-то, холопа! — убѣжала и обвѣнчалась. Теперь гдѣ-то—увы! — живетъ наемницей, гувернанткой. Тамъ же и мужъ ея нанимается. А? Ну, вѣдь подло поступила? Такъ ли? хотя и славная барынька сама по себѣ вообще? Отецъ отъ нея, разумѣется, отрекся. Правда, что и самъ онъ проживалъ въ утѣшеніи, то есть держалъ своихъ шашмурокъ...

Слушатели молча и почтительно внимали рассказчику. Трубачевъ презрительно усмѣхнулся.

— Такъ что же вы тутъ находите особенно печальнаго? спросилъ онъ, съ сдержанной злостью.

Страшный ропотъ раздался въ кабинетѣ. Добрый, но трусливый отъ природы, Дѣдятовскій чуть не плакалъ, смотря на Трубачевеа. Сперва онъ дергалъ его за фалды, чтобъ тотъ не заходилъ слишкомъ далеко, а потомъ началъ ругать его.

— Это удивительно, до чего доходятъ нынѣ молодые люди! пищалъ Романъ Романычъ: — какая смѣлость, какое даже нахальство, какая самонадѣянность! Мелокососы!

— Романъ Романычъ, Романъ Романычъ! говорилъ медленно и со вздохомъ Трубачевъ, дрожащими руками оправляя себѣ галтуху:—это правда, вы меня на рукахъ носили, почти нянчили; вы были дружны съ моимъ отцомъ; я моложе васъ. Да за что же оскорблять меня? И вамъ ли опять жаловаться на своихъ вассаловъ? Тоже сорокъ лѣтъ съ ними живете? А обидѣлъ васъ хоть одинъ?

Въ дверь вошелъ лакей и нагнулся на ухо къ Дѣдятовскому. Тотъ сталъ какъ обваренный; дыханіе замерло и ротъ раскрылся. Онъ шагнулъ къ дверямъ.

— Что вы? спросили его.

— Э! это пусто! пришелъ атаманъ—староста: чего-то мужики мои пришли тамъ!

И онъ торопливо вышелъ.

Трубачеевъ шепнулъ намъ:

— Вотъ трусь! Нарочно обѣгу кругомъ дома и посмотрю, въ чемъ дѣло. Я уже знаю его...

Какъ школьникъ, вышелъ Трубачеевъ въ сосѣднюю проходную комнату, раскрылъ окно, осмотрѣлся кругомъ и выпрыгнулъ въ садъ, а тамъ завернулъ за уголь дома, къ крыльцу, куда собрались мужики Дѣдятовскаго.

— Мнѣ не нравится эта безобразность, безцеремонность Романа Романыча, началъ вслухъ покровительственно Пивантьевъ, едва тотъ ушелъ. Скверно то, что всегда здѣсь какой-то сумбуръ! Назоветь кучу гостей, всякаго сброда! Всѣ тычутся по угламъ; вѣтъ того, чтобы усѣсться побесѣдовать съ умными людьми! Пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ, какъ изъ трактира. А тотъ еще благодарить за посѣщеніе!

— Семь въ пикахъ! Вистъ! Пасъ! опять раздалось съ карточныхъ столовъ.

— Макаръ Макарычъ, васъ зовутъ дѣвицы! послышался голосъ изъ дверей.

Пивантьевъ вскочилъ и ушелъ въ садъ. У окна, сквозь табачный дымъ, мелькнула бѣлая фуражка Трубачеева.

— Господа, пожалуйста сюда! — Мы съ Говорковымъ подошли. — Вообразите, началъ онъ шопотомъ:—это просто невѣроятное событіе. Я подкрался къ окну кабинета. Смотрю, нашъ-то почтеннѣйшій Романъ Романычъ прибѣгаетъ туда, впотьмахъ зажегъ спичку, возился тамъ что-то долго и затѣмъ тихо шагнулъ въ лакейскую. Я припалъ со двора къ окну лакейской. Онъ что-то шепчетъ казачкамъ, разстававливаетъ ихъ, отвернулся опять, тайкомъ перекрестился и ступилъ въ сѣни. Тутъ уже я его дождалъ впотьмахъ, у крыльца, у водосточной трубы. Онъ вышелъ, еле дышетъ, спрашиваетъ у мужиковъ: «Что вамъ надо?» Тѣ подходятъ ближе; онъ къ сѣнямъ.... Да уже кто-то побойчѣ вышелъ изъ толпы, поклонился и говоритъ: «Мы, пане, цѣлый день возили хлѣбъ, а теперь воротились съ поля и пришли васъ поздравить съ именинами!» И кланяются. Онъ даже икнулъ отъ неожиданности, тоже поклонился, велѣлъ атаману имъ

дать по рюмкѣ водки, еще что-то сказалъ и ушелъ. Ужь девять мѣ-
сяцевъ онъ лично не является на полевыхъ работы.

Мы не вѣрили словамъ Трубочеева.

— Клянусь вамъ, господа, добавилъ онъ:—все это правда.—Вотъ до какой дикой пугливости доходитъ ихъ нечистая фантазія! Да вотъ онъ и самъ! Подожду я тутъ у окна въ саду.

Вошелъ медленно Романъ Романычъ, даже съ улыбкой, утерся платочкомъ, смпренно сѣлъ, сложилъ на колѣняхъ маленькія ручки и безопасно вдохнулъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но дыханіе его еще было неровно и самъ онъ былъ изжелта-зеленоватый. Ермадка была на затылкѣ.

— Что, Романъ Романычъ, гдѣ вашъ сынъ теперь? Мы такъ давно его не видали! спросили мы съ Говорковымъ, въ ободреніе его.

— Сынъ мой, сынъ? Да!... Я было васъ не разслушалъ!... Ходятъ всякіе слухи, какъ вообще теперь. Да Богъ его знаетъ, гдѣ онъ! Все проситъ у меня, однако, денегъ. Я же говорю: отчего не служишь? А онъ говоритъ: давайте денегъ! А гдѣ я возьму денегъ! Доходовъ нѣтъ уже тридцать лѣтъ, и я боленъ! За тяжестью, впрочемъ, сынъ мой уже не можетъ въ кавалеріи служить; а въ пѣхотѣ я не хочу. Очень оплылъ! А вонъ его сынъ, мой внучекъ, бѣгаетъ, все Кузничевскому сахару на парикъ подсыпаетъ! Видите! Вотъ гений! Кольми паче еще няньку ругаетъ такъ, что просто молодецъ!...

Романъ Романычъ отиралъ съ лица обильный потъ.

— Нѣтъ, вы позволите, вы позволите, отозвался съ дивана голосъ того самаго молодого, съ длинными черными волосами, человѣка, который цѣнилъ у себя землю по двѣсти рублей серебромъ десятину:— вы мнѣ скажите, можетъ ли быть въ наше время новое переселеніе народовъ? Возможны ли движенія рабочихъ съ сѣвера на югъ? Я думаю, что нѣтъ! Я, слава Богу, таки-учился: знаю экономпство въ тамъ западныхъ. Именно нѣтъ. Этимъ насъ манятъ, но не надуютъ... старая сказка! Это все наши петербургскіе бароны фантазируютъ! Глупо! свинство! Лучше бы подумали объ усиленіи всей нашей полиціи! Литераторы тоже трезвонятъ о филантропіи, о любви къ ближнему! Подлецы! чистые подлецы! Это все выскочить хотятъ на нашъ же счетъ: извѣстное дѣло, имъ рисковать нечѣмъ!... На колѣ бы ихъ посадить—пусть любятъся видами!—четвертовать! Нѣтъ, господа, дайте мнѣ хоть на пять лѣтъ еще прежняго неизмѣннаго крѣпостнаго права, и я ворочу въ доходахъ тройную цѣнность имѣнія; а тамъ хоть трава не расти....

— Кто это? спросилъ я охотъ Трубочеева.

— Это другъ Пивацтѣва, довольно богатый и не совсѣмъ глупый человекъ, Торбанинъ, если даже хотите, нѣсколько и нашъ братъ, стеной «янки», отличный хозяинъ, но заморенѣмый эгоистъ въ душѣ.

— И вѣдь что тутъ грустно, продолжалъ Трубачеевъ, облокотясь изъ сада въ окно: — будь онъ фронтвикъ; а то вѣдь изъ нашихъ университетскихъ и даже товарищъ мнѣ по факультету! Учидся-то онъ плохо и товарищъ намъ былъ такъ себѣ, не изъ лучшихъ. Но все же таки натерся около науки и хоть по наслышкѣ зналъ имена Бэкона, Смита, Маколэя и хоть, положимъ, нашего Грановскаго. А теперь каковъ? Порочить каждый шагъ нашихъ комитетовъ, ругаетъ всякую прогрессивную мысль — и это двадцати-семи-лѣтній студентъ, выпущенный шесть лѣтъ назадъ! Посмотрите, съ какимъ благоговѣніемъ слушаетъ его Дѣдятовскій!... Пойдемте, господа, въ садъ: здѣсь свѣжѣе....

При нашемъ выходѣ изъ кабинета, Торбанинъ, кусая до крови ногти, вдругъ взмахнулъ длинными волосами и, скрипя зубами и показывая кулакомъ въ воздухъ, сказалъ:

— Развѣ не будетъ выборовъ? Внесу предложеніе, чтобы отъ губерніи, за подписью всѣхъ, просить стѣсненія журналистики! Это ни на что не похоже! это безчестно! Выставлять своего же собрата дворянина! У насъ завелись уже предатели, слуги пресловутой гласности— я ихъ знаю! Трезвомятъ, грабятъ насъ! На колѣ ихъ! Въ Австріи Радецкій ихъ розгами сѣкъ.

Мы вышли въ садъ. Тамъ было, дѣйствительно, свѣжѣе. Часа полтора мы ходили съ Трубачеевымъ, слушая его рассказы о хозяйствѣ.

— Мы съ братомъ Петромъ, говорилъ онъ: — получили имѣніе раззоренное, хотя и порядочное. Не было сѣна — мы наняли въ долгъ луга; стали дешевы овцы—мы въ долгъ купили ихъ у тѣхъ, у кого они падали отъ голоду; продали отцовскіе экипажи, мебель и всякій хламъ, устроили салотопню и въ одинъ годъ выплатили съ сала и за наемъ луговъ и за овецъ, а салотопни продали черезъ годъ и выплатили главный долгъ на имѣніи. Мы завели машинное хозяйство. Я самъ пробылъ два года въ Ливерпулѣ, работая на фабрикѣ хозяйственныхъ машинъ, и вывезъ оттуда паровой локомотивъ. Черезъ годъ мнѣ половины крестьянъ нашихъ не надо уже. А братъ ѣдетъ весной въ Америку.

У освѣщенной бесѣдки мы увидѣли Пивацтѣва. Онъ стоялъ опять, окруженный дѣвцами, и съ полнымъ свойствомъ мѣднаго лба занималъ снова всѣхъ рассказами. Увы! онъ помѣшался на роли говоруна единственно только потому, что какая-то старуха-аристократка, бывшая когда-то большая практикантка насчетъ мо-

лодыхъ людей, проѣдомъ черезъ Южнобайрацкъ, сказала ему гдѣ-то, за обѣдомъ: «Да вы, мсьё, краснобаи! владѣете слогомъ!»

— Я прошу васъ, дѣвицы, разрѣшить мнѣ одинъ вопросъ, говорилъ Пивантьевъ, развязно качаясь и охорашиваясь: — гнусно или не гнусно брать жалованье на службѣ по выборамъ, положимъ хоть въ качествѣ депутата крестьянскаго комитета?

Тѣ, разумѣется, молчали, робко прижимаясь другъ къ другу и пугливо слѣдя за его туманными намеками на гражданскіе дразги.

— Ну, такъ я же вамъ скажу, что нашимъ депутатамъ положено что-то... по триста цѣлковыхъ въ мѣсяцъ! Недурно за такую цѣну продавать филантропію...

— Ну, погоди же ты! прошепталъ съ холодной злобой Трубачеевъ: — я же тебя оборву! Вотъ скотина! Извините, господа, за такія крупныя выраженія! Вы себѣ представить не можете, до чего я ненавижу этого господина! Оуждаетъ депутатовъ, бросившихъ изъ-за насъ имѣнія свои и дѣла, за жалованье! Вы лучше то скажите, что жалованье-то назначено, да вотъ уже годъ прошелъ и комитеты закрыты, а у насъ никто еще, и первый онъ самъ, ни копѣйки не вносилъ!

Мы переглянулись съ Говорковымъ. Это была дѣйствительная правда.

Мы ушли въ темныя аллеи. Еще проговорили съ полчаса. Трубачеевъ распранивалъ о нашемъ южнобайрацкомъ уѣздѣ, — постввахъ, сборѣ хлѣба, строилъ предположенія объ устройствѣ громаднаго общества для торговли хлѣбомъ, распранивалъ о нашемъ губернскомъ положеніи о крестьянахъ, и вообще смотрѣлъ съ большимъ сочувствіемъ на все сдѣланное депутатами. Говорковъ, хотя и не бывшій въ составѣ комитета, въ качествѣ моего друга и письмоводителя, просто ликовалъ. — «Экъ, душа-то, душа-то!» шепталъ онъ, толкая меня.

Передъ освѣщенной ротондой, въ одномъ мѣстѣ сада, гдѣ играла музыка, ходилъ, съ понуренной головой, сѣдой, съ длинными бѣлыми волосами на головѣ и въ длинно-поломъ сѣромъ сюртукѣ, старикъ помѣщикъ.

— Это печальный примѣръ, это профессоръ университета сосѣдней губерніи и нашъ помѣщикъ! началъ Трубачеевъ, указывая на старика: онъ попалъ въ сосѣдній съ вами комитетъ о крестьянахъ. Я былъ когда-то его ученикомъ, любилъ его всею душою, вѣровалъ въ него, какъ жиды въ Мессію, и ожидалъ отъ него всегда многого и многого! Его чтенія въ классахъ распалили насъ страстною любовью къ людямъ! Онъ былъ у насъ гуманистъ въ полномъ смыслѣ слова, поклонникъ Гегеля, Гейне и пр. Открылся комитетъ. Онъ

и тамъ сталъ изъ первыхъ, въ ряду либераловъ; даже тайкомъ его называли краснымъ, чѣмъ онъ втихомолку и гордился. Такъ дѣла шли мѣсяца два! И что же, — какъ-то на востъ председателя комитета съѣла муха, въ то самое время, какъ этотъ почтенный либеральчикъ читалъ свою длинную рѣчь, по какому-то вопросу; тотъ громко чихнулъ; члены тоже чуть не дремали. Этотъ обидѣлся, перешелъ на сторону оппозиции и запутался такъ, что подъ конецъ даже трудно было понять, чего онъ хотѣлъ. Онъ рѣшилъ тѣмъ, что кинулся въ объятія отставныхъ, плантаторовъ, — но и тѣ его, говорятъ, не приняли... Жаль мнѣ его; истинно добрый человѣкъ, только очень мягкій. Мы: какъ-то съ пріятелями недавно поминали его: «покойся своимъ праведника, чистая карьера бываго гегелиста; ты сталъ помѣщикомъ и все позабылъ! говорили мы, распѣвая надъ жонкой студенческаго пѣсни.

— Пожалуйте ужинать! сказалъ слуга, добѣжавшій къ намъ на прямикъ, черезъ вишенникъ и поляны сада.

Въ ярко освѣщенной залѣ, мы уже всѣхъ застали въ сборахъ усаживанія за столъ и выбрали себѣ три мѣста рядомъ.

Стулья прогремѣли, слуги вошли съ дымящимися тарелками. Все шло чинно; дѣти гостей сидѣли за особымъ столомъ: самъ хозяинъ сидѣлъ на одномъ концѣ стола, жена его на другомъ. Пивантьевъ среди дѣвицъ, безпрестанно услуживая имъ. Попавши такъ неожиданно къ Дѣдятовскому, вообще любившему въ свои семейные праздники, какъ вѣрно выразился Пивантьевъ принимать всякій сбродъ, лишь бы было побольше гостей, — мы опять принялись распрашивать Трубачеева о разныхъ незнакомыхъ лицахъ. Рѣчь началъ Романъ Романычъ:

— А слышали вы, господа, у насъ на тотъ годъ предрекаютъ саранчу и голодь.

Пошли толки о саранчѣ.

— Что саранча! Говорятъ, залоговъ уже имѣній больше не будетъ! произнесъ кто-то.

Сващенникъ, едва дышавшій отъ толстоты, протянулъ руку за квасомъ и спросилъ, покашливая посвоему.

— Говорятъ въ нашемъ губернскомъ комитетѣ вышелъ раздоръ, братъ возсталъ на брата и сынъ на отца, какъ говорится въ писаніи о послѣднихъ временахъ.

— Страмъ, чистый страмъ! подхватилъ Романъ Романовичъ: чуть не шли на ножи! Я тамъ не былъ, а слышалъ, что были случаи, какъ въ уѣздной школѣ! Даже по звонку садились, по звонку говорили и молчали, какъ въ классахъ еще въ мои времена!

— Это и въ английскомъ парламентѣ заведено, Романъ Ромашычъ перебилъ Трубачевъ.

— Въ английскомъ! Да хоть бы и въ китайскомъ! Что англичане? Соловецкій монастырь разграбили, заставили потопить наши корабли въ Севастополѣ, а теперь новые намъ за деньги сами строятъ! Вотъ австрійцы — это народъ! И покорны и незатѣйливы.

Незнакомый сосѣдъ мой съ лѣвой стороны, горбатый, подслѣповатый, немного выпившій и навеселѣ, толкнулъ меня подъ бокъ, указывая на высокаго, блѣднаго, черноволосаго лакея, стоявшаго съ тарелкою за чьимъ-то стуломъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ я.

— Посмотрите сюда: это мой слуга, — началъ горбатый сосѣдъ, сопя и ковыряя перышкомъ въ зубахъ: — слуга мой! Только хитрое животное.... у! чистая бестія! Посмотрите на его глаза! Я его жевю на дѣвкѣ одного сосѣда.... да, жевю! — Я его отдавалъ въ художники, въ академію, въ Петербургъ — и вышелъ, ничего, съ дипломами и всякими штуками!... Славно малюеть-сь. Даже тамъ въ какую-то барышню было, говорятъ, влюбился! Ну, да ничего — теперь за мной ходитъ и объ искусствахъ говоритъ: хоть нескучно! Хитрая бестія!... Павелъ!

Сосѣдъ мой кивнулъ головою: черноволосый слуга подошелъ къ нему и нагнулся.

— Кто былъ первый художникомъ въ Россіи? спросилъ горбатый сосѣдъ, вполголоса.

— Карлъ Павловичъ Брюловъ, творецъ картины «Послѣдній день Помпеи», тихо и какъ-то ласково-грустно отвѣтилъ лакей, подъ шумъ общихъ разговоровъ.

— А что такое искусство? продолжалъ глумиться веселый мой сосѣдъ.

— Свободное творчество! отвѣчалъ лакей.

— А что лучше — хорошій ли обѣдъ, или картина? говорилъ насмѣшливый баринъ, хихикая себѣ подъ носъ и ковыряя въ зубахъ.

Лакею-художнику готовились новыя шутки и веселости, какъ въ другомъ концѣ стола раздался неожиданно шумъ, скоро перешедшій въ крупную перепалку. Спорили Пивантьевъ и какой-то студентъ.

— Нѣтъ, этого быть не можетъ, рѣзко повторилъ студентъ: — ваши слова отзываются личностями! А кто злитъ, тотъ неправъ!

— Личностями? подхватилъ Пивантьевъ: — ха, ха, ха! Прошу вашего вниманія, господа! Юноши зовутъ насъ отсталыми; враги на возрастъ зовутъ насъ плантаторами! Гдѣ же тутъ молчать? Въ качествахъ

плантатора, имѣю честь передать вамъ, что нашъ губернской предводитель немного того.... свихнулся!

Головы и глаза общества устремились къ спорившимъ. Дѣдятовскій сталъ даже торопиться уничтоженіемъ тарелки какого-то любимаго соуса.

— Какъ это, какъ это? расскажите! подвятилъ Романъ Романычъ, утирая губы: — ахъ, не могу молчать! Вотъ настоящій плавный штиль! вотъ истинное краснорѣчіе! вотъ наши защитники! Расскажите!

— Дѣло было вотъ какъ, началъ, важничая и дерзко поглядывая на всѣхъ, Пивантьевъ: — я не служу въ комитетъ — не имѣю этой высокой чести, — да, не имѣю, — но знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что, метя на губернаторское мѣсто, или, по крайней мѣрѣ, на камергерство, нашъ здѣшній великій сановникъ затѣялъ составить себѣ сильное большинство по одному дѣлу... кажется, по вопросу о даровой — слышите ли? о даровой! — отдачѣ усадебъ! Сталъ вывѣдывать передъ балотировкой — оказывается, что голоса раздѣлились такъ, что не только не выходило сильнаго большинства его мнѣнію, но даже и съ его голосомъ на сторонѣ его было однимъ шаромъ меньше....

— Правда это? шепнулъ мнѣ Трубачевъ, схвативши меня за руку и едва подавляя въ себѣ волненіе: — вы были сами въ комитетѣ! Правда это?

— Клянусь Богомъ, ничего подобнаго не было у насъ: дружное большинство встрѣтило и до конца провожало всякое дѣйствіе нашего предводителя, какъ предсѣдателя!

— Благодарю васъ. Хорошо. Будемъ слушать!

И Трубачевъ впился глазами въ Пивантьева, изрѣзывая мелкими кусочками хлѣбную корку.

— Да-съ, плохо приходилось нашему официалу! продолжалъ Пивантьевъ: — генералъ рѣшительно терялся. Вдругъ въ умѣ его мелькнула счастливая мысль. Вспомнилъ онъ, печально вглядываясь въ списокъ членовъ, объ одномъ господинѣ, съ широчайшими бакенбардами и либерализмомъ и страстью къ англomanіи, бывшемъ на сторонѣ его враговъ, сообразилъ, что англomanъ и отставной гусарь сильно нуждается пока въ субсидіяхъ по поводу одной городской интрижки, а впоследствии въ тепломъ мѣстечкѣ, позвалъ его, подъ общій шумъ и споры, къ своему креслу и шепнулъ ему на ухо: «выходите въ залъ». Тамъ въ руки почтеннаго члена дано три радужныхъ, а въ будущемъ обѣщано представленіе къ мѣсту, и дѣло слажено.... Пошло на голосъ, и мнѣніе его превосходительства, по

поводу даровой отдачи усалебъ, восторжествовало.... И вотъ, господа, пути, по которымъ разыгрываются судьбы и будущность нашего сословія!...

Сказавши это, Пивантьевъ спокойно принялся за недоѣденный кусокъ.

Тарелка звякнула въ рукахъ Трубочеева.

— Вы жете! сказалъ онъ гладко и какъ-то особенно кругло и вятно, смотря съ улыбкой на Пивантьева, — а самъ былъ бѣлье полотно: — вы жете, какъ пятилѣтній мальчикъ! И это не дѣлаетъ вамъ чести!

Многія вилки остановились на воздухѣ; многіе рты, не проглотивъ вкуснаго дышленка съ грибами, остались незакрытыми.

— Что-о-о? спросилъ также съ улыбкою, озадаченной Пивантьевъ, еще блуждая глазами и сперва не разобравши, кто его такъ обрвалъ.

— Вы жете! опять звонко и кругло сказалъ Трубочеевъ: — это клевета на нашъ комитетъ и на его членовъ!

Слуги стали убирать тарелки и разносить жаркое.

— Нашъ пенсильванецъ, однако, тоже горячится! шепнулъ мнѣ Говорковъ.

— Вотъ мило! Это еще у насъ, господа, и не слыхано! возразилъ Пивантьевъ, стараясь улыбнуться какъ можно беззаботнѣе, поперхнувшись и озираясь во всѣ стороны: — за столомъ, при дамахъ, говорить такіа дерзости!

Глаза общества однако мигомъ устремилсь въ тарелки. Блѣдныя и встревоженныя дамы стали торопливо перешоптываться, косясь то на Дѣдятовскаго, то на его жену. Но хозяйева тоже молчали. Романъ Романычъ было обозвался, тоже улыбувшись и поперхнувшись, словами: «да, правда! это немножко того, рѣзко, сказать безъ причины: вы жете», но тутъ утеръ губы салфеткой и, присмирѣвши, сталъ медленно жевать крылышко дышленка.

— Вы клеветникъ, господинъ Пивантьевъ! продолжалъ тѣмъ же веселымъ голосомъ Трубочеевъ: — и мнѣ пріятно будетъ это доказать публично. Лучше заранѣе извинитесь сейчасъ же, за столомъ, сію минуту, передъ обществомъ и передо мною.

— Какъ? Мнѣ?? Передъ вами???.. Ха-ха-ха!

Трубочеевъ положилъ руки на столъ. Красивые перстни сверкнули на его кривыхъ, блѣдныхъ пальцахъ.

— Если вы будьте паясничать и хохотать, я васъ прогоню изъ-за стола почтеннѣйшаго Романа Романыча! началъ опять Труба-

чеевъ, закрывая глаза отъ дрожи и злости, прохватывавшей его до костей.

— Меня? О, нѣтъ, нѣтъ! крикнулъ, красный уже, какъ ракъ, Пивантьевъ. — Я, господа, на васъ ссылаюсь, на васъ! Если бы не дамы, я проучилъ бы.... всякаго! Господинъ Трубачеевъ богатъ, а я бѣднякъ! Имъ можно имѣть такую смѣлости! Я обиженъ, господа, обиженъ и буду требовать общественнаго суда, суда всѣхъ дворянъ, всего сословія, у губернскаго стола.... Я обиженъ.... Клянусь, я говорилъ правду, я желалъ обществу пользы. Все, что я ни говорилъ, сущая правда! Я докажу.... здѣсь свидѣтелей нѣтъ, но я найду.... у меня будутъ свидѣтели моихъ словъ! Если этого не доказать по бумагамъ, то это тоже потому, что и въ самихъ нашихъ комитетахъ завелись у нихъ свои канцелярскія тайны и интриги секретарей....

Прошло нѣсколько секундъ мучительной паузы. Всѣ сердца бились напряженно; всѣ глаза стремились, по обычаю въ такихъ случаяхъ, подъ столъ.

— Что же, господа, будемъ вставать! сказалъ было Романъ Романычъ, пуская извѣстную уловку старины, любившей заминать всякія дѣла, не допуская ихъ до крутыхъ раздѣлокъ.

— Нѣтъ, господа, позвольте, подождите! перебилъ его Трубачеевъ: — здѣсь обижены мы всѣ и потому запросто, не вставая, кончимте дѣло. Противъ господина Пивантьева улика! Между нами теперь сидитъ одинъ изъ господъ депутатовъ комитета — г. Скваронскій!

Онъ обратился ко мнѣ, и взгляды всѣхъ остальныхъ послѣдовали за его движеніемъ. Даже неповинный ни въ чемъ Романъ Романычъ, и тотъ поспѣшилъ загладить свой промахъ и спросить меня: такъ вы тоже депутатъ? А я этого и не зналъ.

— Позвольте васъ спросить, Александръ Сергѣичъ, какъ посторонняго свидѣтеля этой выходки, сказалъ мнѣ Трубачеевъ: — было чтонибудь въ нашемъ комитетѣ подобное тому, что такъ громко и свободно постарался передать о немъ г. Пивантьевъ?

Мертвая тишина осѣнила все общество. Даже слуги остановились у дверей. Слышно было черезъ стулъ, какъ билось сердце у Говоркова и какъ тупоумно и обливаясь потомъ сопѣли отставной вице-губернаторъ и владѣлецъ слуги-художника.

— Я скажу одно, отвѣтилъ я: — подкупалъ ли нашъ губернскій предводитель когонибудь изъ моихъ сочленовъ, я не знаю; но по дѣлу объ усадьбахъ да и вообще во всѣхъ спорныхъ балотиров-

какъ онъ въ этомъ не нуждался. Вездѣ мнѣнія круга, къ которому я самъ принадлежу и гдѣ онъ имѣлъ честь руководить, выражались всегда огромнымъ большинствомъ тридцати голосовъ — противъ десятирѣхъ. Раздѣленія голосовъ поровну быть не могло; партія десятирѣхъ у насъ до конца не завоевала себѣ ни одного голоса.

За моимъ отвѣтомъ раздался такой шумъ за столомъ, что ничего нельзя было разобрать. Всѣ спорили и кричали. А у Романа Романыча мелькали одни усы да борода; словъ его не было слышно. Трубачеевъ сидѣлъ съ достоинствомъ и, блѣднѣе противъ прежняго, молча выжидалъ конца споровъ. Пивантьевъ кричалъ во все горло.

— Да, можетъ быть... но... все-таки, говорятъ, что было такъ! кричалъ, покрывая всѣ голоса, Пивантьевъ.

— Покоритесь, сосѣди! раздался голосъ съ другаго конца стола: — покоритесь, вы неправы, далеко хватили! И я въ этомъ случаѣ противъ васъ.

— Это говоритъ, преклонивши сѣдую голову, тотъ самый отставной профессоръ, бывшій депутатомъ комитета сосѣдней губерніи, о бѣдственномъ паденіи котораго намъ передалъ въ саду Трубачеевъ.

Пивантьевъ глянулъ на него и на всѣхъ, какъ волкъ на послѣдней угонкѣ, огрызающійся на близкія уже морды плотоядныхъ борзыхъ.

— Но какъ же, однако, это? Я не могу. Нѣтъ! нѣтъ, я не могу поддаться на это доказательство, сказалъ онъ, едва уже владея собою.

Но въ то же время овно сзади Пивантьева зазвенѣло и стекла разлетѣлись вдребезги. Мимо уха его, задѣвши за курчавый локонъ, просвистѣла фаянсовая тарелка, пущенная въ голову злополучнаго болтуна Трубачеевымъ. Общество вскопчло. Скандалъ вышелъ полный и небывалый.

— Что вы надѣлали? Боже, Боже! Осрамить мой домъ! вопилъ Дѣдатовскій, подбѣгая, когда всѣ встали и слуги стали поспѣшно уносить со стола посуду, то къ пылавшему мстью и злобой Трубачееву, то къ ахавшимъ и пищавшимъ дамамъ.

— Нѣтъ, пересолилъ и нашъ пенсильванецъ! сказалъ мнѣ Говорковъ, съ сожалѣніемъ глядя на общій шумъ.

— Оррѣръ, оррѣръ, вскричали нѣкоторые изъ дѣвицъ.

— Такъ подлецовъ и учатъ! говорилъ студентъ, ставши спиной къ кому-то изъ подошедшихъ къ нему съ увѣщаніями.

Мигомъ все общество стало разбѣжаться.

Но шумъ не прекращался въ кабинетѣ, куда друзья Пивантьева собрались толпой, съ угрозами отмстить Трубачеву. Трубачевъ неожиданно смѣло вошелъ туда, съ хлыстомъ и папирской, и объявилъ, что вызываетъ каждого, кто еще пикнетъ о комитетѣ. Пивантьевъ, ероша волосы, стоялъ у окна.

— А васъ, сказалъ Трубачевъ Пивантьеву: — я прошу ожидать отъ меня, гдѣ бы мы ни встрѣтились, всего, что только можно сдѣлать пятью пальцами! Теперь, не сходя съ мѣста, прошу васъ объявить сейчасъ же при всѣхъ, что вы за столомъ сказали ложь, и съ умысломъ....

Пивантьевъ оглянулся за спину, на окно, потомъ на общество и сказалъ, запинаясь:

— Да, извините, я за столомъ немного ошибся....

Студентъ, дама-аболиціонистка, еще два три гостя и сѣдловскій профессоръ-помѣщикъ, очевидно искавшій въ полномъ осужденіи своего сосѣда Пивантьева чистосердечнаго искупленія своей недавней депутатской карьеры, — стояли на крыльцѣ, вдали отъ озлобленныхъ, разбѣзжавшихся пріятелей Пивантьева.

— Ай да Трубачевъ! говорила громко и съ увлеченіемъ молодежь изъ гостей, впотемкахъ усаживаясь во дворѣ въ экипажи: — вотъ такъ проучилъ! Да еще назвалъ подлецомъ и чуть не выкинулъ въ окно! Заставилъ сознаться—и тотъ сознался! Дуэлистъ! Въ университетѣ онъ побилъ одного квартальнаго.

Къ стоявшимъ на крыльцѣ подошелъ, сверхъ всякаго чаянія, самъ Пивантьевъ, уже закутанный въ шинель. Онъ всхлипывалъ и билъ себя въ грудь. — Меня назвали подлецомъ! меня! пустили въ меня тарелкой! говорилъ онъ.—Богъ ему судья!... О, до чего я дожилъ, до чего.... Нельзя было уже и пошутить! Я желалъ сословію добра! Ахъ! грустно и горько у насъ служить обществу!

Онъ опять ударилъ себя въ грудь, съѣлъ въ какую-то брочонку и уѣхалъ. А вдали, уже за деревней, опять гремѣли бубны и колокольчикъ на дышлѣ бойкой четверки, уносившей въ бѣлыхъ фуражкахъ нашихъ дорожныхъ знакомцевъ, братьевъ Трубачевыхъ. Уѣхали и дама, и студентъ, и профессоръ, и отставной вице-губернаторъ въ парикѣ, присыпанномъ сахаромъ. Послѣдній, говорятъ, подъ шумокъ, за ужиномъ, рѣшительно напился пьянъ, и его запертво уложили въ чью-то чужую телегу. Сюда онъ пришелъ за семь верстъ пѣшкомъ. во фракѣ и въ шляпѣ, безъ шинели.

Уѣхали и пенсильванцы, и каролинцы.

Остались дома одни хозяева, да мы съ Говорковымъ, нуждавшіеся въ отдыхѣ и кормѣ лошадей. Ночь прѣкратила всѣ гражданскія смуты. Оба лагеря погрузились въ тишину, на всемъ протяженіи губерніи, до новой схватки поутру.

Романъ Романычъ, нашъ бывшій короткій пріятель, простился съ нами сухо. Хорошая жена его тоже глядѣла на насъ съ какимъ-то сожалѣніемъ, провожая насъ на покой.

Намъ отвели комнату во флигелѣ. Говорковъ, по обычаю, пріобрѣтенному еще въ какой-то ротѣ въ Сибири, прочитавши громко и съ поклонами при мнѣ всѣ молитвы, легъ и заснулъ, какъ убитый. Мнѣ не спалось. Промаявшись на постели, я всталъ и посмотрѣлъ на часы, наведя ихъ на мѣсяцъ: было два часа ночи. Я вышелъ на крыльцо, вырубилъ огня и закурилъ сигару.

Дворъ, домъ и садъ спали въ тишинѣ.

Посидѣвши нѣсколько времени, я уже хотѣлъ итти во флигель на кровать, какъ изъ-за угла кухни, отъ села, раздались мѣрные шаги и какое-то мурлыканье грубымъ голосомъ, точно кто едва двигался и бормоталъ или пѣлъ самъ съ собою. «Конкуррентусъ, винентусъ, бабентусъ....» отдавалось въ тишинѣ.

Я вышелъ за кухню. На полномъ сіяніи мѣсяца, двигался ко двору по полянѣ, съ палкой и въ какомъ-то бѣломъ балахонѣ, не то въ халатѣ, не то въ длинномъ сюртукѣ, видъ человѣка, старика и, очевидно, слѣпаго. Точно, это былъ слѣпой старикъ. Ощупывая палкой знакомую дорогу и напѣвая про себя непонятное: «конкуррентусъ, винентусъ, бабентусъ....» онъ поровнялся со мной, остановился и вдругъ скинулъ шапку.

— Здравія желаю! сказалъ онъ, шамкая губами и въ носъ.

Это меня сперва удивило. Но потомъ я понялъ, въ чемъ дѣло.

Запахъ сигары далъ ему средство угадать мое присутствіе.

— Кто ты такой? спросилъ я старика.

— Крѣпостной рабъ его благородія Романа Романыча!... Рабъ и усердный холопъ, Елизаръ Приходько, отставной музыкантъ, капельмейстеръ, сочинитель нотъ и пѣвчій—отъ малыхъ лѣтъ имѣлъ необычайный голосъ!... А вы кто?

Я назвалъ себя и объяснилъ свое депутатство. Онъ гордо выпрямился, отставилъ ногу и, помахивая шапкой, съ презрѣніемъ отвернулся.

— Это все пустяки, дрянъ, ваша милость!

— Какъ пустяки, отчего?

И я сталъ объяснять ему, что вотъ «пришла пора» и что теперь господа и правительство дають и вскорѣ объявятъ крестьянамъ свободу.

— Господа съ жирю бѣсятся! возразилъ слѣпой, презрительно коверкая лицо, шамкая губами и говоря въ ность: — сами не знаютъ, что дѣлаютъ! Я съ малыхъ лѣтъ пѣвчимъ былъ еще у отца моего настоящаго пана; даже окастрили меня тогда для голоса... Хоть послѣ бабы-то и проходу мнѣ не давали смѣхомъ своимъ, да за то дискантище у меня бѣдовый былъ! А теперь? Вотъ сегодня я пьянъ; ну, пьянъ и пьянъ, даже въ канавѣ проспалъ цѣлый день... Ну, панъ-то мой, панчишка, значить, Романъ Романычъ наидобрѣющій, только глянулъ на меня, да и полно; а прежде дали бы дѣрку, посватали бы съ березой липовой, на пять недѣль.... Дрянъ нынче господа стали! Все чепуха! не слѣдуетъ намъ вольностей давать! Вонъ, за рѣкою, въ вольной слободѣ, солдаты стоятъ! Они лучше знаютъ всякія дѣла....

Я не оспаривалъ отставнаго музыканта, сказавши только, что пожалуй ему-то вольность уже и не нужна, да молодые-то за нее благодарятъ. Онъ усмѣхнулся и помолчалъ. Выраженіе безбородаго, блѣднаго и морщиноватаго лица его изъ насмѣшливаго перешло въ грустно-задумчивое, ноющее.

— Эхъ, панычъ вы мой, паныченько! сказалъ онъ, качая сѣдой, плотно-остриженной головой: — гдѣ она, вольность-то у насъ на свѣтѣ? Птицы ее, что ли, имѣютъ? или мухи крылатыя? или звѣрь полевой? Не ма ея, не ма, и бѣсъ ее знаетъ, гдѣ она! Не ма! И пусть на нее молодые не таращатся. Не-ма ея, не-ма, паныченько! И не ищите!

Надѣлъ картузь, какъ-то всхлипывая вздохнулъ, хлопнулъ по картузу ладонью и пошелъ далѣе, черезъ дворъ, къ какой-то канурѣ, коверкая опять на латинскій ладъ бессмысленныя слова: «конкурентусъ, винентусъ, бабентусъ....» Я ему крикнулъ вслѣдъ: «Елизаръ, погоди, я объясню тебѣ кое-что... ты не понимаешь!» Но старикъ не воротился.

На дворѣ свѣжѣло. «Стожаръ», или «волосожаръ», по мѣстному названію—голубоватая кучка звѣздъ на сѣверной сторонѣ неба, отливалась розово-золотистымъ огонькомъ и спускалась къ землѣ. Это опущеніе здѣсь считается за близость утра. Большая медвѣдица, по здѣшнему—возъ, также склоняла уже къ землѣ и свое дышло, и свои оси, и бока своей воздушной колесницы....

Со стороны вольной слободы, гдѣ стояли, по словамъ стараго музыканта, солдаты, послышался въ тишинѣ медленный крикъ. Замол-

чалъ онъ и отдался опять. Я сталъ вслушиваться. Кто-то изъ гущи-ны вербъ, ограждавшихъ огороды—должно быть, солдатъ—кричалъ навеселѣ, и должно быть товарищу, на всѣ лады: «Ивановъ, Ивановъ! А чи не хочешь ты Гапки (Гапка — Агафья)?» И этотъ окликъ повторялся нѣсколько разъ, разносясь по тихимъ полянамъ и по рѣкѣ, уже подернутой туманомъ близкаго разсвѣта.

А. СКАВРОНСКІЙ.

Августъ.
1889 г.

СУЕВѢРІЕ И ПРАВИЛА ЛОГИКИ.

ПОВОЛИТЕЛЬНА ЛИ ПО ПРАВИЛАМЪ ЛОГИКИ ГИПОТЕЗА О ВРЕДНОМЪ ВЛІЯНІИ ОБЩИННАГО ВЛАДѢНІЯ НА ЗЕМЛЕДѢЛІЕ. — ЧТО ТАКОЕ НАЗЫВАЕТСЯ АЗИАТСТВОМЪ И ВЪ ЧЕМЪ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЯ ПРЕПЯТСТВІЯ УСПѢХАМЪ НАШЕГО ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

Намъ, людямъ просвѣщеннымъ, чрезвычайно смѣшны кажутся деревенскіе простяки, вѣрящіе въ знахарство и заговоры. Пропадеть у бабы холстъ, который разостлала она бѣлить за огородомъ, — баба отправляется къ знахарю, главѣ всѣхъ окрестныхъ мошенниковъ, и знахаръ объявляетъ ей, что холстъ найдется въ такомъ-то овиновѣ или хлѣвѣ. Долго бьетъ мужика неотвязная лихорадка: призываютъ знахарку, — она поитъ его виномъ, къ которому примѣшанъ мышьякъ, сопровождая леченіе причитываніемъ разныхъ заговоровъ, и лихорадка проходитъ, если больной не умретъ отъ мышьяка. И баба, нашедшая свой холстъ, и мужикъ, выздоровѣвшій отъ лихорадки, остаются въ твердомъ убѣжденіи, что дѣйствіе произведено причитываніями и таинственными жестами, съ которыми знахаръ гадалъ о потерянной вещи и знахарка давала лекарство. Какое нелѣпное, тупоумное суевѣріе! Но если, вмѣсто того, чтобы смѣяться надъ нимъ, мы захотимъ разобрать, отчего произошло дикое заблужденіе, мы найдемъ, что сущность его состоитъ въ предположеніи, будто бы результатъ произведенъ фактомъ, только случайно совпадающимъ съ другими фактами, обратить вниманіе на которые не хотятъ суевѣрные простяки, и которые сами по себѣ уже очень достаточны для объясненія дѣла. Знахаръ имѣетъ сношенія съ вора-

ми — это извѣстно всѣмъ въ селѣ; не было ли бы довольно этого, чтобы понять, какъ можетъ онъ указать мѣсто украденной вещи, подѣлываясь оброкомъ отъ простодушной крестьянки съ своими агентами — ворами? Мышьякъ лекарство слишкомъ вредное, но радикальное лекарство отъ лихорадки: не было ли бы довольно этого, чтобы объяснить излеченіе мужика? Но деревенскіе невѣжды, пренебрегая причинами положительными, непремѣнно хотятъ строить гипотезы о мнимомъ вліяніи такихъ фактовъ, которые равно ничѣмъ не участвовали въ совершеніи дѣла.

Если мы не захотимъ забывать найденной нами существенной черты суевѣрія, то безъ всякаго затрудненія мы найдемъ слово, которымъ надобно характеризовать мнѣніе отсталыхъ экономистовъ о томъ, будто бы плохое состояніе нашего земледѣія имѣетъ какую нибудь связь съ общиннымъ владѣніемъ. Это мнѣніе, точно такъ же, какъ вѣра въ силу таинственныхъ жестовъ знахарства, основывается исключительно на томъ, что отсталые экономисты непремѣнно хотятъ придумать гипотезу для объясненія факта, слишкомъ достаточно объясняемаго дѣйствіемъ причинъ очевидныхъ и несомнѣнныхъ. Въ одной статьѣ мы говорили о возраженіяхъ противъ общиннаго владѣнія, проистекающихъ отъ незнакомства съ философіею, въ другой — о возраженіяхъ, проистекающихъ изъ незнакомства съ характеромъ дѣльнаго законодательства, изъ неумѣнья отличить его отъ безтолковой регламентаціи; теперь мы будемъ говорить о предрасудкѣ, возникающемъ изъ незнакомства съ основными правилами логики.

Когда мы хотимъ изслѣдовать, можетъ ли какое нибудь обстоятельство считаться причиною извѣстнаго факта, логика предписываетъ намъ, во первыхъ, разсмотрѣть, нужна ли гипотеза о какой бы то ни было лишней причинѣ, или тотъ фактъ, происхожденіе котораго мы хотимъ узнать, совершенно достаточно объясняется дѣйствіемъ причинъ уже извѣстныхъ. Если окажется, что этихъ несомнѣнныхъ причинъ уже совершенно достаточно и что нѣтъ надобности придумывать новую причину, логика велитъ намъ испытать, нѣтъ ли положительныхъ указаній, что фактъ, происхожденіе котораго мы объясняемъ, возникаетъ исключительно отъ этихъ причинъ, совершенно независимо отъ обстоятельства, которому наше суевѣріе приписывало вліяніе на него. Для этого логика велитъ внимательно обозрѣть природу и исторію, чтобы видѣть, не повторяется ли этотъ фактъ въ полной своей силѣ и тамъ, гдѣ не существуетъ обстоятельства, которое суевѣрнымъ образомъ ставится въ связь съ нимъ. Для человѣка разсудительнаго бываетъ обыкновенно довольно первой половины изслѣдованія; но тотъ, кто ослѣпленъ суевѣрі-

емъ, принужденъ бываетъ сознаться въ своемъ заблужденіи только по приложеніи къ спорному вопросу и втораго способа, — способа отрицательной повѣрки. Положимъ, напримѣръ, что я вздумалъ бы утверждать, будто поднятіе ртути въ барометрической трубкѣ зависитъ отъ свойствъ стеклянной массы, составляющей стѣнки этой трубки. Какъ узнать, основательно ли мое мнѣніе? Каждому извѣстно, что ртуть поднимается въ трубкѣ давленіемъ атмосферы, и логика велитъ прежде всего изслѣдовать, достаточно ли вліянія одной этой причины для поднятія ртути на ту высоту, какой она достигаетъ въ барометрѣ. Если окажется, что достаточно одного давленія атмосферы для произведенія этого факта, разсудительные люди уже увидятъ неосновательность моего мнѣнія о связи этого явленія съ качествами стекла; но я въ упорствѣ своего ослѣпленія все еще могу твердить: «такъ, ртуть поднимается давленіемъ атмосферы; но почему знать, не поднимается ли она отчасти также и какимъ нибудь свойствомъ стекла?» Чтобы огнать у меня возможность такого пустословія, надобно сдѣлать барометръ изъ желѣза, кости или какого нибудь другаго матеріала: когда въ роговой или глиняной трубкѣ ртуть будетъ подниматься точно такъ же, какъ въ стеклянной, нелѣпость моей гипотезы обнаружится такимъ осязательнымъ способомъ, что, не отказавшись отъ нея, я представлюсь уже просто или человѣкомъ недобросовѣстнымъ, или тупоумнымъ суевѣромъ. Упрямство отсталыхъ экономистовъ таково, что необходимо довести изслѣдованіе о предполагаемой связи между низкимъ состояніемъ земледѣлія и общиннымъ владѣніемъ до этого послѣдняго результата. Для нихъ мало будетъ простаго указанія на то, что предположеніе объ этой связи гипотеза совершенно лишняя, потому что и безъ нея фактъ слишкомъ достаточно объясняется такими причинами, вліяніе которыхъ на состояніе земледѣлія несомнѣнно.

Развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи слабо. Но могло ли оно достигъ высокой степени, какова бы ни была у насъ система владѣнія землею? Существовало ли у насъ до сихъ поръ хотя одно изъ тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ усиленное развитіе земледѣлія? Не очевидно ли, напротивъ, что все данныя, которыми обуславливается положеніе сельскаго хозяйства, находились у насъ до сихъ поръ на ступени, чрезвычайно неблагоприятной его успѣхамъ? Пересмотримъ поочередно, главнѣйшія изъ этихъ данныхъ, чтобы видѣть, какого развитія могло достигать у насъ сельское хозяйство при какомъ бы то ни было способѣ владѣнія землею.

Статистика говоритъ, что степень успѣховъ сельскаго хозяйства вездѣ соотвѣтствуетъ густотѣ населенія. Лучше всего въ Европѣ земля обрабатывается въ Англіи, въ Рейнской Германіи и въ Лом-

бардін: эти страны имѣтъ отъ 5 до 6,000 населенія на квадратную милю. Во Франціи, гдѣ населеніе простирается до 4,000 человекъ на квадратную милю, земля обрабатывается далеко не съ такой заботливостью. Въ восточныхъ частяхъ Австрійской имперіи, гдѣ населеніе еще рѣже, обработка земли еще хуже. Въ собственной Венгріи, гдѣ на квадратную милю считается 2,500 населенія, сельское хозяйство до сихъ поръ остается подъ господствомъ методовъ обработки совершенно первобытныхъ. Еще менше усовершенствованій имѣетъ сельское хозяйство въ Трансильваніи, гдѣ приходится на квадратную милю по 2,000 человекъ. Венгрія и Трансильванія до такой степени отстали въ методахъ сельскаго хозяйства отъ прочихъ земель Западной Европы, что статистика, говоря о земледѣліи въ Западной Европѣ, никакъ не думаетъ и вспоминать о восточныхъ областяхъ Австріи, какъ о странахъ сколько нибудь похожихъ въ этомъ отношеніи на земли болѣе населенныя, которыя служатъ исключительнымъ мѣстомъ усовершенствованій въ земледѣліи. У насъ нѣтъ ни одной губерніи, которая густотою своего населенія равнялась бы хотя Венгріи, и, за исключеніемъ одной Московской, нѣтъ ни одной губерніи, которая превосходила бы въ этомъ отношеніи Трансильванію. Если мы возьмемъ даже только однѣ такъ называемыя земледѣльческія наши губерніи, то есть западную часть центральной Россіи, Малороссію и землю червоземной полосы, все-таки, въ общей сложности, мы не получимъ болѣе 1,200 человекъ на квадратную милю въ этомъ пространствѣ, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточено наше земледѣліе (*). Скажите же, какихъ усовершенствованныхъ методовъ, при какомъ бы то ни было способѣ населенія, можно ожидать въ сельскомъ хозяйствѣ такой страны, которая имѣетъ населенія въ два раза меньше, чѣмъ Венгрія и Трансильванія, гдѣ, по многоземелью, нѣтъ надобности въ усовершенствованныхъ методахъ? Если Франція, имѣющая около 4,000 жителей на квадратную милю, до сихъ поръ держится трехпольнаго хозяйства, если она до сихъ поръ остается почти совершенно чужда усовершенствованнымъ способамъ производства, то не безумно ли приписывать мистическому вліянію общиннаго владѣнія то обстоятельство, что мы, подобно французамъ, держимся трехпольной системы и по-

(*) Мы отбрасываемъ губерніи Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Астраханскую и другія, въ которыхъ населеніе несравненно меньше. Читатель знаетъ, что если считать эти громады пустыни, то средняя густота населенія въ Европейской Россіи едва достигаетъ 650 человекъ на квадратную милю. Но мы беремъ только ту половину Европейской Россіи, въ которой населеніе по нашей русской нормѣ считается уже довольно густымъ и которая преимущественно имѣется въ виду, когда рѣчь идетъ о земледѣліи.

добно французамъ плохо удобряемъ свою землю? Кто, сравнивши густоту населенности въ Европейской Россіи и въ Западной Европѣ, будетъ нуждаться еще въ гипотезѣ о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія, тотъ, по нашему мнѣнію, долженъ, въ случаѣ болѣзни, лечиться не у докторовъ, а у знахарей: дѣйствіе медицинскихъ средствъ ему должно казаться тоже недостаточнымъ, и онъ долженъ искать помощи себѣ въ какомъ нибудь заговорѣ колдуна.

Зависимость усовершенствованныхъ способовъ обработки земли отъ густоты населенія явѣе всего выказываютъ Соединенные Штаты. Они въ высокой степени обладаютъ всѣми другими условіями, вызывающими усовершенствованное сельское хозяйство: и громаднѣмъ развитіемъ городовъ, и превосходными путями сообщенія, и страшнѣмъ богатствомъ капиталовъ, — всѣми этими условіями, которыхъ лишена Россія; они отличаются отъ Англіи только тѣмъ, что густота населенія въ нихъ невелика, и отъ разницы въ этомъ одномъ обстоятельствѣ происходитъ то, что сѣвероамериканецъ пренебрегаетъ усовершенствованными методами сельскаго хозяйства. Спросите его, почему онъ не употребляетъ на улучшеніе акра земли въ какомъ нибудь Огайо по 100 долларовъ, между тѣмъ, какъ англичанинъ тратитъ на улучшеніе своей земли гораздо больше, — онъ или захохочетъ, считая васъ помѣшаннымъ, или разсердится, думая, что вы принимаете его за дурачка, надъ которымъ можно потѣшаться. Но если вы объясните ему, что вы спрашиваете серьезно и докажете, что вы человѣкъ не глупый, а только черезчуръ начитавшійся отсталыхъ экономистовъ, то онъ растолкуетъ вамъ, въ чемъ дѣло. Онъ скажетъ: если я буду обрабатывать свою землю по англійской усовершенствованной методѣ, я не обработаю и третьей части того количества, какое находится у меня теперь подъ посѣвомъ. Земля у насъ такъ дешева, что тратить много денегъ на ея улучшеніе еще невыгодно.

Отстальные экономисты вообще такъ сообразительны, что, пожалуй, тотчасъ же придумаютъ новую гипотезу, все во вредъ тому же непостижимому для нихъ общинному владѣнію. Надобно поскорѣе сдѣлать оговорку, чтобы предупредить ихъ остроумную догадку. Хорошо, скажутъ они, затрачивать много денегъ на улучшеніе земли у насъ нельзя потому, что земля слишкомъ дешева и населеніе не имѣетъ такой густоты, какъ въ Англіи. Но причиною малой населенности и дешевизны нашихъ земель не должно ли считаться общинное владѣніе? Мы не сами выдумали это остроумное соображеніе, послѣ котораго остается только предположить, что нерасчищенность фарватера нашихъ рѣкъ происходитъ также

отъ общиннаго владѣнія. Отсталые, экономисты дѣйствительно говорили, что развитіе населенія у насъ задерживается общиннымъ владѣніемъ; но это показываетъ только, что они не читали даже извлеченія изъ русской исторіи Карамзина, которое приложено къ нѣмецкой грамматикѣ г. Таппе, для упражненія въ переводахъ. Иначе они знали бы, что до половины XVII вѣка вся Европейская Россія была театромъ такихъ событій, при которыхъ можно дивиться развѣ тому, что уцѣлѣли въ ней хотя тѣ малочисленные жители, которыхъ имѣла она при Петрѣ. Татарскіе набѣги, нашествія поляковъ, многочисленныя шайки разбойниковъ, походившія своею громадностью на цѣлыя арміи, — все это постоянно дотла раззоряло русскія области. Онѣ опустошались также страшною неурядицею управленія. Мы знаемъ, что вольные люди записывались за помѣщиковъ, лишь бы найти себѣ какую нибудь защиту, потому что законъ былъ совершенно безсиленъ оградить ихъ, — это фактъ, говорящій о такомъ положеніи вещей, соотвѣтствіе которому въ исторіи Западной Европы представляютъ лишь тѣ мрачныя времена среднихъ вѣковъ, когда аллодіальные владѣльцы принимали на себя феодалную зависимость. Удивительно ли, что, при такомъ положеніи дѣлъ, народонаселеніе оставалось чрезвычайно малочисленнымъ? Только съ XVIII вѣка виѣшніе раззорители были обузданы и внутренняя администрація стала нѣсколько улучшаться; съ тѣхъ поръ, втеченіе 160 лѣтъ, она постоянно улучшалась, но, по нынѣшнему ея состоянію, можно судить о томъ, какова была она лѣтъ 70 тому назадъ. Если теперь производятся вещи, тысячной доли которыхъ не могъ описать Шедрицъ, то рассказы нашихъ отцовъ и дѣдовъ свидѣтельствуютъ, что въ ихъ времена господствовалъ произволъ невѣроятный даже для насъ. Не будетъ ли лѣвымъ безразсудствомъ отыскивать какихъ нибудь другихъ причинъ къ объясненію того факта, что Россія заселена еще очень слабо? Мы удивляемся не тому, что теперь наше населеніе еще слишкомъ мало; напротивъ, скорѣе требовало бы объясненія то обстоятельство, какимъ образомъ могло оно увеличиться хотя до настоящей цифры при извѣстной намъ судьбѣ русскаго народа въ этотъ періодъ. Сравнивая цифру населенія собственно русскихъ областей въ наше время съ населеніемъ ихъ за полтораста лѣтъ, мы должны приписать натурѣ русскаго человѣка чрезвычайную переносливость — черта, которая обнаруживается также всею нашею исторіею и всѣми особенностями нашего быта.

Мы сказали только объ одной причинѣ неразвитости нашего сельскаго хозяйства, и эта одна причина — малая населенность даже самыхъ населенныхъ нашихъ земель — уже могла бы служить

очень удовлетворительнымъ объясненіемъ тому, что наше земледѣліе еще не вышло изъ-подъ господства первобытныхъ методовъ обработки; но сколько есть еще другихъ несомнѣнныхъ причинъ, дѣйствующихъ въ томъ же направленіи. Замѣчено, напримѣръ, что развитіе сельскаго хозяйства идетъ въ уровень съ развитіемъ городовъ. Дѣлю очень понятное: методы производства улучшаются тогда, когда нужно усиленное производство; усиленіе производства возможно только тогда, когда есть сбытъ для продуктовъ. Въ большой странѣ города собственнаго государства должны служить важнѣйшимъ мѣстомъ сбыта сельскихъ продуктовъ. Потому, чѣмъ значительнѣе пропорція городского населенія въ общемъ числѣ жителей страны, тѣмъ высшаго развитія достигаетъ въ ней и земледѣліе. Противники общиннаго владѣнія восхищаются англійскимъ сельскимъ хозяйствомъ; но вѣдь въ Англій болѣе двухъ третей населенія живетъ въ городахъ. Одинъ Лондонъ, съ принадлежащими къ нему мѣстечками, представляетъ массу покупателей хлѣба едва ли не большую, чѣмъ всѣ города Русской имперіи отъ Петербурга до Якутска (*).

Въ Англій болѣе двухъ третей населенія сосредоточено въ городахъ. Въ Пруссіи городскіе жители все еще составляютъ около третьей части всего населенія; даже въ Австріи въ городахъ живетъ восьмая часть населенія. У насъ оно составляетъ едва двѣнадцатую часть. Итакъ, не сравнивая Россіи съ Англійей, ни даже съ Франціей и Пруссіей, довольно будетъ замѣтить, что по пропорціи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ русское земледѣліе находится въ положеніи, въ полтора раза неблагопріятнѣйшемъ, чѣмъ земледѣліе Австріи, самой отсталой западной державы по методамъ сельскаго хозяйства.

Отсталые экономисты могутъ въ чемъ угодно обвинять общинное владѣніе. Можетъ быть, оно причиною того, что климатъ нашъ суровъ, что часты у насъ засухи; но едва ли даже они дойдутъ до мысли приписывать ему неразвитость нашихъ городовъ. А, между тѣмъ, странно сказать, какъ ни малы наши города, они почти не

(*) Въ Лондонѣ съ окрестными мѣстечками считается до 3 милліоновъ жителей, а во всѣхъ городахъ Русской имперіи до 5 съ половиною милліоновъ. Но почти во всѣхъ нашихъ уѣздныхъ и даже во многихъ губерскихъ городахъ большинство населенія занимается хлѣбопашествомъ. Эти люди горожане только по имени, а въ самомъ дѣлѣ они такіе же поселане, какъ и деревенскіе мужики, несмотря на свой титулъ мѣщанъ. Нѣтъ надобности говорить, что въ Лондонѣ, напротивъ того, каждый житель не производитъ, а только потребляетъ хлѣбъ.

увеличиваются, какъ будто бы нѣтъ у насъ и потребности въ нихъ. Одесса, Харьковъ, еще два, три города — и конченъ списокъ всѣхъ центровъ, развивающихся замѣтнымъ образомъ. Даже столицы наши увеличиваются далеко не такъ быстро, какъ большіе города Западной Европы. Въ Москвѣ, напримѣръ, съ незапамятныхъ временъ, чуть ли еще не при Иванѣ III Васильевичѣ, а навѣрно при Елисаветѣ Петровнѣ, считали болѣе 300,000 жителей. По прошлогоднему календарю считалось въ ней 354,927 жителей. Надобно будетъ справиться въ календарь за нынѣшній годъ, не вознаградила ли въ послѣдніе десять мѣсяцевъ застой цѣлаго столѣтія. Шутки въ сторону. Какихъ успѣховъ можно ожидать при какомъ бы то ни было способѣ землевладѣнія отъ сельскаго хозяйства такой страны, гдѣ посаѣ двухъ столичныхъ губерній и Херсонской губерніи съ ея полуиностранною Одессою первое мѣсто, по пропорціи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, занимаютъ провинціи, недавно завоеванныя отъ Турціи, какъ будто бы самыя передовыя въ экономическомъ развитіи (*).

Наши города оставались до сихъ поръ какими-то пародіями на города. Но если они представляли для сбыта сельскихъ произведеній рынокъ столь ничтожный, что не могли поднять земледѣлія, за то, есть у насъ другой источникъ сбыта — заграничная торговля. Мы кричимъ очень много объ отправляемомъ нами за границу хлѣбѣ. Но въ цѣлыя десять лѣтъ, съ 1844 до 1853 включительно, мы вывезли изъ всѣхъ нашихъ гаваней, всѣхъ сортовъ хлѣба вмѣстѣ, всего 57 миллионѣвъ четвертей, по 5,700,000 четвертей въ годъ, то есть, считая по полторы четверти на продовольствіе одного потребителя, весь нашъ заграничный отпускъ равнялся присутствію четырехъ миллионѣвъ потребителей. Изъ этого слѣдуетъ, что если мы соединимъ размѣръ внутренняго рынка (городскіе потребители) съ продажою на заграничные рынки, мы получимъ, что все поощ-

(*) Для курьеза — именно для курьеза, потому что цифры эти восхитительны — выпишемъ верхнюю часть таблицы городского населенія изъ Тенгоборскаго.

На 1,000 человекъ населенія считается городскихъ жителей:

Губерніи:

1. С.-Петербургская	517
2. Московская	238
3. Херсонская (Одесса)	237
4. Таврическая (турецкая цивилизація)	172
5. Бессарабія (турецкая цивилизація).	163
6. Астраханская (калмыцкая цивилизація)	140
7. Курляндія (нѣмцы)	121
8. Харьковская (слава Богу, вотъ и мы наконецъ)	114

реніе нашего земледѣлія къ усиленному производству равнялось потребности 8 милліоновъ потребителей (*). Итакъ, оба рынка, внѣшній и внутренній, едва могутъ производить у насъ на земледѣліе столько возбуждающаго вліянія, сколько производится въ Австріи однимъ внутреннимъ рынкомъ.

Отстальные экономисты могутъ приписать все это общинному владѣнію; но дѣло извѣстное, что слабое развитіе нашихъ городовъ имѣетъ свою причину неразвитость нашей промышленности и торговли, а отпускъ хлѣба за границу стѣсняется отсутствіемъ сносныхъ путей сообщенія. Надобно ли говорить, что обѣ причины, кромѣ косвеннаго вреда, приносимаго ими земледѣлію черезъ ограниченіе заграничнаго сбыта и городского потребленія, страшно вредятъ сельскому хозяйству и примымъ образомъ? Надобно ли говорить, что, каково бы ни было число жителей въ городахъ, земледѣліе не можетъ дѣлать успѣховъ въ странѣ, гдѣ слаба промышленность и торговля? Надобно ли говорить, что всякое производство, а въ особенности земледѣльческое производство, нуждается для своего развитія въ удобныхъ путяхъ сообщенія? Кому не извѣстно, что Псковская губернія можетъ умереть съ голоду прежде, чѣмъ получить хотя четверть хлѣба изъ Малороссіи, которая въ то же время будетъ страдать отъ невозможности сбыть куда бы то ни было свой хлѣбъ? Или надобно говорить о томъ, что наша торговля находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи, а пути сообщенія до послѣдняго времени находились еще въ худшемъ?

Есть еще одно важное коммерческое обстоятельство, специальнымъ образомъ тяготящее надъ нашимъ земледѣліемъ. Изъ всѣхъ отраслей производства, въ сельскомъ хозяйствѣ всего ощутительнѣе важность оборотнаго капитала. Фабрика или заводъ обыкновенно или создается или покупается тѣмъ самымъ человѣкомъ, который бываетъ хозяиномъ производства. При покупкѣ или устройствѣ своего заведенія, онъ обыкновенно разсчитываетъ, чтобы нужное количество капитала оставалось у него для оборота. Не то въ сельскомъ хозяйствѣ. Земля чаще всего достается по наслѣдству, и владѣлецъ, не получивъ вмѣстѣ съ нею оборотнаго капитала, обыкновенно и не понимаетъ нужды въ немъ. Земля у него есть, работа даромъ и справляется крѣпостными людьми: о чемъ же еще думать владѣльцу? Если у него есть деньги, онъ пускаетъ ихъ въ другія

(* Мы полагаемъ, изъ 5 съ половиною милліоновъ городского населенія, до 40,000,000 человѣкъ покупающихъ хлѣбъ,—цифра слишкомъ высокая,—и къ нимъ прибавляемъ 4,000,000 потребителей, которыхъ мы продовольствуемъ за границей.

предпріятія, или, чаще всего, проживаетъ, а земледѣльческое производство совершается у него рѣшительно безъ всякихъ затратъ оборотнаго капитала. Между тѣмъ, извѣстно, что успѣхи земледѣлія находятся въ прямой зависимости отъ величины затратъ на оборотный капиталъ. Какихъ успѣховъ можно ожидать тамъ, гдѣ нѣтъ понятія о надобности въ оборотномъ капиталѣ?

Это положеніе приводитъ насъ къ одному изъ основныхъ источниковъ нашей отсталости во всѣхъ отношеніяхъ — къ крѣпостному праву. Кореннымъ образомъ крѣпостное право принадлежитъ сферѣ сельскаго хозяйства, и само собою разумѣется, что если оно обезсиливало всю нашу жизнь, то съ особенною силою должны были отражаться его результаты на земледѣліи, которое поляе всего подчинялось его силѣ. Неумѣстно было бы здѣсь распространяться объ этомъ предметѣ, — о немъ довольно наговорено въ послѣднее время безчисленными писателями, которые вдругъ обнаружили благороднѣйшее негодованіе противъ бѣдствія, имѣвшаго привилегію столь долго не вызывать никакихъ порицаній. Мы сами грѣшили этими внезапными вспышками благородства

Въ тѣ дни, когда намъ было ново
Значенье правды и добра,

и теперь не можемъ не краснѣя вспоминать о тогдашнихъ нашихъ подвигахъ. Итакъ, довольно будетъ сказать, что цѣна хлѣба зависѣла отъ той части его, которая производилась крѣпостнымъ трудомъ, то есть не имѣла равно никакой цѣны въ глазахъ владѣльца, и что крѣпостное право, передѣлавши въ своемъ духѣ всѣ наши обычаи, конечно, не могло содѣйствовать ни развитію духа предпріимчивости, ни поддержанію трудолюбія въ нашемъ племени. Если бы не было никакихъ другихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, одного крѣпостнаго права было бы достаточно, чтобы объяснить жалкое положеніе нашего земледѣлія.

Крѣпостное право было однимъ изъ учреждений, ослаблявшихъ народную энергію. Но не одному ему надобно приписывать страшный упадокъ ея. Крѣпостное право было только однимъ изъ множества элементовъ, имѣющихъ такое же вліяніе на силу націи. Мы не хотимъ теперь перечислять всѣхъ этихъ вредныхъ учреждений: для нашей цѣли довольно будетъ обратить вниманіе только на результатъ ихъ. Русскій народъ жилъ, или, лучше сказать, прозябалъ или дремалъ въ тяжелой летаргіи, немногимъ отличающейся отъ расположенія духа, владычествующаго надъ азіатца-

ми. Энергія труда подавлена въ насъ вмѣстѣ со всякою другою энергіею. Историческія обстоятельства развили въ насъ добродѣтели чисто пассивныя, какъ, на примѣръ, долготерпѣніе, переносливость къ лишеніямъ и всякимъ невзгодамъ. Въ сантиментальномъ отношеніи эти качества могутъ быть очень хороши, и нѣтъ сомнѣнія, что они очень удобны для людей, пользующихся ими къ своей выгодѣ; но для развитія экономической дѣятельности пассивныя добродѣтели никуда не годятся.

Мы сказали, что не хотимъ перечислять причинъ, подавляющихъ энергію труда въ русскомъ народѣ. Это перечисленіе было бы слишкомъ огорчительно для нашего съ вами патріотизма, читатель (мы надѣмся, что вы такой же яростный патріотъ, какъ и мы; что вы, подобно намъ, восхищаетесь нашимъ общественнымъ устройствомъ во всѣхъ его потребностяхъ, начиная съ петербургскихъ и кончая сельскою администраціею). Но мы должны обратить вниманіе на одну сторону народной жизни, которая, сама обусловливаясь благосостояніемъ и свободою народа, служитъ кореннымъ источникомъ всѣхъ успѣховъ его экономической дѣятельности. Каждое человеческое дѣло успѣшно идетъ только тогда, когда руководится умомъ и знаніемъ; а умъ развивается образованіемъ, и знанія даются тоже образованіемъ; потому только просвѣщенный народъ можетъ работать успѣшно. Въ какомъ же положеніи наше образованіе? Въ цѣлой Западной Европѣ, имѣющей около 200 милліоновъ жителей, не найдется столько безграмотныхъ людей, какъ въ одной нашей родинѣ; въ какой нибудь Бельгіи, или хотя бы даже Баваріи, при всей отсталости Баваріи отъ другихъ земель Западной Европы, на 5 милліоновъ населенія считается столько же учащихся въ школахъ, сколько въ цѣлой Россіи, и число всѣхъ грамотныхъ людей въ Россіи таково, что едва ли бы достало его на одну провинцію въ Прусскомъ королевствѣ (*). О томъ, на сколько распространено у насъ высшее образованіе, нечего и говорить: объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ цифры изданій Гоголя, Пушкина,

(*) По самымъ щедрымъ расчетамъ предполагается, что, изъ 65 или 70 милліоновъ жителей Русской имперіи, людей, умѣющихъ читать, набирается до 5 милліоновъ. Но эта цифра, по всей вѣроятности, слишкомъ высока. Большинство грамотныхъ людей сосредоточено въ городахъ; въ селахъ едва ли наберется половина того, сколько находится въ городахъ. Но и въ городахъ гораздо больше половины жителей еще не знаютъ грамоты. Судя по этому, едва ли мы ошибемся, положивъ число грамотныхъ людей въ Россіи не превышающимъ 4 милліоновъ.

Тургенева и число экземпляровъ, въ какомъ издаются наши газеты и журналы (*).

Какъ изъ неусибишности русскаго человѣка въ матеріальной работѣ проникательные люди вывели, что онъ отъ природы расположенъ къ лѣности, такъ изъ слабого развитія нашей образованности они заключаютъ, что русское племя мало имѣетъ охоты къ просвѣщенію. Обѣ эти клеветы одинаково тупоумны и нелѣпы. Стремленіе въ народѣ чрезвычайно сильно; но обстоятельства слишкомъ не благоприятствуютъ его осуществленію.

Мы перечислили много причинъ, имѣющихъ гибельное вліяніе на наше земледѣліе: отсутствіе умственнаго развитія въ народѣ, упадокъ его энергіи, крѣпостное состояніе, недостатокъ оборотнаго капитала, неразвитость торговли и промышленности, плохое состояніе путей сообщенія, слабое развитіе городовъ, незначительная степень населенности, — все это такія причины, изъ которыхъ каждая сама по себѣ и безъ содѣйствія другихъ бываетъ въ состояніи задерживать сельское хозяйство на низкой степени развитія. Изъ европейскихъ народовъ нѣтъ ни одного, у котораго хотя одинъ изъ этихъ фактовъ, враждебныхъ успѣхамъ земледѣлія, имѣлъ бы такой обширный размѣръ, какъ у насъ, и нѣтъ въ Европѣ ни одного народа, у котораго бы соединялись всѣ эти факты, соединенные у насъ. Чтò жь удивительнаго, если земледѣліе у насъ находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ у западныхъ народовъ? Когда есть такъ много и столь сильныхъ несомнѣнныхъ причинъ, производящихъ данное положеніе, позволяютъ ли правила логики придумывать еще гипотетическія и мистическія причины? При видѣ фактовъ, нами перечисленныхъ, говорить, что наше земледѣліе задерживается общиннымъ владѣніемъ, значитъ подражать той дамѣ, которая зимою поѣхала на балъ, накинувъ на голыя плечи только легкую мантилью, а

(*) Всѣ наши ежедневныя газеты, вслѣдствіе взятыя, расходятся въ числѣ 30 или много 35 тысячъ экземпляровъ; всѣ большіе журналы, вслѣдствіе взятыя, далеко не достигаютъ этой цифры. Предположимъ для каждаго экземпляра даже по 10 человѣкъ читателей, мы увидимъ, что все наше образованное общество едва ли простирается до полумилліона человѣкъ. Во Франціи, гдѣ чтеніе распространено меньше, нежели въ Германіи и Англій, одинъ только парижскія ежедневныя газеты печатаются въ числѣ болѣе 200,000 экземпляровъ (провинціальныя газеты мы не считаемъ) Итакъ, во Франціи приходится одинъ экземпляръ газеты на 180 человѣкъ, а въ Россіи одинъ экземпляръ на 2,200 человѣкъ. Но всего прелестнѣе цифры изданій нашихъ классическихкихъ писателей. Кто изъ людей сколько вѣбудь образованныхъ не читалъ Гоголя? Число всѣхъ экземпляровъ всѣхъ изданій Гоголя не простирается и до 10 тысячъ.

потомъ, выдержавъ горячку, приписывала свою болѣзнь тому обстоятельству, что забыла взять съ собою вѣйеръ. Мы не знаемъ, имѣетъ ли вѣйеръ свойство предохранять отъ простуды; но можно думать, что еслибъ онъ и былъ у ней въ рукахъ, онъ не замѣнилъ бы для нея шубы и теплыхъ ботинокъ. Можно полагать, что, каковъ бы ни былъ способъ землевладѣнія въ странѣ, гдѣ населеніе мало, города не развиты, путей сообщенія нѣтъ, торговли и промышленности почти нѣтъ, оборотнаго капитала въ земледѣліи нѣтъ, гдѣ не развита въ народѣ энергія и нѣтъ простора умственной дѣятельности, — можно думать, что, каковъ бы ни былъ способъ владѣнія землею въ такой странѣ, земледѣліе не могло бы достигъ въ ней никакихъ успѣховъ.

Говорить о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія на земледѣліе въ Россіи значитъ приписывать цвѣту волосъ или величинѣ усовъ неподвижность человѣка, у котораго поражены параличемъ руки и ноги. Намъ такъ восхищаетъ гипотеза о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія, что мы предложимъ рядъ вопросовъ, которые всѣ могутъ быть разрѣшены посредствомъ вреднаго вліянія общиннаго владѣнія съ такимъ же успѣхомъ, какъ и вопросъ о слабомъ развитіи нашего земледѣлія.

Почему наши города такъ плохо развивались до сихъ поръ? Общинное владѣніе мѣшало ихъ развитію, препятствуя купцамъ развивать свои дѣла покупкою земель у поселянъ. Почему неизмѣримые лѣса нашихъ сѣверныхъ губерній гниютъ на корню, между тѣмъ, какъ средняя и южная Россія нуждается въ лѣсѣ? Общинное землевладѣніе останавливаетъ потокъ колонизаціи, который безъ него устремился бы въ благодатную Олонецкую губернію и пустилъ бы въ торговлю ея лѣса. Почему ярославскіе мужики имѣютъ рыжія бороды? Причиною тому должно считаться общинное владѣніе, препятствующее ярославцамъ походить на французовъ, имѣющихъ бороды темнаго цвѣта. Почему русскіе экономисты отсталой школы не въ состояніи понимать самыхъ простыхъ и ясныхъ фактовъ? Причиною тому должно считаться общинное владѣніе, задерживающее успѣхи русскихъ людей какъ въ отношеніи матеріальномъ, такъ и въ отношеніи умственномъ.

Задерживая умственное развитіе русскихъ экономистовъ отсталой школы, общинное землевладѣніе препятствуетъ имъ удовлетворяться предъидущими доказательствами, совершенно достаточными для обыкновеннаго здраваго смысла. Потому мы считаемъ недостаточнымъ для нихъ предшествующее положительное указаніе на фак-

ты, которые свидѣтельствуютъ, что нѣтъ надобности въ гипотезѣ о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія для объясненія неразвитости нашего земледѣлія: надобно прибѣгнуть также къ отрицательному методу повѣрки гипотезъ, чтобы показать еще очевиднѣйшимъ образомъ неумѣстность ихъ предположенія.

На земномъ шарѣ находится очень много странъ, въ которыхъ состояніе земледѣлія не лучше, или немногимъ лучше, или даже гораздо хуже, чѣмъ въ Россіи, но которыя имѣютъ способъ землевладѣнія, могущій, по мнѣнію отсталыхъ экономистовъ, поднять наше сельское хозяйство, будто бы убиваемое общиннымъ землевладѣніемъ. Мы сдѣлаемъ обзоръ этихъ странъ, чтобы видѣть, въ состояніи ли господство частной поземельной собственности помочь у насъ тому дѣлу, плохое положеніе котораго занимаетъ насъ. Въ Испаніи положеніе сельскаго хозяйства едва ли лучше, чѣмъ у насъ; многія изъ условій, не благопріятствующихъ нашему земледѣлію, существуютъ и тамъ, хотя далеко не въ такой степени. Населеніе въ полтора раза гуще нашихъ земледѣльческихъ губерній, пропорція городского населенія гораздо значительнѣе, Средиземное море и Атлантическій океанъ представляютъ удобный путь обита для продуктовъ цѣлой половины страны; но все-таки сходство съ нашимъ положеніемъ довольно велико: населеніе, хотя и больше нашего, все-таки не довольно густо, развитіе городовъ все-таки неудовлетворительно, пути сообщенія плохи, оборотныхъ капиталовъ въ земледѣліи нѣтъ, торговля и промышленность очень слабы и общественныя учрежденія подавили прежнес просвѣщеніе и прежнюю энергію испанскаго племени. Сходства по этимъ основнымъ условіямъ достаточно для того, чтобы земледѣліе производилось чрезвычайно небрежно, хотя испанцы не имѣютъ и понятія объ общинномъ владѣніи. Дайте имъ общинное владѣніе или уничтожьте его у насъ, положеніе сельскаго хозяйства ни у насъ, ни у нихъ не измѣнится, если перечисленныя нами условія останутся въ прежнемъ видѣ. Точно таково же положеніе вещей въ Неаполѣ и въ Паиской области, хотя и они не знаютъ общиннаго владѣнія.

Но если мы хотимъ видѣть въ Европѣ страну, гдѣ обстановка земледѣльческаго производства представляетъ наибольшее сходство съ нашей, мы должны взглянуть на Турцію. Не надобно и говорить, что и въ ней успѣхи земледѣлія задерживаются общиннымъ владѣніемъ.

Слово Турція пробуждаетъ въ насъ новую мысль, которая, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не приходила намъ въ голову: иначе, были

бы излишни всѣ наши прежнія разсужденія. Европейская Турція до сихъ поръ остается въ сущности азіатскимъ государствомъ, хотя и лежитъ въ Европѣ, неправда ли? Итакъ, найдемъ нами ключъ къ объясненію всего, о чемъ толковали мы съ подробностями, которыя теперь оказываются совершенно ненужны. Азіатская обстановка жизни, азіатское устройство общества, азіатскій порядокъ дѣлъ, — этими словами сказано все, и нечего прибавлять къ нимъ. Можетъ ли земледѣліе получить европейскій характеръ при азіатскомъ порядкѣ дѣлъ? Въ самомъ дѣлѣ, Азія (*) представляетъ обширнѣйшій прототипъ того земледѣльческаго положенія, о которомъ мы говоримъ, со всѣми причинами, производящими его, т. е. мѣшающими ему замѣниться чѣмънибудь лучшимъ; а, между тѣмъ, Азія точно такъ же не знаетъ общиннаго владѣнія землею, какъ и Западная Европа. Анатолія, Сирія, Месопотамія, Персія, Кабуль, Бухара, Хива, Коканъ, — всѣ эти страны точно такъ же имѣютъ личную поземельную собственность, какъ и Англія, Бельгія, Рейнская Германія. Изъ этого, кажется, можно заключить, что личная поземельная собственность вовсе не служитъ ручательствомъ за высокое развитіе земледѣлія, что порядокъ землевладѣнія, будучи необыкновенно важенъ по своему вліянію на распредѣленіе имущества между разными сословіями, не имѣетъ ровно никакого вліянія на развитіе технической стороны сельскаго хозяйства. Въ чьи руки идетъ сборъ хлѣба, доставляемый десятиною земли, — вотъ это рѣшается способомъ землевладѣнія. Но какъ обрабатывается эта десятина и какъ великъ сборъ хлѣба, ею даваемый, это зависитъ отъ совершенно другихъ условій, важнѣйшія изъ которыхъ мы перечислили. Теперь мы знаемъ также, какъ надобно называть совокупность тѣхъ условій,

(*) Подъ «Азією» мы разумѣемъ здѣсь не всю ту часть свѣта, которая известна подъ этимъ именемъ въ географіи, а только тѣ земли въ этой части свѣта, которыя издавна знакомы нашему народу и по которымъ составилъ онъ себѣ понятіе объ азіатствѣ. Это — страны, лежащія на западъ отъ Китая и на сѣверъ отъ Индіи, собственно только мусульманская часть Азіи. Столь ученое приращеніе мы сочли необходимымъ сдѣлать, имѣя въ виду обыкновенную сообразительность отсталыхъ экономистовъ; иначе они тотчасъ возражали бы: «не явное ли невѣжество говорить о томъ, что земля въ Азіи воздѣлывается дурно, когда известно, что въ Китаѣ она обрабатывается самымъ тщательнымъ образомъ?» Сдѣлавъ такое возраженіе, они остались бы очень довольны собою. Къ сожалѣнію, наша статья имѣетъ въ виду не Китай, гдѣ, по крайней мѣрѣ, прочность обычая служить въ некоторомъ вознагражденіемъ за слабость закона, а только страны, имѣющія порядокъ дѣлъ, подобный турецкому, персидскому, хивинскому и коканскому.

при которыхъ обработка земли бываетъ плоха и сборъ хлѣба малъ: совокупность этихъ условий, враждебныхъ развитію сельскаго хозяйства, называется просто — азіатствомъ.

Мы чувствуемъ, что наши слова объ азіатствѣ рѣшительно неудовлетворительны. Но что ждѣмъ! нашъ языкъ не выработался настолько, чтобы можно было удовлетворительно выражать имъ серьёзные понятія. Недаромъ всѣ ученые жалуются на бѣдность нашей терминологіи. Если бы мы писали по французски или по нѣмецки, мы, вѣроятно, писали бы лучше. Но, не удостоившись отъ судьбы получить такое счастье, мы должны писать на языкѣ, который, по какому-то загадочному случаю, устроенъ такъ, что никакъ не съумѣешь излагать на немъ своихъ мыслей связно и ясно. Нашъ языкъ, орудіе слишкомъ неокоренной мысли и истины, безпрестанно увлекаетъ писателя въ такія уклоненія отъ его идеи, которыя могутъ быть неприяты не только читателю, но и самому автору, но которыя долженъ извинять великодушный читатель. Удержаться на прямой дорогѣ развитія идеи нѣтъ возможности, когда пишешь по русски, и писателю остается только, когда онъ замѣтитъ, что уклонился отъ своей идеи слишкомъ далеко, дѣлать крутые повороты, чтобы влечься опять за дѣло, ускользнувшее изъ-подъ его пера по сбивчивости нашего языка. Мы такъ и сдѣлаемъ. Забывая нашъ неудовлетворительный эпизодъ объ азіатствѣ, мы беремся опять за логику и смотримъ, что велитъ она дѣлать при разсужденіи о неосновательныхъ гипотезахъ, каково разбираемое нами предположеніе отсталыхъ экономистовъ о вредномъ вліяніи, будто бы оказываемомъ на земледѣліе нашею системою общиннаго владѣнія.

Логика говоритъ, что не довольно опровергнуть ошибочное мнѣніе, а надобно также показать, какимъ образомъ могло оно произойти, потому что иначе ошибка оставалась бы дѣломъ произвольнымъ, не имѣющимъ достаточныхъ причинъ, то есть загадочнымъ. Чтобы исполнить это послѣднее требованіе логики, намъ нужно только разсмотрѣть посылку, изъ которой отсталые экономисты выводятъ свое ошибочное мнѣніе. «Наше земледѣліе, говорятъ они, задерживается въ своемъ развитіи тѣмъ, что поземельная собственность не имѣетъ у васъ достаточной безопасности.» Мысль совершенно справедливая, и ошибка заключается только въ томъ, что причиною небезопасности поземельной собственности принимается отсталыми экономистами общинное владѣніе. Въ статьѣ «Законодательство и регламентація» мы подробно доказывали, что общинное владѣніе землею изъ всѣхъ формъ поземельной собственности форма самая прочная, безопасная, самая свободная отъ всякихъ придирокъ и юридическихъ

столкновений. Но мы оканчивали нашу статью согласіемъ въ томъ, что общинное владѣніе, при всемъ своемъ юридическомъ превосходствѣ, далеко не оказываетъ у насъ всѣхъ полезныхъ дѣйствій, какихъ слѣдуетъ ожидать отъ его существеннаго характера. Мы обѣщались въ нынѣшней статьѣ разобрать причины такого несоотвѣтствія между сущностью принципа и его результатами. Къ тому же самому дѣлу приводить насъ и надобность показать причину, вовлекающую отсталыхъ экономистовъ въ ихъ фальшивую гипотезу.

Отыскать причину ихъ ошибки очень легко. Они сравниваютъ поземельное владѣніе у насъ и въ Западной Европѣ; они замѣчаютъ, что въ Западной Европѣ поземельная собственность безопасна, у насъ не имѣетъ безопасности; они видятъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что на Западѣ существуетъ одна форма поземельнаго владѣнія, у насъ — другая. И вотъ они дѣлаютъ изъ этихъ фактовъ слѣдующее заключеніе: «въ Западной Европѣ поземельная собственность безопасна, а форму ея тамъ составляетъ присвоеніе собственности частному лицу; итакъ, присвоеніе поземельной собственности частному лицу даетъ ей безопасность. У насъ, напротивъ того, поземельная собственность лишена безопасности и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣетъ форму общиннаго владѣнія. Итакъ, форма общиннаго владѣнія служитъ причиною небезопасности поземельной собственности».

Это форма умозаключенія очень обыкновенная у людей, не привыкшихъ къ логическимъ приемамъ: видя два факта извѣстнаго рода соединенными въ одномъ мѣстѣ и два факта драгаго рода соединенными въ другомъ мѣстѣ, неопытные въ логикѣ умы тотчасъ же заключаютъ, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, что въ каждой парѣ фактовъ существуетъ между двумя явленіями причинная связь. Если бы этотъ родъ умозаключеній былъ пригоденъ для ученыхъ изысканій, наука уже давно постигла бы всѣ тайны природы и общественной исторіи. Но, къ сожалѣнію, логика заклемила такой легкой способъ отысканія истины знаменитою фразою *cum hoc, ergo propter hoc* и объявила, что подобныя умозаключенія рѣшительно никуда не годятся. Если бы отсталые экономисты были знакомы съ логикою, они знали бы, что всѣ нелѣпости суевѣрія были основаны на этой самой формѣ умозаключенія, и знали бы, какое множество примѣровъ приводится этому въ логикѣ.

Напримѣръ, на чемъ были основаны ауспиціи древнихъ римлянъ? Однажды передъ битвою они слышали ворону, каркающую съ правой стороны, и проиграли битву; въ другой разъ слышали во-

рону, каркающую съ лѣвой стороны, и выиграли битву. Дѣло ясное: cum hoc, ergo propter hoc — совпадаетъ, слѣдовательно имѣетъ причинную связь. Итакъ, карканье вороны съ правой стороны причиняетъ войску гибель, карканье съ лѣвой — даетъ ему побѣду.

Всѣ суевѣрія основаны на этой формѣ умозаключенія. Доказывать его нелѣпность было бы скучно; довольно будетъ сказать, что суевѣрную привычку дѣлать заключенія по формѣ, нами указанной, логика велитъ замѣнять строгимъ изслѣдованіемъ положительныхъ причинъ, прибавляя, что очень часто могутъ совпадать между собою факты, тенденціи которыхъ противоположны, и что въ такомъ случаѣ результаты слабѣйшаго факта подавляются противоположными ему результатами сильнѣйшаго факта.

Положительно извѣстно, напримѣръ, что просвѣщеніе облагораживаетъ человѣка, а благородство противоположно, напримѣръ, хотъ взяточничеству. Между тѣмъ, сколько мы видимъ у насъ взяточниковъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. По способу умозаключенія, котораго держатся отсталые экономисты, выводъ изъ этого совпаденія фактовъ таковъ: человѣкъ, кончившій курсъ въ одномъ изъ высшихъ заведеній, беретъ взятки — итакъ, ученье дѣлаетъ человѣка взяточникомъ. Логика велитъ судить объ этомъ иначе. Она говоритъ: если даже люди образованные становятся взяточниками, несмотря на противорѣчіе между образованностью и взяточничествомъ, то надобно полагать, что въ обстановкѣ, среди которой живутъ эти люди, есть обстоятельства, столь могущественно влекуція къ взяточничеству, что противоположное направленіе, внушаемое образованностью, можетъ изнемогать подъ силою этихъ обстоятельствъ.

Другой примѣръ. Свѣтское воспитаніе, хорошо оно или дурно въ другихъ отношеніяхъ, но имѣетъ ту несомнѣнную хорошую тенденцію, что дѣлаетъ человѣка деликатнымъ въ обращеніи, отучаетъ его отъ низкихъ, грязныхъ манеръ. Но сколько у насъ есть людей, получившихъ свѣтское воспитаніе, которые чрезвычайно грубы въ обращеніи съ своими подчиненными, которые невѣжливо обращаются съ медкими чиновниками, если бываютъ въ гражданской службѣ, которые ругаютъ солдатъ, если бываютъ офицерами. По умозаключенію отсталыхъ экономистовъ, опять выходилъ бы такой силлогизмъ: люди, получившіе свѣтское воспитаніе, унижаются до пошлыхъ грубостей — итакъ, свѣтское воспитаніе отнимаетъ у человѣка вѣжливость. Логика опять говоритъ напротивъ: если даже люди, получившіе свѣтское воспитаніе, бываютъ невѣжливы,

грубы, пошлы въ обращеніи съ другими, то надобно думать, что въ обстановкѣ, среди которой живутъ эти люди, есть обстоятельства, столь сильно располагающія къ нахальному попиранію всякой слабой личности, что даже вѣжливость, даваемая евѣтскимъ воспитаніемъ, подавляется этими обстоятельствами.

Въ подобныхъ случаяхъ логика велитъ, вмѣсто того, чтобы останавливаться на тупоумномъ предположеніи «совпадаетъ, слѣдовательно имѣетъ причинную связь», пристальнѣе всматриваться въ обстоятельства, среди которыхъ происходитъ явленіе, чтобы отыскать истинныя причины его. Такъ поступимъ и мы. Отыскать истинныя причины небезопасности нашей поземельной собственности очень нетрудно. Можно даже сказать, что онѣ извѣстны каждому, кромѣ отсталыхъ экономистовъ,

Собственность принадлежитъ къ числу общественныхъ учреждений. Чѣмъ же ограждается безопасность общественныхъ учреждений?—Законами.—Прекрасно. Какими способами проявляется въ обществѣ дѣйствіе законовъ? Опять каждому извѣстно, что, для приведенія законовъ въ дѣйствіе, общество имѣетъ два органа: администрацію и судебную власть. Итакъ, если мы разсуждаемъ о безопасности какого нибудь общественнаго учрежденія въ извѣстномъ обществѣ, то не долженъ ли намъ прежде всего приходиться въ голову вопросъ о томъ, каково состояніе администраціи и судебной власти въ этомъ обществѣ?

Мы не имѣемъ намѣренія подробно отвѣчать здѣсь на такой вопросъ. Сколько бы ни наговорили мы о качествахъ нашей администраціи и судебной власти, мы не сказали бы ничего такого, что не было бы не хуже насъ извѣстно каждому изъ нашихъ читателей. Доказывать истину было бы тутъ не для кого и спорить не съ кѣмъ. Мы полагаемъ, что даже отсталые экономисты, такъ мало понимающіе нашу жизнь, понимаютъ, каково положеніе администраціи и судебной власти у насъ.

Мы нашли коренную причину не только явленія, объясненіемъ котораго специально занимаемся въ этой статьѣ, но и всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые представлялись намъ ближайшими причинами его. Не только слабость успѣховъ нашего земледѣлія, но и медленность въ развитіи нашего населенія вообще, нашего городского населенія въ частности, неудовлетворительное состояніе нашихъ путей сообщенія, торговли, промышленности, недостатокъ оборотнаго капитала въ земледѣліи,—все это, и не только это, но также и крѣпостное право, и упадокъ народной энергіи, и умственная наша не-

развитость, — всё эти факты, подобно всемъ другимъ плохимъ фактамъ нашего быта, коренную, сильнѣйшую причину свою имѣютъ въ состояніи нашей администраціи и судебной власти.

Даже другая сильнѣйшая причина нашей бѣдности — крѣпостное право произошло нѣкогда отъ дурнаго управленія и поддерживалось имъ. О происхожденіи крѣпостнаго права мы замѣтимъ только, что это учрежденіе развилось отъ безсилія нашей старинной администраціи охранить прежнія свободныя отношенія поселянъ, жившихъ въ извѣстной дачѣ, къ владѣльцу дачи, и удержать постепенное расширеніе произвольной власти, захватываемой владѣльцемъ надъ населявшими его землю людьми; замѣтимъ еще, что возможность учредить крѣпостное состояніе происходила только оттого, что вольные люди, слишкомъ плохо защищаемые управленіемъ, терпѣли слишкомъ много притѣсненій, такъ что переставали дорожить своею свободою и не видѣли слишкомъ большой потери для себя отъ записки въ принадлежность сильному человѣку. Излагать подробнѣе этотъ предметъ, относящійся къ старинѣ, было бы неумѣстно въ статьѣ, говорящей о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ. Мы хотѣли сказать, что если крѣпостное право держалось до сихъ поръ, то оно было обязано такою продолжительностью своего существованія только дурному управленію. Дѣйствительно, каковы бы ни были законы, опредѣлявшіе права помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми, но еслибъ даже эти законы соблюдались, то, во-первыхъ, всё помѣщики давно бы перестали находить выгоду въ крѣпостномъ правѣ, во-вторыхъ почти во всѣхъ помѣстьяхъ крѣпостное право было бы прекращено частными судебными рѣшеніями по процессамъ о злоупотребленіи власти.

Метода леченія знахарей и знахарокъ представляетъ драгоценную параллель съ тою системою, по которой отсталые экономисты думаютъ поправить неприятное для нихъ явленіе экономическаго быта, — на примѣръ, помочь жалкому положенію нашего земледѣлія. Появился какой нибудь вередъ на ногѣ: знахарь, не задумываясь, прикладываетъ къ нему какую нибудь лепешку и ожидаетъ, что болѣзнь уступитъ этому мѣстному медикаменту. О томъ, отчего произошелъ вередъ, онъ не думаетъ. Онъ не думаетъ видѣть въ немъ только симптомъ общаго худосочія, только ничтожное обнаруженіе болѣзни, идущей въ цѣломъ организмѣ, — произтекающей отъ испорченности основнаго процесса организма, отъ испорченности крови, отъ разстройства питанія. Наука, напротивъ, говоритъ, что какое нибудь, повидимому, мѣстное пораженіе очень часто не можетъ быть исцѣлено никакими припарками и прижиганіями соб-

ственно больного мѣста, что для исцѣленія болѣзни, обнаруживающей этимъ мѣстнымъ симптомомъ, больной долженъ измѣнить весь образъ жизни, чтобы исправился разстроившійся основной процессъ организма.

Потому-то и отвратительно намъ слышать разсужденія отсталыхъ экономистовъ о томъ, какъ дурное состояніе нашего земледѣлія можетъ быть исправлено приложеніемъ мѣстной припарки — уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія и введеніемъ на его мѣсто частной поземельной собственности. Не потому отвратительно слышать намъ эти тупоумныя, суевѣрныя разсужденія, что мы приверженцы общиннаго землевладѣнія: нѣтъ, все равно, мы негодовали бы на нихъ и тогда, когда бы думали, что частная поземельная собственность лучше общиннаго владѣнія. Каково бы ни было полезное или вредное вліяніе извѣстной системы землевладѣнія на успѣхи сельскаго хозяйства, все-таки это вліяніе совершенно ничтожно по сравненію съ неизмѣримымъ могуществомъ тѣхъ условій нашей общественной жизни, въ которыхъ нашли мы истинныя причины жалкаго положенія нашего земледѣлія. Больной чувствуетъ лихорадочный ознобъ оттого, что гнилой климатъ и изнурительный образъ жизни развиваютъ въ немъ чахотку; а вы, милостивые государи, совѣтуете ему лечиться порошкомъ изъ раковыхъ жерновокъ. Я не знаю, дѣйствительно ли помогаютъ раковыя жерновки отъ лихорадки. Медицина говоритъ, будто бы это средство совершенно вздорное. Но все равно. Пусть оно будетъ и превосходнымъ средствомъ отъ лихорадки, оно все-таки никуда не годится въ нашемъ случаѣ. Болѣзнь не та, какъ вы думаете, милостивые государи. Она произошла не отъ легкой простуды, которую вы хотите лечить вашими милыми раковыми жерновками, и какія лекарства ни употребляйте противъ озноба, который одинъ замѣтенъ намъ изъ всѣхъ симптомовъ страшной болѣзни, вы не уничтожите не только общей болѣзни организма, но даже и этого частнаго ея проявленія. Вы только губите больного, заставляя его терять время на пустыки, когда каждый день увеличиваетъ опасность его положенія. Всмотритесь получше въ состояніе организма, и вы найдете, что лихорадочный ознобъ производится причинами, противъ которыхъ необходимо употребить средства, совершенно различныя отъ рекомендуемыхъ вами суевѣрныхъ пустяковъ. Вся обстановка жизни больного должна измѣниться для того, чтобы прекратилось гнѣніе основнаго органа его тѣла. А когда его легкія будутъ здоровы, самъ собою, безъ всякихъ раковыхъ жерновокъ, исчезнетъ и мнимый лихорадочный ознобъ. Позаботьтесь о томъ, чтобы мы получили

хорошую администрацію и справедливый судъ, тогда вы увидите, что не нужно будетъ нашему земледѣлю прибѣгать къ вашимъ раковымъ жерновкамъ — къ раздѣленію общинныхъ земель на потомственные участки, — тогда вы увидите, что общинное владѣніе не будетъ мѣшать успѣхамъ сельскаго хозяйства, потому что тогда будетъ исчезать наша бѣдность и явятся тѣ условія, которыхъ теперь нѣтъ и безъ которыхъ ни при какой системѣ землевладѣнія сельское хозяйство не можетъ притти въ удовлетворительное состояніе.

• Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМЪЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ XI.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РЪШЕНІЯ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА.

Очеркъ исторіи крестьянскаго вопроса въ прошедшемъ году. — Национальное чувство, явившееся основаніемъ для рѣшенія этого дѣла. — Пересмотръ главныхъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу.

Почти всегда въ исторіи бывало, что дѣло при своемъ осуществленіи обнаруживало такія стороны, которыхъ не замѣчалось въ немъ прежде, когда только начинали братья за его осуществленіе. Иногда возникаютъ затрудненія, которыхъ не предусматривали; иногда открывается, что вопросъ въ дѣйствительности гораздо шире, нежели какъ представлялся въ теоріи; иногда оказывается, что люди, которыхъ онъ касается, думаютъ о своихъ правахъ и потребностяхъ не совсѣмъ такъ, какъ предполагалось теоріею. Результатомъ, во всякомъ случаѣ, бываетъ то, что дѣло исполняется не совершенно по тому плану, по какому предполагалось исполнить его.

Когда у насъ думали, какъ приступить къ освобожденію крестьянъ, большинству разсуждавшихъ представлялось, что главная сторона дѣла состоитъ именно въ освобожденіи личности. Правда, многіе и тогда уже предвидѣли, что очень большую важность имѣетъ также вопросъ о землѣ. Но почти никто не предугадывалъ, какой рѣшительный оборотъ всему дѣлу дастъ на практикѣ связь личности съ землею.

До послѣдней минуты предполагалось, что помѣщики наши въ своей массѣ представляютъ сословіе, мало развитое, мало способное къ обсужденію государственныхъ вопросовъ. Когда созывались губернскіе комитеты, почти всѣ мы, и въ томъ числѣ сами помѣщики, полагали, что совѣщанія комитетовъ будутъ имѣть ребяческой характеръ.

Появились Высочайшіе рескрипты. Давно уже носился въ массахъ глухой говоръ о приближеніи такого рѣшенія. Тревожное ожиданіе было возбуждено до чрезвычайной степени. Наконецъ, дѣло началось. Оно заняло націю въ такой степени, что все остальное перестало обращать на себя вниманіе. Какже держать себя мужики, волненія между которыми опасались? Они держатъ себя такъ спокойно, какъ никогда еще не держали. Вотъ уже два года ждуть они такъ терпѣливо, такъ благоразумно, что дай Богъ самымъ образованнымъ людямъ съ самыми мягкими правами выказать столько разсудительности и терпѣливости. Число безнокойствъ и преступленій, возникающихъ изъ крѣпостнаго права, въ послѣдніе два года было несравненно меньше, нежели въ предшествовавшіе годы.

Собрались губернскіе комитеты, въ которыхъ всѣ ожидали увидѣть неспособность, невѣжество, безтолковость. Но безтолковости нигдѣ нѣтъ и слѣда; совѣщанія ведутся правильно, основательно. Въ провинціальныхъ захолустьяхъ нашлось множество людей чрезвычайно образованныхъ, привыкшихъ думать, хорошо приготовленныхъ къ обсужденію задачъ, имъ предложенныхъ. Въ каждомъ комитетѣ явилось нѣсколько человѣкъ чрезвычайно замѣчательныхъ по уму и таланту.

Благодаря губернскимъ комитетамъ, крестьянское дѣло получило направленіе гораздо лучшее, нежели какого можно было ожидать прежде, чѣмъ обнаружилось ихъ вліяніе.

Вопросъ о личности былъ отдѣленъ отъ вопроса о землѣ. Землю должна была замѣнить усадьба. Даже и это опредѣленіе возбуждало сильный ропотъ, такъ что подвергалось ослабленію. Начались софистическія истолкованія, по которымъ было открыто, что усадьба — только строеніе безъ земли, къ нему принадлежащей. Ободренные этимъ успѣхомъ, софисты пошли далѣе и начали перетолковывать правила о выкупѣ усадебъ даже въ этомъ урѣзанномъ видѣ. Было открыто, что подъ выкупомъ понимается не необходимость выкупа, а только разрѣшеніе согласиться на него. Для этого согласія были придуманы условія, при которыхъ согласіе оказывалось невозможнымъ въ большей части случаевъ. Отдѣленная отъ земли личность отдѣлилась даже и отъ усадьбы. Все это говорилось подъ предлогомъ выгоды помѣщиковъ.

Когда нашлись граждане, забывшіе о личном спокойствіи для охраненія государственнаго спокойствія, когда они сказали, что дѣло получаетъ неправильное истолкованіе, они подвергались преслѣдованію, будто противники намѣреній правительства. Просвѣщенными людьми овладѣло уныніе.

Но вотъ собрались комитеты. Они составились изъ людей, жившихъ по деревнямъ, знавшихъ русскій народъ не по наслышкѣ, знавшихъ національныя чувства. Они нашли, что отдѣлить личность отъ земли — дѣло невозможное; они показали своимъ свидѣтельствомъ, что производить такое раздѣленіе подъ предлогомъ сохраненія выгоды помѣщиковъ значить жестоко обманываться. Они повяли и доказали, что подобная попытка была бы гибельна для помѣщиковъ. Они, выборные отъ сословія помѣщиковъ, объявили, что помѣщики не хотятъ отдѣленія личности отъ земли и не могутъ хотѣть этого, потому что, иначе, вреда народу, они сами подвергались бы опасности.

Такимъ образомъ, вліяніе губернскихъ комитетовъ на ходъ крестьянскаго вопроса оказалось очень полезнымъ. Но, отдавъ имъ должную справедливость, нельзя намъ скрывать отъ себя и того, что комитеты не сдѣлали и не могли сдѣлать всего, что нужно для успѣшнаго рѣшенія этой задачи. Одною изъ причинъ такой недостаточности надобно считать обстоятельства, при которыхъ были созваны комитеты. Вопросъ тогда представлялся еще очень смутно и, по своимъ программамъ, губернскіе комитеты не могли разсматривать нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сторонъ его въ той широтѣ, какая должна принадлежать имъ. Еще важнѣе было вліяніе самаго состава комитетовъ: они были представителями исключительно только одной стороны, интересовъ которыхъ касается крестьянскій вопросъ. Было бы напрасно доказывать, что для удовлетворительнаго рѣшенія надобно ближе узнать мысли и интересы другой стороны, именно самихъ поселянъ. Польза, принесенная дѣлу приглашеніемъ помѣщиковъ къ участию въ веденіи вопроса, должна служить доказательствомъ того, что было бы очень полезно выслушать и мнѣнія поселянъ, которыхъ предпологается освободить отъ крѣпостной зависимости. Въ статьяхъ, рядъ которыхъ мы теперь начинаемъ, мы хотимъ самымъ умѣреннымъ и спокойнымъ образомъ обозначить, какое рѣшеніе вопроса могло бы, хотя до нѣкоторой степени, соотвѣтствовать идеямъ, съ незапамятныхъ временъ существующимъ въ поселянахъ.

Отлагая до слѣдующаго раза вопросы объ административномъ устройствѣ и о государственныхъ повинностяхъ, мы теперь будемъ говорить только о той части экономической стороны дѣла, которая

касается отношеній освобождаемыхъ крестьянъ къ частнымъ владѣльцамъ. Въ этой части дѣла важнѣйшими задачами должны считаться слѣдующія:

1) Неразрывная связь усадьбы съ землею и съ личностью, слава Богу, уже рѣшена. Но очень многіе говорятъ, что, при раздѣленіи крестьянской земли отъ господской, нынѣшнее положеніе крестьянскихъ усадебъ въ большей части случаевъ окажется неудобнымъ для помѣщиковъ. Что жъ тутъ дѣлать? Очень многіе говорятъ: надобно перенести крестьянскія усадьбы на новыя мѣста.

2) Неотъемлемая принадлежность земли къ личности, слава Богу, рѣшена. Но каковъ долженъ быть надѣлъ, это еще не рѣшено.

3) Что помѣщики должны получить вознагражденіе, этого никто изъ образованныхъ людей не отвергаетъ. Но на какомъ основаніи долженъ производиться расчетъ вознагражденія?

4) Долженъ ли выкупъ земли быть совершенно немедленно и быть объявленъ обязательнымъ или можетъ быть отложенъ до будущаго времени и предоставленъ добровольному соглашенію?

5) Какимъ способомъ можетъ быть произведена уплата вознагражденія — исключительно деньгами или также и обязательнымъ трудомъ?

4) Можно ли поставить принудительнымъ правиломъ перенесеніе усадебъ?

Извѣстна чрезвычайная привязанность крестьянъ къ мѣстамъ своихъ жилищъ. Сами помѣщики знаютъ, что принуждать крестьянъ къ переселенію значило было идти противъ ихъ чувствъ. По закону, принужденное переселеніе составляетъ одинъ изъ видовъ наказанія за уголовныя преступленія: возможно ли подвергать такой судьбѣ миллионы людей по произволу? Переселеніе само по себѣ, хотя бы и добровольное, соединено съ разрушеніемъ всего хозяйственнаго обзаведенія переселяющихся. Нѣтъ такихъ пособій, которыя были бы достаточны для покрытія убытковъ переселенія, когда оно должно совершаться огромными массами. Ни у помѣщиковъ, ни у правительства не достанетъ средствъ въ вознагражденіе крестьянъ за потерю времени и имущества при переселеніи. Притомъ, для многихъ эгоистовъ принужденное переселеніе послужило бы поводомъ къ пріобрѣтенію притѣснительныхъ выгодъ. Переселяющимся крестьянамъ были бы отведены поселенія въ мѣстахъ неудобныхъ, на участкахъ самыхъ дурныхъ; вмѣсто удобренной земли, занимаемой усадьбами, крестьяне получили бы песокъ, солончакъ, болота. Мы

уже слышали предположенія о постройкѣ деревень на такихъ мѣстахъ, гдѣ даже нѣтъ текучей воды. Два переселенія равняются пожару, по народной поговоркѣ. Припужденное переселеніе было бы раззореніемъ для крестьянъ, было бы нарушеніемъ гражданскаго права, возмутило бы самыя завѣгныя привязанности человѣка: привязанность къ родовому жилищу и къ мѣсту, гдѣ схоронены отцы.

Каковы были бы слѣдствія такого факта? Раззореніе крестьянъ отняло бы у нихъ возможность исправно выплачивать выкупъ. Нанеся громадныя убытки крестьянамъ, истративъ огромныя суммы на вспоможенія имъ (впрочемъ, далеко недостаточныя для покрытія ихъ убытковъ), помѣщики сами отняли бы у себя возможность получить вознагражденіе. Пробудивъ противъ себя вражду въ окружающей ихъ массѣ, помѣщики надолго подорвали бы возможность мирныхъ отношеній своихъ къ поселянамъ. Надобно ли говорить о степени пріятности и безопасности, и даже выгоды житейскихъ дѣлъ человѣка, который одинъ остался бы среди сотенъ и тысячъ недовольныхъ имъ людей?

Принужденное перенесеніе усадебъ было бы очень плохимъ расчетомъ со стороны помѣщиковъ.

Говорять о неудобствахъ чрезполосности, о неудобствахъ имѣть свой домъ средъ чужихъ участковъ. Но если терпѣли чрезполосицу втеченіе сотенъ лѣтъ, можно потерпѣть ее два-три года, пока она, сама собою, вслѣдствіе частныхъ добровольныхъ соглашеній, уничтожится тамъ, гдѣ будетъ представлять дѣйствительное неудобство.

Говорять: «до сихъ поръ можно было терпѣть чрезполосицу потому, что помѣщикъ имѣлъ власть надъ крестьянами и ихъ недоброжелательство обуздывалось страхомъ; а когда власть прекратится и недоброжелательство останется, неудобства чрезполосицы будутъ невыносимы». Но отъ образа дѣйствій самихъ помѣщиковъ будетъ зависѣть, останется ли недоброжелательство къ нимъ у поселянъ, или оно увеличится, или, напротивъ, исчезнетъ, замѣнившись признательностью и преданностью. Привязанность людей бѣдныхъ и угнетенныхъ пріобрѣтается легко. Будьте только справедливы къ нимъ, хотя даже не совсѣмъ справедливы, а лишь нѣсколько справедливы, и они станутъ обожать васъ. Не дѣлайте имъ напрасныхъ убытковъ и обремененій безъ всякой выгоды для самихъ васъ, и ихъ любовь станетъ ограждать васъ отъ всякихъ непріятностей; вы будете не только спокойны, но и сильны, какъ никогда еще не были. Обуздывать страхомъ — неудачное средство. И не думайте, чтобы опасности, среди которыхъ жили помѣщики, зависѣли только отъ безпорядковъ нашего административнаго и полицейскаго устройства: когда масса не расположена къ извѣстному человѣку, никакая поли-

ція не оградить его отъ множества непріятностей. Примѣромъ того пусть послужитъ Ирландія. На Британскихъ островахъ полиція и судъ лучше, нежели гдѣ нибудь; но безопасны ли ирландскіе землевладѣльцы?

И не только безопасность, но и денежныя выгоды основаны на доброжелательствѣ массы. Превосходныя ирландскія земли не даютъ и третьей части дохода, не стоятъ и третьей части тѣхъ денегъ, какъ англійскія земли далеко худшаго качества. Главная причина тутъ опять нерасположеніе массы населенія къ землевладѣльцамъ. Пусть не ищетъ расположенія поселянъ, пусть пробуждаетъ въ нихъ вражду къ себѣ тотъ, кто ничего не понимаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Разсудительный сельскій хозяинъ знаетъ, что любовь поселянъ — лучшее ручательство за успѣхи его хозяйства.

Но какже избѣжать невыгодъ чрезполосицы, если не переносить усадебъ поселянамъ? О, Боже мой! пусть только освобожденіе произойдетъ на основаніяхъ льготныхъ для поселянъ, и вы увидите, что они будутъ вѣрнѣйшими хранителями вашихъ интересовъ, и сосѣдство ихъ усадебъ, котораго вы такъ боитесь, послужитъ для васъ источникомъ чрезвычайныхъ удобствъ и выгодъ. Отъ сохраненія усадебъ на нынѣшнихъ мѣстахъ почти нигдѣ не произойдетъ никакихъ неудобствъ, если отношенія будутъ хороши; а если отношенія будутъ дурны, ваше хозяйство все-таки будетъ терпѣть множество невыгодъ, хотя бы на двадцать верстъ отъ вашего дома не было ни одного крестьянскаго жилища. Неудобство чрезполосицы окажется только въ очень немногихъ селеніяхъ, гдѣ нынѣшняя прирѣзка земли къ крестьянскимъ усадьбамъ произведена была помѣщиками безъ знанія мѣстныхъ удобствъ. Эти немногія исключенія не стоятъ того, чтобы ставить изъ-за нихъ общее правило для государства. Да и для нихъ не будетъ нужно никакихъ принудительныхъ мѣръ: если нынѣшнее расположеніе усадебъ представитъ гдѣ нибудь дѣйствительныя неудобства, черезъ годъ, черезъ два эти неудобства отстранятся сами собой, посредствомъ добровольныхъ сдѣлокъ, до которыхъ никому не будетъ дѣла, кромѣ жителей самаго села.

Если крестьянское дѣло покончится хорошо, всѣ толки о неудобствахъ нынѣшняго расположенія усадебъ окажутся пустыми, вздорными опасеніями и сосѣдство деревни съ господскимъ домомъ будетъ выгодно помѣщику. Но было бы великимъ бѣдствіемъ, если бы крестьянское дѣло не кончилось хорошо, то есть если бы оно кончилось поселеніемъ неудовольствія въ поселянахъ. А неудовольствіе въ поселянахъ было бы непремѣннымъ слѣдствіемъ раззорительныхъ условій освобожденія. Принужденное перенесеніе крестьянскихъ усадебъ было бы страшнымъ источникомъ раззоренія. Расчетъ

живый человекъ долженъ отвергнуть всякую мысль о принужденіи въ этомъ случаѣ: опасенія, приводящія къ этой мысли, пусты; но ея исполненіе вело бы къ послѣдствіямъ очень дурнымъ. Изъ нихъ мы указали только одно: разстройство крестьянскихъ хозяйствъ отняло бы у крестьянъ возможность исправно выплачивать выкупъ. Нѣтъ нужды подробно говорить о другихъ, еще гораздо худшихъ.

2) *Опредѣленіе надѣла землею.*

Мы слышимъ много разныхъ предложеній о томъ, сколько дать земли крестьянамъ. Многие говорятъ, что каждой мѣстности надобно дать на душу, или на тягло, извѣстную пропорцію земли, которая почти всѣми такими проектами опредѣляется въ объемѣ гораздо меньшемъ нынѣшняго надѣла. Полагаютъ, напримѣръ, дать, считая вмѣстѣ съ усадьбою, всего 1 или 1½ десятины на душу, или 3—4 десятины на тягло. Зачѣмъ же такое уменьшеніе размѣра до величипы, явно недостаточной къ пропитанію крестьянъ? У нѣкоторыхъ есть желаніе присвоить себѣ часть крестьянской земли. Но число такихъ своекорыстныхъ людей, надобно сказать къ чести помѣщиковъ, очень невелико. Обыкновенно предполагаютъ уменьшить крестьянскій надѣлъ для того, чтобы у крестьянина была необходимость заниматься для обработки господскихъ полей. «Нашъ крестьянинъ лѣнивъ и безпеченъ. Если вы ему дадите столько земли, чтобы она кормила его и давала уплату податей, онъ, обработавъ ее, все остальное время пролежитъ на боку и ни за какія деньги не пойдетъ на работу. Мы не найдемъ работниковъ для своихъ полей, которые запустѣютъ. Потому-то и нельзя оставить крестьянамъ столько земли, сколько теперь есть у нихъ.»

Не обманываютъ ли насъ глаза и уши? Дѣйствительно ли мы читали и слышали подобныя мысли? О комъ это говорится, что онъ лѣнивъ? О какомъ нибудь итальянцѣ или арабѣ? Нѣтъ, о русскомъ мужикѣ. Почему жъ бы не говорить также, что у русскаго мужика бѣлыя руки съ изящно обточенными ногтями, что онъ любитъ играть въ преферансъ, что онъ обыкновенно обѣдаетъ на фарфоровомъ сервизѣ? Почему бы также не говорить, что онъ исповѣдуетъ магометанскую вѣру или читаетъ книги на англійскомъ языкѣ? Вѣдь это было бы менѣе нелѣпно, нежели говорить о его лѣности. Нѣтъ въ Европѣ народа болѣе усерднаго къ работѣ, потому что нѣтъ народа, который жилъ бы въ климатѣ болѣе суровомъ, требующемъ больше труда для огражденія существованія. Развѣ только въ сѣверныхъ частяхъ Швеціи зимы такъ суровы, какъ у насъ, даже дале-

ко на югъ отъ Москвы. Если бы русскій мужикъ работалъ не усерднѣе француза или нѣмца, вся Россія замерзла бы, умерла бы съ голода. Кому изъ европейскихъ поселянъ нужно денегъ больше, нежели русскому мужику? Кому изъ европейскихъ поселянъ нуженъ тулупъ? Наша суровая природа не потворствуетъ лѣни.

Наши учрежденія таковы, что вольному мужику нужно работать безъ отдыха круглый годъ, чтобы хоть какъ нибудь свести концы съ концами. У кого на рукахъ болѣе многочисленная семья? У какого народа изъ каждаго двухъ братьевъ одинъ кормить двѣ семьи, потому что другой взятъ рекрутчиной? Грѣхъ намъ и стыдно говорить о недостаткѣ охоты къ работѣ у русскаго мужика. Мы, просвѣщенные люди, точно, руководимся пословицей: «дѣло не волкъ—въ лѣсъ не убѣжитъ»; мы, точно, просиживаемъ изо дня въ день, чуть не съ обѣда, чуть не до утра, за картами. Правда, гдѣ же и понять такимъ людямъ, какъ мы, русскаго мужика? Мы напрасно сказали, что грѣхъ и стыдно намъ считать его лѣнливымъ: въ нелѣпой сказкѣ объ его лѣни выразилось только то, что мы понимаемъ качества другихъ классовъ сообразно нашей собственной натурѣ. Другаго объясненія нѣтъ нашей клеветѣ.

Но если наши привычки лѣнливы и испорчены, то должна же оставаться въ насъ, по крайней мѣрѣ, хоть капля здраваго смысла. И должны же мы, хоть по себѣ судя, знать, что отъ денегъ никто не отказывается. Чтò за нелѣпость воображать, будто не будетъ работниковъ сколько угодно на всякое честное дѣло, за которое предлагаютъ деньги? Гоголевская Коробочка, вѣроятно, предположила бы, что если ея Фетинья отойдетъ на волю, то не найдется для нея наемной прислужницы. Какъ бы умны и образованы ни казались люди, опасавшіеся, что мужикъ не пойдетъ работать, если ему земли дать сколько слѣдуетъ, эти люди не лучше Коробочки.

Нынѣшній надѣлъ крестьянъ таковъ, что они кончаютъ обработку своихъ полей не больше, какъ въ три дня, а часто и меньше, потому что во многихъ помѣстьяхъ не оставляютъ имъ и трехъ законныхъ дней. Чтò же они станутъ дѣлать въ остальные три дня? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, лежать на печи? Полноте! вѣдь вы не дѣти и говорите не съ дѣтьми.

Уменьшать нынѣшній крестьянскій надѣлъ для того, чтобы не осталась помѣщику безъ работниковъ, нѣтъ никакой надобности. Ни въ одномъ изъ тѣхъ селеній, гдѣ нынѣ есть господская запашка, не останется она безъ работниковъ, хотя бы не только оставить нынѣшній надѣлъ, но и увеличить его. «Былъ бы хлѣбъ, зубы будутъ». Была бы надобность въ работахъ, найдется ихъ вдоволь, найдется ихъ гораздо больше, нежели нужно. Кромѣ надобности въ

работникахъ, другихъ причинъ для уменьшенія крестьянскаго надѣла никто не отваживался и выставлять. Уменьшать нынѣшній надѣлъ крестьянъ нѣтъ нужды; посмотримъ, есть ли возможность уменьшить его.

Если я не смотрю на послѣдствія, я могу сдѣлать все, что захочу. Я могу взять ножъ и зарѣзать кого мнѣ угодно; я могу взять дубину и прибить кого мнѣ угодно. Но что хорошаго будетъ изъ этого для меня? Мнѣ самому прійдется очень плохо. Потому, когда говорятъ, что мнѣ нельзя дѣлать того или другаго, это значитъ только, что если я хочу сберечь свою шкуру, то я не сдѣлаю того или другаго.

Почему комитеты признали невозможнымъ освобожденіе безъ земли? Потому что національное чувство было бы возмущено такимъ освобожденіемъ, потому что оно непреклонно хочетъ сохраненія земли за крестьяниномъ. Какую же землю хочетъ сохранить оно за крестьяниномъ? Ту, которой онъ теперь владѣетъ, — ту самую землю, въ томъ самомъ объемѣ, тѣ самыя участки. Национальное чувство не принимаетъ тутъ никакихъ тонкостей и подраздѣленій, никакихъ обрѣзываній и переносовъ. Одно изъ двухъ: если можно итти противъ него, такъ нечего было и церемониться; зачѣмъ было говорить, что освобожденіе безъ земли невозможно? А если раздражать національное чувство нельзя, то нельзя и уменьшать нынѣшняго надѣла, нельзя и переносить крестьянскихъ участковъ принудительнымъ образомъ съ одного мѣста на другое: эти уменьшенія и перемѣны были бы точно такъ же противны національному чувству, какъ и освобожденіе безъ земли. Не стоитъ дѣлать дѣла на половину; не стоитъ пожимать человѣку руку правой рукой и въ то же время давать ему толчки лѣвой: вѣдь все равно, вы раздражите его, такъ ужъ лучше или бейте его обѣими руками безъ всякихъ дипломатичностей, или сохраните съ нимъ доброе соглашеніе. Если освобождать крестьянъ съ землею, то сохраняйте нынѣшній надѣлъ; иначе, не достигнете своей цѣли, не удовлетворите національному чувству.

«Но, при сохраненіи нынѣшняго надѣла, могутъ встрѣчаться неудобства отъ чрезполосицы». Подобное возражаніе мы уже видѣли при вопросѣ о перенесеніи усадебъ. Но тутъ чрезполосица, скольконибудь неудобная, встрѣчается еще гораздо рѣже, нежели въ расположеніи усадебъ. Будемъ же смотрѣть на это дѣло сообразно дѣлу объ усадьбахъ. Если освобожденіе крестьянъ совершится способомъ скольконибудь удовлетворительнымъ для національнаго чувства, признательность поселянъ къ помѣщикамъ будетъ безгранична. Тотъ не знаетъ человѣческаго сердца, кто не увѣренъ, что поселяне ста-

вуть охранять тогда помѣщика и его имущество, какъ вѣрнѣйшія дѣти. Тогда, если гдѣ и останется черезполосица, она будетъ скорѣе выгодна, нежели убыточна помѣщику. Крестьянскій участокъ, входящій клиномъ въ господское поле, будетъ только привлекать поселавина къ болѣе сподручной обработкѣ этого поля за сходнѣйшую цѣну. А если гдѣ будетъ дѣйствительное неудобство, оно будетъ одинаково для обѣихъ сторонъ; крестьяне сами безъ всякаго принужденія убѣдятся въ немъ такъ же легко, какъ и помѣщикъ. Русскій мужикъ человѣкъ не глупый и не безразсчетный. Онъ самъ предложитъ вамъ обмѣнъ участка, когда потребуетъ обмѣна его удобство. А дѣло тутъ такого рода, что неудобство для помѣщика бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть неудобство и для мужика. Итакъ, эти случаи вовсе не нуждаются въ принудительныхъ правилахъ: всѣ они очень легко устранятся добровольнымъ соглашеніемъ послѣ освобожденія. Надобно заботиться только о томъ, чтобы освобожденіе сдѣлалось безъ проволочекъ и удовлетворило національному чувству.

Если смотрѣть на дѣло съ этой стороны, которая одна практична, то надобно не пожалѣть части лѣса, потребной для снабженія крестьянъ всѣмъ нужнымъ. Вѣдь до сихъ поръ, если былъ у помѣщика лѣсъ, крестьяне пользовались имъ, и лишить ихъ этой выгоды значило бы въ сущности обрѣзать настоящей размѣръ ихъ пользованія угодьями. На самомъ дѣлѣ потери помѣщику не будетъ тутъ никакой: вѣдь до сихъ поръ не въ его пользу, а въ пользу крестьянъ росла и стояла та часть лѣса, которая шла на удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ. Сказать, что я не буду пользоваться тѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ пользовались другіе, а не я, — тутъ нѣтъ никакого уменьшенія моему прежнему пользованью.

Какъ надобно рѣшить дѣло о той части лѣса, которою пользовались крестьяне, такъ надобно рѣшить его и о другихъ угодьяхъ, которыми они пользовались, во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ кромѣ пахотной земли, луговъ и лѣса, есть другія угодья. Въ серьезныхъ дѣлахъ не слѣдуетъ играть словами; не слѣдуетъ толковать ихъ въ иномъ смыслѣ, кромѣ дѣйствительнаго. Что такое въ сущности разумѣлось до сихъ поръ подъ надѣломъ крестьянъ? Разумѣлась вся та сумма угодій, которыми они пользовались. Смыслъ дѣла лежитъ въ размѣрѣ пользованія, а не въ томъ, какъ называются извѣстныя угодья — государственными, господскими или крестьянскими. Пользовался угодьемъ тотъ, кто имъ пользовался, такъ и должно остаться относительно лѣсовъ, рыбныхъ ловлей и т. п.; иначе, сумма пользованія уменьшилась бы, то есть уменьшилась бы надѣлъ.

Если вести освобожденіе крестьянъ съ цѣлью удовлетворить національное чувство, надобно вести его такъ, чтобы національное чувство дѣйствительно было удовлетворено. Въ большей части помѣщевъ крестьяне не жалуются на нынѣшній надѣлъ, и потому надобно принимать его общею нормою. Но былъ бы нарушенъ смыслъ дѣла, то есть удовлетвореніе національному чувству, если бы надѣлъ не былъ приведенъ къ соотвѣтствію съ нимъ въ тѣхъ помѣстьяхъ, гдѣ нынѣшній надѣлъ служилъ причиною справедливыхъ жалобъ по своей недостаточности. Впрочемъ, повторяемъ, что это частный случай, и нетрудно рѣшить его въ справедливомъ смыслѣ, если все дѣло вообще будетъ введено съ желаніемъ достигъ справедливости.

Въ частномъ случаѣ, о которомъ мы упомянули, особеннаго вниманія заслуживаютъ луга. Надѣлъ ими крестьянъ чаще бывалъ неудовлетворителенъ, нежели надѣлъ другими угодьями. И тутъ справедливость со стороны помѣщиковъ должна обратиться въ ихъ собственную пользу. Благосостояніе поселянъ—необходимое условіе для того, чтобы цѣны хлѣба установились выгодныя для помѣщиковъ. Достаточное снабженіе лугами — самая важная вещь для лучшаго устройства крестьянскихъ хозяйствъ. Уступая десятину луга крестьянину, помѣщикъ избавляетъ его отъ необходимости спускать на полтину цѣну четверти хлѣба; а съ цѣною крестьянскаго хлѣба понижается или повышается и цѣна господскаго. Выгода отъ лишней полтины за четверть далеко перевыситъ для помѣщика цѣну льготы, которую онъ оказалъ поселянину въ надѣлѣ землю.

Въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть на размѣръ крестьянскаго надѣла со стороны выгодъ помѣщика, выводъ окажется точно такой же, какъ и тогда, какъ если смотрѣть на это дѣло со стороны требованій національнаго чувства. Если только помѣщики захотятъ сообразить истины, доказанныя политической экономіей, они сами не захотятъ уменьшать крестьянскаго надѣла. Дѣло рѣшенное, что въ Россіи невозможно уничтожить крестьянскія земледѣльческія хозяйства, невозможно сдѣлать такъ, чтобы простолюдины не были сами производителями хлѣба на своихъ участкахъ, а были только наемными батраками, какъ въ Англіи. А если уже крестьянинъ необходимо остается производителемъ хлѣба, то выгода другихъ производителей, т. е. помѣщиковъ, требуетъ, чтобы ему не было необходимости сбивать цѣну на хлѣбъ вообще. А если крестьянинъ будетъ въ нуждѣ, онъ станетъ продавать свой хлѣбъ въ убытокъ себѣ, естало быть подрывать цѣну и на помѣщичій хлѣбъ. Только обезпечивъ крестьянина, помѣщики обезпечатъ и свое хозяйство. Разсчитывать иначе было бы очень недальновиднымъ разсчетомъ.

3. Основанія и размѣръ вознагражденія.

Крѣпостное право такъ противно здравому экономическому расчету, что приводитъ къ цифрамъ, рѣшительно не согласнымъ одна съ другою. Возьмемъ одинъ примѣръ. Намъ говорятъ, что въ губерніяхъ, гдѣ средняя пропорція земли у помѣщиковъ 11 десятинъ на душу, земля продается по 40 руб. за десятину. Попробуйте же спросить, за сколько можно купить помѣстье въ этихъ сторонахъ. Вамъ отвѣчаютъ: по 250, много по 300 руб. за душу. Скажите же, что это за нелѣпость? При 100 душахъ находится 1,100 десятинъ земли, каждая десятинка стоитъ 40 руб., стало быть, вся земля стоитъ 44,000 руб.: за сколько же можно купить это помѣстье? Его можно купить за 25,000 руб., и дороже 30,000 никто не дастъ. Какъ объяснить такую несообразность? А вотъ какъ. Вся ли дача находится въ пользованіи у помѣщика? Нѣтъ, далеко не вся: десятинъ 400, или даже 500 отданы въ пользованіе крестьянамъ, и съ этихъ десятинъ помѣщикъ не получаетъ ни одного зерна хлѣба. Если онъ захочетъ отнять у крестьянъ ту или другую десятину, она будетъ имѣть цѣну для него; но пока она у крестьянъ, онъ не владѣетъ ею, не получаетъ съ нея дохода. Стало быть, при продажѣ цѣлаго помѣстья, сколько десятинъ идутъ въ цѣну? Идутъ въ цѣну только тѣ десятины, которыя остаются въ пользованіи помѣщика, а крестьянскій надѣлъ въ цѣну помѣстья вовсе и не идетъ; эта часть земли, отданная крестьянамъ, какъ будто лежитъ подъ секвестромъ, она бесполезна для самого помѣщика. Разумѣется, мы говоримъ о тѣхъ помѣстьяхъ, которыя на барщинѣ: вся ихъ цѣнность ограничивается цѣною земли, остающейся въ пользованіи помѣщика, да степенью пользы, какую онъ получаетъ отъ обязательнаго труда. Теперь, слава Богу, помѣщики поняли, что обязательный трудъ приноситъ имъ не пользу, а чистый убытокъ: если, напримѣръ, при немъ оборотнаго капитала на десятину господскаго поля нужно было имѣть 3 руб., за то и дохода съ десятины получалъ помѣщикъ только 12 руб., т. е. чистой выгоды оставалось ему только 9 р.; а если бы земля обрабатывалась вольнымъ трудомъ, тогда, съ прибавкою 4 р. расхода на наемъ работниковъ, обработка десятины обходилась бы въ 7 р., за то десятинка давала бы дохода, по крайней мѣрѣ, 20 р., т. е. чистой выгоды оставалось бы 13 р. Такимъ образомъ, обязательный трудъ, производилъ сбереженіе въ 4 руб. на расходѣ, производитъ 8 р. уменьшенія въ доходѣ, т. е. въ концѣ концовъ даетъ чистаго убытка помѣщику 4 р. Этотъ убытокъ производится небрежностью обработки, безрасчет-

ностью въ употребленіи труда и во всемъ хозяйствѣ и, наконецъ, низкостью цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, — все это необходимыя принадлежности обязательнаго труда. Слава Богу, помѣщики поняли это, и, кромѣ немногихъ, слишкомъ недалеконзидныхъ людей, всѣ находятъ прямую выгоду себѣ въ отмѣнѣ крѣпостнаго права на личность безъ всякаго вознагражденія. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, выгоднѣйшая расчетливость совпадаетъ со справедливостью и благородствомъ. Итакъ, право на личность въ барщинныхъ имѣніяхъ, по согласію самихъ помѣщиковъ, рѣшено отмѣнить безъ всякаго вознагражденія. Въ чемъ же остается вся цѣнность имѣнія? Она остается въ той части земли, которая до сихъ поръ находилась въ пользованіи помѣщика. Увеличивается или уменьшается эта цѣнность черезъ отмѣну другаго элемента, которымъ уменьшался чистый доходъ? Конечно, увеличивается: теперь помѣщикъ будетъ получать съ каждой десятины своихъ полей на цѣлую треть или даже на половину больше того, что получалъ прежде. Ясно, что и продажная цѣнность этой земли увеличится соразмѣрно тому. Возвратимся къ прежнему примѣру. Цѣнность помѣстья, имѣвшаго 1,100 дес., была 25,000 руб., а каждая дес. стоила 40 руб. Это значитъ, что у помѣщика было въ пользованіи 625 дес. и только онѣ однѣ составляли цѣну; а остальные 475 дес., отданныя во владѣніе крестьянамъ, ничего не прибавляли къ цѣнности другой половины (*). Но цѣна части, остававшейся у помѣщиковъ и составлявшей всю стоимость помѣстья, была сообразна доходу, получавшемуся при обработкѣ крѣпостнымъ трудомъ. Положимъ, что главный доходъ состоялъ въ земледѣліи и что господской запашки въ трехъ поляхъ было 220 дес. (около двухъ дес. въ полѣ на тягло). Съ этихъ 220 дес., по 9 руб. чистаго дохода отъ дес., получалось 1,980 руб. Это значитъ, что продажная цѣна помѣстья (25,000 руб.) опредѣлялась капитализаціею дохода въ 8 проц. Съ отмѣною обязательнаго труда десятина запашки будетъ давать 13 руб. Это значитъ, что отъ земледѣлія въ прежнемъ размѣрѣ получится дохода 2,860 руб.; капитализаціи въ 8 проц. это составило бы цѣнность помѣстья въ 35,650 руб. Такимъ образомъ, хотя число десятинъ въ помѣстьѣ номинально уменьшилось черезъ освобожденіе крестьянъ, но часть помѣстья, оставшаяся у помѣщика, получаетъ гораздо большую цѣнность, нежели по какой можно было продать все помѣстье до освобожденія крестьянъ.

(*) Точно также и усадьбы въ барщинныхъ имѣніяхъ не даютъ помѣщику ни гроша дохода, слѣдовательно ни на одинъ рубль не входятъ въ цѣнность помѣстья. Уже по одному этому не слѣдуетъ класть за нихъ выкупа, не говоря о томъ, что онѣ построены вообще самими крестьянами.

Если брать предметъ только съ этой стороны, то очевидно, что въ земледѣльческихъ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ, помѣщики прямо выигрывали бы, отказываясь безъ всякаго вознагражденія и отъ крѣпостнаго труда и отъ всей части помѣстья, употреблявшейся исключительно на пропитаніе этого обязательнаго труда, т. е. освобождая крестьянъ съ нынѣшнимъ надѣломъ безъ всякаго вознагражденія; слѣдовательно, они, по справедливости, могли бы требовать съ крестьянъ вознагражденія только тогда, когда бы при освобожденіи надѣлъ увеличивался противъ размѣра, въ которомъ нынѣ крестьяне пользовались пахотною землею, лѣсомъ и другими угольями. За эти прибавки, составляющія вычетъ изъ продажной цѣны помѣстья, конечно, слѣдовало бы брать настоящую продажную цѣну. Дай Богъ, чтобы такихъ прибавокъ было больше. Но мы говоримъ не о нихъ—онѣ все-таки будутъ только исключеніемъ изъ общаго правила—мы говоримъ о выкупѣ при освобожденіи съ настоящимъ надѣломъ, который не входитъ въ продажную цѣну: съ его отпаденіемъ цѣнность имѣнья не уменьшается, а развѣ увеличивается. Погрязнуть въ крѣпостномъ правѣ, мы всосали такъ много фальшивыхъ понятій; мало и плохо учившись, мы остались такъ чужды самымъ простымъ экономическимъ истинамъ, что взглядъ, здѣсь изложенный, можетъ показаться новъ или сомнителенъ для нѣкоторыхъ. «Какже можно, чтобы помѣстье, имѣвшее 1,100 дес., не потеряло ни копѣйки изъ своей продажной цѣны, когда межа его уменьшается на столько, что остается въ немъ всего только 625 дес.?» А вотъ какъ это бываетъ. Если бы, напримѣръ, остальные 475 дес. были заняты трясинымъ болотомъ, то цѣнность помѣстья не уменьшилась бы, а, напротивъ, увеличилась, если бы вся эта трясина провалилась сквозь землю: тогда она, по крайней мѣрѣ, не заражала бы своими тлетворными миазмами остальной моей земли, въ ней не пропадали бы мой скотъ. Крѣпостное право—это гнусная, тлетворная трясина, которая не только совершенно отняла изъ цѣнности имѣнья всю землю, отданную подъ прокормленіе крѣпостнаго населенія, но и значительно повизила цѣнность остальной земли, которая взята въ личное пользованіе помѣщикомъ.

Или вотъ еще что: умные люди говорятъ, что владѣніе Ломбардскимъ королевствомъ не усиливало, а ослабляло Австрію. А вѣдь въ Ломбардскомъ королевствѣ нѣсколько милліоновъ десятинъ превосходнѣйшей земли и нѣсколько милліоновъ жителей; между тѣмъ, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что Австрія, отказавшись отъ Ломбардіи, стала богаче и сильнѣе. Ясно ли, что не всякое расширеніе межи выгодно, не всякое уменьшеніе пространства, называющагося моимъ, будетъ убыточно для меня? Какая мнѣ польза назы-

ваться господиномъ того участка, съ котораго я не получаю ни зерна?

Если смотрѣть только на эту сторону дѣла, нѣтъ надобности для помѣщика земледѣльческаго имѣнія ни въ какомъ выкупѣ за нынѣшній крестьянскій надѣлъ.

Но есть другая сторона въ этомъ дѣлѣ. Мы говорили, что чистый доходъ помѣщику отъ земледѣлія увеличится съ отмѣною крѣпостнаго труда; но долженъ увеличиться и размѣръ оборотнаго капитала, нужнаго на обработку каждой десятины. При крѣпостномъ трудѣ, для этого довольно было капитала въ 3 р., заключавшагося главнымъ образомъ въ цѣнности посѣва; теперь понадобится еще 4 р. на плату рабочимъ. Если спросить у любого экономиста: кто обязанъ доставить оборотный капиталъ на улучшение предпріятія, когда это предпріятіе приноситъ выгоду исключительно мнѣ и находится въ полномъ моемъ хозяйствѣ? — отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію: достать оборотный капиталъ — личное дѣло хозяина; никто другой не обязанъ доставлять ему капитала, отъ котораго выгоду получить онъ одинъ. Нѣтъ сомнѣнія, въ томъ, что помѣщикъ легко можетъ получить займы незначительныя деньги, какія понадобятся на наемную работу, если не имѣетъ ихъ въ наличности. Такимъ образомъ, заботу о полученіи 880 рублей, которые потребуются для обработки наймомъ 220 десятинъ въ помѣстьѣ, служащемъ для насъ примѣромъ, слѣдуетъ оставить на самомъ помѣщикѣ; смѣшно было бы сказать, что владѣльцу 625 десятинъ, имѣющихъ цѣну по 40 рублей, трудно достать займы какіе нибудь 900 рублей. Но мнѣніе очень многихъ добросовѣстныхъ помѣщиковъ расходится съ кореннымъ понятіемъ науки: они думаютъ, что именно выкупъ долженъ доставить имъ деньги на обзаведеніе новымъ хозяйствомъ. Въ этомъ случаѣ, пожалуй, можно сдѣлать уступку предубѣжденію, потому что, какъ ни ясно свидѣтельствуетъ противъ него наука, ея доводы не перешли еще въ непреодолимое національное чувство и оно не возмутится отступленіемъ отъ точной справедливости, если государство согласится, что выкупъ долженъ доставить деньги, нужныя помѣщикамъ на введеніе наемной платы за обработку господскихъ полей. Можно полагать, что надобность эта простирается отъ 5 до 6 рублей на каждую десятину яроваго и озимаго полей господской заправки, то есть отъ 3 р. 50 коп. до 4 р. на каждую десятину въ трехъ поляхъ.

Есть еще другое обстоятельство, гораздо болѣе значительное въ денежномъ отношеніи. Помѣстья, болѣе, чѣмъ на половину, обременены долгами, между которыми важнѣйшую часть составляетъ долгъ въ кредитныя учрежденія. Есть мнѣніе, что въ вознагражденіе за

уступку крестьянамъ нынѣшняго надѣла помѣщики должны быть вознаграждены перенесеніемъ части опекунскаго долга на освобожденныхъ крестьянъ. Многіе разсчетливые помѣщики полагаютъ сами, что этого вознагражденія будетъ очень достаточно и никакого другаго не нужно требовать помѣщикамъ. Но наука опять говоритъ, что долгъ по справедливости остается на томъ лицѣ, которое воспользовалось для своей выгоды или своего удовольствія деньгами, полученными въ долгъ. Если мы разсмотримъ употребленіе ссудъ, полученныхъ помѣщиками изъ кредитныхъ учрежденій, мы найдемъ, что большая часть, двѣ — трети или больше изъ этихъ денегъ пошли на удовлетвореніе личнаго расхода самихъ помѣщиковъ, желавшихъ вести образъ жизни, для котораго не доставало ихъ дохода; затѣмъ значительная часть была употреблена на покупку новыхъ помѣстій или на основаніе промышленныхъ заведеній, то есть опять-таки въ личную выгоду помѣщиковъ. Исключивъ эти двѣ статьи изъ суммы долга, мы увидимъ, что едва ли одна пятнадцатая, или, много, много одна двѣнадцатая часть его была обращена на пособіе крестьянамъ. По точному требованію науки, только эта часть долга, которою воспользовались крестьяне, должна быть перенесена на нихъ.

Но, говорятъ, если почти весь долгъ останется на той части помѣстья, которая собственно принадлежитъ помѣщику, а не крестьянамъ, эта господская половина не будетъ служить для кредитныхъ учрежденій достаточнымъ обезпеченіемъ по долговому взысканію. Такое мнѣніе неосновательно въ отношеніи къ земледѣльческимъ помѣстьямъ, состоящимъ на барщинѣ. Мы видѣли, что вся ихъ цѣнность зависѣла исключительно отъ одной той части земли, которая оставалась въ пользованіи помѣщика, а земля, бывшая въ крестьянскомъ надѣлѣ, нимало не увеличивала собою цѣнности помѣстья; слѣдовательно, если бы даже цѣна земли не поднялась по освобожденіи крестьянъ, часть помѣстья, остающаяся за владѣльцемъ, при сохраненіи нынѣшняго надѣла, представляла бы залогъ столь же достаточный, какъ прежде все помѣстье. Слѣдовательно, для обезпеченія уплаты кредитнымъ учрежденіямъ вовсе нѣтъ нужды переносить долгъ на крестьянъ.

Представляется еще другое основаніе для такого переноса. Говорятъ, что при заведеніи новаго хозяйства, съ наемною работою, доходы помѣщиковъ на годъ или на два могутъ подвергнуться затрудненіямъ отъ переходнаго состоянія и что поэтому было бы тяжело для помѣщиковъ вносить уплату въ кредитныя учрежденія въ это время хлопотливыхъ передѣлокъ по хозяйству. Безпристрастный человѣкъ едва ли признаетъ много основательности въ этомъ сооб-

раженіи. Въ большей части земледѣльческихъ губерній доходы помѣщика не только на два года, но и на одинъ день не подвергнутся никакому разстройству или замедленію отъ передѣлки хозяйства; напротивъ, съ перваго же года дадутъ противъ прежняго излишекъ, если освобожденіе совершится хорошо. Впрочемъ, если бы и принять это соображеніе въ полной его силѣ, оно вело бы вовсе не къ тому заключенію, какое дѣлаютъ изъ него произвольнымъ образомъ. Въ чемъ сущность соображенія? На два года доходы помѣщиковъ подвергаются нѣкоторому замедленію отъ передѣлки хозяйства; въ эти годы будетъ затруднительно дѣлать взносъ по долгамъ въ кредитныя учрежденія. Теперь спрашивается: какаа же льгота была бы совершенно достаточною для устраненія этой трудности во всемъ ея предполагаемомъ размѣрѣ? О чемъ говорить само возраженіе? О трудности уплаты за два года. Итакъ, если дастся помѣщикамъ два года полной льготы въ уплатѣ, вся трудность уже устранена, вся жалоба уже удовлетворена въ полномъ своемъ размѣрѣ. Какъ дать эту двухлѣтнюю льготу, зависитъ уже отъ состоянія кредитныхъ учреждений. Если они могутъ выдержать отсрочку платежей на два года, не о чемъ и говорить. Если же не могутъ, то, пожалуй, можно наложить за эти два года взносъ кредитнымъ учрежденіямъ на крестьянъ, хотя мы не видимъ, почему бы именно крестьяне должны были удовлетворять надобность кредитныхъ учреждений по уплатѣ такого займа, которымъ воспользовались не они. Наложить на нихъ эту тяжесть мы соглашаемся только потому, что она, по незначительности своего размѣра, вѣроятно, не возбудила бы споровъ.

Сведемъ же теперь весь итогъ выкупа по тому помѣстью, которое служитъ для насъ примѣромъ. Замѣтимъ при этомъ, что средняя величина опекунскаго долга составляетъ около 60 руб. на душу.

Пособія помѣщику на заведеніе хлѣбонашества съ наемной платой по 4 рубля на десятину господскихъ пахатныхъ полей, всего 220 десятинъ	880 руб,
Одна двѣнадцатая часть займа помѣщика изъ кредитныхъ учреждений, употребленная въ пользу крестьянъ, т. е. изъ 60 рублей съ души 5 рублей, а со 100 душъ	500 —
Въ пособіе помѣщику два годичные взноса въ кредитныя учрежденія, по 6% съ остальныхъ 55 рублей долга, съ души по 3 рубля 30 коп., за два года 6 руб. 60 коп., а со 100 душъ	660 —

Итого 2,040 руб.

$\frac{1}{3}$

Вотъ весь итогъ выкупа, какой, по нашему счету, приходилось бы взять отчасти казнѣ (660 рублей) съ крестьянъ вмѣсто помѣщика, отчасти помѣщику (1,380 рублей) съ крестьянъ деревни, имѣющей 100 душъ и состоящей на барщинѣ.

До сихъ поръ мы говорили объ имѣняхъ, состоящихъ на барщинѣ. Теперь посмотримъ на оброчныя имѣнія. Въ нихъ доходъ получается помѣщикомъ не отъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства, а отъ прямой уплаты денегъ крестьянами; слѣдовательно, и продажная цѣнность помѣстья возникаетъ изъ капитализаціи денежныхъ уплатъ, производимыхъ крестьянами, а не изъ земледѣльческаго дохода. Иначе сказать, основаніемъ для опредѣленія выкупа долженъ служить оброкъ. Итакъ, мы должны разсмотрѣть юридическую сущность оброка. По закону, оброкъ есть плата, взимаемая помѣщикомъ съ крестьянъ за увольненіе ихъ отъ обязательнаго воздѣлыванія господскихъ людей, по три дня въ недѣлю; иначе сказать, сущность оброчнаго положенія состоитъ въ томъ, что помѣщикъ передаетъ крестьянамъ ту часть земли, которая могла бы остаться въ собственномъ его пользованіи, за надѣломъ крестьянъ землею по нормѣ барщинныхъ помѣстій, и беретъ съ нихъ сумму чистаго дохода, приносимаго этою собственно господскою частью земли. Спрашивается теперь: чѣмъ должна опредѣляться величина законнаго оброка? Великою земледѣльческой прибылью съ такого числа десятинъ, какое могли бы крестьяне обработать на господскихъ поляхъ. Какова же величина этого дохода? Крестьяне при барщинѣ должны бы работать на себя такіе же три дня, какъ и на барина; слѣдовательно, величина дохода съ господскихъ полей никакъ не могла бы превышать половины того, что они получаютъ отъ земледѣльческихъ работъ, пользуясь всею землею и всѣми днями. Итакъ, если при освобожденіи вся земля, находящаяся въ дачѣ оброчнаго помѣстья, остается, по нынѣшнему, за крестьянами, то выкупъ этого помѣстья долженъ опредѣляться по слѣдующей нормѣ:

Во-первыхъ, надобно опредѣлить, сколько земли могло бы остаться для господской запашки, за достаточнымъ надѣломъ земли крестьянамъ. Для этого надобно изъ всего пространства полей вычесть пространство, которое можетъ быть обработано въ 3 дня, составляющіе собственность крестьянъ. Остатокъ покажетъ, какой размѣръ могла бы имѣть въ томъ селѣ господская запашка. Положимъ, на примѣръ, что тягло обрабатываетъ во всѣ 6 дней по 4 десятины въ полѣ, то есть, что въ 3 дня, составляющіе собственность крестьянина, тягло могло бы обработать 2 десятины: ясно, что остальные двѣ десятины могли бы составлять господскую запаш-

ку. Мы взяли такой примѣръ, когда земли у деревни вдоволь и крестьяне обрабатываютъ ея столько, на сколько у нихъ силъ хватить. Въ такомъ случаѣ господская запашка могла бы имѣть размѣръ запашки, производимой въ 3 дня, т. е. могла бы составлять ровно половину всего количества земли, обрабатываемой въ 6 дней. Если же земли недостаточно, то, за вычетомъ пространства, которое должны бы обрабатывать крестьяне на себя въ три дня, остатокъ будетъ, конечно, менѣе половины. Напримѣръ, если вся запашка цѣлыхъ 6 дней составляетъ только $3\frac{1}{2}$ десятины на тягло, то, за вычетомъ 2 десятины, приходящихся на 3 крестьянскіе дня, остается только $1\frac{1}{2}$ десятины.

Опредѣливъ такимъ образомъ пространство возможной господской запашки, надобно опредѣлить чистый доходъ съ нея. Для этого надобно изъ валоваго дохода вычесть всѣ расходы на обработку, т. е. цѣнность посѣва, цѣнность удобрения, ремонтъ земледѣльческихъ орудій и наемную плату работникамъ. За этими вычетами изъ валоваго дохода останется, какъ мы сказали, чистый доходъ, какой могло бы доставлять, по закону, это имѣніе своему помѣщику. Капитализируя эту законную величину по проценту, принимаемому въ данной мѣстности за процентъ средняго дохода съ помѣстій, мы получимъ законную цѣнность оброчнаго имѣнія.

Для ясности произведемъ такое дѣйствіе надъ селомъ, которое принималось у насъ состоящимъ на барщинѣ. Положимъ теперь, что оно состоитъ на оброкѣ, и сдѣлаемъ оцѣнку выкупа.

При оброчномъ положеніи, вся земля отдана крестьянамъ и всѣ шесть дней они работаютъ на себя. Въ три дня они успѣвали обработать въ трехъ поляхъ 220 десятины, слѣдовательно въ шесть дней обрабатываютъ 440 десятины. Чистый доходъ съ каждой десятины при нынѣшнемъ положеніи 9 рублей; итого крестьяне получаютъ отъ земледѣлія чистаго дохода 3,960 рублей. Господская запашка тутъ имѣетъ такой же размѣръ, какъ крестьянская, то есть изъ всего дохода половина составляетъ оброкъ. Итакъ, законная величина оброка 1,980 руб. Капитализируя эту цѣнность по 8 проц., мы получаемъ 24,750 руб., какъ законную величину выкупа; а капитализируя по $7\frac{1}{2}$ проц., получаемъ 26,400 р. Продажная цѣнность всего помѣстья была около 25,000 руб. Итакъ, цифра вознагражденія, принятая нами, какъ нельзя точнѣе соответствуетъ продажной цѣнности имѣнія. Такъ и слѣдуетъ быть, когда все имѣніе остается въ рукахъ у крестьянъ. Изъ этого соответствія мы видимъ, что способъ для опредѣленія законной величины оброка принятъ нами совершенно правильный.

Но мы предположили состоящимъ на оброкъ имѣніе съ 11 десятинами хлѣбородной земли на душу. Такихъ оброчныхъ имѣній едва ли найдется въ цѣлой Россіи десятка полтора. Извѣстно, что, за исключеніями, чрезвычайно немногочисленными, имѣніе переводится съ барщины на оброкъ только тогда, когда земли слишкомъ мало или когда она неудобна для хлѣбопашества. Подъ тотъ или другой изъ этихъ случаевъ подходятъ 99 изъ 100 оброчныхъ имѣній. Въ нихъ цифры законнаго выкупа совершенно не таковы, какъ въ приведенномъ нами исключительномъ случаѣ оброчнаго имѣнія съ достаточнымъ количествомъ хлѣбородной земли. Если, на примѣръ, земля хлѣбородна, но количество ея мало, на примѣръ, всего 5 десятинъ на душу, какой выводъ получится тогда? За вычетомъ усадебъ, луговъ и такъ далѣе, остается пахатныхъ полей всего только 25 десятинъ или даже меньше. Изъ этой земли для надѣла крестьянамъ, считая менѣе $1\frac{1}{2}$ десятины въ полѣ на тягло — надѣлъ не совсѣмъ удовлетворительный, — и, считая въ 100 душахъ 40 тягловъ, понадобилось бы 180 десятинъ. Значитъ, для господскихъ полей оставалось бы едва ли 70 десятинъ. Съ нихъ, по 9 руб., чистаго дохода было 630 руб. Капитализируя эту цѣнность по 8 проц., мы получили бы всю величину выкупа только въ 7,875 руб. Спросимъ теперь: много ли найдется оброчныхъ имѣній, которыя имѣли бы $2\frac{1}{2}$ десятины запашки хлѣбородной земли на душу, то есть болѣе 6 десятинъ на тягло? А если запашка меньше, то и мѣста для господскихъ полей останется меньше, а слѣдовательно меньше останется земли, съ которой бы могъ считаться законный оброкъ.

Это еще хорошій случай, когда есть хоть сколько нибудь хлѣбородной земли: тутъ для законнаго obroka можетъ оказаться нуль, по крайней мѣрѣ не получается отрицательныхъ цифръ. Напротивъ, если земля въ помѣстьи такова, что обработка ея не даетъ чистаго дохода, или даже доходомъ не окупаются издержки производства, то получаютъ отрицательныя цифры. На примѣръ, если цѣнность производства 15 руб. на десятину, а весь валовой доходъ 13 руб., то съ каждой десятины получается 2 руб. убытка, и если бы помѣщикъ нашего примѣрнаго села въ 100 душъ вздумалъ на такой землѣ получать доходъ отъ земледѣлія, то есть держать крестьянъ на барщинѣ, то съ его полей не осталось бы ему ни зерна хлѣба на продажу, за прокормленіемъ крестьянъ, и, сверхъ того, онъ долженъ былъ бы давать изъ своего кармана еще 880 руб. на прокормленіе крестьянъ, потому что со всѣхъ 440 десятинъ господскихъ и крестьянскихъ полей получалось бы валоваго дохода только 5,740 руб. (по 13 руб.); а на прокормленіе крестьянъ было бы нужно 6,600 руб. (эта сумма, разложенная на десятины, даетъ 15 руб. на десятину из-

держекъ производства). Какова цѣнность имѣнія, законный оброкъ съ котораго равняется ежегодному убытку въ 880 руб.? Считая по 8 проц., мы увидимъ, что этотъ ежегодный убытокъ равняется одновременно уплатѣ 11,000 руб. Иначе сказать, помѣщику было бы выгодно не только задаромъ отказаться отъ такого помѣстья, но и заплатить изъ своего кармана довольно значительную сумму, лишь бы отвязаться отъ него.

Не каждый изъ насъ привыкъ переводить математическія уравненія на языкъ житейскаго разговора; но кто привыкъ, тотъ знаетъ, какой смыслъ имѣютъ отрицательныя цифры, оказывающіяся для выкупа въ большей части оброчныхъ имѣній. Что такое означаетъ отрицательный выкупъ, то есть платежъ отъ помѣщика крестьянамъ? Мы скажемъ, что онъ означаетъ, и замѣтимъ, что смыслъ нашихъ словъ очень важенъ, потому что они очень серьезны:

Крѣпостное право состоитъ въ присвоеніи владѣльцу земли власти принуждать поселенныхъ на этой землѣ крестьянъ къ земледѣльской работѣ въ личную его пользу. Замѣтимъ слова: «къ земледѣльской работѣ». Да, только къ ней, ни къ какой другой. Даже по судебной и полицейской практикѣ изъ крѣпостнаго права вытекаетъ только земледѣльская работа, — никакая другая. Доказать это легко. Предположимъ, что портной или сапожникъ изъ крѣпостныхъ людей, жившій въ городѣ и платившій оброкъ, является въ деревню и говоритъ помѣщику: «Я не хочу заниматься своимъ ремесломъ и платить оброкъ.» Можетъ ли помѣщикъ сказать, что этотъ крестьянинъ не исполнитъ своихъ крѣпостныхъ обязанностей, если будетъ исправно ходить на барщину? Спросите исправника, становаго, уѣзднаго судью: всѣ скажутъ, что если крестьянинъ готовъ идти на барщину, онъ исполняетъ свою обязанность, и помѣщикъ не можетъ жаловаться на него за то, что онъ только земледѣлецъ, а не ремесленникъ. Слѣдовательно, если оброкъ получается съ какого нибудь другаго занятія, кромѣ земледѣлія, онъ является только произвольною замѣною земледѣльской барщины, которая одна установлена закономъ какъ принадлежность крѣпостнаго права. Что же теперь? Если есть помѣстья, въ которыхъ, или по малоземелью, или по неплоднотѣ почвы, веденіе земледѣльческаго хозяйства на основаніи крѣпостнаго права или не можетъ давать порядочнаго дохода помѣщику, или даже не можетъ прокармливать крестьянъ и, слѣдовательно, обращается въ убытокъ помѣщику, — если есть такія помѣстья, что изъ того слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что законное крѣпостное право, то есть обработка земли обязательнымъ трудомъ, не примѣняется къ такимъ помѣстьямъ: они не имѣютъ

экономической возможности существовать при немъ; они выходятъ за границы, которыми законъ опредѣляетъ крѣпостное право. Какъ бы ни думалъ кто изъ насъ о крѣпостномъ нравѣ, во въ этихъ помѣстьяхъ происходитъ нѣчто противное даже крѣпостному праву. А кромѣ крѣпостнаго права нашъ законъ не признаетъ другихъ оснований для права на личность. Итакъ, если есть въ какихъ нибудь оброчныхъ помѣстьяхъ такой оброкъ, который выше дохода, доставляемаго въ тѣхъ помѣстьяхъ земледѣіемъ, этотъ оброкъ есть нарушение крѣпостнаго права, и весь излишекъ оброка надъ земледѣльческимъ доходомъ не имѣетъ юридическаго основанія и существуетъ только какъ злоупотребленіе. Только земледѣльческій трудъ подлежитъ крѣпостному праву, въ законномъ смыслѣ слова; только на цѣнности, доставляемыя земледѣльческимъ трудомъ, простирается крѣпостное право. За этимъ предѣломъ денежные сборы лишены юридическаго основанія.

Изъ этого мы видимъ, какъ незначительны должны оказаться законныя цифры выкупа въ оброчныхъ имѣніяхъ. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земледѣльческимъ трудомъ едва могли бы кормиться сами поселяне, крѣпостное право въ законномъ размѣрѣ своемъ не давало бы почти никакого дохода, слѣдовательно и цѣнность помѣстій, при законномъ пользованіи ими, представлялась бы ничтожною цифрою,

Мы ошиблись, во многихъ оброчныхъ помѣстьяхъ цифры были бы значительны, очень значительны, но имѣли бы отрицательный знакъ, что мы уже видѣли.

Впрочемъ, мы до сихъ поръ еще не объяснили именно того, что взялись объяснить — не объяснили смысла отрицательныхъ величинъ въ переводѣ ихъ съ арифметическаго языка на разговорный. Вотъ каковъ этотъ смыслъ. Человѣкъ, принимающій дѣло убыточное въ своей законной формѣ, или неразсчитавъ (и за неразсчитанность свою долженъ нести убытки), или намѣренъ вести дѣло какимъ нибудь другимъ путемъ, мимо законнаго (слѣдовательно, долженъ подвергнуться отвѣтственности по закону.)

Дѣло въ томъ, что, дѣйствительно, оброкъ почти всегда есть превышеніе крѣпостнаго права: онъ есть пользованіе правомъ надъ личностью при такихъ обстоятельствахъ, которыя противорѣчатъ основному характеру крѣпостнаго права.

Какія юридическія послѣдствія возникаютъ изъ такого отношенія, мы не хотимъ разбирать здѣсь; но читатель вообще замѣтитъ, что дѣло идетъ о цѣнностяхъ, которыхъ не знаетъ и не признаетъ законъ. Если мы не ошибаемся, пользованіе цѣнностями, не имѣю-

щими заковнаго существованія, не можетъ ожидать для себя благоприятныхъ результатовъ, въ случаѣ разсмотрѣнія по закону.

Повторимъ кратко результаты этого изслѣдованія.

Въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ, цѣнность помѣстья опредѣлялась исключительно тою частью помѣстья, которая оставалась въ личномъ пользованіи помѣщика. Земля, бывшая въ крестьянскомъ надѣлѣ, нимало не увеличивала продажной цѣнности имѣній; слѣдовательно, съ отдѣленіемъ крестьянской части отъ помѣстья, цѣнность помѣстья не уменьшается.

Отъ вознагражденія за право на личность помѣщички сами отказались и поступили справедливо, потому что въ барщинныхъ имѣніяхъ это право было для нихъ источникомъ не выгоды, а убытковъ.

Въ оброчныхъ помѣстьяхъ почти весь оброкъ или даже и весь оброкъ вытекалъ изъ нарушенія законныхъ основаній крѣпостнаго права.

Зачѣмъ мы дѣлали этотъ выводъ? Неужели затѣмъ, чтобы отказывать помѣщикамъ въ вознагражденіи? Совсе нѣтъ. Мы хотѣли только показать, что юридическихъ основаній для вознагражденія нѣтъ и что если идетъ о немъ рѣчь, то должна идти на основаніи государственной пользы и житейской справедливости.

Государственная польза требуетъ, чтобы ни одно сословіе не терпѣло напрасныхъ убытковъ.

Справедливость требуетъ, чтобы выкупъ не превышалъ мѣры дѣйствительной надобности въ немъ для помѣщиковъ.

На этомъ основаніи размѣръ выкупа можетъ быть опредѣленъ такой, что національное чувство останется довольно.

Если въ барщинныхъ имѣніяхъ, имѣющихъ довольно земли, размѣръ выкупа опредѣлится такой, чтобы, за вычетомъ долговъ въ кредитныя учрежденія, приходилось помѣщику получить сумму, достаточную для устройства земледѣльческаго хозяйства съ наемною платою, помѣщики не останутся въ убыткѣ; напротивъ, они очень много выиграютъ, потому что освободятся отъ долговъ, которыми угнетены, сохранять всю часть помѣстья, отъ которой зависѣла его цѣнность, и устроить хозяйства болѣе выгоднымъ образомъ.

Они будутъ получать доходовъ больше прежняго. Они избавятся отъ обременительныхъ укладъ въ кредитныя учрежденія. Поэтому продажная цѣнность ихъ помѣстій значительно увеличится, хотя число десятинъ будетъ считаться менѣе, нежели было.

Въ такихъ помѣстьяхъ каждый рубль выкупа есть чистый выигрышъ для помѣщика.

Средній долгъ въ кредитныя учрежденія составляетъ отъ 55 до 60 рублей на душу.

На устройство хозяйства съ наемными работниками нужно наличныхъ денегъ не болѣе 4 рублей на десятину господской запашки, то есть, считая среднимъ числомъ. 33 тягла въ 100 душахъ и $1\frac{3}{4}$ десятины въ полѣ господской запашки на тягло, всего около 175 десятинъ господской запашки на 100 душъ, нужно не болѣе 700 рублей для передѣлки земледѣльческаго хозяйства въ помѣстьѣ, имѣвшемъ 100 душъ.

Такимъ образомъ, выкупъ отъ 62 до 67 руб. былъ бы совершенно достаточенъ для того, чтобы помѣщики заложенныхъ имѣній не потерпѣли никакого разстройства въ своемъ хозяйствѣ; а чистымъ выигрышемъ было бы для нихъ освобожденіе отъ долга въ кредитныя учрежденія, или, въ имѣньяхъ чистыхъ отъ этого долга, получение суммы, равной среднему размѣру долга заложенныхъ помѣстій.

Въ оброчныхъ помѣстьяхъ справедливость требовала бы принять основаніемъ оцѣнки для вознагражденія такую величину оброка, которая считается въ тѣхъ мѣстахъ необременительною для крестьянъ. Во многихъ губерніяхъ эта цифра не выше 15 рублей, въ нѣкоторыхъ еще ниже; въ немногихъ она доходитъ до 25 рублей. Среднюю величину для цѣлой имперіи можно положить около 20 рублей. Считая 33 тягла на 100 душъ и капитализируя по $7\frac{1}{2}\%$, это составитъ около 89 рублей за душу.

Само собою разумѣется, что если эти 89 рублей употребить на дѣланіе обѣдовъ, баловъ, покупку каретъ и браслетъ, этихъ денегъ окажется мало для жизни. Точно также не для всѣхъ достаточенъ будетъ доходъ, если положить деньги въ кредитныя учрежденія, лечь на диванъ и курить трубку съ длиннымъ чубукомъ, получая по 5% на свой капиталъ. Но въ нашъ вѣкъ никакого капитала не будетъ достаточно для человѣка, желающаго жить сложа руки. А кто захочетъ пустить свой капиталъ въ оборотъ, тотъ легко получитъ съ него 8% и больше. Значитъ, изъ помѣщиковъ, владѣвшихъ оброчными, не останется въ убыткѣ никто, если самъ не захочетъ оставаться въ убыткѣ.

Мы не выставяемъ своихъ цифръ за непремѣнныя и окончательныя; мы просимъ только подумать, что, при этихъ или близкихъ къ нимъ цифрахъ выкупа, помѣщики оброчныхъ имѣній не останутся въ убыткѣ, а помѣщики тѣхъ имѣній, гдѣ существовала господская запашка, будутъ имѣть уже очень значительную выгоду.

Разумѣется, мы говоримъ о тѣхъ помѣщикахъ, которые не злоупотребляли своею властью, не раззоряли крестьянъ противозакон-

нымъ увеличеніемъ барщины или такими оброками, отъ которыхъ возмущались сосѣдніе честные помѣщики. Мы говоримъ о помѣщикахъ честныхъ, совѣстливыхъ, которые честнымъ и разсудительнымъ способомъ дѣйствія въ губернскихъ комитетахъ уже оказали и себѣ, и крестьянамъ, и государству великую услугу, доказавъ, что освобожденіе крестьянъ безъ земли невозможно.

Просимъ ихъ подумать о величинѣ выкупа такъ же разсудительно, какъ подумали они объ освобожденіи съ землею или безъ земли. Просимъ ихъ подумать о томъ, есть ли для нихъ надобность въ такихъ страшныхъ выкупахъ, какіе опредѣляются нѣкоторыми софистами, разсчитывающими на остзейскій манеръ? Есть ли честному помѣщику земледѣльческаго имѣнія надобность, оставляя у себя всю ту землю, которая составляла цѣну помѣстья, требовать съ крестьянъ выкупа, который чуть ли не превышаетъ всей цѣны помѣстья? Просимъ ихъ подумать о томъ, останутся ли они въ убыткѣ, освободившись отъ долговъ въ кредитныя учрежденія и получивъ, сверхъ того, деньги, какія нужны для заведенія хлѣбопашества съ вольнонаемнымъ трудомъ? Просимъ ихъ также подумать о томъ, что, при той величинѣ выкупа, которую сами они, по совѣсти, вѣроятно, признаютъ за безубыточную для себя, при этой величинѣ выкупа отъ 70 до 90 рублей за душу, очень легко произвести выкупъ на такихъ основаніяхъ, которыми національное чувство останется довольно. Просимъ ихъ также подумать о томъ, признается ли національнымъ чувствомъ хотя какойнибудь выкупъ? Русскій народъ состоитъ не изъ экономистовъ, онъ не читалъ Адама Смита. Но пусть честные люди прислушаются къ голосу народа, и они узнаютъ, что нація думаетъ о выкупѣ. Хотите ли знать, что думаетъ нація? Нація споритъ о томъ, что должно быть съ господскими полями и лугами: останутся ли они за помѣщикомъ, или также отойдутъ къ крестьянамъ? И, замѣтите, о выкупѣ не бываетъ въ этихъ спорахъ и помина. Просимъ прислушаться къ голосу націи и провѣрить, правду ли мы говоримъ. При такомъ расположеніи національнаго чувства, что остается дѣлать людямъ, которые желали бы, чтобы помѣщики получили выкупъ не на бумагѣ только, а на самомъ дѣлѣ? Остается думать о томъ, такова ли удовлетворительная для помѣщиковъ величина выкупа, чтобы этотъ выкупъ былъ заплаченъ незаметно для крестьянъ, иначе сказать, такую ли величину имѣеть этотъ выкупъ, чтобы онъ могъ быть уплаченъ податью въ 3 рубля, то есть тѣми рублями, которые составляютъ разницу между нынѣшнею казенною податью крѣпостныхъ крестьянъ и тою, которою они по освобожденіи были бы обложены наравнѣ съ государственными крестьянами. Намъ кажется, что выкупъ такой величины безубыто-

чень для помѣщиковъ оброчныхъ имѣній и составляетъ огромный выигрышъ для помѣщиковъ имѣній съ господскою запашкою. Просимъ подумать о такой величинѣ выкупа, потому что только она можетъ быть примирена съ національнымъ чувствомъ. Мы говоримъ о національномъ чувствѣ: почему не сказать и о наукѣ? Почему не замѣтить, что она съ своей стороны говоритъ то же самое, что говоритъ национальное чувство, хотя оно и не знаетъ о ней. Нашъ взглядъ на юридическую величину выкупа не согласенъ съ предубѣжденіями, которыя всосаны многими изъ насъ отъ крѣпостнаго права, или, лучше сказать, отъ его злоупотребленій (потому что законное крѣпостное право, то право, которое можетъ требовать себѣ вознагражденія по Своду Законовъ, приводитъ къ такимъ же соображеніямъ, какія изложены у насъ); но спросите у любого экономиста, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, какого угодно: каждый скажетъ о размѣрѣ юридическаго вознагражденія то же самое, что должны были сказать мы для ослабленія фальшивыхъ и непрактичныхъ претензій, предъявляемыхъ нѣкоторыми. Сводъ Законовъ, національное чувство, политическая экономія, — все приводитъ къ тому, что *требовать* выкупа едва ли выгодно и даже едва ли можно; но можно *получить* выкупъ въ такомъ размѣрѣ, который допускается состояніемъ государственныхъ финансовъ и національнымъ чувствомъ. Этотъ размѣръ мы старались опредѣлить. При выкупѣ отъ 70 до 90 рублей съ души, національное чувство не будетъ возмущено; государство не потерпитъ разстройства; одна треть помѣщиковъ (помѣщики оброчныхъ имѣній) останутся не въ убыткѣ; двѣ другія трети помѣщиковъ (помѣщики имѣній съ господскою запашкою) будутъ имѣть огромный выигрышъ.

А если требовать выкупа въ 150 рублей, народъ изнеможетъ подъ такую тяжесть, и что тогда будетъ? Чего ждетъ теперь крестьянинъ? Онъ ждетъ воли. Чего ждетъ онъ отъ воли? Облегченія своей судьбѣ. Какое же почувствуетъ онъ облегченіе и пойметъ ли онъ волю, если его заставить платить оброкъ не меньше, или даже больше вышшняго, или заставить, по прежнему, ходить на барщину? Какъ пойметъ онъ такое освобожденіе? Онъ не пойметъ его, онъ почтетъ себя обманутымъ, — и что тогда будетъ?

4) Долженъ ли выкупъ земля быть произведенъ немедленно и обязательнымъ образомъ?

Человѣкъ, привыкшій разсуждать о житейскихъ дѣлахъ практическимъ образомъ, никакъ не можетъ самъ собою дойти до того, что—

бы даже вообразить возможность этого вопроса. Его уму представляются только два способа освобожденія: или крестьяне освобождаются безъ земли, и въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности въ самомъ терминѣ «выкупъ» — если крестьяне, освобождаемые безъ земли, впоследствии приобретутъ ее, это будетъ обыкновенною покупкою, не имѣющею никакой связи съ дѣломъ освобожденія, покупкою въ томъ самомъ смыслѣ, какъ нынѣ какой нибудь мѣщанинъ или купецъ покупаетъ домъ или садъ у другаго; если же крестьяне освобождаются съ землею, этимъ самымъ уже говорится, что выкупъ соединенъ съ актомъ освобожденія, и какъ освобожденіе производится общою, обязательною мѣрою, то и переходъ земли долженъ быть одновремененъ съ самымъ освобожденіемъ и имѣть характеръ обязательности. Таково понятіе людей практическихъ. Только идеализмъ, чуждый реального взгляда на житейскія дѣла и лишенный возможности, практическаго осуществленія, можетъ обольщать среднимъ рѣшеніемъ, которое, говоря, что крестьяне освобождаются съ землею, прибавляетъ: «но выкупъ ея предоставляется добровольному соглашенію и можетъ быть отсроченъ». Дѣйствительно, эта прибавка въ сущности значитъ, что крестьяне освобождаются безъ земли.

Добровольное соглашеніе только тогда можетъ быть добровольнымъ, когда обѣ стороны находятся въ полной независимости одна отъ другой. Положеніе крестьянъ, хотя бы и освобожденныхъ, не таково относительно помѣщика. Во первыхъ, крестьянъ въ уѣздѣ десятки тысячъ, а помѣщиковъ — только десятки или сотни; притомъ, даже и эти немногочисленные продавцы привыкли уже сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ двумя или тремя богатѣйшими изъ своихъ сотоварищей: каждому извѣстно, что въ цѣломъ уѣздѣ, а иногда и въ нѣсколькихъ уѣздахъ, общество дворянъ слѣдуетъ обыкновенно руководству одной, двухъ, много трехъ семействъ. Крестьянамъ, по ихъ многочисленности и разрозненности, нѣтъ возможности дѣйствовать такимъ же способомъ. Слѣдовательно, при такъ называемыхъ добровольныхъ сдѣлкахъ по выкупу земли, одна сторона пользовалась бы преимуществомъ монополіи, то есть вмѣсто свободной сдѣлки было бы совершенное диктованіе условій выкупа одною стороною. Само собою разумѣется, что условія диктовались бы самыя невыгодныя для желающихъ купить, и земля осталась бы въ рукахъ помѣщиковъ.

Говорятъ, что можно постановить какія нибудь правила, которыми предотвращалось бы произвольное диктованіе выкупной цѣны, напримѣръ: опредѣлить высшую норму выкупа, взносъ котораго

передавалъ бы землю крестьянамъ и безъ согласія помѣщика. Но постановить высшую норму значитъ опредѣлить цѣну очень высокую, по которой могли бы безъ убытка быть выкуплены лишь немногіе участки земли, самыя дорогіе въ данной мѣстности. Дѣйствительная цѣна всѣхъ остальныхъ участковъ была бы по необходимости гораздо ниже этой нормы, и они остались бы не выкуплены. Притомъ, какъ бы точны ни были правила, которыми опредѣлялись бы условія взноса денегъ по нормальной цѣнѣ, все-таки невозможно будетъ въ этихъ правилахъ предусмотрѣть всѣхъ мелочей и подробностей практическаго ихъ примѣненія, и всегда могутъ быть найдены предлоги и отговорки для уклоненія отъ нихъ. Если осуществленіе выкупа будетъ поставлено частнымъ дѣломъ между отдѣльнымъ помѣщикомъ и крестьянами cadaго села. Напримѣръ, если деньги должны будутъ вноситься прямо въ руки помѣщика, онъ просто можетъ отказываться брать ихъ, когда несогласенъ на выкупъ, и, вмѣсто выкупа, возникнетъ просто тяжбное дѣло о томъ, дѣйствительно ли помѣщику предлагался такой выкупъ, отъ котораго не долженъ былъ онъ отказываться; само собою разумѣется, что эта тяжба можетъ длиться до безконечности, по обыкновенному порядку нашихъ процессовъ. Если положено будетъ вносить выкупъ въ руки извѣстнаго чиновника, онъ можетъ также отказываться принять его: кому не извѣстно, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ казначействахъ иногда не соглашаются принимать у поселянъ денегъ, приносимыхъ ими даже въ уплату государственныхъ податей, за своевременнымъ взиманіемъ которыхъ такъ бдительно слѣдитъ правительство? Гораздо легче откажется чиновнику отъ пріема денегъ, предназначенныхъ для передачи частному лицу, когда само это лицо проситъ его не принимать денегъ. Посредствомъ подобныхъ проволочекъ, выкупъ можетъ быть оттягиваемъ очень долго, въ случаѣ несогласія на него помѣщика, а выигрышъ времени рѣшитъ весь ходъ дѣла. Имѣя время, можно и обрѣзать крестьянскіе участки и перенести ихъ съ одного мѣста дачи на другое. Что тогда будутъ дѣлать крестьяне? Жаловаться, начинать процессы? Но сколько лѣтъ будутъ тянуться и сколькихъ денегъ стоитъ крестьянамъ процессы, и какъ будутъ рѣшаться, если когда нибудь подойдутъ къ рѣшенію?

Кто знаетъ состояніе нашей администраціи и нашего судопроизводства, тотъ очень хорошо понимаетъ, что у насъ рѣшительно непрактичны такія идеальныя гипотезы, какъ предположеніе добровольныхъ соглашеній о выкупѣ земли между помѣщиками и освобождаемыми ихъ крестьянами. Такія гипотезы требуютъ отъ судопроизводства и администраціи такого совершенства, какого мы еще

не находимъ вокругъ себя. Опредѣлять, что выкупъ земли представляется добровольнымъ сдѣлкомъ, значило бы у насъ опредѣлять, что крестьяне въ результатѣ увидятъ себя освобожденными безъ земли.

Само собою разумѣется, что предположеніе предоставить выкупъ земли добровольнымъ сдѣлкомъ могло возникнуть только вслѣдствіе сомнѣній о возможности безотлагательно произвести его обязательнымъ образомъ. Но если величина выкупа будетъ принята справедливая, то произвести его обязательнымъ образомъ будетъ очень легко. Мы подробно доказывали это въ статьѣ «Труденъ ли выкупъ земли», гдѣ предлагали къ осуществленію его множество разныхъ способовъ, изъ которыхъ каждый былъ бы легокъ. Государство можетъ принять или не принять на себя производство этой операции; она можетъ быть произведена съ помощью или безъ помощи вышшняго займа и кредитныхъ билетовъ, — словомъ сказать, каковы бы ни были положеніе государственныхъ финансовъ и финансовыя планы правительства, все-таки легко найти способъ обязательнаго выкупа, соотвѣтствующій характеру этихъ условий, легкой и быстрой.

5) *Можно ли поставить обязательный трудъ принудительнымъ способомъ уплаты выкупа?*

На этотъ вопросъ отвѣтъ легко найти въ самомъ имени того дѣла, часть котораго составляетъ вопросъ о выкупѣ. Крестьяне освобождаются отъ крѣпостной зависимости: въ чемъ же состояла крѣпостная зависимость? Основною и единственною законною чертою ея былъ обязательный трудъ. Итакъ, сохранить обязательный трудъ значило бы въ сущности сохранить крѣпостное право. Народъ не могъ бы понять этого иначе и былъ бы правъ. Нѣтъ надобности говорить, какія послѣдствія были бы произведены, если бы народъ остался при убѣжденіи, что крѣпостное право уцѣлѣло.

При несообразности своей съ ожиданіями народа, сохраненіе обязательнаго труда было бы противно и требованіямъ науки. Экономическая сторона, конечно, самая важная въ крѣпостномъ вопросѣ. Въ чемъ же состоитъ сущность крѣпостнаго права по объясненію политической экономіи? Точно такъ же, какъ и по мнѣнію народа, въ обязательномъ трудѣ. Если политическая экономія при-

зласть крепостное право гибельнымъ для націи, убыточнымъ для самихъ владѣльцевъ, она поставяетъ источникомъ всѣхъ его такихъ дѣйствій обязательный трудъ. Пока онъ не прекратится, политическая экономія не будетъ признавать прекратившимся и крепостнаго права.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

О РАСПРОСТРАНЕНІИ ТРЕЗВОСТИ ВЪ РОССІИ.

Много разъ приходилось намъ слышать отъ людей, искренно желающихъ народнаго блага, выраженіе сожалѣнія о томъ, что народъ нашъ живетъ такъ разрозненно, такъ мало проникнуть сознаниемъ общихъ интересовъ. Не менѣе горькія сѣтованія слышатся часто и о томъ, что масса простаго народа отдѣлена у насъ китайскою стѣною отъ образованныхъ классовъ общества и вслѣдствіе того почти не можетъ пользоваться благодѣтельными указами науки и литературы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ много представляется пессимистами фактовъ и соображеній, которыя приводятъ къ чрезвычайно мрачнымъ заключеніямъ о бытѣ и характерѣ народныхъ массъ, и заставляютъ почти отчаяться въ возможности ихъ усвѣховъ на неприщѣ нравственныхъ и общественныхъ интересовъ.

«Народонаселеніе наше,—говорятъ пессимисты,—раскинуто по безконечной равнинѣ и во всей Европейской Россіи едва составляетъ 500 челоуѣкъ на квадратную милю, т. е. въ восемь и въ десять разъ меньше населенности всей остальной Европы. Средства сообщенія между обитателями разныхъ концовъ этого 4000-верстнаго протяженія чрезвычайно неудобны и затруднительны, а потребности и обычаи ихъ слишкомъ разнообразны. Суровый климатъ и неблагоприятная почва большей половины этого пространства требуютъ изумительныхъ и долгихъ трудовъ для того, чтобы челоуѣкъ могъ свободно удовлетворить всѣмъ своимъ естественнымъ потребностямъ. А между тѣмъ трудъ и богатство распределены съ гораздо большимъ неравенствомъ, нежели въ какой бы то ни было другой странѣ. По-

что весь производительный труд приходится на долю простонародья, безъ всякаго участія въ его выгодахъ. На обязанности земледельца лежить не только забота о своемъ собственномъ прокормленіи, но и содержаніе, — да не просто содержаніе, а богатое, роскошное содержаніе — и другихъ классовъ общества. Когда тутъ думать ему о высшихъ потребностяхъ собственной природы, когда хлопотать о средствахъ для улучшенія своего собственного быта? Да если и успѣетъ, и захочетъ простолюдинъ позаботиться о своемъ нравственномъ и матеріальномъ усовершенствованіи, то какъ онъ за это возьмется, если только онъ не мошенникъ, а честный человѣкъ? Вокругъ него, передъ нимъ и за нимъ, вверху и внизу — вездѣ затрудненія и препятствія. Промышленность развита у насъ мало, да и то составляетъ большею частію монополію капиталистовъ, у которыхъ бѣдному простолюдину можно быть только батракомъ и поденщикомъ; денежный курсъ все мѣняется къ невыгодѣ бѣдняка: дороговизна увеличивается годъ отъ году, вмѣстѣ съ роскошью тѣхъ классовъ, которые безотчетно бросаютъ направо и налево не ими нажитыя деньги. Куда ни пойдешь, что ни задумаешь приобрести себѣ, — ни къ чему приступить не въ силахъ, и на всежъ онъ долженъ потерѣть страшный изъясъ. На нанимъ же средства будетъ онъ улучшать свое нравственное и матеріальное положеніе? Откуда возьмется онъ досугъ для приобрѣтенія образованія? Откуда возьмется у него вкусъ къ участію въ общественнымъ интересахъ? Онъ не знаетъ, какъ ему справиться и съ своими домашними нуждами, какъ удовлетворить физическимъ-натуральнымъ потребностямъ. А тутъ говорятъ: общее дѣло! Да какъ же до него добраться, если бы кто и захотѣлъ? Когда жъ нашимъ образомъ астраханскій промышленникъ, козакъ изъ Ставрополя, горнозаводскій работникъ изъ Перми, рыболовъ изъ Колы — сойдутся хоть бы въ Петербургъ, въ которомъ централизованна вся государственная жизнь наша и который отъ каждой изъ этихъ людей отстоитъ слишкомъ на 2000 верстъ? А если и сойдутся, то какъ они станутъ разсуждать съ людьми образованнѣе и ученыи? У нихъ вѣдь нѣтъ никакой подготовки къ участію общественными интересами, да и быть не можетъ при настоящемъ порядкѣ вещей. Образованность составляетъ у насъ такую же монополию, какъ и промышленность; и какъ наши фабрики заняты чуть не исключительно изготовленіемъ предметовъ роскоши, такъ и наша литература хлопочетъ болѣе всего объ удовольствіи празднаго воображенія и казуистической любознательности. Есть занимаютъ вопросы о вавилонской письменности, о сдѣлѣ С. Т. Аксакова, о законахъ и терминахъ органической кри-

тими, о необходимости идеализма въ материализмѣ, о психологической невѣрности характера Калиновича, и т. п. Мы нарочно создаемъ для себя задачи и ломаемъ надъ ними голову, воображая, что ихъ рѣшеніе чрезвычайно важно. Напримѣръ: «какую физіономію нужно состроить при видѣ почтеннаго человѣка, бѣгающаго, что есть силы, по палубѣ парохода, для того чтобы скорѣе пристать къ берегу?» — Или: «какъ найти средства вознаградить дѣтей вора за украденныя покойнымъ отцомъ ихъ вещи, когда вещамъ этимъ находится настоящій хозяинъ?» Подобныя задачи занимаютъ насъ дѣльные годы. Но что до нихъ за дѣло народной массѣ? Ей нужны другіе предметы, другой методъ ихъ разработки, другая логика.... А этого и не даютъ ей произведенія нашего образованнаго ума, направленные для нашего услажденія, а отнюдь не для блага народнаго. Поневоля и по необходимости остается простолюдинъ въ темнотѣ своей, и поневоля бредеть онъ ошупью за другими, самъ не зная, куда и зачѣмъ ведутъ его. И, — что всего ужаснѣе, — никакого исхода изъ этого печальнаго положенія нельзя предвидѣть. Всѣми средствами образованности, всѣми преимуществами новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній владѣютъ неработающіе классы общества, а масса только и занята физической работой. Следовательно, безъ участія особенныхъ, необыкновенныхъ богатствъ, нечего и ждать благотворнаго распространенія образованія и здравыхъ тенденцій въ массѣ народа. Пройдутъ вѣка, и все будетъ по старому: по вѣковой рутинѣ, новые успѣхи цивилизаціи будутъ только помогать монополистамъ въ эксплуатаціи рабочихъ людей; и по той же рутинѣ — рабочіе будутъ обращаться за совѣтомъ и судомъ къ своимъ эксплуататорамъ. А что изъ этого выйдетъ, угадать не трудно: нужно только посмотрѣть вокругъ себя. И теперь, что встрѣчаютъ простолюдинъ, когда нужда заставляетъ его войти въ соотношеніе съ образованностью? Тутъ съ него берутъ взятку грамотный писарь, тутъ его обчитываетъ ученый хозяинъ, здѣсь обидчиваесть землемѣръ, тамъ у него на веревутки стоятъ разные вѣшенкіе промышленники и всякіе шиземные изобрѣтатели, тамъ висятъ надъ нимъ разныя изобрѣтенія новѣйшей государственной цивилизаціи, безпрестанно отъывающіяся на его снѣгѣ и карманѣ.... И куда онъ ни обратится, — все говоритъ ему о безконечномъ, безысходномъ продолженіи той же исторіи. Въ школахъ его учатъ «не разсуждать, а исполнять»; въ дѣлѣ сердца и мысленныхъ стремленій онъ слышитъ безпрестанно суетливую аллегорію отъ разныхъ инстинктивныхъ; въ юридическихъ отношеніяхъ онъ натывается всюду или на помѣщичью власть, или на окружнаго и становаго; въ частныхъ нитейскихъ дѣлахъ онъ встрѣчаетъ —

кулака, конокрада, знахаря, солдата на постоѣ, купца-барышника, подрядчика.... Наконецъ — на каждомъ перекресткѣ въ городѣ, на каждой сходкѣ въ селѣ, на каждой станціи въ дорогѣ встрѣчаетъ онъ цаловальника и откупщика, и, полный горькаго отчаянія, предается имъ тѣломъ и душой, съ семьей, съ имѣньишкомъ, даже съ будущимъ трудомъ своимъ, за который еще только задатокъ полученъ.»

Такъ говорятъ пессимисты и, на основаніи своихъ мрачныхъ соображеній, отрицаютъ возможность какого бы то ни было общаго, самостоятельнаго движенія въ народѣ. Мнѣнія ихъ неутѣшительны и, главное, обидны для образованныхъ людей, къ которымъ мы съ вами, читатель, конечно и себя причисляемъ. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что мы съ пессимистами никакъ не должны соглашаться, а напротивъ, должны возстать на нихъ съ чрезвычайно мрачнымъ видомъ. Но воздержимъ на минуту наше негодованіе и попробуемъ потолковать съ пессимистами кротко и разумно: можетъ быть, намъ удастся заставить ихъ взглянуть на дѣло нѣсколько съ другой точки. Чтобы не слишкомъ далеко расхотиться, мы готовы даже принять на время, что всѣ факты, выставляемые пессимистами, совершенно вѣрны, и что всѣ ихъ основанія справедливы. Положимъ, что народъ нашъ дѣйствительно страдаетъ разьединенностью; положимъ, что онъ слишкомъ обремененъ физическими трудами, отбивающими у него охоту помышлять объ общихъ интересахъ; положимъ, что самые успѣхи цивилизаціи нерѣдко обращаются у насъ въ средства къ болѣе искусной эксплуатаціи народа. Но даже принимая всѣ эти факты, мы надѣемся, при помощи нѣкоторыхъ дополнительныхъ соображеній, придти не къ отчаянію въ жизненныхъ силахъ народа, не къ убѣжденію въ безконечности его апатіи и неспособности къ общественнымъ дѣламъ, а къ выводамъ совершенно противоположнымъ. Вотъ какія соображенія желали бы мы представить пессимистамъ.

Вѣчной апатіи нельзя предположить въ существѣ живущемъ; за летаргіею должна слѣдовать или смерть, или пробужденіе къ дѣятельной жизни. Слѣдовательно, ежели правда, что нашъ народъ совершенно равнодушенъ къ общественнымъ дѣламъ, то изъ этого вытекаетъ вопросъ: нужно ли считать это признакомъ близкой смерти націи, или нужно ждать скорого пробужденія? Пессимисты готовы, пожалуй, осудить на медленную смерть цѣлое племя славянское; но, по нашему глубокому убѣжденію, — они крайне несправедливы. Ихъ обманываетъ временная летаргія, и они не хотятъ видѣть признаковъ жизненности, по временамъ обнаруживающихся въ нашемъ народѣ. А между тѣмъ

существованіе этихъ признаковъ не только подтверждается внимательными наблюденіями, но даже оправдывается нѣкоторыми соображеніями а priori. Говоря о народѣ, у насъ сожальютъ обыкновенно о томъ, что къ нему почти не проникаютъ лучи просвѣщенія и что онъ поэтому не имѣетъ средствъ возвысить себя нравственно, сознать права личности, приготовить себя къ гражданской дѣятельности, и пр. Сожалѣнія эти очень благородны и даже основательны; но они вовсе не даютъ намъ права махнуть рукой на народныя массы и отчаяться въ ихъ дальнѣйшей участи. Не одно скромное ученье, подѣ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, не одна литература, всегда болѣе или менѣе фразистая, ведетъ народъ къ нравственному развитію и къ самостоятельнымъ улучшеніямъ матеріальнаго быта. Есть другой путь — путь жизненныхъ фактовъ, никогда не пропадающихъ безслѣдно, но всегда влекущихъ событіе за событіемъ, неизбежно, неотразимо. Факты жизни не пропускаютъ никого мимо; они дѣйствуютъ и на безграмотнаго крестьянскаго парня, и на отупѣвшаго отъ фухтелей кантониста, какъ дѣйствуютъ на студента университета. Холодъ и голодъ, отсутствіе законныхъ гарантій въ жизни, нарушеніе первыхъ началъ справедливости въ отношеніи къ личности человѣка — всегда дѣйствуютъ несравненно возбуждательнѣе, нежели самыя громкія и высокія фразы о правдѣ и чести. Точно такъ и наоборотъ: матеріальное довольство и полное признаніе всѣхъ нравственныхъ правъ человѣка успокоиваетъ его несравненно болѣе, нежели всѣ глубокомысленныя внушенія о кротости и благодушномъ терпѣніи. Поэтому, если розовое настроеніе духа, развивающееся въ богатомъ лежебокѣ, мы не можемъ принять за доказательство того, что и для рабочаго бѣдняка очень весело жить на свѣтѣ; такъ отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы и въ противномъ случаѣ нельзя было сдѣлать заключенія обратно. Напротивъ, если богатый и свободный отъ дѣлъ человѣкъ жалуется на то, что тяжело жить на свѣтѣ, то изъ этого именно можно заключить, что бѣдному труженику еще тяжеле, хотя онъ, можетъ быть, и не умѣетъ такъ краснорѣчиво изобразить свои страданія, по недостатку образованности. Образованность именно ведетъ къ большей или меньшей степени ясности сознанія и затѣмъ къ умѣнью формулировать то, что сознается.... Но и не формулированное страданіе — все-таки страданіе. Пусть оно таится, пусть не принимаетъ опредѣленнаго выраженія, это не должно обманывать насъ: есть предѣлъ, за которымъ оно можетъ ярко обозначиться, — безъ всякихъ книгъ, безъ всякихъ отвлеченныхъ соображеній, не говоря никакихъ фразъ, даже не принимая особаго имени для себя. Дѣйствительный фактъ, отразившись въ практической жизни дѣятельнаго, рабочаго человѣка,

породить тоже действительный фактъ, тогда какъ книжныя теоріи и предположенія образованныхъ людей, можетъ быть, таиъ и останутся только теоретическими предположеніями.

Пессимисты (а изъ нашихъ читателей есть кое-кто, склонный къ пессимизму въ отношеніи къ намъ) могутъ подумать, что мы «далеко метнули» и ушли совсѣмъ въ сторону отъ того предмета, о которомъ обѣщали говорить въ заглавіи нашей статейки. Но мы, напротивъ, все время вертѣлись въ нашихъ соображеніяхъ около него, и теперь ужъ вплотъ подошли къ нему. Пьянство и трезвость, борьба народа съ откупомъ — вотъ фактъ, который на этотъ разъ можетъ послужить намъ доказательствомъ жизненности народныхъ массъ въ Россіи. «Ужъ сколько разъ твердили міру», что русскій мужикъ—пьяница, что онъ съ горя пьетъ и съ радости пьетъ, пьетъ на родинахъ, на свадьбѣ и на похоронахъ, пьетъ въ рабочій день — отъ усталости, вдвое пьетъ и въ праздникъ, по случаю отдыха. Люди, повидимому хорошо знавшіе народъ, готовы были до слезъ спорить, что нашъ мужикъ скорѣе съ жизнью разстанется, нежели съ сивухой, скорѣе дѣтей уморитъ съ голоду, нежели перестанетъ обогащать откупщика. И трудно было не вѣрить этимъ людямъ; факты такъ сильно говорили за нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ огромны, какъ непреодолимы, повидимому, тѣ побужденія, которыя влекутъ народъ къ пьянству!... И старое слово, занесенное въ дѣтопись, — что «Руси есть веселіе пияти», и вѣковой обычай, и суровый климатъ, и недостаточное питаніе, и тяжкій физическій трудъ, и непрерывная нужда и скорбь, и недостатокъ образованности, и отсутствіе невинныхъ развлеченій, доступныхъ народу, — все способствуетъ развитію въ мужикѣ склонности къ водкѣ.... Не говоримъ ужъ о приманкахъ, искусственно поставляемыхъ откупщиками и цаловальниками, которые, какъ извѣстно, отличаются въ этомъ дѣлѣ рѣдкою изобрѣтательностью.... Напомнимъ только, что кромѣ средствъ приманки, возможныхъ для всякаго купца, винныя откупщики имѣютъ въ своихъ рукахъ особенную силу, по своимъ отношеніямъ къ мѣстному чиновничеству. Кто живетъ въ провинціи, тотъ самъ можетъ припомнить множество фактовъ, въ которыхъ выражалась сила откупщиковъ. А кто не имѣетъ собственныхъ наблюденій по этой части, тотъ можетъ обратиться къ газетамъ нынѣшняго года, гдѣ иногда сообщались подобныя факты (*).

Но и это еще не все. Теперешнее положеніе крестьянскихъ дѣлъ чрезвычайно благоприятствуетъ, повидимому, процвѣтанію

(*). См. напр. «Москов. Вѣд.» 1859 г. №№ 34, 62, 135, 148, 150. «Русск. Дневн.» №№ 38, 51, «Самар. Губ. Вѣд.» № 24, и пр.

откуповъ. Съ одной стороны — крестьяне, ожидая свободы, цапѣются на многія небылицы, какъ напримѣръ на то, что цѣна на вино повышена за тѣмъ, чтобы по цѣлковому съ ведра шло на нихъ закупъ. Это именно случилось въ Сердобскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи (Московскія Вѣдомости, № 1). А въ другомъ мѣстѣ откупъ заплатилъ за крестьянъ 85 цѣлковыхъ недоимки, чтобы только склонить ихъ къ покупкѣ вина («Русск. Вѣст.» № 4). Съ другой же стороны, помѣщики теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ менѣе заботятся о благосостояніи и нравственности своихъ крестьянъ, сдѣлая нѣкоторымъ своекорыстнымъ расчетамъ. Объ одномъ изъ помѣщиковъ вѣтъ что разсказано въ «Русскомъ Дневникѣ» (№ 124, 13 июля).

«Кажется, что господа откупщики сильно рассчитывали на распространіе пьянства въ народѣ, по случаю уничтоженія крѣпостнаго состоянія. Оправдались ли надежды ихъ, основанныя на знаніи сердца человѣческаго, покажутъ послѣдствія. Хотя, судя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, эти водочные сердецвѣдцы не совсѣмъ удачно разгадали русскаго крестьянина, но за то, какъ бы въ вознагражденіе за исполненію удачу съ одной стороны, они, кажется, приобрѣли сочувствіе со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Разскажу по этому случаю одинъ фактъ, въ истинѣ котораго да не усомнятся, — по крайней мѣрѣ тѣ, которые въ послѣднюю зиму имѣли случай проѣзжать по дорогѣ отъ Нижняго до Казани. Хотя помѣщичье село, про которое я хочу разсказать, занимаетъ одну лишь ничтожную точку на показанномъ мною пространствѣ, но я нарочно выбралъ протяженіе побольше, чтобы никого не оскорбить; а во вторыхъ, очень можетъ быть, что на такомъ пространствѣ проѣзжіе замѣтятъ не единственное фактическое доказательство сочувствія нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ откупщикамъ.... Въ этомъ, неопредѣленномъ съ географическою точностію, селѣ внезапно появился въ февралѣ нынѣшняго года кабакъ, котораго никогда тамъ не бывало. Въ этомъ селѣ не только не было никогда кабака, но помѣщикъ, какъ я и прежде слышала, строжайшимъ образомъ продолжала даже тѣхъ, которые на дому пили водку въ количествѣ боѣе того, сколько можно ее выпить за-разъ, не перевода духу, почему говорятъ, крестьяне этого села приучились выпивать за-разъ, не перевода духу, громадное количество. Однимъ словомъ, помѣщикъ былъ такой человѣкъ, который не могъ никогда кладнопрочно видѣть, когда другіе бывали пьяны. Проѣзжая по большой дорогѣ нынѣшней зимою мимо описываемаго селенія, я до крайности удивился, увидѣвъ на самой дорогѣ кабакъ. Любопытство мое такъ было велико, что заставило нѣсколько изслѣдовать причины такой несообразности. Причины оказались слѣдующія. Когда повсюду распространилась утѣшительная вѣсть объ освобожденіи крестьянъ, тогда та немногочисленная партія помѣщиковъ, которую и туземцы даже называютъ раскольниками, сильно блѣднѣла этииъ извѣстіемъ; скоро печаль уступила мѣсто гнѣву; а тамъ

какъ, собственно, гнѣваться—то было не на кого, то они и переложили гнѣвъ свой на крестьянъ, которые хотя и неумышленно, но все—таки высказываютъ изъ—подъ ихъ власти. Случилось, слѣдовательно, и здѣсь то же самое, что обыкновенно случается при переложении пода-тей, которыя окончателно всегда падаютъ на земледѣльца. Помѣщикъ, о которомъ идетъ рѣчь,—человѣкъ раздражительнаго темперамента; онъ болѣе сутокъ не могъ находиться въ грустномъ настроеніи духа: у него всякое чувство быстро превращалось въ гнѣвъ. Въ этотъ—то благопріятный моментъ предсталъ предъ него, какъ бѣсъ предъ грѣшникомъ, повѣренный по откупамъ, съ предложеніемъ двухъ—сотъ рублей за одно только дозволеніе построить въ его селѣ кабакъ. Хитеръ врагъ рода человѣческаго; а въ этомъ случаѣ и онъ промахнулся: моментъ былъ набранъ такъ удачно, что помѣщикъ и за пять рублей далъ бы свое позволеніе. «Стройте хоть десять кабаковъ, сказалъ онъ, припрятывая деньги. Крестьяне теперь все равно, что не мои: пусть пропьютъ послѣднюю рубашку, пусть обошуются хоть до смерти — мнѣ какое дѣло! Они не мои — и мнѣ на нихъ наплевать!» На основаніи этой чистораскольничей логики, откупщикъ построилъ въ селѣ его хотя и не десять кабаковъ, какъ говорилось сгоряча, а всего одинъ, — впрочемъ, такой величины, что и за десять послужить. Эксперты по кабацкой части рассказывали, что дѣло у откупщика идетъ отлично. Крестьяне праздновали открытіе кабака съ необыкновеннымъ торжествомъ, подобно тому, какъ празднуютъ открытіе памятника какого нибудь великаго человѣка. Крестьяне смотрятъ на кабакъ, какъ на вѣрный признакъ приближающейся свободы. Зацѣпли, вѣроятно, отъ радости лица и носы у подданныхъ приверженца трезвости; но краснота бы еще ничего: худо то, что не одна уже тысяча рублей перешла изъ холщевыхъ кармановъ мужичковъ въ шелковые карманы откупщика. Помѣщикъ, нектати погорячившись, не успѣлъ размыслить даже о томъ, что тѣмъ бѣднѣе будутъ его крестьяне, тѣмъ труднѣе собрать съ нихъ выкупъ, слѣдовательно тѣмъ бѣднѣе будетъ и самъ онъ. Не мѣшало бы ему, хотя на время, считать крестьянъ *своими людьми*; а тамъ, послѣ выкупа, бросилъ бы ихъ на съѣденіе: авось бы они съумѣли тогда справиться съ возвращенными тѣламъ ихъ душами, безъ отеческой заботливости помѣщика».

Итакъ, — по всѣмъ соображеніямъ пьянство должно бы процвѣтати и распространяться въ народѣ.... Все влекло его къ вину, а онъ и безъ того до вина охотникъ.... Самая дороговизна, казалось, не должна была утратить крестьянина: «лучше не доѣсть, не одѣться, подати не заплатить, — только бы выпить,» — такъ вѣдь разсуждаетъ пьяница. А что русскій народъ пьяница, —въ этомъ убѣждены были столь же крѣпко, какъ и въ томъ, что онъ терпѣливъ и податливъ на все. На этомъ—то основаніи откупщики и поддали 40 миліоновъ на торгахъ.... И вотъ — съ прошлаго года — литера-

тура начала ополчаться противъ откуповъ, откупщики стали вышата цѣну на вино, разбавленное болѣе, нежели когда нибудь, начальство стало подтверждать и напоминать указную цѣну, откупщики упирались на спеціальныя водки и другія хитрыя изобрѣтенія, народъ сталъ требовать вина по указной цѣнѣ, цаловальники давали ему воду, народъ шумѣлъ, полиція связывала и укрощала шумящихъ, литература писала обо всемъ этомъ безыменныя статейки.... Словомъ — все шло, какъ слѣдуетъ, откупщики были довольны, полиція довольна, литераторы тоже довольны, что могутъ пользоваться безыменной гласностью.... Но для народа мало было отъ этого толку: сколько ни издавали назидательныхъ книжекъ, въ родѣ: «Берегись первой чарки,» или «Сорокъ лѣтъ пьяной жизни», и т. п., сколько ни принимали полицейскихъ мѣръ, — ничто не помогало.... Не далѣе, какъ въ прошломъ году читали мы въ одномъ журналѣ: «Мѣры къ прекращенію пьянства плохо исполняются сельскою полиціею, потому что лица, составляющія сельское начальство, сами подвержены этому пороку; а затѣмъ дѣйствительное пособіе въ этой болѣзни народа можетъ оказать духовенство и правительство: первое — вліяемъ на нравственность, второе — измѣненіемъ откупныхъ условій» (Отечественныя Записки 1858 г. № 4). Но откупныя условія пока тѣже (если не считать количественнаго измѣненія — въ сорока миллионахъ надбавки откупной суммы), духовенство — тоже, какъ и прежде; а между тѣмъ въ разныхъ концахъ Россіи одновременно образуются общества трезвости, и держатся, несмотря на всѣ противодѣйствія со стороны откупщиковъ. Какое странное, необъяснимое явленіе для тѣхъ, кто привыкъ отчаяваться въ русскомъ народѣ и всѣ явленія его жизни приписывать единственно требованіямъ и велѣніямъ внѣшнихъ силъ, чуждыхъ народу!... Многіе не хотѣли вѣрить, когда въ журналахъ и газетахъ было объявлено, что ковенскіе крестьяне отказались пить водку. Трудно пересказать, до какихъ тонкихъ соображеній доходили люди, нежелавшіе вѣрить распространенію трезвости. Ихъ разсужденія очень сильно напоминали остроуміе и сообразительность жителей того города, въ которомъ Чичиковъ покупалъ мертвыя души и собирался увезти губернаторскую дочку.... Вотъ, на примѣръ, одно изъ такихъ соображеній, высказанное *печатно* г. Герсевановымъ (Сѣвер. Пчела № 32). По его мнѣнію — слухъ о трезвости есть не что иное, какъ штука откупа, придумавшаго этотъ слухъ собственно на томъ основаніи, что для него очень тяжелою оказалась наддача 40 миллионовъ на послѣднихъ торгахъ. «Этотъ неожиданный объѣтъ (трезвости), непредвидѣнный кондиціями откупа, — говоритъ г. Ге-

рсевановъ, — направлень будто бы прямо на карманы откупщиковъ; противъ него грѣшно дѣйствовать, но изъ него можно извлечь огромную пользу, — и вотъ распущенъ слухъ, что обътъ не пить водки, данный вѣроятно небольшимъ числомъ крестьянъ, распространился на всю губернію, что даетъ полное право (!!) просить и надѣяться (!) сбавки, которыя могутъ спасти отъ банкротства и во всякомъ случаѣ есть чистый выигрышь для откупщиковъ». Вотъ до какихъ удивительныхъ результатовъ доходили иные господа: слухъ о трезвости, видите ли, — распущенъ откупщиками, съ тою цѣлю, чтобы вытребовать отъ правительства сбавку откупной суммы!... Скорѣе этакая нелѣпость могла помѣститься въ головахъ нѣкоторыхъ людей, нежели мысль о томъ, что народъ способенъ отказаться отъ водки!...

Впрочемъ въ литовскихъ губерніяхъ находили одно обстоятельство, которое могло объяснить рѣшимость крестьянъ: это — религиозный фанатизмъ. Все дѣло приписано было проповѣди ксендзовъ, и даже на нихъ прежде всего хотѣли дѣйствовать тѣ, кому не понравилось рѣшеніе крестьянъ — не пить.... И дѣйствительно, — общества трезвости въ западныхъ губерніяхъ имѣли характеръ религиозный. Въ концѣ прошлаго года (мѣсяца черезъ три послѣ перваго зарока, даннаго въ Ковенской губерніи, въ августѣ) вышла въ Вильнѣ книжка «О братствѣ трезвости», изъ которой видно, что братство трезвости есть дѣйствительно — религиозный институтъ, находящійся подъ покровительствомъ папы. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ братствѣ, сообщенныя, по виленской брошюрѣ, «Экономическимъ Указателемъ» (1859 г. № 2, янв. 10).

«Братство трезвости установлено папою Піемъ ІХ, подъ покровительствомъ Св. Богородицы.»

«Епископъ Самогитскій есть первый представитель братства трезвости во всей Самогитской епархіи. Всякій священникъ, принадлежащій къ этому братству, есть представитель его въ своемъ приходѣ. Онъ избираетъ себѣ изъ прихожанъ нѣсколько благонадежныхъ лицъ въ помощники.»

«Всякій приходскій священникъ долженъ вести книгу для внесенія именъ и фамилій лицъ, вступающихъ въ это братство. Заглавіе слѣдующее: «Книга воздержнымъ братьямъ и сестрамъ.» Настоятель прихода или другой какой-нибудь священникъ, причислившись къ этому братству, можетъ принимать въ оное и другихъ лицъ ежедневно, а въ особенности въ дни торжественныя и праздничныя. Каждое лицо, въ день вступленія въ братство, обязано исповѣдываться и причащаться св. Таинъ. При принятіи новозачислившихся въ это братство, священникъ въ священномъ облаченіи ведетъ новопоступающихъ членовъ въ

церковь, предъ олтарь св. Богородицы, гдѣ они на колѣняхъ должны повторять каждое слово объѣта, произнесеннаго священникомъ.»

«Обязанности членовъ братства трезвости. 1) Всякій, зачислившійся въ это братство, во всю жизнь свою не долженъ употреблять водки, рому и араку, и всего того, что изъ нихъ можетъ быть приготовлено. 2) Употребленіе спиртуозныхъ напитковъ позволяется только въ маломъ количествѣ, по назначенію лѣкаря, въ случаѣ болѣзни. 3) Каждое лицо братства можетъ употреблять только виноградное вино, пиво и медъ, и то не до опьянѣнія. 4) Всѣ члены обязаны увѣщевать другихъ лицъ и склонять ихъ ко вступленію въ это братство. 5) Члены должны въ каждый праздничный день читать особую молитву. 6) Всѣ члены сего братства въ день Срѣтенія Господня обязаны возобновить объѣта, данный ими при вступленіи въ братство. 7) Второе число февраля, въ день доминовенія усопшихъ, священникъ обязанъ говорить собраннымъ членамъ увѣщательную рѣчь и отслужить панихиду за упокой души умершихъ членовъ. 8) Если кто изъ членовъ этого братства станетъ употреблять водку, то такого члена приходскій священникъ обязанъ, если слова его не подѣйствуютъ, исключить вовсе изъ братства; всѣ же члены обязаны пренебрегать имъ и не принимать его въ свое общество. Лицо, такимъ образомъ исключенное изъ братства, однако должно исполнять данный Богу объѣта.»

«Членамъ братства трезвости дается при томъ отпущеніе грѣховъ, совершенное или несовершенное.»

Извѣстія о распространеніи трезвости въ литовскихъ губерніяхъ подтверждали, что главными двигателями народнаго дѣла явились тамъ католическіе ксендзы. О Ковенской и Виленской губерніи писали въ началѣ февраля, что здѣсь все дѣлалось одною проповѣдью ксендзовъ, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ» (Рус. Дн. № 35 13 февр.) Вслѣдствіе этого, въ «Русскомъ Дневникѣ», въ началѣ мая (№ 96), была помѣщена похвала мѣстному начальству, которое «не препятствуетъ проповѣди священниковъ, строго наказавъ не употреблять принудительныхъ мѣръ и не задерживать распространенія воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ.»—Особенно хвалятъ за такое «просвѣщенное великодушіе», — конечно и не было надобности: нелѣпо было бы, если бъ было поступлено иначе.... Но сначала многіе опасались, какъ бы не было преслѣдованій отъ начальства за трезвость: до такой степени здравый смыслъ затемненъ былъ мыслью о силѣ откупа!... Да, правду сказать, были, съ другой стороны, и такіе господа, которые полагали подобное преслѣдованіе необходимымъ! Въ свое время мы сообщили «Письмо купческаго сына Бадейкина» (Свистокъ, № I), въ которомъ переданы были разсужденія этихъ ревнителей порядка. Основаніемъ ихъ мнѣній было то же пренебреженіе къ народу, которое заставляло многихъ невѣрить спра-

ведливости извѣстій о трезвости. То же самое пренебреженіе къ нравственной силѣ народа заставило многихъ приписать все дѣло ксендзамъ, когда фактъ оказался несомнѣннымъ и прочнымъ. Въ бывшей газетѣ «*Slowo*» вотъ что писали, напр. изъ Жмуди. «Въ первыхъ числахъ октября и нашъ простой народъ, убѣждаемый пастыремъ нашего прихода съ каедры, началъ и самъ поговаривать объ отреченіи, и дѣйствительно — довольно было одного слова религіи: сѣмья нравственнаго исправленія, имъ зароненное, взошло въ сердцахъ народа, и польза его стала возрастать очевидно. Входя въ церкви, народъ никакъ не могъ предвидѣть, насколько лучшимъ и исправленнымъ онъ выйдетъ изъ нея», и пр. Тоже писали изъ Виленской и Гродненской губерніи въ другихъ нумерахъ «*Slowa.*» И судя по рассказамъ, дѣйствительно духовенство имѣло здѣсь огромное вліяніе на рѣшимость крестьянъ отказаться отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ. Вотъ напр. рассказъ, сообщенный изъ Вильно въ Указателѣ Политико-Экономическомъ (№ 10, 1859 г., марта 14):

«Въ воскресенье, 1-го марта, во всѣхъ римско-католическихъ костелахъ въ *Вильно* произнесены были проповѣди о воздержаніи, съ цѣлью распространенія братства воздержанія или трезвости. Объяснены были правила братства и порядокъ вступленія въ оное, и представлены гибельныя слѣдствія пьянства. Въ кафедральномъ соборѣ св. Станислава говорилъ тамошній викарій ксендзъ Тукальскій, въ костелѣ св. Іоанна мѣстный вице-настоятель ксендзъ Гундіусъ. Оба эти достойные патеры произвели самое глубокое и трогательное впечатлѣніе, и благородныя ихъ усилія, а равно и многихъ другихъ благочестивыхъ священниковъ, уже увѣнчались полнымъ успѣхомъ; ибо въ тотъ же день, въ кафедральномъ соборѣ и Остробрамскомъ костелѣ св. Терезии ужѣ начали вступать въ братство. Въ кафедральномъ соборѣ первые подали примѣръ члены виленскаго капитула, за ними многіе помѣщики и чиновники и тысячи народа. Записывались до 9-ти часовъ вечера. Сегодня во множествѣ вступаютъ въ братство и въ другихъ костелахъ, и исполняютъ условія трезвости на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и въ Ковенской губерніи. Говорятъ, много шинковъ будетъ закрыто: по крайней мѣрѣ это вѣрно касательно тѣхъ, которые помѣщаются въ домахъ, находящихся въ завѣдываніи духовенства и которые совершенно уничтожены. Такъ точно, кажется, поступаетъ католическое духовенство и во всей Виленской епархіи, заключающей въ себѣ, кромѣ Виленской, и губернію Гродненскую».

Радуюсь усиліямъ духовенства и опять-таки оставляя въ сторонѣ народъ, на который его внушенія дѣйствовали, многіе увѣряли сначала, что фактъ отреченія отъ водки только и могъ возникнуть на почвѣ католическаго фанатизма, и долженъ ограничиться западными губерніями.... Не хотѣли обратить вниманія на то, что столь

общее и внезапное движеніе не могло быть слѣдствіемъ одного краснорѣчія, а должно было имѣть причину въ самой жизни.... Не хотѣли видѣть и того, что опыты отреченія отъ водки начались во многихъ мѣстахъ еще прежде, чѣмъ проповѣдь ксендзовъ получила столь торжественное сочувствіе и организовалась повсемѣстно во что-то систематическое. Тотъ же корреспондентъ, который рассказываетъ объ успѣхѣ виленской проповѣди, сообщаетъ въ томъ же письмѣ слѣдующее.

«Еще прежде, нѣкоторые здѣшніе цехи, въ особенности сапожный и столярный, сдѣлали между собою добровольное условіе слѣдить другъ за другомъ и всѣми мѣрами отвращать пьянство. Они рѣшили, между прочимъ, что всякій нарушившій объѣтъ въ первый и во второй разъ долженъ уплатить денежный штрафъ, а въ третій разъ лишается званія; такъ напр. мастеръ поступаетъ въ подмастерье, подмастерье въ ученики, а ученики на извѣстное время совсѣмъ удаляются изъ цеха».

Уже и изъ подобныхъ извѣстій можно бы видѣть, что народное движеніе въ пользу трезвости происходило, или могло происходить, и независимо отъ ксендзовъ. Но для невѣрующихъ нужны были доказательства болѣе очевидныя. Народъ не замедлилъ представить ихъ, по своему обыкновенію—не на словахъ, а на дѣлѣ.

Изъ газетныхъ извѣстій оказалось, что въ то самое время, когда общество трезвости образовалось въ Ковенской губерніи, тоже самое начиналось въ Сердобскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, на разстояніи слишкомъ полуторы тысячи верстъ отъ Ковно. Но тамъ дѣло не пошло въ ходъ: откупъ на первый разъ обманулъ и соблазнилъ крестьянъ увѣреніемъ, что излишекъ цѣны, платимой ими за вино, идетъ на выкупъ ихъ отъ помѣщиковъ (что, какъ извѣстно, дѣйствительно предлагасмо было г. Кокоревымъ). Однако жена этого дѣла не остановилось: фактъ немилосерднаго возвышенія цѣны и пониженія качества вина, вмѣстѣ съ общимъ увеличеніемъ дороговизны на всѣ предметы, не былъ мѣстнымъ явленіемъ, а тяготѣлъ равно надъ всею Россією. Фактъ этотъ былъ уже слишкомъ тяжелъ и незаконенъ, чтобы не вызвать себѣ противодѣйствія, и дѣйствительно вызвалъ его.... Въ половинѣ января узнали мы о зарокѣ не пить вина, сдѣланномъ въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи (Ук. Пол. Эк. № 3). Въ то же время получено извѣстіе изъ Нижняго—о томъ, какъ тамъ крестьяне праздновали крещенье. Приведемъ объ этомъ нѣсколько строкъ изъ «Русскаго Дневника» (№ 20).

«На крещенскомъ торгу нынѣшняго года пріѣзжихъ изъ окрестныхъ селеній крестьянъ было, какъ увѣряютъ до 10,000 человекъ; но откупщики, всегда рассчитывавшіе на этотъ день, какъ на день благостины,

на этот раз горько обманулись. Бывало, в эти дни к вечеру весь народ болѣе или менѣе навеселѣ; теперь не то: трезвые прѣхали на торгъ, трезвые и уѣхали во свояси. Сходить въ питейный домъ, прицѣнятся къ водкѣ, да видя, что сильно вздорожала, тотчасъ и домой. И все тихо, спокойно, безъ шуму. Говорятъ, что откупщики терпятъ большой убытокъ. Народъ это знаетъ, и въ деревняхъ и на базарахъ такъ толкуетъ: «такъ не будемъ же пить, — дадимъ зарокъ; пускай ихъ откупщики да цаловальники сами выпьютъ все вино, а мы не хотимъ, не станемъ». Тоже явленіе повторяется и по другимъ мѣстамъ Нижегородской губерніи, и въ сосѣднихъ. Надо ожидать, что это заставитъ откупщиковъ понизить цѣны на вино. Слухи, расходящіеся по народу о томъ, что тамъ перестали пить, въ другомъ мѣстѣ перестали пить, — привѣтствуются съ живою радостью и поддерживаютъ рѣшимость и бодрость юныхъ зародышей обществъ трезвости.

Въ этомъ извѣстіи очень ясно рисуется весь ходъ дѣла: мужики вовсе и не думаютъ постничать, — идутъ по обыкновенію въ питейный, но останавливаются тѣмъ, что вино очень дорого.... И прежде оно имъ недешево обходилось, но все еще было сносно; теперь послѣдняя капля перелила черезъ край, не въ терпѣжь стало.... Мужикамъ бы пріятнѣй было заставить откупщика понизить цѣну, — какъ они и пытались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, узнать, что и начальство того же хочетъ (*). Но тягаться съ откупомъ трудно; мужикъ знаетъ это и рѣшается на самую крайнюю форму протеста, какая только осталась въ его волю, — не покупать вина... Тутъ присоединяется и давно затаенная злоба къ откуду, и сознание тѣхъ непріятностей и бѣдъ, какія, можетъ быть, не разъ пришлось испытать отъ кабака, и рѣшеніе все крѣпнѣть. Слухъ о томъ, что и другіе такъ дѣлаютъ, еще болѣе убѣждаетъ мужика, что его намѣреніе очень естественно и просто.... И вотъ, даже безъ торжественнаго уговора, безъ составленія общества, народъ во многихъ мѣстахъ отказывается отъ вина.... Жалобы откупщиковъ на недоборъ слышались даже и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ вовсе не было обществъ трезвости. Безмолвная, фактическая протестація противъ откупа обнаружилась почти повсемѣстно тотчасъ послѣ новаго года, когда установилась новая цѣна водки (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и ранѣе); а общества трезвости стали организоваться въ великорусскихъ губерніяхъ уже позже, хотя тоже довольно скоро. Въ половинѣ января было уже извѣстіе о попыткѣ образованія общества трезвости въ Курской губерніи (Ук. Пол. Эк. № 2); къ концу января напечатано было извѣстіе о подпискѣ не пить вина, предприня-

(*). См. «Москов. Вѣд.» №№ 135 и 150, извѣстія съ Троицкой ярмарки, въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ, и изъ Темникова.

той въ Саратовѣ; въ началѣ февраля увѣдомляли объ образованіи общества въ Балашовѣ; въ половинѣ февраля писали о зарокѣ, данномъ крестьянами села Хотуши въ Тульской губерніи. Къ концу февраля общества трезвости существовали уже во многихъ уѣздахъ губерній Владимірской, Пензенской, Екатеринославской, Тверской.... Тутъ только самые невѣрующіе убѣдились въ прочной несомнѣнности факта и перестали увѣрять, что это минутная вспышка, которая ничего не значитъ. Дѣло принимало слишкомъ обширные размѣры, и уже невозможно стало игнорировать его.. Но, какъ же объяснить такое непонятное явленіе? Вѣдь невозможно, чтобъ народъ рѣшился противодѣйствовать откупу просто потому, что почувствовалъ его тяжесть? Какъ же объяснить?

Въ великой Россіи нельзя было указывать на ту причину, которою объяснялось народное движеніе въ литовскихъ губерніяхъ. Никакой систематической проповѣди, никакого религіознаго института для распространенія трезвости у насъ не было. Напротивъ, при нѣсколькихъ случаяхъ церковнаго участія въ рѣшимости крестьянъ не пить, — было нѣсколько случаевъ и совершенно въ другомъ родѣ. Напримѣръ, изъ Крапивинскаго уѣзда Тульской губерніи сообщали: (Моск. Вѣд. № 97): «Въ селѣ Лапотковѣ согласились не пить вина, подѣ страхомъ 5 руб. сер. штрафа; одно духовное лицо этого села преступило нечаянно это положеніе и должно было уплатить двойной штрафъ, т. е. 10 рублей».

За неимѣніемъ одного объясненія, стали приискивать другое, и нашли!... Въ западныхъ губерніяхъ, видите ли, — ксендзы дѣйствуютъ словесною проповѣдью; а въ Великороссіи — такъ какъ грамотность и любовь къ чтенію повсемѣстно распространены въ народѣ, литература исправляетъ роль ксендзовъ.... Въ прошломъ году стали писать противъ откуповъ, — вотъ крестьяне-то и вразумились да и отказались отъ водки.... Совершенно понятное и естественное дѣло! Намъ, впрочемъ, не пришло бы въ голову такое открытіе, если бы мы не отыскивали его въ двухъ, весьма ученыхъ и почтенныхъ журналахъ, — въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Указателѣ Политико-Экономическомъ». «Отечественныя Записки» (№ 2, 1859 г.) говорятъ: «обличительныя статьи подкопали авторитетъ многого, что прежде считалось чѣмъ-то непоколебимымъ, привели общественное мнѣніе къ сознанію.... и пр. *Мало этого: онѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вызвали даже демонстрацію со стороны общества. Возьмите, напримѣръ, откупа.* Откупная система введена не со вчерашняго дня, она существуетъ многіе десятки лѣтъ, и *еще и вся (остреуміе!?) явля всякую бурду, какую угодно было, не какой угодно цѣнѣ, давать откупщикамъ, созидавшимъ себѣ на этой бурдѣ ве-*

ликолѣпныя палаты, зимніе сады и мильоны. Никому и въ голову не приходило дѣлать противъ такихъ порядковъ какія нибудь фактическія протестаціи. Но вотъ литература вывела на свѣжую воду развѣвляющихъ водою водку откупщиковъ, указала на весь вредъ откупной системы, раскрыла хитрости и тонкости, употребляемыя сильными (по деньгамъ) міра сего для спаиванія своихъ меньшихъ братій; заговорили о томъ въ общество, заговорили въ простомъ народѣ, и этотъ говоръ не остался безъ послѣдствій» (Совр. Хрон. стр. 73). Замѣчаете ли, какъ прекрасно понимаютъ народъ «Отечественныя Записки»? Онъ, видите, такъ глупъ, что по необразованности своей не знаетъ даже, что онъ пьетъ и ѣстъ: вкуса не имѣетъ, значить, — все по необразованности! Литераторы трудятся надъ тѣмъ, чтобы растолковать мужику, вкусно или нѣтъ для него то, что онъ пьетъ, — дорого или дешево обходится ему то, что онъ покупаетъ! Сколько лѣтъ бѣдный мужикъ пилъ бурду, по какой угодно цѣнѣ, и все молчалъ да пилъ! А заговорили объ откупахъ въ литературѣ, — онъ сейчасъ и смекнулъ, что вино для него и дорого, и не пьяно.... За то литераторы и рѣшили, давно ужъ впрочемъ, что русскій народъ отличается особенной понятливостью и переимчивостью!

Но кто же началъ рѣчь объ откупахъ? Кому обязаны бѣдные мужички познаніемъ добра и зла въ откупной водкѣ? Боже мой! Какъ же вамъ не стыдно не знать этого! Вы знаете всѣхъ этихъ Кальцолари, Дюбассини, — а не знаете нашего извѣстнаго статистика и экономиста! По крайней мѣрѣ теперь узнайте и почитайте его, — за то, что онъ «первый поднялъ вопросъ о трезвости и былъ причиною распространенія этого отраднаго явленія въ разныхъ областяхъ великаго отечества нашего». Такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ самъ онъ, знаменитый г. И. В.—скій, докторъ и статскій совѣтникъ, какъ расписывался онъ на «Экономическомъ Указателѣ». Послушайте, что онъ говоритъ: «мы первые подняли вопросъ о трезвости, первые дали гласность замѣчательному факту, совершающемуся въ западныхъ губерніяхъ нашихъ, и — полагаемъ, что *отчасти* (это *отчасти* — вѣрно изъ скромности?) были причиною распространенія этого отраднаго нравственнаго явленія и въ другихъ областяхъ великаго отечества нашего» («Ук. Пол. Эк.» 1859 г. № 22, стр. 495). Не правда ли, какъ убѣдительно это скромное сознаніе собственныхъ заслугъ! Итакъ, г. Вернадскій сдѣлалъ въ великороссіи то, что въ Литвѣ произвела проповѣдь ксендзовъ; г. Вернадскій — нашъ Чаннингъ и патеръ Мэтью! Преклонитесь предъ г. Вернадскимъ всѣ вы, нечитающіе его «Указателя», не подвергающіеся изумительной силѣ его логики и вслѣдствіе того, можетъ быть, еще до сихъ поръ пьющіе водку!

Итакъ дѣло совершенно ясно: мужички наши начитались «Экономическаго Указателя» и вслѣдствіе того перестали пить.. Если бы знали это откупщики, — то-то бы задали «Указателю!».. Не будь его, такъ общество трезвости и не было бы вовсе, или по крайней мѣрѣ (принимая буквально скромное «отчасти», г. В—скаго) были бы въ гораздо меньшемъ количествѣ.... Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, было догадаться народу, что вино стало хуже и дороже, — если бы благодѣтельная литература не вразумила его!... Правда, — литераторамъ и во снѣ не грезилась такая радикальная мѣра, на какую рѣшился народъ; правда, что они никогда не говорили ни одного слова о противодѣйствіи откупу со стороны самого народа, а все возлагали свои надежды на постороннія силы.... Но вѣдь мало ли о чемъ вовсе не думали литераторы, мало ли чего они не понимаютъ! Все-таки они люди ученые, а иногда даже и чиновные, — и если въ народѣ что нибудь сдѣлается, такъ ужъ это вѣрно отъ нихъ! Въ противномъ случаѣ они будутъ протестовать, и если ихъ не послушаютъ, то они «возвысятъ свой голосъ» *противъ* народа; что тогда будетъ?

Къ удивленію нашему, поводъ къ протестаціи представился «Экономическому Указателю» и въ дѣлѣ трезвости, которой причиною онъ самъ былъ, по крайней мѣрѣ отчасти. Оказывается, что мужики слишкомъ ужъ усердно взялись за дѣло и приняли даже то, чего вовсе не было въ видахъ «Указателя». Они постановили штрафы и наказанія тѣмъ, кто нарушитъ обязательство трезвости. Это значитъ, что они не совсѣмъ хорошо поняли тенденціи доктора и статскаго совѣтника И. Вернадскаго, который, какъ извѣстно, всякое вмѣшательство общественной власти въ дѣла гражданъ считаетъ лично для себя обидою. Чтобы вразумить недогадливыхъ мужиковъ, г. Вернадскій счелъ долгомъ *протестовать* противъ принудительныхъ мѣръ, употребляемыхъ ими въ дѣлѣ трезвости. «Нравственное улучшение, — говоритъ онъ, — происходитъ, по нашему мнѣнію, только нравственнымъ путемъ, и насиліе, принужденіе въ дѣлѣ трезвости, по нашему мнѣнію, такъ же мало можетъ истинно исправить народъ, какъ и крѣпостное право.... Возставая противъ всего насильственно-искусственнаго и грубаго, и сочувствуя только тому, что истинно-нравственно и чуждо всеубивающаго страха, мы считаемъ своею обязанностью возвысить голосъ свой за добровольныя общества трезвости и *противъ* насильственныхъ мірскихъ приговоровъ объ этомъ предметѣ, подкрѣпляемыхъ розочными ударами. Всякіе штрафы запрещены».

«Какой смыслъ имѣеть послѣдняя фраза?»—спросите вы. Мы сами не доискались въ ней смысла, тѣмъ болѣе, что она заканчивается

статейку, — далѣе ничего уже нѣтъ. Кѣмъ запрещены, гдѣ, когда запрещены, — мы не могли добиться....

Но къ несчастію, мужики внимали «Экономическому Указателю» только до тѣхъ поръ, пока у нихъ не было трезвости. А какъ только трезвость явилась, совѣты «Указателя» потеряли всякое значеніе для крестьянъ. До сихъ поръ газеты безпрестанно сообщаютъ новые мірскіе приговоры, въ которыхъ полагается штрафъ и тѣлесное наказаніе (почти вездѣ — 25 ударовъ) нарушителю общаго обѣта.... Мало этого, почти во всѣхъ извѣстіяхъ причиною залога выставляется вепомѣрная дороговизна и дурное качество вина, хотя «Указатель» и говоритъ: «для насъ дорогъ не столько актъ отказа отъ вина, сколько *нравственное побужденіе къ самоусовершенствованію, то сознаніе вреда отъ вина*, которое послужило поводомъ къ этому акту». Самъ «Указатель» разрушаетъ такіа высупренія предположенія, напечатавши (№ 16) извѣстіе изъ Калуги, въ которомъ корреспондентъ между прочимъ говоритъ слѣдующее:

«На дняхъ случилось мнѣ быть въ одной изъ лучшихъ въ Калугѣ лавокъ, въ которой продаются иностранныя вина. Смотрю, — входятъ человѣкъ пять крестьянъ и требуютъ сантуринскаго четвертями ведра и полуведрами. Это обстоятельство меня заинтересовало, и я вступилъ съ крестьянами въ разговоръ. Оказалось, что одни изъ нихъ пріѣхали изъ селна Локачева, въ 55 верстахъ отъ Калуги а другіе изъ села Карамышева, въ 25 верстахъ. На мой вопросъ, почему они покупаютъ сантуринское, а не водку, я получилъ въ отвѣтъ, что отъ употребленія хлѣбнаго вина, *по причинѣ его непомярной дороговизны и недоброкачественности*, они отказались всѣмъ міромъ, и что въ случаяхъ свадьбы и пр. они покупаютъ сантуринское. Разсчетъ мужичковъ понятенъ: отъ нынѣшняго хлѣбнаго вина пьянъ не будешь, такъ же, какъ и отъ сантуринскаго; но послѣднее не имѣетъ по крайней мѣрѣ вреднаго вліянія на здоровье, а по цѣнѣ сходнѣе водки: оно продается у насъ въ Калугѣ съ небольшимъ 4 р. с. за ведро. Между прочимъ я любопытствовалъ у помянутыхъ крестьянъ спросить: долго ли же они не будутъ употреблять горячихъ напитковъ. «Мы сговорились не пить до сентября». — А послѣ? «Послѣ, если вино не подешевѣетъ, мы снова порѣшимъ не употреблять его». Итакъ, *и въ нашемъ краѣ, какъ и въ большей части мѣстъ, гдѣ народъ рѣшился не пить хлѣбнаго вина, побудительная причина къ тому — дороговизна полуцара и недоброкачественность его*».

Такъ вотъ каковы «нравственныя побужденія къ самоусовершенствованію», которыя такъ дороги г. доктору Вернадскому! На нихъ указываетъ самъ «Указатель», указываютъ и другія газеты. Выше мы привели изъ «Русскаго Дневника» разсказъ о нижегородскихъ

мужикахъ, *примѣнивавшихся* къ водкѣ и не купившихъ ея въ крепенъе. Приведемъ еще замѣчанія одного помѣщика, г. Фролова, высказанныя имъ въ № 153 «Московскихъ Вѣдомостей» (30 июня). Г. Фроловъ тоже неодобрять тѣлесныхъ наказаній, полагаемыхъ крестьянами за невоздержаніе, и передаетъ совершенно основательныя убѣжденія свои на этотъ счетъ, высказанныя имъ крестьянамъ. Но мотивы его чрезвычайно различны отъ мотивовъ г. В—скаго: г. Фроловъ просто убѣжденъ въ ненужности наказаній для успѣха самаго дѣла. По его словамъ, крестьяне его *всѣ* очень обрадовались, когда открылась возможность *всѣмъ* отказаться отъ водки.... Слѣдовательно, тутъ нечего было и толковать о наказаніяхъ за нарушеніе зарока. Вотъ что говоритъ г. Фроловъ.

«И дѣйствительно, къ чему всѣ эти штрафы? Стоитъ только хорошенько вникнуть въ причину, почему крестьяне съ такою радостію цѣлыми селеніями отказываются отъ покупки вина; да это для нихъ единственный способъ, чтобы поправиться въ денежныхъ обстоятельствахъ; болѣе тридцати лѣтъ я почти постоянно живу въ деревнѣ, знаю быть крестьянъ въ совершенствѣ; въ началѣ моего хозяйства крестьяне мои никогда въ деньгахъ не нуждались, но съ постепеннымъ возвышеніемъ цѣны на вино постепенно начали чувствовать недостатокъ въ денгахъ и теперь нерѣдко прибѣгаютъ къ моей помощи; причина ясная: въ теченіе 30 лѣтъ доходы ихъ не увеличились, а расходы умножились; въ адѣшнихъ мѣстахъ цѣны на коноплю, пеньку, извозы, плотничныя работы и другіе источники крестьянскихъ доходовъ почти все одни и тѣже; на хлѣбъ же съ нѣкотораго времени возвысились, и рѣдкій крестьянинъ обходится своимъ хлѣбомъ; но главное для нихъ разореніе вино, не потому, чтобы они были къ нему пристрастны, во все нѣтъ: людей, которые могутъ обходиться безъ него по нѣскольку недѣль и даже мѣсяцевъ, грѣшно подвергать такому нареканію; но у нихъ, по заведенному изъ стари обычая, бываетъ нѣсколько въ году случаевъ, когда каждый изъ нихъ поставленъ въ необходимость покупать вино, а именно: къ Рождеству, Святой недѣлѣ, къ масляной, престольнымъ праздникамъ, сверхъ того на свадьбы, крестины и похороны; количество вина покупаютъ они одно и тоже теперь, какое покупали, когда оно было въ половину дешевле: сколько ни убѣждалъ я ихъ, чтобы покупали въ половину менѣе, все было напрасно, у нихъ одинъ отвѣтъ: невозможно, не достанетъ, лучше совсѣмъ не покупать, чѣмъ не достанетъ, а этого нельзя сдѣлать безъ того, чтобы вся деревня не покунала; вотъ настоящая причина, почему цѣлыми селеніями отказываются отъ вина.»

Нѣтъ никакой надобности доказывать, что причиною общаго движенія въ пользу трезвости въ разныхъ концахъ Россіи было не

внезапное угрызеніе совѣсти за многолѣтнее пьянство, и даже не «желаніе встрѣтить въ трезвомъ видѣ зарю освобожденія» (какъ предполагаетъ г. Кошелевъ въ № 99 «Московскихъ Вѣдомостей»), а просто дороговизна и дурное качество водки. Доказательство этого находимъ мы не только въ извѣстіяхъ разныхъ газетныхъ корреспондентовъ, но даже и въ самыхъ приговорахъ, подписанныхъ крестьянами. Письменные приговоры эти, впрочемъ, не должны быть принимаемы за крестьянское произведеніе: всѣ они написаны, очевидно, рукою какого нибудь грамотѣя-писаря или другаго молодца, не жалѣющаго фразъ. Тѣмъ не менѣе сущность ихъ (то есть самый зарокъ, правила общества, мѣры противъ нарушителей, а отчасти и причины зарока), выработана прямо крестьянскими обществами, вслѣдствіе предшествовавшихъ фактовъ жизни, а никакъ не навязана имъ извнѣ. Приведемъ для примѣра одно постановленіе, напечатанное въ № 71 «Московскихъ Вѣдомостей». Къ сожалѣнію, въ немъ не вполне обозначены имена деревень, составившихъ это опредѣленіе. Что дѣлать? Такова ужъ наша хваленая гласность!...

«1859 года марта 15-го дня, мы нижеподписавшіеся, избранные отъ міра старшины, рядовые крестьяне и дворовые села П—ва съ деревнями Кр—ною и Пог—вою, бывъ на мірской сходкѣ, по случаю возвышенія содержателемъ Болховскаго питейнаго откупа на хлѣбное вино цѣны, что мы для себя и семействъ своихъ почитаемъ разорительнымъ, во избѣжаніе чего, и для распространенія въ насъ и дѣтяхъ нашихъ доброй нравственности, и чтобы мы были исправными во всѣхъ своихъ обязанностяхъ, сдѣлали между себя сію добровольную подписку, которую симъ обязуемся: вино отнынѣ впредъ въ питейныхъ домахъ не пить и на выносъ въ свои дома, кромѣ какихъ либо необходимыхъ случаевъ, не покупать, зачѣмъ обязуемся другъ за другомъ смотрѣть и о нарушителяхъ сего, чрезъ выбранныхъ нами старшинъ, доносить вотчинному начальству для поступленія съ таковыми, какъ съ вредными для нашего общества, а именно: ослушниковъ штрафовать въ пользу приходской нашей церкви 10 руб. сереб. за каждое взятое ведро и 5 руб. сер., если кто выпьетъ въ питейномъ домѣ, а при безденежьи наказывать розгами согласно общему приговору старшинъ; въ случаѣ же, если откроется какая надобность купить вина, то испроситъ всякій разъ на то разрѣшеніе избранныхъ нами старшинъ и брать въ количествѣ, ими дозволенномъ; разрѣшеніе одного старшины не есть дѣйствительное; необходимо общее дозволеніе всѣхъ старшинъ въ присутствіи вотчинной конторы, гдѣ имѣется книга для записыванія всякаго приговора старшинъ. Старшина, имѣющій надобность купить вино, обязанъ испроситъ разрѣшеніе міра и брать въ количествѣ, опредѣляемомъ мірскимъ приговоромъ. Всѣ эти признанныя ними условія для утвержденія межъ нами доброй нравственности обязательны и для всѣхъ

постороннихъ, живущихъ въ нашемъ селѣ». *Подлинная подписана всеми крестьянами, бывшими на сходкѣ.*

При чтеніи этого приговора, не трудно видѣть, какъ фразы въ немъ перемѣшаны съ дѣломъ, добрая нравственность приплетена къ дороговизнѣ, и проч. Но сущность дѣла остается таже: крестьяне отказываются покупать хлѣбное вино.... Какая бы ни была причина этого, фактъ имѣеть важное значеніе въ томъ отношеніи, что доказываетъ способность народа къ противодѣйствию незаконнымъ притѣсненіямъ и къ единодушію въ дѣйствіяхъ. Пріятнѣе, конечно, было бы, если бы мужики наши побуждены были къ отреченію отъ водки не внѣшнимъ обстоятельствомъ—безсовѣстностью откупа, а внутреннимъ, нравственнымъ сознаниемъ. Но внезапныя нравственныя перерожденія бываютъ только въ раздирательныхъ романахъ, и отъ русскаго мужика, живущаго въ дѣйствительности, а не въ мечтѣ, неестественно было бы требовать такой нелѣпости. Ни съ того, ни съ сего, не могъ онъ вдругъ перемѣнить свои наклонности. А тутъ дѣло происходило очень просто: мужикъ любилъ выпить, но не до такой крайней степени, какъ увѣряли многіе; прежде онъ покупалъ вино потому, что хоть оно было и дороговъно, не все еще можно было выносить; а тутъ вдругъ поднялась цѣна до того безобразная, что мужикъ махнулъ рукой да и сказалъ себѣ: «вѣтъ, лучше не стану пить; дорога больно, окаянная». Сказалъ да и сдѣлалъ — не сталъ пить; потому что онъ — не то, что мы, образованные господа, — не станеть тратить словъ попустому.

Мы убѣждены, что газетныя извѣстія не сообщили и четвертой доли всего числа обществъ трезвости, образовавшихся у крестьянъ. Но и по тому, что обнародовано, можно насчитать уже сотни тысячъ крестьянъ, отказавшихся отъ водки. У насъ очень плохо слѣдятъ за судьбою этихъ обществъ, и большею частію, извѣстивши объ ихъ образованіи, не заботятся болѣе о сообщеніи извѣстій, какъ исполняются зароки, данные крестьянами. Поэтому только о западныхъ губерніяхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, продолжающіяся спустя уже довольно значительное время послѣ первыхъ проявленій трезвости. Въ великорусскихъ губерніяхъ почти всѣ извѣстія относятся только къ первому образованію обществъ, почему и до сихъ поръ еще нерѣдко можно услышать въ обществѣ мнѣніе, что все это движеніе *непродолжительно и непрочное*. Разумѣется, оно и не должно быть слишкомъ продолжительно; этого даже и желать не нужно: будучи порождено дикими отношеніями откупа къ народу, оно должно прекратиться

вмѣстѣ съ уничтоженіемъ этихъ отношеній. И сами крестьяне не даютъ *въчинить* зарокотъ; большею частію уговариваются не пить въ теченіе года, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — до осени, до весны, иные — на неопредѣленное время. Мы считаемъ не лишнимъ представить здѣсь подробный перечень всѣхъ мѣстностей, о которыхъ мы нашли въ газетныхъ извѣстіяхъ, что въ нихъ распространяется трезвость.

Началось движеніе въ пользу трезвости въ Ковенской губерніи, и оттуда разошлось по Виленской и Гродненской. Вскорѣ потомъ одновременно обнаружилось движеніе въ пользу трезвости въ Поволжьи и въ центральныхъ замосковныхъ губерніяхъ. Вслѣдъ за извѣстіями о трезвости въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, получены были свѣдѣнія о распространеніи трезвости въ губерніяхъ Тульской, Владимірской, Московской, Орловской и Калужской. Съ другой стороны трезвость, принявшаяся въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, распространилась вверхъ по Волгѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ Самарской, Рязанской, Нижегородской, Костромской, Ярославской и Тверской губерній. Нѣсколько позже получены извѣстія объ образованіи обществъ трезвости въ четвертомъ краю Россіи, въ губерніяхъ Харьковской, Курской, Воронежской. Такимъ образомъ въ настоящее время трезвость завладѣла многими пунктами, и можно думать, что ея распространеніе пойдетъ теперь еще быстрѣе, чѣмъ шло до сихъ поръ (предполагая, разумѣется, что она не встрѣтитъ какихъ нибудь особенныхъ препятствій).

О трехъ западныхъ губерніяхъ, показавшихъ первый примѣръ трезвости, есть свѣдѣнія довольно положительныя. Въ февралѣ мѣсяцѣ писали изъ Ковно въ *Slowie*: «едва лишь нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ перестали употреблять водку, а благіе плоды этой счастливой переменѣны въ народѣ уже чувствуются самымъ осязательнымъ образомъ: цѣна жизненныхъ продовольствій понизилась значительно, нищенство стало гораздо меньше, казенныя повинности уплачиваются исправнѣе, населеніе нашей губерніи находится въ самомъ вождѣльномъ здоровьи. Замѣчательно, что въ теченіе этого времени у насъ не появилось ни одной общей болѣзни, которая прежде бывала обыкновенною гостьею нашею въ эту пору года, особенно при такой безпрестанно мѣняющейся, туманной, сырой погодѣ, какая стоитъ у насъ.» (М. Вѣд. № 42). Изъ этого извѣстія, не представляющаго опредѣленныхъ фактовъ, а говорящаго общими мѣстами, видно однакоже, что объѣтъ трезвости строго былъ соблюдаемъ. Болѣе положительныя свѣдѣнія представлены въ письмѣ г. Рудзскаго (Указ. Пол. Эк. № 8, 22 февр.), кото-

рый рассказываетъ о томъ, какую борьбу и какъ твердо выдерживаютъ крестьяне. Между прочимъ очень характеристиченъ анекдотъ, рассказанный имъ объ одномъ помѣщикѣ Поневѣжскаго уѣзда. Помѣщикъ этотъ, переставшій получать отъ корчмы послѣдніе гроши своихъ крестьянъ, вздумалъ зазвать къ себѣ ксендза, успѣлъ какъ-то напоить его, и пьянаго вывелъ передъ толпу, которую увѣщевалъ образумиться, представляя ей несостоятельность убѣжденій человѣка, склонившаго ихъ дать обѣтъ воздержанія. «Надо отдать справедливость общественному мнѣнію, прибавляетъ г. Рудзкій: — оно заклеяло безчестіемъ имя человѣка, такъ грязно посягнувшаго на общее благо.»

О стараніяхъ самого откупа соблазнить крестьянъ—нечего и говорить. Въ половинѣ февраля писали, что откупщики въ Виленской губерніи ставили сначала 8 грошей за кварту вина, вмѣсто прежнихъ 14; потомъ вино подешевѣло въ шесть разъ; наконецъ — передъ корчмами выставляли иногда даже даровое вино.... Ничто не помогало (Рус. Дн. № 35). Въ концѣ того же мѣсяца сообщались вотъ какія свѣдѣнія изъ Жмуди: «въ мѣстечкахъ, въ ярмарочное время, расходилось, бывало, ведеръ до 40 водки, а теперь выходитъ ея едва нѣсколько гарнцевъ (штофовъ). Въ уѣздномъ нашемъ городѣ (корреспондентъ не говоритъ, — въ какомъ) еженедѣльный расходъ водки доходилъ среднимъ числомъ до 30 ведеръ; со времени же появленія трезвости (кромѣ отпускаемаго на войска, да еще кромѣ того, что потребляетъ людъ разныхъ вѣръ), количество его уменьшилось до одной третьей доли. На большихъ дорогахъ около Новно расходъ этого напитка тоже уменьшился, даже болѣе, чѣмъ на двѣ трети противъ прежняго; но и то, что потребляется, идетъ на прохожихъ солдатъ, на проезжающихъ обитателей Царства Польскаго, на пруссаковъ, и т. д. (Моск. Вѣд. 3-го марта № 53). Въ этомъ письмѣ есть положительное свидѣтельство и о томъ, что на Жмуди, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, трезвость нигдѣ не была нарушена, — т. е. цѣлымъ обществомъ, частныя же нарушенія всегда наказывались общественнымъ мнѣніемъ. Въ письмѣ г. Рудзкаго есть, между прочимъ, рассказъ о томъ, какъ въ одномъ мѣстечкѣ наказывали согрѣшившаго крестьянина.

«Въ м. Лукникахъ, Шавельскаго уѣзда, одинъ государственный крестьянинъ, несмотря на произнесенный имъ обѣтъ, напился пьянъ; узнавъ объ этомъ, все село подхватило измѣнника, невольника привычки, — ему приклеили къ спинѣ вывѣску: «пьяница» и, съ барабаномъ впереди, обвели два раза кругомъ села. Не знаю, исправился ли опозоренный крестьянинъ, но дѣло въ томъ, что этотъ случай навѣрно

удержить других и, главное, служить доказательствомъ прочности общаго увлеченія».

Относительно численнаго распространенія братства трезвости, г. Рудзскій свидѣтельствуемъ (отъ 12 февр.), что къ братству этому пристала почти вся Ковенская губернія. Вотъ его слова (Указ. Пол. Эк. стр. 178).

«Успѣхъ братства былъ огроменъ: къ концу минувшаго года по всей губерніи, за исключеніемъ части Новоалександровскаго и Вилькомирскаго уѣздовъ, смежныхъ съ Виленскою губерніею, каждому священнику удалось причислить къ своему братству всѣхъ почти прихожанъ своихъ. Потомъ газеты сообщили, что дѣйствія братства съ успѣхомъ перешли въ Виленскій уѣздъ изъ Вилькомирскаго; если это извѣстіе справедливо, то въ настоящее время, по всей Ковенской губерніи туземцы почти поголовно приступили къ братству, дѣйствующему во имя просвѣщенной любви къ человѣчеству.»

Извѣстіе это оказалось вполне справедливымъ. Въ 22 № Рус. Дневника напечатано:

«Общество трезвости уже стало распространяться въ Виленской губерніи, — именно въ трехъ приходахъ Виленскаго уѣзда, гдѣ 800 прихожанъ исполняли клятву не употреблять во всю жизнь крѣпкихъ напитковъ. Они были поощрены къ тому жителями Вилькомирскаго уѣзда.»

Черезъ три мѣсяца послѣ этого, въ началѣ мая, мы находимъ о Вильнѣ слѣдующее извѣстіе:

«Двѣ трети губерніи, и даже $\frac{3}{4}$ пристали уже къ обществу трезвости, и мы совершенно убѣждены, что черезъ мѣсяць и $\frac{9}{10}$ пристанутъ» (Ук. Пол. Эк. № 19).

Объѣтъ трезвости распространился здѣсь не только въ однихъ селеніяхъ, но и въ городахъ. Какіе размѣры приняла братства трезвости среди городскихъ жителей, можно видѣть изъ примѣра города Опшьянъ, о которомъ сообщено въ Рус. Дневникѣ (№ 74), что изъ 1725 жителей городка 900 человѣкъ изъявили желаніе быть членами братства, лишь только былъ имъ представленъ проектъ его.

Изъ Гродненской губерніи еще въ февралѣ писали, что братства трезвости распространились по всей губерніи, и что трудно уже было тогда встрѣтить пьянаго въ гродненскихъ деревняхъ (Моск. Вѣд. № 42). Недавно читали мы извѣстіе, что въ Бѣлостокскомъ приходѣ изъ 4,000 прихожанъ къ обществу трезвости принадлежитъ 3,000 (Экон. Указ. № 27).

Во всѣхъ трехъ губерніяхъ считается до мильона крестьянъ и мѣщанъ, мужскаго пола. Если половина ихъ отказалась отъ водки, то и тутъ выйдетъ 500,000 человекъ.... Но по всѣмъ извѣстіямъ, — въ обществахъ трезвости гораздо болѣе половины населенія. Съ этимъ совершенно сходятся и свѣдѣнія о количествѣ вина, продажнаго и оплаченнаго акцизомъ въ Ковенской губерніи. Вотъ что напечатано въ 96 № «Русскаго Дневника» (8 мая).

«Съ 1 января настоящаго года оплачено 55,931²/₁₀₀ ведеръ вина и 1,295 ведеръ спирта, тогда какъ въ этотъ же періодъ времени 1857 г. было оплачено 169,160⁰⁰/₁₀₀ ведеръ вина и 2,488 ведеръ спирта; а въ 1858 г. 202,538⁷⁰/₁₀₀ ведеръ вина и 866 ведеръ спирта. Въ періодъ производства винокурения на заводахъ въ 1858—59 г. производилось оно только на 275 заводахъ; но въ каждомъ изъ нихъ пропорція выкуривалась въ половину, на нѣкоторыхъ и того меньше, чѣмъ могли эти заводы выкурить на самомъ дѣлѣ. Притомъ, по признанію заводчиковъ, если куреніе ими и производилось, то главнымъ образомъ съ тою цѣлю, чтобы добыть барды для корма скота, такъ какъ, вслѣдствіе прошлогоднихъ неурожаевъ травъ, эти кормы сильно подорожали. Изъ числа заводовъ, дѣйствовавшихъ въ прошлую зиму, 87 закрыты владельцами. Въ періоды винокурения 1856—57 и 1857—58 годовъ всѣ заводы, въ числѣ 362, дѣйствовали и выкуривали вино въ полномъ опредѣленномъ количествѣ. Свидѣтельствъ на право держать питейныя заведенія въ 1857 г. взято было 2,207, а въ 1858—2,191, въ нынѣшнемъ же году только 1,899. При томъ, главнымъ образомъ въ этихъ заведеніяхъ продаютъ только пиво и медъ. Винная продажа еще кое-какъ идетъ по городамъ, въ мѣстечкахъ она слабѣе, но по деревнямъ и селамъ совершенно прекратилась.»

Цифры эти даютъ намъ полную возможность судить о тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ дѣйствуютъ братства трезвости въ Ковенской губерніи, и заставляютъ предполагать тоже самое и въ двухъ другихъ, названныхъ нами. Жъ сожалѣнію, о другихъ мѣстностяхъ, гдѣ распространялась трезвость, не обнаружено свѣдѣній столь опредѣлительныхъ, и потому мы принуждены ограничиться простымъ перечнемъ этихъ мѣстностей.

По западному краю трезвость обнаружилась еще въ губерніяхъ Подольской, Смоленской, Новгородской и Петербургской.

Въ Подольской губерніи, въ Литвиномъ уѣздѣ, отказались отъ водки крестьяне графа Куселева-Безбородко, въ Багриновецкомъ его имѣніи, съ деревнями Стасѣевымъ и Савинымъ Майданами, и селеніями Дубовой и Кусиковцами. Это было въ началѣ февраля. (Рус. Дя. № 66).

Въ *Смоленской губернии*, *Вяземскаго уѣзда*, согласились не пить вина крестьяне графини Рибопьеръ, въ числѣ 2,144 душъ (Рус. Дн. № 91).

Въ *Новгородской губернии*, *Старорусскаго уѣзда*, въ *Коростынской волости*, крестьяне въ числѣ 6,000, дали зарокъ не пить вина. Въ Новгородѣ также, по извѣстіямъ, замѣтно опустѣли питейныя заведенія. По слухамъ,—затѣвались общества трезвости (въ апрѣлѣ) и въ другихъ мѣстностяхъ *Новгородской губернии* (Рус. Дн. № 79).

Близъ *Петербурга* дали зарокъ не пить водки крестьяне деревни *Коломяги* (*Моск. Вѣд. № 68*) и *Новой Деревни* (Рус. Дн. № 66). Въ самомъ *Петербургѣ* дали зарокъ не пить вина плотничьи артели у одного подрядчика (имени и фамиліи его не сообразовалъ сообщить 27 № (14 іюля) «Указателя Пол. Эк.», въ которомъ помѣщено это извѣстіе....

Въ *Екатеринославской губернии*, *Александровскаго уѣзда*, крестьяне села *Петровскаго*, принадлежащаго гр. *Строгоиновой*, перестали ходить въ свой сельскій шинокъ только потому, что онъ съ новаго года взятъ у помѣщицы въ аренду откупщикомъ—евреемъ. Когда надобно, крестьяне покупаютъ водку изъ помѣщичьихъ шинковъ, верстъ за 15 — 20; а въ *Петровскомъ шинкѣ*, вмѣсто прежнихъ двухъ бочекъ вина ежемѣсячно, продается теперь не болѣе 10 ведеръ, и то однимъ проѣзжимъ, хотя водка у еврея—откупщика не дорога и хорошаго качества (Рус. Дн. № 44).

Харьковской губернии, *Старобѣльскаго уѣзда*, отказались отъ водки крестьяне одной изъ волостей южнаго поселенія этого уѣзда, состоящей изъ семи селеній (такъ скромно объявляетъ объ этомъ г. *Михаилъ Гаршинъ*, въ № 121-мъ *Москов. Вѣд.*).

Въ *Курской губернии*, въ *Щигровскомъ уѣздѣ*, крестьяне *Стакановской волости*, видя неурядицу, происходящую всегда при попойкахъ во время храмовыхъ праздниковъ и при хожденіи по селу съ иконами, — составили между собою полюбовный договоръ: не брать иконъ и не пить вина; а желающіе помолиться могутъ собраться на первый день праздника, отслужить молебенъ въ храмѣ и принести посильное пожертвованіе, — что они и сдѣлали, при чемъ собрано приношеній до 40 р. въ пользу церкви, и 3 р. сер. на уплату за служеніе молебна. Изъ двухъ священниковъ одинъ уклонился отъ исполненія желанія прихожанъ, но младшій исполнилъ просьбу ихъ (*Моск. Вѣд. № 123*).

Въ маѣ мѣсяцѣ рѣшились отказаться отъ водки крестьяне нѣсколькихъ волостей въ *Коротоякскомъ уѣздѣ Воронежской губер-*

ни, въ числѣ 20,000. Вотъ извѣстіе о нихъ, помѣщенное въ № 142 (17-го іюня) Моск. Вѣдомостей.

«Въ маѣ мѣсяцѣ этого года въ Коротооякскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, государственные крестьяне волостей Амошенской, Давыдовской и Коротооякской, въ числѣ слишкомъ 20,000 душъ, дали клятву впредь не употреблять водки ни подъ какимъ предлогомъ. Смущенные этимъ обстоятельствомъ, откупщики употребляли всевозможныя мѣры, чтобы склонить народъ къ нетрезвой жизни, воспѣвая, какъ это пріятно и полезно; но народъ не выслушалъ пустымъ словамъ. Такъ откупщики поставили жителямъ въ селѣ Тресорукѣ нѣсколько штофовъ хорошей водки даромъ; нашлись шалуны-ребята, которые ее выжили, и во потому только, что даромъ, но, поблагодаривъ за угощеніе, сказали, что покупать все-таки не будутъ, за тѣмъ и разошлись; потомъ откупщики задабривали значительныхъ поселянъ, предлагали жертвы на храмы, и много, много было придумываемо ими средствъ, но народъ рѣшительно отвергъ всѣ ихъ искательства. И вотъ уже другой мѣсяцъ, какъ крестьяне свято и ненарушимо хранятъ обѣщаніе; примѣръ ихъ находятъ многихъ подражателей. — Въ Острогомскомъ уѣздѣ уже готовятся такіа общества.»

Въ томъ же мѣсяцѣ изъявили желаніе отстать отъ горячихъ напитковъ крестьяне *Воронежской* губерніи, Бирюченскаго уѣзда, Староивановской вотчины помѣщицы Муравьевой, съ народонаселеніемъ изъ малороссіянъ, къ количеству 2,169 душъ мужескаго пола (Моск. Вѣд. № 121).

Въ центральныхъ губерніяхъ распространеніе трезвости обнаружено изъ слѣдующихъ мѣстностей.

Въ *Орловской* губерніи:

1) Крестьяне села П—ва, съ деревнями Кр—ною и Пог—вою, въ Болховскомъ уѣздѣ (полныхъ названій деревень не разсудилъ сообщать г. К., приславшій извѣстіе объ этомъ въ № 71 Моск. Вѣд.), видя чрезмѣрное возвышеніе цѣнъ на вино и дурное качество послѣдняго, положили на мірской сходкѣ — воздерживаться отъ употребленія хлѣбнаго вина.

2) Въ Мценскомъ уѣздѣ — крестьяне села Алисова на Неручи (138 душъ), принадлежащаго г. Скарятину, мірскимъ приговоромъ постановили — не пить вина по буднямъ (Моск. Вѣд. № 75).

3) Елецкаго уѣзда, въ имѣніи г. Вадковскаго, въ селѣ Петровскомъ и въ деревняхъ Федоровой, Елизаветиной, Выселкѣ, Лопуховкѣ, Самохваловкѣ, Сухонинной, Длинной и Бродковѣ, 5 апрѣля въ воскресенье, крестьяне и дворовые люди отказались отъ употребленія водки, по совѣту помѣщика. Тоже сдѣлало духовенство села

Петровскаго, купцы и мѣщане, проживающіе въ имѣніи г. Вадковскаго отставные и безсрочно-отпускные солдаты съ солдатками (Рус. Дн. № 92).

4) Въ тотъ же самый день, 5 апрѣля, отказались отъ водки крестьяне сельца Аленое, Болховскаго уѣзда, «видя чрезвычайное возвышеніе цѣнъ на вино содержаниемъ Болховскаго питейнаго откупа и дурное его качество, вредное для здоровья» (Московскія Вѣдомости, № 90.)

5) Въ Карачевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Касиловѣ, деревнѣ Кульчевѣ, въ селѣ Новоникольскомъ, Алымовѣ тожь, и въ деревнѣ Фроловѣ, принадлежащихъ г. Фролову, крестьяне и дворовые отказались отъ крѣпкихъ напитковъ, не связавъ себя никакими штрафами и позорными наказаніями (Моск. Вѣд. № 153.)

Въ Тульской губерніи также во многихъ мѣстностяхъ образовались общества трезвости.

1) Каширскаго уѣзда, села Хотуши, крестьяне казеннаго вѣдомства постановили: брать водку изъ питейныхъ заведеній на дома, въ количествѣ, всякій разъ опредѣленномъ мірскимъ приговоромъ; ослушниковъ штрафовать 25 р. за каждое ведро, а при безденежьи наказывать тѣлесно (Рус. Дн. № 35.)

2) Въ Чернскомъ уѣздѣ, въ селѣ Спѣшневѣ, принадлежащемъ кн. П. В. Долгорукову, крестьяне на сходкѣ положили: «по причинѣ дороговизны вина, не пить его, и кто выпьетъ хоть чарку, тотъ платитъ міру 6 р. с.» (Рус. Днев. № 52.)

Жители самого города Черни и подгородныхъ слободъ: — Казацкой, Стрѣлецкой и Пушкирской, условились между собою не пить вина и ни подъ какимъ видомъ не держать его дома. Къ этому обѣту приступили и ямщики (Рус. Дн. № 92.).

3) Въ Ефремовскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Доробинѣ, принадлежащей графу Татищеву, въ имѣніяхъ гг. Тургенева, Левицкаго, Крюкова, г-жи Свѣчинной и Власовой, и въ имѣніи г. Скарятина — Маринѣ, — крестьяне дали зарокъ на годъ — не пить вина (Моск. Вѣд. № 64.). По другому извѣстію, первый примѣръ трезвости въ Ефремовскомъ уѣздѣ показало село Галица. Потомъ отказались отъ водки ефремовскіе ямщики, по призыву содержателя почтовой станціи Я—ва. Затѣмъ перестали пить — Кадно, Закопы, Старыя Гальскія Карчажки, Медовая Большая, и много-много другихъ богатыхъ и многолюдныхъ селъ. Названія ихъ однакоже не заблагодарсудилъ сообщить почтенный корреспондентъ, скрывшій и свое собственное имя, и подписавшійся подъ своимъ извѣстіемъ: «Ефремовскій житель» (Моск. Вѣд. № 94.)

4) Въ Крапивинскомъ уѣздѣ, въ селахъ: Колединѣ, Траснѣ и Лопотковѣ, крестьяне на сходкѣ положили не пить вина (Моск. Вѣд. № 97.)

Въ томъ же уѣздѣ, въ Царевской вотчинѣ, принадлежащей г-жѣ Скарятиной, крестьяне еще въ концѣ прошлаго года рѣшились не пить, и замѣчательнымъ образомъ выдержали себя предъ исправникомъ. Вотъ вполнѣ описаніе всего дѣла, какъ оно помѣщено въ Моск. Вѣд. (№ 75.)

«Крестьяне Тульской губерніи Крапивинскаго уѣзда, Царевской вотчины, принадлежащей женѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Марьѣ Павловнѣ Скарятиной и заключающей въ себѣ 1,336 душъ, въ концѣ прошлаго года на мірскомъ сходѣ постановили не пить вина, исключая свадебъ и храмовыхъ праздниковъ. Испуганный цаловальникъ (въ селѣ Царевѣ есть питейный домъ) бросился къ откупщику и объявилъ ему, что къ царевскому питейному дому приставленъ крестьянами караулъ. Откупщикъ жаловался на это исправнику. Исправникъ, вытребовавъ старосту означеннаго села и узнавъ отъ него, что никакого караула къ питейному дому не приставлялось, а сдѣлано крестьянами постановленіе не пить вина, спросилъ, внесены ли подушныя и поставлены ли по дорогамъ тычки, и затѣмъ отпустилъ старосту, подтвердивъ ему, чтобы караулъ къ питейному дому отнюдь ставить не смѣли. Тогда крестьяне, на вторичномъ мірскомъ сходѣ, постановили: ни въ какомъ случаѣ, даже на свадьбы и въ храмовые праздники, вина на домъ не брать и вообще отъ употребленія его отказаться. Исключеніе сдѣлано для больныхъ, и въ этомъ случаѣ берется вино съ разрѣшенія старшинъ; также для находящихся въ дорогѣ или на заработкахъ на сторонѣ, очевидно по невозможности имѣть за ними надзоръ. Замѣчательнѣе всего, что крестьяне дѣйствовали въ этомъ случаѣ рѣшительно по собственному побужденію: помѣщица, г-жа Скарятинна, живетъ постоянно въ другомъ имѣніи, и управляющаго въ это время въ вотчинѣ не было: онъ повезъ оброкъ къ новому году. Имѣніе оброчное; тягло получаетъ 10 тридцатныхъ десятинъ пашни, съ платою 3 р. 30 коп. за десятину.»

5) Новосильскаго уѣзда, въ селѣ Моховомъ, принадлежащемъ г. Шатилову, крестьяне положили не пить хлѣбнаго вина до апрѣля 1860 г. (Моск. Вѣд. № 128.)

Свѣдѣнія о распространеніи трезвости въ *Калужской* губерніи были помѣщены въ «Указателѣ Политико-Экономическомъ», № 20. Приведемъ ихъ здѣсь вполнѣ.

«Трезвость въ Калужской губерніи распространяется съ замѣчательною быстротою, и дай Богъ дальнѣйшихъ успѣховъ доброму дѣлу. По настоящее время трезвость установилась въ слѣдующихъ селеніяхъ:

Тарусскаго уѣзда: въ Сашкинскомъ сельскомъ обществѣ съ деревнями Клишино, Жиливки, Черкасово, Жалично и Силверстово, вѣдомства государственныхъ имуществъ, въ имѣніяхъ гг. Миллера и Дурново и при чугуноплавильномъ Бибарсовскомъ заводѣ; *Калужскаго:* въ селѣ Бобровѣ,—г. Головина (1,200 душъ м. п.), въ деревняхъ: Жарокѣ, Песочнѣ, Семеновскомъ, Грядневѣ, Фетининѣ, Маматовѣ и Бобринѣ,—княгини Вяземской, въ селѣ Дмитріевскомъ,—г. Кишкина, въ деревняхъ Мужачи, Русинѣ, Масловѣ, Филиповой,—г-жи Фрейгангъ, и въ селѣ Желовижѣ,—г. Скворцова; *Медынскаго:* въ селѣ Карамышевѣ, — князя Меншикова (1,880 д.), во всѣхъ селеніяхъ князя Кочубея, подвѣдомственныхъ кожуховской вотчинной конторѣ (510 д.), въ селѣ Троицкомъ,—г. Сабанеева (642 д.), въ селѣ Кондровѣ,—г-жи Мещериновой (121 д.), и въ сельцѣ Михайловскомъ,—гг. Спафарьевыхъ (60 д.); *Масальскаго:* въ сельцѣ Новоалександровскомъ хуторѣ, — малолѣтнихъ гг. Нарышкиныхъ; *Малолрославскаго:* въ сельцѣ Дѣтчиновѣ и въ деревняхъ Кульневѣ и Желудовкѣ, — г. Атыганьева (248 д.), въ деревняхъ Огубѣ, Кадникахъ, Росляковѣ, Величковѣ и Лыковѣ,—княгини Голицыной (581 д.); *Лихвинскаго:* въ селеніяхъ — Князищевѣ,—г. Чернова, Говоренкахъ,—г. Сухотина, Труфановѣ, — г. Плужникова, Титовѣ,—г. Евдокимова, Аниковкѣ,—г. Цемирова, Дули,—г-жи Вишты, Плюсковѣ,—г. фонъ-Вернера и Ханинѣ; *Перемышльскаго:* въ помѣщичьихъ селеніяхъ: Крутыхъ-Верхахъ, Самойловѣ и Толстиковѣ, — князя Грестерова, Зябкахъ, — г-жи Воронцовой, Крименевѣ, — князя Оболенскаго, Григоровскомъ и Константиновскомъ, — г-жи Чертковой, Матинѣ,—г-жи Бенардаки, Покровскомъ и Куровскомъ,—г. Рихтера, Ридовкѣ,—г. Коробкова; въ селеніяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ: Зимницахъ, въ деревняхъ Полянахъ, Хохловкѣ, Слободкѣ, Жашковѣ, Гордаковой, Алоповой (236 д.), Петровскомъ, Погорѣльскомъ, Кузьминкахъ, Рожественнѣ и Егоровѣ, въ селахъ — Варваренкахъ (99 д.), Михайловскомъ (136 д.) и Никольскомъ (134 д.). Сверхъ того, говорятъ, крестьяне села Грабцова,—г. Чернова, въ Калужскомъ уѣздѣ, и сельца Локачева,—г. Годейна, въ Медынскомъ, также отказались отъ употребленія горячихъ напитковъ. Такимъ образомъ, трезвость существуетъ въ 32 помѣщичьихъ селеніяхъ и 21 казенномъ, всего въ 73 селеніяхъ, находящихся въ семи уѣздахъ. Калужскаго уѣзда въ селѣ Дмитріевскомъ она установилась еще въ ноябрѣ прошлаго года, Тарусскаго уѣзда въ селѣ Сашкинѣ съ деревнями — на масляницѣ нынѣшняго, во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ только недавно — въ мартѣ и апрѣлѣ. Крестьяне означенныхъ мѣстъ, кромѣ, сколько мнѣ извѣстно, полянскаго сельскаго общества въ Перемышльскомъ уѣздѣ, словесно порѣшили не пить хлѣбнаго вина; полянское же сельское общество составило *письменный* условія воздержанія. Въ однихъ селеніяхъ крестьяне дали зарокъ не употреблять водки при крестномъ цѣлованіи, а въ другихъ — безъ соблюденія подобныхъ обрядовъ. Но, такъ или иначе, условія воздержанія вездѣ соблюдаются строго.»

Изъ всѣхъ этихъ селеній, въ одномъ Карамышевѣ, съ прилежащими къ нему деревнями, потреблялось вина на 40,000 р. с. въ годъ.... Можно судить по этому, сколько трудовыхъ копѣекъ собирается крестьянамъ по всей губерніи, отъ ихъ зарока. Въ «Русскомъ Дневникѣ» извѣщали, между прочимъ, что «откупщикъ въ отчаяніи пріѣзжалъ въ Карамышево и предлагалъ пустить вино по 3 р. с., если мужики согласятся пить; но ему единодушно отвѣчали, что они нарушатъ обязательство только въ такомъ случаѣ, если откупъ будетъ продавать вино повсюду по 1 р. 50 к. («Русскій Дневникъ» № 92).

Въ *Рязанской* губерніи, въ Зарайскомъ уѣздѣ, въ самомъ началѣ нынѣшняго года образовалось одно изъ первыхъ по времени обществъ трезвости въ великорусскихъ губерніяхъ. Первый примѣръ поданъ былъ крестьянами казеннаго села Макѣева (200 душъ) и помѣщичьяго — Кобыльска (150 душъ).

Въ половинѣ февраля извѣщали, что въ южныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи чрезвычайно ослабѣло употребленіе водки («Моск. Вѣд.» № 44). Въ концѣ марта г. Кошелевъ, помѣщикъ Рязанской губерніи, писалъ, что общества трезвости существовали уже въ уѣздахъ Зарайскомъ, Данковскомъ, Рязскомъ, Сапожковскомъ и *другихъ* («Моск. Вѣд.» № 99).

Были неопредѣлительныя извѣстія объ обществахъ трезвости и въ *Тамбовской* губерніи, въ Кирсановскомъ уѣздѣ (см. «Рус. Вѣст.» № 3).

Января 28, во *Владимірской* губерніи, въ Гороховецкомъ уѣздѣ, «по случаю возвышенія содержаниемъ питейнаго откупа на хлѣбное вино цѣнъ, а также и для распространенія въ семействахъ доброй нравственности», — отказались отъ водки крестьяне села Нижняго Ландеха, съ 85 деревнями, въ числѣ 5,000 душъ (Моск. Вѣд. № 49).

Въ *Московской* губерніи трезвость начала распространяться въ мартѣ мѣсяцѣ. Первое общество образовалось въ селѣ Говоровѣ, Московскаго уѣзда, вотчины княгини Голицыной (Моск. Вѣд. № 80). Въ апрѣлѣ, крестьяне села Спасскаго и деревни Изоповой, тоже Московскаго уѣзда, принадлежащихъ кн. Юсупову (86 душъ), тоже дали зарокъ не пить вина на одинъ годъ (Моск. Вѣд. № 139). Почти въ то же время, но нѣсколько ранѣе, общества трезвости образовались въ трехъ вотчинахъ графа Панина — Марѣинской, Кіовской и Спасской, въ числѣ 1,018 душъ (Моск. Вѣд. № 151).

Изъ прочихъ уѣздовъ Московской губерніи даны зароки не пить вина: въ Звенигородскомъ, въ деревнѣ Ивашковой, графа Кушеле-

ва-Безбородко (Моск. Вѣд. № 97); въ Подольскомъ, — въ Рождественской вотчинѣ кн. Голицыной, въ числѣ 345 душъ (Рус. Дневн. № 95), и въ селахъ Тифонкѣ и Дуловѣ, съ деревнями, принадлежащими кн. Юсупову и находящимися въ Подольскомъ (525 душъ) и Серпуховскомъ (189 душъ) уѣздахъ (Моск. Вѣд. № 123).

Въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Драчинѣ, крестьяне тоже согласились было — не пить водки; но откупъ заплатилъ за нихъ 85 р. недоимка, чтобъ только они пили, и крестьяне подались на это условіе (Рус. Вѣст. № 3).

Въ Поволжьи трезвость пошла снизу — изъ Саратова. Въ Сердобскомъ уѣздѣ еще осенью прошлаго года произошло было рѣшеніе не пить; но было разрушено выше упомянутою штукой откупа.... Въ декабрѣ состоялось рѣшеніе не пить — въ селѣ Северкѣ, Балашовскаго уѣзда, и примѣру его послѣдовали крестьяне и въ другихъ мѣстностяхъ (Моск. Вѣд. № 43). Въ февралѣ тоже обѣщаніе дано было крестьянами села Турки (Рус. Дн. № 42). Въ самомъ Балашовѣ мѣщане дали обѣтъ трезвости, и пхъ примѣръ подѣйствовалъ на множество артельныхъ рабочихъ, приходящихъ въ Балашовъ по веснѣ для найма на барки (Рус. Дн. № 75). Объ этомъ случаѣ корреспондентъ «Русскаго Дневника» писалъ между прочимъ слѣдующее:

«Къ сожалѣнію, нашлись люди, особенно въ уѣздѣ, которые въ рѣшимости бѣдныхъ, стремящихся къ добру людей, — видятъ опасность, пугаютъ отказывающихся отъ пьянства наказаніемъ по закону (?), за то, что они не хотятъ пить вина, и даже громко жалуются на то, что мѣщане согласились отказаться отъ пьянства безъ испрошенія на то позволенія» (Рус. Дн. № 42).

Корреспондентъ въ недоумѣніи самъ поставилъ знакъ вопроса, упомянувъ о наказаніи по закону. Но недоумѣніе его напрасно. По крайней мѣрѣ рьяные и краснорѣчивые защитники крестьянскаго рѣшенія не пить водки защищали его, между прочимъ, вотъ какъ: «общества трезвости не надобно запрещать и наказывать, потому что законъ запрещаетъ образованіе обществъ только въ городѣ, а мірскіе приговоры о трезвости составляются не въ городахъ, а въ селахъ» (см. Рус. Вѣст. № 4, стр. 241). Слѣдовательно, по мнѣнію фразистыхъ защитниковъ, такъ ловко умѣющихъ опираться на законодательство, — что нужно было сдѣлать съ Балашовскими мѣщанами? Что также нужно бы сдѣлать и съ жителями Саратова, между которыми, по извѣстіямъ, открыта была частная подписка для желающихъ отказаться отъ употребленія хлѣбнаго вина въ теченіе 1859 г. (Рус. Дневн. № 22.)

Обѣщаніе не пить вина дано также въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, — крестьянами села Дивовки, имѣнія графа Сумарокова (Моск. Вѣд. № 69).

По поводу распространенія трезвости въ Саратовской губерніи, мы нашли въ одной изъ газетъ свѣдѣніе, что сумма 482,200 р. с., предложенная за откупъ въ этой губерніи на послѣднихъ торгахъ, — возвышена была до цифры 1,504,488 рублей (Моск. Вѣд. № 76).

Изъ Саратовской губерніи трезвость прошла и въ смежные уѣзды Пензенской, — Чембарскій и Нижнеомовскій (Рус. Дневн. № 53).

Въ Самарской губерніи, объ обществахъ трезвости извѣщали изъ двухъ уѣздовъ: Николаевского, гдѣ отказались отъ водки крестьяне селенія Сулакъ, Перекопновской волости (Рус. Дн. № 95), — и Бузулукскаго, гдѣ объѣтъ трезвости состоялся между крестьянами села Языкова, принадлежащаго г. Шишкову (Рус. Днев. № 103).

Изъ Казани были извѣстія только въ томъ смыслѣ, что «и здѣсь мало покупаютъ вина» (Рус. Дн. № 42, Моск. Вѣд. № 52).

Изъ Нижегородской губерніи также были очень неопредѣлительныя извѣстія. Вино здѣсь съ новаго года покупаютъ въ кабакахъ гораздо менѣе (Рус. Днев. № 66). Въ крещенье мужики, пріѣхавшіе на базаръ въ Нижній, прицѣнивались къ водкѣ, но не покупали ея (Рус. Дн. № 20). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи составляются общества трезвости (Рус. Днев. № 48). Вотъ и все.

Въ Костромской губерніи общество трезвости образовалось: — въ имѣніи графа Гейдена, въ селѣ Никольскомъ на Упѣ, съ деревнями (Рус. Дневн. № 66); въ селахъ Ножкинѣ и Коровѣ, подлѣ Чухломы (Рус. Днев. № 85); между помѣщичьими крестьянами двухъ приходовъ Галичскаго уѣзда (въ числѣ 500 человѣкъ) и между крестьянами помѣщичьими и государственными (3,500 человѣкъ), въ шести приходахъ Чухломскаго уѣзда (Рус. Днев. № 94); между крестьянами разныхъ владѣльцевъ (344 человѣка) въ Солигаличскомъ уѣздѣ (Рус. Днев. № 111); между рабочими на заводѣ купца Вакорина, въ Галичѣ (Моск. Вѣд. № 112).

Изъ Ярославской губерніи было только одно извѣстіе — о мірскомъ приговорѣ не пить вина, состоявшемся въ селѣ Янѣ, Мологскаго уѣзда, принадлежащемъ г. Шипову (Моск. Вѣд. № 148). Кромѣ того, писали изъ самого Ярославля, что крестьяне очень тихо провели тамъ масляницу, и запросъ на полугаръ значительно уменьшился (Моск. Вѣд. № 52).

Въ Тверской губерніи образовались общества трезвости, въ Старицкомъ уѣздѣ, между крестьянами графини Зубовой (Рус. Днев. № 103).
Т. LXXVII. Отд. III.

97), и въ Корчевскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ князя Вяземскаго (Моск. Вѣд. № 106).

Кромѣ исчисленныхъ мѣстностей, даже изъ *Перми* сообщали, что тамъ «водка идетъ туго» (Рус. Днев. № 54), и изъ Сибири писали съ удовольствіемъ о закрытіи двухъ кабаковъ (Рус. Днев. № 103) и съ ужасомъ — о разнесшемся слухѣ, что тамъ введена будетъ откупная система. (Моск. Вѣд. № 41). Такъ далеко зашло стремленіе къ трезвости при теперешнемъ состояніи откупныхъ условій.

Мы старались собрать всѣ свѣдѣнія, опубликованныя въ газетахъ относительно трезвости, и расположить ихъ по губерніямъ. Но, повторяемъ, мы убѣждены, что въ газетныхъ замѣткахъ не сообщено и четвертой доли всего, что дѣйствительно происходитъ въ народѣ. Мы желали бы, чтобы нашъ сводъ извѣстій, доселѣ напечатанныхъ о трезвости, далъ возможность людямъ, проживающимъ въ разныхъ мѣстностяхъ, дополнить этотъ перечень мѣстными извѣстіями. При этомъ особенно желательно, чтобы въ нихъ сообщалось всегда имя уѣзда, селенія, и количество душъ, живущихъ въ немъ. Мы полагаемъ, что въ этомъ-то дѣлѣ, совершающемся такъ явно и спокойно самимъ народомъ, нѣтъ ни малѣйшей надобности въ безымянной гласности, какую позволилъ себѣ, напримѣръ, г. N, объявившій въ № 54 «Моск. Вѣдомостей», что въ В—ской губерніи, К—мъ уѣздѣ, два селенія отказались отъ питья водки. Вообразите себѣ, что это за господинъ N, боящійся прописать сполна названіе губерніи и уѣзда, гдѣ крестьяне пить перестали! По нашему мнѣнію, этотъ г. N. представляетъ замѣчательное явленіе *въ настоящее время, когда*, и проч....

Впрочемъ, мы никогда и не ожидали особенной храбрости отъ всѣхъ этихъ современныхъ гомерчиковъ, собирающихся пѣть разореніе Трои, но не умѣющихъ хорошенько выговорить даже имени своего Ахилла. Мы никогда не увлекались фразами обличителей, бросающихъ изъ-за угла мелкіе камешки въ какого нибудь мальчишку, стащившаго яблоко съ лотка у торговца. Мы всегда были убѣждены, что эти люди способны только къ звонкимъ фразамъ и заугольнымъ выходкамъ противъ безсильныхъ, но никакъ не могутъ выступить на поприще серьезной дѣятельности. Если бы весь нашъ народъ былъ хоть въ половину таковъ, какъ эти господа, то нужно было бы безусловно согласиться съ безотрадными, отчаянными выводами пессимистовъ. Но къ счастью, въ народѣ, въ коренномъ народѣ нѣтъ и тѣни того, что преобладаетъ въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ. Въ народной массѣ нашей есть дѣльность, серьезность, есть способность къ жертвамъ. Пока мы съ г. докто-

ромъ В—скимъ подымали вопросъ о трезвости и занимались писаніемъ болѣе или менѣе краснорѣчивыхъ статей, не отказываясь однако же отъ одной изъ самыхъ ничтожныхъ нашихъ привычекъ, народъ, ничего не говоря, порѣшилъ не пить хлѣбнаго вина, такъ какъ оно стало, по цѣнѣ своей, совершенно несообразно съ средствами простолюдина.... Скажемъ по совѣсти: кто изъ насъ, годъ тому назадъ, могъ, хотя бы въ предположеніи, указать такое средство противодѣйствія откупъ? Мѣра, принятая крестьянами, такъ далека отъ нашихъ цивилизованныхъ и осторожныхъ нравовъ, она такъ радикальна для златой среды нашего пониманія, что мы даже въ теоріи не могли ее придумать, даже другимъ не могли предложить ее.... А ужь, кажется, чего легче предлагать другимъ самыя неудобноисполнимыя мѣры! И чего бы стоило, вмѣсто всякихъ воззваній къ постороннимъ силамъ о поправкѣ дѣла, сказать: «народу нужно отказаться отъ хлѣбнаго вина, чтобы принудить откупщиковъ къ уступкѣ».... Да вотъ никто не сказалъ же! А народъ сдѣлалъ это самое, безъ всякихъ спросовъ, справокъ и глубокомысленныхъ соображеній. Теперь г. докторъ Вернадскій увѣряетъ, что эту рѣшимость онъ утвердилъ въ народѣ; другіе говорятъ, что вообще литература произвела такое движеніе. Но, не говоря о г. докторѣ и статскомъ совѣтникѣ Вернадскомъ, былъ ли хоть ктонибудь изъ литераторовъ въ своихъ твореніяхъ столько дерзокъ, чтобы дойти хоть только до признанія необходимости тѣхъ мѣръ, которыя народная сила осуществила на дѣлѣ?

Да, въ этомъ народѣ есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на чтонибудь дѣльное. Народныя массы не умѣютъ красно говорить; оттого онѣ и не умѣютъ, и не любятъ останавливаться на словѣ и услаждаться его звукомъ, исчезающимъ въ пространствѣ. Слово ихъ никогда не праздно.... Сотни тысячъ народа, въ какихънибудь пять-шесть мѣсяцевъ, безъ всякихъ предварительныхъ возбужденій и прокламацій, въ разныхъ концахъ обширнаго царства, отказались отъ водки, столь необходимой для рабочаго человѣка въ нашемъ климатѣ! Эти же сотни тысячъ откажутся отъ мяса, отъ пирога, отъ теплаго угла, отъ единственнаго армячишка, отъ послѣдняго гроша, если того потребуетъ доброе дѣло, сознаніе въ необходимости котораго созрѣетъ въ ихъ душахъ. Въ этой—то способности приносить существенныя жертвы разъ-сознанному и порѣшенному дѣлу и заключается величіе простой народной массы, величіе, котораго никогда не можемъ достигъ мы, со всей нашей отвлеченной образованностью и привив-

ною гуманностью. Вотъ отчего всѣ наши начинанія, всѣ попытки геройства и рыцарства, всѣ претензіи на нововведенія и реформы въ общественной дѣятельности, бывають такъ жалки, мизерны и даже почти непристойны въ сравненіи съ тѣмъ, что совершаетъ самъ народъ и что можно назвать дѣйствительно народнымъ дѣломъ.

И. Т—НОВЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЧТО ИНОГДА ОТКРЫВАЕТСЯ ВЪ ЛИБЕРАЛЬНЫХЪ ФРАЗАХЪ!

(Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола. *А. Шапова*. Казань. 1859).

Есть одинъ родъ книгъ, которыхъ мы не имѣемъ обыкновенія разбирать безъ особенныхъ причинъ, считая ихъ совершенно посторонними и для насъ, и для нашихъ читателей. Къ числу такихъ спеціальныхъ книгъ отнесли-было мы сначала и книгу г. Шапова. Но о ней такъ протрубили, что мы рѣшились полюбопытствовать, что такое представляетъ она въ самомъ дѣлѣ. Посмотрѣли и — восхитились предисловіемъ! Въ самомъ дѣлѣ — предисловіе великолѣпное, и мы спѣшимъ познакомить съ нимъ читателей, чтобы расположить ихъ въ пользу автора, какъ мы и сами были расположены, прочитавъ такіа разумныя вещи:

«Расколъ старообрядства, гласитъ предисловіе, составляетъ характеристическое явленіе въ историческомъ развитіи русскаго народа, особенно его нижнихъ классовъ. Въ немъ сохранился, такъ сказать, окаменѣлый отколокъ (!) древней Россіи, выразилась народность XVII вѣка.... Старая вѣра, старые обряды, старыя книги раскола, — это, такъ ска-

вать, — апогеоза, освященіе той неподвижной, во-вѣки неизмѣнной старины, которая имѣла такое важное значеніе въ народномъ быту древней Россіи... Церковно-гражданскій демократизмъ раскола, подъ покровомъ мистико-апокалипсическаго символизма, вопль противъ имперіи и правительства, смѣлый протестъ противъ подушныхъ переписей, податей и «даней многихъ,» противъ рекрутства, крѣпостнаго права, областнаго начальства, — это многозначительное выраженіе народнаго взгляда на общественный и государственный порядокъ Россіи, проявленіе недовольства низшихъ классовъ народа, плодъ болѣзненнаго, страдательнаго, раздраженнаго состоянія духа народнаго.... Поповщина и Безпоповщина, подъ общей формой старообрядства, — это особенно многозначительный, характеристическій фактъ въ исторіи нашего духовенства. Наконецъ — эти степановщины, акулиновщины и пр., — это темная сторона нравственнаго и общественнаго развитія нашего народа, плодъ и выраженіе крайней недостаточности нравственнаго вліянія духовенства на народъ и отсутствія народнаго просвѣщенія и воспитанія.» (Предисл. I—III.)

Неправда ли, вѣдь очень хорошо? Въ современной литературѣ вы мало найдете такихъ блестящихъ страницъ!... И за то какихъ похвалъ удостоился г. Щаповъ отъ *всѣхъ людей просвѣщенныхъ* (такъ выразился «Рус. Вѣстникъ»)!... О немъ писали, что «взглядъ его отличается вѣрностію и безпристрастіемъ», что «трудъ его носитъ на себѣ печать современной науки, не останавливающейся на внѣшнихъ признакахъ, а ищущей смысла событій въ историческихъ судьбахъ народа, въ его духѣ и во всемъ, что пережило». По словамъ панегириковъ, г. Щаповъ «разоблачаетъ истину безпощадно», тонъ его «исполненъ достоинства, отъ котораго вѣетъ истиной, убѣжденіемъ и братской любовью», и проч. и проч. (Рус. Вѣстн. № 9. См. также Отечеств. Записки, № 5—6) Словомъ, — г. Щаповъ прекрасно сдѣлалъ, что написалъ свое предисловіе... Многіе вѣдь только предисловіе и прочитали, и остались очень довольны. А другіе хоть и въ самую книгу заглянули, и увидѣли, что тамъ не совсѣмъ то, что они поняли въ фразахъ предисловія, да ужъ не хотѣли огорчать себя разочарованіемъ. Притомъ же, по мнѣнію многихъ, отступленіе авторомъ отъ своего взгляда въ нѣкоторыхъ подробностяхъ — вовсе и не важно. Главное — чтобъ онъ признавалъ вообще истину того взгляда, какой мы имѣемъ; а тамъ, какъ онъ его развиваетъ и примѣняетъ — это ужъ все равно... Конечно, нѣкоторые недостатки неизбежны, но они съ избыткомъ выкупаются благотворностію общей тенденціи сочинителя. А какъ не похвалить общей его тенденціи, когда онъ не говоритъ, что раскольниковъ надо жечь, и соглашается, что древняя Русь вообще, и безъ раскола, подвержена была многимъ нравственнымъ недостаткамъ!...

«Вѣдь это рѣдкость въ сочиненіяхъ подобнаго рода», — говорили панегиристы. — Г. Шаповъ сочувствуетъ реформѣ Петра, не проникнуть благоговѣніемъ къ допетровской старинѣ!... Онъ не боится раскрывать язвы общественнаго организма Россіи въ XVII и XVIII вѣкѣ. Въ своемъ сочиненіи онъ говоритъ — и о взяткахъ чиновниковъ, и о казнокрадствѣ, и о недостаткѣ правосудія, и о своеволіи областныхъ правителей, и даже о недостаткахъ духовенства!... Помилуйте! Да это Щедринъ XVII вѣка». Ну, а если Щедринъ, то ужь, конечно, его хвалить слѣдуетъ, хотя бы онъ былъ и XVII в.! Другіе вѣдь боятся же и о XVII вѣкѣ сказать дурное слово, чтобы не обидѣлся какой нибудь воевода того времени и не всталъ изъ гроба, съ жалобой на дерзкаго.... А г. Шаповъ *не боится!* Великое достоинство въ нашей литературѣ, которая, по словамъ панегиристовъ «не приучена къ подобнымъ достоинствамъ».... На такого смѣлаго автора совѣстно даже и напасть порядочному человѣку: пожалуй на него же нападутъ и обскуранты, не разобравши своихъ, — вотъ ты и станешь на одну доску съ обскурантами: что хорошаго?... Вѣдь извѣстно, что вся забота порядочнаго человѣка должна заключаться въ томъ, чтобы сохранить либеральный видъ.... Дѣло можетъ идти, какъ ему тамъ угодно, но видъ непремѣнно долженъ быть либеральный. А какой же, пріятный для глазъ, либеральный видъ можетъ сохранить человѣкъ, нападающій на автора, который бранитъ старинное русское неустройство?... Ясно, что положеніе невыгодное, и потому надо пѣть хвалебные гимны либеральному автору, чтобы показать, что и мы тоже либералы....

Да, желали бы мы тоже расхваливать г. Шапова: это возвысило бы насъ въ глазахъ нѣкоторыхъ людей. Но къ сожалѣнію, мы внимательно прочли все его сочиненіе, и потому никакъ не можемъ послать ему «сочувственнаго привѣта», которымъ такъ поспѣшили наградить его другіе.... Мы даже сочли нужнымъ разъяснить читателямъ настоящій смыслъ великолѣпныхъ фразъ предисловія, приведеннаго нами выше, хотя г. Шаповъ и проситъ убѣдительно не дѣлать этого. «Мое сочиненіе издается, — говоритъ онъ, — не для ученыхъ специалистовъ, а больше для неученой публики. *Потому* мы желали бы отъ критики не столько строгаго суда о недостаткѣ въ нашемъ сочиненіи новыхъ фактовъ и *выводовъ*, объ его необработанности и *неразвитости* высказанныхъ въ немъ *мыслей*, сколько исправленія ошибокъ, восполненія недостатковъ, указанія опущенныхъ нами сторонъ и фактовъ» (Предисл. III). Для насъ рѣшительно непостижимо, какъ это *потому* вяжется съ предшествующимъ положеніемъ. Напротивъ, потому-то и нужно строго судить о недостаткѣ *выводовъ*, невѣрности *взглядовъ* и *мыслей* въ сочиненіи, что оно назна-

чено для неученой публики. Ей-то особенно и нужны общіе выводы и взгляды, которые она получаетъ отъ спеціалистовъ уже готовыми, не имѣя надобности проходить тотъ долгій и трудный путь изслѣдованія, который привелъ спеціалиста къ этимъ выводамъ. При томъ — спеціалистамъ вы никакъ не навяжете своего ошибочнаго взгляда на предметъ; они, и безъ указанія критики, хорошо поймутъ ваши фразы. А бѣдная-то неученая публика, съ благоговѣніемъ къ вашей учености, приметъ ваши слова, какъ истинную мудрость, повѣритъ вамъ на-слово.

Позвольте же намъ предостеречь ее отъ заблужденія, по мѣрѣ нашихъ знаній и способностей....

Во-первыхъ, скажемъ нѣсколько словъ о содержаніи книги г. Щапова вообще. Она раздѣлена на 5 главъ. Въ первой указывается «главный первоначальный источникъ и основныя начала русскаго раскола». Тутъ же находимъ историческій очеркъ раскола, исторію котораго г. Щаповъ раздѣляетъ на четыре періода. Въ первомъ (до Никона) характеръ раскола *религіозно-обрядовый*; во-второмъ (съ Никона до 1666 г.), *религіозно-демократическій*; въ третьемъ *граждански-демократическій*; въ четвертомъ (начиная съ Петровской реформы), *религіозно-національно-демократическій*. Итакъ, замѣтимъ, что *расколъ*, по г. Щапову, *есть демократизмъ*; далѣе мы увидимъ, какой смыслъ соединяетъ онъ съ этой фразой. Во-второй главѣ изображаются «нравственные недостатки русскаго общества XVII вѣка, благопріятствовавшія происхожденію и развитію раскола»; въ третьей—«внутреннее развитіе раскольничьей общины»; въ четвертой—«состояніе управленія и благочинія въ русской церкви въ эпоху появленія раскола»; въ пятой — «гражданское состояніе Россіи въ это время.»

Теперь, узнавши, какъ обширна рамка сочиненія г. Щапова, посмотримъ, какъ онъ рисуетъ самую картину и что такое выходитъ изъ его рисовки. Начнемъ съ «основной мысли» сочиненія.

«Основная мысль нашего опыта, говоритъ авторъ, раскрыть историческую основу раскола старобрядства» (Пред. III). Очень хорошо; но это такъ только говорится. Изъ внимательнаго разсмотрѣнія книги ясно, что «умыселъ другой тутъ былъ», — была другая цѣль, которая, противъ желанія автора, ясно обнаруживается во многихъ мѣстахъ его книги. Представивъ, напримѣръ, чрезвычайно подробную картину нравственныхъ недостатковъ русскаго общества въ XVII вѣкѣ, авторъ пишетъ: «Не порицать бы мы должны XVII в. за упадокъ нравственности», и проч... Для чего же вы порицали, спрашиваетъ читатель, изумленный такимъ заключеніемъ. А вотъ для чего:

«Пусть устыдятся наши заблуждающіе братія — потомки тѣхъ же предковъ нашихъ XVII вѣка, глаголемые старообрядцы,—пусть устыдятся, что они, сами не понимая, доселѣ еще хотятъ намѣренно, упорно болѣть тою нравственною болѣзнію, которою болѣли наши предки.... Пусть вникнуть они въ исторію безпристрастно, *благонамѣренно*; они узнаютъ, что вѣншее отдаленіе ихъ отъ православной Церкви произошло и распространилось большею частію *отъ нравственнаго зла и безпорядка.*» (стр. 216).

«Илишне повторять, что на такой худой *нравственной* почвѣ сами-собою могли произрасти и умножиться плевелы раскола, этотъ мнимый виноградъ російскій, который восхваляетъ исторіографъ раскольническій Денисовъ,—а отнюдь не древлецерковный, истинно-православный виноградъ ѳеркви русской. Не можетъ древо злое плоды добры творити.» (стр. 215).

«Такимъ образомъ расколъ въ нравственномъ отношеніи есть не иное что, какъ плодъ тѣхъ *нравственныхъ недостатковъ*, которые заражали въ XVII вѣкѣ, къ прискорбію, большую часть русскаго народа. И раскольники поэтому суть вовсе не «остальцы древлецерковнаго благочестія», какъ они себя называютъ, а большею частію *нравственные отверженники* общества, отщепенцы, не имѣвшіе доброй христіанской и гражданской *нравственности*, не хотѣвшіе *подчиниться* благоустроенному *нравственному порядку* и слѣдовавшіе своимъ похотямъ и склонностямъ. *Такъ смотрѣли на расколъ и лучшіе пастыри русской церкви того времени.*» (стр. 137.)

Послѣдній аргументъ авторъ всегда считаетъ самымъ сильнымъ и рѣшительнымъ, и потому у него весьма часто попадаются фразы: «такъ смотрѣли на это современники», «съ этимъ согласны отзывы лучшихъ изъ современниковъ», и проч. Онъ, конечно, и не подозреваетъ того, что это не очень завидная рекомендація его собственнымъ *безпристрастнымъ* взглядамъ. Сдѣлаемъ еще выписку, чтобы уразумѣть, чего добивается постоянно г. Шаповъ въ своей книгѣ.

«Ясный свѣтъ исторіи русской церкви показываетъ, что расколъ глаголемаго старообрядства произошелъ вовсе не отъ прямаго истинно-древняго и истинно-православнаго направленія нашей церковной жизни, а отъ направленія противо-церковнаго, уклонившагося съ прямаго пути церкви Христовой.» (стр. 51.)

Кажется, очевидно теперь: г. Шапову хотѣлось укорить потомковъ—раскольниковъ за прегрѣшенія ихъ предковъ и обличить ихъ заблужденія. И его книга, поэтому, не есть въ собственномъ смыслѣ «опытъ историческаго изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распространенія раскола», какъ она сама себя называетъ, а просто—составленная съ *благонамѣреннымъ вниканіемъ* въ факты поучительная исторія раскола, имѣющая въ виду *нравственное назиданіе*.

нѣ читателей, подобная тѣмъ назидательнымъ повѣствованіямъ, которыя составлялись у насъ, начиная съ XI вѣка, и которыя имѣли въ виду наставить и наказать читателя. Такъ смотрѣли на исторію и наши древніе лѣтописцы, потому что и они, какъ доказалъ кто-то «руководились въ своихъ трудахъ главнымъ образомъ желаніемъ способствовать нравственному усовершенію современниковъ и потомства» (Прав. Собесѣд. 1859 г. Май, стр. 46.). Словомъ, книга г. Шапова—сочиненіе не историческое, а полемическое, и напрасно онъ придумалъ для нея такое ученое, современное заглавіе; гораздо правильнѣе было бы назвать ее по прежнимъ примѣрамъ: «Расколъ, обличаемый своею исторіею.» Тогда каждый требовалъ бы отъ нея только извѣстнаго рода безпристрастія, возможнаго въ жару полемики. А теперь мы имѣемъ полное право ставить въ вину автору недостатокъ историческаго безпристрастія и предзанятый, напередъ составленный взглядъ на расколъ.

Именно эта полемическая цѣль — обличенія раскольниковъ, постоянно носившаяся предъ глазами автора и развлекавшая его вниманіе, и препятствовала ему прямо и безпристрастно взглянуть на свой предметъ. Любопытно, что у него часто встрѣчаются фразы: «безпристрастная исторія показываетъ», «разсмотримъ безпристрастно», «открывается безпристрастная историческая истина» (?), и проч. Тому, кто въ самомъ дѣлѣ безпристрастенъ и не боится подвергнуться основательному подозрѣнію въ пристрастіи, разумѣется и въ голову не придетъ постоянно кричать о своемъ безпристрастіи... А г. Шаповъ какъ будто самъ себя все предостерегаетъ своими криками... За то расколъ и является у автора — то явленіемъ рациональнымъ и необходимымъ, то чисто бессмысленнымъ и случайнымъ. Сначала дѣло представляется естественнымъ: расколъ, какъ и говоритъ авторъ, былъ вызванъ недостатками русскаго общества и разными безпорядками церковнаго и гражданскаго управленія, — т. е. значитъ, нѣкоторые не могли стерпѣть этихъ безпорядковъ, хотѣли найти что нибудь лучшее для себя, хотъ бы даже отдѣлившись отъ господствующей церкви, и образовали расколъ: самъ же авторъ въ предисловіи называетъ расколъ воплемъ и протестомъ противъ разныхъ стѣсненій и «даней многихъ.» Но, при такомъ естественномъ историческомъ взглядѣ на расколъ, автору нельзя было бы обличать его, — назвать раскольниковъ нравственными отщепенцами общества, злыми плевелами, и проч. И вотъ онъ, колеблясь между историческими фактами и требованіями своей полемической цѣли, обыкновенно начинаетъ обличеніемъ русскаго общества, изображеніемъ его недостатковъ и пороковъ, потомъ вдругъ круто новорачиваетъ въ противополож-

ную сторону и даетъ разумѣть, что собственно общество было прекрасно, умно и добродѣтельно, а было въ немъ нѣсколько грубыхъ невѣждъ, людей нетерпѣливыхъ и необузданныхъ, и потому безнравственныхъ: — они то и составили расколъ; и все повѣствованіе автора оканчивается апологіей общества и нетерпимымъ, во все несовременнымъ обличеніемъ раскола. Было въ XVII вѣкѣ нѣсколько беспорядковъ въ церковномъ и гражданскомъ управленіи; впрочемъ вообще управленіе было прекрасно; правительство даже рѣшилось искоренить и эти беспорядки; но, къ прискорбію, нашлись люди, не украшавшіеся доброю гражданскою нравственностью, — они и воспрепятствовали исполненію благихъ намѣреній церковной и гражданской власти, послѣдовали своимъ похотямъ и склонностямъ, и такимъ образомъ явился расколъ....

Всѣ сколько нибудь гуманныя распоряженія и кроткія мѣры, принимавшіяся въ Россіи относительно раскола, непремѣнно представляются у автора слѣдствіемъ интригъ и происковъ раскольниковъ: авторъ какъ будто боится унизиться, признавъ эти мѣры слѣдствіемъ другихъ какихъ-нибудь побужденій... Какъ же можно быть снисходительнымъ къ этимъ злымъ плевеламъ?... Естественно, — ихъ нужно сжигать огнемъ. Послушайте-ко, что они дѣлали....

«Въ 1703 г., въ бытность Петра Великаго на Олонецкихъ желѣзныхъ заводахъ, Денисовы успѣли *хитрыми происками* своими выхлопотать себѣ у Государя указъ свободно отправлять свое богослуженіе (стр. 304).

«Денисовы успѣли *обмануть правительство: на ихъ имя утверждена была покупка земли*.... Постигла неудача.... Но они обработали и это дѣло. Нѣмецъ Геймангъ отправилъ нарочнаго къ Петру I съ великолѣпною похвалою бродягамъ, и Государь приказалъ прекратить дѣло» (стр. 305).

Видите—даже нѣмца подослали! Вотъ плуты-то!... Но послушайте еще, — то ли они дѣлали! Приѣзжаетъ, бывало, къ раскольникамъ чиновникъ — съ непремѣнной цѣлью поблагодѣтельствовать имъ; а они, ослѣпленные безумцы, отнимаютъ у него всякую возможность дѣйствовать! «На это у нихъ было вѣрное средство: подкупъ, — запасная сумма и особый оброкъ, назначавшійся для полиціи». И чиновникъ, получивъ денежки, возвращается безъ успѣха, потому что встрѣтилъ такое очевидное и неодолимое препятствіе со стороны раскольниковъ.... «Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ изъ такихъ данныхъ, — расколъ устранялъ благотворныя дѣйствія миссіонеровъ и правительства» (стр. 292). Таковы взгляды безпристрастнаго автора, таково стараніе его раскрыть «историческую основу» раскола. Послѣдуемъ далѣе за его умствованіями.

«Первая историческая причина происхожденія раскола заключалась *въ духъ того времени*, въ которое возникъ и распространился расколъ» (стр. 9). «Предки наши, по обращеніи къ вѣрѣ и церкви, прежде всего плѣнились, вслѣдъ за послами Владиміра, *въшпнимъ* благолѣпіемъ и обрядностью христіанскаго богослуженія, которая въ то время въ Византіи достигла высшаго развитія. Съ тѣхъ самыхъ норъ, въ продолженіе всей русской исторіи, вѣра и благочестіе предковъ нашихъ имѣли направленіе преимущественнаго церковно-богослужебное, обрядовое» (стр. 13), (т. е. такое же, какъ и у раскольниковъ). «Но древніе предки наши, *спрочемъ*, не смотрѣли такъ на церковно-богослужебную обрядность, какъ смотрять на нее мнимые старообрядцы. Они полагали сущность богослуженія въ сущности вѣры Христовой» (стр. 18). А нѣкоторые люди, т. е. раскольники, полагали эту сущность не въ сущности вѣры, — и вотъ ихъ рѣшили вразумить: «чтобы очистить церковь русскую отъ плевель раскола, Господь воззвалъ на патріаршій престолъ Никона». Онъ, «яко бодрый Христова всероссійскаго стада пастырь и неусыпный стражъ..., зачинщиковъ раскола разсѣялъ въ ссылку и заточеніе по разнымъ мѣстамъ». Такимъ образомъ, «Никонъ старался предупредить дальнѣйшее движеніе раскола совершенно законными, истинно-церковными мѣрами. Всѣ главные зачинщики его были разсѣяны» (стр. 45). «Такъ умный пастырь Никонъ прекратилъ расколъ ссылкой въ заточеніе мятежныхъ и упорныхъ расколочальниковъ,» и проч. (стр. 48). «Въ слѣдствіе такихъ *энергическихъ* и умныхъ мѣръ Никона, можно сказать, что расколъ, вѣроятно, былъ бы совершенно остановленъ,» и пр. (стр. 49). Выше авторъ былъ смѣлѣе, сказавъ прямо, что расколъ уже *прекращенъ*...

Итакъ, — ясно, какъ Божій день, что духъ времени произвелъ расколъ; впрочемъ Никонъ энергическими мѣрами по своему перестроилъ бы духъ времени и раскола бы не было, какъ утверждаетъ г. Щаповъ. «Но въ это-то время, къ величайшему несчастію, враги Никона возстали лично противъ самого Никона, лишили его даже благорасположенія царя Алексѣя Михайловича, а зачинщики раскола.... успѣли докончить свое дѣло и образовали особое *скопщце* мнимыхъ старообрядцевъ» (стр. 50). Совершенно ясно: лишился Никонъ благорасположенія Алексѣя Михайловича, и раскола бы не было: случайность повидимому, а расколъ обязанъ ей своимъ существованіемъ! Вотъ и говорите тутъ о духѣ времени, — онъ ничто предъ «энергическими мѣрами!»... Какъ ни разсуждайте, а конецъ концовъ все-таки будетъ тотъ, что причина образованія «скопщца раскольниковъ» заключается не въ духѣ времени, а въ томъ, что Никону, «къ величайшему несчастію,» помѣшали пустить въ ходъ свои

дальнѣйшія *энергическія* мѣры. Вотъ гдѣ, значитъ, первый зародышъ, «первый основной элементъ раскола!»... Теперь послушаемъ, въ чемъ заключается его сила.

«Сила русскаго раскола заключается главнымъ образомъ въ его *религіозно-гражданскомъ демократизмѣ* (стр. 55). Примѣнительно къ основной мысли сочиненія, это значитъ: расколъ развился оттого, что онъ имѣетъ въ себѣ религіозно-гражданскій демократизмъ. Интересно познакомиться съ русскими демократами XVII вѣка. Возьмемъ для этого знакомства нѣкоторыя рекомендаціи изъ книги г. Шапова.

«Въ патриаршество Никона должно было положить предѣлъ.... борьбѣ тьмы со свѣтомъ, порядка съ безпорядкомъ.... Для прекращенія этой вѣковой борьбы, божественный промыслъ воззвалъ изъ среды народа Никона» (стр. 56.) «Но если вообще великіе гени, далеко опереживающіе вѣкъ свой, и т. д.... — удивительно ли, что и великій Никонъ встрѣтилъ упорное противодѣйствіе со стороны *отсталыхъ, запоздалыхъ ревнителей старины*? Разсмотримъ *безпристрастно* по какимъ причинамъ возбудилась противъ него оппозиція раскола» (стр. 56.). «Духовенству весьма не нравились исправленія Никона, *потому что полагали предѣлъ своеволю* духовенства, привыкшаго жить по своей волѣ» (стр. 76.) «*Озлоблены* были на него тѣ протопопы и попы, которыхъ онъ отрѣшилъ отъ мѣстъ. Недовольны были и многіе изъ ставленниковъ, потому что онъ строго испытывалъ ихъ. *Ненавидѣли* Никона и тѣ изъ духовенства, которые строго наказаны были имъ за свои проступки и пороки, заключаемы были въ тюрьмахъ и колодахъ» (стр. 78.) «Расколучитель Нероновъ ратуетъ противъ того, что Никонъ слишкомъ строго судитъ и наказываетъ духовенство» (стр. 83.) «Злѣсь высказывается *личное оскорбленное самолюбіе* Неронова и его братіи» (стр. 84—85.)

Поняли, что хочеть сказать г. Шаповъ?... Буйные люди встаютъ противъ ограниченія ихъ своеволія: это вотъ и есть *религіозный демократизмъ*!...

Дальше идетъ *демократизмъ гражданскій*. Правительство, видите ли, насильно тащило народъ впередъ, а народъ упирался, рвался назадъ, противился введенію благоустроенной гражданственности, — и вышелъ демократизмъ!...

«Въ XVII вѣкѣ, гражданское правительство наше дошло до убѣжденія, что для лучшаго благоустройства Россіи въ средѣ европейскихъ государствъ необходимо ближайшее знакомство съ ними.... Но эту необходимость сознавало только правительство, мудрые государи московскіе.... А народъ *коснѣлъ въ старинной исключительности*» (стр. 95.) «*Национальное сознание народа проникнуто было духомъ старины и.... устремлено назадъ*».... (стр. 96.)

А вотъ обнаруженіе этого стремленія:

«Нѣкоторые стали учиться иностраннымъ языкамъ.... и разнымъ наукамъ.... Въ домахъ частныхъ людей являлись новые иностранные обычаи» (стр. 99.) «Носили платье съ иноземскихъ образцовъ.... По примѣру иностранцевъ, начали брить борода и стричь волосы» (стр. 100). «Несмотря даже на строгое запрещеніе.... куреніе табаку распространилось въ простомъ народѣ» (стр. 101.). «Само правительство.... оставляло иногда людей, слишкомъ предавшихся западнымъ новизнамъ и обычаямъ» (стр. 102.).

Изъ всего этого выходитъ впрочемъ, что трудно рѣшить, кто порывался впередъ, а кто назадъ... Но слушайте далѣе—о гражданскомъ демократизмѣ.

«Петръ великій, посланный Провидѣніемъ довершить давно желаемое московскими государями.... началъ рѣшительно устроить Россію. Но неразумные ревнители старины (т. е. раскольники) не понимали.... не знали истины.... и устройство Россіи Петромъ возбудило въ нихъ упорство и противодѣйствіе» (стр. 104.). «Отсталые, запоздалые русскіе люди.... отсиаые ревнители старины не могли вмѣстить въ своихъ неразвитыхъ умахъ идеи Петра» (стр. 111.); «отсталые, запоздалые русскіе люди, эти отсталые, (далось ему это слово!) запоздалые ревнители русской старины не могли примириться съ высокой идеей Петра.... Не понявши этой высокой идеи Петра, отсталые (опять!) ревнители русской старины возстали, и пр.» (стр. 114.)

Написавши въ этомъ тонѣ о гражданскомъ демократизмѣ цѣлыхъ 16 страницъ, авторъ очевидно усталъ и обѣщаетъ еще сказать о демократизмѣ въ пятой главѣ. Здѣсь опять тѣ же витіеватыя фразы, бѣдныя содержаніемъ, тѣ же странныя мысли, мало гармонирующія съ тѣмъ, что сказано въ предисловіи. Выишемъ ихъ нѣсколько изъ разныхъ мѣстъ, чтобы лучше видѣть, какъ постоянно вѣренъ авторъ своимъ понятіямъ.

«Правительство, сознавшее потребность государственнаго благоустройства, издаетъ законы для водворенія общественнаго порядка, полагаетъ предѣлъ старому беззаконію и своеволію.... Но отсталые люди (еще разъ!) упорно противятся новымъ законамъ» (стр. 467.) «Раскольническая община принимала всѣхъ тѣхъ, кто одержимъ былъ духомъ личнаго произвола и необузданной свободы» (стр. 470.) «Петръ Великій, строитель Россіи, призванъ былъ Провидѣніемъ дать европейское значеніе Россіи, довершить окончательно, и пр... Ему нужны были рабочія силы.... и вотъ онъ исчисляеть народъ, чтобы узнать рабочія, производительныя и вспомогательныя силы государства.... «И вотъ недовольство этимъ въ низшихъ классахъ народа выразилось въ расколѣ».... (стр. 478—482.) «Много нужно было великому благоустрои-

телю Россіи средствъ, много нужно было рабочиѣхъ силъ».... «И вотъ, Петръ Великій заставилъ, такъ сказать, работать весь народъ и налагалъ различные сборы» (стр. 491.) «Оттого многие изъ купечества и крестьянства, съ ропотомъ на правительство, оставляли православное общество и записывались въ раскольничью общину» (стр. 498.) «Наконецъ Петръ Великій, учитель и просвѣтитель народа русскаго, требовалъ отъ него ученія и службы» (стр. 498.) «И вотъ многіе бѣжали туда, гдѣ какойнибудь Капитонъ, фанатикъ расколуучитель ворчалъ и кричалъ, что сѣмя наукъ вредно» (стр. 500.) «Петръ требовалъ службы государству.... И вотъ, многіе бѣглые солдаты, рекруты, недоросли и купцы, не хотѣвшіе нести городовую службу, укрывались въ скитахъ, монастыряхъ и слободахъ раскольническихъ» (стр. 506.)

Вотъ и *гражданскій демократизмъ*, раскрытый, по словамъ автора, «съ возможною полнотою»! Но ужели же, въ самомъ дѣлѣ, авторъ считаетъ церковно-гражданскимъ демократизмомъ всѣ эти дѣйствія раскольниковъ, которые представлены въ его книгѣ людьми невѣжественными, съ буйнымъ своеволіемъ и противодѣйствіемъ всякому порядку? Мы не осмѣливаемся думать такъ, а скорѣе предполагаемъ, что ему просто хотѣлось щегольнуть громкой фразой, пожертвовавъ для этого ея настоящимъ смысломъ. А гдѣ же обѣщанный въ предисловіи вопль противъ имперіи, протестъ противъ «даней многихъ», крѣпостнаго права, и пр.? Да во имя чего же и какъ могли протестовать эти, по-вашему, плевелы, люди безъ гражданскихъ добродѣтелей, «составившіе оппозицію противъ новаго порядка и устройства Россіи»? (стр. 468). А, можетъ быть, для васъ «дани многи», крѣпостное право, и пр. составляютъ *новый порядокъ и устройство*? Если принимать ваши слова въ такомъ смыслѣ, то, конечно, вы правы съ своимъ предисловіемъ...

Но отчего же, скажите,—эти злые плевелы, своевольные и буйные негодяи, не терпѣвшіе никакого порядка, не хотѣвшіе подчиниться никакой законной власти, какъ вы же сами утверждаете, «охотно предавались на волю предводителей раскола»? (стр. 308). Значитъ, дѣло тутъ не въ буйствѣ и своеволіи, не въ законности или незаконности, а вотъ въ чемъ: по вашимъ же словамъ «предводители раскола всю свою жизнь, всѣ свои средства, умственные и матеріальныя, посвящали на пользу раскола». И раскольники, конечно, подчинились бы всякому, кто сталъ бы такъ заботиться о нихъ. Нечего тутъ было и фразировать о демократизмѣ, отсталости, запоздалости, о «людяхъ, одержимыхъ духомъ личнаго произвола и необузданной свободы»... Но положимъ,—пусть демократизмъ былъ причиною *распространенія* раскола; а что же собственно *породило* расколъ? Опять — ненависть, озлобленіе, раздраженное самолюбіе, старое беззаконіе и своеволіе, и духъ необузданной свободы въ рас-

кольниках... Да откуда же взялись раскольники? Да они... «они произошли сами собою», отвѣчаетъ авторъ, «вслѣдствіе предварительнаго, вѣковаго развитія въ нѣкоторой части русскаго народа мнимо-старобрядческаго направленія» (стр. 51). Ну, и дѣло съ концомъ, дальше и спрашивать нечего...

Этимъ оканчивается первая глава, и было бы весьма хорошо, если бы авторъ здѣсь же положилъ и конецъ своему сочиненію, оставивъ его въ томъ видѣ, какъ оно было напечатано въ «Православномъ Собесѣдникѣ» за 1857 г., въ 3 книгѣ. Тогда оно прошло незамѣченнымъ, не вызвало собою ни одного слова; а теперь, декорированное витіеватымъ введеніемъ и украшенное множествомъ недостатковъ русскаго общества, оно соблазнило многихъ. А вы сами знаете, если кто соблазнитъ хоть одного... Притомъ, эта прибавка повредила всему сочиненію, потому что четыре остальные главы—или содержатъ въ себѣ ненужное повтореніе и риторическую амплификацію сказаннаго въ первой главѣ, или представляютъ собою противорѣчіе ей.

Во второй главѣ, какъ мы сказали, излагаются «нравственные недостатки русскаго общества XVII вѣка, благопріятствовавшіе происхожденію, развитію и распространенію русскаго раскола». Дѣло, видите ли, было такъ. «Церковное и гражданское правительство (подобно г. Щапову) сильно, безпощадно возставало въ XVII вѣкѣ противъ *нравственныхъ недостатковъ* общества, съ лопатою, такъ сказать, въ рукѣ, очищало, отребляло гумно Божіе — церковь русскую и православный народъ отъ нравственныхъ плевелъ. И вотъ плевелы эти, вслѣдствіе такого очищенія и отребленія, *сами собою* (ну, конечно!) отдѣлились отъ пшеницы и прозябли расколъ» (стр. 136—137).

Какіе же это нравственные недостатки? Ихъ много, даже гораздо больше, нежели было въ самомъ дѣлѣ. Попробуемъ пересчитать ихъ по г. Щапову, вмѣняя въ недостатокъ все, что способствовало расколу. Нравственные недостатки суть: 1) «Нравственная жизнь русскаго народа не озарена была въ достаточной мѣрѣ животворнымъ свѣтомъ просвѣщенія» (стр. 138). 2) «Съ невѣжествомъ всегда находится въ тѣсной связи грубое легковѣріе и суевѣріе. Такъ было и въ русскомъ народѣ въ рассматриваемое время» (стр. 149). 3) «Не менѣе суевѣрія благопріятствовала происхожденію раскола крайняя холодность и невнимательность къ церкви» (стр. 162). 4) «Неуваженіе къ духовенству и даже стремленіе совершенно освободиться отъ суда и вліянія духовенства»,—иначе сказать—нашъ старый знакомый—демократизмъ (стр. 169). 5) «Склонность къ грубой необузданной свободѣ въ нравственной жизни, къ грубому разврату и праздноша-

тательству» (стр. 177), т. е. опять тотъ же демократизмъ. 6) «Недостатокъ просвѣщенія въ одной части духовенства, которая была проникнута духомъ противленія высшей церковной власти» (стр. 186). 7) Закоренѣлая лѣность исправлять церковныя службы, холодность къ церкви, невнимательность къ своему званію» (стр. 196). 8) «Многихъ изъ низшаго духовенства, какъ и мірянъ, увлекалъ въ расколъ духъ непокорности іерархической власти и самоуправленія» (стр. 200): вотъ онъ, настоящий-то демократизмъ! 9) «Весьма много содѣйствовала распространенію раскола въ духовенствѣ сильно укоренившаяся между духовными привычка жить невоздержно, по влеченію своихъ страстей и похотей, а не по духу вѣры и христіанской нравственности» (стр. 204).

Подъ рубрику же нравственныхъ недостатковъ мы можемъ подвести, — и съ полнымъ правомъ, какъ увидитъ читатель, — и содержаніе IV главы, которой, неизвѣстно почему, авторъ далъ такое названіе: «состояніе управленія и благочинія въ русской церкви во время появленія и распространенія раскола». Итакъ продолжаемъ:

10) «Происхожденію и распространенію раскола весьма много содѣйствовало возстаніе, вмѣстѣ съ расколочальниками, бояръ противъ Никона...» (стр. 330). 11) Не мало благопріятствовалъ, и проч... — примѣчаемый во многихъ частяхъ церковнаго управленія въ XVII вѣкѣ недостатокъ церковно-правительственнаго надзора» (стр. 345). 12) «Многіе священники бѣжали въ расколъ отъ того, что въ православныхъ приходахъ имъ иногда было весьма тяжело жить» (стр. 390); нерѣдко священники жаловались даже на своихъ архіереевъ...» (стр. 393), — опять, значить, демократизмъ... 13) «Многіе православные священники почти вовсе не имѣли нравственнаго вліянія на свою паству, и оттого ихъ прихожане уклонялись въ расколъ» (стр. 396). 14) «Нѣкоторые пастыри обходились съ православными иногда жестоко, не по-отечески и не по-пастырски, и тѣмъ удаляли ихъ отъ себя и церкви въ расколъ» (стр. 412). 15) «Неблагопрістойное поведеніе нѣкоторыхъ церковнослужителей и православныхъ во время богослуженія и безпорядки въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ еще болѣе подавали повода...» и пр. (стр. 415, см. № 7). 16) «Наконецъ домашнее поведеніе священниковъ побуждало... и пр. Не сознавая духовныхъ обязанностей... священники не стыдились выставлять себя въ самомъ грязномъ видѣ предъ народомъ и унижать самое священство...» (стр. 424).

Если вы находите, что въ этомъ перечисленіи повторяется все одно и то же, — не наша вина. Г. Щаповъ на многихъ десяткахъ страницъ вертится все около этихъ разнообразныхъ причинъ раскола, которыя съ большою основательностью могутъ бытъ сведѣны

Т. LXXVII. Отд. III.

къ одному и затѣмъ вполне могутъ быть приложены къ объясненію происхожденія какого угодно явленія въ жизни и въ исторіи, а особенно—злокачественнаго. Всѣмъ и каждому извѣстно, что начало и корень всѣхъ золъ въ мірѣ есть нравственный недостатокъ, иначе сказать — грѣхъ. Всѣ несчастныя явленія въ исторіи происходятъ именно отъ нравственныхъ недостатковъ, *по грѣхамъ людей*. Такъ смотрѣли на это дѣло и древніе лѣтописцы наши. «За беззаконія страны Господь посылаетъ високоумнаго князя, ожесточаетъ сердце правителя великимъ гнѣвомъ и неукротимою яростію и озлобленіемъ» (См. Прав. Собес. 1859 г. май, стр. 56.) «Діаволь, по мнѣнію ихъ, закидываетъ свои сѣти, и зложадные люди увязаютъ въ нихъ, дѣлаясь добычею лукаваго ловца и гордаго убійцы душъ человѣческихъ» (Тамъ же стр. 57). «Мѣсяца мая въ 25 день, *грѣхъ ради нашихъ* учинилося междуусобство отъ земскихъ людей»... (Щаповъ, стр. 472). Поэтому очевидно, что нравственные недостатки, грѣхи русскаго общества XVII вѣка, были причиною и раскола, или говоря словами г. Щапова, «что расколъ произошелъ и распространился отъ нравственнаго зла и безпорядка». Такъ смотрѣли на это и современники происхожденія раскола. Митрополитъ Игнатій такъ говоритъ о Капитонѣ: «и сіе убо начало ереси отъ развратныя души его нача являтися. Потомъ же діаволь прельсти его гордостнымъ помысломъ» (Щаповъ, стр. 42). «Вѣрно также, какъ увѣряетъ г. Щаповъ, и выразительно изобразилъ внутренній, органическій способъ развитія и распространенія раскола преосв. Теофилактъ Тверской, представивъ исчисленные имъ 37 толковъ раскола подъ образомъ дерева, корень котораго, по его словамъ, скрывается въ началѣ всякаго зла—древнемъ змѣѣ» (стр. 280), «который и посѣялъ злые плевелы раскола, —этотъ куколь душевредный» (стр. 1 и 345). Все это весьма вѣрно и благоразумно. Одно только для насъ непонятно: всѣ исчисленныя г. Щаповымъ беззаконія русскаго общества XVII вѣка всегда существовали, во всякое время; стоитъ только познакомиться съ обличительными поученіями нашихъ пастырей, отъ Луки Жидяты и преп. Θεодосія — до настоящаго времени, чтобы убѣдиться въ этомъ. А настоящее время, по убѣжденію моралистовъ, вообще еще хуже и безнравственнѣе XVII в.; такъ смотрять на него и лучшіе изъ современниковъ: — см. Аекоченскаго съ братією. Отчего же именно въ XVII в. эти нравственные недостатки произвели такое ужасное дѣйствіе? Должно быть, опять вся бѣда въ демократизмъ, котораго не успѣлъ сокрушить Никонъ своими энергическими мѣрами....

Впрочемъ, кромѣ этихъ нравственныхъ причинъ происхожденія и распространенія раскола, есть еще *не* нравственныя, чисто физи-

чекія, и въ числѣ ихъ авторъ, между прочимъ, указываетъ на слѣдующія: «въ сѣверномъ поморьѣ успѣшному распространенію раскола весьма много способствовала частію лѣснистость этихъ мѣстъ, (стр. 250), также «болота и озера» (стр. 251).

«Не мало способствовало распространенію раскола также рожденіе дѣтей въ расколѣ» (стр. 321). *Тоже самое съ распространеніемъ*: «чрезъ постоянное рожденіе въ расколѣ дѣтей община раскольническая, естественно, все болѣе и болѣе приобретаала себѣ новыхъ членовъ». *Причина*: «ибо постоянно нарождалось въ расколѣ молодое поколѣніе» (стр. 321). Это положеніе равносильно слѣдующему: «не мало способствуетъ распространенію человѣческаго рода рожденіе дѣтей въ человѣческомъ родѣ, ибо постоянно нарождаются новые люди». И всѣ эти глубокія причины успѣховъ раскола стоятъ подѣ философской рубрикой: «внутреннее развитіе раскольнической общины!»

Теперь читатели могутъ видѣть, до какой степени взгляды г. Шапова «стоятъ на высотѣ современной науки». Остается теперь сказать нѣсколько словъ о его приемахъ и изложеніи. Ученые приемы его тоже заслужили общую похвалу, и немудрено: въ книгѣ множество цитатъ, и они тѣмъ болѣе мозолятъ глаза читателю, что одна и таже цитата повторяется по пяти разъ, въ полномъ своемъ видѣ и безъ всякой оговорки. Напримѣръ, на страницѣ 197 грамота Іоасафа: «вѣдомо Іоасафу патриарху московскому отъ многихъ извѣстися, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ и проч.... Инии сами священники суть бесѣдующе и проч.... Цитата: Акты Археогр. Эксп. Т. III, № 264. Таже грамота буквально повторена на 416 стр.: «вѣдомо Іоасафу патриарху отъ многихъ извѣстися.... и проч. И опять цитата: Акт. Археогр. Эксп. Т. III, № 264. На страницѣ 398 говорится: «многіе православные, по свидѣтельству патриарха Іоасафа I, какъ гладные приходили въ церковь Божию»... И еще разъ: А. А. Эксп. Т. III, № 264. На слѣдующей страницѣ опять: «На это такъ жаловался патриархъ Іоасафъ: приходящіе бо людіе, православніи христіане... яко гладни» А. А. Эксп. Т. III, № 264. На этой же страницѣ: «и видя то православные христіане въ церквахъ Божіихъ и въ наставницѣхъ неисpravленіе».... Опять тѣ же Акты А. Эксп. Т. III, № 264. На стр. 417: «и видя то православные христіане *иже* въ церквахъ Божіихъ и въ наставницѣхъ, и т. д. А. А. Эксп. Т. III, № 264. И подобныя вещи много разъ повторяются въ книгѣ. Это можно объяснить лишь только желаніемъ автора глубже напечатлѣть въ сердцахъ читателей провозвѣщаемыя имъ истины, а вмѣстѣ съ тѣмъ — утолстить книгу и увеличить массу выписокъ и цитатъ, что придастъ книгѣ ученый видъ. Этимъ же нужно, вѣроятно, объ-

яснять и подобныя, слишкомъ частыя въ книгѣ, риторическія кон-
троверсіи. *Присупъ съ распространіемъ предложенія*: «нѣкото-
рые пастыри православной церкви обходились съ православными
иногда жестоко, не по отечески и не по пастырски». Тоже отъ про-
тивнаго: «вмѣсто того, чтобы съ отеческою кротостію обращаться
съ прихожанами и съ пастырскою попечительностію заботиться объ
ихъ душевномъ благѣ, — нѣкоторые недостойные священники при-
тѣсняли своихъ прихожанъ, обижали и оскорбляли ихъ» (стр. 412)...

Что же, спрашивается, есть въ этой книгѣ? Ученое, откровенно
длинное заглавіе, пышное предисловіе, сѣрая бумага, плохая печать
и множество фразъ, истиннаго значенія которыхъ не сознаетъ, какъ
видно, самъ авторъ. — За что же такъ превознесли его наши пере-
довые, просвѣщенные люди? Объ этомъ ужъ надобно ихъ спросить...
Правда, г. Щаповъ не пускается въ столь сантиментальныя, квас-
ныя разглагольствія, какъ авторы многихъ книгъ въ родѣ «Рас-
кола, обличаемаго своею исторіею». Онъ не проникнуть и фанати-
ческой ненавистью къ раскольникамъ, доходящею до желанія жечь
и терзать ихъ.... Но вѣдь, право, совѣстно же хвалить человѣка за
подобныя отрицательныя достоинства, какъ совѣстно рекомендовать
человѣка тѣмъ, что онъ не воръ, не убійца, не пьяница... А что
касается до положительныхъ достоинствъ книги г. Щапова (не ста-
вя въ счетъ громкія фразы), то — они могли бы заключаться или въ
обиліи новыхъ фактовъ, или въ новомъ, свѣтломъ и правильномъ
взглядѣ на нихъ. Но фактовъ новыхъ въ книгѣ г. Щапова почти
вовсе нѣтъ; а взгляды его, такъ восхитившіе нѣкоторыхъ, — оказа-
лись, какъ мы видѣли, чрезвычайно смутными, сбивчивыми и даже
противорѣчащими — другъ другу, основными идеями автора и различ-
нымъ частнымъ соображеніямъ, у него же представленнымъ. Изъ всей
книги ясно одно: г. Щаповъ *хотѣлъ* быть современнымъ и либе-
ральнымъ, но не сумѣлъ быть имъ вполне. Онъ слышалъ какой-то
звонъ, но не могъ дознаться, откуда онъ...

ТЕМНОЕ ЦАРСТВО.

(Сочиненія А. Островскаго. Два тома. Спб. 1859 г.).

III (*).

«И нить все дико и пусто кругомъ....
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ;
Напрасно пророка о тѣни онъ просить:
Его лишь песокъ раскаленный заносить,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ».

ЛЕРМОНТОВЪ.

Разсматривая комедию Островскаго «Свои люди—сочтемся», мы обратили вниманіе читателей на нѣкоторыя черты русскаго, преимущественно купеческаго быта, отразившіяся въ этой комедіи. Мы сказали, что основа комизма Островскаго заключается, по нашему мнѣнію, въ изображеніи бессмысленнаго вліянія *самодурства*, въ обширномъ значеніи слова, на семейный и общественный бытъ. Въ отношеніяхъ Самсона Силыча Большова ко всѣмъ, его окружающимъ, мы видѣли, что самодурство это — бессильно и дряхло само по себѣ, что въ немъ нѣтъ никакого нравственнаго могущества, но вліяніе его ужасно тѣмъ, что, будучи само бессмысленно и безправно, оно искажаетъ здравый смыслъ и понятіе о правѣ во всѣхъ, входящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Мы видѣли, что подъ влія-

(*) Начало статьи «Темное Царство» см. въ «Соврем.» 1859 г., № VII.

нием самодурныхъ отношеній развивается плутовство и пронырливость, гложуть всё гуманныя стремленія даже хорошей природы, и развивается узкій, исключительный эгоизмъ и враждебное расположеніе къ ближнимъ. Нужно имѣть гениально-свѣтлую голову, младенчески-непорочное сердце и титанически-могучую волю, — чтобы имѣть рѣшимость выступить на практическую, дѣйствительную борьбу съ окружающей средою, нелѣпность которой способствуетъ только развитію эгоистическихъ чувствъ и вѣроломныхъ стремленій во всякой живой и дѣятельной натурѣ.

Но чтобы выдти изъ подобной борьбы непобѣжденнымъ, — для этого мало и всёхъ исчисленныхъ нами достоинствъ: нужно еще имѣть желѣзное здоровье и, — главное, — вполне обезпеченное состояніе. А между тѣмъ, по устройству «темнаго царства», — все его зло, вся его ложь тяготѣетъ страданіями и лишеніями именно только надъ тѣми, которые слабы, изнурены и обезпечены въ жизни; для людей же сильныхъ и богатыхъ — таже самая ложь служитъ къ услажденію жизни. Что же имъ за выгода обличать эту ложь, бороться съ этимъ зломъ? Можно ли ожидать, что купецъ Большовъ станетъ требовать, наприимѣръ отъ своего прикащика Подхалюзина, чтобы тотъ разорялъ его, поступая по совѣсти и отговаривая покупателей отъ покупки гнилаго товара и отъ платы за него лишнихъ денегъ? Само собою разумѣется, что ужъ скорѣе самъ прикащикъ могъ бы, проникнувшись добросовѣстностью, послѣдовать такому образу дѣйствій. Но прикащикъ связанъ съ хозяиномъ: онъ сытъ и одѣтъ по хозяйской милости, онъ можетъ «въ люди произойти», если хозяинъ полюбитъ его; а ежели не полюбитъ, то что же такое прикащикъ, со своей непрактической добросовѣстностью? Такъ, — ничтожество!... И вотъ Подхалюзинъ начинаетъ соображать шансы своего положенія. Человѣкъ онъ не гениальный, не герой и не титанъ, а очень обыкновенный смертный. Невозможно и требовать отъ него пракческаго протеста противъ всей окружающей его среды, противъ обычаевъ, установившихся вѣками, противъ понятій, которыя, какъ святыня, внушались ему, когда онъ былъ еще мальчишкой, ничего не смыслившимъ... Ясно, что онъ долженъ подчиниться той морали, какая господствуетъ въ атмосферѣ, его окружающей, — пойти по той дорожкѣ, которая проторена другими... Не пробовать же ему новой, никому невѣдомой дороги, когда ужъ есть готовый, торный проселокъ!

Но съ другой стороны, какъ натура живая и дѣятельная, и Подхалюзинъ задаетъ себѣ нѣкоторые жизненные вопросы и задачи. Задачи его обыкновенно очень мизерны, вопросы — неглубоки, потому что кругъ зрѣнія его очень ограниченъ. Онъ

видитъ передъ собой своего хозяина-самодура, который ничего не дѣлаетъ, пьетъ, ѣстъ и проклажается въ свое удовольствіе, ни отъ кого ругательствъ не слышитъ, а напротивъ — самъ всѣхъ ругаетъ невозбранно, — и въ этомъ гаденькомъ лицѣ онъ видитъ идеалъ счастья и высоты, достижимыхъ для человѣка. Что выходитъ изъ тѣснаго круга обыденной жизни, постоянно имъ видимой, о томъ онъ имѣетъ лишь смутныя повятія, да ни мало и не заботится, находя, что то ужь совсѣмъ другое, объ томъ ужь нашему брату и думать нечего.... А разъ рѣшивши это, поставивши себѣ такой предѣлъ, за который нельзя переступить, Подхалюзинъ, очень естественно, старается приспособить себя къ тому кругу, гдѣ ему надо дѣйствовать, и для того съѣживается и выгибается. Это же и не стоитъ ему большаго труда, — дѣло привычное съ малолѣтства: какъ вытянуть по спинѣ аршиномъ или начнуть объ голову кулаки оббивать, — такъ тутъ поневолѣ выгнешься и сожмешь.... И Подхалюзинъ, вынося самъ всякія истязанія и находя наконецъ, что это въ порядкѣ вещей, глубоко затаняваетъ свои личныя, живыя стремленія, въ надеждѣ, что будетъ же когда нибудь и на его улицѣ праздникъ. Между тѣмъ нравственное развитіе идетъ своимъ путемъ, логически-неизбѣжнымъ при такомъ положеніи: Подхалюзинъ находя, что личныя стремленія его принимаются всѣми враждебно, мало по малу приходитъ къ убѣжденію, что дѣйствительно личность его, какъ и личность всякаго другаго, должна быть въ антагонизмѣ со всѣмъ окружающимъ, и что, слѣдовательно, чѣмъ болѣе онъ отниметъ отъ другихъ, тѣмъ полнѣе удовлетворитъ себя. Изъ этого начала развивается то вѣчно-осадное положеніе, въ которомъ неизбѣжно находится каждый обитатель «темнаго царства», пускающійся въ практическую дѣятельность, съ намѣреніемъ добиться чего нибудь.... Высшія нравственныя правила, для всѣхъ равно обязательныя, существуютъ для него только въ нѣсколькихъ прекрасныхъ реченіяхъ и заповѣдяхъ, никогда не примѣняемыхъ къ жизни; симпатическая сторона натуры въ немъ не развита; понятія, выработанныя наукою, объ общественной солидарности и о равновѣсїи правъ и обязанностей — ему недоступны. Самые идеалы его (потому что идеалы и у Подхалюзина есть, какъ есть и у городничаго въ «Ревизорѣ») грубы, тусклы, безобразны и безчеловѣчны. Городничій мечтаетъ о томъ, какъ онъ, сдѣлавшись генераломъ, будетъ заставлять городничихъ ждать себя по пяти часовъ; такъ точно Подхалюзинъ предполагаетъ: «тятенька подурили на своемъ вѣку, — будетъ: теперь намъ пора.» И только бы ему достигъ возможности осуществить свой идеалъ: онъ въ самомъ дѣлѣ не замедлитъ заставить другихъ такъ же бояться, подличать, фальшивить и страдать отъ него, какъ

боялся, подличалъ, фальшивилъ и страдалъ самъ онъ, пока не обезпечилъ себѣ право на самодурство....

Тяжело прослѣдить подобную карьеру; горько видѣть такое искаженіе человѣческой природы. Кажется, ничего не можетъ быть хуже того дикаго, неестественнаго развитія, которое совершается въ натурахъ, подобныхъ Подхалюзину, вслѣдствіе тяготѣнія надъ ними самодурства. Но въ послѣдующихъ комедіяхъ Островскаго намъ представляется новая сторона того же вліянія, по своей мрачности и безобразію едва ли уступающая той, которая была нами указана въ прошедшей статьѣ.

Эта новая сторона является намъ въ натурахъ подавленныхъ, безотвѣтныхъ. Такія натуры представляются намъ почти въ каждой изъ комедій Островскаго, съ большею или меньшею ясностью очертаній. Даже въ «Своихъ Людяхъ» Аграфена Кондратьевна принадлежитъ къ такимъ натурамъ; но здѣсь она не играетъ видной роли. Ярче выставляются намъ въ послѣдующихъ комедіяхъ лица Мити въ «Бѣдность не порокъ», и дѣтей Брусовыхъ въ пьесѣ «Въ чужомъ пиру похмѣлье», и лица дѣвушекъ почти во всѣхъ комедіяхъ Островскаго. Авдотья Максимовна, Любовь Торцова, Даша, Надя — все это безвинныя, безотвѣтныя жертвы самодурства, и то сглаженіе, *отмѣненіе* человѣческой личности, какое въ нихъ произведено жизнью, едва ли не безотраднѣе дѣйствуетъ на душу, нежели самое искаженіе человѣческой природы въ плутахъ, подобныхъ Подхалюзину. Тамъ еще кое-гдѣ пробивается жизнь, самобытность, мерцаютъ минутами лучъ какой-то надежды; здѣсь — тишь невозмутимая, мракъ непроглядный, здѣсь передъ вами стоитъ мертвая красавица въ безлюдной степи, и общее гробовое молчаніе нарушается лишь движеніемъ степнаго коршуна, терзающаго въ воздухѣ добычу.... Жутко, точно на кладбищѣ или въ домѣ купца-раскольника наканунѣ великаго праздника!

Чтобы видѣть проявленія безотвѣтной, забитой натуры въ разныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ, мы прослѣдимъ теперь послѣдующія за «Своими Людями» комедіи Островскаго изъ купеческаго быта, начавши съ комедіи «Не въ свои сани не садись».

Но упомянувши объ этой пьесѣ, мы считаемъ нужнымъ напомнить читателямъ то, что сказано было нами въ первой статьѣ — о значеніи вообще художественной дѣятельности. «Не въ свои сани не садись» — вызвало самыя разнообразныя сужденія *объ убѣжденіяхъ* Островскаго. Одни превознесли его за то, что онъ усвоилъ себѣ прекрасныя воззрѣнія славянофиловъ на прелести русской старины; другіе возмутились тѣмъ, что Островскій явился противникомъ современной образованности. Всѣ эти разсужденія могли быть при-

скорбны для Островскаго главнымъ образомъ потому, что изъ-за толковъ о его воззрѣнiяхъ, совершенно забывали о его талантѣ и о лицахъ и явленiяхъ, выведенныхъ имъ. Въ отношенiи къ Островскому такой приемъ былъ просто неделикатенъ. Мы понимаемъ, что графа Солмогуба, напримѣръ, нельзя было разбирать иначе, какъ спрашивая: что онъ *хотѣлъ сказать* своимъ «Чиновникомъ»?—потому что «Чиновникъ» есть не что иное, какъ модная юридическая—даже не идея, а просто—фраза, драматизированная безъ малѣйшаго признака таланта. Можно такъ обращаться, напримѣръ, и съ стихотворенiями г. Розенгейма: поэзи у него нѣтъ ни въ одномъ стихѣ; поэтому единственною мѣркою достоинства стихотворенiя остается относительное значенiе идеи, на которую оно сочинено. Такимъ образомъ, не входя ни въ какiя художественныя разбирательства, можно, напримѣръ, похвалить г. Розенгейма за то, что «Гроза», помѣщенная имъ недавно въ «Русскомъ Словѣ», написана имъ на тему, не имѣющую той пошлости, какъ его чиновничьи и откупныя элегии. Здѣсь мы можемъ быть совершенно спокойны, обращая вниманiе единственно на воззрѣнiе автора, какое желалъ онъ выразить въ пьесѣ. Комедii Островскаго заслуживаютъ другаго рода критики, потому что въ нихъ, независимо отъ теоретическихъ понятiй автора, есть всегда художественныя достоинства. Мы уже замѣчали, что общiя идеи принимаются, развиваются и выражаются художникомъ въ его произведенiяхъ совершенно иначе, нежели обыкновенными теоретиками. Не отвлеченныя идеи и общiе принципы занимаютъ художника, а живые образы, въ которыхъ проявляется идея. Въ этихъ образахъ поэтъ можетъ, даже непримѣтно для самого себя, уловить и выразить ихъ внутреннiй смыслъ гораздо прежде, нежели опредѣлить его разсудкомъ. Иногда художникъ можетъ и вовсе не дойти до смысла того, что онъ самъ же изображаетъ; но критика и существуетъ за тѣмъ, чтобы разъяснить смыслъ, скрытый въ созданiяхъ художника, и, разбирая представленныя поэтомъ изображенiя, она вовсе не уполномочена привязываться къ теоретическимъ его воззрѣнiямъ. Въ первой части «Мертвыхъ Душъ» есть мѣста, по духу своему близко подходящiя къ «Перепискѣ»; но «Мертвыя Души» отъ этого не теряли своего общаго смысла, столь противоположнаго теоретическимъ воззрѣнiямъ Гоголя. И критика Бѣлинскаго не трогала гоголевскихъ теорiй, пока онъ являлся предъ нею, просто какъ художникъ; она ополчилась на него тогда, когда онъ провозгласилъ себя нравоучителемъ и вышелъ къ публикѣ не съ живымъ рассказомъ, а съ книжицею назидательныхъ совѣтовъ...

Не сравнивая значенiя Островскаго съ значенiемъ Гоголя въ исторiю наш его развитiя, мы замѣтимъ однако, что въ комедiяхъ Остров-

скаго, подъ вліаніемъ какихъ бы теорій онѣ ни писались, всегда можно найти черты глубоко-вѣрныя и яркія, доказывающія, что сознание жизненной правды никогда не покидало художника и не допускало его искажать дѣйствительность въ угоду теоріи. А если такъ, то, значитъ, и основныя черты міросозерцанія художника не могли быть совершенно уничтожены разсудочными ошибками. Онъ могъ брать для своихъ изображеній не тѣ жизненные факты, въ которыхъ извѣстная идея отражается наилучшимъ образомъ, могъ давать имъ произвольную связь, толковать ихъ не совсѣмъ вѣрно; но если художническое чутье не измѣнило ему, если правда въ произведеніи сохранена, — критика обязана воспользоваться имъ для объясненія дѣйствительности, равно какъ и для характеристики таланта писателя, но вовсе не для брани его за мысли, которыхъ онъ, можетъ быть, еще и не имѣлъ. Критика должна сказать: «вотъ лица и явленія, выводимыя авторомъ; вотъ сюжетъ пьесы; а вотъ смыслъ, какой, по нашему мнѣнію, имѣютъ жизненные факты, изображаемые художникомъ, и вотъ степень ихъ значенія въ общественной жизни». Изъ этого сужденія само собою и окажется, вѣрно ли самъ авторъ смотрѣлъ на созданные имъ образы. Если онъ, напримѣръ, силится возвести какое нибудь лицо во всеобщій типъ, а критика докажетъ, что оно имѣетъ значеніе очень частное и мелкое, — ясно, что авторъ повредилъ произведенію ложнымъ взглядомъ на героя. Если онъ ставитъ въ зависимости одинъ отъ другаго нѣсколько фактовъ, а по разсмотрѣнію критики окажется, что эти факты никогда въ такой зависимости не бываютъ, а зависятъ совершенно отъ другихъ причинъ, — опять очевидно само собою, что авторъ невѣрно понялъ связь изображаемыхъ имъ явленій. Но и тутъ критика должна быть очень осторожна въ своихъ заключеніяхъ: если, напримѣръ, авторъ награждаетъ, въ концѣ пьесы, негодая, или изображаетъ благороднаго, но глупаго челоуѣка, — отъ этого еще очень далеко до заключенія, что онъ хочетъ оправдывать негодяевъ или считаетъ всѣхъ благородныхъ людей дураками. Тутъ критика можетъ разсмотрѣть только: точно ли челоуѣкъ, выставлемый авторомъ, какъ благородный дуракъ, дѣйствительно таковъ по понятіямъ критики объ умѣ и благородствѣ, — и затѣмъ: такое ли значеніе придаетъ авторъ своимъ лицамъ, какое имѣютъ они въ дѣйствительной жизни?

Таковы должны быть, по нашему мнѣнію, отношенія реальной критики къ художественнымъ произведеніямъ; таковы въ особенности должны они быть къ писателю при обзорѣ цѣлой его литературной дѣятельности. Говоря объ отдѣльномъ произведеніи, критика можетъ увлекаться частностями и ставить въ вину писателю то, что имъ лишь недостаточно выяснено. Но при общей характеристи-

кѣ, частности могутъ остаться въ сторонѣ, и на первомъ планѣ является изложеніе общаго міросозерцанія писателя, какъ оно выразилось во всей массѣ его произведеній. А какъ оно выразилось, это опредѣляется тѣми предметами и явленіями, которыя привлекали къ себѣ его вниманіе и сочувствіе и послужили матеріалами для его изображеній.

Сдѣлавши эти объясненія, мы можемъ теперь сказать, что вовсе не хотимъ видѣть въ «Не своихъ саняхъ» апологію патріархальнаго, стариннаго быта и попытку доказать преимущества русской необразованности предъ европейскимъ образованіемъ. Мы могли бы въ этой комедіи отыскать даже нѣчто противоположное, но и того не хотимъ, а просто укажемъ на фактъ, служащій основой пьесы. Мы уже видѣли, что основной мотивъ пьесы Островскаго—неестественность общественныхъ отношеній, происходящая вслѣдствіе самодурства однихъ и безправности другихъ. Чувство художника, возмущаясь такимъ порядкомъ вещей, преслѣдуетъ его въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ и передаетъ на позоръ того самаго общества, которое живетъ въ этомъ порядкѣ. И вотъ одно изъ такихъ видоизмѣненій.

Есть на Руси купецъ—самодуръ, добрый, честный и даже по своему умный, — но самодуръ. У него есть дочь, которая передъ нимъ безгласна и безправна, какъ всякая дочь передъ всякимъ самодуромъ. Не признавая ея правъ, какъ самостоятельной личности, ей и не даютъ ничего, что въ жизни можетъ ограждать личность: она необразована, у ней нѣтъ голоса даже въ домашнихъ дѣлахъ, нѣтъ привычки смотрѣть на людей своими глазами, нѣтъ даже и мысли о правѣ свободнаго выбора въ дѣлѣ сердца. Выросши въ полный ростъ человѣческой, она все еще ведетъ себя, какъ несовершеннолѣтняя, какъ ребенокъ неразумный. Самая любовь ея къ отцу, парализуемая страхомъ, неполна, неразумна и неоткровенна, такъ что дочка втихомолку отъ отца напITYвается понятіями своей тетушки, пожилой дѣвы, бывшей въ ученьи на Кузнецкомъ мосту, и затѣмъ съ ея голоса увѣряетъ себя, что влюблена въ молодого прощальгу, отставнаго гусара, на дняхъ пріѣхавшаго въ ихъ городъ. Гусаръ сватается, отецъ отказывается; тогда гусаръ увозитъ дѣвушку, и она рѣшается ѣхать съ нимъ, все толкуя однако о томъ, что ѣхать не надо, а лучше къ отцу возвратиться. Но на первой же станціи гусаръ узнаетъ, что отецъ не даетъ ни гроша денегъ за убѣжавшей дочерью, и тотчасъ же, конечно, прогоняетъ отъ себя бѣдную дѣвушку. Она возвращается домой; отецъ ругаетъ и хочетъ запереть ее на замокъ, чтобъ свѣта Божьяго не видѣла и его передъ людьми не срамила; но ее рѣшается взять за себя молодой купчикъ, который

давно въ нее влюбленъ и котораго сама она любила до встрѣчи съ Вихоревымъ. Все кончается благополучно.

Таковъ фактъ, составляющій сущность комедіи: «Не въ свои сани не садись». Какой же смыслъ его? Даетъ ли онъ хоть какойнибудь поводъ къ развитію темы о преимуществахъ стараго быта, къ выраженію славянофильскихъ тенденцій? Кажется, нѣтъ. Смыслъ его тотъ, что самодурство, въ какихъ бы умѣренныхъ формахъ ни выражалось, въ какую бы кроткую опеку ни переходило, все-таки ведетъ — по малой мѣрѣ къ обезличенію людей, подвергшихся его вліянію; а обезличеніе совершенно противоположно всякой свободной и разумной дѣятельности; слѣдовательно человѣкъ обезличенный, подъ вліяніемъ тяготѣвшаго надъ нимъ самодурства, можетъ нехотя, безсознательно, совершить какое угодно преступленіе и погибнуть — просто по глупости и недостатку самобытности.

Это значеніе рассказаннаго нами факта, всего скорѣе и рѣзче бросающееся въ глаза, недостаточно-ярко является въ комедіи, потому что въ ней на первый планъ выступаетъ контрастъ умнаго, солиднаго Русакова и добраго, честнаго Бородкина—съ жалкимъ вертопрахомъ Вихоревымъ. За этотъ контрастъ и ухватились критики, и надѣлали въ своихъ разборахъ такихъ предположеній, какихъ у автора, можетъ быть, и на умѣ никогда не было. Его обвинили чуть не въ совершенномъ обскурантизмѣ, и даже до сихъ поръ нѣкоторые критики не хотятъ ему простить того, что Русаковъ — необразованный, но все-таки добрый и честный человѣкъ (*). И дѣйствительно, увлекшись негодованіемъ противъ мишурной образованности господъ, подобныхъ Вихореву, сбивающихъ съ толку простыхъ русскихъ людей, Островскій не съ достаточной силой и ясностью выставилъ здѣсь *тѣ причины*, вслѣдствіе которыхъ русскій человѣкъ можетъ увлекаться подобными господами. Но нельзя сказать, чтобъ эти причины были совершенно забыты авторомъ: простой и естественный смыслъ факта не укрывся отъ него, и въ «Не своихъ саняхъ» мы находимъ разбросанныя черты тѣхъ отношеній, которыя разумѣемъ подъ общимъ именемъ самодурныхъ. Еслибъ эти черты были ярче, комедія имѣла бы болѣе цѣльности и опредѣленности; но и въ стоящемъ своемъ видѣ она не можетъ быть названа противною основнымъ чертамъ міросозерцанія автора. Въ темный бытъ Руса-

(*) Послѣ первой нашей статьи, гдѣ говорилось о критикахъ Островскаго, появилось въ журналахъ еще двѣ статьи о немъ. Одна имѣетъ двоямбическій характеръ, но другая повторяетъ всѣ нелѣпости, приписывавшіяся Островскому въ прежнее время, и оканчивается тѣмъ, что совѣтуетъ ему «мыслить, мыслить и мыслить». Впрочемъ обѣ статьи совершенно незначительны.

ковыхъ онъ внесъ лучъ посторонняго свѣта, сгладилъ и уравнилъ нѣкоторыя грубыя черты; но и въ этомъ смягченномъ видѣ, если всмотрѣться внимательнѣе, — сущность дѣла осталась та же. Попробуемъ указать нѣсколько чертъ изъ отношеній Русакова къ дочери и къ окружающимъ; мы увидимъ, что здѣсь основаніемъ всей исторіи является опять — таки то же самодурство, на которомъ утверждаются всѣ семейныя и общественныя отношенія этого «темнаго царства».

Максимъ Федотычъ Русаковъ — этотъ лучший представитель всѣхъ прелестей стараго быта, умнѣйшій старикъ, *русская душа*, которою славянофильскіе и кошихинствующіе критики кололи глаза нашей послѣ-петровской эпохѣ и всей новѣйшей образованности, — Русаковъ, на нашъ взглядъ, служитъ живымъ протестомъ противъ этого темнаго быта, ничѣмъ неосмысленнаго и безнравственнаго въ самомъ корнѣ своемъ. Въ Большовѣ мы видѣли дрянную натуру, подвергшуюся вліянію этого быта; въ Русаковѣ намъ представляется: а вотъ какими выходятъ при немъ даже честныя и мягкія натуры!... И дѣйствительно — природная доброта и даже деликатность пробивается въ Русаковѣ сквозь грубыя формы. Онъ обходится со всѣми ласково, о женѣ и дочери говоритъ съ умиленіемъ; когда Дуня, узнавъ о его рѣшительномъ отказѣ Вихореву, падаетъ въ обморокъ (сцена эта намъ кажется, впрочемъ, утрированной), онъ пугается и даже тотчасъ соглашается измѣнить для нея свое рѣшеніе. Мало этого: у него голова сложена довольно хорошо и изъ нея не выбить здравый смыслъ. Онъ не говоритъ просто: «такъ должно быть *потому*, что я такъ хочу», — а старается отыскивать резоны для своихъ рѣшеній. Но этимъ и ограничивается то, что могъ онъ сохранить изъ добрыхъ качествъ своей натуры; далѣе начинаются приобрѣтенія самодурства. Видно, что Русаковъ, по мягкости своей природы, съ самаго начала кротко покорился существующему порядку, признавъ его законность; значитъ, не было нужды доказывать ему эту законность пинками и колотушками. Оттого въ немъ и въ старости нѣтъ той враждебности и крутости, какую замѣчаемъ въ другихъ самодурахъ, выводимыхъ Островскимъ; оттого онъ не отвергаетъ даже резонновъ въ разговорѣ съ низшими и младшими. Но быть «темнаго царства», въ которомъ онъ выросъ, ничего не далъ ему въ отношеніи резонности: ея нѣтъ въ этомъ бытѣ, и потому Русаковъ впадаетъ въ ту же несмысленность, въ тотъ же мракъ, въ какомъ блуждаютъ и другіе собратья его, хуже одаренные природою.

Любопытно послушать мораль, до которой усѣлъ онъ возвыситься. Покорность, терпѣніе, уваженіе къ опыту и преданію, гораніченіе себя своимъ кругомъ — вотъ его основныя поло-

женія. Дошелъ онъ до нихъ грубо-эмпирически, сопоставляя факты, но ничѣмъ ихъ не осмысливая, потому что мысль его связана въ то же время самымъ упорнымъ, фаталистическимъ понятіемъ о судьбѣ, распоряжающейся человѣческими дѣлами. Онъ появляется на сцену съ сентенціей о томъ, что «нужно къ старшимъ за совѣтомъ ходить, — старикъ худа не посовѣтуетъ». Далѣе, въ отвѣтъ на сватовство Бородкина, онъ говоритъ: «я, значить, долженъ это дѣло сдѣлать съ разумомъ, потому—мнѣ придется за дочь Богу отвѣчать». На этомъ основаніи онъ съ судьбою дочери распоряжается вотъ какимъ образомъ: «статочное ли дѣло, чтобъ повѣрить дѣвкѣ, кто ей понравится? Нѣтъ, это не порядокъ: пусть *милъ* человѣкъ понравится. Я не за того отдамъ, кого она полюбитъ, а за того, кого *я* люблю. Да, кого я люблю, за того и отдамъ». Въ этомъ ужь крѣпко сказывается самодурство; но оно смягчается въ Русаковѣ слѣдующимъ разсужденіемъ: «какъ дѣвкѣ повѣрить? что она видѣла? кого она знаетъ?» Разсужденіе справедливое въ отношеніи къ дочери Русакова; но ни Русакову, и никому изъ его братьевъ, не приходится въ голову спросить: «отчего жъ она ничего не видѣла и никого не знаетъ? Какая же необходимость была воспитывать ее въ такомъ блаженномъ невѣдѣніи, что всякій ее можетъ обмануть?»... Еслибъ они задали себѣ этотъ вопросъ, то изъ отвѣта и оказалось бы, что всему злу корень опять—таки не что иное, какъ ихъ собственное самодурство. Русаковъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ и въ бары лѣзть не желаетъ, а образованіе онъ считаетъ исключительной принадлежностью баръ; вслѣдствіе того онъ и дочь свою такъ держитъ, что она остается, по его выраженію, *дурой*. Въ отвѣтъ на сватанье Вихорева онъ говоритъ: «ищите себѣ барышень, воспитанныхъ, а ужь нашихъ—то дуръ оставьте намъ, мы своимъ—то найдемъ жениховъ какихъ нибудь дешевенькихъ». Въ этихъ словахъ еще слышится иронія; но Русаковъ и серьезно продолжаетъ въ томъ же родѣ: «ну, какая она барыня, посудите, отецъ: жила здѣсь въ четырехъ стѣнахъ, свѣту не видала,.. Не за что вамъ и любить ее: она дѣвушка простая, невоспитанная и совсѣмъ вамъ не пара. У васъ есть родные, знакомые, всѣ будутъ смѣяться надъ ней, какъ надъ душой, да и вамъ—то она опротивѣтъ хуже горькой полыни... такъ отдамъ ли я дочь на такую каторгу!»

Въ этихъ разсужденіяхъ всего печальнѣе то, что они совершенно справедливы. Въ самомъ дѣлѣ — не очень-то веселая жизнь ожидала бы Авдотью Максимовну, если бы она вышла за *благороднаго*; хотя бы онъ и не былъ такимъ шельганомъ, какъ Вихоревъ. Она въ самомъ дѣлѣ воспитана такъ, что въ ней вовсе нѣтъ лица человѣческаго. Самая лучшая похвала ей мзъ

усть самого отца — какая же? — та, что «въ глазахъ у нея только любовь да кротость: она будетъ любить всякаго мужа, надо найти ей такого, чтобы ее-то любилъ». Это значитъ—доброта безразличная, безотвѣтная, именно такая, какая въ мягкихъ натурахъ вырабатывается подъ гнетомъ семейнаго деспотизма и какая всего болѣе нравится самодурамъ. Для людей, привыкшихъ оширать свои дѣйствія на здоровомъ смыслѣ и соображать ихъ съ требованіями справедливости и общаго блага, такая доброта противна или по крайней мѣрѣ жалка. Немудрено разсудить, что если человѣкъ со всѣми соглашается, то у него, значитъ, нѣтъ своихъ убѣжденій; если онъ всѣхъ любитъ и всѣмъ другъ, то, значитъ, — всѣ для него безразличны; если дѣвушка всякаго мужа любить будетъ, — то ясно, что сердце у ней составляетъ даже не кусокъ мяса, а просто какое-то расплывающееся тѣсто, въ которое можно воткнуть, что угодно....

Для человѣка, незараженнаго самодурствомъ, вся прелесть любви заключается въ томъ, что воля другаго существа гармонически сливается съ его волей, безъ малѣйшаго принужденія. Оттого-то очарованіе любви и бываетъ такъ неполно и недостаточно, когда взаимность достигается какими нибудь вымогательствами, обманомъ, покупается за деньги или вообще приобрѣтается какими нибудь вѣшными и посторонними средствами. Чувство любви можетъ быть истинно хорошо только при внутренней гармоніи любящихъ, и тогда оно составляетъ начало и залогъ того общественнаго благоденствія, которое обѣщается намъ, въ будущемъ развитіи человѣчества, водвореніемъ братства и личной равноправности между людьми. Но самодурство и этого чувства не можетъ оставить свободнымъ отъ своего гнета: въ его свободномъ и естественномъ развитіи оно чувствуетъ какую-то опасность для себя, и потому старается убить прежде всего то, что служитъ его основаніемъ — личность. Для этого самодуры сочиняютъ свою мораль, свою систему житейской мудрости, и по ихъ толкованіямъ выходитъ, что чѣмъ болѣе личность стерта, неразличима, непримѣтна, тѣмъ она ближе къ идеалу совершеннаго человѣка. «У него такой отличный характеръ, что онъ вынесетъ безропотно всякое оскорбленіе, будетъ любить самаго недостойнаго человѣка», — вотъ похвала, выше которой самодуръ ничего не знаетъ. А на нашъ взглядъ подобный человѣкъ есть дрянь, кисель, тряпка; онъ можетъ быть хорошимъ *человѣкомъ*, но только въ лакейскомъ смыслѣ этого слова. На другое же ни на что онъ не годенъ, и отъ него можно ожидать ровно столько же пакостей, сколько и хорошихъ поступковъ: все будетъ зависеть отъ того, въ какія руки онъ попадется. Ничего этого не признаетъ Русаковъ, въ качествѣ самодура, и твердитъ свое:

«все зло на свѣтѣ отъ необузданности; мы, бывало, страхъ имѣли и старшихъ уважали, такъ и лучше было... бить некому нынѣшнихъ молодыхъ людей, а то-то надо бы: палка-то по нимъ плачетъ». И о чемъ бы онъ ни говорилъ, — уваженіе къ старшимъ на первомъ планѣ. Даже на Вихорева онъ сердится всего болѣе за то, что тотъ «со старшими говорить не умѣетъ». И на дочь свою, когда та дѣлаетъ попытку убѣдить отца, онъ, при всей своей мягкости, прикрикиваетъ: «да какъ ты смѣешь такъ со мной разговаривать?» А затѣмъ онъ даетъ ей строгій приказъ: «вотъ тебѣ, Авдотья, мое послѣднее слово: или поди ты у меня за Бородкина, или я тебя и знать не хочу». И, чтобы приказъ былъ дѣйствительнѣе, онъ подкрѣпляетъ его попреками: «я тебя ростила, я тебя берегъ пуще глазу... Что грѣха на душу приняла, гордость меня одолѣла съ тобой... Наказалъ Богъ по грѣхамъ». Говоря безпристрастно, такое обращеніе нельзя назвать очень гуманнѣмъ; но въ нашемъ «темномъ царствѣ» и оно еще довольно мягко, и Русаковъ по справедливости можетъ быть названъ лучшимъ изъ самодуровъ.

За то и выработалась же добрая натура Авдотьи Максимовны подъ вліяніемъ этого кроткаго самодурства! Трудно представить болѣе жалкую дѣвушку. Въ сущности она даже скорѣе комична, нежели жалка, такъ какъ комична Софья Павловна съ своей любовью къ Молчалину, или Софья Сергѣевна (въ «Новѣйшемъ Оракулѣ» г. Потѣхина) съ нѣжной страстію къ Зильбербаху. Но надъ Авдотьей Максимовной нельзя смѣяться: обстановка ея слишкомъ мрачна. Когда мы одиноко идемъ въ полночь по темному склепу, между могилами, и вдругъ, за одной изъ гробницъ, предъ нами внезапно является какая нибудь нелѣпая рожа и дѣлаетъ намъ гримасу, — то, какъ бы гримаса ни была смѣшна, трудно засмѣяться въ эту минуту: невольнo испугаешься. Такъ и комизмъ нашего «темнаго царства»: дѣло само по себѣ просто забавно, но въ виду самодуровъ и жертвъ, во мракѣ ими задавленныхъ, пропадаетъ охота смѣяться... Авдогья Максимовна въ теченіе всей пьесы находится въ сильнѣйшей ажитациі, бессмысленной и пустой, если хотите, но тѣмъ не менѣе возбуждающей въ насъ не смѣхъ, а состраданіе: бѣдная дѣвушка въ самомъ дѣлѣ не виновата, что ее лишили всякой нравственной опоры внутри себя и воспитали только къ тому, чтобы вѣкъ ходить ей на привязи. Сердце у ней доброе, въ характерѣ много довѣрчивости, какъ у всѣхъ несчастныхъ и угнетенныхъ, не успѣвшихъ еще ожесточиться; потребность любви пробуждена; но она не находитъ для себя ни простора, ни разумной опоры, ни достойнаго предмета. Въ Авдотьѣ Максимовнѣ не развито настоящее понятіе о томъ, что хорошо и

что дурно, не развито уваженіе къ побужденіямъ собственнаго сердца, а въ тоже время и понятіе о нравственномъ долгѣ развито лишь до той степени, чтобы признать его, какъ виѣшнюю принудительную силу. Въ этомъ положеніи несчастная дѣвушка и мечется, не зная, куда ей приклонить наконецъ свою голову. Отца она любитъ, но въ то же время и боится, и даже какъ-то не совсѣмъ довѣряетъ ему. Бородинъ ей нравился; но ей сказали, что онъ мужикъ необразованный, и она теряется, не знаетъ, что думать, и доходитъ до того, что Бородинъ становится ей противенъ. Подвертывается Вихоревъ, который ничего не имѣетъ, кромѣ наглости и вывѣсочной физиономіи;—она прельщается Вихоревымъ. Но и тутъ она только понапрасну мучить самое-себя: ни на одну минуту не стоитъ она на твердой почвѣ, а все какъ будто тонетъ,—то всплыветъ немножко, то опять погрузится... такъ и ждешь, что вотъ-вотъ сейчасъ потонетъ совсѣмъ... При первомъ ея появленіи на сцену, въ концѣ перваго акта, Вихоревъ сообщаетъ ей, что отецъ просваталъ ее за Бородину; она наивно говоритъ: «не безпокойтесь, я за Бородину не пойду». — «А если отецъ прикажетъ?» — спрашиваетъ Вихоревъ. «Нѣтъ,—говоритъ,—онъ насильно не заставитъ». — «А какъ заставить,—что тогда?»—«Тогда, идиотски отвѣчаетъ она,—я ужъ право и не знаю, что мнѣ дѣлать съ этимъ дѣломъ... такая-то напасть на меня!» Вихоревъ, для котораго всѣ средства хороши,—предлагаетъ ей уѣхать съ нимъ тихонько; она приходитъ въ ужасъ и восклицаетъ: «ахъ, нѣтъ, нѣтъ, что вы это? Ни за какія сокровища!» Отчего же такой ужасъ? Да просто оттого, видите, что «отецъ проклянетъ меня: каково мнѣ будетъ тогда жить на бѣломъ свѣтѣ?» Вслѣдствіе того она простодушно совѣтуетъ Вихореву переговорить съ ея отцомъ; Вихоревъ предполагаетъ неудачу, а она успокоиваетъ его такимъ разсужденіемъ: «что же дѣлать! знать моя такая судьба несчастная... Вчера тетенька на картахъ гадала, что-то все дурно выходило, я ужъ не мало плакала». Вихоревъ страшаетъ ее, что уѣдетъ на Кавказъ и будетъ стараться, чтобы его тамъ застрѣлили; она и къ нему пристаётъ: «нѣтъ, не ѣздите. Что это вы,—какія страсти говорите». Словомъ — дѣвушка со всѣхъ сторонъ подъ страхомъ: тамъ отцовское проклятіе грозитъ, тутъ на картахъ дурно выходитъ, а здѣсь милаго Вихорева того и гляди—черкесы подстрѣлятъ. И хоть бы какоенибудь внутреннее противодѣйствіе всѣмъ этимъ ужасамъ явилось въ бѣдной дѣвушкѣ! Она простодушно и одинаково вѣритъ — и отцовскому проклятію, и картамъ, и тому, что Вихоревъ поѣдетъ подъ пули,—и всего этого одинаково боится... Правду она говоритъ про себя въ началѣ втораго акта: «какъ тѣнь какая хожу, ногъ подъ собою не слышу... только чувствуетъ мое сердце, что ничего изъ это-

го хорошаго не выйдетъ. Ужь я знаю, что много мнѣ бѣдной тутъ слезъ пролить». Да и какъ же не пролить при такихъ порядкахъ!...

Къ довершенію горя, оказывается, что она еще и Бородинка-то любитъ, что она съ нимъ, бывало, встрѣтится, такъ не наговорится, у калиточки его поджидаетъ, осенніе темные вечера съ нимъ просиживаетъ; — да и теперь его жалѣетъ, но въ тоже время не можетъ никакъ оторваться отъ мысли о необычайной красотѣ Вихорева. Впрочемъ она очень недовольна собой и говоритъ: «на грѣхъ я его увидѣла». Но самое большое мученье для нея составляетъ — просить отца о согласіи на ея желаніе выйти за Вихорева. Она приступаетъ къ этому съ какой-то особенной торжественностью, заставляетъ Вихорева сначала поклониться, что онъ ее точно любитъ, потомъ объявляетъ ему, что для доказательства своей любви она рѣшается сама просить отца... «Но еслибъ вы знали, чего это мнѣ стоитъ», — прибавляетъ она, и послѣдующая сцена вполне объясняетъ и оправдываетъ ея страхъ; возможный и понятный единственно только при самодурныхъ отношеніяхъ, на которыхъ основанъ весь семейный бытъ Русаковыхъ. Кажется, чего естественнѣе и легче для дочери — объявить свои желанія отцу, который ее вѣрно любитъ? Но Авдотья Максимовна, твердя о томъ, что отецъ ее любитъ, знаетъ однакоже, какого рода сцена можетъ быть слѣдствіемъ подобной откровенности съ отцомъ, и ея добрая, забитая натура заранѣе трепещетъ и страдаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, — и «какъ ты смѣешь?», и «я тебя растилъ и лелѣялъ», и «ты дура», и «вѣтъ тебѣ моего благословенія» — все это градомъ сыплется на бѣдную дѣвушку и доводитъ ее до того, что даже въ ея слабой и покорной душѣ вдругъ подымается кроткій протестъ, выражающійся невольнымъ, бессознательнымъ переломомъ прежняго чувства: отцовскій приказъ идти за Бородинку возбудилъ въ ней отвращеніе къ нему. «Мнѣ давеча было жаль Ваню, говоритъ она про Бородинку, — а теперь онъ мнѣ опостылѣлъ... опостылѣлъ». Но это уже крайняя степень реакціи, на которую она способна; далѣе этого она не можетъ идти въ своемъ сопротивленіи чужой волѣ — и падаетъ въ обморокъ. Тутъ происходитъ чувствительная сцена, въ которой Русаковъ умиляется и соглашается выдать дочь за Вихорева, но только — если тотъ возьметъ ее безъ денегъ. Обрадованная Авдотья Максимовна спѣшитъ въ церковь, чтобы на дорогѣ встрѣтить Вихорева и объявить отрадную новость; а Вихоревъ увозитъ ее... Изъ хода дѣла оказывается, что Вихоревъ увезъ Авдотью Максимовну насильно, и это обстоятельство представляется очень важнымъ для старика Русакова. Но для насъ оно не такъ важно, потому что мы видимъ въ комедіи сцену увезенной дѣвушки съ Вихоревымъ на постояломъ

дворѣ. Изъ этой сцены мы съ достовѣрностью можемъ заключить, что если Вихоревъ и насильно посадилъ Авдотью Максимовну въ коляску, то онъ сдѣлалъ это единственно по скорости времени, но что она и сама не могла бы устоять противъ Вихорева, если бы онъ сталъ ее уговаривать. И на постояломъ дворѣ она сначала спрашиваетъ: «Викторъ Аркадьичъ, голубчикъ! съ вами я въ огонь и въ воду готова, только пустите меня къ тятенькѣ... Что съ нимъ будетъ?» и пр. Но мольбы ея исчезаютъ предъ волею Вихорева. Сталъ онъ ее уговаривать, да приласкалъ немножко, и вотъ что она уже говоритъ ему: «ненаглядный ты мой! Радость, жизнь моя! Куда хочешь — съ тобой! *Никого я теперь не боюсь и никого мнѣ не жалко.* Такъ бы вотъ улетѣла съ тобой куда нибудь!» Вслѣдъ затѣмъ она опять вспоминаетъ объ отцѣ, и опять, разумѣется, безплодно. Ей, видите, страшно было рѣшиться уѣхать съ Вихоревымъ; но разъ попавши къ нему въ руки, она точно такъ же боится и отъ него уйти. Ни разу не проявилась въ ней сильная рѣшимость, свидѣтельствующая о самобытности характера. Кроткая жалоба, смиренная мольба—дальше этого она не смѣетъ идти. Когда Вихоревъ отталкиваетъ ее отъ себя, узнавши, что за ней денегъ не даютъ, она какъ будто возмущается нѣсколько и говоритъ: «не будетъ вамъ счастья, Викторъ Аркадьичъ, за то, что вы наругались надъ бѣдной дѣвушкой». Но тотчасъ же она сама пугается своихъ словъ и переходитъ къ смиренному тону, въ которомъ даже хочется предположить иронию, какъ она ни неумѣстна въ положеніи Авдотьи Максимовны. Доброта, лишенная всякой способности возмущаться зломъ, и тупая покорность судьбѣ — выражаются въ этихъ словахъ несчастной дѣвушки: «Богъ васъ накажетъ за меня, а я вамъ зла не желаю. Найдите себѣ жену богатую, да такую, чтобъ любила васъ такъ, какъ я; живите съ ней въ радости, а я дѣвушка простая, доживу какъ нибудь, скоротаю свой вѣкъ, въ четырехъ стѣнахъ сидя, проклинаячи свою жизнь». И эта гуманно-патетическая тирада обращена къ Вихореву! А Вихоревъ думаетъ: «чтожь, отчего и не пошлать, если шалости такъ дешево обходятся». А тутъ еще, въ заключеніе пьесы, Русаковъ, на радостяхъ, что урокъ не пропалъ даромъ для дочери и еще болѣе укрѣпилъ въ ней принципъ повинности старшимъ, — уплачиваетъ долгъ Вихорева въ гостинницѣ, гдѣ тотъ жилъ. Какъ видите, и тутъ сказывается самодурный обычай: на милость, дескать, нѣтъ образца; хочу — казню, хочу — милую... Никто мнѣ не указъ,—ни даже самыя правила справедливости.

Такъ вотъ каково положеніе и развитіе двухъ главныхъ лицъ комедіи: «Не въ свои сани не садись». Нравится оно вамъ? Хотѣли бы вы сами быть на мѣстѣ Авдотьи Максимовны? Или, можетъ

быть, вамъ было бы пріятно играть роль Русакова и довести кого нибудь изъ близкихъ вамъ до того положенія, въ какомъ представляется намъ дочь Максима Фодотыча? Если такъ, то, конечно, вы должны восхищаться патріархальностью, чистотою и счастьемъ того быта, который изображенъ Островскимъ въ этой комедіи. Но если нѣтъ, то и эта пьеса должна вамъ представляться сильнымъ протестомъ, захватившимъ самодурство въ такомъ его фазисѣ, въ которомъ оно можетъ еще обманывать многихъ нѣкоторыми чертами добродушія и разсудительности.

«Но,—могутъ сказать намъ,—несчастье, происшедшее въ семействѣ Русаковыхъ, есть не болѣе, какъ случай, совершенно выходящій изъ ряда обыкновенныхъ явленій ихъ жизни. До пріѣзда Вихорева, во всей семьѣ Русаковыхъ была тишь да гладь, да Божья благодать. Виною всего горя была зараза новыхъ понятій, привезенная съ Кузнецкаго моста сестрою Русакова—Ариною Фодотовной. Самъ Русаковъ говоритъ ей: «твое дѣло, порадуйся! Я ее въ страхѣ воспитывалъ да въ добродѣтели, она у меня, какъ голубка была чистая. Ты пріѣхала съ заразой-то своей. Только у тебя и разговору—то было, что глупости... всѣ рѣчи-то твои были такіа вздорныя. Вѣдь тебѣ нельзя пустить въ хорошую семью: ты ядъ и соблазнъ!» И дѣйствительно, во всей пьесѣ представляется очень ярко и послѣдовательно, какимъ образомъ этотъ ядъ мало по малу проникаетъ въ душу дѣвушки и нарушаетъ спокойствіе ея тихой жизни. А въ концѣ изображается опять, какъ живая сила простыхъ, патріархальныхъ отношеній беретъ верхъ надъ язвою современной полуобразованности, возвращаетъ заблудшую дочь въ родительскій домъ и торжествуетъ, въ лицѣ Бородкина, возстановляя ея естественныя права въ кругу всѣхъ, ей близкихъ. Такое значеніе, очевидно, хотѣлъ придать пьесѣ самъ авторъ, и на всѣхъ вообще она производитъ впечатлѣніе, не возстановляющее противъ стараго быта, а примиряющее съ нимъ».

На это мы должны сказать, что не знаемъ, что именно имѣлъ въ виду авторъ, задумывая свою пьесу, но видимъ въ самой пьесѣ такіа черты, которыя никакъ не могутъ послужить въ похвалу старому быту. Если эти черты не такъ ярки, чтобы бросаться въ глаза каждому, если впечатлѣніе пьесы раздвоится, — это доказываетъ только (какъ мы уже замѣчали въ первой статьѣ), что общія теоретическія убѣжденія автора, при созданіи пьесы, не находились въ совершенной гармоніи съ тѣмъ, что выработала его художническая натура изъ впечатлѣній дѣйствительной жизни. Но, смотря на художника не какъ на теоретика, а какъ на воспроизводителя явленій дѣйствительности, мы не придаемъ исключительной важности тому,

какимъ теоріямъ онъ слѣдуетъ. Главное дѣло въ томъ, чтобъ онъ былъ добросовѣстенъ и не искажалъ фактовъ жизни въ пользу своихъ воззрѣній: тогда истинный смыслъ фактовъ самъ собою выкажется въ произведеніи, хотя, разумѣется, и не съ такою яркостью, какъ въ томъ случаѣ, когда художнической работѣ помогаетъ и сила отвлеченной мысли. . Объ Островскомъ даже сами противники его говорятъ, что онъ всегда вѣрно рисуегъ картины дѣйствительной жизни; слѣдовательно мы можемъ даже оставить въ сторонѣ, какъ вопросъ частный и личный, — то, какія намѣренія имѣлъ авторъ при созданіи своей пьесы. Положимъ, что никакихъ не имѣлъ; а такъ, просто — поразилъ его случай, нерѣдко совершающійся въ «темномъ царствѣ», котораго изображеніемъ онъ занимается, — онъ взялъ да и записалъ этотъ случай. О смыслѣ его представляется судить публикѣ и критикѣ. Критика рѣшила, что смыслъ пьесы — указаніе вреда полуобразованности и восхваленіе коренныхъ началъ русскаго быта. По нашему мнѣнію, это отчасти невѣрно, отчасти недостаточно. Настоящій же смыслъ пьесы вотъ въ чемъ.

Русаковъ есть лучший представитель старыхъ началъ жизни, началъ самодурныхъ. По натурѣ своей онъ добръ и честенъ, его мысли и дѣла направлены ко благу; оттого въ семьѣ его мы не видимъ тѣхъ ужасовъ угнетенія, какіе встрѣчаемъ въ другихъ самодурныхъ семействахъ, изображенныхъ самимъ же Островскимъ. Но это явленіе совершенно случайное, исключительное: въ сущности тѣхъ началъ, на которыхъ основанъ бытъ Русаковыхъ, нѣтъ никакихъ гарантій благосостоянія. Напротивъ, уничтожая права личности, ставя страхъ и покорность основою воспитанія и нравственности, эти начала только и могутъ обуславливать собою произволь, угнетеніе и обманъ. Русаковъ — случайное исключеніе, и за то первый ничтожный случай разрушаетъ все добро, которое въ его семьѣ было слѣдствіемъ его личныхъ достоинствъ. Онъ полагаетъ, что все зло произошло отъ наущеній Арины Федотовны; но вѣдь это онъ только сваливаетъ съ большой головы на здоровую. Тутъ опять тотъ же силлогизмъ, который не такъ давно приводился противниками грамотности. «Грамотные мужики — кляузники и плуты; они обманываютъ неграмотныхъ; слѣдовательно ненужно учить мужиковъ грамотѣ.» Въ правильномъ своемъ видѣ этотъ силлогизмъ долженъ имѣть слѣдующій видъ: «неграмотные мужики обманываются грамотными; слѣдовательно надо всѣмъ мужикамъ дать средства учиться, чтобы оградить ихъ отъ обмана.» Такъ и здѣсь: Арина Федотовна соблазнила и надула дочь Русакова; что изъ этого? То, что надо было дѣвушкамъ дать средства оградить себя отъ соблазна. Надо было ей самой — и жизнь раскрывать, и людей показывать, и приу-

чать ее къ самостоятельности мнѣній и поступковъ: дѣвушка развитая и привыкшая къ обществу — не подалась бы пошлой Ариной Федотовнѣ и не плѣвилась бы пустоголовымъ Вихоревымъ. Но дать ей настоящее, человѣческое развитіе значило бы признать права ея личности, отказаться отъ самодурныхъ правъ, итти наперекоръ всѣмъ преданіямъ, по которымъ сложился бытъ «темнаго царства»: этого Русаковъ не хогѣлъ и не могъ сдѣлать. Онъ остановился на данной точкѣ и все, что изъ нея выходитъ, обсуждаетъ довольно правильно: онъ очень вѣрно замѣчаетъ, что дочь его не трудно обмануть, что разговоры Арины Федотовны могутъ быть для нея вредны, что невоспитанной купчихѣ не сладко выходить за барина, и проч. Но во всѣхъ его сужденіяхъ замѣтенъ тотъ неразумный, тупой консерватизмъ, который составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ упрямаго самодурства. Онъ остановился на томъ положеніи дѣлъ, которое уже существуетъ, и не хочетъ допустить даже мысли о томъ, что это положеніе можетъ или должно измѣниться. Онъ сознаетъ, что дочь его невоспитана и собственно потому не годится въ барыни; но онъ не выражаетъ ни малѣйшаго сожалѣнія о томъ, что не воспиталъ ее. По его понятіямъ ужъ это такъ и должно быть: купчиха, — такъ купчиха, а барыня — такъ ужъ та съ тѣмъ и родится, чтобъ быть барыней. Онъ сознаетъ и то, что его дочь не умѣетъ различать людей и потому плѣняется дряннымъ вертопрахомъ Вихоревымъ. Но это не наводитъ его на мысль, что надобно было бы хогѣ нѣсколько приучить ее имѣть собственныя сужденія о вещахъ. Напротивъ, — по его убѣжденію то-то и хорошо, что она всякаго любить будетъ, кто ни попадись. Право выбирать людей по своему вкусу, любить однихъ и не любить другихъ — можетъ принадлежать, во всей своей обширности, только ему, Русакову, всѣ же остальные должны украшаться кротостью и покорностию: таковъ ужъ уставъ самодурства....

За это самодурство отца дѣвочка и должна поплатиться всѣмъ, что могло бы доставить ей истинно-счастливую, сознательную, свѣтлую будущность. Общій взглядъ Максима Федотыча на жизнь не могъ не отразиться, наперекоръ его любви, и на развитіи дочери. Онъ умѣлъ уберечь ее отъ всего, что даетъ человѣку средства беречь самаго себя, и оттого-то онъ такъ плохо уберегъ ее. Кажется, чего бы лучше: воспитана дѣвушка «въ страхѣ да въ добродѣтели», по словамъ Русакова, дурныхъ книгъ не читала, людей почти вовсе не видѣла, выходъ имѣла только въ церковь Божию, вольнодумныхъ мыслей о непочтеніи къ старшимъ и о правахъ сердца — не могла ни откуда набратъся, отъ претензій на личную самостоятельность была далека, какъ отъ мысли — поступить въ военную службу....

Чего бы, кажется, лучше? Жила бы себѣ, спокойно и ровно, по плану, разъ навсегда начертанному Русаковымъ, и ничто бы, кажется, не должно было увлечь и совращать съ праваго пути это совершенное, кроткое созданіе, эту голубку безответную. Но шатко, мимолетно и ничтожно все, чему нѣтъ основанія и поддержки внутри человѣка, въ его разсудкѣ и сознательной рѣшимости. Только тѣ семейныя и общественныя отношенія и могутъ быть крѣпки, которыя вытекаютъ изъ внутренняго убѣжденія и оправдываются добровольнымъ, разумнымъ согласіемъ всѣхъ, въ нихъ участвующихъ. Самодурство, даже въ лицѣ лучшихъ его представителей, подобныхъ Русакову, не признаетъ этого—и за то терпитъ жестокія пораженія отъ первой случайности, отъ первой ничтожной интрижки, даже просто шалости, неизмѣющей опредѣленнаго смысла. Что могло быть ничтожнѣе и бессмысленнѣе разсужденій Арппы Федотовны? Что могло представиться пошлѣе и нелѣпѣе Вихорева Авдотѣ Максимовнѣ? И однако же эти двѣ пошлости разстраиваютъ всю гармонию семейнаго быта Русаковыхъ, заставляютъ отца проклинать дочь, дочь — уйти отъ отца, и затѣмъ ставятъ несчастную дѣвушку въ такое положеніе, за которымъ, по мнѣнію самого Русакова, слѣдуетъ не только для нея самой горе и безчестье на всю жизнь, но и общій позоръ для цѣлой семьи. И въ самодурномъ бытѣ, съ его патриархальными обычаями, не находится въ этомъ случаѣ даже силы примиренія, потому что здѣсь нарушена не только формальность цѣломудрія, но и принципъ повинности... Для возстановленія правъ невинной, но опозоренной дѣвушки нужна великодушная выходка Бородкина, совершенно исключительная и несообразная съ нравами этой среды, которой неразвитость и самодурство обуславливаютъ — какъ чрезвычайную легкость проступка Авдотьи Максимовны, такъ и невозможность примиренія.

Такимъ образомъ, —мы можемъ повторить наше заключеніе: комедію «Не въ свои сани не садись,» Островскій, —намѣренно или не намѣренно, или даже противъ воли, — показалъ намъ, — что пока существуютъ самодурныя условія въ самой основѣ жизни, до тѣхъ поръ самыя добрыя и благородныя личности ничего хорошаго не въ состояніи сдѣлать, до тѣхъ поръ благосостояніе семейства и даже цѣлаго общества — непрочно и ничѣмъ не обезпечено даже отъ самыхъ пустыхъ случайностей. Изъ анализа характера и отношеній Русакова, мы вывели эту истину въ приложеніи къ тому случаю, когда порядочная натура находится въ положеніи самодура и отуманивается своими правами. Въ другихъ комедіяхъ Островскаго мы находимъ еще болѣе сильное указаніе той же истины, въ приложеніи

къ другой половинѣ «темнаго царства,» — половинѣ зависимой и угнетенной.

IV.

«Это все больше отъ необузданности, а то и отъ глупости.»

Островскій.

Въ горькой долѣ дочери Русакова мы видимъ много неразумнаго; но тамъ впечатлѣніе смягчается тѣмъ, что угнетеніе все-таки не столь грубо тяготѣетъ надъ ней. Гораздо болѣе нелѣпаго и дикаго представляютъ намъ въ судьбѣ своей угнетенныя личности, изображенныя въ комедіи «Бѣдность не порокъ».

«Бѣдность не порокъ» намъ очень ясно представляетъ, какъ честная, но слабая натура гложетъ и погибаетъ подъ безсмысліемъ самодурства. Гордѣй Карпычъ Торцовъ, отецъ Любви Гордѣевны, братъ Любима Торцова и хозяинъ Мити, — есть уже самодуръ въ полномъ смыслѣ. Онъ и крутъ, и гордъ, и разсудка не имѣетъ, по отзыву жены его Палагеи Егоровны. Цѣлый домъ дрожитъ передъ нимъ. Особенно грозенъ сдѣлался онъ съ тѣхъ поръ, какъ подружился съ Африканомъ Савичемъ Коршуновымъ и сталъ «перенимать новую моду». На этой дружбѣ и пристрастіи Гордѣя Карпыча къ новой модѣ и основана завязка комедіи. Читатель помнитъ, конечно, что Торцовъ хочетъ выдать за Африкана Савича дочь свою, которая любитъ прикащика Митю, и сама имъ любима.... На этомъ основаніи критика предположила, что «Бѣдность не порокъ» — написана Островскимъ съ той цѣлью, чтобы показать, какія вредныя послѣдствія производить въ купеческой семьѣ отступленіе отъ старыхъ обычаевъ и увлеченіе новой модой.... За это съ одной стороны неумѣренно превозносили Островскаго, съ другой безпощадно бранили. Мы не станемъ спорить ни съ тѣми, ни съ другими критиками и не станемъ разбирать справедливости ихъ предположенія. Положимъ даже, что у Островскаго дѣйствительно была та мысль, какую ему приписывали: насъ это мало теперь занимаетъ. Для насъ гораздо интереснѣе то, что въ Гордѣѣ Торцовѣ является намъ новый оттѣнокъ, новый видъ самодурства: здѣсь мы видимъ, какимъ образомъ воспринимается самодуромъ образованность, т. е. тѣ случайныя и ничтожныя формы ея, которыя единственно и доступны его разумѣнію. Объ этомъ мы и поговоримъ теперь.

Самодурство и образованіе — вещи, сами по себѣ противоположныя, и потому столкновеніе между ними, очевидно, долж-

но кончиться подчиненіемъ одного другому: или самодуръ проникнется началами образованности, и тогда перестанетъ быть самодуромъ, или онъ образованіе сдѣлаетъ слугою своей прихоти, при чемъ, разумѣется, останется прежнимъ невѣждою. Последнее произошло съ Гордѣемъ Карпычемъ, какъ бываетъ почти со всѣми самодурами. Онъ никакъ не предполагаетъ, что первый шагъ къ образованности дѣлается подчиненіемъ своего произвола требованіямъ разсудка и уваженіемъ тѣхъ же требованій въ другихъ. Ему, напротивъ, кажется, что всякая образованность, всякая логика существуетъ только за тѣмъ, чтобы служить къ совершеннѣйшему исполненію его прихотей. Оттого онъ и понимаетъ только грубо-материальную, чисто-внѣшнюю сторону образованія. «Что они, говорить, пьютъ-то по необразованію своему! Наливки тамъ, вишневки разныя — а не понимаютъ того, что на это есть шампанское!» «А за столомъ-то какое невѣжество: молодецъ въ поддевкѣ прислуживаетъ, либо дѣвка!» «Я, говорить, въ здѣшнемъ городѣ только и вижу невѣжество да необразованіе; для того и хочу въ Москву переѣхать, и буду тамъ *моду всякую подражать*». Находя, что въ этомъ-то подражаніи и состоитъ образованность, онъ пристаётъ къ женѣ, чтобы та на старости лѣтъ надѣла чепчикъ вмѣсто головки, задавала модныя печера съ музыкантами, отстала отъ всѣхъ своихъ старыхъ привычекъ. Но онъ не видитъ никакой надобности измѣнить свои отношенія къ домашнимъ, дать здравому смыслу хоть какое нибудь участіе въ своемъ семейномъ бытѣ. Требовательность Гордѣя Карпыча стала больше, а простора для дѣятельности всѣхъ окружающихъ онъ не даетъ попрежнему. Жена жалуется, что съ нимъ «нельзя сговорить, при его крутомъ-то характерѣ,» особенно послѣ того, какъ *перенялъ* эту образованность. «То все-таки разсудокъ имѣлъ, — говорить про него Палагея Егоровна, — а тутъ ужъ совсѣмъ у него помутилось....» Даже о судьбѣ дочери жена не смѣетъ ничего сказать ему: «смотреть звѣремъ, ни словечка не скажетъ, — точно я и не мать.... Да, право.... ничего я ему сказать не смѣю; развѣ съ кѣмъ поговоришь съ постороннимъ про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего....» Отношенія Гордѣя Карпыча ко всѣмъ домашнимъ тоже грубы и притѣснительны въ высшей степени. Отъ дочери онъ только и требуетъ, чтобы изъ его воли не смѣла выходить. На просьбу ея — не выдавать ее за Коршунова, онъ отвѣчаетъ: «ты, дура, сама не понимаешь своего счастья.... Одно дѣло — ты будешь жить на виду, а не въ такой глуши; *а другое дѣло — я такъ приказываю*». И дочь отвѣчаетъ: «я приказу твоего не смѣю послушаться». Прикащика Митю Гордѣй Карпычъ ругаетъ безцеремонно и совершенно напрасно. Узнавши, что

онъ посылаетъ матери деньги, Торцовъ замѣчаетъ: «себя-то бы образилъ прежде: матери-то не Богъ-знаетъ-что нужно, не въ роскоши воспитана; сама, чай, хлѣвы затворяла...» Въ глазахъ Гордѣя Карпыча это большое преступленіе: матери деньги посылаетъ человѣкъ, а себѣ сюртука новаго не сошьетъ!... А между тѣмъ Торцовъ и не думаетъ прибавить жалованья усердному прикащику, на что даже самый кроткій Митя жалуется: «жалованье маленькое отъ Гордѣя Карпыча, все обидно да брань, да все бѣдностью попрекаетъ точно я виноватъ... а жалованья не прибавляетъ»... Вообще—грубость и необузданность безпрестанно и очень сильно проявляются въ Гордѣй Карпычѣ. Входя въ комнату прикащиковъ, которые поютъ пѣсню, онъ кричитъ: «что распѣлисы! Горланять, точно мужичье!»... и начинаеть ругаться... Во второмъ актѣ, когда Палагея Егоровна устроила вечеринку и позвала рженихъ, вдругъ вбѣгаетъ Арина, говорить: «самъ пріѣхалъ»,—и всѣ присутствующіе встаютъ въ перепугъ. Гордѣй Карпычъ входитъ и дѣйствительно—здоровается съ женой и гостями слѣдующимъ привѣтствіемъ: «Это что за сволочь! Воцѣ!... Жена, принимай гостя!».. Гость этотъ—Африканъ Савичъ, и онъ-то ужъ сдерживаетъ нѣсколько порывы гнѣва Гордѣя Карпыча... Ясно, что даже та виѣшность образованія, которая выражается въ манерахъ и приличіяхъ, не далась Гордѣю Карпычу. Онъ могъ надѣть новый костюмъ, завести новую *небель*, пристраститься къ шеппанскому; по въ своей личности, въ характерѣ, даже во виѣшной манерѣ обращенія съ людьми — онъ не хотѣлъ ничего измѣнить и остался вѣренъ своей самодурной натурѣ. Во всякомъ другомъ образованіи возбуждаетъ симпатическія стремленія, смягчаетъ характеръ, развиваетъ уваженіе къ началамъ справедливости и т. д. Но въ самодурѣ само просвѣщеніе, сама логика, сама добродѣтель — принимаетъ свой, дикій и безобразный, видъ. Отправляясь отъ той точки, что его произволь долженъ быть закономъ для всѣхъ и для всего, самодуръ радъ воспользоваться тѣмъ, что просвѣщеніе приготовило для удобствъ человѣка, радъ требовать отъ другихъ, чтобъ его воля выполнялась лучше, сообразно съ успѣхами разныхъ знаній, съ введеніемъ новыхъ изобрѣтеній и пр. Но только на этомъ онъ и остановится. Не ждите, чтобъ онъ самъ на себя наложилъ какія нибудь ограниченія, вслѣдствіе сознанія новыхъ требованій образованности; не думайте даже, чтобъ онъ могъ проникнуться серьезнымъ уваженіемъ къ законамъ разума и къ выводамъ науки: это вовсе не сообразно съ натурою самодурства. Нѣтъ, онъ постоянно будетъ смотрѣть свысока на людей мысли и знанія, какъ на чернорабочихъ, обязанныхъ готовить матеріалъ для удобствъ его производа, и никогда не дойдетъ до сознанія

обязанностей, полагаемыхъ на него тѣми же успѣхами образованности. Иначе и не можетъ онъ поступать, не переставая быть самодуромъ, такъ какъ первое требованіе образованности въ томъ именно и состоитъ, чтобы отказать отъ самодурства. А отказать отъ самодурства для какого нибудь Гордѣя Карпыча Торцова, значитъ—обратиться въ полное ничтожество. И вотъ онъ тѣшится надъ всѣми окружающими: колетъ имъ глаза ихъ невѣжествомъ и преслѣдуетъ за всякое обнаруженіе ими знанія и здраваго смысла. Онъ узналъ, что образованныя дѣвушки хорошо говорятъ, и упрекаетъ дочь, что та говоритъ не умѣетъ; но чуть она заговорила, кричитъ: «молчи, дура!» Увидѣлъ онъ, что образованные прикащики хорошо одѣваются, и сердится на Митю, что у того сюртукъ плохъ; но жалованьишко продолжаетъ давать ему самое ничтожное... Таковъ онъ и во всей своей жизни, — и въ раскрытіи этого—то отношенія самодурства къ образованности заключается для насъ главный интересъ лица Гордѣя Карпыча. Мы вовсе не понимаемъ, какимъ образомъ нѣкоторые критики могли вывести, что въ этомъ лицѣ и вообще въ комедіи «Бѣдность не порокъ» Островскій хотѣлъ показать вредное дѣйствіе новыхъ понятій на старый русскій бытъ... Изъ всей комедіи ясно, что Гордѣй Карпычъ сталъ такимъ грубымъ, страшнымъ и недѣльнымъ—не съ тѣхъ поръ только, какъ съѣздивъ въ Москву и перенялъ новую моду. Онъ и прежде былъ въ сущности такой же самодуръ; теперь только прибавилось у него нѣсколько новыхъ требованій....

Подъ вліяніемъ такого человѣка и такихъ отношеній развиваются кроткія натуры Любви Гордѣевны и Мити, представляющія собою образецъ того, до чего можетъ доходить обезличеніе и до какой совершенной неспособности къ самобытной дѣятельности доводитъ угнетеніе даже самую сампатичную, самоотверженную натуру. Митя способенъ къ жертвамъ: онъ самъ терпитъ нужду, чтобы только помогать своей матери; онъ сноситъ всѣ грубости Гордѣя Карпыча и не хочетъ отходить отъ него, изъ любви къ его дочери; онъ, несмотря на гнѣвъ хозяина, пригрѣваетъ въ своей комнатѣ Любима Торцова и даетъ ему даже денегъ на похмѣлье. Словомъ, у Мити такъ много самоотверженія, что, кажется, ему всякія жертвы, всякія опасности должны быть нипочемъ... Не меньшей добротой отличается и Любовь Гордѣевна. А ужъ какъ она любитъ Митю, — этого и сказать нельзя: кажется, душу бы за него отдала съ радостью... Будь это люди нормальные, съ свободной волей и хоть съ нѣкоторой энергіей, — ничто не могло бы разлучить ихъ или, по крайней мѣрѣ, разлука эта не обошлась бы безъ тяжелой и страшной борьбы. Но посмотрите, какъ разыгрывается вся исторія

въ семействѣ Торцова. При самомъ объясненіи въ любви, собираясь просить благословенія у отца, Любовь Гордѣевна говоритъ Митѣ: «а ну, какъ тятенька не захочетъ нашего счастья, — что тогда?» Митя отвѣчаетъ: «что загадывать впередъ? Тамъ — какъ Богъ дастъ. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ безъ тебя жизнь не въ жизнь». Любочка ничего не находитъ отвѣтить на эти слова. Какъ ясно рисуется здѣсь безсиліе и забитость молодыхъ людей! Они боятся даже подумать о какомъ нибудь самостоятельномъ шагѣ, стараются прогнать отъ себя даже мысль о предстоящихъ препятствіяхъ. Она съ ужасомъ говоритъ: «что будетъ, если тятенька не согласится?» — а онъ, вмѣсто отвѣта: «какъ Богъ дастъ!...» Ясно, что они не въ состояніи исполнить своихъ намѣреній, если встрѣтятся хоть малѣйшее препятствіе. И дѣйствительно, — въ этотъ самый вечеръ является Гордѣй Карпычъ съ Коршуновымъ, приказываетъ дочери ласкать и цаловать его, и объявляетъ, что это ея женихъ. Палагея Егоровна приходитъ въ ужасъ и въ какомъ-то бессознательномъ порывѣ кричитъ, схватывая дочь за руки: «моя дочь, не отдамъ! батюшка, Гордѣй Карпычъ, не шути надъ материнскимъ сердцемъ! перестань... истомилъ всю душу». Но Гордѣй Карпычъ грозно вопіетъ: «жена! ты меня знаешь: у меня сказано — сдѣлано,» — и жена умолкаетъ. Начинаетъ теперь дочь свою оппозицію. Начинаетъ она тѣмъ, что падаетъ отцу въ ноги и говоритъ: «тятенька! я приказа твоего не смѣю послушаться... Тятенька не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь! Передумай, тятенька! Что хочешь, меня заставь, только не принуждай ты меня противъ сердца замужъ идти за немилаго.» Кончается же оппозиція тѣмъ, что на суровый отказъ отца, невѣста отвѣчаетъ: «воля твоя батюшка,» кланяется и отходитъ къ матери, а Коршуновъ велитъ дѣвушкамъ пѣть свадебную пѣсню... Борьба оказалась не очень упорною и продолжительною; но даже и такое проявленіе личныхъ своихъ желаній очень много значитъ въ Любови Гордѣевнѣ. Только крайность огорченія, только тяжелая душевная мука могла заставить ее раскрыть ротъ для произнесенія словъ, несогласныхъ съ волею родителя. Но и тутъ — какія слова: «передумай!» «не захоти!» Какое жалкое положеніе: не имѣть даже ни малѣйшаго помышленія о возможности сдѣлать что нибудь самому, полагать всю надежду на чужое рѣшеніе, на чужую милость, въ то время, какъ намъ грозитъ кровная бѣда!... Каково должно быть извращеніе человѣческой природы въ этомъ ужасномъ семействѣ, когда даже чувство самосохраненія принимаетъ здѣсь столь рабскую форму!...

Третій актъ комедіи открывается тѣмъ, что воля Гордѣя Карпыча совершилась: гости пируютъ на помолвкѣ его дочери съ Африканомъ

Савичемъ. Старая служанка Арина ругаетъ жениха и тоскуетъ объ участи невѣсты; Палагея Егоровна жалуется на свое горе, что дочка у ней погибаетъ; Митя приходитъ прощаться: онъ рѣшился уѣхать къ матери отъ своей напасти. Слезы и жалобы Палагеи Егоровны выводятъ его, однако, изъ себя, и онъ начинаетъ ей колоть глаза ея трусостью и безсиліемъ. «Не на кого, говоритъ, вамъ плакаться: сами отдаете. Чѣмъ плакать—то, не отдавали бы лучше. За что дѣвичій вѣкъ заѣдаете, въ кабалу отдаете? Нешто это не грѣхъ?» и пр. У Палагеи Егоровны одинъ отвѣтъ: «знаю я все, да не моя воля; а ты бы, Митя, лучше пожагѣлъ меня.» Тутъ Митя приходитъ въ умиленіе и рассказываетъ ей про свою любовь, а она замѣчаетъ: «ахъ ты сердечный! Экой ты горькій паренекъ—то, какъ я на тебя посмотрю!»... Она сожалѣетъ объ его горѣ, какъ о такомъ, котораго никакими человѣческими средствами отвратить ужь невозможно, — какъ будто бы она услышала, на примѣръ о томъ, что Митя себѣ руки обрубилъ, или—что мать его умерла.... Но вотъ и сама Любовь Гордѣевна приходитъ; у Мити расхлосилось сердце до того, что онъ предлагаетъ Палагеѣ Егоровнѣ снарядить дочку потеплѣе къ вечеру, а онъ ее увезетъ къ своей матушкѣ, да тамъ и повѣнчается. Рѣшеніе это очень смѣло, но оно не составляетъ обдуманнаго, серьезнаго плана, и ему суждено погибнуть такъ же скоро, какъ оно зародилось. Самъ Митя характеризуетъ свой порывъ такою фразой: «Эхъ, дайте душѣ просторъ — разгуляться хочеть! По крайности, коли придется и въ отвѣтъ идти, такъ ужь за то буду знать, что потѣшился.» Итакъ, это отчаянная, безумная вспышка, къ какимъ бываютъ въ нѣкоторыхъ мгновенія способны самые робкіе люди. Но у Мити нѣтъ силы поддержать свое требованіе, и, встрѣтивъ отказъ отъ матери и отъ дочери, онъ довольно скоро и самъ отказывается отъ своего намѣренія, говоря: «ну, знать не судьба.» А Любовь Гордѣевна — та ужь вовсе убита, такъ что не можетъ допустить даже и мысли о согласіи на предложеніе Мити.... И не мудрено: она вѣдь гораздо ближе къ Гордѣю Карпычу, гораздо болѣе подвергалась вліянію его самодурства, нежели Митя. Оттого она безропотно рѣшается на всякія муки, только чтобъ не выступить изъ отцовскаго приказа. «Нѣтъ, Митя, не бывать этому, — говоритъ она: — не томи себя понапрасну, не надрывай мою душу.... И такъ мое сердце все изныло во мнѣ.... Поѣзжай съ Богомъ.» И Митя отходитъ, зная, что «Любови Гордѣевнѣ за Коршуновымъ не иначе, какъ погибать надобно»; и она это знаетъ, и мать знаетъ, — и всѣ тоскливо и туло покоряются своей судьбѣ.... До такой степени гнетъ самодурства исказилъ въ нихъ человѣческій образъ, заглушилъ всякое самобытное чувство, отнялъ всякую способность къ защитѣ самыхъ священнѣхъ правъ своихъ,

правъ на неприкосновенность чувства, на независимость сердечныхъ влеченій, на наслажденіе взаимной любовью!...

И вѣдь если бы еще въ самомъ дѣлѣ сила неодолимая, натура высшаго разряда тяготѣла надъ этими несчастными! А то вовсе вѣтъ!... Гордѣй Карпычъ не только крайне ограниченъ въ своихъ понятіяхъ, но еще и трусливъ и слабодушенъ. Это опять—таки—неотъемлемое, неизбѣжное свойство самодурства. Самодуръ дуритъ, ломается, артачится, пока не встрѣчается себѣ противодѣйствія, или пока противодѣйствіе робко и нерѣшительно.... Но у него вѣтъ такой точки опоры, которая могла поддержать его въ серьезной и продолжительной борьбѣ. Онъ требуетъ и приказываетъ, но самъ хорошенько не понимаетъ — ни настоящаго смысла своихъ приказаній, ни того, на чемъ они основаны.... Кроме того, въ немъ есть всегда неопредѣленный, смутный страхъ за свои права: онъ чувствуетъ, что многихъ своихъ претензій не можетъ оправдать никакимъ правомъ, никакимъ общимъ закономъ.... Боясь, чтобы другіе этого не примѣтили, онъ употребляетъ обыкновенную мѣру — запугиванье. Извѣстно, какъ скрывается подъ этой мѣрою всякая ничтожность, фальшь, нечистота, словомъ—всесоотвѣтственность всякаго рода. Учитель, не довольный свѣдущій, старается быть строже съ учениками, чтобы тѣ его не спрашивали ни о чемъ. Начальникъ, не понимающій дѣла или нечистый на руку, старается напустить на себя важность, чтобы подчиненные не дерзали слишкомъ смѣло судить о немъ. Баринъ, не имѣющій никакого дѣйствительнаго достоинства, старается взять суровостью и грубостью предъ лакеемъ.... Благодаря общей апатіи и добродушію людей, такое поведеніе почти всегда удается: иной и хотѣлъ бы спросить отчета, — какъ и почему? — у начальника или учителя, да видитъ, что къ тому приступу нѣтъ, такъ и махнеть рукой.... «Э, — скажетъ, — ну его! Еще обругаетъ ни за что, ни про что!» И вслѣдствіе такого разсужденія, наглая, самодурная глупость и безчестность продолжаетъ безмятежно пользоваться всѣми выгодами своей наглости и всѣми знаками видимаго почета отъ окружающихъ. Всеобщая потачка возвышаетъ гордость самодура и даже дѣйствительно придаетъ ему силы. Она вознаграждаетъ для него отсутствіе сознанія о своемъ внутреннемъ достоинствѣ. Такъ господинъ, вывозящій мусоръ изъ города, могъ бы, несмотря на совершенную безцѣнность этого предмета, заломить за него непомѣрные деньги, если бы увидѣлъ, что всѣ окрестные жители, по непонятной иллюзіи, придаютъ ему какую-то особенную цѣну.... Но только на подобной иллюзіи и держится значеніе самодура. Только покажись гдѣ нибудь сильный и рѣшительный отпоръ, — сила самодура падаетъ, онъ начинаетъ трусить и теряться. На

первый разъ еще у него станеть храбрости и упрямства, и это объясняется даже просто привычкой: привыкши встрѣчать безмольное повиновеніе, онъ съ перваго раза и повѣрить не хочетъ, чтобы могло явиться серьезное противодѣйствіе его волѣ. Вслѣдствіе того, считая сначала за слѣдствіе недоразумѣнія всякій голосъ, имѣющій хоть тѣнь намѣренія ограничить его самовольство, онъ раздражается взрывомъ бѣшенства, пытается запугать еще больше, чѣмъ прежде пугаль, и этимъ средствомъ по большей части успѣваетъ смирить или заглушить всякое недовольство. Но чуть только онъ увидить, что его сознательно не боится, что съ нимъ идутъ на споръ рѣшительный, что вопросъ ставится прямо: «погибну, но не уступлю»,—онъ немедленно отступаетъ, смягчается, умолкаетъ и переносить свой гнѣвъ на другіе предметы, или на другихъ людей, которые виноваты только тѣмъ, что они послабѣе... Всякій, кто учился, служилъ, занимался частными комиссіями, вообще имѣлъ дѣла съ людьми,—натѣкался, вѣроятно, не разъ въ жизни на подобнаго самодура, и можетъ засвидѣтельствовать практическую справедливость нашихъ словъ. Бойтесь сказать *мимоходомъ* слово вопреки сердитому и безтолковому начальнику: васъ ждетъ потокъ бранныхъ словъ и угрожающихъ жестовъ, крайне оскорбительныхъ. Малъ того, — васъ и впослѣдствіи будетъ преслѣдовать неблагоприятное мнѣніе начальника: вы либераль, вы непочтительны къ начальству, голова ваша набита фанаберіей... Но если вы хотите служить и вести дѣла честно, не бойтесь вступать въ серьезный, рѣшительный споръ съ самодурами. Изъ ста случаевъ въ девяносто-девяти вы возьмете верхъ. Только рѣшитесь заранѣе: что вы на полусловѣ не остановитесь и пойдете до конца, хотя бы оттого угрожала вамъ дѣйствительная опасность — потерять мѣсто или лишиться какихъ нибудь милостей. Первая ваша попытка заикнуться о вашемъ мнѣніи будетъ предупреждена возвышеніемъ голоса самодура; но вы все-таки возражайте. Возраженіе ваше встрѣчено будетъ бранью или выговоромъ, болѣе или менѣе неприличными, смотря по важности и по привычкамъ лица, къ которому вы обращаетесь. Но вы не смущайтесь: возвышайте вашъ голосъ наравнѣ съ голосомъ самодура, усиливайте ваши выраженія соразмѣрно съ его рѣчью, принимайте болѣе и болѣе рѣшительный тонъ, смотря по степени его раздраженія. Если разговоръ прекратился, возобновляйте его на другой и на третій день, не возвращаясь назадъ, а начиная съ того, на чемъ остановились вчера,—и будьте увѣрены, что ваше дѣло будетъ выиграно. Самодуръ возненавидитъ васъ, но еще болѣе испугается. Онъ радъ будетъ прогнать и погубить васъ; но, зная, что съ вами много хлопотъ, самъ постарается избѣжать новыхъ столкновеній и

сдѣляется даже очень уступчивъ: во-первыхъ у него нѣтъ внутреннихъ силъ для ровной борьбы на чистоту, во-вторыхъ онъ вообще не привыкъ къ какой бы то ни было послѣдовательной и продолжительной работѣ, а бороться съ человѣкомъ, который смѣло и неотступно пристаеъ къ вамъ, — это таже работа немалая...

Итакъ, Гордѣй Карпычъ, въ качествѣ самодура, очень слабоушенъ и вовсе не имѣетъ выдержки въ своемъ характерѣ. Всѣ качества дѣйствительно-сильной природы замѣняются у него необузданнымъ произволомъ да тупоумнымъ упрямствомъ. Вотъ чѣмъ объясняется и оправдывается видимая неожиданность развязки, которую далъ Островскій комедіи «Бѣдность не порокъ». При появленіи этой комедіи всѣ критики возстали на автора за произвольность развязки. Внезапная перемена Гордѣя Карпыча, его ссора съ Африканомъ Савичемъ и вниманіе къ требованіямъ Любима Торцова показались всѣмъ неестественными. Да тутъ же еще, кстатн, хотѣли видѣть со стороны автора навязыванье какого-то великодушія Торцову и какъ будто искусственное облагороживанье его личности. Теперь, кажется, не нужно доказывать, что такихъ намѣреній не было у Островскаго: характеръ его литературной дѣятельности опредѣлился, и въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ произведеній онъ самъ произнесъ то слово, которое, по нашему мнѣнію, всего лучше можетъ служить въ характеристикѣ направленія его сатиры. Преслѣдованіе самодурства во всѣхъ его видахъ, осмѣиванье его въ послѣднихъ его убѣжищахъ, даже тамъ, гдѣ оно принимаетъ личину благородства и великодушія, — вотъ, по нашему убѣжденію, настоящее дѣло, на которое постоянно устремляется талантъ Островскаго, даже совершенно независимо отъ его временныхъ воззрѣній и теоретическихъ убѣжденій. Въ трехъ комедіяхъ его изображаются порывы великодушія у самодуровъ, и каждый разъ они являются глупыми, ненужными или обидными. Въ «Не своихъ саняхъ» Русаковъ, разжалобившись надъ дочерью, тоже великодушно измѣняетъ свое рѣшеніе и соглашается выдать ее за Вихорева. Спрашивается: за чѣмъ? съ какой стати? Вѣдь онъ, повидимому, вполне убѣжденъ, что замужство съ Вихоревымъ составитъ гибель его дочери. За нѣсколько минутъ ранѣе онъ даже доказываетъ это довольно резонно; за нѣсколько минутъ онъ выказываетъ свою твердость, угрожая лишитъ дочь своего благословенія въ случаѣ непослушанія. А тутъ вдругъ великодушная уступка! Чѣмъ она вызвана? Отчасти добротою сердца и отцовскою любовью; но всего болѣе совершеннымъ отсутствіемъ прочныхъ основъ для принятаго имъ прежде рѣшенія. Человѣкъ знающій, что онъ дѣлаетъ и любящій свое дѣло, не отстанетъ отъ него по минутному

капризу. Тотъ же Русаковъ не рѣшится сбрить себѣ бороду или надѣть фракъ, какъ бы его дочь ни убивались изъ-за этого. А относительно судьбы дочери у него нѣтъ въ головѣ даже такихъ прочно сложившихся и вполне определенныхъ убѣждений, какъ насчетъ бороды и фрака. Оттого-то и возможно для него въ рѣшеніи о ней такое легкомысліе, которое въ глазахъ нѣкоторыхъ представляется даже умилительнымъ великодушіемъ, такъ же какъ и уплата долга за Вихорева!...

Того же неразумностью отличается и великодушіе Торцова. Онъ души не чае въ своемъ будущемъ зятѣ, Африканѣ Савичѣ. «Можешь ли ты меня теперь понимать?» спрашиваетъ онъ, и ничего, кажется, не желаетъ болѣе, какъ только того, чтобы зятюшка его понялъ. Чтобы угодить ему и скрѣпить свою дружбу съ нимъ, Торцовъ жертвуетъ дочерью, пресираетъ ея мольбы и слезы матери, даже самъ видимо унижается и позволяетъ ему обходиться съ собой нѣсколько свысока. Но вотъ Любимъ Торцовъ начинаетъ обижать нареченнаго зятя, зять обиженъ и даетъ это замѣтить Гордѣю Карпычу довольно грубо, заключая свою рѣчь словами: «нѣтъ, теперь ты приходи ко мнѣ да поклоняйся, чтобы и дочь-то твою взялъ.» Этими словъ довольно, чтобы взбѣсить Гордѣя Карпыча. Онъ вспылчиво спрашиваетъ: «я къ тебѣ пойду кланяться?» А Коршуновъ подливаетъ масла въ огонь, говоря: «пойдешь, я тебя знаю. Тебѣ нужно свадьбу сдѣлать, хоть въ петлю лѣзть, да только да весь городъ удивить, а жениховъ-то нѣтъ.... Вотъ, несчастье-то твое.» Этими словами Коршуновъ совершенно портитъ свое дѣло: онъ употребилъ именно ту форму, которой самодурство никакъ не можетъ переносить, и которая сама опять-таки есть не что иное, какъ нелѣпное порожденіе самодурства. Одинъ самодуръ говоритъ: «ты не смѣешь этого сдѣлать»; а другой отвѣчаетъ: «нѣтъ смѣю.» Тутъ споръ идетъ ужъ о томъ, кто кого передуритъ. И если одинъ изъ спорящихъ чегонибудь добивается отъ другаго, то разумѣется, побѣдителемъ останется тотъ, отъ котораго добиваются; ему въдѣ тутъ и труда никакого не нужно: стоитъ только не дать, и дѣло съ концомъ. Такъ происходитъ и здѣсь. Выслушавъ «не смѣешь» Коршунова, Гордѣй Карпычъ говоритъ: «опосля этого, когда ты такія слова говоришь, я самъ тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то вышло, за кого вздумается, за того и отдамъ. Съ деньгами, что я за ней дамъ, всякій—человѣкъ будетъ.... Вотъ за Митьку отдамъ! ..» И въ порывѣ гнѣва, онъ нѣсколько разъ повторяетъ: «да, за Митьку отдамъ! На зло ему, за Митрія отдамъ!...» Коршуновъ уходитъ въ ярости, а домашніе всѣ удивлены, принимая слова Гордѣя Карпыча за серьезное рѣшеніе: до такой степени при-

учены они къ неразумности всѣхъ его поступковъ. Митя, съ наивностію загнаннаго юноши, очень довѣрчиваго и очень плохо понимающаго истинный смыслъ всего, что вокругъ него происходитъ, даже обращается къ Торцову съ слѣдующей рѣчью: «зачѣмъ же на зло, Гордѣй Карпычъ? Со зломъ такого дѣла не дѣлають. Миѣ на зло не надобно-сь. Лучше ужъ я всю жизнь буду мучиться. Коли есть ваша такая милость, такъ ужъ вы благословите насъ, какъ слѣдуетъ, — породителски, съ любовью».... Но эти наивныя слова возбуждаютъ, разумѣется, гнѣвное изумленіе въ Торцовѣ, который и не думалъ говорить серьезно объ отпадѣ дочери за Митю. «Что, что! вскрикиваетъ онъ.—Ты ужъ и радъ случаю! Да какъ ты смѣлъ подумать-то? Что она, равня что ль тебѣ? Съ кльмъ ты говоришь, вспомни!»... Митя становится передъ нимъ на колѣни, но это смиреніе не обезоруживаетъ Гордѣя Карпыча: онъ продолжаетъ ругаться. Просьбы дочери и жены тоже остаются безсильны. Но тутъ-то является имъ на помощь Любимъ Торцовъ,—озорникъ, съ которымъ Гордѣй Карпычъ ужъ достаточно повозился и никакого ладу не нашелъ.... Любимъ говоритъ ему тоже, что и Коршуновъ: «да ты поклонись въ ноги Любиму Торцову, что онъ тебя оконфузилъ-то», и Палагея Егоровна прибавляетъ: «именно, Любимуха, надо тебѣ въ ноги поклониться».... Можно бы ожидать, что Гордѣй Карпычъ, на зло домашнимъ, опять упрется и выдумаетъ еще что нибудь на зло. Но онъ только спрашиваетъ въ недоумѣніи: «что жъ я, извергъ, что ли, какой въ своемъ семействѣ?» Изъ этого вы уже замѣчаете, что его начинаетъ пробирать великодушіе. Разъ онъ уже поставилъ на своемъ, прогнавъ Коршунова, и слѣдовательно самолюбіе его удовлетворено покамѣстъ. Къ тому же—онъ ужъ и утомленъ напряженіемъ, которое сдѣлалъ, и не въ состояніи теперь снова собрать ту же энергію для другой борьбы. А тутъ, вмѣстѣ съ кроткими мольбами жены, допекаюгъ его разсужденія и назойливыя просьбы брата Любима, который говоритъ съ нимъ смѣло и рѣшительно, безъ всякихъ умолчаній, подкрѣпляя просьбы свои доказательствами, взятыми изъ собственного опыта. Гордѣй Карпычъ какъ будто затуманивается; онъ смотритъ вокругъ себя и не знаетъ, какъ ему все это понимать и что дѣлать; онъ ищетъ внутри себя,—на чемъ бы опереться въ борьбѣ, и ничего не находитъ, кромѣ своей самодурной воли. Она-то и высказывается въ послѣднемъ его возраженіи: «ты миѣ что ни говори, а я тебя слушать не хочу».... Но Любимъ не придаетъ особенной важности такому возраженію и продолжаетъ свои настоянія. Гордѣй Карпычъ окончательно сбитъ съ толку и обезсилѣлъ; сознаніе всего окружающаго рѣшительно мутится въ его головѣ; онъ никакъ не можетъ отыскать своихъ мыслей, ко-

торья никогда и не были крѣпко связаны между собой, а теперь ужь совсѣмъ разлетѣлись въ разныя стороны.... Въ эту критическую минуту онъ позволяетъ себѣ раскваситься, его прошибаетъ слеза, и онъ, благодаря брата Любима за назиданіе, благословляетъ будущее счастье дѣтей своихъ.... Пользуясь его расположеніемъ, и племянникъ его Гуслинъ, которому Торцовъ запрещалъ жениться, просить разрѣшенія, и получаетъ его.... Гордѣй Карпычъ говоритъ: «теперь просите всѣ, кому что нужно; теперь я сталъ другой человѣкъ!...»

Какой широкій размахъ великодушія, подумаешь!... Такъ и чувствуешь, какого-то восточнаго султана, который говоритъ: «все въ моей власти!... Стоитъ мнѣ мигнуть, и съ тебя голову снимутъ; стоитъ сказать слово, и неслыханно-роскошные дворцы выростутъ для тебя изъ земли. Проси, чего хочешь! полміра могу я взять и подарить, кому хочу».... Разница только въ размѣрахъ, а сущность дѣла таже самая въ словахъ Торцова. Дай ему какойнибудь калифатъ, онъ бы и тамъ сталъ распоряжаться такъ же точно, какъ теперь въ своемъ семействѣ. Дурилъ бы, презирая всѣ человѣческія права и не признавая другихъ законовъ, кромѣ своего произвола, а подъ-часъ удивлялъ бы своимъ великодушіемъ, основаннымъ опять-таки на той мысли, что «вотъ, дескать, смотрите: у васъ правъ никакихъ нѣтъ, а на всемъ моя полная воля; могу казнить, могу и миловать!...» Счастливы мы, читатель, что живемъ въ настоящее время, когда у насъ порывы подобнаго великодушія невозможны!... Ими можно пользоваться въ извѣстныя минуты, какъ воспользовались Митя и Любовь Гордѣевна: ихъ дѣло выиграно, хотя Гордѣй Карпычъ, разумѣется, и не надолго останется великодушнымъ и будетъ послѣ каяться и попрекать ихъ своимъ рѣшеніемъ.... Но подобныя выигрыши ненадежны. Когда вы рассчитываете, какъ устроить свою жизнь, то, конечно, не будете основывать своихъ расчетовъ на томъ, что, можетъ быть, выиграете большое состояніе въ лотерею. Такъ точно въ разумной, сознательной жизни невозможно рассчитывать и на выигрышъ великодушія самодура.... Пусть лучше не будетъ этихъ благородныхъ, широкихъ барскихъ замашекъ, которыми восторгались старые, до идіотства захолопѣвшіе лакеи; но пусть будетъ свято и неприкосновенно то, что мнѣ принадлежитъ по праву: пусть у меня будетъ возможность всегда употреблять свободно и разумно мою мысль и волю, а не тогда, когда выйдетъ милостивое разрѣшеніе отъ какогонибудь Гордѣя Карпыча Торцова...

Но безсиліе и внутреннее ничтожество самодурства не выдается еще въ этихъ комедіяхъ съ такой поразительной яркостью, какъ въ небольшой комедіи: «Въ чужомъ пиру похмѣлье.» Здѣсь есть все—и грубость, и отсутствіе честности, и трусость, и порывы велико-

душія, — и все это покрыто такой тупоумной глупостью, что даже люди наиболѣе расположенные къ славянофильству не могли одобрить Тита Титыча Брускова, а замѣтили только, что все таки у него душа добрая.... Аграфена Платоновна, хозяйка квартиры, гдѣ живетъ учитель Ивановъ съ дочерью, отзывается о Брусовѣ, какъ о человѣкѣ «дикомъ, властномъ, крутомъ сердцемъ, словомъ сказать — самодуръ.» На вопросъ Иванова: что значить самодуръ? — она объясняетъ: «самодуръ — это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ, ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужъ всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣда....» Продолжая свою характеристику, она замѣчаетъ, что «насчетъ плутовства — онъ, точно, старикъ хитрый; но хоть и плутовать, а человѣкъ темный. Онъ только въ своемъ домѣ свирѣпъ, а то съ нимъ, что хочешь дѣлай, — дуракъ дуракомъ; на пустомъ спугнуть можно.» И дѣйствительно изъ пьесы оказывается, что всѣ слова Аграфены Платоновны справедливы. Она же сама, ни съ того ни съ сего, беретъ съ Брускова, зашедшаго въ квартиру Ивановыхъ, тысячу цѣлковыхъ, за росписку, въ которой сынъ его, Андрей Титычъ, обѣщается жениться на дочери Иванова. Росписка эта и сама по себѣ ничего не значить, да Ивановъ съ дочерью и не знаютъ о ней, и претензіи никакой не имѣютъ; все это сама хозяйка устраиваетъ, желая ихъ облагодѣтельствовать.... Но Брусовъ, какъ темный человѣкъ, вполне освоившійся съ обычаями «темнаго царства», не входитъ ни въ какія соображенія. Во-первыхъ онъ всегда готовъ къ тому, что его обмануть, такъ какъ онъ самъ готовъ обмануть всякаго. Поэтому, прочитавъ бумажку, показанную ему Аграфеной Платоновной, онъ преспокойно замѣчаетъ: «это, то есть, насчетъ грабежу. Ну, народецъ!»... И затѣмъ начинаетъ торговаться, вислолько не возмущаясь этой исторіей, а только удивляясь ловкой штукѣ, которую сочинили съ его сыномъ. Во-вторыхъ — онъ ужасно боится всякаго суда, потому что, хоть и надѣется на свои деньги, но все-таки не можетъ сообразить, правъ ли онъ долженъ быть по суду или нѣтъ, — а знаетъ только, что по суду тоже придется много денегъ заплатить. На этомъ основаніи, только услышавши отъ Аграфены Платоновны, что теперь пойдетъ «дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ», онъ чешетъ себѣ затылокъ и говоритъ: «по формѣ?... Нѣтъ, ужъ лучше мы такъ, между себя сдѣлаемся.» И это ему дѣйствительно — гораздо легче, ужъ и потому даже, что подобныя сдѣлки для него очень привычны. Онъ такъ объясняется съ женою на этотъ счетъ, возвращаясь отъ Ивановыхъ.

Тить Титычъ. Настасья! Смѣеть меня кто обидѣть?

Настасья Панкратьевна. Никто, батюшка Кить Китычъ, не смѣеть васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

Тить Титычъ. Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денегъ заплатилъ на своемъ вѣку.

Настасья Панкратьевна. Много, Кить Китычъ, много.

Тить Титычъ. Молчи!...

Отсутствіе яснаго сознанія нравственныхъ началъ выражается и въ обращеніи, которое Брусковъ позволяетъ себѣ съ Аграфеной Платоновной и съ Ивановымъ, послѣ того, какъ заплатилъ деньги и получилъ росписку. Аграфена Платоновна старается его выпроводить, но онъ усаживается и начинаетъ ругаться, представляя такой резонъ: «нѣтъ, погоди, — дай хоть поругаться-то за свои деньги». Но впрочемъ это онъ такъ-только, зло сорвать хочеть; въ своихъ ругательствахъ онъ не видитъ ничего оскорбительнаго, да и самъ не задѣтъ за живое. Когда приходитъ Ивановъ, и ничего не зная о происшедшей исторіи, съ недоумѣніемъ смотритъ на Брускова, Тить Титычъ обращается къ нему съ такой рѣчью: «ты что на меня смотришь? На мнѣ, братъ, ничего не написано. Деньги-то взять умѣли. Вы меня хоть поподцуйте чѣмъ за мои деньги-то.» Ивановъ проситъ его уйти; онъ опять начинаетъ ругаться. Ивановъ гонитъ его вонъ, — онъ возражаетъ: «что ты кричишь-то? Я вѣдь ничего, я такъ—шучу съ тобой.» Ивановъ продолжаетъ гнать его, и Брусковъ подходитъ къ нему и, ударяя его по плечу, говоритъ: «поѣдемъ ко мнѣ! Выпьемъ вмѣстѣ, приятели будемъ. Что ссориться-то!» Ивановъ входитъ въ пушіи азартъ, и Брусковъ, съ неудовольствіемъ замѣчая: «ишь ты, какой сердитый!» — уходитъ съ новыми ругательствами.... Пришедши домой, онъ велитъ Захару Захарычу, пьянчужкѣ-приказному, писать «такое прошеніе, чтобы троихъ чловѣкъ въ Сибирь сослать по этому прошенію.» Я, говоритъ, «такъ хочу и никакихъ денегъ для этого не пожалѣю.» Но тутъ приходитъ Ивановъ, узнавшій между тѣмъ все дѣло, приноситъ деньги, взятыя Аграфеной Платоновной, и проситъ назадъ росписку. Брусковъ тотчасъ смекаетъ, что Ивановъ затѣмъ ее проситъ, чтобы потомъ за нее больше содрать. Но старикъ-учитель разжалобилъ его, и онъ спрашиваетъ: «аль отдать? Сахарычъ, — отдать?» Захаръ Захарычъ говоритъ: «ни, ни, ни!» — Но Брусковъ внезапно рѣшаетъ: «а я говорю, что отдать!... Ты молчи, не смѣй разговаривать!...» И росписка отдана, и тутъ же разорвана Ивановымъ, а черезъ нѣсколько минутъ Брусковъ находитъ, что «деньги и все это — тлѣнъ», и что слѣдовательно сынъ его можетъ жениться на дочери Иванова, хоть она и бѣдна. . «Мое слово — законъ» — говоритъ онъ и посылаетъ

сына — сватать дочь учителя. «Да помиуйте, тятенька, онъ не отдастъ», — возражаетъ сынъ. «Я тебѣ приказываю, слышишь, — говоритъ Титъ Титычъ: — какъ онъ смѣетъ не отдать, когда я этого желаю!.. Вы не смѣйте со мной разговаривать», прибавляетъ онъ. — «А если не отдастъ за тебя, ты лучше мнѣ и на глаза не показывайся!...»

Во всемъ этомъ замѣчательно то, что вся исторія сама по себѣ необыкновенно глупа.... Если смотрѣть здраво, то всѣ ея участники хотятъ невозможнаго, или лучше сказать — сами не смыслятъ, чего они хотятъ. Аграфена Платоновна, не спросивъ Ивановыхъ, беретъ съ Андрея Брускова росписку, а съ отца его — деньги. Титъ Титычъ хочетъ услатъ Ивановыхъ въ Сибирь и основываетъ это на роспискѣ, которую его же выгода требуетъ уничтожить. Ивановъ убивается, требуя—даже не уничтоженія, а именно *возвращенія* росписки, что ему вовсе не нужно и только возбуждаетъ справедливыя подозрѣнія въ Брусковѣ.... Все это совершенно нелѣпо и бессмысленно, какъ самъ Брусовъ и вся его жизнь. Но всего глупѣе—роль сына Брускова, Андрея Титыча, изъ-за котораго идетъ вся эта исторія и который, самъ, по его же выраженію, «какъ угорѣлый ходитъ по землѣ» и только сокрушается о томъ, что у нихъ въ домѣ «все не такъ, какъ у людей», и что его «уродомъ сдѣлали, а не человѣкомъ.» И въ самомъ дѣлѣ, — смѣшно посмотрѣть, что съ нимъ дѣлаютъ. Парню ужъ давно за двадцать, смысломъ его природа не обидѣла: — по фабрикѣ отцовской онъ лучше всѣхъ дѣло понимаетъ, впередъ знаетъ, что требуется, кромѣ того и къ наукамъ имѣетъ склонность, и искусства любить — къ скрипкѣ очевидно пристрастіе имѣетъ, словомъ сказать — парень совершеннолѣтній, добрый и неглупый; возросъ онъ до того, что ужъ и жениться собирается.... И вдругъ онъ — «отъ тятеньки скрывается!...» Только слышалъ, что «самъ пріѣхалъ,» — какъ и кричить: «маменька, спрячьте меня отъ тятеньки,» и бѣжитъ къ матери въ спальню прятаться.... Какая тому причина? Та, что тятенька его женить задумалъ насильственнымъ образомъ.... Такъ онъ, видите, отбѣгаться думаетъ!... И способъ—то хорошій выбралъ!... А зачѣмъ тятенька хочетъ его женить насильно, на то причина одна: что такъ онъ хочетъ.... Мать, впрочемъ, представляетъ и другую причину: невѣста, найденная отцомъ, очень богата, «а намъ, — по словамъ Настасьи Пократьевны, — надо невѣсту съ большими деньгами, потому — сами богаты....» Логика неопровержимая!... И Андрей Титычъ ничего хорошенько не можетъ возразить противъ нея: онъ уже доведенъ отцовскимъ обращеніемъ до того, что самъ считаетъ себя «просто пропащимъ человѣкомъ». А обращеніе въ самомъ дѣлѣ хорошее, если

послушать его рассказовъ Лизаветѣ Ивановнѣ, дочери Иванова. По его словамъ, у него «крылья опшибены, то есть обрублены, какъ есть». Жениться онъ долженъ не по своему выбору, а по приказу отцовскому. «А коли скажешь, что, моль, тятенька, эта невѣста не нравится: а, говорить, въ солдаты отдамы!... Ну, и шабашы!... Да ужъ не то, что въ этакомъ дѣлѣ,—прибавляетъ онъ,—и въ другомъ то въ чемъ воли не даютъ. Я вотъ помоложе былъ, учиться хотѣлъ, такъ и то невелѣли!...» Лизавета Ивановна совѣдуетъ ему, выбравши хорошую минуту, рассказать отцу откровенно все, — что онъ способенъ имѣть, что учиться хотеть и т. п. Андрей Титычъ отвѣчаетъ на это: «онъ такую откровенность задасть, что мѣста не найдешь. Вы думаете, — онъ не знаетъ, что ученый лучше неученаго?—Только хотеть ва своемъ поставить.... Одинъ капризь, одна только амбиція, — что вотъ я неучень, а ты умнѣ меня хочешь быть».

Ну, скажите, есть ли какая нибудь возможность вести разумную рѣчь съ этими людьми! Отецъ знаетъ, что ученый лучше неученаго, и сыну извѣстно, что отецъ это знаетъ, и сынъ хотеть учиться, и все-таки отецъ запрещаетъ, и сынъ не смѣетъ послушаться!... Отецъ признаетъ себя неучемъ, сознаетъ, что это дурно, и боится, чтобы сынъ его не избѣжалъ этого зла!... Сынъ знаетъ, что отецъ только вслѣдствіе собственнаго невѣжества запрещаетъ ему учиться, и считаетъ долгомъ покориться этому невѣжеству!... Кто разберетъ эту бессмысленную путаницу, внесенную самодурствомъ въ семейныя отношенія? Кто сдумѣетъ бросить лучъ свѣта въ безобразный мракъ этой непостижимой логики «темнаго царства»? Подумаешь, что Андрей Титычъ тоже сумасшедшій, какъ его братецъ Капитоша, который представляетъ собой еще одинъ любопытный результатъ семейной дисциплины въ домѣ Брусковыхъ... Но всѣ окружающіе говорятъ, что Андрей Титычъ — умный, и онъ даже самъ такъ разумно рассуждаетъ о своемъ братѣ: «не пускаютъ, говорить, —меня въ театръ, ту причину пригоняютъ, что у насъ одинъ братъ помѣшанный отъ театру; а онъ совсѣмъ не отъ театру, — такъ, съ малолѣтства заколотили очень».... А Андрюша еще не заколоченъ, и все-таки представляетъ изъ себя какого-то поврежденнаго. Ужъ примирился бы, что ли съ своимъ положеніемъ, какъ сотни и тысячи другихъ мирятся! Такъ нѣтъ, — этого не хотеть онъ, и тѣмъ приводитъ въ отчаяніе отца и мать. Мать сокрушается о немъ даже больше, чѣмъ о другомъ сынѣ своемъ,—дурачкѣ. Положение Купидоши какъ-то мало беспокоитъ ее: оно ей такъ близко и сродно; она даже потѣшается надъ нимъ, а печалится больше всего лишъ о томъ, что онъ табачище очень крѣпкій курить. «Купидоша у насъ

совсѣмъ какой-то ума рехнувшій по театру, — объясняетъ она своей гостьѣ Ненилѣ Сидоровнѣ. — Да табакъ курить, Ненила Сидоровна, такой крѣпкій, — просто дышать нельзя. Въ комнатахъ такого курить нельзя ни подѣ какимъ видомъ, — кого хочешь стошнить... Такъ все больше въ кухнѣ пребываетъ. *Вотъ иногда скучно, позовешь его, а онъ-то и давай кричать потіатральному, — ну, и утѣшаешься на него.* Съ пѣвчими поетъ басомъ, — голосъ такой громкій, такъ какъ словно изъ ружья выпалить.» Стало быть, глупость сына имѣетъ даже свою пріятность для матери!... Но умъ Андрюши внушаетъ ей опасенія очень серьезныя: «совсѣмъ, — говоритъ, — отъ дому отбивается; то не хорошо, другое не по немъ, учиться, говорить, хочу... А на что ему много-то знать? *И такъ боекъ, а какъ обучать-то всему, тогда съ нимъ и не словоришь; онъ мать-то и уважать не станетъ; хоть изъ дому бѣги...*» Такимъ образомъ доля самодурства Брускова переходитъ и къ женѣ его, хоть на словахъ только, — и Андрюша, при всей своей любви къ знанію и при всѣхъ природныхъ способностяхъ, долженъ вырости неучемъ, для того, чтобы сохранить уваженіе къ отцу и матери. Они, бѣдняки, — чувствуютъ, что умному-то и образованному человѣку не за что уважать ихъ!...

А отчего же Андрей Титычъ, коли ужъ онъ дѣйствительно человѣкъ неглупый, не рѣшается въ самомъ дѣлѣ удовлетворить своей страсти къ ученю, употребивши даже въ этомъ случаѣ нѣкоторое самовольство? Вѣдь бывали же на Руси примѣры, что мальчишки, одержимые страстью къ наукѣ, бросали все и шли учиться, не заботясь ни о мнѣніи родныхъ, ни о какой поддержкѣ въ жизни... Да, но тѣ мальчишки вѣрно какъ нибудь укрылись отъ мертвящаго вліянія самодурства, не были заколочены съ малодѣтства; оттого у нихъ и могла развиться нѣкоторая рѣшимость на борьбу съ жизнью, нѣкоторая сила воли. Отъ Андрюши и Капитоши Брусковыхъ невозможно требовать ничего подобнаго. Ихъ, несчастныхъ, колотили въ ребячествѣ, ими помыкають, а подѣ-часъ потѣшаются, и взрослыми... Гдѣ ужъ тутъ развиться свѣтлымъ, независимымъ соображеніямъ и могучей рѣшимости? Андрея Титыча только развѣ на то хватитъ, чтобы впослѣдствіи бушевать, подобно своему отцу, и дурить надъ другими, въ отместку за то, что другіе надъ нимъ дурили... Такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и переходитъ эта безобразная іерархія, въ которой тотъ, кто выбрался на верхъ, давитъ и топчетъ тѣхъ, кто остался внизу. Что же ему дѣлать иначе? На этой сплошной толпѣ байбамовъ, поднявшихъ его степенство вверхъ, онъ только и держится; онъ поневолѣ долженъ больше или меньше давить ее собою, — иначе самъ упадетъ опять подѣ ноги другимъ и — чего добраго — будетъ растоптанъ... А кому же охота быть растоптаннымъ?...

Но тутъ можетъ представляться вопросъ совершенно другаго свойства: отчего эти байбаки такъ упорно продолжаютъ поддерживать надъ собою человѣка, который ничего имъ хорошаго, окромѣ дурнаго, не сдѣлалъ и не дѣлаетъ? Отчего Митя безотвѣтенъ предъ Торцовымъ, Андриуша терзается, но не смѣетъ слова сказать Титу Титычу, и пр.? Отчего цѣлое общество терпитъ въ своихъ нравахъ такое множество самодуровъ, мѣшающихъ развитію всякаго порядка и правды? Въ обществѣ, воспитанномъ подъ вліяніемъ Торцовыхъ и Брусковыхъ, нѣтъ рѣшимости на борьбу. Но вѣдь нельзя не сознаться, что если самодуръ самъ по себѣ, внутренно, несостоятеленъ, какъ мы видѣли это выше, — то его значеніе только и можетъ утверждаться на поддержкѣ другихъ. Значить, тутъ и особеннаго героизма не нужно: только давай ему общество этой поддержки, просто — немножко разступись толпа, сжатая для того, чтобы держать на себѣ какого нибудь Торцова или Брускова, — и онъ самъ собою упадетъ, и будетъ дѣйствительно задавленъ, если и тутъ обнаружитъ претензію на самодурство.... Отчего же въ обществѣ столько десятковъ и сотенъ лѣтъ терпится это безсильное, гнилое, дряхлое явленіе, давно уже отжившее свой вѣкъ въ сознаніи лучшей, истинно образованной части общества? На это есть двѣ важныя причины, которыя очень ясны изъ комедій Островскаго и на которыя мы теперь намѣрены обратить вниманіе читателей.

V.

«Въ терпѣнныя тяготу сноси
И безъ роптанія проси»

Ломоносовъ.

Первая изъ причинъ, удерживающихъ людей отъ противодѣйствія самодурству, есть — странно сказать — *чувство законности*, а вторая — *необходимость въ матеріальномъ обезпеченіи*. Съ перваго раза обѣ причины, представленныя нами, должны, разумѣется, показаться нелѣпостью. Повидимому, — совершенно напротивъ: именно отсутствіе чувства законности и безпечность относительно матеріальнаго благосостоянія — могутъ объяснять равнодушіе людей ко всѣмъ претензіямъ самодурства. Люди, разсуждающіе на основаніи отвлеченныхъ принциповъ, сейчасъ могутъ вывести такіа соображенія. «Самодурство не признаетъ никакихъ законовъ, кромѣ собственнаго произвола; вслѣдствіе того у всѣхъ, подвергшихся его вліянію, мало по малу теряется чувство законности, и они уже не счита-

ютъ поступковъ самодура неправыми и возмутительными, и потому переносятъ ихъ довольно равнодушно. Кроме того — самодурство при раздѣлѣ благъ всякаго рода, постоянно, по своему обычаю, обижаютъ ихъ, пользуясь само львиной долей, а имъ ничего не оставляя. Если они терпятъ это, значить, у нихъ уже потеряна любовь къ собственному благосостоянію, они привыкли къ неимѣнію ничего, и мало заботятся о томъ, чтобы выдти изъ этого положенія... При такомъ равнодушіи къ матеріальнымъ интересамъ всѣхъ этихъ Митей и Андрюшъ, немудрено самодурамъ помыкать ими по прихоти своей «гнилой фантазіи», какъ выражается Гордѣй Карпычъ.»

Такое разсужденіе, при всей своей видимой основательности, весьма легкомысленно. Какъ-таки предположить въ людяхъ совершенное уничтоженіе любви къ самому себѣ, къ своему благосостоянію? И отчего же? Оттого, что кому-то вздумалось взять у меня мое добро!... Нѣтъ, это можно было бы говорить только въ такомъ случаѣ, если бы всѣ, угнетенные самодурами, были очень довольны собой. Но вѣдь мы видимъ, что и Митя, и Андрюша, и Капитоша, и Авдотья Максимовна, и Любовь Гордѣевна—очень недовольны своей судьбой. Стало быть, ихъ не безпечность удерживаетъ въ ихъ положенія, а что-то другое, поглубже... Это другое и есть чувство законности. Не будь этого чувства, т. е. прими угнетенная сторона въ самомъ дѣлѣ то убѣжденіе, что никакого порядка, никакого закона нѣтъ и не нужно, тогда бы и пошло все иначе. Приказанія самодуровъ исполнялись бы только до тѣхъ поръ, пока они выгодны для исполняющихъ; а какъ только Торцовъ коснулся благосостоянія Мити и другихъ прикащиковъ, — они бы, нисколько не думая, взяли да и «сверзили» его.... Вѣдь ихъ же больше, они сильнѣе, чѣмъ Гордѣй Карпычъ.... Но они молчали передъ нимъ именно потому, что онъ хозяинъ, что его уважать слѣдуетъ. Самое то, что онъ ихъ обдѣляетъ и обижаютъ, они считаютъ законной принадлежностью его положенія... Настасья Панкратьевна вѣдь безъ всякой ироніи, а напротивъ съ замѣтнымъ отгѣнкомъ благоговѣнія говоритъ своему мужу: «кто васъ, батюшка Китъ Китычъ, смѣетъ обидѣть? Вы сами всякаго обидите!»...

Очень страненъ такой оборотъ дѣла; но такова ужъ логика «темнаго царства». Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, именно темнота—то разумѣнія этихъ людей и служить объясненіемъ дѣла. Въ общемъ смыслѣ, по нашему, — что такое чувство законности? Это не есть что нибудь неподвижное и формально-опредѣленное, не есть абсолютный принципъ морали въ извѣстныхъ, разъ навсегда указанныхъ формахъ. Происхожденіе его очень просто. Входя въ общество, я приобретаю право пользоваться отъ него извѣстною долею извѣстныхъ

благъ, составляющихъ достояніе всѣхъ его членовъ. За это пользование я и самъ обязываюсь платить тѣмъ, что буду стараться объ увеличеніи общей суммы благъ, находящихся въ распоряженіи этого общества. Такое обязательство вытекаетъ изъ общаго понятія о справедливости, которое лежитъ въ природѣ человѣка. Но для того, чтобъ успѣшнѣе достигнуть общей цѣли, т. е. увеличить сумму общаго блага, люди принимаютъ извѣстный образъ дѣйствій и гарантируютъ его какими нибудь постановленіями, воспреещающими самовольную помѣху общему дѣлу съ чьей бы то ни было стороны. Вступая въ общество, я обязанъ принять и эти постановленія и обѣщаться не нарушать ихъ. Слѣдовательно между мною и обществомъ происходитъ нѣкотораго рода договоръ, не выговоренный, не формулированный, но подразумѣваемый самъ собою. Поэтому, нарушая законы общественные и пользуясь въ тоже время ихъ выгодами, я нарушаю одну, неудобную для меня, часть условія, и становлюсь лжецомъ и обманщикомъ. По праву справедливаго возмездія, общество можетъ лишитъ меня участія и въ другой, выгодной для меня, половинѣ условія, да еще и взыскать за то, чѣмъ я успѣлъ воспользоваться не по праву. Я самъ чувствую, что такое распоряженіе будетъ справедливо, а мой поступокъ несправедливъ,—и вотъ въ этомъ-то заключается для меня чувство законности. Но я не считаю себя преступнымъ противъ чувства законности, ежели я совѣмъ отказываюсь отъ условія (которое, надо замѣтить, по самой своей сущности не можетъ въ этомъ случаѣ быть срочнымъ), добровольно лишаясь его выгодъ и за то не принимая на себя его обязанностей. Я, напримѣръ, если бы поступилъ въ военную службу, можетъ быть дослужился бы до генерала; но за то, въ солдатскомъ званіи, я обязывался, по правиламъ военной дисциплины, дѣлать честь каждому офицеру. Но я не поступаю въ военную службу или выхожу изъ нея, и, отказываясь такимъ образомъ отъ военной формы и отъ надежды быть генераломъ, считаю себя свободнымъ и отъ обязательства—прикладывать руку къ козырьку при встрѣчѣ со всякимъ офицеромъ. А вотъ мужики, въ отдаленныхъ отъ городовъ мѣстахъ, — такъ тѣ низко кланяются всякому встрѣчному, одѣтому въ нѣмецкое платье. Ну, на это ужъ ихъ добрая воля, или, можетъ, особымъ образомъ понятое, тоже чувство законности!... Мы такого чувства не признаемъ и считаемъ себя правыми, если, не служа, не ходимъ въ департаментъ,—не получая жалованья, не даемъ вычета въ пользу инвалидовъ, и т. п. Точно такъ сочли бы мы себя правыми, если бы, напримѣръ, пріѣхали въ магометанское государство и, подчинившись его законамъ, не приняли однако ислама. Мы сказали бы: «государственные законы насъ ограждаютъ отъ тѣхъ видовъ

насилия и несправедливости, которые здѣсь признаны противозаконными и могутъ нарушить наше благосостояніе; поэтому мы признаемъ ихъ практически. Но намъ нѣтъ никакой надобности ходить въ мечеть, потому что мы вовсе не чувствуемъ потребности молиться пророку, не нуждаемся въ истинахъ и утѣшеніяхъ алкорана и не вѣримъ магометову раю со всѣми его гуріями, слѣдовательно отъ ислама ничѣмъ не пользуемся и не хотимъ пользоваться... Мы были бы правы въ этомъ случаѣ по чувству законности, въ его правильномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ законы имѣютъ условное значеніе по отношенію къ намъ. Но мало этого: они и сами по себѣ не вѣчны и не абсолютны. Принимая ихъ, какъ выработанныя уже условія прошедшей жизни, мы чрезъ то никакъ не обязываемся считать ихъ совершеннѣйшими и отвергать всякія другія условія. Напротивъ, въ мой естественный договоръ съ обществомъ входитъ, по самой его сущности, и обязательство стараться объ изысканіи возможно лучшихъ законовъ. Съ точки зрѣнія общаго, естественнаго человѣческаго права, каждому члену общества ввѣряется забота о постоянномъ совершенствованіи существующихъ постановленій и объ уничтоженіи тѣхъ, которые стали вредны или ненужны. Нужно только, чтобъ измѣненіе въ постановленіяхъ, какъ клонящееся къ общему благу, подвергалось общему суду и получило общее согласіе. Если же общее согласіе не получено, то частному лицу предоставляется спорить, доказывать свои предположенія и наконецъ — отказаться отъ всякаго участія въ томъ дѣлѣ, о которомъ настоящія правила признаны имъ ложными... Такимъ образомъ, въ силу самаго чувства законности, устраняется застой и неподвижность въ общественной организаціи, мысли и воля дается просторъ и работа; нарушение формальнаго *statu quo* нерѣдко требуется тѣмъ же чувствомъ законности...

Такъ понимаютъ и объясняютъ чувство законности люди просвѣщенные, люди участвующие, подобно намъ, въ благодѣяніяхъ цивилизаціи. Но не такъ понимаютъ его тѣ темные люди, которыхъ изображаетъ намъ Островскій. Въ его «темномъ царствѣ» вопросъ ставится совершенно иначе. Тамъ господствуетъ вѣра въ однѣ, разъ навсегда опредѣленныя и закрѣпленныя формы. Знанія здѣсь ограничены очень тѣснымъ кругомъ, работы для мысли — почти никакой; все идетъ машинально, разъ-навсегда заведеннымъ порядкомъ. Отъ этого совершенно понятно, что здѣсь дѣти никогда не вырастаютъ, а остаются дѣтьми до тѣхъ поръ, пока механически не передвинутся на мѣсто отца. Понятно и то, почему средніе терминны, посредствующіе между самодурами и угнетенными, вовсе не имѣютъ опре-

дѣльной личности, а заимствуютъ свой характеръ отъ положенія, въ какомъ находятся: то ползаютъ — передъ высшими, то въ свою очередь задираютъ носъ — передъ низшими. Точно механическія куколки: поставягъ ихъ на одинъ конецъ — кланяются; передернутъ на другой — вытягиваются и загибаютъ голову назадъ.... Настасья Панкратьевна исчезаетъ предъ мужемъ, дышать не смѣетъ, а на сына тоже прикрикиваетъ: «какъ ты смѣешь?» да «съ кѣмъ ты говоришь?» Тоже мы видѣли и въ Аграфенѣ Кондратьевнѣ, въ «Своихъ Людяхъ». Таже исторія повторяется въ другой сферѣ — съ Юсовымъ, въ «Доходномъ мѣстѣ». И все это происходитъ отъ недостатка внутренней самостоятельности, отъ забитости природы. Человѣку съ малыхъ лѣтъ внушаютъ, что онъ самъ по себѣ—ничто, что онъ есть нѣкоторымъ образомъ только орудіе чьей-то чужой воли и что вслѣдствіе того онъ долженъ не разсуждать, а только слушаться, слушаться и покоряться. Единственный предметъ, на который можетъ еще быть направленъ его умъ, это пріобрѣтеніе умѣнья приновляться къ обстоятельствамъ. Кто сѣмѣетъ такъ повернуть себя, тому и благо: онъ вынырнетъ... А кто не сѣмѣетъ, тому бѣда, — задавятъ....

Вслѣдствіе этого—то коснѣнія мысли, вся дѣятельная сторона чувства законности совершенно исчезаетъ въ «темномъ царствѣ», и остается одна пассивная. Какойнибудь Тишка затвердилъ, что надо слушаться старшихъ, да такъ съ тѣмъ только и остался, и останется на всю жизнь.... Въ педагогикѣ есть положеніе, что для дѣтей, не способныхъ еще къ отвлеченнымъ понятіямъ, воспитатель составляетъ олицетвореніе нравственнаго закона, и потому необходимо довѣріе ребенка къ воспитателю. Но обязанность воспитателя, — продолжать потомъ педагогика, — состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе сдѣлать себя ненужнымъ для ребенка, пріучивъ ли его понимать нравственный законъ въ его истинной сущности, независимо отъ авторитета воспитателя. Этому послѣдняго правила бояться, какъ пожара и разбоя, всѣ обитатели «темнаго царства,» и всѣ стараются дѣйствовать совершенно въ противоположномъ духѣ. «Слушай старика, — старикъ дурно не посовѣтуетъ.» — говорить даже лучшей изъ нихъ — Рукаковъ, и тоже не признаетъ правъ образованія, которое научаетъ человѣка самого, безъ чужихъ совѣтовъ, различать, что хорошо и что дурно. Отъ этого и выходитъ, что чувство законности только и выражается въ чувствѣ послушанія да терпѣнія, а все остальное дѣлается чисто невозможнымъ для обитателя «темнаго царства,» пока онъ самъ не сдѣлается самодуромъ. Тишка мететъ полы въ домѣ Большова, бѣгаетъ за водкой Подхалюзину и крадетъ цѣлковые у хозяина, — и все это для него совершенно законно...

За водкой посылають его старшіе, а старшихъ надо слушаться: тутъ ужъ резонъ прямой. Воровать ему не велятъ; но все равно—воровство тоже освящено старшими: сколько разъ прикащики при немъ хвалились ловкой штукой, сколько разъ приказывали ему молчать объ ихъ мошенничествѣхъ предъ хозяиномъ, сколько разъ самъ хозяинъ давалъ прикащикамъ наставленія, какъ надувать покупателей!... Все это не пропало даромъ для бойкаго мальчика, — и вотъ откуда всѣ мерзости, безмятежно уживающіяся въ немъ съ глубочайшимъ чувствомъ законности.... Этимъ-то средствомъ онъ и выбивается изъ ничтожества, въ которомъ находился, и начинаетъ самъ дурить, совершенно съ спокойною совѣстью, считая и самодурство точно такъ же законнымъ, какъ и прежнее свое униженіе.

Но, разумѣется, выбиваются наверхъ не всѣ, и даже очень немногіе: для этого надо имѣть довольно крѣпкую натуру и потомъ сверхъ-естественнымъ образомъ выворотить ее. Надо заглушить въ себѣ всѣ симпатичныя чувства, притупить свою мысль, кромѣ того—связать себя на нѣсколько лѣтъ по рукамъ и ногамъ, и при всемъ этомъ умѣть — и пожертвовать при случаѣ своимъ самолюбіемъ и личными выгодами, и тонко обдѣлать дѣльце, и ловкое колѣнце выкинуть.... На это мастеровъ не очень много.... Охотниковъ, правда, безчисленное множество, да не у всякаго есть такая выдержка, какая напр. была у Павла Ивановича Чичкова; — а безъ выдержки тутъ ничего не добьешься.... Потому-то большая часть людей, попавшихъ подъ влияніе самодура, предпочитаетъ просто терпѣть, съ тупою надеждою, что авось какъ нибудь обстоятельства переменятся.... Внутренней силы, которая бы возбуждала ихъ къ противодѣйствію злу, въ нихъ нѣтъ, да и не можетъ быть, потому что они не имѣли возможности даже узнать хорошенько, въ чемъ зло и въ чемъ добро.... Оттого-то именно въ нихъ и нѣтъ чувства справедливости и сознанія высшаго нравственнаго добра, а вмѣсто этого есть только чувство законности, въ ея установленномъ и тѣсномъ смыслѣ. Для нихъ поступки и явленія жизни раздѣляются не на хорошіе и дурные, а только на позволенные и непозволенные. Что позволено, что скрѣплено положительнымъ закономъ или хотъ просто приказаніемъ, то для нихъ и хорошо, и наоборотъ. А на что положительныхъ приказаній нѣтъ, о томъ они находятся въ совершенномъ недоумѣніи. Потому-то всегда и бываютъ такъ робки и медленны шаги ихъ при всякомъ новомъ вопросѣ или явленіи, требующемъ измѣненія существующаго порядка.... Тутъ мучительное безпокойство овладѣваетъ забытыми бѣдняками, подъ гнетомъ самодурства лишившимися всякой способности разсуждать. Узнавъ, что правило, которому они слѣдовали, отмѣнено или само умерло, они рѣшительно не знаютъ,

куда имъ обратиться и за что вѣзаться. — и бывають ужасно рады первому встрѣчному, который возьметсѣ вести ихъ. Само собою разумѣется, что этотъ встрѣчный всего чаще бываетъ плутоватый самодуръ, и чѣмъ плутоватѣй онъ, тѣмъ гуще повалитъ за нимъ толпа «несмышленочковъ,» желающихъ прожить чужимъ умомъ и подлѣ чужой волей, хотя бы и самодурной....

Высказанныя нами мысли не составляютъ плодъ какой нибудь теоріи, заранѣе придуманной: въ нихъ просто заключаются выводы, прямо слѣдующіе изъ явленій русскаго быта, изображенныхъ въ комедіяхъ Островскаго. Безъ всякаго сомнѣнія, художникъ не имѣлъ въ виду доказывать тѣхъ мыслей, какія мы теперь выводимъ изъ его комедіи; но онѣ сами собою сказались въ его произведеніяхъ, и сказались удивительно правильно. Лица его комедій постоянно остаются вѣрны тому подоженію, въ которое поставлены самодурнымъ бытомъ. Ни однимъ словомъ не возвышаются они надъ уровнемъ этого быта, не измѣняютъ основнымъ чертамъ ихъ типа, какъ онъ сложился въ самой жизни. Даже въ лучшихъ натурахъ комедій Островскаго мы не видимъ той смѣлости добра, которой могли бы требовать отъ нихъ при другихъ обстоятельствахъ, но которой именно не можетъ быть въ нихъ подлѣ гнетомъ самодурства. Едва въ слабомъ зародышѣ виднѣются въ нихъ начала высшаго нравственнаго развитія; но эти начала такъ слабы, что не могутъ служить побужденіемъ и оправданіемъ практической дѣятельности. Оттого всѣ нравственныя основанія поступковъ у честныхъ лицъ въ комедіяхъ Островскаго — виѣшни и очень узко ограничены, и всѣ вертятся только на исполненіи чужой воли, безъ внутренняго сознанія въ правотѣ дѣла. Такъ Авдотья Максимовна, отказываясь бѣжать съ Вихоревымъ, представляетъ только ту причину, что отецъ ее проклянетъ; а бѣжавши съ нимъ, сокрушается только о томъ, что «отецъ отъ нея отступится и весь городъ будетъ на нее пальцами показывать.» У Любови Гордѣевны эта виѣшность подчиненія долгу, не озаренная внутреннимъ убѣжденіемъ, выражается еще рѣзче. Вотъ что говоритъ она Митѣ, въ оправданіе своей рѣшимости — идти за Коршунова: «теперь изъ воли родительской мнѣ выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтобъ я шла замужъ. Должна я ему покориться, — такая наша доля дѣвчицъ. Такъ, зная, тому и быть должно, такъ ужь оно заведено изстари. Не хочу я супротивъ отца идти, чтобъ про меня люди не говорили, да въ примѣръ не ставили. Хотя я, можетъ быть, сердце свое надорвала черезъ это, да по крайности я знаю, что я по закону живу и никто мнѣ въ глаза насмѣяться не смѣетъ.» Въ этихъ словахъ нѣтъ вѣдь ни тѣни намека на нравственное значеніе поступка;

за то есть слово «законъ»... А каковъ онъ и какъ примѣняется здравымъ смысломъ къ данному случаю, — гдѣ же разсуждать объ этомъ дѣвухѣ: самодурное воспитаніе вовсе не приготавливаетъ къ такимъ разсужденіямъ.

Возведеніе послушанія въ высшій, абсолютный законъ дѣлается, впрочемъ, и самими самодурами, и даже еще съ большей настойчивостью, чѣмъ угнетенною стороною.... Это совершенно понятно: во-первыхъ, самодуръ также почти не имѣетъ истинныхъ нравственныхъ понятій и слѣдовательно не можетъ правильно различать добро и зло, и по необходимости долженъ руководствоваться произволомъ; во-вторыхъ — безусловное послушаніе другихъ очень выгодно для него, потому что затѣмъ онъ можетъ ужъ ничѣмъ не стѣсняться. Но и тутъ, разумѣется, самодурная логика далеко уклоняется отъ общечеловѣческой. По общей логикѣ слѣдовало бы, если ужъ человѣкъ ставитъ какія нибудь правила и требованія, хотя бы и произвольныя, — то онъ долженъ и самъ ихъ уважать въ данныхъ случаяхъ и отношеніяхъ, наравнѣ съ другими. Самодуръ разсуждаетъ не такъ: онъ считаетъ себя вправѣ нарушить, когда ему угодно, даже тѣ правила, которыя имъ самимъ признаны и на основаніи которыхъ онъ судитъ другихъ. И такая темнота разумнія въ «темномъ царствѣ», что не только самъ самодуръ, но и всѣ обиженыя и задавленные имъ признаютъ такой порядокъ вещей совершенно естественнымъ. Лучшимъ выраженіемъ этой любопытной стороны въ организаціи «темнаго царства» представляетъ комедія «Не такъ живи, какъ хочется.» Въ литературномъ отношеніи пьесу эту признаютъ менѣе другихъ замѣчательною, упрекаютъ въ слабости концепціи, находятъ натяжки въ нѣкоторыхъ сценахъ, и проч. Мы не будемъ долго на ней останавливаться, — не потому, чтобъ она того не стоила а потому, что во-первыхъ наши статьи и безъ того очень растянулись, а во-вторыхъ, сама пьеса очень проста — и по интригѣ, и по очеркамъ характеровъ, такъ что для объясненія ихъ не нужно много словъ, особенно послѣ того, что говорено было выше. Дѣло въ томъ, что Петръ Ильичъ пьянствуетъ, тиранитъ жену, бросаетъ ее, заводитъ любовницу, а когда она, узнавъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, хочетъ уйти отъ него къ своимъ родителямъ, общій судъ добрыхъ стариковъ признаетъ ее же виновною.... Собравшись домой, она на дорогѣ, на постояломъ дворѣ, встрѣчаетъ отца и мать, рассказываетъ имъ все свое горе и прибавляетъ, что ушла отъ мужа, чтобы жить съ ними, потому что ей ужъ терпѣнья не стало. Отецъ только диву дался, услышавъ такое вольнодумство. «Какъ къ намъ, — восклицаетъ онъ, — зачѣмъ къ намъ? Нѣтъ, поѣдемъ, я тебя къ мужу свезу.» Даша говоритъ: «нѣтъ, батюшка, не поѣду я

къ нему», — и отецъ, полагая, не рехнулась ли дочь его, — начинать ей такое увѣщаніе:

«Да ты пойми, глупая, пойми — какъ я тебя возьму къ себѣ? Вѣдь онъ мужъ твой!... (*Встаетъ съ лавки*). Поѣдемте: что болтать-то пустяки, чего быть не можетъ!... Какъ ты отъ мужа бѣжишь, глупая! Ты думаешь, — миѣ тебя не жаль? Ну, вотъ всѣ вмѣстѣ и поплачемъ о твоємъ горѣ — вотъ и вся наша помощь! Что я могу сдѣлать? Поплакать съ тобой — я заплачу. Вѣдь я отецъ твой, дитятко мое, милое мое! (*Плачетъ и целуетъ ее*). Ты одно пойми, дочка моя милая: Богъ соединилъ, человекъ не разлучаетъ. Отцы наши такъ жили, не жаловались, не роптали. Ужели мы умнѣ ихъ? Поѣдемъ къ мужу.»

Эти безчеловѣчныя слова внушены просто тѣмъ, что старикъ совершенно не въ состояніи понять: какъ же это такъ, — отъ мужа уйти! Въ его головѣ никакъ не помѣщается такая мысль. Это для него такая нелѣпость, противъ которой онъ даже не знаетъ, какъ и возражать, — все равно, какъ бы намъ сказали, что человекъ долженъ ходить на рукахъ, а ѣсть ногами: что бы мы стали возражать?.. Онъ только и можетъ, что повторять безпрестанно: «да какъ же это такъ?... Да ты пойми, что это такое.... Какъ же отъ мужа идти!... Какъ же это!...»

Казалось бы, тоже самое разсужденіе слѣдовало и къ мужу примѣнить. Нѣтъ, онъ вѣкъ закона!... Онъ — повелитель своей жены и самодурствуетъ надъ нею, сколько душѣ угодно, даже и въ то время, какъ самъ перелъ всю виноватъ и знаетъ это. Онъ узналъ, что жена провѣдала о его «кралечкѣ», кралечка провѣдала, что онъ женатъ, и прогнала его отъ себя: что же онъ? Совѣстится показаться къ женѣ? Чувствуетъ раскаяніе? Ничего не бывало; онъ еще поровить, воротясь домой, сорвать на ней сердце за свою неудачу у кралечки.... Кажется, это ужъ должно бы возмутить родителей бѣдной жены его: въ ихъ глазахъ онъ, кругомъ самъ виноватый, буйствуетъ и, не помня себя, грозитъ даже зарѣзать жену и выбѣгаетъ съ ножомъ на улицу.... Даша и говоритъ отцу: «посмотрите сами, каково сладко мое житье». А отецъ совѣтуетъ: «потерпи, подожди!» «Да чего миѣ отъ него ждать, когда отъ него ужъ и отецъ его отступился», возражаетъ Даша, прикрываясь авторитетомъ. «Ничего, потерпи», твердитъ отецъ, и затѣмъ старается представить ея несчастіе опять-таки праведной карой — все за непослушаніе, за то, что она безъ воли родителей замужъ вышла. Вотъ его рѣчь.

«Агафонъ. Все это не дѣло, все это не дѣло! Охъ, охъ, охъ! Не хорошо! Ты сама права, что ль? Дѣло сдѣлала, что насъ со старухой бросила? Говори, дѣло сдѣлала? Такъ это и надо? такъ это по закону и
Т. LXXVII. Отд. III.

слѣдуетъ? Врагъ васъ обуялъ! Вы — точно какъ не люди. Вотъ ты и терпи, и терпи! Да наказанье-то съ кротостью принимай, да съ благодарностью!... А то—что это? что это? Бѣжать хочеть! Какой это порядокъ? Гдѣ это ты видала, чтобы мужья съ женами порознь жили? Ну, ты его оставишь, бросишь его, а онъ въ отчаяніе придетъ — кто тогда виноватъ будетъ, кто? Ну, а захвораетъ онъ, — кто за нимъ уходить? Это вѣдь первый твой долгъ. А застигнешь его смертный часъ, захочеть онъ съ тобой проститься, а ты по гордости ушла отъ него....

Даша (*бросаясь ему на шею*). Батюшка!

Агафонъ. Ты подумай, дочка милая, поменяй хорошенько... (*плача*)
Глупы вѣдь мы, люди, охъ, какъ глупы! Горды мы!

Замѣьте, какъ добръ и чувствителенъ этотъ старикъ, и какъ онъ въ то же время жестокосердъ, единственно потому, что не имѣетъ никакого сознанія о нравственномъ значеніи личности и все привыкъ подчинять только внѣшнимъ законамъ, установленнымъ самодурствомъ. Не по чорствости или злобѣ, а совершенно наивно, начинаясь онъ упрекать свою дочь за прошлое, въ такую минуту, когда сердце ея и безъ того разрывается на части. И потомъ — какіе резоны онъ представляетъ? Онъ не говоритъ, что, дескать, мужъ твоѣ будетъ страдать, хворать и проч., такъ неужто тебѣ не жалко его будетъ? или что пибудь въ этомъ родѣ, — отъ сердца. Нѣтъ, у него совсѣмъ другое основаніе, «кто тогда *будетъ виноватъ?*» да: «это первый *твой долгъ*....» На основаніи этой, чисто-внѣшней морали, онъ и убѣждаетъ дочь: «потерпи, потерпи, — все хорошо будетъ».

И вѣдь дѣйствительно, — глупая случайность приходитъ для оправданія словъ старика, — точно такъ, какъ —

Вѣдь и случается: вольметъ

Да и скончается купчиха,

Передъ которой глупый песъ

Три ночи вылъ, поднявши носъ.

Тогда попробуй разувѣрить!...

Петръ Ильичъ, допившійся до чортиковъ, съ ножомъ въ рукѣ бѣжить на Москву рѣку, ничего не видя и не понимая. Вдругъ слухъ его поражается ударомъ колокола: къ заутренѣ гдѣ-то заблагоуѣстили. Онъ, по машинальной привычкѣ, поднимаетъ руку, чтобы перекреститься, — и видитъ, что въ рукѣ у него ножъ, а стоитъ онъ надъ самой прорубью.... Тутъ его страхъ взялъ, хмѣль мгновенно отшибло, онъ вспомнилъ увѣщанія отца и воротился домой съ полнымъ раскаяніемъ. Выслушавши рассказъ его, отецъ Даша самодовольно-нѣжно упрекаетъ ее: «что, дочка, говорилъ я тебѣ!...» Тѣмъ дѣло и кончается.

Когда вдумашься въ эту исторію, въ ней невольно представляется какой-то страшно-фантастическій смыслъ. Нѣкоторые утверждали, что здѣсь заключается показаніе того, какъ благодѣтельскіе для народа колокольный звонъ и какъ челоуѣка въ самыя трудныя минуты спасаютъ набожныя привычки, съ дѣтства усвоенныя. Нѣтъ подобности говорить, до какой степени странно подобное толкованіе. Нѣтъ, совсѣмъ другое представляется намъ въ этой драмѣ, примѣнительно къ общей идеѣ, какую паходимъ мы во всѣхъ произведеніяхъ Островскаго. Въ раскаявшемся Петрѣ Ильичѣ мы видимъ безотрадпость и безвыходность того положенія, въ кѣторое онъ самъ и всѣ, близко съ нимъ связанные, ввергнуты самодурнымъ бытомъ. Петра Ильича уговариваетъ отецъ, спрашиваетъ тетка, умоляетъ жена, которую убиваетъ его поведеніе, образумливаетъ товарищъ, отвергаетъ дѣвушка, для которой онъ бросаетъ жену — на него ничто не дѣйствуетъ. Никакихъ живыхъ началъ нравственности нѣтъ въ немъ, сердце его грубо и темно совершенно. Даже любовь въ немъ такъ дика, такъ безобразна! Дашу полюбилъ онъ и увезъ отъ отца, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже тиранитъ ее и считаетъ наказаніемъ своей жизни безотвѣтную, полносердечную любовь ея. По Грушѣ онъ съ ума сходитъ; но что же онъ дѣлаетъ, когда она, насмѣявшись надъ нимъ, выпроваживаетъ его? Онъ обращается къ Еремкѣ, у котораго есть знакомый кодуяъ, и спрашиваетъ: «можетъ онъ приворожить дѣвку, чтобъ любила, чтобъ не она надо мной, а я надъ ней куражился, какъ душъ угодно?» Вотъ предметъ его стремленій, вотъ любовь его: возможность куражиться надъ любимой женщиной, какъ душъ угодно!... Страшно, какъ подумаешь, что въдѣ обитатели «темнаго царства,» сколько мы знаемъ ихъ по Островскому, всѣ имѣютъ такія самодурныя наклонности, если сами не забиты до совершеннаго отреченія отъ своей личности.... Что же можетъ вразумить этихъ мрачныхъ людей, что можетъ спасти отъ отъ нихъ тѣхъ несчастныхъ, которые принуждены терпѣть отъ нихъ?... Ничто, положительно ничто изъ средствъ обыкновенныхъ. Никакимъ естественнымъ путемъ нельзя дойти до измѣненія ихъ понятій и характера. Нужно что нибудь чрезвычайное, крайнее, насильственное, хотя бы и совершенно безтолковое, для того, чтобы отрезвить ихъ. Надо было Петру Ильичу забратъся къ проруби на Москвѣ рѣкѣ, и именно въ то время, когда заблаговѣстили къ заутренѣ, — для того, чтобы очувствоваться!... Ну, а если бы этого не случилось?... Продолжалась бы эта жалкая жизнь Петра Ильича съ женою многіе годы, какъ она у многихъ и продолжается въ «темномъ царствѣ». Да и теперь кто поручится, что раскаяніе Петра Ильича прочно? Есть ли въ его характерѣ какіе нибудь задатки нрав-

ственного исправленія? Разумѣтся, — это ужь само по себѣ необходимо, чтобъ пьяница проснулся и чтобъ человѣкъ, допившійся до чортиковъ, перегодилъ немножечко, отдохнулъ и собрался съ силами. Но надолго ли это? Не забудьте, что раскаяніе Петра Ильича произошло подъ вліяніемъ призраковъ и чудовищъ, которыя ему мерещились въ пьяномъ видѣ... Онъ можетъ увѣрять, и всѣ сосѣди его могутъ вѣрить, что это дѣйствительно водяникъ или другой духъ водилъ его; но вѣдь мы знаемъ достовѣрно, что все это слѣдствіе разстроенной фантазіи, разгоряченнаго мозга. Какая же тутъ гарантія за нравственное исправленіе человѣка? Пока онъ еще чувствуетъ истощеніе отъ минувшей гульбы, да пока живъ въ его памяти страхъ недавняго происшествія, до тѣхъ поръ онъ и поостережется... А тамъ опять примется за прежнее: этого съ достовѣрностью можно ожидать, зная, что въ немъ вовсе не развито внутреннее сознаніе о необходимости честной и полезной жизни... И бѣдная женщина — его жена — должна будетъ попрежнему страдать въ своей горькой долѣ, если опять не совершится какого нибудь чуда. И старики — отецъ и мать ея — попрежнему будутъ о ней сокрушаться и убѣждать ее терпѣть!... Имъ-то все-таки легче: они ужь совсѣмъ обезличились, они всѣ насквозь прониклись ученіемъ, что должно —

Съ терпѣньемъ тяготу сносить
И безъ роптанія просить....

Но выдержитъ ли несчастная женщина, въ которой молодая натура еще сохраняетъ остатки жизни и все еще протестуетъ по временамъ, хотя и слабо, противъ мрачной силы, безправно и бессмысленно угнетающей ее?...

Навѣрное нѣтъ! Она неизбежно придетъ къ паденію, — не къ тому паденію, подъ которымъ на пошломъ языкѣ нашей искусственной морали разумѣтся полное наслажденіе любовью, — а къ дѣйствительному паденію, къ потерѣ нравственной чистоты и силы. Это паденіе одинаково можетъ постигнуть и мужчину, какъ женщину; но въ любящей женской натурѣ есть къ нему путь, который каждую минуту можетъ увлечь ее и по которому одинъ шагъ можетъ уже сдѣлать ее преступною и погибшею въ глазахъ общества. Путь этотъ — связь съ мужчиною. Мужчина тоже можетъ въ короткихъ отношеніяхъ съ женщиною искать спасенія отъ мрака и гадостей, окружающихъ его въ практической жизни. Тутъ онъ отдыхаетъ и успокоивается, тутъ онъ старается забыться. Но для мужчины подобныя отношенія не гибельны: на нихъ всѣ такъ и смотрятъ, какъ на невинное развлеченіе, они не оставляютъ на немъ пятна позора

передъ обществомъ. Онъ каждую минуту можетъ возвратиться отъ нихъ къ своимъ дѣловымъ отношеніямъ и вступить въ свою обычную среду, нисколько не потерявши своего нравственнаго значенія. Не то съ женщиной: разъ сдѣлавши невѣрный шагъ, она уже теряетъ, по силѣ господствующихъ нравовъ, возможность спокойнаго возврата на прежнюю дорогу. Она унижена, опозорена, отвержена, предъ нею всѣ двери заперты, — по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока она прямо въ лицо обществу надменно не броситъ своего позора, украшеннаго золотомъ какого нибудь самодура. Тогда, пожалуй, и передъ ней преклонятся, и даже станутъ подличать. Но и въ этомъ случаѣ глубокое нравственное растлѣніе должно совершиться въ ея натурѣ. Такимъ образомъ, — какъ ни иди дѣвушка, вездѣ ей тяжело и опасно, и нѣтъ пути, который не привелъ бы ее къ потерѣ нравственнаго достоинства. Пока она не совѣмъ загрузѣла и опошлѣла, — ее тяготитъ нужда, общее презрѣніе, беззащитность противъ всякаго встрѣчнаго, — такъ что она поневолѣ и незамѣтно должна привыкать и къ обману, и къ бездѣльничеству, и къ житью на чужой счетъ... А потомъ, когда она свыкнется съ своимъ положеніемъ и будетъ безмятежно продавать свои чувства и наслаждаться пышной праздностью, — тогда, при счастливомъ случаѣ, открытое поклоненіе, зависть и низости окружающихъ — выгонятъ изъ нея окончательно всякое доброе чувство и втиснутъ ее въ самую глубину разврата... Если же и счастливаго случая не встрѣтится, тогда.... тогда объ этихъ женщинахъ даже и неговорятъ нравственные люди, по крайней мѣрѣ въ трезвомъ видѣ...

Но вѣдь и эти женщины были когда-то чистыми, нравственными существами, достойными уваженія самыхъ чопорныхъ пурштовъ формальнаго цѣломудрія. Какъ же началось ихъ паденіе? Какія причины заставили ихъ ступить на ложный путь? Что рѣшило «первый шагъ» ихъ? Умствовать объ этомъ можно очень много; но мы не хотимъ умствовать, а дѣлаемъ эти вопросы только затѣмъ, что находимъ прямой отвѣтъ на нихъ въ комедіяхъ Островскаго. Отсутствие живаго нравственнаго развитія, неимѣніе опоры внутри себя, и самодурный гнетъ извиѣ—вотъ причины, производящія въ «темномъ царствѣ» безнравственность женщинъ, равно какъ и безнравственность мужчинъ. Мы уже видѣли, какъ выражается отсутствіе нравственной самостоятельности и неприязнь ко всему, вызванная самодурствомъ, въ натурахъ живыхъ и физически страстныхъ. Жена и сестра Пузатова только тѣмъ и живутъ, что обманываютъ его и потихоньку гуляютъ съ молодыми людьми, отпросившись въ церковь. Липочка Большова прельщается военными, боится отца, въ грошъ не ставитъ мать, и потомъ выходитъ за Подхалузина и прехладнокровно

отправляеть въ яму отца, чтобы не заплатить за него по 25 копѣекъ за рубль, изъ его же имѣнья.... Видѣли мы и то, какъ падаютъ и замирають подъ самодурнымъ гнетомъ кроткія и цѣлныя женскія натуры. Авдотья Максимовна, въ пору зрѣлости оставшаяся ребенкомъ въ своемъ развитіи, не умѣющая понимать—ни себя самоё, ни свое положеніе, ни окружающихъ людей, увлекается наущеніями Арины Осодотовны и плѣняется Вихоревымъ... Любовь Гордѣевна, не смѣющая даже сказать отцу о своей любви къ Мигѣ, идетъ за Коршунова, къ которому чувствуетъ страхъ и омерзѣніе. Не менѣе безнравственно и положеніе Даши, принужденной поить виномъ своего мужа, чтобы онъ, пьяный, приколотилъ ее... Но все это факты уже конченые; мы видимъ здѣсь уже совершившуюся смерть личности, и можемъ только догадываться о той агоніи, черезъ которую перешла молодая душа, прежде чѣмъ упала въ это положеніе. Но есть у Островскаго пьеса, гдѣ подслушанъ лепетъ чистаго сердца въ ту самую минуту, когда оно только-что еще чувствуетъ приближеніе нечистой мысли, пьеса, которая объясняетъ намъ весь процессъ душевной борьбы, предшествующей неразумному увлеченію дѣвушки, убиваемой самодурною силой... Пьеса эта, конечно, памятна нашимъ читателямъ, потому что она появилась въ нынѣшнемъ году и обратила на себя общее вниманіе. Мы уже говорили о ней въ «Современникѣ», и потому теперь скажемъ о ней только то, что можетъ прямо относиться къ объясненію нашей мысли. Надя, воспитанница Уланбековой, — добренькая и умпенькая дѣвушка, имѣющая очень скромныя и волюнѣ честныя стремленія. Она мечтаетъ о семейномъ счастьи съ любимымъ человѣкомъ, заботится о томъ, чтобы себя «облагородить», такъ, чтобы никому не стыдно было взять ее замужъ; думаетъ о томъ, какой она хорошіей порядокъ будетъ вести въ домѣ, вышедши замужъ; старается вести себя скромно, удаляется отъ молодого барина, сына Уланбековой, и даже удивляется на московскихъ барышень, — что онѣ очень бойки въ своихъ разговорахъ про кавалеровъ да про гвардейцевъ. «И откуда онѣ все это знаютъ?» спрашиваетъ она въ недоумѣніи сама себя... Словомъ, это дѣвушка, которая, при другихъ обстоятельствахъ, могла бы вполне соответствовать идеалу многихъ и многихъ людей: она отъ всей души хочетъ и по своей натурѣ можетъ быть хорошей женой и хорошей хозяйкой. Дайте ей еще нѣкоторое образованіе, она будетъ и хорошей матерью и воспитательницей своихъ дѣтей. Но она живетъ въ домѣ Уланбековой, этого безобразнаго самодура въ женскомъ платьи, — и все должно пропасть для бѣдной Нади. Лицо Уланбековой замѣчательно, какъ примѣръ того, что значитъ самодурство, перевесенное изъ купеческаго дома въ другую сферу. Здѣсь оно могучѣе,

вліяніе его обширнѣе, и потому оно еще отвратительнѣе. Купецъ ограничиваетъ свое самодурство упражненіями надъ домашними да надъ близкими людьми; но въ обществѣ онъ не можетъ дурить, потому что, какъ мы видѣли, онъ, въ качествѣ самодура, трусливъ и слабодушенъ предъ всякимъ независимымъ человѣкомъ. Ужь на что Титъ Титычъ Брусковъ, — и тотъ не посмѣлъ очень вольпичать надъ Ивановымъ, и, пришедши домой, сознавался: «они только тѣмъ и взяли, что я въ ихъ квартирѣ былъ; а пришли бы они сюда, такъ я бы ужъ бы ихъ уконтентовалъ». Буйный Петръ Ильичъ, прогнанный своей кралечкой, тоже расхотѣлся, только воротясь домой: «они надо мной насмѣялись, выгнали меня!... А здѣсь я дома, — все въ прахъ разобью, щепки живой не оставлю», — кричитъ онъ въ изступленіи. Такимъ образомъ многіе купеческіе самодуры «сердиты да не сильны», и общество очень много отъ нихъ страдать не можетъ. Но родовыя черты самодурства остаются тѣ же во всѣхъ сферахъ, и чѣмъ сфера обширнѣе, тѣмъ самодурство ужаснѣе и вреднѣе. Кругъ дѣйствія Уланбековой довольно великъ. Во-первыхъ, у ней домашнихъ очень много — воспитанницы, приживалки, ключницы, горничныя, служители... Потомъ, у ней есть крестьяне. Кромѣ того, она представляетъ сильное лицо въ цѣломъ околоткѣ и имѣетъ большое вліяніе. Она и чужія свадьбы насильно устроиваетъ, и на мѣста опредѣляетъ, и отъ суда защищаетъ... А какого качества ея вліяніе, — объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ чертамъ. Она проситъ исправника за своего крестника, Неглигентова, чтобъ его столоначальникомъ сдѣлали; исправникъ говоритъ, что мѣста нѣтъ. Уланбекова этимъ обижается, и говоритъ ему: «вы, кажется, не понимаете, кто васъ проситъ». Исправникъ принужденъ обѣщать. По этому поводу приживалка Уланбековой, Василиса Перегриновна, разсуждаетъ: «я и понять не могу, какъ это у него языкъ-то повернулся противъ васъ. Вотъ ужъ сейчасъ необразованіе-то и видно! Положимъ, что Неглигентовъ, по жизни своей, не стоитъ, чтобы объ немъ и разговаривать много, да по васъ-то онъ долженъ сдѣлать для него все на свѣтѣ, какой бы онъ тамъ ни былъ негодяй... Крестникъ онъ вамъ, ну, и конечно дѣло, — онъ никакихъ и разговоровъ не долженъ слушать... Всѣ это знаютъ, благодѣтельница, что вы, если захотите, такъ можете изъ грязи человѣкомъ сдѣлать; а не захотите, такъ будь хоть семи пядей во лбу, — такъ въ ничтожествѣ и пропадетъ. Самъ виноватъ: отчего не умѣлъ заслужить...» Весь цинизмъ самодурной морали и логики выраженъ здѣсь очень рельефно. Личность самодура ставится здѣсь центромъ всего нравственнаго міра; отъ нея все исходитъ и къ ней все должно возвращаться. Нѣтъ никакихъ правъ, кромѣ милости самодура, никакихъ

нравственныхъ правилъ, кромѣ угожденія его волѣ... Такимъ образомъ, вопросъ о законности ставится здѣсь съ безстыдною прямою: законъ есть не что иное, какъ воля самодура, и всѣ должны ей подчиняться, а онъ не долженъ стѣсняться ничѣмъ... Каково жить людямъ подъ такою моралью!...

А вотъ каково. Воспитанницъ своихъ Уланбекова держитъ строго, подъ замкомъ. Если онѣ осмѣлятся раскрыть ротъ, то она говоритъ имъ вотъ что: «я не люблю, когда разсуждаютъ, просто не люблю, да и все тутъ. Этого позволить я не могу никому. Я съ молоду привыкла, чтобъ каждаго моего слова слушались; тебѣ пора это знать! И мнѣ очень странно, моя милая, что ты осмѣливаешься возражать мнѣ. Я вижу, что избаловала тебя; а вы вѣдь сейчасъ зазнаетесь...» Но за то, по словамъ старика Потапыча, она хорошо одѣваетъ воспитанницъ и не заставляетъ ихъ работать: хочу, говоритъ, чтобъ всѣ имъ завидовали. Когда же онѣ выростутъ, отдастъ ихъ замужъ, по своему выбору. Объ этомъ Потапычъ такъ сообщаетъ Леониду, сыну Уланбековой:

«Скажутъ: я тебѣ нашла жениха, и вотъ, скажутъ, тогда-то свадьба; ну, и конецъ, тутъ ужъ и разговаривать ни одна не смѣй! За кого прикажутъ, за того и ступай. Потому что, сударь, я разсуждаю такъ: кому же пріятно, давши воспитаніе, да видѣть непокорность!... А бываетъ, сударь, и такъ, что и женихъ невестѣ не нравится, и невеста жениху, такъ тутъ ужъ очень гнѣваются.... такъ даже изъ себя выходятъ.... Пожелали онѣ одну воспитанницу отдать за лавочника въ городъ, а онъ, человекъ неполированный, вздумалъ было сопротивляться. Мнѣ, говоритъ, невеста не нравится, да я и жениться-то не хочу еще. Такъ въ тѣ поры и городничему жаловались, и отцу протопопу; ну, и уломали дурака».

По мнѣнію Потапыча, это значитъ, что барыня «на всѣхъ свою заботливость простираютъ.» Какое же побужденіе къ этой заботливости? Объяснить это старается сама Уланбекова—въ *поученіи*, которое она очень трогательно, со слезами на глазахъ, по словамъ Потапыча, читаетъ воспитанницамъ при выдачѣ ихъ замужъ. «Вы, говоритъ, жили у меня въ богатствѣ и въ роскоши, и ничего не дѣлали; теперь ты выходишь за бѣднаго, и живи всю жизнь въ бѣдности, и работай, и свой долгъ исполняй. И позабудь, говоритъ, какъ ты у меня жила, потому что не для тебя я это дѣлала; я себя только тѣшила, а ты не должна никогда объ такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество, и изъ какого ты званія....» И не подумайте, что это говорится со злобою или съ сарказмомъ; вовсе нѣтъ.—это отъ полноты души, отъ искренняго убѣжденія Уланбековой. Въ ней тоже нѣтъ особенной наклонности къ злу; вся бѣда въ томъ, что она, въ кругѣ

своихъ идей, ничего не можетъ признать, кромѣ себя. Все остальное кажется ей созданнымъ на ея службу, какъ злакъ полевой существуетъ не самъ по себѣ, а собственно на службу человѣкамъ.... Что же прикажете дѣлать съ такими понятіями?... А что она дѣйствительно наклонна къ тому, чтобы даже добро дѣлать, это доказывается тѣмъ, какъ она заботится о мужьяхъ своихъ воспитанницъ. Потапычъ говоритъ, что которыхъ воспитанницъ выдали за приказныхъ, такъ ужь мужьямъ жить хорошо. «Потому, если его выгнать хотятъ изъ суда или вовсе выгнали, онъ сейчасъ къ барынѣ къ нашей съ жалобой, и онъ ужь за него горой, даже самого губернатора беспокоятъ. И ужь этотъ приказный въ тѣ поры можетъ и пьянствовать, и все, и ужь никого не боится....» Конечно, вы скажете, что это ужь тоже нехорошо; но все-таки видно, что Уланбекова—не мучительница какая, не злодѣйка, а женщина чувствительная, благожелательная и благодѣтельная.

По своей благожелательности (а не по чему другому) Уланбекова задумала отдать Надю за пьяницу Неглигентова. Она очень просто говоритъ объ этомъ Василісъ Перегриновіѣ: «ты говоришь, что онъ дурную жизнь ведетъ; такъ надобно будетъ свадьбой поторопиться. Надя у меня—дѣвушка хорошихъ правилъ, будетъ его удерживать, а то онъ отъ холостой жизни совсѣмъ избалуется.» Надя сидитъ тутъ же, и слышитъ эти слова, и ничего не смѣетъ сказать противъ нихъ... Наконецъ она умоляетъ, плачетъ, ей дають выговоръ, и говорятъ: «слезы твои для меня ровно ничего не значать. Коли я что захочу сдѣлать, такъ ужь поставлю на своемъ, никого въ мирѣ не послушаю!... И впередъ знай, что упрямство твое ни къ чему не приведетъ, только разсердишь меня.» Говорится все это прилично и солидно; но, разумѣется, Надѣ оттого не легче. Самодурство здѣсь спрятало свои кулаки и плетку, но оно не лучше отъ этого, а пожалуй еще похуже. Въ одной пьесѣ Островскаго есть точно такая сцена въ купеческой семьѣ; та гораздо грубѣе, но все-таки не такъ возмутительна. Это сцена въ «Не сошлись характерами», гдѣ Карпъ Карпычъ сообщаетъ своей дочери о свадьбѣ своей племянницы, и по этому поводу разсуждаетъ съ женой своей Улитой Никитишной. Мы выпишемъ эту сцену для сравненія: она очень коротка.

Карпъ Карпычъ. А вотъ и у насъ скоро свадьба: Матрену въ саду съ прикащикомъ застали, такъ хочу повѣнчать (*Матрена закрываетъ лицо рукавомъ*); тысячу рублей ему денегъ и свадьба на мой счетъ.

Улита Никитишна. Тебѣ бы только пображничать гдѣ было; затѣмъ и свадьбу-то ватѣлять.

Карпъ Карп. Ну, еще что?

УЛИТА Ник. Ничего больше.

КАРПЪ КАРП. (*строю*) Нѣтъ, ты поговори!

УЛИТА Ник. Ничего, право, ничего.

КАРПЪ КАРП. (*строже*) Нѣтъ, поговори что нибудь, я послушаю.

УЛИТА Ник. Да что говорить-то, коли не слушаешь.

КАРПЪ КАРП. Что слушать-то! Слушать-то у тебя нечего. Эхъ, Улита Никитишна! (*грохотъ пальцемъ*) Сказано—молчи! Я хочу, чтобъ дѣвка чувствовала, а ты съ своими разговорами.... (*Матрена закрываетъ другимъ рукавомъ глаза*) Третью племянницу такъ отдаю. Я всей роднѣ благодѣтель. Вотъ теперь есть еще маленькая, такъ и ту на мѣсто Матрены возьму, и ту въ люди выведу.»

Тутъ и ругательство, и угроза, и насиліе, словомъ—самодурство въ полномъ ходу.... Но оно не развилось здѣсь до той виртуозности, какъ въ Уланбековой. Тутъ Матрена вѣнчается съ прикащикомъ, съ которымъ застали ее въ саду, — дѣло простое и ясное. Такъ, вѣроятно, выдалъ Карпъ Карпычъ и другихъ своихъ племянницъ. Еслибъ онъ могъ придумать выдавать ихъ за тѣхъ, за кого онъ не хотѣлъ и кто ихъ брать не хотѣлъ, то очень можетъ быть, что эта идея и понравилась бы ему.... Но онъ еще не утончился до подобныхъ выдумокъ; а Уланбекова пустилась уже и въ эту роскошь. Затѣмъ и самая манера у Карпа Карпыча другая: онъ съ женой своей обращается хуже, чѣмъ Уланбекова съ воспитанницей, онъ не даетъ ей говорить, онъ даже можетъ быть, бивалъ ее; но все-таки жена можетъ ему дѣлать кое-какія замѣчанія, а Надя передъ Уланбековой совершенно безгласна. Вотъ, какъ мало отрады приносятъ цивилизованныя формы самодурства!

И вотъ при этомъ—то, холодно и степенно нанесенномъ ударѣ, появляется въ Надѣ то горькое, рвущее чувство, которое заставляетъ человѣка бросаться безъ памяти, очертя голову, куда случится, — въ воду, такъ въ воду, въ объятія перваго встрѣчнаго, такъ въ объятія! Ея ощущенія переданы въ пьесѣ Островскаго съ изумительной силой и яркостью; такихъ глубоко-истинныхъ очерковъ не много во всѣхъ произведеніяхъ нашей литературы. Мы уже приводили въ «Современникѣ» (№ 11) эту сцену; но не можемъ еще разъ не напомнить читателямъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея. «Я и сама не знаю, что со мной вдругъ сдѣлалось, говорить—Надя. — Какъ только барыня давеча сказала, чтобъ не смѣла я разговаривать, а шла, за кого прикажутъ, такъ у меня все сердце перевернулось. Что, я подумала, за жизнь моя, Господи! (*плачетъ*) Что въ томъ проку-то, что живу я честно, что берегу себя не только отъ слова какого, а и отъ взгляду-то?... Такъ меня зло даже взяло на себя. Для чего, я думаю, мнѣ беречь-то себя? Вотъ не хочу жь, не хочу!... А у самой такъ

сердце и замерло, — кажется, еще скажи она слово, я-бъ умерла на мѣстѣ.» Въ этой исповѣди ясно, какимъ безвыходнымъ кругомъ обводитъ самодурство всѣхъ несчастныхъ, захваченныхъ его влияніемъ. Надя не приучена къ тому, чтобы сохранить власть надъ собою и остаться вѣрною своимъ понятіямъ изъ внутренняго убѣжденія въ ихъ правотѣ и силѣ; у нея скромность и честность имѣютъ прямую цѣль — сохранить себя для замужества.... Но естественное чувство ея внезапно оскорбляется приказаніемъ идти за пьянаго и грязнаго негодая.... Всѣ ея дѣвическія мечты разбиты, тяжелая доля ея предстаетъ ей во всей своей безжалостной грубости. Прежде она мечтала, какъ будетъ сидѣть съ женихомъ, — словно княжна какая, словно у ней каждый день праздникъ, — какъ она будетъ жить замужемъ, словно въ раю, словно гордясь чѣмъ-то.... А теперь у ней другія мысли; она подавлена самодурствомъ да и впереди ничего не видитъ, кромѣ того же самодурства: «какъ подумаешь,—говоритъ она,—что станетъ этотъ безобразный человѣкъ издѣваться надъ тобой, да ломаться, да свою власть показывать, загубитъ онъ твой вѣкъ ни за что!... Не живя ты съ нимъ состаришься.... Такъ ужь право, молодой баринъ лучше....» И въ самомъ дѣлѣ — она въ своей «отчаянности», какъ выражается она, — находитъ, что ей нравится Леонидъ, который за ней давно ужь ухаживаетъ.... Прежде она отъ него бѣгала, а теперь бросилась въ его объятія, вышедши къ нему вечеромъ въ садъ; онъ свозилъ ее на лодочкѣ на уединенный островокъ, ихъ подсмотрѣла Василиса Перегриновна, донесла Уланбековой, и та, пришедши въ великій гнѣвъ, велитъ тотчасъ послать къ Неглигентову, — (котораго предъ тѣмъ уже выгнала отъ себя за то, что онъ пришелъ къ ней пьяный — и слѣдовательно не выказалъ ей уваженія) сказать ему, что свадьба его съ Надеей должна быть какъ можно скорѣе....

Тутъ является и Леонидъ съ своими сожалѣніями.... Но онъ уже зараженъ воздухомъ самодурства, онъ ничего не можетъ сдѣлать путнаго. Въ «Воспитанницѣ» мимоходомъ, но съ поразительной истиной выставлено то, какъ эпидемія самодурства, разлитая въ атмосферѣ всего «темнаго царства» непримѣтно, но неизбежно заражаетъ самую свѣжій натуры. Леонидъ — мальчикъ 18 лѣтъ, но злой и не совсѣмъ глупый; характеръ его еще не сложился. Но посмотрите, какія у него замашки, какъ онъ уже испорченъ въ корнѣ и какъ все окружающее способствуетъ его дальнѣйшему развращенію, какъ все вырабатываетъ изъ него отвратительнѣйшаго самодура. Одни разговоры съ Потапычемъ чего стоятъ! Онъ замѣчаетъ Потапычу, озирая имѣнье: «вѣдь это все мое будетъ.» И Потапычъ отвѣчаетъ: «все, сударь, ваше, и мы ваши будемъ.... Какъ, зна-

читъ, при баринѣ, при покойникѣ, такъ все равно и вамъ должны... Потому — одна кровь... Ужь это прямое дѣло...» Затѣмъ Леонидъ объясняетъ, что онъ служить не намѣренъ, потому что «тамъ еще писать заставить»... Потапычъ и на это свою рѣчь держитъ: «нѣтъ, сударь, зачѣмъ же вамъ самимъ дѣло дѣлать! Ужь это не порядокъ! Вамъ такую службу найдутъ, — самую барственную, великатную; работать будутъ приказные, а вы будете надъ ними надо всѣми начальникомъ. А чины ужь сами собою пойдутъ...» Затѣмъ Леонидъ жалуется, что дѣвушки отъ него бѣгаютъ. Потапычъ объясняетъ, что это оттого, что маменька его соблюсти желаетъ, и ихъ тоже. Потомъ прибавляетъ:

«Да чтожь, сударь: маменька ваша, обыкновенно, должны строгость наблюдать, потому какъ онѣ дамы. А вамъ что на нихъ смотрѣть! Вы сами по себѣ должны поступать, какъ всѣ молодые господа поступаютъ. Ужь вамъ порядку этого терять не должно. Чтожь вамъ отъ другихъ-то отставать? Это будетъ къ стыду къ вашему.

Леонидъ. Такъ-то такъ, да не умѣю я съ дѣвушками разговаривать.

Потапычъ. Да вамъ что съ ними разговаривать-то долго? Объ какихъ наукахъ вамъ съ ними разговаривать? Нешто онѣ что понижаютъ! Обыкновенно — вы баринъ, ну, вотъ и конецъ...»

И Леонидъ быстро напиться этими понятіями. Въ сценѣ съ Надей въ саду онъ выказываетъ себя пустымъ и дряннымъ мальчикомъ, — не больше; но въ послѣдней сценѣ, когда онъ узналъ о гнѣвѣ матери и о судьбѣ, грозившей Надѣ, онъ просто гадохъ... Онъ суетится, спрашиваетъ, нельзя ли помочь, жалѣетъ Надю, повидимому; но въ сущности ему ужь нѣтъ до нея дѣла... Бѣдѣ можно помочь однимъ средствомъ: Уланбекова сердита главнымъ образомъ за то, что Гришка, 19-ти лѣтній лакей, ея любимецъ, не ночевалъ дома; Гришка ушелъ и завалился на сѣно, мало заботясь о гнѣвѣ барыни; но нужно послать его просить прощенья, — тогда Уланбекова развеселится, и ее можно будетъ упросить за Надю. Василиса Перегриновна язвительно предлагаетъ Леониду — попросить Гришку чтобы шелъ къ баринѣ. Но мальчикъ, немного подумавъ, отвѣчаетъ: «нѣтъ, ужь это ему много чести будетъ»... И рѣшивъ этимъ отвѣтомъ исполненіе грязнаго приговора матери надъ судьбою Нади, онъ опять начинаетъ спрашивать: «что дѣлать», да приставать съ сожалѣніями... Надя ужь выходитъ изъ терпѣнія наконецъ и говоритъ ему: «полноте о такихъ пустякахъ беспокоиться; вы же поѣдете въ Петербургъ скоро; веселитесь — себѣ тамъ. А до меня что вамъ за дѣло.» Леонидъ обиженъ, и спрашиваетъ: «зачѣмъ такъ говорить мнѣ?» «Затѣмъ, что вы мальчикъ еще, отвѣчаетъ Надя, и заключаетъ: — ужь уѣхали бѣ

вы куда нибудь лучше! А у меня коли терпѣнья не хватитъ, такъ прудъ—то у насъ недалеко!...» И Леонидъ, нѣсколько озадаченный, но втайнѣ очень довольный, что можетъ отдѣлаться, говоритъ: «а въ самомъ дѣлѣ, я лучше поѣду къ сосѣдямъ на недѣлю....» И оставляетъ Надю, которая вчера бросилась въ его объятія—по влечению того же чувства, по которому теперь собирается броситься въ прудъ....

Итакъ вотъ гдѣ источникъ паденій, вотъ причина нравственного растлѣнія, такъ обильно разлитого по всему «темному царству» самодуровъ! «Пока я думала, что я человекъ, какъ и всѣ люди, говоритъ Надя: — такъ у меня и мысли были другія. А какъ начала она мной, какъ куклой, командовать, да какъ увидѣла я, что никакой мнѣ воли, ни защиты нѣтъ, такъ отчаянность на меня напала.... Куда страхъ, куда стыдъ дѣвался.... Хоть день, да мой, думаю,—а тамъ что будетъ, то будетъ, ничего я и знать не хочу....» И въ этихъ мысляхъ бросилась дѣвушка на свою погибель, и дѣйствительно только часомъ какимъ нибудь и попользовалась.... Да и тотъ уже отнять у ней, потому что воспоминаніе вчерашней сцены любви уже отравлено, запачкано нынѣшнимъ поведеніемъ Леонида. «*Кому я отдалась, на кого расточила я свои чистыя, дѣвственныя ласки!*» должна думать теперь несчастная дѣвушка, и стыдъ горькой ошибки будетъ преслѣдовать ее сильнѣе и долше, нежели печаль объ утраченной невинности. Да собственно говоря—и безнравственность то ея поступка состоитъ вѣдь только въ томъ, что она сгоряча очень глупо распорядилась собой.... А что же ей было дѣлать, однако?... Ее ужъ не одно чувство законности удерживало отъ открытаго возстанія противъ воли «благодѣтельница», а просто бессиліе, невозможность. Куда же ей было дѣваться, гдѣ и какими средствами искать защиты, на какія средства существовать, наконецъ?... Ей, кромѣ того, что она сдѣлала, только одно и оставалось: утопиться въ прудъ.... Такъ вѣдь и это тоже не велика радость!...

Здѣсь—то и открывается намъ другая причина, приведенная нами на то, отчего такъ крѣпко держится самодурство, само по себѣ несостоятельное и давно прогнившее внутри. Чувство законности, сдѣлавшееся чисто пассивнымъ и окаменѣлымъ, превратившееся въ тупое благоговѣніе къ авторитету чужой воли, не могло бы такъ кротко и безмятежно сохраняться въ угнетенныхъ людяхъ, при видѣ всѣхъ нелѣпостей и гадостей самодурства, если бы его не поддерживало что нибудь болѣе живое и существенное. И дѣйствительно, оно поддерживается постоянно тѣмъ, что въ людяхъ есть неизбѣжное стремленіе и потребность — обезпечить свой матеріальный бытъ. Эта потребность, въ соединеніи съ тупымъ и неразумнымъ чувствомъ за-

конности, чрезвычайно благоприятствует процвѣтанію самодурства. Если бы чувство законности не было въ людяхъ «темнаго царства» такъ неподвижно и пассивно, то, конечно, потребность въ улучшеніи матеріальнаго быта повела бы совсѣмъ къ другимъ результатамъ. Митя не сталъ бы заглазно плакаться на хозяина и молчать передъ нимъ, считая закономъ его волю, а просто нашелъ бы очень законнымъ дѣломъ — потребовать отъ него прибавки жалованья. Самъ Подхалюзинъ — не сталъ бы обмѣривать и обсчитывать, повинуюсь волѣ хозяина, какъ высшему закону, и откладывая гроши себѣ въ карманъ, а просто потребовалъ бы участія въ барышахъ Большова, такъ какъ онъ уже всѣми его дѣлами завѣдывалъ. Тогда, конечно, Большову и банкротство бы не понадобилось. Да и самодурствовать-то ему было бы не слишкомъ повадно. Съ другой стороны, если бы надобности въ матеріальныхъ благахъ не было для человѣка, то, конечно, Андрей Титычъ не сталъ бы такъ дрожать передъ тятенькой, и Нада могла бы не жить у Уланбековой, и даже Тишка не сталъ бы уважать Подхалюзина.... Но теперь дѣла представляются въ такомъ видѣ: матеріальныя блага нужны всякому человѣку, но они уже захвачены самодурами, такъ что слабая, угнетенная сторона, находящаяся подъ ихъ вліяніемъ, должна и въ этомъ зависѣть отъ самодурной милости какого нибудь Торцова или Уланбековой; можно бы отъ нихъ потребовать того, чѣмъ они владѣютъ не по праву; но чувство законности запрещаетъ нарушать должное уваженіе къ нимъ.... Что же изъ этого выходитъ? Слѣдствіе, кажется, ясно: нужно «безъ роптанія просить» отъ самодуровъ, чтобы они, живя сами, дали жить и другимъ.... Но чтобы они исполнили просьбу, нужно свискать ихъ милость; а для этого надо во всемъ съ ними согласиться, имъ покориться и «съ терпѣніемъ тяготу сносить», если придется.... А тяготы придется довольно, судя «по крутому-то характеру» Гордѣя Карныча или г-жи Уланбековой, да и по ихъ непроходимой глупости... Ко всему этому надо себя приготовить, воспитать себя для этого, а именно: *переломить* свой характеръ *выбить* изъ головы дурь, т. е. собственныя убѣжденія, *смирить* себя, т. е. отложить всякую мысль о своихъ правахъ и о человѣческомъ достоинствѣ. Все это самими самодурами очень успѣшно и выполняется надъ всѣми людьми, родящимися въ предѣлахъ ихъ вліянія. Оттого-то у нихъ и есть всегда подъ руками такъ много безотвѣтныхъ Митей, Андриушъ, раболѣпныхъ Потапычей, и т. п. Если же въ комъ и послѣ самодурной дрессировки еще останется какое нибудь чувство личной самостоятельности, и умъ сохранить еще способность къ составленію собственныхъ сужденій, то для этой личности и ума готовъ торный путь: самодурство, какъ мы убѣди-

лись, по самому существу своему тупоумно и невѣжественно, следовательно ничего не можетъ быть легче, какъ науть любого самодура. Человѣкъ, сохранившій остатки ума, непременно на то и пускается въ этомъ самодурномъ кругѣ «темнаго царства», если только пускается въ практическую дѣятельность; отсюда и произошла поговорка, «что умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ».

Такимъ образомъ, подъ самодурами два разряда ихъ воспитанниковъ и кліентовъ—живые и неживые. Неживые, задавленные, неподвижные, — такъ ужъ и лежать, не обнаруживая никакихъ попытокъ: перетащутъ ихъ съ одного мѣста на другое, — ладно, а не перетащутъ, — такъ и сгниютъ.... Живые, напротивъ, все стараются помѣститься получше и поближе около самодура, а если линия подойдетъ, то и ножку ему подставить, чтобы сѣсть на него верхомъ и самимъ задурить. И новый самодуръ ужъ бываетъ хуже, опаснѣй и долговѣчнѣй, потому что онъ хитрѣе прежняго и наученъ его горькимъ опытомъ. Такъ оно все и идетъ: за однимъ самодуромъ другой, въ другихъ формахъ, болѣе цивилизованныхъ, какъ Уланбекова цивилизована сравнительно, напримѣръ, съ Брусковымъ, но въ сущности съ тѣми же требованіями и съ тѣмъ же характеромъ. Живыя природы угнетаемой стороны пускаются въ плутни для своего обезпеченія, а неживыя стараются своей неподвижностью и покорностью заслужить себѣ милость самодура и капельку живой воды (которую онъ впрочемъ даетъ имъ очень рѣдко, чтобы не слишкомъ оживились).

Изъ этихъ короткихъ и простыхъ соображеній не трудно понять, почему тяжесть самодурныхъ отношеній въ этомъ «темномъ царствѣ» обрушивается всего болѣе на женщинъ. Мы обѣщали въ прошлой статьѣ обратить вниманіе на рабское положеніе женщины въ русской семьѣ, какъ оно является въ комедіяхъ Островскаго. Мы, кажется, достаточно указали на него въ настоящей статьѣ; остается намъ сказать нѣсколько словъ о его причинахъ и указать при этомъ на одну комедію, о которой до сихъ поръ мы не говорили ни слова, — на «Бѣдную Невѣсту».

По устройству нашего общества, женщина почти вездѣ имѣетъ совершенно тоже значеніе, какое имѣли паразиты въ древности: она вѣчно должна жить на чужой счетъ. Понятно, какое обидное мнѣніе о женщинѣ складывается поэтому само собою въ обществѣ... Правда, что на чужой счетъ живутъ и сами домовладыки этого «темнаго царства,» подобные Брускову, Большову и проч. Но тѣ упорно держать за собою какое-то, нѣкъмъ невыговоренное, но всѣми признанное *право* на тунеядство. Притомъ они оправдываются даже правилами политической

экономіи: у нихъ есть капиталъ (откуда и какъ онъ добытъ, — до этого ужъ что за дѣло!), и они по праву пользуются процентами.... А если проценты эти въ торговлѣ ихъ и оказываются нѣсколько чрезмѣрны, то опять въ этомъ никто не виноватъ: значитъ, конкуренція слаба. Наконецъ, надо и то разсуждать: самодуръ, по общему сознанию и по его собственному убѣжденію, есть начало, центръ и глава всего, что вкругъ него дѣлается; значитъ, хоть бы онъ собственно-самъ и ничего не дѣлалъ, но за то дѣятельность другихъ принадлежитъ ему. Отъ него вѣдъ дается право и способы къ дѣятельности; безъ него остальные люди ничтожны, какъ говоритъ Юсовъ въ «Доходномъ Мѣстѣ:» «обратили на тебя вниманіе, ну, ты и человекъ, дышешь, а не обратили, — что ты?» Такъ, стало быть, о бездѣятельности самихъ самодуровъ и говорить нечего. Надо говорить о другой половинѣ «темнаго царства,» о той, которую мы назвали угнетаемою. Тутъ всѣ трудятся болѣе или меньше. Конечно, трудъ этотъ не свободенъ, не самостоятеленъ; трудящіеся во всемъ зависятъ отъ прихоти самодуровъ и часто принуждены дѣлать вовсе не то, что слѣдуетъ, и что имъ хочется... Вспомнимъ, какъ Андрюша Брусковъ порывается учиться, какъ Митя стремится къ тому, чтобы «образовать себя,» и какъ имъ это не удается. Они стало быть, тоже очень стѣснены въ своей дѣятельности, и именно вслѣдствіе небезопасности своего положенія, вслѣдствіе зависимости ихъ матеріальныхъ средствъ отъ первой прихоти самодура... Но все-таки они еще могутъ надѣяться, что и самодуръ не вдругъ ихъ прогонитъ и броситъ: все же они что нибудь дѣлаютъ и приносятъ пользу самодуру. Положимъ, Торцовъ не дорожитъ прикащиками, такъ же, какъ Вышневецкій въ «Доходномъ Мѣстѣ» чиновниками, и можетъ ихъ мѣнять каждый день. Но на мѣсто смѣненныхъ надо же кого нибудь опредѣлить; слѣдовательно Торцовъ имѣетъ вообще нужду въ людяхъ, и слѣдовательно, хоть въ слѣдствіе своего консерватизма, не будетъ зря гонять тѣхъ, которые ему не противятся, а угождаютъ. Притомъ же и самыя занятія мужчины, какъ бы они ни были второстепенны и зависимы, все таки требуютъ извѣстной степени развитія, и потому кругъ знаній мальчика, съ самаго дѣтства, даже въ понятіяхъ самихъ Брусковыхъ, предполагается гораздо обширнѣе, чѣмъ для дѣвочки. Андрюша Брусковъ, напр., по фабрикѣ у отца — первый; для этого надо же ему было хоть посмотреть на что нибудь, если ужъ не учиться систематически, какъ слѣдуетъ. А о дочеряхъ мать этого же Андрюши говоритъ очень наивно: «что дочери! Дочерей и запереть можно, да и хлопотъ съ ними меньше, — ни учить, ни что». За дочерьми, по ея мнѣнію, только и нуженъ присмотръ, чтобы ихъ отъ парней уберечь до замужества; а тамъ уже

мужъ будетъ беречь свою жену отъ постороннихъ.... Во всѣхъ, до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами, комедіяхъ Островскаго мы видѣли, какъ всѣ обитатели его «темнаго царства» выражаютъ полнѣйшее пренебреженіе къ женщинѣ, которое тѣмъ болѣе безнадежно, что совершенно добродушно. Тутъ нѣтъ даже и такого раздраженія, съ какимъ напр., одинъ господинъ отдѣлывалъ купца, осмѣливагося писать о крестьянскомъ вопросѣ. Въ томъ раздраженіи, какъ оно ни высокоумно, все-таки видно боязливое вниманіе, какое-то смутное сознаніе, что въ противной сторонѣ все-таки кроется нѣкоторая сила; тонъ пренебреженія здѣсь искусственъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ той отношеній мужей къ женамъ и отцовъ къ дочерямъ, въ «темномъ царствѣ» комедій Островскаго. Эти господа не раздражаются, не встаютъ серьезно противъ значенія женщины; они позволяютъ своимъ женамъ даже спорить съ собой.... Но просто они не могутъ помѣстить въ головѣ мысли, что женщина есть тоже человѣкъ, равный имъ, имѣющій свои права. Да этого и сами женщины не думаютъ. «Ужь что женщина! курица не птица, женщина не человѣкъ», — повторяютъ онѣ вмѣстѣ съ Ничкиной въ «Праздничномъ Снѣ». Она сама ничего не дѣлаетъ, ничего не приобретаетъ, не играетъ никакой роли въ обществѣ, не составляетъ никакой инстанціи въ дѣлахъ. Что бы она ни была, все она только по отцѣ да по мужѣ.... И она безропотно покоряется этому, находя, что такъ быть должно, такъ ужъ испоконъ вѣку заведено, и стало быть судьба ужъ такая.... Слабыя попытки ея выказать свое значеніе ограничиваются только развѣ разговорами, подобными слѣдующему разговору Улиты Никитишны съ Карпомъ Карпычемъ, въ «Не сошлись характерами». Мы приводимъ этотъ разговоръ, потому что въ немъ, кромѣ подтвержденія нашей мысли, находимъ одинъ изъ примѣровъ того мастерства, съ какимъ Островскій умѣетъ передавать неуловимѣйшія черты пошлости и тупоумія, повсюду разлитыхъ въ этомъ «темномъ царствѣ» и служащихъ, вмѣстѣ съ самодурствомъ, главнымъ основаніемъ его быта.

«Улита Никитишна. *(заваривая чай)*. Нынче все муаръ антикъ въ моду пошелъ.

Карпъ Карпычъ. Какой это муаръ антикъ?

Улита Никитишна. Такая матерія.

Карпъ Карпычъ. Ну, и пуцай ее.

Улит. Ник. Да я такъ.... Вотъ кабы Серафимочка замужъ вышла, такъ ужъ сшила бы себѣ, кажется.... Всѣ дамы носить.

Кар. Карп. А ты нешто дама?

Улит. Ник. Обновленно дама.

Т. LXXVII. Отд. III.

КАРП. КАРП. Да вот можешь ты чувствовать,—не могу я слышать этого слова.... когда ты себя дамой называешь.

УЛИТ. НИК. Да что же такое за слово: — дама? Что въ немъ....
(ищетъ слова) постыднаго?

КАРП. КАРП. Да коли не люблю! Вотъ тебѣ и скажъ!

УЛИТ. НИК. Ну, а Серафимочка дама?

КАРП. КАРП. Известно—дама: та ученая, да за баринномъ была. А ты что? Все была баба, а какъ мужъ разбогатѣлъ, дама стала. А ты своимъ умомъ дойди.

УЛИТ. НИК. Да, нѣтъ! Все таки.... какже!

КАРП. КАРП. Сказано — молчи, ну и баста! (молчаніе).

УЛИТ. НИК. Когда было это сраженіе?

КАРП. КАРП. Какое страженіе?

УЛИТ. НИК. Ну, вотъ недавно-то. Развѣ не помнишь, что ли?

КАРП. КАРП. Такъ что же?

УЛИТ. НИК. Такъ много изъ простаго званія въ офицеры проишли.

КАРП. КАРП. Вѣдь не бабы же. За свою службу каждый получаетъ, что соотвѣтственно.

УЛИТ. НИК. А какже вотъ, къ намъ мѣщанка ходитъ, такъ говорила, что когда племянникъ курсъ выдержитъ, такъ и она будетъ благородная.

КАРП. КАРП. Да, дождайся.

УЛИТ. НИК. А говорить, въ какихъ-то земляхъ изъ женщинъ полки есть.

КАРП. КАРП. (смѣется). Гвардія! (молчаніе).

УЛИТ. НИК. Говорятъ, грѣшно чай пить.

КАРП. КАРП. Это еще отчего?

УЛИТ. НИК. Потому — изъ некрещеной земли идетъ.

КАРП. КАРП. Мало ли что изъ некрещеной земли идетъ.

УЛИТ. НИК. Вотъ тебѣ примѣръ: хлѣбъ изъ крещеной земли, мы его и ѣдимъ во время; а чай — когда пьемъ? Люди къ обѣдѣ, а мы за чай; вотъ теперь вечерня, а мы за чай. Вотъ и значить грѣхъ.

КАРП. КАРП. А ты пей во время.

УЛИТ. НИК. Нѣтъ, все-таки....

КАРП. КАРП. Все-таки молчи. Ума у тебя нѣтъ, а разговаривать любишь. Ну, и молчи! (молчаніе).

УЛИТ. НИК. Какая Серафимочка у насъ счастливая! была за баринномъ — барыня стала; и овдовѣла — все-таки барыня. А какъ теперь, если за князя выйдетъ, такъ, пожалуй, княгиня будетъ.

КАРП. КАРП. Все-таки по мужѣ.

УЛИТ. НИК. Ну, а какъ Серафимочка за князя выйдетъ, неужто я такъ-таки ничего? Вѣдь она мое рожденіе.

КАРП. КАРП. Съ тобой говорить, только мысли въ головѣ разбивать. Я было объ дѣлѣ задумалъ, а ты тутъ съ разговоромъ, да съ глупостями. Вѣдь вашего бабьяго разговору всю жизнь не переслушаешь. А сказать тебѣ: молчи! такъ вотъ дѣло-то короче будетъ.

Послѣ этого разговора, Карпъ Карпычъ замѣчаетъ про себя, что «кабы на бабъ да не страхъ, съ ними бы и не сообразилъ».... Все, говорить, соблазняютъ мужчинъ, и «молодой человекъ, который и неопытный, можетъ польститься на ихъ прелесть, а человекъ, который въ разумъ входитъ и въ лѣта постоянныя, для того женская прелесть ничего не значить, даже скверно».... Съ этой стороны всѣ и смотрятъ на женщину въ «темномъ царствѣ», да еще и то считаютъ за одолженіе.... Видно, что остатки воззрѣній востока до сихъ поръ еще очень значительны здѣсь.... Женщинъ не продаютъ такъ открыто на рынкахъ, какъ дѣлали на востокѣ, но нельзя сказать, чтобъ ихъ не продавали вовсе. И даже способъ продажи все еще довольно циниченъ и безстыденъ, какъ это можно видѣть на нѣсколькихъ экземплярахъ свахъ, выведенныхъ Островскимъ въ разныхъ его комедіяхъ. Мы не будемъ останавливаться на этихъ лицахъ, потому что и такъ уже давно злоупотребляемъ терпѣніемъ читателя; но не можемъ не указать на сцены сватанья въ «Бѣдной Невѣстѣ». Вся эта пьеса отличается совершенной простотой и обыденностію и отсутствіемъ всякихъ рѣзкихъ чертъ, подобныхъ, напримѣръ, разсужденіямъ вдовы Кукушкиной въ «Доходномъ Мѣстѣ». Но тѣмъ не менѣе сватанье дѣвушки, заботы матери о ея выдачѣ, разговоры о женихахъ — все это можетъ навести ужасъ на человека, который задумается надъ комедіей.... Анна Петровна, мать Марьи Андреевны, — женщина слабая, сырая, позабывчивая, какъ она сама себя рекомендуетъ. Каждый ея шагъ ясно доказываетъ, что она выросла и прожила большую часть жизни тоже подъ какимъ-то гнетомъ, отнявшимъ у нея всякую способность и вкусъ къ самостоятельной дѣятельности. Она ничего сообразить не можетъ, не знаетъ, къ кому обратиться и чѣмъ взяться, суетится и мечется безъ всякаго толку, и все жалуется на дочь, что та долго замужъ не выходитъ. Сознывая свое полное ничтожество, она твердитъ безпрестанно: «какъ это безъ мужчины въ домѣ, ужъ я и не знаю... Что мы знаемъ тутъ, сидѣ-то.... Вотъ будочникъ бумагу какую-то приноситъ. Кто ее тамъ разберетъ? Вотъ подижь ты, женское-то дѣло какое! Такъ и ходишь, какъ дура... Вотъ цѣлое утро денегъ не сочту... Какъ это безъ мужчины, это я ужъ и не знаю; тутъ и безъ бѣды бѣда». Какъ видите, это ужъ такое ничтожество, что передъ мужемъ или кѣмъ бы то ни было посильнѣе, она вѣроятно и пикнуть не смѣла. Но воздухъ са-

модурства и на нее повѣялъ, и она безъ пути, безъ разума распоряжается судьбою дочери, бранить, попрекаетъ ее, напоминаетъ ей долгъ послушанія матери и не выказываетъ никакихъ признаковъ того, что она понимаетъ, что такое человѣческое чувство и живая личность человѣка. Все это—прямые и несомнѣнные признаки самодурной закалки, доказывающіе только, какъ она легко пристаеетъ даже къ самымъ неспособнымъ. Для самодурства, какъ видно, нѣтъ ни пола, ни возраста, ни званія. Женщины, вообще такъ забитыя и презрѣнныя въ «темномъ царствѣ», могутъ тоже самодурничать, да еще какъ! Примѣръ — Уланбекова.... Мальчишки и старики, купцы, чиновники, помѣщики, — всѣ, кто хотите, начинаютъ, при первой возможности, самодурничать.... Человѣкъ всѣми презрѣнъ, тысячу разъ битъ и оплеванъ, предъ всѣми трепещетъ; кажется, ужъ такое смепенномудріе, что воды не замутишь!... Но заведись у него хоть одинъ сынишка, или попади къ нему въ руки воспитанникъ, слуга, подчиненный, — онъ немедленно начнетъ надъ ними самодурничать, не переставая въ тоже время дрожать передъ каждымъ встрѣчнымъ, который ему не кланяется... Такъ ужъ устроено «темное царство», таковы уставы его іерархій; тутъ личный характеръ человѣка даже мало и значенія-то имѣетъ.... «Больше все дѣлается отъ необузданности, а то и отъ глупости», какъ выражается Бородинъ.

Въ первой статьѣ о «темномъ царствѣ» мы старались показать, какимъ образомъ самыя тяжкія преступленія совершаются въ немъ и самыя безчеловѣчныя отношенія устанавливаются между людьми — безъ особенной злобы и ехидства, а просто по тупоумію и законности въ данныхъ понятіяхъ, крайне ограниченныхъ и смутныхъ. Напоминая объ этомъ читателямъ, мы замѣтимъ здѣсь только, что Анна Петровна представляетъ собою одно изъ очень яркихъ проявленій этой *безиравственности по глупости*. Ея отношенія къ дочери глубоко безиравственны: она каждую минуту иплить Машеньку и доводитъ ее до страшнаго первичческаго раздраженія, до истерики, своими непрерывными жалобами и попреками: «Я тебя растила, я тебя холпла, а ты вотъ чѣмъ платишь!... Ты хочешь свой капризь выдержать и пойдешь замужъ, а мать тутъ плачь на старости лѣтъ.... Вѣдь у насъ ничего нѣтъ; куда я на старости дѣнусь, — въ кухарки мнѣ, что ли, идти? Ты только повѣспичать любишь, а мать позабыла, для матери ничего не хочешь сдѣлать... Что жъ, авось добрые люди найдутся, не оставятъ старуху!...» Такія рѣчи повторяются передъ Марьей Андреевной постоянно, каждый день и каждый часъ. Какова же эта мать, имѣющая до такой степени барышническій

взгляд на дочь! Не ясны ли на ней черты самодурныхъ тенденцій, коснувшихся ея хоть слегка и вовсе не сродныхъ ея характеру, но все-таки успѣвшихъ сдѣлать ее несносною для окружающихъ? Такая личность и такія отношенія должны возмущать душу... Но Анна Петровна обезоруживаетъ насъ своимъ необычайнымъ добродушіемъ и недалостью. Въ ней нѣтъ положительной безнравственности, а есть только отсутствіе нравственности, отсутствіе всякихъ гуман-ныхъ началъ въ ея организмѣ. Выдача дочери замужъ—ея монома-нія; что съ этимъ прикажете дѣлать? А что она настаиваетъ на со-гласіи Маши выйти за Беневоленскаго, такъ это происходитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ Беневоленскій возьмется хлопотать объ ихъ дѣлѣ въ сенатѣ, а во-вторыхъ она не можетъ представить, что-бы дѣвушка было не все равно, за кого ни выходить замужъ. Когда Машенька объявляетъ, что Беневоленскій ей противенъ, Анна Петровна даже сообразить этого никакъ не можетъ,—сначала не обра-щаетъ вниманія и говоритъ, что у Маши голова вздоромъ набита и что она сама двадцать разъ передумаетъ,—а потомъ, послѣ вторич-наго отказа дочери, объясняетъ его тѣмъ, что «это только капризь, только чтобъ матери напротивъ что нибудь сдѣлать». Между тѣмъ надо замѣтить, что она и сама Беневоленскаго вовсе не знаетъ и не одобряетъ. Въ заключительной сценѣ, когда уже все кончено, она хватилась за умъ—сказать Машѣ: «нравится ли онъ тебѣ? Признаться сказать, скоренько дѣло-то сдѣлали; кто его знаетъ, — въ него не влѣзешь». Что станете дѣлать съ такой наивностью? Даже и сердиться нельзя на нее... Только ливу дашься, и еще грустишь оглянешься на ту среду, въ которой вырастаютъ и прозябаютъ подобные субъекты...

Въ этой-то средѣ и мается Марья Андреевна, простенькая и мало развитая дѣвушка, но съ натурой очень деликатною и благородною. Мается она всего больше оттого, что мать торопится ее съ рукъ сбить, и, не довольствуясь свахамн, сама хлопочетъ во всѣ стороны насчетъ жениховъ. До какой степени соблюдается деликатность во всемъ этомъ, видно, на примѣръ, изъ письма, которое пишетъ къ Аннѣ Петровнѣ ея пріятель, добрый старичокъ Добротворскій. «Насчетъ того пункта, о которомъ вы меня просили, — пишетъ онъ, я въ назначенномъ вами присутственномъ мѣстѣ былъ: холостыхъ чиновниковъ, для Марьи Андреевны достойныхъ, нѣтъ; есть одинъ, но я сомнѣваюсь, чтобы онъ вамъ понравился, ибо очень великъ ростомъ — весьма много выше обыкновеннаго, — и рыбой. Но, по справкамъ моимъ отъ секретаря и прочихъ его сослуживцевъ, оказа-лся нравственности хорошей и невьющій, что, какъ мнѣ извѣстно, вамъ весьма желательно. Не прикажете ли посмотрѣть въ другихъ

присутственных мѣстахъ, что и будетъ мною исполнено съ величайшимъ удовольствіемъ». И это письмо Анна Петровна заставляетъ читать саму Машеньку! Понятно, что бѣдная дѣвушка обидѣлась; но мать никакъ не можетъ понять, чѣмъ тутъ обижаться!

А изъ-за чего же терпитъ несчастная всѣ эти оскорбленія? Что ее держитъ въ этомъ омутѣ? Ясно, что: она *бѣдная невеста*, ей некуда дѣваться, нечего дѣлать, кромѣ какъ ждать или искать выгоднаго жениха. Замужство — это ее должность, работа, карьера, назначеніе жизни. Какъ поденщикъ ищетъ работы, чиновникъ — мѣста, нищій — подающія, такъ дѣвушка должна искать жениха... Надъ этими смѣются современные либералы; но интересно бы знать, — что же въ самомъ дѣлѣ станетъ у насъ дѣлать дѣвушка, не вышедшая замужъ? Если подумать, такъ и окажется, что Анна Петровна очень резонно говоритъ: «что такое незамужняя женщина? Ничего!... Что она значитъ? Ужь и вдове-то дѣло длохо, а дѣвчиче-то ужъ и совсѣмъ не хорошо! Женщина должна жить съ мужемъ, хозяйничать, воспитывать дѣтей, а ты что жъ будешь дѣлать-то старой дѣвкой? Чудокъ вязать!...» Слова эти глупо-справедливы, и они-то могутъ служить довольно категорическимъ отвѣтомъ на то, почему у насъ женщина въ семьѣ находится въ такомъ рабскомъ положеніи и почему самодурство тяготеетъ надъ ней съ особенной силою.

Нѣкоторую самостоятельность можетъ она приобрести, если имѣть въ своихъ рукахъ деньги. Эту сторону женской жизни изобразилъ Островскій въ пьесѣ «Не сошлись характерами». Изданный Поль является чрезвычайно внимательнымъ и покорнымъ къ женѣ, надѣясь выпросить у нея денегъ. Но и сами деньги какъ-то не то значать въ рукахъ женщины, что у мужчины. Понятіе о богатствѣ какого нибудь самодура довольно скоро сростается съ понятіемъ его личности, потому, вѣроятно, что все-таки онъ самъ своими деньгами распоряжается и пускаетъ ихъ въ ходъ. Поэтому, входя въ сношенія съ богачемъ, всякій старается какъ можно болѣе *участвовать* въ его выгодахъ; заводя же сношенія съ женщиной, имѣющей деньги, прямо уже хлопочутъ о томъ, чтобы *завладѣть* ея достояніемъ. Сама же личность женщины остается безъ всякаго значенія. Это очень хорошо понимаетъ Серафима Карповна, вѣрная наставленіямъ своего родителя. Выходя замужъ, она заранее обѣщаетъ не давать денегъ мужу, говоря: «что жъ я буду тогда безъ капитала? я ничего не буду значить», — на что родитель отвѣчаетъ многозначительнымъ «обнаковенно!»... И по выходѣ замужъ она сдерживаетъ свое обѣщаніе; когда мужъ попросилъ у ней денегъ, она уѣхала къ папенькѣ, а мужу прислала письмо, въ которомъ, между прочимъ, налагалась такая

философія: «Что я буду значить, когда у меня не будетъ денегъ? — тогда я ничего не буду значить! Когда у меня не будетъ денегъ, — я кого полюблю, а меня, напротивъ того, не будутъ любить. А когда у меня будутъ деньги, — я кого полюблю, и меня будутъ любить, и мы будемъ счастливы...» И вѣдь справедливо разсуждаетъ Серафима Карповна!...

Но и это вѣдь еще рѣдкій случай, чтобы къ женщинѣ въ руки деньги попадали. Для этого надо, чтобы она рано овдовѣла отъ богатаго мужа. А то—съ какой стати къ ней попадутъ деньги? Да и что она съ ними сдѣлаетъ? Разбросаетъ по моднымъ магазинамъ, либо раздастъ по монастырямъ, смотря по лѣтамъ и наклонностямъ. Больше она ничего не въ состояніи сдѣлать. Лучше же ихъ употребить на чтонибудь практически-путное.... И по закону-то ей въ наслѣдство идетъ только четырнадцатая часть, а ежели мимо закона, такъ и того не слѣдуетъ.... Все равно вѣдь: не удержатся у ней денежки.... Развѣ-что жениха себѣ купить хорошаго.... Да и того почти никогда не бываетъ. Въ женихи къ богатымъ невѣстамъ все являются Вихоревы, Баранчевскіе, Бальзаминовы, Прежневы.... Всѣ эти господа принадлежатъ къ той категоріи, которую опредѣляетъ Неуѣденовъ въ «Праздничномъ Снѣ»: «другой сунется въ службу, въ какую бы то ни на есть, послужить безъ году недѣлю, повилаетъ хвостомъ, видитъ—не тяга, умилка-то не хватаетъ, учился-то плохо, двухъ перечесть не умѣетъ, лѣнь-то прежде его родилась, а побарствовать-то хочется: вотъ онъ и пойдетъ бродить по улицамъ да по гуляньямъ, — не объявится ли какая дура съ деньгами....» Дѣйствительно, всѣ эти господа красивы и глупы такъ, что о нихъ вспоминать тошно; большею частію они или служили, или желаютъ служить въ военной службѣ, имѣютъ наклонности къ самодурству и очень любятъ, когда ихъ считаютъ образованными людьми. Но ихъ невѣжество во всѣхъ отношеніяхъ равняется темнотѣ самихъ самодуровъ и только благодаря самодурной системѣ запренать учиться низшимъ и особенно женщинамъ, могутъ они не казаться смѣшными въ этой средѣ. Разбирая «Не въ свои сани не садись», мы уже достаточно говорили о томъ, почему Авдотья Максимовна могла увлечься Вихоревымъ. Здѣсь прибавимъ только указаніе на подобное же отношеніе Марьи Андревны къ Меричу въ «Бѣдной Невѣстѣ». Мы заранѣе отстранили отъ себя разборъ частныхъ художественныхъ достоинствъ въ сценахъ и лицахъ комедій Островскаго; поэтому не будемъ разбирать въ подробности и характеръ Мерича. Но не можемъ не замѣтить, что для насъ это лицо изумительно по мастерству, съ какимъ Островскій умѣлъ въ немъ очертить приличнаго, не злаго, не отвратительнаго,

но съ ногъ до головы пошлаго человѣка. Это не есть сколокъ съ одного изъ тѣхъ типовъ, которыхъ нѣсколько экземпляровъ представлено въ лучшихъ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ: онъ не Овѣгинъ, не Печоринъ, не Грушницкій даже, даже вообще не *лишній человекъ*. У тѣхъ все-таки есть внутри что-то такое, что они считаютъ своимъ достоинствомъ, чѣмъ дорожатъ, чѣмъ воображаютъ себя серьезно проникнутыми. Бѣда только въ томъ, что они мелковаты натурою и лишены серьезнаго развитія, такъ что ничто не можетъ пройти въ глубину ихъ сознанія, ничему не могутъ они отдаться всею душою. Но у Мерича даже и неглубокихъ-то убѣжденій нѣтъ, отъ него всякая истина, всякое серьезное чувство и стремленіе какъ-то отскакиваетъ, онъ какъ будто не только никогда не жилъ сознательной жизнью, но даже вовсе и не понимаетъ, что бы это могло значить... Пошлость безконечная, ни чѣмъ не усиленная, не подкрашенная, а настоящая, въ натурѣ пошлость—отражается въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи.... И въ этого человѣка влюбляется неглупая дѣвушка съ хорошими чувствами!... Таковы неизбежныя послѣдствія самодурной системы воспитанія, считающей своимъ долгомъ — какъ можно больше вязать и сжимать молодую натуру, и какъ можно долѣе оставлять ее въ непроглядномъ мракѣ....

Марья Андреевна бѣдна, и Меричъ, разумѣется, на ней не женится: онъ принадлежитъ тоже къ числу тѣхъ, которымъ нужны богатые невѣсты. Но бываютъ въ «темномъ царствѣ» и такіе случаи, что неразумные бѣдняки женятся на бѣдныхъ дѣвушкахъ.... И тутъ-то начинается адъ кромѣшный!... Адъ этотъ хорошо изображенъ Островскимъ въ «Доходномъ Мѣстѣ.» Читатели наши, конечно, помнятъ исторію молодого Жадова, который, будучи племянникомъ важной особы, раздражаетъ дядю своимъ либерализмомъ и лишается его благосклонности, а потомъ, женившись на хорошенькой и доброй, но бѣдной и глухой Полинѣ, и потерпѣвши нѣсколько времени нужду и упреки жены, приходитъ опять къ дядѣ — уже просить доходнаго мѣста. Изложеніе семейныхъ отношеній и указаніе ихъ вліянія на общественную дѣятельность представляется намъ лучшею стороною этой комедіи. А затѣмъ любопытна внутренняя, душевная сторона жизни этихъ людей, которыхъ мы официально такъ презираемъ и клеймимъ названіями крючкотворцевъ и взяточниковъ. Здѣсь въ полной силѣ выразилось одно изъ главныхъ свойствъ таланта Островскаго—умѣнье заглянуть въ душу человѣка и изобразить его человѣческую сторону, независимо отъ его официального положенія. Объ этомъ много уже говорили мы, разбирая «Своихъ Людей»; и потому теперь укажемъ только на нѣкоторыя

черты, относящаяся специально къ чиновникамъ. Благодушiе и особеннаго рода совѣстливость взяточниковъ рисуются нѣсколькими бѣглыми чертами еще въ «Бѣдной Невѣстѣ», въ лицѣ добряка Добротворскаго. Но въ «Доходномъ Мѣстѣ» черты эти гораздо ярче въ Юсовѣ и Бѣлогубовѣ. Лица эти прямо наводятъ насъ на мысль, что всѣ ихъ беззаконiя—чисто слѣдствiе ложнаго ихъ положенiя въ обществѣ и ложныхъ понятiй, прiобрѣтенныхъ вслѣдствiе фальшивости положенiя. А ложное положенiе ихъ есть опять—таки послѣдствiе одной общей причины всѣхъ гадостей «темнаго царства»—самодурства. Въ сферѣ чиновнической оно еще гаже и возмутительнѣе, чѣмъ въ купеческой,—потому что здѣсь дѣло постоянно идетъ объ общихъ интересахъ и прикрывается именемъ права и закона. Кромѣ того, здѣсь мы видимъ уже безчисленное множество оттѣнковъ и степеней; и чѣмъ выше, тѣмъ самодурство становится наглѣе внутренно и гибельнѣе для общаго блага, но благообразнѣе и величавѣе въ своихъ формахъ. Съ Юсовымъ, когда онъ былъ мальчишкой, мелкiе чиновники обращались, какъ съ собачонкой; Юсовъ съ Бѣлогубовымъ обращается уже не столько грубо; Вышневскiй же говоритъ съ Юсовымъ такимъ достойнымъ тономъ, что нужно только благоговѣть, а шокироваться вовсе нечѣмъ. Но въ сущности вся бѣда въ вѣдомствѣ Вышневскаго оттого и происходитъ, что онъ самъ зараженъ самодурствомъ, а за нимъ ужъ и всѣ. Законовъ никакихъ никто не признаетъ, честности никто въ толкъ взять не можетъ, ума не опредѣляютъ иначе, какъ способностью нажиться, главною добродѣтельно признаютъ смиренiе предъ волею старшихъ. Юсовъ простодушно признаетъ, что онъ гордости ни съ кѣмъ не имѣетъ, только вотъ верхоглядовъ не любитъ, нынѣшнихъ образованныхъ-то. «Съ этими, говоритъ,—я строго и взыскателенъ; у меня правило—всячески ихъ тѣснить для пользы службы: потому — отъ нихъ вредъ». Немудрено въ немъ такое воззрѣнiе, потому что онъ самъ «года два былъ на побѣгушкахъ, разныя комиссиi исправлялъ: и за водкой-то бѣгалъ, и за вирогами, и за квасомъ,—кому съ похмѣлья,—и сидѣлъ-то не на стулѣ, а у окошка на связкѣ бумагъ, и писалъ-то не изъ чернильницы, а изъ старой помадной банки, — и вотъ вышелъ въ люди.»—и теперь признаетъ, что «все это не отъ насъ, свыше....» И онъ не по злобѣ и не по плутовству тѣснить образованныхъ людей; а у него ужъ въ самомъ дѣлѣ такое убѣжденiе сложилось, что отъ нихъ вредъ для службы.... Тоже убѣжденiе передано и Бѣлогубову, который говоритъ: «что за польза и отъ ученья, когда въ человѣкѣ страху иѣтъ, — трепету передъ начальствомъ». Да иначе думать они и не могутъ, потому что все, ихъ окружающее, на каждомъ шагу

подтверждаетъ ихъ мнѣніе. Даже тѣ образованные, которые спорятъ съ ними, — какъ часто они собственнымъ же поведеніемъ обличаютъ свою неправоту! — Такъ случилось и съ Жадовымъ. Сначала Блюгубовъ какъ-то ёжился передъ Жадовымъ и признавалъ какую-то силу въ его умственномъ превосходствѣ. Онъ смутно ощущалъ, что унижаться и подличать, зависѣть отъ первой прихоти и отказываться отъ своей воли — не всегда пріятно. Видя, что Жадовъ гораздо свободнѣе и независимѣе въ своихъ поступкахъ, Блюгубовъ почти завидовалъ ему. На вопросъ своей невѣсты, почему онъ откладываетъ свадьбу, когда Жадовъ свою не откладываетъ, онъ отвѣчалъ: «совсѣмъ другое дѣло-сь. У него дяденка богатый-сь, да и самъ онъ образованный человекъ, вездѣ можетъ мѣсто имѣть. Хотѣ и съ учителя поидеть, — все хлѣбъ-сь. А я что-сь? Пока не дадутъ мѣста столоначальника, ничего не могу-сь....» Но получивши это мѣсто, между тѣмъ какъ Жадовъ и свое-то потерялъ, Блюгубовъ начинаетъ уже чувствовать самодовольное сожалѣніе къ Жадову, которое и выражаетъ ему при встрѣчѣ въ трактирѣ. Что же, въ самомъ дѣлѣ, къ чему послужило Жадову *ученье безъ треста?* Только къ тому, что онъ мучился самъ, мучилъ цѣлый годъ жену свою и наконецъ пошелъ же къ дядѣ просить блюгубовскаго мѣста.... И дядя по дѣломъ его отчистилъ.... «Вотъ, говорятъ, ошн, герон-то! Молодой человекъ, который кричалъ на всѣхъ перекресткахъ про взяточниковъ, говорилъ о какомъ-то новомъ поколѣніи. — Идетъ къ намъ же просить доходнаго мѣста, чтобъ брать взятки!... Хорошо новое поколѣніе!»

Вообще Вышневскій, утвердившись на своей точкѣ зрѣнія *status quo*, чрезвычайно логически разбиваетъ въ пракъ всѣ благородныя фразы Жадова и, какъ дважды-два — четыре, доказываетъ ему, что при настоящемъ порядкѣ вещей невозможно честнымъ образомъ обезпечить себя и свое семейство. Честные способы пріобрѣтенія слишкомъ ничтожны, да и тѣхъ еще не дадутъ тому, кто же захочетъ угождать, а будетъ противорѣчить. И это вѣдь не бѣдственная случайность, а тяжкая необходимость, вытекающая прямо и неизбежно изъ системы самодурства, развитой въ «темномъ царствѣ». «Будь хоть семи пядей во лбу, но если вамъ не нравится, то останется въ ничтожествѣ; и самъ виноватъ: зачѣмъ не умѣлъ заслужить вашей милости». Вотъ и всѣ права, и вся философія «темнаго царства»! И вовсе не удивительно, если Юсовъ, узнавъ, что все вѣдомство Вышневскаго отдано подъ судъ, выражаетъ искреннее убѣжденіе, что это «по грѣхамъ нашимъ — наказаніе за гордость....» Вышневскій тоже самое объясняетъ, только нѣсколько рациональнѣе: «моя быст-

рая карьера, говорить, — и замѣтное обогащеніе — вооружили противъ меня сильныхъ людей»... И сходясь въ этомъ объясненіи, оба администратора остаются затѣмъ совершенно спокойны совѣстію относительно законности своихъ дѣйствій.... Да и отчего бы не быть имъ спокойными, когда ихъ дѣятельность, равно какъ и всѣ ихъ помыслы и стремленія, такъ гармонируютъ съ общимъ ходомъ дѣла и устройствомъ «темнаго царства?»»

«Но вѣдь есть же какой нибудь выходъ изъ этого мрака?... Островскій, такъ вѣрно и полно изобразивши намъ «темное царство,» показавши намъ все разнообразіе его обитателей и давши намъ заглянуть въ ихъ душу, гдѣ мы успѣли разглядѣть нѣкоторыя человѣческія черты, долженъ былъ дать намъ указаніе и на возможность выхода на вольный свѣтъ изъ этого темнаго омута.... Иначе — вѣдь это ужасно — мы остаемся въ неразрѣшимой дилеммѣ: или умереть съ голоду, броситься въ прудъ, сойти съ ума, — или же убить въ себѣ мысль и волю, потерять всякое нравственное достоинство и сдѣлаться раболѣпнымъ исполнителемъ чужой воли, взяточникомъ, мошенникомъ, для того, чтобы безмятежно провести жизнь свою.... Если только къ этому приводитъ насъ вся художественная дѣятельность замѣчательнаго писателя, такъ это очень печально!...»

Печально, — правда; но что же дѣлать? Мы должны сознаться: выхода изъ «темнаго царства» мы не нашли въ произведеніяхъ Островскаго. Винить ли за это художника? Не оглянуться ли лучше вокругъ себя и не обратить ли свои требованія къ самой жизни, такъ вяло и однообразно плетущейся вокругъ насъ.... Правда, тяжело намъ дышать подъ мертвящимъ давленіемъ самодурства, бушующаго въ разныхъ видахъ, отъ нервной до послѣдней страницы Островскаго; но и окончивши чтеніе, и отложивши книгу въ сторону, и вышедши изъ театра послѣ представленія одной изъ пьесъ Островскаго, — развѣ мы не видимъ навѣду вокругъ себя безчисленнаго множества тѣхъ же Брусковыхъ, Торцовыхъ, Уланбековыхъ, Вышнеvesкихъ, развѣ не чувствуемъ мы на себѣ ихъ мертвящаго дыханія?... Поблагодаримъ же художника за то, что онъ, при свѣтѣ своихъ яркихъ изображеній, далъ намъ хоть осмотрѣться въ этомъ темномъ царствѣ. И то ужъ много значить... Выхода же надо искать въ самой жизни: литература только воспроизводитъ жизнь и никогда не даетъ того, чего нѣтъ въ дѣйствительности....

Впрочемъ попытки освобожденія отъ тьмы бываютъ въ жизни; нельзя пройти мимо ихъ и въ комедіяхъ Островскаго. Только эти по-

пытки ужасны, да притомъ и остаются все-таки только попытками. Лицъ совершенно чистыхъ отъ житейской грязи, мы не находимъ у Островскаго. Мыкинъ въ «Доходномъ Мѣстѣ», можетъ быть, чистъ, потому что ни въ какихъ общественныхъ службахъ не участвуетъ а «учительствуетъ лонемногу». Но съ нимъ мы такъ мало знакомимся изъ его разговора съ Жадовымъ, что еще не можемъ за него поручиться. Есть еще въ «Бѣдной Невѣстѣ» одна дѣвушка до такой степени симпатичная и высоко-правдивая, что такъ бы за ней и бросился, такъ и не разстался бы съ ней, нашедши ее. Но и эта дѣвушка уже забрызгана грязью чужихъ пороковъ. Это Дуня, съ которою пять лѣтъ жилъ Беневоленскій до своей женитьбы, и которая теперь пришла, пользуясь свадебной суматохой, взглянуть изъ толпы на невѣсту своего недавняго друга. Она встрѣчается съ самимъ Беневоленскимъ въ проходной комнатѣ, въ родѣ буфета; вмѣстѣ съ нею — подруга ея Паша, которой она передъ этимъ только-что бросила нѣсколько словъ о томъ, какъ онъ надъ нею, бывало, буйствовалъ, пьяный.... Беневоленскій, увидя ее, конфузится и проситъ ее быть поосторожнѣе.—«А хочешь,—сейчасъ дебошъ сдѣлаю?» говоритъ она.—«Дура, дура! что ты!»—въ испугѣ восклицаетъ Беневоленскій; но она его тотчасъ успокаиваетъ, обѣщая, что и къ нему больше не придетъ. Затѣмъ онъ старается ее вырывать, и между ними происходитъ слѣдующая сцена, раскрывающая передъ нами чувства дѣвушки, изумительныя по своей чистотѣ и благородству.

Беневоленскій. Здѣсь, Дуня, тебѣ что же дѣлать? Посмотри невѣсту и ступай.

Дуня. Ужь я видѣла. Хороша вѣдь, Паша, — ужь можно сказать, что хороша!... (къ Беневоленскому). Только свужьешь ли ты съ такою женою жить? Ты смотри, не загули чужаю, вѣдь даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенись, живи хорошенько. Это вѣдь не со мной: жила, жили, да и былъ таковъ. (утираетъ слезы).

Паша. А ты говорила, что тебѣ его не жаль....

Дуня. Вѣдь я его любила когда-то ... Чтожь, надо же когда нибудь расставаться; не вѣкъ такъ жить. Еще хорошо, что женится: авось будетъ жить порядочно. А все-таки, Паша, ты то вольми, — лѣтъ пять жили.... вѣдь жалко.... Конечно, не много я отъ него добра видѣла.... больше слезъ.... одного сраму что перенесла. Такъ, ни за что прошла молодость, и помянуть нечѣмъ.

Паша. Что дѣлать, Дуня....

Дуня. А вѣдь, бывало, и ему рада-радешенька, какъ прїѣдетъ.... Смотри жь, живи хорошенько.

Беневоленскій. Ну, ужь конечно!

Дуна. То-то же. *Эта вѣдь тебѣ на вѣкъ, не то, что я...* Ну, прощай, не поминай лихомъ, добромъ нечѣмъ. Что это я, какъ дура расплакалась, въ самомъ дѣлѣ! Э, махнемъ рукой Паша, — завьемъ горе веревочкой!

Беневол. Прощай, Дуна.

Дуна. Адье, мусье! Пойдемъ Паша. *(уходитъ)*.

Большей чистоты нравственныхъ чувствъ мы не видимъ ни въ одномъ лицѣ комедій Островскаго. Это ужь не та безразличная доброта, которою отличается дочь Русакова, не та овечья кротость, какую мы видимъ въ Любови Гордѣевнѣ, не тѣ неопытныя понятія, какими руководится Нада.... Здѣсь сила сознательной рѣшимости проглядываетъ въ каждомъ словѣ; все существо этой дѣвушки не придавлено и не убито; напротивъ оно возвышено, просвѣтлено сознаниемъ того добра, которое она приноситъ, отказываясь отъ правъ своихъ на Белеволенскаго. Ей въ самомъ дѣлѣ легко было сдѣлать дебошъ и сорвать сердце; но она не хочетъ этого; она чистосердечно отдаетъ справедливость красотѣ невѣсты, и сердце ея начинаетъ наполняться довольствомъ за счастье своего бывшаго друга. Полная благожелательства, она радуется тому, что онъ женится, потому что это дастъ ей надежду на его нравственное исправленіе... А потомъ—какая радушная, чистая заботливость о той, о соперницѣ ея.... И наконецъ какая граціозная прелесть характера выражается въ самомъ этомъ горѣ, завитомъ веревочкой, и въ этомъ ломаномъ прощаньи, въ которомъ однако нельзя не видѣть огорченія и досады все еще любящаго сердца.... Да, эта дѣвушка сохранила въ себѣ чистоту сердца и все благородство, доступное человѣку. Но что же она такое въ нашемъ обществѣ? Не отвержена ли она имъ? Да и не этому ли отверженію, — не отчужденію ли отъ мрака самодурныхъ дѣлъ, кишашихъ въ нашей средѣ общественной, надобно приписать и то, что она такъ отрадно сіяетъ передъ нами благородствомъ и ясностью своего сердца?...

Есть въ комедіяхъ Островскаго и еще лицо, отличающееся большою нравственной силой. Это — Любимъ Торцовъ. Онъ грязень, пьянь, тяжелъ; онъ надорванъ жизнью и очень запустилъ самъ себя. Но таже самая жизнь, лишивъ его готовыхъ средствъ къ существованію, униживъ и заставивъ терпѣть нужду, сдѣлала ему то благодѣяніе, что надломилъ въ немъ основу самодурства. Онъ — родной братецъ Гордѣя Карпыча и, по его же рассказамъ, былъ смолоду самодуромъ нехуже его. Но какъ пришлось ему паясничать на морозѣ за пятачокъ, да просить милостыню, да у брата изъ милости жить, такъ тутъ пробудилось въ немъ

и человѣческое чувство, и сознание правды, и любовь къ бѣднымъ братьямъ, и даже уваженіе къ труду. Прося брата, чтобы выдалъ дочь за Митю, Любимъ Торцовъ прибавляетъ: «онъ мнѣ уголь дастъ; назябся ужъ я, наголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужъ мнѣ паясничать на морозѣ—то изъ-за куска хлѣба; хоть подъ старость—то, да честно пожить. Вѣдь я народъ обманывалъ: просилъ милостыню, а самъ препивалъ. *Минь работишку дадутъ, у меня будетъ свой горшокъ щей*».... Изъ этихъ желаній и признаній видно, что дѣйствительно нужда совершила въ натурѣ Любима Торцова переломъ, заставившій его устыдиться прежнихъ самодурныхъ началъ столько же, какъ и недавняго безпутства.

Въ примѣрѣ Торцова можно отчасти видѣть и выходъ изъ темнаго царства: стоило бы и другаго братца, Гордѣя Карпыча, также проучить на хлѣбѣ, выпрошенномъ Христа-ради, — тогда бы и онъ, вѣроятно, почувствовалъ желаніе «имѣть работишку», чтобы жить честно.... Но, разумѣется, никто изъ окружающихъ Гордѣя Карпыча не можетъ и подумать о томъ, чтобы подвергнуть его подобному испытанію, и слѣдовательно сила самодурства попрежнему будетъ удерживать мракъ надъ всѣмъ, что только есть въ его власти!...

А свѣтъ образованія? Онъ долженъ же наконецъ разогнать этотъ мракъ? Безъ всякаго сомнѣнія!... Но вспомните, что мы говорили о томъ, какъ образованіе прививается къ самодурству.... Вспомните и то, какіе результаты дало образованіе въ Вихоревѣ, Бальзаминовѣ, Прженевѣ, въ Липочкѣ, Капочкѣ, Устенкѣ, въ Аринѣ Фодотовѣ... Оглянитесь—ко вокругъ, — какія сцены, какіе разговоры поразятъ васъ. Тамъ Рисположенскій рассказываетъ, какъ въ странѣ необитаемой жилъ маститый старецъ съ двѣнадцатью дочерьми, малъ-мала меньше, и какъ онъ пошелъ на распутіе, — не будетъ ли чего отъ доброхотныхъ дателей; тутъ наряженный медвѣдь съ козой въ гостинной пляшетъ, тамъ Еремка колдуетъ и колокольный звонъ служить къ нравственному исправленію, тамъ говорятъ, что грѣхъ чай пить, и проч., и проч.... А разговоры—то! Настасья Панкратьевна скажетъ, что учиться не надо много; а Ненила Сидоровна подхватитъ: «да, вотъ на счетъ ученья-то: у насъ сосѣдка отдавала сына учиться, а онъ глаза и выкололъ.» А то Ненила Сидоровна скажетъ: «молодой человѣкъ, слушайте старшихъ, вы еще не знаете, какъ люди хитры»; а Настасья Панкратьевна подтвердитъ: «да, да; у насъ у кучера поддевку украли—въ одну минуточку....» Или, на примѣръ: «Ничкинъ а. Да вотъ еще, скажите вы мнѣ: говорятъ, царь Фараонъ сталъ по ночамъ съ войскомъ изъ моря выходить.

Бальзаминовъ. Очень можетъ быть—съ.

Ничкина. А гдѣ это море?

Бальзаминовъ. Должно быть, недалеко отъ Палестины.

Ничкина. А большая Палестина?

Бальзаминовъ. Большая-съ.

Ничкина. Далеко отъ Цареграда?

Бальзаминовъ. Не очень далеко-съ.

Ничкина. Должно быть, шестьдесятъ верстъ. Ото всѣхъ отъ такихъ мѣстовъ шестьдесятъ верстъ, говорить... только Кіевъ дальше....

А припомните-ко разговоръ Карпа Карпыча съ Улитой Никитишной — о дамахъ!... А разговоръ кучеровъ объ австрелкѣ! Или также — разговоръ Вихорена съ Баранчевскимъ о промышленности и политической экономіи, или разговоры Пржевева съ матерью о роли въ обществѣ, или Недопекина съ Лисавскимъ (въ «Утрѣ молодого человѣка») о красотѣ и образованіи, или Капочки съ Устенской объ учтивости и общежитіи (въ «Праздничномъ Снѣ»). Вотъ вамъ и образованіе: этакихъ господъ, какъ Недопекинъ, Вихоревъ, такихъ дѣвушекъ, какъ Липочка и Капочка, оно уже произвело довольно. Но чтобъ оно сдѣлало что нибудь больше, до этого самодурья не допустить!.. Они и то говорятъ, что образованныхъ-то тѣснить надо для пользы службы... А еще что за образованные передъ ними? Кото они испугались-то? Жадова! А Жадовъ самъ признается, что у него воли нѣтъ, энергіи недостаетъ....

А въ самомъ дѣлѣ — слабо должно быть самодурство, если ужъ и Жадова стало бояться!... Вѣдь это хорошій признакъ!...

На этомъ хорошемъ признакѣ мы и остановимся, наконецъ. Не хотимъ дѣлать никакихъ общихъ выводовъ о талантѣ Островскаго. Мы старались показать, что и какъ охватываетъ онъ въ русской жизни своимъ художническимъ чувствомъ, *въ какомъ видѣ* онъ передаетъ воспринятое и прочувствованное имъ, и какое значеніе въ нашихъ понятіяхъ должно придавать явленіямъ, изображаемымъ въ его произведеніяхъ. Мы нашли у Островскаго полноту изображенія русской жизни, съ ея Подхалюзинскимъ сюртучкомъ, Вихоревскими перчатками, Наденькинымъ заплаканнымъ платочкомъ, Жадовскою тросточкой и съ Торцовской самодурно-безобразной шапкой... Многого мы недосказали, объ иномъ, напротивъ, говорили очень длинно; но пусть простятъ насъ читатели, имѣвшіе терпѣніе дочитать нашу статью. Предметъ, о которомъ мы заговорили слишкомъ обширенъ для того, чтобы быть исчерпаннымъ въ журнальной статьѣ, посвященной не болѣе, какъ характеристикѣ литературной дѣятельности одного писателя. Мы уже довольны будемъ и тѣмъ, если наша

статья поможет кому нибудь стать на настоящую точку зрѣнія при сужденіи о сущности и значеніи таланта Островскаго и о главныхъ мотивахъ его пьесъ. Впрочемъ многіе выводы и заключенія, которыхъ мы недосказали здѣсь, должны сами собой придти на мысль читателю, у котораго доставеть терпѣнія и вниманія до конца статьи.

Н. —ВОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Народный календарь на 1860 (високосный) годъ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1859.

Въ «Современникѣ» нынѣшняго года (№ V) помѣщена была статья «О календаряхъ», авторъ которой прежде всѣхъ, сколько мы знаемъ, въ нашей литературѣ, выразилъ желаніе объ изданіи календаря народнаго и представилъ довольно подробныя соображенія о томъ, чего нужно требовать отъ подобнаго календаря. Послѣ того было еще нѣсколько замѣтокъ о народномъ календарѣ въ газетахъ, и вотъ теперь общее желаніе людей, которымъ дорого народное образованіе, отчасти исполнено: народный календарь изданъ. Мы говоримъ: *отчасти*, потому что собственно изданіемъ народнаго календаря не все еще сдѣлано: надо посмотреть, каково выполнено это дѣло.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе степень общедоступности календаря по его цѣнѣ. Въ этомъ отношеніи народный календарь доступнѣе обыкновеннаго почти втрое: онъ стоитъ 25 к. Но и эта цѣна все еще довольно высока и притомъ несоразмѣрна съ цѣною большаго календаря. Тотъ стоитъ въ листахъ 70 к., а въ бумагѣ 80 к. Между тѣмъ въ календарѣ 1859 г. 389 страницъ, и каждая, по среднему счету, можетъ равняться двумъ страницамъ народнаго календаря, въ которомъ ихъ 153. Слѣдовательно, принимая въ расчетъ одинъ объемъ обоихъ календарей, можно бы уменьшить цѣну народнаго календаря въ пять разъ, т. е. до 16 или даже 14 коп. сер. Но нужно сообразить еще, что въ большомъ академическомъ календарѣ бу-

мага гораздо лучше, и при немъ всегда прилагается портретъ одного изъ членовъ Императорской Фамиліи. По соображенію всѣхъ этихъ обстоятельствъ, народный календарь въ теперешнемъ своемъ видѣ могъ бы продаваться по 12 и даже по 10 копѣекъ,—если бы, конечно, печатался въ томъ же количествѣ экземпляровъ, какъ и общій. Вѣроятно, сравнительная дороговизна его тѣмъ и объясняется, что его напечатано не такъ много экземпляровъ. Но намъ кажется, что здѣсь есть небольшая ошибка въ расчетѣ. Естественно, что такую книгу, какъ календарь, стали бы покупать тѣмъ больше, чѣмъ она дешевле; потому мы полагаемъ, что при назначеніи меньшей цѣны смѣло бы можно было печатать большее количество экземпляровъ книги. Положимъ даже, что на первый годъ былъ бы нѣкоторый убытокъ; но онъ навѣрное былъ бы покрытъ въ слѣдующіе годы. А теперь—четвертакъ можетъ, пожалуй, и озадачить крестьянина, для котораго такъ дорога каждая копѣйка.

Теперь, впрочемъ, особенно жалѣть объ этомъ еще нечего, потому что изданная нынѣ книжка не представляетъ особенной необходимости и пользы собственно для крестьянъ. Но жаль было бы, еслибъ слабый расходъ этого перваго календаря имѣлъ вліяніе на расчеты издателей въ послѣдующихъ изданіяхъ подобныхъ книгъ для народа. Судя по цѣнѣ и по тому, что изданіе «Народнаго Календаря» предпринято, конечно, не для спекуляціи, а для дѣйствительной пользы народа, можно полагать, что «Календарь» этотъ напечатанъ въ количествѣ одного завода (1200 экз.), такъ какъ продажою этого количества по назначенной цѣнѣ легко можетъ окупиться такая книжка. А между тѣмъ календарь долженъ бы разойтись въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, какъ книга, нужная для всякаго. Если онъ пойдетъ плохо, такъ это именно отъ высокой цѣны; даже составъ его не столько важенъ, какъ цѣна... И что же, если народъ, по причинѣ дороговизны, не будетъ покупать календаря, а издатели его и другихъ подобныхъ книгъ для народа будутъ и послѣдующія изданія рассчитывать по этой мѣркѣ, т. е. печатать мало экземпляровъ и, вслѣдствіе того, продавать ихъ дорого. Людямъ, которые хотятъ доставить народу какое нибудь удобство, надобно позаботиться и о томъ, чтобъ это удобство могло быть народомъ принято безъ большихъ жертвованій съ его стороны. Лучше ужъ въ такомъ случаѣ самому рискнуть на пожертвованіе: такъ или иначе, рано или поздно, оно окупится...

Что касается содержанія «Народнаго Календаря», то оно не отличается особеннымъ разнообразіемъ. Во-первыхъ, обыкновенныя принадлежности русскаго календаря—святцы, господскіе праздники и статскіе торжественные дни, крестные ходы въ столицахъ, росій-

скій Императорскій Домъ, время восхожденія и захожденія солнца, солнечныя и лунныя затмѣнія въ 1860 году. Все это занимаетъ одну треть календаря (48 страницъ). Безъ этихъ свѣдѣній нельзя обойтись, и слѣдовательно о нихъ нечего говорить. Можно замѣтить развѣ только противъ того, что исчисленіе праздниковъ и торжественныхъ дней заняло 9 страницъ. Можно бы сохранить здѣсь экономію въ бумагѣ, помѣстивши важные праздники вмѣстѣ со святыми, подъ даннымъ числомъ въ особой строкѣ, а другіе совсѣмъ пропустивши. Здѣсь, на примѣръ, исчислены всѣ кавалерскіе праздники и т. п.: неужели надобно и интересно знать ихъ простолюдину?... Тутъ же попадаются и небрежности, въ родѣ того, что 12-го октября «перенесеніе св. Мошѣй изъ Мальты въ городъ Гатчину»; — а чьихъ мощей — не сказано... Впрочемъ, мы этому не придаемъ никакой важности, а замѣчаемъ только потому, что — если дѣлать дѣло, то почему же ужъ не дѣлать его аккуратно?...

Затѣмъ идетъ таблица народонаселенія и пространства Россійской Имперіи по губерніямъ; потомъ свѣдѣнія объ учебно-хозяйственныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, правила приѣма крестьянскихъ дѣтей въ эти заведенія, и права, пріобрѣтаемыя ими при выпускѣ. Далѣе напечатано извлеченіе изъ законовъ о торговлѣ крестьянъ, мѣщанъ и отчасти купцовъ 3-й гильдіи, о прикащикахъ, о мѣрахъ и вѣсахъ, и о торговлѣ на ярмаркахъ. Вслѣдъ затѣмъ помѣщенъ длинный (на 33 стр.) указатель оборотовъ ярмарокъ въ Россіи, на которыхъ продается болѣе, чѣмъ на сто тысячъ рублей. Наконецъ напечатано извлеченіе изъ положенія о сберегательныхъ кассахъ. Кромѣ того, въ книжкѣ есть довольно большая (21 стр.) и имѣющая ученый видъ статья объ устройствѣ солнечныхъ часовъ. Вотъ и все.

Нельзя не сознаться, что всѣ эти свѣдѣнія не бесполезны и не совершенно чужды для простолюдиновъ. Особеннаго одобренія заслуживаетъ помѣщеніе свѣдѣній объ учебно-хозяйственныхъ заведеніяхъ для крестьянъ и о законахъ относительно ихъ торговли. Для нашего простаго народа чрезвычайно важно знаніе своихъ правъ и обязанностей по закону. Недостатокъ этого знанія и производитъ то, что простолюдина всякій волостной писарь, сельскій начальникъ, наѣзжій чиновникъ и т. д. можетъ застрашать, обмануть и обобрать. Это же незнаніе служитъ причиною и того явленія, что мужикъ не смѣетъ слова сказать противъ обиды и самодурства какого нибудь безсовѣстнаго господина. «Кто ихъ знаетъ, — думаетъ онъ: — можетъ, оно тамъ такъ и нужно...» Что онъ долженъ терпѣть, слушаться, работать и платить, это онъ знаетъ отлично, это ему всѣ говорятъ, и всѣ доказываютъ ему на дѣлѣ его обязанности.

Но о томъ, что и онъ въ свою очередь имѣеть свои права, хоть бѣдныя, во все же права, признанныя и огражденные даже положительнымъ закономъ, объ этомъ обыкновенно никто не заботится сообщить ему. Немудрено, если при такихъ порядкахъ и онъ самъ нерѣдко поступаетъ противозаконно: вѣдь онъ «человѣкъ темный», законъ «не при немъ писанъ»... Да притомъ же ему только все твердили: «слушайся, терпи, исполняй, что законъ велить»; и вслѣдствіе того для многихъ законъ сдѣлался какимъ-то пугаломъ, которое надо обходить, если можно... Но стоитъ только простолюдину узнать, что дѣйствіе закона обоюдно,—что, подчиняясь ему, самъ онъ можетъ требовать подчиненія ему и отъ другихъ, и что такимъ образомъ въ законѣ личность и имущество его ограждаются отъ всякихъ обидъ и насилій, — стоитъ мужичку узнать все это, и онъ будетъ почитать и хранить законъ лучше, нежели многие изъ людей такъ называемыхъ образованныхъ... Разумѣется, одного знанія закона еще недостаточно, чтобы пользоваться его защитой, а во многихъ случаяхъ и общій законъ не вполне удовлетворяетъ мѣстнымъ и личнымъ потребностямъ простолюдина; но во всякомъ случаѣ знаніе условий, которыми подчинена жизнь, можетъ повести къ хорошимъ результатамъ. Если эти условія благопріятны, человѣкъ ищетъ средства осуществить ихъ и воспользоваться ими какъ можно полнѣе; если неблагопріятны, — тогда человѣкъ можетъ стремиться къ ихъ измѣненію и улучшенію. А когда ничего неизвѣстно, то, разумѣется, не можетъ быть и рѣшимости на дѣятельность.

Вотъ почему извлеченіе изъ законовъ о торговлѣ крестьянъ и мѣщанъ мы признаемъ за весьма полезную статью въ «Календарѣ», хотя эти извлечения и относятся не вообще къ положенію крестьянъ и мѣщанъ, а только къ одному изъ частныхъ видовъ ихъ дѣятельности. Можно бы къ этому прибавить и извлеченіе нѣкоторыхъ общихъ правилъ, относящихся къ городскому и сельскому быту, напр. о городскихъ думахъ, о сельскихъ управленіяхъ, о рекрутской повинности, о податяхъ и налогахъ, о крестьянскихъ школахъ вообще, и проч... Но, какъ видно, составители календаря побоялись, что сообщеніе всѣхъ такихъ свѣдѣній займетъ много мѣста, и потому ограничились только законами о торговлѣ.

Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же они 33 страницы (т. е. чуть не четвертую долю книжки) заняли перечнемъ ярмарокъ и товаровъ, на нихъ продаваемыхъ, да еще по неточнымъ свѣдѣніямъ?... Если ужъ они хотѣли дать понятіе о состояніи торговли въ Россіи, такъ въ этомъ размѣрѣ можно бы написать довольно обстоятельный общій очеркъ хода торговыхъ оборотовъ нашихъ.... А то вѣдь теперь общаго понятія изъ отрывочныхъ свѣдѣній о разныхъ ярмаркахъ

все-таки не составляется; а на частности положиться нельзя. Напримеръ изслѣдованій г. Аксакова мы уже знаемъ теперь, что доселѣ бывшія показанія объ украинскихъ ярмаркахъ наполовину невѣрны; а календарь все еще руководствуется прежними данными. Напр. на Крещенской ярмаркѣ показано, какъ всегда дѣлалось, до 14 миллионовъ привозу и до 8 миллионовъ продажи, тогда какъ г. Аксаковъ нашелъ, что эти цифры втрое уменьшены противъ настоящаго, т. е. что сумма привоза простирается до 40 миллионовъ, а продажи — до 25 миллионовъ. Что же за радость набивать календарь такими подозрительными свѣдѣніями? Да и вообще — какая необходимость на первый разъ угощать мужичка-работника или мѣщанина-мастерового, или даже мелкаго торговца — ярмарочными итогами? Это можно имъ давать ужъ при большомъ изобиліи другихъ свѣдѣній, какъ роскошь. А въ нынѣшнемъ «Народномъ Календарѣ» свѣдѣній сообщено такъ мало, что слѣдовало бы дорожить мѣстомъ. Здѣсь ничего не говорится даже о крестьянскомъ дѣлѣ и объ откупахъ, — двухъ предметахъ насущнѣйшей важности для народа.

Нельзя также особенно похвалить и за статью о солнечныхъ часахъ. Для городскихъ обывателей она ненужна и неинтересна вовсе; сельскіе жители и такъ узнаютъ время по солнцу, и большой точности въ этомъ имъ ненужно.... А какъ посмотреть мужичокъ, въ статейкѣ «Народнаго Календаря», на чертежи да на буквы, разставленныя по нимъ, да какъ увидить, что тутъ надобно и листы бѣлой бумаги, и карандашъ, и наугольникъ, и циркуль, и ватерпасъ, и мѣдный или желѣзный листъ, изъ котораго надо вырѣзать треугольникъ, и проч., — такъ онъ только рукой махнетъ, и скажетъ: «ну васъ со всей этой возней! До того ли мнѣ!...» Такимъ образомъ, если достоинство статьи состоитъ въ томъ, что она безвредна во всѣхъ отношеніяхъ; то недостатокъ ея въ томъ, что она бесполезна. Можно бы выбрать предметы несравненно болѣе важные и практическіе. Напримѣръ, можно бы здѣсь толково разъяснить, отчего дороговизна бываетъ и бумажныя деньги упадаютъ въ цѣнѣ. Можно бы откровенно и дружелюбно поговорить о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ и общественныхъ запаскахъ, — предметахъ, о которыхъ, вслѣдствіе злоупотребленій и дурнаго примѣненія, доселѣ во многихъ мѣстностяхъ крестьяне имѣютъ вовсе неправильное понятіе. Можно бы объяснить значеніе страховыхъ обществъ и взаимнаго застрахованія, сдѣлать очеркъ разныхъ системъ податныхъ сборовъ, рассказать исторію рекрутской повинности, сообщить свѣдѣнія о разныхъ частныхъ условіяхъ быта — паспортахъ, свидѣтельствахъ, о повинностяхъ отпращиваемыхъ натурою — барщинныхъ, постоянныхъ, дорожныхъ,

ямскихъ и проч., съ замѣчаніями о томъ, какъ все это идетъ въ другихъ земляхъ.... Вотъ тогда бы дѣйствительно книжка могла выйти и любопытная для простолюдина, и очень не бесполезная....

А то, пожалуй, можно бы даже помѣстить и нѣсколько анекдотовъ, коротенькихъ исторій и забавныхъ замѣтокъ, для того, чтобы заохотить народъ къ чтенію. Это все-таки было бы полезнѣе невѣрныхъ цифръ о ярмарочныхъ оборотахъ и затѣливой статьи о солнечныхъ часахъ, — которыя теперь заняли болѣе трети всего календаря.

Мы сочли нужнымъ откровенно высказать наше мнѣніе, потому что сами издатели его говорятъ въ началѣ книжки: «этотъ календарь есть первый опытъ такого изданія. При изданіи «Народнаго Календаря» на слѣдующій 1861 г., редакція будетъ изыскивать средства къ улучшеніямъ и дополненіямъ». Надѣмся, что это обѣщаніе будетъ выполнено по мѣрѣ возможности, и что слѣдующій календарь будетъ значительно совершеннѣе нынѣшняго.

Обязанности крестьянина. Для сельскихъ училищъ. Я. Флоренсова. Съ эпиграфомъ: *всѣхъ почитайте, братство возлюбите, Бога бойтесь, царя чтите. Раби, повинуйтесь во всякомъ страхъ владыкамъ, не токмо бланжъ и кроткимъ, но и строптивымъ. Сіе бо есть угодно предъ Богомъ.* Спб. 1859.

Небольшая книжка, изданная г. Флоренсовымъ, составляетъ родъ краткаго катихизиса, примѣннаго собственно къ крестьянскому быту. Книжка эта, изложенная въ вопросахъ и отвѣтахъ, состоитъ изъ пяти главъ, заключающихъ въ себѣ опредѣленіе обязанностей крестьянъ: 1) къ Богу, 2) къ Государю, 3) къ начальникамъ и помѣщикамъ, 4) къ равнымъ себѣ, 5) въ семейномъ быту. О духѣ и направленіи книжки свидѣтельствуетъ эпиграфъ ея, повторенный и въ самой книжкѣ, въ слѣдующемъ вопросѣ?

«*Вопросъ.* Какая обязанность крестьянина къ начальникамъ и помѣщикамъ своимъ?

Крестьянинъ долженъ оказывать всякое уваженіе начальникамъ и своимъ помѣщикамъ, не изъ страха наказанія, а по доброй волѣ; имѣть къ нимъ полную довѣренность, повиноваться не только добрымъ и кроткимъ, но и строптивымъ, и исполнять въ точности всѣ ихъ распоряженія и приказанія, все равно, письменныя или словесныя: такъ велитъ Богъ и Великій Государь, да и собственная польза того требуетъ.»

Кромѣ внушенія крестьянамъ ихъ обязанностей, г. Флоренсовъ не забываетъ внушить имъ убѣжденіе и въ пользу образованія. На

вогрось: «нужна ли грамота?» — онъ отвѣчаетъ: нужна; а зачѣмъ, — ва то представляетъ слѣдующіе главные резоны:

«Учащійся грамотѣ у священника или въ училищѣ выучить многому и родныхъ своихъ: онъ начнетъ дома читать разныя молитвы, рассказывать о всѣхъ чудесахъ Божіихъ, какъ міръ начался, какіе святые были, что значить каждый праздникъ, какіе были цари православные на Руся, какъ въ простомъ быту можно угодить Богу и Великому Государю, и быть счастливу» (стр. 19).

Мы обращаемъ на эту книжку вниманіе всѣхъ читателей, сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія, потому во-первыхъ, что въ ней видимъ мы первый опытъ систематической кодификаціи того, что доселѣ лишь отрывочнымъ образомъ высказывалось въ большей части нашего общества, — относительно обязанностей крестьянъ. Во-вторыхъ, книга г. Я. Флоренсова замѣчательна еще по своему внѣшнему значенію. На первомъ листѣ ея напечатано: *«разматривано ученымъ комитетомъ министерства государственныхъ имуществъ и награждено большою серебряною медалью.»* Къ заглавію же книжки прибавлено: *«для сельскихъ училищъ»*. Изъ этого можно заключить, что катихизисъ г. Я. Флоренсова одобренъ ученымъ комитетомъ министерства государственныхъ имуществъ — для употребленія въ сельскихъ училищахъ, и такимъ образомъ по книжкѣ г. Я. Флоренсова новое поколѣніе русскихъ крестьянъ сознательно изучитъ свои обязанности.

О трезвости въ Россіи. Сочиненіе *Сергія Шипова*. Спб. 1859.

Брошюрка г. Шипова написана подъ вліяніемъ первыхъ извѣстій о распространеніи трезвости. Считаемо нужнымъ сказать о ней нѣсколько словъ, въ дополненіе къ статьѣ о томъ же предметѣ, помѣщенной въ вышней же книжкѣ «Современника». Мы придаемъ дѣлу трезвости большое значеніе потому, что здѣсь выказалась въ русскомъ народѣ гораздо большая твердость духа и гораздо меньшая степень приверженности къ сивухѣ, чѣмъ обыкновенно предполагали. Но мы вовсе не видѣли здѣсь идиллической картины, которую, по мнѣнію нѣкоторыхъ, намѣрены были представить нашимъ взорамъ крестьяне, долженствовавшіе прогнать вино съ лица земли навѣки, по внутреннему убѣжденію въ его вредѣ для чистоты нравовъ. Расходясь нѣсколько въ точкѣ зрѣнія съ нашимъ знаменитымъ экономистомъ, г. Вернадскимъ, мы смотрѣли на распространеніе трезвости, какъ на явленіе, имѣющее чисто экономическій характеръ, а отнюдь

не сантиментально-романтической. Поэтому мы не возмущались даже тѣмъ, что мужики штрафуютъ и наказываютъ тѣхъ, кто нарушаетъ обѣтъ, — противъ чего, какъ извѣстно, г. Вернадскій протестовалъ, дорожа не отказомъ мужиковъ отъ водки, а «*нравственнымъ побужденіемъ къ самоусовершенствованію*», руководившимъ будто бы крестьянъ въ этомъ случаѣ. Столь моральная экономія привела г. Вернадскаго къ убѣжденію, что дѣло трезвости будетъ унижено, ежели оно будетъ поддерживаться не внутреннимъ, глубокимъ сознаніемъ, а какимъ нибудь внѣшнимъ вмѣшательствомъ. Вслѣдствіе того «Экономическій Указатель» (№ 22) премудро объявилъ, что «*трезвость очень похвальна, и ей препятствовать не слѣдуетъ, но въ тоже время—личность человѣка священна, и потому дѣлать какія нибудь обязательныя постановленія относительно трезвости — безнравственно.*» Оставалось только прибавить воззваніе: «*о вы, благородные послѣдователи теоріи laissez-faire! Устройте такъ, чтобы трезвость распространялась сама собою, и соедините ваши благонамѣренныя усилія для того, чтобы не было на этотъ счетъ никакихъ обязательныхъ мірскихъ приговоровъ, стѣсняющихъ и насилующихъ свободную волю человѣка!*» И благородные послѣдователи почтеннаго экономиста припились сы съ усердіемъ за дѣло, и если бы, благодаря ихъ усиліямъ, ни одного общества трезвости не образовалось, они бы прославили свои подвиги на пользу народной нравственности: имъ вѣдь «*дорогъ не самый актъ отказа отъ вина*», а главное—нравственность, нравственность чтобы была сохранена!...

Факты уже опровергли отласти морально-идиллическія мечты и опасенія экономистовъ. Народъ, выпудивши у откупа уступку, снова сталъ пить, находя, что водка собственно — ничего, бѣда еще не очень большая, а настоящая бѣда въ томъ, когда она плоха и дорога, когда для того, чтобы душу отвести, надо цаловальнику армякъ, и шапку, и топоръ, и телегу заложить, да когда водка такова, что отъ нея только одурь беретъ, какъ отъ отравы какой.... Вотъ для чего многіе отказались отъ водки. По послѣднимъ извѣстіямъ, откупщики принуждены были во многихъ мѣстахъ спустить цѣну водки до трехъ рублей. Первый примѣръ поданъ былъ, если не ошибаемся, персикимъ откупомъ, и только-что цѣну спустили, — черезъ мѣсяць же оказалось, что потребление вина удвоилось. Не ясно ли: съ уничтоженіемъ причины уничтожается слѣдствіе....

Явленіе это должно особенно непріятно поразить людей, занятыхъ исключительно-моральной стороною дѣла. Къ числу такихъ людей принадлежитъ и г. Шиновъ, увѣряющій, что не только пьянство, но просто рюмка водки—ужасно безнравственна и вмѣстѣ съ тѣмъ гибельна для здоровья. Но мы думаемъ, что онъ вдается въ

большую крайность, не разобравши хорошенько настоящего положения дѣла. Мы не станемъ съ нимъ спорить объ отвлеченной нравственности и гигиенѣ: но обратимъ вниманіе на его мнѣніе по отношенію къ русскому мужику. Онъ приписываетъ водкѣ всѣ бѣдствія русской жизни, и особенно—бѣдность мужиковъ. Но не разъ уже приводимъ былъ у насъ афоризмъ Либиха, на котораго ссылается и самъ г. Шиповъ,—что «вообще не бѣдность есть слѣдствіе пьянства, а пьянство—слѣдствіе бѣдности». Еслибъ г. Шиповъ припомнилъ этотъ афоризмъ, онъ бы, конечно, совершенно иначе написалъ тѣ страницы, въ которыхъ доказываетъ, что русскому мужику вовсе не нужна водка. Онъ говоритъ, наприимѣръ, что, по суровости нашего климата, мужику, часто бывающему на холодѣ, нужно согрѣться, но для этого есть много средствъ, кромѣ водки: обильная пища всякаго рода, въ особенности жирная, богатая углеродомъ, баня и проч. Справедливо; но въ томъ-то и дѣло, что у мужика нѣтъ «обильной пищи, особенно жирной, богатой углеродомъ.» Да и не одно это—теплая одежда, хорошее помѣщеніе, достаточный и своевременный сонъ—тоже могли бы сдѣлать ненужнымъ согрѣваніе водкой.... Но гдѣ же взять этихъ благъ бѣдняку, на которомъ лежатъ столько различныхъ обязанностей и повинностей, и котораго трудъ такъ дешевъ, что никакъ не можетъ обезпечить ему безбѣднаго и ровнаго существованія? Говорятъ: «находить же онъ деньги на водку; лучше бы ихъ употребить на улучшеніе своего быта.» Да въѣдъ это хорошо со стороны разсуждать человѣку, у котораго весь годовой бюджетъ такъ прекрасно распределенъ, который имѣетъ въ виду постоянное и свободное полученіе достаточнаго количества денегъ, и у котораго вслѣдствіе того все можетъ катиться, какъ по маслу. Бѣднякъ-крестьянинъ не можетъ такъ ровно устроить свою жизнь. Даже если онъ и зажиточенъ, и тутъ его можетъ каждую минуту сломить самая пустая случайность. Не говоря о неурожаѣ, скотскомъ падежѣ и тому подобныхъ случайностяхъ хозяйства, — его положеніе можетъ разстроить немилость старосты, гнѣвъ барина, наѣздъ становаго, — какоенибудь мертвое тѣло, оказавшееся близъ его огорода, проѣздъ его по лѣсу во время тайной порубки, совершавшейся тамъ неизвѣстными людьми.... Эти нравственныя причины, препятствуя ровному теченію жизни, постоянно и производятъ то безразсчетное, разгульное расположеніе, въ которомъ человѣкъ говоритъ: «Ну ихъ всѣхъ!.. Хотя день да мой, а тамъ, что будетъ то будетъ!...» А что же ужъ говорить о томъ, когда нравственная тяжесть гнететъ человѣка, обремененнаго еще и физическою нуждою! Тутъ почти нѣтъ другаго выхода, какъ затопить свою тоску въ винъ.... Объ этомъ-то и не хотятъ разсудить люди, приписывающіе пьянству—и бѣдность, и развратъ, и

даже хворость значительной части нашего населенія изъ низшаго класса. Безъ сомнѣнія, пьянство—и ведетъ къ преступленіямъ, и ослабляетъ, и разоряетъ человѣка; но напрасно г. Шиповъ полагаетъ, что стоитъ только прекратить пьянство, и бѣдности, болѣзней и преступленій не будетъ. Напрасно онъ воображаетъ, что злу можно помочь тѣми средствами, какія онъ предлагаетъ: «продать водки только въ городахъ, и то не во многихъ мѣстахъ, по высокой цѣнѣ, и даже наконецъ въ однѣхъ аптекахъ,—и постановленіемъ строгихъ законовъ противъ пьянства, такъ чтобы наказывалась всякая нетрезвость, какъ гнусный порокъ, обществу вредный, хотя бы притомъ и не было совершенно никакого другаго проступка». Все это можетъ имѣть успѣхъ только въ такомъ случаѣ, если и всѣ другія условія быта низшихъ классовъ будутъ измѣнены въ пользу ихъ матеріальнаго благосостоянія. Пьянство есть одна изъ причинъ зла, и притомъ изъ причинъ *ближайшихъ*... Поэтому, если мы даже предположимъ, что въ одинъ прекрасный день исполнилась мечта г. Халютина (см. № VII «Современника»), т. е. хлѣбное вино исчезло изъ вселенной, а все прочее осталось по прежнему, — и тогда не водворился бы на землѣ рай, котораго онъ ожидаетъ. До тѣхъ поръ, пока будетъ въ обществѣ продолжаться отсутствіе гражданскихъ гарантій, успокоивающихъ человѣка нравственно, и недостатокъ матеріальнаго благосостоянія въ массахъ, до тѣхъ поръ будетъ продолжаться и потребность подвеселить и одурить себя, — не тѣмъ, такъ другимъ. Можетъ измѣниться форма проявленія этой потребности, самый матеріалъ для ея удовлетворенія можетъ явиться совсѣмъ другой;—но много ли же въ этомъ отраднато?..

Г. Шиповъ возстаетъ противъ мнѣнія, будто образованіе, смягчая нравы, само собою уничтожитъ и пьянство. Разумѣется, это мнѣніе нелѣпо, если опять образованіе разсматривать отдѣльно отъ всего другаго. Но едва ли это будетъ справедливо: образованіе (только, разумѣется,—не самодурное, а настоящее образованіе) имѣетъ ту силу, что заставляетъ человѣка оглянуться вокругъ себя и опредѣлить свои отношенія ко всему окружающему. А опредѣливши эти отношенія, каковы они есть и каковы должны быть, онъ начнетъ добиваться приведенія ихъ въ нормальный видъ. И если эта нормальность, вслѣдствіе общаго распространенія образованія, утвердится въ цѣломъ обществѣ, тогда между всѣми и довольство распространится. А живя въ довольствѣ и съ хорошими людьми, въ совершенно-нормальныхъ, братскихъ отношеніяхъ къ нимъ, человѣкъ, разумѣется, и не подумаетъ пьянствовать!..

Журналы, газеты и публика. Сочинение А. Надеждина. Спб. 1859 г.

Въ настоящее время, когда всѣ такъ довольны, когда Шамиль взятъ, Булгаринъ умеръ. г. Ефимъ Дымманъ каждый день снова публикуетъ о своей наукѣ жизни, — въ настоящее время мы вдругъ получили «репримандъ неожиданный»: г. Надеждинъ издалъ книжку, въ которой сдѣлалъ начальническую нотацію всей литературѣ и къ которой прибавилъ слѣдующій постъ-скриптъмъ:

«Р. С. До сихъ поръ публика не возвышала, кажется, противъ редакторовъ своего голоса, платила имъ деньги, вѣрила и ждала, и это едва ли не первая гласная оппозиція противъ господъ, вообразившихъ себя чѣмъ-то похожимъ на великихъ инквизиторовъ, не признававшихъ ничего суда надъ собою.

Пусть теперь гг. Ж(ж)урналисты примутъ къ свѣдѣнiю, что прошла пора ихъ странной безотвѣтности и настала для нихъ пора *мласности*» (стр. 73).

Какъ видите, дѣло очень серьезное: г. Надеждинъ желаетъ путемъ гласности достигнуть того, чтобы публика не платила денегъ издателямъ журналовъ!... Желанiе это принадлежитъ, конечно, къ разряду тѣхъ, которыми нельзя особенно гордиться; но въ г. Надеждинѣ оно оправдывается его собственнымъ намѣренiемъ издавать периодически книжки «*въ высшей степени интересныя и дешевыя*». Такъ по крайней мѣрѣ самъ онъ говоритъ въ заключенiи «своей книги».

«Конецъ этой книжки (приведенный нами выше) ясно говоритъ читателю, что она служитъ только передовою послѣдующихъ. Благодаря Ж(ж)урналы и Г(г)азеты (за что онъ ихъ такъ честитъ прописными буквами?), сотрудниковъ у меня много въ разныхъ концахъ земли русской,—за матеріалами, конечно, дѣло не ставеть, и *моу ручаться, что слѣдующія книжки будутъ интересны, любопытны и разнообразны въ высшей степени.*

Нтъ сомнѣнiя и въ томъ, что онъ будутъ доведены до возможной (еще бы до невозможной!) дешевизны, что постараюсь доказать слѣдующей второй книжкой, которая выйдеть не позже октября.»

Такъ вотъ въ чемъ дѣло: г. Надеждину не нравится, что публика вѣритъ и платитъ деньги журналистамъ, и онъ хочетъ, чтобы она вѣрила и платила деньги ему. «Пожалуйте, говоритъ,—ко мнѣ: у меня выборъ предметовъ въ высшей степени интересныхъ, любопытныхъ и разнообразныхъ!... У меня книжки доведены до возможной дешевизны! А всѣ прочіе — это что такое!... Только деньги съ

вась берутъ, а сами никуда не годятся!»... Опасный человекъ этотъ г. Надеждинъ: ни малѣйшей аттестаціи къ литераторамъ не имѣеть! Вообразилъ, что въ литературѣ все дѣло заключается въ усвоеніи тактики Щукина двора и вызываетъ журналистовъ публично состязаться съ нимъ.... Ну, не афронтъ ли это?

И вѣдь въ какое положеніе ставитъ онъ всѣхъ литераторовъ и журналистовъ: вызываетъ всѣхъ опровергать его, — хочу, говорить, дѣльной и безпристрастной критики, — а опровергать-то у него нечего, для критики-то и предмета нѣтъ! Что тутъ прикажете дѣлать? Онъ себя оградилъ: прочтетъ нашу рецензію и скажетъ, что мы только площаднымъ образомъ поглумились, а миѣній его не опровергли, потому что не могли опровергнуть.... Вотъ и покажется, что вся правда на его сторонѣ. Но что же намъ дѣлать-то, посудите: г. Надеждинъ исписалъ 75 страницъ и не представилъ ни одного факта, не разобралъ ни одного литературнаго явленія, и упомянулъ только два имени — Григоровича и Тургенева. О нихъ онъ сказалъ очень горячо и витіевато, что недоволенъ «Переселенцами» и «Дворянскимъ Гнѣздомъ»: миѣніе о «Переселенцахъ» еще попытался оправдать нѣсколькими общими фразами, а о «Дворянскомъ Гнѣздѣ» просто повторилъ нѣсколько разъ, что не правится, нехорошо, неудовлетворительно, не такъ бы надобно, — да и все тутъ. Не хочется дѣлать выписку, но если попадется вамъ брошюрка г. Надеждина, — раскройте 68-ю страницу, и вы увидите, что мы говоримъ правду....

За исключеніемъ же этихъ двухъ романовъ, г. Надеждинъ ничего не называетъ и съ начала до конца раздражается только повальной бранью на русскую литературу. «Она, видите ли, ничего не сдѣлала и не дѣлаетъ, — а только надуваетъ публику и *правительство!*...» Фактовъ никакихъ на это не представляется, но прямой смыслъ обвиненія не подлежитъ сомнѣнію.... Что же тутъ дѣлать литераторамъ и журналистамъ? Мы думаемъ: заявить обвиненіе г. Надеждина передъ публикой, такъ какъ онъ на всю литературу нападаетъ отъ лица публики. Пусть же публика и разсудитъ между литераторами и г. Надеждинымъ, который взялся быть ихъ бичемъ и грозою. Журналистамъ этотъ судъ давно извѣстенъ, хотя г. Надеждинъ и увѣряетъ, что до сихъ поръ гласность не смѣла коснуться ихъ. Помилуйте, — стоитъ вспомнить г. Байбороду, г. Громеку, Литературный Протестъ, исторію «Ласточки» и «Сѣвернаго Цвѣтка», замѣтки противъ «Инвалида» и «Орла», и проч. и проч. Если ужъ гдѣ малѣйшій скандалецъ и даже просто промахъ выводится на свѣжую воду, такъ это именно въ журнальномъ мѣрѣ. Литераторъ и журналистъ счелъ бы низостью послѣдней степени всякое покушеніе похлопотать о нена-

печатаніи статейки противъ него.... Сдѣлайте милость, пишите и печатайте: отвѣтъ найдется, и публика всегда разсудитъ праваго.

Итакъ мы представимъ итогъ обвиненій, сдѣланныхъ г. Надеждинымъ противъ современной литературы. Они любопытны по своему характеру, совершенно отличному отъ всего, что до сихъ поръ говорилось противъ нея другими. Упрекать литературу, конечно, можно во многомъ; мы сами не разъ говорили, что она сдѣлала очень мало. Но мы, говоря о малозначительности литературы въ нашемъ обществѣ, постоянно имѣли въ виду тѣсныя обстоятельства, въ которыхъ она поставлена, благодаря современной апатіи общественной. Мы жалѣли о горестномъ положеніи литературы, предостерегали ее отъ увлеченій чужими, да и то мнимыми, успѣхами и въ тоже время старались указать ей, гдѣ ея настоящее мѣсто, гдѣ должна развиться истинно-полезная ея дѣятельность, словомъ—мы хотѣли, чтобы литература смѣле шла впередъ, не останавливаясь на перепутьяхъ и не принимая стрекотавья какого нибудь сверчка въ травѣ за соловьиное пѣнье... Ни одного слова, ни одного намека не вырвалось у насъ, да и мысли не было о томъ, чтобы литераторы въ своей дѣятельности поступали безчестно, водились лишь корыстолюбиемъ, и завистью. Да и ни у кого до сихъ поръ, сколько мы знаемъ, не было столь странныхъ мнѣній о литературной дѣятельности. Послушайте же теперь, что говоритъ г. Надеждинъ.

Послѣ многихъ разсужденій о натурѣ русскаго человѣка, которой будто бы никто изъ пишущихъ людей не знаетъ, г. Надеждинъ переходитъ къ вопросу о гласности.

«Правительство (говоритъ онъ), вручая въ наше распоряженіе гласность, какъ бы сказало намъ: «возьмите орудіе, всемогущее и грозное орудіе, — обличайте имъ зло и тѣмъ помогайте мнѣ искоренять его...» и пр.... Надобно думать, что всѣ мы съ этой точки зрѣнія смотрѣли на гласность и хорошо понимали великость того довѣрія, которое оказало нашему уму и сердцу благонамѣренное правительство. Какъ же мы поступали до сихъ поръ съ гласностью?

«А вотъ какъ: еслибъ правительство отняло у насъ страшное оружіе обратно, мы невправъ были бы роптать» (стр. 23).

Въ доказательство столь строгаго сужденія, г. Надеждинъ указываетъ... т. е. не указываетъ, а фразируетъ о статьяхъ, появившихся въ русской литературѣ относительно крестьянскаго вопроса. Ничего онъ не называетъ, никакихъ разсужденій не приводитъ, а только рѣшаетъ наотрѣзъ, что *«отъ появленія первой статьи до настоящаго времени, касательно означеннаго предмета... въ безчисленныхъ*

статьяхъ, изъ которыхъ можно составить цѣлые томы, *нѣтъ ни одной дѣльной мысли*» (стр. 26). А между тѣмъ —

«Авторы восхищались своими твореніями, ждали, какъ должнои да ни, вниманія со стороны правительства и рукоплесканій со стороны публики. Въ самомъ же дѣлѣ они фантазировали, подобно плохимъ музыкантамъ, кричали, подобно ребятишкамъ и, разумѣется, ошибались въ своихъ расчетахъ: *правительство деликатно молчало, публика улыбалась*, — и здѣсь, и тамъ явилась справедливая потребность оставлять страницы подобныхъ статей неразрѣзанными. *Авторы обвинили правительство въ деспотизмъ, публику въ застою*,— всѣхъ, кромѣ себя, въ невѣжествѣ, неумѣвшемъ оцѣнить ни ихъ взгляда, ни ихъ строчекъ» (стр. 29).

Замѣтьте, что всѣ эти преступленія вносятся вообще на писателей, гуртомъ, такъ что обязательный докладъ г. Надеждина о литературѣ, при своей бездоказательности, отличается еще и беззѣмностью... Приятно имѣть дѣло съ такимъ обвинителемъ! Слѣдовало еще только г. Надеждину не печатать своихъ обвиненій, а сообщать ихъ по секрету: тогда успѣхъ его роли былъ бы обезпеченъ гораздо болѣе, нежели теперешними зазываньями.

«Впрочемъ, едва ли теперь и нужно доказывать *отсутствіе всякой идеи въ каждой* строчкѣ касательно улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ»,—заключаетъ г. Надеждинъ свои фразы, и дѣйствительно ничего не доказываетъ, успокоиваясь на мудрой дѣятельности губернскихъ комитетовъ, которыхъ бумаги, по его словамъ, заключаютъ въ себѣ несравненно болѣе плодовъ ума, опыта и знанія дѣла» (какъ будто люди пишущіе не были членами комитетовъ, и члены комитета—никогда ничего не писали!).

За тѣмъ столь же строго и рѣшительно осуждаетъ г. Надеждинъ всю серьезную литературную дѣятельность послѣднихъ лѣтъ, по *всѣмъ* вопросамъ. Всѣ писатели только и обнаружили «совершенное незваніе дѣла да неимѣніе толку».... (стр. 32).

Къ беллетристикѣ тоже онъ строгъ, преимущественно потому, что у него отъ повѣстей кругомъ голова идетъ. «О новыхъ романахъ, повѣстяхъ и разсказахъ — пишешь онъ, — думаешь, думаешь, такъ что голова въ кругъ пойдетъ.» Въ этомъ—то головокруженіи г. Надеждинъ, должно быть, и сочиняетъ свои нотации литературѣ, да еще прикрываетъ ихъ именемъ публики!

Но верхъ произвольныхъ и неблагонамѣренныхъ показаній представляетъ намъ объясненіе г. Надеждина о томъ, кто читаетъ и любить журналы. Онъ говоритъ, что публика вообще недовольна всѣми журналами и газетами, и читаетъ ихъ только потому, что нечего больше читать, а потребность въ чтеніи чувствуется. «Но очень мно-

гіе, по показанію г. Надеждина, нетерпѣливо ждутъ почтовыхъ дней и съ жадностію принимаются за чтеніе полученныхъ журналовъ и газетъ. Что же это за люди? Вотъ они каковы, эти *очень многіе*:

«Бросьте этимъ господамъ какую нибудь громкую блистательную фразу, *проповѣдуйте имъ либерализмъ, почаще ругайте правительство, обвиняйте публику въ равнодушіи и застоѣ, смѣло называйте умныхъ, даже (!) и государственнхъ людей отсталыми,*—и васъ, повѣрьте, произведутъ въ геніи,» и пр. (стр. 40).

Признаемся, — много носится враждебныхъ слуховъ относительно значенія журналовъ и вообще литературы, доносятся они и до людей неблагонамѣренныхъ, которые всегда готовы расписать ихъ еще хуже, чѣмъ какъ сами получили; но, сколько намъ приводилось слышать, ни одинъ изъ доносившихся голосовъ, даже побывавши въ устахъ самыхъ неблагонамѣренныхъ людей, не чернилъ литературу передъ властями такъ, какъ дѣлаетъ это г. Надеждинъ.... Видно, что у него ужъ вѣтъ ни малѣйшаго состраданія даже къ читателямъ; къ писателямъ же онъ полонъ адскаго недовѣрія и очень сожалѣетъ, «что цензуры не облечены никакимъ правомъ смотрѣть за дѣйствіями редакторовъ касательно дѣлъ гласности» (стр. 51). По его мнѣнію, писатели такой народъ, что «ихъ самовластію узда необходима, во избѣжаніе грустныхъ послѣдствій.» По обыкновенію, онъ не объясняетъ положительно, чего именно онъ хочетъ; да и трудно это объяснить: какую уздою, какимъ еще манеромъ хочетъ онъ взнудать литераторовъ?

Да, книжка г. Надеждина—печальное и даже опасное явленіе! Конечно, публика вообще не приметъ его сторону и заклеитъ его заслуженнымъ презрѣніемъ, со всѣми его бездоказательными и безимянными клеветами. Но вѣдь есть въ числѣ читающихъ журналы и такіе господа, которые съ жадностію ловятъ всякую клевету и потомъ разносятъ ее по свѣту съ добавленіями. И тутъ ужъ придинокъ, объясненій и подозрѣній — не оберешься!...

Курсъ всеобщей исторіи, доктора *Георга Вебера*, профессора въ Гейдельбергѣ. Переводъ съ нѣмецкаго *Е. и В. Корша*. Томъ I. Выпускъ первый. Москва. 1859.

Курсъ всеобщей исторіи, составленный *В. Шульшинымъ* (для воспитанницъ благородныхъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій). Исторія среднихъ вѣковъ. *Изданіе 2-е, дополненное*. Кіевъ 1859 г.

Переводъ курса Вебера, весьма добросовѣстно сдѣланный гг. Коршами, составляетъ очень полезное приобретеніе въ русской исто-

рической литературѣ, и мы спѣшимъ обратить на него вниманіе читателей. Громадная ученость Вебера, его добросовѣстность и строгая послѣдовательность изложенія извѣстны всѣмъ, хоть по наслышкѣ знающимъ историческую литературу Германіи. Теперь Веберъ издаетъ «Всеобщую Исторію» въ большихъ размѣрахъ, и этотъ трудъ будетъ съ его стороны новою важною услугою исторической наукѣ. Но и давно извѣстный «Учебникъ» его пользуется до сихъ поръ большою популярностью и выдержалъ уже много изданій въ подлинникѣ. У насъ, разумѣется, нѣтъ ничего подобнаго руководству Вебера, и потому гг. Корши заслуживаютъ искренней благодарности всѣхъ занимающихся исторіею, за свой истинно-полезный трудъ.

Можно надѣяться, что книга эта будетъ имѣть успѣхъ: у насъ такъ многіе нуждаются въ порядочномъ учебникѣ, что съ радостью готовы схватиться за все, мало-мальски порядочное. Тѣмъ успѣшнѣе должно разойтись хорошее руководство. Примѣромъ и доказательствомъ нашихъ словъ можетъ служить второе изданіе «Курса средней исторіи», г. Виталія Шульгина. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы, — если помнятъ читатели, — разбирали курсъ г. В. Шульгина вмѣстѣ съ руководствомъ г. И. Шульгина, и отдали первому преимущество. Тогда еще мы предсказали успѣхъ г. В. Шульгину сравнительно съ г. И. Шульгинымъ, и вѣдь вотъ дѣйствительно сбылись наши предсказанія: курсъ г. Виталія Шульгина, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, вышелъ вторымъ изданіемъ, вновь пересмотрѣнный и значительно дополненный. А вотъ г. Ив. Шульгинъ ужъ не дождется новаго изданія своего руководства, — «хоть ужъ онъ тутъ себѣ что!»

ЛОНДОНСКІЯ ЗАМѢТКИ.

IV.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ.

До сихъ поръ я говорилъ только объ улицахъ и объ уличномъ движеніи Лондона; но едва ли есть другой такой городъ, гдѣ бы по этой внѣшней жизни можно было менѣе судить о характерѣ жителей. Встрѣчаясь съ англичаниномъ только на улицѣ, вы замѣтите, разумѣется, что онъ хлопотливъ, дѣятеленъ, весь повидимому поглощенъ денежными интересами, несообщителенъ и подчасъ даже очень грубъ; но очень ошибетесь, если одними этими качествами захотите опредѣлить вполне англійскій характеръ. Особенно бросятся они вамъ въ глаза, если вы пріѣхали въ Лондонъ изъ Парижа. Несмотря на огромное торговое движеніе, въ Парижѣ вамъ почти не попадается на улицахъ этихъ постоянно-озабоченныхъ лицъ, которыя придаютъ такой пасмурно-дѣловой видъ каждому уголку Лондона; въ Парижѣ всѣ, начиная съ приглаженнаго и припوماженнаго лэнди на Итальянскомъ бульварѣ и кончая неопрятнымъ блузникомъ въ грязной и шумной Rue Monmartre, какъ будто гуляютъ; въ Лондонѣ даже у иностранца, будь это отчаянный парижскій фланеръ, черезъ два-три дня послѣ пріѣзда какъ будто вытягивается лицо и принимаетъ дѣловое выраженіе. Несообщительность и грубость кажутся необходимымъ добавленіемъ къ этому неугомонному промышленному направленію. Зайдите въ Парижѣ въ большой магазинъ

или въ маленькую лавку; купите и тамъ и тутъ не больше, какъ на франкъ, даже на нѣсколько сантимовъ: купецъ такъ вѣжливо, такъ предупредительно, что становится даже совѣстно какъ-то. Подумавъ, вы оказали ему величайшую услугу. Англичанинъ, не моргнувъ глазомъ, отвѣчая лишь односложными словами и частицами, продастъ вамъ на десятки гивей и фунтовъ, и сконфузитъ васъ совѣтъ инымъ: глядя на него, вы подумаете, что онъ оказываетъ вамъ чуть ли не благодѣяніе, что мѣшаетъ, съ изряднымъ барышомъ, свой товаръ на ваши золотые портреты Викторіи. Онъ видимо желаетъ сказать вамъ своимъ безстрастнымъ, полнымъ достоинства видомъ: «безъ меня вѣдь тебѣ негдѣ бы купить!», забывая о необходимомъ дополненіи этой фразы со стороны покупателя: «А безъ меня тебѣ пекому бы продать!» Правда, существуютъ и въ Лондонѣ лавки съ такими усердными зазывателями, какъ у насъ на Щукинскомъ и Апраксинскомъ дворахъ, или въ Парижѣ на маленькихъ базарахъ; но въ этихъ лавкахъ нельзя ничего покупать, не рискуя быть обманутымъ. Озабоченныя лица, окружающія васъ на тротуарѣ Сити, не исчезаютъ и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ во всякомъ другомъ городѣ, даже въ прокопченной табаконъ и филистерствомъ Германіи, кипитъ обыкновенно веселая, беззаботная жизнь. Такія мѣста — трактиры, кофейныя, гульбища. Но и въ трактирахъ, за исключеніемъ развѣ пріютовъ для пьяныхъ весельчаковъ, и на гуляньяхъ — царствуетъ какая-то странная торжественность. Кажется, будто оживленный разговоръ и веселыя лица считаются не кстати въ мѣстѣ, гдѣ собрались для такого важнаго и серьезнаго дѣла, какъ ѣда или приличный моціонъ. Послѣ шумныхъ и веселыхъ парижскихъ ресторановъ, меня неприятно поразили даже лучшіе лондонскіе трактиры. Нѣсколько дней сряду обѣдалъ я, напримѣръ, въ роскошныхъ Diningrooms на Флит-Стритѣ, у самаго Temple-Bar'a, и ни разу не видалъ тамъ двухъ человѣкъ, обѣдающихъ вмѣстѣ. Всѣ ѣли въ одиночку и, казалось, ни у кого не было оттого аппетита меньше, какъ у лошади, одиноко кушающей свой овесъ и свое сѣно въ отдѣльномъ стойлѣ. Можетъ быть съ точки зрѣнія гигиены такъ именно и надо насыщаться. Когда человѣкъ не занятъ ничѣмъ постороннимъ, онъ больше обратитъ вниманія на гостящее дѣло, — это совершенно справедливо; и сидя одиноко надъ тарелкой густаго, какъ помой, и огненнаго отъ перцу честерфильскаго супу или супу изъ бычачьяго хвоста, или наконецъ надъ кускомъ ростбифа, можно лучше обдумать, сколько надо съѣсть того или другаго, чтобы не обременить желудокъ. Конечно, послѣднее несчастье случается большею частію за обѣдами, гдѣ болтовня служитъ необходимою

приправой каждаго куска. Но что ни говорите, ѣсть одиноко какъ-то больше подстать кошкѣ, собакѣ, лошади; человѣку же надо слишкомъ много животности, чтобы углубляться, какъ въ философическую книгу, въ свой бифтекстъ и пуддингъ. Не думайте, что трактиръ дастъ вамъ понятіе объ англійскомъ обѣдѣ. Вы узнаете, какія блюда готовятъ англійскіе повара, въ какомъ порядкѣ ихъ подаютъ; но подумаете, пожалуй, что англичанинъ за обѣдомъ никогда не улыбается, никогда не произноситъ ни слова. Это будетъ большой промахъ. Дѣлю въ томъ, что англичанина слѣдуетъ наблюдать дома, а никакъ не на улицѣ, не въ такъ называемыхъ публичныхъ мѣстахъ. Даже общество, собирающееся въ Argyle-Rooms на публичные балы, въ характерѣ парижскаго Mabile или бывшихъ петербургскихъ танцклассовъ, отличается чрезвычайною чинностью. Меня больше всего поразило тутъ большое количество почтеннаго вида джентльменовъ, въ черныхъ бальныхъ одеждахъ, съ большими звѣздами на груди. Отправляясь на балъ, я предполагалъ встрѣтить тутъ адъ сумятицы и безпорядка; а встрѣтилъ такихъ почтенныхъ гостей.

— Скажите пожалуйста, обратился я къ одному русскому, бывшему со мной и больше меня знакомому съ лондонскими нравами:— ужъ туда ли мы попали? Это не департаментъ ли какой? Это вотъ какъ будто директоръ, а это — начальникъ отдѣленія; а ужъ это чуть ли не самъ товарищъ министра?

— Успокойтесь, отвѣчалъ мнѣ мой спутникъ: — это все лакеи. Гости же, какъ вы видите, одѣты очень разнохарактерно и безцеремонно.

Но, признаюсь, и гости, неуклюже и торжественно отплясывавшіе вальсы и польки, произвели на меня страшный эффектъ. Мнѣ все-таки казалось, что джентльмены со звѣздами тутъ начальники, а всѣ танцоры — подчиненные, нѣсколько стѣсненные присутствіемъ начальства. Такъ все было вяло и натянато.

Немного больше одушевленія и на Hay-Market, гдѣ что ни шагъ— кофейная или устричная лавка, и гдѣ часамъ къ двѣнадцати ночи буквально нѣтъ прохода отъ пышныхъ кринолиновъ. Тутъ толпятся и на улицѣ, и въ этихъ кофейныхъ и устричныхъ лавкахъ не сотни, а вѣроятно тысячи дамъ всѣхъ націй и преимущественно, конечно, англчанокъ, самаго не двусмысленнаго поведенія. Самый кутежъ какъ-то систематиченъ и холоденъ, и отъ этого вдвое противнѣе и безобразнѣе. Если же онъ переходитъ въ разгулъ, то разгулъ этотъ не многимъ отличается отъ разгула въ матросскихъ кварталахъ, гдѣ

не пройдешь вечеромъ шага, не увидавъ отвратительной ссоры или драки, не услыхавъ площадной брани. Тѣ же разбитыя стекла, пу-щенные въ голову бутылки и проч.

Глядя на стѣны домовъ, чуть не сверху до низу заклеенныя самыми разнообразными афишами, подумаешь пожалуй, что театръ и вообще разныя такъ называемыя зрѣлища играютъ очень важную роль въ общественной лондонской жизни. Въ этомъ можно скоро разувѣриться. Что концерты и театры всегда полны, это очень понятно: ихъ, сравнительно съ громадною цифрою народонаселенія, очень мало въ Лондонѣ. Драматическая литература Англїи луч-ше всего показываетъ, какъ мало у англичанъ сочувствїя къ театру. Пуританизмъ остановилъ его успѣхи, и никто о томъ не жалѣеть, потому что онъ пустилъ глубокіе корни и вообще во всю жизнь, во всѣ понятїя англичанъ. Многіе видятъ чрезвычайно от-раднѣйшій фактъ въ томъ, что въ послѣднее время въ Англїи не сходитъ со сцены Шекспиръ. Да что же и играть больше, когда Шекспиръ почти единственный драматическій писатель, существующій въ Англїи? И притомъ, точно ли художественныя соображенія вызы-вали его опять на сцену? и точно ли такъ велико общее сочувствіе къ поставленному вновь на сцену Шекспиру, какъ объ этомъ гово-рятъ? Въ Лондонѣ три милліона жителей; два театра, на которыхъ играютъ Шекспира, вовсе не велики даже для любой нѣмецкой столицы; а между тѣмъ вырѣдко рискуете уйти отъ театральной кассы безъ билета. какъ это случается сплошь и рядомъ въ Па-рижѣ, гдѣ театры на каждомъ шагу и, повидимому, всѣмъ бы долж-но быть мѣсто. Скажутъ, что Шекспиръ — писатель не для массы, а для избранныхъ. Правда, опоздавши въ театръ Фельпса на пред-ставленіе «Ромео и Джульеты» и помѣстившись въ заднихъ рядахъ партера между публичкой низшаго разбора, я слышалъ такой же глупый смѣхъ надъ чуднымъ монологомъ Ромео, гдѣ онъ сравниваетъ съ небесными звѣздами глаза Джульеты, какъ и надъ клоуновскими выходками второстепенныхъ лицъ пьесы; но немного же, значить, въ Лондонѣ и избранныхъ! Какъ согласить это съ тѣмъ безуслов-нымъ почти благоговѣніемъ къ Шекспиру, которымъ мало-мальски порядочный англичанинъ проникается чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ? какъ объяснить безчисленныя его изданія, и вошедшія въ об-щій оборотъ, какъ пословицы, — фразы, цѣлыя стихи его?

Объясненіе опять-таки въ англійскомъ отвращеніи отъ обще-ственной жизни въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее французы. (Само-собой разумѣется, что я говорю не о политической жизни). Не даромъ англійскій home вдохновлялъ столько поэтовъ, и не

найдете вы во всей огромной стихотворной литературѣ англичанъ ни единой пѣсенки во вкусѣ Беранже и Дезюжь.

Судя по наружности, съ англичаниномъ трудно сойтись, трудно проникнуть въ его домашнюю жизнь, быть своимъ человѣкомъ въ его семьѣ. Это справедливо лишь на половину. Въжливость, радушіе и гостепріимство развиты здѣсь едва ли не болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, но чтобы упрочить за собою пріязнь англичанина или, какъ вообще говорится, сойтись съ нимъ, нужно сходство характеровъ и убѣжденій, единство нравственныхъ интересовъ. Интимныя отношенія, которыя такъ легко завязываются у насъ и во Франціи, теряютъ очень много цѣны въ сравненіи съ такого же рода отношеніями въ Англіи. У насъ, напримѣръ, очень легко сдѣлаться чуть не ежедневнымъ гостемъ въ домѣ, узнать даже не одну семейную тайну, и все таки оставаться настолько чужимъ хозяину или хозяйкѣ, чтобы не быть увѣрену, переходя за порогъ дома, что про васъ тотъ или другая не сочиняетъ какой-нибудь сплетни, или зло не насмѣются надъ вами, или подъ часъ даже не оклеветаютъ васъ. Спрашивается, что же сводитъ тутъ людей? И стоитъ ли это дикое гостепріимство, едва ли не худшее киргизскаго, тѣхъ восторженныхъ похвалъ, которыми его обыкновенно осыпаютъ? Не есть ли это просто неразвитіе, безразличный взглядъ на людскія отношенія, шаткость и неопредѣленность убѣжденій, или совершенное ихъ отсутствіе? На руку, которую отъ души протягиваетъ вамъ англичанинъ, можно смѣло опереться. За кого изъ своихъ «лучшихъ друзей» положитесь вы дома? Какъ же не хвалить англійской неподатливости на знакомства и дружбу? какъ же не уважать англійскаго home?

Семья, основанія которой сильно пошатнуты во Франціи и очень неопредѣленны или дико въ остальной Европѣ, опирается въ Англіи на болѣе здравыя начала. Само собой разумѣется, и здѣсь, какъ вездѣ, дѣло не обходится безъ гнета ветхихъ предрассудковъ, застарѣлыхъ условій и пелѣпой рутины; но гнетъ этотъ далеко не такъ тяжекъ, какъ въ другихъ странахъ. Семейное счастье — почти миѣ вездѣ, кромѣ Англіи, при тѣхъ формальностяхъ, которыя считаются до сихъ поръ необходимыми для санкціи отношеній между мужчиной и женщиной. Англичане съумѣли поубавить много деспотизма изъ этихъ формальностей и хоть немного осмыслили ихъ, за неимѣніемъ силы и отваги совершенно отказаться отъ нихъ. Идилліи, которыми кончается большая часть англійскихъ романовъ, взяты не изъ міра фантазіи, съ цѣлью обратить заблудшаго современнаго человѣка къ правамъ золотаго вѣка; нѣтъ, это вѣрныя и по большой части даже вовсе не идеализированныя картины дѣйствительности.

Многіе думаютъ видѣть чуть ли не такую же здравость семейныхъ отношеній, какъ въ Англіи, и въ Германіи; но едва ли стоитъ и выражать на это. Нигдѣ женщина не играетъ такой жалкой роли, какъ у нѣмцевъ, нигдѣ деспотизмъ мужчины такъ презрительно не отталкиваетъ женщины отъ участія въ движеніи общества. Самая наружность женщинъ, ихъ лица, стали принимать отъ этого деспотизма оттѣнокъ какой-то жалкой незащитности и выраженіе кретинизма. Непрактичность нѣмцевъ сказалась и тутъ—въ семейныхъ, какъ и въ политическихъ ихъ отношеніяхъ. Эманципируя человѣка такъ послѣдовательно и такъ рѣшительно въ области чистой мысли отъ всякихъ стѣсняющихъ узъ, въ жизни они готовы, кажется, держаться до послѣдней крайности даже за давно-перержавѣшія цѣпи, связывающія свободу ихъ движенія.

Болѣе здравыя семейныя отношенія создали въ Англіи болѣе серьезное образованіе женщины, чѣмъ гдѣ либо. Оно дало разумный характеръ и браку, и домашней жизни, и воспитанію дѣтей. Я не хочу этимъ сказать, какъ уже могъ замѣтить читатель, что Англіи въ этомъ отношеніи нечего уже совершенствоваться. Напротивъ, и тутъ, какъ во всѣхъ почти сторонахъ жизни, ей слѣдуетъ еще отдѣлаться отъ тысячи мелкихъ и тѣмъ болѣе тягостныхъ деспотій и предрасудковъ; но нельзя не похвалить и того, что есть. Другіе и до того не добились.

Прочность семейной связи создала въ Англіи и домашній бытъ совершенно оригинальный, не похожій на домашній бытъ нѣмца и француза. Нигдѣ нѣтъ той замкнутости семейнаго круга, того домашнего порядка и комфорта. Эти черные кирпичные дома, ограждающіе съ обѣихъ сторонъ улицу своими унылыми, можно сказать тюремными стѣнами, представляютъ внутри такой уютъ, что могутъ плѣнить самаго отъявленнаго бездомника и дать ему понять цѣну семейной жизни.

Кварталы и улицы, въ которыхъ собственно живутъ въ Лондонѣ, то-есть не торгуютъ, не занимаются ремеслами, отличаются отъ кварталовъ и улицъ торговыхъ, какъ шумный рынокъ отъ кладбища. Ираво, это сравненіе ничуть не преувеличено. Оно непременно придетъ вамъ на умъ, когда съ большой проѣзжей улицы, хоть на примѣръ съ Оксфордъ-Стрита, вы уклонитесь въ сторону и вступите въ одинъ изъ небольшихъ и узкихъ переулковъ, назначенныхъ исключительно для домашнего комфорта, или къ одному изъ скверовъ. Васъ невольно поразитъ рѣзкій переходъ отъ шума и гама толпы и грохота экипажей почти къ совершенному безмолвію. Лишь

изрѣдка проѣдетъ карета, кабріолетъ; но не смѣютъ гремѣть здѣсь ни омнибусы, ни тяжелыя товарныя фуры. Только раннимъ утромъ появляются зеленщики или продавцы дичи, да и тѣ не оглашаютъ спокойныхъ улицъ громкимъ крикомъ, а объявляютъ о своемъ приходѣ или умѣреннымъ, почти осторожнымъ окликомъ, или звономъ колокольчика, проведеннаго въ кухню, въ подвальномъ этажѣ дома. Ни одной лавки не помѣщается тутъ, даже съ самыми необходимыми припасами. Въ булочную, въ мелочную, въ мясную лавку надо идти въ смежную большую улицу, гдѣ ужъ зато и не живутъ собственно говоря, а только торгуютъ, хлопочутъ и шумятъ. Лавкамъ въ этихъ жилыхъ улицахъ и помѣститься негдѣ; дома построены исключительно съ хозяйственными удобствами. Нечего и говорить, какъ дороги и необходимы эти удобства для людей, живущихъ скромно и занятыхъ кабинетными трудами. Комфортъ, встрѣчаемый здѣсь всюду, невольно наводитъ на сравненіе съ удобствами, представляемыми нашею столичной жизнью. Здѣсь вы видите, что всѣ эти дома построены для удобства жильцевъ; у насъ дома строятся исключительно для доставленія доходовъ хозяевамъ, а о жильцахъ никому нѣтъ заботы. Магазины, лавка, трактиръ, кабакъ обыкновенно платятъ болѣе за помѣщеніе, и потому у насъ каждый домохозяинъ считаетъ непремѣнной обязанностью своей устроить въ нижнемъ этажѣ своего дома лавки. И будь еще это на большихъ центральныхъ улицахъ; а то нигдѣ нѣтъ спасенія отъ кабаковъ и отъ трактировъ. По ночамъ васъ будятъ крики пьяныхъ; днемъ вы, кромѣ этихъ криковъ, можете насладиться изъ вашего окна и цѣлыми сценами дракъ и буйствъ. Въ Лондонѣ есть даже такія улицы, что запираются съ обѣихъ сторонъ желѣзными рѣшотками. Это ужъ роскошь, если хотите; но роскошь такая простая и недорогая, что и въ ней я не вижу ничего дурнаго.

Устройство англійскаго дома, всѣ особенности, отличающія его отъ континентальныхъ домовъ; трудно, а иногда и почти невозможно понять изъ англійскихъ романовъ, которые читаются у насъ такъ усердно. Диккенсъ или Тэккерей пишутъ для англичанъ, и имъ нечего объяснять, что такое библіотека и parlour въ англійскомъ домѣ, и почему происходитъ тамъ это постоянное движеніе по лѣстницамъ, up stairs and down stairs. Когда Гоголь говоритъ о лакейской у Плюшкина или у Собакевича, ему нечего много описывать ее: мы сразу сообразимъ, какова должна была быть эта лакейская, и въ какой части дома помѣщаться. Совсѣмъ иное дѣло, еслибъ Гоголь писалъ для англичанъ, а не для русскихъ. То, что я хочу рассказать объ устройствѣ англійскихъ домовъ, можетъ, за неимѣніемъ дру-

гихъ достоинствъ, пригодиться хоть въ качествѣ комментарія русскимъ читателямъ англійскихъ романовъ и повѣстей.

Прежде всего о наружномъ видѣ. Я уже сказалъ, что кирпичныя стѣны англійскихъ домовъ похожи на тюремныя. Онѣ кончаются или пожалуй начинаются не въ уровень съ тротуаромъ, какъ большею частью у насъ, а спускаются на полторы и на двѣ сажени ниже уровня улицы, и образуютъ по обѣимъ сторонамъ ея рвы. Рвы эти непокрыты и въ нихъ выходятъ окна нижняго, собственно-подвального этажа; чтобы въ туманъ или въ сумерки прохожій не свалился въ эти рвы съ тротуара и не сломалъ себѣ шеи, они огорожены желѣзными рѣшетками. Тротуаръ соединяется съ крыльцомъ дома узенькимъ мостикомъ изъ бѣлой плиты, перекинутымъ черезъ ровъ. Любители археологическихъ параллелей находятъ, что нынѣшній англійскій домъ есть не что иное, какъ средневѣковой замокъ, приуроченный къ новымъ нравамъ. Крѣпостной ровъ, желѣзный палисадъ, мостъ.... мостъ даже подъемный можно бы сдѣлать, если бъ новые владѣльцы замковъ держали такъ же много прислуги, какъ старые. У многихъ домовъ даже мостикъ отдѣленъ отъ тротуара желѣзной рѣшетчатой калиткой, запирающеюся на ночь на замокъ. Рѣшетки иногда такъ высоки и съ такими остріями на верху, что можно подумать, ужь дѣйствительно не съ оборонительною ли цѣлью выкопанъ этотъ ровъ и воздвигнутъ этотъ палисадъ.

Чтобы попасть въ домъ, стоитъ кажется только перейти мостикъ, взойти на двѣ на три ступеньки крыльца, — и дѣло съ концомъ. Не тутъ-то было. Извольте сначала ознакомиться съ правилами, которыя слѣдуетъ наблюдать, стуча у дверей. Звонки существуютъ здѣсь еще не вездѣ, и часто вамъ придется стучать молоткомъ. Молотокъ собственно вовсе не молотокъ, а просто тяжелая скоба, свободно висящая на двери. Шутники говорятъ, что это одинъ изъ труднѣйшихъ музыкальныхъ инструментовъ. «Надо обладать тонкимъ слухомъ, утверждалъ одинъ путешественникъ: — и опытной твердой рукой, чтобы не ввести въ недоразумѣніе обитателей дома и не навлечь потомъ на себя ихъ насмѣшки. По мелодіи молотка узнаютъ обыкновенно, къ какому состоянію принадлежитъ человекъ, явившійся къ дверямъ. Почталіонъ возвѣщаетъ о себѣ двумя сильными, быстро слѣдующими другъ за другомъ ударами; постороннему гостю предписывается нѣжное, но увѣренное tremolo. Хозяйка дома выдѣлываютъ молоткомъ болѣе сильную дробь; а слуга, объявляющій о пріѣздѣ своихъ господъ, обязанъ, если онъ только понимаетъ какъ слѣдуетъ духъ своей должности, стучать въ дверь, какъ перунъ. Напротивъ торговцы, мясники, продавцы молока, зеленщики, булоч-

ники и т. п. вовсе не стучать, а дергаютъ за боковой звонокъ, общающійся прямо съ кухней. Какъ ни просты повидимому эти правила, они оказываются довольно трудными въ практическомъ примѣненіи. Чужестранцы рѣшительнаго, закаленнаго временемъ и опытностью характера, думаютъ обыкновенно, что лучше всего дадутъ о себѣ знать, если примутся барабанить молоткомъ съ энергіей собственнаго достоинства. Они должны бывать горько разочаровываться. Человѣка рѣшительнаго примутъ, пожалуй, за слугу; нерѣшительнаго — за нищаго: держаться середины и тутъ, какъ вездѣ, самое трудное дѣло». Путешественникъ долженъ благодарить всесовершенствующее время, что оно мало по-малу вытѣсняетъ эти средневѣковые молотки, смѣняетъ ихъ современнымъ звонкомъ и дѣлаетъ ненужнымъ изученіе всѣхъ помянутыхъ пріемовъ.

Каждая дверь, выходящая на крыльцо, непременно снабжена въ Лондонѣ ящикомъ для почталіона, чтобы ему не нужно было входить въ комнату съ письмами и газетами. Англичане постоянно франкируютъ свои письма, и это не отнимаетъ понапрасну времени ни у разнощика писемъ, ни у получателя ихъ, ни у прислуги. Говорятъ, во время всемірной выставки, иностранцы, непріученные у себя дома къ большимъ удобствамъ, преимущественно нѣмцы, принимали эти ящики въ дверяхъ за почтовые и совали въ нихъ свои письма, адресованныя куда нибудь въ Карлсруэ.

Прямо съ крыльца вы входите въ прихожую, или въ сѣни, съ громкимъ названіемъ Hall. Вамъ не нужно проходить грязными воротами, загроможденнымъ дворомъ, или справляться у темной канурки дворника, какъ въ Германіи, во Франціи и у насъ. Особенно непріятны лѣстницы во Франціи съ неизбѣжными *consierges* женскаго или мужскаго пола и съ постояннымъ ихъ шпионствомъ. Каждая англійская квартира есть собственно отдѣльный домъ, о двухъ, трехъ и даже четырехъ этажахъ, хотя бы у него было всего два окна на улицу. Каждый нанимающій такой домъ pogodно или пожизненно, какъ многіе здѣсь дѣлаютъ, есть уже полный его хозяинъ, и настоящій владѣлецъ дома не отряжаетъ для наблюденія за своею собственностью ни дворниковъ, ни привратниковъ. Дворники—то были бы уже совершенной нелѣпностью, потому что при англійскихъ домахъ, если это не джентльменскія палаты, вовсе нѣтъ дворовъ. Кто держитъ лошадей и экипажъ, держитъ ихъ обыкновенно въ смежномъ переулкѣ, въ особо устроенныхъ для того конюшняхъ и сараяхъ, куда проведены звонки изъ его квартиры. Значитъ, поэтому двора не нужно. Не нужно его и для накопленія сору и помоевъ; для всего этого устроены водосточныя трубы. Вода вездѣ проведена въ

стѣны домовъ; стало быть нечего заводить и бочекъ, и прочихъ украшеній нашихъ дворовъ. Итакъ дворъ вещь совершенно излишняя для англійскаго дома. Остается придумать помѣщеніе для топлива. Это уже не такъ трудно. Въ Англійи топятъ не дровами, а каменнымъ углемъ; а для угля надо не такъ много мѣста. Проходя по тротуару, вы замѣтите круглыя отверстія въ его полотнѣ, противъ крылецъ домовъ, прикрытыя чугунными заслонками. Черная каменно-угольная пыль вокругъ этихъ отверстій показываетъ ихъ назначеніе. Сюда накладывается прямо съ тротуара каменный уголь, въ чуланъ, нарочно для того устроенный подъ каменнымъ мостикомъ, ведущимъ къ крыльцу. Заподряженный вами угольщикъ пріѣзжаетъ въ извѣстный срокъ и наполняетъ доверху вашъ чуланъ. Пространство вымѣрено заранее, и вамъ нечего отряжать для повѣрки продавца и для приѣма товара лишняго человѣка. Все дѣлается такъ просто и такъ хорошо. Изъ этихъ мелочей становится яснѣе всего, какъ стройно и удобно устроена частная жизнь въ Англійи, какъ цѣнится тутъ трудъ и время, которое не даромъ англійская пословица называетъ деньгами.

Англійскій Hall есть въ одно и тоже время и сѣни, и прихожая. Убранство его зависитъ, разумѣется, отъ степени богатства хозяина; у кого есть средства, можетъ наставить тутъ цвѣтовъ, статуй. Но почти неизбѣжнымъ украшеніемъ этой первой комнаты во всѣхъ домахъ служитъ чистая кленка, которою обитъ полъ. Къ дверямъ другихъ комнатъ и по лѣстницѣ, ведущей изъ прихожей въ верхній этажъ, тянутся обыкновенно суковные или ковровые половики. Коверъ есть одно изъ необходимѣйшихъ условій англійскаго комфорта. Недостатокъ ковра есть примѣта бѣдности. Такъ, Тасъ-Гудъ, въ своей знаменитой «Пѣсни о Рубашкѣ», рисуя жалкую нищету швеи, говоритъ, какъ о важномъ лишеніи о томъ, что полъ на ея печальномъ чердакѣ не покрытъ (That shatter'd roof and this naked floor). Говоря о русскомъ бѣднякѣ, никому и въ голову бы не пришло сожалѣть объ отсутствіи ковра въ его углу. Значить, читателю нечего объяснять, что въ каждой комнатѣ англійскаго дома полъ долженъ быть обитъ или покрытъ ковромъ. Кромѣ лѣстницы, ведущей изъ прихожей на верхъ, сюда же обыкновенно выходитъ и лѣстница, сообщающаяся съ нижнимъ, подвальнымъ этажемъ, гдѣ помѣщается кухня и прислуга.

Изъ прихожей входите вы въ главную комнату дома, столовую, гостиную или, пожалуй, разговорную, какъ называютъ ее англичане — parlour. Большой каминъ, который горитъ здѣсь зимою съ ранняго утра и до поздняго вечера, служитъ центромъ, около кото-

раго группируется вся семья. Здѣсь завтракають, обѣдаютъ, пьютъ чай; хозяйка раздаетъ приказанія, хозяинъ читаетъ, положивъ ноги на рѣшотку камина, свой Times; яркій огонь камина не разъ озарялъ здѣсь серьезныя семейныя совѣщанія послѣ обѣда; въ семействахъ, неукоснительно слѣдующихъ пуританскимъ предписаніямъ, здѣсь же, въ воскресенье, читаются душеспасительныя книги. У этого камина принимаютъ обыкновенно гостя, если онъ явился не въ назначенный вечеръ, когда отворяются двери другой, парадной гостиной, у кого такая гостиная есть. Большія двусторчатыя двери занимаютъ почти всю заднюю стѣну parlour'a и отдѣляютъ его отъ такъ называемой библіотеки, въ которой часто не бываетъ ни одной книги. Назначеніе этой комнаты зависитъ отъ состава семьи. Тутъ можетъ быть и кабинетъ хозяина, и классная дѣтей, или даже будуаръ, контора — что хотите, только рѣже всего именно библіотека.

Вотъ обыкновенно и все помѣщеніе впису. Таково же оно и во второмъ этажѣ, и въ третьемъ. Назначеніе этихъ этажей неизмѣнно одно и тоже во всѣхъ англійскихъ домахъ, исключая разумѣется большія аристократическія квартиры, гдѣ уже нѣтъ того опредѣленнаго числа комнатъ въ каждомъ этажѣ, и гдѣ самое распредѣленіе ихъ зависитъ отъ вкуса и средствъ хозяина. Итакъ во второмъ этажѣ помѣщаются спальни, въ третьемъ — дѣтскія и комнаты нянекъ и мамокъ. Наконецъ, если домъ о четырехъ этажахъ, то обыкновенно небольшія и неудобныя горенки подъ кровлей назначаются для ночлега близкимъ знакомымъ или роднымъ, которые пріѣхали издалека или живутъ и не Богъ знаетъ гдѣ, да засидѣлись вечеромъ поздно.

Лѣстница, ведущая изъ сѣней въ подвальный этажъ, и не такъ широка, какъ та, что проходитъ по остальнымъ этажамъ, и не такъ, разумѣется, удобна. Но и здѣсь, въ кухнѣ и въ людскихъ комнатахъ, васъ поражаетъ чистота и опрятность, немислимая даже у нашихъ Маниловыхъ и Бетрищевыхъ, не говоря уже о Петрушкахъ и Селифанахъ. И здѣсь полы обиты цвѣтною клеенкой, окна завѣшаны кисеей, уставлены горшками цвѣтовъ.

У прислуги тоже есть свой parlour; это огромный каминъ въ кухнѣ, въ которомъ цѣлый день шипитъ и пылаетъ смолистый уголь и около котораго собирается вся домашняя челядь потолковать о томъ, о семъ, и преимущественно, конечно, о господахъ. Отчужденіе, въ которое поставлена здѣсь прислуга, очень удобно и для нея, и для господъ; но зато, сильнѣе чувствуя разницу состояній, она старается взять хоть невидимымъ и келейнымъ контролемъ надъ

господами. Малѣйшее отступленіе ихъ отъ правилъ и законовъ, предписываемыхъ неподвижнымъ обычаемъ, обсуживается строжайшимъ образомъ въ кухонномъ контролѣ, и не рѣдкость въ Англіи кухарка, которая откажется служить у васъ, если вы не аккуратно ходите слушать воскресныя проповѣди. Основаніемъ тутъ не чувство справедливости, а глубокой антагонизмъ, которому надо хоть въ чемъ нибудь одержать побѣду. Тѣхъ добрыхъ и гуманныхъ отношеній, какія существуютъ между прислугой и господами во Франціи, нечего искать у Англичанъ.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ПИСЬМО ИЗЪ ЕГИПТА.

1859 года, май.

Жарко и душно. Дуетъ хамсинъ; въ воздухѣ мрачно и въ комнатѣ 33° по реомюру, — вотъ въ какомъ положеніи я засталъ Каиръ, приѣхавши въ него изъ Александріи по желѣзной дорогѣ, въ 6 часу вечера; на станціи встрѣчаютъ пассажировъ содержатели гостинницъ, съ предложеніями услугъ и съ омнибусами отъ каждаго отеля; сверхъ того, сотни мальчиковъ съ ослиами окружаютъ пассажировъ и кричатъ до оглушенія: «донкеу, допкеу,» — это классъ самый назойливый и если вы выбрали осла, то садитесь на него скорѣй, иначе вся вагага окружаетъ васъ и каждый тянетъ на свое животное; жители обыкновенно отдѣлываются палкой, но иностранецъ, не прибѣгающій къ этому средству, находится иногда въ весьма критическомъ положеніи, не имѣя возможности ни сѣсть на выбраннаго осла, ни подвинуться своей дорогой. Есть въ Каирѣ и экипажи, и вдобавокъ очень хорошіе, — большею частію коляски на лежачихъ рессорахъ, запряженныя парю лошадей поевропейски, въ сопровожденіи араба-скорохода, который бѣжитъ впереди и крикомъ заставляетъ прохожихъ очищать дорогу. — Неумоимость этихъ скороходовъ удивительна: при страшной жарѣ онъ бѣжитъ цѣлые часы безъ отдыха, не теряя своей веселости и безъ всякой видимой усталости, — крѣпость ногъ и сила легкихъ удивительны! Лучшія гостинницы расположены на площади Ezbekhie, — самое веселое и пріятное мѣсто Каира, — площадь эта есть огромный садъ, отѣняемый огромными деревьями, подъ которыми расположены кафе и фруктовые лавки; эта площадь есть любимое мѣсто прогулки жителей, и

всякій вечеръ, съ 6 часовъ до 12, играетъ горючпый оркестръ изъ германскихъ музыкантовъ, а невдалекѣ отъ этого оркестра играютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ туземцы и поютъ свои заунывные однообразныя мелодіи, однакоже не лишеныя пріятности; въ этихъ, грусть наводящихъ пѣсняхъ слышишь тѣже самые звуки, когорые раздавались еще при Фараонахъ, когда гнали народъ на созиданіе пирамидъ и тому подобныхъ великолѣпныхъ глупостей — и сердце поневолѣ сжимается, при этомъ воспоминаніи.... Отели есть превосходныя, въ которыхъ столъ и помещеніе мало въ чемъ уступаютъ лучшимъ европейскимъ гостинницамъ; цѣны отъ 8 франковъ до 19 въ сутки съ человѣка — за комнату, чай, завтракъ, lunch и обѣдъ. Такъ какъ большая часть путешественниковъ — англичане, то мясныя блюда преобладаютъ въ столѣ, несмотря на жару; англичане имѣютъ привычку дѣлать на эту пищу обильныя возліянія спиртуозныя, не измѣняя этой привычкѣ нигдѣ. На улицахъ и вездѣ въ городѣ слышны всѣ возможныя нарѣчія, въ особенности языки итальянскій, французскій и англійскій преобладаютъ; погонщики ословъ говорятъ по-немногу на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Русскій имъ не дается, по малочисленности путешественниковъ изъ Россіи; однакоже многіе изъ нихъ каждому встрѣчному иностранцу говорятъ: «карошъ, карошъ». чтобы узнать — не русскій ли?

Выйдя на улицу, чувствуешь, какъ будто вышелъ въ теплицу или парникъ, потому что улицы безпрестанно поливаются водой, людьми нарояно для того приставленными, которые какъ видно очень усердно этимъ занимаются, потому что въ иныхъ мѣстахъ, несмотря на жару, грязь постоянная; поливка дѣлается изъ кожаныхъ мѣшковъ. Нилъ — истинное благодѣяніе Египта, въ особенности Каира, и не даромъ его боготворили въ древности; вода очень здоровая и можно ее пить сколько угодно, безъ малѣйшаго вреда. Вода для питья держится здѣсь обыкновенно въ горшкахъ, сдѣланныхъ изъ глины, пропускающей черезъ себя воду, что, возбуждая испареніе ся снаружи, дѣлаетъ воду внутри холодною; это при жарѣ африканской доставляетъ большое утѣшеніе жаждущему. Вода изъ Нила проведена во всѣ части города, и потому поливка деревьевъ производится прилежно, и все цвѣтетъ и зеленѣетъ. Народъ на улицахъ кишитъ постоянно, ибо при поливкѣ улицъ и узкости ихъ — постоянно прохладно. Базары всѣ крыты драпью, многія улицы также имѣютъ навѣсы, а потому всѣ работы, начиная съ ювелирной до кузнечной, производятся на улицахъ, на глазахъ всѣхъ. Въ Каирѣ еще не проникла мода константинопольскихъ женщинъ носить прозрачныя чадры, которыя даютъ возможность видѣть явственно все лицо; каирскія женщины высшаго класса одѣваются въ

черныя шелковыя мантильи и такого же цвѣта чадру, которая даетъ только мѣсто для глазъ и по длинѣ носа держится золоченою бляхой; женщины же изъ сословія феллаховъ одѣты въ темно-синяго цвѣта платье и чадры того же цвѣта, что даетъ имъ очень угрюмый видъ. Нѣтъ, кажется, парода въ мірѣ (кромя итальянцевъ), который бы, говоря между собой, такъ сильно кричалъ, какъ арабы. — и потому улицы сильно оживлены. Базары полны фруктовъ, но всѣ эти фрукты, кромѣ апельсиновъ, очень дурны; абрикосы мелки и невкусны, дыни и арбузы такъ же дурны, какъ плохіе бакчевые въ Малороссіи, — и все это по нерадѣнію жителей. Поражаетъ также на улицахъ въ Каирѣ, какъ и во всемъ Египтѣ, огромное количество слѣпыхъ и больныхъ глазами, что нужно приписать врожденной азіатцамъ нечистоплотности, производящей, въ соединеніи съ сильнымъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, глазную эпидемію, которая безъ помощи медицинскихъ пособій производитъ много случаевъ слѣпоты; въ Александріи же роса ночная производитъ эту болѣзнь и часто человекъ, неосторожно заснувшій на открытомъ во духѣ, лишается зрѣнія. Нѣтъ теперь въ Каирѣ базара невольниковъ: торгъ этотъ дѣлается лишь тихомолкомъ; нѣтъ знаменитыхъ альме, всѣ онѣ высланы изъ Каира и теперь можно ихъ найги лишь въ деревняхъ; нѣтъ и знаменитыхъ магиковъ; правительство, нѣсколько лѣтъ назадъ, гуртомъ сослало ихъ въ Сенаоръ, въ самую нездоровую часть страны; нѣкоторые изъ нихъ тамъ погибли, а остальные были оттуда сосланы на каторжную работу, и года два назадъ, отпустили на волю, съ условіемъ не гадать. Не стану описывать мечетей и прочихъ зданій: о нихъ столько писано, что это было бы лишь повтореніемъ известнаго. Мечеть Махмета-Али почти совсѣмъ кончена и дѣйствительно, поразительно хороша; внутренность имѣетъ сходство съ Софійскимъ храмомъ Константинопольскимъ, въ меньшемъ только размѣрѣ; въ особенности хороша мраморъ на стѣнахъ, который доставляется изъ Верхняго Египта. Рука Махмета-Али видна вездѣ въ Египтѣ; эта рука была тяжела для народа, но за то много устроено прекрасныхъ дорогъ, много засажено мѣстъ бесплодныхъ, которые теперь обратились въ прекрасные сады; впрочемъ сдѣлано много и лишнихъ дворцовъ и казармъ. Флотъ Махмета-Али теперь гнѣтъ въ Александрійской гавани, и нынѣшній паша мало о томъ заботится, — и можетъ быть къ лучшему, ибо въ рукахъ такого правительства, каково египетское, военная сила мало можетъ произвести истинно полезнаго, а ежегодное сохраненіе нѣсколькихъ сотъ десятинъ лѣса, который былъ бы употребленъ непроизводительно, есть выигрышъ для живущихъ на нашей планетѣ. Египетскій паша воображаетъ себя умнѣйшимъ въ мірѣ человекомъ,

и потому на каждомъ шагѣ дѣлаетъ глупости, начиная съ мелочей и до важныхъ вещей. Онъ воображаетъ себя знатокомъ морскаго дѣла; недавно получилъ онъ прекрасную паровую яхту изъ Англіи: только-что пришла, — сей часъ же велѣлъ срубить гротъ-мачту и опять вскорѣ поставилъ ее, съ наддѣлками, чѣмъ совершенно всю яхту испортилъ.

Цивилизація въ Египтѣ, какъ и вездѣ, начинается съ устройства регулярныхъ войскъ и полиціи; если судить по этимъ двумъ признакамъ, то цивилизація дѣлаетъ здѣсь быстрые шаги; солдаты пропасть, полиціи хотъ и меньше, но довольно; недавно учреждена и тайная.

Войска одѣты поевропейски, но совершенно противно требованіямъ климата; платятъ имъ очень неисправно, за исключеніемъ гвардіи (отъ 7 до 8 тысячъ солдатъ); эти послѣдніе всѣ имѣютъ на тѣлѣ фланелевыя рубашки и у каждаго серебряныя часы, у офицеровъ золотыя; паша ихъ очень балуетъ, и они слѣдуютъ за нимъ всюду, во всѣхъ его поѣздкахъ; и такъ какъ Саидъ-паша, при всей своей тучности, очень подвиженъ, то гвардіи приходится постоянно быть въ движеніи, и часто пассажирскіе поѣзды по желѣзной дорогѣ пріостанавливаются, по случаю движенія войскъ, ибо тутъ везется все — и пѣхота, и кавалерія, и артиллерія, чему я былъ самъ свидѣтелемъ. За исключеніемъ, какъ я сказалъ, гвардіи, остальные войска получаютъ жалованье весьма неисправно: недавно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, офицеры были доведены нуждою до того, что хотѣли подать прошеніе о выдачѣ имъ жалованья и собирались для этого. Саидъ принялъ это за бунтъ; 30 офицеровъ исчезли неизвѣстно куда; многихъ сѣкли нещадно, и современная хроника, ведомая людьми, достойными вѣры, гласитъ, что паша сѣкъ многихъ самъ собственноручно. Въ Каирѣ, одновременно съ этимъ, чиновники тоже подали прошеніе о выдачѣ жалованья; и съ ними расправа была коротка: сослали на каторжную работу, и всему конецъ. Такова цивилизація въ Египтѣ.

Такъ какъ вся земля Египта, за исключеніемъ весьма незначительной части, считается собственностію пашы, то доходы его весьма значительны: цифра ихъ считается отъ 150 до 200 милліоновъ франковъ въ годъ, изъ которыхъ большая часть употребляется, по обыкновенію, на войско и на постройку дворцовъ. Дѣлаются и желѣзныя дороги, но на нихъ больше издерживается бамбуковыхъ палокъ, чѣмъ денегъ. Кажется, паша считаетъ себя временнымъ гостемъ Египта, если только не удастся, при удобномъ случаѣ, совершенно отдѣлаться отъ турецкой опеки; а желаніе это выражается, при всякомъ удобномъ случаѣ, явцо.

Египетцы очень пользуются двусмысленнымъ положеніемъ нашимъ, и указываютъ на многія лица, которыя сдѣлали фортуны въ самое короткое время; а дѣлается это весьма просто, — стараются затѣять какой-нибудь процессъ съ правительствомъ, насчитываютъ на него суммы колоссальныя и, при помощи консуловъ, надобѣдаютъ до того, что наконецъ Саидъ, выведенный изъ терпѣнія, платитъ сотни тысячъ, чтобы только отдѣлаться отъ процесса и, чтобы дѣло не пошло на апелляцію въ Константинополь, едѣ онъ волюнѣ убраться, что будетъ обремененъ, ибо тамъ ждуть всякаго удобнаго случая показывать, что онъ вассалъ Перты. Подобныхъ процессовъ, начатыхъ и конченныхъ уплатою значительныхъ суммъ, множество; если разсказать сущность ихъ, то можно, какъ говорится, недоувѣряться отъ смѣха. Нужно, къ чести нашей, сказать, что ни одинъ изъ русскихъ подданныхъ не имѣлъ подобнаго процесса.

Теперь въ Египтѣ совершенная безопасность для путешественниковъ, чѣмъ обязаны огромному количеству англійскихъ туристовъ, которые ѣздятъ цѣлыми семействами въ Египтъ, Нубію и Абиссинію, какъ на прогулку изъ Лондона въ Остэнде; одно, что только и обезпечиваетъ путешественника, это — огромное количество жителей обоюдоголова, протягивающихъ руки съ вѣчнымъ словомъ на устахъ: «бакчиншъ, бакчиншъ»; но для путешественника, бывавшаго въ Италіи, это не новость, — тамъ клерикальное управление тоже развело до невѣроятныхъ размѣровъ нищенство.

Дорога желѣзная изъ Каира въ Суэцъ открыта въ февралѣ нынѣшняго года; перевѣздъ дѣлается въ $4\frac{1}{2}$ часа по страшной пустынѣ; вода для Суэца и для станцій возится особыми поѣздами; станцій между Каиромъ и Суэцомъ — 24; въ нихъ живутъ караульные и служащіе при дорогѣ; на этой дорогѣ, — такъ же, какъ и на Каирско-Александрійской, — вмѣсто деревянныхъ подкладокъ подъ рельсы, употреблены пустые чугуныя сегменты, которые соединяются между собою желѣзными полосами; при здѣшнемъ грунтѣ они достаточно неподвижно держатъ рельсы. — Изъ Каира въ Суэцъ идетъ телеграфъ электрическій, а изъ Суэца въ Перимъ; въ юнѣ долженъ быть конченъ телеграфъ до Адена.

Предварительныя работы прорытія Суэцкаго перешейка, какъ извѣстно, уже начались; малякъ около Перузы почти конченъ и я слышалъ отъ самаго Лессепса, что работы могутъ идти очень усѣбно, потому что всѣ нужные для построекъ матеріалы найдены въ изобиліи, какъ-то — камень, известь, бетонъ и прѣсная вода во многихъ мѣстахъ и сверхъ того въ огромномъ количествѣ топливо, состоящее изъ корней, деревьевъ и растений, что заставляетъ предвѣлгать, что не всегда была здѣсь пустыня. Лессепсъ замѣтилъ,

что напрасно клеветают на разрушительное дѣйствіе египетскаго климата и на зыбучесть песковъ: онъ черезъ 2 года находилъ цѣлыми слѣды тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ разбивалъ свои налатки, и потому засыпаніе пескомъ канала можетъ быть предотвращено обыкновенными, вездѣ употребляемыми средствами, т. е. засаживаніемъ деревьевъ по окраинамъ и неусыпнымъ надзоромъ. Суэцъ не имѣетъ никакой зелени, и потому видъ его грустенъ и безжизненъ; англичанами устроенъ здѣсь огромный отель для путешественниковъ, — это единственный тамъ отель. Управляющіе желѣзными дорогами и служащіе при нихъ — большею частію англичане, но есть много итальянцевъ и поляковъ. Въ послѣднее время итальянцы, послѣ объявленія войны между Франціею и Австріей, гурьбою начали отправляться въ Италію; многіе изъ нихъ бросили независимое положеніе и семейства свои, чтобы идти на предполагаемое освобожденіе родины. — Самъ поступилъ съ нѣкоторыми изъ нихъ очень благородно: многіе изъ итальянцевъ были на службѣ правительства по контрактамъ, онъ дозволилъ имъ ѣхать въ Италію и выдалъ даже годовое жалованье. Египетъ много теряетъ въ этомъ случаѣ: лучшіе и полезнѣйшіе итальянцы уѣзжаютъ, остается только бракъ.

Всякій путешественникъ считаетъ необходимымъ проѣхать на пирамиды, и потому драгоманы являются со всѣхъ сторонъ съ предложеніями услугъ, — выѣзжаютъ на пирамиды, по обыкновенію кавалькадами, ночью, чтобы до восхожденія солнца быть у пирамиды Хеопса. Послѣ 2-хъ часовой ѣзды на ослѣ подѣзжаютъ къ пирамидамъ, и сначала путешественникъ остается пораженъ тѣмъ, что онѣ вблизи кажутся очень невелики, и только преодолевъ всѣ трудности восхожденія и осмотрѣвши со вниманіемъ, убѣждается въ громадности ихъ. Еще не доѣзжая до пирамидъ окружаютъ васъ толпы бедуиновъ, живущихъ около нихъ. Профессія ихъ — водить путешественниковъ на вершину пирамидъ и внутрь ихъ; услуги свои они предлагаютъ почти насильно, и только выбравши трехъ изъ нихъ, вы отдѣлываетесь отъ назойливости остальныхъ. Выбранные вами бедуины тащатъ васъ на вершину, двое за руки, а третій подсаживаетъ сзади. Восхожденіе весьма трудно и сопровождается пѣсней бедуиновъ, въ тактъ восхожденія «*buono mano, buon signiogo, bakshich*». Наконецъ вы взошли на вершину, и бедуины наперерывъ повторяютъ слова Наполеона «*du haut de ces pyramides*» и прочее. Вы отдыхаете и пользуетесь хорошимъ видомъ на Каиръ, но солнце всходитъ и лучами своими гонитъ на низъ, и вы спускаетесь во внутренность пирамидъ, а потомъ опять поднимаетесь, по довольно трудному пути, чтобы войти въ большую залу. Бедуины говорятъ на всѣхъ языкахъ и, войдя въ

заду, предлагаютъ всегда протанцовать національный танецъ при свѣтѣ факеловъ, нѣчто въ родѣ шабаша вѣдьмъ. Здѣсь же внизу, около большой пирамиды и сфинкса, народъ кишить и корзинами выносятъ песокъ изъ открытаго Марриетомъ храма; другіе его работники роются около Сахарскихъ пирамидъ, гдѣ тоже много будетъ открыто со временемъ; всѣ эти работы много стоили труда Марриету и много убито на эти разработки денегъ. Нынѣшній паша беретъ строгія мѣры для сохраненія памятниковъ древности; хотя и бывають похищенія, но рѣже, а то прежде путешественники, въ особенности англичане, усердно грабили все, что попадалось подъ руку. — Пирамиды производятъ самое грустное впечатлѣніе. Столько труда, столько терпѣнія, столько слезъ, невыносимыхъ страданій и жертвъ употреблено было на созданіе ихъ—и вотъ прошло столько вѣковъ, и еще ученые не совсѣмъ согласны, для какой цѣли онѣ были выстроены и кѣмъ именно. — Поневоля задумаешься, не находится ли на человѣчество періодическое помѣшательство, которое выражается—то безполезной войной, то безполезными постройками; послѣднія часто стоятъ дороже первыхъ. Казалось бы, что довольно труда было людямъ бороться съ одними разрушительными силами природы, и она сама въ Египтѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, указываетъ, что нужно дѣлать. Ниль есть благодѣяніе страны, онъ питаетъ ее; а по соседству Сахара старается засыпать и уничтожить эту рѣку: тутъ ясно одно,—что человѣкъ долженъ помогать Нилу въ этой борьбѣ. Нѣкоторыя попытки, въ разныя времена, показали возможность такой помощи, но за радикальную помощь никто не принимался еще; никто не старался засаживаніемъ деревьевъ отнимать владѣнія у Сахары, а возможность этого подтверждается нѣкоторыми попытками насажденій, дѣлаемыхъ на песчаныхъ почвахъ и на границахъ самой Сахары. Но такъ какъ трудъ этотъ былъ бы разуменъ и полезенъ, то его и не дѣлають и онъ остается лишь въ области утопій, по той очень простой причинѣ, что всѣ науки положительныя дѣлають быстрые успѣхи, — одна лишь наука правильной организаціи человѣческихъ обществъ остается въ дѣтствѣ.

Трудно себѣ вообразить, что нибудь бѣднѣе и грустнѣе вида арабской деревни; маленькія, слѣпленные изъ грязи норы, — вотъ жилища людей; почва земли превосходна, страна богато надѣлена природою, сбытъ произведеній—прекрасный, и говорятъ даже, что многіе феллахи имѣють спрятанныя деньги, а между тѣмъ бѣдность немовѣрная!

Видѣлъ я въ Египтѣ много странствующихъ антикваріевъ—фанатиковъ, которые, при видѣ обелиска или какого нибудь камня, приходили въ восторгъ, и первое ихъ восклицаніе: «ахъ! кабы пере-

нести этотъ памятникъ въ Европу! » Другіе задумываются надъ іероглифами, несмотря на то, что вѣка показали тщетность открыть въ ихъ смыслѣ что нибудь полезное для человѣчества; другіе готовы опять заставить бамбукомъ всѣхъ жителей работать около пирамидъ, чтобы отрыть ихъ до основанія; готовы заставить изрыть весь Египетъ, чтобы опять имѣть случай безуспѣшно поспорить о значеніи какогого нибудь іероглифа; они въ искусствѣ зодчества или живописи видятъ одно только искусство, а какими страданіями исполнены эти произведенія, — имъ нѣтъ до того дѣла.

Александрія, со времени окончанія канала, съ каждымъ годомъ растетъ быстро, и теперь этотъ городъ — вполне европейскій; послѣ Каира воздухъ въ Александрію кажется очень прохладнымъ. Тѣло, которое въ Каирѣ постоянно находится въ сильной испаринѣ, въ Александрію приходитъ въ нормальное положеніе, и дыханіе дѣлается свободнѣе, а наступающіе жары и отсюда гонять путешественника въ это время года. Одни лишь зимніе мѣсяцы удобны для путешествій въ Египетъ. При отъѣздѣ изъ Египта остается на сердцѣ лишь грустное чувство: такая прекрасная страна, такъ щедро надѣлена природой,—и все это въ рукахъ правительства египетскаго, которое все сушитъ и глушитъ!

А. Д.

ПОЛИТИКА.

ДѢЛА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИТАЛІИ. — РЕФОРМЫ ВЪ АВСТРІИ. — ДВИЖЕНІЕ ВЪ ПОЛЪБУ ЕДИНСТВА ГЕРМАНИИ.

12 септѣбрѣ.

Два мѣсяца тому назадъ, значеніе трактата, заключеннаго въ Виллафранкѣ, казалось ясно для всѣхъ. Съ перваго же взгляда на условія, принятія побѣдоноснымъ императоромъ французовъ отъ побѣжденнаго австрійскаго императора (*), каждый видѣлъ, что цѣлью императора французовъ было явиться милостивымъ покровителемъ Австріи, спасителемъ ея отъ разрушителей, въ добычу которымъ онъ могъ предать ее, — каждый видѣлъ, что своею великодушною готовностью на миръ, слишкомъ выгодный для Австріи, онъ хотѣлъ приобрѣсти себѣ дружбу этой державы, чтобы въ дальнѣйшихъ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ опираться на тѣсный союзъ съ нею. Это казалось ясно для всѣхъ. Но вотъ, теперь многіе возвращаются къ мнѣнію, совершенно было исчезнувшему изъ всѣхъ умовъ въ первые дни послѣ Виллафранкскаго мира, къ мнѣнію, что цѣлью войны со стороны императора французовъ не было простое желаніе заставить Австрію смириться передъ его могуществомъ и

(*). Теперь извѣстно, что императоръ французовъ не только предложилъ первый императору австрійскому заключить миръ, но и простеръ свою снисходительность до того, что согласился принять тѣ условія мира, которыя были составлены австрійцами, ни мало не оскорбившись тѣмъ, что они два раза отвергли условія, предлагавшіяся имъ отъ него.

быть послушною союзницею его. Многимъ изъ людей, думавшихъ нѣкогда, что война начата имъ для пріобрѣтенія независимости итальянцамъ, снова представляется теперь, что Наполеонъ III дѣйствительно хотѣлъ и хочетъ быть покровителемъ итальянской независимости. Это новое колебаніе общественнаго мнѣнія произведено неожиданнымъ развитіемъ дѣлъ въ центральной Италиі. Оптимисты увѣрены теперь, что Тоскана, Модена и Парма успѣютъ осуществить свое желаніе присоединиться къ Піэмонту; они надѣются даже, что подобное присоединеніе будетъ дозволено и римскимъ легатствамъ, и такимъ образомъ возникнетъ въ сѣверной Италиі довольно могущественное государство, которое, имѣя около 14,000,000 жителей, въ состояніи будетъ служить самостоятельнымъ и прочнымъ оплотомъ Италиі отъ иноземнаго господства. Не сомнѣваясь въ такомъ исходѣ дѣла, оптимисты предполагаютъ, что онъ не чуждъ намѣреніямъ императора французовъ, который, по ихъ мнѣнію, предвидѣлъ его при заключеніи Виллафранкскаго мира, содѣйствовалъ потомъ подъ рукою развитію національнаго движенія въ центральной Италиі и, когда будетъ нужно, объявитъ себя защитникомъ желаній Тосканы, Модены, Пармы и римскихъ легатствъ противъ всякаго вмѣшательства Австріи и какихъ бы то ни было другихъ державъ, не столь расположенныхъ къ упроченію итальянской независимости, какъ онъ, ея великодушный основатель.

Не находя до сихъ поръ, что запутанныя отношенія, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе вопроса о судьбѣ центральной Италиі, достигли такого развитія, чтобы можно было съ достовѣрностью предвидѣть исходъ дѣла, мы не отваживаемся утверждать, чтобы надежды оптимистовъ были основательны и не беремся, подобно этимъ благороднымъ людямъ, столько разъ уже обманывавшимся, предсказывать будущее прекрасное и радостное. Мы рѣшительно еще не знаемъ, чѣмъ кончится дѣло, и ограничимся пока только изложеніемъ фактовъ, не дѣлая предвѣщаній о томъ, къ чему приведутъ они. Но уже и теперь мы имѣемъ доказательства тому, что нѣкоторыя изъ гипотезъ, внушающихъ свѣтлыя надежды оптимистамъ, совершенно неосновательны.

Во-первыхъ, они полагаютъ, что при заключеніи Виллафранкскаго мира императоръ французовъ предвидѣлъ тотъ оборотъ, какой приняли теперь дѣла въ Тосканѣ, Моденѣ, Пармѣ и легатствахъ. Такое мнѣніе можетъ основываться только на незнакомствѣ съ положеніемъ этихъ странъ около времени, когда былъ заключенъ миръ. Было бы слишкомъ долго припоминать исторію движенія во всѣхъ этихъ четырехъ областяхъ до начала іюля, и довольно будетъ обратить вниманіе читателя только на состояніе, какое представляли

тогда легатства и Тоскана: Модена и Парма такъ незначительны сами по себѣ, что ходъ дѣлъ въ нихъ совершенно замисль отъ опоры, какую могли находить онѣ въ Легатствахъ и Тосканѣ.

Тоскана въ концѣ апрѣля возстала съ мыслью о единомъ итальянскомъ государствѣ, въ жертву которому хотѣла принести свою самостоятельность. Но съ перваго же раза Кавуръ принужденъ былъ отвергнуть ея просьбу о присоединеніи къ Піемонту; это поколебало въ тосканцахъ мысль о томъ, что союзникъ, господствовавшій надъ сардинскою политикою, дозволитъ Сардиніи и Тосканѣ слиться въ одно государство. Энтузіазмъ охладѣлъ съ ослабленіемъ надеждъ, и въ Тосканѣ сталъ быстро воскресать партикуляризмъ, на время умалевшій передъ порывомъ патриотизма. Многія обстоятельства, произведенныя вліяніемъ французской политики, содѣйствовали оживленію этого стариннаго стремленія сохранить свою самостоятельность. Укажемъ только на присылку въ Тоскану принца Наполеона, — его появленіе было принято за предвѣстіе намѣренія превратить западную часть центральной Италіи въ отдѣльное королевство; укажемъ также на то, что правительственная власть надъ Тосканою была передана людямъ, оказавшимся представителями партикуляризма. Такимъ образомъ въ концѣ іюня, около времени Сольферинской битвы, партія національнаго единства, желавшая присоединенія къ Піемонту, была въ Тосканѣ и устранена отъ вліянія на дѣла и убита духомъ. Надобно прибавить, что временное правительство отличалось отсутствіемъ всякой энергіи, не принимало никакихъ мѣръ для образованія силы, на которую могло бы опереться, если бы вздумало противиться иностранному вліянію, и даже допустило уже существовавшимъ войскамъ терять всякую энергію отъ праздности и распущенности. Тосканская армія разслабѣла, деморализировалась. Мало того: временное правительство даже отдало все свое войско въ руки французовъ, которые увели его далеко за границы Тосканы. Обо всемъ этомъ мы подробно говорили много разъ. Такимъ образомъ, во время заключенія Виллафранкскаго мира Тоскана казалась доведенною до того, что не могла энергически потребовать присоединенія къ Піемонту, — напротивъ казалось, что она очень рада будетъ сохранить свою отдѣльность, а во всякомъ случаѣ она была совершенно лишена всякихъ силъ къ сопротивленію иностраннымъ приказаніямъ, оставшись рѣшительно безъ всякаго войска и имѣя такое правительство, которое лишено было способности къ энергическимъ мѣрамъ. Каждый, знавшій тогдашнее положеніе Тосканы, былъ увѣренъ, что она безмолвно покорится судьбѣ, какаа будетъ ей предписана волею другихъ.

Еще меньше можно было рассчитывать на силу національных стремлений въ легатствахъ. Восстание тамъ только еще начиналось; въ началѣ юля оно еще лишено было всякаго единства; всякой организаціи, представлялось только рядомъ слабыхъ конгломератовъ, лишенныхъ прочной связи между собою. Войскъ въти города рѣшительно не имѣли тогда никакихъ. Примѣръ Перуджинъ, которая не имѣла даже своей защиты ни одного солдата и защитники которой имѣли только 80 ружей для борьбы противъ наемныхъ наемниковъ, — примѣръ Перуджинъ слишкомъ хорошо показывалъ, какъ велика сила сопротивленія, которому располагали легатства въ началѣ юля.

Словомъ сказать, вся центральная Италия при заключеніи Виллафранкскаго мира представлялась страной, совершенно лишенной всякихъ залоговъ энергическаго сопротивленія чужимъ предпріятіямъ. Въ однихъ областяхъ ея восстание еще не имѣло времени организироваться, въ другихъ было уже ослаблено вліяніемъ политики, поддерживавшей партикуляризмъ и мѣшавшей развитію надеждъ на присоединеніе къ Піемонту. Нечего и говорить о томъ, что четыре области, которыя по Виллафранксскимъ условіямъ должны были возвратиться къ возникшему прежнему правительству, не успѣли еще установить никакой связи между собою: Парма, Модена, Тоскана, легатства — каждое изъ этихъ владѣній оставалось предоставлено только собственнымъ силамъ, не находилось еще ни въ какомъ союзѣ съ другими.

Послѣ этого, человѣкъ положительный, каковъ императоръ французскій, могъ ли ожидать, чтобы области центральной Италии выказали какую нибудь самостоятельность, лишились всякой посторонней опоры? Нѣтъ, онъ ожидалъ, что онѣ, слишкомъ хорошо сознавая свое безсиліе, спокойно примутъ ту участь, которая была подготовлена для нихъ Виллафранкскимъ миромъ. Дѣйствительно, упрямство ихъ представлялось безуиствомъ, невозможностью; нельзя было не ожидать, что низвергнутыя правительства восстановятся безъ всякаго затрудненія. Самая форма, въ которой выражено было согласіе императора французскаго на это желаніе императора австрійскаго при составленіи Виллафранкскаго трактата, свидѣтельствуешь объ убѣжденіи въ легкости дѣла: трактатъ просто говорилъ: «великій герцогъ Тосканскій и герцогъ Моденскій возвращаются въ свои владѣнія», — тогда не считали нужнымъ и определять средствъ, которыми должно быть произведено это возвращеніе: казалось, что оно совершится само собою, одною силою словеснаго распоряженія со стороны Франціи и Австріи.

И положеніе дѣлъ въ инсурректировавшихъ странахъ, и легкость съ какою предполагали примиряющіеся императоры восстановить

низвергнутыя правительства, свидѣтельствуесть объ ошибочности той гипотезы оптимистовъ, по которой представляется, будто бы императоръ французовъ при заключеніи Виллафранкскихъ условій предусматривалъ оборотъ, какой приняли послѣ того дѣла центральной Италіи. Послѣ этого сама собою должна оказываться лишленно всякаго основанія и та гипотеза, по которой онъ будто бы хотѣлъ тогда быть защитникомъ этихъ земель отъ иноземнаго вмѣшательства: Виллафранкскій договоръ своимъ молчаніемъ объ этомъ вопросѣ слишкомъ ясно показываетъ, что въ то время объ немъ и не думали; казалось достаточнымъ, что императоръ французовъ повелѣвалъ инсургировавшимъ областямъ возвратиться къ повиновенію: Тоскана, Модена, Парма были окружены французскими войсками; войска эти должны были проходить черезъ нихъ для своего возвращенія во Францію; нѣсколько дивизій должны были остановиться въ нихъ на довольно долгое время. Эти распоряженія, слишкомъ хорошо показывавшія инсургентамъ необходимость исполнить волю могущественнаго союзника, считались очень достаточными залогоми безпрекословнаго возстановленія низвергнутыхъ провинцій.

Мы излагаемъ факты, изъ которыхъ съ положительною достоверностью можно заключать о намѣреніяхъ, какія имѣлъ императоръ французовъ относительно центральной Италіи при заключеніи Виллафранкскаго мира, — можно видѣть, что онъ не хотѣлъ тогда коварствовать относительно австрійскаго своего союзника, напротивъ поступалъ съ нимъ искренно и давалъ ему обѣщанія добросовѣстно, а не въ виду не обманывать его фальшивыми обязательствами, а действительно приобрести солидныя права на его дружбу исполненіемъ его желаній. Факты очевидно доказываютъ это; но есть доказательство, еще болѣе прямое — это собственное свидѣтельство императора французовъ, данное при такихъ обстоятельствахъ, которыя отнимаютъ всякую возможность заподозривать его искренность. Черезъ два мѣсяца по заключеніи Виллафранкскаго мира, когда стало очевидно, что безъ иноземнаго вооруженнаго вмѣшательства низвергнутыя правительства центральной Италіи не могутъ быть возстановлены, когда итальянскіе и французскіе либералы стали утверждать; что императоръ французовъ предвидѣлъ это и обманулъ Австрію, когда они, въ своемъ либеральномъ увлеченіи забывая о правилахъ политической добросовѣстности, стали превозносить его за этотъ предполагаемый макіавеллизмъ, — императоръ французовъ торжественно отвергъ ихъ похвалы, и подробно объяснилъ, что поступалъ съ Австріею искренно, какъ слѣдуетъ истинному другу. Статья объ этомъ предметѣ, присланная лично имъ самимъ въ Мониторъ (9 сентября в. ст.), не оставляетъ никакой возможности сомнѣваться

въ искренности его согласія на возстановленіе низвергнутыхъ правительствъ, при заключеніи Виллафранкскаго договора. Во-первыхъ, какъ мы сказали, она отвергаетъ похвалы, которыми его превозносили неосновательные люди, и конечно, ничто, кромѣ потребности высказать истину, не могло бы заставить императора французовъ отказаться отъ славнаго ореола изумительной предусмотрительности и геніальной дипломатической ловкости, которымъ его начали было снова окружать либералы. Во-вторыхъ, самое содержаніе торжественнаго объясненія своихъ тогдашнихъ намѣреній, имъ обнародованное теперь, носитъ на себѣ печать внутренней несомнѣнной достовѣрности: все въ этомъ объясненіи такъ естественно, такъ сообразно съ извѣстными публикѣ фактами, что не видѣть безусловной правдивости его можетъ развѣ тотъ, кто не слѣдилъ за подробностями событій, ознаменовавшихъ собою заключеніе Виллафранкскаго условій. Мы приведемъ вполнѣ этотъ драгоценный документъ, являющійся въ нашихъ глазахъ прекраснѣйшимъ примѣромъ рѣдкой въ дипломатическихъ актахъ правдивости. Читатель, слѣдившій за нашими прежними статьями, самъ увидитъ, какъ прекрасно подтверждаются увѣренія императора Наполеона всѣми фактами, какіе сообщали мы прежде. Просимъ только читателя не забывать, что мы хвалимъ статью Монитѣра sobretudo какъ изложеніе мыслей императора французовъ, а не какъ историческій рассказъ о внѣшнихъ фактахъ. Читатель знаетъ, что на факты можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія, и мы теперь говоримъ не о томъ, справедлива ли была точка зрѣнія, съ которой смотрѣтъ на нихъ императоръ французовъ, а только о томъ, что его точка зрѣнія изложена въ этой статьѣ съ необычайною искренностью. Мы пользуемся, съ немногими исправленіями, переводомъ, который представленъ «С.-Петербургскими Вѣдомостями».

«Когда факты говорятъ сами за себя, то съ перваго взгляда кажется бесполезнымъ объяснять ихъ. Однако, если страсть или интрига искажаютъ самыя простыя вещи, то бываетъ необходимо возстановить ихъ характеръ, для того, чтобы каждый могъ съ значеніемъ дѣла оцѣнить ходъ событій».

Уже это вступленіе предвѣщаетъ, что хитросплетенныя гипотезы либеральныхъ оптимистовъ лишены всякаго основанія: «страсть или интрига искажаютъ самыя простыя вещи» — итакъ, образъ дѣйствій императора французовъ можетъ быть вѣрно объясненъ только самымъ простымъ образомъ; а простѣйшее объясненіе уже извѣстно нашимъ читателямъ: императору Наполеону справедливо казалось, что дружба съ Австріею болѣе соотвѣтствуетъ его политическимъ принципамъ и гораздо выгоднѣе для него, нежели дружба съ

графомъ Кавуромъ и тому подобными либералами, съ мечтателями и революціонерами; потому онъ заключилъ Виллафранкскій миръ, чтобы избавиться отъ союза съ опасными либеральными принципами и приобрести дружбу государства, политическія потребности котораго сходны съ его собственными.

«Въ минувшемъ юніѣ, когда франко-сардинская и австрійская арміи стояли одна противъ другой между Аддаже и Минчіо, вѣроятность успѣха была съ обѣихъ сторонъ почти равны; ибо если на сторонѣ франко-сардинской арміи было нравственное вліяніе достигнутыхъ успѣховъ, то австрійская армія была сильнѣе въ числительномъ отношеніи и опиралась не только на страшныя крѣпости, но и на всю Германію, готовую, на первомъ сигналу, принять ея сторону. Въ случаѣ, еслибъ такое предположеніе осуществилось, императоръ Наполеонъ былъ бы вынужденъ отозвать войска свои съ береговъ Аддаже и направить ихъ къ Рейну, а тогда итальянское дѣло, ради котораго была предпринята война, если не погибло бы, то, по крайней мѣрѣ, подверглось бы большой опасности».

Этотъ параграфъ, показывающій точку зрѣнія, съ которой императоръ французскій оправдываетъ вообще заключеніе Виллафранкскаго мира, не имѣетъ особенной важности, потому что тѣ же самыя мысли были уже изложены имъ въ рѣчи, которою онъ отвѣчалъ въ Сень-Клу на пріветствія великихъ государственныхъ учрежденій. Въ прошломъ мѣсяцѣ, мы подробно разбирали степень фактической достовѣрности этого воззрѣнія, и не находимъ надобности повторять здѣсь то, о чемъ довольно обширно говорили еще такъ недавно; тѣмъ менѣе нужды въ подобномъ повтореніи, что теперь насъ занимаютъ вовсе не факты, а только намѣренія императора французскаго относительно центральной Италіи, изложенныя самимъ императоромъ въ слѣдующихъ параграфахъ:

«Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, императоръ призналъ выгоднымъ, во-первыхъ для Франціи, а во-вторыхъ и для Италіи, заключить миръ, лишь бы только условія его были сообразны съ программой, которую онъ себѣ предначерталъ, и полезны дѣлу, которому онъ хотѣлъ служить.»

Здѣсь для насъ очень пріятно видѣть, что императоръ Наполеонъ уже убѣдился, какъ мы предсказывали, въ сообразности условій Виллафранкскаго мира съ его программой. «Призналъ выгоднымъ заключить миръ, лишь бы только условія его были сообразны съ программой» и т. д. — это выраженіе опредѣлительно, тутъ нѣтъ оговорокъ объ отступленіи отъ программы, которыя были въ Сень-Клудской рѣчи; итакъ, теперь Наполеонъ, согласно съ нашимъ предсказаніемъ, самъ увидѣлъ, что напрасны были сомнѣнія относительно

но своей вѣрности своимъ обѣщаніямъ, которыя овладѣли было имъ въ первые дни по заключеніи Виллафранкскаго мира, подъ вліяніемъ ропота со стороны либераловъ, — ропота, который мы тогда же называли совершенно неосновательнымъ. Теперь, какъ мы видимъ, Наполеонъ III, успокоившись духомъ, согласился съ графомъ Морниа, что условія мира совершенно выполняютъ его программу, и что ему не за что упрекать себя. Но дагѣ начинается существенная часть объясненія, то есть изложеніе намѣреній самого автора статьи «Монитѣра»:

«Прежде всего необходимо было знать, уступить ли Австріи, на основаніи трактата, завоеванную землю, а во-вторыхъ, откажется ли она открыто отъ преобладанія, пріобрѣтеннаго ею на всемъ полуостровѣ, признаетъ ли начало итальянской народности, допуститъ федеративную систему, наконецъ, согласится ли даровать Венеціанской Области учрежденія, которыя бы сдѣлали изъ нея настоящую итальянскую провинцію.

«По первому пункту, австрійскій императоръ уступилъ безъ сопротивленія завоеванную землю, а по второму онъ обѣщалъ самыя значительныя уступки для Венеціанской Области, допустивъ при будущемъ ея устройствѣ положеніе Люсембурга въ отношеніи къ Германскому Союзу; но непрѣннымъ условіемъ этихъ уступокъ онъ призналъ возвращеніе въ свои владѣнія эрцгерцоговъ.»

Итакъ, во-первыхъ, при переговорахъ не было сдѣлано даже и попытки требовать независимости для Венеціи, — рѣчь шла только о томъ, чтобы императоръ австрійскій измѣнилъ въ некоторыя черты управленія этою областью. Во-вторыхъ, самъ Наполеонъ III угождаетъ итальянскую конфедерацию, которую хотѣлъ основать, Германскому Союзу, — точно такъ мы и опредѣляли характеръ этой идеи при полученіи первыхъ извѣстій о Виллафранкскомъ мирѣ.

«Итакъ, вопросъ былъ опредѣленъ въ Виллафранкѣ весьма ясно: или императоръ не долженъ былъ ничего выговаривать для Венеціанской области и ограничиться преимуществами, какія пріобрѣлъ своимъ оружіемъ, или, для достиженія важныхъ уступокъ и признанія начала народности, онъ вынужденъ былъ согласиться на возвращеніе эрцгерцоговъ. Образъ дѣйствій указывался ему здравымъ смысломъ, ибо дѣло шло о возвращеніи эрцгерцоговъ не при содѣйствіи иностранныхъ войскъ, а, напротивъ того, съ серьезными гравитациями, вслѣдствіе свободной воли населеній, которымъ бы дали понять, какъ согласно это возвращеніе съ интересами великой итальянской отчизны.»

Такимъ образомъ, мы положительно видимъ изъ словъ самого императора французовъ, что при заключеніи Виллафранкскаго мира

онъ ожидалъ, что жители Тосканы и Модены безпрекословно примутъ своихъ иржевихъ герцоговъ, безъ противорѣчiя подчинятся согласному требованiю Францiи и Австрiи. Тогда не предполагалось, чтобы эти области отважились готовиться къ вооруженному сопротивленiю; реставрацiя представлялась дѣломъ легкимъ.

«Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, точное изложенiе виллафранкскихъ переговоровъ, и для всякаго безпристрастнаго человѣка очевидно, что императоръ Наполеонъ добился мирнымъ трактатомъ того же и, быть можетъ, больше, чѣмъ завоевалъ оружиемъ.»

Итакъ, императоръ французовъ долженъ былъ ожидать, что Виллафранкскiй миръ пробудитъ въ итальянцахъ столько же, если еще не больше, восторга, сколько маджентская и сольферинская побѣды: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь по его мнѣнiю «для всякаго безпристрастнаго человѣка» должно было казаться «очевидно», что виллафранкскими переговорами доставлено Италiи столько же, если не больше, выгодъ, сколько и самыми побѣдами.

«Должно сознаться притомъ, что императоръ Наполеонъ не безъ глубокаго сочувствiя увидѣлъ, какъ откровенно и рѣшительно императоръ Францъ-Иосифъ отказался, въ интересахъ европейскаго мира и изъ желанiя возстановить добрыя сношенiя съ Францiей, не только отъ одной изъ лучшихъ своихъ провинцiй, но и отъ опасной, быть можетъ, но во всякомъ случаѣ нелишенной славы политикѣ, обезличивавшей за Австрiей владычество въ Италiи.»

Итакъ, прекращенiе австрiйскаго преобладанiя въ Италiи представлялось императору французовъ не слѣдствiемъ необходимости, не неизбѣжнымъ результатомъ поражений, которымъ подверглись австрiйскiя армiи, не цѣлью войны, а просто слѣдствiемъ великодушней уступчивости австрiйскаго императора. Дѣйствительно, въ этомъ и предшествующимъ параграфамъ, условiя Виллафранкскаго договора являются не какъ неминуемыя послѣдствiя историческихъ фактовъ, а просто какъ результаты дружелюбнаго расположенiя австрiйскаго и французскаго императоровъ, которые изъ любезности другъ къ другу соглашаются на взаимныя прiятныя одолженiя: «Вамъ было бы прiятно, чтобы я согласился на возстановленiе великаго герцога моденскаго», говоритъ Наполеонъ III Францу-Иосифу:—«извольте, для васъ я готовъ сдѣлать это». — «Вамъ было бы прiятно передать Ломбардiю королю сардинскому», говоритъ Францъ-Иосифъ Наполеону III:—«извольте, для васъ я готовъ на эту уступку; для васъ я готовъ также замѣнить прежнюю австрiйскую политику въ Италiи новою политикою доброжелательства».

«Дѣйствительно, еслибъ трактатъ былъ въ точности исполненъ, то Австрiя переставала быть для полуострова враждебной и стран-

ной державой, противодѣйствующей всѣмъ народнымъ стремленіямъ, отъ Пармы до Рима и отъ Флоренціи до Неаполя, — а дѣлалась, напротивъ того, державой дружественной, ибо она добровольно соглашалась не быть болѣе германскимъ государствомъ по сую сторону Альпійскихъ горъ, и сама развивать итальянскую народность до береговъ Адриатическаго моря».

Итакъ, Италия не должна была послѣ Виллафранкскаго трактата опасаться австрійскаго могущества — австрійцы въ Италиі общались быть итальянцами; они хотѣли покровительствовать упроченію итальянской независимости. Условія Виллафранкскаго трактата совершенно измѣняли натуру австрійцевъ, нужно было только исполниться этимъ условіямъ, и Италия имѣла бы въ австрійцахъ самыхъ полезныхъ друзей и покровителей всѣмъ своимъ стремленіямъ.

«Судя по всему вышезложенному, нетрудно понять, что еслибъ, послѣ мира, Италия была ввѣрена дюдямъ, болѣе занятымъ будущностью общей отчизны, чѣмъ мелочными частными успѣхами, то цѣлью ихъ усилій было бы развивать, а не преграждать послѣдствія Виллафранкскаго трактата. Дѣйствительно самымъ простымъ и патриотическимъ образомъ дѣйствій было бы сказать Австріи: Вы желаете возвращенія эрцгерцоговъ? Хорошо; но въ такомъ случаѣ исполните добросовѣстно обѣщанія ваши относительно Венеціанской области: пусть она пріобрѣтетъ собственную жизнь, пріобрѣтетъ итальянское управленіе и итальянскую армию; однимъ словомъ, пусть австрійскій императоръ будетъ по сую сторону Альпійскихъ горъ только великимъ герцогомъ венеціанскимъ, какъ нидерландскій король есть для Германіи не что иное, какъ великій герцогъ люксембургскій.

«Быть-можетъ даже, открытыми и дружественными переговорами удалось бы склонить императора австрійскаго принять комбинаціи, болѣе сообразныя съ желаніями, какія выразили герцогства Моденское и Пармское.

«Послѣ всего случившагося, императоръ Наполеонъ долженъ былъ разсчитывать на здравомысліе и патриотизмъ Италиі и думать, что она пойметъ побудительную причину его политики, выражающейся въ слѣдующихъ словахъ: «вмѣсто того, чтобы рисковать европейской войной, а слѣдовательно и независимостью страны своей, вмѣсто того, чтобы издержать еще 300 милліоновъ и пролить кровь 50,000 солдатъ своихъ, императоръ Наполеонъ принялъ миръ, который въ первый разъ въ-теченіе вѣковъ утверждаетъ народность полуострова. Піемонтъ, служащій въ особенности представителемъ итальянскаго дѣла, получилъ значительное увеличеніе своего могущества, а если устроится итальянская конфедерація, то онъ будетъ

играть въ ней главную роль. Но всѣ эти выгоды сопряжены съ однимъ условіемъ — возвратомъ въ свои владѣнія прежнихъ владѣтельныхъ домовъ»,

Итакъ, итальянцы вообще виновны передъ императоромъ французовъ въ неблагодарности. Италия, неоцѣнившая по достоинству условій Виллафранкскаго мира, вообще показала недостатокъ «здравомыслія и патриотизма», а люди, дѣйствовавшіе въ центральныхъ областяхъ ея, въ особенности обнаружили, что «мелочные частные успѣхи» для нихъ дороже, нежели «будущность общей отчизны». Итальянцы неблагодарны, неблагоприятны, непатриотичны и не хотятъ успѣховъ дѣлу единства и независимости своей родины.

«Этотъ языкъ, мы еще надѣемся, будетъ понятъ здравомыслящей частью націи; ибо иначе чтѣ случится? Французское правительство объявило уже, что эрцгерцоги не будутъ возвращены въ свои владѣнія иностранной силой; но такъ-какъ одна часть условій Виллафранкскаго мира не будетъ исполнена, то императоръ австрійскій найдетъ себя освобожденнымъ отъ всѣхъ обязательствъ, принятыхъ имъ въ отношеніи къ Венеціанской области. Тревожимый враждебными демонстраціями на правомъ берегу р. По, онъ останется въ военномъ положеніи на лѣвомъ, и вмѣсто политики примиренія и мира возродится политика недоувѣрія и вражды, которая причинитъ новыя волненія и новыя бѣдствія».

Откровенныя указанія этого параграфа также не требуютъ длинныхъ комментарій. Если тосканцы, моденцы и т. д. не возстанутъ добровольно своихъ правительствъ, они должны считаться губителями Венеціи, которой императоръ австрійскій отмститъ за ихъ упрямство. Этого мало: онъ соберетъ противъ нихъ свои войска, и начнетъ войну съ ними. Франція объявила, что низвергнутыя правительства не будутъ восстановлены иностранной силой, но она давала это обѣщаніе въ предположеніи, что условія Виллафранкскаго мира будутъ исполнены жителями центральной Италіи, (т. е. что они добровольно восстановятъ свои прежнія правительства); а если они не исполнятъ ихъ, то императоръ австрійскій конечно будетъ воленъ искать предлоговъ къ войнѣ противъ упрямцевъ.

«Повидимому, много надѣются на европейскій конгрессъ; мы сами горячо желаемъ его, но сильно сомнѣваемся въ томъ, чтобы конгрессъ добился лучшихъ для Италіи условій. Конгрессъ потребуетъ только того, чтѣ справедливо; а справедливо ли было бы требовать отъ великой державы важныхъ уступокъ, не предлагая ей, въ замѣнъ того, правомѣрныхъ вознагражденій? Единственнымъ средствомъ была бы война; но да пойметъ эго Италия: есть въ Европѣ только

одна держава, готовая вести войну *за идею*, — это Франція, а Франція свое дѣло уже исполнила».

Итакъ, ясно: Европа не можетъ требовать отъ Австріи для Италіи условій лучше тѣхъ, какія даны Виллафранкскимъ миромъ, потому что это было бы несправедливо. Европа не можетъ требовать, чтобы Австрія отступалась отъ своихъ требованій, потому что эти требованія справедливы, и если Австрія начнетъ съ непокорною Италіею войну, Италія не должна ожидать себѣ защиты отъ Франціи.

Мы привели всю эту статью вполнѣ, потому что каждому чело-вѣку со вкусомъ она должна очень понравиться откровенностью, съ какою излагается въ ней политика императора французовъ относительно Италіи. Франція, по словамъ этого объясненія, слѣдала для Италіи все, что могла; условія Виллафранкскаго мира были совершенно сообразны съ программю, обѣщавшею «освободить Италію отъ Альповъ до Адриатическаго моря», и были чрезвычайно выгодны для Италіи. Австрія становилась истинною доброжелательницею Италіи, покровительницею независимости ея. Итальянцы обнаружили недостатокъ понятливости и патріотизма, оставшись недовольны прекраснымъ Виллафранкскимъ договоромъ, и заслуживаютъ названія неблагодарныхъ людей. Сверхъ того, жители центральной Италіи провинились въ измѣнѣ своимъ собратамъ, венеціанцамъ, не захотѣвъ имъ добра, своимъ эгоистическимъ упрямствомъ лишивъ ихъ благодареній, какими готовъ былъ осыпать ихъ австрійскій императоръ. Австрійскій императоръ въ справедливомъ гнѣвѣ на упрямство неблагодарныхъ тосканцевъ, моденцевъ и пармезанцевъ долженъ будетъ наказать за ихъ непокорство Венецію отнятіемъ у нея своего милостиваго расположенія, а всю Италію смирить вооруженною рукою, и Франція, обиженная неблагодарностію итальянцевъ, признающая законность требованій Австріи, не будетъ останавливать ея справедливаго мщенія.

Заслуживая величайшей похвалы за свою откровенность, статья Монитѣра для насъ вдвойнѣ пріятна тѣмъ, что вполнѣ подтверждаетъ наши прежнія понятія о характерѣ политики императора Наполеона III относительно Италіи.

Чтоже теперь будетъ съ центральною Италіею? Ея судьба зависитъ отъ степени энергіи, которую выкажетъ она. Съ самаго начала войны, мы старались доказать, что Италія не должна для осуществленія своихъ желаній рассчитывать ни на чьи силы, кромѣ своихъ собственныхъ. Теперь, какъ видимъ, самъ императоръ французовъ подтверждаетъ справедливость этого нашего взгляда, подвергавшагося столь многимъ порицаніямъ со стороны людей, которые принимали свои собственныя желанія и мечты за его намѣренія. Да,

Италія должна разсчитывать только сама на себя, и ни на кого больше. Посмотримъ же, что сдѣлали для осуществленія своихъ желаній тѣ области Италіи, которыя теперь пользуются самостоятельностью и на которыхъ потому лежитъ отвѣтственность за судьбу національных стремленій.

Вопросъ идетъ теперь, какъ мы знаемъ, ближайшимъ образомъ объ участи центральной Италіи; потому и посмотримъ сначала, что сдѣлала она для пріобрѣтенія и охраненія желанной независимости.

Въ прошедшій разъ мы изложили первыя дѣйствія временныхъ правительствъ центральной Италіи послѣ полученія извѣстій о Виллафранкскомъ мирѣ. Они объявили, что возстановленіе прежнихъ правительствъ несогласно съ желаніями тосканскаго, пармскаго, моденскаго и романскаго населенія, которое хочетъ присоединенія къ Піэмонту, и въ каждой изъ четырехъ областей были немедленно назначены выборы для составленія національнаго собранія, которое дало бы законное выраженіе общему желанію. Выборы повсюду произведены были самымъ спокойнымъ, достойнымъ образомъ; депутатами повсюду были избраны самые почтенные люди;—знатѣйшіе и богатѣйшіе аристократы повсюду явились предводителями народа въ выраженіи національнаго желанія, и на примѣръ въ Тосканѣ цѣлую половину всего числа депутатовъ составляли лица изъ титулованнаго дворянства. Поочередно открылись національныя собранія въ Тосканѣ, Моденѣ, Романѣ и Пармѣ, и ходъ дѣлъ повсюду былъ совершенно одинаковъ: тотчасъ же по открытіи совѣщаній кто нибудь изъ самыхъ знаменитыхъ и уважаемыхъ людей дѣлалъ предложеніе о томъ, чтобы объявить низвергнутую династію низложенной волею націи; когда президентъ собранія спрашивалъ, кто поддерживаетъ это предложеніе, вставали всѣ члены собранія; пренія о предложеніи не бывали продолжительны, —они кончались въ одно засѣданіе, и когда сосчитывались голоса, подаваемые посредствомъ баллотировки, оказывалось, что предложеніе принято единодушно, всѣми безъ исключенія присутствующими членами: ни одного голоса не оказывалось противнаго общему національному желанію. Потомъ дѣлалось другое предложеніе: объявивъ низложеннымъ прежнее правительство, область выражаетъ желаніе присоединиться къ Піэмонту, —и опять ходъ дѣла былъ прежній, и опять предложеніе принималось всѣми депутатами единодушно, и послѣ того національному собранію оставалось только назначить членовъ депутаціи, которая должна явиться къ «славному представителю идеи національнаго единства и независимости, Виктору Эммануэлю» и объявить ему, что страна, приславшая эту депутацію, хо-

четь составить часть государства, признающего его своимъ государемъ.

Само собою разумѣется, что всѣ акты этой драмы, — и выборы депутатовъ въ національное собраніе, и открытіе засѣданій собранія, и рѣшеніе собранія о низложеніи прежней династїи, и рѣшеніе его о присоединеніи къ Піэмонту, и отправленіе депутаціи въ Туринъ для сообщенія Виктору Эммануилу объ этомъ рѣшеніи, — каждая изъ этихъ сценъ происходила среди восторженнаго ликовація всей массы того народа, который имѣлъ физическую возможность окружить своихъ депутатовъ, столь вѣрно выполнившихъ его волю. Мы не рассказываемъ подробно ни этихъ сценъ, ни совѣщаній національныхъ собраній, потому что, при всей своей возвышенности, эти эпизоды не имѣютъ важнаго историческаго значенія. Либеральныя газеты очень толкуютъ о нихъ, какъ о безспорныхъ доказательствахъ сильнаго стремленія итальянцевъ къ національному единству; но, по нашему мнѣнію, существованіе такого простаго, такого естественнаго чувства никогда не должно было подлежать сомнѣнію, и тѣ публицисты, которые нуждались въ свидѣтельствѣ послѣднихъ событій, чтобы увѣровать въ національное чувство итальянцевъ, выказывали только свою крайнюю непроницательность своею прежнею полемикою противъ людей, давно говорившихъ, что Италія готова забыть всѣ прежнія областныя свои подраздѣленія при первой возможности къ соединенію въ одно государство. Если уже нужны доказательства на то, что какой нибудь народъ хочетъ быть однимъ цѣлымъ, хочетъ избавиться отъ разрозненности, въ которую повергло его иностранное насиліе, то итальянцы представили эти доказательства еще въ 1848 г., когда не только центральная Италія, но и отдаленнѣйшія провинціи Неаполитанскаго королевства волновались для вспоможенія ломбардцамъ въ борьбѣ съ австрійцами. Непредвидѣнное, новое въ рѣшеніяхъ народа центральной Италіи о присоединеніи своемъ къ Піэмонту только развѣ то впечатлѣніе, какое производятъ эти рѣшенія на такъ называемыхъ умѣренныхъ либераловъ Европы: эти бѣдные люди не замѣчаютъ, что центральная Италія нынѣшнимъ выраженіемъ своихъ желаній снова подтверждаетъ теорію Маццини о томъ, что Италія хочетъ не просто свободы, а понимаетъ невозможность свободы безъ основанія одного могущественнаго національнаго государства и что всѣ итальянскія области готовы пожертвовать своею самостоятельностью для основанія такого государства. Намъ кажется забавно, что публицисты, объявлявшіе идеи Маццини безумными и гибельными, теперь восхищаются фактами, соответствующими теоріи

Маццини и опровергающими мнѣніе его противниковъ о недостаткѣ въ итальянцахъ стремленія къ соединенію въ одно государство.

Итакъ, мы находимъ, что рѣшенія національныхъ собраній центральной Италіи не представляютъ рѣшительно ничего новаго въ исторіи чувства итальянскаго единства. Не имѣя значенія теоретической новизны, они еще меньше имѣютъ практическаго значенія. Что итальянцы хотятъ національнаго единства, это мы знали и безъ національныхъ собраній Тосканы, Романьи и т. д.; а будетъ ли ихъ желаніе исполнено, по крайней мѣрѣ по отношенію къ центральной Италіи, или по прежнему останется только неосуществленнымъ желаніемъ, это зависитъ вовсе не оттого, выражено ли національное желаніе итальянцевъ и хорошимъ ли, законнымъ ли, почтеннымъ ли образомъ выражено, — осуществленіе всѣхъ подобныхъ вещей зависитъ отъ элементовъ совершенно иного рода. Нужна сила, которая могла бы привести въ исполненіе рѣшенія національныхъ собраній центральной Италіи, могла бы отстоять выраженное ими стремленіе противъ насилія могущественной державы, которую только физическая сила можетъ остановить отъ низверженія всѣхъ временныхъ правительствъ и національныхъ собраній центральной Италіи и отъ введенія прежняго порядка вещей въ этихъ областяхъ. На какую же силу можетъ рассчитывать центральная Италія для осуществленія своего національнаго стремленія, въ противность желанію Австріи?

До послѣдняго времени, люди, руководящіе итальянскимъ движеніемъ, питаютъ или по крайней мѣрѣ высказываютъ увѣренность, что Франція благопріятствуетъ ихъ желанію и не допуститъ Австрію совершить возстановленіе прежнихъ правительствъ вооруженною рукою. Даже статья «Монитера», переведенная нами, не заставила ихъ отказаться отъ надежды на покровительство Франціи. Въ самой Франціи, въ Германіи, въ Англіи, повсюду объясненіе «Монитера» было понято въ прямомъ и ясномъ своемъ смыслѣ: императоръ французовъ называетъ итальянцевъ неблагодарными, говоритъ, что избавленъ ихъ неблагодарностью отъ всякихъ обязанностей относительно Италіи, и не будетъ защищать ее противъ австрійцевъ. Итальянцамъ было угодно перетолковывать это положительное и очень ясное объявленіе въ смыслѣ, совершенно противоположномъ: они вздумали увѣрять себя, будто все содержаніе статьи «Монитера» состоитъ въ томъ, что Франція не допуститъ вооруженнаго вмѣшательства Австріи въ итальянскія дѣла. Какимъ образомъ они отыскали въ «Монитерѣ» такое увѣреніе, остается ихъ тайною, и такое странное открытіе окажется еще изумительнѣе, если мы припомнимъ многочисленные факты, которыми обнаруживались истин-

ныя отношенія Франціи къ Италиі со времени Виллафранкскаго мира.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы уже говорили о посольствѣ графа Резе, который былъ отправленъ императоромъ французовъ въ Піемонтъ, въ Тоскану и т. д. убѣждать непокорныхъ жителей центральной Италиі подчиниться опредѣленію Виллафранкскаго договора о восстановленіи прежнихъ ихъ правительствъ. Мы знаемъ, что его посольство не имѣло успѣха. Тогда императоръ французовъ отправилъ въ Италию другаго чрезвычайнаго посланника, графа Понятовскаго, который, подобно Резе, старался запугать итальянцевъ страхомъ австрійскаго вторженія и увѣреніями, что Наполеонъ III не найдетъ возможности въ такомъ случаѣ подать помощи итальянцамъ. Выставляя безразсудство мысли о сопротивленіи австрійцамъ, опирающимся на одобреніе Франціи, Резе и Понятовскій старались съ другой стороны доказать итальянцамъ, что восстановленіе изгнанныхъ династій не повлечетъ за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій, не будетъ сопровождаться никакою реакціею, что напротивъ того возвращаемые владѣтели будутъ отличаться чрезвычайнымъ либерализмомъ и самую усердную преданность къ развитію итальянской національности, введутъ въ свои владѣнія самыя свободныя учрежденія и т. д. Краснорѣчіе посланниковъ доходило до того, что они выставляли даже недостатки рекомендуемыхъ ими герцоговъ вѣрными ручательствами за то, что подданные ихъ будутъ пользоваться чуть не республиканскою свободою. Такъ, напримѣръ, тосканцамъ говорили, что для нихъ вовсе не будетъ опасенъ Фердинандъ IV, которому передалъ свои права бывшій великій герцогъ Леопольдъ, отецъ его, отказавшійся отъ престола: молодой великій герцогъ, по словамъ Резе и Понятовскаго, думаетъ только о пирушкахъ, красавицахъ, картахъ, и вовсе не знакомъ и не хочетъ знакомиться съ государственными дѣлами; такимъ образомъ, продолжали французскіе агенты, при немъ Тоскана станетъ пользоваться совершенною свободою: занятый своими веселостями, онъ вовсе не станетъ вмѣшиваться въ управленіе.

Посольство графовъ Резе и Понятовскаго показываетъ, какъ добросовѣстно старался императоръ французовъ о выполненіи той статьи Виллафранкскаго мира, по которой согласился на восстановленіе эрцгерцоговъ. Не менѣ яснымъ свидѣтельствомъ увѣренности австрійцевъ въ добромъ его расположеніи служили Цюрихскія конференціи, столь знаменательно завершившіяся поѣздкою князя Меттерниха (сынъ покойнаго всемогущаго министра) для личнаго соглашенія съ Наполеономъ III.

Надобно начать съ того, что самое возникновеніе Цюрихскихъ конференцій было слѣдствіемъ доброжелательной готовности императора французовъ дѣлать все возможное въ угоду австрійцамъ. Читатель знаетъ, что въ Виллафранкѣ былъ заключенъ не окончательный, подробный трактатъ, а только предварительный мирный договоръ, ограничивавшійся лишь самыми общими опредѣленіями основныхъ условій мира. Притомъ и этотъ предварительный трактатъ былъ подписанъ только Австрією и Францією: Сардинія не подписывала его, оставаясь только въ перемиріи съ австрійцами. Для заключенія окончательнаго мирнаго трактата, въ которомъ участвовала бы и Сардинія, необходимы были новые переговоры; они могли происходить въ формѣ конференцій исключительно только между тремя державами, воевавшими между собою; но можно было также составить конгрессъ, въ которомъ участвовали бы всѣ европейскія державы.

Повидимому, естественнѣе всего было бы выбрать форму общаго европейскаго конгресса. Виллафранкскій миръ, передавая Ломбардію отъ Австріи Піэмонту, измѣнялъ одно изъ главныхъ постановленій Вѣнскаго конгресса, потому дипломатическій обычай требовалъ, чтобы на совѣщаніе объ этой уступкѣ были приглашены всѣ державы, участвовавшія въ составленіи Вѣнскаго трактата. Кромѣ этой формальной причины, была и существенная надобность въ приглашеніи всѣхъ первостепенныхъ европейскихъ державъ къ участию въ переговорахъ: перемѣна столь важная, какъ переходъ большой и богатой области отъ одной державы къ другой, при нынѣшнемъ состояніи европейской дипломатики, нуждается въ согласіи всѣхъ державъ, имѣющихъ сильное вліяніе на дѣла нашей части свѣта. Но Австрія не хотѣла европейскаго конгресса, отчасти потому, что опасалась отъ него нѣкоторыхъ измѣненій въ условіяхъ Виллафранкскаго мира въ невыгодномъ для нея смыслѣ; отчасти потому, что вовсе не хотѣла упроченія этихъ условій, каковы бы ни были они, ручательствомъ всѣхъ европейскихъ державъ. Дѣйствительно, Наполеонъ III говорилъ совершенную истину, объявляя, что далъ императору австрійскому миръ на условіяхъ болѣе выгодныхъ для Австріи, чѣмъ тѣ условія, какія предлагались державами, готовившимися принять на себя посредничество между Австрією и Францією. Надобно было ожидать, что и на конгрессѣ нѣкоторыя державы будутъ менѣе, нежели Франція, благопріятствовать сохраненію австрійскаго могущества въ Италіи. Объ Англіи положительно было извѣстно, что она будетъ стараться измѣнить Виллафранкскія условія такъ, чтобы независимость Италіи была хотя сколько нибудь ограждена. Натурально, что австрійцы уже по одной этой причинѣ опасались

лись конгресса. Еще важнѣе была другая причина, по которой они отклоняли его. Если уступка ломбардскихъ земель Пизмонту будетъ утверждена согласіемъ всѣхъ европейскихъ державъ, Австрія возстановитъ противъ себя всѣ эти державы, когда вздумаетъ возвратить себѣ Ломбардію; а она почти открыто признается, что имѣетъ эту цѣль и хочетъ воспользоваться первымъ случаемъ для отнятія у Пизмонта приобрѣтенной имъ области; потому для нея очень полезно устроить дѣло такъ, чтобы переходъ Ломбардіи къ Пизмонту былъ утвержденъ согласіемъ только одной Франціи: тогда и для оправданія своихъ будущихъ попытокъ завоевать Ломбардію Австрія нуждалась бы въ согласіи на то одной только Франціи, имѣла бы право отвѣчать на протестъ каждой иной державы противъ такой попытки: «вамъ какое дѣло? вы не участвовали въ сдѣлкахъ, которыми опредѣлено положеніе Ломбардіи, стало быть не слѣдуетъ вамъ заниматься и перемѣнами въ этомъ положеніи».

Само собою разумѣется, что эти невыгоды конгресса для Австріи не болѣе какъ невыгоды чисто формальныя, значительныя только съ дипломатической точки зрѣнія, но не могущія имѣть никакого дѣйствительнаго значенія. Читатель очень хорошо долженъ знать изъ исторіи, что условія мира зависятъ отъ воли побѣдителя, и никакая держава не можетъ произвестъ въ нихъ чувствительныхъ измѣненій, если не возьмется сама за оружіе, — стало быть и европейскій конгрессъ не могъ бы сдѣлать ничего важнаго въ пользу Италіи. Читатель также очень хорошо долженъ знать, что дипломатическія гарантіи всегда оказываются, или совершенно излишними, или совершенно не дѣйствительными: если какая нибудь могущественная держава во время нарушенія условій, данныхъ слабому государству сильнымъ, найдетъ выгоду вступить за права слабого, она вступитъ за нихъ, хотя бы вовсе не гарантировала ихъ; а если не будетъ находить въ томъ выгоды для себя, то ни мало не заступитъ, хотя бы они гарантированы ею самымъ положительнымъ образомъ, потому что всегда найдется благовидный предлогъ уклониться отъ невыгодныхъ обязанностей. Но должно помнить, что послѣ Виллафранкскаго мира отношенія Италіи, Австріи и Франціи получили дипломатическій характеръ; а въ дипломатическомъ смыслѣ, какъ мы видѣли, невыгоды европейскаго конгресса для Австріи представлялись очень значительными.

Но выгоды Пизмонта и Италіи противоположны выгодамъ Австріи; потому натуральнымъ образомъ Пизмонтъ желалъ европейскаго конгресса. Итакъ, съ одной стороны было желаніе Пизмонта и всей Италіи, дипломатическій обычай и отчасти даже дѣйствительная потребность по правиламъ международныхъ европейскихъ отно-

шеній, съ другой — нежеланіе Австріи. Сардинія, дипломатическій обычай и европейское право требовали созванія конгресса для окончательнаго рѣшенія судьбы Италіи; для Австріи пріятно было рѣшить дѣло, такъ сказать, домашнимъ образомъ, безъ участія постороннихъ державъ, частными конференціями между тремя примиряющимися державами.

Таковъ былъ смыслъ вопроса о конгрессѣ или конференціяхъ, поднятаго тотчасъ по заключеніи Виллафранкскихъ условій. Какъ и всѣ событія съ самаго начала приготовленій къ войнѣ, — это дѣло зависѣло отъ воли императора французовъ: если бы онъ не захотѣлъ уступить желанію Австріи, Австрія была бы въ необходимости согласиться на конгрессъ, потому что иначе она явилась бы сама виновницею разрыва Виллафранкскихъ условій, а каждый, слѣдившій за ходомъ войны и дипломатическихъ отношеній, знаетъ, что она никакъ не могла рѣшиться на такое неблагоприятное безразсудство.

Поставленный рѣшителемъ спора между Сардиніею — представительницею Италіи, и Австріею, императоръ французовъ почелъ удобнѣйшимъ для себя оказать истинно дружеское покровительство желанію Австріи, и открылись конференціи въ Цюрихѣ.

Если самое открытіе конференцій было выраженіемъ доброжелательства императора французовъ къ Австріи, то еще яснѣе обнаружилось это отношеніе формою конференцій и ходомъ совѣщаній на нихъ.

Читатель знаетъ, какимъ обиднымъ для Піемонта образомъ Австрія вела дѣло о перемиріи и объ уступкѣ Ломбардіи. Она не хотѣла удостоивать Сардинію чести прядмыхъ сношеній съ нею, и уступила Ломбардію не ей, а императору французовъ, который уже лично отъ себя передалъ эту область Виктору-Эммануэлю. Той же самой системы презрѣнія держалась Австрія и на Цюрихскихъ конференціяхъ. Переговоры происходили не прямо между уполномоченными всѣхъ трехъ державъ: австрійскіе уполномоченные сообщали свои мысли французскимъ, и уже французскіе передавали требованія сардинцамъ, потомъ сообщали мысли сардинскихъ уполномоченныхъ австрійскимъ. Не только не хотѣли австрійцы сноситься прямо съ сардинцами, но и вообще уклонялись отъ веденія дѣла на конференціяхъ, какъ будто находили унижительнымъ для себя опредѣлять свои отношенія къ Италіи въ такихъ совѣщаніяхъ, на которыхъ получили право присутствовать, какъ равные съ ними, уполномоченные Піемонта: австрійское неудовольствіе не смягчалось даже тѣмъ, что это формальное право было, какъ мы сейчасъ говорили, уничтожено введеніемъ отдѣльныхъ совѣщаній между Австріею и Франціею. За сѣданія конференцій безпрестанно перерывались на вѣсколько дней,

въ теченіе которыхъ австрійцы вели переговоры въ Сень-Клу, въ Парижъ или Сень-Совёръ, непосредственно съ императоромъ французовъ, и Цюрихская конференція должна была только принимать результаты, полученные австрійцами посредствомъ совѣщаній, изъ которыхъ уже совершенно исключена была Сардинія. Такая очевидная снисходительность императора французовъ къ желаніямъ Австріи, разумѣется, производила въ австрійцахъ чрезвычайную требовательность: Австрія хотѣла, чтобы Сардинія во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ отказывалась отъ своихъ интересовъ, правъ и притязаній, а сама не отступала ни въ чемъ ни отъ одной изъ своихъ претензій. Такимъ образомъ, Цюрихскія конференціи оказались еще болѣе безсильными, чѣмъ можно было ожидать. Результаты Цюрихскихъ совѣщаній, разумѣется, сохраняются подъ строжайшимъ дипломатическимъ секретомъ, и хранить этотъ секретъ тѣмъ легче, что, собственно говоря, нечему изъ него и обнаруживаться: несмотря на всѣ заботы уполномоченныхъ показать видъ, будто они совершаютъ важныя дѣла, для всей Европы очевидно, что они не могутъ ничего сдѣлать, по чрезвычайной требовательности Австріи.

До какой степени доходила на Цюрихскихъ конференціяхъ эта требовательность, можно судить по одному, чисто формальному предмету раздоровъ. Австрійскіе уполномоченные вздумали спросить, какой титулъ намѣренъ принять Викторъ-Эммануэль теперь, по приобрѣтеніи Ломбардіи? Сардинцы отвѣчали, что онъ думаетъ назвать свою державу «королевствомъ Верхней Италіи». Австрійцы объявили, что не согласятся на такой опасный титулъ, и что держава Виктора-Эммануэля должна довольствоваться именемъ «королевства Сардинскаго и Ломбардскаго.» Изъ этого возникли безконечныя споры; чѣмъ кончились они, мы, признаемся, не полюбопытствовали узнать; но читатель можетъ судить, какова была неуступчивость Австріи во всѣхъ существенныхъ вопросахъ, если она ухитрилась поднять споръ по дѣлу, не имѣющему ровно никакого дѣйствительнаго значенія.

Теперь обнаружилось, что Цюрихскія конференціи не могутъ ничего рѣшить, и что для окончанія дѣла надобно прибѣгнуть къ какимъ нибудь другимъ средствамъ. Съ новою силою возникло требованіе конгресса со стороны Сардиніи; но Австрія по прежнему не хочетъ его, и Франція, изъ любезности къ ней, теперь придумываетъ новыя дипломатическія формы, по которымъ дѣло могло бы рѣшиться соглашеніемъ только между Австріею и Франціею, безъ участія другихъ первокласныхъ державъ. Говорятъ, что такою формою избрано личное свиданіе Франца Юсифа съ Наполеономъ III, и газеты на полнены извѣстіями о томъ, что въ Арнен-

бургъ, замкъ принадлежащемъ императору французовъ въ Швейцаріи, дѣлаются приготовленія къ посѣщенію высокихъ друзей. Не имѣя никакой наклонности проникать въ дипломатическія тайны, мы мало жалѣемъ о томъ, что не можемъ положительно объявить читателю, должно ли дѣйствительно состояться такое свиданіе, и можетъ ли итальянское дѣло быть покончено безъ созванія европейскаго конгресса: для насъ очень достаточно и того, что существуетъ предположеніе о разрѣшеніи итальянскихъ недоразумѣній личнымъ свиданіемъ двухъ императоровъ, — для насъ довольно этого новаго свидѣтельства о дружелюбіи между ними. Зная наклонности и предположенія двухъ императоровъ, уже можно предугадывать, какъ будетъ рѣшено дѣло центральной Италіи, если будетъ зависѣть только отъ воли Наполеона III и Франца Юсифа. А будетъ ли оно зависѣть только отъ ихъ воли, или явятся обстоятельства и пріобрѣтутъ вліяніе элементы, несогласные съ ихъ намѣреніями, этого не знаютъ еще и дипломаты.

Изъ элементовъ, которые могли бы своимъ энергическимъ вліяніемъ повести вопросъ къ рѣшенію, различному отъ того, какое предопредѣляется ему дружелюбными отношеніями Австріи и Франціи, прежде всего представляется уму каждого рѣшимость Сардиніи отражать силу силою. Если бы Викторъ-Эммануэль положительно сказалъ, что принимаетъ земли центральной Италіи въ составъ своего королевства, и быстро исполнилъ это присоединеніе, то, по всей вѣроятности, такое самостоятельное дѣйствіе пробудило бы горячія дипломатическія протестаціи, — со стороны Австріи открытыя, со стороны Франціи секретныя, — во уничтожило бы всякую мысль о вооруженномъ подавленіи желаній центральной Италіи. Сардинская армія, усилившись ломбардскими солдатами, имѣетъ теперь до 120,000 человѣкъ; принявъ быстрыя мѣры къ увеличенію военныхъ силъ центральной Италіи, легко было бы въ двѣ недѣли довести цифру войскъ Викторъ-Эммануэля до 200,000. Противъ такого числа защитниковъ, Австрійцамъ понадобилось бы послать не менѣе 250,000 человѣкъ, начинать войну въ серьезныхъ размѣрахъ, — а на это Австрія, при нынѣшнемъ своемъ изнуреніи, никакъ не рѣшилась бы. Но нынѣшнее сардинское правительство держитъ себя въ чрезвычайной зависимости отъ Франціи. Оно думаетъ, что должно искать себѣ опоры не въ смѣломъ удовлетвореніи національнымъ стремленіямъ, а въ милостивомъ покровительствѣ императора французовъ. Потому, когда явилась въ Туринѣ депутація тосканцевъ съ предложеніемъ присоединить ихъ землю къ Сардиніи, отвѣтъ имъ былъ данъ совершенно неопредѣлительный и совершенно несообразный съ потребностями положенія. Надобно было прямо сказать: «Да,

принимаю ваше предложеніе» и быстро декретировать мѣры къ энергической оборонѣ и къ осуществленію соединенія,—тогда отвратилась бы опасность вооруженнаго виѣвательства Австріи, и осуществленіе патріотическихъ желаній было бы обезпечено; или прямо сказать: «нѣтъ, не могу принять» — тогда тосканцы знали бы, что должны покориться и могли бы избѣжать ужасовъ открытаго завоеванія—согласіемъ на возвращеніе прежнихъ династій или избраніемъ въ свои правители принца Наполеона. Но сардинское правительство не сказало ни того, ни другаго. Викторъ-Эммануэль отвѣчалъ тосканцамъ, что онъ благодаритъ ихъ, и очень радъ былъ бы поступить по ихъ желанію, но что исполненіе этого желанія зависитъ не отъ него, а отъ согласія Европы, и что онъ будетъ ходатайствовать за нихъ передъ европейскими державами и передъ великодушнымъ своимъ покровителемъ, императоромъ Французамъ. Точно такой же отвѣтъ былъ данъ и депутатамъ остальныхъ земель центральной Италіи. Нѣтъ надобности объяснять, что подобная политика оставляетъ центральную Италію въ прежней тяжелой невѣдѣнности о томъ, должна ли она надѣяться на помощь сардинской арміи, или предоставляется исключительно собственнымъ силамъ. Впрочемъ, если мы говоримъ о невѣдѣнности, мы опредѣляемъ этимъ только впечатлѣніе, произведенное отвѣтомъ сардинскаго короля на центральную Италію, а для посторонняго наблюдателя, хладнокровно взвѣснвающего дипломатическія выраженія, очень ясно, что отвѣтъ Виктора Эммануэля заключаетъ отказъ въ вооруженной помощи противъ Австрійскаго нападенія: король сардинскій говоритъ о «ходатайствѣ передъ европейскими державами», а не упоминаетъ о «защитѣ отъ насилія», — на дипломатическомъ языкѣ такое умолчаніе равносильно положительному объявленію, что Сардинія не отваживается оборонять центральную Италію отъ вторженія австрійцевъ.

Итакъ, центральная Италія остается предоставлена своимъ собственнымъ силамъ. Посмотримъ же, какія средства приготовила она для того, чтобы воспротивиться насильственному возстановленію низложенныхъ правительствъ. Вотъ подробное изложеніе этого вопроса, сдѣланное флорентійскимъ корреспондентомъ «Times'a». Надобно предварительно замѣтить, что этотъ корреспондентъ самъ итальянецъ и вполне сочувствуетъ дѣлу итальянскаго единства.

«Флоренція, 21 іюля.»

«Эти люди, столь спокойные и разсудительные въ своихъ дѣйствіяхъ, столь единодушные и рѣшительные въ окончательномъ своемъ опредѣленіи, готовы ли подвергаться лишеніямъ, выдерживать опас-

ности, которыя влечетъ за собою ихъ рѣшеніе? Будутъ ли дѣла ихъ соответствовать мужественнымъ словамъ? Будетъ ли ихъ твердость равняться ихъ благоразумію, и на полѣ битвы окажутся ли они столь же непоколебимыми, какъ въ залѣ собранія? Увы! Человѣческая храбрость непременно основывается на сознаніи своей силы, на увѣренности въ ней, а этого, я боюсь, очень мало найдется въ тосканскихъ патріотахъ. Люди въ Тосканѣ благородны, благоразумны, возвышенны въ своихъ чувствахъ, но вовсе не герои. Примѣровъ нравственнаго мужества можно ожидать отъ нихъ, но едва ли можно ожидать многочисленныхъ примѣровъ физической храбрости. Какъ ни прекрасны ихъ намѣренія, но я не знаю, найдется ли десятокъ такихъ патріотовъ, которыхъ можно заставить сдѣлать переходъ въ три мили въ знойное время на встрѣчу даже самому слабому врагу. Слабость и изнѣженность тосканцевъ, особенно флорентинцевъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Въ послѣдніе три вѣка у нихъ были такіе нравы и обычаи, которые совершенно разслабили это племя, бывшее и въ самое энергическое свое время болѣе способнымъ на гражданскіе споры, нежели на перенесеніе трудностей похода. У этого народа, любящаго снокойствіе, нѣтъ ничего похожаго на мужественныя игры, на атлетическія забавы. Лошади у нихъ есть, они даже любятъ лошадей, но, за исключеніемъ кавалерійскихъ офицеровъ, едва ли вы увидите какого нибудь тосканскаго джентльмена на сѣдлѣ. Да и офицеры, и даже прѣстые солдаты завладѣли всѣми извозничьими экипажами и кажется лишены всякихъ средствъ къ передвиженію, кромѣ какъ на машинахъ съ колесами и рессорами. Въ послѣдніе два мѣсяца тосканцы сформировали эскадронъ волонтеровъ-гусаръ, вооружившихся и экипировавшихся на свой счетъ. Эти гусары цѣлый день разъѣзжаютъ по улицамъ въ экипажахъ — это я вижу постоянно, но еще не имѣлъ счастья видѣть хотя одного изъ нихъ, верхомъ на лошади.

«У нихъ любимая отговорка та, что достоинство солдата—нравственная, а не физическая энергія и что каждый гражданинъ, одушевленный благороднымъ принципомъ, мгновенно можетъ стать превосходѣйшимъ боевымъ солдатомъ. Но я видѣлъ ихъ волонтеровъ и ихъ регулярныя войска на походѣ въ Ломбардію, подъ командою Уллоа, и хотя многіе изъ ихъ недостатковъ надобно приписать дурной командѣ и очень дурному комиссаріату, но должно сказать и то, что въ цѣлой дивизіи едва ли было три человѣка, имѣвшихъ силу сдѣлать дневной переходъ приличнымъ солдату образомъ. Они всѣ могли оказаться героями на полѣ битвы, до которой, къ несчастью, не допустили ихъ, но со стороны походной дисциплины они представляли жалкій видъ.

«Съ такими-то оборонительными силами Тоскана готовится отстаивать свои желанія противъ Австріи и, быть можетъ, Франціи. Швейцарія, имѣющая населеніе немногимъ больше, нежели Тоскана, два года тому назадъ могла грозно возстать, вызывая на борьбу съ собою громадныя силы самой воинственной изъ европейскихъ державъ. Но швейцарскіе люди достойны называться мужчинами. Несправедливо было бы винить тосканцевъ за изнѣженность, которая развита въ нихъ прежними правительствами; но должно было бы нынѣшнему правительству постараться объ исправленіи этого недостатка. Можно было бы желать, чтобы оно учредило стрѣлковые отряды, организовало артиллерію, постаралось сдѣлать молодыхъ людей изъ хорошихъ фамилій солдатами болѣе серьезными, чѣмъ волонтеры-гусары, занялось національной гвार्діею, которая хороша, но малочисленна и мало обучена. Въ Англіи, гдѣ каждый занятъ полезнымъ дѣломъ, нельзя отрывать отъ него людей, чтобы дѣлать ихъ рекрутами. Но въ Италіи, гдѣ изъ десяти человѣкъ вышшаго и средняго сословія девятю ничего не дѣлаютъ, записывать молодыхъ людей въ пѣшіе или конные отряды значитъ отрывать ихъ отъ праздности. Изъ флорентинскихъ кофейныхъ можно было бы набрать нѣсколько батальоновъ здоровыхъ рекрутъ.»

«Флоренція, 2 сентября.»

«Даже подъ страхомъ получить имя алармиста, я долженъ возвратиться къ непріятному вопросу о вооруженіяхъ центральной Италіи. Я думаю, что мое предостереженіе будетъ еще своевременно и полезно для итальянцевъ.»

«Всѣ газеты съ увѣренностью говорили, что силы революціонизированныхъ государствъ центральной Италіи простираются до 40 или 50,000 человѣкъ. Я самъ часто повторялъ это увѣреніе. Но теперь я долженъ прибавить, что эта цифра достигнута только на бумагѣ. Силу войскъ, которыя теперь могли бы быть выведены въ поле, никакъ нельзя положить болѣе 20, или со всѣми натяжками болѣе 22,000 человѣкъ. Число тосканцевъ, находящихся подъ командою Гарибальди и составляющихъ средину между регулярными войсками и волонтерами, можно полагать въ 10,000. Этотъ храбрый и добрый человѣкъ, въ письмѣ отъ 30 августа, опровергаетъ слова тѣхъ газетъ, которыя, утверждали, что тосканскія войска были деморализированы и дезорганизованы своимъ прежнимъ командиромъ (*). Гарибальди говоритъ, что «судя по ихъ нынѣшнему духу, дисциплинѣ и воинственному виду, онъ думаетъ, что эти солдаты съ

(* Генераломъ Уллоа, котораго осуждаютъ за то, что онъ, слишкомъ подчиняясь принцу Наполеону и вообще французской политикѣ, оставлялъ тосканскія войска въ бездѣйствіи.

честью могли сражаться подлѣ Маджентскихъ и Сольфериискскихъ побѣдителей.» Но сколько я знаю, никто и не питалъ сомнѣнія о ихъ мужествѣ и воинственномъ видѣ. Всѣ жалобы относились къ ослабленію дисциплины и къ недостаточной подготовленности ихъ переносить трудности долгихъ переходовъ и лишеній походной жизни. Я знаю, что теперь они въ лучшихъ рукахъ и скоро будутъ способны очистить себя отъ всѣхъ невыгодныхъ сужденій. Но все-таки они неопытные солдаты, и невозможно, чтобы они держали себя, какъ ветераны. Маленькая тосканская армія въ нынѣшнемъ своемъ видѣ — не созданіе новаго времени. Съ небольшими перемѣнами, она — наслѣдство, доставшееся новому правительству отъ прежняго герцога.

«Фарини организовалъ моденскую бригаду, реджіосскую бригаду и теперь занимается организованіемъ пармской бригады. Но приготовить регулярныя войска къ полевымъ дѣйствіямъ гораздо труднѣе, чѣмъ проэктировать ихъ въ декретахъ. Романская дивизія Мецпокапо не была еще готова цѣлыхъ два мѣсяца послѣ того, какъ начался наборъ ея, и усердіе итальянскихъ волонтеровъ неизбежно было охлаждено Виллафранкскимъ миромъ. По послѣднимъ и вѣрнымъ извѣстіямъ изъ Пармы я знаю, что въ этомъ городѣ не болѣе 500 волонтеровъ, да и то большею частію люди, отпущенные изъ піэмонтской арміи и привлеченные подъ знамена нелѣпо огромнымъ жалованьемъ, которое назначено какъ будто для того, чтобы сдѣлать ихъ пьяною и безпорядочною толпою. Я не думаю, чтобы не таково же было состояніе моденской и реджіосской бригадъ. Безспорно, Гарибальди такой человекъ, что можетъ совершать чудеса съ самыми жалкими средствами. Рекруты, поведенные имъ въ Ломбардію, подъ именемъ альпійскихъ стрѣлковъ, мгновенно были превращены его вліяніемъ въ легіонъ героевъ, — но то дѣлалось въ энтузіазмѣ безотлагательнаго боя и постоянныхъ успѣховъ. Мнѣ кажется страшною для итальянцевъ не открытая война, а долгая, утомительная праздность и расслабляющая жизнь въ городахъ. Я увѣренъ, что Гарибальди, не хуже меня, понимаетъ опасность своего капуанскаго отдыха и постарается держать свои моденскія и другія войска въ непрерывной дѣятельности, необходимость которой для тосканскихъ войскъ онъ уже замѣтилъ. Но какъ бы то ни было, я не вижу возможности говорить теперь о моденскихъ и пармскихъ войскахъ, какъ о дѣйствительно существующихъ уже въ настоящемъ. Всѣ декреты говорятъ о нихъ въ будущемъ времени; я нахожу, что теперь устроены пока только еще зародыши и кадры трехъ этихъ бригадъ, и я не увѣренъ, чтобы во всѣхъ трехъ бригадахъ нашлось готовыми къ выступленію много сотенъ солдатъ.

«Въ Романьи организація дивизіи Меццокапо встрѣчала много затрудненій. Два вновь формируемые корпуса генерала Росселли и полковника Пинелли отняли много волонтеровъ у этого первоначальнаго отряда, потерявшаго много солдатъ и черезъ отпущекъ тѣхъ волонтеровъ, которые не хотѣли продолжать службу, такъ что высшая цифра, какою опредѣляютъ численность войскъ подъ командою Меццокапо, не превышаетъ 8,600 человекъ. Къ нимъ должно прибавить отрядъ Росселли, простирающійся, быть можетъ, до 3,000 чел. Вся эта масса моденскихъ и романскихъ войскъ состоитъ изъ людей, большинство которыхъ ни разу не были въ огнѣ. Тосканцы, кажется, имѣютъ четыре съ половиною батареи, по восьми орудій каждая; въ Романьи артиллерія состоитъ изъ 12 пушекъ. Въ Тосканѣ, кромѣ 10,000 человекъ, находящихся теперь въ лагерѣ, есть еще резервъ, который простирается, быть можетъ, до 10,000 человекъ; въ это число входятъ 2,400 человекъ жандармовъ и солдатъ таможенной и прибрежной стражи, — эти солдаты превосходные, но, разумѣется, ихъ нельзя выводить за границу; остальные — рекруты. Если время позволитъ довершить обученіе рекрутовъ и если будутъ деньги, то нынѣшнее число дѣйствительно годныхъ въ дѣло солдатъ центральной Италіи, — 22,000 человекъ, — безспорно можетъ быть удвоено.

«Тоскана, Парма, Модена и Романья имѣютъ отъ 4 до 5 миллионовъ жителей. Когда нынѣшнія распоряженія о наборѣ войскъ будутъ всѣ исполнены, эти земли будутъ имѣть до 50,000 войска, то есть по одному солдату на 100 человекъ жителей, — пропорція не дурная для государства, находящагося внѣ всякой опасности и пользующагося глубокимъ миромъ.

«Но мнѣ кажется, что центральная Италія не находится внѣ всякой опасности и не можетъ надѣяться на глубокой миръ.

«Въ герцогствахъ Пармскомъ и Моденскомъ выказывается сильная, но не очень практичная ревность къ поголовному вооруженію народа. Низшія сословія имѣютъ оружіе, но правительство, по крайней мѣрѣ въ Пармѣ, почти боится позволять имъ обучаться обращенію съ оружіемъ. Въ Тосканѣ «благоразумные» люди говорили мнѣ: «много мы надѣлали великихъ глупостей, но избѣжали по крайней мѣрѣ одной, — учрежденія національной гвардіи». Дѣйствительно, до Виллафранкскаго мира не было ничего похожаго на национальную гвардію. Теперь есть до 500 молодыхъ людей изъ средняго сословія, начавшихъ учиться военному дѣлу. Но национальная гвардія не была бы «великою глупостью» для страны, которая нуждается въ защитникахъ. Каждый мужчина здѣсь долженъ быть бы имѣть ружье и учиться стрѣльбѣ изъ него. Нѣтъ на землѣ ничего

удивительнѣе итальянской лѣни. Я могъ бы цѣлые сутки безъ перерыва говорить на эту грустную тему. Итальянцы предавались лѣни при своихъ прежнихъ абсолютныхъ правительствахъ, потому что «суровость тѣхъ временъ подавляла всякую энергію». Они предаются лѣни — предаются ей, если только можно, больше прежняго, при нынѣшнемъ положеніи вещей, потому что «сильныя ощущенія отъ изумительныхъ событій не даютъ подумать ни о какомъ дѣлѣ». Ихъ праздность могла бы обратиться на великую пользу имъ, если бы они захотѣли употребить свое праздное время на то, чтобы обратиться къ военному дѣлу. Я слышалъ, что въ герцогствѣ Пармскомъ устроены галереи для стрѣльбы, и что народъ охотно посѣщаетъ ихъ. Но въ Тосканѣ ничье ухо не тревожится звуками выстрѣловъ, ничего подобнаго не устроено, ни о чемъ подобномъ и не думаютъ. Праздность тосканской расслабляющей жизни въ кофейныхъ только усилилась въ эти тревожныя времена освобожденія. Нескончаемо идетъ въ кофейныхъ болтовня, остающаяся пустою болтовнею. Молодежь, безконечныя часы толковавшая прежде въ кофейныхъ о новой танцовщицѣ, также безконечно толкуетъ теперь о вѣроятности того, что Наполеонъ III скорѣе заступится за Тоскану, чѣмъ станетъ помогать австрійцамъ, о томъ, что Англія, или Пруссія, или китайскій императоръ явится на защиту итальянскаго дѣла. И никто въ этой изнѣженной толпѣ не встаетъ напомнить своимъ товарищамъ эпикурейцамъ, что мужчины должны быть мужчинами, что объ итальянскомъ дѣлѣ должны заботиться итальянцы, что каждый человѣкъ съ здоровыми руками и ногами бездѣйственно сидящій теперь въ кофейной есть измѣнникъ родины. Я не разъ писалъ вамъ, что правительство хотѣло набрать эскадронъ гусаръ, числомъ въ 150 человѣкъ, изъ хорошихъ фамилій. Во время войны набралось до 60 человѣкъ такихъ гусаровъ; послѣ Виллафранкскаго мира число ихъ уменьшилось до 25, — какова послѣ этого надежда на то, что люди хорошихъ фамилій будутъ готовы рисковать жизнью за независимость отечества? Эти 25, ничего не дѣлающихъ, гусаровъ по прежнему гуляютъ пѣшкомъ, а чаще въ экипажахъ по улицамъ Флоренціи, оставаться въ которой вовсе и не слѣдовало бы имъ. У насъ здѣсь множество людей въ раззолоченныхъ мундирахъ, людей надѣвшихъ мундиры потому, что мундиръ, по ихъ мнѣнію, придаетъ имъ красу; они съ большимъ удовольствіемъ носятъ тяжелыя, слишкомъ тяжелыя сабли, которыя гремятъ и звенятъ, воючаясь за ними, — но ихъ никогда не позовутъ на дѣйствительную службу, и что еще хуже, они не услышатъ, если ихъ позовутъ.

«Я представилъ картину не очень лестную. Но я вовсе не хочу, чтобы эту преступную бездѣйственность итальянцевъ приписывали

недостатку храбрости, нежеланію идти на опасность и смерть въ случаѣ нужды. Пороки итальянцевъ должны быть приписываемы состоянію, въ какомъ находилось ихъ отечество столько вѣковъ. Каковы бы ни были итальянцы, должно сказать, что они безконечно лучше того, чѣмъ можно было бы ожидать. У нихъ живыя чувства и благородныя инстинкты, наобно только дѣйствовать на нихъ во-время. Когда первые слухи о войнѣ электризовали страну четыре мѣсяца тому назадъ, было бы легко вывести сотни тысячъ итальянцевъ изъ этихъ кофейныхъ, замѣняющихъ имъ домъ. Въ апрѣлѣ въ Піэмонть являлось столько волонтеровъ, что не находилось мѣста для нихъ всѣхъ. Даже теперь, если Гарибальди пройдетъ по тосканскимъ городамъ, призывая молодежь къ оружію, за нимъ пойдутъ десятки тысячъ волонтеровъ. Битвы итальянцы не боятся, они не отступаютъ передъ огнемъ и стѣною, когда кровь ихъ разгорячена. Но они не любятъ военнаго обученія и маршировки. Они не любятъ солдатчины, если не видятъ необходимости въ ней. Послѣ Вилла-Франкского мира они впали въ оцѣпенѣніе, которое происходитъ на половину отъ увѣренности въ защитѣ, на половину отъ отчаянія. Императоръ французовъ даетъ имъ увѣренія, что никакое вооруженное внимательство иностранцевъ не грозитъ имъ. Всѣ итальянскія, французскія и англійскія газеты повторяютъ, что Европа не позволитъ никому пальцемъ тронуть народъ, который держитъ себя съ такимъ примѣрнымъ достоинствомъ, благородіемъ, единодушіемъ. А если Франція и Австрія оставятъ ихъ въ покоѣ, то «за чѣмъ же, — говорятъ они, — намъ получать мигрени и мозоли отъ долгихъ напрасныхъ маршей? Противъ нашихъ герцоговъ и папы слишкомъ довольно будетъ и тѣхъ солдатъ, которыхъ мы уже набрали; а если Франція не сдержитъ своего слова, — если она или Австрія, или она и Австрія вмѣстѣ нападутъ на насъ, къ чему приведутъ всѣ наши воинственныя приготовленія? Къ тому, чтобы умереть съ оружіемъ въ рукахъ и облагородитъ нашу погибель подвигами отчаянія! Но храбрость отчаянія не нуждается ни въ оружіи, ни въ солдатскомъ обученіи. Флоренція храбро сражалась противъ Карла V въ 1529 году, хотя имѣла только необученныхъ военному дѣлу гражданъ подъ начальствомъ Франческо Ферруччіо, противъ ветерановъ испанской и нѣмецкой армій. Римъ и Венеція въ 1849 дорого продали побѣду французамъ и австрійцамъ, хотя едва ли кто изъ этихъ волонтеровъ зналъ — правою или лѣвою ногою надобно выступать впередъ».

«Трудно спорить съ людьми, которые такъ легко смотрятъ на обязанности гражданина. Тосканское правительство, хорошо знающее свой народъ, по временамъ издаетъ излщныя, краснорѣчивыя,

чувствительныя патриотическія увѣщанія, приглашающія прежнихъ и новыхъ волонтеровъ становиться въ ряды арміи. Принуждать ихъ къ этому, или набирать солдатъ посредствомъ конкрипціи, кажется дѣломъ превышающимъ власть или рѣшимость правительства. Оно не отваживается на такія неудобноисполнимыя вещи, и его чрезвычайная заботливость о сохраненіи порядка дѣлаетъ его до крайности подозрительнымъ противъ каждаго, кто хотѣлъ бы изустно или печатно сдѣлать болѣе сильное возваніе къ патриотическимъ чувствамъ массы. Быть можетъ, правительство поступаетъ благоразумно, держась такой системы, — быть можетъ, обстоятельства расположатся такъ, что тосканцы будутъ избавлены судьбою отъ испытанія отчаянной обороны. Быть можетъ, ихъ желанія будутъ уважены и присоединеніе Тосканы къ Піэмонту совершится безъ борьбы. Они поручаютъ рѣшенію великихъ державъ справедливость своего дѣла, но не приготовились противопоставить отчаянное сопротивленіе окончательному ихъ рѣшенію».

Итакъ, говоря коротко и прямо, центральная Италия остается беззащитна, — покрайней мѣрѣ была беззащитна въ половинѣ сентября. Силы, которыя она приготовила, достаточны для отраженія двухъ или трехъ тысячъ человекъ, которыхъ могъ бы привести съ собою герцогъ моденскій; быть можетъ достаточны для отраженія папскихъ войскъ; но вторженію какого нибудь, даже одного австрійскаго, корпуса онѣ не могли бы представить успѣшнаго сопротивленія. Странная, изумительная безпечность! — и чтобы объяснить ее, мы должны высказать факты, за раскрытіе которыхъ передъ нашими читателями опять могли бы сердиться на насъ западно-европейскіе либералы, еслибъ «Современникъ» могъ быть имъ извѣстенъ.

Будемъ говорить откровенно. Какова цѣль, которую поставили себѣ правительства центральной Италии, и кто такіе люди, въ рукахъ которыхъ находится теперь управленіе этими областями? Въ Тосканѣ и въ легатствахъ правительство составляютъ люди, принадлежащіе къ такъ называемой умѣренной либеральной партіи. Она до послѣдняго времени не считала возможнымъ думать о соединеніи центральной Италии съ Піэмонтомъ — такая мысль представлялась ей преждевременною, слишкомъ смѣлою. Она считала возможнымъ стремиться только къ тому, чтобы прежнія правительства, назверженія которыхъ она не надѣялась, покинули свою реакціонную политику, начали подражать либерализму Піэмонта и замѣнили прежній свой союзъ съ Австріею — союзомъ съ Піэмонтомъ. Учрежденіе федераціи между итальянскими государствами казалось ей крайнею степенью прогресса, возможною для настоящаго времени. Достичь этой цѣли она думала не силою самого народа центральной

Италія, — эта опора представлялась ей слишкомъ слабою, — а дипломатическимъ заступничествомъ великихъ европейскихъ державъ. Она жестоко преслѣдовала, какъ вредныхъ мечтателей, послѣдователей Маццини, которые говорили, что надобно стремиться къ сліянью итальянскихъ государствъ не въ союзъ, а просто въ одно государство, и что произвести эту перемѣну должны сами итальянцы своими собственными силами. Въ какомъ же положеніи находятся теперь умѣренные либералы, управляющіе дѣлами центральной Италіи? Обстоятельства повернулись такъ, что ихъ собственная программа совершенно устранена, и вопросъ идетъ объ осуществленіи программы, которую защищали маццинисты. Пренія правительства были низвергнуты, чего не надѣялись умѣренные либералы. Выборъ остался только между двумя крайностями: или возвращаются низложенные правители, съ удвоенною враждою къ національнымъ стремленіямъ, и будутъ крѣпче прежняго держаться австрійской политики, — или области центральной Италіи составляютъ одно государство съ Пьемонтомъ. Чтобы избѣжать реакціи, чтобы осуществить національныя стремленія, надобно опираться не на дипломатическое заступничество иностранцевъ, а исключительно на свои собственныя силы. Такимъ образомъ, умѣренные либералы поставлены въ необходимость исполнять программу Маццини. Этимъ объясняется слабость, медлительность ихъ дѣйствій. Они находятся въ фальшивомъ положеніи. Имъ пришлось направлять отечество къ цѣли, которую издавна привыкли они считать недостижимою, пользоваться для этого средствами, которыхъ привыкли они считать недостаточными или опасными. Они должны вооружать народъ — но развѣ они не думали всегда, что народъ безсиленъ? — развѣ они не думали всегда, что его содѣйствіе опасно, потому что онъ слишкомъ легко готовъ предпочитать маццинистовъ умѣреннымъ либераламъ? И вотъ, они принуждены преслѣдовать каждаго, кто хотѣлъ бы вооружить массу, одушевить ее, пробудить въ ней горячую энергію. Каждый агитаторъ представляется для нихъ опаснымъ маццинистомъ, а всѣхъ маццинистовъ они считаютъ нужнымъ арестовать или высылать за границу. Они боятся, что европейскіе дипломаты обвинятъ ихъ въ революціонерствѣ, они хотятъ сохранить репутацію людей смирныхъ, послушныхъ дипломатическимъ обычаямъ, — а между тѣмъ поставлены въ революціонное положеніе, не имѣютъ въ своемъ распоряженіи никакихъ другихъ силъ, кромѣ революціонныхъ, — вотъ объясненіе тому, что они остаются бездѣйственны и оставляютъ центральную Италію до сихъ поръ безъ средствъ къ оборонѣ.

Чѣмъ разрѣшится такое фальшивое положеніе дѣлъ? Уступать ли умѣренныя правительства центральной Италіи необходимости обстоятельствъ, и отважатся ли наконецъ прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ для приведенія страны въ возможность защищаться? Отважатся ли Сардинія открыто литься защитницею центральной Италіи? — Мы боимся, что оба эти рѣшенія будутъ приняты уже тогда, когда поздно будетъ защищаться. Время идетъ, и съ каждымъ днемъ опасность иноземнаго вторженія приближается, а Сардинія все еще остается въ своей робости, и правительства центральной Италіи все еще бездѣйствуютъ. Мы боимся, что время свободы, оставленное для нихъ дипломатическими переговорами объ исполненіи Виллафранкскаго мира, — это краткое время свободы, которыми они должны были бы воспользоваться для приготовленія къ оборонѣ и которое протекаетъ бесполезно по нерѣшительности Сардиніи, по бессилію правительствъ центральной Италіи, — послужить только къ тому, чтобы приготовить болѣе жертвъ для реакціи.

Но если Австрія твердо рѣшилась на вторженіе въ центральную Италію для возстановленія прежнихъ правительствъ (она уже собрала 200,000 войска въ Венеціанской области), и если Франція, какъ теперь очевидно, не хочетъ жертвовать своими войсками, чтобы во второй разъ защищать Италію, то зачѣмъ же столько времени медлитъ Австрія? Это промедленіе, конечно, зависитъ не отъ нея, — она можетъ вторгнуться въ Италію только тогда, когда императоръ французовъ найдетъ удобнымъ для себя сказать «теперь пора»; а онъ по необходимости долженъ былъ нѣсколько времени помедлить такимъ разрѣшеніемъ.

Императоръ французовъ никакъ не ожидалъ, чтобы Виллафранкскій договоръ произвелъ на Францію такое невыгодное впечатлѣніе; онъ надѣялся, что Франція и вся Европа назоветъ его освободителемъ Италіи, согласится съ нимъ, что онъ сдѣлалъ для итальянцевъ все, что могъ, и доставилъ дѣйствительную гарантію ихъ независимости и единству учрежденіемъ итальянской конфедераціи. Потому онъ полагалъ, что можетъ удобно совершить и возстановленіе эрцгерцоговъ, что эта небольшая непріятность будетъ заглушена въ европейскіхъ либералахъ восторгомъ отъ присоединенія Ломбардіи къ Піэмонту и учрежденія итальянскаго союза. Притомъ, какъ мы говорили, онъ надѣялся, что встрѣтитъ въ центральной Италіи безусловную покорность, и что возстановленіе эрцгерцоговъ будетъ произведено почти безъ всякаго шума. Въ той и въ другой надеждѣ онъ обманулся. Опрометчивые французскіе либералы, увлекавшіеся нелѣпнымъ довѣріемъ во время войны, были разочарованы въ своихъ неосновательныхъ надеждахъ условіями Виллафранкскаго мира, — и

вознегодовали; почти вся Франція раздѣляла прежде ихъ ошибку и теперь стала раздѣлять ихъ чувство. Изъ всѣхъ виллафранкскихъ условій возстановленіе эрцгерцоговъ было самымъ щекотливымъ, самымъ непопулярнымъ; притомъ, мы говорили, оказалось, что нельзя исполнить его такъ тихо, незамѣтно, какъ надѣялся императоръ французовъ: тосканцы и моденцы, вмѣсто того, чтобы молча покориться, поспѣшили высказать, что возстановленіе эрцгерцоговъ можетъ быть совершенно только вооруженною силою и рѣшительно противно ихъ желанію. Этими двумя непредвидѣнными обстоятельствами—непопулярностью Виллафранкского шира во Франціи и непокорностью центральной Италиі достаточно, по нашему мнѣнію, объясняется медлительность императора французовъ, отсрочивавшая до сихъ поръ принятіе мѣръ къ возстановленію въ центральной Италиі прежняго порядка вещей. Многіе производятъ его политику въ этомъ вопросѣ изъ другаго побужденія: говорятъ, будто Наполеонъ III хочетъ создать изъ центральной Италиі особенное королевство для своего двоюроднаго брата, принца Наполеона, и думаютъ, что его систему должно объяснять слѣдующимъ образомъ: пусть Тоскана, Модена и Романья получаютъ довольно времени, чтобы безвозвратно компрометировать себя передъ своими прежними династіями; когда эти земли доведутъ дѣла до такой крайности, что не будутъ въ состояніи ожидать отъ возстановленія прежнихъ правительствъ ничего, кромѣ ужаснаго мщенія, тогда имъ будетъ объявлено, что соединеніе съ Піэмонтомъ невозможно. Не имѣя возможности возвратиться назадъ, къ прежнимъ правительствамъ, центральная Италия будетъ рада всякому средству избавиться отъ своего отчаяннаго положенія, отворотить отъ себя мщеніе австрійцевъ и эрцгерцоговъ, возвращеніе которыхъ будетъ неизбежно грозить ей, когда она увидитъ себя оставляемою безъ защиты и сардинцами и французами. Тогда агенты принца Наполеона объявятъ ей, что остается одинъ только путь избавиться отъ страшной реакціи,—надобно провозгласить королемъ центральной Италиі принца Наполеона, который, будучи зятемъ короля сардинскаго, можетъ даже не считаться въ Италиі чужестранцемъ, стало-быть тосканцы, моденцы и жители Романьи, избравъ его своимъ властителемъ, могутъ утѣшаться мыслью, что не подверглись иноземному господству. Въ прежнихъ нашихъ обзорѣніяхъ приведено довольно фактовъ, могущихъ подтверждать такой способъ объясненія политики императора французовъ. Теперь мы прибавимъ, что есть въ Тосканѣ агитаторы, убѣждающіе своихъ соотечественниковъ, что принцъ Наполеонъ одинъ можетъ спасти ихъ отъ австрійскаго мщенія и поработенія. Говорятъ, что Меттернихъ ѣздилъ къ Наполеону III въ Сень-

Совѣръ болѣе всего для соглашенія по этому предположенію, и увѣряютъ, будто онъ передалъ императору французовъ, что Австрія готова не противиться учрежденію въ центральной Италиі королевства для принца Наполеона, лишь бы оно было создано волею двухъ императоровъ, а не основывалось формально на принципѣ верховной власти народовъ располагать своею судьбою. До какой степени вѣрнъ этотъ слухъ, мы не знаемъ; но само собою разумѣется, что императору французовъ было бы пріятнѣе превращеніе центральной Италиі въ особенное королевство подъ властью его родственника, нежели ея присоединеніе къ Піэмонту, который въ такомъ случаѣ слишкомъ усилился бы. Это несомнѣнно; напротивъ того, трудно рѣшить, составляетъ ли учрежденіе такого королевства положительную цѣль его политики, или просто только остается его желаніемъ, осуществленіе котораго предоставляетъ онъ стеченію обстоятельствъ, не находя удобнымъ жертвовать для него болѣе близкими потребностями своего положенія. Намъ кажется, что эти потребности были въ теченіе нынѣшняго лѣта очень настоятельны, и что забота объ удовлетвореніи ихъ заставляла императора французовъ въ политикѣ относительно центральной Италиі руководиться интересами болѣе близкими, нежели учрежденіе королевства для принца Наполеона. По крайней мѣрѣ факты, въ родѣ посольствъ графа Резе и графа Понятовскаго, показываютъ, что до послѣдняго времени императоръ французовъ имѣлъ въ виду не приобрести королевскій санъ своему родственнику, а просто возстановить эрцгерцоговъ. (Разумѣется, обстоятельства съ каждымъ днемъ могутъ перемѣниться, и открыть Наполеону III возможность измѣнить свою политику.) Статья «Монитѣра» также свидѣтельствуетъ объ этомъ, да и вообще медлительность политики Наполеона III относительно Тосканы, Модены и Романьи достаточно объясняется, какъ мы уже говорили, двумя обстоятельствами: непопулярностью Виллафранкскаго мира и непокорностью центральной Италиі.

Противъ ожиданія увидѣвъ, что Виллафранкскій миръ произвелъ на Францію очень неблагоприятное впечатлѣніе, Наполеонъ III былъ долженъ доказать, что условія его не такъ дурны, какъ показалось французамъ, и потому онъ отложилъ исполненіе самаго непопулярнаго изъ этихъ условій, — возстановленіе эрцгерцоговъ, до той поры, когда неудовольствіе французовъ остынетъ и вниманіе ихъ будетъ отвлечено отъ Италиі новыми вопросами. Для смягченія невыгоднаго впечатлѣнія, оказалось нужнымъ прибавить и объясненіе, что онъ соглашался на возстановленіе только въ предположеніи, что оно будетъ произведено съ согласія самихъ тосканцевъ и моденцевъ. Чтобы показать французамъ ошибочность ихъ имѣнія, будто онъ не

расположенъ въ пользу итальянскаго единства, онъ очень милостиво принималъ итальянцевъ, явившихся къ нему съ разными адресами. Съ тою же цѣлью французскому посланнику въ Римѣ, герцогу Грамону, было поручено возобновить старинныя требованія о введеніи въ Римскихъ владѣніяхъ свѣтскаго управленія и наполеоновскаго кодекса и даже предложить папѣ, чтобы онъ призналъ возставшія провинціи самостоятельнымъ намѣстничествомъ, которое было бы независимо отъ Рима по своимъ внутреннимъ дѣламъ, уплачивая только извѣстную ежегодную подать для покрытія издержекъ Римскаго Двора. Разумѣется, всѣ эти дѣйствія Наполеона III надобно считать только слѣдствіемъ непріятной, но вѣроятно непродолжительной надобности заставить французовъ измѣнить мнѣніе о характерѣ его итальянской политики. Должно думать, что эта надобность минуетъ, когда остынетъ во Франціи первоначальная энергія неудовольствія, произведеннаго Виллафранкскимъ миромъ, и что тогда императоръ французовъ возвратится къ болѣе открытой консервативной политикѣ.

Несоотвѣтственность сужденій французовъ о Виллафранкскомъ мирѣ съ ожиданіями Наполеона III была причиною нѣкоторыхъ дѣйствій, не соотвѣтствующихъ принципамъ его, и во внутренней политикѣ. Надобно было заставить чѣмъ нибудь французовъ измѣнить порицаніе въ похвалу, и потому 17-го августа обнародована была амністія всѣмъ политическимъ изгнанникамъ, ссыльнымъ и заключеннымъ, или, по выраженію декрета объ амністіи, преступникамъ. Во французскихъ газетахъ амністія вызвала горячія похвалы, и вѣроятно многіе изъ изгнанниковъ воспользуются ею. Но главнѣйшіе изъ нихъ одинъ за другимъ обнародовали протестаціи противъ этого акта. Протесты были написаны разумѣется въ духѣ совершенно противномъ правительству Наполеона III; но тѣмъ не менѣе газеты, издающіяся во Франціи, получили разрѣшеніе перепечатать ихъ. Вообще правительство видѣло необходимость сдѣлать нѣкоторыя уступки для смягченія общественнаго мнѣнія, и разнеслись слухи, что готовится новый законъ о книгопечатаніи, дающій гораздо большую свободу журналистикѣ. Будетъ онъ изданъ или нѣтъ,—мы не знаемъ, но строгость, съ которою правительство слѣдило за непріязненными ему газетами, на время значительно уменьшилась, и въ журналистикѣ начали говорить о внутреннихъ дѣлахъ языкомъ болѣе смѣлымъ. Явились даже прямыя требованія свободы печатнаго слова; даже осторожный «Journal des Débats» почелъ безопаснымъ напечатать статью, въ которой подробно показываетъ вредъ, происходящій для государства отъ стѣсненій, которымъ подвергается свобода печатнаго слова.

Но всѣ эти мѣры и уступки для отвлеченія общественнаго мнѣнія отъ неудовольствія, овладѣвшаго Франціею послѣ Виллафранкскаго мира, оказывались недостаточны, и потому давно уже стали говорить, что Наполеонъ III хочетъ загладить непопулярность, бывшую слѣдствіемъ мира, начатіемъ новой войны, — или съ Германіею, то есть собственно съ Пруссіею, или съ Англіею; — предполагается, что та и другая война были бы пріятны для французовъ, — одна льстила бы имъ надеждою на завоеваніе земель до Рейна, другая льстила бы враждебному предубѣжденію противъ англичанъ, до сихъ поръ остающемуся въ толпѣ реакціонеровъ и невѣжественныхъ простаковъ.

Мы не знаемъ, до какой степени вѣрны были эти предположенія: въ войнѣ съ Пруссіею и Германіею не такъ легко можно было бы пріобрѣсти лавры, какъ въ сраженіяхъ съ австрійцами, а война противъ Англіи еще гораздо опаснѣе. Скорѣе всего надобно думать, что эти слухи, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, не предназначались къ исполненію, а были возбуждаемы только за тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе французовъ отъ Виллафранкскаго мира. Война необходима для императора французовъ, но кажется, что нужно еще довольно много времени для устройства дипломатическихъ отношеній, которыя дозволяли бы начать войну съ Пруссіею или Англіею удобнымъ для него образомъ. Однакоже, какъ бы то ни было, съ серьезною мыслью о войнѣ, или только для занятія французовъ толками о вѣроятности или невѣроятности новой войны, начинались уже приготовленія къ ссорамъ съ Англіею. Полуофициальныя газеты получили приказаніе гремѣть угрозами противъ Англіи. Была уже приискана и причина для разрыва съ нею: она заключалась опять таки въ итальянскомъ вопросѣ. Англія говорила, что не хочетъ вооруженнаго вмѣшательства въ центральной Италіи для возстановленія эрцгерцоговъ, или учрежденія новаго королевства въ пользу принца Наполеона; она требовала, чтобы тосканцамъ и моденцамъ было дозволено осуществить ихъ желаніе присоединиться къ Піэмонту. Французская политика, находившаяся невыгоднымъ для себя допустить такое усиленіе Піэмонта, естественно находилась въ противорѣчьи съ англійскою. Это разногласіе и угрозы французскихъ газетъ, служащихъ обыкновенно органами французскаго правительства, заставили англичанъ серьезно подумать о средствахъ борьбы, въ случаѣ войны съ Франціею: англійскіе арсеналы и военныя верфи кипѣли дѣятельностью; парламентъ даже назначилъ комиссію для обзорѣнія береговъ Англіи, съ цѣлью усилить укрѣпленія тѣхъ пунктовъ, которые окажутся недостаточно защищенными. Тревога эта, поднятая Франціею, была однако, по всей вѣроятности,

только средством придуманнымъ для развлечения французовъ, безъ серьезнаго намѣренія начать войну въ скоромъ времени. Кромѣ общихъ основаній для такого мнѣнія, находимыхъ нами въ томъ, что война съ Англіею очень трудна для Франціи и очень опасна для самой прочности власти императора французовъ, положительное подтвержденіе нашему мнѣнію мы видимъ въ чрезвычайной поспѣшности, съ какою французское правительство воспользовалось первымъ случаемъ прекратить свои угрозы противъ Англіи, замѣнивъ ихъ другимъ непредвидѣнно представившимся средствомъ развлечь вниманіе своей націи.

Случай этотъ дали китайцы. Читателямъ извѣстно, что по послѣднему договору, Англія и Франція, которыя вели войну съ Китаемъ общими силами, получили право прислать своихъ уполномоченныхъ въ Пекинъ для разна ратификованныхъ списковъ трактата. Въ іюнѣ посланники дѣйствительно отправились туда съ этою цѣлью, въ сопровожденіи англійской эскадры и нѣсколькихъ французскихъ судовъ, и 17 іюня дошли до устья Пейхо, укрѣпленія котораго были разрушены англичанами въ предыдущую войну. Теперь эти укрѣпленія оказались восстановленными, но ни батарей, ни солдатъ на нихъ не было видно. Нѣсколько дней прошли въ переговорахъ, потому что китайцы не хотѣли впустить эскадру, требуя, чтобы уполномоченные отправились въ Пекинъ сухимъ путемъ. Видя ихъ упрямство, посланники рѣшились наконецъ пройти черезъ устье, не слушая возраженій. Но когда англійскія суда (25 іюня) подошли къ укрѣпленіямъ, вдругъ на нихъ демаскировались очень сильныя батареи, а на берегу явилось многочисленное войско. Произошла битва, и неприготовившіеся къ ней англичане принуждены были отступить, потерявъ 464 человекъ убитыми и ранеными изъ 1,300 человекъ экипажа. Французы, которые почти не участвовали въ сраженіи, потеряли только 14 человекъ. Французское правительство съ величайшею горячностью стало говорить о необходимости самымъ сильнымъ образомъ отмстить за оскорбленіе французскаго флага и немедленно вступило въ самыя дружескія переговоры съ англійскимъ о содѣйствіи англійскому флоту въ Китаѣ. Оно изъявило готовность послать на войну съ китайцами корпусъ въ 12,000 человекъ, и, благодаря китайцамъ, прежнія угрозы противъ англичанъ вдругъ замѣнились живѣйшимъ усердіемъ помогать имъ противъ китайцевъ. Дѣйствительно, если можно достигъ цѣли, — то есть развлечь французовъ — легкою и эффектною войною на далекомъ востокѣ, то къ чему продолжать опасныя ссоры съ англичанами?

О внутреннихъ дѣлахъ самой Англіи мы очень давно не говорили, потому что въ ней до послѣдняго времени все было заглушено

толками объ итальянской войнѣ. Почти безъ шума упало министерство Дерби, — его судьба была рѣшена, когда независимые либералы согласились поддерживать Пальмерстона и Росселя. Почти ничего не было сдѣлано въ краткую сессію новаго парламента, который ограничился только тѣмъ, что низвергъ Дерби (въ чемъ никто не сомнѣвался) и принялъ бюджетъ, представленный новымъ министерствомъ (въ чемъ также не было никакого сомнѣнія). По принятіи бюджета, парламентъ разошелся, отложивъ до обыкновенной сессіи всѣ важныя дѣла. Только теперь, когда ослабѣли опасенія войны, возобновляются заботы о внутреннихъ вопросахъ. Больше всего общественное вниманіе было занято въ послѣднее время колоссальною распреею между лондонскими строительными подрядчиками и ихъ рабочими, которые требовали сокращенія работы съ десяти часовъ въ день на девять часовъ (*Nine hours movement*). Теперь этотъ величественный эпизодъ борьбы между капиталомъ и трудомъ приближается къ окончанію, и въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ мы представимъ отдѣльную статью о немъ. Реформитское движеніе, отгѣснявшееся на второй планъ войною, теперь возобновляется, и въ слѣдующей книжкѣ намъ придется, вѣроятно, говорить о немъ. А теперь мы должны сказать хотя нѣсколько словъ о вліяніи, оказанномъ итальянскою войною на дѣла другихъ западно-европейскихъ государствъ. Газеты наполнены извѣстіями объ улучшеніяхъ внутренняго управленія, полученныхъ или получаемыхъ Австріею, и объ агитаціи для достиженія національнаго единства, овладѣвшей Германіею. Много говорить объ этихъ вещахъ не стоитъ, но надобно сказать столько, чтобы читатель могъ убѣдиться, что подробности говорить о нихъ не стоило.

Австрійскіе либералы (либералы есть и въ Австріи, притомъ даже въ очень значительномъ количествѣ) основываютъ теперь великія надежды на расположеніи своего правительства «къ исправленію недостатковъ законодательства, искорененію злоупотребленій, введенію просвѣщеннаго направленія въ администраціи» и т. д. Читатель быть можетъ не вѣрить, чтобы подобная вещь могла находить себѣ мѣсто въ Австріи? Онъ ошибается: надежды либераловъ опираются на доказательствѣ самомъ несомнѣнномъ, — на словахъ, которыми заикачивается манифестъ Австрійскаго императора о заключеніи мира. Кто можетъ не вѣрить официальному обѣщанію? Покажите намъ такого скептика, — нѣтъ, вы его не отыщете, по крайней мѣрѣ между либералами, отличительными чертами которыхъ и въ Австріи, какъ повсюду, служатъ два качества: вѣрить и восхищаться. Содержаніе манифеста, внушившаго имъ восторгъ, въ сущности таково: «насъ поколотили, у насъ отняли часть нашихъ земель; думать

о новой войнѣ теперь пока намъ нѣтъ возможности, потому что нѣтъ у насъ и десяти гульденовъ звонкой монеты, а на бумажныя деньги войну вести трудно. Итакъ, мы проникаемъ миролюбивыми чувствами и постараемся развитіемъ внутреннихъ силъ вознаградить потерю во внѣшнемъ могуществѣ. Прекрасно. Но изъ этого ясно, что только военныя неудачи заставили австрійское правительство подумать о внутреннихъ улучшеніяхъ, — а изъ этого ясно, что когда позабудется стыдъ поражений, когда остынетъ народное неудовольствие, возбужденное ими, пройдетъ и забота объ улучшеніяхъ. А къ сожалѣнію, Австрію побили слишкомъ еще мало. Если бы у нея отняли Тироль или Богемію, если бы побѣдосносный непріятель дошелъ до Вѣны, быть можетъ впечатлѣніе о неудовлетворительности прежней системы осталось бы въ правительствѣ довольно сильно и прочно. Но теперь мѣста поражений арміи были такъ отдалены, что скоро явится — и отчасти явилась уже, — возможность приняться за прежнее самохвальство. Дѣйствительно, мы уже видимъ въ официальныхъ австрійскихъ газетахъ увѣренія, что австрійская армія покрыла себя славою въ итальянскую войну. Возвращеніе самодовольства предвѣщаетъ скорое паденіе реформаціонныхъ намѣреній правительства, и мы скоро увидимъ, что почти всѣ обѣщанія свои оно оставитъ невыполненными, и рѣшительно возвратится къ реакціонной политикѣ, которой слѣдовало до войны. Да и въ чемъ состоятъ обѣщанныя реформы? Касаются ли онѣ основной причины зла? Обѣщано ли прекратить безправіе гражданъ передъ правительствомъ? Нѣтъ, нынѣшній правительственный принципъ не только не намѣренъ, а даже и не обѣщаль отказаться отъ своего произвола, ограничить себя законами, которые давали бы гражданамъ участіе въ правительствѣ. Дѣло ограничилось официальнымъ признаніемъ надобности измѣнить низшую администрацію и прекратить стѣсненія, которымъ подвергались въ пользу католичества другія исповѣданія. Кто, кромѣ либераловъ, по природѣ своей расположенныхъ восхищаться и надѣяться, могъ находить какую нибудь существенную важность въ этихъ реформахъ, которыя могли бы имѣть дѣйствительное значеніе только тогда, если бы являлись лишь второстепенными чертами въ общемъ преобразованіи государственныхъ учрежденій, во всей системѣ своей проникнутыхъ духомъ угнетенія?—Исправить низшую, городскую и сельскую администрацію! Да возможно ли, чтобы она исправилась отъ какихъ бы то ни было уставовъ, если остается въ прежнемъ видѣ областная и общая государственная администрація? Что значитъ какой нибудь окружный начальникъ или городской бургомистръ, когда правитель провинціи и министръ, повѣлывающіе ему, продолжаютъ дѣйствовать по прежней системѣ?

Могут ли иновѣрцы почувствовать дѣйствительное облегченіе отъ какихъ бы то ни было частныхъ постановленій, относящихся къ нимъ, когда вся администрація по прежнему остается подчинена принципу обскурантизма, и свобода мысли по прежнему преслѣдуется, какъ преступленіе? Неужели можно сказать, что правительство вступаетъ на новый путь, если оно имѣетъ упрямство ограничивать реформы такими мелочами, какъ постановленія о низшихъ чиновникахъ и какихъ нибудь инспекторахъ протестантскихъ школъ? Но либеральные оптимисты ничего не разбираютъ. Какъ юношамъ необходимо быть въ состояніи влюбленности, такъ имъ необходимо быть въ состояніи благонадежности, и какъ юноши готовы влюбляться въ cadaго урода, лишь только послышать шорохъ шелкового платья, такъ и они восторгаются при одномъ звукѣ словъ «либерализмъ, реформа, улучшеніе.» Не знаемъ, начали ли они разочаровываться теперь, но фактовъ уже слишкомъ довольно, чтобы разочароваться. Вотъ уже три мѣсяца прошло съ того времени, какъ даны были обѣщанія, а для выполненія ихъ ровно ничего еще не сдѣлано, кромѣ только того, что подъ громкимъ названіемъ устава объ отвращеніи притѣсненій, которымъ подвергались иновѣрцы, изданъ законъ, въ которомъ самое важное правило то, что протестантскія школы отнынѣ будутъ имѣть ревизорами только протестантовъ. Да и это необыкновенно важное облегченіе дано пока только еще протестантамъ венгерскихъ областей,—о томъ, можно ли дать такія же громадныя привилегіи протестантамъ другихъ провинцій, австрійское правительство еще думаетъ. Будемъ надѣяться, что и онѣ получатъ такія же прочныя гарантіи своей религіозной свободы. Да, великая реформа! Можно послѣ этого ожидать, что и обѣщаніе о преобразованіи низшаго управления будетъ выполнено: дѣлать реформы въ подобномъ размѣрѣ вовсе не обременительно для правительства. Конкордатъ, по которому иезуитизмъ виѣшивается во всѣ дѣла, контролируетъ всю жизнь cadaго австрійца, остается во всей своей неприкосновенности,—почему же не дать протестантскимъ школамъ протестантскихъ ревизоровъ? Вѣдь ихъ будутъ назначать люди, находящіеся подъ вліяніемъ иезуитовъ, стало быть выберутъ такихъ протестантовъ, которые будутъ служить иезуитству усердіемъ всякаго католика. Будемъ же увѣрены, что Австрія вступила на новый путь, что реакція и обскурантизмъ замѣняются въ ея правительствѣ просвѣщеннымъ и свободнымъ направленіемъ. Если намъ кто нибудь скажетъ, что всѣ учрежденія и принципы, отъ которыхъ зависѣлъ нынѣшній порядокъ дѣлъ въ Австріи, остаются невредимы, мы будемъ отвѣчать ему, что онъ тупоумный спектикъ, не понимающій величія совершаемыхъ австрійскимъ правительствомъ преобразованій. Огъ

быть можетъ скажетъ, что вѣнское правительство по прежнему сохраняетъ безотчетную власть надъ всею государственною жизнью, можетъ по произволу сажать въ Шпильбергъ кого только вздумаетъ, назначать правителей по придворнымъ и бюрократическимъ интригамъ, издавать какія ему вздумается распоряженія, отъ нелѣпности и обскуратизма которыхъ ничѣмъ не ограждены австрійцы; онъ скажетъ, что Вѣнское правительство по прежнему опирается только на вооруженной силѣ и жертвуетъ всѣмъ для поддержанія своего военного деспотизма, что оно преслѣдуетъ всякую свободную мысль, управляетъ посредствомъ ржавыхъ бюрократическихъ пружинъ; онъ скажетъ, что народъ по прежнему обремененъ налогами, что финансы по прежнему истощаются расходами на армію и на роскошь двора. Мы будемъ отвѣчать такому скептику, что все это пустяки, что всѣ недостатки и бѣдствія австрійской жизни уничтожаются учрежденіемъ протестантскихъ ревизоровъ въ протестантскихъ школахъ: чего же вамъ еще, въ самомъ дѣлѣ? не леное ли это доказательство просвѣщенности и свободолюбія въ австрійскомъ правительствѣ?

Еще меньше сомнѣній представляетъ движеніе въ пользу германскаго единства, обнаружившееся во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ со времени войны. Опасность, которая, по мнѣнію нѣмцевъ, грозила имъ со стороны Франціи, пробудила въ апатической массѣ мысль о томъ, какъ беззащитна Германія при своей раздробленности; распри между разными нѣмецкими правительствами, не прекращавшіяся и въ то время, когда почти всѣ ожидали нападенія иностранцевъ, заставила массу живо почувствовать вредъ, приносимый общимъ выгодамъ и потребностямъ націи мелкими соперничествами разныхъ ея государствъ; унизительная снисходительность, съ какою полуофициальныя французскія газеты увѣряли нѣмцевъ, что императоръ французъ хочетъ быть не врагомъ, а милостивымъ покровителемъ Германіи, напомнила массѣ о томъ, какое жалкое положеніе занимаетъ великая нѣмецкая нація среди другихъ народовъ, по своей разрозненности между множествомъ правительствъ. Пользуясь этими впечатлѣніями, умѣренная либеральная партія возобновила свои требованія, чтобы устройство нѣмецкаго союза было преобразовано для приданія единства нѣмецкому народу. Въмѣстѣ съ требованіемъ большаго единства возникло и неразрывно соединенное съ нимъ въ Германіи требованіе болѣе политической свободы. Палаты нѣкоторыхъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ приняли адреса, которыми просили свои правительства позаботиться о достиженіи такого результата. Начали составляться разные собранія политическихъ людей для представленія или частнымъ правительствамъ, или Франкфуртскому сейму адресовъ въ томъ же смыслѣ. Многіе города,

черезъ своихъ муниципальныхъ правителей, выразили такое же желаніе. Если бы мы захотѣли перечислять всѣ эти адреса, собранія и просьбы, списокъ вышелъ бы чрезвычайно длинный; если бы мы вздумали выбирать изъ адресовъ и просьбъ всѣ черты патріотизма и либерализма, очеркъ національнаго движенія въ Германіи составилъ бы очень краснорѣчивый. Но въ чемъ же состоитъ сущность дѣла, и можно ли ожидать какихъ нибудь результатовъ отъ этого движенія? Нѣмецкіе патріоты и либералы, подававшіе адреса и требованія, всѣ свои надежды возлагаютъ на патріотизмъ и мудрость нѣмецкихъ правительствъ, особенно прусскаго. Прекрасно. Спрашивается только, могутъ ли нѣмецкія правительства добровольно взяться за исполненіе желанія нѣмецкихъ патріотовъ? Единство Германіи — это значитъ, что правительства второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ должны отказаться отъ своей самостоятельности, — но кому же охота добровольно уменьшать свою власть, добровольно жертвовать своими правами? Итакъ, ни Баварское, ни Саксонское, ни Ганноверское, ни какое другое изъ второстепенныхъ нѣмецкихъ правительствъ не можетъ желать единства Германіи. А если такъ, можно ли ожидать, чтобы прусское правительство принялось за осуществленіе такого дѣла? Неужели оно можетъ для удовлетворенія либераловъ начать смертельную вражду съ другими нѣмецкими правительствами, которыя основаны на тѣхъ же самыхъ принципахъ, какъ и оно? Революціонныя средства не могутъ быть приняты консервативнымъ правительствомъ, а единство Германіи, при верасположеніи къ нему всѣхъ второстепенныхъ правительствъ, не можетъ быть осуществлено иначе, какъ революціонными средствами. Стало быть, напрасно и думать, чтобы прусское правительство взялось за дѣло, противное всѣмъ его принципамъ. Но, говорятъ, для прусскаго правительства это дѣло выгодно, потому что обѣщаетъ ему чрезвычайное увеличеніе могущества. Теперь Пруссія располагаетъ только собственными силами, — силами 17,000,000 своихъ подданныхъ; по превращеніи Германіи въ одно государство, Пруссія располагала бы силами по крайней мѣрѣ 35,000,000 нѣмецкаго населенія, и, занимая центральное положеніе въ Европѣ, стала бы сильнѣйшимъ государствомъ западнаго материка. Правда, перспектива эта была бы очень соблазнительна, если бы, соединивъ Германію въ одно государство, прусское правительство могло надѣяться быть къ нему точно въ такомъ же отношеніи, какъ теперь находится къ населенію своихъ областей. Извѣстно, что конституціонная форма правленія въ Пруссіи остается пока еще только формою, не имѣющею дѣйствительнаго значенія. Но почти всѣ земли западной Германіи уже привыкли къ свобод-

нымъ учрежденіямъ; если бы ихъ представители вошли въ парламентъ, съ которымъ имѣеть дѣло прусское министерство, они внесли бы въ парламентъ истинно-конституціонный духъ, нынѣ еще неизвѣстный большинству прусскихъ депутатовъ. Нынѣшнее полномостіе прусскаго правительства исчезло бы. Что же за радость ему жертвовать своими правами, добровольно снисходить на степень какого нибудь англійскаго п; авительства? Лучше управлять небольшою державою, но чувствовать себя въ ней полнымъ господиномъ, нежели называться главою великаго государства, но зависѣть отъ парламента, зависѣть отъ журналистовъ, адвокатовъ, учителей, купцовъ и тому подобной «сволочи». Кто захочетъ добровольно промѣнять положеніе господина на положеніе слуги? Таковъ простой взглядъ на вопросъ о нѣмецкомъ единствѣ; скажите же, какого успѣха могутъ ожидать люди, обращающіеся теперь къ нѣмецкимъ правительствамъ съ просьбою, столь странною? По нашему мнѣнію, пока движеніе въ пользу нѣмецкаго единства будетъ сохранять свой нынѣшній характеръ, оно останется не болѣе, какъ патріотически-либеральнымъ пустословіемъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Три дня въ деревнѣ подѣ Петербургомъ. (Разсказъ съ нѣкоторою претензією на поэзію и художественность). — Царскосельская же ѣзная дорога и по ея поводу нѣсколько вопросовъ. — Гаспорядитель одной желѣзной дороги въ *западной Европѣ*. — Скачки въ Царскомъ Селѣ и скачка въ Петергофѣ 15-го августа. — Справочная коптора для рабочихъ, приходищихъ въ Петербургъ. — Банковое и торговое общество въ Санктпетербургѣ. — О наемныхъ экипажахъ. — Замѣтки для біографіи академика Федотова и письмо его. — Записки Григоровича въ «Морскомъ Сборникѣ». — «Журналъ Министерства Юстиціи» — первая двѣ книжки. — О продолженіи изданія Шиллера. — 8 и 9 сентября.

Желтый листь хруститъ подѣ ногами; свѣжій воздухъ пропитанъ благоуханіемъ увядающихъ листьевъ. Хлѣбъ уже давно убранъ съ полей; на серенькомъ небѣ тянется длинная вереница дикихъ утокъ, въ ранныхъ сумеркахъ.... Окрестности петербургскія опустѣли....

Осень имѣетъ у насъ на сѣверѣ неотразимую прелесть. Не даромъ съ такою любовью отзывались объ ней наши лучшіе поэты. Есть что-то грустно-поэтическое въ этомъ быстромъ увяданіи бѣдной природы, такъ не на долго воскресающей: дни ея уже сочтены и передъ минутой разставанья привязываешься къ ней еще сильнѣе.

Вотъ почему мнѣ всегда непріятно раннее возвращеніе въ городъ.... Что мнѣ за дѣло до того, что нынѣшній сезонъ, какъ говорятъ, начинается ранѣе обыкновеннаго, что всѣ вновь ангажированныя пѣвицы уже въ Петербургѣ и поютъ, что на петербургскихъ

улицахъ шумъ, движеніе и трескъ экипажей, что весь Петербургъ въ лѣсахъ и имѣетъ предпраздничный видъ?...

Для насъ—людей, прожившихъ почти полвѣка — всякій внѣшній блескъ, всякія торжества, всякія увлеченія давно уже утратили свою заманчивость. Мы столько увлекались въ теченіе нашей жизни и столько разочаровывались потомъ, что теперь чувствуемъ себя уже рѣшительно неспособными къ увлеченіямъ.... Шумъ и безтолковое движеніе толпы тяготятъ насъ; празднества и парады утомляютъ, и слабѣющіе глаза наши уже не легко переносятъ ослѣпительный блескъ торжественныхъ огней.

Именно въ минуты этихъ волнонй праздничнаго шума и блеска, болѣе чѣмъ когда нибудь, тянетъ въ уединеніе, и ощущается непреодолимая потребность тишины и спокойствія.

Въ эти минуты всегда съ мучительною завистію представляется мнѣ какой нибудь отдаленный, мирный уголокъ въ центрѣ Россіи: печальная и почернѣвшая деревенька на скатѣ горы; небольшая, извивающаяся рѣчка внизу, съ плотиною, широкимъ прудомъ и мельницею; проселочная дорога, поднимающаяся вверхъ за деревнею между желтыми щетинистыми нивами и исчезающая въ кустарникъ съ разноцвѣтными листьями; уютный домикъ подъ горою, у рѣчки, — въ сторонѣ отъ деревни, и густая куща деревьевъ, то есть полузаглохшій садъ кругомъ его; песчаный полуостровокъ вблизи дома, покрытый гусиными и утиными перышками и искрещенный ихъ лапками.... Благодатная тишина окрестъ, прерываемая въ теченіе дня различными звуками: мычаніемъ коровъ, бляніемъ стадъ, гусинымъ крикомъ, заунывною пѣснію мужика, скрипомъ телѣги, да лаемъ собакъ по ночамъ.

Я страстно люблю, послѣ деревенской прогулки, ранніе осенніе сумерки, простую деревенскую диванную, огонекъ въ печи, арбузъ на столѣ, блюдечки съ вареньемъ, тихую, разумную бѣсѣду съ близкимъ челоуѣкомъ и хорошую сигару.

Счастливъ, кто пользуется этою идилліею въ сію минуту и ощущаетъ неизъяснимое наслажденіе при мысли, что онъ далеко отъ городского шума и гама, что отъ его захолустья далеки желѣзныя и столбовыя дороги, что въ это захолустье можно попасть только проселкомъ и то только тому, кто наизусть знаетъ окрестныя мѣста, и что его тишину, его спокойствіе никто не нарушитъ!...

Судьба не дала мнѣ этого счастья, а обстоятельства какъ-то такъ безтолково спутались, что я сижу безвыѣздно въ Петербургѣ.

Петербургъ, говоря правду, надоѣлъ мнѣ смертельно, а я еще вижу замѣтки о петербургской жизни.... Приятное положеніе!

На дняхъ (въ концѣ августа) на одномъ изъ загородныхъ гуляній, на самомъ печальнѣйшемъ изъ гуляній, гдѣ не говорятъ и не курятъ, а только медленно и туно прехаживаются, подъ громкіе звуки двухъ музыкъ.... Я не скажу какое это гулянье.... Петербургскіе жители и безъ того догадуются.... На этомъ гуляньи встрѣтилъ я моего стараго пріятеля; съ которымъ я не встрѣчался по крайней мѣрѣ лѣтъ пятнадцать.

Пятнадцать лѣтъ!

Онъ былъ нѣкогда недурепъ собой, строень, тонокъ, имѣлъ благородныя порыванія и стремленія впередъ, любознательность, сочувствіе ко всѣмъ людямъ хорошимъ и прекрасное доброе сердце.

Все это дѣлало его весьма замѣчательнымъ между тогдашнею лучшею молодежью....

Вся симпатическая фигура его живо сохранялась въ моей памяти, и я часто съ любовью воспоминалъ о немъ.

Въ теченіе этихъ пятнадцати лѣтъ онъ велъ жизнь совершенно кочующую за границей и внутри Россіи, пріѣзжалъ въ Петербургъ на короткое время, и хотя заѣзжалъ ко мнѣ, но такъ случилось что никогда не заставлялъ меня дома и мнѣ въ пятнадцать лѣтъ ни разу не случилось видѣть его....

Надобно замѣтить, что въ это время онъ женился и разбогатѣлъ чрезмѣрно.... только не собственнымъ умѣньемъ и дѣятельностію, а приданымъ жены и почти неожиданнымъ наслѣдствомъ послѣ двухъ дядей-холостяковъ....

Послѣ объятій, я оглядѣлъ его съ ногъ до головы.

Да! Въ пятнадцать лѣтъ много воды утекло!

На лбу — лысина, на вискахъ — сѣдина. тучное туловище, заплывшее лицо, нѣсколько сонныя апатическіе глаза, въ которыхъ однако же свѣтятся прежнее радушіе, прежняя доброта.

Отчего же эта апатія? Онъ былъ въ постоянномъ движеніи, хотя можетъ быть и внѣшнемъ, но все-таки въ движеніи... Передъ глазами его безпрестанно смѣнялись, какъ въ понорамѣ новыя зданія, новыя мѣстности, новыя лица, новыя обычаи и нравы.... Не можетъ быть, чтобы все это не давало пищи его мысли, не заставляло работать его голову, особенно при той любознательности, которую онъ имѣлъ нѣкогда.

Что онъ пережилъ въ эти пятнадцать лѣтъ? Какіе результаты извлекъ изъ всѣхъ своихъ странствованій? Что успѣлъ выработать изъ себя?

Все это было для меня чрезвычайно любопытно, хотя тучность, отеки и апатія смущали и пугали меня.

Т. LXXVII. Отд. III.

14

Съ неописаннымъ радушіемъ онъ прижалъ меня къ груди, крѣпко, крѣпко сжалъ мою руку и съ нѣжностію называлъ меня уменьшительнымъ именемъ, которымъ называлъ онъ меня нѣкогда, хотя это имя уже теперь не совсемъ шло ко мнѣ....

Первыя минуты мы закидали другъ друга вопросами....

— Знаешь ли ты, сказалъ онъ мнѣ послѣ всего: — что я теперь переселялся къ вамъ въ Петербургъ навсегда?... Я купилъ домъ и отдѣлываю его, а теперь живу въ деревнѣ въ пятнадцати верстахъ отсюда.... Приѣзжай ко мнѣ, милый другъ, на нѣсколько дней, я прошу тебя.... Ты у меня пайдешь многихъ нашихъ общихъ знакомыхъ, и мы проведемъ время пріятно, вспоминая старое.... Ну, а постарѣли мы съ тобою порядочно, братъ! прибавилъ онъ со вздохомъ и съ улыбкою, въ свою очередь оглядывая меня.

Затѣмъ онъ мнѣ далъ подробное наставленіе, какъ доѣхать до его Пріютипа, бывшее имѣніе графини П., которое всѣ извозчики знаютъ наизусть и до котораго они довезутъ тебя охотно.

— Итакъ я надѣюсь на тебя и жду тебя?

Я обѣщаль приѣхать.

Мы снова крѣпко пожали другъ другу руки.

«Въ деревню и осенью!» подумалъ я.... Мои идиллическія фантазіи осуществляются!

Но эта деревня только въ пятнадцати верстахъ отъ одного изъ самыхъ блестящихъ загородныхъ мѣстъ, слѣдовательно, только въ сорока верстахъ отъ Петербурга! Притомъ чухонская деревня.... Штъ! это не то....

Черезъ недѣлю послѣ этой встрѣчи я былъ однако уже въ деревнѣ моего пріятеля.

Большой каменный двухъ этажный домъ на горѣ съ бельведеромъ и гордо развѣвающимся надъ нимъ флагомъ, нѣсколько поодаль флигель, а далѣе каменная церковь — и все это окружено садами и парками. Оврагъ очень живописно раздѣляетъ барскую резиденцію отъ самой деревни. Деревня по другую сторону оврага представляетъ разительный контрастъ съ барскими каменными палатами: законченныя и почернѣвшія избы, крытыя соломой, покочнувшіяся, вросшія въ землю, полуразрушенныя.

Вотъ что мнѣ бросилось въ глаза съ перваго взгляда.

Владѣтель встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и представилъ своей супругѣ.

Супругъ — лѣтъ тридцать съ небольшимъ. Она полна, мало-разговорчива, въ сѣрыхъ глазахъ ея какое-то сонное выраженіе. Она очень богатая купеческая дочка, превратившаяся въ барыню.

У пріятеля моего я нашелъ много нашихъ общихъ знакомыхъ, старыхъ друзей и пріятелей, умнѣйшихъ и либеральныхъ людей. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я не видался давно и очень обрадовался имъ.

Мы общинались, пріятно улыбались, жали руки и изъясляли другъ другу знаки всевозможнаго удовольствія—и послѣ всего этого, по приглашенію хозяйина дома, отправились завтракать.

Былъ часъ пополудни.

Въ большой столовой съ паркетнымъ поломъ, свѣтъ въ которую падалъ сверху, накрытъ былъ длинный столъ, уставленный всевозможными закусками и водками, какъ будто столъ этотъ былъ перенесенъ изъ англійскаго клуба, по мѣткому замѣчанію одного нашего пріятеля, либерала и великаго гастронома, съ прелестными манерами и великолѣпною грудью.

Мы принялись завтракать очень усердно. Хозяинъ дома подавалъ намъ приѣбрь. Разговоръ не могъ быть слишкомъ одушевленнымъ, потому что уста заняты были жеваньемъ. Послѣ завтрака всѣ нѣсколько отяжелѣли и осоловѣли....

Хозяинъ предложилъ намъ сигары и закурилъ самъ, не упустивъ случая замѣтить, что это очень дорогія и рѣдкія сигары, которыя онъ выписываетъ черезъ одну иностранную контору, и что въ Петербургѣ только у двухъ лицъ можно найти такія — онъ назвалъ двухъ значительныхъ лицъ.

Затѣмъ онъ повелъ насъ показывать свой великолѣпный домъ съ расписанными боскетами, съ комнатами отдѣланными подъ мраморъ, со всѣми старинными барскими затѣями и съ роскошью уже значительно полинявшею и обветшавшею.

Онъ останавливался передъ различными вещами—передъ столовыми часами въ гостиной, передъ люстрой, передъ фигурами *vieux Saix* и рассказывалъ мнѣ исторію этихъ вещей. Часы, по его словамъ, принадлежали нѣкогда Людовику XVI и стояли въ его кабинетѣ, саксонскія куклы были собственностью Маріи-Антуанеты и стояли въ ея будуарѣ, люстра тоже принадлежала какому-то царственному лицу. Передавая намъ все это, онъ улыбался съ самодовольствіемъ и, пріятно покачивая головою, восклицалъ:

— Вотъ суета-то мірская! Кто бы могъ подумать, что я буду обладателемъ такихъ рѣдкостей?

И потомъ, онъ съ чувствомъ взглядывалъ на меня и на другихъ, жалъ намъ руки и повторялъ:

— Ахъ, вы не повѣрите какъ мнѣ пріятно видѣть васъ въ моемъ Пріютинѣ! Я вамъ, господа, покажу всѣ мои владѣнія.... оранжереи, сады, парки.... Это стоитъ того. Вы увидите какой парк!

Послѣ осмотра дома и заключавшихся въ немъ драгоценностей, намъ подали линейку....

Передъ домою круглая лужайка, подстриженная аллея изъ акацій ведетъ направо къ церковной наперти, а налево такая же къ каменному павильону. У подъѣзда стоять четыре кадки, по-двѣ съ каждой стороны, съ померанцовыми палками, на которыхъ висить нѣсколько листочковъ.

Мы сѣли въ линейку. Пріятель мой посадилъ меня рядомъ съ собою и закричалъ кучеру.

— Въ Бель-вио!

Извѣстно, что безъ Бель-вио необходимо ни одна старинная мыза.

Мы ѣхали минутъ десять отличнымъ англійскимъ паркомъ, сохранившимся съ удивительною чистотою, и наконецъ начали спускаться въ оврагъ. Вправо на верху, на самой окраинѣ горы, среди лѣса видѣлся деревянный павильонъ....

— Я догадался, что это Бель-вио. Мы поднялись къ нему и остановились у дорожки, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него....

— Посмотрите, господа, посмотрите, что я вамъ покажу! произнесъ владѣтель Пріютина, сходя съ линейки.... Физиономія его приняла видъ торжественный, онъ схватилъ меня за руку и повлекъ за собою....

Когда мы вошли въ павильонъ (павильонъ этотъ стеклянный, въ видѣ ротонды, со стульями и круглымъ столомъ въ серединѣ), онъ на минуту остановился, выпустилъ мою руку, отворилъ стеклянную дверь, выходящую на оврагъ, снова схватилъ мою руку, вытащилъ меня на дорожку передъ павильонъ и произнесъ, обращаясь ко всѣмъ намъ :

— Regardez, messieurs....

И разведя рукою въ обѣ стороны, прибавилъ, пристально смотря намъ въ глаза:

— Ну что.... каковъ?

Видъ отсюда былъ дѣйствительно превосходный.... Влево, какъ на ладони — церковь, помѣщичій дворецъ, павильоны и сады, окружавшіе его, съ оранжереями, цвѣтами, гротами, искусственными развалинами, каскадами; вправо длинный рядъ полусгнившихъ и почернѣвшихъ избъ, крытыхъ соломой, грязь, нищета и разрушеніе.... Прямо — безконечныя болота и лѣса, сливавшіеся въ снѣжную полосу на горизонтѣ....

— «Comme c'est beau! Mais c'est magnifique!»... воскликнулъ нашъ пріятель, съ прелестными манерами и великолѣбною грудью.

— Ахъ какой видъ! это чудо! посыпалось со всѣхъ сторонъ.

Лицо хозяина дома просіяло безконечнымъ удовольствіемъ.... На глазахъ у него почти выступили слезы, которыя, какъ я убѣдился впоследствии, у него всегда выступали, когда онъ ощущалъ какое нибудь удовольствіе.

Въ эту минуту блаженство, порождаемое чувствомъ такой собственности и гордость, сопряженная съ этимъ чувствомъ озарили его лицо.

Онъ положилъ мнѣ руку на плечо, какъ власть имѣющей и, глядя мнѣ прямо въ глаза, произнесъ:

— Ну а ты что же молчишь?... Каковѣ? Не правда ли царственное мѣсто?

— Чудо! отвѣчалъ я—только въ этой картинѣ есть пятно, которое мѣшаетъ всему.

— Какъ? что такое? спросилъ онъ съ безпокойствомъ, бросивъ бѣглый взглядъ кругомъ.... А! я догадываюсь.... Вонъ эти искусственныя развалины въ паркѣ не на мѣстѣ. Онѣ должны быть отнесены лѣвѣе.... немного лѣвѣе, не правда ли? тогда это будетъ гораздо эффектиѣе. Я ужь думалъ объ этомъ.

— Нѣтъ, не то, отвѣчалъ я улыбаясь: — я хочу сказать вонъ объ этихъ натуральныхъ развалинахъ.

И указалъ на деревню.

Пріятель мой немного наморщился....

— Что дѣлать? сказалъ онъ сухо.... я вѣдь купилъ это имѣніе недавно.... я все это современемъ хотѣлъ снести, устроить настоящую слободу и заставить этихъ скотовъ жить почеловѣчески.... Чухонцы—вѣдь это чертъ знаетъ что такое! Вѣдь они и на людей не похожи. Это не то, что нашъ умный, добрый, великороссійскій мужичекъ! Полевой прекрасно ихъ называетъ въ своей исторіи *волчцами* и *терніями* челоуѣчества....

— А кто обрабатываетъ твои сады и парки? перебилъ я его.

— Я изворачиваюсь собственными средствами, хоть мнѣ это стоитъ порядочно. Я съ этого имѣнія ничего почти не получаю.

— То есть твои же волчцы и терніи?

— Ну да.

— Стало быть и они на что нибудь да годны. Твои сады и парки содержатся съ такимъ великолѣніемъ и чистотою.

Владѣлецъ при этой послѣдней фразѣ улыбнулся пріятно, однако прибавилъ:

— Но это потому, что у меня управляющій отличный и дѣятельный челоуѣкъ; надъ этими канальями надо непремѣнно глаза и глаза, надъ ними надо стоять съ палкой, или съ плетью, иначе ничего не выйдетъ....

— А ты, кажется, не терпѣлъ прежде ни палки, ни плети? замѣтилъ я.

— И теперь не терплю, вскрикнулъ онъ съ нѣкоторою горячностью.... До нашего русскаго мужичка я пальцемъ, братецъ, не дойду, потому что это человѣкъ.... а эти.... Да смотрите, господа, видѣть-то, видѣть-то какой! Эготъ видѣть мнѣ всегда напоминаетъ стихи Фета:

Гляжу. У ногъ моихъ отвѣсною стѣной
Мнѣ сосенъ кажутся недвижныя вершины
И горная тропа, размытая водой,
Віясъ, какъ жолтый змѣй, бѣжить на дно долины...

Онъ продекламировалъ эти стихи мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ, склонилъ голову на сторону и задумался на минуту.

Налюбовавшись видомъ и объѣхавъ паркъ, мы вышли у оранжерей, осмотрѣли оранжереи и обошли садъ съ фонтанчиками, гротами, статуями, вазами, каскадами и другими барскими затѣями. Всѣ были въ восхищеніи отъ этого сада, въ которомъ не было соринки и который представлялъ такой видъ, будто бы по приказанію барина былъ вылизанъ его крестьянами.

Восхищаясь вмѣстѣ съ другими, я чувствовалъ себя однако не совсемъ свободнымъ въ этомъ удивительномъ саду: дорожки были разметены такими узорами, что на нихъ жалко было ступить, чтобъ не нарушить гармонію узора, травка была такъ подчищена, что совѣстно было бросить на лугъ окурокъ сигарки.... И всѣ эти фонтанчики, клумбочки, вазочки такъ были хитро разбросаны, все такъ отзывалось искусственностію, что совершенно уже походило на декорацию и оттого казалось какъ-то мертво.

Я замѣтилъ это одному изъ гостей, — который въ дни своей юности всѣхъ насъ либераловъ ужасалъ своими слишкомъ смѣлыми идеями и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ для насъ образцомъ утонченной великосвѣтскости....

— Нѣтъ! я съ вами не согласенъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, подернувъ немного головою.... Я, батюшка, не люблю вашей голой, мужицкой, растрепанной природы. Я нахожу, что это прелесть! Искусство необходимо должно облагораживать и украшать немножко природу, чтó бы тамъ ни толковали.... Я классикъ. Что дѣлать? Moi je trouve que c'est beau!... Не улыбайтесь иронически..... Богатство—хорошая вещь. Согласитесь сами.

— Еще-бы! подумалъ я.

— Знаете, одно только здѣсь нарушаетъ гармонію, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ: — необходимо, чтобы хозяйнѣ и хозяйка до-

ма соотвѣтствовали всей этой обстановкѣ, а они на ней точно какъ пятно. Вы согласитесь, что хоть они и друзья наши, но довольно неприличны?...

Загѣмъ онъ одушевился и началъ фантазировать. Онъ хотѣлъ населить эти сады, эти парки, эти аллеи самыми утонченными великосвѣтскими женщинами, блестящими остроуміемъ и красотою, законодательницами вкуса, достойными салоновъ г-жъ Рамбулье, Тансень, Жофрень, Лафайеть и проч.

— Но откуда же взять намъ кавалеровъ для такихъ дамъ? возразилъ я, — вѣдь мы съ вами непохожи на Вуатюровъ, Фонтенелей, Монтеस्कѣ, Эльвеціусовъ, и пр.

— Отчего? перебилъ онъ меня отрывисто:—развѣ мы глупѣе ихъ?... Вы это думаете?... А я этого не думаю....

— А знаете, господа, закричалъ въ эту минуту хозяинъ (мы уже были у самаго крыльца дома): — я съ удовольствіемъ начинаю помышлять объ обѣдѣ, не знаю какъ вы.... У меня отъ нашей поѣздки и прогулки аппетитъ очень возбуждился....

— Да, ужь 5 часовъ, замѣтилъ нашъ пріятель, съ прелестными манерами и великолѣпною грудью, сверкнувъ глазомъ и глядя рукою свою великолѣпную грудь.... Что касается до меня я приступлю къ этому занятію не безъ удовольствія....

— Въ самомъ дѣлѣ? произнесъ нашъ добрый хозяинъ, съ умиліемъ взглянувъ на него и съ чувствомъ потрепавъ его по плечу.

— А знаешь ли, милый другъ, произнесъ онъ, чмокнувъ, проглотивъ слюну и облизывая губы:—знаешь ли, что у насъ сегодня будетъ между прочимъ?...

Лицо нашего пріятеля, съ прелестными манерами и великолѣпною грудью, вдругъ просвѣтлѣло и какъ бы залоснилось....

— Что? Что такое? вскрикнулъ онъ съ восторгомъ.

Добрѣйшій ампітріонъ наклонился къ плечу его съ нѣжностію и произнесъ почти замирающимъ отъ предстоящаго наслажденія голосомъ:

— Трюфели à la serviette!

При этомъ нашъ пріятель, съ прелестными манерами и великолѣпною грудью, сжалъ хозяина дома въ своихъ объятіяхъ, и чмокнувъ его въ губы, отступилъ отъ него на шагъ, положилъ ему обѣ руки на плечи, взглянулъ на него съ умиліемъ благодарности и, обратившись ко всѣмъ намъ, произнесъ:

— Господа! этотъ человекъ умѣетъ жить. Да! онъ умѣетъ жить!

Столъ былъ сервированъ превосходно, лакеи были въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, такъ что самъ господинъ, ужасавшій

насъ въ дни юности своей либерализмомъ и служившій для насъ образцомъ великосвѣтскости, сказалъ:

— Надо однако сознаться, что у этого господина устроено все довольно прилично. Я могъ бы даже совѣмъ примириться съ нимъ, если бы только онъ заперъ, куда мы здѣсь, куда нибудь — хоть на кухню свою жену, потому что она рѣшительно нарушаетъ гармонию.

Обѣдъ оказался безукоризненнымъ, вина утонченными, всѣ кушали какъ голодные, въ особенности пріятель нашъ, съ прелестными манерами и великолѣпною грудью. Онъ послѣ многихъ блюдъ обращался къ хозяину съ энергическимъ жестомъ, или прикладывалъ пять пальцевъ къ губамъ и произносилъ:

— Превосходно, душа моя! Твой поваръ — артистъ!... артистъ! удивительно!

Когда широкіе и круглые бокалы изъ розоваго стекла зашипѣли шампанскимъ, — пріятель нашъ съ прелестными манерами и великолѣбною грудью вскочилъ, поднялъ бокалъ и произнесъ, глядя на всѣхъ насъ съ особенною торжественностію:

— Господа! Я предлагаю вамъ тостъ и вполне убѣжденъ, что тостъ этотъ будетъ принятъ вами съ горячимъ и искреннимъ сочувствіемъ. Это тостъ за нашего милаго, добраго, радушнаго стараго товарища и друга, угощающаго насъ такими превосходными обѣдами, но главное — среди довольства и роскоши не забывающаго бѣдныхъ друзей своихъ, и сохраняющаго къ нимъ тѣже теплыя чувства, которыя соединяли насъ нѣкогда! Ура!...

И при громѣ ура! ораторъ бросился на другую сторону стола и началъ обнимать и прижимать къ груди своей хозяина дома, у котораго уже вѣки увлажились слезою.

Всѣ при этомъ кричали и били ножами о столъ, за исключеніемъ нашего друга, ужасавшаго насъ либерализмомъ и служившаго для насъ образцомъ великосвѣтскости. Онъ одинъ не кричалъ, не стучалъ, а проницески улыбаясь замѣтилъ, во-первыхъ: что розовые бокалы — хамство, а во-вторыхъ, что бѣсноваться, кричать и лѣстить за трофели, ананасы и персики.... — послѣдняя степень дурнаго тона. Въ заключеніе онъ прибавилъ улыбаясь:

— А сознайтесь, что наши пріатели не могутъ похвастаться слышкомъ хорошимъ тономъ?

Послѣ обѣда всѣ расположились на покойныхъ диванахъ на балконѣ, съ котораго видъ былъ безконечный, не занимавшій впрочемъ никого; на столѣ поставили кофе и ликеры....

Огонь въ глазахъ потухъ у всѣхъ, всѣ тяжело задышали и лѣниво подносили къ губамъ рюмки съ ликеромъ, или прихлебывали кофею; у самого хозяина дома одна вѣка опустилась, а другою онъ чуть какъ

то моргалъ; разговоръ не завязывался, только вырывались изрѣдка отдѣльные слова или восклицанія; наконецъ все погрузилось въ мертвое молчаніе, которое вдругъ прервалось всхрипываньемъ.

Ни одинъ листокъ не шевелился на деревѣ; было душно какъ въ юнѣ (послѣ половины августа въ Петербургѣ были дѣйствительно совершенно лѣтнія жары и грозы); солнце, выглянувъ изъ легкихъ облаковъ передъ минутою заката, окрасило ихъ розовымъ цвѣтомъ. Густой паръ поднимался внизу подъ горою.... Лягушка остановилась на половинѣ дорожки и заивакала....

А на балконѣ раздавалось сопѣнье, всхрипыванье и тяжелое дыханье.

Наконецъ господинъ, ужасавшій насъ нѣкогда либерализмомъ и служившій для насъ образцомъ хорошаго тона, первый пріятно потянулся, зѣвнулъ во все горло и произнесъ вопросительно:

— А мы, кажется, заснули?

Затѣмъ всѣ очнулись не вдругъ, но постепенно, и хозяинъ дома приказалъ подать различныхъ водичъ и шипучекъ.

Нашъ пріятель съ прелестными манерами и великолѣпною грудью привѣтствовалъ его при этомъ крикъ улыбною сочувствіемъ и, можетъ быть, произнесъ бы по этому случаю новый благодарственный спичъ (страсть къ спичамъ у него была непреодолимая), но послѣ сна нервы его еще были въ оупѣніи и вѣски невольно опускались, какъ онъ имъ тарачилъ глаза.

Когда водянки и шипучки: яблочная, смородиновая, клубничная, морожковая и т. д. были выставлены на столѣ, — всѣ вдругъ оживились, вскочили съ своихъ мѣстъ и бросились къ столу съ выраженіемъ такой жадности, которую можетъ ощущать только утомянный и измученный охотникъ, при видѣ чистаго ручья.

Нашъ пріятель съ прелестными манерами и великолѣпною грудью выпилъ залпомъ три стакана различныхъ шипучекъ, чмокнулъ, погладилъ свою грудь и произнесъ съ торжественностію:

— Не правда ли, господа, что всѣ водянки и шипучки нашего англійскаго клуба передъ этимъ — дрянны!

И прибавилъ глубокомысленно, послѣ минуты размышленія: —

— Эти могутъ развѣ только сравниться съ водянками московскаго англійскаго клуба.

Всѣ единогласно признали справедливость этого замѣчанія, а онъ добавилъ съ нѣжностію, встрепавъ козына по ляжкѣ:

— Вотъ что значитъ, повторю я, умѣть жить!...

Балконъ освѣтился лампами; всѣ утолили свою жажду вѣсколько успокоились и закурили сигары и папирсы.

Нѣкоторые изъ гостей сѣли за карты, а остальные *esprits fort*, либералы изъ либераловъ, занялись разговорами о высокому и прекрасному, о политикѣ и литературѣ.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ хозяинъ дома, и нашъ пріятель съ прелестными манерами, горячо сочувствовавшій всему прекрасному и всегда съ напряженнымъ вниманіемъ слушавшій всѣ умные разговоры.

Хозяинъ дома, послѣ окончанія пищеваренія, почувствовалъ потребность погрузиться въ сладостный поэтическій экстазъ. Облокотясь на перилы балкона, онъ смотрѣлъ въ садъ, весь погруженный во мракъ и потонувшій въ теплыхъ ночныхъ парахъ, повторяя:

— Какая ночь! Какая ночь!

На горизонтѣ начинали вспыхивать зарницы и онъ лепеталъ стихи Тютчева:

И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало...

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзались порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣнцы
Загорались надъ землею....

По этому поводу зашла рѣчь о Фетѣ и Тютчевѣ, о томъ какъ они тонко подмѣчаютъ явленія природы и какъ художественно передаютъ ихъ. Новаго, впрочемъ, ничего не было сказано, говорилось только то, о чемъ тысячу разъ повторяли журналы.

Нашъ пріятель съ великолѣбною грудью восклицалъ:

— Да, Фетъ удивительный, великій поэтъ!

Только одинъ господинъ, ужасавшій насъ своимъ либерализмомъ и прочее, иронически улыбался, слушая это, и замѣтилъ:

— Однако надо сознаться, господа, что вы порите порядочную дребедень и восхищаетесь Богъ знаетъ какой чепухой!

Это восклицаніе привело особенно въ раздраженіе хозяина дома и одного изъ гостей — приверженца искусства для искусства, постоянно считавшагося между нами тонкимъ и глубокимъ критикомъ, надѣленнымъ въ высшей степени эстетическимъ чувствомъ.

Господинъ, надѣленный въ высшей степени этимъ чувствомъ, склонился ко мнѣ и произнесъ, взглянувъ ожесточенно на нашего друга, служившаго для насъ образцомъ великодушности:

— Этому господину ужъ лучше бы молчать, гораздо бы лучше! Вѣдь онъ ничего не понимаетъ въ дѣлѣ изящнаго, ровно ничего....

Для него искусства не существуютъ, въ этомъ онъ совершенный невѣжда. Ему надо бы разтолковать это. Нельзя же соваться говорить о томъ, чего не смыслишь.

Поклонники искусства для искусства, къ которымъ принадлежалъ и нашъ достойный амфитріонъ, горячо вступились за любимыхъ ими поэтовъ и отзывались съ большимъ ожесточеніемъ о тѣхъ критикахъ, которые, при отсутствіи всякаго чувства изящнаго, хотятъ употребить искусство на служеніе современнымъ, насущнымъ и переходящимъ интересамъ.

Господинъ, надѣленный въ высшей степени эстетическимъ чувствомъ, назвалъ такого рода критиковъ грубыми, пошлыми, обиденными натурами, а ихъ сочувствіе къ страдающимъ низшимъ братьямъ нашимъ — пустыми фразами, надъ которыми смѣются давнымъ-давно всѣ высшіе умы въ Европѣ.

Отъ этихъ высшихъ умовъ, разговоръ принялъ совершенно другой оборотъ и склонился къ политикѣ.

Наполеонъ, Виллафранкскій миръ, статья г. Павлова въ «Русскомъ Вѣстникѣ», Итальянскій вопросъ—сдѣлались предметомъ разсужденій; причѣмъ господинъ ужасавшій насъ пѣкогда своимъ крайнимъ либерализмомъ одушевился и принялъ живое участіе въ этихъ разсужденіяхъ.

Всѣ, конечно, горячо сочувствовали судьбамъ Италіи и преимущественно толковали о томъ, что станется съ Пармою, Тосканою и Моденою. Возстановленіе прежнихъ правительствъ, при томъ положеніи, какое приняла жители Пармы, Тосканы и Модены, казалось всѣмъ невозможнымъ....

— Неужели же до этого допустить Англія? неужели же нейтральныя державы не вступятся въ это дѣло и позволяютъ французамъ и австрійцамъ возстановить ненавистныя династіи силою оружія?...

— Нѣтъ, этого быть не можетъ! воскликнулъ вдругъ нашъ пріятель съ прелестными манерами, который всегда болѣе восклицалъ, чѣмъ разсуждалъ:—это будетъ.... это будетъ постыдный для Европы поступокъ!...

И при этомъ остановился, не находя болѣе словъ, и энергически размахнулъ рукою.

Толковали долго, но участь Италіи не порѣшили, а между тѣмъ всѣ видимо уже начинали ослабѣвать отъ столь долгаго напряженія умственныхъ способностей и великодушнаго сочувствія, и очень обрадовались, когда возвѣстили о томъ, что чай готовъ.

Большой столъ, поставленный по срединѣ одной изъ залъ, былъ ярко освѣщенъ и уставленъ различными фруктами, простаквашей, сливками и чайными приборами. Передъ хозяйкою дома дымился

массивный серебряный самоваръ и она занималась приготовленіемъ чая, въ ту минуту, когда мы вошли въ комнату.

Она сочла необходимымъ всѣмъ намъ улыбнуться и сказать нѣсколько словъ по французски.

Нашъ пріятель, съ великолѣпною грудью и прелестными манерами, быстрымъ и пламеннымъ взоромъ окинулъ персики, вишни, сливы, дули, арбузы, сухарики, булки и прочее, неутерпѣлъ, схватилъ одинъ изъ самыхъ большихъ и сочныхъ персиковъ, проглатилъ его, потомъ бросилъ нѣсколько ловкихъ и званѣе обдуманыхъ фразъ хозяйкѣ дома, и любовно потрепалъ хозяина дома, когда тотъ наложилъ ему на тарелку груды различныхъ фруктовъ....

Прекрасные глаза нашего пріятеля съ прелестными манерами разгорѣлись при этомъ и казалось въ эту минуту весь міръ, не исключая даже трехъ итальянскихъ герцогствъ, за которые онъ такъ горячо вступался, сосредоточился для него въ этой тарелкѣ.

Онъ схватилъ золотой десертный ножикъ, засучилъ рукава своего пальто, обнаруживъ снѣжной бѣлизны рубашку съ дорогими запонками, и началъ снимать румяную и пушистую кожуцу съ персиковъ, предавшись этой операціи съ большою граціею и съ невыразимымъ наслажденіемъ.

Отъ чая до ужина время протянулось очень долго; мнѣ показалось, что друзья начинали надоѣдать другъ другу и не находили никакихъ разговоровъ. Они курили, ходили, лежали, сидѣли и зѣвали, вяло поглядывая другъ на друга.

Господинъ, ужасавшій нѣкогда своимъ крайнимъ либерализмомъ и служившій намъ образцомъ хорошаго тона, зѣвалъ громче всѣхъ, не считая нужнымъ скрывать свою тоску и усталость, и поглядывалъ на всѣхъ насъ такъ, какъ бы думалъ:

«Однако всѣ вы прескучные господа и притомъ пресквернаго тона — и церемониться съ вами нечего!»

Въ часъ былъ поданъ ужинъ, который можно было назвать сощрапненнымъ обѣдомъ.

«Неужели опять ѣсть?» подумалъ я... «О Боже мой! какой же надобно имѣть желудокъ, чтобы выдерживать это?... Жевать и глотать почти безъ отдыха въ теченіе цѣлаго дня!»

Господинъ, надѣленный въ высшей степени эстетическимъ чувствомъ, съ нѣкоторой злобой обратился къ хозяйцу и сказалъ ему:

— Ну, ужъ это напрасно-съ! Вѣдь никто ужъ больше ѣсть не будетъ.... Къ чему же это? Вы только напрасно мучите вашихъ людей. Для кого накрывали этотъ великолѣпный столъ?... Для кого? Чтожь вы хотите испортить намъ желудки, вы хотите, чтобы мы занемогли? ..

Даже нашъ гастрономъ, пріятель съ прелестными манерами и великолѣбною грудью, пожалъ плечами и произнесъ:

— Это, братъ, ужъ лишнее!

Однако всѣ сѣли къ столу и къ величайшему своему изумленію господинъ, надѣленный въ высшей степени эстетическимъ чувствомъ, сначала попробовалъ какихъ-то грибовъ, такъ какъ будто нехотя, а потомъ незамѣтно и пошелъ и пошелъ чмокать и пробовать.... И онъ, и нашъ пріятель съ прелестными манерами накупились презрѣдно.

Послѣ ужина всѣ разлеглись въ кабинетѣ хозяйна на мягкихъ диванахъ и закурили....

Кто-то началъ было опять стонать о благородномъ итальянскомъ народѣ, но эти стоны были прерваны весьма любопытнымъ рассказомъ одного изъ присутствовавшихъ—либерала, всю жизнь свою посвятившаго изученію такъ называемыхъ лоретокъ, камелій, мраморныхъ дѣвицъ и т. д.—о томъ, какъ онъ познакомился съ Шарлотой Федоровной и о томъ, что произошло вслѣдствіе этого.

Этотъ господинъ рассказывалъ свои походы живо и не безъ юмора. Всѣ слушали его не только со вниманіемъ, даже съ жадностію, а господинъ, надѣленный въ высшей степени эстетическимъ чувствомъ, смотрѣлъ на рассказчика съ особенною нѣжностію и любовно гладилъ его по плечу.

Надо замѣтить, что самый меньшей по лѣтамъ въ этомъ избранномъ обществѣ, —имѣлъ уже по крайней мѣрѣ сорокъ лѣтъ....

Послѣ этого рассказа о Шарлотѣ разговоръ принялъ уже совершенно эротическій характеръ и продолжался часовъ до трехъ.

Только непреодолимый сонъ, который начинали ощущать всѣ, прервалъ эти милые разговоры и заставилъ разойтись друзей съ самыми пріятными впечатлѣніями.

Господинъ, ужасавшій нѣкогда своимъ крайнимъ либерализмомъ и служившій для насъ образцомъ хорошаго тона, на другой день объявилъ намъ, что онъ окончательно побѣжденъ хозяиномъ дома и что его вполне можно назвать *порядочнымъ* человѣкомъ.

Побѣда эта была одержана тѣмъ, что всѣ мы уложены были въ особые комнаты, со всѣми возможными удобствами: съ туалетными столами, халатами, туфлями, что къ каждому изъ насъ, при нашемъ пробужденіи, явился официантъ съ вопросомъ:

«Что вамъ угодно, чаю или кофею?»

Чай и кофею каждому сервированъ былъ съ безукоризненнымъ изяществомъ, а сервизъ поданный господину — ужасавшему насъ и прочее, былъ настоящій севрскій, какъ онъ объявилъ намъ.

— Господа, замѣтилъ онъ намъ съ пріятною улыбкою: — мы ведемъ здѣсь жизнь совершенно такую, какую ведутъ въ аристократическихкихъ замкахъ.... за границею. Намъ недостаетъ только дамскаго порядочнаго общества и une belle chatelaine.... Вотъ что значить однако Европа-то! Онъ въ Европѣ научился этой утопченной жизни.

«Да въ самомъ дѣлѣ! подумалъ я, — теперь я вижу какіе результаты нашъ добрый амфитріонъ извлекъ изъ своихъ странствованій и что онъ выработалъ изъ себя!...»

Два слѣдующіе дня мы провели почти совершенно такъ же, какъ и первый день, описанный мною такъ подробно: жевали тончайшія яства и глотали драгоценныя напитки безъ усталы, тяжело дышали и дремали, а въ междулѣтствіяхъ немножко разсуждали объ искусствѣ для искусства, немножко о политикѣ, немножко о крестьянскомъ вопросѣ, немножко о другихъ современныхъ вопросахъ, но очень много о Шарлотахъ, Армансахъ, Формозахъ и тому подобныхъ....

Мы почти всѣ рѣшили, что крестьянскій вопросъ былъ поднятъ рановременно, что надобно было приготовить сначала народъ къ принятію свободы учрежденіемъ повсемѣстныхъ крестьянскихъ школъ, обязательныхъ для помѣщиковъ; почти всѣ были согласны въ томъ, что Наполеонъ поступилъ не совѣмъ рыцарски съ итальянцами, съ Викторомъ-Эмануиломъ и Кануромъ и только спуталъ итальянскія дѣла; что Италия несмотря на него должна получить совершенную, полную независимость; что гласность, свободныя трибуны и книгопечатаніе — вещи превосходныя; что государства могутъ процвѣтать только при свободномъ развитіи и самоуправленіи; что искусство должно служить одному себѣ, и что Шарлота Федоровна, несмотря на то, что устарѣла немножко, все-таки положительнее лучше всѣхъ *этихъ дамъ* и что ни одна изъ нихъ не одѣвается съ такимъ вкусомъ....

«Нѣтъ! думалъ я съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ, сидя вечеромъ на третій день на скамейкѣ сада, поставленной въ одномъ изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ: — нѣтъ! хоть мы и облысѣли, и обрюзгли, и поотекли, и поотупѣли немножко, а все-таки мы отличные люди, сочувствующіе всему высокому и прекрасному — и хотя мы всѣ шли совершенно различными дорогамъ, нѣ всѣ съумѣли-же сохранить свои либеральныя убѣжденія! Какъ это утѣшительно!»

Въ эту минуту по дорожкѣ, у моихъ ногъ, муравей тащилъ длинную соломинку, въ ближайшемъ кустѣ слышалось стрекотаніе стрекозы и въ воздухѣ разливался рѣзко-пахучій запахъ какихъ-то осеннихъ цвѣтовъ. Ни одинъ листокъ не шевелился, вечерніе пары позволялись закатомъ и прочее....

(Я могъ бы еще распространиться о природѣ; Но для приданія поэтическаго колорита и нѣкоторой художественности моему разсказу, я полагаю, что на этотъ разъ довольно и сказаннаго.... Къ тому же я слышалъ, что для полной художественности необходима экономя — и я останавливаюсь).

Долго проспавъ я на этой скамейкѣ, весь погруженный въ природу, весь слившійся съ нею, безъ мысли, безъ смысла, безъ сознанія. Облака тухлы, паръ снѣгъ, тѣни становились гуще и шире и наконецъ все слилось въ неопредѣленный, безразличный мракъ.

Тогда снова сознаніе начало вступать въ права свои.

Оно заставило меня встать со скамейки и побрести къ дому.

Несмотря на окружавшихъ меня друзей, на вѣду съ утра до ночи, сонъ, пріятные либеральныя, эстетическія и эротическія разговоры, на серебро и севрскіе фарфоры, несмотря на радушіе хозяина дома, я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко....

Мнѣ захотѣлось (стравное существо человѣкъ! онъ никогда не бываетъ ни чѣмъ доволенъ вполне и вѣчно стремится къ чему-то новому, иному, даже если бы это иное было худшее)... мнѣ захотѣлось:

Во 1) какъ можно поскорѣе выѣхать изъ великолѣпнаго и искусственнаго Пріютина.

Во 2) какъ можно подальше уединиться на время отъ всѣхъ моихъ либеральныхъ друзей, которые, несмотря на свои добрыя сердца, на свой либерализмъ, и на постоянное стремленіе къ высокому и прекрасному, немного наскучили мнѣ въ эти три дня повтореніемъ того, что уже давнымъ-давно теперь всѣ отъ мала до велика знаютъ наизусть.

Во 3) очутиться гдѣ нибудь далеко отъ Петербурга, въ какомъ нибудь русскомъ захолустьи, въ какой нибудь бѣдной деревушкѣ и пожить хоть нѣсколько дней простой трудовой, здоровой жизнью, безъ трюфелей, безъ блестящихъ фразъ, безъ фонтановъ, безъ белью и проч.

Вѣдь взбредеть же человѣку этакая глупость на умъ!

Какъ бы то ни было, — несмотря на всѣ просьбы любезнаго хозяина. — я уѣхалъ изъ Пріютина на другой день рано утромъ, почти тайкомъ, и, очутившись на полной свободѣ, почувствовалъ себя гораздо лучше.

Въ концѣ августа на петергофской и особливо царскосельской желѣзныхъ дорогахъ было сильное движеніе: загородныя балы — по подпискѣ (въ петергофскомъ и павловскомъ воксалахъ), скачки

(въ Петергофѣ и Царскомъ селѣ), бенедиксы Штрауса, иллюминаціи и фейерверки въ павловскомъ воксалѣ; въ день скачекъ, и прочее.

Всякій разъ, когда я ѣзжу по царскосельской желѣзной дорогѣ мною одолеваютъ различныя мысли: отчего, думаю я, вагоны (особенно вагоны для 2 класса) такіе грязныя и старыя? отчего такая тряска въ вагонахъ, при чрезмѣрно тихой ѣздѣ? отчего такой грязный и узкій дебаркадеръ въ Петербургѣ? отчего еще грязнѣйшій въ Царскомъ селѣ? къ чему эта деревянная галлерей въ Царскомъ, сквозь крышу которой проходитъ дождь и которая примыкаетъ къ каменной нештукатуренной и засалившейся стѣнѣ? отчего кондукторы одѣты такъ нечисто?

Между тѣмъ, по сознанию администраціи этой дороги, видно, что дѣла общества находятся въ *очень удовлетворительномъ* положеніи и что ежегодно тратятся значительныя суммы на ремонтъ дороги. Такъ въ 1856 году валовой доходъ былъ 269,709 р. 20 к., а на *общіе расходы употреблено 158,334 р. 1 к.*; въ 1857 году увеличилось число пассажировъ и вслѣдствіе того валовой доходъ увеличился на 22,884 р. 30 к., а общій расходъ превысилъ расходъ 1856 г. на 12,624 р. 56 к....

Говорятъ притомъ, что управляющій дорогою г. инженеръ-полковникъ фонъ-Таубе отличается *неутомимою дѣятельностью и неуслыннымъ наблюденіемъ*.... Странное дѣло!... Отчего же? Отчего при отъѣздахъ вечеромъ галлерей въ Павловскѣ едва освѣщается? Отчего въ самомъ воксалѣ Павловскомъ нѣтъ никакихъ удобствъ и нельзя, напримѣръ, найти ни одной газеты? Отчего всѣ зданія, принадлежащія дорогѣ, имѣютъ такой грустный и обветшалый видъ? Отчего до сихъ поръ не положенъ второй рядъ рельсовъ? Отчего, среди всеобщихъ движеній и улучшеній, одна эта царскосельская желѣзная дорога рѣшительно не хочетъ признавать никакого прогресса? Отчего въ іюль 1857 года, когда проѣхало 103,089 пассажировъ, выручки показано было 32,800 р., а въ іюль 1858 г. когда проѣхало только 88,107 пассажировъ — выручка при уменьшеніи пассажировъ возрасла до 39,059 р.? (См. ст. въ Спб. Вѣдом. 1858 г. *Странное явленіе*). Отчего?... отчего?... и отчего никто до сихъ поръ не пикнулъ объ этомъ, въ настоящее время, когда благотельная гласность.... и прочее.

Одна изъ небольшихъ вѣтвей желѣзныхъ дорогъ въ западной Европѣ, — я не назову ее изъ скромности, — находится точно въ такомъ же положеніи, какъ и царскосельская желѣзная, но на нее также не жалуются, потому что распоряжающійся этою дорогою фонъ.... фонъ.... я, къ сожалѣнію, забылъ его фамилію, помню только что она начинается съ *фонъ*, — заставляетъ забывать

всѣ ея неудобства и недостатки своею утонченною вѣжливостію, любезностію, пріятностію, граціею, угодливістію и низкопоклонствомъ передъ всѣми особами, званія которыхъ начинаются съ частичекъ: *гофъ, камеръ, статсъ, оберъ* и прочее.

Г. фонъ... распоряжающійся этою дорогою пріобрѣлъ себѣ колоссальную извѣстность вышепомянутыми качествами между всѣми жителями той области, черезъ которую проходитъ эта дорога.

На него даже стекаются смотрѣть любопытные въ тѣ минуты, когда онъ съ подобострастною граціею, съ чувствомъ глубочайшаго умиленія и благоговѣнія въ зрачкѣ, съ вкрадчивою улыбкою, приводявъ свою фурашку,—подходитъ къ отправляющимся особамъ, скромно потупляя вѣки отвѣчаетъ на ихъ вопросы и потомъ искусно подсаживаетъ ихъ въ вагоны, съ неописаннымъ чувствомъ пріятности касаясь ихъ локтей своими пальцами....

Дѣйствительно, это картина, на которую стоитъ полюбоваться, и картина не безъ значенія, потому что она представляетъ собою до какой высокой степени человѣкъ можетъ выработать себѣ грацію низкопоклонства и раболѣпства.

Пріобрѣтя себѣ благосклонность особъ съ частичками *гофъ, камеръ, статсъ и оберъ*—господинъ фонъ... распоряжающійся дорогою можетъ спокойно набивать свои карманы, не заботясь ни объ остальныхъ пассажирахъ, ни объ акціонерахъ, ни о чемъ въ мірѣ.

Передъ неизвѣстными пассажирами онъ держитъ себя, напротивъ, съ чувствомъ необыкновеннаго достоинства, какъ власть имѣющій, но если онъ замѣтитъ, что съ неизвѣстнымъ пассажиромъ заговариваетъ какой нибудь *гофъ* или *статсъ*,—онъ тотчасъ же начинаетъ пріятно улыбаться неизвѣстному и даже изъясняетъ готовность посадить его въ вагонъ.

Должностію своею онъ справедливо гордится и на визитныхъ своихъ карточкахъ обыкновенно печатаетъ:

г. Фонъ***,

распорядитель желѣзной дороги отъ М до С* и обратно.*

Для свои онъ ведетъ отлично и въ нѣсколько лѣтъ своего распорядительства, говорятъ, пріобрѣлъ себѣ нѣсколько домовъ.

Всему этому онъ, безъ сомнѣнія, обязанъ тѣмъ нравственнымъ принципамъ и той превосходной дрессировкѣ, которыя получилъ съ дѣтства и которыя потомъ умѣлъ усовершенствовать въ жизни.

Мы рекомендуемъ этого господина всѣмъ управляющимъ желѣзными дорогами въ Россіи, какъ образца въ своемъ родѣ....

О царскосельской желѣзной дорогѣ мы заговорили только по поводу нѣсколькихъ скачекъ, бывшихъ въ Царскомъ Селѣ и привле-

кавшихъ въ Царское Село и Павловскъ многочисленную публику, вѣроятно къ утѣшенію акціонеровъ этой дороги. Намъ не удалось быть на этихъ скачкахъ, которыя обыкновенно оканчиваются очень шумно—обѣдами, иллюминаціями и фейерверками въ Павловскомъ воксалѣ, и потому мы перейдемъ къ скачкѣ, бывшей въ Петергофѣ 15 августа и расскажемъ объ ней подробно.

Скачка эта была устроена на заднемъ кадетскомъ плацу, на призы, по заранѣе составленной подпискѣ. Въ подпискѣ участвовало 120 человекъ; подписывались по 10 р. с., что составило 1,200 руб.; да входныхъ съ каждой скаковой лошади положено было взимать по 25 руб., а съ жокеевъ по 50. Первыхъ оказалось 16, что составило 400 руб., послѣднихъ было четверо,—200 руб.; итого всего было собрано 1,800 руб. сер., на которые было изготовлено 8 призовъ, по два на каждую скачку.

Хотя погода въ день скачки была прекрасная, и солнце пекло порядочно, но наканунѣ шелъ проливной дождь, отчего на плацу было очень грязно, такъ что во многихъ мѣстахъ стояли даже лужи. Распорядители хотѣли отложить скачку до другого дня, но владѣльцы лошадей и особенно ихъ жокеи были противъ этой мѣры.

— Мы готовили лошадей къ сегодняшнему дню, говорили они:— и сегодня они годны для скачки, тогда какъ къ слѣдующему разу ихъ надо снова готовить; а это дѣло не легкое. Къ тому же лошадь сегодня здоровая легко можетъ завтра заболѣть, захромать, сломить себѣ ногу—и призъ потерянь. Въ Англіи скачекъ не откладываютъ, а тамъ это дѣло понимаютъ. Кто же боится поскользнуться и упасть, тотъ пусть скачетъ потише.

Причины оказались уважительны и рѣшено было начать скачку. Она открылась въ 3 часа, по полудни. Публики собралось много. За немѣнѣемъ галлерей, большая часть зрителей была въ экипажахъ, которые размѣстились вдоль веревокъ, обозначававшихъ мѣсто скачки. Нѣсколько делижансовъ, съ мѣстами на имперіалѣ, стояли тутъ же, наполненные зрителями обоого пола. Было много прїѣзжихъ изъ Царскаго Села и другихъ окрестныхъ мѣстъ, что тотчасъ можно было узнать по выпряженнымъ изъ экипажа лошадямъ, кормившимся тутъ же. Большинство офицеровъ всѣхъ полковъ гвардіи было верхомъ, чтобъ лучше слѣдить за скачкой.

Началось со скачки съ препятствіями, на трехъ-верстной дистанціи. Состязателей было трое. Первый прискакалъ жеребецъ графа Воронцова-Дашкова «Lucky Bird», вывезенный изъ Англіи, гдѣ онъ былъ купленъ за семь тысячъ руб. сереб. Скакалъ на немъ корпеть *Базмлевскій*. Призъ—серебряный кубокъ цѣною въ 250 рублей. Вторую пришла лошадь г. Давыдова «Brosardo», также вывезенная

изъ Англіи. Скакалъ на ней г. *Микелли*. Препятствіями въ этой скачкѣ были: ровъ, шириною въ $1\frac{1}{2}$ сажени и четыре живыхъ забора, вышиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина каждый.

Вслѣдъ за тѣмъ былъ рысистый бѣгъ. Дистанція 3 версты. Составителей было 5. Первый призъ (серебряный бокалъ въ 100 руб.) взялъ г. *Варенцовъ*. Конь «Колдунъ», рысистой породы. Второй призъ достался ротмистру *Крюкову*. Конь «Шмель», донской породы.

Въ скачкѣ безъ препятствій было 8 составителей. Дистанція 3 версты. Первый призъ (серебряная кружка въ 325 руб. весьма красивой работы) взялъ ротмистръ *Галлъ* на кровной кобылѣ «Альзинѣ», чесменскаго казеннаго завода. До петергофской скачки она скакала въ Москвѣ, Лебедянѣ и Тулѣ, и вездѣ выиграла первые призы. Въ настоящей скачкѣ она съ мѣста далеко опередила всѣхъ своихъ составителей, и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе мчалась, такъ что когда она достигла флага, то ближайшая къ ней лошадь г. *Микелли* «Маріо», выигравшая второй призъ, отстояла отъ нее по крайней мѣрѣ на 60 сажень. Къ сожалѣнію, въ этой скачкѣ одна изъ составившихся лошадей «Моргунъ», полковника лейбъ-уланскаго полка *Дохтурова*, выигравшая первый призъ на Красносельской скачкѣ, не доходя саженой 50 до флага, споткнулась и сломала себѣ ногу.

Въ заключеніе была скачка съ препятствіями для жокеевъ. Дистанція 4 версты. Составителей было 4. Первою прискакала лошадь г. *Марка* «Фигляръ», завода г. *Масалова*. Скакалъ на ней жокей *Диксонъ*. Призъ—кубокъ цѣною въ 150 руб., наполненный золотомъ монетою на 250 руб. Вторымъ прискакалъ жеребецъ графа *Воронцова-Дашкова* «Lucky Bird», уже выигравшій первый призъ на первой скачкѣ съ препятствіями. Скакалъ на немъ жокей *Спенсеръ*. Эта послѣдняя скачка замѣчательна тѣмъ, что она была первою въ этомъ родѣ въ Россіи; именно у насъ еще не пробовали скакать черезъ такія препятствія, какія были устроены здѣсь: 1) ровъ наполненный водою, шириною въ $6\frac{1}{2}$ аршинъ, 2) шесть плетней-заборовъ, вышиною въ 2 аршина каждый, 3) каменная стѣна, вышиною въ аршинъ три четверти и 4) двѣ канавы въ три сажени ширины и $1\frac{1}{2}$ глубины, съ крутыми и скользкими спусками и водою внизу, въ которыя нужно было сперва спуститься, потомъ перепрыгнуть въ ней черезъ канавку съ водою, шириною въ 2 аршина, и за тѣмъ снова вскарабкаться на верхъ по скользкому подъему. Всѣ эти препятствія жокеи преодолѣли благополучно, за исключеніемъ слишкомъ двухъ-саженнаго рва съ водою. Одинъ за другимъ подскакивали они къ нему, понуждали своихъ лошадей къ отчаянному скачку и падали вмѣстѣ въ воду. Но это нисколько не смущало ихъ. Они вылѣзали изъ кана-

вы, снова вскакивали на лошадей и мчались съ прежнею быстротою за вождельнымъ призомъ. Впрочемъ не ширина рва, а грязь была причиною ихъ паденья, которая вообще много повредила скачкѣ и не дала возможности нѣкоторымъ лошадямъ выказать во всемъ блескѣ свои достоинства. Вслѣдствіе этого тутъ же было рѣшено устроить въ непродолжительномъ времени новое испытаніе лошадей, бывшимъ на скачкѣ, но уже не въ Петергофѣ и не въ грязи, а въ Царскомъ Селѣ и въ сухую погоду, при чемъ были предложены большіе пари за нѣкоторыхъ лошадей, хотя не выигравшихъ призовъ въ Петергофѣ, но долженствующихъ, по мнѣнію ихъ владѣльцевъ, выиграть ихъ непременно въ Царскомъ Селѣ.

Увидимъ, сбудутся ли ихъ ожиданія.

Говоря о Петербургскихъ новостяхъ необходимо прежде всего упомянуть о двухъ весьма важныхъ новостяхъ: 1) о главномъ банковомъ и торговомъ обществѣ въ Петербургѣ и 2) о справочной конторѣ (на акціяхъ, съ капиталомъ 3½ мил. сер.) для рабочихъ классовъ, которые приходятъ въ Петербургъ изъ внутреннихъ губерній для отысканія себѣ работы и для устройства заведенія, въ которомъ бы они могли быть помѣщены и накормлены за дешевую цѣну. Нельзя не сочувствовать вполне этому благородному предпріятію, дѣлающему величайшую честь его учредителямъ. Мы отъ всей души желаемъ, чтобы это предпріятіе осуществилось какъ можно скорѣе.

На учрежденіе банка въ 200,000,000 франковъ, (50,000,000 р. с.) послѣдовало уже Высочайшее разрѣшеніе.

Цѣль его, какъ говоритъ уставъ. — стремленіе къ развитію торговли и промышленности въ Россіи: ссудами денегъ, разработкою фабричныхъ промысловъ, горнаго дѣла и вообще всѣхъ такого рода предпріятій, которыя, по своимъ размѣрамъ, не могутъ быть приводимы въ исполненіе частными лицами безъ содѣйствія большихъ капиталовъ.

Уставъ этого банка уже обнародованъ.

Общество учреждаетъ свои конторы кромѣ Петербурга и Москвы — въ Ригѣ, въ Одессѣ, въ Варшавѣ, въ Таганрогѣ и на всѣхъ внутреннихъ главныхъ пристаняхъ и въ ярмарочныхъ мѣстахъ.

По составу управленія общество будетъ русское. Дѣлами его будутъ завѣдывать совѣтъ и управленіе.

Совѣтъ будетъ состоять изъ пятнадцати членовъ, изъ которыхъ пять должны быть русскіе подданные.

Правленіе будетъ состоять изъ пяти директоровъ, изъ которыхъ двое должны быть также русскіе подданные.

Общество намѣрено также обратить вниманіе на образованіе въ своихъ конторахъ молодыхъ людей, свѣдущихъ въ дѣлахъ торгов-

ли. Разсандикъ этихъ молодыхъ людей будетъ въ главной его конторѣ въ Петербургѣ.

Въ главѣ этого общества находятся слѣдующія лица:

Баронъ Габеръ, учредитель двухъ банковъ въ Дармштадтѣ и кредитнаго учрежденія въ Вѣнѣ. Онъ принадлежитъ къ членамъ стариннаго банкирскаго дома въ Европѣ.

Г. Ганземакъ, бывший министромъ финансовъ въ Пруссіи, въ настоящее время завѣдующій дисконтнымъ банкомъ въ Берлинѣ,

и *Баронъ Мюленсъ*, имѣющій значительную недвижимую собственность въ Россіи. Онъ женатъ на русской.

Общество получило нѣсколько депешъ отъ главныхъ торговыхъ домовъ въ Лондонѣ, Гамбургѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, которые просятъ ихъ принять въ соучастники....

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали все лѣто обѣщанныхъ новыхъ наемныхъ экипажей отъ вновь учрежденнаго на акціяхъ общества, о которомъ мы уже говорили, и всякій разъ сходя съ дебаркадеровъ желѣзныхъ дорогъ и съ пароходовъ, смотрѣли не появились ли они?... Но — увы! — ожиданія наши были тщетны.... и мы принуждены были однажды въ проливной дождь заплатить за грязную и полуразвалившуюся карету отъ дебаркадера петергофской желѣзной дороги до Литейной 3 р. 50 к.!

Говорятъ впрочемъ, что наемные экипажи новаго общества скоро появятся. Они заказаны въ Лондонѣ. Хорошо, если эти слухи справедливы. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

На дняхъ мы получили письмо отъ одного изъ нашихъ художниковъ слѣдующаго содержанія:

«Какая-то графиня или княгиня поручила какому-то свѣтскому человѣку Н. Ф. съѣздить къ академику Федотову узнать, что онъ возьметъ за свою картину: *Утро свѣжаго кавалера*. Н. Ф., не заставъ Федотова дома, оставилъ записку объясняющую цѣль его визита, изъявляя при томъ желаніе принять Федотова у себя или получить отъ него письменный отвѣтъ. Федотовъ отвѣчалъ прилагаемымъ при семъ письмомъ, которое, я думаю, въ вашихъ рукахъ можетъ служить хоть маленькимъ звеномъ въ цѣпи матеріаловъ для всеми ожидаемой полной біографіи П. Федотова. Я помню, это письмо переходило изъ рукъ въ руки въ кругу знакомыхъ выше-упомянутаго Н. Ф. и нѣкоторыхъ художниковъ, какъ *образцы дерзости какого-то выскочки художника*, такъ нагло восхваляющаго свое произведеніе, сравненіемъ его съ Гогартомъ и Уильки, и самого себя выставляющаго, какъ исключеніе изъ общаго правила жанристовъ, и многое такое было тогда говорено по поводу этого письма.... даже упоминаніе о бутылкѣ ви-

на представлялось яснымъ невѣжествомъ Федотова. Покойный мой родственникъ художникъ Д... спряталъ это письмо, чтобы оно, гуляя по рукамъ, не компрометировало больше ихъ, старыхъ, ветерановъ искусства. Послѣ смерти Д... я получилъ всѣ его бумаги и вчера, перебирая ихъ, отыскалъ это письмо и, прочитавши его, не нашелъ въ немъ ничего, кромѣ дѣльнаго, и такъ какъ оно у меня ни къ чему, а вамъ можетъ пригодиться, то покорнѣйше прошу приять его и прочее.

Е. Б.

Мы благодаримъ г. Б* за присылку письма г. Федотова и съ величайшимъ удовольствіемъ помѣщаемъ письмо это, въ которомъ такъ наивно выражается его благородная художническая натура.

Милостивый государь,

Николай Федоровичъ.

«Имѣю честь отвѣтить на оставленную вами записку насчетъ моей картины *Утро свѣжаго кавалера*. Ей у меня сдѣлано три назначенія: первое — поцѣловать, если понравится, въ руки Высочайшихъ особъ, на условіяхъ отъ нихъ зависящихъ; второе — висѣть ей всегда у меня на глазахъ, — я отъ этого этого не прочь потому, что это мой первый этюдъ, котораго я нѣмало съ разными поправками около девяти мѣсяцевъ, — и поэтому, если придется сыскать ему третье назначеніе, то есть продать, то не отдамъ его дешевле 1,000 р. с. Когда она была кончена, — и я и не думалъ спускать ее съ рукъ, — мнѣ одинъ иностранецъ давалъ 500 цѣлковыхъ, но теперь, когда кому угодно, я отдамъ за тысячу цѣлковыхъ, никакъ не менѣе, потому что я знаю, что она можетъ дать, если я ее выставлю въ Лондонѣ. Тамъ съ этимъ родомъ живописи уже знакомы по картинамъ Гогарта и Уильки, а у насъ еще надо объяснять — почему ихъ нельзя цѣнить такъ, какъ другой родъ, — съ этимъ родомъ художникъ, если имъ хочетъ жить, можетъ умереть съ голода пока встрѣтится съ такимъ именно лицомъ, какое ему нужно въ картину. А встрѣтившись извольте залучить его; позвольте, на примѣръ спросить если бы (не оскорбляя вашей личности), положимъ, вы были именно то лице. Вы бы вѣрно не дали себя на посмѣяніе. А художникъ во чтобы-то ни стало долженъ его снять. Что жъ ему дѣлать? Онъ непременно съ вами сотрется гдѣ бы то ни было, попроситъ васъ распить съ нимъ бутылочку чегонибудь вашего любимаго — увѣрить что онъ васъ очень полюбилъ, что готовъ для васъ сдѣлать вашъ портретъ. Вы очень рады, — вотъ вы и попались. Онъ дѣлаетъ портретъ для васъ, выучитъ васъ и, на свѣжій глазъ прійдя домой, всадитъ васъ въ кар-

тину, что и было съ тѣмъ лицомъ, которое въ моей картинѣ пробуждается подъ столомъ. Но чего же все это стоитъ! сколько надобно времени бросить въ ожиданіи, а художникъ долженъ жить и, можетъ быть, хочеть иногда какъ и другіе побаловать себя.

Имѣю честь оставаться.

Послѣ Федотовъ.»

Въ концѣ августа прибылъ въ Кронштадтъ «Ретвизанъ», на которомъ совершилъ плаваніе *Д. В. Гризоровичъ*.

Въ настоящую минутоу онъ въ Петербургѣ.

Изъ любопытныхъ замѣтокъ о его плаваніи на «Ретвизанѣ» составится живая, умная и любопытная книга. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Глава отъ *Петербурга до Ниццы*, помѣщенная имъ въ «Морскомъ Сборникѣ», служитъ доказательствомъ этого.

Мы приведемъ изъ нея отрывокъ, въ которомъ авторъ знакомить насъ съ личностію своего вѣстового на «Ретвизанѣ» и говорить о знакомствѣ своемъ съ матросами и о томъ, какъ они пьютъ водку.

.... Миѣ назначили вѣстового.

«Но не странно ли это? Съ того же дня я сдѣлался самымъ несчастнымъ человѣкомъ. Начать съ того: я пришелъ къ убѣжденію, что на кораблѣ нельзя существовать безъ лакея и слѣдовательно нѣтъ возможности сохранить здѣсь полной независимости; во вторыхъ, каждый разъ когда встрѣчался надобность въ лакеѣ, тутъ-то именно онъ никогда и не отыскивался. Выхожу на палубу, оглядываюсь во всѣ стороны, зову, посылаю, кричу, — нѣтъ! вѣстовой мой точно нырнулъ въ неизмѣримую глубь морской пучины.

«Въ одну изъ такихъ злополучныхъ минутъ, дверь моей каюты отворилась и пропустила, сначала заостренный носъ, потомъ, блѣдное стерляжье лице и наконецъ, стриженный затылокъ нѣсколько приплюснутый съ боковъ и сформированный на подобіе сахарной головы; все это украшалось снизу голубымъ матросскимъ воротничкомъ *à l'enfant*; далѣе шла обыкновенная человѣческая фигура. Физиономія этого человѣка была миѣ знакома; я нѣсколько разъ видѣлъ его въ числѣ матросовъ, которые, находясь на ютѣ, постоянно топтали ногами надъ моею головою.

«— Чего тебѣ? спросилъ я.

«— Вы звали, ваше превосходительство.... сказалъ онъ, робко поглядывая своими крошечными, какъ коринки, глазами.

«— Звалъ.... проговорилъ я нѣсколько озадаченный новымъ титуломъ, — но ты, любезный, кто такой?..

«— Сигнальщикъ, ваше превосходительство; но это все равно; если вамъ нужно что нибудь, я прислужу.... Я всегда тутъ на ютѣ, прибавилъ онъ тыкая пальцемъ въ потолокъ, выйдете только на палубу и

кликнете... зовуть меня Михайломъ, ваше превосходительство, — Михайломъ Шестаковымъ!...

«Въ первую минуту знакомства моего съ Михайлой, я не разувѣрялъ его въ ошибкѣ касательно моего чина. Напротивъ, я старался поощрять его говорить мнѣ какъ можно чаще: «ваше превосходительство!» Цѣль при этомъ была слѣдующая: мнѣ хотѣлось воспользоваться случаемъ и дознаться, не заключалось ли въ этихъ словахъ: «ваше превосходительство», особеннаго какого нибудь кабалистическаго сочетанія бумвъ, или тайной магической силы, дѣйствительно способной одурманивать человѣчество; нѣвѣстно также, что никто такъ не даложъ къ этому титулу, какъ люди, которые только что его получили или такіе, которые его еще не имѣютъ; мнѣ хотѣлось привести все это въ извѣстность и я жадно прислушивался... Но нѣтъ! Превосходительный титулъ не производилъ на меня ни малѣйшаго эффекта; мнѣ только смѣшно дѣлалось; очевидно я не рожденъ для того, чтобы носить когда нибудь важный чинъ; увы! я никогда не былъ бы въ состояніи оцѣнить его какъ слѣдуетъ!

«— Откуда ты взялъ, что я генераль? спросилъ я сигнальщика.

«— Ребята сказывали, ваше превосходительство!

«— Ребята сказывали?!.. Какъ, ребята распространяютъ слухъ, что я генераль?!..» подумалъ я, проникаясь въ одно и тоже время чувствомъ негодованія и страха.

«Дѣйствительно было отъ чего негодовать и пугаться: теперь извѣстнъ дѣломъ, почему всѣ старанія мои познакомиться съ матросами не принесли желаемаго результата!

«Чего только, чего я не дѣлалъ: и на бакѣ вроскивалъ, несмотря на извѣстныя неудобства этого популярнаго мѣста, и на ютъ выходилъ въ дождь, вступалъ съ матросами въ умышленно-лживые разговоры, на марсъ карабкался, рискуя сломить себѣ шею, — ничего не помогало! Матросы оставались нечувствительны; они отвѣчали холодною, молчаніемъ, отходили въ сторону или вставали передо мною, сохраняя почтительную позу, которую, я въ правѣ былъ тогда принять за пренебреженіе. И все это надѣлалъ мнѣ генеральскій чинъ!

«Выражаясь оффиціальнымъ языкомъ, свойственнымъ лицамъ важнаго сана и пользующихся всѣми преимуществами завиднаго своего положенія, — я рѣшился немедленно пресѣчь зло въ самомъ его зародышѣ. Я успѣшилъ объяснить Михайлѣ о томъ, кто я, зачѣмъ иду на корабль, — словомъ, внушилъ ему какъ можно понятнѣе о своемъ назначеніи и положеніи.

«Объясненіе мое принесло самые скорые плоды, можно даже сказать, плоды были червь-чуръ уже многочисленны и арѣлы. Началось съ того, что по прошествіи получаса, явился Михайла, неся подъ мышкою какой-то неуклюжій сундучекъ самодѣльной работы.

«— Вотъ, ваше благородіе, произнесъ онъ съ развязностію, — жена, какъ выходила мы изъ Кронштадта, подарила мнѣ чаю и сахару; поберегите пока у себя въ каютѣ; опасаясь очень ребята бы не пополь-

звались.... Здѣсь, у васъ будетъ надежнѣе, добавилъ онъ, уклады-
вая сундучекъ подъ постель между моими чемоданами.

«Послѣ обѣда снова явился Михайла; на этотъ разъ, въ рукахъ его
пестрѣли двѣ новыя ситцевыя рубашки.

«— Припрячьте ужъ и эти, ваше благородіе, сказалъ онъ, здѣсь въ
каютѣ сохраннѣе будутъ.... Жена беречь наказывала, а въ визу не
сбережешь никакъ....

«— Но вѣроятно она съ тѣмъ тебѣ ихъ дала, чтобы носить?»

«— Известно, носить, ваше благородіе, но лучше всего беречь ве-
лѣла: «придешь въ Кронштадтъ, говорить, чтобы цѣлы были!...» Она,
у меня вѣдь нѣмка, бережливая такая, проговорилъ онъ умиленнымъ
голосомъ: — думаю, ваше благородіе, добавилъ онъ какъ бы размыш-
ляя съ самимъ собою, — надо бы ей письмо писать....

«— Ну чтожь? пиши!»

«— Напишите ужъ вы, ваше благородіе; я грамоты не разумѣю; а
коли попросить кого изъ ребятъ, все сойдетъ два гривенника.

«— Не ужто тебѣ для жены жаль двухъ гривенниковъ? спро-
силъ я.

«— Миѣ-то жаль, в. б., лучше всего велѣла нѣмка деньги беречь:
«какъ придешь съ похода, говорить, смотри больше привези; все
жалованье, которое получишь, говорить, все привези!...»

«— А развѣ она твое жалованье считаетъ?»

«— А то какже, в. б.! все считаетъ! Деньги, которые за водку
получаю, и тѣ на счетъ ставить!... Я хотѣлъ просить васъ, чтобы вы,
в. б., и деньги мои, которые я получаю, къ себѣ прятали; у васъ со-
храннѣе будетъ....

«Старанія мои убѣдять Михайлу, что я не генералъ, пали, какъ
видите, не на бесплодную почву.

«Желая поддержать столь успѣшно начатое дѣло, я обѣщавъ бывъ
его кассиромъ и тутъ же приступилъ къ сочиненію письма.

«Но могъ ли я подозрѣвать то, что выйдетъ изъ этого! Тутъ, какъ
и вездѣ впрочемъ, поступилъ я одинаково необдуманно. Письмо: это
послужило нѣкоторымъ образомъ сигнальной ракетой чуть-ли не для
всѣхъ женатыхъ матросовъ «Ретвизана».

«Я былъ осажденъ просьбами

«Для человѣка, который считаетъ писаніе писемъ, даже хорошихъ
пріятелямъ своимъ, дѣломъ весьма затруднительнымъ, такія просьбы,
согласитесь, не могли доставлять большаго удовольствія. Правда, здѣсь
не требовалось большихъ напряженій со стороны изобрѣтательности; я
старался больше писать подъ диктовку. Посланія къ кронштадтскимъ
Ариаднамъ заключались всегда почти въ слѣдующемъ: «Дражайшей су-
пругѣ нашей Марѣѣ Шантелейковнѣ посылаемъ всепокорный поклонъ
нашъ и низко кланяемся съ ласками и поцѣлуемъ; а сыну нашему
Трифону Матвѣевичу посылаемъ поклонъ и наше благословеніе не
вѣки ненарушимое; а живемъ мы теперича все также на кораблѣ и
придемъ скоро въ земли нѣмецкія гдѣ зимы не бываетъ....» Затѣмъ,

на отрывъ начинались опять поклоны своякамъ, кумушкамъ, свояченицамъ, золовкамъ, деверьямъ, чѣмъ и оканчивалась исторія.

«Все это было невыносимо скучно, а отказаться не было возможности, особенно въ такое время когда только что начинали упрочиваться наши отношенія; откажись я хоть разъ; кредитъ мой былъ бы навсегда утраченъ; я ясно это видѣлъ.

«— Любопытно было бы знать однакожъ, за кого они меня принимаютъ?...» думалъ я, и думалъ, надо вамъ сказать, первый разъ въ жизни о такомъ предметѣ. Слова: «ваше благородіе», вставляемыя Михайлой и другими матросами, ясно доказывали, что несмотря на мои объясненія, они все-таки не могли представить себѣ, чтобы человѣкъ, живущій за панибрата съ офицерами и обѣдающій съ капитаномъ, былъ *просто* *человѣкъ*, т. е., лице не имѣющее важнаго чина и соответствующей ему служебной должности. Съ перваго же дня поступленія на службу, привыкли они видѣть, что все, что ихъ окружало, имѣло чинъ и званіе; даже лица, не имѣющія ничего общаго съ военной должностію, какъ напримѣръ, доктора, инженеры, механики, и тѣ ходили въ мундирѣ и были офицерами или чиновниками. На всенѣ «Ретгиванѣ», только два человѣка носили штатское платье: я да Мишель Пуно (поварь), но должность послѣдняго была слишкомъ извѣстна, къ тому же онъ не водился съ офицерами и не обѣдалъ съ капитаномъ.

«Все это совершенно въ порядкѣ вещей. Не отличаюся ли у насъ такимъ взглядомъ многія лица принадлежащія даже къ образованному классу общества? Они точно также не могутъ представить себѣ человѣка безъ чина; человѣкъ безъ чина, является для многихъ чѣмъ-то неполнымъ, половинчатымъ, недоконченнымъ. Вы на каждомъ шагѣ встрѣчаете еще сужденія и даже дѣйствія, изъ которыхъ ясно видно, что личныя гражданскія заслуги, получаютъ кредитъ и силу только въ той степени, въ какой освящены они чиномъ. Въ противномъ случаѣ, онъ необходимо должны сторониться и давать дорогу чину. Короче сказать, чинъ у насъ въ обществѣ, тоже, что спасительный буйсъ на морѣ: на сколько послѣдній необходимъ для человѣка, чтобы держаться безопасно на поверхности воды, на столько первый нуженъ для вѣрной поддержки человѣка на волнахъ житейскаго моря.

«— Желательно было бы знать за кого принимаютъ меня матросы?...» повторялъ я мысленно.

«Любопытство мое удовлетворилось скорѣе чѣмъ я ожидалъ.

«Передъ обѣдомъ вошелъ ко мнѣ лейтенантъ С.; онъ находился въ отличномъ настроеніи духа и заливался своимъ здоровымъ слѣжимъ смѣхомъ.

«— Что съ вами? спросилъ я.

«— Сейчасъ былъ на бакѣ и говорилъ съ матросами, провнестъ онъ надрывался, — шла рѣчь объ васъ... Знаете ли, какъ они васъ провали?...

«Батюшка, скажите! я только что думалъ объ этомъ! ничего не знаю. Знаю только, что вчера и сегодня я былъ генераломъ...»

«— Превосходно! перебилъ С*, опрокидываясь на мою постель, — вы разжалованы самымъ безпримѣрнымъ образомъ, разжалованы разомъ черезъ всѣ степени ниже генеральскаго чина!...

«— Стало быть я рядовой теперь?

«— Около этого; матросы рѣшили, что вы, — карабельный писарь! Не знаю кто рассказалъ имъ о вашемъ назначеніи на корабль; но они убѣждены, что вы никто иной какъ карабельный писарь!

«— И вы вѣроятно увѣрили ихъ въ противномъ?

«— Нѣтъ; хотѣлъ, но не могъ.... я тотчасъ же побѣжалъ къ вамъ... я думалъ, вы этимъ не обидетесь.... примолвилъ С*, съ неописаннымъ добродушіемъ.

«— Нетолько не обижаюсь, но какъ видите, я въ совершеннѣйшемъ восхищеніи! Объ одномъ только прошу васъ: Бога ради не разувѣряйте матросиковъ; оставьте ихъ думать что хотять; я изъ того только и бьюсь чтобы они передо мною не стѣснялись; это единственный способъ узнать ихъ ближе; генеральской чинъ и весь почетъ его сопровождавшій, т. е. сниманіе фуражекъ вытягиваніе по швамъ, совсѣмъ было меня сокрушили; теперешняя роль обходится мнѣ нѣсколько дороже; я десятками пишу письма матросскимъ женамъ; но все это со временемъ уладится и я буду совершенно счастливъ. Понимаете ли: съ матросами я могу встрѣчаться только на корабль; мнѣ слѣдовательно надо ловить случай чтобы наблюдать ихъ.

«— Когда такъ, сказалъ С*, быстро вскакивая съ постели, пойдете!...

«Былъ именно тотъ часъ когда матросы пьютъ водку; — что, по словамъ С*, крайне любопытно было видѣть; къ тому же, я никогда не присутствовалъ при этой церемоніи; мы тотчасъ же спустились во вторую палубу.

«Человѣкъ до четырехсотъ матросовъ тѣсно обивались въ одинъ, которому центромъ служило ведро съ водкой. Въ кругу стоялъ писарь, вооруженный спискомъ и карандашомъ; онъ выставлялъ крестики противъ именъ матросовъ отозванныхъ службой въ настоящую минуту или таныхъ, которые вовсе не пьютъ водки. Мы протискались въ самую середину круга, чтобы полюбоваться картиной, которая такъ вотъ и просилась въ собраніе *caux-fortes* Рембранта.

«Общимъ тономъ картины служилъ мягкой янтарный полусвѣтъ, сообщаемый полузаслоненными люками и бортами ярко облитыми по краямъ солнцемъ; въ глубинѣ палубы и даже между передовыми группами, проходятъ кой-гдѣ черныя какъ уголь тѣни, въ которыхъ смутно, фантастически, тушуются лица, головы и цѣлыя фигуры; мѣстами, солнечный лучъ, скользнувъ по лѣстничнымъ ступенькамъ и отбросивъ въ сторону горячій полусвѣтъ, плашмя падаетъ на чью нибудь голову, освѣщаетъ часть одежды и вдругъ исчезаетъ, чтобы дальше, и все неожиданно, зацѣпить кончикъ носа, или пуговицу, которые, цесреди мрака, горятъ ослѣпительнымъ блескомъ.

«Питье водки происходит въ большомъ молчаніи: точно совершается какое-то друидическое таинство.

«Оно нарушается только такимъ образомъ:

«— Евдокимъ Ряпухинъ! выкрикиваетъ писарь монотоннымъ голосомъ.

«При этомъ, въ томъ или другомъ концѣ кружка не отвѣчаютъ: «Здѣсь!» или «я!» какъ бываетъ обыкновенно на полковыхъ перекличкахъ; у матросовъ во всемъ свои рѣзкія особенности; матросъ отвѣчаетъ съ какою-то, ему одному свойственною интонаціей: «йо!»

«— Михайло Рожновъ!

«— Йо!

«— Хусанъ Хусановъ!

«— Йо!

«Предупреждаю: не удивляйтесь именамъ; какъ скоро дѣло идетъ о матросахъ, приготовляйтесь къ самымъ фантастическимъ необычайнымъ сочетаніямъ буквъ и звуковъ; такъ напримѣръ, у насъ на «Ретвизанѣ» существуютъ: Габердулы Мендыбаевы, Ики Амоновы и даже Абукиры Мугашетьяновы!

«По моему, въ этой эксцентричности именъ только я заключалась выгода рекрутскихъ наборовъ, производимыхъ прежде для флота. Сюда поступали люди не съ чисто-русскихъ береговъ морей, рѣкъ и озеръ, какъ ожидать слѣдовало; брали людей откуда ни нопало; брали татаръ, жидовъ, армянъ, хохловъ, латышей, финновъ и т. д. Рекрутъ не говорить, напримѣръ, ни на какомъ языкѣ кромѣ своего собственнаго, составленнаго изъ смѣси монгольскаго и финскаго,—во флотъ его! сажай во флотъ, — туда и дорога!»

«— Помогите, вѣдь это явная несообразность! невольно выпрзалось у меня, когда я услышалъ объ этомъ, — какъ же люди эти могли понимать, чего отъ нихъ хотѣли? Съ другой стороны, какъ ихъ могли понимать начальники?!... Въ морской службѣ, человѣкъ не кула, не пѣшка; отъ него требуется знаніе тысячи техническихъ терминовъ и безъ того уже очень затруднительныхъ, требуется на каждомъ шагу личное, быстрое соображеніе; здѣсь, 'отъ одного слова непонятаго матросомъ, часто зависитъ неудача важнаго маневра.... И наконецъ, какъ должны были жить эти несчастные между товарищами, которые ихъ не понимали?

«— Чтобы долго не распространяться, возразилъ одинъ изъ присутствующихъ, человѣкъ весьма бывалый, благородный и умный, — скажу вамъ, что результатъ этихъ наборовъ производимыхъ зря и безъ толку, былъ слѣдующій: изъ числа этихъ людей, двѣ трети умирали!...

«Перейдемъ лучше къ питью водки.

«Начать съ того, что не всѣ пьютъ; вотъ вамъ уже первый утѣшительный фактъ; такой воздержанностію огличаются большею частію семейные люди; не тѣ конечно, у которыхъ жены остались въ деревнѣ, которые, лѣтъ десять или пятнадцать, не бывали въ отпускахъ, но личнымъ соображеніямъ ближнихъ начальниковъ, и которые, слѣдова-

тельно, давно забыли о существованіи своихъ женъ и дѣтей; я разубью тѣхъ, которые, какъ Михайла, живутъ съ женами въ смрадныхъ углахъ кронштатскихъ казармъ, и, тѣсноты ради вѣроитно, привяжутся къ нимъ и къ дѣтямъ крѣпчайшими кабедьтовами.

«Непьющій матросъ получаетъ деньгами стоимость чарки, что въ общей сложности, по окончаніи годового заграничнаго плаванія, приноситъ ему до двадцати пяти рублей серебромъ въ годъ. Но вотъ вамъ черта истинно оригинальная: случалось, между матросами распространился слухъ, (на сколько слухи эти имѣли основаніе, не знаю), что тѣмъ, которые не пьютъ, не будутъ все равно выдавать денегъ за водку; съ того же дня не было матроса, который не счелъ бы своею обязанностію выпить свою чарку.

«— Зачѣмъ ты пьешь Иванъ, Сидоръ или Матвѣй, спрашивали офицеры, — вѣдь ты прежде капли въ ротъ не бралъ?»

«Да ужъ такъ ваше благородіе, все единственно, чтобы казенное добро не пропадало!...»

Какая живая и мастерская картина!

Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ путевыхъ записокъ г. Григоровича.

Вышли три книжки журнала «Министерства Юстиціи.» Въ двухъ первыхъ помѣщены слѣдующія статьи:

1. Литературная разработка и общая характеристика Уложенія 1649 года, г. *Есповича*.

2. Сенать при Петрѣ Великомъ, г. *Иванова*.

3. О воровствѣ и кражѣ, г. *Спасовича*.

Кромѣ того въ этихъ книжкахъ находимъ мы подъ рубрикою: *Судебная практика* — изложеніе и рѣшеніе двухъ дѣлъ русскихъ и одного иностраннаго и библиографію періодическихъ книгъ, вышедшихъ въ послѣднее время.

Привѣтствуя это новое періодическое изданіе. Мы должны замѣтить, что оно тогда только можетъ приобрести успѣхъ въ публикѣ, когда расширить свои предѣлы, не будетъ робѣть передъ гласностію и допустить проэкты преобразованій по части судопроизводства.

Шестой томъ Шиллера, изданіе г. Гербеля — долженъ выйти на дняхъ. — Онъ заключаетъ въ себѣ:

«Валленштейнъ» — драматическую поэму въ 2 частяхъ. Ч. I. Прологъ, въ новомъ прекрасномъ переводѣ г. Мея. Лагерь Валленштейна, въ его же переводѣ; Пикколомини въ новомъ переводѣ г. Лялина. Часть II. Смерть Валленштейна, въ старомъ переводѣ Шишкова.

Седьмой и осьмой томы появятся въ концѣ сентября.

8 сентября, по случаю совершеннолѣтія Цесаревича Наслѣдника Николая Александровича, Петербургъ представлялъ необыкновенно оживленный и праздничный видъ. Въ этотъ день утромъ въ Зимнемъ Дворцѣ происходила торжественная присяга Его Высочества по церемоніалу, напечатанному во всѣхъ газетахъ. Вечеромъ Петербургъ былъ блистательно иллюминированъ. Зданіе биржи, фрегаты на Невѣ, дома министра Императорскаго Двора, третьяго отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, Громова, графа Шереметева (на Фонтанкѣ), Елисѣева (у Полицейскаго моста), весь Невскій проспектъ и Большая Морская обращали на себя особенное вниманіе блескомъ и огненными рисунками, расположенными съ большимъ вкусомъ. Все народонаселеніе Петербурга толпилось на главныхъ улицахъ отъ 8 до 12 часовъ. — Несмотря однако на мѣры, принятыя полиціей, у Полицейскаго моста, противъ ресторана г. Вольфа, на узкой набережной, отъ сильнаго напора толпы, произошелъ несчастный случай. Желѣзная рѣшетка съ гранитными столбами была опрокинута, вмѣстѣ съ 30 человекъ, въ Мойку. Къ счастью, въ этомъ мѣстѣ вода была неглубока и всѣ упавшіе были спасены. Жертвою этого случая была только одна женщина, сильно расшибшаяся и вскорѣ умершая, несмотря на данную ей медицинскую помощь.

9 сентября петербургское дворянство давало блистательный балъ Цесаревичу-Наслѣднику, который удостоенъ былъ присутствія Государя Императора, Государыни Императрицы и всей Августѣйшей фамиліи. Большая зала была убрана цвѣтами и деревьями съ большимъ вкусомъ, угощеніе и ужинъ были роскошные; танцы начались въ 10 часовъ — тотчасъ по прибытіи Августѣйшей фамиліи и продолжались до 12 часовъ. Городъ былъ иллюминированъ и въ этотъ день.

Попечителемъ къ Его Высочеству Наслѣднику-Цесаревичу назначенъ графъ С. Г. Строгановъ.

ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ МУЗЫКАЛЬНАГО ИНСТИТУТА ВЪ ВАРШАВѢ.

Насъ просили сообщить нашимъ читателямъ слѣдующее извѣстіе объ учрежденіи музыкальнаго института въ Варшавѣ, помѣщенное въ № 203 «Официальной Газеты» Царства Польскаго:

«Желая удовлетворить оказывающейся болѣе и болѣе потребности въ музыкальномъ образованіи юношества обоого пола, и облегчить средства къ систематическому изученію вокальной и инструментальной музыки, — Совѣтъ Управленія (Rada administracyjna) съ Высочайшаго Его Императорско-Царскаго Величества разрѣшенія, по представленію правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, постановилъ и постановляетъ:

Статья 1. Для образованія молодыхъ людей въ правилахъ музыки вокальной и инструментальной, дозволяется солисту Высочайшаго Двора Аполинарію Контскому, учредить въ Варшавѣ, подъ покровительствомъ правительства, музыкальное училище, подъ названіемъ: Варшавскій музыкальный институтъ.

Статья 2. Дозволеніе содержать и руководить музыкальный институтъ предоставляется Контскому на пять шестилѣтнихъ періодовъ, съ тѣмъ, что въ пятомъ году каждаго періода, долженъ онъ предъявить достаточныя денежныя средства, которыми, независимо отъ назначеннаго ему отъ правительства пособія, полагаетъ покрывать расходы въ наступающемъ шестилѣтнемъ періодѣ.

Средства эти въ слѣдующихъ періодахъ не могутъ ни въ какомъ случаѣ быть менѣе того капитала, который обязывается Аполинаріемъ Контскимъ собрать на первыя шесть лѣтъ протекторскими стипендіями.

Статья 3. Выдача настоящаго дозволенія не препятствуетъ правительству учреждать самому всякаго рода артистическія заведенія, имѣющія цѣлю музыкальное образованіе, если признаетъ это необходимымъ.

Статья 4. Основной капиталъ института долженъ быть составленъ частными пожертвованіями. Потребную на сей предметъ сумму 7,157 р. обязанъ Контскій собрать своимъ стараніемъ отъ любителей музыки, какъ отъ основателей этого заведенія.

Статья 5. Удовлетвореніе текущихъ потребностей института въ шестилѣтній періодъ и способы на дальнѣйшее онаго содержаніе состоятъ изъ частныхъ пожертвованій, изъ пособія со стороны правительства и изъ другихъ, ниже поименованныхъ средствъ.

Статья 6. Для составленія частными пожертвованіями капитала, необходимаго на означенныя въ предшествующей статьѣ потребности, — обязанъ Аполинарій Контскій собрать не менѣе 120-ти протекторскихъ стипендій, каждую въ 300 р. Изъ составленнаго такимъ образомъ капитала 36,000 р., по раздѣленіи онаго на шесть лѣтъ, расходуюемо будетъ ежегодно 6,000 р.

Статья 7. Основной капиталъ 7,175 р. и капиталъ протекторскихъ стипендій 36,000 р. обязанъ Контскій собрать въ шесть мѣсяцевъ, со дня дозволенія ему учредить Варшавскій музыкальный институтъ и утвержденія правительствомъ устава онаго, и капиталы эти внести въ польскій банкъ.

Статья 8. Когда Аполинарій Контскій исполнитъ обязательства, предшествующею статьею на него возложенныя, и представитъ квитанцію банка о внесеніи въ оный вышепомянутыхъ капиталовъ, то правительство тотчасъ же сдѣлаетъ распоряженіе на счетъ открытія музыкальнаго института и назначенія для онаго какъ годоваго денежнаго пособія, такъ и помѣщенія, о которыхъ сказано ниже.

Статья 9. Со дня представленія квитанціи банка, дастся Контскому шестимѣсячный срокъ на устройство института.

Статья 10. Для исполненія ежегодно потребнаго на содержаніе и бытъ института капитала, который по приблизительному штату исчисленъ въ 12,460 р., должны служить слѣдующія средства:

а) въ первые три года существованія института дозволяется Аполинарію Контскому собирать протекторскія стипендіи даже сверхъ опредѣленнаго оныхъ числа 120 и принимать отъ любителей музыкальнаго искусства единовременныя пожертвованія не менѣе 25 р. Собранныя такимъ образомъ суммы должны быть также внесены въ банкъ;

б) во вниманіи къ пользѣ, которую можетъ принести краю учреждаемый музыкальный институтъ, правительство, дабы оказать Контскому съ своей стороны пособіе, назначаетъ бесплатно на помѣщеніе института, на все время существованія онаго, казенное зданіе, называемое Домъ Здравія, отпускаетъ единовременно 1,931 р., на приведеніе онаго въ соотвѣтственное назначенію положеніе, и пре-

доставляетъ институту доходъ съ подваловъ, подъ зданіемъ этимъ находящихся, на мелочныя въ немъ починки, на уплату податей, на застрахованіе онаго отъ огня и на отопленіе института; наконецъ назначаетъ институту ежегоднаго пособія по 2,000 р.;

в) дозволяется управленію музыкальнаго института, во все продолженіе существованія онаго, давать ежегодно шесть публичныхъ въ полуденное время концертовъ, въ маскарадныхъ залахъ большаго театра, въ воскресенье, праздничные и другіе дни, избранные для этого управленіемъ, не платя театру никакой части полученнаго отъ этихъ концертовъ дохода. На счетъ управленія относится только расходъ на приспособленіе залъ для концерта и на оркестръ, если въ ономъ встрѣтится надобность, — управленіе должно каждый разъ доносить о семъ заблаговременно правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ, для сношенія съ дирекціей театровъ; — если же управленіе института признаетъ выгоднымъ давать концерты въ вечернее время, то оно должно прискать янше для оныхъ мѣсто;

г) съ учениковъ стипендіатовъ и вольныхъ слушателей дозволяется взимать по 50 р., въ годъ;

д) если правительство, во вниманіи къ необходимой для церковной службы потребности, вознамѣрится назначать особыхъ стипендіатовъ, для обученія ихъ исключительно игрѣ на органахъ и духовному пѣнію, въ такомъ случаѣ отпускаемо будетъ институту добавочное отъ казны пособіе.

Статья 11. Музыкальный институтъ состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ.

Статья 12. Прилагаемой къ сему постановленію уставъ музыкальнаго института утверждается во всѣхъ отношеніяхъ.

Статья 13. Развитие настоящаго постановленія, которое, вмѣстѣ съ уставомъ, должно быть внесено въ дневникъ законовъ, и наблюденіе за исполненіемъ онаго возлагается на правительственную комиссію внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ.»

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ.

Императорскій лицей, къ предстоящему въ 1864 году пятидесятилѣтнѣю существованія своего: съ 1811 по 1843 г. подъ именемъ Царскосельскаго, а съ 43 — Александровскаго, приступитъ къ составленію исторіи своей.

Очерчивая свой бытъ на основаніи документовъ, составляющихъ дѣла его архива, онъ желалъ бы оффиціальную исторію свою украсить частными разказами изъ воспоминаній людей ближнихъ учрежденію, — разказами на подобіе тѣхъ, какіе сообщены публикѣ редакціей «Атеней» въ послѣднемъ номерѣ его (№ 8-й 1859 г.), въ «Запискахъ И. И. Пущина». Потому лицей обращается ко всѣмъ, кто имѣетъ подобныя матеріалы, съ покорнѣйшею просьбою сообщить ихъ ему, адресуя на имя директора лицея. Все доставленное, въ случаѣ, если бы доставитель пожелалъ, будетъ возвращено по принадлежности въ полной сохранности.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВОПРОСЪ О СВОБОДѢ

ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ФРАНЦІИ.

Часто говорятъ, что мы мало знакомы съ бытомъ и учрежденіями Западной Европы. Но, что еще хуже, надобно прибавить, что и тѣ немногія понятія, какія мы имѣемъ объ этихъ предметахъ, чаще всего бываютъ фальшивы. Обыкновенно мы и хвалимъ учрежденія Западной Европы неудачно и осуждаемъ ихъ несправедливо. Обь ошибочности похвалъ случалось намъ говорить очень часто, а теперь мы хотимъ обратить вниманіе на неосновательность порицаній. Примѣры ея встрѣчаются на каждомъ шагу. Начнемъ мы, напримѣръ, порицать французскую централизацію, и, чуть дѣло дойдетъ до задора, готовы мы бываемъ на основаніи одного этого факта объявить, что французы ни къ чему порядочному непригодны. Но, какова бы ни была чрезмѣрность французской централизаціи, все-таки она ничего не значить по сравненію съ тѣмъ, какъ живемъ мы сами. У французовъ, напримѣръ, нѣтъ и понятія о томъ, что если въ какомъ нибудь Кальвадосскомъ департаментѣ подрались двѣ государственныя крестьянки (употребляемъ этотъ терминъ, какъ болѣе привычный намъ для обозначенія того, что обѣ эти женщины были свободнаго состоянія, а не крѣпостныя), то дѣло обь ихъ дракѣ, не стоющее выѣденнаго яйца, можетъ дойти до высшихъ инстанцій парижскаго правительства и раза три возвращаться къ мѣстному начальству для дополненія справокми, чтобы каждый разъ являться опять въ Парижъ въ новомъ и толстѣйшемъ видѣ. Французы также не имѣютъ понятія о томъ, что если какой нибудь дижонскій мѣщанинъ или разночинецъ вздумаетъ перевернуть двѣ доски въ кровлѣ своего домика, протекающей отъ дождя, то предварительно долж-

но ему испросить на это разрѣшеніе отъ дижонской строительной комиссіи, и дѣло пойдетъ на разсмотрѣніе самого префекта. Мало ли о чемъ не имѣютъ понятія французы! Если не ошибаемся, они не имѣютъ понятія даже о строительныхъ комиссіяхъ, и мы употребили этотъ терминъ только для удобопонятности.

Изъ всѣхъ странъ Западной Европы особенно много самыхъ горькихъ изобличеній перепадаетъ отъ насъ на долю Австріи и Франціи. Мы справедливо и очень сильно соблазимся необыкновенной стѣсненностью австрійской жизни, и деспотизмъ, подъ которымъ изнемогаютъ благодатныя страны дунайскаго царства, возбуждаетъ въ насъ сильнѣйшее негодованіе; мы даже красимъ отъ мысли, что столь унижательныя для человѣка учрежденія безславятъ собою ту часть свѣта, въ которой живутъ такіе просвѣщенные народы. Впрочемъ, для Австріи все-таки еще извинительно терпѣть такую участь, какой она подвержена: по нашему мнѣнію, это государство никогда не знало болѣе легкихъ временъ. Но вотъ, посмотрите на французовъ. У нихъ, не говоря ужъ о временахъ слишкомъ дальнихъ, на нашей памяти былъ Людовикъ-Филиппъ съ палатою пэровъ и съ палатою депутатовъ; о самомъ Людовикъ-Филиппѣ слышали мы въ тѣ времена очень мало (только потому догадались мы, что втихомолку распоряжался онъ во Франціи всѣмъ, какъ хотѣлъ); палата пэровъ тоже вела жизнь не шумную; но за то палата депутатовъ! вотъ въ ней какіе были ораторы и какимъ вольнымъ языкомъ обо всемъ разсуждали! Вскрываетъ, бывало, на кафедру Гизо и говоритъ: «Могущество Франціи основано на ея свободѣ, и правительство ничего не дѣлаетъ иначе, какъ по свободному согласію свободныхъ представителей страны». Каково! вѣдь первый министръ, а въ двухъ фразахъ три раза произнесъ слово свобода. Палата восхищается, и мы тоже. Только что сходитъ онъ съ кафедры, карабкается на нее маленькій Тьеръ и даетъ окрикъ на Гизо своимъ пискливымъ голосомъ: «Что ты тамъ толкуешь о свободѣ? Ты вотъ бери примѣръ съ меня: вотъ и такъ ужъ можно сказать другъ свободы; а ты мало ее любишь!» Вся палата аплодируетъ, и вся Европа восхищается горячностью любви Тьера къ свободѣ. Но Гизо не дался въ несправедливую обиду: онъ уже опять на кафедрѣ и говоритъ: «Тьеръ утверждаетъ, что я мало люблю свободу. Нѣтъ, я очень ее люблю; я долженъ сказать, что жить безъ нея не могу». Палата аплодируетъ больше прежняго, и Европа дивится великости любви Гизо къ свободѣ. Вотъ какія были времена, а теперь что?

Мы вспомнили все это по случаю недавнихъ статей во французскихъ газетахъ, жалующихся на свое нынѣшнее угнетеніе, вспоми-

нающихъ о блаженныхъ временахъ своей свободы и требующихъ ея возстановленія. Читая эти статьи, мы подумали, что счастливы были бы, напримѣръ, австрійскіе журналисты, если бы подвергались точно такому же угнетенію, какъ французскіе.

Читателю извѣстно, что, вмѣстѣ со многими другими конституціонными правами общественнаго мнѣнія, послѣ 2 декабря 1851 года была уничтожена во Франціи также и существовавшая въ ней свобода журналистики. Шума по этому поводу было очень много, и ниже мы увидимъ, кто собственно былъ виноватъ въ этой потерѣ: дѣйствительно ли вина падаетъ главнымъ образомъ на тогдашняго президента республика, нынѣшняго императора Наполеона III, или, скорѣе, на людей, хвалящихся тою любовью къ свободѣ, которую будто бы выказывали, когда были правителями государства при Людовикѣ Филиппѣ; а теперь прежде всего, чтобы понять жалобы и требованія, надобно взглянуть на законы, которымъ подчинено печатное выраженіе мнѣній во Франціи.

У насъ многіе полагаютъ, что во Франціи теперь, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ свободы печатнаго слова. Какъ сказать объ этомъ? Оно, если хотите, ея дѣйствительно нѣтъ во Франціи по сравненію съ свободою печатнаго слова въ Англіи, въ Швейцаріи, въ Бельгіи, въ Соединенныхъ Штатахъ. Но если сравнить Францію даже съ Пруссіей, то окажется, что во Франціи печатное слово едва ли не свободнѣе. Во первыхъ, всѣ стѣсненія, какія только есть во Франціи, относятся единственно къ газетамъ, да и то не ко всѣмъ, а лишь исключительно къ политическимъ. Для книгъ рѣшительно никакихъ стѣсненій не существуетъ. Мы видывали людей, разумѣется, русскихъ, которые до того высоко образованы и, можно сказать, учены, что для всѣхъ своихъ знакомыхъ кажутся оракулами, и которые, между тѣмъ, очень пріятно удивлены были появленіемъ книги Токвиля о французской революціи, книги, которая, подъ предлогомъ исторіи, содержитъ памфлетъ противъ нынѣшней правительственной системы во Франціи. Если бы они лучше знали нынѣшніе французскіе законы о книгопечатаніи или, по крайней мѣрѣ, помнили бы, какія книги безпрепятственно издавались въ Парижѣ постоянно съ самаго учрежденія самодержавной власти Наполеона, они сами посмѣялись бы своему восхищенію по случаю напечатанія въ Парижѣ книги Токвиля. Правительство Наполеона III, какъ ни сурово смотритъ оно на политическую литературу, никогда не считало удобнымъ присвоивать себѣ власть просматривать книги до ихъ напечатанія. Въ формѣ книги французскіе писатели всегда могли издавать все, что хотѣли, да и не могли встрѣчать въ этомъ затрудненія, потому что, какъ мы сказали, правительство никогда не брало на себя права оста-

навливать печатаніе какой бы то ни было книги. Дѣйствительно, Прудонъ издавалъ свои новыя сочиненія въ Парижѣ такъ же безпрепятственно, какъ издавалъ бы ихъ въ Брюсселѣ или Лондонѣ, хотя основная мысль его постоянно одна и та же—мысль, что всякое правительство, въ какой бы то формѣ ни было, противно общественному благу, и хотя эта мысль, по его обычаю, выражается у него всегда самымъ рѣзкимъ, эффектнымъ, часто циническимъ образомъ, съ постоянными обращеніями къ Наполеону III въ томъ духѣ, что способъ его дѣйствій подрываетъ во французской націи всякое довѣріе къ правительству. Постоянно также печатались въ Парижѣ новыя томы «Исторіи французской революціи» Луи Блана, хотя Луи Бланъ изгнанникъ, осужденный на вѣчное заключеніе въ крѣпости, и хотя вся его исторія написана въ доказательство того, что единственная правительственная форма, пригодная для Франціи, есть республиканская, а всѣ другія правительства могутъ держаться во Франціи только насиліемъ, обманомъ, развращеніемъ народа и инквизиціонными средствами. Эти книги печатались въ Парижѣ, и подобныя имъ продолжаютъ печататься такъ же свободно, какъ будто какіе нибудь учебники ариѳметики или алгебры. Мы упомянули только о двухъ писателяхъ, которые особенно извѣстны своимъ крайнимъ республиканскимъ образомъ мыслей и непримиримымъ ожесточеніемъ противъ Наполеона III и которые могли бы казаться опаснѣе всѣхъ другихъ по своему вліянію на публику. Но просмотрите списки книгъ, издаваемыхъ въ Парижѣ: вы увидите между ними десятки и сотни республиканскихъ сочиненій. Точно также вы увидите и множество сочиненій, написанныхъ въ пользу Бурбоновъ или въ пользу Орлеанскаго дома. Правительство Наполеона III никогда не рѣшалось и не могло стѣснять той части литературы, которая имѣетъ форму книгъ.

Всѣ жалобы на стѣсненіе свободы печатнаго слова во Франціи относятся исключительно къ политическимъ газетамъ и къ той части журналовъ, которые посвящены политикѣ. Но и тутъ напрасно было бы думать, что правительство Наполеона III присвоило себѣ какія нибудь прямыя средства помѣшать напечатанію какой бы то ни было статьи, въ какомъ бы то ни было духѣ. Оно узнаетъ о содержаніи нумера газеты только уже по его напечатаніи. Итакъ, кто отваживается на рискъ, можетъ и въ газетѣ напечатать, что ему угодно. Въ чемъ же состоитъ стѣсненіе? Статьи, содержаніе которыхъ было бы по французскимъ законамъ преступно, подвергались бы судебному преслѣдованію, которое и начинается и производится людьми, независимыми по своему положенію отъ администраціи. Но не это называется во Франціи стѣсненіемъ; напротивъ, газеты только то-

го и требуютъ, чтобы ихъ преслѣдовали судебнымъ порядкомъ, опредѣливъ какія угодно строгія правила о томъ, что должно считаться преступнымъ въ печати. Стѣснены газеты совершенно другимъ средствомъ, которое предоставило себѣ правительство знаменитымъ декретомъ 17 февраля 1852 года. Этотъ законъ даетъ министру внутреннихъ дѣлъ власть дѣлать газетамъ замѣчанія или выговоры (avertissements), и прибавляетъ, что изданіе газеты, получившей два выговора, можетъ быть пріосановлено на два мѣсяца министромъ; по прошествіи этого срока, газета продолжаетъ выходить, но если еще разъ подвергнетъ себя замѣчанію, то можетъ быть запрещена. Нѣтъ надобности говорить, что замѣчанія дѣлаются публично, печатаются въ получающей ихъ газетѣ и во всѣхъ другихъ газетахъ.

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію то, что подобный способъ наносить матеріальный вредъ газетамъ черезъ временную остановку или запрещеніе ихъ рѣшеніемъ одной административной власти, безъ правильнаго суда съ свободою и полною защитою, долженъ очень значительно стѣснить свободу политическихъ преній въ газетахъ, и мы нисколько не думаемъ находить удовлетворительнымъ положеніе, въ которое поставлены французскія газеты введеніемъ системы замѣчаній. Но все-таки было бы ошибочно мѣрять какимъ нибудь австрійскимъ или неаполитанскимъ масштабомъ просторъ критики, остающейся у французскихъ газетъ и при этой системѣ. Обратимъ вниманіе хотя на то обстоятельство, что замѣчанія дѣлаются публично, съ указаніемъ мѣстъ, вызвавшихъ замѣчаніе. Всякое замѣчаніе, перепечатываясь во всѣхъ газетахъ, становится предметомъ разсужденій цѣлой публики, возбуждаетъ сильныя толки; поэтому было бы неосновательно сказать, что административная власть можетъ дѣйствовать тутъ безотчетно: напротивъ, она должна дѣйствовать очень осмотрительно, чтобы не навлечь на себя насмѣшекъ или раздраженій публики неосновательностью или мелочностью повода къ данному ею замѣчанію; мало того: она не можетъ быть щедра на раздачу замѣчаній, потому что иначе шумъ, возбужденный однимъ замѣчаніемъ, превратился бы въ сильный ропотъ, оживляясь новыми столкновеніями: необходимо бываетъ ждать, пока затихнутъ толки по одному поводу, чтобы сдѣлать новое замѣчаніе,—и, дѣйствительно, самые суровые къ политическимъ преніямъ министры, каковъ былъ Эспинасъ, прибѣгали къ замѣчаніямъ очень рѣдко.

Но еще важнѣйшимъ обезпеченіемъ для очень широкаго простора газетной критики служить самая цѣль, для которой введены замѣчанія. У насъ многіе, мѣрняя, какъ мы выразились, французскія отношенія на масштабъ вовсе не французскій, воображаютъ, будто бы

правительство Наполеона III стѣсняетъ газеты для того, чтобы избавить свои распоряженія отъ печатной критики. Вовсе нѣтъ: какъ бы ни судилъ кто о принципахъ этого правительства, но нельзя отказать ему въ сообразительности и просвѣщенности. Потому оно, при всемъ своемъ полномъ властии, никогда не забывало, что предоставленіе его дѣйствій свободному разбору публички приноситъ пользу ему самому. Оно знаетъ, что самый сильный источникъ могущества есть популярность, а популярность предполагаетъ живое участіе общества въ государственныхъ дѣлахъ, а безъ свободы судить о нихъ угасаетъ всякая охота интересоваться ими. Итакъ, предоставляя свои дѣйствія критикѣ оно считаетъ необходимымъ для собственнаго могущества. Этого мало: оно, какъ правительство просвѣщенное, понимаетъ, что ошибки приносятъ больше всего вреда тому, кто ихъ дѣлаетъ, и что исправленіемъ своихъ ошибокъ можетъ оно возстановлять свои выгоды, потерпѣвшія отъ ошибокъ; потому оно никогда не теряло, — не скажемъ просто: готовности... нѣтъ, надобно сказать сильнѣе: никогда не теряло искренняго желанія слышать какъ можно больше разсужденій о своихъ дѣйствіяхъ, видѣть всѣ свои ошибки обнаруживаемыми. Это въ немъ нельзя назвать терпимостью: это — внушеніе собственнаго его интереса. Итакъ, вовсе не желаніе прикрыть свои дѣйствія отъ критики заставляетъ правительство Наполеона III держаться нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ относительно газетъ: оно никогда не имѣло этого недалековиднаго желанія. Причина стѣснительныхъ мѣръ совершенно ясная, не существующая нигдѣ, исключая одной Франціи: кромѣ царствующей бонапартовской династии, Франція имѣетъ двѣ династии претендентовъ: бургонскую и орлеанскую. Мы знаемъ, что всѣ другія европейскія державы избавлены отъ этого страннаго и жалкаго положенія. Въ добавокъ, Франція, также только одна изъ всѣхъ европейскихъ монархій, имѣетъ сильную партію республиканцевъ. Наши слова, что ни одинъ престолъ въ Европѣ не имѣетъ такого отношенія къ идеѣ республики, какъ французскій престолъ, нуждаются въ объясненіи. У насъ привыкли думать, что республиканцы существуютъ не въ одной Франціи, а также напримѣръ и въ Германіи, въ Австріи, въ Италіи. Да, дѣйствительно, есть въ этихъ странахъ люди, горячо говорящіе въ пользу республиканской формы; но съ ними такое практичное и сообразительное правительство, какъ правительство Наполеона III, поладило бы легко, потому что существенную идею всѣхъ этихъ республиканцевъ составляютъ стремленія, весьма и весьма совмѣстныя съ монархическою формою, и за идею республики берутся они только изъ-за того, что находятъ невозможнымъ ожидать осуществленія этихъ стремленій отъ своихъ государей. На-

примѣръ, въ Германіи жизненный вопросъ — національное единство, и если бы, напримѣръ, нѣмецкіе республиканцы увидѣли, что прусское правительство энергично стремится къ исполненію общаго желанія, они стали бы самыми горячими приверженцами этого монархическаго правительства. Еслибъ королемъ прусскимъ былъ теперь Фридрихъ Великій, не существовало бы ни одного республиканца въ Германіи: онъ сѣмъ бы воспользоваться стремленіемъ, которое теперь только съ отчаянія приходитъ къ республиканству, но при такомъ правителѣ, какъ Фридрихъ II, привело бы только къ расширенію владѣній прусскаго короля на всю Германію. Маццини вообще причисляется къ самымъ непреклоннымъ республиканцамъ, какіе только существуютъ въ Европѣ; онъ оракулъ многочисленныхъ республиканцевъ Италіи. Что же сдѣлалъ онъ теперь, когда явилась надежда, что король сардинскій станетъ предводителемъ итальянской націи въ осуществленіи ея независимости и единства? Онъ объявилъ, что всѣми силами своими будетъ поддерживать сардинскаго короля, и разослалъ къ итальянскимъ республиканцамъ, циркуляръ, предписывающій имъ дѣлать то же самое. Это показываетъ, что для него и для нихъ республиканская форма также служитъ только средствомъ къ учрежденію національной независимости и единства при нерасположеніи монархическихъ правительствъ Италіи серьезно стремиться къ этому, и, какъ только одно изъ этихъ правительствъ выказало такое стремленіе, они обнаружили полную готовность отбросить мысль о республикѣ и быть самыми жаркими приверженцами монархическаго правительства. Таковы республиканцы и во всей остальной Западной Европѣ, кромѣ Франціи: у нихъ сущность желаній состоитъ не въ учрежденіи республиканской формы, а въ осуществленіи національныхъ потребностей, которыя сами по себѣ не только совмѣстны съ монархическою формою, но которыя даже придали бы небывалое съ той поры могущество монархическому правительству, взявшемуся за ихъ исполненіе. Эти люди хотятъ республиканской формы только изъ отчаянія, только потому, что монархическія правительства не хотятъ взяться за исполненіе національныхъ потребностей. Если бы, сказали мы, Франція имѣла только такихъ республиканцевъ, правительство Наполеона III умѣло бы поладить съ ними, сдѣлать ихъ самыми равностными своими приверженцами, потому что оно готово удовлетворять всѣмъ національнымъ стремленіямъ, совмѣстнымъ съ монархическою формою. Но, говорили мы, изъ всѣхъ европейскихъ монархій въ одной Франціи есть республиканцы иного рода, — люди, которые хотятъ прежде всего не какихъ нибудь частныхъ преобразованій, а именно учрежденія республиканской формы; въ одной Франціи есть люди,

которые действительно и в сущности республиканцы. Вотъ поэтому—то правительство Наполеона III принуждено бороться противъ нихъ, они и оно непримиримы по принципу.

Итакъ, мы находимъ во Франціи три партіи: бурбонскую, орлеанскую и республиканскую, которыя непріязненны не какимънибудь дѣйствіямъ Наполеона III, а самому существованію его правительства, которыя хотятъ исключительно низверженія имперіи. Только необходимость мѣшать этому ихъ стремленію заставляетъ правительство Наполеона III имѣть контроль надъ политическими газетамъ. Тѣ газеты, которыя не хотятъ именно низверженія нынѣшней династіи, имѣютъ полную, свободу; администрація стѣсняетъ только тѣ газеты, которыя служатъ представительницами партій, непримиримо стремящихся къ низверженію династіи. Но и тутъ мы ошиблись бы, если бы стали судить о размѣрѣ стѣсненія по не-французскимъ понятіямъ. Правительство есть фактъ, а не теорія; его дѣятельность состоитъ въ практическихъ распоряженіяхъ, а не въ метафизическихъ размышленіяхъ. Правительство Наполеона III очень хорошо понимаетъ это и потому въ самомъ контролѣ своемъ надъ газетами обращаетъ вниманіе только на практику, а не на теорію. Всѣмъ извѣстно, и ему лучше всѣхъ, что такая-то газета защищаетъ дѣло Бурбоновъ, другая — дѣло орлеанской династіи, третья — дѣло республики. Каждая изъ нихъ открыто называетъ себя принадлежащею къ той партіи, которой держится: *Siècle*, на примѣръ, нисколько не скрываетъ своихъ республиканскихъ убѣжденій. Правительству до этого дѣла нѣтъ: оно не считаетъ нужнымъ заниматься теоретическими предпочтеніями и отвѣченными разсужденіями; оно не хочетъ только того, чтобы прямымъ образомъ приглашали публику отвергать его власть. Такимъ образомъ, положеніе журналистики во Франціи имѣетъ слѣдующія главныя черты.

Газеты, подобно книгамъ, издаются безъ всякой зависимости отъ правительства: онѣ могутъ печатать все, что хотятъ. Но книги подлежатъ только судебному преслѣдованію въ случаѣ своей преступности, въ отношеніи ихъ существуетъ полная свобода слова; газеты, напротивъ, подлежатъ еще административному стѣсненію посредствомъ замѣчаній и слѣдующихъ за замѣчаніями временныхъ остановокъ и запрещеній изданія. Но система замѣчаній имѣетъ свою цѣлью не стѣснять газеты въ разборѣ правительственныхъ дѣйствій, а только ограждать существованіе царствующей династіи отъ прямого возбужденія публики къ ея низверженію. Итакъ, системѣ замѣчаній подлежатъ только спеціально политическія газеты; тѣ изъ нихъ, которыя признаютъ царствующую династію, никог-

да не могутъ бояться замѣчаній, что бы ни говорили о правительственныхъ дѣйствіяхъ, какъ бы сильно ни указывали на ихъ ошибочность. Въ этихъ границахъ пользуются свободою критики и тѣ газеты, которыя не признаютъ нынѣшней династіи: онѣ могутъ сколько имъ угодно разбирать дѣйствія правительства и подвергаются опасности получить замѣчаніе лишь тогда, когда, не довольствуясь теоретическимъ защищеніемъ своихъ принциповъ, враждебныхъ нынѣшнему правительству, хотятъ возбуждать публику къ низверженію нынѣшней династіи. Да и въ такихъ случаяхъ замѣчанія даются очень рѣдко, только въ крайности, когда полемика противъ династіи заходитъ уже слишкомъ далеко. Однакожь, мы постоянно слышимъ жалобы французскихъ газетъ на стѣснительность такого положенія, а въ послѣднее время эти жалобы усиливались до того, что недѣли двѣ или три составляли главный предметъ газетной полемики. Правда, французы могутъ находить, что у нихъ теперь журналистика стѣснена гораздо больше, нежели какъ привыкли они при Луи-Филиппѣ; но даже изъ тѣхъ наполненныхъ жалобами статей, которыя мы приведемъ, читатель увидитъ, какъ великъ просторъ критики, остающейся у французскихъ газетъ.

Надобно разсказать, какимъ образомъ началась усиленная полемика французскихъ газетъ противъ стѣснительнаго положенія, въ которое поставлены онѣ системою замѣчаній. Въ одномъ изъ нашихъ политическихъ обзорѣній было замѣчено, что неудовольствіе, возбужденное во Франціи условіями виллафранкскаго мира, заставило правительство сдѣлать разныя уступки общественному мнѣнію, для смягченія порицаній за одно дѣло вызовомъ похвалъ за другія распоряженія. Самою важною изъ этихъ уступокъ было обнародованіе амнистіи. Она простиралась не только на людей, но и на изданія. Кромѣ того, что дано было позволеніе возвратиться во Францію всѣмъ политическимъ изгнанникамъ, объявлено было, что уничтожается дѣйствіе всѣхъ замѣчаній и судебныхъ штрафовъ, которые лежали на газетахъ. Это облегченіе вмѣстѣ съ общимъ понятіемъ о необходимости уступокъ произвело слухи, что правительство готовитъ измѣненіе законовъ о тисненіи для освобожденія журналистики отъ прежнихъ стѣсненій. Около того времени, когда усилились слухи объ отмѣненіи декрета 17 февраля 1852 года, происходило открытіе департаментскихъ совѣтовъ. Президентами департаментскихъ совѣтовъ назначаются почетнѣйшія лица государства, которыя пользуются этимъ случаемъ для произнесенія политическихъ рѣчей, излагающихъ положеніе государства и намѣренія правительства. Графъ Морни, предсѣдатель одного изъ совѣтовъ, произнесъ рѣчь, въ которой нашлись два мѣста, подтверждав-

шія слухъ объ освобожденіи журналистики. Графъ Морни доказывалъ, что англичане напрасно подозрѣваютъ французское правительство въ непріязненныхъ планахъ противъ Англїи, основываясь на враждебномъ тонѣ газетъ, служащихъ полуоффиціальными органами французскаго правительства. О томъ, что газеты, нападающія на Англїю, состоятъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ правительству, графъ Морни, конечно, не захотѣлъ говорить; но за то доказывалъ, что французскія газеты могутъ писать что имъ угодно, потому что цензуры во Франціи нѣтъ, и заключалъ, что правительство не должно быть подвергаемо отвѣтственности за мнѣнія журналистовъ, которые пользуются полною свободою. Зная положеніе французской журналистики, читатель видитъ, что графъ Морни утрировалъ ея независимость. Но само собою выводилось изъ его словъ, что правительство находитъ выгоду быть освобожденнымъ отъ отвѣтственности за мнѣнія газетъ и, стало быть, не безусловно отвергаетъ мысль возвратити имъ часть отнятой независимости. Кромѣ того, графъ Морни употребилъ въ своей рѣчи общую фразу, которую истолковали въ смыслѣ расширенія свободы вообще: онъ сказалъ, что амнистія служить вступленіемъ въ новую эпоху.

Утвержденные этою рѣчью въ довѣрїи къ слухамъ объ отиженіи стѣснительной системы замѣчаній, всѣ больше или меньше либеральныя французскія газеты занялись этимъ вопросомъ и начали помѣщать статьи, доказывавшія вредъ, приносимый стѣснительною системою. Начиная съ 10 сентября новаго стилиа, явился цѣлый потокъ статей подобнаго содержанія. Изъ нихъ мы выбираемъ ту, которая была помѣщена въ *Journal des Débats* 14 сентября и носила подпись Камюса, секретаря редакціи, въ знакъ того, что всѣ редакторы выражаютъ въ ней свое общее мнѣніе. Она интересна не столько сама по себѣ, сколько потому, что послужила предлогомъ для болѣе мужественнаго развитія той же основной идеи въ *Presse*. Вотъ статья *Journal des Débats*:

«Говорятъ, и даже позволяютъ говорить, что въ намѣренія императора входитъ въ скоромъ времени освободити журналистику отъ стѣсненій, вынужденныхъ обстоятельствами, къ счастью, временными. Нѣкоторые скромно радуются этому, другіе до чрезвычайности тревожатся. Что касается насъ, мы, конечно, были бы рады принять снова обычай свободы журналистики, если эта свобода должна быть намъ возвращена, и мы поспѣшимъ успокоить насчетъ насъ тѣхъ, которые боятся, что возстановленіе свободы журналистики поведетъ ко всевозможнымъ безпорядкамъ. Мы не злоупотребимъ правомъ, которое будетъ намъ возвращено. Мы не злоупотребляли имъ, когда оно было безспорнымъ правомъ, торжественно при-

знавшимъ всѣми государственными властями, подчиненнымъ только контролю законовъ и надзору судебной власти. Точно также мы не злоупотребимъ имъ, когда оно будетъ намъ возвращено, потому что мы не забудемъ, что можемъ опять потерять его; что общія учрежденія страны созданы не въ видахъ защиты свободы печати; что общественное мнѣніе довольно равнодушно въ этомъ дѣлѣ; что администрація, привыкшая къ комфорту общаго молчанія, не будетъ съ удовольствіемъ смотрѣть на тѣ противорѣчія, какія можетъ встрѣтить; что защитника мы будемъ имѣть только въ одномъ императорѣ, который, не побоявшись амнистїи и давъ ее наперекоръ многимъ, конечно, не побоятся свободы печати. Но этотъ всемогущій защитникъ не можетъ быть всегда внимателенъ, всегда хорошо ознакомленъ съ дѣломъ. Итакъ, мы знаемъ, что если намъ будутъ восстановлены права, то мы будемъ вновь подвержены и опасности. Однакожъ, мы не колеблемся. Опасность рѣчи мы предпочитаемъ болѣзни молчанія.

«Болѣзнь молчанія... мы расположены думать, что если есть побужденіе, могущее склонить императора къ восстановленію свободы печати, это побужденіе должно состоять въ томъ, что онъ видитъ и понимаетъ, какъ распространилась въ нашей странѣ эта болѣзнь. Для главы великаго государства должно быть самымъ тяжелымъ чувствомъ видѣть, что общество, имъ управляемое, впадаетъ въ летаргію, находить себя, такъ сказать, окруженнымъ пустотою, находить себя одного дѣйствующимъ, себя одного мыслящимъ, себя одного говорящимъ въ толпѣ, отвыкшей отъ заботы думать и дѣйствовать. Я не то хочу сказать, чтобы французское общество дошло до такого состоянія, — далеко нѣтъ: нашъ общественный организмъ во многихъ отношеніяхъ полонъ жизни и силы. Что можетъ быть сильнѣе, могущественнѣе и энергичнѣе нашего военнаго общества? что можетъ имѣть болѣе здороваго демократизма? Еслибъ во Франціи, по дѣйствию какой нибудь пневматической машины, жизнь постепенно удалилась почти изъ всѣхъ частей общественнаго организма, эта жизнь, вся вполнѣ, сохранилась бы въ арміи. Армія такъ популярна у насъ потому, что мы чувствуемъ это. Мы восхищаемся тѣмъ, что живетъ, что дѣйствуетъ, что обнаруживаетъ во вѣхъ живую силу Франціи.

«Я не стану также обвинять въ летаргіи наше промышленное и торговое общество: оно дѣятельно, трудолюбиво, предприимчиво, и хотя рѣзкіе переходы отъ мира къ войнѣ нарушаютъ иногда его равновѣсіе, но жизненность французской промышленности изумительна. Чего же вамъ нужно еще, если ваши солдаты храбры и ваши работники дѣятельны и развиты? — скажутъ намъ приверженцы без-

условнаго спокойствія. Эти честные квіетисты забываютъ, что не мы возвратимъ свободу печати. Императоръ, верховный наблюдатель, дѣлая медицинскій осмотръ общественнаго организма, находить, что есть у насъ такая часть нравственной и политической жизни, которая страдаетъ; находить, что эта болѣзнь, принимающая форму паралича, принуждаетъ его возвратить дѣятельность великому ослабѣвающему тѣлу, держать его въ постоянномъ моціонѣ, не давать ему дремать. Скажемъ болѣе: бываютъ минуты, когда это великое дѣло не слѣдуетъ удовлетворительно тому направленію, какое получаетъ, утомляетъ своимъ безсиліемъ руку, имъ движущую.

«Мы знаемъ, какъ затруднительно приводить на это примѣры; но мы приведемъ ихъ, дѣлая опытъ обѣщанной намъ свободѣ съ готовностью остановиться, если опытъ окажется неудачнымъ.

«Въ январѣ 1859 императоръ рѣшился на войну. Франція не была къ ней приготовлена. Не было публичныхъ и свободныхъ споровъ, которые показали бы Франціи, что есть итальянскій вопросъ, что этотъ вопросъ достигъ кризиса, что нужна развязка, или посредствомъ европейскаго конгресса, или посредствомъ итальянской войны. Императоръ могъ чувствовать тогда, какъ слаба поддержка общественнаго мнѣнія; онъ могъ жаловаться на его апатію. Только революціонный духъ, думавшій найти себѣ просторъ въ Италиі, попытался нѣсколько гальванизировать общественное мнѣніе. Тогда къ апатіи общественнаго мнѣнія присоединился страхъ, и война стала еще менѣе популярна въ значительной части французскаго общества.

«Мы слышали тогда, какъ нынѣшніе консерваторы доходили въ своемъ гнѣвѣ до сожалѣнія, что уничтожилось парламентское правленіе, какъ они говорили, что двадцать бурныхъ преній произвели бы менѣе потрясенія и пробудили бы менѣе безпокойствъ, чѣмъ одно слово, произнесенное въ Тюильри 1 января 1859. Разрушительность этому слову придавало то, что оно раздалось среди общаго молчанія. Еслибъ оно было началомъ или продолженіемъ совѣщанія, оно все-таки сохранило бы свою важность, оно все-таки было бы рѣшеніемъ, какъ и должно быть, но оно не было бы неожиданнымъ и потрясающимъ ударомъ.

«Мы можемъ сказать о мирѣ то же самое, что сказали о войнѣ: онъ также былъ неожиданностью. Онъ явился среди множества воинственныхъ и довольно декламаторскихъ статей, а что еще важнѣе—эти статьи не встрѣтили сопротивленія, опроверженія и повѣрки ни отъ какого спора въ пользу шансовъ, благопріятныхъ для мира; потому виллафранкскій трактатъ былъ истинно театральнымъ эффектомъ,—эффектомъ, къ которому не былъ приготовленъ даже никто

изъ дѣйствующихъ лицъ. Что касается до насъ, никогда мы не видѣли театральнаго эффекта болѣе удачнаго и умѣстнаго. Правда и то, что мы смотрѣли на него преимущественно съ французской точки зрѣнія. Мы имѣли на это право. Мы видѣли, что въ два мѣсяца войны Франція пріобрѣла перевѣсъ, который признавался и упрочивался миромъ и который отъ продолженія войны подвергался бы риску, не вознаграждаемому надеждою на какія нибудь новыя выгоды для Франціи. Итакъ, мы очень горячо одобряли миръ и защищали бы его гораздо жарче и тверже, если бы было свободное преніе или въ газетахъ, или на трибунѣ. Но недовольные миромъ не были тогда въ состояніи свободно выразить своего неудовольствія, какъ не могли за полгода передъ тѣмъ выражать своего неудовольствія недовольные войною; потому намъ казалось, что молчаніе, будучи необходимою для порицающихъ, составляетъ обязанность приличія для одобряющихъ. Притомъ, мы думали, что въ рѣчахъ президентовъ великихъ государственныхъ учреждений миръ будетъ не только одобренъ, но и объясненъ. Объясненіе исчезло подъ ободреніемъ. Уже самъ императоръ, восполняя общее молчаніе, объяснилъ вилла-франкскій миръ съ величайшею прямою и величайшею твердостью, сказавъ то, что хотѣли бы высказать недовольные миромъ, давъ на эти возраженія отвѣтъ, очень справедливый, по нашему мнѣнію, одинъ принявъ на себя роль всѣхъ въ столь важномъ преніи, высказавшись за всѣхъ, даже за тѣхъ, которые думаютъ неодинаково съ нимъ.

«Не въ первый разъ императоръ показывалъ эту смѣлую инициативу. Мы помнимъ, что, когда родился наслѣдннй принцъ, онъ самъ съ большимъ тактомъ высказалъ то, что всѣ думаютъ, и никто не говорилъ объ этомъ четвертомъ наслѣдникѣ престола, родившемся въ Тюильри, объ этомъ наслѣдникѣ престола, о которомъ неизвѣстно, тамъ ли онъ умретъ, гдѣ родился.

«Эти порывы къ свободѣ мысли дѣлаютъ честь государю; ему прилично не обольщаться словами, съ которыми являются къ нему, и искать за стѣнами дворца общественную, народную мысль, чтобы отвѣчать ей, просвѣщать ее, умѣрять ее и направлять ее. Но этотъ даръ говорить одному недостаточенъ для государя во Франціи. Его мысль должна встрѣчать отголоски, которые не были бы льстивыми; а для этого нужно, чтобы она могла встрѣчать и противорѣчія. Эти условія необходимы для того, чтобы составлялось общественное мнѣніе и чтобы страна принимала участіе въ событіяхъ своей исторіи. Безъ того страна впадаетъ въ дремоту и разслабленіе. Благодаря превосходной военной организаціи, она можетъ быть способна на великое и удачное усиліе; но самъ государь чувствуетъ, что это усиліе не могло бы

быть продолжительнымъ, а въ особенности, что оно нуждается въ поддержкѣ успѣхомъ, что ему трудно было бы перенести испытаніе неудачи. Государи думаютъ справедливо, когда полагаютъ, что всеобщая апатія — дурной пьедесталъ для нихъ: ихъ величіе основывается на величій и силѣ ихъ опоръ; а хороши только тѣ опоры, которыя не подгибаются, а выпрямляются отъ ударовъ.

«Мы привели два примѣра невыгоды молчанія и для войны, и для мира. Мы показали, какъ самъ императоръ могъ почувствовать эти невыгоды, и какъ онъ помогъ имъ. Мы приведемъ третій примѣръ. Онъ будетъ взятъ изъ сферы менѣе высокой; онъ показываетъ, какъ болѣзнь молчанія тревожитъ также нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ сановниковъ и администраторовъ имперіи.

«Теперь собраны департаментскіе совѣты, и одинъ изъ бывшихъ депутатовъ, графъ д'Оссонвиль, написалъ для нихъ письмо, которое они прочтутъ съ пользою для себя. Г. д'Оссонвиль убѣждаетъ департаментскіе совѣты высказывать ихъ политическія мнѣнія. Намъ не удивительно слышать такой совѣтъ отъ г. д'Оссонвиля, принадлежащаго такой школѣ и такой эпохѣ, которая любила пренія. Но рѣчи, произнесенныя гг. де-Морни и де-ла-Героньеромъ при открытіи пюй-де-домскаго и верхне-вѣнскаго департаментскихъ совѣтовъ, показываютъ намъ, какъ просвѣщенные сановники и администраторы имперіи, подобно императору, желаютъ, чтобы обычай преній нѣсколько возвратился въ умы. Эти обѣ рѣчи чисто политическаго содержанія, которое натурально вызывало къ пренію. Если онѣ не вызвали его, это потому, что нынѣ въ выборныхъ корпораціяхъ трудно встрѣчать людей, способныхъ противорѣчить. Мы даже убѣждены, что префектамъ нужны будутъ нѣкоторыя усилія въ смыслѣ противномъ ихъ прежнимъ усиліямъ, чтобы имѣть въ департаментскихъ совѣтахъ людей, которые противорѣчили бы.

«Если бы мы имѣли честь быть членомъ пюй-де-домскаго или верхне-вѣнскаго департаментскихъ совѣтовъ, мы отвѣчали бы на одобрительный вызовъ къ пренію, сдѣланный гг. де Морни и де-ла-Героньеромъ. Дѣйствительно, много можно сказать объ этихъ рѣчахъ, на примѣръ о высказанномъ г. де-Морни мнѣніи, что наша журналистика въ настоящее время не подлежитъ никакимъ мѣрамъ предупрежденія, какъ будто бы не должно было назвать самую строгую систему предупредительныхъ мѣръ такую систему, которая принуждаетъ писателя избѣгать возможности не понравиться администраціи подъ страхомъ замѣчаній, временной остановки и даже совершеннаго прекращенія газеты, въ которую онъ пишетъ. Но мы не имѣемъ притязанія вести пренія вмѣсто членовъ департаментскихъ

совѣтовъ. Мы хотимъ только показать, что люди, наиболѣе посвященные въ мысли императора, дѣлаютъ похвальныя усилія для оживленія духа преній и для противодѣйствія болѣзни молчанія. Возстановленіе свободы печати есть одно изъ лекарствъ, которыми можно испытать противъ этой болѣзни. Мы ожидаемъ этого опыта и обѣщаемъ наше смиренное содѣйствіе тому, чтобы онъ былъ успѣшенъ.

«Мы не хотимъ кончить этой статьи, не сдѣлавъ замѣчанія, которое, быть можетъ, сдѣлали бы многіе изъ нашихъ читателей и которое лучше сдѣлать намъ самимъ. Въ нынѣшнихъ размышленіяхъ мы часто говорили объ императорѣ—это противно нашимъ прежнимъ привычкамъ. Въ прежнія времена мы всегда говорили только о министрахъ, потому что министры въ прежнія времена были отвѣтственны; теперь они отвѣтственны только передъ императоромъ, то есть отвѣтственность лежитъ теперь на одномъ императорѣ. Итакъ, преніе должно относиться къ нему. Намъ эта новая метода не представляется непріятной; она—мы твердо убѣждены—не уменьшаетъ нашей свободы, — быть можетъ, даже увеличиваетъ ее, а естественная почтительность, ею возлагаемая на пренія, есть такая обязанность, которую мы принимаемъ съ полною охотою и искренностью.»

Въ сущности статья довольно ѣдка, но, по обыкновенію *Journal des Débats*, написана съ дипломатической тактикой, сущность которой состоитъ въ лъстивомъ противоположеніи либеральныхъ тенденцій императора съ реакціонными мнѣніями его совѣтниковъ. Еслибъ не они, не эти обскуранты, окружающіе императора Наполеона, Франція, по словамъ *Journal des Débats*, давно пользовалась бы гораздо большею степенью свободы, чѣмъ теперь, потому что только реакціонныя мнѣнія окружающихъ людей мѣшаютъ императору волюнѣ предаться своей любви къ либеральнымъ учрежденіямъ. *Journal des Débats* очень хорошо знаетъ, что взводитъ на императора ложь, утверждая, будто бы онъ такъ подчиняется мнѣнію своихъ совѣтниковъ и будто бы не его желанія управляютъ Франціею. Но *Journal des Débats* и вмѣстѣ съ нимъ многіе другіе либералы полагаютъ, что подобное искаженіе фактовъ можетъ быть полезно: они воображаютъ, будто могутъ обмануть Наполеона III своими похвалами его либерализму, какъ будто бы онъ не знаетъ своего образа мыслей и не находитъ, что желанія *Journal des Débats* несовмѣстны съ его политическою системою. Дальнѣйшій ходъ дѣла послужитъ новымъ подтвержденіемъ той очевидной истинѣ, что ребячскіе обманы совершенно бесполезны: какъ ни сладко говорилъ *Journal des Débats* о либерализмѣ Наполеона III, онъ все-таки не успѣлъ обольстить императора.

Кромѣ этой тонкой, но совершенно ребяческой тактики — заставить челоуѣка сдѣлать то, чего онъ не хочетъ, приписывая ему образъ мыслей, котораго онъ не имѣетъ, — кромѣ этой уловки мелкаго либерализма, вы должны обратить вниманіе и на проглядывающее въ статьѣ самохвалство прежними временами, когда партія Journal des Débats управляла государствомъ. Послушать этого самохвалства — а его наслушались и ему повѣрили очень многіе — такъ подумаешь, что при Луи-Филиппѣ Франція, въ самомъ дѣлѣ, пользовалась конституціоннымъ правленіемъ. Кто вѣритъ этому, тотъ никакъ не понимаетъ возможности перехода отъ Луи-Филиппа къ Наполеону III, и такому челоуѣку остается только толковать о глубокомъ паденіи Франціи, что и дѣлаютъ чрезвычайно многіе. На самомъ дѣлѣ перемѣна въ дѣйствительномъ порядкѣ дѣлъ вовсе не такъ огромна. При Луи-Филиппѣ конституція оставалась одною формою, а въ сущности господствовало «личное управленіе». Формою безъ сущности могутъ дорожить только техники-специалисты, а толпа не придаетъ ей особенной важности, и потому послѣ Луи-Филиппа возможенъ былъ Наполеонъ III: для этого стоило только отбросить форму. Что и говорить, личное управленіе дѣйствуетъ теперь сильнѣе, нежели въ орлеанскій періодъ; но разница въ степени фактической зависимости дѣйствій правительства отъ общественнаго мнѣнія тогда и теперь далеко не такъ огромна, какъ думаютъ поверхностные люди, ослѣпляющіеся формою. Мы здѣсь укажемъ только на одну отрасль конституціонной жизни, составляющую прямой предметъ этой статьи — на свободу политическихъ газетъ. Напрасно хвалятся бывшіе правители орлеанскаго періода и Journal des Débats, ихъ органъ, будто бы они покровительствовали полной свободѣ политической журналистики. На бумагѣ свобода существовала тогда, но и теперь на бумагѣ она существуетъ; а на самомъ дѣлѣ орлеанское правительство придумало всѣ, возможные тогда, средства для ея стѣсненія. Основаніе новыхъ газетъ было очень затруднено требованіемъ огромнаго денежнаго залога въ обезпеченіе уплаты штрафовъ, которымъ могла подвергнуться газета; враждебныя правительству газеты систематически убивались наложеніемъ множества огромныхъ штрафовъ. Такая свобода политическихъ преній, какая приобрѣтена англійскими газетами, не принадлежала французской журналистикѣ и при Луи-Филиппѣ. Важнѣйшій изъ сентябрьскихъ законовъ, знаменитыхъ въ лѣтописяхъ реакціи и изданныхъ съ одобренія нынѣшнихъ защитниковъ свободы, былъ направленъ противъ свободы газетъ. Кромѣ законовъ и штрафовъ, правительство постоянно старалось убить оппозиціонныя газеты полицейскими мѣрами. Такимъ образомъ,

Наполеонъ III собственно не внесъ новаго принципа въ отношенія французскаго правительства къ политическимъ газетамъ: и при Луи-Филиппѣ, какъ при немъ, правительство дѣлало все, что могло, для стѣсненія свободы враждебной ему журналистики. Вся разница въ томъ, что реакція послѣ 1848 года получила гораздо больше силы, нежели сколько имѣла послѣ 1830; только потому и стѣсненіе журналистики стало значительнѣе. Чтобы держать себя подобнымъ образомъ, у правительствъ орлеанскаго періода не доставало не охоты, а только силы. Они не дали французскому обществу привыкнуть къ полной свободѣ журналистики; а если уже существовало правило стѣснять, по возможности, газеты, то естественно, что, при усиленіи реакціи, легко было ей больше прежняго стѣснить ихъ. Теперь Journal des Débats жалуется; но его собственная партія виновна въ томъ, что французы остались способны жить безъ полной свободы печатнаго слова. Нѣсколько больше стѣсненія, нѣсколько меньше стѣсненія—это уже просто зависитъ отъ обстоятельствъ, когда не было допущено укорениться въ умахъ понятію о совершенной несомвѣстности стѣсненія съ принципомъ участія общества въ правительственныхъ дѣлахъ. Не Наполеонъ III, а люди, выставяющіе нынѣ себя либералами, должны считаться истинными виновниками того положенія, въ которое нынѣ поставлены французскія газеты. Даже и теперь, когда они открыто составляютъ непримиримую оппозицію, стало быть должны доводить до крайнихъ предѣловъ всю ту либеральность понятій, въ которой способны, даже и теперь они не умѣютъ говорить о свободѣ печатнаго слова языкомъ, соотвѣтствующимъ защищаемому ими требованію. Этотъ недостатокъ былъ хорошо раскрытъ въ статьѣ Presse (15 сентября), которая воспользовалась статьею «Journal des Débats», чтобы развить требованіе въ болѣе мужественной формѣ:

«Г. де-Морни (говорила Presse), въ своей рѣчи при открытіи пюй-де-домскаго департаментскаго совѣта, объявилъ, что амнистія составляетъ «вступленіе къ новой системѣ, въ которую мы теперь входимъ.» Но такъ какъ онъ не почелъ нужнымъ объясниться точнѣе, то явился вопросъ, въ чемъ же состоитъ эта система, предназначенная довершить «дѣло успокоенія и примиренія»: Journal des Débats, повидимому справлявшійся объ этомъ, извѣщаетъ насъ, что правительство, пораженное вредомъ, какой наноситъ общественному духу «болѣзнь молчанія», хочетъ попытаться излечить эту болѣзнь, возвращеніемъ свободы печати. Онъ ожидаетъ, по его словамъ, этого опыта, обѣщаетъ свое «смирное содѣйствіе тому, чтобы онъ былъ успѣшенъ» и обязывается не злоупотреблять правомъ, которое будетъ ему возвращено.

«Это обѣщаніе мы считаемъ излишнимъ, чтобы не употребить болѣе сильнаго слова, и, быть можетъ, читатель найдетъ, что говорить о свободѣ подобнымъ образомъ значить говорить о ней очень дурно. Journal des Débats имѣетъ свои причины быть скромнымъ: онъ не забываетъ, что «общія учрежденія страны созданы не въ «видахъ защиты свободы печати; что общественное мнѣніе довольно «но равнодушно къ этому дѣлу; что администрація, привыкшая къ «комфорту всеобщаго молчанія, не будетъ съ удовольствіемъ «срѣтъ на тѣ противорѣчія, какія можетъ встрѣтить; что защит- «ника мы будемъ имѣть только въ одномъ императорѣ». Все это столь же странно, какъ и невѣрно.

«Во первыхъ, очень странно утверждать, что глава государства единственный либеральный человѣкъ въ цѣломъ правительствѣ и что теперь исключительно къ нему одному должно «относиться пре- «ніе». Journal des Débats признается, что это противно его прежнимъ привычкамъ; но, прибавляетъ онъ, «теперь одинъ императоръ отвѣт- «ственное лицо.» Объ этомъ было бы можно сказать много, очень много; но все равно: согласимся, что, будучи одинъ ответственнымъ лицомъ, какъ единственный властитель, онъ захочетъ отдать всѣ свои дѣйствія на разборъ газетамъ. Прочіе ли оградятся чрезъ это свобода? Journal des Débats признается, что этотъ всемогущій защитникъ «не можетъ быть всегда внимателенъ, всегда хорошо озна- «комленъ съ дѣломъ.» Итакъ, единственнымъ результатомъ было бы, что смѣлыя слова, внушаемыя этимъ покровительствомъ, правда, все- «могущимъ, но невѣрнымъ, невнимательнымъ или нехорошо озна- «комленнымъ или ознакомленнымъ съ дѣломъ въ превратномъ видѣ, отдали бы газеты на произволъ администраціи, которая будетъ къ нимъ тогда еще строже и не проститъ имъ того, что онѣ нарушила «комфортъ всеобщаго молчанія.» Мы не понимаемъ, чѣмъ утѣшительна такая перспектива для Journal des Débats.

«Благорасположеніе, поддержавшее журналистику нынѣ, можетъ покнуть ее завтра, — и въ чемъ тогда найдетъ она безопасность се- «бѣ? А что такое свобода безъ безопасности, оставляющей сознаніе «свободы? Кромѣ законовъ, которые гарантировали бы намъ свободу пользоваться нашими правами, ни въ чемъ другомъ нельзя найти никакой безопасности. Впрочемъ, намъ надобно только указать ны- «нѣшнему Journal des Débats на вчерашній Journal des Débats, указать г. Камюсу, секретарю редакціи, на г. Прево — Парадоля, который опредѣлительно и справедливо говоритъ: «Свобода печати не можетъ «опираться на терпимость администраціи. Она существуетъ только «подъ условіемъ, чтобы она была ясно опредѣлена репрессивными «законами, которые обозначали бы точно указанныя преступленія и

«наказанія за нихъ и не оставляли бы никакого мѣста произволу. «Всякое другое положеніе для журналистики непрочно, и просторъ, «которымъ она повременамъ можетъ пользоваться при отсутствіи «этихъ существенныхъ гарантій, никакъ не заслуживаетъ названія «свободы.

«Вотъ истинные принципы, вотъ языкъ истины, опыта, здраваго смысла и благородства! Свобода печати остается пустымъ словомъ, пока не составляетъ части свободной конституціи. Мы не будемъ распространяться объ этомъ предметѣ, который заслуживаетъ отдѣльнаго изслѣдованія.

«Но мы не хотимъ также оставить безъ протестаціи того, что Journal des Débats говоритъ о мнимомъ равнодушіи общественнаго мнѣнія къ свободѣ печати. Этого равнодушія, слава Богу, нѣтъ. Волнуемое или экзальтируемое съ 1848 года революціями и быстрыми переменами власти, общественное мнѣніе могло имѣть временные пароксизмы утомленія и неудовольствія; но никогда оно не бывало равнодушно къ общественнымъ дѣламъ. Мысль націи никогда не отвращалась отъ принциповъ нравственности и здравой политики и, слѣдовательно, свободы.

«Доказательства этой утѣшительной истины особенно теперь поражаютъ всѣ внимательныя умы. Не подлежитъ спору то, что всѣ политическія, экономическія или философскія истины, произносимыя людьми, заслуживающими уваженіе, падаютъ на почву, готовую принять и оплодотворить ихъ. Народная мысль открыта всякому полезному наставленію; она стремится къ талантамъ, способнымъ управлять ею, и въ этомъ стремленіи очищается и укрѣпляется. Изучая это стремленіе и руководя имъ, газеты должны стараться воспитать общественный духъ, составляющій силу, величіе и достоинство свободныхъ народовъ.

«Утверждать, подобно Journal des Débats, что Франція равнодушна къ свободѣ, значить говорить, что у ней недостаетъ существеннаго элемента, великаго двигателя національной жизни; значить оправдывать тѣхъ, которые, утверждая, что свободою печати интересуются только журналисты, устраиваютъ стѣснительными мѣрами «комфортъ всеобщаго молчанія». Прискорбно видѣть, что уважаемые писатели, друзья всякой свободы, доставляютъ такимъ образомъ предлогъ для претензій и дурныхъ наклонностей произвольной власти.

«Если правительство расположено, какъ утверждаютъ г. де-Морни и Journal des Débats, возвратить свободу газетамъ, причинами его рѣшенія должно служить, во первыхъ, то, что общественное мнѣніе неравнодушно къ этой свободѣ; во вторыхъ, то, что власть для

собственной твердости должна быть постоянно оживляема національнымъ голосомъ, который передается ей газетами. Безъ этого голоса все повергается въ молчаніе, и, когда онъ заглушенъ, государственныя власти становятся отдѣленными отъ націи, безжизненными, безсильными, безславными. Шестьдесятъ лѣтъ бурь, поочередно ломавшихъ всѣ наши старыя и новыя учрежденія, достаточно показываютъ, что безъ свободы общественное зданіе опирается на основахъ слишкомъ непрочныхъ.

«Англичане приписываютъ свободѣ печати всѣ хорошіе результаты своей конституціи. Они считаютъ ее столь же полезною для власти, какъ и для оппозиціи. Она умѣряетъ, направляетъ и исправляетъ ходъ ихъ правительства, и они скорѣе повѣрятъ тому, что островъ ихъ погибнетъ, чѣмъ возможности лишиться этой свободы. Мы еще не дошли до такого убѣжденія, далеко не дошли, — но дойдемъ.»

Полемика подобнаго рода продолжалась нѣсколько дней съ большимъ одушевленіемъ. Наконецъ правительство увидѣло надобность положить конецъ ошибочнымъ надеждамъ, которыя иначе, укоренившись въ умахъ, поставили бы его въ затруднительное положеніе. 18 сентября «Мониторъ» напечаталъ слѣдующее извѣщеніе:

«Многія газеты объявляли о скоромъ обнародованіи декрета, — измѣняющаго законодательство 1852 года о политической журналистикѣ.

Это извѣстіе совершенно неосновательно.

Политическая журналистика во Франціи имѣетъ свободу полагать въ разборъ всѣ дѣйствія правительства и объяснять ихъ общественному мнѣнію. Нѣкоторыя газеты, сдѣлавшись, незамѣтно для самихъ себя, органами враждебныхъ партій, требуютъ большей свободы, которая имѣла бы цѣлью только облегчить имъ нападенія на основныя законы общественнаго порядка. Императорское правительство не отступитъ отъ системы, которая, оставаясь доступною для престола духу критики, пренія и разбора, предотвращаетъ чуждыя и вредныя дѣйствія лжи, клеветы и ошибки.»

Это извѣщеніе произвело неблагоприятное впечатлѣніе на публику, и газеты подтвердили предположенію разбору. Для примѣра мы приведемъ статью, которую въ тотъ же самый день напечатала Presse:

«Мониторъ произнесъ рѣшеніе: новаго декрета о журналистикѣ не будетъ; въ законодательствѣ 1852 года не будетъ сдѣлано никакихъ перемѣнъ. Газеты имѣютъ достаточно свободы для того, чтобы подвергать критику дѣйствія правительства и объяснять ихъ общественному мнѣнію; отъ которыя требуютъ большей свободы, сами того не зная, органами враждебныхъ партій, хотя

щихъ низвергнуть конституцію и основные законы общественнаго порядка. Вотъ что «Мониторъ» объявляетъ газетамъ. Мы не хотимъ спрашивать, не придаетъ ли слишкомъ много важности и журналистикѣ и враждебнымъ партіямъ предположеніе, что журналистика можетъ вооружить враждебныя партіи силою, способною стремиться къ такимъ результатамъ.

«Если бы мы говорили отъ имени правительства, мы не захотѣли бы посредствомъ такихъ словъ представлять его существованіе зависящимъ отъ нѣсколькихъ перьевъ. Но говорить отъ имени правительства не наша обязанность, и «Мониторъ» лучший судья того, что онъ говоритъ и хочетъ говорить. Но такъ какъ за нами признаютъ свободу обсуждать дѣйствія правительства и такъ какъ нынѣшнее объявленіе «Монитѣра» неоспоримо есть правительственное дѣйствіе, то мы замѣтимъ, что никто не просилъ правительство открывать просторъ «для лжи, для клеветы и ошибки». Ложь и клевета составляютъ проступки, подлежащіе суду трибуналовъ, и даже ошибка, сдѣланная непреднамеренно, есть проступокъ, не ускользнувшій отъ вниманія законодателя. Мы, кажется, прочли рѣшительно все написанное объ этомъ предметѣ въ недолгой періодъ надежды, прекращаемой нынѣ объявленіемъ «Монитѣра»; но изъ тѣхъ желаній, которыя мы находимъ въ газетахъ, не было ни одного несовмѣстнаго съ конституціею и основными законами общественнаго порядка.

«Была ли бы опасность для конституціи, была ли бы опасность для общественнаго порядка, если бы газетамъ возвращена была общая свобода, принадлежащая труду и промышленности, черезъ уничтоженіе предварительнаго разрѣшенія, если бы чрезъ уничтоженіе замѣчаній онѣ возвращены были въ обыкновенное вѣдомство юридической подсудности? Мы не думаемъ этого и, пользуясь свободою, оставшеюся намъ по «Монитѣру», говоримъ, что не думаемъ этого. Нетрудно было бы доказать наше мнѣніе, но бесполезно ратовать аргументами противъ факта, а фактъ здѣсь то, что «Мониторъ» не раздѣляетъ нашего мнѣнія. Этимъ рѣшается вопросъ. Положеніе дѣлъ остается прежнее, и газеты должны ладить съ нимъ, какъ знаютъ. Стѣсненіе падаетъ на нихъ, но отвѣтственность и — не боимся сказать — важнѣйшая часть вреда упадетъ на другихъ.»

Правительству показалось нужнымъ нѣсколько смягчить впечатлѣніе, произведенное безусловнымъ характеромъ объявленія «Монитѣра» о томъ, что правила, которыми стѣснены газеты, не подлежатъ никакимъ измѣненіямъ. На другой день явился въ «Мониторѣ» циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ префектамъ, дополнявшій объявленіе «Монитѣра» разъясненіями, которыя могли бы нѣ-

сколько уменьшить неудовольствіе. Циркуляръ начинался тѣмъ, что изъ амнистіи, освободившей газеты отъ наказаній, полученныхъ ими по закону 17 февраля 1852, напрасно выводили заключение, будто бы самый этотъ законъ отмѣняется, —напротивъ, амнистія была только милостью, а прежній законъ сохраняетъ свою силу. «Декретъ 17 февраля 1852 г. (продолжалъ циркуляръ) не былъ, какъ утверждали, къ сожалѣнію, слишкомъ многіе, мѣрою временною, порожденною общественнымъ кризисомъ и непригодною для обыкновенныхъ временъ. Безъ сомнѣнія, какъ всѣ политическіе законы, онъ можетъ подлежать улучшеніямъ, польза которыхъ была бы доказана опытомъ; но принципы, на которыхъ основанъ этотъ законъ, тѣсно связаны съ возстановленіемъ правительственной силы во Франціи и съ учрежденіемъ единства власти на основаніи всеобщаго вотированія.

«Императорское правительство не опасается добросовѣстнаго разбора своихъ дѣйствій: оно такъ сильно, что не боится никакихъ нападеній (и т. д., въ этомъ родѣ). Но если неоспоримая его сила даетъ ему возможность безвредно переносить даже злоупотребленія свободы, то соображенія, не зависящія отъ боязни и основанныя исключительно на общественномъ благѣ, налагаютъ на него обязанность не отказываться отъ законныхъ средствъ защиты, составляющихъ гарантію, а не стѣсненіе для общества при правительствѣ, которое служитъ полнѣйшимъ выраженіемъ національной воли.

«Право излагать и обнародовать свои мнѣнія, принадлежащее каждому французу, есть приобрѣтеніе 1789 года и не можетъ быть отнимаемо отъ націи, столь просвѣщенной, какъ французская. Но это право не должно быть смѣшиваемо съ свободою періодическихъ изданій.

«Газеты суть организованныя въ государствѣ коллективныя силы и при всѣхъ правительствахъ подлежали особеннымъ правиламъ (*). Итакъ, государство имѣетъ права и обязанности предосторожности и надзора, исключительно относящіяся къ газетамъ, и когда оно оставляетъ за собою власть прямо наказывать ихъ проступки административнымъ путемъ, оно не стѣсняетъ свободы мысли, оно только пользуется способомъ охраненія общественныхъ интересовъ. Пользованіе этимъ способомъ охраненія, безспорно ему принадлежащимъ, должно совершаться въ духѣ великой справедливости, умѣренности и твердости.

«Прибавлю, что умѣренность особенно необходима въ административномъ судѣ относительно газетъ. Я самымъ сильнѣйшимъ об-

(*) Вотъ, мы видимъ, что само высшее правительство приводитъ оправданіемъ для высшаго положенія политической журналистики тѣ отношенія, въ которыхъ старались держать ее прежнія французскія правительства.

разомъ обращаю ваше вниманіе на это. Правительство имѣеть рѣшимость и обязанность не давать принципу своей власти ослабѣвать; но именно по этому самому оно должно вводить въ свободу пренія только тѣ ограниченія, которыя предписываются уваженіемъ къ конституціи, къ законности императорской династіи, интересами порядка, общественной нравственности и религіи.

«Такимъ образомъ, правительство, далекое отъ мысли требовать раболѣпнаго одобренія своихъ дѣйствій, всегда будетъ допускать серьезное противорѣчіе. Оно не будетъ смѣшивать права контроля съ систематическою оппозиціею и рассчитаннымъ зложелательствомъ. Правительство самымъ сильнымъ образомъ желаетъ того, чтобы его власть была просвѣщаема преніемъ; но оно никогда не потерпитъ, чтобы общество было тревожимо преступными возбужденіями или враждебными страстями.

«Содѣйствуя мнѣ, г. префектъ, вы будете равно удаляться и отъ слабости, допускающей злоупотребленія свободы, и отъ излишества, стѣсняющаго свободу.»

Циркуляръ, какъ видимъ, очень щедръ на увѣренія, которыми могла бы смягчаться существенная мысль его о томъ, что административная опека надъ газетами должна продолжаться. Онъ содержитъ очень много либеральныхъ фразъ и даже даетъ косвенное обѣщаніе, что правила, которымъ нынѣ подлежитъ журналистика, будутъ раньше или позже измѣнены. Около того же времени, правительство вздумало прибѣгнуть къ новому способу останавливать газетную оппозицію, и первый примѣръ этого новаго средства опеки показало на двухъ газетахъ, которыя нарочно были выбраны изъ числа незначительныхъ. Въмѣсто «замѣчаній» (avertissements), которыя посылались для напечатанія въ виновную газету, подвергавшуюся опасности временной остановки изданія послѣ двухъ такихъ замѣчаній, были только напечатаны въ «Монитѣрѣ» «сообщенныя объясненія» (communiqués), выражающія порицаніе, но не имѣющія никакихъ юридическихъ послѣдствій. Это было косвеннымъ указаніемъ, что если правительство и не хочетъ формальнымъ образомъ отмѣнить систему замѣчаній, то вообще на практикѣ расположено слѣдовать болѣе умѣренной системѣ относительно журналистики. Газеты, поддерживающія нынѣшнее правительство, конечно, распространились въ похвалахъ умѣренности его и «либеральнымъ тенденціямъ» циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ. Но другія газеты не измѣнили своего мнѣнія. Полемика противъ декрета 17 февраля 1852 года естественно стала ослабѣвать, когда журналистика увидѣла изъ объясненія «Монитѣра» 18 сентября, что критика этого декрета не достигнетъ успѣха, не поведетъ къ его

отмѣнѣ. Но все-таки, постепенно ослабѣвая, полемика эта продолжалась еще довольно долго. Нѣкоторыя изъ статей, особенно въ «Presse», отличались прежнею рѣзкостью. Въ примѣръ приводимъ статью изъ «Presse» 23 сентября:

«Два «сообщенныя замѣчанія», напечатанныя нынѣ «Монитѣромъ» (говоритъ Presse), вновь обращаютъ наше вниманіе на циркуляръ, посланный къ префектамъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Нѣкоторыя газеты, не замѣчая существеннаго его характера, подвергаютъ разбору разныя его подробности. Такъ, Patric, нынѣ во второй разъ радующаяся «либеральнымъ тенденціямъ» этого циркуляра, жалѣеть, что оставили въ прежней силѣ правила относительно замѣчаній, даваемыхъ газетамъ, и къ довершенію своего довольства требуетъ, чтобы эти административныя замѣчанія были сравнены съ судебными приговорами, то есть, чтобы они теряли свою силу черезъ два года, чтобы замѣчаніе не было нескончаемымъ наказаніемъ. Сохраняя питаемое нами достоюлжное уваженіе къ Patric, мы осмѣлимся сказать, что она занимается мухами, не замѣчая слова. Министръ внутреннихъ дѣлъ понялъ смыслъ вопроса гораздо лучше, и надобно возстановить вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представилъ его съ откровенностью, за которую мы ему бесконечно благодарны.

«Нѣкоторыя рѣчи, произнесенныя при открытіи департаментскихъ совѣтовъ, подали надежду на перемѣну въ нынѣшнихъ законахъ о журналистикѣ, и г. де-Морви формально сказалъ: «Амнистія служить вступленіемъ къ системѣ, въ которую мы входимъ». Объявленіе г. министра внутреннихъ дѣлъ прекращаетъ эти химерическія предположенія. «Амнистія была просто свидѣтельствомъ доброжелательства къ французской журналистикѣ»; но она нимало не измѣнила декрета 17 февраля 1852. Этотъ декретъ не есть временная мѣра, «какъ утверждали, къ сожалѣнію, многіе»: это, по выраженію, которое повторяетъ нынѣ «Монитеръ», печатая фразу курсивомъ, — это *органическій законъ*, принципы котораго «тѣсно связаны съ характеромъ императорской власти».

«Вотъ вещи, которыя намъ важно было знать. Мы были убѣждены въ нихъ; но другіе, въ особенности Constitutionnel, имѣли по этому вопросу сомнѣнія, которыя быстро разсѣяны словами министра. Хотя и обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, они успѣли объявить, что они совершенно свободны, и доказали это, принявъ чрезвычайную отвагу безусловно хвалить объявленіе «Монитѣра» и циркуляръ министра.

«Эта гибкая логика, которая умѣетъ проповѣдывать всякую господствующую систему и вѣчно держаться принциповъ, которые

угодно выражать правительству, не составляет рѣдкости, и если мы теперь обратили на нее вниманіе, такъ это потому, что она безполезна. «Правительство, говоритъ циркуляръ, будучи далеко отъ мысли требовать рабочаго одобренія своихъ дѣйствій, всегда будетъ терпѣть серьезныя противорѣчія. Оно само желаетъ получать отъ преній полезныя указанія для своей власти.» Если дѣло только за нами, оно при всякомъ случаѣ будетъ получать эти указанія, и, чтобы начать нынѣ же, мы перечитываемъ циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ, и такъ какъ г. министръ въ двухъ нынѣшнихъ сообщенныхъ объясненіяхъ снова говоритъ намъ, что мы имѣемъ «право, подвергать критикѣ правительственныя дѣйствія» и что мы можемъ пользоваться этимъ правомъ «безъ всякой опасности», — такъ какъ онъ говоритъ это, то мы ему скажемъ, что его циркуляръ не вездѣ достаточно ясенъ.

«Правительство обѣщаетъ «не стѣснять обсужденія ничѣмъ, кромѣ ограниченій, налагаемыхъ уваженіемъ къ конституціи, законностью императорской династии, интересами порядка, общественной нравственности и религіи.» Это выраженія очень неопредѣленные и вовсе не успокоительныя. Не могутъ ли сказать, напримѣръ, что мы нападаемъ на конституцію, если, поддавшись фантазіи разсмотримъ ее, мы замѣтили бы въ ней недостатки и предложили бы нѣкоторыя измѣненія? Могли ли бы мы, не нарушая уваженія «къ законности императорской династии», разсуждать общимъ образомъ о политическихъ принципахъ? Наши отвлеченныя размышленія, могущія приводить къ примѣненіямъ, не были ли бы сочтены за нападенія? Если бы намъ случилось похвалить у другаго народа политическую систему, различную отъ той, подъ которой мы живемъ, не были ли бы мы обвинены въ косвенномъ возбужденіи презрѣнія къ конституціи? Историческіе вопросы, такъ или иначе, почти всегда касаются прошедшихъ и нынѣшнихъ учрежденій, и потому не могутъ ли намъ быть воспрещены историческія воспоминанія, которыя покажутся опасными по сближенію? Не надобно ли будетъ оставлять во тѣхъ прошедшее, изъ страха, чтобы оно не бросило свѣта на настоящее? Можемъ ли мы безнаказанно вспоминать о бѣдствіяхъ нашихъ отцовъ и о тѣхъ, которыя перенесли мы сами? Вотъ наши недоумѣнія. Мы просимъ г. министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшить ихъ.

«Неопредѣленность становится ужасна, когда циркуляръ говоритъ объ общественной нравственности и религіи. Оскорбленіе благопристойности — вещь понятная; но что такое оскорбленіе общественной нравственности и религіи, — этого нельзя понять, или это можно понимать тысячью разныхъ способовъ, что одно и то же. Го-

ворить, что какая нибудь религія ложна, конечно, значить нападать на нее самымъ сильнымъ образомъ; а, между тѣмъ, въ странахъ имѣющихъ свободу исповѣданій, каждому принадлежитъ право доказывать, что его религія одна только истинная и что, слѣдовательно, всѣ остальные ложны. Что касается до общественной нравственности, то г. министръ внутреннихъ дѣлъ, конечно, намѣренъ почитать подъ нею только принципы, общіе всѣмъ религіямъ, и въ такомъ случаѣ мы просимъ его замѣтить, что онъ обращаетъ столы своего министерства въ мѣста метафизическихъ состязаній.

«Циркуляръ утверждаетъ, что «газеты суть коллективныя силы, организованныя въ государствѣ», и что онѣ «должны подлежать особеннымъ правиламъ». Вотъ, по нашему мнѣнію, заблужденіе, хроническое заблужденіе, внушавшее столько ошибочныхъ мѣръ французскимъ правительствамъ. Газеты только средство обнаруживать врожденную способность; это—машины, и, подобно всѣмъ другимъ машинамъ, должны быть свободны въ своемъ правильномъ дѣйствovanіи и подлежать суду только тогда, когда ими совершается преступленіе. По этому опредѣленію, которое мы считаемъ и справедливымъ и благотворнымъ, нѣтъ надобности создавать для газетъ особенныя проступки и преступленія—онѣ должны подлежать общимъ законамъ; въ этомъ и состоитъ единственное ихъ требованіе, которое столь рѣдко было исполняемо. Законъ, общій для всѣхъ, говоритъ, что человѣкъ, злоупотребившій орудіемъ для совершенія преступленія, долженъ быть наказанъ; но справедливость требуетъ, чтобы наказывался только тотъ, кто дѣйствовалъ съ полнымъ сознаніемъ преступности своего дѣла, т. е. совершилъ преступленіе предусмотрѣнное, опредѣленное закономъ, внесенное въ законъ. Мы очень твердо знаемъ теперь, что декретъ 17 февраля 1852 г. есть законъ, и, притомъ, органической законъ; но опредѣлены ли въ немъ ясно всѣ проступки, за которые газеты могутъ подвергаться замѣчаніямъ, временной остановкѣ изданія и запрещенію? Безспорно, не опредѣлены,—и вотъ почему мы считаемъ снисходительность правительства единственнымъ обезнеченіемъ, какое въ сущности имѣемъ.

«Важность, придаваемая правительствомъ стѣснительнымъ мѣрамъ—великое самообольщеніе. Правительство думаетъ находить въ стѣсненіи источникъ силы, — оно обманывается. Единственный источникъ силы для правительства — признательность, внушаемая его благодѣяніями, уваженіе, внушаемое его справедливостью. Уклоняться отъ испытанія посредствомъ безусловно свободной критики, когда имѣешь сознаніе быть властью благотворною и необходимою, значить унижать и ослаблять себя.

«Сдѣлаемъ еще только одно замѣчаніе. Правительство обѣщаетъ обнаруживать въ наказаніяхъ «духъ великой справедливости, умѣренности и твердости». Мы хотимъ вѣрить, что его намѣреніе таково; но отъ этого мы не подвигаемся ни на одинъ шагъ впередъ, пока мы не имѣемъ яснаго опредѣленія различныхъ проступковъ, которые можемъ мы совершать. Стѣсненіе остается въ умѣ писателя, если даже не находится въ намѣреніяхъ правительства. Иго тогда тяжеле, чѣмъ хотятъ налагающіе его. Чувство безопасности не внушается по произволу, и пока журналы не будутъ имѣть другихъ гарантій, кромѣ снисходительности правительства, къ нимъ можно примѣнять фразу великаго оратора: «Посмотрите, каковы они стали, благодаря снисходительности.»

«Къ счастью, жизненность ихъ очень велика. Всѣ французскія правительства ихъ преслѣдовали, нѣкоторые пытались убить ихъ, и извѣстно, каковъ былъ результатъ этой безсильной попытки, на примѣръ, для реставраціи. Съ 1789 года не разъ шпага владычествовала надъ перомъ, своимъ вѣчнымъ соперникомъ; но перо, презирая бури, всегда могло сказать шпагѣ, какъ тростникъ говорилъ дубу: «я гнусь, но не сломясь». Если мы не безусловно свободны, то мы независимы, и этого довольно, — по крайней мѣрѣ, для читателя; а что касается до журналистовъ, мы имъ напомнимъ для ихъ ободренія слова, которыми 63 года назадъ Порталіи заключилъ свою прекрасную рѣчь о свободѣ печати:

«Пусть не увядаютъ просвѣщенные и благородные писатели. «Мы имъ скажемъ: идите впередъ, вы, могущіе разлить потоки свѣта на всѣ важные вопросы, обсуждаемые въ совѣтахъ націи; идите впередъ, вы, имѣющіе мужество провозглашать истину и бороться съ несправедливостями и злоупотребленіями власти; идите впередъ, вы, по своей проникательности и патріотизму заслуживающіе быть участниками въ дѣлѣ законодательства, хотя бы ваше «положеніе и не позволяло вамъ быть членами законодательной власти, — вы, достойные готовить наши труды и раздѣлять славу за нихъ, — вы, ежедневные посѣвающіе въ обществѣ благія мысли «просвѣщенія и планы, достойные отечества и лучшихъ вѣковъ. Вы «занимаете самую независимую изъ общественныхъ должностей!»

Интересъ, съ какимъ обществомъ слѣдило за преніями о законахъ, которымъ теперь подчинена французская журналистика, конечно, уменьшался съ каждымъ днемъ, когда открылось, что эти пренія не поведутъ ни къ какому непосредственному практическому результату, и, такимъ образомъ, правительство увидѣло наконецъ возможность выступить энергичнѣе прежняго для прекращенія по-

лемки, ему неприятной. Въ «Монитёръ» 27 сентября явилось слѣдующее объявленіе:

«Подъ предлогомъ доказать, что журналистика не свободна, многія газеты производили на декретъ 17 Февраля 1852 года нападенія, выходящія изъ крайнихъ предѣловъ права разбора.

«Уваженіе къ закону нераздѣльно съ пользованіемъ законною свободою.

«Противъ писателей, забывающихъ это уваженіе, правительство могло бы воспользоваться властью, ему принадлежащею. Оно не хочетъ дѣлать этого послѣ недавней, добровольно принятой имъ мѣры, освободившей періодическія изданія отъ замѣчаній, которымъ они подверглись.

«Правительство, оставаясь вѣрно своимъ принципамъ умѣренности, не можетъ также не исполнять лежащей на немъ обязанности охранять уваженіе къ закону.

«Итакъ, оно добросовѣстно предупреждаетъ газеты, что оно рѣшилось не допускать болѣе полемическихъ излишествъ, которые должны считаться интригою партій.»

Но и это объявленіе не произвело всего дѣйствія, какого ожидало отъ него правительство. Тѣ изъ газетъ, которыя особенно сильно полемизировали противъ декрета 17 Февраля, помѣстили на другой день статьи, говорившія, что онѣ не хотятъ принимать такого истолкованія ихъ прежнихъ статей и должны еще разъ повторить, что остаются при своемъ мнѣніи. *Siècle*, на примѣръ, объявилъ, что объявленіе «Монитера» не относится къ нему, потому что онъ никогда не допускалъ «излишествъ» въ своей полемикѣ, и потому онъ считаетъ себя сохраняющимъ право продолжать свои требованія объ измѣненіи законовъ, опредѣляющихъ положеніе журналистики. *Presse* объявила, что объясненіе «Монитера» не измѣняетъ положенія дѣлъ, потому что все-таки должны сохранять силу прежнія увѣренія правительства о томъ, что журналистика имѣетъ право подвергать контролю правительственные акты.

Полемика продолжалась еще нѣсколько времени, и даже осторожный «*Journal des Débats*» отважился вновь помѣстить двѣ или три статьи, по прежнему доказывавшія неудобство нынѣшнихъ законовъ о журналистикѣ. Но, давно потерявъ свой практическій интересъ, полемика постепенно и незамѣтно наконецъ прекратилась.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РУССКАЯ САТИРА ВЪ ВѢКЪ ЕКАТЕРИНЫ.

(Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. Соч. А. Аванасьева. Москва. 1859 г.)

А я бы повару мному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

КРЫЛОВЪ.

Искусство говорить слова для словъ всегда возбуждало великое восхищеніе въ людяхъ, которымъ нечего дѣлать. Но такое восхищеніе не всегда можетъ быть оправдано. Конечно, и звукъ, какъ все на свѣтѣ, имѣетъ право на «самостоятельное существованіе» и, доходя до высокой степени прелести и силы, можетъ восхищать самъ собою, независимо отъ того, что имъ выражается. Такъ насъ можетъ плѣнять соловьиное пѣнье, смысла котораго мы не понимаемъ, итальянская опера, которую обыкновенно понимаемъ еще меньше, и т. п. Но въ большинствѣ случаевъ звукъ занимаетъ насъ только какъ знакъ, какъ выраженіе идеи. Восхищаться въ официальномъ отчетѣ — его слогомъ, или въ профессорской лекціи — ея звучностью,

означаетъ крайнюю односторонность и ограниченность, близкую къ идиотству. Вотъ почему, какъ только литература перестаетъ быть праздною забавою, вопросы окрасотѣхъ слога, о трудныхъ римахъ, о звукоподражательныхъ фразахъ и т. п. — становятся на второй планъ: общее вниманіе привлекается содержаніемъ того, что пишется, а не внѣшнею формою. Такимъ образомъ красивенькія описанія, звучные диэриамбы и всякаго рода общія мѣста исчезаютъ предъ произведеніями, въ которыхъ развивается общественное содержаніе. Является потребность въ изображеніи нравовъ; а такъ какъ нравы, отъ начала человѣческихъ обществъ до нашихъ временъ, были всегда очень плохи, то изображеніе ихъ всегда переходитъ въ сатиру. Такимъ образомъ, сатира, говоря слогомъ московскихъ публицистовъ, «служитъ доказательствомъ зрѣлости общественной среды и залогомъ грядущаго совершенствованія государства». Немудрено поэтому, что и у насъ сатира привлекаетъ къ себѣ особенную благосклонность образованной публики и приводитъ въ восторгъ лучшихъ нашихъ историковъ литературы, т. е. тѣхъ, которые уже переступили степень развитія, позволяющую инымъ восхищаться слогомъ официальныхъ отчетовъ.

Относительно значенія и достоинства сатиры вообще мы совершенно соглашамся съ почтенными историками литературы нашей. Но мы позволимъ себѣ указать на одну особенность нашей родной сатиры, до сихъ поръ почти не удостоенную вниманія ученыхъ изслѣдователей. Особенность эта состоитъ въ томъ, что литература наша началась сатирою, продолжалась сатирою и до сихъ поръ стоитъ на сатирѣ — и между тѣмъ все-таки не слѣдалась еще существеннымъ элементомъ народной жизни, не составляетъ серьезной необходимости для общества, а продолжаетъ быть для публики чѣмъ-то постороннимъ, роскошью, забавою, а никакъ не дѣломъ. Это значитъ, по нашему мнѣнію, то, что и сатира у насъ вовсе не есть «слѣдствіе зрѣлости общественной среды», а объясняется совершенно другими причинами. Причины эти нетрудно понять: сатира явилась у насъ, какъ привозный плодъ, а вовсе не какъ продуктъ, выработанный самою народною жизнью. Кантемиръ, обличая приверженцевъ старины и вздорныхъ поклонниковъ новизны, сказалъ не думу русскаго народа, а идеи иностраннаго князя, пораженнаго тѣмъ, что русскіе не такъ принимаютъ европейское образованіе, какъ бы слѣдовало по плану преобразователя Россіи. Ставши подъ покровомъ официальныхъ распоряженій, онъ смѣло каралъ то, что и такъ отодвигалось на задній планъ разнообразными реформами, уже приказанными и произведенными; но онъ не касался того, что было дѣйствительно дурно — не для успѣха

государственной реформы, а для удобствъ жизни самого народа. Въ то время, какъ вводилась рекрутская повинность, Кантемиръ изощрялся надъ неслужащими; когда учреждалась табель о рангахъ, онъ поражалъ боярскую спесь и мѣстничество; когда народъ отъ притѣсненій и непонятныхъ ему новостей всякаго рода бѣжалъ въ расколъ, онъ смѣялся надъ мертвой обрядностью раскольниковъ; когда народъ нуждался въ грамотѣ, а у насъ учреждалась академія наукъ, онъ обличалъ тѣхъ, которые говорили, что можно жтъ, не зная ни латыни, ни Эвклида, ни алгебры.... Съ Кантемира такъ это и пошло на цѣлое столѣтіе: никогда почти не добирались сатирики до главного, существеннаго зла, не раздражались грознымъ обличеніемъ противъ того, отъ чего происходятъ и развиваются общіе народные недостатки и бѣдствія. Характеръ обличеній былъ частный, мелкій, поверхностный. И вышло то, что сатира наша, хотя, повидимому, и говорила о дѣлѣ, но въ сущности постоянно оставалась пустымъ звукомъ....

Любопытно прослѣдить, какъ это случилось, и мы не отказываемся, по мѣрѣ возможности, когда нибудь серьезно заняться этимъ вопросомъ. Но теперь выскажемъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній, нужныхъ для настоящаго предмета нашей статьи.

Когда человѣкъ говоритъ о дѣлѣ, то прямая цѣль его словъ та, чтобы дѣло было сдѣлано; когда сатирикъ возстаетъ противъ недостатковъ, то у него непремѣнно есть стремленіе исправить недостатки. Но, чтобы подобная цѣль могла достигаться, нужно говорить дѣльно и договаривать до конца; иначе никакого толку не выйдетъ. Если меня, напримѣръ, порицаютъ за то, что я живу въ дурной квартирѣ и ѣмъ плохую пищу, между тѣмъ, какъ у меня нѣтъ денегъ для лучшей квартиры и пищи, то очевидно, что всѣ порицанія не принесутъ мнѣ ровно никакой пользы. Человѣкъ истинно желающій, чтобы я исправился отъ дурной привычки скудно ѣсть и жить въ бѣдности, непремѣнно обратитъ свои обличенія не на квартиру и столъ мой, а — или на то, зачѣмъ я самъ ничего не дѣлаю для своего обезпеченія, или на то, зачѣмъ другіе не вознаграждаютъ моего труда, какъ слѣдуетъ. То же самое и въ нравственной жизни общества. Большая часть общественныхъ явленій не можетъ быть измѣнена просто волею частныхъ лицъ: нужно измѣнить обстановку, дать другія начала для общей дѣятельности, и тогда уже обличать тѣхъ, которые не сумѣютъ воспользоваться выгодами новаго устройства. Наши сатирики отчасти не хотѣли понять этого, а отчасти и понимали, да не могли выразить. Они напали на необразованность, взяточничество, ханжество, отсутствіе законности, спесь и жестокость въ обращеніи съ низшими,

подлость предъ высшими и проч. Но весьма рѣдко въ подобныхъ обличеніяхъ проглядывала мысль, что всѣ эти частныя явленія суть не что иное, какъ неизбежныя слѣдствія ненормальности всего общественнаго устройства. Большею частію нападали на взяточника такъ, какъ будто бы все зло взяточничества зависѣло единственно отъ личной наклонности такихъ—то къ обдиранію просителей. Никогда въ сатирахъ нашихъ вопросъ о взяткахъ не переходилъ въ разсмотрѣніе общаго вреда бюрократіи и тѣхъ обстоятельствъ, которыми сама бюрократія порождена и развита. То же было и во всѣхъ другихъ вопросахъ. Значительная часть сатириковъ нашихъ уподоблялась человѣку, обличающему бѣдняка за то, что тотъ не живетъ въ роскоши, и добросовѣстно убѣжденному, что отъ этихъ обличеній жизнь бѣдняка пойдетъ лучше. Нѣкоторые же изъ обличителей задавались такою мыслью: «мы, дескать, будемъ обличать и осмѣивать бѣдняка за его скудость; когда это дойдетъ до хозяина, отъ котораго онъ получаетъ жалованье, такъ хозяинъ—то усовершенствуется да и сдѣлаетъ ему прибавку.» Разсужденіе это, замѣчательное по своей наивности, очевидно руководило весьма многими изъ нашихъ сатириковъ, отъ Сумарокова до нашихъ дней, и вслѣдствіе того, обличенія бѣдняка въ скудости обыкновенно заканчивались увѣщаніемъ исправиться, оставаясь на службѣ у того же хозяина... Въ одной изъ нашихъ прежнихъ статей мы уже говорили о подобныхъ сатирикахъ, называя ихъ Маниловыми, и здѣсь не можемъ не повторить, что именно этотъ маниловскій характеръ и лишалъ постоянно нашу сатиру реальнаго значенія. Жевали-жевали, мяли-мяли у насъ въ литературѣ разные общественные вопросы, и подъ конецъ дошли—до чего же?—до эстетическаго открытія, что и сатира можетъ быть такимъ же словомъ для слова, какъ и звучное стихотвореніе Фета или Хомякова... Оказалось, что не однѣ розы и грѣзы, не одну географію славянскихъ рѣкъ, но и общественныя язвы можно воспѣвать только для процесса воспѣванія. Сатира явилась только другимъ видомъ, или, если хотите, другою степенью старинныхъ эклогъ, рондо и мадригаловъ... Здѣсь былъ, конечно, уже не звукъ для звука, но и не звукъ для дѣла; это было—обличеніе для обличенія, споръ для спора, остроуміе для остроумія. До настоящаго дѣла было отсюда чрезвычайно далеко, не только въ выраженія, но часто и въ мысли сатириковъ. Они твердили: не нужно прислуживаться къ начальству, не нужно брать взятокъ, не нужно эксплуатировать другихъ, и пр. Но какъ же быть, когда безъ прислуживанья и безъ взятокъ большинство чиновниковъ не можетъ выбиться изъ ничтожества, не можетъ содержать семьи, прилично одѣться, и т. д? Какъ быть, ежели, при современныхъ об-

щественныхъ отношеніяхъ, обыкновенный человѣкъ, не эксплуатирующій другаго, долженъ почти умирать съ голода? При этихъ вопросахъ, не только обличаемые, но и сами обличители становились втупикъ и начинали бить воздухъ отвлеченностями о томъ, что во всякомъ случаѣ надо, однако, быть честнымъ. Но такъ какъ этотъ аргументъ былъ уже слишкомъ слабъ даже предъ судомъ ихъ собственной совѣсти, въ родѣ докторскаго увѣренія больному, что слѣдуетъ беречь здоровье, то они обыкновенно пускались въ очарованія и надежды. «Конечно, разсуждали они, худосочіе и ревматизмъ нельзя уничтожить медикаментами; надо перемѣнить образъ жизни и всю внѣшнюю обстановку. Но въ настоящее время, когда все идетъ впередъ, не нужно особенныхъ усилій для того, чтобы слѣлатъ такую радикальную перемѣну: она совершается сама собою. По сложности ученыхъ наблюденій за послѣднія 50 лѣтъ, оказывается, что климатъ вообще смягчается въ сѣверныхъ странахъ, море осѣдаетъ, гастрономія дѣлаетъ новые успѣхи, многія изнурительныя для здоровья работы исполняются новозобрѣтенными машинами, и пр., и пр... Нѣтъ сомнѣнія, что все это должно быть весьма утѣшительно для больного бѣдняка, ибо подаетъ ему надежду, что медленный, но вѣрный прогрессъ скоро коснется и его положенія и уничтожитъ причины его болѣзни...» Такія и подобныя разсужденія всегда составляли одну изъ необходимыхъ частей нашей сатиры; причины ихъ заключались въ неумѣнны или нерѣшимости указать дѣйствительныя средства поправить дѣло; слѣдствіемъ же ихъ была та двойственность, та непрерывная цѣпь разочарованій и новыхъ надеждъ, та умилительная смѣсь негодованія и восторга, которыя доставили нашимъ сатириккамъ такъ много обломовской миловидности и такъ мало дѣйствительной силы...

Винить ли ихъ за то, что они не умѣли вымѣчнить больнаго? Требовать ли отъ нихъ, чтобы они приняли на себя громадный трудъ измѣнить всю обстановку, благопріятствующую болѣзни? Нѣтъ, это было бы несправедливо и нелѣпно. Но можно спросить ихъ о другомъ: зачѣмъ они придаютъ своимъ утѣшительнымъ фразамъ значеніе, котораго тѣ не имѣютъ? Зачѣмъ они, повторяя много лѣтъ однѣ и тѣ же фразы, наконецъ до того сами увлекаются ими, что говорятъ ихъ даже не въ смыслѣ простаго утѣшенія, а прописываютъ въ видѣ дѣйствительнаго лѣкарства? Наконецъ, зачѣмъ они такъ мало имѣютъ послѣдовательности, такъ поверхностно смотрятъ на жизнь, что полагаютъ, будто новѣйшими успѣхами гастрономіи воспользуется желудокъ больнаго бѣдняка, или что поднятіе балтійскаго берега можетъ на нынѣшнюю осень предохранить отъ наводненія жителей Галерной Гавани?..

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили о современной нашей сатирѣ и выражали прискорбіе о ея мелочности и поверхностности. Мы высказали убѣжденіе, что отъ такой сатиры не выйдетъ истинной пользы для общества. Нѣкоторые приняли наши слова за убѣжденіе, что обличать вовсе не нужно и что сатира только портитъ эстетическій вкусъ публики. Но мы вовсе не то имѣли въ виду: мы хотѣли сказать, что наша сатира *не то и не такъ* обличаетъ... Плодить далѣе разсужденія объ этой матеріи мы считаемъ крайне неудобнымъ, потому что — извѣстное дѣло — о настоящемъ времени всегда трудно произносить откровенное и рѣшительное сужденіе, а у насъ въ настоящее время, когда поднято столько вопросовъ и сдѣлано столько начинаній, подобное сужденіе положительно невозможно. Но если аналогія можетъ къ чему нибудь повести, то намъ представляется въ книгѣ г. Аванасьева превосходный случай прослѣдить одинъ «эпизодъ изъ исторіи русской литературы», въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ аналогическій настоящему времени. Этотъ эпизодъ представляетъ намъ сатира екатерининскаго періода. Книга г. Аванасьева, разсматривающая сатирическіе журналы того времени, даетъ намъ очень много данныхъ относительно того, что тогда дѣлала сатира. Къ сожалѣнію, нашъ авторъ не обратилъ вниманія на то, какіе результаты въ самой жизни произошли отъ столь арыхъ обличеній. Но мы постараемся сдѣлать за него нѣсколько указаній изъ источниковъ, всѣмъ постоянно доступныхъ: изъ учебника г. Устрялова, изъ «Полнаго Собранія Законовъ» и изъ нѣсколькихъ журнальныхъ статей, напечатанныхъ въ послѣднее время.

Вѣкъ Екатерины долгое время являлся намъ въ какомъ-то волшебномъ сіяніи, златымъ вѣкомъ процвѣтанія Россіи по всѣмъ частямъ. До недавняго времени наше вниманіе привлекалось только свѣтлою стороною послѣдней половины прошлаго вѣка. Созваніе депутатовъ со всей Россіи, Наказъ, учрежденіе о губерніяхъ, громы суворовскихъ и румянцовскихъ побѣдъ, приобрѣтеніе Крыма и Польши, развитіе народнаго просвѣщенія, процвѣтаніе наукъ и художествъ, оды Державина, поэмы Хераскова, комедіи Фонъ-Визина и самой Екатерины, — все это преисполняло благоговѣніемъ даже самую нечувствительную душу! Но въ настоящее время, когда Россія вступаетъ въ новый періодъ существованія, — и для екатерининской эпохи наступила уже исторія. Теперь уже нужны не дѣндрамбы, не безотчетныя хвалы, а безпристрастное и спокойное разсмотрѣніе фактовъ того времени, во всей ихъ полнотѣ. Скрывать или искажать историческіе факты, бывшіе за сто или за 80 лѣтъ назадъ, было бы крайне невѣжественнымъ и зловреднымъ, почти іезуитскимъ поступкомъ. Вотъ почему теперь безпрепятственно по-

является въ печати множество матеріаловъ для екатерининской исторіи, которые до сихъ поръ не могли появиться въ свѣтъ. Въ «Русской Бесѣдѣ» напечатаны записки Державина, въ «Отеч. Запискахъ», въ «Библиограф. Запискахъ» и въ «Москов. Вѣдомостяхъ» недавно помѣщены были извлеченія изъ сочиненій князя Щербатова, въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи» и въ «Пермскомъ Сборникѣ»—допросы Пугачову и многіе документы, относящіеся къ исторіи пугачовскаго бунта; въ «Чтеніяхъ» есть, кромѣ того, много записокъ и актовъ, весьма рѣзко характеризующихъ тогдашнее состояніе народа и государства; мѣсяць тому назадъ г. Иловайскій, въ статьѣ своей о княгинѣ Дашковой весьма обстоятельно изложилъ даже всѣ подробности переворота, возведшаго Екатерину на престолъ; наконецъ сама книга г. Аѳанасьева содержитъ въ себѣ множество любопытныхъ выписокъ изъ сатирическихъ журналовъ — о ханжествѣ, дворянской спеси, жестокостяхъ и невѣжествѣ помѣщиковъ, и т. п. Опираясь на эти примѣры, и мы рѣшаемся раскрыть, насколько возможно по скудости источниковъ и другимъ обстоятельствамъ, истинное отношеніе сатиры екатерининскаго періода къ самой дѣйствительности того времени и показать, каковы были результаты тогдашнихъ литературныхъ толковъ для послѣдующей жизни народа и государства.

Ежели разсматривать сатиру екатерининскаго времени, какъ нѣчто самобытное и серьезное, и не обращать вниманія на факты, противорѣчащіе такому взгляду, то нельзя не удивляться ея силѣ и смѣлости, нельзя не придти въ восхищеніе и не подумать, что такая сатира должна была произвести благотворнѣйшіе результаты для всей Россіи. До такихъ именно убѣжденій и дошелъ г. Аѳанасьевъ, какъ видно изъ первыхъ словъ его книги.

«Блистательное царствованіе императрицы Екатерины II, столько замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, извѣстно и своимъ благотворнымъ вліяніемъ на развитіе отечественной литературы и журналистики. *Успѣхи общественной жизни отразились и на серьезномъ содержаніи многихъ литературныхъ произведеній и на благородномъ ихъ направленіи.* Защита просвѣщенія, борьба съ невѣжествомъ и предрасудками, открытая и мѣткая насмѣлка надъ нравственными общественными недугами и глубокое чувство истиннаго патриотизма—вотъ тѣ существенныя стремленія, которымъ служило перо лучшихъ сочинителей того времени.»

Далѣе г. Аѳанасьевъ говоритъ, что «сатира, состоя въ тѣсной связи съ тѣми преобразованіями, какія задумывала и совершала ве-

лика Екатерина, бросала на воспримчивую почву русской народности живительное сѣмя» (стр. 2). Какова была жатва, объ этомъ г. Аванасевъ не считаетъ нужнымъ распространяться; но по его словамъ надо полагать, что, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, и жатва должна быть очень хороша. Сѣмя живительное и почва воспримчивая: чего же вамъ больше? Развѣ постороннія вліянія могли мѣшать, градомъ побивало растительность, саранча налетала? Да и того не могло быть: вѣдь сатира «состояла въ тѣсной связи съ преобразованіями великой Екатерины!» Очевидно по всѣмъ признакамъ: екатерининская сатира должна была принести прекраснѣйшіе плоды.

И дѣйствительно, сами сатирики того времени были убѣждены въ громадности своего вліяніе на исправленіе общественныхъ недовѣстковъ. Сознавая свою связь съ правительственными преобразованіями, они не отдѣляли своего дѣла отъ дѣла Екатерины и твердо уповали на скорое водвореніе въ Россіи златаго вѣка, вслѣдствіе совокупныхъ усилій правительства и литературы. Безъ этой приправы не обходилось у нихъ ни одно обличеніе! Особенно восхищало ихъ то, что при Екатеринѣ уже не водили къ цыткѣ и не ссылали въ Сибирь за каждое нескромное слово. «Читая твой листокъ — писалъ кто-то къ «Живописцу» — я плакалъ отъ радости, что нашелся человекъ, который противъ господствующаго ложнаго мнѣнія осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ. Великій Боже! услыши моленіе восьмидесятилѣтняго старика, къ счастью нашему продли дни премудрыя государыни!... Куда бы ты попалъ, бѣдняжка, еслибъ эту пѣсню зацѣлъ въ то время, когда я былъ помоложе» (Живоп. Ч. 1, стр. 52). Это было напечатано въ «Живописцѣ» въ 1772 г., т. е. черезъ десять лѣтъ по вступленіи Екатерины на престолъ. Извѣстно, что «Живописецъ» посвященъ сочинителю комедіи «О, время!» т. е. самой Екатеринѣ, и въ посвященіи этомъ прямо и положительно объясняется, что сатира принимаетъ смѣлость обличать пороки именно вслѣдствіе поощренія государыни, какъ правительственнаго, такъ и литературнаго. Новиковъ, прикидываясь, что не знаетъ, кто сочинилъ «О, время!», говоритъ здѣсь о Екатеринѣ и какъ объ авторѣ, и какъ о правительницѣ, и одну восхваляетъ предъ другимъ. Между прочимъ, онъ говоритъ, автору комедіи:

«Вы первый съ такимъ искусствомъ и острою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовашіе.... Продолжайте, государь мой, прославлять себя вашими сочиненіями.... Взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренные, ху-

дѣе обычаи, злоупотребленія и на всѣ развратныя наши поступки; вы найдете толпы людей, достойныхъ вашего осмѣянія; и вы увидите, какое еще пространное поле къ прославленію вашему осталось.»

Слова эти можно замѣтить, какъ свидѣтельство писателя, что въ 1772 г., не смотря на возгласы одописцевъ объ Астреѣ и золотомъ вѣкѣ, господствовало еще въ Россіи полное развращеніе, и сатира, упражнявшаяся надъ нимъ уже три года (считая съ 1769, когда начались сатирическіе журналы), по прежнему имѣла для себя еще «пространное поле». Впрочемъ весь «Живописецъ» свидѣлствуетъ объ этомъ еще лучше, и потому—то особенно любопытна та лѣгкость, съ которою и онъ, вмѣстѣ съ другими, поетъ хвалы «златому вѣку», наставшему тогда въ Россіи. Видно, что для «златаго вѣка» сатирики считали нужнымъ только дозволеніе говорить о порокахъ... На это преимущественно и сводитъ Новиковъ свое увѣщаніе автору комедіи «О время» насчетъ продолженія его писаній. Сказавъ объ обилии нашихъ пороковъ и злоупотребленій, онъ продолжаетъ:

«Вы первый достоинъ показать, что дарованная вольность умамъ россійскимъ употребляется въ пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете вы свое имя, имя всеобщія достойное похвалы? Я никакія не нахожу къ тому причины. Неужели, оскорбя столь жестоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія? Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть мѣста въ благородномъ сердцѣ. И можетъ ли такая ваша смѣлость опасаться унеченія въ то время, когда, къ счастью Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода, владычествуетъ наша премудрая Екатерина? Ея удовольствіе, оказанное во представленіи вашей комедіи, удостовѣряетъ о покровительствѣ ея такимъ, какъ вы, писателямъ. Чего жь осталось вамъ страшиться?» (Жив. Ч. I, стр. IV.)

Изъ этого, не совсѣмъ ловкаго по нынѣшнимъ понятіямъ, указанія на удовольствіе Екатерины, выраженное ею при представленіи ея же пьесы, видно, какъ мало тогдашняя сатира имѣла собственной инициативы и какъ она нуждалась въ меценатствѣ и поощреніи сверху. Поощреніе это дѣйствительно даваемо было Екатериною, разумѣется въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она считала нужнымъ и сообразнымъ съ своимъ видами, — и благодарные сатирики не могли безъ умиленія отзываться о милостяхъ премудрой монархини. Они безпрестанно хвалились ея покровительствомъ и чрезъ то зажимали ротъ обскурантамъ, которымъ не нравилась свобода слова. «Живописецъ» изображаетъ глупаго и жестокаго помѣщика, который пишетъ къ сыну своему Фалалею: «Что за Живописецъ» такой у

вась проявился? Какой нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы... О, коли бы онъ здѣсь былъ! То-то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы кости у него сдѣлалъ—какъ въ мѣшкѣ! Что и говорить: дали волю!.. Тутъ небось не видятъ, и знатные господа молчатъ! («Живоп. I, стр. 109). Въ «Трутиѣ» упоминается *суевѣръ*, называющій златой вѣкъ, въ коемъ *позволено всѣмъ мыслить*, желѣзнымъ вѣкомъ» (Тр. стр. 280). Сама Екатерина придавала очень большую цѣну тому, что свобода слова не стѣсняется ею. Въ «Быляхъ и Небылицахъ», напечатанныхъ въ 1783 г. (черезъ десять лѣтъ послѣ «Живописца»), она упоминаетъ выходку *дѣдушки* противъ «разговоровъ, касающихся поправленія того-сего». «Въ прежнее время, по словамъ дѣдушки», разговоры сіи вели вполголоса или на ушко, дабы лишней какой бѣды оныя кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно громогласіе между нами рѣдко слышно было; бесѣды же получали оттого нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ: ибо разговоры, смѣхъ, горе и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется.» «Для изъясненія сего дѣдушка говоритъ, что *будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подѣ тмостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались*» (Соч. Екатер., ч. III, стр. 30). Въ «Собесѣдникѣ», издававшемся кн. Дашковой, подъ руководствомъ самой Екатерины, также находится одно письмо, въ которомъ говорится: «держитесь принятаго вами единожды навсегда правила: не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться. Вамъ нѣтъ причины страшиться гоненій за истину подѣ державою монархини.

Qui pense en grand homme et qui permet, qu'on pense.

Въ то же время Державинъ прославлялъ свободу слова, данную Екатериной, въ обращеніи къ Фелицѣ (Соч. Держ. стр. 368):

Неслыханное также дѣло,
 Достойное тебя одной,
 Что будто ты народу смѣло
 О всемъ и въявь, и подѣ рукой,
 И знать, и мыслить позволяешь,
 И о себѣ не запрещаешь
 И быль и небыль говорить.

Къ этому же великодушному «позволенію знать и мыслить» возвращается Державинъ и позже, въ «Изображеніи Фелицы» (1789 г.), влагая ей въ уста слѣдующія слова къ народу (Держ., стр. 415):

*«Я вамъ даю свободу мыслить,
 Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить,*

И въ ноги мнѣ челомъ не бить;
 Даю вамъ право безъ препоны
 Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы
 И въ нихъ ошибки замѣчать.

Туже самую мысль, и около того же времени, еще сильнѣе выражалъ Фонъ-Визиннъ. Въ 1788 г. онъ задумалъ было издавать сатирическій журналъ: «Другъ честныхъ людей или Стародумъ» Для этого изданія написалъ онъ нѣсколько мелкихъ статей, и между прочимъ письмо къ Стародуму съ просьбою у него статей въ журналъ. «Не страшусь я строгости цензуры, пишетъ онъ, — ибо вы, конечно, не напишете ничего такого, что бы напечатать было невозможно. Въкъ Екатерины вторыя ознаменованъ дарованіемъ россиянамъ свободы мыслить и изъясняться. Недоросль мой, между прочимъ, служить тому доказательствомъ, ибо назадъ тому лѣтъ за тридцать ваша собственная роль могла ли бы быть представлена и напечатана? Правда, что есть и нынѣ особы, стремящіяся угнетать дарованія и препятствующія выходить всему тому, что невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ; но *такое* немощной злобы усиліе, кромѣ смѣха, ничего другаго нынѣ произвести не можетъ». Въ отвѣтъ на это Стародумъ съ своей стороны тоже восхваляетъ «въкъ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно.» Между прочимъ, онъ пишетъ (Соч. Фонъ-Визина, стр. 545—46):

«Я самъ жилъ большею частію тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ вольныхъ разсужденій о дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобъ мой сей раговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно; ибо погибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгла сія узы. Она, отвергая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателя оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы ниѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. И такъ, Россійскіе писатели! какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ! Если какая робкая душа, обитающая въ тѣлѣ знатнаго вельможи, устремится на васъ отъ страха, чтобъ не терпѣть униженія отъ вашихъ обличеній, если какой-нибудь бесовѣстный лихоимецъ дерзнетъ, подкапываясь подъ законы, простирать хищную руку на грабежъ отечества и своихъ согражданъ: то перо ваше можетъ ясно обличать ихъ предъ трономъ, предъ отечествомъ, предъ свѣтомъ. *Я думаю, что такая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіане, поставяетъ челоуѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгу возвысить громкій*

гласъ свой противъ злоупотребленій и предрасудковъ, вредлицихъ отечеству, такъ что человекъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда полезнымъ совѣтвателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества.»

Нельзя не замѣтить, что Стародумъ нѣсколько далеко хватилъ въ своемъ самодовольствѣ; но это даетъ намъ мѣру той благородной довѣрчивости и наивности, съ которою тогдашніе сатирики смотрѣли на свое дѣло. Такимъ образомъ, во все время царствованія Екатерины русская литература постоянно повторяла ту мысль, что писателямъ дана полная свобода откровенно высказывать все, что угодно. И не только при жизни, но даже и по-смерти Екатерины, въ одѣ на ковчигу ея (Память 6 ноября 1796 г.), сочиненной Капвистомъ (Соч. Каин., стр. 309), мы находимъ упоминаніе о томъ, что при ней

Мы крылья мысли расширили,
Дерзая правду ей вѣщать!

Мысль эта сдѣлалась постояннымъ и непреложнымъ мнѣніемъ, много разъ высказывалась и впоследствии, долго спустя послѣ смерти Екатерины, и перешла въ исторію. Такъ, напримѣръ, Карамзинъ, въ своей запискѣ «О старой и новой Россіи», указавши на свободу печати при Екатеринѣ, приводитъ даже и объясненіе этого явленія, въ такомъ видѣ: «Увѣренная въ своемъ величій, твердая, непреклонная въ намѣреніяхъ, объявленныхъ ею, будучи единственною душою всѣхъ государственныхъ движеній въ Россіи, не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ, безъ казни, безъ пытокъ вливая въ сердца министровъ, полководцевъ, всѣхъ государственныхъ чиновниковъ живѣйшій страхъ сдѣлаться ей неугоднымъ и пламенное усердіе заслуживать ея милость, Екатерина могла презирать легкомысленное злословіе и позволяла искренности говорить правду. Сей образъ мыслей, доказанный дѣлами 34-лѣтняго владычества, отличаетъ ея царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой російской исторіи. Слѣдствіемъ были: спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній, разума» (Карамз., изд. Эйцера., III, XLVII.)

Впрочемъ едва ли справедливо было бы думать, на основаніи возгласовъ тогдашнихъ литераторовъ, будто при Екатеринѣ можно было безнаказанно говорить и писать все, что бы ни пришло на умъ. Напротивъ, императрица очень зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы въ обществѣ и въ народѣ не разсѣивались понятія и слухи, несообразные съ ея намѣреніями относительно устройства и управленія государствомъ. При самомъ восшествіи ея на престолъ начали ходить въ народѣ различныя слухи, которые были ей неприяты.

Вслѣдствіе того, въ 1763 г., іюля 4, изданъ былъ указъ «о воздержаніи каждому себя отъ непристойныхъ званію его толкованій и разсужденій (Полн. Собр. Зак. № 12,003). Въ этомъ указѣ говорится, между прочимъ: «Со дня самаго вступленія нашего на всероссійскій престолъ, мы, Богу содѣйствующему, въ сердцѣ нашемъ никогда о пользѣ и добрѣ нашихъ подданныхъ не пемись, яко мать о дѣтяхъ своихъ, не оставимъ, въ чемъ да управитъ и укрѣпитъ насъ Его жь рука святая. Вслѣдствіе чего равное жь желаніе и воля наша есть, чтобъ всѣ и каждый изъ нашихъ вѣрноподданныхъ единственно прилежалъ своему званію и должности, удаляясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но противу всякаго чаянія, къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются *такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ, но какъ сами заражены страшными разсужденіями о дѣлахъ совѣсть до нихъ не принадлежащихъ, не имѣя о томъ прямого свѣдѣнія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ, и даже до того попускаютъ свои слабости въ безразсудномъ стремленіи, что касаются дерзостно своими истолкованіями не только гражданскимъ правамъ и правительству и нашимъ издаваемымъ уставамъ, но и самимъ божественнымъ узаконеніямъ, не воображая знатно себѣ ни мало, какимъ таковыя непристойныя умствованія подвержены предосужденіямъ и опасностямъ*». Затѣмъ говорится, что «хотя таковыя умствователи праведно заслуживаютъ достойную себѣ казнь, *яко спокойствію нашему и всеобщему вредны*»; но на первый разъ монархія обращается къ нимъ лишь съ «материнскимъ увѣщаніемъ», надѣясь, что они сами постараются заслужить «благословеніе Божіе и монаршую милость, довѣренность и благоволеніе»; въ противномъ же случаѣ обѣщаетъ поступитъ съ ними «по всей строгости законовъ». Подобныя объявленія съ угрозами издавались не разъ и въ послѣдующіе годы. Источники чрезвычайны скудны насчетъ того, въ какой мѣрѣ исполнялись эти угрозы и много ли было людей, дѣйствительно захваченныхъ въ «вольныхъ рѣчахъ». Но нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи нашей литературы и законодательства показываютъ, что указы Екатерины не оставались пустыми словами и этимъ очень рѣзко отличались отъ сатирическихъ возгласовъ тогдашнихъ восторженныхъ обличителей. Въ мартѣ 1764 г. сожженъ на площади съ барабаннымъ боемъ «пасквиль, выданный подъ именемъ Высочайшаго указа и вачинающійся словами: «время уже настало, что лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако весьма наше дворянство пренебрегаетъ, и пр... (П. С. З. № 12,089). Въ январѣ 1765 г. (П. С. З. № 12,313) повелѣно было со-

жечь на площади, чрезъ палача, непристойныя сочиненія, названныя въ указѣ «пасквилями», но не обозначенныя никакими подробностями относительно ихъ содержанія. Въ маѣ 1767 г. наказанъ плетью въ Ярославль и сосланъ въ Нерчинскъ дворовой человекъ Андрей Крыловъ за то, что держалъ у себя тотъ самый пасквиль, о которомъ былъ указъ въ мартѣ 1764 г. (П. С. З. № 12,890). Незвѣстно, на какихъ именно условіяхъ дозволенъ былъ вообще выходъ книгъ въ Россіи до 1770 г. Но въ этомъ году дано разрѣшеніе иностранцу Гартунгу на учрежденіе первой въ Россіи вольной типографіи для печатанія книгъ на иностранныхъ языкахъ, и въ указѣ, данномъ по этому случаю, есть пунктъ, запрещающій ему выпускать изъ типографіи какія бы то ни было книги «безъ объявленія для свѣдѣтельства въ Академію Наукъ и безъ вѣдома полиціи». Русскія же книги ему не дозволено печатать, «дабы прочимъ, казеннымъ типографіямъ въ доходахъ ихъ подрыву не было» (П. С. З. № 13,572). Изъ этого видно, что размѣры тогдашней книжной дѣятельности были весьма ничтожны, но что и тѣ не были оставлены безъ строгаго правительственнаго контроля. Въ 1776 г. дано дозволеніе завести типографію и для русскихъ книгъ иностранцамъ Вейбрехту и Шнору; а въ 1780 г. тотъ же Шноръ получилъ разрѣшеніе завести типографію въ Твери. Въ январѣ 1783 г. дозволено наконецъ завести вольныя типографіи кому угодно, *не спрашивая ни у кого дозволенія*, только съ тѣмъ, чтобы всѣ печатаемыя книги были свѣдѣтельствуемы Управою Благочинія (П. С. З. № 15,633). Это дозволеніе также было прославлено въ свое время русскою литературою, и сама императрица придавала ему большое значеніе. Въ «Собесѣдникѣ», издававшемся ею въ 1783—84 г., напечатаны были извѣстные «Вопросы» фонъ-Визина, между которыми былъ слѣдующій: «отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбы своихъ и рѣшеній правительства?» Екатерина отвѣчала съ величественнымъ лаконизмомъ: *«оттого, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было»*. Этотъ отвѣтъ привелъ въ восторгъ и умиленіе Фонъ-Визина: сатирикъ увидѣлъ здѣсь косвенное дозволеніе частнымъ лицамъ печатать судебныя дѣла и рѣшенія. Въ особомъ письмѣ, напечатанномъ въ томъ же «Собесѣдникѣ» (ч. V, стр. 145), онъ краснорѣчиво излагаетъ пользу судебной гласности. «Отвѣтъ вашъ, пишетъ онъ, подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человеческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно, съ душевною благодарностью, десницу правосуднѣйшія и премудрыя монархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ то же время и тѣмъ самымъ подгагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству. Она и въ семъ случаѣ слѣдуетъ своему

всегдашнему обычаю; ибо разсѣчь однимъ разомъ камень претѣканія и вдругъ источить изъ него два цѣлебные потока есть образъ чудодѣйствія, Екатеринѣ II весьма обычный. Способомъ печатанія тяжель и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судебнымъ можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная похвала праведнымъ судіямъ, возмущаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ», и пр.

Однако же судебные процессы не печатались у насъ при Екатеринѣ, — неизвѣстно по какимъ причинамъ. Была одна попытка въ 1791 г. Нѣкто Василій Новиковъ сталъ тогда издавать «Театръ Судовѣдѣнія или чтеніе для судей», въ которомъ печатались замѣчательныя судебныя дѣла иностранныя и нѣсколько русскихъ, обыкновенно такихъ, въ которыхъ, по его выраженію, «нельзя было не воспламенить мудрости судей». Но очевидно, что это было совѣмъ не то, о чемъ говорилъ Фонъ-Визинъ, и оттого неудивительно, что изданіе В. Новикова не пошло и прекратилось по выпускѣ шести книжекъ. Для насъ въ этомъ изданіи замѣчательно то, что и въ 1791 г. говорились о гласности тѣ же самыя фразы, какія, какъ мы видѣли, были въ ходу въ 1769 г. Вотъ, на примѣръ, тирада изъ IV части. «Подъ покровомъ владычествующія на сѣверѣ Минервы, всѣ части человѣческихъ познаній достигаютъ своего совершенства. Ободренныя музы, будучи доступны къ ея престолу, вѣщаютъ ей о всемъ устнами самыя истины. Отверзаются врата ѳемидина храма, вступаютъ въ него минервины други; корыстолюбивый и незнающій судья трепещеть, а достойный готовится къ новому торжеству своихъ подвиговъ». (Театръ Судов., ч. IV, стр. 4.)

Во всѣхъ подобныхъ возгласахъ было очень много риторическаго самодовольства. Писатели того времени, не обращая вниманія на публику, для которой они писали, не думая о тѣхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ дѣйствительный успѣхъ добрыхъ идей, придавали себѣ и своимъ словамъ гораздо болѣе значенія, нежели слѣдовало. Когда имъ дозволяли сказать что нибудь рѣзкое, они были убѣждены, что это означаетъ желаніе осуществить на дѣлѣ эти рѣзкія слова. Но, разумѣется, гораздо основательнѣе было бы судить объ этомъ иначе, и мы не можемъ не привести здѣсь сужденія типографщика Селивановскаго, которое находится въ его запискахъ, помѣщенныхъ въ «Библиографическихъ Запискахъ» прошлаго года (№17, стр. 518). «Цензуры въ то время (около 1790 г.) не было — пишетъ онъ; — книги разсматривались при управѣ или оберъ-полиц-

мейстеромъ,—то есть предъявлялись, но не читались. *Въ ту пору книга была нѣчто пустое, неважное, и еще не думали, что она можетъ быть вредна*». Глубокую справедливость этого замѣчанія подтверждаютъ факты, послѣдовавшіе за 1783 годомъ. Немедленно послѣ дозволенія, даннаго въ этомъ году на открытіе вольныхъ типографій, ихъ развелось очень много, и книжная дѣятельность чрезвычайно усилилась. Новиковъ, еще въ 1779 году взявшій на откупъ московскую университетскую типографію и очень усердно печатавшій въ ней книги, теперь еще болѣе расширилъ свою дѣятельность заведеніемъ собственной типографіи и «компаніи типографической». Тутъ уже стали обращать серьезное вниманіе на литературу и нѣсколько опасаться *свободолюбія*, котораго Екатерина, какъ видно по всему, очень не любила. На вопросъ Фонъ-Визина: «имѣя монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ — удостоиваться ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ? отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ, и весьма большіе?»—Екатерина отвѣчала: «сей вопросъ родился отъ *свободолюбія*, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начали бы на вышшаго одного десять прежде бывшихъ». (Соч. Ек. III, 31.) Подобное этому *свободолюбію* увидѣла она и въ изданіяхъ Новикова, и какъ скоро замѣтила, что оно можетъ повѣсти къ какимъ нибудь послѣдствіямъ «для спокойствія ея и всеобщаго вреднымъ», то и рѣшилось прекратить его. Уже въ 1784 г., за напечатаніе неблагопріятной для іезуитовъ исторіи ихъ ордена въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 69 — 71), она выразила свой гнѣвъ на Новикова и велѣла отобрать эти листы «Вѣдомостей», объяснивъ причину своего гнѣва слѣдующимъ образомъ: «ибо давъ покровительство наше сему ордену, не можемъ дозволить, чтобъ отъ кого либо малѣйшее предосужденіе оному учинено было» (См. Москв. 1843 г. № I, стр. 241.) Въ 1785 г. наряжено было слѣдствіе надъ Новиковымъ, въ 1786 г. повелѣно было запретить въ продажѣ нѣкоторыя книги, у него напечатанныя и «наполненныя странными мудрствованіями» (П. С. З, № 16,362). Еще болѣе гнѣвъ императрицы на литературу возбужденъ былъ извѣстнымъ «Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву», Радищева. Сент. 4, 1790 г. данъ былъ указъ о ссылкѣ его на десять лѣтъ въ Сибирь, «за изданіе книги, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимся къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми израженіями противъ сана

и власти царской» (П. С. З. № 16,901). Въ 1791 г., вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ расположеній, должна была закрыться типографическая компанія. Въ 1792 г. Новиковъ посаженъ въ Шлиссельбургъ, а нѣкоторые изъ его друзей сосланы на житье въ деревни. Наконецъ въ 1796 г., сентября 16, послѣдовалъ именной указъ Сенату «объ ограниченіи свободы книгопечатанія и ввоза иностранныхъ книгъ, объ учрежденіи на сей конецъ цензуръ и объ упраздненіи частныхъ типографій». (П. С. З. № 17,508.) Въ указѣ этомъ говорится, что, «въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ, призвано за нужное: 1) учредить цензуру въ столицахъ и пограничныхъ приморскихъ городахъ, изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ составляемую; 2) частными людьми заведенныя типографіи, въ разсужденіи злоупотребленій, отъ того происходящихъ, упразднить, тѣмъ болѣе, что для печатанія *полезныхъ и нужныхъ* книгъ имѣется достаточное количество таковыхъ типографій, при разныхъ училищахъ устроенныхъ». Эта мѣра уже слишкомъ рѣшительна; но Екатерина не опасалась на ней настаивать, и за нѣсколько дней до своей смерти, октября 22, подтвердила повелѣніе объ уничтоженіи вольныхъ типографій (П. С. З. № 17,523). Постановленія о цензурѣ были развиты и организованы въ царствованіе Павла.

Въ сущности, конечно, и эти мѣры Екатерины, при всей ихъ крайности, не достигли цѣли, какъ сознавалось потомъ само законодательство. Запрещеніе печатать книги въ вольныхъ типографіяхъ было вызвано подозрѣніями, не имѣвшими прочнаго основанія, какъ доказали послѣдствія. Подозрѣнія эти получили свою силу преимущественно вслѣдствіе опасеній Екатерины, чтобы въ Россіи не отозвалось то волненіе умовъ, которое въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія совершалось во Франціи. Но состояніе тогдашняго русскаго общества вовсе не было таково, чтобы въ немъ могло развиваться что нибудь серьезно опасное для существующаго порядка. Книга Радищева составляла едва ли не единственное исключеніе въ ряду литературныхъ явленій того времени; и именно потому, что она стояла совершенно одиноко, противъ нея и можно было употребить столь сильныя мѣры. Впрочемъ, если бы этихъ мѣръ и не было, все-таки «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» осталось бы явленіемъ исключительнымъ, и за авторомъ его послѣдовали бы до конечныхъ его результатовъ развѣ весьма немногіе. Стало быть, съ этой точки зрѣнія, излишнія строгости противъ тогдашняго книгопечатанія были совершенно невужны: Екатерина ни въ какомъ случаѣ не могла страшиться неблагоклонныхъ отзы-

вовъ и «противныхъ ея и всеобщему спокойствію» выходокъ со стороны литературы, которая всегда такъ усердно и громко прославляла ея и всегда была готова безпрекословно слѣдовать по указанному отъ нея направлеію. Если же предположить другую цѣль строгостей Екатерины, т. е. ту, чтобы вообще менѣ писали и разсуждали, то въ этомъ отношеніи ея мѣры вовсе не достигли цѣли. Русское общество даже и въ то время такъ уже привыкло «читать книгу», что невозможно было вовсе лишить его «книги», выгнать «книгу» изъ государства.... Что бы тамъ ни печаталось, что бы ни говорилось, до этого обществу дѣла еще не было; но «книга» была ему нужна. Вслѣдствіе того, въ самомъ указѣ объ упраздненіи всѣхъ вольныхъ типографій упомянуто объ оставленіи «достаточнаго количества типографій при училищахъ, для напечатанія нужныхъ и полезныхъ книгъ, и кромѣ того дано дозволеніе «быть типографіямъ въ губерніяхъ при намѣстническихъ правленіяхъ, для облегченія тамошнихъ канцелярій». По свидѣтельству Сопикова (Рус. Библ. I, стр. 40), всѣ упраздненныя типографіи немедленно и разошлись по губерніямъ. Кромѣ того, найденъ былъ, разумѣется, и другой способъ распространенія въ публикѣ сочиненій, которыя почему нибудь имѣли для нея интересъ... Вслѣдствіе всего этого императоръ Александръ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, указомъ 9 февраля 1802 г., снова далъ дозволеніе привозить изъ-за границы всѣ иностранныя книги и заводить повсемѣстно вольныя типографіи. Въ указѣ этомъ находится прямое и откровенное указаніе на причины, вызвавшія распоряженіе императора. Упомянувъ сначала о запрещеніи 1796 г., указъ продолжаетъ: «но какъ съ одной стороны внѣшнія обстоятельства, къ мѣрѣ сей правительствомъ побудившія, прешли и нынѣ уже не существуютъ, а съ другой — *пятимлѣтній опытъ доказалъ, что средство сіе было и весьма недостаточно къ достиженію предполагаемой имъ цѣли*, то по уваженіямъ симъ и признали мы справедливымъ, освободивъ сію часть отъ препонъ, по времени содѣлавшихся излишними и бесполезными, возвратитъ ея въ прежнее положеніе....» Далѣе, послѣ разрѣшенія вновь заводить вольныя типографіи и печатать въ нихъ всякія книги съ освѣдѣтельствомъ Управы Благочинія, въ указѣ повелѣвается — «цензуры всякаго рода, въ городахъ и при портахъ учрежденныя, *яко уже ненужныя*, упразднить». (И. С. З. № 20, 139). Вскорѣ послѣ того, въ 1804 г., изданъ первый цензурный уставъ, усовершенствованный потомъ въ 1828 г.

Такимъ образомъ, обращаясь снова къ литературѣ, и преимущественно сатирѣ, екатерининскаго времени, мы должны сказать, что сатирики были не совсѣмъ правы, воображая, будто имъ такъ ужъ в

позволять печатать все, что бы ни пришло в голову. Но за это, разумѣется, нельзя строго судить ихъ: во первыхъ, послѣ Бирона, послѣ ужаснаго «слова и дѣла», та льгота, какая была дана при Екатеринѣ, должна была показаться верхомъ всякой свободы; во вторыхъ, литература наша въ то время была еще такъ нова, такъ несовершеннолѣтняя, что не могла не увлекаться и не обольщаться, когда ей давали позволеніе поиграть и порѣзвиться, и очень легко могла вѣрять въ міровое значеніе своихъ забавъ. Притомъ же, большая часть тогдашнихъ литераторовъ даже и не видѣла грани, которая отдѣляла дозволенное имъ, игрушечное, отъ непозволеннаго, серьезнаго. И почти ни у кого не являлось охоты переступить эту грань, потому что вся литература тогда была дѣломъ не общественнымъ, а занятіемъ кружка, очень незначительнаго....

При такомъ положеніи дѣлъ, можетъ быть странно только одно: какимъ же образомъ сатирики въ теченіе десятковъ лѣтъ могли оставаться въ столь забавной иллюзіи, воображая, что отъ ихъ словъ можетъ произойти «поправленіе нравовъ» въ цѣлой Россіи? Но и это объясняется довольно удовлетворительно двумя обстоятельствами: во первыхъ, тѣмъ, что сатира не отдѣляла своего дѣла и своихъ стремленій отъ идей и распоряженій правительства, подававшихъ тогда, особенно сначала, весьма большія надежды; во вторыхъ, тѣмъ, что, разъ ставши подъ покровительство «Премудрыя Минервы», сатирики того времени могли уже позволять себѣ въ самомъ дѣлѣ значительную свободу въ своихъ обличеніяхъ частныхъ недостатковъ и злоупотребленій. Оба эти обстоятельства требуютъ нѣсколько подробнѣйшаго разсмотрѣнія.

Восшествіе на престолъ императрицы Екатерины, какъ можно видѣть даже изъ учебника Устрялова (ч. II, стр. 163—167), совершилось столь счастливо потому всего болѣе, что предшественникъ ея навлекъ на себя своими распоряженіями всеобщее негодованіе. До сихъ поръ не были у насъ изображены всѣ обстоятельства ея вступленія на царство; но недавно г. Иловайскій, по давно извѣстнымъ источникамъ иностраннымъ, напечаталъ и на русскомъ языкѣ почти всѣ подробности этого дѣла (см. От. Зап. 1859 г. № IX), и слѣдовательно о нихъ можно говорить положительно. Впрочемъ намъ даже нѣтъ надобности говорить отъ своего лица: стоитъ только привести двѣ выдержки изъ манифеста, изданнаго Екатериною тотчасъ по вступленіи на престолъ, и намъ будетъ совершенно ясно, въ какомъ положеніи становилась она съ самаго начала предъ лицомъ своихъ подданныхъ. Въ началѣ манифеста она указываетъ на общее неудовольствіе русскихъ противъ Петра и затѣмъ продол-

жаеть описывать его поступки слѣдующимъ образомъ (Указы Екат. II, съ 1762 по 1763 г., стр. 18):

«Между тѣмъ, когда все отечество къ мятежу неминуемому уже противу его наклонялося, онъ паче и паче старался умножать оскорбленіе развращеніемъ всего того, что великій въ свѣтѣ монархъ и отецъ своего отечества, блаженный и вѣчно незабвенный памяти государь императоръ Петръ Великій, нашъ вселюбезнѣйшій дѣдъ, въ Россіи установилъ, и къ чему онъ достигъ неуспыннымъ трудомъ тридцатилѣтняго своего царствованія,—а именно: законы въ государствѣ всѣ пренебречь, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ и вовсе о нихъ слышать не хотѣлъ, доходы государственные расточать началъ не полезными, но вредными государству издержками, изъ войны кровопролитной начиналъ другую, безвременную и государству Россійскому крайне безполезную, возненавидѣлъ полки гвардіи, освященнымъ его предкамъ вѣрно всегда служившіе, превращать ихъ началъ въ обряды неудобъ носимые, которые не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ, и усердно за вѣру и отечество служащихъ и кровь свою проливающихъ. Армію всю раздробилъ такими новыми законами, что будто бы не единого государя войско то было, но чтобъ каждый въ полѣ удобнѣе своего поборника губилъ, давъ полкамъ иностранныя, а иногда и развращенныя виды, а не тѣ, которые въ ней единообразіемъ составляютъ единоплеменные. Неумолимые и безразсудные его труды въ таковыхъ вредныхъ государству учрежденіяхъ столь чувствительно напоследокъ стали отвращать вѣрность россійскую отъ подданства къ нему, что ни единого въ народѣ уже не оставалось, кто бы въ голосъ съ отвагою и безъ трепета не влословилъ его, и кто бы не готовъ былъ на пролитіе крови его. Но заповѣдъ Божій, которая въ сердцахъ нашихъ вѣрноподданныхъ обитаетъ къ почитанію власти предержавшей, до сего предпріятія еще не допускала, а вмѣсто того всѣ уповали, что Божія рука сама коснется и низвергнетъ утѣсненіе и отягощеніе народное его собственнымъ паденіемъ.»

Разсказавши затѣмъ всю исторію переворота и приведши вполнѣ письмо Петра, въ которомъ онъ отрекается отъ престола, Екатерина переходитъ къ объясненіямъ относительно ея собственныхъ намѣреній и понятій о власти, ею принятой. Вотъ заключеніе манифеста (Указы, стр. 22—23):

«Таковымъ, Богу благодареніе, дѣйствіемъ престолъ самодержавный нашего любезнаго отечества приняли мы на себя безъ всякаго кровопролитія, но Богъ единъ и любезное наше отечество чрезъ избранныхъ своихъ намъ помогали. Въ заключеніе же сего неисповѣдимаго промысла Божія, мы всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ обнадеживаемъ всемилостивѣйше, что просить Бога не оставимъ денно и ночью, да

поможетъ намъ поднять скипетръ въ соблюденіе нашего православнаго закона, въ укрѣпленіе и защищеніе любезнаго отечества, въ сохраненіе правосудія, въ искорененіе зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій, и да укрѣпитъ насъ на вся блага. А какъ наше искреннее и нелицемѣрное желаніе есть прямымъ дѣломъ доказать, сколь мы хотимъ быть достойны любви нашего народа, для котораго признаваемъ себя быть возведенными на престолъ: то такимъ же образомъ здѣсь наиторжественнѣйше обѣщаемъ нашимъ императорскимъ словомъ, узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка, и тѣмъ уповаемъ предохранить цѣлость имперіи и нашей самодержавной власти, бывшимъ несчастіемъ нѣсколько испроверженную, а прямыхъ вѣроусердствующихъ своему отечеству сыновъ вывести изъ умнѣя и оскорбленія. Напротиву того не сумѣваемъ, что всѣ наши вѣроподданные клятву свою предъ Богомъ не преступятъ въ собственную свою пользу и благочестіе, почему и мы пребудемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ непремѣнны Нашею Высочайшею императорскою милостію. Данъ въ Санктпетербургѣ іюля 6 дня, 1762 года.»

Понятно значеніе подобнаго манифеста: взявъ въ свои руки власть отъ человѣка, которымъ были недовольны. Екатерина, очень естественно, старается показать всѣмъ, что въ ея рукахъ эта власть не будетъ уже источникомъ недовольства. Вслѣдствіе этого она «наиторжественнѣйше обѣщаетъ» сдѣлать такія постановленія, которыя «сохранять добрый во всемъ порядокъ и предохранять цѣлость имперіи и самодержавной власти». Послѣднее указаніе очень важно: оно доказываетъ, что обѣщанія императрицы не были фразою, довольно обыкновенною въ подобныхъ случаяхъ, а вызваны были дѣйствительною необходимостью. Она чувствовала, что ей нужно добрымъ управленіемъ сохранить и упрочить свою власть, и поспѣшила всенародно высказать свое убѣжденіе. Такихъ данныхъ уже совершенно достаточно было образованнымъ людямъ того времени — и особенно писателямъ, людямъ скромнымъ и негосударственнымъ — для того, чтобы предаться отраднымъ ожиданіямъ и даже представить себѣ уже осуществленную мечту далекаго будущаго о золотомъ вѣкѣ. И нельзя сказать, чтобъ ихъ мечты не имѣли основанія: въ первые годы царствованія Екатерины каждый скольконибудь важный указъ ея начинался заявленіемъ материнской ея заботливости о благѣ народномъ, и во многихъ указахъ, дѣйствительно, дѣлались льготы и улучшенія, какія были пужны по тогдашнему времени. Одно уничтоженіе тайной канцеляріи было уже такою мѣрою, которая способна была внушить всякому наилучшее располо-

женіе къ правительству и полное довѣріе къ его гуманности. Извѣстно, какое страшное орудіе составляла тайная канцелярія, вмѣстѣ съ «словомъ и дѣломъ», въ рукахъ клеветовъ Бирона; извѣстно также, что не одинъ Биронъ пользовался этимъ ужаснымъ средствомъ держать всѣхъ въ безмолвномъ страхѣ и повиновеніи. Со времени Петра I, тайныя канцеляріи, подъ разными названіями, постоянно, въ теченіе полвѣка, были страшнѣйшимъ явлениемъ народа. Петръ III, вскорѣ по вступленіи на престолъ, указомъ 21-го февраля 1762 г., уничтожилъ ее (И. С. З. № 11,445); но Екатерина новымъ указомъ, 19 октября того же года (И. С. З. № 11,687), еще разъ ее уничтожила и вторично запретила ненавистное «слово и дѣло», повторивши слово въ слово весь указъ о томъ Петра III. Въ указѣ этомъ, по обычаю того времени, излагаются и побудительныя причины принятаго рѣшенія. Начало указа таково:

«Всѣмъ извѣстно, что ко учрежденію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, канцелярій, сколько разныхъ именъ имъ ни было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, вѣчной славы достойныя памяти, монарха великодушнаго и челоуѣколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства, и неисправленные еще въ народѣ нравы. Съ того времени отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ. Но какъ тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ: то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ, или ложными затѣями протягивать вдалѣ заслуженныя ими казни и наказанія, ими же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ, или неприятелей. Мы послѣдуя нашему челоуѣколюбию и милосердію, и прилагая крайнее стараніе, не токмо неповинныхъ людей отъ напрасныхъ арестовъ, а иногда и самыхъ истязаній защитить, но паче и самымъ злонаравнымъ пресѣчь пути къ произведенію въ дѣйство ихъ ненависти, шенія и клеветы, а подавать способы къ ихъ исправленію, — повелѣваемъ тайной розыскныхъ дѣлъ канцелярії не быть, и оную со всѣмъ уничтожить; а дѣла, буде иногда такія случатся, кои до сей канцелярії принадлежали бѣ, смотря по важности, разсматриваны и рѣшены будутъ въ Сенатѣ. Но дабы сія наша милость для всѣхъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ, совершенное дѣйство имѣла, а напротиву того не показала бы безстрашно составлять, хотя и тщетные и всегда на собственную погибель злодѣевъ обращающіеся, умыслы противу нашего императорскаго здравія, персоны и чести нашего величества, то есть перваго указомъ 1730 года, апрѣля 14 дня, описаннаго пункта, или же завести бунтъ, или сдѣлать измѣну противъ насъ и государства, то есть втораго, тѣмъ же указомъ истолкованнаго пункта: то восхотѣли мы чрезъ сіе точнае объявить наши соизволенія; и потому:

1) Вышепомянутая тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда; а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ Сенатъ; но за печатью къ вѣчному забвенію въ архиву положатся.

2) Ненавистное изреченіе, а именно: «слово и дѣло», не долженъ ствуетъ значить отнынѣ ничего; и мы запрещаемъ не употреблять онаго никому. А есть ли кто отнынѣ оное употребить въ пьянствѣ, или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники.

3) Напротиву того, буде кто имѣеть дѣйствительно и по самой правдѣ донести о умыслѣ по первому или второму пункту, такой долженъ тотчасъ въ ближайшее судебное мѣсто, или къ ближайшему жъ воинскому командиру немедленно явиться и доносъ свой на письмѣ подать; а только въ случаѣ, если кто не умѣеть грамотѣ, тотъ можетъ доносить словесно, однакожъ не иначе, какъ тѣмъ же порядкомъ, то есть, пришедъ въ ближайшее судебное мѣсто, или къ воинскому командиру со всякимъ благочиніемъ.

Далѣе говорится подробно о томъ, какъ поступать съ доносчиками, чтобы дознаться, справедливъ ли доносъ. Доносчика велѣно брать подъ караулъ, спрашивать, — впрочемъ безъ пытки, — изслѣдовать его прежнюю жизнь и поведеніе, дѣлать строгую повѣрку его словъ, не принимать доносовъ отъ преступниковъ предъ казнью, за ложный доносъ наказывать, и проч.... Словомъ, мѣры для отвращенія клеветъ и ложныхъ доносовъ приняты самыя благоразумныя. Въ заключеніе говорится: «Объявляемъ притомъ точно нашимъ императорскимъ словомъ, что за справедливый доносъ всегда учинено будетъ, смотря по важности дѣла, достойное награжденіе, а напротиву того — виновные, также смотря по дѣлу, или нарочно учреждаемою на то время комиссіею, или же какимъ учрежденнымъ уже судебнымъ мѣстомъ по сущей правдѣ и справедливости, судимы будутъ....»

Читая этотъ указъ въ 1762 г., современники, разумѣется, не могли предвидѣть, что черезъ нѣсколько лѣтъ явится на поприщѣ полицейскихъ изслѣдованій знаменитый Шишковскій и что послѣдующія обстоятельства заставятъ саму же Екатерину возстановить, къ концу своего царствованія, уничтоженную ею тайную канцелярію, — подъ именемъ тайной экспедиціи. Да если бъ это и могли предвидѣть, то все-таки не могли не радоваться при данномъ облегченіи, хотя бы и на краткое время.

Но не одно уничтоженіе тайной канцеляріи привлекло къ Екатеринѣ сердца ея подданныхъ въ самомъ началѣ ея царствованія. Она и вообще каждымъ своимъ распоряженіемъ напоминала, что она, по ея выраженію въ «Секретнѣйшемъ Наставленіи» кн. Вяземскому, при опредѣленіи его генераль-прокуроромъ (см. Чт. Моск. Общ. Ист. 1858 г. кн. I, Смѣсь, стр. 101), «иныхъ видовъ не имѣла, какъ найвысшее благополучіе и славу отечества; инаго не желала, какъ благоденствія

своихъ подданныхъ, какого бы званія они ни были». Въ указѣ «о выходѣ бѣглымъ изъ-за границы», данномъ 19 іюля 1762 г., то есть черезъ три недѣли по вступленіи Екатерины на престолъ, она говоритъ: «Положили мы главнымъ намѣреніемъ нашимъ, чтобъ всегдашнее стараніе имѣть о цѣлости нашея имперіи и о благоденствіи вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, чему мы и дѣйствительные опыты въ краткое время государствованія нашего показали, и впредь еще больше, да и съ великимъ удовольствіемъ, о томъ попеченіе прилагать не оставимъ» (П. С. З. № 11,618). И дѣйствительно, — немедленно по вступленіи на престолъ, Екатерина отменила разныя обременительныя положенія, утвержденныя Петромъ III относительно гвардейскихъ полковъ, увеличила жалованье и пайки солдатамъ нѣкоторыхъ полковъ, велѣла понизить повсюду цѣну соли, объявила амнистію всѣмъ бѣглымъ, скрывавшимся въ Польшѣ и Литвѣ, установила апелляціонные сроки для тяжбныхъ дѣлъ, издала подробный указъ «о коммерціи, торгахъ и откупахъ», въ отмену указа Петра III отъ 28 марта, въ которомъ оказались «многія неудобства, клонящіяся ко вреду и тягости общенародной» (П. С. З. № 11,630); повелѣла, «вмѣсто бывшихъ сыщиковъ, сдѣлать въ губерніяхъ и провинціяхъ *благопристойнѣйшее* учрежденіе, какъ бы воровъ и разбойниковъ искоренять» (П. С. З. № 11,634); весьма рѣзко и энергически возстала противъ лихоимства.... Словомъ, почти съ каждымъ днемъ являлись новые знаки ся заботливости о благосостояніи государства, и при этомъ нужно еще замѣтить, что Екатерина нисколько не старалась замаскировывать печальное положеніе, въ которомъ она застала государство, принимая власть въ свои руки. Напротивъ, она сама старалась выставлять сколько можно рѣзче существовавшее до нея зло, чтобы тѣмъ болѣе заставить цѣнить тѣ мѣры, какія принимались ею для уничтоженія этого зла. Вотъ, напримеръ, манифестъ «о лихоимствѣ», данный 18 іюля 1762 г., спустя 20 дней послѣ воцаренія Екатерины. Сила и откровенность его должны поразить удивленіемъ даже и современнаго читателя, для котораго тогдашнее положеніе дѣлъ есть уже преданіе чуть не мифологическое.

«Божіимъ содѣйствіемъ престолъ нашъ утвердивши, вступили мы дѣломъ самымъ въ правленіе всего государства, тѣмъ усерднѣе, чѣмъ больше народное обремененіе и государственныя нужды того отъ насъ требовали.

Мы уже манифестомъ нашимъ отъ 6 сего мѣсяца, объявили всенародно и торжественно, что наше главное попеченіе будетъ, изыскивать всѣ средства къ утверженію правосудія въ народѣ, которое есть первое отъ Бога намъ преданное святымъ Его писаніемъ повелѣніе,

дабы милость и судъ мы оказывали всѣмъ нашимъ подданнымъ и сами себя непостыдно оправдать могли предъ Богомъ, въ хожденіи по заповѣди Его. Сіе есть путь нашъ непорочный, которымъ мы изыскивая блаженство нашего народа, ищемъ достигнуть будущаго вѣчнаго за то воздаянія. Почему за долгъ себѣ вмѣняемъ непреложный и непремѣнный — объявить въ народъ съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца нашего, что мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, *до какого степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возрасло, такъ что едва есть ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе (судъ) безъ зараженія сей язвы отправлялось.* Ищеть ли кто мѣста, платитъ; защищается ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами; клевететь ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами. Напротиву того: многіе сулящіе освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ; вмѣняя себѣ вѣтренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дому своего, а не за службу приносимую Богу, намъ и отечеству, и издопримствомъ богомерскимъ, претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ. Мы бы неправосудны были предъ Богомъ, ежели бы мы о всѣхъ нашихъ вѣрноподанныхъ того же мѣнѣя были: но добросовѣстные и честные люди, которыми государство наше наполнено, не измѣнять лица своего, слыша и читая сіе наше съ материнскимъ соболѣзнованіемъ негодованіе, а причастники сего зла всеконечно должны угрызненіе своей совѣсти почувствовать, *тѣмъ паче, когда они въззрять только на наше дѣйствіе, въ которомъ намъ Богъ предводительствовалъ, и на наше праведное передъ Богомъ намѣреніе, съ какимъ мы воцарилися. Не снисканіе высокаго имени обладательницы російской, не прибрѣтеніе сокровищъ, которыми паче всѣхъ царей земныхъ намъ можно обогатиться, не властолюбіе и не иная какая корысть, но истинная любовь къ отечеству и всего народа, какъ мы видѣли, желаніе, насъ понудили принять сіе бремя правительства.* Почему мы не токмо все, что имѣемъ или имѣть можемъ, но и самую нашу жизнь на отечество любовное опредѣлили, не полагая ничего себѣ въ собственное, ниже служа себѣ самимъ, но всѣ труды и попеченіе подъемлемъ для славы и обогащенія народа нашего. Въ такомъ богоугодномъ намѣреніи для отечества нашего, *сколь трудно бы было намъ царствовать, ежели бы правосудіе на судахъ не содѣйствовало нашему желанію, и сколь при томъ огорчительно, когда жда и корысть, оными обладають въ сердцахъ таковыхъ злонаправныхъ, которые забывъ многіе предковъ нашихъ, блаженной и вѣчнодостойной памяти государей, а особливо дѣда нашего вселюбивѣйшаго, государя императора Петра Великаго, строжайшіе о лихоимствѣ указы, судей недостойно, а лихоимцовъ праведно имя носить, и свою алчбу къ имѣнію, служа не Богу, но единственно чреву своему, насыщаютъ издопримствомъ.*

лства себя надеждою, что все, что они дѣлаютъ по лакомству, прикрыто будто добрымъ и искуснымъ канцелярскимъ или приказнымъ порядкомъ; а Сердцевѣдца Бога не памятуя Судью Всевышняго, который всѣ злыя ихъ помышленія и совѣты открываетъ путями неизвѣстными, и насъ самихъ, яко законоположительницу, наконецъ побудитъ на гнѣвъ и отщепеніе. Таковыми примѣрамъ, которые вкоренились отъ единого безстрашія въ важнѣйшихъ мѣстахъ, послѣдуютъ наипаче во отдаленныхъ находящіяся и самыя малые суды, управители и разные къ досмотрамъ приставленные командиры, и берутъ съ бѣдныхъ самыхъ людей, не токмо за дѣла безвинныхъ, дѣлая привязки по силѣ будто указовъ, въ самомъ же дѣлѣ въ зло только ими истолкованныхъ, и разоряя ихъ за то дома и имѣнія, — но и за такія, которыя не иначе, какъ нашего благоволенія и милости Высочайшей достойны, такъ что сердце наше содрогнулось, когда мы услышали отъ нашего лейбцирассерскаго вице-полковника князя Михайла Дашкова, что въ проѣздѣ его изъ Москвы въ Санктпетербургъ, нѣкто Новородской губернской канцеляріи регистраторъ Яковъ Рембергъ, приводя нынѣ къ прислать намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей, бралъ и за то съ каждого себя деньги, кто прислалъ; котораго Ремберга мы и повелѣли сослать на вѣчное житіе въ Сибирь на работу, по единому только еще нашему матернему милосердію; потому что онъ за такое ужасное, хотя малокорыстное преступленіе, праведно лишень быть долженъ живота.

Сильное однакожъ наше на Бога упованіе и природное наше великодушіе не лишаютъ насъ еще надежды, чтобъ всѣ тѣ, которые почувствуютъ отъ сего милосердаго къ нимъ напоминанія нѣкоторое въ совѣсти своей обличеніе, не помыслили, сколь великое зло есть въ государственныхъ дѣлахъ мздопріимство, а на судѣ, гдѣ правда божественная поборствовать должна, скверное лакомство и лихоимство; и потому, видя нашу умѣренность матернюю ко всѣмъ вѣрнопопавшимъ, не отчаяваемся, чтобъ каждой вразумя себѣ наше сіе милостивое упоминаніе, не отринуть отъ себя прежнихъ поступковъ, ежели онъ ни зараженъ былъ. Но когда и послѣ сего, что при вступленіи нашемъ на престолъ, въ совершенномъ еще незлобін сердца нашего, всѣмъ здѣсь лихоимцамъ и мздопріимникамъ мы восхотѣли сдѣлать увѣщаніе милосердое, не подѣйствуетъ оное въ сердцахъ ихъ окаменѣлыхъ и зараженныхъ сею пагубною страстію; то въдали бы они же, что мы установленнымъ противу сего зла законамъ сами за правило себя примемъ и впредь твердо содержать будемъ — повиноваться, не давъ уже болѣе милосердію нашему мѣста. Почему и никто обвиненный въ лихоимствѣ (ежели только злоба до насъ дойдетъ праведная) яко противъвоющій Бога, не избѣжитъ и нашего мѣста, такъ какъ мы милость и судъ въ пути непорочно царствованія нашего Богу и народу обѣщали. Данъ въ Санктпетербургѣ, іюля 18 дня 1762 года.»

Трудно вообразить себѣ что нибудь болѣе рѣшительное, самоувѣренное и откровенное, чѣмъ этотъ манифестъ. Здѣсь не только

прямо указывается зло, не только дѣлаются обѣщанія въ общихъ словахъ, но даже пазывается по имени преступникъ, сообщается во всеобщее свѣдѣніе сдѣланное ему наказаніе и прямо объявляется, что манифестъ этотъ изданъ именно для предупрежденія другихъ отъ подобныхъ поступковъ, за которыми послѣдуетъ строгое наказаніе. Но не ограничиваясь и этимъ, императрица выказываетъ еще болѣе искренности и откровенности, говоря, что самый способъ ея восшествія на престолъ заставляеть ее какъ какъ можно болѣе стараться о томъ, чтобы не возбуждать противъ себя неудовольствія, и что этого она не можетъ иначе достигнуть, какъ позаботясь о водвореніи въ государствѣ правосудія. Изъявленія своихъ намѣреній, сдѣланныя подобнымъ образомъ, съ представленіемъ такихъ причинъ, необходимо должны были увлечь самыхъ упорныхъ скептиковъ, если бы таковые нашлись. И это тѣмъ болѣе, что подобныя расположенія высказывались Екатериною не въ однихъ торжественныхъ манифестахъ и указахъ, но даже въ секретныхъ ея приказаніяхъ ближайшимъ къ ней лицамъ. Въ примѣръ этого можно указать на «Секретнѣйшее Наставленіе» кн. Вяземскому, данное ему при опредѣленіи его въ генераль-прокуроры и недавно напечатанное въ «Чтеніяхъ». Наставленіе это показываетъ между прочимъ и то, какъ зорко смотрѣла Екатерина на многіе насущные вопросы и какъ хорошо понимала она всю совокупность государственнаго управленія. Князь Веземскій опредѣленъ генераль-прокуроромъ въ 1764 году, слѣдовательно документъ этотъ относится къ самому началу царствованія Екатерины. Приведемъ изъ него нѣкоторые пункты. (Чт. М. О. И. 1858 г. Кн. I, стр. 101—104.)

«4-е. Всѣ мѣста, и самый Сенатъ, вышли изъ своихъ основаній равными случаями, какъ не прилѣжаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ — почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ Сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ Сенатъ представить, до чего, однако же, я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что имъ радоваться подлежитъ, что законъ исполняютъ. Черезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ, они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается: противъ сенатскихъ указовъ, естли оныя не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напоследокъ и къ намъ. *Раболюство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихяся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей ередъ не пресъчетс;* одна форма лишь канцелярская исполняется, и обдумать еще и нынѣ

прямо не смѣютъ, хотя въ томъ часто интересъ государственныи страждетъ. Сенатъ же, вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія иныи чинамъ прежніи примѣры прелестны; однако жъ, покажѣтъ я живу, то останется какъ долгъ велитъ. Россійская Имперія есть столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей; ибо всѣ протчія медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ; а другіе всѣ, по слову евангельскому, наемники суть.

«5-е. Весьма, по обширности имперіи, великая нужда состоитъ въ умноженіи циркуляціи денегъ; а у насъ, по счетамъ монетнаго департамента, не болѣе 80,000,000 рублей серебромъ въ народѣ, которую суму, располага по числу людей, придетъ по 4 рубля на человѣка, естьли еще не менѣе. Разныи были проекты, изъ которыхъ, наконецъ, вышла мѣдная монета, на которую много очень жалобъ; однако жъ, пока не будетъ знатнаго умноженія серебра въ государствѣ, сей вредъ сносить должно, а паче въ ономъ стараться надлежитъ, какъ уже начато, чтобъ не было разнаго вѣсу монеты, содержащей одинакую цѣну, такъ какъ и равныхъ цѣнъ одного вѣсу и металла, да чтобъ серебро всевозможнымъ способомъ вовлечь въ государствѣ такъ, какъ альбнымъ торгомъ, какъ о томъ и комиссіи о коммерціи уже приказано.

«6-е. О выписаніи серебра инаго сказать не могу, какъ только, что сія матерія весьма деликатна и многихъ о семъ непріятно слышать; однако жъ вамъ надлежитъ и въ сіе дѣло вникнуть. Все сіе пишу, дабы васъ ввести въ наисекретнѣйшія матеріи, дабы вы въ семъ, при вступленіи въ дѣла, не новы были, и могли сами разбирать, которыя дѣйствительно полезны, или только оными быть кажутся.

«7-е. Труднѣе вамъ всего будетъ править канцелярією сенатской, и не быть подчиненными обмануту. Сію мелкость яснѣе вамъ чрезъ примѣръ представлю. Французской кардиналъ де Ришелье, сей премудрый министръ, говаривалъ, что ему менѣе труда править государствомъ и Европу вводить въ свои виды, нежели править королевскою антикамерою, понеже всѣ праздноживущіи придворныи ему противны были и препятствовали его большимъ видамъ своими низкими интригами. Однѣ для васъ только способъ остается, котораго Ришелье не имѣлъ: пережѣнить всѣхъ сомнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощады.

«8-е. Законы наши требуютъ поправленія: 1-е) чтобъ все ввести въ одну систему, которой и держаться надлежитъ; 2-е) чтобъ отрѣшиться тѣ, которые оной прекословятъ; 3-е) чтобъ раздѣлить временныи и на персонѣ данныи — отъ вѣчныхъ и непремѣнныхъ. О семъ уже было помышляемо, по короткость времени меня къ произведенію сего въ дѣйство еще не допустила.

«9-е. *Великое отягощеніе для народа есть соль и вино, на такомъ основаніи, какъ оныя находятся. Въ корчемствѣ столько виновныхъ есть, что и наказывать ихъ почти невозможно, понеже цѣлыя провинціи себя оному подвергли; а что пресѣчь нельзя, не худо бѣ къ тому изыскивать способы къ поправленію и облегченію народному.*

«10-е. *Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бѣ было; однако жъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи, есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію — глупостъ. Сія провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ они перестали глядѣть, какъ волки къ лѣсу.»*

Нѣтъ сомнѣнія, что наставленій подобнаго рода, какъ письменныхъ, такъ еще болѣе изустныхъ, — не мало составлено было Екатериною въ первые годы ея царствованія. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что онѣ производили хотя нѣкоторое дѣйствіе и на тѣхъ, которые были исполнителями ея воли. Все должно было проснуться отъ давней дремоты; апатическій застой невѣжественнаго общества долженъ былъ уступить мѣсто смѣлому и быстрому стремленію впередъ, къ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ во всѣхъ частяхъ народнаго быта и государственнаго управленія. Мы видѣли, что Екатериною было поднято чрезвычайно много существеннѣйшихъ вопросовъ государственной жизни, что она не оставила безъ вниманія ни финансы, ни торговлю и промышленность, ни положеніе войска, ни судопроизводство, ни законодательство. Въ особенності относительно законодательства она дала такіе задатки своего мудраго попеченія о благѣ народа, что возбудила изумленіе цѣлой Европы. Извѣстенъ фактъ созванія ею комиссіи для составленія новаго уложенія. Въ Январѣ 1767 г. объявлено было, чтобы въ теченіе полугода собрались въ Петербургъ депутаты изъ всѣхъ провинцій Россіи, отъ всѣхъ племенъ и сословій, не исключая и крестьянъ. Въ іюлѣ дѣйствительно собрались депутаты, комиссія была открыта и получила себѣ въ руководство знаменитый «Наказъ», (П. С. З. № 12,945 и 12,949). Комиссія составила изъ 645 депутатовъ; на нее отпущено было 200,000 рублей; въ декабрѣ 1768 г. она приостановлена, ничего не сдѣлавши. Срокъ окончанія ея занятій нѣсколько разъ былъ отсрочиваемъ: сначала до 1 мая 1772 г., потомъ до 1 августа, потомъ до ноября, затѣмъ до 1 февраля 1773 г. Наконецъ, оказавшись совершенно неспособною къ законодательству, комиссія для составленія проекта новаго уложенія осталась только по имени; въ 1796 г. она была переименована Павломъ I

въ комиссію составленія законовъ, въ 1804 г. снова преобразована, и т. д. Но, несмотря на нѣкоторую бесплодность созванія государственныхъ сословій въ 1767 г., оно произвело въ то время необыкновенный восторгъ не только въ русскихъ, но и за границей. «Наказъ» обошелъ всю Европу, какъ блистательное свидѣтельство высокихъ качествъ ума и сердца императрицы русской. Созваніе (по выраженію объяснителя къ сочиненіямъ Державина) «депутатовъ изъ всѣхъ народовъ, составляющихъ Россійскую имперію, отъ дальнѣйшихъ краевъ Сибири, камчадаловъ, тунгусовъ, отъ каждой области по два человѣка, даже якутовъ, и пр.», — оставило памятникъ по себѣ и въ слѣдующихъ стихахъ пѣвца Екатерины (Держ. I, стр. 144):

Ее изобрази мнѣ ты,
 Чтобъ, сшедь съ престола, подавала
 Скрижалей заповѣдь святыхъ,
 Чтобы вселенна признавала
 Гласъ Божій, гласъ природы въ нихъ;
 Чтобъ дикіи люди, отдаленны,
 Покрыты шерстью, чешуей,
 Пернатыхъ перьямъ испещренны,
 Одѣты листьямъ и корой,
 Сошедшися къ ея престолу
 И кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
 По желтосмуглымъ лицамъ долу
 Струили токи слезъ изъ глазъ....»

Но особенно рельефно выразился всеобщій энтузіазмъ того времени къ великому начинанію — въ рѣчи, которая произнесена была представителемъ всѣхъ депутатовъ, 27 сентября 1767 г., при поднесеніи императрицѣ титула «Премудрой, Великой, Матери отечества». Мы приведемъ изъ этой рѣчи, помѣщенной въ «Полномъ Собраніи Законовъ» (№ 12,978), двѣ тирады: одна изображаетъ мрачное положеніе Россіи предъ вступленіемъ на престолъ Екатерины, другая — благоденствіе отечества подъ ея правленіемъ.

«Плачевное отечества нашего состояніе до преславнаго и навѣки достопамятнаго возшествія Богомъ избраннаго и вѣнчанныя Всеавгустѣйшія наша Самодержицы на всероссійскій императорскій престолъ, не токмо всѣмъ россіянамъ, но и цѣлому свѣту извѣстно. Когда мысленно воззримъ на миновавшее, духъ въ насъ еще трепещетъ, и паденіе имперіи живо представляется воображенію. Видѣли мы *вѣру порузанную, законы приведенные въ замѣшательство, правосудіе, изнемогающее съ паденіемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную совѣсть и доброе правіе. Государственные доходы иссохались, потеряна была довольность и унѣтена торювля: грабительство, лакомство, корыстолюбіе и прочіе пороки,*

покровительствомъ многихъ лицъ ободренныя, возрастали съ тибелью народа и усугубляли бѣдствія отечества нашего, и наконецъ вездѣ неустройства торжествовали, гдѣ слѣдовало царствовать порядку...

Премѣна дивная вдругъ послѣдовала! Радость прогнала тьму печалей!... Со дня возшествія Ея Императорскаго Величества на престолъ, всѣ дни ея можно исчислить благодѣяніями; *вреды и неустройства исправлены и прекращены; православная вѣра наша торжествуетъ и зрѣть монархію, дающую примѣръ подданнымъ во благочестіи; правосудіе царствуетъ купно съ Ея Величествомъ на престолѣ; челоуѣколюбіе обитаетъ въ ея душѣ и безъ послабленія смягчаетъ строгость законовъ. Пороки исчезаютъ и корень ихъ пресѣкается; но съ кротостью исправляются нравы, просвѣщаются умы, и добродѣтели подъ священною сѣнію престола процвѣтаютъ; нужнѣйшія роду челоуѣческому искусства — земледѣліе и домоводство — монаршимъ взоромъ ободряются, торговля возрастаетъ и съ нею изобиліе рукодѣлій умножается; вездѣ введенны полезныя учрежденія, и словомъ — во всѣхъ частяхъ государственныхъ, во всѣхъ дѣлахъ разумъ и добродѣтели нашея великія государыни сіяютъ и не обрѣтаютъ ничего выше силъ своихъ. Но печась о настоящемъ, премудрая наша самодержица печется и изливаетъ благодѣянія на времена и будущія, и пр...*

Эту рѣчь можно назвать первообразомъ той сатиры, которая получила такое развитіе въ журналахъ 1769—1774 гг. и разсмотрѣнію которой посвящена книга г. Аѳанасьева. Въ рѣчи депутатовъ мы видимъ двѣ половины, противоположныя одна другой: въ первой излагается ужасное положеніе Россіи до Екатерины, разстроенное до послѣдней степени и грозившее паденіемъ имперіи; во второй прославляются неимовѣрные успѣхи, совершенныя Россіею въ пятилѣтній періодъ отъ 1762 до 1767 года. Тѣ же двѣ стороны находимъ мы и въ сатирическихъ произведеніяхъ екатерининскаго времени: всѣ они съ необычайною рѣзкостью возстаютъ противъ общественныхъ пороковъ, но во всѣхъ выражается довольно ясно та мысль, что эти пороки и недостатки суть исключительно слѣдствія стараго неустройства, остатки прежняго времени, и что теперь уже настала пора для ихъ искорененія, явились новыя условія жизни, вовсе имъ неблагопріятныя. Эта мысль, положенная въ основаніе всякаго обличенія, всякой сатиры, служитъ даже объясненіемъ рѣзкости тогдашнихъ журналовъ, удивительной и для настоящаго времени, когда наша гласность сдѣлала такіе огромные успѣхи! Сатирики 1770-хъ годовъ, проникнутые вѣрою въ близкое усовершенствованіе Россіи, вслѣдствіе принятыхъ императрицею мѣръ, считали священнымъ долгомъ содѣйствовать путемъ литературнымъ всѣмъ ея начинаніямъ. И чѣмъ болѣе проникались они благоговѣйнымъ восторгомъ къ дѣйствіямъ Екатерины, тѣмъ смѣлѣе и безпопаднѣе становилось

ихъ обличительное слово противъ старыхъ злоупотребленій, — потому что все доброе и полезное они соединяли съ волею императрицы, а все злое и недостойное разумѣли какъ противоборство ея намѣреніямъ и желаніямъ. Такимъ образомъ, сатира на все современное общество являлось въ произведеніяхъ благородныхъ сатириковъ не чѣмъ инымъ, какъ особымъ способомъ, прославленія премудрой монархини. Указывая недостатки управленія и карая вопіющія злоупотребленія во всѣхъ родахъ, сатирики отнюдь не думали дѣлать укоры самому правительству; напротивъ, они говорили: «вотъ какъ презрѣнны и низки нѣкоторые люди, не понимающіе благодетельныхъ видовъ монархини и не желающіе имъ содѣйствовать». И, отпрявляясь отъ этой мысли, сатирики уже не церемонились съ «безумными и порочными», въ которыхъ видѣли противниковъ обожаемой монархини. Иногда обличенія тогдашнихъ журналовъ заключали въ себѣ и прискорбную мысль о томъ, что такъ трудно прогрессивному правительству бороться съ невѣжествомъ и недобросовѣстностью отсталыхъ людей; но и это бывало очень рѣдко. Чаше же всего горькія истины обличенія скрашивались отраднымъ убѣжденіемъ, что все-таки дѣло прогресса идетъ впередъ и что скоро правда и свѣтъ одержатъ рѣшительную побѣду надъ ложью и мракомъ. Издатель «Вечеровъ» въ самомъ началѣ своего журнала говоритъ о томъ, что «ябеды узловатѣе становятся, а крючки больше растутъ, подъячье богатѣютъ», и пр. Но вслѣдъ затѣмъ онъ прибавляетъ: «однако вскорѣ возсіяетъ истина, исчезнутъ совсѣмъ приказныя сплетни, воспоютъ музы, прославятъ царствующую на землѣ Астрею, прославятъ такими стихами, которые ся достойны, а недостойныя умолкнутъ» (Веч. Ч. I, стр. 5). Такія надежды — и не при началѣ только сатирическихъ изданій, а во все продолженіе царствованія Екатерины — выражались нерѣдко даже въ видѣ положительной увѣренности, хотя, обращаясь къ дѣйствительности, самъ авторъ тутъ же находилъ вещи, совершенно нейдущія къ золоту вѣку. Такъ, напримеръ, Василій Новиковъ, въ посвященіи своего «Театра Судовѣдѣнія», 1791 г., говоритъ: «во дни благословеннаго державствованія, въ странѣ, гдѣ царствуетъ правосудіе и торжествуетъ невинность, гдѣ изгоняется порокъ и водворяется добродѣтель, гдѣ низится невѣжество и возвышается просвѣщеніе, въ сіи дни блаженства я, рожденный и воспитанный, приѣмлю смѣлость», и пр... А черезъ нѣсколько страницъ, въ заключеніе своего предисловія, онъ же пишетъ: «великимъ бы почелъ я торжествомъ для моихъ трудовъ, если бы чтеніе сей книги заступило мѣсто карточной игры и другихъ пустыхъ времяпровожденій, столь мало приличныхъ важности судейскаго званія» (Т. Суд. Ч. I, стр. 6). Сличенія подобныхъ мѣстъ мо-

гутъ наводить на мысль, что восторги тогдашнихъ писателей были не болѣе, какъ риторическою фразою, которая ставилась, можетъ быть, съ умысломъ, чтобы подъ ея защитою смѣлѣе поражать пороки. Но такое заключеніе будетъ несправедливо: характеръ всей сатиры екатерининскаго времени отличается самымъ искреннимъ уваженіемъ къ существующимъ постановленіямъ и преслѣдованіемъ исключительно однихъ только злоупотребленій. Доказательствомъ этого служить и манера обличеній, и даже вѣшняя исторія сатиры. Замѣчательно, что прекращеніе сатирическихъ журналовъ совпадаетъ съ концомъ первой турецкой войны и усмиреніемъ пугачовскаго бунта. Въ первые годы царствованія Екатерины было чрезвычайно много матеріаловъ для сатиры, потому что много было людей, осмѣливавшихся востанать противъ правленія Екатерины. Въ 1762 г. разносились по Россіи ложные слухи о ея намѣреніяхъ, издавались фальшивые манифесты, волновались крестьяне разныхъ мѣстностей, какъ видно изъ указовъ по этимъ предметамъ, даннымъ чуть не въ первые дни царствованія Екатерины. Въ 1763 г. составленъ былъ цѣлый заговоръ Хрущовыми и Гурьевыми; въ 1764 г. произошла попытка Мировича. Съ этихъ поръ, въ теченіе десяти лѣтъ постоянно каждый годъ выходило по нѣскольку указовъ — то о публичномъ сожженіи пасквилей и о наказаніи тѣхъ, у кого они окажутся, то о предостереженіи отъ продерзкихъ рѣчей, то объ усмиреніи крестьянъ, увлекшихся ложными слухами. Въ 1771 году было серьезное волненіе по поводу моровой язвы; наконецъ въ 1773 г. разразился пугачовскій бунтъ.... Все это очень беспокоило тогдашнее правительство, и Екатерина прилагала всѣ старанія, чтобы своими распоряженіями привлечь къ себѣ сколько можно болѣе приверженцевъ и предупредить могшее возродиться недовольство. Однимъ изъ орудій ея въ этомъ дѣлѣ была литература. Конечно, къ тогдашнему обществѣ литература почти ничего не значила; но къ ней обратились, вѣроятно, отчасти вообще по естественной людямъ склонности къ благопріятной для нихъ гласности, а всего болѣе — по соображенію того, какое значеніе имѣла литература, и особенно сатира, во французскомъ обществѣ. Видя, какъ французъ боится насмѣшки, зная, какое страшное вліяніе имѣлъ Вольтеръ, надѣялись, вѣроятно, что и въ Россіи сатира можетъ занять довольно почетное мѣсто въ ряду другихъ средствъ, служащихъ къ уничтоженію противниковъ благихъ мѣръ Екатерины. Этимъ отчасти можетъ быть объяснено даже то усердіе, какое сама она прилагала къ сочиненію комедій и сатирическихъ бездѣлицъ, подъ названіемъ «Былей и Небылицъ». Но въ видахъ Екатерины вовсе не было того, чтобы дать литературѣ неограниченное право разсуждать о по-

литических предметах и смѣяться подъ всѣмъ, что не будетъ нравиться писателямъ. Она очень не любила, когда подъ видомъ гласности въ литературу прокрадывались какія нибудь «продерзкія рѣчи». Вотъ почему, когда внутреннее спокойствіе было совершенно возстановлено, а конецъ первой турецкой войны возвеличилъ имя Екатерины и въ Европѣ, когда остатки стараго недовольства и недовѣрія къ ней стали ей уже нестрашны, она охладѣла къ сатирѣ, какъ къ вещи уже ненужной и могущей быть только вредною для ея спокойствія. Съ 1773 года она перестала писать комедіи и возвратилась къ этому занятію только уже черезъ десять лѣтъ, когда, вмѣстѣ съ княгиней Дашковой, вздумала подвинуть впередъ русскую науку заведеніемъ «Россійской Академіи». Въ 1774 г. прекращаются и сатирическіе журналы. Разумѣется, сатира, разъ явившись, все-таки не могла уже совершенно пропасть; сатирическій элементъ никогда не исчезалъ въ нашей литературѣ, съ самаго начала ея; но съ этихъ поръ нѣтъ уже у насъ того внѣшняго признака, по которому можно слѣдить дѣйствія сатиры шагъ за шагомъ и судить о ея распространеніи въ обществѣ и о степени успѣха, — нѣтъ болѣе періодическихъ изданій, отличающихся сатирическимъ характеромъ. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, по которымъ бы можно было утверждать, что сатирическія изданія вообще послѣ 1774 г. подвергались какому нибудь официальному стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ. Но самый ихъ характеръ объясняетъ для насъ до нѣкоторой степени ихъ паденіе. Они были живы, блестящи, эффектны, интересны, даже дерзки до тѣхъ поръ, пока имѣли дѣло съ остатками отжившаго порядка, противъ котораго шла сама Екатерина. Надъ этими остатками и потѣшались они въ теченіе пяти лѣтъ. Но мало по малу люди стараго времени замѣнились людьми свѣжими, противники новаго направленія удалены, въ силу вошли его приверженцы, приняты мѣры, какихъ прежде не было, слѣданы преобразованія въ старинномъ порядкѣ. Если теперь и были въ администраціи и въ обществѣ недостатки, то недостатки эти уже нельзя было сваливать на старое время: нужно было говорить прямо противъ существующаго порядка. А этого-то и не могла тогдашняя сатира: до этого не доросла она, не доросло и само общество, въ которомъ приходилось ей дѣйствовать. Ясно, что кругъ ея дѣйствій долженъ былъ очень сузиться: она могла, на примѣръ, возставать противъ ужасовъ пытки, когда сама императрица неоднократно высказывала отвращеніе отъ этой ненавистной судебной мѣры (см., напр., два указа 15 янв. 1763 г.); но когда потомъ обстоятельства привели къ возстановленію тайной экспедиціи и когда явился страшный Шишковскій, тогда, разумѣется, кричать противъ пытки стало не очень повадно. Сатирики не

хотѣли подвергаться опасности и молчали. Подобнаго рода обстоятельства парализировали смѣлость и откровенность сатиры и въ отношеніи къ другимъ предметамъ. Такимъ образомъ, значеніе сатирическихъ изданій потерялось въ публикѣ: сатиры на дурныхъ стихотворцевъ, на подражателей французамъ, на скупцовъ и мотовъ, на хвастуновъ и рогатыхъ мужей, и т. п., — конечно, оставались въ полномъ распоряженіи литературы; но эти предметы не могли уже такъ занять публику, какъ обличенія дурныхъ судей, помѣщиковъ, поповъ, вельможной спеси и невѣжества, пытокъ, ханжества и т. п. За то, вмѣсто новыхъ журналовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ и перепечатывались тѣ изъ старыхъ, въ которыхъ съ особенной рѣзкостью затрогивались эти предметы. Особенный успѣхъ имѣли «Живописецъ», «Трутень» и «Вечера». «Живописецъ» имѣлъ шесть изданій, послѣднее — въ 1829 г.!

Мы сказали, что, кромѣ внѣшней исторіи екатерининской сатиры, самая манера ея можетъ служить доказательствомъ того, что тогдашніе сатирики не любили добираться до корня зла и могли поражать пороки только подъ покровомъ «премудрой Минервы, позволявшей имъ знать и мыслить». Манера эта состояла главнымъ образомъ въ употребленіи *заднихъ чиселъ*. Существующее зло обличалось обыкновенно, какъ исключительное явленіе, составляющее странную аномалію съ существующимъ порядкомъ. Трудно объяснить положительно, отчего это происходитъ. Иногда такая манера бываетъ неискренняя, и тогда немудрено бываетъ понять ее; но у тогдашнихъ сатириковъ замѣчается при этомъ какое-то трогательное простодушіе. Они, кажется, до того увлекались созерцаніемъ будущихъ благополучій, что наконецъ воображали ихъ уже наступившими, и, принимая слова за дѣла, считали всѣ гадости дѣйствительнаго міра лишь дряхлыми остатками прежняго, отживающими послѣдніе дни. Такъ, описывается ли у нихъ судья-взяточникъ, — онъ уже непремѣнно отставленъ и бранится за это; говорится ли о своевольномъ помѣщикѣ, — онъ непремѣнно представляется сожалѣющимъ о томъ, что теперь уже нѣтъ прежняго простора для его произвола; осмѣиваются ли подлость и ласкательство, — тутъ же неизбѣжно прибавляется замѣчаніе, что теперь ужъ этими качествами нельзя выйти въ люди, какъ прежде. Въ «Вечерахъ», напримѣръ, одинъ господинъ разсуждаетъ: «я свое благополучіе считаю въ томъ, когда меня большіе бояре ласкаютъ. Правду сказать, я до сего счастья съ великимъ трудомъ достигаю, *особливо въ нынѣшнее время*: какъ я ни хвалю ихъ въ глаза, какъ я ни стараюсь услуживать имъ, но все не клеится». Къ этому услужливому господину пристаеъ судья, отставленный завзятки, и ведетъ такую рѣчь: «правду ты говоришь, что нынѣ

услуги не награждаются: тому примѣромъ я служить всѣмъ могу. Я знаю всѣ указы наизусть, умѣю ихъ толковать по своему желанію; но, несмотря на сіе, меня оставили... Вѣдь кажется, все равно государству, что у меня деньги въ карманѣ, что у того, съ кого взялъ; но въ нынѣшнее время объ ономъ не разсуждаютъ. (Веч. II, 173.) Въ «Вечерахъ» же изображается господинъ *Оттяговъ*, который «всѣхъ меньше дѣло смыслилъ, всѣхъ чаще на поклоны ѣздилъ и за сіи великія достоинства получилъ чистую отставку. (Веч. I, 57.) Въ «Живописцѣ» напечатанъ цѣлый рядъ писемъ къ Фалалею отъ уѣздныхъ дворянъ—его отца, матери и дяди. Весь смыслъ этихъ писемъ заключается въ томъ, что нынѣшнее время не такъ благопріятно для своевольства, жестокостей, обмановъ и пр., какъ прежнее блаженное время. Это похоронный плачъ о погибшей дворянской волѣ, это вопль проклятія просвѣщенію и правдѣ, торжественно и незыблемо воцарившимся въ области тьмы и застоя. Въ книгѣ г. Аванасьева приведено, въ разныхъ мѣстахъ, много выписокъ изъ этихъ писемъ, а на стр. 139 — 145 три письма помѣщены воцѣпъ. Письма эти очень замѣчательны по мастерству своего лукаваго юмора, и мы также рѣшаемся привести отрывокъ одного изъ нихъ, хотя онъ и довольно длиненъ.

«Сыну нашему Фалалею Трифоновичу, отъ отца твоего Трифона Панкратевича, и отъ матери твоей Акулины Сидоровны, и отъ сестры твоей Варюшки, низкой поклонъ и великое челобитье.

«Пиши къ намъ про свое здоровье: таки такъ ли ты поживаешь, ходишь ли въ церковь, молишься ли Богу, и не потерялъ ли ты святцевъ, которыми я тебя благословилъ. Береги ихъ; вить это не шутка: меня ими благословилъ покойникъ дѣдушка, а его отецъ духовный, Ильинскій батька. Онъ былъ боленъ черною немочью и по обѣщанію ѣздилъ въ Кіевъ: его Богъ помиловалъ и кіевскіе чудотворцы помогли; и онъ оттуда привезъ этотъ канонникъ и благословилъ дѣдушку, а онъ его возомъ муки, двумя тушами свинными, да стягомъ говяжьимъ. Не тѣмъ-то покойникъ свѣтъ будь помянуть! онъ ничего своего даромъ не давалъ: дѣдушкины-то, свѣтъ, грѣшки дорогоньки становились. Кабы онъ покойникъ поменьше съ попами водился, такъ бы и намъ побольше оставилъ. Домъ его былъ, какъ полная чаша, да и тутъ процѣдили. Вить и нашъ батько Иванъ, кабы да я не таковъ былъ, такъ онъ бы готовъ хоть кожу содрать: то-то поповскіе завидливые глаза, прости Господи мое согрѣшеніе! А ты, Фалалеюшка, съ попами знайся, да берегись; ихъ молитва до Бога доходна, да убыточна... Какъ отпоеть молебень, такъ можно ему поднести чарку вина, да дать ему шесть денегъ, такъ онъ и доволенъ. Чегожь ему больше: прости Господи, вить не рожна? *Да полно нынѣче и вино-та въ сапогахъ ходитъ. Экое времечко; вотъ до чего дожили,*—и своего вина нельзя привезть въ городъ:

пей де вино государево съ кружала, да дѣлаи прибыль откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе! *А говорятъ, что все хорошо дѣлаютъ; поэтому скоро и изъ своей муки нельзя будетъ испечь пирога. Да што ужъ и говорятъ, житье-то наше дворянское нынче стало очень худенько. Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: да чортъ ли это слыхалъ, прости Господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своєю волею сдѣлать; не лзя у сосѣда и земли отнять: въ старину-то побольше было намъ вольности.* Бывало, отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ, да проси, такъ ещо десять полей потеряетъ; а вина бывало кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голову-то-то была воля-то! *Нынче и денег отдавать въ проценты нельзя: больше шести рублей брать не велеть, а бывало такъ бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нѣтъ ста, кто што ни говори, а старая воля лучше новой. Нынче только и воли, што можно выйти изъ службы, да похать за море; а не слыхатъ, што тамъ дѣлать? Хлѣбъ-атъ мы и русской ѣдимъ, да таковожь живемъ. А изъ службы тогда хотъ и не вольно было выйти, такъ были на это лъкари: отнесешь ему барашка въ бумажкѣ, да судѣ другова, такъ и отставятъ за болѣзнями. Да ужъ бывало, какъ придешь въ деревню-то, такъ это наверстаешь: былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ сосѣди и не куркай. То-то было житье! Ты, Фалалеюшка, не zapomнишь этого.*

«Сестра твоя Варя посажена за грамоту, батько Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ее именины; ей минуло пятнадцать лѣтъ: пора, другъ мой, и объ этомъ подумать; вишь ужъ скоро и женихи стануть свататься; а безъ грамоты замужъ ее выдать не годится: и указа самой прочестъ нельзя.

«Отпиши, Фалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ, что великія затѣи, колокольно строить, и хотая сдѣлать выше Ивана Великаго: статощнее ли это дѣло? То дѣлалось по благословенію патриаршему, а имъ какъ это сдѣлать? *Вѣра-то тогда была покрѣпче; во всемъ другъ мой надѣялись на Бога, а нынче она пошатнулась, по поставъ ѣдятъ мясо и хотая сами все сдѣлать, а все это проклятая некрестъ дѣлаеть: отъ нѣмцевъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть въ адѣ. Пожалуйста, Фалалеюшка, не погуби себя, не заводи съ ними знакомства: провались они проклятые! Нынче и за море ѣздить не запрещаютъ, а въ Кормчей книгъ положено за это проклятіе. Нынче все ничего; и коляски пошли съ дышлами, а и за это также положено проклятіе; нельзя только взятки брать, да проценты выше указныхъ: это имъ нуще пересола; а объ этомъ въ Кормчей книгъ ничего и не написано. На моей душѣ проклятія не будетъ; я и по сю пору ѣзжу въ зеленой своей коляскѣ съ оглоблями. Меня отрпшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не бери, такъ отчего же и разбогатѣть: вить не всякому Богъ дастъ кладъ: а съ мужиковъ ты хотъ кожу сдери, такъ не много прибыли. Я кажется, таки и такъ не плошаю, да што ты изволишь сдѣлать? Пять дней ходятъ они на*

мою работу, да много ли въ пять дней сдѣлають?... Годъ отъ году все больше нищадють мужики. Господь на насъ прогнѣвался: право, Фалалеюшка, и ума не приложу, что съ ними дѣлать.

На первый взглядъ письмо это можетъ показаться чрезвычайно рѣзкимъ, даже и для нынѣшняго читателя. Но если всмотримся въ него повнимательнѣе, то найдемъ, что оно составляетъ не что иное, какъ прославленіе правительственныхъ мѣръ Екатерины. Приведши его, г. Аванасевъ справедливо замѣчаетъ, что «въ подобныхъ жалобахъ лучшая похвала скатерининскому вѣку» (стр. 112). Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляетъ собою обличаемый Трифонъ Панкратьевичъ! Вѣдь это въ вѣкоторомъ родѣ неблагонамѣренный либераль, безпокойный человѣкъ, осмѣливающійся порицать, во имя нечѣстна и своеволія, благодѣтельныя мѣры императрицы... Какая же надобность щадить такого человѣка? Какъ же не вылить на него всей жолчи благороднаго негодованія, накипѣвшаго въ груди у сатирика? Какъ не осмѣять, не опозорить его нелѣпыя понятія и о значеніи священнаго сана, и о крестьянахъ? Нападенія на *такихъ* людей, недовольныхъ просвѣщенными дѣйствіями правительства съ *такой* точки, не могло служить ни къ чему иному, какъ только къ большому проявленію заботливости Екатерины о благѣ своихъ подданныхъ. Сатира говорила обществу пріятно и ясно: «смотрите, вотъ каковы тѣ, которые выказываютъ недовольство современными правительственными реформами; неужели кто нибудь захочетъ присоединиться къ фалангѣ *такихъ* людей? Само собою разумѣется, что когда сатира имѣетъ такой смыслъ, то чѣмъ она рѣзче, тѣмъ выгоднѣе для правительства.

Между тѣмъ, самая рѣзкость словъ давала сатирикамъ поводъ думать, что слова эти имѣютъ большое значеніе и на дѣлѣ. И вотъ второе обстоятельство, которымъ поддерживалось въ тогдашнихъ сатирикахъ самодовольство, сильно мѣшавшее имъ вникнуть въ свое положеніе, понять свои отношенія къ обществу, среди котораго они говорили, и приняться серьезно отыскивать коренныя причины зла. Поставивъ себя на условную точку зрѣнія, о которой мы говорили выше, они, уже не стѣняясь, выговаривали все, что было у нихъ на душѣ по поводу ежедневныхъ мелкихъ злоупотребленій, и часто до того доходили, что пугали своихъ собратьевъ и наконецъ даже самихъ себя. «Трутенъ», напримѣръ, въ преслѣдованіи взяточничества зашелъ такъ далеко, что «Всякая Всячина», издававшаяся статсъ-секретаремъ Козницкимъ, и сама иногда слегка затрогивавшая судей, сочла нужнымъ напечатать противъ него такую отповѣдь, въ видѣ письма какаго-то Правдомыслова.

«Случалось мнѣ слышать отъ одной части моихъ согражданъ изреченіе такое: правосудія нѣтъ. Сіе родило во мнѣ любопытство узнать, отъ чего бы такой вредъ къ намъ вкрался и справедливы ли жалобы о неправосудіи? *наипаче тогда, когда всякій согражданинъ признается долженъ, что, можетъ быть, никогда и нидѣ, какое бы то ни было правленіе, не имѣло болѣе попеченія о своихъ подданныхъ, какъ нынѣ царствующая надъ нами монархія имѣетъ о насъ, въ чемъ ей, сколько намъ извѣстно, и изъ самыхъ опытовъ доказывается, стараются подражать и главныя правительства вообще. Мы всѣ сомнѣваться не можемъ, что ей, великой государынѣ, пріятно правосудіе, что она сама справедлива, и что желаетъ въ самомъ дѣлѣ видѣти справедливость и правосудіе въ дѣйствиіи во всей ея обширной области.* О томъ многіе изданные манифесты свидѣтельствуютъ, а наипаче Наказъ комиссіи уложенія, гдѣ упомянуто въ 520 отдѣленіи, что никакой народъ не можетъ процвѣтать, если не есть справедливъ. Гдѣ же теперь болячка, на которую жалуются, то есть, что правосудія нѣтъ? Ставемъ искать. 1) Въ законахъ ли? 2) Въ судьяхъ ли? 3) Въ насъ ли самихъ?»

«Законы у насъ запутаны; о томъ сумнѣнія нѣтъ. Сію неудобность мы имѣемъ вообще съ Европою: *но предъ ней имѣемъ мы выгоду ту, что Ея Величествомъ созвана вся нація для составленія новаго проекта узаконеній; следовательно питаемся надеждою о поправленіи тогда, когда Европа ея не видитъ конца конфузій. А между тѣмъ, пока новые поступаютъ, будемъ жить, какъ отцы наши жили, съ тѣмъ барышнемъ противу нихъ, что мы ощущаемъ болѣе отъ вышней власти челоуколюбіе, нежели они.* Но я скажу и то, что справедливостью распутывать можно и весьма запутанные, да и самыя противорѣчущіе законы. *И такъ неправосудіе не въ самихъ законахъ.*

«Судіи у насъ, какъ и вездѣ, всякіе; у насъ ихъ опредѣляютъ обыкновенно изъ военнослужащихъ или изъ приказныхъ людей безъ великаго знанія. Во многихъ европейскихъ земляхъ, а наипаче во Франціи, покупаютъ за деньги судейскія мѣста другъ у друга, какъ товаръ. И такъ, у кого есть деньги, тотъ судья, хотя бы онъ никакого знанія не имѣлъ. Почему въ семь случаевъ наши обычаи не много разнятся отъ обычаевъ другихъ народовъ нашего шара. Но врождена ли справедливость во всѣхъ судьяхъ такъ, чтобъ могла наградить недостатокъ знаній,—того никакъ утвердить не можно. Следовательно, жалоба на неправосудіе отчасти палаетъ на судей и на нравы.»

Говоря о нравахъ, Правдомысловъ обвиняетъ общество въ страсти къ тяжбамъ и утверждаетъ, что половина жалобъ на судей несправедлива и происходитъ оттого, что неправая сторона, будучи обвинена, всегда остается недовольною и старается очернить правосудіе. А чтобы правая сторона была осуждена, это, по мнѣнію Правдомыслова, можетъ быть нечасто. «Чтобъ подобныхъ дѣлъ много могло проходить сквозь строгое разсмотрѣваніе *трезхъ апелляцій,*

разсуждаетъ онъ, и въ присутствіи тяжущихся, тому вѣрить не можно; ибо немного такихъ людей, которые бы захотѣли лихо творити въ лицѣ почти цѣлаго свѣта, и оставить на бумагѣ писанныя свѣдѣтельства своего плутовства, *за которое подобные имъ получили возмездіе по достоинству своему.*» Говоря объ апелляціяхъ, о присутствіи тяжущихся, о достойномъ возмездіи за неправосудіе, «*Всячина*» очевидно разумѣетъ новыя распоряженія Екатерины, направленные къ возстановленію правосудія. Здѣсь сатира, можно сказать, даетъ сама себѣ тонкій намекъ, что продолженіе нападокъ на судей можетъ наконецъ принять видъ неблагонамѣренности и непокорства. Продолжая свои разсужденія и замѣчая самъ, что, «однако, приведенное доказательство слабо», Правдомысловъ выражаетъ наконецъ, безъ обиняковъ, слѣдующую мысль: «но долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ согражданъ, *велитъ имѣти повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствомъ, и не носить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами, кои ихъ право я еще не видалъ, чтобъ съ умысла случались.*» Въ заключеніе письма Правдомысловъ ругаетъ «*дурныхъ шмелей*» (Трутень?), которые «*прожужжали ему уши своими разговорами о мнимомъ неправосудіи судебныхъ мѣстъ*» (Всяч., стр. 277—280).

Письмо Правдомыслова есть какая-то монитѣрская статья, отчасти противная даже направленію самой «Всячины», слабѣйшей и осторожнѣйшей въ обличеніяхъ, чѣмъ всѣ другіе журналы, ей современные. Но, тѣмъ не менѣе, основной ея мотивъ, т. е. что «у насъ теперь все-таки лучше, чѣмъ когда нибудь и гдѣ нибудь», и что «нужно имѣть повѣренность и почтеніе къ установленнымъ правительствамъ», мотивъ этотъ вовсе не чуждъ былъ екатерининской сатирѣ. Относительно почтенія «Адская Почта» объяснялась, что «*знатныхъ и въ правленіи великія мѣста имѣющихъ людей она никогда въ лицо не трогала своими критическими замѣчаніями.*» При этомъ она, впрочемъ, съ большимъ достоинствомъ замѣтила, что «дѣлала сіе не для ласкательства, но для того, чтобы, перенравляя такіе столбы, на которыхъ огромное опирается зданіе, цѣлому строенію не причинить вреда» (Ад. Почта, стр. 78). Въ этомъ же смыслѣ, вѣроятно, и Новиковъ говоритъ самому себѣ въ предисловіи къ «Живописцу»: «*никогда не разлучайся съ тою прекрасною женщиною, съ которою иногда тебя видалъ; ты легко отгадать можешь, что она называется Осторожностью*» (Жив. I, 10). Этой осторожностью, чтобы не повредить зданію существующаго порядка, постоянно руководились сатирики времени Екатерины и слѣдовательно они вполне убѣждены были, что зданіе само по себѣ совершенно хорошо, но что его нужно только очистить нѣсколько отъ накопленнаго въ немъ

сора. А для того, чтобы вымести этот соръ, они чувствовали въ себѣ достаточно силъ и не падали себя для того, чтобы сдѣлать чище и удобнѣе жилище россійской Минервы. «По указанію Екатерины Великой, говоритъ г. Аванасевъ, періодическія изданія выступили съ своимъ обличительнымъ словомъ, и въ этомъ общемъ увлеченіи сатирическимъ направленіемъ нельзя не признать высокой нравственной стороны современной эпохи. *Старинныя суетврія, предрасудки и ложь отживали свой вѣкъ; въ ихъ дикомъ вопль противъ сатиры и правительственныхъ мѣръ слышится уже близкое торжество всеобновляющей правды*» (стр. 111). Точно такъ думали о себѣ и своемъ значеніи и сами сатирики 1770-хъ годовъ. «Парнаскій Щепетильникъ» совершенно соглашается съ мнѣніемъ г. Аванасьева, говоря: «я съ восхищеніемъ вижу въ нѣкоторыхъ головахъ цѣлительное дѣйствіе; ибо многіе, присматриваясь пристально къ описаннымъ весьма худыми красками лицамъ и находя въ нихъ не знаю какое-то съ собою подобіе, *совершенно бросили юродствовать и принялись за разумъ*» (Парн. Щеп., стр. 29). Правда, слѣдуетъ замѣтить, что слова «Щепетильника» относятся не ко всѣмъ вообще обличаемымъ, а только къ дурнымъ стихотворцамъ, слѣдовательно воззрѣніе г. Аванасьева гораздо шире; но въ пользу «Щепетильника» можно привести то обстоятельство, что онъ на 90 лѣтъ опередилъ нашего ученаго. Впрочемъ нѣкоторыми изданіями воззрѣніе г. Аванасьева на жизненное значеніе сатиры было уже принято и въ то время. Такъ, «Полезное съ Пріятнымъ» пишетъ въ своемъ объявленіи: «Видя, съ какою жадностью пріемлетъ общество издаваемыя еженедѣльныя сочиненія, для увеселенія онаго, не можно не возчувствовать истинной радости. Съ какимъ бы намѣреніемъ кто ни желалъ имѣть оныя, однако то неоспоримо, что тамъ найдетъ и такое, которое *напослѣдокъ и н рочное сердце устыдитъ и къ нѣкоторому исправленію побудитъ можетъ*; а сіе самое и есть предметомъ трудящихся въ таковыхъ изданіяхъ» (Ав., стр. 19). А «Всячина» выражается еще рѣшительнѣе: «мы не сомнѣваемся, говоритъ она, о скоромъ исправленіи нравовъ и ожидаемъ немедленно искорененія *всѣхъ пороковъ*, ибо уже начали твердить наизусть «Всякую Всячину» (Всяк. Вс., стр. 123). Къ сожалѣнію, въ этой замѣткѣ слышна иронія; а то мы сказали бы, что «Всячина» уже чувствовала «торжество всеобновляющей правды», о которомъ такъ лестно отзывается г. Аванасевъ...

Признаемся, мы не удивляемся самоувѣренности сатириковъ и еще менѣе дивимся отзывамъ о нихъ г. Аванасьева. Дѣйствительно, если бы дѣло было только въ томъ, чтобы уничтожить злоупотребленія, опозорить людей, препятствующихъ правильному ходу обще-

ственной машины въ томъ видѣ, какъ она есть, то отъ сатиры ничего и требовать нельзя было бы болѣе того, что она давала при Новиковѣ. И ежели она, въ самомъ дѣлѣ, не имѣла практическаго успѣха, то не отъ слабости нападений на тѣ или другіе пороки: нѣтъ, на что она нападала, тому доставалось отъ нея очень сильно. Но слабая ея сторона заключалась въ томъ, что она не хотѣла видѣть коренной дрянности того механизма, который старалась исправить. Этой стороны не замѣчаетъ г. Аванасевъ, и потому сужденія его о великой важности сатиры 1770-хъ годовъ отзываются весьма естественнымъ преувеличеніемъ. Но если мы нѣсколько поднимаемъ уровень нравственныхъ требованій, то увидимъ, что и новиковская сатира была еще очень слаба и занималась менѣе важными предметами, оставляя въ сторонѣ главные и существенные. Чтобы не пускаться въ далекія разсужденія, возьмемъ примѣръ. Въ журналахъ Новикова было много обличеній противъ жестокихъ помѣщиковъ. Это было очень хорошо и сообразно съ намѣреніями государыни, находившей, что злоупотребленія помѣщичьей власти составляютъ страшное зло и служатъ поводомъ ко многимъ безпокойствамъ въ государствѣ. Но весьма немногія изъ тогдашнихъ сатиръ брали зло въ самой его сущности; немногіе руководились въ своихъ обличеніяхъ радикальнымъ отвращеніемъ къ крѣпостному праву, въ какой бы кроткой формѣ оно ни проявлялось. А еще это одинъ изъ наиболѣе простыхъ и ясныхъ вопросовъ, и новиковская сатира его поставила много лучше другихъ. Въ отношеніи къ другимъ условіямъ, составляющимъ основу общественнаго быта, сатирики еще легче скользили по поверхности.... Принявши аксіому, что

Законы святы,
Да исполнители — лихіе супостаты,

они всѣ темныя явленія русской жизни считали противозаконнымъ исключеніемъ и очень часто ссылались, для подкрѣпленія своихъ обличеній, на вновь изданные указы. Такимъ образомъ они сами ставили свою дѣятельность въ зависимость отъ существовавшей тогда администраціи, и слѣдовательно всѣ основные недостатки въ организаціи русскаго общества, незамѣченные, а ипогда даже и посвященные закономъ, избѣгали и пера сатириковъ... Этимъ-то и объясняется то, на первой взглядъ очень странное, явленіе, что сатира тогдашняго времени, при своей рѣзкости, благородствѣ и постоянномъ соотвѣтствіи съ правительственными мѣрами, ничего, однако же, не исправила и не передѣлала. Человѣка, который свалился съ ногъ отъ тяжелой болѣзни, она хотѣла заставить ходить, расправляя его ноги разными

спеціями.... Разумѣется, старанія ея должны были остаться безуспѣшными.

Чтобы видѣть, до какой степени бесполезны въ практическомъ отношеніи всѣ нападки на частныя проявленія зла, безъ уничтоженія самаго корня его, мы можемъ представить теперь нѣсколько примѣровъ того, какъ поставленъ былъ сатирою екатерининскаго времени вопросъ объ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ....

Въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ письма Трифона Панкратыча къ сыну его Фалалею мы уже видѣли, что жестокимъ помѣщикомъ является въ сатирѣ человекъ стараго времени, съ отсталыми понятіями, жалующійся на то, что невѣжество и грубость уже отжили свой вѣкъ въ царствованіе Екатерины. Такой же точно господинъ является въ «Трутиѣ» (1769 года, стр. 202—208, 233—240), въ «отпискахъ» крестьянъ своему барину и въ копіи съ его господскаго «указа». Эти документы такъ хорошо написаны, что иногда думается: не подлинныя ли это? Вотъ выдержки изъ крестьянской отписки:

•Государю Григорью Сидоровичу.

«Бьютъ челомъ *** отчины твоей староста Андриюшка со всѣмъ міромъ.

•Указъ твой господской мы получили и денегъ оброчныхъ съ крестьянъ на нынѣшнюю треть собрали; съ сельскихъ ста душъ—123 рубли, 20 алтынъ; съ деревенскихъ 50-ти душъ—61 рубль, 17 алтынъ; а въ недоимкѣ за нынѣшнюю треть осталось на сельскихъ 26 рублей, 4 гривны, на деревенскихъ 13 рублей 49 копейкъ, да послано къ тебѣ, государь, прошлой трети недоборныхъ денегъ съ сельскихъ и деревенскихъ 43 рубли, 20 копейкъ; а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негдѣ, нынѣшнимъ годомъ хлѣбъ не родился, насыла могли сѣмена въ гуина собрать. Да Богъ посѣтилъ насъ скотскимъ падежемъ, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, такъ и ту кормить нечѣмъ, сѣна были худыя, да и соломы мало, и *крестьяне твои, государь, мноіе пошли по міру*. Съ Филаткою, государь, какъ позволишь? Денегъ не платить, говорить, что взять негдѣ: онъ самъ все лѣто прохворалъ, а сынъ большой померъ, остались маленькіе робятишки; и онъ нынѣшнимъ лѣтомъ хлѣба не сѣялъ, некому было землю пахать, во всемъ дворѣ одна была сноха, а старуха его и съ печи не сходить. *Подушныя деньги за него заплатилъ міръ, видя его скудость*; а за твою, государь, недоимку, по указу твоему продано его двѣ клѣти за три рубли за десять алтынъ, корова за полтора рубли, а лошади у него всѣ пали, другая коровенка оставлена для робятишекъ, кормить ихъ нечѣмъ... Міромъ сказали: буде ты его въ томъ не простишь, то они за ту корову деньги отдадутъ, а *робятишекъ поморить, и его въ конце разорить не хотятъ*. При семь послана къ милости твоей Филаткина челобитная; какъ съ нимъ самъ позволишь, то и дѣлай, а онъ уже не плательщикъ, покуда не подрастутъ робятишки: безъ скотины, да безъ

дѣтей нашъ братъ твоему здоровью не слуга. Міромъ, государь, тебѣ бьютъ челомъ о завладѣнной у насъ *Нахрапцовымъ* землѣ; прикажи ходитъ за дѣломъ: онъ насъ здѣсь разоряетъ, и землю отрѣзалъ по самымъ наши гумна, некуда и курицы выпустить; а на дѣло по указу твоему собрано тридцать рублей, и къ тебѣ посланы безъ доимки; за неплательщиковъ положили тяглые, только прикажи, государь, добиться по дѣлу. *Нахрапцовъ* на насъ въ городъ подалъ явочную челобитную, будто мы у него гусями хлѣбъ потравили, и по тому его челобитью была за мною изъ города посылка. Меня въ отчинѣ тогда не было, посыльные забрали въ городъ шесть человекъ крестьянъ, въ самую работную пору; и я, государь, въ городъ ѣздилъ, просилъ секретаря и воеводу, и крестьянъ вашихъ выпустили, только по тому дѣлу стало міру денегъ шесть рублевъ, возъ хлѣба, да пять возовъ сѣна. *Нахрапцовъ* попался намъ на дорогѣ и грозился насъ опять засадить въ тюрьму: секретарь ему родня, и онъ насъ очень обижаетъ. *Отпиши, государь, къ прокурору: онъ болринъ доброй, ничего не беретъ, когда къ нему на поклонъ придешь*, и онъ твою милость знаетъ; авось либо онъ за насъ вступится и секретаря уйметъ; а воевода никакихъ дѣлъ не дѣлаетъ, ѣздитъ съ собаками, а дѣла всѣ знаетъ секретарь. Вступись, государь, за насъ, своихъ сиротъ; коли ты за насъ не вступишься, такъ насъ совсѣмъ разорать, и *Нахрапцовъ* всѣхъ насъ пустить въ міръ. Да еще твоему здоровью всѣмъ міромъ бьютъ челомъ о сбавкѣ оброчныхъ денегъ: намъ уже стало не въ мочу; *послѣ переписи у насъ въ селѣ и въ деревнѣ померло больше тридцати душъ, а мы оброкъ платимъ все тотъ же*; покуда смогли, такъ мы таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже не въ мочъ. Буде не помилуешь, государь, то *мы все въ конецъ разоримся: неплатильщики все прибавляются, и я по указу твоему сборъ дѣлалъ всякое воскресенье... только имъ взять негдѣ*, — какъ ты съ ними ни поволишь. Еще твоей милости доношу: ягоды и грибы нынѣшнимъ лѣтомъ не родились, бабы просятъ, чтобы изволилъ ты взять деньгами, по чему укажешь за фунтъ, да еще просятъ, чтобы за пряжу и за холстину изволилъ ты взять деньгами. *Лису твоего господскаго продано крестьянамъ на дрова на семь рублевъ съ полтиною; да на двѣ избы, по десяти рублевъ за избы. И деньги, государь, всѣ съ Антошкой посланы. При семъ еще послано штрафныхъ денегъ—съ Ипатки за то, что онъ въ челобитѣ своемъ тебя, государь, обогалъ и на племянника сказалъ, будто онъ его не слушался, и затѣмъ съ нимъ разошелся, взято по указу твоему тридцать рублей; съ Антошки за то, что онъ тебя въ челобитной назвалъ отцомъ, а не господиномъ, взято пять рублей...* Онъ сказалъ: *я де это сказалъ съ глупости, и на предки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ. Дьячку при всемъ мірѣ приказъ твой объявленъ, чтобы онъ впредь такъ не писалъ. Остаемся рабы твои, староста Андрюшка со всемъ міромъ, земно кланяемся.*»

За эту отпискою помѣщена «копія съ помѣщичьяго указа» чело­вѣку Семену Григорьеву, котораго посылаетъ Григорій Сидоро-

вичъ въ деревню для распоряженій. Вотъ выдержки изъ его указа, напечатаннаго въ «Трути»:

Копія съ помѣщичьяго указа.

«Человѣку нашему Семену Григорьеву.

«Вхать тебѣ въ *** наши деревни и по прїѣздѣ исправить слѣдующее:

•1) Прѣѣзъ отсюда до деревень нашихъ и оттуда обратно имѣть на счетъ старосты Андрея Лазарева.

•2) Прїѣхавъ туда, *старосту (наказать)* за то, что онъ за крестьянами имѣлъ худое смотрѣніе и запускалъ оброкъ въ недоимку; и послѣ изъ старость его смѣнить; а *сверхъ того взыскать съ него штрафу сто рублей.*

•3) Сыскать въ самую истинную правду, какъ староста, и за какія взытки обогалъ насъ ложнымъ своимъ докладомъ? За то *прежде всего его (наказать)*, а потомъ начинать слѣдствіемъ порученное тебѣ дѣло.

•4) Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коемъ староста учинилъ ложный доносъ, обоихъ ихъ *дома опечатать и опредѣлить караулъ; а ихъ самихъ отдать подъ караулъ въ другой домъ.*

•5) Еслижъ въ чемъ либо будутъ они чинить заперательство, то объяви имъ, что они *будутъ отданы въ городъ для наказанія по указамъ.*

•6) *И какъ нтъ сумнѣнія, что староста доносъ учинилъ ложный, то за оное перевести его къ намъ на житье въ село ***; буде же онъ за дальнымъ разстояніемъ перевозиться и разорять себя не похочеть, то взыскать съ него за оное еще пятьдесятъ рублей.*

7) Сколько пожитковъ всякаго осталось послѣ крестьянина Анисима Иванова и получено крестьяниномъ Панфиломъ Даниловымъ, то все съ него Данилова *взыскать и взять въ господскій дворъ, учиня всему тому опись.*

•8) Крестьянъ въ раздѣлѣ земли по просьбѣ ихъ поровнять, *по твоему благоразсужденію*: но притомъ однакожъ объявить имъ, что *сбавки съ нихъ оброку не будетъ, и чтобы они, не дѣлая никакихъ отговорокъ, оный платили бездоимочно...*

•9) Объявить всѣмъ крестьянамъ, что къ будущему размежеванію земель потребно взять выписи; и для того на оное *собрать тебѣ со крестьянъ, сколько потребно будетъ, на взятые выписи.*

•10) Въ начавшейся рекрутскій наборъ съ нашихъ деревень рекрута не ставить: ибо здѣсь за нихъ поставленъ въ рекруты Гришка Федоровъ, за чиненныя имъ неоднократно пьянствы и воровства вѣсто наказанія, а *со крестьянъ за поставку того рекрута собрать, по два рубли съ души.*

•11) За ложное показаніе Панфила Данилова и утайку свойства другихъ, *взять съ него, вмѣня въ штрафъ, сто рублей; а его перевести къ намъ въ село *** на житье; а когда онъ просить будетъ, чтобы полученныя имъ неправильно пожитки оставить у него, и его оставить на прежнемъ жилищѣ, то за оное взыскать съ него, oprичъ штрафныхъ, девяти рублей.*

«12) По просьбѣ крестьянъ, у Филатки корову оставить, а *взыскать за нее деньги съ нихъ*; а чтобы они и впредь такимъ лѣнницамъ потачки не дѣлали, то *купить Филаткѣ лошадей на мѣрскія деньги*; а Филаткѣ объявить, чтобы онъ, впредь пустыми своими челобитными не утруждалъ, и платилъ бы оброкъ безъ всякихъ отговорокъ бездомночно.

«13) Старосту выбрать миромъ, и подтвердить ему, чтобы онъ о сборѣ оброчныхъ денегъ имѣлъ неусыпное попеченіе... Буде же какія впредь явятся недоимки, то оное *взыскано будетъ все со старосты*.

«14) За грибы, ягоды и проч. взять съ крестьянъ деньгами.

«15) Выбрать шесть человекъ изъ молодыхъ крестьянъ, и привести съ собою, для обученія разнымъ мастерствамъ.

«16) По исправленіи всего вышписаннаго, ѣхать тебѣ обратно; а старостѣ накрѣпко приказать неусыпное имѣть попеченіе о сборѣ оброчныхъ денегъ.»

«Трутень» ничего не прибавляетъ отъ себя къ этому указу; но смыслъ его ясенъ самъ по себѣ....

Въ этомъ же родѣ были въ «Трутнѣ» рецепты: *Злораду и Безразсуду*, въ обличеніе ихъ безчеловѣчнаго обхожденія со слугами и крестьянами.

Но гораздо далѣе всѣхъ обличителей того времени ушелъ г. И. Т., котораго «Отрывокъ изъ путешествія» напечатанъ въ «Живописецѣ» (стр. 179 — 193). Въ его описаніяхъ слышится уже ясная мысль о томъ, что вообще крѣпостное право служить источникомъ золь въ народѣ.

Какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ сатирическихъ журналовъ (см. напр. Живоп. I, стр. 71, Трут. 1769 г. стр. 142), литературѣ много вредило въ то время противодействіе невѣжественныхъ и сильныхъ обскурантовъ, такъ что писатели только и могли защищаться отъ нихъ дозволеніемъ и милостію монархини. Но Екатеринѣ, несмотря на обнаруженную ею любовь къ литературѣ, иное могло быть представлено въ превратномъ видѣ; инымъ авторамъ могли быть въ ея глазахъ приписаны неблагонамѣренныя тенденціи, и тогда уже нельзя было рассчитывать на ея защиту. Для примѣра можно указать на два извѣстные анекдота о Державинѣ: одинъ о «Фелицѣ», другой о переложеніи псалма 81. Фелица, этотъ «хитросложенный пукъ хвалы», — какъ выразилась однажды сама Екатерина по поводу другаго произведенія, — сдѣлалась извѣстною императрицѣ случайно, и Державинъ пришелъ въ ужасное безпокойство, потому что въ этой «одѣ» были намеки на Потемкина, Алексѣя Орлова, Нарышкина и другихъ важныхъ лицъ. Но само собою разумѣется, что Екатерина не могла разгнѣваться на пьесу, которая начиналась обращеніемъ къ ней: «Богородица Царевна!» и оканчивалась строфою:

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь, и пр.

Притомъ же, стихотвореніе это представлено ей было княгинею Дашковою... И вотъ Державину, несмотря на его «смѣлые» намеки на важныхъ лицъ, прислали золотую табакерку съ 500 червонныхъ и удостоили большихъ милостей. Но черезъ 12 лѣтъ вздумалъ онъ поднести императрицѣ тетрадь своихъ сочиненій. Въ числѣ ихъ находилось переложеніе 81-го псалма (*). Послѣ этого нѣсколько разъ бывши при дворѣ, Державинъ примѣчалъ въ императрицѣ къ себѣ холодность, а окружающіе его бѣгали, какъ бы боясь съ нимъ даже встрѣтиться, не токмо говорить.» Державинъ не могъ понять, что это значить, но скорѣе узналъ, что переложеніе 81-го псалма принято за «якобинскіе стихи» и что уже велѣно секретно допросить поэта черезъ Шишковскаго, «для чего онъ и съ какимъ намѣреніемъ пишетъ такіе стихи». Въ это время Державину было уже слишкомъ 50 лѣтъ, онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и

(*) Вотъ эти стихи:

Возсталъ Всевышній Богъ, да судить
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ, рекъ, доколѣ вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть охранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны,
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
Вашъ долгъ—спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.»
— Не внемлютъ! Видятъ и не знаютъ!
• Покрыты мздою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса;
Цари! Я мнилъ, — вы боги властны,
Никто надъ вами не судя;
Но вы, какъ я подобно, страстны
И такъ же смертны, какъ и я.
И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листь падеть;
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!
Воскресни, Боже, Боже правыхъ,
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли!...

сенаторомъ; слѣдовательно, трудно было подозрѣвать его въ савкулотствѣ. И дѣйствительно, — узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ чистосердечно объяснилъ, что заподозрѣнные стихи суть не что иное, какъ псаломъ царя Давида, что псаломъ этотъ переложень имъ въ простотѣ души и, наконецъ, что переложеніе сдѣлано еще въ 1787 году, тогда же напечатано было въ «Зеркалѣ Свѣта» (журналъ, издававшійся Туманскимъ) и до сихъ поръ не только не произвело вредныхъ для государства послѣдствій, но даже не было замѣчено самими блюстителями благочинія. Послѣ этого объясненія и ходатайства Зубова, къ которому обратился Державинъ, невинность поэта была признана, и императрица возвратила ему свое благоволеніе. (Записки Державина, въ Рус. Бес. 1859 г., т. IV, стр. 380—382.)

Случаи съ Державинимъ очень характерны. Они показываютъ, какъ безсознательно многое говорилось и какъ легко принималось, пока какая нибудь случайность не привлекала на статью или книгу чьего нибудь неблагонамѣреннаго вниманія. «Отрывокъ изъ путешествія», о которомъ мы упомянули выше, можетъ служить новымъ доказательствомъ этого. Онъ, какъ видно, очень поправился публикѣ: въ «Живописцѣ» онъ перепечатывался нѣсколько разъ, и даже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины (пятое изданіе—1793 г.), когда она уже не позволяла писать такъ рѣзко, когда Радищевъ за подобную книгу поплатился ссылкой въ Сибирь, когда даже Державина подозрѣвали въ якобинствѣ. Мало того: отрывокъ этотъ былъ перепечатанъ въ 1806 г. въ «Московскомъ Собесѣдникѣ» (Ч. II, стр. 163). И, однакожъ, дѣло было такъ щекотливо, что Новиковъ, напечатавъ сначала обѣщаніе *продолжать* эти отрывки, не могъ сдержать слова, да и первый-то отрывокъ могъ помѣститься не иначе, какъ съ такимъ послѣсловіемъ: «сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ Путешествія въ **, получилъ я отъ г. И. съ прошеніемъ, чтобы оно помѣщено было въ моихъ листахъ. Если бы это было въ то время, когда умы наши и сѣрдца заражены были французскимъ народомъ, то не осмѣлился бы я читателя моего поподчивать съ этого блюда, потому что оно приготовлено очень солено и для нѣжнаго вкуса благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, съдѣляющая на престолѣ, истину покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ. Итакъ, я надѣюсь, что сіе сочиненіе заслужитъ вниманіе людей, истину любящихъ.» (Жив., ч. II, стр. 194.) Но и эта приписка плохо помогла: стали обвинять автора и издателя въ неблагонамѣренности, замѣтивъ, можетъ быть, что въ «Отрывкѣ» бросается сильное сомнѣніе на законность самаго принципа крѣпостныхъ отношеній. Вслѣдствіе такихъ толковъ, издатель счелъ необходимымъ помѣстить, подъ названіемъ «Англинской Про-

гулки», защиту «Отрывка», увѣряющую, что авторъ вовсе не имѣлъ въ виду оскорбить «цѣлый дворянскій корпусъ», что онъ болѣе ни о чемъ не говоритъ, какъ только о злоупотребленіяхъ, которыхъ, конечно, сами дворяне не одобряютъ, и пр....

Послѣ сдѣланныхъ нами выписокъ (а мы привели еще не самыя сильныя мѣста), для нѣкоторыхъ можетъ показаться страннымъ, что мы говоримъ о слабости сатиры, которая, какъ видно изъ этихъ выписокъ, была такъ рѣзка и безопадна. Особенно наше сужденіе можетъ показаться несправедливымъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу, который такъ безбоязненно и серьезно поставленъ на видъ тогдашней сатиры. Въ другихъ вопросахъ самостоятельное значеніе сатиры уменьшается тѣмъ, что она шла обыкновенно вѣдѣтъ за административными распоряженіями и карала зло, уже официально пораженное. Но здѣсь совсѣмъ другое. Дѣло эманципаціи только еще теперь осуществляется. Но и въ настоящее время, когда вопросъ этотъ уже близится къ своему разрѣшенію, недостатки прошлаго положенія дѣлъ не представлены литературою въ столь рѣзкихъ и живыхъ картинахъ, какъ были они представлены въ сатирѣ Новикова, въ то время, когда эти недостатки были еще во всей силѣ и распространены были повсюду въ Россіи. Известно, что при Екатеринѣ у насъ не только не хотѣли отказываться отъ принципа крѣпостнаго права, но еще распространяли его значеніе. Въ 1762 г., въ первые дни по вступленіи на престолъ, Екатерина раздала много крестьянъ разнымъ лицамъ, содѣйствовавшимъ ей воцаренію, и издала указъ, чтобы помѣщичьи крестьяне, подѣ страхомъ строгаго наказанія, не слушали злонамѣренныхъ разглашеній о томъ, будто ихъ вѣдно отъ помѣщиковъ отписывать на казну. Затѣмъ подобныя указы повторялись каждый годъ по нѣскольку разъ. Раздача крестьянъ была при Екатеринѣ самою обыкновенною наградою дворянамъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ положительныхъ свѣдѣній о количествѣ розданныхъ тогда крестьянъ; но стоитъ только заглянуть въ какіе нибудь современные мемуары, чтобы тотчасъ же напасть на исчисленіе сотенъ и тысячъ пожалованныхъ крестьянъ. Раскройте, напримѣръ, Грибовскаго, и у него вы найдете мимоходомъ сдѣланныя замѣчанія, что Остерману было пожаловано 6,000 душъ (Гриб. Записки, стр. 65), Трощинскому 1,700, В. С. Попову — 1,500 въ Малороссіи да 1,000 въ польскихъ губерніяхъ (стр. 81), иностранцу Алтести — 6,000 душъ польскихъ (стр. 78), графу Маркову — 4,000 душъ (стр. 75), графу Безбородко — 16,000 (стр. 70), Н. И. Салтыкову — 6000 (стр. 61)... Державинъ въ своихъ запискахъ жалуется, что ему въ день торжества мира съ турками, въ 1793 г., ничего не пожаловали, между тѣмъ какъ онъ

«въ сей день провозглашалъ съ трона публично награжденія отличившимся въ сію войну чиновникамъ нѣсколькими тысячами душъ» (Рус. Бес. IV, стр. 349). Въ 1783 году закрѣплены крестьяне въ Малороссіи. Все это должно было бы заставить сатириковъ молчать о вопросѣ помѣщичьемъ; но несмотря на то, они говорили рѣзко, смѣло....

Все это очень хорошо, отвѣтимъ мы; но не хорошо, когда дѣлу придають такое значеніе, какого оно не имѣло: это имѣеть ту дурную сторону, что очень стѣсняетъ наши требованія и заставляетъ довольствоваться исполненіемъ, которое вовсе неудовлетворительно. Поэтому мы считаемъ необходимымъ замѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, сатира новиковская нападала, какъ мы видѣли, не на принципъ, не на основу зла, а только на *злоупотребленія* того, что въ нашихъ понятіяхъ есть уже само по себѣ зло. Во-вторыхъ, даже и рѣзкость нападокъ на самыя злоупотребленія была большею частію слѣдствіемъ недоразумѣнія и наивности, въ родѣ державинскаго переложенія псалма. Конечно, Екатерина указами запрещала вѣрять слухамъ объ освобожденіи; но уже это самое доказываетъ, что были объ этомъ слухи, и довольно распространенные. И, говорятъ, дѣйствительно, мысль объ освобожденіи была и у Екатерины въ первое время ея царствованія. Есть извѣстіе, что былъ даже предложенъ вопросъ объ этомъ которой-то академіи, и академики сочинили даже разсужденіе, котораго содержаніе понятно изъ эпиграфа: *in favorem libertatis omnia jura clamant; sed est modus in rebus* (*). Хорошему всегда вѣришь охотнѣе, а писатели екатерининскаго времени такъ увлечены были мечтою о золотомъ вѣкѣ, такъ довѣряли мудрости российской Минервы, такъ привыкли ждать всего прекраснаго отъ царствующей надъ ними Астреи, что готовы были не только повѣрить первому слуху объ освобожденіи ея крестьянъ, но даже и сочинить на этотъ слухъ восторженную оду. Нѣкоторые намеки, ложно растолкованные, въ первыхъ манифестахъ Екатерины, подали имъ надежду, а отобраніе въ пользу казны имѣній монастырскихъ и церковныхъ убѣдило ихъ въ легкости исполненія ожидаемаго. И затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, ничто уже не могло разубѣдить ихъ. Не только Новиковъ въ 1769 и 1772 г., но даже писатели послѣ 1783 г., то есть послѣ закрѣпленія малороссійскихъ крестьянъ, поддавались первой вѣсти о свободѣ и приходили въ неописанный восторгъ. До какой степени легко возбуждался этотъ восторгъ и какіе удивительные размѣры и формы придавалъ онъ самымъ обыкновеннымъ и невозможнымъ вещамъ, можно видѣть изъ

(*) Въ пользу свободы вопіють всѣ права; но всему есть мѣра.

слѣдующаго примѣра. Указомъ 15 февраля 1786 года, Екатерина повелѣла не подписываться на прошенія къ ней *рабоумъ*, но *върно-подданымъ*. Понятно, что это было дѣло простой формальности и не давало русскому народу никакихъ особенныхъ правъ. Но что же дѣлаетъ литература? Одинъ изъ замѣчательныхъ ея дѣятелей, и притомъ сатирикъ, приходитъ въ восторгъ неслыханный и пишетъ «Оду на истребленіе въ Россіи званія раба», въ которой придастъ измѣненію формальности въ подписи вотъ какое значеніе (Соч. Капниста, стр. 294):

Теперь, — о радость несказанна!
 О день — свѣтлые всѣхъ побѣдъ!
 Царица, небомъ низпосланна,
 Невольи тяжки узы рветъ.
 Россія! ты свободна нынѣ!
 Лякуй! во вѣкъ въ Екатеринѣ
 Ты благость Бога зрѣть должна:
 Она тебѣ вновь жизнь даруетъ
 И счастье съ вольностью связуетъ
 На всѣ грядущи времена...

Обиліе рѣкой польется
 И ризу позлатитъ полей;
 Глазь громкихъ гѣсней разнесетъ,
 Гдѣ раздавался звукъ цѣпей.
 Дѣвицъ и юношъ хороводы,
 Выводятъ ужъ во слѣдъ свободы
 Забавы въ роци за собой;
 И старость, игомъ лѣтъ согбенна,
 Предъ гробомъ зрится восхищенна,
 Съ свободой встрѣти вѣкъ златой!

И все это оттого, что измѣнена форма подписи на прошенія! Вотъ и судите по этому, до какой степени простиралась наивность нашихъ сатириковъ прошлаго столѣтія! Вѣдь это же самый Капнистъ, въ другомъ настроеніи духа, готовъ былъ бы написать и сатиру на тѣхъ, которые вздумали бы увѣрять, что указъ 15 февраля 1786 г. вовсе не даетъ освобожденія.

И любопытно то, что никакой опытъ не научаетъ русскаго поэта. Всѣ иллюзіи Капниста, разумѣется, разлетѣлись прахомъ. По случаю открывшихся въ 1787 г. войны, съ Турціею и Польшею, задача вотчинъ усилилась; еще большіе размѣры приняла она при Павлѣ I, который, въ первые же дни по вступленіи на престолъ, роздалъ, какъ замѣчено въ объясненіяхъ къ сочиненіямъ Державина (Т. I, стр. 527), до 300,000 душъ крестьянъ. Можно бы ожида

что послѣдующія событія будутъ уже приниматься осмотрительнѣе, что духъ надежды нѣсколько упадетъ. Но вотъ настала 1801 годъ, вступилъ на престолъ Императоръ Александръ I, и оживились за-могшія-было надежды. Въ 1803 г., 20 февраля, изданъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Какъ извѣстно, указъ этотъ имѣлъ самое ограниченное примѣненіе; но въ воображеніи нѣкоторыхъ піитъ размѣры его вышли громаднѣйшіе. «Свобода и блаженство всей Рос-сійской имперіи» — вотъ что увидѣли въ этомъ частномъ распоряженіи, — ни болѣе, ни менѣе. По этому случаю М. В. Храповицкій, не только стихотворецъ, но даже отчасти государственный человѣкъ, сочинилъ тоже *оду*, гдѣ сначала описывается, какъ ужасно было положеніе раба, который

Едва вздохнуть на небо знаетъ,
Питать надежды не держитъ,
Чтобъ могъ *престать* онъ быть рабомъ;

а затѣмъ поэтъ восклицаетъ въ лирическомъ порывѣ: «*престать!*» и изображаетъ благодѣтельныя слѣдствія, уже происшедшія отъ этого:

Теперь лишь жить онъ начинаетъ!
Исчезъ бича всегдашній страхъ!...
Какъ немощю удрученный,
Весны дыханьемъ облегченный,
Усмѣшку кажетъ на устахъ;
Усмѣшкою такъ растворилось
Угрюмо ратая чело,
Такъ радостію оживилось
Въ немъ сердце. — Миновалось зло,
Которо тяжкою судьбою
Вѣками видѣлъ надъ главою:
Свободный хлѣбопашецъ онъ,
Свободенъ въ ремеслѣ полезномъ,
И сынъ въ отечествѣ любезномъ:
Его подъ кровъ пріялъ законъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи ода принимаетъ даже обличительный характеръ:

Пусть индѣ, обольстясь, мечтаютъ,
Что вольность обрѣли себѣ,
Ахъ, сердцемъ сжатымъ оправдаютъ,
Что строгой преданы судьбѣ.
У насъ, подъ сѣнью мирна трона,
Благотвореніемъ закона

Свобода корень пустить свой —
 Ни въ буряхъ, ни въ порывахъ злѣйшихъ,
 Но солнца при лучахъ теплѣйшихъ,
 И кротко, тихо, какъ весной.»

На этотъ разъ, впрочемъ, поэтъ надѣялся не напрасно: за пять-десять-пять лѣтъ онъ предсказалъ мирное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, которое осуществляется въ настоящее время, когда во всѣхъ частяхъ народной жизни приводятся въ исполненіе благія надежды столькихъ поколѣній!

Но возвратимся къ Екатерининской сатиры. Мы видѣли, что даже въ вопросѣ объ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ сатира думала идти за Великою Монархинею, которая совсѣмъ и не намѣрена была подымать этого вопроса. Тѣмъ болѣе привязывали тогдашніе сатирики всѣ свои дѣйствія къ правительственнымъ мѣрамъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Слѣдствіемъ такой несамостоятельности сатиры и было то, что она проглядѣла многія явленія, которыя по своему вредному вліянію весьма важны въ русской жизни. Дѣло въ томъ, что не все дурное можетъ быть открыто и указано закономъ. Законъ караетъ преступленіе и проступокъ, но не дурной характеръ, не внутреннее развращеніе человека: это-то зло, недоступное для кары закона, и должно быть уловлено и опозорено сатирою. Кромѣ того, есть цѣлыя отношенія общественныя, правильно организованныя и даже признанныя положительнымъ закономъ, но тѣмъ не менѣе противныя естественному праву: примѣръ — крѣпостныя отношенія. Сатира должна преслѣдовать всѣ подобныя явленія въ самомъ ихъ корнѣ, въ принципѣ. Наконецъ, сами законы никогда не бываютъ совершенны: въ данное время они имѣютъ извѣстный условный смыслъ, но съ теченіемъ времени, по требованію обстоятельствъ, они должны измѣняться; сатира, обличая порокъ, должна смотрѣть не на то, какой статьѣ закона онъ противорѣчитъ, а на то, до какой степени противоположенъ онъ тому нравственному идеалу, который сложился въ душѣ сатирика. Вотъ почему мы находимъ, что сатира екатерининскаго времени, при всей своей рѣзкости не могла удовлетворить высокому назначенію истинной сатиры именно потому, что она слишкомъ тѣсно связала себя съ существовавшимъ тогда законодательствомъ. Конечно, она не могла поступать иначе: мы это очень хорошо понимаемъ, помня исторію Новикова и др., и вовсе не думаемъ обвинять тогдашнихъ писателей за недостатокъ самостоятельности. Но вѣдь надо же объяснить общественный фактъ, представляющійся намъ въ исторіи нашей литературы; надо же наконецъ бросить хоть догадку, хоть намекъ на то, отчего наша литера-

тура сто лѣтъ обличаетъ недуги общества — и все-таки недуги не уменьшаются. По нашему мнѣнію, причина этого заключается (по крайней мѣрѣ, заключалась во время Екатерины) въ постоянной зависимости сатиры отъ случайностей положительнаго законодательства, и эту мысль мы стараемся доказать въ нашей статьѣ, безъ всякихъ упрековъ и обвиненій кого бы то ни было. Возьмемъ нѣкоторыя частности.

Сатира во время Екатерины преслѣдовала между прочимъ ростовщиковъ. Въ большей части указаній на нихъ главный пунктъ обвиненія состоитъ въ томъ, что они берутъ очень большіе проценты. Рядомъ съ тѣмъ представляются отсталые и гнусные люди, которые жалуются на то, что уже нельзя брать болѣе указныхъ процентовъ. Все это есть очевидное слѣдствіе указа 3 апрѣля 1764 г., которымъ запрещено брать болѣе шести процентовъ. Но что же было слѣдствіемъ и закона, и обличеній? Только новыя прижимки ростовщиковъ заемщикамъ. Во времена Екатерины были, конечно, между писателями люди, которые способны были разсудить о ростѣ такъ какъ, на примѣръ, разсуждаетъ неизвѣстный авторъ старинной записки объ указныхъ процентахъ, недавно напечатанной (Чтен. Моск. Общ. Ист. 1858 г. кн. II, стр. 175—177). Вотъ нѣкоторыя изъ его соображеній.

«Законъ сей (объ указныхъ процентахъ), повидимому весьма благонамѣренный, достигнулъ ли и удобенъ ли достигнуть своей цѣли?

«Всеобщій опытъ убѣдительно доказываетъ совершенно тому противное, по крайней мѣрѣ въ Россійской имперіи; ибо едва ли есть кто изъ заимодавцевъ частнымъ людямъ, который отдавалъ свои деньги въ займы за указные проценты, и слѣдственно едва ли кто изъ заемщиковъ пользуется благопріятствомъ помянутаго закона, исключая мѣсть казенныхъ, да и изъ нихъ опекунскіе совѣты берутъ по 7 и по 9 на сто; въ рукахъ же частныхъ кредиторовъ возвышаются они до десяти, двадцати и болѣе, смотря по обстоятельствамъ и лицамъ. *Сіе происходитъ уже издавна и существуетъ наиболѣе во времена настоящія, когда промышленность наша начинаетъ нѣсколько распространяться, а съ нею вмѣстѣ и потребность капиталовъ умножается.*

«Восходя къ источнику неумѣренности процентовъ, нельзя скрыть, что *самъ законъ весьма важное занимаетъ тутъ мѣсто*, по слѣдующимъ причинамъ:

«Произвольно назначеніе малыхъ процентовъ и большаго наказанія за неисполненіе повелѣннаго отвлекаетъ изъ общественной ссуды великіе частныхъ людей капиталы; ибо всѣ тѣ, которые, чтя святость закона, не смѣютъ преступать оваго и брать проценты свѣше установленныхъ, принуждены деньги свои, вмѣсто заимобразной раздачи, обращать на другія какія либо заведенія и промыслы, приносящіе имъ болѣе при-

были, нежели указные проценты. Изъ чего слѣдуетъ, что остаются для удовлетворенія нуждающихся займщиковъ тѣ единственно капиталисты, кои, презирая стыдъ и страхъ наказанія, осмѣливаются отъ исполненія закона уклоняться, и для которыхъ другаго правила уже быть не можетъ, какъ чтобы съ займщиковъ брать процентовъ сколько можно болѣе, дабы вознаграждать свою отважность и опасность. Такъ точно въ азіатскихъ земляхъ, гдѣ ростъ или лихва запрещены вовсе по закону Алкорана, берутся проценты весьма великіе, ради трудности избѣгнуть закона, сіе не дозволяющаго, и за сомнительную выручку обратно своихъ денегъ.

«Такимъ образомъ законъ остается неисполненъ къ ущербу своего достоинства; существованіе онаго производитъ дѣйствія, намѣренію его совершенно противныя, а кредитъ общественный ощущаетъ чрезъ то немалое стѣсненіе.

«Хотя же, въ другихъ европейскихъ государствахъ установлены, подобно какъ и у насъ, указные проценты, но и тамъ законъ сей остается безъ исполненія, ежели мѣра процентовъ назначена ниже приобрѣтаемой на капиталы прибыли чрезъ торговлю и промыслы. А къ избѣжанію силы онаго вездѣ есть средства, коихъ правительство отъратить не въ состояніи.

«Изъ чего видно, что количество процентовъ не подчиняется другимъ уставамъ, кромѣ избытія или недостатка въ ссудныхъ капиталахъ, и что гдѣ можно получать много прибыли отъ обращенія денегъ въ торговлю или промыслы, тамъ обыкновенно и за ссуду даютъ болѣе процентовъ; а сіе послѣднее въ мѣстахъ, капиталами недостаточныхъ, бываетъ необходимо.

«По всему сказанному лучше, кажется, такой законъ, который, вмѣсто пользы, явный вредъ причиняетъ, вовсе отмѣнить, нежели сохранять его по одному виду благонамѣренности, не имѣя средства преподать ему къ желаемому дѣйствию надлежащую силу.»

Вмѣсто подобныхъ соображеній, сатира прошлаго столѣтія руководилась благоговѣніемъ къ закону о процентахъ и была убѣждена, что онъ, вспомошествоемый ся усиліями, можетъ уничтожить лихву и разгромить ростовщиковъ. Оттого всѣ ея «сатирическія вѣдомости» о вексельномъ курсѣ у Кашея, объ условіяхъ займа у Жидомора и т. п. оказывались просто переливаньемъ изъ пустаго въ порожнее.

Возьмемъ другой примѣръ. Въ новиковскихъ журналахъ нѣсколько разъ попадаются жалобы невѣжественныхъ и дикихъ людей на то, что нѣтъ болѣе свободнаго винокуренія, а надо брать вино изъ «государева кружала», чтобы откупщику прибыльокъ дѣлать. Видно, что сатирики, вѣрные своему характеру слѣдовать за правительственными реформами, не только не возставали противъ откуповъ, но скорѣе одобряли ихъ и готовы были смѣяться надъ тѣми,

кто ими тяготился. Иначе имъ, конечно, и нельзя было по ихъ положенію. Откупа только-что введены были во всей Россіи съ 1767 года. Въ предварительномъ указѣ о нихъ, отъ 1 августа 1765 г., они признаны самымъ лучшимъ способомъ сбиранія дохода для казны, и вслѣдствіе того откупщикамъ предоставляются многія права и преимущества, для привлеченія ихъ къ этому дѣлу. Во первыхъ, имъ предоставляется полная свобода «столько кабаковъ имѣть и въ такихъ мѣстахъ, сколько и гдѣ сами похотятъ». Потомъ облагораживается самое званіе кабака: «такъ какъ отъ происшедшихъ злоупотребленій названіе кабака сдѣлалось весьма подло и безчестно, то называть ихъ впредь питейными домами и поставить на нихъ гербы, яко на домахъ, подъ Нашимъ защищеніемъ находящихся.» Сами откупщики и повѣренные ихъ получаютъ особенныя отличія: «такъ какъ питейная продажа есть коронная регалія, — сказано въ указѣ, — то обнадешиваются откупщики монаршимъ покровительствомъ, и служба ихъ признается казенною, а они именуется коронными повѣренными служителями и носятъ шпаги.» Кромѣ того, въ этомъ же указѣ утверждается неподсудность ихъ, за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, никому, кромѣ губернатора или камеръ-коллегии (П. С. З. № 12,444). Все это дѣлалось для того, чтобы посредствомъ откуповъ увеличить доходъ казны, и дѣйствительно — онъ увеличился страшно: по свидѣтельству Щербатова, винные сборы въ Москвѣ и С. Петербургѣ простирались при Елизаветѣ до 700,000, а въ 1785 г. доходили уже до 10 милліоновъ!... (Моск. Вѣд. 1859 г., № 142.) Но съ кого же выбиралась вся эта сумма?... Намъ нѣтъ надобности говорить о несовершенствахъ откупной системы, всѣми признанной теперь разорительною для народа и бесполезною для государства. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ фактѣ только потому, что замѣтили въ сатирикахъ прошлаго вѣка наклонность подсмѣиваться, во имя административныхъ распоряженій, надъ сознаніемъ простыхъ людей, съ самаго начала враждебно взглянувшихъ на откупа.

Но намъ могутъ сказать, что сатира должна поражать зло уже разившееся, господствующее, обнаружившее свое вліяніе, а не то, которое находится еще въ зародышѣ. Сатира должна дѣйствовать въ настоящемъ, и нельзя отъ нея требовать предвѣднія будущаго... Правда; но въ томъ-то и бѣда, что наша сатира, «отъ Нестора до нашихъ дней», постоянно была въ положеніи, которое заставляло ее обращать свои обличенія вовсе не на сильное и настоящее, а на слабое и прошедшее. Откупной системы никто не обличалъ не потому, чтобы при ея началѣ никто не могъ понять могущаго произойти отъ нея вреда, а просто потому, что она получила тогда законную силу и вслѣдствіе того сдѣлалась уже недоступною для сатиры, во

всѣхъ своихъ обличенійхъ оправдывая на постановленія закона. Для полнѣйшаго убѣжденія въ справедливости этой мысли, стоитъ вспомнить, что на откупа никто у насъ не вооружался до тѣхъ поръ, пока не было рѣшено паденіе нынѣшней откупной системы.

И не въ отношеніи къ однимъ откупамъ сатира прошлаго вѣка выказала слѣдное послѣдованіе буквѣ закона. Возьмемъ другое явленіе — напримѣръ, рекрутчину. Въ сатирическихъ журналахъ есть довольно много замѣтокъ, обличающихъ плутни, бывавшія при рекрутскихъ наборахъ, въ противность законамъ. Замѣтки эти были иногда очень практичны и полезны и указывали на возникшія злоупотребленія очень прямо. Напримѣръ, въ «Трутиѣ» 1769 г. (стр. 199) помѣщено такое письмо :

«Господинъ издатель! При нынѣшнемъ рекрутскомъ наборѣ, по причинѣ запрещенія чинить продажу крестьянъ въ рекруты, и съ земли до окончанія набора, показалось новоизобрѣтенное плутовство. Помѣщики, забывшіе честь и совѣсть, съ помощію ябеды выдумали слѣдующее: продавецъ, согласясь съ покупщикомъ, велитъ ему на себя бить челомъ въ завладѣніи дачъ; а сей, имѣвъ нѣсколько хожденія по тому дѣлу, наконецъ подастъ, обще съ истцомъ, мировую челобитную, уступая въ искъ того человѣка, котораго онъ продалъ въ рекруты.»

Извѣстіе очень полезное, и нѣтъ сомнѣнія, что такія вещи дѣйствительно дѣлались. Но въ нихъ ли было главное зло въ этомъ случаѣ, и можно ли было ихъ уничтожить, безъ измѣненія причинъ, которыя ихъ производили? А отчего происходили подобныя злоупотребленія? Во первыхъ, опять—таки отъ крѣпостнаго права; во вторыхъ, отъ чрезвычайнаго излишества наборовъ, произведенныхъ въ царствованіе Екатерины. Извѣстно, что рекрутскіе наборы, иногда по два въ годъ, по одному человѣку съ 300 и съ 200 душъ, страшно обременяли Россію во все время ея царствованія. Въ прошломъ году напечатана у насъ записка кн. М. М. Щербатова о первой турецкой войнѣ (1768—1774 г.), найденная въ его бумагахъ г. Заблочкимъ (Библ. Зап. 1858 г. № 13, стр. 408—410). Цифры и указанія Щербатова наводятъ на мысли очень невеселыя. По его вычисленію, въ 50 лѣтъ съ 1718 г. въ великой Россіи «взято 1,132,000 рекрутъ, то есть 6-й человѣкъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ, а конечно не меньше третьяго изъ работниковъ». Въ первые годы царствованія Екатерины до турецкой войны, въ семь наборовъ собрано 327,044 человѣка, кромѣ церковныхъ причетниковъ. И этого количества было еще недостаточно. «Колико наборы ни разорительны государству — пишетъ Щербатовъ — ибо, считая со всего числа душъ уже почти 23-й человѣкъ въ рекруты взять, а съ числа

работниковъ смѣло положить можно 11-й или 10-й; а со всѣмъ тѣмъ армія не удовлетворена, ибо предводители оныхъ безпрестанно жалуются на малое число людей оныхъ.» Изыскивая причины этого, Щербатовъ находитъ, что все объясняется, —исключая военной необходимости, — небрежностью и дурными распоряженіями при производствѣ наборовъ. Во первыхъ, тогда было въ обычаѣ, что помещики многихъ крестьянъ ссылали въ Сибирь на поселеніе, съ зачетомъ ихъ въ рекруты. Это было до того распространено, что наборъ 1767 года, по свидѣтельству Щербатова, «только и служилъ для расчета съ тѣми, которые въ зачетъ людей отдали, да и то большую часть на поселеніе въ Сибирь.» Во вторыхъ, наборы производились неправильно, внезапно, форсированно, отчего «взятые вдругъ рекруты принуждены были не токмо въ дальній путь идти, но и перемѣнить воздухъ, такъ что, пришедъ въ некомплектованные полки, гдѣ, по нуждѣ людей, имъ выгнать и отдохнуть дать не можно было, токмо число мертвыхъ приумножили, и армія попрежнему въ некомплектѣ осталась.» Соображая все это, Щербатовъ приходитъ къ заключенію, что, вмѣсто двухъ наборовъ, спѣшно произведенныхъ въ 1765 г. по одному съ трехсотъ, лучше ужъ было бы сдѣлать своевременно одинъ наборъ по одному со ста душъ: и армія бы укомплектовалась, да и народу было бы легче... Всѣ эти соображенія относятся какъ разъ къ тому времени, когда особенно процвѣтала наша сатира. Но она далека была отъ мысли взглянуть на войну съ той точки, — чего она стоитъ народу; сатирическіе журналы въ это самое время печатали высокопарныя привѣтствія по случаю побѣдъ. Такъ, напримѣръ, «Всякая Всячина» начинается свой «Барышекъ» 1770 года поздравленіемъ по случаю успѣховъ російскаго оружія и говоритъ такъ: «Да восплещутъ убо руками всѣ языцы, да возрадуются народы и племена, тяжкимъ игомъ чрезъ многія лѣта угнетенныя, да възграстъ море, острова и земля, видя приближающееся свое отъ горькія работы спасеніе и избавленіе, коего единственною виновницею премудрую Екатерину и разумно ея устроенный совѣтъ не только настоящій провозгласить вѣкъ, но и грядущія еще громче прославятъ времена» (Всяк., Всяч. стр. 412). Что могло быть виною подобныхъ гимновъ, какъ не постоянная связь сатиры съ официальнымъ ходомъ русской жизни? И что же мудренаго при этомъ, что воззванія сатиры противъ частныхъ злоупотребленій при наборахъ мало имѣли успѣха? Одно общее злоупотребленіе неминуемо вызываетъ другія, мелкія; а изъ записки Щербатова мы ясно видимъ, что въ самомъ основаніи производства наборовъ въ то время было большое злоупотребленіе. Его записка относится къ началу семидесятыхъ годовъ; но то же, ко-

нечно, продолжалось и въ послѣдующія 25 лѣтъ. Въ 1796 г., незадолго до смерти Екатерины, назначенъ былъ рекрутскій наборъ; но Павелъ I, вступивъ на престолъ, нашелъ возможнымъ и нужнымъ отмѣнить его, и тотчасъ же отмѣнилъ.

«Но въдъ литература не можетъ имѣть претензіи на прямое административное значеніе: довольно съ нея и того, если она старалась вообще внушать гуманныя идеи и благородныя чувствованія. А это она дѣлала въ вѣкъ Екатерины постоянно и очень усердно. Гдѣ ни раскройте сатирическіе журналы, вездѣ вамъ попадетъ то насмѣшка надъ глупою спесью, то обличеніе безчеловѣчныхъ поступковъ, то злая выходка противъ эгоистическихъ разчетовъ, то внушеніе правилъ челоуѣколюбія, снисходительности къ низшимъ, правдивости передъ высшими, честности, любви къ отечеству, и пр. Въ этомъ-то постоянствѣ добрыхъ стремленій, насколько было возможно ихъ обнаруживать по обстоятельствамъ времени, въ этой-то неуклонной послѣдовательности направленія, враждебнаго всему злему и безчестному, и состоитъ высокое нравственное достоинство сатиры екатерининскаго періода. Пусть она не отличалась всеобъемлемостью, пусть она даже впадала въ ошибки и шла иногда вслѣдъ за такими явленіями русской жизни, которымъ бы должна была идти навстрѣчу. Но за это нельзя обвинять ее, нельзя надъ нею трунить: это будетъ нисколько не остроумно, и даже недобросовѣстно. Нужно, напротивъ, поблагодарить ее за то, что она честно дѣлала свое дѣло и проложила дорогу намъ, людямъ позднѣйшаго времени, для продолженія борьбы съ порокомъ уже въ гораздо большихъ размѣрахъ.»

Такъ непременно возразятъ намъ почтеннѣйшіе историки литературы и другіе дѣятели русской науки, о которыхъ говорили мы въ началѣ нашей статьи. У нихъ вѣчно на языкѣ «уваженіе къ честнымъ дѣтелямъ мысли», «благодарность къ глашатаямъ правды и добра», и т. п. Смѣемъ увѣрить почтенныхъ историковъ литературы, трудолюбивыхъ библіографовъ и московскихъ публицистовъ, что мы ничуть не менѣе ихъ одушевлены уваженіемъ и любовью къ такимъ людямъ, какъ, напримѣръ, Новиковъ. Но неужели въ русскомъ обществѣ даже, до сихъ поръ, степень нравственнаго достоинства благородныхъ общественныхъ дѣателей можетъ быть разсматриваема нераздѣльно со степенью ихъ успѣха? И неужели мы, говоря, что всѣ старанія ихъ были безуспѣшны, чрезъ то самое бросаемъ тѣнь на ихъ благородство? Наконецъ, неужели мы обижаемъ когонибудь, стараясь указать причины этой безуспѣшности, такъ часто не зависѣвшія отъ воли самихъ дѣателей? Мы въдъ не упрекаемъ нашихъ сатириковъ въ подлости и ласкательствѣ, за то, что они писали иногда пышные дѣи-

рамбы золоту въку; мы не подозреваемъ ихъ въ боярской спеси за то, что они мало обращали вниманія на состояніе простаго народа въ ихъ время. Подобныхъ подозрѣній мы не только не высказываемъ, мы вовсе не имѣемъ ихъ. Но надо же (повторимъ здѣсь еще разъ) выяснить истинное значеніе факта, о которомъ такъ много и такъ восторженно кричатъ сами наши историки литературы. Если наша точка зрѣнія и различается нѣсколько отъ воззрѣній библиографическихъ, такъ это давно бы пора ужъ понять и не коверкать нашихъ словъ. Положимъ, что мы разсуждаемъ съ вами, напримѣръ, при началѣ итальянской войны. Вы приходите въ неописанный восторгъ отъ статей, въ которыхъ доказывается, что наконецъ пришла пора свободы Италіи, что австрійское иго нестерпимо, и т. п.;—а мы спокойно замѣчаемъ вамъ, что въдь это, однако, ничего не значитъ, что надежды восхваляемыхъ вами статей неосновательны, что союзомъ съ Франціей Италія теперь не приобрететъ себѣ истинной свободы. И вдругъ вы бросаетесь на насъ съ обвиненіемъ въ томъ, что мы не сочувствуемъ дѣлу Италіи, и стараетесь насъ поразить, указывая литературныя достоинства статей, которыя привели васъ въ восторгъ. «Посмотрите, какъ это сильно сказано, какъ это логически выведено, какъ остроумно задѣта здѣсь австрійская система, какъ горячо выразилось тутъ сочувствіе къ итальянской народности», и пр. «Все это прекрасно, отвѣчаемъ мы: статьи написаны превосходнымъ слогомъ и дѣлаютъ честь благородству чувствованій ихъ авторовъ; но насъ интересуетъ не слогъ и не благородство писателей, а практическое значеніе ихъ идей. И съ этой стороны мы находимъ ихъ статьи, къ крайнему своему прискорбію, не только не важными, но и вполнѣ незначительными...» Затѣмъ мы сдѣлаемъ, пожалуй, даже объясненіе причинъ, по которымъ такъ думаемъ, въ родѣ того, какое сдѣлано въ майскомъ и августовскомъ политическомъ обзорѣнн «Современника». Но вы все-таки будете толковать о нашемъ неуваженіи къ Кавуру и итальянскимъ патріотамъ: пронизательно ли и добросовѣстно ли будетъ это съ вашей стороны?

Итакъ, не заподозривая и не унижая благородныхъ стремленій нашихъ сатириковъ, мы однако рѣшаемся утверждать, что ихъ обвиненія были безуспѣшны въ вѣкъ Екатерины. Причиною же безуспѣшности мы признаемъ главнымъ образомъ наивность сатириковъ, воображавшихъ, что прогрессъ Россіи зависитъ отъ личной честности какого нибудь секретаря, отъ благосклоннаго обращенія помѣщика съ крестьянами, отъ точнаго исполненія указовъ о винокурени и о шести процентахъ, и т. д. Они не хотѣли видѣть связи всѣхъ частныхъ беззаконій съ общимъ механизмомъ тогдашней организациіи государства, и отъ ничтожнѣйшихъ улучшеній ожи-

дали громаднѣхъ слѣдствій, какъ, напр., уничтоженія взяточничества отъ учрежденія прокуроровъ, и т. п. И за то какихъ результатовъ добились они, не говоря о сферѣ административной и т. д., даже въ той области, которая была ихъ спеціальностью, — въ дѣлѣ улучшенія общественной нравственности? Сдѣлаемъ коротенькій очеркъ того положенія, въ какое пришли нравы послѣ всѣхъ этихъ обличеній.

Главные предметы обличенія сатиры екатерининскаго времени были: во первыхъ недостатокъ воспитанія, невѣжество и грубость нравовъ; во вторыхъ ложное образованіе, т. е. французскія моды, роскошь, вѣтренность и т. п.; въ третьихъ приказное крѣпостничество и взяточничество. По этимъ тремъ предметамъ г. Аванасевъ даже раздѣляетъ разсмотрѣніе сатиры того времени по тремъ особымъ главамъ. Посмотримъ же, что ею сдѣлано.

Какимъ образомъ сатирическіе журналы осмѣивали невѣжество, грубость и дурное воспитаніе, это мы отчасти уже видѣли изъ предъидущихъ выписокъ. Прибавимъ, что сатирики очень вѣрно понимали круговую поруку дурнаго воспитанія и грубости помѣщичьяго быта того времени. Худо воспитанные люди, изображаемые въ сатирическихъ журналахъ, — преимущественно «господчики», какъ тогда выражались. Такъ одинъ изъ подобныхъ господчиковъ, уже исправившійся, рассказываетъ о своемъ воспитаніи: «отецъ мой дворянинъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ человѣкъ простаго нрава и сообразовался во всемъ древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сложена тому совсѣмъ противнаго, отчего нерѣдко происходили между ними несогласія, и всегда другъ друга не только всякими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались... Я, будучи въ домѣ ихъ воспитыванъ и имѣя въ глазахъ таковыя поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возмимѣлъ къ онымъ склонность и положилъ за правило себѣ во всемъ онымъ послѣдовать. Намѣреніе мое было гораздо удачно; ибо я въ скорое время къ удивленію всѣхъ домашнихъ уже совершенно выражалъ всѣ бранныя слова, которыя, бывало, отъ родителей своихъ слышу; а что до тиранства принадлежало, то уже въ томъ и родителей своихъ превосходилъ, хотя и они въ семъ искусствѣ гораздо не плохи были» (Жив. II, 160). Далѣе сообщается еще любопытная черта того времени: «матушка моя, пришедши изъ конюшни, въ которой по обыкновенію ежедневно дѣлала расправу... читаетъ, бывало, французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола порусски ясно пересказываетъ»... Слѣдствіемъ этого было то, что тринадцати лѣтъ мальчикъ уже былъ совершенно развращенъ и,

«влюбившись въ комнатную дома нашего дѣвку, сдѣлался въ короткое время невольникомъ рабы своей», а потомъ, спознавшись съ сыномъ сосѣдняго помѣщика, воспитаннымъ такъ же хорошо, принялся за игру, пьянство и пр. Другой господчикъ пишетъ во «Всякой Всячинѣ»: «провождая дни свои въ деревнѣ, былъ я воспитанъ бабушкою, которая любила меня чрезвычайно. Первые мои лѣта упражнялся я, проигрывая съ крестьянскими ребятами цѣлые дни на гумнѣ; часто случалось, что бивалъ ихъ до крови, и когда приходили они къ учителю (который былъ старый дьячокъ нашего прихода), то онъ отгонялъ ихъ. Бабушка моя подъ жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже словомъ не огорчать меня». Четыре года учась у этого учителя, мальчикъ до 13 лѣтъ едва выучился разбирать букварь. Тутъ отецъ хотѣлъ ему выписать француза; но бабушка воспротивилась, и «такъ прошелъ еще годъ, которое время проводилъ я — рѣзаясь съ дѣвками и играя со слугами въ карты» (Вс. Всяч. стр. 242). Въ письмѣ къ Фалалею отецъ его также вспоминаетъ, какъ онъ, маленькій, вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ и пр. такъ, что родители, бывало, животики надорвутъ со смѣха (Жив. I, 94). Въ «Трутиѣ» разсказывается о дворянинѣ, который «ѣздилъ въ Москву, чтобы сыскать учителя пятнадцатилѣтнему своему сыну, но, не найдя искусства, возвратился и поручилъ его воспитанію дьячку своего прихода, *человѣку весьма дорожному*» (Трут. стр. 125). Подобными замѣтками исполнены всѣ сатирическіе журналы 1770-хъ годовъ; но большая часть изъ нихъ обращена назадъ, на времена прошедшія. А во время самаго разгара дѣйствій сатиры все было уже такъ хорошо, что сами художественные вразумлялись и очень искренно сожалѣли о небрежности своего воспитанія. Только люди стараго времени продолжали держаться своихъ понятій и сердились на новое направленіе молодежи, какъ, напр., въ письмѣ дяди къ племяннику, помѣщенномъ въ «Трутиѣ» (стр. 113—120). Ты подавалъ большія надежды отцу—пишетъ дядя—потому что до двадцати лѣтъ жилъ дома и не читалъ книгъ, совращающихъ съ пути истины, а занимался часовникомъ и житіями святыхъ. «Куда это все дѣвалось? Сказывали мнѣ, будто ты по поставъ ѣшь мясо, и остави священныя книги, принялся за свѣтскія. Чему ты научишься изъ тѣхъ книгъ? Вѣрѣ ли несомнѣнной, любви ли къ Богу и ближнимъ, надеждѣ ли быти въ райскихъ селеніяхъ, въ нихъ же водворяются праведники? Нѣтъ, отъ тѣхъ книгъ погибнешь ты невозвратно. Я самъ-грѣшникъ, вѣдаю, что беззаконія моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступникъ законовъ, что окрадывалъ государя, разорялъ ближняго, угнѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мѣдѣ, и короче сказать—грѣ-

шилъ, и по слабости человѣческой еще и нынѣ грѣшу; но не погасилъ любви къ Богу, исповѣдаю бо Его предъ всѣми творцомъ всея вселенныя», и пр... Затѣмъ дядя перечисляетъ свои бдѣнія, посты и молитвы и опять переходитъ къ брани на ученье, изъ котораго происходитъ только гордость.... И все это, по очевидному смыслу сатиры, клонится къ тому, что старое невѣжество отживаетъ и на мѣсто его водворяется свѣтъ знанія.... Это еще положительнѣе выражается въ «Живописцѣ». Тамъ одна барышня говоритъ: «здѣсь во все свѣту подражать не умѣютъ; а все то испортили училища да ученые люди: куда ни посмотришь, вездѣ ученый человѣкъ лишь сумасбродить и чепуху городить» (Жив. I, 63). Не упоминаемъ восторженныхъ изъявленій радости о водвореніи гуманныхъ понятій волею російской Минервы: мы много ихъ привели уже выше.

И что же? Какой успѣхъ имѣла въ этомъ дѣлѣ сатира, которая готова была вѣрить, что она добываетъ уже остатки прежняго невѣжества? Дѣйствительно, обличаемыя ею явленія были у насъ въ силѣ еще задолго прежде. Изъ записокъ Болотова (1753 — 54 г.), изъ воспоминаній Данилова, родившагося въ 1722 г., мы видимъ, что тоже было и за 20 — 30 лѣтъ ранѣе. Еще раньше было, разумѣется, еще хуже. Но лучше ли было и послѣ? Вспомнимъ рассказы нашихъ современниковъ о томъ, какъ шло ихъ воспитаніе, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вспомните «Семейную Хронику» и «Дѣтскіе годы», С. Т. Аксакова, прочтите «Годы въ Школѣ» г. Бидына (Рус. Бес. 1859 г. №№ 1—4), «Незатѣйливое воспитаніе», изъ записокъ А. Щ., въ «Атенеѣ» (1858 г., №№ 43—45), и пр.: не та ли же самая исторія повторялась у насъ въ частномъ воспитаніи, вплоть до француза по крайней мѣрѣ?

А общественное воспитаніе, т. е. то собственно, что мы называемъ образованіемъ? Оно тоже было не въ блестящемъ положеніи въ то время, когда сатирическіе журналы выступили на свое поприще. Приведемъ одну выдержку изъ «Живописца» о томъ, какъ все общество враждебно расположено было къ образованію.

«Что въ наукахъ, говоритъ Наркисъ: астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? Нѣтъ, на что мнѣ она? Магнетика прибавитъ ли моихъ доходовъ? Нѣтъ: чортъ ли въ ней! Физика изобрѣтетъ ли новыя тайнства въ природѣ, служащія къ моему украшенію? Нѣтъ; куда она годится!» и пр. Этотъ Наркисъ «танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ какъ ангелъ, красавицы почитаютъ его Адонидомъ», словомъ, это — свѣтскій человѣкъ. Совсѣмъ другое говоритъ худовоспитанныкъ, офицеръ-бурбонъ. «Науки сдѣлаютъ ли меня смѣлѣе — разсуждаетъ онъ — прибавятъ ли мнѣ храбрости, сдѣлаютъ ли исправнѣйшимъ въ моей должности?

Нѣтъ, такъ онѣ для меня и не годятся. Вся моя наука состоитъ въ томъ, чтобы умѣть кричать: «пали! коли! руби!» и быть строго до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ.» Однако времена пере-мѣнились, и *худовоспитанникъ* не можетъ получить высшаго чина, потому что ни о чемъ не умѣетъ разсудить; обиженный, онъ выходитъ въ отставку и «ѣдетъ въ другую непріятельскую землю, а именно во свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь со крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. Тамъ не имѣлъ онъ никакія жалости; нѣтъ у него и здѣсь никому и никакой пощады, и если бы можно было ему съ крестьянами своими поступать въ силу Военнаго Устава, то не отказался бы онъ ихъ аркибузировать». *Кривосудъ* имѣетъ тоже сильныя резоны противъ наукъ. Онъ спрашиваетъ: «по наукамъ ли чины раздаются? Я ничему не учился, однакожь я судья. Моя наука теперь въ томъ состоитъ, чтобы знать наизусть всѣ указы и въ случаѣ нужды умѣть ихъ употреблять въ свою пользу. Науками ли получаютъ денги? Науками ли наживаются деревни? Науками ли пріобрѣтаютъ себѣ покровителей? Науками ли доставляютъ себѣ въ старости спокойную жизнь? Науками ли дѣлаютъ дѣтей своихъ счастливыми? Нѣтъ! Такъ къ чему же онѣ годятся? Будь ученый человѣкъ, хоть семи пядей во лбу, да попадись къ намъ въ приказъ, то переучимъ его на свой салтыкъ, буде не захочетъ ходить по міру». Въ этомъ же родѣ разсуждаетъ и *Молокососъ*, которому даютъ чины по милости дядюшки, денги присылаетъ батюшка, и котораго начальники не только любятъ, но еще стараются угождать ему, дѣлая тѣмъ услугу знатнымъ его родственникамъ, и пр. *Щеголиха* говоритъ: «какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ! Ужасъ, какъ смѣшны ученые мужчины! А наши сестры, ученныя, — о, онѣ-то совершенныя дуры! Въ словѣ умѣть *краситься* всѣ наши заключаются науки», и пр. *Волокита* разсуждаетъ такъ: «какая польза мнѣ въ наукахъ? Науками ли приходятъ въ любовь у прекраснаго пола? Науками ли имъ нравятся? Науками ли упорныя побѣждаютъ сердца? Науками ли украшаютъ лобъ (мужа)? Науками ли торжествуютъ надъ солубовниками? Нѣтъ, такъ онѣ для меня и не годятся» (*Живоп.* I, стр. 11 — 30).

Почти то же самое, и даже въ подобной же діалогической формѣ, говорилъ за сорокъ лѣтъ ранѣе Кантемиръ въ сатирѣ «на хулящихъ ученіе». И — скажемъ по совѣсти — хоть одно изъ всѣхъ приведенныхъ нами разсужденій «Живописца», потеряло ли свою свѣжесть и справедливость даже *въ настоящее время*, когда, и проч.? Не повторяетъ ли до сихъ поръ какой нибудь Вышневецкій мыслей Кривосуда, Вихоревъ — Волокиты, и т. п.? Что же это значитъ?

Конечно то, что общество наше очень далеко ушло въ послѣднія 90 лѣтъ на поприщѣ образованія?! Въ самомъ дѣлѣ, — оглянитесь вокругъ себя: чего долженъ ожидать и чему подвергается въ нашемъ обществѣ человѣкъ, посвятившій себя занятіямъ наукою, даже, если онъ не школьный педантъ? «Дойти до степеней извѣстныхъ» ему не удастся, если онъ честенъ и гордъ; такъ называемая ученая карьера у насъ вовсе не пользуется почетомъ и представляетъ какую-то пародію на карьеру. Состояніе до сихъ поръ наукою у насъ не пріобрѣтается; развѣ какой нибудь спекуляторъ сочинить плохой учебникъ да напечатаетъ его двадцать изданій для заведеній, въ которыхъ начальствуетъ онъ самъ или его сваты и пріятели... Въ обществѣ нашемъ человѣку серьезно образованному нечего дѣлать: если онъ не сядетъ за карты, то непременно нагонитъ тоску на всѣхъ присутствующихъ. О женщинахъ нечего и говорить: онѣ еще долго не перестанутъ быть танцующими и говорящими куклами; сердце ихъ еще долго будетъ сладостно замирать при видѣ усовъ и эполетъ; для того, чтобъ привлечь ихъ расположеніе, долго еще надо будетъ «умѣть одѣваться и чесать волосы по модѣ, говорить всякія трогательныя бездѣлки, воздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбро-сану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану» (Живоп, I, 26)... Гдѣ же нашъ прогрессъ, гдѣ результаты сатирическихъ обличеній?

«Гдѣ жъ плоды той работы полезной?»

Надо впрочемъ замѣтить, что вопросъ объ образованіи поставленъ очень уже широко въ приведенныхъ нами разсужденіяхъ. Здѣсь ужъ вина равнодушія къ наукамъ падаетъ не на личныя качества отдѣльныхъ особъ, а на устройство и направленіе цѣлаго общества. Дѣйствительно, глупо и непрактично въ этомъ обществѣ заботиться объ украшеніи ума науками, и всѣ тупоумныя выходки Кривосудовъ, Худовоспитанниковъ и другихъ имѣютъ въ сущности глубоко-справедливое основаніе. Еслибъ сатира наша съумѣла утвердиться на этомъ основаніи, она бы дошла до многого. Въ самомъ дѣлѣ, припомните всѣ выходки, сгруппированныя «Живописцемъ», и задайте вопросъ: что же нужно, чтобы въ этомъ обществѣ могла водвориться разумность, могло распространиться истинное образованіе? Отвѣтъ будетъ простой: нужно измѣненіе общественныхъ отношеній. Надо, чтобы никакія преимущества связей и протекцій не имѣли вліянія на опредѣленіе судьбы человѣка: тогда и *Молокососъ* будетъ учиться, чтобы съумѣть чего нибудь достигнуть. Нужно, чтобы въ судахъ не могло быть произвола, чтобы законы строго и равно охраняли права каждаго: тогда и *Кривосудъ* пойметъ необходимость

науки. Нужно, чтобы всякій изъ людей служащихъ имѣлъ свою долю участія въ общественныхъ интересахъ: тогда и въ беседахъ нашихъ необходимо появится дѣльный разговоръ, и какойнибудь *Наркисъ* принужденъ будетъ отказаться отъ своихъ трогательныхъ бездѣлокъ для разговора болѣе дѣльнаго; а при этомъ онъ необходимо долженъ будетъ почувствовать цѣну образованія... Наконецъ,—самое главное,—нужно, чтобы значеніе человѣка въ обществѣ опредѣлялось его личными достоинствами и чтобы матеріальныя блага пріобрѣтались каждымъ въ строгой соразмѣрности съ количествомъ и достоинствомъ его труда: тогда всякій будетъ учиться уже и затѣмъ, чтобы дѣлать какъ можно лучше свое дѣло, и невозможны будутъ тунеядцы, подобные *Худовоспитаннику*... Тогда даже и *Волокиты* (самый безнадежный народъ, больше все изъ военныхъ!) захотятъ чемунибудь выучиться, потому что иначе имъ не на что будетъ не только одѣться со вкусомъ, но даже и убрать свои волосы... Да и *Щеголихи* тогда перемѣнятъ свои воззрѣнія, если только сами онѣ уцѣлѣютъ при такомъ измѣненіи общественныхъ отношеній... А пока продолжается то положеніе дѣлъ, какое изображала сама же сатира екатерининскаго періода. до тѣхъ поръ должно продолжаться «темное царство,» которое недавно обозрѣвали мы въ сочиненіяхъ Островскаго. Просимъ читателя припомнить или просмотрѣть то, что мы говорили тогда о возможности и значеніи образованія въ «темномъ царствѣ», подъ вліяніемъ самодурныхъ отношеній.

Къ сожалѣнію, екатерининская сатира не удержалась на точкѣ зрѣнія общественности и не развила тѣхъ идей, которыхъ зародышъ заключался въ приведенномъ нами изъ «Живописца» очеркъ русскихъ воззрѣній на образованность. Кажется, сатирики и сами, впрочемъ, не совсѣмъ ясно сознавали возможное значеніе этого очерка. Изъ другихъ статей сатирическихъ журналовъ видно, что они полагали всю надежду на книги и училища. Что касается до книгъ, то мы уже говорили выше, много ли значенія могли имѣть онѣ и какія затрудненія встрѣтились имъ тотчасъ же, какъ только стало похоже на то, что онѣ пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе. Скажемъ теперь нѣсколько словъ и объ училищахъ.

О заведеніи училищъ заботилась Екатерина съ самаго начала своего царствованія. Преимущественно обращено было ея вниманіе на заведеніе «воспитательныхъ училищъ», которыхъ цѣль была, по выраженію Бецкаго, произвести въ Россіи «новую породу людей» (докладъ Бецкаго 12-го марта 1764 года). Въ этихъ видахъ основаны были женскія воспитательныя учи-

лица, гдѣ и положено начало тому закрытому, казенному воспитанію, противъ котораго такъ сильно возстаетъ современная педагогика, за то, что оно отчуждаетъ дѣтей отъ семьи. На тѣхъ же началахъ основано было нѣсколько кадетскихъ корпусовъ. Собственно же къ устройству училищъ, не имѣющихъ воспитательнаго значенія, Екатерина приступила только уже во вторую половину своего царствованія, да и то потому, что на устройство воспитательныхъ заведеній во всѣхъ городахъ, по первоначальному плану, не достало денегъ. Въ 1775 г., при учрежденіи губерній, вмѣнено было въ обязанность приказамъ общественнаго призрѣнія — стараться о заведеніи училищъ; но это ни къ чему не повело: указы не открыли почти ни одного училища, отзываясь тоже немѣнимъ средствъ. По мѣстамъ и пробовали открывать формальнымъ образомъ; но ни учителей, ни книгъ неоткуда было взять, и ученики не являлись. Это все было около того времени, когда литература пѣла уже разлитіе лучей просвѣщенія по всѣмъ закоулкамъ русскаго царства. Наконецъ въ 1782 г. составлена комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ. Въ комиссіи этой, вмѣстѣ съ Бецкимъ и Завадовскимъ, участвовалъ извѣстный педагогъ Янковичъ ди Миріево. Въ обзорѣ дѣятельности этого человѣка, изданномъ въ прошломъ году г. Вороновымъ, находятся любопытныя свѣдѣнія о первоначальномъ заведеніи училищъ при Екатеринѣ. Нужно сказать, что 1782—84 годы были временемъ особенно-литературнаго и ученаго настроенія императрицы. Тутъ она основала Россійскую академію, дозволила заведеніе вольныхъ типографій, составила планъ сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій, издавала съ Дашковою «Собесѣдникъ». Тутъ же шло и дѣло объ училищахъ. Предварительныя работы комиссіи были представлены черезъ три года, и 5 авг. 1786 г. изданъ указъ объ открытіи народныхъ училищъ во всѣхъ городахъ Россійской имперіи. Въ то же время приказано было комиссіи составить планъ для учрежденія гимназій и четырехъ университетовъ — сначала въ Екатеринославѣ, а потомъ во Псковѣ, Пензѣ и Черниговѣ, съ тѣмъ притомъ, чтобы профессора были русскіе. Комиссія пришла въ затрудненіе и обратилась въ академію наукъ и въ Московскій университетъ съ просьбою, не могутъ ли они удѣлить нѣсколько профессоровъ для новыхъ университетовъ. Тѣ отвѣчали, что у нихъ у самихъ мало. Вслѣдствіе того комиссія донесла въ 1787 г., что необходимо вызвать ученыхъ иностранцевъ, да и то на четыре университета вдругъ набрать трудно, и потому не достаточно ли покаместъ учредить хоть одинъ. При этомъ представлялся и планъ новаго университета. Это было въ 1788 г. Но тутъ политическія забо-

ты помѣшали, и до смерти Екатерины не было учреждено ни одного университета.

Гимназіи тоже были открыты уже въ царствованіе Александра.

Немногимъ лучше устроилось дѣло и собственно народныхъ училищъ. Въ то время, какъ изданъ былъ указъ объ ихъ открытіи, государственные финансы были уже крайне истощены, и потому вся хозяйственная часть предположенныхъ училищъ отнесена была не на государственное казначейство, а на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Но и въ приказахъ денегъ было очень мало, и потому многія изъ предполагавшихся училищъ вовсе не открыты, а другія и открывались, да потомъ сами не рады были. Администрація ихъ была самая сложная, — они зависѣли и отъ своего директора или смотрителя, и отъ предсѣдателя и чиновниковъ приказа, и отъ губернатора, и отъ комиссіи училищъ. Средства были очень скудныя, помѣщеніе плохое, жалованье учителямъ ничтожное, содержаніе казеннымъ ученикамъ выдавалось неисправно, учебныхъ пособій почти никакихъ не давали. Естественно, что ни у кого не являлось охоты ни учиться, ни быть учителемъ, тѣмъ болѣе, что ученье не вознаграждалось никакими преимуществами, а учителя даже чиновъ не получали, а должны были непременно прослужить въ своей должности — преподаватели въ высшихъ классахъ не менѣе 23, а въ низшихъ, не менѣе 36 лѣтъ, для того, чтобы получить чинъ коллежскаго ассессора и выйти въ отставку безъ всякой пенсіи. Вообще ученье было въ загонѣ, и имъ вовсе не дорожили даже и по внѣшности. Дворяне обыкновенно записывались прямо въ полкъ, послѣ такого воспитанія, какое описывалось въ «Живописцѣ» и въ «Трутнѣ», и когда при императорѣ Александрѣ послѣдовалъ указъ о производствѣ въ офицеры только грамотныхъ, то оказалось чрезвычайно много не знавшихъ грамотъ унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ. Таковы были результаты стараній о заведеніи народныхъ училищъ, — стараній, на которыя тогдашняя литература возлагала такія надежды и по поводу которыхъ воспѣвала златой вѣкъ и царство знаній въ Россіи.

Но откуда же эта скудость денежныхъ средствъ, помѣшавшая осуществленію просвѣщенныхъ намѣреній Екатерины? Мы знаемъ, что она начала свое царствованіе повелѣніемъ бить мѣдную монету по 16 рублей изъ пуда, вмѣсто 32, какъ было прежде, начертаніемъ новыхъ правилъ для нашей заграничной торговли, «къ облегченію тягости народной», пониженіемъ цѣны на соль, и пр. Значитъ, большой скудости при началѣ не было. А въ теченіе своего царствованія она ввела новый порядокъ сбора податей, повелѣла генераль-прокурору составлять ежегодные бюджеты, которыхъ прежде не было, во-

обще, по учебнику Устрялова, «чрезвычайно увеличила государственные доходы, безъ отягощенія подданныхъ»: при началѣ ея царствованія наши доходы составляли 20 миліоновъ, а при концѣ доходили до 50, (см. Устр. II, 259). Какая же могла быть скудость, судя по этимъ свѣдѣніямъ, занесеннымъ даже въ учебникъ?... Правда, судя по этому мѣсту учебника, нельзя предполагать оскудѣнія финансовъ; но это потому, что здѣсь излагаются, между прочими дѣяніями Екатерины, и благотворныя мѣры ея для улучшенія финансовой части. Указаній же на разстройство финансовъ при Екатеринѣ нужно искать въ другомъ мѣстѣ, — тамъ, гдѣ излагаются г. Устряловымъ благотворныя мѣры императора Павла для улучшенія финансовой части. Тамъ дѣйствительно и находимъ (стр. 275 — 76):

«Государственные финансы въ послѣдніе годы царствованія Екатерины находились не въ цвѣтущемъ состояніи: обременительныя войны съ Турціею, Швеціею, Польшею, Персіею, истощили казну; доходы не покрывали расходовъ; внѣшній долгъ, незначительный до начала второй турецкой войны, отъ новыхъ займовъ увеличился до 46 милліоновъ рублей сер., долгъ внутренній, составившійся отъ выпуска ассигнацій, простирался до 157 милліоновъ; заграничные переводы были невыгодны; денежный курсъ съ каждымъ годомъ быстро понижался; ассигнаціонный рубль со времени второй турецкой войны постепенно упалъ и въ 1796 г. стоилъ только 68 к. на серебро; всеобщее потрясеніе европейской торговли французскою революціею разстроило и наши коммерческіе обороты; банкротства увеличились; общественный кредит колебался.»

Такъ вотъ къ чему привело непомѣрное увеличеніе доходовъ. Однако же, все-таки отчего это? Конечно, войны были, да въ войнѣ всѣ оканчивались счастливо; мы приобрѣли въ царствованіе Екатерины 32,000 квадратныхъ миль земли и на 12 миліоновъ увеличили народонаселеніе. Кромѣ того, были экстраординарные источники доходовъ. Напримѣръ, монастырскіе крестьяне, въ числѣ 900,000, были взяты въ казну и обложены довольно высокою по тогдашнему времени податью (указ. 26 февр. 1764 г.); раскольниковъ, которыхъ Петръ III велѣлъ было освободить отъ всякихъ розысковъ (февр. 1762 г.), велѣно было указомъ 3 марта 1764 г. при новой ревизіи всѣхъ переписать аккуратно и обложить двойнымъ подушнымъ окладомъ. Но дѣло въ томъ, что подобныхъ доходовъ было все-таки мало для покрытія необычайныхъ расходовъ, которые нужны были въ то время. Причиною этихъ расходовъ была всеобщая роскошь, распространившаяся въ то время, и противъ ней-то, между прочимъ, возставали тогдашніе сатирики съ особенною силою; хотя, разумѣется, опять не проводили уровня своей сатиры надъ всѣмъ обществомъ, а выбирали,

что помельче. «Трутень» изображает мота, который «то въ день съѣдаетъ, что бы въ годъ ему съѣсть надлежало, держитъ шесть каретъ и шесть цуговъ лошадей, oprичъ верховыхъ и санныхъ, и сноситъ въ годъ до двадцати паръ платья» (Тр. стр. 219). «Смѣсь» обличаетъ такихъ, которые на одинъ столъ издерживали въ годъ до 14,000 рублей. «Живописецъ» обличаетъ модныхъ дамъ, которыя прогуливались по гостинному двору и обнаруживали «превеликое желаніе покупать, или лучше сказать—брать всякіе нужные и ненужные товары» (Жив. II, 133). Въ «Трутнѣ» осмѣивается помѣщикъ, который содержалъ «великое число псовой охоты, и ѣздилъ на ярмарки верстъ за 200 весьма великолѣпно, а именно: самъ въ четверомѣстномъ дѣдовскомъ берлинѣ въ 10 лошадей, и еще 12 колясокъ, запряженныхъ 6 и 4 лошадьми, исключая повозокъ и фуръ съ палатками, поваренною посудою и всякимъ его господскимъ стяжаніемъ»... Объ этомъ дворянинѣ, однакожь, замѣчается, что онъ проживаетъ не больше ежегоднаго своего дохода, а получаетъ онъ шесть тысячъ рублей (Трут. 125). Изъ этого отчасти уже видно, что сатира того времени признавала главнымъ источникомъ роскоши—не дѣдовское житъе со всей его сытностью и раздольемъ, а нѣчто другое. Это другое заключалось именно въ подражаніи французамъ. Большая часть нашихъ злобныхъ сатиръ на французовъ произошла не столько изъ «любви къ отечеству и народной гордости», сколько съ досады на то, что они насъ разоряютъ. Нападали на французскихъ парикмахеровъ за то, что они съ иныхъ «господчиковъ» получаютъ по 30 руб. въ мѣсяцъ, а съ другихъ берутъ 200 р. въ годъ, платье, столъ и экипажъ (Ад. Почт. стр. 14). Обличали французскихъ портныхъ, которые «продаютъ искусство свое весьма дорого», (И То и Се, нед. 24), самозванныхъ учителей, которые ни за что, ни про что получали большія деньги, обыкновенно рублей 500 со столомъ, прислугою и экипажемъ (Веч. I, 12, Кошел. 140). Особенное зло причиняло это помѣщикамъ, которыхъ французскіе гувернеры безъ церемоніи надували и обворовывали. «Этотъ манеръ завелся и у деревенскихъ бояръ, пишетъ Стародуровъ, въ «Полезномъ съ Пріятнымъ» (стр. 24), — такъ что за инымъ не болѣе 300 душъ, а у него живетъ иноземецъ и деретъ съ него очень, очень перядочныя денежки.» Сатириковъ нашихъ очень возмущали также постыдныя спекуляціи, на которыя пускались учителя французы. Напримѣръ, въ «Кошелькѣ» осмѣивается французскій гувернеръ, самъ себя произведшій въ Шевалье де-Мансонжъ: этотъ плутъ, поступивши къ одному помѣщику, «въ свободное время занимался передѣлкою простаго табаку въ розовый и продавалъ его по 5 и по 10 руб. за фунтъ.» Но особенно было ужасно то, что они научали мо-

товству юношество, которое попадало въ ихъ руки. Ученые французска-гувернера обыкновенно оканчивается въ нашихъ сатирическихъ разсказахъ тѣмъ, что воспитанникъ выучивается играть на бильярдѣ, въ банкъ и въ *кэмтичъ*, и проматываетъ все отцовское состояніе. Не менѣе азартныхъ игръ, разоряли тогда дворянъ «французскія моды.» Не говоря уже о томъ, что парижскіе парикмахеры и портные брали очень дорого, и что балы обходились въ большія суммы, жизнь по модѣ вредна была еще тѣмъ, что разстроивала домашнее хозяйство. Модница уже не можетъ сидѣть дома и смотрѣть за хозяйствомъ. Въ «Трутиѣ» (1770, стр. 43) помѣщено письмо одной барыни, которая, сдѣлавшись модницей, при помощи французской мадамы, съ отвращеніемъ вспоминаетъ о томъ, что она прежде «только и знала, когда и какъ хлѣбъ сѣютъ, капусту садятъ, и проч., и не умѣла ни танцовать, ни одѣваться». Если модной женѣ мужъ «осмѣлится напомнить о домашней экономіи, о которой модная женщина считаетъ за подлость имѣть понятіе, тутъ оцъ пропалъ!» (Веч. I, 188). Замѣчательно, что въ сатирическихъ нападкахъ на французовъ экономическая и виѣшняя сторона играетъ очень видную роль, а собственно идеи французовъ не подвергались осмѣянію до самаго того времени, какъ политическое движеніе во Франціи заставило признать ихъ опасными. Въ 1770-хъ годахъ, напротивъ, господствовало даже, и въ обществѣ, и въ самой литературѣ, полнѣйшее уваженіе и къ господину Вольтеру, и къ женевскому философу Жанъ-Жаку-Руссо, и къ ученому Лидероту, и проч. Эти насъ не разоряли, да притомъ же ихъ уважала сама императрица въ это время.

Но и экономическую сторону вопроса сатирики разсматривали въ очень малыхъ размѣрахъ. Конечно, въ обличеніяхъ мотовъ средняго состоянія могли скрываться намеки и на то, что дѣлалось первоклассными и знатными богачами. Но это предположеніе, если оно и справедливо, не свидѣтельствуетъ въ пользу силы тогдашней сатиры. Притомъ же наши сатирики и вообще литераторы умѣли нерѣдко и мѣнять точку зрѣнія на предметъ, какъ скоро дѣло превосходило тѣ размѣры, которые были имъ по плечу. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ описаніяхъ пировъ знатныхъ вельможъ и въ разсказахъ о жизни ихъ — расточительность принимала названіе *щедрости*, а роскошь называлась *великоколпнѣмъ*. Для примѣра можно указать изъ знаменитыхъ — на Фонъ-Визина, писавшаго біографію Н. И. Панина, на Державина, который воспѣвалъ пиры Потемкина, забывая остроумные намеки, которые самъ же дѣлалъ на него въ «Фелицѣ», и пр. Между тѣмъ въ этой-то, воспѣваемой ими, *щедрости* и *великоколпнѣ* и заключалась причина финансоваго разстрой-

ства Россіи. Тутъ даже и французскіе парикмахеры и гувернеры были виноваты очень мало. И безъ нихъ, были другія побужденія и другіе способы мотать неслыханныя суммы. Сама Екатерина отличалась умѣренностью и простотою, какъ свидѣтельствуютъ современныя ей записки и литературныя обращенія къ ней. Вспомнимъ стихи Державина:

Мурзамъ твоимъ не подражая,
По часту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ, и пр.

Но примѣру, воспѣтому Державинимъ, не подражали приближенные императрицы. О роскоши, какую они себѣ позволяли, остались свѣдѣнія изумительныя, предъ которыми должно поблѣднѣть и исчезнуть все, что изображала сатира екатерининскаго вѣка. «Трутенъ» обличалъ, на примѣръ, господчиковъ, у которыхъ на столъ выходило 14 тысячъ въ годъ. А въ запискахъ Грибовскаго находимъ, что у Пл. Ал. Зубова, графа Н. И. Панина и у графини Броницкой столъ на каждый день стоилъ около 400 рублей, исключая винъ и прочихъ напитковъ, которыхъ тоже выходило каждый день рублей на 200! (Гриб. стр. 60). Онъ же рассказываетъ удивительныя вещи о нравахъ Л. А. Нарышкина, о выѣздахъ Остермана въ его золоченой каретѣ, о праздникахъ Безбородка. Безбородко былъ весь засыпанъ золотомъ и брилліантами въ своемъ домѣ. Танцовщицѣ Дави онъ давалъ 2,000 р. золотомъ въ мѣсяцъ, а когда она уѣзжала въ Италію, подарилъ ей деньгами и брилліантами на 500,000 р. Потомъ онъ содержалъ Сандунову, а когда она вышла замужъ, то взялъ на ея мѣсто танцовщицу Ленушку; отъ этой имѣлъ онъ дочь, которую потомъ выдалъ замужъ, давши ей въ приданое домъ въ 300,000 р., и имѣнье съ 80,000 р. доходу (Гриб. стр. 72). Откуда брались столь огромныя суммы? Конечно, отъ щедротъ Екатерины: хотя извѣстно, что Безбородко и безъ того былъ очень богатъ, но его собственныхъ средствъ не хватило бы на такую пышность. Въ примѣръ того, какіе размѣры должны были имѣть эти щедроты, можно указать на Н. И. Салтыкова, о которомъ свѣдѣнія находимъ тоже у Грибовскаго. По словамъ его, Салтыковъ имѣлъ всего 6,000 душъ крестьянъ, а проживалъ ежегодно по 200,000 р., да еще въ теченіе 10 лѣтъ умѣлъ сдѣлать такую экономію изъ своихъ доходовъ, что прикупилъ потомъ еще 10,000 душъ (Гриб. стр. 61). Была, впрочемъ, у вельможъ тогдашнихъ, кромѣ щедротъ императрицы, и другая возможность получать большія деньги. Такъ въ запискахъ Державина (Рус. Бес. 1859 г. т. IV, стр. 333 — 337), находимъ изложеніе дѣ-

да извѣстнаго банкира Сутерланда, «бывшаго со всѣми вельможами въ великой связи, потому что онъ имъ ссужалъ казенныя деньги, которыя принималъ изъ государственнаго казначейства для перевода въ чужіе края, по случавшимся тамъ министерскимъ надобностямъ». Такихъ суммъ набралось до 2,000,000, переведенныхъ въ Англію. Но вдругъ министръ донесъ оттуда, что денегъ тамъ нѣтъ. Навели слѣдствіе; открылось, по книгамъ Сутерланда, что деньги еще не переведены; потребовали, чтобъ онъ перевелъ ихъ исмеленно, а въ это время у него не случилось денегъ, и онъ объявилъ себя банкротомъ. По дальнѣйшимъ розысканіямъ открылось, что всѣ деньги «забраны — Потемкинымъ, Безбородкою, Остерманомъ, Вяземскимъ, Морковымъ и даже Великимъ Княземъ». Одинъ Потемкинъ взялъ 800,000 р. Это было уже послѣ смерти его, и Екатерина, на докладъ Державина, «извинивъ, что князь многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги, приказала принять на счетъ свой государственному казначейству» (стр. 337). Потемкинъ, дѣйствительно, не только самъ тратилъ большія суммы, но и другимъ разрѣшалъ подобныя траты. У Державина же находимъ мы рассказъ о купцѣ Логиновѣ, котораго Потемкинъ не только допустилъ къ откупамъ безъ заоговъ, но еще кредитовалъ 400,000 рублей, изъ комиссаріатскихъ суммъ. Между тѣмъ Логиновъ этотъ, нажившись отъ откупа, не только не внесъ долга, но не платилъ рѣшительно ничего и даже самъ *скрылся*, то есть постоянно показывался въ неизвѣстной отлучкѣ, «и хотя всѣмъ былъ видѣнъ проживающимъ въ Петербургѣ, однако не сыскавъ и не представленъ въ Москву *около 20 лтъ*» (стр. 330). Въ запискахъ же Державина есть любопытный рассказъ о расхищеніи 600,000 р. изъ государственнаго заемнаго банка, въ чемъ главными виновниками оказались — главный директоръ банка Завадовскій съ кассиромъ Кельбергомъ и вторымъ директоромъ Зайцовымъ. Они «вошли между собою въ толь короткую связь, что брали казенныя деньги на покупку брильянтовъ, дабы, продавъ ихъ императрицѣ, съ барышемъ внести въ казну забранныя ими суммы и сверхъ того имѣть себѣ какой либо прибытокъ (Рус. Бес. IV, стр. 377).

Подобные рассказы объясняютъ очень удовлетворительно (по крайней мѣрѣ гораздо удовлетворительнѣе сатирическихъ нападокъ на французскія моды), отъ чего произошло подъ конецъ царствованія Екатерины такое разстройство финансовъ. Ясно, что приближенные Екатерины, не довольствуясь ея милостями, прибѣгали еще и къ непозволеннымъ ею средствамъ обогащенія. Она часто вовсе и не знала, что дѣлаютъ эти вельможи; но это довѣріе къ нимъ все-таки

обращалось потомъ ей въ упрекъ. Даже Державинъ, восторженный пѣвецъ ея, сказавшій о ней:

Какъ солнце, какъ луну поставлю,
На память будущимъ вѣкамъ,
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ, —

и онъ, въ заключеніе своихъ воспоминаній о ней, говоритъ слѣдующее:

«Коротко сказать, — сія мудрая и сильная государыня, ежели въ сужденіи строгаго потомства не удѣржитъ по вѣчность имя великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окружающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ; и потому добродѣтель не могла, такъ сказать, сквозь сей закоулокъ пробиться и вознестись до надлежащаго величія. Но если разсуждать, что она была человѣкъ, что первый шагъ ея возшествія на престолъ былъ не непороченъ, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ея страстей, противъ которыхъ явно возставать, можетъ быть, и опасалась, ибо они ее поддерживали. Когда же привыкла къ изгибамъ по своимъ прихотямъ съ любимцами, а особливо въ послѣдніе годы съ княземъ Потемкинымъ упоена была славою своихъ побѣдъ, то уже ни о чемъ другомъ и не думала, какъ только о покореніи скиптру своему новыхъ царствъ». (Рус. Бес. 1859 г. Кн. IV, стр. 387).

Совершенно согласно съ Державинимъ, но гораздо обстоятельнѣе и солиднѣе, отзываясь объ истощеніи Россіи къ концу царствованія Екатерины графъ А. Р. Воронцовъ, бывшій при императорѣ Александрѣ государственнымъ канцлеромъ. Недавно, въ первой книжкѣ «Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей», напечатаны чрезвычайно любопытныя его «Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи.» Примѣчанія эти написаны были въ 1801 году и представлены императору Александру. Начинаются они съ того, что «благополучное состояніе, которымъ всѣ россияне нынѣ пользуются, не оставляетъ ничего болѣе желать, какъ только непоколебимости онаго» (Чт. М. О. И. 1859 г. Кн. I, См. стр. 91). Но затѣмъ онъ излагаетъ свои мысли о внутреннемъ состояніи Россіи и между прочимъ замѣчаетъ: «можно сказать, къ сожалѣнію, что Россія никогда прямо устроена была, хотя еще съ царствованія Петра Великаго о семъ весьма помышляемо было». Очертивши вкратцѣ дѣйствія преемниковъ Петра и дойдя до времени Екатерины, Воронцовъ говоритъ:

«О революціи, кою возведена была императрица Екатерина вторая на престолъ російскій, нѣтъ нужды распространяться, понеже всѣ сіи обстоятельства еще въ свѣжей памяти; но того умолчать нельзя, что самый сей образъ вступленія на престолъ заключалъ въ себѣ многія неудобности, кои имѣли вліяніе и на все ея царствованіе. Оно было, конечно, съ большимъ блескомъ, особливо по внѣшнимъ дѣламъ, большія приобрѣтенія сдѣланы, служащія и къ безопасности Россіи, и къ лучшему составленію всей массы; но нельзя не признать, чтобъ сердце Россіи почти ежегодными рекрутскими наборами не было истощено; къ тому прибавились налоги, прежде еще зрѣлости своей, чтобъ Россія могла оныя безъ изнуренія выносить».... (Чт. М. О. И. 1859 г. Кн. I, Смѣсь, стр. 95).

Далѣе (на стр. 96) Воронцовъ говоритъ, что къ концу царствованія Екатерины «роскошь, послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденія участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ довели до того, что люди едва ли уже не желали въ 1796 г. скорой переменѣны, которая, по естественной кончинѣ сей государыни, и воспослѣдовала». Въ особенности Воронцовъ обвиняетъ Потемкина. Говоря о военной части, онъ замѣчаетъ, что «воинскія учрежденія, сдѣланныя комиссіею, на то опредѣленную при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, имѣли много основательнаго и полезнаго, да и на правилахъ хозяйства основаны были»; затѣмъ продолжаетъ: «страшныя злоупотребленія и расточенія, вкравшіяся по сей части, и кои начало свое взяли и далѣе простирались отъ 1775 года, отнюдь не отъ самыхъ учрежденій произошли, а отъ необузданности временщиковъ». Далѣе Воронцовъ замѣчаетъ, что злоупотребленія эти «сдѣлались общими и не по одной военной, но по всѣмъ частямъ государства распространялись» (стр. 99), и при этомъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе, очень характеристическое.

«Прямою эпохою водворенія сихъ злоупотребленій почитать должно самовластіе и властолюбіе покойнаго князя Потемкина; а на него глядя и видя, что не только нѣтъ взысканія и отчета на обогащеніе людей, но и къ почестямъ и къ вознагражденіямъ было лучшею дорогою, рыдкій по части ему вопреки не находилъ для себя выгоды по тѣмъ же слѣдамъ идти; ибо не всякій имѣетъ въ себѣ столько твердости души, чтобъ худымъ примѣрамъ не послѣдовать, особливо когда они многа пріятности въ жизни доставляютъ» (стр. 100).

Эта замѣтка чрезвычайно важна въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ существенную сторону вреда, который производится для государства расточительностью временщиковъ. Они сами, положимъ, и не много растратятъ; но важно уже то, что они истратили хоть

одинъ лишній рубль, принадлежащій не имъ, а государству. Какъ скоро это сдѣлано хоть однимъ человѣкомъ, каковы бы ни были его заслуги, чинъ и положеніе, — зараза неминуемо распространяется дальше. Какъ скоро разъ произошло нарушеніе законности, — нѣтъ причины не произойти ему и въ другой разъ.. Общественное благо вообще и общественная или государственная казна въ частности — можетъ быть съ усердіемъ охраняема каждымъ членомъ общества только до тѣхъ поръ, пока онъ знаетъ, что это благо, эти права, это имущество — неприкосновенны для насилія, недоступны для произвола; тутъ есть часть каждаго, и на желаніи полного обезпеченія этой части со стороны общества основывается и стремленіе каждаго поддерживать общее благо. Но какая же мнѣ охота заботиться объ общемъ благѣ, когда я вижу, что мое собственное достоинствѣ не обезпечено, мои права не ограждены? И вотъ отсюда-то происходитъ эгоистическій образъ дѣйствій, который выражается съ одной стороны—во взяточничествѣ, казнокрадствѣ, обманѣ и барышничествѣ всякаго рода, а съ другой—въ совершенной безопасности и небрежности въ исполненіи своихъ обязанностей.

О томъ, до какой степени доходило у насъ въ девяностыхъ годахъ общее разстройство управленія по всѣмъ частямъ, всего лучше рассказываетъ князь Щербатовъ въ своемъ «Разсужденіи о нынѣшнемъ въ 1787 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи», въ «Размышленіи о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и офицеры,» и въ сочиненіи «О состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, въ началѣ 1788 г., при началѣ турецкой войны». Эти сочиненія вполне не напечатаны; но въ Московскихъ Вѣдомостяхъ нынѣшняго года, въ іюнѣ и іюлѣ (№№ 142, 143, 154, 172, 177) помѣщены были довольно обстоятельныя извлеченія изъ нихъ, сдѣланныя г. М. Щепкинымъ. Мы воспользуемся нѣкоторыми изъ напечатанныхъ тамъ свѣдѣній и приведемъ нѣкоторыя сужденія Щербатова, вполне подтверждающія то, что мы до сихъ поръ говорили о причинахъ тогдашняго финансоваго разстройства.

Изыскивая эти причины, Щербатовъ говоритъ, между прочимъ: «у насъ войны съ 1774 г. не было, а и война была самая успѣшная, области наши не разорены, доходы государственные разработаніемъ рудниковъ, умноженіемъ винной продажи, приобщеніемъ къ короннымъ доходамъ монастырскихъ деревень и положеніемъ на нихъ по три рубли съ души, умноженіемъ торговли, положеніемъ въ окладъ денежный Малороссіи и Лифляндіи, населеніемъ Новой Россіи, приобрѣтеніемъ Бѣлороссіи, учиненіемъ новой ревизіи и прочими способами знатно умножились. А *однако отъ безденежья и отъ недостат-*

ка кредита Россійскій народъ больше страждетъ, нежели другія страны и послѣ всенародныхъ несчастій страдали. Отчего же сіе происходитъ?» Это объясняется во-первыхъ, по выраженію Щербатова, *сластолюбіемъ*, вслѣдствіе котораго произошелъ упадокъ земледѣлія и бѣдность народа, и потомъ—ошибочными банковыми операціями.

Перечисляя огромныя затраты денегъ, произведенныя правительствомъ съ самаго вступленія на престолъ Екатерины, Щербатовъ указываетъ на большія суммы, перешедшія въ Пруссію и Польшу, когда тамъ были наши войска, и затраченныя въ Польшѣ для возведенія на престолъ Станислава Понятовскаго, противъ воли поляковъ и литовцевъ. Къ этимъ издержкамъ присоединилась и придворная роскошь, которая, несмотря на старанія Екатерины соблюдать умѣренность, увеличилась при дворѣ ея, сравнительно съ дворомъ Елизаветы Петровны. Большія выдачи денегъ придворнымъ съ самаго начала затрудняли государственное казначейство; но отказывать было невозможно. «Извѣстно, говоритъ Щербатовъ, что возшествіе на престолъ императрицы Екатерины послѣдовало по возмущенію; учинившихъ сіе возмущеніе надлежало наградить; даны имъ были единымъ деревни, другимъ деньги, а всѣмъ чины придворные» (Моск. Вѣд. № 154). Деньги эти, разумѣется, проѣдались и проматывались на разныя блестящія, но бесполезныя затѣи, большею частію заграничныя. А относительно земель вотъ что говоритъ Щербатовъ: «розданы онѣ вельможамъ, которые, бывъ обогащены и безъ того милостіями государя, малое прилежаніе о населеніи и обработываніи ихъ прилагаютъ. А и проданныя суть по большей части людямъ богатымъ, захватившимъ многія тысячи десятинъ и употребляющимъ ихъ для скотоводства, и не помышляя довольно ихъ населить и запахать. И тако впадаетъ въ правило народа хлѣбоводителя, которому не въ примѣръ болѣе земли надобно, чѣмъ хлѣбопашцу» (Моск. Вѣд. № 142). Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, неудобство котораго увеличивалось ненормальными отношеніями крестьянъ къ помѣщикамъ, — сельское хозяйство шло плохо. А между тѣмъ постоянно былъ большой отпускъ хлѣба за границу. Да еще это бы ничего само по себѣ; но бѣда была въ способѣ, которымъ эта операція производилась. Дѣло въ томъ, что плодородныя губерніи были отдалены отъ мѣстъ заграничнаго отпуску хлѣба, а пути сообщенія были въ самомъ жалкомъ состояніи. На улучшеніе дорогъ издавна былъ установленъ особый сборъ и деньги постоянно собирались, но дѣвались неизвѣстно-куда, а дороги не поправлялись вовсе; мосты были такъ худы, что по многимъ совершенно не было проѣзда. Когда же въ 1781 г. послѣдовалъ указъ объ ис-

правленіи дорогъ и мостовъ, оказалось, что собранцыя на этотъ предметъ деньги такъ ничтожны, что съ ними ни за что и принятыя нельзя (Моск. Вѣд. № 172). Поэтому земледѣльцы не могли прямо участвовать въ заграничной операціи, и вся она попала въ руки посредниковъ-торговцевъ, которые одни обогащались, давая впередъ задатки крестьянамъ и скупая у нихъ по сравнительно-низкимъ цѣнамъ весь хлѣбный товаръ. Къ этому надо еще присоединить и то, что количество вывозимаго хлѣба вовсе не соображалось съ потребностями самого народа въ Россіи. Въ примѣръ безразсудства, господствовавшаго въ этомъ дѣлѣ, Щербатовъ приводитъ слѣдующій фактъ. «По именному указу, губернатору Архангельскаго порта Головцыну дозволено было выпускать до 200,000 четвертей хлѣба, но съ тѣмъ, чтобы онъ вошелъ предварительно въ сношеніе съ Казанскимъ губернаторомъ, и если только тотъ увѣдомитъ его, что въ его губерніи есть излишній хлѣбъ. Но этотъ указъ вовсе не исполнялся. Въ самый 1774 годъ, когда послѣ разоренія Казанской губерніи Пугачовымъ, народъ съ голоду умиралъ и поля были не засѣяны, выпущено было изъ сѣвернаго порта не только 200,000 четвертей, но и гораздо болѣе» (Моск. Вѣд. № 143).

Въ числѣ причинъ, парализировавшихъ успѣхи земледѣлія и вслѣдствіе того самое благосостояніе народа, Щербатовъ приводитъ нововведенные тогда откупа и также новое положеніе объ экономическихъ крестьянахъ, отобранныхъ отъ монастырей. Откупа увеличили сидку и гонку вина, на которое употреблялось тогда до 600,000 четвертей, и Щербатовъ предлагаетъ даже въ своемъ разсужденіи—уменьшить эту пропорцію на половину, разсчитывая, что оставшимся отъ того количествомъ хлѣба можетъ питаться до полумиліона народа въ теченіе 10 мѣсяцевъ. Относительно бывшихъ монастырскихъ крестьянъ Щербатовъ сообщаетъ слѣдующее. Когда ихъ приписали къ Коллегіи Экономіи, то оброкъ, положенный на нихъ,—по 3 рубля на душу,—былъ сравнительно очень высокъ, и вслѣдствіе того многіе крестьяне покинули поля и обратились къ другимъ, болѣе прибыльнымъ занятіямъ, такъ что большая часть земель вокругъ монастырей заустѣла. Между тѣмъ мѣстное начальство постоянно увѣряло правительство, что хозяйство въ этихъ вотчинахъ находится въ наилучшемъ положеніи. Черезъ 4 года, въ 1767 году, возникли какія-то темныя подозрѣнія, и Коллегіи Экономіи велѣно было собрать точныя вѣдомости, сколько въ предъидущіе годы посѣяно было хлѣба на бывшихъ монастырскихъ земляхъ. Отовсюду были донесенія самыя благопріятныя: оказалось, что въ послѣдніе годы посѣвъ даже увеличился противъ прежняго, благодаря стараніямъ новаго управленія. Для повѣрки этихъ свѣдѣній отправленъ

былъ Г. Н. Тепловъ и, разумѣется, нашель, что въ донесеніяхъ была самая наглая ложь. Результаты своей поѣздки представилъ онъ Коллегіи Экономіи и самой Екатеринѣ. Но дѣло оставлено безъ всякихъ послѣдствій, и «не только не было обращено никакого вниманія на земледѣліе, но и самые казначеи за ложныя свои донесенія не были подвергнуты никакому наказанію». «А слѣдствіе сему, прибавляетъ Щербатовъ,—и вышло такое, какового надлежало ожидать: ибо въ 1760 году рожь въ Московской губерніи въ Гжатской пристани была по 86 коп. четверть, въ 1763 г. поднялась до 95 коп., а потомъ, часть отъ часу подымалась цѣною, уже въ 1773 г. вошла въ 2 р. 19 к., а нынѣ уже и до семи рублевъ дошла, безъ надежды, чтобы и могла унизиться. Равно сему и во всѣхъ другихъ городахъ, какъ можно сіе усмотрѣть изъ вѣдомостей провіантской канцеляріи. По всѣмъ симъ вышеозначеннымъ обстоятельствамъ удивительно ли, что цѣна хлѣба часть отъ часу возвышалась, и при бывшихъ худыхъ урожаяхъ въ двухъ прошедшихъ 1785 и 1786 годахъ не токмо до чрезвычайности дошла, но даже и сыскать хлѣба на пропитаніе людей негдѣ, и люди ѣдятъ листь, сѣно и мохъ, и съ голоду умирають, а вызябшій весь ржаной хлѣбъ, въ нынѣшнюю съ 1786 на 1787 зиму, въ плодоноснѣйшихъ губерніяхъ не оставляетъ и надежды, чѣмъ бы обѣмнить къ будущему году землю, и ващимъ годомъ народъ угрожаетъ» (Моск. Вѣд., № 143).

Не надо впрочемъ думать, чтобы бѣдствіе было повсемѣстное: въ южныхъ краяхъ его не было, и въ это самое время, къ которому относятся слова Щербатова, зимою и весною 1787 г., Екатерина совершила знаменитое свое путешествіе въ Тавриду, своимъ великолѣпнѣмъ изумившее иностранныхъ пословъ, сопровождавшихъ императрицу. Въ этомъ путешествіи Георгій Конисскій сказалъ ей знаменитую свою рѣчь: «оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается; наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ.» Въ этомъ путешествіи приняла она поклоненіе императора Іосифа, которому внушала величайшее благоговѣніе къ себѣ своею мудростью и великолѣпнѣмъ. Объ этомъ путешествіи съ умиленіемъ рассказываетъ восторженный историкъ Екатерины. «Ея появленія, говоритъ онъ,—походили на радостныя, посмѣнныя торжества: толпы народа окружали карету, воины въ строю встрѣчали, дворяне, прочія сословія наперерывъ учреждали угощенія; вездѣ арки, лавровыя вѣнки,obelisks, освѣщенія; вездѣ пиршества, прославленія, милости, удовольствія... Принцъ Де-Линь пишетъ отсюда такъ: каждый день знаменовался раздачею брильянтовъ, балами, фейерверками и иллюминаціями верстъ на десять въ окружности. Сначала появились дѣса на горахъ въ огнѣ: потомъ

мелкіе кустарники свѣтились, по приближеніи же нашемъ все пылало! (См. Черты Екат. Вел., собр. Пав. Сумароковымъ, стр. 203, 221). Полгода продолжалось это путешествіе; только въ іюнь возвратилась императрица въ Москву.

Но здѣсь ожидало ее другое зрѣлище, которое, впрочемъ, постарались удалить отъ ея взоровъ. Вслѣдствіе голода, московскія улицы наполнились толпами нищихъ, больныхъ, голодныхъ, оборванныхъ. Мѣстное начальство, боясь навлечь на себя гнѣвъ императрицы, позаботилось предъ ея пріѣздомъ выслать ихъ всѣхъ изъ города, «дабы не обезпокоить ее видѣніемъ такого числа нищихъ» (Моск. Вѣд. № 172). Противъ этого распоряженія сильно возстаетъ Щербатовъ въ своемъ сочиненіи, и немудрено: онъ вообще въ разсужденіяхъ о народѣ выказываетъ много гуманности, и притомъ онъ близко видѣлъ всѣ дѣйствія голода. Вотъ, напримѣръ, какъ изображаетъ онъ бѣдствія голода 1787 года, во вступленіи къ сочиненію «О состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба.» Вступленіе это приведено г. Щепкинымъ въ № 154 Моск. Вѣдомостей.

«Московская, Калужская, Тульская, Рязанская, Бѣлгородская, Тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣваютъ непомятый голодъ. Ѣдятъ солому, мякину, ластыя, сѣно, лебеду, но и сего уже недостаетъ, ибо къ несчастью и лебеда не родилась и оной четверть по четыре рубля покупаютъ. Когда мнѣ изъ Алексинской моей деревни привезли хлѣбъ, испеченный изъ толченаго сѣна, два изъ мякины и три изъ лебеды, онъ въ ужасъ меня привелъ, ибо едва на четверть тутъ четвертка овсяной муки положена. Но какъ я нѣкоторымъ и сей показалъ, мнѣ сказали, что еще сей хорошъ, а есть гораздо хуже. А однако никакого распоряженія дальше, то есть до исхода февраля мѣсяца не сдѣлано о прокормленіи бѣднаго народа, — для прокормленія того народа, который сочиняетъ силу имперіи, котораго въ самое сіе время родственники и свойственники идутъ сражаться со врагами, которые въ степяхъ, въ холодѣ, въ нуждѣ и въ сырыхъ землянкахъ безъ ропота умираютъ, который даетъ доходы не токмо на нужды государственныхныя, но и на самый роскошь. Ниже для всего сего, а паче ради челоуколюбія, ниже малое количество курки вина уменьшено, и не токмо чтобы убавить какихъ съ нихъ податей, но и самые способы отнимаютъ, чтобы работою своєю, прибрѣтши себѣ деньги, хотя нѣсколько жизнь свою продлить... Отдаленный стонъ народный не бываетъ внушаемъ среди роскошей столичныхъ городовъ; но здѣсь и сей отговорки быть не можетъ. Толпы нищихъ наполняютъ перекрестки, жалобнымъ своимъ воплемъ останавливаютъ проѣзжающія кареты, содрогшіе отъ голода младенцы, среди холода и вьюги, единое чувствіе глада испытуютъ, безвинныя руки протягаютъ, исчисляють число времени ихъ пощенія и милостыни просятъ, которой еще и не получаютъ довольно; ибо частыя люди всѣхъ прокормить не могутъ и случайная милостыня не иметъ что»

может произвестн, какъ умножить число нищихъ, а правительство глухо, и слѣпо, и нечувствительно на сіе является. То если глаголювъ моихъ повѣрить потомство, что скажетъ оно о нашемъ вѣкѣ?»

Видно, что Щербатовъ былъ очень сильно взволнованъ зрѣлищемъ народнаго бѣдствія и въ своей горячности забылъ о томъ, что въ это время, какъ справедливо замѣчаетъ г. Щепкинъ, «правительство императрицы Екатерины, жадно слѣдя за побѣдоноснымъ шагомъ арміи, не имѣло времени вглядываться въ народныя нужды, прислушиваться къ воплю оголодавшей толпы, и тѣмъ менѣе заботиться о врачеваніи язвъ, нанесенныхъ голодомъ народному организму» (М. В. № 154).

Однакоже народное бѣдствіе должно было неминуемо отразиться и на теченіи правительственныхъ дѣлъ. Финансовый кризисъ, издавна подготовленный указанными выше обстоятельствами, теперь подошелъ очень близко. Народъ, находясь въ такомъ положеніи, не могъ, разумѣется, сполна отбывать всѣхъ своихъ податей и повинностей; а другой важный источникъ доходовъ — промышленность и заграничная торговля — въ то время еще былъ слишкомъ незначителенъ, да и тутъ не обходилось безъ большихъ злоупотребленій. Державинъ рассказываетъ, что въ 1794, по балансу, представленному отъ Коммерцъ-Коллегіи, вывозъ значился болѣе ввоза на 31 мильонъ, а курсъ былъ не выше 22 штиверовъ или 44 копѣекъ. Когда Державинъ изслѣдовалъ это странное явленіе, оказалось, «что при упадкѣ курса превосходный балансъ ничто иное есть, какъ плутовство иностранныхъ купцовъ съ сообществомъ нашихъ таможенныхъ служителей, и бываетъ именно оттого: выпускные наши товары объявляются настоящею цѣною, и закоенныя пошлины въ казну съ той цѣны берутся, а иностранные объявляются ниже 10 процентами, слѣдовательно болѣе десяти частей уменьшаютъ балансъ въ товарахъ и болѣе 10 процентовъ крадутъ пошлины» (Р. Б. IV, стр. 336).

Ясно, что при такомъ порядкѣ разстройство дѣлъ было неизбежно. Но зло еще увеличивалось тѣмъ, что никто ничего не зналъ и знать не хотѣлъ о томъ, что дѣлалось. «Россія, говоритъ по этому поводу Щербатовъ, не яко другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи передъ народомъ; но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержать. Что я говорю о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ токмо ихъ тотъ, кому они поручены. А посему правительство такой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ, самыя операціи его зависать отъ хотѣнія того; народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и въ неудовольствіи, иногда и пона-

прасну; желающіе научиться — способа не имѣютъ; размышленія остановлены, ошибки или злоупотребленія неисправляемы остаются, и ошибку ошибкою, и зло зломъ, яко бы для поправленія, умножаютъ» (М. В. № 154). Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства наконецъ до того запутались, что сама Екатерина не хотѣла ихъ выслушивать спокойно. Державинъ рассказываетъ, что послѣ открытой имъ штуки съ торговымъ балансомъ «вмѣсто оказательства какого либо ему благоволенія, хладнокровно о томъ замолчали. Послѣ вышла еще неприятность. Сказываютъ, что будто таковая правда была императрицѣ неприятною, что въ ея правленіи и при ея учрежденіи могла она случиться, или, лучше сказать, обнаружиться.» (Р. Б. IV, стр. 336). Впрочемъ само правительство, учреждая Ревизионъ-Коллегію, сознавалось, что «доселѣ счету никогда не бывало: а отъ того происходитъ, что и по сіе время нѣтъ совершенно извѣстія о приходѣ и расходѣ, и остаткахъ».

Для поправленія финансовыхъ затрудненій, въ 1768 г. учрежденъ Екатериною ассигнаціонный банкъ. Но, по словамъ Щербатова, «коренные пороки, случаи, незнаніе, желаніе выслужиться и неразсмотрѣніе, которые повсегда Россійскую Имперію отягощаютъ, и на сіе благое учрежденіе ядъ свой разлили». Именно, Щербатовъ находитъ, что во-первыхъ директору банка предоставлена слишкомъ большая власть, «каковая есть непристойна во всякомъ благоустроенномъ правленіи»; оттого всегда и возможны были случаи въ родѣ того, который Державинъ рассказываетъ о Завадовскомъ и Кельбергѣ. «Во-вторыхъ, говоритъ Щербатовъ, не посмотря на карту, ниже вошедъ въ обстоятельство тихости обращенія монеты въ Россійской имперіи, по причинѣ ея пространства и малой внутренней торговли, положили сумму въ банкъ едва половину въ сравненіи съ суммой надѣланныхъ ассигнацій, хотя чрезъ сіе выслужиться, что яко бы умножена монета» (М. В., № 154). Но половина была еще совершенно достаточна. Въ первые годы по выпускѣ ассигнацій, бумажный рубль ходилъ 98 и 99 копѣекъ, а съ 1774 г., когда изданъ былъ указъ, чтобы не обращалось въ имперіи болѣе 20 миліоновъ бумажныхъ денегъ, держался даже *à pari* съ серебрянымъ рублемъ. Но когда въ 1786 г. выпущено было еще на 100 миліоновъ ассигнацій, съ учрежденіемъ государственнаго заемнаго банка, бумажный рубль въ первый же годъ упалъ до 92 копѣекъ и затѣмъ быстро понижался. Вмѣстѣ съ тѣмъ падалъ и нашъ заграничный курсъ. Въ 1789 г. бумажный рубль ходилъ еще по 90 копѣекъ, а во вѣдшей торговлѣ, по свидѣтельству Щербатова, нашъ рубль серебряный стоилъ уже 36 штиверовъ, т. е. 72 копѣйки, «а прибавя къ тому еще 10 копѣекъ промѣну, учинить, что рубль-10 копѣекъ стоитъ 36

пштиверовъ», т. е. что на заграничныхъ товарахъ мы постоянно теряли 38%. А между тѣмъ выпускъ ассигнацій продолжался; въ послѣднія шесть лѣтъ царствованія Екатерины выпущено ихъ еще на 57 миллионовъ, и вслѣдствіе того бумажный рубль, стоившій въ 1790 году—89 коп., въ 1792 г. стоилъ уже 79, въ 1794—71, а въ 1795—68, между тѣмъ какъ серебряный рубль поднялся во внутреннемъ обращеніи до 146 коп. Въ 1788 г. уже почувствовался недостатокъ даже въ мѣдной монетѣ, «вдругъ начали деньги оскудѣвать въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, пошли мѣнять, тамъ учинили затрудненія, яко бы не довольно было счетчиковъ; не получившіе пошли безъ мѣдныхъ денегъ, другимъ рассказали, и кредитъ банка государственнаго и монарша слова (Екатерина дала «торжественное монаршее слово, что каждая ассигнація должна почитаться за наличныя деньги и вѣрно будетъ плачена») пропалъ». Затрудненія при размѣнѣ ассигнацій достигли до того, что банкъ прекратилъ уплаты и, «прибѣгнувъ даже къ самымъ насильственнымъ мѣрамъ, заперъ ворота и поставилъ къ нимъ караулъ, чтобы никого на дворъ не пускать». Вслѣдствіе этого размѣнъ денегъ стоилъ огромныхъ процентовъ: въ нѣкоторыхъ городахъ доходилъ до 15, даже до 20 копѣекъ на рубль. «То довольно видно каждому, заключаетъ Щербатовъ, коль есть сіе чувствительное разореніе, всему народу, когда принуждены двадцатую, десятую или и больше частей за промѣнъ такихъ денегъ терять, которыя монаршимъ словомъ утверждены быть равныя мѣдной монетѣ, которыя знаки, яко вексели отъ правительства ходятъ, и которые торжественнымъ монаршимъ словомъ предъ народомъ утверждены» (М. В. № 154).

Императоръ Павелъ, вступивши на престолъ, старался исправить дѣло изданіемъ строгаго банкротскаго устава и возвышеніемъ всѣхъ налоговъ, какъ—то: подушныхъ, гильдейскихъ повинностей, гербовыхъ пошлинъ, и пр. (см. Устрялова Учебникъ).

Таковы были результаты того направленія русской жизни, которое обличала сатира семидесятыхъ годовъ подъ именемъ мотовства, роскоши и пристрастія къ французскимъ модамъ. Вѣроятно, въ частной жизни многихъ лицъ, ея обличенія имѣли успѣхъ, потому что когда бѣдствія голода и всеобщей дороговизны стали чувствительны и среднему классу, когда рубль сталъ ходить 68 копѣекъ, то, конечно, многіе стали поневолѣ умѣрениѣе въ своихъ издержкахъ. Но въ общемъ ходѣ дѣлъ, въ развитіи богатства страны и общественнаго кредита—что произвели всѣ эти выходки противъ частной расточительности и противъ ростовщиковъ, берушихъ неуказные проценты?

Говорить ли намъ еще объ одной сторонѣ екатерининской сатиры—о борьбѣ ея со взяточничествомъ и крючкотворствомъ? Это былъ конекъ ея, тутъ она показывала себя смѣлѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, и оказывалась рѣшительно достойною послѣдовательницею манифеста Екатерины о лихоимствѣ, который мы приводили выше. Но мы боимся распространяться объ этомъ предметѣ: онъ такъ уже надоелъ всѣмъ читателямъ со времени «Губернскихъ Очерковъ». Желающіе насладиться чтеніемъ выходовъ нашихъ сатириковъ противъ взятокъ—не только мелкихъ чиновниковъ, но и воеводъ, могутъ обратиться къ книжкѣ г. Аѳанасьева, который посвятилъ специальному восхищенію этимъ предметомъ цѣлыхъ 27 страницъ (220 — 246). Мы же замѣтимъ здѣсь только о томъ, что и въ вопросѣ бюрократическомъ сатира не нападала на общее устройство администраціи, хотя она дѣйствовала уже наканунѣ новаго «учрежденія о губерніяхъ», которымъ откровенно и рѣшительно признана была совершенная негодность прежняго воеводскаго управленія (1775 г. ноября 1). Сатира была въ восторгѣ отъ учрежденія прокуроровъ и надѣялась отъ нихъ великаго блага для земли русской, да и вообще находила, что «теперь ужь десятой доли нѣтъ, противъ прежняго, выгодъ для подъячихъ, хотя еще можно и теперь нажать на службѣ деревеньку (Трут. 1760 г. стр. 12). Можно вообразить, въ какой восторгъ пришла бы сатира, если бы ея процвѣтаніе продолжалось до «учрежденія о губерніяхъ!» Вѣроятно, счастливѣе русской администраціи она бы ужь ничего не нашла въ цѣломъ мірѣ, и конечно стала бы еще яростнѣе обличать тѣхъ, кто приличился бы въ какихъ нибудь грѣшкахъ даже и послѣ этого учрежденія. Но вотъ сужденіе о немъ г-р. А. Р. Воронцова, о которомъ мы уже говорили выше (Чт. М. О. И. 1859 г. кн. I, стр. 95 — 96).

«Въ царствованіе императрицы Екатерины второй, начавшаяся уже еще при Елисаветѣ первой роскошь и всѣ слѣдствія оной, далѣе и далѣе простираясь, возрастала; узаконенія Петра перваго болѣе и болѣе въ ослабленіе приходили, такъ что въ средѣ своего царствованія, послѣ разныхъ неудачныхъ опытовъ (какъ то: собраніе депутатовъ для сочиненія новыхъ узаконеній), вмѣсто того, чтобъ поправить то, что изъ узаконеній Петра Великаго въ ослабленіе пришло, рѣшилась она внутреннему управленію дать нѣкоторымъ образомъ новую форму, надавъ учрежденіе для управленія губерній. Нельзя не признать, чтобъ оно не шло (хотя нѣсколько и излишнихъ судовъ надѣлано было) на внутреннія російскія губерніи, гдѣ многаго не доставало; но едва ли была нужда распространять оное на присоединенныя и завоеванныя нами провинціи, кои имѣли у себя болѣе устройства, нежели внутри Россіи, или на Азіатскія, коимъ, по пространству земель ихъ и по образу жизни и нравовъ тамошнихъ жителей, таковое управленіе несвойствен-

но и неудобно. Но сіе учрежденіе о губерніяхъ, хотя и не безъ пользы было, стало уже весьма ослабѣвать въ послѣдніе годы самой учредительницы онаго. Пепомѣрная роскошь, послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденія участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ, довели до того, что и самое учрежденіе о губерніяхъ считалось почти въ тягость, да и люди едва ль уже не желали въ 1796 году скорой перемѣны, которая, по естественной кончинѣ сей государыни, и воспослѣдовала.»

Вообще, несмотря на усилія сатиры, даже спеціальнѣйшій ея вопросъ о чиновничьихъ злоупотребленіяхъ какъ-то плохо подвигался къ разрѣшенію. Безсиліе свое въ этомъ дѣлѣ сознавала впрочемъ и сама сатира. Въ «Живописцѣ» помѣщено письмо къ нему отъ нѣкотораго помѣщика, бывшаго чиновника, Ермолая, изъ сельца Краденова. Въ письмѣ этомъ взяточникъ издѣвается надъ безсиліемъ сатириковъ, и дѣлаетъ замѣтки очень основательныя. Безъ сомнѣнія, письмо это писано въ редакціи журнала, и въ немъ выразилась, вмѣстѣ съ долею нѣкотораго самодовольства, и досада писателя на свое положеніе въ дѣлѣ обличеній. Вотъ какъ рассуждаетъ отрѣщенный отъ дѣлъ (нельзя же иначе!) взяточникъ (Жив. I, стр. 106).

«Ты, забывъ законы духовные, воинскіе и гражданскіе, осмѣлился назвать меня яко бы воромъ. Чѣмъ ты это докажешь? Я хотя и отрѣшенъ отъ дѣлъ, однакожь не за воровство, а за взятки; а взятки не что иное какъ акциденція. Воръ тотъ, который грабитъ на проѣзжей дорогѣ, а я биралъ взятки у себя въ домѣ, а дѣла вершилъ въ судебномъ мѣстѣ: кто себѣ добра не захочетъ? А къ тому же я никого до смерти не убилъ: правда, согрѣшилъ передъ Государемъ: многихъ пустилъ по міру; да это дѣло постороннее, и тебѣ до него нужды нѣтъ. Какъ передъ Богомъ не согрѣшить? Какъ Царя не обмануть, какъ у него не украсть? Грѣшно украсть изъ кармана у своего брата, а это дѣло особое: у кого же и украсть какъ не у Царя; благодаря Бога, домъ у него какъ полная чаша, то хотя и украдешь, такъ не убудетъ. Глупый человѣкъ! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищеніемъ казеннаго интереса. А похищеніе и воровство не одно: первое—не что иное, какъ только утайка; а другое—преступленіе противъ законовъ, и достойно кнута и висѣлицы. Правда, бывали и такіе примѣры, что и за утайку сѣкали кнутомъ: блаженной памяти при ***** это случалось; но нынѣ, благодаря Бога, люди стали разсудительнѣе, и за рывченную утайку кнутомъ съкутъ только тѣхъ, которые малое число утаиваютъ; да это и дѣльно: не заводи дѣла изъ бездѣлицы. Видишь ли ты, глупый человѣкъ, что ты умничаешь по пустому. Кто тебя послушается? Я помню, какъ одинъ господинъ въ бытность мою у него, рассуждалъ о тебѣ такъ: онъ де дѣлаетъ безчестіе всѣмъ дворянамъ, пиша эдакія письма; что де подумаютъ иностранные объ насъ, когда увидятъ, что у насъ есть дураки, плуты... Понимаешь ли ты, что

Т. LXXVII. Отд. III. 23

и вѣрить этому не хотѣть, что есть безсовѣстные судьи, безчеловѣчные помѣщики, безравсудные отцы, безчестные сосѣди и грабители управители. *Что жь ты изъ пустова въ порожнее пересыпаешь? Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную жены моей собачку, которая брешетъ на всѣхъ, и никого не кусаетъ; а это называется брехать на вѣтеръ. По нашему, коли брехнуть, такъ ужь и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть друія собаки, а постельнымъ хотя и дана воля брехать на всѣхъ, только никто изъ не боится. Такъ-то и ты пишешь все пустое: кто тебя послушается, или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ, опредѣляющихъ казнь за преступленіе?»*

Разсужденія отрѣшеннаго взяточника имѣютъ значительную долю справедливости. Для подтвержденія этого, вспомнимъ, какъ въ теченіе двухъ столѣтій у насъ преслѣдовалось зло взятокъ, какъ противъ нихъ возставали люди государственные въ докладныхъ запискахъ и проэктахъ, какъ онѣ запрещались указами, какъ ихъ обличала литература. Ради курьоза приведемъ, пожалуй, рядъ свидѣтельствъ о взяткахъ, изъ разныхъ періодовъ русской литературы и общественнаго развитія.

1666 годъ. Кошихинъ, стр. 93. «А кто будетъ судья возьметъ посуль и дѣло учнетъ писать по посуломъ и про то сыщется, и о такихъ судьяхъ о наказаніи подлинно писано въ уложенной книгѣ. Однако жь хотя на такое дѣло положено наказаніе, и чинять о тѣхъ посулахъ крестное цалованіе съ жестокииъ проклинательствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду, по царскому указу и по уложенію: ни во что ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допускають, хотя не сами собою, однако по задней глѣсницѣ чрезъ жену, или дочь, или чрезъ сына и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ. Однако чрезъ такую ихъ прелесть приводитъ душа ихъ, злоиманіемъ въ пучину огня негасимаго, и не токмо вреждають своими душами, но и царскою, взявъ посулы облыгають другихъ людей злыми словами, и не стыдятся того дѣлати потому: кто можетъ всегда приходити къ царю и видѣти часто отъ простыхъ людей? но и сами они судіи выдають времянемъ, и рѣдко когда прилучать говорить съ нимъ о дѣлѣхъ.»

1729 годъ. Кантемиръ, сатира 1. (стр. 11, изд. 1762 г.)

Хочешь ли судьейю стать, — вздѣнь парикъ съ узлами,

Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,

Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираеть,

Спи на стулѣ, когда дякъ выписку читаетъ.

Если жь кто вспомнить тебѣ гражданскіи уставы,

Иль естественный законъ, иль народныи правы,—

Плюнь ему въ рожу, скажи, что вретъ околесну,
Палагая на судей ту тягость несносна.

1762 годъ. *Манифестъ императрицы Екатерины о лихоимствѣ*
(см. выше, стр. 290).

1769 годъ, «Трутенъ», стр. 14. «У насъ въ приказныхъ дѣлахъ
какія науки? Кто правъ, такъ и безъ наукъ правъ, лишь бы только
была у него догадка, какъ приняться за дѣло; а судейская наука вся
въ томъ и состоитъ, чтобы умѣть искусенненько пригибать указы по
своему желанію,—въ чемъ и секретари намъ много помогаютъ».

«*Всякая Всячина*, стр. 308. «Коліко трудно найти средство къ
поправленію сихъ людей! Вспомните всеобщій крикъ о взяткахъ,
когда подъячіе не получали жалованья, но велѣно имъ было кор-
миться съ дѣлъ; и не въ нашемъ ли вѣкѣ сіе все было? Нынѣ же
имъ дано жалованье,—и жалоба происходитъ, что лѣнятся для того,
что кормъ имѣютъ.... Иной скажетъ: зачѣмъ лихоимцу давать? От-
вѣчаю: безъ того дѣла продолжаютъ и пакостять, а чрезъ волокиту
и неправое рѣшеніе челобитчики въ конецъ разоряются, — да не
только спорными дѣлами, но и неспорными, и подлежащими меже-
ванію».

1796 годъ, *Каннистъ. Посвященіе «Ябеды»*.

Монархъ! Пріавъ вѣнецъ, ты правду на престолѣ
Съ собою воцарилъ....

Я вистью Талин порокъ изобразилъ;

Мзловства, ябеды, всю гнусность обнажилъ,

И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.

Не мстителна отъ нихъ страшуся я навѣта: —

Подъ Павловымъ щитомъ почию невредимъ;

Но бывъ по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ твоимъ,

Сей слабый трудъ тебѣ я посвятить дерзаю,

Да именемъ твоимъ успѣхъ его вѣнчаю.

1801 годъ. *Указъ императора Александра I, правительствующему
сенату, отъ 18 ноября (П. С. З. № 20,516)*. «Изъ входящихъ къ
намъ безпрестанно слуховъ, съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ заклю-
чаемъ, что пагубное лихоимство или взятки въ имперіи нашей не
только существуютъ, но и распространяются между тѣми самыми, ко-
торые бы гнушаться ими и всемѣрно пресѣкать ихъ должны. Пра-
вительствующій сенатъ вѣдаетъ, какіе можетъ зло сіе производить
безпорядки во всѣхъ частяхъ правленія», и проч....

1821 годъ. *Адмиралъ Мордвиновъ, въ «Мнѣніи о росписи государ-
ственныхъ доходовъ и расходовъ на 1821 годъ» (Чт. М. О. И. 1859 г.
Кн. I, стр. 3)*. «Жалуются на повсемѣстное въ судахъ лихоимство;

но можно ли почитать его (страннымъ?) тамъ, гдѣ существуетъ житейскій недостатокъ, и можетъ ли преступленіе быть въ томъ, что естественнымъ правомъ оправдано быть должно и чего гражданскіе законы воспретить не въ состояніи? Ибо и служителямъ правосудія, равно какъ всякому другому человѣку, пристанище, пища и одежда необходимо потребны, а получаемые ими отъ казны оклады жалованья недостаточны къ доставленію оныхъ; слѣдственно, что невозможно, того и ожидать не должно. Доколѣ правосудіе въ Россіи не будетъ достаточно вознаграждено удовлетвореніемъ всѣхъ необходимыхъ нуждъ исполнителей онаго, то правда не возсядетъ на судъ; ибо правду не можно водворить тамъ, гдѣ скудость обитаетъ. Она несовмѣстна съ нищетою, коея первое дѣйствіе—охлажденіе сердца и ослабленіе умственныхъ способностей.»

Продолжать ли дальше? Да чего продолжать? Стоить только сказать: въ 1835 г. явился «Ревизоръ», въ 1856—«Губернскіе Очерки» съ безчисленною свитою...

Вотъ результаты вѣковыхъ усилій сатиры по вопросу о взяткахъ!...

Представимъ теперь, въ заключеніе нашей статьи, общій итогъ всего, что дѣлала сатира въ вѣкъ Екатерины, и какъ ея дѣло отражалось въ жизни русскаго общества.

Она кричала о свободѣ слова и мысли, по поводу уничтоженія тайной канцеляріи въ 1762 г. и затѣмъ открытія вольныхъ типографій въ 1782 г. Къ концу царствованія Екатерины тайная канцелярія возстановлена подъ именемъ «тайной экспедиціи»; въ 1796 г. вольныя типографіи уничтожены.

Она сказала свое слово противъ пытокъ и вообще старалась о распространеніи гуманныхъ идей и о смягченіи нравовъ. При возшествіи на престолъ императора Александра — не только существовала еще пытка, формально уничтоженная потомъ его указомъ отъ 27 сент. 1801 г. (П. С. З. № 20,022), но по городамъ, при публичныхъ мѣстахъ, стояли висѣлицы, «вновь поставленныя въ 1799—1800 годахъ, для прибитія къ нимъ именъ разныхъ чиновниковъ»; висѣлицы эти уничтожены также въ 1801 году, по указу 8 апрѣля (П. С. З. № 19,824.)

Сатира обличала дурныхъ помѣщиковъ и старалась защищать человѣческія права крестьянъ. Съ 1762 г. идетъ рядъ указовъ о повинненіи крестьянъ помѣщикамъ. Въ 1783 году утверждается крѣпостное право въ Малороссіи. До воцаренія императора Александра сотни тысячъ крестьянъ раздаются во владѣніе частныхъ лицъ. Въ 1857 году поднимается вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

Сатира въ семидесятыхъ годахъ нападала на суетѣріе, невѣжество и дурное воспитаніе, на гувернеровъ-французовъ, на отсутствіе истинныхъ началъ образованія. Въ 1784 г., по освидѣтельствованію частныхъ пансіоновъ въ Петербургѣ, оказалось, что во всѣхъ ихъ 72 учителя, изъ которыхъ только 20 русскихъ, и изъ всего числа половина — учителя танцевъ и рисованія (Янк. ди Миріево, Воронова). Послѣ 1786 года не открывались, несмотря на указъ, народные училища, потому что негдѣ было взять учителей и средствъ для учебныхъ пособій и содержанія училища. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія нашлось много дворянъ-кандидатовъ въ офицеры, не умѣющихъ грамотѣ.... Противъ слѣпаго поклоненія французамъ ратовалъ еще Грибоѣдовъ, уже гораздо послѣ того, какъ мы брали Парижъ.

Сатира писала обличенія противъ роскоши и мотовства. Въ 1768 г. учрежденъ ассигнаціонный банкъ, въ 1786 г. выпущено вдругъ на 100 миліоновъ ассигнацій. Потемкинъ и другіе вельможи забирали изъ казны деньги цѣлыми миліонами, и сотнями тысячъ бросали на танцовщицъ и на брильянты. Во внѣшней торговлѣ, и безъ того слабой, господствовали безпорядки; звонкая монета исчезла. Бумажный рубль стоилъ 68 копѣекъ, заграничный курсъ дошелъ до 44.

Сатирическіе журналы иногда поражали тѣхъ, кто не заботился объ общемъ благѣ, кто разоряетъ народъ. Въ это самое время вводились откупа, народъ истощался рекрутскими наборами, бросалъ свои земли, не въ состояніи будучи платить за нихъ слишкомъ высокія подати, страдалъ отъ неурожая и дороговизны, бродилъ безъ работы, помиралъ съ голоду цѣлыми тысячами.

Сатира очень зло возставала противъ лихоимства и неправосудія. Въ концѣ прошлаго столѣтія пороки эти, если не усилились, то стояли на той же степени процвѣтанія, какъ и предъ началомъ царствованія Екатерины....

Пусть историки литературы восхищаются бойкостью, остроуміемъ и благородствомъ сатирическихъ журналовъ и вообще сатиры Екатерининскаго времени; но пусть же не осгавляютъ они безъ вниманія и жизненныхъ явленій, указанныхъ нами. Пусть они скажутъ намъ, отчего этотъ разладъ, отчего у насъ это безсиліе, эта бесплодность литературы? Неужели они не найдутъ другаго, болѣе обстоятельнаго и практическаго объясненія, кромѣ пошлой сентенціи, приводимой г. Аванасьевымъ, — что «предразсудки живучи?»

Нѣтъ, лучше, кажется, для объясненія этой печальной бесплодности, припомнить письмо къ «Живописцу,» приведенное нами нѣсколько выше.... Или, еще лучше — обратить вниманіе на слова

указа императора Александра объ уничтоженіи тайной экспедиціи, объясняющія вредъ личнаго произвола и необходимость гласности и законности, общей для всѣхъ. Мы упраздняемъ тайную экспедицію, говоритъ указъ, потому, что «хотя она дѣйствовала со всевозможнымъ умѣреніемъ, и правилася личною мудростью и собственнымъ государыни всѣхъ дѣлъ разсмотрѣніемъ, но въ послѣдствіи времени открылось, что личныя правила, по самому существу своему перемѣнныя подлежащія, не могли положить надежнаго оплота злоупотребленіямъ, и потребна была сила закона, чтобы присвоить положеніямъ симъ надлежащую непоколебимость,» и притомъ вообще въ «благоустроенномъ государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказываемы общою силою закона» (П. С. З. № 19,813).

Ссылкою на эти слова мы и заключимъ нашу статью, пожалѣвши еще разъ, что сатира Екатерининскаго вѣка не находила возможности развивать свои обличенія прямо изъ этихъ простыхъ положеній — о вредѣ личнаго произвола и о необходимости для блага общества «общей силы закона,» которою бы всякій равно могъ пользоваться.

НОВЫЯ КНИГИ.

Пермскій сборникъ. Повременное изданіе. Книжка I. Москва. 1859.

Вся литературная дѣятельность сосредоточивается у насъ почти исключительно въ двухъ столицахъ, и мы смотримъ на это, какъ на вещь совершенно нормальную, полагая, что этому такъ и быть должно, что это все въ порядкѣ вещей. Между тѣмъ ничего не можетъ быть страннѣе такого явленія, особенно если мы припомнимъ отвсюду поднимающіеся клики о томъ, какъ въ настоящее время во всѣхъ концахъ Россіи пробудилась любовь къ просвѣщенію и началась усиленная дѣятельность мысли... Что въ столицахъ литература должна развиваться сильнѣе, нежели во второстепенныхъ городахъ, — это совершенно естественно. Во всей Западной Европѣ мы видимъ то же самое явленіе. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ, лишенныхъ всякой централизаціи, журнальная и вообще книжная дѣятельность развивается преимущественно въ большихъ городахъ, важныхъ въ административномъ или промышленномъ отношеніи. Но все-таки, — не говоря о Штатахъ, гдѣ въ каждомъ городишкѣ есть журналъ, — въ Англіи, на примѣръ, изъ всего количества журналовъ и газетъ, въ Лондонѣ издается едва четвертая часть, во Франціи каждый департаментъ имѣетъ свою газету, и пр. А у насъ, — исключите Петербургъ и Москву, — что остается! «Одесскій Вѣстникъ» съ «Южнымъ Сборникомъ», да «Ученыя Записки Казанскаго Университета» съ «Православнымъ Собесѣдникомъ», — вотъ вамъ и все. А затѣмъ

пойдутъ уже сухія губернскія вѣдомости, — до того сухія, что иногда въ нихъ цѣлый годъ ничего не помѣщается, кромѣ перешечатки объявленной вновь выходящихъ книжекъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ. Подумаешь, право, что въ Россіи вездѣ, кромѣ столицъ, люди спятъ-себѣ и рта открытъ не умѣютъ, двухъ мыслей не свяжутъ, особенно на бумагѣ. А между тѣмъ это вовсе неправда: въ провинціяхъ-то и живутъ люди разсуждающіе, серьезно интересующіеся наукой и литературой, съ любовью слѣдящіе за современнымъ направлениемъ мысли. Въ провинціи-то обыкновенно и развиваются дѣльные, крѣпкіе люди, оттуда-то и набѣзжаютъ они въ столицы, «съ жаждой званій и труда», съ свѣжими силами и съ любовью къ дѣлу. Отчего же они не работаютъ въ провинціяхъ? Отчего, если дѣльный человекъ заведется гдѣнибудь въ Пензѣ, въ Устьсысольскѣ или въ Стерлитамакѣ, онъ непременно тянется въ Петербургъ, или ужъ по крайней мѣрѣ въ Москву?

Кто бывалъ въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, для того вѣроятно нетруденъ будетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Ясное дѣло, отчего мужикъ свой хлѣбъ на базаръ везетъ, часто за нѣсколько десятковъ верстъ: въ своей деревнѣ у него сбыту нѣтъ. То же самое и съ литературной дѣятельностью. Люди въ провинціяхъ учатся, занимаются, работаютъ; но результатъ ихъ работы не можетъ продаваться внѣ столицъ. Наши провинціи, не говоря объ административномъ и другихъ житейскихъ отношеніяхъ, даже и въ интересахъ умственныхъ вовсе не живутъ своей отдѣльною, самостоятельной жизнью: къ нимъ приходитъ изъ Петербурга свѣтъ, либо изъ Москвы. Сюда все централизовано: здѣсь и академія наукъ и художествъ, здѣсь и университеты, и публичная бібліотека, и ученые общества, и редакціи всѣхъ журналовъ и газетъ, и свѣжія иностранныя новости. Провинція отсюда получаетъ просвѣщеніе, сюда обращаетъ она свое любопытство; отсюда узнаетъ она даже о самой себѣ. Положимъ, на примѣръ, что вы живете гдѣнибудь въ Макарьевѣ. Въ вашемъ уѣздѣ случилось въ іюнѣ нынѣшняго года замѣчательное происшествіе: объявился уродъ. Но вы ничего этого не знаете, потому что слава объ этомъ явленіи ограничилась довольно тѣснымъ пространствомъ и до васъ не достигла. Но вотъ проходятъ іюль, августъ, сентябрь; въ октябрѣ вы получаете восьмую книжку «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» и читаете, — подъ рубрикою: «Уродливья рожденія», на стр. 48, — что Нижегородской губерніи, Макарьевскаго уѣзда, въ деревнѣ Кременкахъ, солдатка Палагея Иванова, 13 іюня, принесла къ становой четырехмѣсячнаго, незаконно прижитаго ею урода; становой донесъ объ этомъ, куда слѣдуетъ, дѣло пошло по начальству и, благодаря благодѣтельной

гласности, отпечатано въ петербургскомъ журналѣ. Если бы существовалъ до сихъ поръ «Русскій Дневникъ», то и онъ не безъ удовольствія перепечаталъ бы это извѣстiе, и такимъ образомъ изъ Петербурга,—а ужь никакъ не изъ Макарьева, — разошлось бы на всю Россiю свѣдѣнiе объ уродливомъ рожденiи. Такъ и во всемъ. О дѣйствiяхъ собственныхъ вашихъ губернскихъ комитетовъ, — т. е. объ ихъ открытiи, обѣдахъ, рѣчахъ, и т. п., —откуда вы получали свѣдѣнiя? Конечно, болѣе всего изъ «Московскихъ Вѣдомостей»... Знаменитая полемика 18 калужскихъ дворянъ, по поводу женской гимназiи въ Калугѣ, гдѣ производилась? Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Сѣверной Пчелѣ»! А гдѣ печатались интересныя свѣдѣнiя о таганрогской мостовой, о николаевскомъ и таурогенскомъ благородныхъ собранiяхъ, о нравахъ новгородскаго общества, и пр. и пр.? Все въ столичныхъ газетахъ. Почему? Потому, во первыхъ, что напечатанное въ «Калужскихъ» или «Новгородскихъ Вѣдомостяхъ» не пойдетъ далѣе Калуги или Новгорода, а изъ Петербурга или Москвы свѣдѣнiе разойдется по всей необъятной Россiи; потому, во вторыхъ, что многія вещи, какъ будто ужь по самой натурѣ своей, должны непременно сначала побывать въ Петербургѣ, а ужь потомъ огласиться во всеобщее свѣдѣнiе. Но самое главное—въ третьихъ... Это «въ третьихъ» довольно трудно объяснить въ короткихъ словахъ, и потому мы нѣсколько распространимся.

Видите ли, въ чемъ дѣло. Большая часть свѣдѣнiй, которыя должны бы появляться не въ столицахъ, а прямо въ провинцiяхъ, касается мѣстныхъ интересовъ края. Но въ мѣстныхъ интересахъ непременно замѣшаны какiя нибудь личности; личности эти въ томъ краю всѣмъ извѣстны.... Вы можете ихъ не называть; но ужь по одному тому, что статья, рассказывающая объ извѣстномъ происшествiи, явилась въ газетѣ такого-то города, тотчасъ всѣ тамъ догадуются, о чемъ идетъ рѣчь, и даже доберутся, кто писалъ статью, подъ какими бы псевдонимами и анонимами вы ни укрывались... Въдъ г. Н. О. напечаталъ, какъ его за статейку о нравахъ мѣстнаго общества, призывали и распекали по начальству! Въдъ г. Б—ниъ публиковалъ о томъ, какъ онъ, противъ всѣхъ правъ, былъ исключенъ изъ членовъ губернскаго клуба за то, что былъ прiятелемъ съ г. В. Е—нымъ, написавшимъ повѣсть, неоправившуюся мѣстнымъ аристократамъ. Попробуйте же возитесь съ такими людьми и печатать у нихъ что нибудь подъ носомъ! Какъ ни бейтесь, ничего вы съ ними не подѣласте. А въдъ къ числу такихъ людей нерѣдко могутъ принадлежать и тѣ, отъ кого зависитъ напечатанiе статьи въ губернской газетѣ, или хотя бы и отдѣльно, но въ мѣстной типографiи. Конечно, можно получить разрѣшенiе изъ Пе-

тербурга, пославши туда рукопись; но въ такомъ случаѣ гораздо короче — прямо въ Петербургъ же ее и напечатать. Тамъ никто мѣстными дразгами оскорбляться не станетъ, а иной и хотѣлъ бы оскорбиться, да не знаетъ, чѣмъ и какъ, потому что дѣло и лица ему неизвѣстны; слѣдовательно, статья можетъ появиться довольно безопасно. А иногда еще бываетъ и такъ: послѣ напечатанія статьи въ столичной газетѣ или журналѣ, вдругъ какойнибудь господинъ (иногда вовсе и не тотъ, кого нужно) выскочитъ да и вскинется: «это вы на меня написали; какъ же вы это осмѣлились? Я на васъ, милостивый государь, жаловаться буду.» Да, не ограничившись словами, въ азартѣ напишетъ это, да подъ такою-то грамоткой и собственную фамилію, чинъ и мѣсто жительства подмахнетъ.... Ну, разумѣется, дѣло-то и объяснится. И ужъ тутъ автору ничего; потому — общественное мнѣніе всегда за него бываетъ очень сильно въ этихъ случаяхъ. Развѣ изъ службы иной разъ вытѣснятъ, ежели онъ служащій; такъ и то ничего: можетъ въ столицу переѣхать или въ другую губернію, и тамъ еще лучше мѣсто получить, ибо ужъ по всей Россіи дѣлается извѣстно, что онъ «страдалъ по службѣ за правду».

Такимъ образомъ, главная выгода печатанія въ Петербургѣ или Москвѣ состоитъ въ относительно-большемъ просторѣ для провинціального автора. Столица проводитъ надъ провинціею свой уровень, подъ который не подходятъ развѣ какихънибудь пять-шесть лицъ, по своему положенію ужъ очень извѣстныхъ... Да столицѣ иначе и невозможно: ей безъ провинцій нечего было бы и дѣлать, безъ нихъ она бы не могла почувствовать даже и запаха благодѣтельной гласности. Какъ безъ подвоза хлѣба изъ провинцій Петербургъ умеръ бы съ голоду, такъ безъ подвоза матеріаловъ изъ губерній литература зачахла бы. Сообразите только, что, несмотря на внѣшній лоскъ цивилизаціи, щепетильность немалая существуетъ и въ столичномъ обществѣ; слѣдовательно, въ отношеніи къ своимъ собственнымъ обитателямъ Петербургъ стоитъ здѣсь почти въ такомъ же отношеніи, какъ любой уѣздный городъ — къ своимъ. А отсюда уже совершенно ясно, что столичной литературѣ необходима провинція. Въ самомъ дѣлѣ, припомните содержаніе большей части нашихъ повѣстей, романовъ, очерковъ, комедій, даже стихотвореній въ новѣйшемъ вкусѣ: все провинція!... «Ревизоръ» и «Мертвыя Души» происходятъ гдѣ-то въ отдаленнѣйшихъ концахъ Россіи.... Изъ губернскихъ очерковъ, провинціальныхъ воспоминаній, уѣздныхъ сценъ и т. п. можно бы теперь ужъ сочинить новую русскую географію, и изъ всѣхъ этихъ Крутогорсковъ, Бѣловодсковъ, Краснорѣцковъ и пр. составилось бы, пожалуй, болѣе

городовъ, чѣмъ сколько ихъ есть во всей Россійской имперіи. А столица еще не тронута: о ней только въ корреспонденціи Nord'a пишутъ иногда, да и то большею частію невпопадъ.

Не знаемъ, достаточно ли ясно изложили мы наше «въ третьихъ». Но если вышла неясность, то въ этомъ надо винить какой-то особенный случай: когда мы писали, это у насъ было очень ясно; а послѣ того, какъ написали — какъ-то ужъ не такъ ясно сдѣлалось...

Однако же дѣло все-таки въ томъ, что отсутствіе книжной дѣятельности въ провинціяхъ сильно свидѣтельствуетъ противъ возгласовъ о разлитіи потока просвѣщенія по всѣмъ краямъ нашего великаго отечества. Образованному и дѣятельному человѣку у насъ нечего дѣлать въ провинціи, ежели онъ не служитъ тамъ гдѣ нибудь. Примется онъ писать, издавать что нибудь, имѣющее мѣстный интересъ? У него не будетъ достаточнаго количества читателей: извѣстно, что даже наиболѣе распространенные изъ журналовъ, имѣющихъ обще-россійскій интересъ, получаютъ въ нѣкоторыхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ по 20 — 30 экземпляровъ на цѣлую губернію. Куда же тутъ предпринимать изданіе съ мѣстнымъ интересомъ! Школу можетъ завести человѣкъ? Во-первыхъ, съ этимъ нужно выдержать очень много предварительной возни, а потомъ—это значитъ жертвовать свой капиталъ и трудъ на пользу общую, не надѣясь вознагражденія. А еще не у всякаго и есть нужный для этого капиталъ.... Публичныя лекціи, что ли, можетъ еще затѣять человѣкъ въ провинціи? Или акціонерное общество составить? Или общественныя дѣла повернуть на другую дорогу? Объ этомъ смѣшно и думать. А между тѣмъ дѣятельности хочется, праздность и пустота жизни томить и тревожить, по крайней мѣрѣ смолоду... Вотъ человѣкъ и тянется въ Петербургъ или въ Москву. Онъ же знаетъ, что и тамъ не будетъ лишнимъ, и тамъ людей мало, такъ что онъ еще будетъ замѣченъ, выйдетъ пожалуй впередъ. Если онъ прочиталъ двѣ книжки по-латыни или по-славянски, то онъ уже не безъ нѣкотораго основанія думаетъ быть профессоромъ въ университетѣ; если онъ читалъ усердно хоть «Экономическій Указатель» г. Вернадскаго, онъ уже метитъ попасть въ какую нибудь специальную комиссію по финансовой части; ежели изучилъ статьи «Русскаго Вѣстника» объ адвокатурѣ и гласности судопроизводства, то считаетъ себя вправѣ занять довольно значительный постъ въ государствѣ, то есть въ столицѣ... И нельзя считать его претензій очень нелѣпыми: онѣ имѣютъ свою долю оправданія въ томъ, что вѣдь бываютъ люди, которые и того не знаютъ, что въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Экономическомъ Указателѣ» пишется, и между тѣмъ занимаютъ видныя и вліятельныя должности. Повсюду недостатокъ людей, и

этотъ недостатокъ, разумѣется, какъ и все прочее, централизуется въ столицахъ. Оттого естественно все сюда и должно тянуться; оттого провинція долго еще будетъ пробавляться въ умственномъ, какъ и въ административномъ отношеніи, тѣмъ, что присылается изъ столицъ, хотя это присылаемое вырабатывается собственно въ провинціяхъ же.

«Пермскій Сборникъ», по поводу котораго мы распространились о провинціальной литературной дѣятельности, можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ того, какъ много можетъ у насъ въ провинціи оказаться дѣльных и образованныхъ людей, если только представится имъ случай и удобство обнаружить свою дѣятельность. Въ первой книжкѣ «Пермскаго Сборника» 16 статей, большею частью историческаго и этнографическаго содержанія. Изъ нихъ двѣ статьи принадлежатъ лицамъ столичнымъ и извѣстнымъ въ нашей литературѣ: одна—«Замѣтка о пермскихъ древностяхъ» — г. Ешевскому, другая — «Воспоминаніе о докторѣ Графѣ» — г-ну Киттары. Остальныя 14 статей написаны девятью мѣстными авторами, совершенно неизвѣстными въ нашей литературѣ. Между тѣмъ, въ большей части этихъ статей выказывается такое обиліе знаній, серьезность взгляда и мастерство изложенія, какія не всегда встрѣчаются въ столичныхъ журналахъ. Самое предисловіе, объясняющее взглядъ издателя на свое предпріятіе, рѣзко отличается благородствомъ своего тона отъ кудреватыхъ и лихихъ предисловіи какого нибудь «Утра» или «Весны». Вотъ что говоритъ въ предисловіи издатель «Пермскаго Сборника»:

«Задумавши изданіе Пермскаго Сборника, мы имѣли въ виду сообщать матеріалы, наблюденія и факты, касающіеся различныхъ сторонъ Пермскаго края, которые могли бы принести пользу любознательнымъ людямъ при его изученіи.

«Въ какой мѣрѣ мы можемъ выполнить нашу задачу, публика увидитъ изъ предлагаемой вниманію ея первой книжки «Сборника».

«Можетъ быть, нѣкоторые читатели будутъ недовольны, встрѣтивши въ ней много сырыхъ матеріаловъ. На это скажемъ слѣдующее: мы не отказываемся помѣщать въ «Сборникѣ» обработанныя статьи; но не всегда можемъ ихъ дать; притомъ онѣ, будучи роскошью нашего провинціального изданія, не составляютъ прямой его цѣли.

«Во всякомъ случаѣ изъясняемъ надежду услышать искреннія замѣчанія о недостаткахъ первой книжки и общаемъ по возможности устранить ихъ въ слѣдующихъ.»

И болѣе ничего: ни о знаменяхъ, ни о партіяхъ, ни о собственномъ благородствѣ, ни даже о недобросовѣстности журналистовъ!

Правда, что «Пермскій Сборникъ», какъ изданіе очень дѣльное, во-все и не нуждался въ подобныхъ выходахъ...

Программа «Пермскаго Сборника» такова, что онъ могъ бы слѣ-даться журналомъ, если бы обстоятельства (состояція, между про-чимъ, въ его успѣхѣ между читателями) благопріятствовали этому. Въ немъ четыре отдѣла: 1) *историческій*, въ которомъ предположено помѣщать статьи о различныхъ національностяхъ, вошедшихъ въ составъ пермскаго населенія, объ отдѣльныхъ событіяхъ, отозвав-шихся чѣмъ либо на состояніи края, объ исторіи отдѣльныхъ мѣст-ностей края, біографіи замѣчательныхъ личностей, историческіе очерки мѣстной администраціи и общественныхъ учреждений, ар-хеологическія замѣтки о тамошнихъ памятникахъ древности; 2) *этнографическій* — описаніе образа жизни народа, обычаевъ, повѣрій, сборники пѣсень, сказокъ и пр.; 3) *статистическій* — описанія разныхъ мѣстностей, водъ и лѣсовъ, статьи о естественныхъ про-изведеніяхъ края, о состояніи сельскаго хозяйства въ Пермской гу-берніи, о торговлѣ и промышленности, и пр. 4) *Смѣсь и приложе-нія* — путевыя замѣтки, характеристики разныхъ сторонъ жизни края, хроника мѣстныхъ современныхъ событій, историческіе акты разнаго рода, бібліографія сочиненій о Пермской губерніи, объяв-ленія. Въ заключеніе программы прибавлено, что «желающимъ помѣ-щать свои статьи въ «Пермскомъ Сборникѣ» редакція его предла-гаетъ приличное вознагражденіе». Это ужъ значитъ, что «Сбор-никъ» составилъ не по случайному вдохновенію дилетантовъ, а за-думавъ серьезно.

И при всемъ томъ нельзя поручиться за большой успѣхъ «Сборни-ка» собственно въ Пермской губерніи. Но въ немъ есть нѣсколько ста-тей, имѣющихъ интересъ не только для пермяка, но для всякаго об-разованнаго читателя, и это можетъ помочь его успѣху. Таковы двѣ статьи, относящіяся ко времени пугачовскаго бунта: одна—«О мѣ-рахъ предосторожности, какія принимаемы были пермскими заво-дами во время пугачовскаго бунта», г. Планера; другая—«Пугачов-скій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и его окрестностяхъ». Послед-няя статья дополняетъ многими любопытными документами статью г. Плотникова о томъ же предметѣ (Далматовскій монастырь въ пу-гачовщинѣ), помѣщенную въ «Чтеніяхъ» Московскаго Общества Исторіи.» Вообще, объ статьи «Пермскаго Сборника» имѣютъ важ-ное значеніе для каждаго, кто интересуется новою русскою исто-рією, потому что онѣ составлены по матеріаламъ, доселѣ никому не бывшимъ извѣстными и сохранившимъ въ туземныхъ архи-вахъ. Редакція обѣщаетъ еще нѣсколько статей и матеріаловъ объ этомъ загадочномъ для ученыхъ событіи русской исторіи, и нельзя

не пожелать, чтобъ это обѣщаніе было поскорѣе выполнено. Чтобы показать, какъ редакція «Сборника» смотритъ на исторію пугачовщины, приведемъ замѣтку отъ редакціи, помѣщенную предъ статью г. Планера (стр. 46).

«Пугачовскій бунтъ не былъ явленіемъ одной только мѣстности — Яика; напротивъ, онъ охватилъ весь востокъ европейской Россіи: повсюду поднялся народъ противъ тогдашней власти, и между прочимъ это волненіе обнаруживалось болѣе или менѣе въ каждой мѣстности и Пермскаго края. Было бы, конечно, односторонне и крайне поверхностно объяснять причину этого явленія тѣмъ, что вотъ-де нѣкто злодѣй Емелька Пугачевъ назвалъ себя императоромъ Петромъ III, а простой народъ вдался въ обманъ и возсталъ противъ законной власти; утверждать такъ, значило бы отрицать всякій человѣческій смыслъ у волновавшагося миллионнаго народонаселенія. Между тѣмъ при обнаруженномъ запасѣ матеріаловъ объ этомъ предметѣ трудно еще дать положительной отвѣтъ на то, изъ какихъ дурныхъ соковъ народнаго быта скопился этотъ недугъ, какъ видно зачавшійся въ общественномъ тѣлѣ задолго до 1773 года, выступавшій наружу и прежде этого времени, да и послѣ, только съ переменною своего названія и въ неодинаковыхъ размѣрахъ. Наука вполне объяснить это явленіе конечно только тогда, когда въ обладаніи ея будутъ находиться всѣ примыкавшія къ нему частныя событія. Редакція Пермскаго Сборника располагаетъ достаточнымъ количествомъ статей, относящихся по своему содержанию — какъ къ времени пугачовскаго бунта, такъ и къ происходившимъ въ другія времена волненіямъ въ народонаселеніи той или другой мѣстности въ Пермскомъ краѣ. Эти статьи составлены на основаніи данныхъ, болѣею частію доселѣ неизданныхъ, и если иногда въ нихъ проскользнетъ недостатокъ современности взгляда на событія и искусства группировки ихъ, то, безъ сомнѣнія, статьи эти имѣютъ, по крайней мѣрѣ, всю цѣну матеріала для специалистовъ-историковъ.»

Кромѣ этихъ двухъ статей, общій интересъ имѣетъ также статья г. Круенина: «Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи пермскаго края». Очеркъ этотъ, впрочемъ, слишкомъ ужъ кратокъ и, несмотря на множество ученыхъ примѣчаній, даетъ довольно мало: укажемъ только на то, что развитіе просвѣщенія въ пермскомъ краѣ съ начала прошлаго столѣтія — изложено на трехъ страницахъ!

Въ статьѣ г. Круенина замѣтили мы еще до нѣкоторой степени мѣстно — патріотическое направленіе, впадающее въ идилію. По его словамъ, во всемъ краѣ господствуетъ благосостояніе и довольство, все населеніе мысленное, перемчивое, готовое сочувствовать всякой реформѣ къ лучшему, нравственность прекрасная.... Мы не смѣемъ ничего говорить противъ этого; но — воля ваша — такое похвальное восхваленіе цѣлаго края всегда бываетъ подозрительно:

или это общее мѣсто, или прямо—ошибочный взглядъ. Отчасти тоже настроеніе наши мы въ статьѣ г. Теплоухова: «Краткое описаніе лѣсохозяинства въ пермскомъ майоратѣ графовъ Строгановыхъ», и особенно въ «Очеркѣ югозападной половины Шадринскаго уѣзда», священника Тихона Успенскаго. Статья г. Теплоухова впрочемъ содержитъ въ себѣ очень много любопытныхъ данныхъ и основательныхъ замѣчаній о крестьянскомъ населеніи въ тѣхъ мѣстахъ и о способахъ предотвращенія лѣсныхъ преступленій. Онъ рассказываетъ между прочимъ, что въ имѣніи графовъ Строгановыхъ введена теперь система легкихъ оштрафованій. Открытые лѣснымъ смотрителемъ виновные записываются въ судную тетрадь, съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ обстоятельствъ проступка и свойствъ преступника. Судъ назначается въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія дѣлъ; онъ состоитъ изъ окружнаго лѣсничаго и сельскаго прикащика. Лѣсные смотрители и сторожевые должны на этомъ судѣ уличить виновнаго, и тогда назначается ему штрафъ: лѣсничій, какъ техникъ, опредѣляетъ важность проступка, а прикащикъ принимаетъ въ соображеніе личность подсудимаго. Затѣмъ въ нѣсколькихъ словахъ весь судъ и рѣшеніе записывается въ судную тетрадь. Штрафы вообще бываютъ легкіе, но крестьяне, по свидѣтельству г. Теплоухова, боятся не столько самыхъ наказаній, сколько записыванья въ книгу, которую они называютъ *черною*. Рассказавъ все это, г. Теплоуховъ дѣлаетъ еще слѣдующія замѣчанія (стр. 63—64).

«Простота судопроизводства и легкость штрафованія не ожесточаютъ и не разоряютъ крестьянъ. облегчаютъ стражу въ исполненіи ея обязанностей а. главное—предохраняютъ стражу отъ взяточничества, крестьянъ отъ лукавства. Исполненіе штрафовъ лежитъ на обязанности мѣстнаго начальства. Штрафныя деньги хранятся особо отъ мѣстныхъ доходовъ и употребляются на награды лѣсной стражѣ; присужденные къ работѣ употребляются при устройствѣ лѣсовъ.

«Нелишне здѣсь замѣтить, что опытъ привелъ къ такой формѣ судопроизводства, существующей только съ 1846 года. Основаніемъ же прежняго судопроизводства было ложное убѣжденіе, что строгія взысканія могутъ застрашать крестьянъ и предотвращать проступки. Но многочисленность и запутанность постановленій, которыхъ крестьяне даже не понимали, а еще менѣе помнили, недобросовѣтность лѣсной стражи и слабость мѣстныхъ начальствъ по исполненію штрафовъ, имѣли послѣдствіями: 1) неудовольствіе крестьянъ на тяжесть штрафовъ, отъ уплаты которыхъ они впрочемъ всегда имѣли возможность уклоняться. 2) Безчисленное дѣлопроизводство по апелляциямъ крестьянъ, сопряженное съ разными проволочками. 3) Медленность въ исполненіи приговоровъ, по причинѣ трудности самаго исполненія. 4) Подкупъ лѣсной стражи, ибо виновному легче было дать небольшую взятку сторожевому, чѣмъ заплатить въ

десять разъ большій штрафъ по приговору суда. Такимъ образомъ бѣднякъ, которому нечего было заплатить стражѣ, подвергался суду, а богатый откупался. Я еще засталъ въ Инвенскомъ округѣ одного лѣснаго смотрителя, который постоянно пьянствовалъ и ѣздилъ въ лѣсу, какъ будто за добычей. Поднявшись на ближайшую гору, онъ смотрѣлъ, нѣтъ ли гдѣ-нибудь въ лѣсу дыма, отъ жженія костровъ на подсѣкахъ; ѣхалъ по направленію дыма, находилъ виновныхъ и, угрожая имъ штрафомъ въ 20—30 рубл., бралъ съ нихъ откупнаго, сколько нужно было ему на вино.... Крестьянинъ, если съ нимъ поступаютъ не жестоко и справедливо, добръ, послушенъ; въ судѣ не жетъ, по природной простотѣ; отъ умѣреннаго штрафованія не уклонится; исполняетъ всѣ полезныя для лѣсовъ постановленія, когда къ нимъ привыкнетъ и озабочивается съ ними. Если у насъ существуетъ повныѣ много проступковъ, то это происходитъ отъ недостатка лѣсовъ, несовершенства лѣсной стражи, которая, спуская вины однимъ, вводитъ тѣмъ въ соблазнъ другихъ, наконецъ отъ новизны самыхъ запрещеній, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается.»

Кромѣ указанныхъ статей, особенно любопытную показала намъ статья г. Фирсова: «Открытіе народныхъ училищъ въ Пермской губерніи». По литературному своему достоинству это едва ли не лучшая статья Сборника. Назвавши г. Фирсова, мы вспомнили, что уже встрѣчались съ этимъ именемъ въ литературѣ. Въ концѣ прошлаго года г. Фирсовъ помѣстилъ въ «Русскомъ Педагог. Вѣстникѣ» статью о воспитаніи дѣвицъ въ Пермской губерніи. Мы не знаемъ этой статьи, потому что Педагогическій Вѣстникъ, какъ извѣстно, составляетъ большую библиографическую рѣдкость (и охота г. Фирсову помѣщать свои статьи въ подобныхъ изданіяхъ!). Но въ 68 № «Русскаго Дневника» была рассказана по этому поводу очень любопытная исторія, къ которой мы и отсылаемъ любознательныхъ читателей, замѣтивъ только, что она, по нашему мнѣнію, нисколько не компрометируетъ г. Фирсова...

Что касается до статьи г. Фирсова въ «Сборникѣ», — она замѣчательна по тому живому, реальному воззрѣнію, съ которымъ авторъ приступаетъ къ своему предмету. Подобное воззрѣніе еще ново въ нашей наукѣ, оно должно еще завоевать себѣ мѣсто на этой аренѣ, по которой ползаютъ дряхлыя ученые. У насъ до сихъ поръ господствуетъ формальность воззрѣній, не проникающая въ жизнь, довольствующаяся книгами, да и въ книгахъ отрицающая все, что отзывается чистой реальностью. Для нашихъ ученыхъ, — если изданъ законъ, такъ это значить, что онъ ужъ и вошелъ въ жизнь народа; коли кто получилъ публичную овацію, —значить что онъ популяренъ имѣетъ; коли въ школахъ преподаются такіе-то предметы, значить, что образованіе процвѣ-

таеть и т. д. А что было на дѣлѣ, какъ принимался народомъ извѣстный законъ, какія обстоятельства вынудили овацію, чему ученики выучились, на это ученые господствующей у насъ школы и не думаютъ обращать вниманіе. «Какъ можно больше формъ и словъ, какъ можно меньше дѣла!» вотъ ихъ тайный девизъ, обыкновенно прикрытый громкими фразами... Но теперь съ каждымъ годомъ онъ становится яснѣе для массы простыхъ, неученыхъ людей; съ каждымъ годомъ смѣшнѣе становятся ученые карлики, роющіеся въ пыли и составляющіе понятіе о жизни и людяхъ по плевкамъ, оставшимся на пескѣ, черезъ который проходили толпы, Еще мало людей живаго воззрѣнія въ нашей наукѣ; но уже довольно того, что они есть. Какъ скоро они начинаютъ появляться, старые формалисты отжили!...

Къ числу людей живыхъ принадлежитъ несомнѣнно г. Ойрсовъ. Въ его статьѣ разсматривается открытіе народныхъ училищъ въ Перми, въ 1786 г. Кажется ясно, о чемъ тутъ слѣдуетъ толковать? Училище открыто, — это фактъ; теперь надо объяснить этотъ фактъ, т. е. показать: когда, при комъ открыто оно, какія лица въ немъ были начальниками и учителями, какой былъ уставъ его, какія науки преподавались, по какимъ методамъ, и т. д. Но г. Ойрсовъ задалъ себѣ другіе вопросы; онъ повернулъ дѣло вотъ какъ: открыто училище, — какіе же отношенія установились между нимъ и народонаселеніемъ? что оно хотѣло и что успѣло сдѣлать для народа? Вопросы эти несравненно труднѣе и глубже, и для ихъ разрѣшенія нужна не одна копотливость и терпѣніе, — нуженъ и здравый смыслъ, и сочувствіе къ благу народному. Мы не станемъ разсказывать все содержаніе статьи г. Ойрсова: его изслѣдованія приводятъ къ убѣжденію, что пермское училище, открытое въ 1786 г., представляло собою одинъ изъ печальныхъ образчиковъ того, что вообще дѣлалось тогда въ Россіи съ училищами, вслѣдъ за формальнымъ ихъ открытіемъ. Но мы не можемъ не привести нѣкоторыхъ мѣстъ изъ статьи г. Ойрсова, дающихъ понятіе о его взглядѣ и изложеніи.

Разсказавъ подробно актъ открытія училища, г. Ойрсовъ приводитъ между прочимъ рѣчь учителя Назаретскаго по этому случаю, утверждающую, что древняя Греція уже ничто предъ тогдашнею Россіею, что «уже вводится всемѣстное просвѣщеніе, яко надежнѣйшая подпора, утверждающая благосостояніе народа,» что теперь «и погруженный въ мрачномъ невѣжествѣ Вогуличъ воспріиметъ участіе въ славѣ просвѣщенныхъ сыновъ російскихъ», и пр. Приведя эту рѣчь, г. Ойрсовъ говоритъ: (стр. 148).

«Прошло съ тѣхъ поръ 70 лѣтъ, а между тѣмъ Вогуличъ, и съ нимъ его братія — татары, вотяки и другіе — еще не принимали участія въ

славъ просвѣщенныхъ сыновъ россійскихъ, оставаясь попрежнему въ невѣжествѣ; да и масса русскихъ въ Персикомъ краю, да и во всей Россіи, успѣла ли въ эти 70 лѣтъ стать лучше своихъ дѣдовъ и прадедовъ, сбросила ли съ себя ярмо суевѣрій, предрасудковъ, неурядицы? привила ли къ себѣ начала истиннаго порядка, любви къ ближнему, сознанія своего человѣческаго достоинства,—эти истинные плоды образованія народнаго, для произраженія которыхъ и учреждаются училища? Гдѣ жь это народное образованіе, котораго ждали отъ народныхъ школъ Назаретскій и другіе мыслящіе люди стараго времени и которому бы уступила образованность древняго грека? Гдѣ же это виѣшнее благосостояніе, и нравственное богатство, которыя должны были, по ихъ словамъ, войти въ жизнь народа, вмѣстѣ съ образованіемъ, долженствовавшимъ распространиться посредствомъ училищъ? А въдѣ училища, въ теченіе этихъ 70-ти лѣтъ, въ своемъ складѣ улучшались, умножались, преобразовывались, и между тѣмъ современній намъ русскій человѣкъ, отвѣчая на эти вопросы, все-таки придетъ къ убѣжденію, что еще далеко не выросли мы до той мѣрки, чтобы имѣть право сказать: мы образованный народъ.»

Для объясненія этого явленія, дѣйствительно очень страннаго, г. Ойрсовъ обращается къ вопросу о значеніи вообще школы въ жизни народа, и указываетъ два требованія, необходимыя для того, чтобы школа имѣла благотворное вліяніе. Первое требованіе относится къ самой цѣли образованія, предполагаемаго школою, второе къ виѣшнимъ условіямъ ея существованія. Мы приведемъ вполнѣ разсужденіе автора объ этомъ предметѣ (стр. 149—151).

«Школа есть одинъ изъ главнѣйшихъ проводниковъ образованія въ народъ; въ этомъ, кажется, сомнѣваться никто не станетъ. Но дѣло въ томъ, что подѣ образованіемъ, которое хотятъ провести чрезъ учебныя заведенія въ народъ, нерѣдко самыя учредители школъ разумѣютъ совсѣмъ не то, что составляетъ истинное образованіе, разумѣютъ часто подѣ словами «образовать умъ и сердце» — не свободное развитіе духа человѣка, а извѣстнаго рода цѣли, болѣе или менѣе одностороннія, нерѣдко эгоистическія; понятно, что такіе учредители школъ всегда хлопчуть, подѣ видомъ образованія, только о томъ, чтобы училища, ими учрежденныя, поставляли людей именно такъ образованныхъ, какъ они понимаютъ это слово, и для достиженія этой цѣли предписываютъ безчисленное множество правилъ, долженствующихъ опредѣлить каждый шагъ воспитанника, каждое дѣйствіе школы. Немудрено, что училище, которое обязано образовывать питомцевъ по извѣстной мѣркѣ, не пойдетъ далеко, будетъ не привлекать къ себѣ, а отталкивать отъ себя большинство, массу; потому что инстинкты массы никогда нельзя обмануть, какимъ бы громкимъ титуломъ ни прикрывалась цѣль заведенія. Такъ схоластическія школы въ среднихъ вѣкахъ, іезуитскія школы въ новыхъ—никогда не пользовались довѣріемъ, уваженіемъ со

стороны массы народной; потому что тѣ и другія, подъ вывѣскою образованія, преслѣдовали узкія цѣли, удовлетворяющія людямъ извѣстнаго направленія, но не удовлетворяющія всѣмъ сторонамъ человѣческаго духа.

«Съ другой стороны,—положимъ, что учредитель школы понимаетъ образованіе, какъ слѣдуетъ, хочетъ посредствомъ школы развитіе свободно-разумнаго челоуѣка, безъ задней мысли о своихъ личныхъ интересахъ; но этимъ еще не будетъ все сдѣлано, чтобы имѣть право требовать отъ школы поставки истинно-образованныхъ людей, благотворнаго ея вліянія на страну, среди которой она основана. Школа прежде всего существуетъ не среди ангеловъ и не для ангеловъ, а среди людей и для людей, у которыхъ есть свои понятія, привычки, вѣрованія, потребности, отношенія, условливающіяся мѣстомъ, временемъ и другими обстоятельствами и обнаруживающіяся всегда въ извѣстныхъ формахъ. Выступая съ своими началами, школа должна заявить ихъ тоже въ видимыхъ формахъ, сообразныхъ самымъ этимъ началамъ, и должна имѣть подъ рукою достаточно матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ для ихъ осуществленія; стало быть школъ должна быть дана такая организація, которая бы вполне соответствовала цѣли свободноразумнаго развитія, ни одною своею частію не противорѣча ей; т. е. лица, которымъ ввѣряется школа, должны быть поставлены внѣ всякой зависимости отъ разныхъ общественныхъ отношеній, въ своихъ взаимныхъ дѣйствіяхъ быть чужды характера полицейства, должны проникнуться однимъ духомъ, имѣть въ виду одно только свободное развитіе питомцевъ; для этого имъ должны быть даны достаточныя матеріальныя средства и способные понимать истинное образованіе и въ духѣ его дѣйствовать—педагоги или учителя. Если же школа дурно управляется, если правящіе ею, забывая объ ея цѣли, въ своихъ дѣйствіяхъ руководятся правилами, принесенными Богъ въ вѣсть откуда, — правилами можетъ быть пригодными для казармъ, но совершенно противными этой цѣли; если школа въ своемъ содержаніи пробавляется кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ; если учителей набираетъ она, не разбирая, можетъ ли каждый изъ нихъ быть воспитателемъ, можетъ ли привить сѣмена истиннаго образованія къ питомцамъ, а такъ, для комплекта, то не пойдетъ далеко школа, не принесетъ долго плодовъ истиннаго образованія странѣ, въ которой и для которой существуетъ, хотя бы цѣль, указанная ей, именно заключалась въ истинномъ образованіи.

«И основа школы можетъ быть надлежащая, и управленіе ею можетъ быть цѣлесообразно, и средства ея матеріальныя могутъ быть вполне достаточны, и учителя ея могутъ имѣть нужный педагогическій тактъ, и все же, при этихъ благоприятныхъ условіяхъ, школа не вдругъ произраститъ плоды, если только общественный и семейный складъ народонаселенія, среди котораго она основана, діаметрально противоположенъ ея началамъ, если интересы его и потребности—другія, чѣмъ потребности-школы. Осуществите идеалъ школы среди народа, который задавленъ деспотизмомъ, у котораго одна забота, какъ

сохранить жизнь свою, не умереть съ голода, — и не скоро вліяніе ея отразится на жизнь этого народа.»

О ходѣ образованія въ Россіи г. Ойрсовъ говоритъ также съ большимъ сочувствіемъ къ дѣлу образованія въ его высшемъ благороднѣйшемъ значеніи. Мы надѣемся, что доставимъ удовольствіе нашимъ читателямъ, если приведемъ еще страницу, представляющую сжатый, но полный силы и правды очеркъ развитія русскаго общества и народа (стр. 180).

«Развитіе русскаго народа шло такъ болѣзненно, долго, что свѣтъ истиннаго образованія, долженствовавшій внести силу въ его больной остовъ, не вдругъ могъ подѣйствовать на него благотѣльно, не вдругъ могъ сдружиться съ нимъ. Сначала вѣковая борьба государственныхъ стремленій съ родовыми преданіями, съ требованіями князей, крестьянъ, при постоянномъ давленіи отовсюду извнѣ, потомъ кровавая побѣда государства надъ противно-государственными элементами, долговременное, въ теченіе цѣлаго XVII столѣтія, броженіе этихъ элементовъ, наконецъ эпоха Петра Великаго — привели народъ русскій къ тому состоянію, въ которомъ несравненно меньшая часть его рѣзко отдѣлилась отъ массы: съ одной стороны помѣщикъ, чиновникъ и частію священникъ, съ другой — податной и крѣпостной; первый владѣетъ, управляетъ, судитъ, научаетъ; другой торгуетъ, пашетъ землю и, трудясь до нравственной и физической истомы, вмѣстѣ съ тѣмъ кормитъ перваго, даетъ ему средства къ роскоши, защищаетъ его отъ внѣшнихъ враговъ... Таковы были отношенія между двумя неровными частями русскаго народа въ половинѣ XVIII вѣка, и въ это время, когда все громче и громче говорилось и въ Европѣ, а вслѣдъ затѣмъ и у насъ въ Россіи, о правахъ человѣческихъ, о необходимости образованія, — въ это время болѣе, чѣмъ когда либо, раздавали крестьянъ во владѣніе другимъ, въ это время крѣпче затянули чиновникъ тотъ узелъ, который связывалъ его съ подчиненнымъ. Какими восхитительными красками ни восписуй отношеніе между помѣщикомъ и крестьяниномъ, между чиновникомъ, смотрящимъ на свое мѣсто, какъ на вотчину, какъ на кормленіе, какъ сладко ни называли его чѣмъ-то родственнымъ, патріархальнымъ, — на дѣлѣ эту патріархальность нескоро найдешь; по крайней мѣрѣ въ XVIII вѣкѣ ея не существовало: напротивъ, обѣ половины враждебно смотрѣли другъ на друга. Немудрено при этомъ *quasi* патріархальномъ складѣ нашего быта, когда одна часть находилась въ крѣпости у другой, — немудрено, что голоса, возвышавшіеся въ пользу истиннаго образованія, въ пользу признанія правъ человѣческихъ, въ пользу свободнаго развитія человѣка, въ пользу необходимости трудиться на благо общее, оставались, и прежде половины XVIII вѣка и послѣ долго, голосами вошющими въ пустынь и не были слышны ни тою, ни другою частію: одна часть не хотѣла слышать этихъ воззваній потому, что въ такомъ случаѣ ей нужно бы было разстаться съ опекою надъ другою, а другая....

другая пожалуй бы и рада слышать ихъ, да что толку въ этомъ для нея?.. Эти воззванія къ ней походили на приглашеніе къ связанному по рукамъ и ногамъ и лежащему пластомъ въ грязи, выраженное хоть въ такихъ словахъ: поидемъ, любезный другъ, гулять! — Немудрено, что народныя училища, на которыя возложенъ былъ трудъ распространить въ Россіи образованіе, шли чрезвычайно туго, и нѣтъ ничего удивительнаго, если пермскія народныя училища раздѣляли участь съ своими собратіями; ибо тотъ общественный складъ, о которомъ мы говорили, лежалъ со всѣми своими темными сторонами и на почвѣ пермской.»

Затѣмъ, говоря о пермскомъ народѣ, г. Фирсовъ замѣчаетъ, что здѣсь условія были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще неблагопріятнѣе: отдаленность края отъ высшей власти способствовала увеличенію произвола чиновниковъ и ихъ безнаказанности, вся страна сдѣлалась жертвою немногихъ тунеядцевъ, самъ народъ въ теченіе многихъ годовъ не только не смягчилъ нравовъ своихъ, но закалился въ грубости, тѣмъ болѣе, что населеніе было составлено изъ различныхъ элементовъ, враждебныхъ другъ другу. «Одно было у нихъ общее, говоритъ авторъ: — это недовѣріе ко всему, что носило мундиръ». (Перехода отсюда къ пермскимъ училищамъ, г. Фирсовъ заключаетъ: (стр. 183).

«При такихъ условіяхъ, масса народная не могла сочувствовать образованію, даже если хотѣла принять его, по одному только тому, что оно предлагалось боярами. Ее можно было только силою заставить отдавать дѣтей въ училища, — и силою, приказомъ это и сдѣлано; потому что хотя и старались тогда увѣрять, что городскія общества добровольно изъявили желаніе завести у себя училища народныя, но это было говорено для красоты слога; на самомъ же дѣлѣ, малыя народныя училища открыты по приказанію генералъ-губернатора Волкова, что подтверждаетъ очень наивно рапортъ къ нему чердынскаго городского головы. Да притомъ массѣ народной, при ея забитости, духовношъ разстлѣннй, недоступны были тѣ начала, съ которыми выступали народныя училища; она, если и понимала нужду въ образованіи, то подъ образованіемъ она разумѣла простую грамотность, умѣнье читать и писать въ той степени, чтобы хотя поспорить съ подъячими. Такимъ образомъ легко объяснить, почему нѣкоторые простолюдины въ Пермскомъ краю не хотѣли отдавать дѣтей въ малыя народныя училища, тогда какъ охотно посылали ихъ на выучку къ какимъ нибудь книжникамъ, за дешевую цѣну сообщавшимъ книжную мудрость.»

Нельзя не пожелать, чтобы г. Фирсовъ изложилъ, какъ объясняетъ, дальнѣйшую исторію пермскихъ училищъ, и вообще — чтобы онъ писалъ сколько возможно больше и чаще. Въ такихъ именно статьяхъ, въ такихъ взглядахъ нуждается наша литература.

Есть еще въ Пермскомъ Сборникѣ довольно значительный сборникъ пѣсенъ, сказокъ и загадокъ, собранныхъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, и описаніе свадебныхъ обрядовъ города Чердыни, составленное г. Предтеченскимъ. Составитель описанія обрядовъ доказываетъ, что въ пермскомъ населеніи сохранилась еще память о древнихъ свадьбахъ *уводомъ и поупкою*, о которыхъ говорится въ лѣтописи. Самые обряды, впрочемъ, не представляютъ ничего особенно оригинальнаго и любопытнаго; въ числѣ сказокъ есть любопытныя, какъ напр. 8 сказка: о крестьянинѣ и незнакомомъ челоуѣкѣ.

Въ смѣси довольно любопытны воспоминанія о Теоновѣ, учителѣ пермской гимназіи тридцатыхъ годовъ, мѣстномъ сатирикѣ и пасквильнѣ. Редакція обѣщаетъ полную біографію Теонова, и потому мы теперь не станемъ о немъ распространяться. Скажемъ только, что, по словамъ замѣтки, помѣщенной въ сборникѣ, Теоновъ «подвергся жесточайшимъ преслѣдованіямъ, воплнѣ достигшимъ цѣли,» за стихотвореніе «Къ лицемѣру,» напечатанное въ 1825 г. въ Вѣстникѣ Европы. Въ стихотвореніи изображается лицемѣръ, святоша, и больше ничего,—но тогдашній губернаторъ Тюфяевъ прінялъ его на свой счетъ!..

Любопытно также въ приложеніяхъ письмо Никиты Демидова заводскимъ прикащикамъ, писанное въ 1788 г. Оно любопытно по манерѣ выраженія: черезъ каждыя двѣ строчки бранное слово, а иногда и такая тирада: «проснись, отчаянный, двуголовый архибестія, торгашъ и промышленникъ озерный и явный клятвопреступникъ и ослушникъ! Ребра въ тебѣ, ей-же-ей, боюсь, не оставлю за такіе паршивые малые выходы!» и пр. (стр. 57)...

Заклучимъ нашу реценцію опасеніемъ, что «Пермскій Сборникъ» многихъ оттолкнетъ отъ себя своею высокою цѣною. Въ немъ около 30 печатныхъ листовъ, а цѣна его 3 рубля. Очевидно, поэтому, что на большой успѣхъ книги сами издатели мало разсчитывали; но во всякомъ случаѣ жаль будетъ, если такое изданіе не пойдетъ.

Русскія пѣсни, сочиненія *Александра Мыльникова*, купеческаго сына города Ржева, Тверской губерніи. Спб. 1859.

Года три тому назадъ читали мы гдѣ-то отзывъ о г. Мыльниковѣ, какъ о самоучкѣ-поэтѣ, въ родѣ Кольцова, подающемъ большія надежды. Поэтому, когда вышли «русскія пѣсни» г. Мыльникова, мы заинтересовались прочесть ихъ и нашли, что онъ дѣйствительно въ родѣ Кольцова, но надеждъ никакихъ подавать не можетъ. На немъ можно только изучать, какимъ образомъ таже самая мысль, таже самое

чувство, выраженное почти тѣми же словами, получаетъ оттѣнокъ пошлости, когда выражается не вслѣдствіе внутренней потребности человѣка, а съ чужаго голоса. Людей, поющихъ съ чужаго голоса, у насъ безчисленное множество, и многіе изъ нихъ пользуются даже уваженіемъ въ обществѣ за свои сладкія и умныя рѣчи. Иныхъ эти люди обманываютъ тѣмъ, что какъ-то умѣютъ чужую, вовсе ими не перенарсенную мысль обточить въ такія фразы, что она принимаетъ видъ довольно оригинальный, — иногда и безобразный, но все-таки какъ будто свой. Но не всѣ обманываются. Много находится и такихъ людей, которые очень хорошо знаютъ, откуда и какъ зашли въ голову говоруновъ нѣкоторыя идейки и фразы, но несмотря на то ихъ похваливаютъ на томъ основаніи, будто бы подобныя фразы все-таки означаютъ въ говорящемъ ихъ извѣстную степень образованности и сочувствія къ добру и истинѣ. Не знаемъ—можетъ быть это и правда: въ чужой душѣ хозяйничать очень трудно, — гораздо труднѣе, нежели въ чужомъ карманѣ. Но для насъ несомнѣнно только одно: что кто желаетъ и умѣетъ дѣлать настоящее дѣло, тотъ вообще избѣгаетъ пустыхъ фразъ. Это не значитъ, чтобы дѣльный человѣкъ долженъ былъ непремѣнно молчать и сидѣть бирюкомъ весь вѣкъ. Нѣтъ, онъ тоже можетъ быть краснорѣчивъ, можетъ увлекаться и увлекать своей рѣчью, но только въ такомъ случаѣ, когда въ самомъ дѣлѣ вся душа его полна извѣстнымъ чувствомъ или идеей. Онъ можетъ говорить самыя нѣжныя рѣчи, но только тогда, когда дѣйствительно влюбленъ; можетъ произносить и угрозы, но это значитъ, что онъ ихъ готовъ уже исполнять.... И такого человѣка вы всегда отличите потому, что у него таже самая фраза, которая опошлѣла для васъ въ рѣчахъ другихъ, — выходитъ какъ-то совершенно просто и естественно: вы чувствуете, что тутъ ничего другаго сказать нельзя было, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуете, что слово выкатилось не одной своей оболочкой, а со всей тяжестью своего внутренняго смысла. Такіе люди и такія рѣчи впрочемъ нечасто попадаются въ нашей общественной дѣятельности; съ ними скорѣе можно встрѣтиться въ жизнеописаніяхъ Плутарха, да и тамъ ихъ мало. Но все-таки есть извѣстная грань, переходя за которую человѣкъ оказывается болѣе близкимъ — или къ человѣку истинно-дѣльному, или къ фразеру; все-таки съ иными вы можете долго говорить, напримѣръ о Франціи и Англіи, просто по *мду*, а съ другими такой разговоръ недостаточенъ: нужно прочитать хоть путевыя письма Н. И. Греча.

Въ поэтическихъ натурахъ, отличающихся обыкновенно силою воображенія (или творчества, какъ въ старину говорилось), есть особенная способность реализовать идею и чувство не прямо самымъ дѣломъ, а поэтическимъ изображеніемъ. Поэтъ до того про-

никается своимъ чувствомъ, что весь въ него уходитъ и выражаетъ его съ чрезвычайной рельефностью и силою; онъ до того можетъ увлечься своей идеей, что начинаетъ видѣть ея осуществленіе и рисуетъ образы, въ какихъ она должна проявиться. И вотъ основаніе, почему эстетическая критика утверждаетъ, что человѣкъ съ поэтическимъ талантомъ не долженъ и не можетъ пускаться въ холодную дидактику, а непременно долженъ представить свою идею въ живыхъ образахъ. Дѣйствительно, — только тогда и можетъ поэтъ истинно проникнуться идеей, когда она для него уже не отвлеченіе, а стоитъ на степени дѣйствительности, воплощается въ живые образы. И вотъ почему такъ плохи бываютъ всѣ перефразировки великихъ поэтовъ, являющіяся подѣ учтивымъ названіемъ подражаній. Человѣкъ, читая поэта, понявъ его мысль, выразумѣвъ его чувство и началъ выражать ихъ посвоему: вотъ и явилось подражаніе. Но это подражаніе — фраза моднаго господина, не болѣе; въ немъ схваченъ только формальный, логическій смыслъ; —оттого оно вяло и пошло. Чтобы произвести въ самомъ дѣлѣ что нибудь близкое къ взятой пьесѣ поэта, надо самому дойти до такого же настроенія, въ какомъ онъ писалъ ее. Но человѣкъ съ талантомъ, если дойдетъ до того настроенія, что молчать не можетъ, то заговоритъ самъ, посвоему; если же не счумѣетъ придать своему чувству собственный, отдѣльный характеръ, то прочтетъ пожалуй ту пьесу, которая подходитъ къ его положенію, да на томъ и покончитъ. Рѣдко можетъ случиться, что его собственный мотивъ безсознательно сойдется съ мотивомъ другаго и напомнитъ вамъ что-то уже знакомое; но и тутъ вы легко замѣтите искренность чувства, полное усвоеніе и переработку мысли и вслѣдствіе того найдете новые оттѣнки и не откажете въ самостоятельномъ значеніи тому, что на первый разъ показалось вамъ простымъ подражаніемъ.

Многіе поэты, такъ же какъ и многіе свѣтскіе люди, умѣютъ скрывать свою несамобытность ловкими оборотами рѣчи и иногда тѣмъ, что заимствуются разомъ у десяти поэтовъ. Такихъ поэтовъ много видали мы въ нашей литературѣ; но не таковъ г. Мыльниковъ, по поводу котораго мы сдѣлали всѣ эти замѣчанія: онъ не умѣетъ прикриты своихъ подражаній, и всякій, кто прочтетъ его, легко назоветъ даже именно ту пьесу Кольцова, изъ которой взято то или другое стихотвореніе г. Мыльникова. Его пѣсни до противности близки по внѣшности къ пѣснямъ Кольцова; одного только въ нихъ и нѣтъ: этой внутренней истины, о которой мы сейчасъ говорили. И остается только внѣшнее содержаніе, отзывающееся совершенно голою фразой. Вспомните, напримѣръ, одно не изъ лучшихъ еще стихотвореній Кольцова: «Не скажу никому.»

Не скажу никому,
 Отчего я весной
 По полямъ и лугамъ
 Не собираю цвѣтовъ.
 Та весна далеко,
 Тѣ завяли цвѣты,
 Изъ которыхъ я съ нимъ
 Завивала вѣнки!
 И тѣхъ нѣтъ ужь и дней,
 Что летѣли стрѣлой,
 Что любовью насъ жгли,
 Что палили огнемъ!
 Все прошло ужь давно...
 Не воротить назадъ!
 Для чего жь безъ него
 Цвѣты стану я рвать?
 Не скажу никому,
 Отчего у меня
 Тяжело на груди
 Злая грусть налегла...

Теперь посмотрите, что изъ этого глубоко-прочувствованнаго стихотворенія сдѣлалъ г. Мыльниковъ

Во широкой степи
 На раздольныхъ поляхъ,
 Много дивныхъ цвѣтовъ
 Расцвѣтаетъ весной.
 Но они не плѣняютъ
 Меня чудной красой;
 Ихъ не буду я рвать
 И не стану собирать:
 Мнѣ вѣнка для дружка
 Ужь изъ нихъ не свивать.
 Тѣ и дни протекли,
 Какъ искала я ихъ,
 И то время давно
 Огнемъ будто сожгло.
 Вы цвѣтите жь, цвѣты,
 Во широкой степи.
 У меня жь въ дни весны
 Сердце вянетъ въ груди.

Насъ поразила въ этой передѣлкѣ чрезвычайная обстоятельность, съ которою рассказываетъ г. Мыльниковъ. У Кольцова предполагается уже извѣстнымъ, гдѣ и какъ растутъ цвѣты; онъ весь преданъ

изображенію чувства, занимающаго дѣвушку; у него видимъ только ея грусть, ея воспоминанія. Г. Мыльниковъ, напротивъ, считаетъ нужнымъ закруглить изображеніе чувства статистическою замѣткою: «въ степи цвѣтеть много цвѣтовъ; они очень хороши, но мнѣ не нравятся; а почему не нравятся, тому слѣдуютъ пункты.» Точь въ точь господинъ, который, проникшись сожалѣніемъ къ бѣднымъ мужикамъ, начинаетъ въ какой нибудь гостиной важно и подробно излагать фізіократическую систему!..

Подобнымъ образомъ передѣлано г. Мыльниковымъ много другихъ стихотвореній Кольцова. Иногда онъ беретъ изъ Кольцова всего нѣсколько стиховъ и изъ нихъ строитъ стихотвореніе. Напримѣръ вспомните «Совѣтъ старика». Тамъ есть стихи:

Поспѣшайте жь, юноши,
Наслаждаться жизнію,
Отпируйте въ радости
Праздникъ вашей юности!
Много ль разъ роскошная
Въ годъ весна является? и пр.

Изъ этихъ стиховъ г. Мыльниковъ составилъ стихотвореніе, которое мы приведемъ, соединивши два стиха въ одинъ, такъ какъ г. Мыльниковъ, неизвѣстно почему, постоянно разбиваетъ одинъ стихъ на два. У него, напримѣръ, «выходила милая, распѣвала пѣсенки» — четыре стиха, «выйду замужъ я млада» — два стиха, и пр.

Други юныхъ лѣтъ! Спѣшите
Жизни праздникъ пировать!
Знайте, знайте, — дни златые
Легче птички улетать.

Не глядите, что природа
Обновляетъ все весной;
Юность быстро пронесется,
И не будетъ вновь другой.

Такъ паруйте, друзья, младость,
Отпируйте счастье дней!
Отпируйте, проводите
Юность, юность веселѣй!...

Опять та же прелестная обстоятельность и то же полное отсутствіе искренняго, живаго увлеченія. У Кольцова старикъ говоритъ юношамъ, чтобы наслаждались жизнію; у г. Мыльникова сами юноши приглашаютъ себя къ наслажденію. Старикъ, сравнивая возрастъ жизни съ годовыми перемѣнами, остается вѣренъ поэтическому воззрѣнію, говоря:

Не одно ль мгновение
И веснѣ, и юности?

Юноши г. Мыльниковы, напротивъ, сочиняютъ хрю и дѣлаютъ «уступительное сравненіе отъ претивнаго». У нихъ поэтический образъ принимаетъ слѣдующій видъ: «хотя юность и сравниваютъ съ весною, но на это не нужно смотрѣть, ибо весна каждый годъ является вновь, юности же въ другой разъ не бываетъ». Какая же ужь это поэзія?

Немудрено, что при такомъ отсутствіи всякаго поэтическаго чутья, г. Мыльниковъ доходитъ до сочиненія барабанныхъ стиховъ, долженствующихъ, по его мнѣнію, имѣть патриотическій смыслъ:

Русски храбрые солдаты,
Въ бой идите, какъ на пиръ, и пр. .

Этихъ храбрыхъ солдатъ онъ утѣшаетъ, между прочимъ, такими резонами:

Смерть удѣлъ есть неизбежный,
Всѣмъ намъ должно умирать;
Но въ бою кто жизнь окончить,
Съ тѣмъ и Божья благодать...
Кому въ битвѣ Господь судить
Свою голову сложить,
То извѣстно вамъ да будетъ: —
Церковь памятью почтить, и пр.

Прочитавши нѣсколько русскихъ пѣсенъ г. Мыльниковы, такъ и думаешь, что ему именно слѣдуетъ слѣлаться подражателемъ г. Бенедиктова, Татаринова, и т. п., и воспѣвать войну, пожары, всеобщій прогрессъ,—вообще предметы, требующіе фразистаго слога. О Кольцовѣ этого никогда не подумаешь, даже читая самое слабое изъ его произведеній. И вотъ разница между талантомъ и бездарностью!...

Уроки Естественной Исторіи для учащихъ дѣвицъ и юношества, составленные *Ходецкимъ*, профессоромъ университета св. Владиміра. Кіевъ. 1859.

Естественная исторія для женскихъ учебныхъ заведеній *А. Горизонтова*. Спб. 1859 г. Изд. Торговаго дома *Струговичкова, Пахитонова, Водова, и К°*.

Не въ одной поэзій, есть и въ наукѣ свои господа Мыльниковы, только за нихъ страшище приняты: авторитетъ имѣютъ большой,

или по крайней мѣрѣ—очень ученый видъ. Вотъ, напримѣръ, г. Ходецкій: на оберткѣ его «Уроковъ» значитса, что онъ профессоръ, а въ предисловіи онъ самъ говоритъ, что издаетъ свою книгу вслѣдствіе *крайняго недостатка* русскихъ руководствъ по естественнымъ наукамъ. Значить, его трудъ есть нѣчто самостоятельное, слѣдствіе его многолѣтнихъ занятій, результатъ спеціальныхъ знаній, приобретенныхъ имъ въ теченіе долгой ученой карьеры (ибо г. Ходецкій ужъ лѣтъ 20 по крайней мѣрѣ значитса профессоромъ). Мы были увѣрены, что руководство г. Ходецкаго представитъ что нибудь въ родѣ учебника г. Шульгина (конечно, вы не подумаете, что г. Ив. Шульгина!), особенно когда увидѣли изъ предисловія, что г. Ходецкій съ тѣмъ и издалъ свою книгу, чтобы восполнить недостатокъ руководствъ по естественнымъ наукамъ. Въ такихъ предположеніяхъ принялись мы читать вышедшую теперь первую часть уроковъ г. Ходецкаго—уроки о животныхъ, т. е. говоря по-просту—зоологію. И вдругъ—представьте себѣ наше изумленіе!—насъ поражаютъ въ книгѣ г. Ходецкаго знакомыя опредѣленія, знакомые обороты, знакомыя фразы, — точь-въ-точь, какъ при чтеніи стиховъ г. Мыльникова! Мы не занимались спеціально естественными науками, и потому намъ нетрудно было припомнить, въ какой именно книгѣ встрѣчали уже мы всѣ эти фразы, — это въ зоологіи, 12 лѣтъ тому назадъ изданной г. Далемъ. Для полнѣйшаго удостовѣренія мы справились: оказалось, что г. Ходецкій перефразировалъ зоологію Даля, — можетъ быть съ меньшимъ искусствомъ, но ужъ никакъ не съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ г. Мыльниковъ Кольцова. Представимъ для сравненія нѣсколько выписокъ. Откроемъ что нибудь изъ г. Даля. Вотъ стр. 155. На ней описаніе льва.

Сначала у г. Даля описывается наружность льва, опредѣляется его величина, и пр. Всего этого нѣтъ у г. Ходецкаго. Затѣмъ у г. Даля говорится:

«Ростъ его, ловкость и гибкость, чрезвычайная сила, *особенно въ переднихъ лапахъ*, смѣлый взглядъ, величественная и гордая осанка и страхъ, который онъ наводитъ на всѣхъ животныхъ глухимъ и дикимъ рычаніемъ своимъ, все это присвоило ему названіе царя звѣрей. Хотя вообще рассказы о великодушныхъ поступкахъ этого звѣря преувеличены, но справедливо, что если онъ не голоденъ, то не нападаетъ на животныхъ, нерѣдко падить безсильныхъ, а человѣка безъ нужды не трогаетъ; за то, выходя на добычу, левъ не знаетъ страха, и нѣтъ животнаго, съ которымъ бы онъ отказалса пошѣряться силами; онъ не только одолеваетъ кабановъ и буйволовъ, но смѣло нападаетъ даже на слоновъ и носороговъ и нерѣдко ихъ побѣждаетъ. Днемъ онъ обыкновенно отдыхаетъ въ дремучихъ лѣсахъ, или другаго рода пристанищахъ, а по но-

чашь бродить и подстерегаетъ изъ засады свою добычу, на которую бросается прыжкомъ, *хватаетъ ее за загривокъ или шею, валитъ на земь и задираетъ зубами и когтями...* Настоящее отечество этого звѣря—Африка; гораздо рѣже попадаетъ онъ въ южной Азiи... Шкура льва употребляется только, какъ рѣдкость, на полсти и подстилку, а у дикихъ народовъ и на друiя подьлки. Охотники убиваютъ льва изъ ружей, подстерегая его на какомъ нибудь опасномъ ему пути или на привадѣ; туземцы же иногда преслѣдуютъ его на лошадахъ, окружаютъ и убиваютъ; но эта охота очень опасна.

У г. Даля есть еще нѣкоторыя подробности о лвъ; но мы ихъ не приводимъ, такъ какъ г. Ходецкiй не удостоилъ ихъ заимствовать. Да и въ томъ, что мы выписали, подчеркнутыя мѣста опущены г. Ходецкимъ, какъ непужныя, хотя они большею частiю очень характерны. Вотъ въ какомъ видѣ является левъ у г. Ходецкаго, на стр. 87.

«Левъ—самое величественное животное между млекопитающими. Его крупный ростъ, чрезвычайная сила, ловкость, наружный видъ, безстрашiе, съ которымъ онъ нападаетъ на свою добычу, самый ревъ его, наводящiй страхъ и заставляющiй трепетать и умолкать всѣхъ другихъ весьма сильныхъ животныхъ, — все это издавна приобрѣло ему названiе царя звѣрей. Въстѣ съ тѣмъ ему приписываютъ великодушiе, что хотя преувеличено, но, по крайней мѣрѣ, онъ не нападаетъ на другихъ животныхъ, не будучи голоденъ. Левъ живетъ преимущественно въ пустыняхъ Африки, изрѣдка въ южной Азiи. Днемъ онъ отдыхаетъ въ какихъ нибудь неприступныхъ мѣстахъ, а ночью выходитъ на добычу и бросается на нее, подобно всѣмъ животнымъ кошачьяго рода, ловкимъ прыжкомъ. Пищею ему служатъ самыя крупныя животныя, но встрѣчи съ человекомъ онъ избѣгаетъ. Охота за львомъ считается необыкновенно смѣлою и отчаянною, хотя находятся смѣльчаки, на нее рѣшающiеся. Кожа льва употребляется, какъ рѣдкость, на полсти.»

Какъ видите, г. Ходецкiй не только заимствовалъ, но и плохо заимствовалъ описанiе г. Даля. Онъ выпустилъ необходимое опредѣленiе наружности животнаго и оставилъ только грозную осанку, большой ростъ, и пр., что безъ предварительныхъ свѣдѣнiй и обратилось въ общее мѣсто. Затѣмъ онъ выпустилъ нѣсколько характерныхъ подробностей и полезныхъ указанiй, представленныхъ въ книгѣ г. Даля, напримѣръ, о времени жизни льва, о львахъ въ римскомъ циркѣ, о силѣ, находящейся въ переднихъ лапахъ и въ хвостѣ льва, и пр. Все это, должно быть, потому, что г. Ходецкiй, по словамъ его предисловія, хотѣлъ въ своей зоологiи «показать тѣсную связь между наружною формою и внутреннимъ устройствомъ органическихъ существъ».

Раскроемъ еще какое нибудь мѣсто — у г. Ходецкого. Вотъ стр. 112: описаніе *дикой свиньи*.

«*Дикая свинья, дикій кабанъ или вепрь* считается прародителемъ домашней свиньи. Живетъ въ глухихъ лѣсахъ и камышахъ многихъ странъ, между прочимъ въ западной Россіи. Питается плодами, кореньями и травами. Отъ домашней свиньи отличается болѣе крупнымъ ростомъ, большими клыками и постояннымъ чернымъ цвѣтомъ шерсти. Очень дикъ и свирѣпъ. Составляетъ предметъ довольно опасной охоты для мяса, изъ котораго могутъ быть приготовляемы вкусныя блюда.»

Теперь посмотримъ, какъ она изображается въ зоологій Дала (см. стр. 178).

«*Дикая свинья* (вепрь, кабанъ, дикій боровъ), признаваемая за родоначальника нашей дворовой свиньи, извѣстна свирѣпымъ нравомъ своимъ и страшнымъ оружіемъ — клыкомъ, или вѣрнѣе *копаломъ*. Кабанъ бываетъ длиною до 5 футовъ, а вѣсомъ 12 пудовъ: масть щетинистой шерсти его чернобурая. Онъ водится, мѣстами, въ лѣсахъ и камышахъ, въ средней Европѣ, у насъ же въ западныхъ губерніяхъ, на Кавказѣ и изрѣдка около Каспійскаго моря, а затѣмъ также кой-гдѣ въ Азій, Африкѣ и Америкѣ. Онъ живетъ до 30 лѣтъ, мясо его вкусно, но охота за нимъ опасна, если стрѣлки, на конхъ его выгоняютъ, не стоятъ на подмосткахъ или толстыхъ пняхъ.»

Въ передѣлкѣ этого описанія г. Ходецкий старался, кажется, удовлетворить *шестой* изъ цѣлей, указанныхъ имъ для своей книги въ предисловіи: «обратить вниманіе учащихся на прекрасное въ природѣ»; ибо здѣсь онъ изъ «родоначальника свиньи» сдѣлалъ «прародителя», и прибавилъ «охоту, опасную для мяса».

Пойдемъ ужъ кстати далѣе за Ходецкимъ и приведемъ описаніе домашней свиньи, тѣмъ болѣе, что почтенный профессоръ въ предисловіи увѣряетъ, что онъ «въ 4-хъ старался выставить преимущественно то, что наиболѣе полезно въ хозяйственномъ быту человека».

Прочтите же на 113 страницѣ:

«*Домашняя свинья* происходитъ отъ дикой, отличаясь отъ нея только меньшимъ ростомъ, меньшими клыками, не столь свирѣпымъ нравомъ и разнообразіемъ цвѣта шерсти. Составляетъ очень полезное животное въ хозяйствѣ, особенно въ томъ отношеніи, что можетъ быть производима самымъ дешевымъ, для другихъ животныхъ мало годнымъ кормомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ скоро растетъ, даетъ много мяса и жира, также щетину, употребляемую для щетокъ, кистей и т. п. Будучи прожорлива, она ѣстъ почти все, не отказываясь даже отъ мяса, и потому скоро откармливается. При такихъ выгодахъ, она разводится почти у всѣхъ народовъ, за исключеніемъ евреевъ и магометанъ, чуж-

дающихся мяса ея по религиозному закону. Къ сожалѣнiю только, свинья очень нечистоплотна и любить, подобно многимъ другимъ толстокожимъ животнымъ, прохладяться въ грязи; любить также рыть землю для отыскиванiя корней; но чѣмъ чище она содержится и чѣмъ лучший получаетъ кормъ, тѣмъ и продукты ея бываютъ лучше.

Такъ какъ домашняя свинья распространена человѣкомъ почти по всѣмъ странамъ свѣта, то въ видѣ ея образовалось много породъ, которыя въ хозяйственномъ отношенiи отличаются другъ отъ друга преимущественно по крупности роста. Изъ крупнорослыхъ породъ наиболѣе цѣнятся *англiйская* и *ютландская*, а изъ малорослыхъ *китайская*.

Теперь сравните описанiе изъ книги г. Даля (стр. 179).

«*Свинья домашняя или дворовая* (Рис. 18 Ф. 103) рѣдко достигаетъ той величины, какъ дикая; копала у нея гораздо меньше, масть шерсти черная, желтобурая, пѣгая и пр. Какъ изъ всякой домашней скотины, такъ и изъ свињи, по различiю пищи, климата и другихъ обстоятельствъ, образовалось нѣсколько породъ; есть, напр. *большая англiйская* и *ютландская* породы, конхъ свињи въ откорикѣ достигаютъ такой огромности, что въ свиньѣ бываетъ до 15 пудовъ вѣсу; *китайская* порода, не крупная, на низенькихъ ножкахъ; порода съ *серезками*, порода *турецкая*, съ нѣсколько курчавою шерстью и пр. Свинья питается зерномъ, плодами, овощами, травами, кореньями, насѣкомыми, но ѣстъ все, даже всѣ нечистоты и самую падаль. Свинья прожорлива, почему и удобно откармливать ее на сало; она неопрятна, любитъ грязь и лужи, но мясо ея бываетъ гораздо вкуснѣе, когда ее содержать чисто въ опрятной свинарнѣ, и кормить одною хлѣбною пищею. Чутье свињи довольно тонко, такъ что она издалека отыскиваетъ по чутью пищу, даже подъ землей, которую проворно взрываетъ носомъ или рыломъ. Поэтому свинью употребляютъ для отысканiя трюфелей (родъ подземныхъ грибовъ), до которыхъ и люди не менѣе ея лакомы. Свинина и свиное сало, окорока, свиные колбасы и пр. составляютъ общеупотребительную пищу многихъ народовъ, кромѣ мусульманъ и евреевъ, которые свинымъ не ѣдятъ; свиная щетина идетъ на щетки и кисти, а также у сапожниковъ для присучиванiя къ дратвѣ, и потому составляетъ не совсѣмъ маловажный предметъ торговли.»

Въ такомъ видѣ вся книжка г. Ходецкого перефразирована изъ зоологiи Даля. Спрашивается: зачѣмъ же онъ убивался надъ этимъ, и на какомъ основанiи жалуется онъ въ предисловiи на то, что у насъ нѣтъ учебниковъ по естественной исторiи? Правда, онъ прибавляетъ, что существующiе учебники годятся собственно для мужскихъ училищъ, а для женскихъ неудобны «отчасти по своему объему, излишней сложности системы, употребленiю латинскихъ терминовъ, отчасти по другимъ причинамъ, легко понятнымъ для каждого догадливаго читателя». Но книга г. Даля не очень многимъ пре-

восходитъ объемъ «Уроковъ» г. Ходецкого, особенно если исключить изъ нея всё примѣчанія, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ; система вся цѣликомъ взята г. Ходецкимъ изъ Даля; латинскіе термины... но ихъ-то, какъ на грѣхъ, и *нѣтъ вовсе* въ Зоологіи Даля... Остаются, стало быть, *другія причины*... Ихъ угадать дѣйствительно нетрудно: это опасеніе, чтобы не встрѣтить лишняго слова въ анатомическомъ обзорѣ частей человѣческаго тѣла, въ показаніи способовъ размноженія разныхъ животныхъ и пр. Но во-первыхъ, — и въ книгѣ г. Даля нѣтъ ничего лишняго по этой части; во-вторыхъ, неизвѣстно еще, точно ли слѣдуетъ одобрять ту скрытность, которую считаетъ столь необходимою почтенный профессоръ. По нашему мнѣнію, одна изъ главныхъ цѣлей преподаванія естественной исторіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и должна состоять въ томъ, чтобы дѣвицы познакомились со всѣми естественными отправлениями животнаго организма изъ серьезнаго, научнаго изложенія, а не изъ сальныхъ разсказовъ дворовыхъ дѣвокъ и не изъ сладострастныхъ намековъ разныхъ распутныхъ кузеновъ.... Пора бы ужъ убѣдиться, что въ этомъ случаѣ формальная скромность въ училищѣ можетъ привести дѣвушку только къ лицемѣрству, да еще дастъ ей поводъ получить совершенно превратное, преувеличенное и до нельзя украшенное понятіе о томъ, что именно хотять скрыть отъ нея.

Вообще въ книгѣ г. Ходецкого мы не нашли ничего, что бы могло оправдать ея появленіе, и особенно съ такимъ предисловіемъ. О примѣненіи къ понятіямъ ученицъ, объ особенныхъ требованіяхъ женскаго образованія онъ и не думалъ. Если ужъ надо сочинять руководство особое непременно для дѣвушекъ, то слѣдовало бы изложить явленія живой природы въ болѣе стройномъ порядкѣ, разсказать физиологическія условія жизни подробно и живо, представить бытъ и нравы животныхъ, обстоятельно описать тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ особый интересъ по чему нибудь, и никакъ не хлопотать о какихъ нибудь перечисленіяхъ. Зачѣмъ, напримѣръ, — не только въ женскомъ, но въ какомъ бы то ни было учебникѣ, такой перечень: «*курганчики, кубарчики, ребрушки, башенки, ушки, нырчатки, бодрянки, шишаки, трубоороги, ужовки, оливы, конусы, оулы, и пр.*» Что же, ученицы должны все это вы зубрить?... А по нашему, если ужъ эти всѣ курганчики, кубарчики и пр. такъ замѣчательны, что ихъ не звать нельзя, такъ можно ихъ описать подробнѣе; а если не стоитъ описывать, то ужъ и имена пересчислять не стоитъ.... Развѣ, можетъ быть, это необходимо было г. Ходецкому для того, чтобы, по его словамъ, «подѣйствовать благотворно на нравственное

чувство 'учащихся', высшее развитіе котораго составляетъ главнѣйшую цѣль всякаго образованія»?...

Руководство г. Горизонтова выступаетъ съ тѣми же претензіями, какъ и курсъ г. Ходецкаго. Въ предисловіи его авторъ говоритъ—не исполнѣ грамотно, но съ скромнымъ сознаніемъ своего достоинства: «сознавая исполнѣ, что изданіемъ своей естественной исторіи я не устранилъ вышенамянутаго недостатка (хорошихъ руководствъ) въ нашей учебной литературѣ, но тѣмъ не менѣе льщу себя надеждою, что за неимѣніемъ другаго руководства, обнимающаго всѣ части естественной исторіи, мой трудъ принесетъ хотя небольшую пользу для учащихся дѣвицъ и въ домашнемъ воспитаніи». Безграмотность этой тирады впрочемъ—случайная; и произошла она, вѣроятно, отъ смущенія, въ которомъ находился авторъ, приступая къ восхваленію самаго себя. Вообще же руководство г. Горизонтова написано грамотно, и въ сравненіи съ «Уроками» г. Ходецкаго, — его можно превознести. Уже одно то много значить, что оно гораздо короче. У г. Ходецкаго 300 страницъ заняты одной зоологіей, а у г. Горизонтова на 392 стр. помѣщена зоологія, ботаника и минералогія, да еще, въ добавокъ, свѣдѣнія изъ физики и изъ физической и математической географіи. Кромѣ того, въ текстѣ 278 рисунковъ, сдѣланныхъ большею частію недурно, исключая рисунковъ птицъ и млекопитающихъ, изъ которыхъ многіе изъ рукъ вонъ плохи.

Напримѣръ, на стр. 34 изображена обезьяна, изъ семейства игрунковыхъ, большого роста, судя по дереву, на которомъ она сидитъ (хотя въ текстѣ и говорится, что она величиной всего съ бѣлку), съ пышной куафюрой и съ огромнѣйшимъ пушистымъ хвостомъ; хвостъ даже чуть ли не больше и не толще ея самой. На стр. 137 нарисованъ воробей, который, можетъ быть, недурень бы оказался въ какой нибудь карриатурѣ Степанова, но въ учебникѣ вовсе неумѣстенъ, равно какъ и голубь на стр. 147: такіе голуби могутъ существовать развѣ только въ голубятняхъ г. Сорокина!

Текстъ руководства г. Горизонтова составляетъ тоже шивки изъ разныхъ прежнихъ книжекъ. Зоологіей и ботаникой Дала г. Горизонтовъ тоже сильно попользовался, а между тѣмъ, зоологію его даже не упомянулъ въ числѣ своихъ пособій, перечисленныхъ имъ въ предисловіи. Это ужъ не совсѣмъ хорошо, потому что г. Горизонтовъ—лицо неизвѣстное, не профессоръ, слѣдовательно ничѣмъ не обезпеченъ отъ нападеній критики. Нехорошо еще то, что онъ, не справившись, беретъ изъ Дала такія свѣдѣнія, которыя теперь ужъ никуда не годятся. Напримѣръ, отдѣлъ о человѣкѣ почти весь списанъ изъ Дала слово въ слово, (съ пропусками, разумѣется), и между прочимъ взято оттуда свѣдѣніе о количествѣ людей на зем-

номъ шарѣ. По этому свѣдѣнію выходитъ, что на земномъ шарѣ 757 миліоновъ жителей (140 въ Европѣ, 450 въ Азіи, 120 въ Африкѣ, 45 въ Америкѣ, 2 въ Австраліи): между тѣмъ не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году печатаны были даже въ русскихъ газетахъ результаты новѣйшихъ изслѣдованій Дитеричи, по которымъ оказывается всѣхъ земныхъ жителей 1,288 миліоновъ (272 въ Европѣ, 755 въ Азіи, 200 въ Африкѣ, 59 въ Америкѣ, 2 въ Австраліи). Допущеніе въ учебникъ подобной ошибки доказываетъ, что г. Горизонтовъ не *извлекать*, а просто *бралъ*, т. е. переписывалъ свое руководство то изъ той, то изъ другой книжки. Но вѣдь на подобную работу достаточно грамотнаго писаря или такого профессора, какимъ явился въ своихъ урокахъ г. Ходецкий!

Замѣтимъ еще одинъ курьезный промахъ г. Горизонтова, въ которомъ впрочемъ ужъ не Даль, кажется, виноватъ. На стр. 259, говоря о вербѣ, г. Горизонтовъ прибавляетъ: «это та самая верба, о которой царь-псалмопѣвецъ упоминаетъ въ своей пѣснѣ: «на рѣкахъ вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ, на вербихъ обѣсихомъ органы наша.» Надо быть слишкомъ увлечену собственнымъ краснорѣчіемъ, чтобы забыть, что царь-псалмопѣвецъ, т. е. царь Давидъ не былъ въ плѣну вавилонскомъ (потому собственно, что жилъ за 400 лѣтъ до него) и что пѣснь: «на рѣкахъ вавилонскихъ» — приписывается пророку Іереміи.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, надо имѣть въ виду то, въ какомъ положеніи находится у насъ наука и ученость. Нашимъ учебнымъ заведеніямъ еще могутъ угрожать такія книги какъ «Уроки» г. Ходецкого; намъ еще могутъ выдавать плохую, безталанную перефразировку всѣмъ извѣстнаго руководства за самостоятельный профессорскій трудъ.... При такомъ положеніи дѣлъ можно и книгѣ г. Горизонтова обрадоваться, хотя она по своей сущности и не стоитъ того.

ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

Я нетерпѣливо желалъ видѣть снова Флоренцію, знакомую уже мнѣ по прошлогоднему путешествію, но видѣть ее въ новой фазѣ ея политической жизни, въ томъ колоритѣ общественной свободы, которая еще такъ недавно казалась вѣчнымъ сизифовымъ камнемъ итальянскихъ либераловъ. Только что вступивши на итальянскую почву, мнѣ удалось видѣть одну изъ сценъ, какихъ теперь такъ много разыгрывается въ новой Италіи. Я пріѣхалъ въ Туринъ въ то самое утро, когда тамъ ожидали моденскую и пармскую депутацію: она должна была представить королю рѣшеніе своихъ собраній присоединиться къ Піемонту. Изъ журналовъ вы уже знаете о результатахъ депутаціи. На желѣзной дорогѣ она была торжественно встрѣчена національной гвардіей; у отеля, гдѣ остановились депутаты, на пьядца Кастелло, собралась огромная толпа народа; крики *viva* и аплодисменты вызвали депутатовъ къ народу, и одинъ изъ нихъ говорилъ рѣчь, которая безпрестанно прерывалась громкими выраженіями народнаго энтузіазма. Затѣмъ мимо депутатовъ проходила церемоніальнымъ маршемъ сардинскіе *легионы* и отдавали имъ военныя почести; музыка и восклицанія долго раздавались на площади. Въ другой разъ я видѣлъ ту же толпу на пьядца Кариньяно, гдѣ только что поставлена (очень хорошая) статуя Винченцо Джоберти, одному изъ самыхъ пылкихъ и даровитыхъ партизановъ итальянскаго вопроса и знаменитому автору книги «о первенствѣ Италіи». Депутаты должны были оставить Туринъ. Толпа снова на-

полнила площадь, опять крики народа и рѣчи депутатовъ, но рѣчи на этотъ разъ болѣе энергическія и вызывающія: въ нихъ говорилось о Романьѣ, объ освобожденіи Венеціи.... Въ Тосканѣ экзальтація, произведенная послѣдними событіями, еще продолжается: въ Ливорно и въ маленькихъ Пизѣ и Луккѣ, гдѣ я останавливался на пути, замѣтно было гораздо болѣе оживленія, чѣмъ мнѣ случалось видѣть прежде въ Тосканѣ; утренніе и вечерніе посѣтители кафе сидѣли за газетами, въ разговорахъ слышались имена Гарибальди, короля Эммануила, Романьи; почти всѣ дома украшены были надписями: *viva Vittorio Emmanuele, nostro re*, или: *viva il nostro buon re* и т. п. Въ Луккѣ я попалъ на праздникъ. Было воскресенье: весь городъ собрался въ аренѣ, гдѣ происходили скачка и фейерверкъ, и на послѣднемъ всего болѣе доставлялъ публикѣ удовольствія ярко горѣвшій сардинскій щитъ. Когда я пріѣхалъ во Флоренцію, она поразила меня своимъ оживленнымъ видомъ: кто бывалъ въ Италіи, тотъ знаетъ шумную толпу, которая отсюда собирается по вечерамъ на улицахъ, наполняетъ кафе и лавочки, располагается группами на площадяхъ и перекресткахъ. Мнѣ казалось, однако, и справедливо, что эта толпа стала еще шумнѣе и веселѣе прежняго: въ ней безпрестанно появлялись военныя фигуры, — не то воинство, которое прежде тяжелымъ камнемъ данило Флоренцію и готово было бомбардировать эту лучшую красоту Тосканы, а популярная армія волонтеровъ и воинствъ, дѣлавшихъ ломбардскую кампанію. Наружность тосканскаго войска, которое я видѣлъ во Флоренціи, не поражаетъ, впрочемъ, особенно марціальнымъ видомъ, который, напротивъ, такъ сильно бросается въ глаза во французской арміи. Говорятъ, что и генералъ Фанти не совсѣмъ доволенъ внѣшностью войска; за то, по крайней мѣрѣ, патриотизмъ его не подлежитъ теперь сомнѣнію, а привычка дать ему необходимыя воинственныя свойства. Тосканцы издавна были по преимуществу мирнымъ народомъ. Отношенія военныхъ съ народомъ самыя любезныя, какъ вездѣ, гдѣ войско не служитъ угнетающему правительству. Городъ мало по малу измѣняетъ свою паружность: гербы тосканскихъ герцоговъ исчезли съ публичныхъ зданій тотчасъ же послѣ мирной революціи; при мнѣ уже, нѣсколько дней тому назадъ, они замѣнены были сардинскимъ. При громѣ пушекъ и страшныхъ ударахъ грома, потому что въ это самое время разразилась сильная буря, маститый Palazzo Vecchio украшенъ былъ бѣлымъ крестомъ савойскаго дома: значена трехъ сардинскихъ цвѣтовъ каждый политически важный день появляются на улицахъ, драпируютъ балконы и окна, какъ недавно при водруженіи сардинскаго герба. Нѣкоторые

журналы, напримѣръ, *Nazione*, также выставили въ заглавіи символомъ единства сардинскій крестъ. Уничтожается все, что напоминало объ отрѣшенной династїи. Отправившись недавно въ народный театръ Политеама, я затѣтилъ, что прежняя *via Tedesca* (нѣмецкая улица) называется уже *via Nazionale*, площадь *Marip-Antonin* переименована въ *piazza della Independenza*, театръ Леопольда называется національнымъ. На домахъ тѣ же патріотическія надписи, которыя я видѣлъ вездѣ въ Пизѣ и Луккѣ; иногда нетвердая рука какого нибудь новичка-либерала пишетъ мѣломъ на стѣнѣ *morte a Leopoldo* или что нибудь подобное. Тосканское правительство, уже принявшее въ заглавіе своихъ декретовъ формулу *Regnando Vittorio Emanuele, re eletto* (въ правленіе В.-Эммануила, избраннаго короля), издало въ послѣднее время очень много постановленій, цѣль которыхъ — искоренить слѣды стараго режима и мало по малу превращать въ дѣйствительный фактъ то единство, о которомъ говорила вся Центральная Италія: оно изгоняетъ изъ употребленія старую и чеканитъ новую монету, вмѣсто паоло вводитъ лиры, въ родѣ сардинскихъ франковъ; до изготовленія новой монеты съ сардинскими атрибутами, въ обращеніи появились уже флорины съ тосканскимъ львомъ; также измѣнены и почтовые билеты для афраншированія писемъ. Гораздо важнѣе послѣднія мѣры правительства: оно устанавливаетъ взаимное дѣйствіе трибуналовъ въ Тосканѣ и въ герцогствахъ, признаетъ (какъ уже сдѣлала прежде Модена) въ Тосканѣ силу дипломовъ и достоинствъ, данныхъ другими университетамъ Сѣверной Италїи, приготовляетъ уничтоженіе таможенъ между Тосканой, Сардиніей и герцогствами; однимъ словомъ, правительство Тосканы, въ согласїи съ Моденскимъ и Романскимъ, понемногу старается приучить Европу къ мысли, что между этими странами господствуетъ уже солидарность, которую нельзя будетъ уничтожить. Сардинское правительство гораздо медленнѣе, по крайней мѣрѣ, осторожнѣе въ этомъ случаѣ, хотя, впрочемъ, и съ своей стороны сдѣлало нѣсколько шаговъ къ этому единству. Мнѣ, какъ путешественнику, прїятно было встрѣтить одно изъ послѣднихъ постановленій правительства, касающееся паспортовъ: надобно было самому испытать всѣ непрїятности безпрестаннаго визированія, оплачиванія и представленія паспортовъ, такъ вообще вадѣдающихъ путешественнику въ Италїи, чтобы оцѣнить хорошо эту благую мѣру. Правительство объявило, что какъ правительство національное, оно не имѣетъ нужды подозрительно смотрѣть на каждое лицо, появляющееся въ Тосканѣ, и уничтожаетъ всѣ прежнія постановленія о паспортахъ: тѣ, которыхъ достаточно для Сардинїи, достаточно будутъ

и для Тосканы; иностранцы освобождаются отъ того сбора, который дѣлался прежде за пребываніе во Флоренціи.

Я, впрочемъ, не буду пересказывать вамъ всѣхъ дѣйствій тосканскаго правительства; существенное изъ нихъ постоянно появляется въ иностранныхъ газетахъ, и вы узнаете о нихъ ранѣе, чѣмъ дойдетъ до васъ мое запоздалое письмо. Я ограничусь замѣтками о будничныхъ дѣлахъ и толкахъ Флоренціи за то время, которое я провелъ въ ней. Нынѣшнее положеніе общества и жизни во Флоренціи съ особенной справедливостью можетъ назваться переходнымъ, то есть неопредѣленнымъ и не установившимся: общество отказалось отъ стараго порядка, но новаго прочнаго порядка еще нѣтъ, и оно остается въ ожидающемъ состояніи, пока событія направятъ его въ другую сторону. Вы знаете изъ газетъ, какія разнообразныя предположенія дѣлаются насчетъ Тосканы, сколько разныхъ новыхъ владыкъ выдумываютъ для нея ея благодѣтели, какія хитрыя комбинаціи предлагаются для поправленія испорченнаго дѣла. Сами тосканцы остаются до сихъ поръ равнодушны къ этимъ толкамъ; у нихъ нѣтъ партизановъ принца Наполеона, какъ нѣтъ партизановъ Леопольда; ихъ лучшіе органы съ похвальной твердостью стоятъ на одномъ—на соединеніи съ Пиемонтомъ. Когда еще не было рѣшено это дѣло, ихъ наиболѣе умные публицисты, въ журналахъ и брошюрахъ, старались убѣдить народъ въ пользу такого рѣшенія и разсѣять всѣ сомнѣнія противъ него — и легкомысленныя сожалѣнія о томъ, что Флоренція не будетъ имѣть двора, и опасенія, что соединеніе съ Пиемонтомъ увеличитъ потребность государства въ деньгахъ и введетъ вредную централизацію, и боязнь за произведенія искусства, которыя могутъ быть вывезены изъ Флоренціи, и даже за мягкія и цивилизованныя черты тосканскаго характера, который можетъ огрубѣть отъ общенія съ суровыми пиемонтцами, какъ Аѳины отъ общенія съ Македоніей. Именно въ этомъ смыслѣ писалъ для народа извѣстный Гверрацци, одинъ изъ дѣятелей прежней революціи. Нынѣшнее положеніе дѣлъ показываетъ тосканцамъ, какъ выгодно было бы единство, но какъ въ то же время трудно достигнуть его. Правительства Центральной Италіи настаиваютъ на увеличеніи войска. Фарини, Чириани, Фанти и Гарибальди дѣйствуютъ очень энергически съ этой цѣлью, и нѣсколько десятковъ тысячъ у нихъ уже готовы къ дѣлу. Отъ этихъ людей начинается выходить теперь инициатива въ дѣлѣ единства Италіи. Фарини нарвыи въ Моденѣ издалъ нѣсколько важныхъ декретовъ, примѣръ которыхъ благопріятно дѣйствовалъ на тосканское правительство, нѣсколько менѣе рѣшительное. Недавно, новая мѣра, не правитель-

ственная, принята была Гарибальди. Знаменитый генералъ предлагаетъ итальянцамъ приобрести миллионъ ружей посредствомъ подлиски, которую открываетъ онъ самъ, жертвуя пять тысячъ франковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что имя Гарибальди дастъ хорошій успѣхъ дѣлу, фактически полезному въ нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствахъ. Тоскана въ военномъ отношеніи осталась нѣсколько позади другихъ членовъ военной лиги, войско ея сравнительно меньше: Флорентинскіе журналы жалуются на это, но, вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ упрекать Виктора-Эммануила, что онъ такъ долго оставляетъ ихъ безъ всякой поддержки.

Между тѣмъ, они, дѣйствительно, нуждаются въ этой поддержкѣ. Отказываясь на бумагѣ отъ вооруженнаго вмѣшательства, Австрія однако не мѣшаетъ своимъ солдатамъ толпами переходить въ папскую службу, и, такимъ образомъ, безопасность Романьи, а за ней и герцогствъ, не совсѣмъ обезпечена. Можно восхвалять сколько угодно единодушіе итальянцевъ въ ихъ общемъ влеченіи къ Пиемонту, въ которомъ, дѣйствительно, много участвуетъ благородное стремленіе къ національному единству, такой давнишней цѣли итальянскаго либеральнаго движенія; но нельзя не признать, что во всемъ этомъ немалую роль играетъ и сознаніе недостаточности своихъ силъ. Оно противъ воли часто обнаруживалось въ послѣднее время. Вы знаете объ англо-итальянскомъ обществѣ въ Лондонѣ, подъ предсѣдательствомъ Шефтсбѣри, для собиранія пособій для итальянцевъ. «Times» строго и справедливо осудилъ это предпріятіе, приличное людямъ, не имѣющимъ пристанища, забытымъ и угнетеннымъ, но вовсе не приличное націи, которая благородно возстаётъ за свободу и должна купить ее кровью и своими средствами, а не подаваніями. Многіе прямодушные итальянцы согласились въ справедливости упрека. Что же, какъ не слабость заставляла прибѣгать къ подобнымъ средствамъ? Благополучная перемѣна обстоятельствъ, совершившаяся немного времени тому назадъ, не можетъ, къ сожалѣнію, вдругъ вырвать всѣхъ слѣдовъ того отупляющаго вліянія, которое производили на національность — въ иныхъ мѣстахъ еще и производятъ — чужія или анти-пародныя правительства. Оппозиція была, конечно, и выражалась, но выражалась частными и минутными взрывами, за которыми все опять приходило въ прежній порядокъ. Тоскана въ этомъ случаѣ имѣла общую судьбу со всей Италіей, за исключеніемъ Пиемонта. Гнетъ полиціи, привычка къ перевесенію несправедливости, оскорбленіе національнаго чувства дѣйствуютъ почти всегда положительно вредно на моральную сторону и отдѣльныхъ лицъ и народовъ, а Италія, къ сожалѣнію, дол-

го страдала отъ всѣхъ этихъ дѣйствій. По крайней мѣрѣ, они имѣютъ слѣдствіемъ неувѣренность въ себя и желаніе опереться на чужую помощь: этой черты, кажется, нельзя не замѣтить въ народномъ движеніи центральной Италіи, хотя до нѣкоторой степени ее и можно оправдать столькими дамкловыми мечами, которые висятъ надъ ея головой, начиная съ Австріи и кончая Наполеемъ. Потому для нея въ высшей степени дороги тѣ энергическія личности, на которыя она можетъ возложить свои надежды, и онѣ получаютъ необыкновенную силу надъ массами. Итальянцы довѣрчиво склоняются предъ авторитетомъ, необходимость котораго они чувствуютъ. Это объясняетъ, кажется, необходимое увлеченіе, которое внушаетъ имъ Викторъ-Эмануилъ, *il re galantuomo* (эпитетъ, чрезвычайно не лестный для другихъ королей). Авторъ одной политической статьи выражалъ недавно почти тоже самое слѣдующими словами: «Личность всегда играла у итальянскихъ народовъ роль слишкомъ важную и вредную для либеральнѣйшихъ учреждений. Итальянцы часто занимаются политикой, какъ французы каламбуромъ, чтобъ *faire de l'esprit*. Рабство было длинной школой для сектъ и заговоровъ: нельзя требовать, чтобы массы въ одинъ день приобрѣтали силу и благоразуміе, которыя заставляютъ безъ жалобъ переносить обязанности налагаемыя независимостью и свободой.» То есть, другими словами, въ рѣшительную минуту, массѣ недостаетъ самостоятельности и энергіи; она отказывается отъ своей воли, и тогда успѣхъ зависитъ отъ характера авторитета, на который она полагается. Въ послѣднее время всѣ журнальныя корреспонденціи изъ Романьи наполнены рассказами о восторженныхъ встрѣчахъ, которыя дѣлаются Гарибальди. Путешествіе его по городамъ Романьи есть непрерывающійся триумфъ: безчисленныя толпы выходятъ ему навстрѣчу, народъ самъ везетъ его экипажъ, дѣвушки подносятъ ему букеты, слова его принимаются съ энтузіазмомъ и рѣчи его приводятъ новыя сотни молодыхъ людей въ ряды волонтеровъ. Еще немного, и Гарибальди сдѣлается мифическимъ героемъ; онъ и будетъ имъ, навѣрно, въ послѣдствіи. Конечно, немного народовъ, столько воспримчивыхъ, какъ итальянцы, и немного людей, столько заслужившихъ свою популярность, какъ Гарибальди; но въ этомъ обоготвореніи итальянскаго героя намъ представляется и другая сторона медали — тайное опасеніе передъ неизвѣстнымъ будущимъ, которое рѣшить для итальянцевъ вопросъ жизни.

Times упрекаетъ также итальянцевъ-эмигрантовъ за ихъ равнодушіе къ современному движенію, за ихъ упрямое бездѣйствіе въ эмиграціи, когда они имѣютъ уже свободную родину. Но трудно думать,

чтобы Маццини, Саффи, Стерибри и другіе нашли себѣ дѣятельность въ нынѣшней Тосканѣ или Романьѣ, подъ эгидой Виктора-Эммануила. Ихъ направленіе — крайнее, а нынѣшнее движеніе по преимуществу умѣренное. Гарибальди удивилъ многихъ своимъ проявленіемъ среди сардинской и французской армій. Для насъ этотъ фактъ есть доказательство большаго политическаго смысла и глубокой преданности народному дѣлу, способной пожертвовать личнымъ предубѣжденіемъ въ пользу этого дѣла. Недавно также маццинистъ Маріо съ его извѣстной подругой миссъ Уайтъ объявили, что «сохраняя свои республиканскія убѣжденія, они вполне признаютъ національную политику, представляемую Викторомъ-Эммануиломъ, и принимаютъ ее какъ единственный символъ итальянскаго освобожденія». Уступка любопытная, но все-таки частная. Новая, современная Италия не есть la giovane Italia Маццини, въ свое время возбуждавшая патріотическій пылъ молодежи. Между ними есть нѣкоторое родство: исходнымъ пунктомъ своей республиканской теоріи Маццини ставилъ народъ и его отвлеченную верховную власть надъ своими судьбами, и новая Италия громко провозглашаетъ тотъ же принципъ, определяя политическое положеніе народа по его желаніямъ, по общей подачѣ голосовъ. Но этимъ и ограничивается сходство: «юная Италия» приготовлена была нестерпимымъ и всеобщимъ гнетомъ двадцатыхъ годовъ и отличается исключительно республиканскимъ характеромъ; крайній абсолютизмъ одной стороны вызвалъ крайнюю республику съ другой. Маццинистскія движенія удавались ненадолго; это была реакція не довольно созрѣвшая внутри и, кромѣ того, постоянно встрѣчавшая сильный отпоръ въ европейской политикѣ. Въ противоположность маццинизму, новая Италия требуетъ только конституціонныхъ вольностей и выше безусловной свободы ставить національное единство. Маццини хотѣлъ того и другаго вдругъ; но теперь, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что итальянская республика невозможна въ настоящее время. Онъ дѣйствовалъ въ особенности на молодежь, которая скорѣе увлекается поэтической доктриной; теперь, въ безпрестанныхъ выборахъ, является на сцену гораздо болѣе значительная масса населенія, какъ политическая сила — благоразумный классъ пропріетаровъ, людей осторожныхъ вообще, наконецъ аристократія, склонная къ извѣстному консерватизму, который не такъ легко вжигается съ республикой.

Именно теперь попадаетъ мнѣ номеръ журнала (*il Secolo*, 8 окт.), гдѣ приводится отрывокъ изъ письма, которое недавно написалъ Маццини къ королю сардинскому. Было время, когда онъ обращалъ

сѣ также къ Карлу-Альберту, къ Пію IX; но его надежды жестоко были обмануты, и теперь онъ съ сочувствіемъ обращается къ Виттору-Эммануилу. Онъ не могъ остаться чуждымъ успѣхамъ итальянскаго единства; онъ желаетъ довести ихъ до конца, потому пишетъ къ сардинскому королю, какъ итальянецъ, которому отечество дороже личныхъ убѣжденій; но, при всемъ этомъ, онъ остается здѣсь же не-исправимымъ энтузіастомъ. Я позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ этого письма, очень длиннаго, какъ всѣ письма Маццини, но проникнутаго глубокимъ патріотизмомъ и иногда весьма поэтическаго.

....«Вы сильны теперь, государь — говоритъ Маццини послѣ первыхъ строкъ — всѣмъ непобѣдимымъ могуществомъ двадцатишести миллионъ народа, согласнаго въ одномъ желаніи; вы сильнѣе, чѣмъ кто нибудь изъ другихъ государей Европы, потому что никто изъ нихъ не владѣетъ теперь такой любовью собственнаго народа, какую вы могли бы возбудить однимъ словомъ: единство.... Италия ищетъ единства. Она хочетъ составить націю единую и свободную. Богъ опредѣлилъ это единство, заключивши насъ между вѣчными Альпами и вѣчнымъ моремъ. Исторія написала единство на стѣнахъ Рима, и идея единства выходила изъ него съ такимъ могуществомъ, что, переступая предѣлы отечества, она два раза соединила Европу. Во имя единства полстолѣтія умираютъ съ улыбкой на лицѣ наши лучшие люди, на висѣлицахъ и съ оружіемъ въ рукахъ, отъ Мессины до Венеціи, отъ Мантуи до Сапри. Во имя единства, мы, лишенные средствъ и вліянія, преслѣдуемые и сто разъ пораженные, освящали и поддерживали такое, все возрастающее, волненіе въ Италиі, что сдѣлали изъ итальянскаго вопроса вопросъ европейскій и доставили вамъ и вапимъ ту почву, которая приноситъ теперь вамъ плодъ славы и могущества.

«Единство есть желаніе и стремленіе всей Италиі. Одно отечество, одно національное знамя, одни трактаты, мѣсто между народами Европы, Римъ какъ метрополія — вотъ символъ каждаго итальянца.

«Хотите имѣть Италию, государь? имѣть ее блестящую энтузіазмомъ, довѣріемъ и подвигами? имѣть ее такую могущественной, что всякая дипломатія остановится передъ ней со страхомъ, всякое враждебное намѣреніе исчезнетъ? Рѣшайтесь.

* «Осторожность есть добродѣтель временъ и положеній нормальныхъ. Смѣлость есть гений сильныхъ въ трудныхъ обстоятельствахъ. Народы слѣдуютъ за ней, потому что видятъ въ ней указаніе того,

кто не покидалъ ея въ опасности. Довѣріе рождаетъ довѣріе. Времена созрѣли для предпріятія, въ силѣ импѣтумъ заключается тайна побѣды.

«Италія знаетъ васъ какъ героя въ битвѣ, знаетъ, что для чести вы готовы пожертвовать вашей жизнью. Въ тотъ день, когда вы будете готовы, для національнаго единства, пожертвовать вашей короной, вы приобретете корону Италіи.»

Однимъ словомъ, Маццини все-таки совѣтуетъ открыть революціонную войну; король сдѣлается диктаторомъ огромнаго революціоннаго движенія, которое должно объять всю Италію безъ исключенія, и тогда цѣль будетъ достигнута: какъ король или президентъ, побѣдитель будетъ главой одной Италіи, одной цѣлой національности.

Въ этой строгой вѣрности однажды принятому принципу есть свое великое достоинство; можно только жалѣть, что принципъ всегда былъ непрактиченъ. Теперь въ особенности положеніе Италіи не допускаетъ его приложенія, и воззваніе Маццини едва ли найдетъ много приверженцевъ. Итальянцы стали осторожны; у народа не достало революціонной смѣлости, или просто онъ счелъ ее неблаго-разумною и вредною.

Обстоятельства нынѣшней войны сложились такъ, что для большинства стало ясно, на что нужно было рѣшиться. Возвращеніе герцоговъ, сражавшихся противъ своихъ поданныхъ при Сольферино, было слишкомъ нелѣпо, а между тѣмъ, нужна была опора противъ Австріи и противъ нихъ, и отсюда объясняется отсутствіе партій и единодушное рѣшеніе присоединиться къ Піемонту. Это единодушіе продолжается и до сихъ поръ: тосканскіе журналы, и даже вообще журналы средней и сѣверной Италіи, остаются еще подъ вліяніемъ свѣжихъ фактовъ, и, читая флорентинскій Risorgimento, туринскій Opinione или Lombardia, вы не найдете между ними никакой разницы въ направленіи. Это очень естественно, когда опасность еще грозитъ и начатое дѣло не кончено. Оттѣвки дѣются въ послѣдствіи, когда общенациональный вопросъ уступить мѣсто болѣе частнымъ интересамъ. Въ общемъ вопросъ существуетъ только одно разногласіе, и разногласіе очень вопіющее, между либеральной прессой и клерикальными журналами. Мы еще возвратимся къ нему.

Политическая свобода подѣйствовала, разумѣется, самымъ благоприятнымъ образомъ на политическую литературу. Брошюры, листки, адреса, письма, гимны, пѣсни, появившіяся съ начала войны и

особенно съ 27 апрѣля, надобно считать цѣлыми сотнями. До сихъ поръ по каждому замѣчательному случаю появляются все новыя листки; портреты Виктора-Эммануила наводняютъ весь городъ; проходить слухъ, что Евгенийъ Савойскій будетъ назначенъ регентомъ въ герцогствахъ—появляются его портреты; празднуется память Манина—является нѣсколько стихотвореній о Манинѣ. Какъ примѣръ, мы приводимъ для любознательнаго читателя сонетъ по случаю водруженія сардинскаго знамени во Флоренцію. Несравненныя качества языка, мнѣ кажется, спасаютъ даже эти стихотворенія, которые иначе были бы наконецъ несносны (*). Въ via Calzajoli, одной изъ самыхъ многлюдныхъ улицъ Флоренціи, около Palazzo Vecchio, у лавочекъ, гдѣ продаются журналы, всегда собирается густая толпа народа, читаетъ новости, новыя постановленія и новыя сонеты, объясняетъ каррикатуры. Флоренція теперь постоянно напоминаетъ мнѣ Парижъ тѣхъ дней, когда получались извѣстія о Маджентѣ, Монтебелло, Сольферино; нѣтъ только оглушающаго крика разнощиковъ газетъ: grandes nouvelles d'Italie и проч. Люди извѣстные и неизвѣстные, признанные и непризнанные, поэты и политики бросились выражать свои надежды и предположенія, какъ только печать могла предложить имъ свои услуги. Все это наполненѣ однимъ чувствомъ и одной мыслью — о единствѣ, независимости, свободѣ; ненависть къ нѣмцамъ и ихъ лотарингскому представителю въ Тосканѣ высказывается въ весьма единодушныхъ филиппикахъ. Журналы остались, конечно, хладнокровнѣе; но и они столь же горячо и исключительно преданы національному единству. Журнальная дѣ-

(*) Вотъ этотъ сонетъ, одинъ изъ множества другихъ подобныхъ; читатель можетъ, впрочемъ, видѣть, что сонетъ не совсѣмъ лишень поэзіи.

*Striscia per l'aere il lampo, ovunque il vento
Imperversa furioso: orrendo e tristo
Il fulmine percorre il firmamento
Al tuonar spesso e a fitta pioggia misto.*

(Мы замѣтили, что въ это время была сильная буря.)

*In tanto spaventevole momento
Sul Sion raggianti di chiaror fu visto
Dettar leggi ai mortali e il giuramento
Il Dio del Mondo, il Genitor di Christo.
Simile al di che al misero mortale
La via additava del celeste impero
Il Supremo Fattore e scampo al male.
Fù o Fionenza per te quel di che altero
Il popol Sazio d'un servir fatale
Davatt un Re che non è Re straniero.*

тельность теперь сильно развилась во Флоренціи: *il Monitore toscano*, *L'Indipendenza*, *la Nazione*, *il Risorgimento* — главные флорентинскіе журналы. Послѣ оффиціального «Монитѣра» важнѣйшій изъ нихъ «*Risorgimento*» («Воскресеніе»), который издается въ форматѣ большихъ французскихъ газетъ и богаче всѣхъ другихъ по содержанию; его корреспонденціи со всѣхъ концовъ Италіи всегда очень дѣльны и любопытны. Съ 1 октября началъ выходить новый журналъ, «*il Secolo*». Я приведу нѣсколько словъ изъ его программы, чтобы дать вообще понятіе о программѣ всѣхъ флорентинскихъ журналовъ въ настоящую минуту.

«Органъ общественныхъ желаній и вѣчнаго разума народовъ, нашъ журналъ, говоритъ «*il Secolo*», будетъ твердой опорой ихъ. Защитникъ единства и независимости нашей Италіи, онъ будетъ главнымъ образомъ помогать и подвигать впередъ великое дѣло итальянскаго искупленія, въ томъ видѣ, какъ оно спокойно и правильно идетъ теперь. Будучи убѣждены, что именно этимъ способомъ оно вѣрнѣе можетъ быть приведено къ доброму концу, мы замѣтимъ также здѣсь, что принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые вѣрятъ, что наше отечество призвано къ высокому предназначенію, тѣмъ болѣе высокому, чѣмъ бѣдственнѣе была его участь, но что поэтому Италія должна со всѣмъ благоразуміемъ и со всѣми усиліями приготовиться къ нему; мы думаемъ, что никогда итальянцамъ не нужно болѣе осторожности и вмѣстѣ болѣе энергіи, что никогда, такъ близкіе къ цѣли, они не встрѣчались съ большими опасностями, которыя тѣмъ страшнѣе, что могутъ явиться не отъ чужеземцевъ, а изъ среды насъ самихъ.

«Только единство и согласіе въ цѣли и средствахъ могутъ дать народу силу и сдѣлать его своимъ господиномъ; потому мы будемъ проводить и поддерживать ихъ со всѣмъ стараніемъ и безъ всякихъ исключеній. И, чтобы это дѣло было прочно и твердо, мы желаемъ побѣды и успѣха той здоровой свободѣ, которая служитъ первымъ, даже единственнымъ условіемъ счастья народовъ.»

Маленькіе журналы продолжаютъ вести партизанскую войну съ старыми преданіями. Во Флоренціи издаются теперь три каррикатурные журналы: «*il Momo*», «*la Lerte*» и «*l'Arglecchino*». Послѣдній даетъ иногда забавныя каррикатуры и лучше другихъ листковъ. Недавно нарисовалъ онъ галерею, составленную изъ бюстовъ, въ австрійскихъ мундирахъ, но безъ головъ; галерею смотритъ форестьера съ чичерономъ, и между ними идетъ слѣдующій разговоръ:

— Sono mummie d'Egitto codeste non è vero?

— Che! Son busti di rimembranze atifiche.

— Come? se non hanno testa?

— So assai io gli ho sempre visti che non l'hanno mai creta. (**)

Впрочемъ самый смѣлый и наиболѣ остроумный изъ этихъ листовъ есть туринскій *il Fischietto* («Свистокъ»), котораго «мѣсячныя обзорѣнія» бывають дѣйствительно забавны. Отъ него постоянно жестоко достается его личнымъ врагамъ, клерикальнымъ журналамъ. Онъ рисуетъ Австрію въ видѣ женщины, балансирующей на носу стула (Венеція), на которомъ очень неловко чувствуетъ себя австрийскій солдатъ; онъ рисуетъ Кавура, дожидающагося «на водахъ» окончанія дипломатическихъ переговоровъ и обросшаго грибами отъ долгаго ожиданія; представляетъ новый крестовый походъ (предполагаемый противъ Болоньи), воины котораго составлены изъ особъ, совершенно похожихъ на дона-Базиліо; изображаетъ даму, усердно играющую на органѣ (Мониторъ), съ надписью: *ohé, l'amie! J timpani delle orecchie d'Europa sono ormai disorganizzati dalle stuoature del tuo organo* и т. п. Свистокъ очень ловко осмѣиваетъ теперь разныя козны и происки клерикальной партіи по поводу событій въ Романьѣ, ея толки о царствѣ небесномъ и объ адѣ, которыми она старается соблазнить и запутать своихъ кліентовъ; ея дружбу съ старыми барынями, которыхъ она заставляетъ подписывать политическіе адреса, и т. п.

Какъ только наступила свободная печать, журналы наполняются множествомъ чрезвычайно любопытныхъ документовъ изъ времени стараго режима. Исторія пріобрѣтаетъ въ нихъ много интересныхъ подробностей объ управленіи, давившемъ Италію со времени вѣнскаго конгресса. Первый примѣръ поданъ былъ Моденомъ и Пармой. Въ моденской газетѣ начали появляться разныя тайныя распоряженія и корреспонденція герцоговъ Франческо IV и V, которыя были бы невѣроятны по своей нелѣпости, если бы читатель не нѣтъ передъ глазами самыхъ документовъ. Франческо изъ всѣхъ силъ заботился о поддержаніи своего строгаго самодержавія; онъ давалъ точныя инструкціи о томъ, какъ слѣдуетъ поступать съ «подозрительными», и даже самъ собственноручно написалъ наставленіе о томъ, какъ должно содержать ихъ въ тюрьмѣ: онъ съ большимъ удовольствіемъ пересчитываетъ и указываетъ тюремныя наказанія для

(**) То есть въ переводѣ:

— Что это?—египетскія муміи, неправда ли?

— Какое! это бюсты старой памяти.

— Да у нихъ нѣтъ головъ.

— Я очень знаю: я всегда видѣлъ, что у нихъ головъ никогда не было.

тѣхъ, кто будетъ обнаруживать нераскаяніе и упорство. Для итальянскихъ читателей эффектъ документовъ увеличивается безпрестанными ошибками въ языкѣ. Не менѣе любопытна переписка съ министрами и вѣнскимъ дворомъ: въ ней постоянно виденъ не итальянскій государь, а просто австрійскій эрцгерцогъ, исполняющій всѣ желанія вѣнской политики. Недавно напечатанъ былъ также манифестъ Франческо IV къ его подданнымъ по случаю землетрясенія, бывшаго въ Моденѣ въ 1832 года. Онъ пользуется этимъ случаемъ для отеческаго правоученія своимъ *amati sudditi* и объясняетъ имъ, что землетрясеніе, какъ всѣмъ извѣстно, есть бичъ, посылаемый небомъ для наказанія нечестія, гордости и того духа неповиновенія, который, какъ дѣло демона, распространяется теперь по всему міру и подъ видомъ сладости отравляетъ и губитъ душу: отсюда выводится надлежащее правоученіе для его подданныхъ. Этихъ немногихъ документовъ (а ихъ очень много) уже достаточно, чтобы объяснить всю тяжесть существованія, на которое обречена была несчастная сѣверная Италия подъ господствомъ грубой силы, іезуитизма и невѣжества. Пармскій журналъ также вынужденъ былъ оправдать вышнее положеніе вещей актами стараго правительства. Уже прежніе циркуляры Кавура и пармскаго собранія, сколько противъ нихъ ни спорили орлеанистскіе журналы въ Парижѣ, ярко доказали если не явную злонамѣренность правительства въ отношеніи къ народу, какъ это было въ Моденѣ и Тосканѣ, по крайней мѣрѣ, анти-національность его, теперь столько же несносную для итальянцевъ. Здѣсь недавно обнародована была переписка пармскаго правительства уже во время приготовленій и начала войны: переписка очень краснорѣчиво говоритъ противъ Бурбоновъ.

Литература собственно остается, конечно, въ прежнемъ положеніи; оживленіе ея ограничивается пока множествомъ стихотвореній, пѣсенъ и сонетовъ на разные случаи. Публика довольствуется старыми любимцами: Джустини, Никколини, Алеарди. Они получили особенный интересъ въ настоящее время, какъ проповѣдники итальянской національности. Тѣ изъ поэтовъ-патріотовъ, которые дожили до исполненія своихъ мечтаній, вызываютъ теперь восторженное участіе соотечественниковъ: Алеарди получаетъ торжественные адреса, кремонская муниципія подноситъ ему право гражданства. Теперь готовится къ изданію переписка Джустини, печатаются неизданные сонеты Никколини и т. д. Замѣчательныя литературныя явленія послѣдняго времени исключительно посвящены современной исторіи и политикѣ. Теренціо Маміани издалъ книгу «*Di un nuovo diritto Europeo*», гдѣ разбираетъ всѣ вопросы, которые въ настоя-

щую минуту такъ различно толкуются европейской дипломатіей въ приложеніи къ итальянскимъ дѣламъ: о національности, о правахъ государей, о конгрессахъ и трактатахъ, правѣ вмѣшательства, отношеніяхъ церкви и государства и въ заключеніе «о лучшемъ чело-вѣческомъ обществѣ и о принципѣ народности». Брофферіо продолжаетъ издавать *I miei tempi*. Гверрацци издаетъ брошюры по поводу современныхъ событій; его *Ricordi al popolo Toscano* заключаютъ много благоразумныхъ совѣтовъ тосканскому народу. Любопытна также брошюра о Леопольдѣ Второмъ. Томмасео дѣятельно пишетъ въ разныхъ журналахъ, раздѣляя общее направленіе нынѣшнихъ публицистовъ. Галеотти издалъ любопытную книжку въ оправданіе тосканскаго національнаго собранія отъ ретроградовъ, которые подвергали сомнѣнію правильность его состава. Дженнарелли занимается римскимъ вопросомъ и старается объяснить публикѣ настоящій смыслъ этого запутаннаго дѣла; онъ приготовляетъ теперь двѣ интересныя вещи: *I lutti dello stato Romano del 1849 al 1859* и *Sulle scomuniche e sul governo temporale del papa*. Наконецъ извѣстный публицистъ Цоби издаетъ подробную исторію послѣдняго времени подъ заглавіемъ *Cronaca degli avvenimenti d'Italia, nel 1859*. Эта книга начала недавно выходить выпусками, снабжена всѣми важными оффиціальными актами и составитъ обширную документальную исторію итальянскаго вопроса.

Надобно думать, что съ тѣмъ важнымъ шагомъ, который теперь въ первый разъ дѣлаетъ вопросъ объ итальянской національности, когда она получаетъ господство надъ умами, какъ положительный фактъ, роль литературы должна будетъ измѣниться, и она воспользуется должными результатами. До сихъ поръ даже вышнее положеніе лучшихъ людей въ литературномъ мірѣ было весьма неутѣшительно: что могло являться въ Римѣ, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ «Священной Коллегіей» и съ «Индексомъ», или въ Неаполѣ, гдѣ не только писатели или публицисты, но даже пѣвицы считаются опасными для спокойствія государства (*), и гдѣ писатели періодически подвергаются поголовному преслѣдованію, какъ люди подозрительные. Цензура строга невообразимо. Не всѣ бывали такъ счастливы, какъ Манцони или Чезаре Кавту, которыхъ имена стояли слишкомъ высоко и которыхъ не рѣшилась тронуть австрійская полиція. Неудивительно, что въ послѣдніе годы даже даровитѣйшіе люди нача-

(*) Буквально такое рѣшеніе было недавно принято въ Неаполѣ противъ одной пѣвицы, которая должна была пѣть въ «Пророкѣ», т. е. «Осадѣ Гента».

ли дезертировать въ иностранныя литературы. Феррари написалъ свою итальянскую исторію по французски; Руфини пишетъ по англійски и, сколько я знаю, до сихъ поръ не переведенъ на итальянскій. Руфини, кажется, мало извѣстенъ и у насъ. Онъ выступилъ очень недавно на литературное поприще, какъ авторъ романа, который онъ написалъ по англійски, подъ заглавіемъ «Лоренцо Бенони, записки итальянскаго заговорщика». Романъ имѣлъ успѣхъ въ англійской литературѣ, а потомъ и во французской: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышелъ второй переводъ «Лоренцо Бенони». Въ прошломъ году вышелъ новый романъ его «Докторъ Антонио». Оба взяты изъ итальянской жизни, оба рассказываютъ существованіе итальянскаго заговорщика, — существованіе, наполненное благородными и напрасными стремленіями, горячей любовью къ народу и свободѣ, наконецъ бесплодной борьбой. Первый и замѣчательнѣйшій романъ Руфини относится къ двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія, второй — къ неаполитанской революціи 48 года. Дѣйствіе «Лоренцо Бенони» въ Генуѣ, въ старомъ Пиемонтѣ двадцатыхъ годовъ, походившемъ тогда на всѣ другія итальянскія государства, съ правительствомъ въ родѣ нынѣшняго неаполитанскаго или венеціанскаго. Авторъ представляетъ очень живо печальную картину господства іезуитовъ и жандармовъ, нетерпѣливую покорность общества и угнетеніе народа. Онъ начинаетъ съ разсказа о своемъ воспитаніи, объ іезуитской коллегіи и университетѣ, рассказываетъ о своемъ неудачномъ политическомъ дебютѣ, о заговорахъ и карбонаріяхъ, знакомитъ читателя съ любопытной личностью своего друга Фантазіо, подъ именемъ котораго изображенъ, съ любовью и, кажется, вѣрно, Маццини. Вся книга имѣетъ видъ правдивой автобіографіи, и это еще болѣе увеличиваетъ интересъ романа, который становится для читателя живой исторіей. Автора обвиняютъ нѣкоторые критики въ сантиментальности и излишней драмѣ; но для насъ этотъ недостатокъ совершенно выкупается достоинствами разсказа. Да развѣ и нѣтъ элементовъ для раздирающей драмы въ этой жизни, состоящей изъ угнетенія, заговоровъ, казней, изгнанничества? Это не исключительное событіе, не анекдотъ, а исторія, къ сожалѣнію, очень общая. Прочитайте другіе, чисто историческіе мемуары разныхъ политическихъ людей Италіи, біографію Гарибальди, записки другаго итальянскаго генерала, издавшаго недавно свою интересную Одиссею: развѣ это не драма? Для множества итальянцевъ эмиграція и изгнанничество давно стала какъ будто нормальнымъ состояніемъ. Они эмигрируютъ въ Европу, какъ бѣдьяки изъ Ирландіи и Германіи эмигрируютъ въ Америку. Эмиграція стала наконецъ пред-

метомъ исторіи? Вышло недавно начало изданія, посвященнаго «исторіи итальянской эмиграціи съ древнихъ временъ».

Журналы производятъ вообще благопріятное дѣйствіе на расположеніе умовъ. Осторожность заставляетъ ихъ быть очень внимательными къ себѣ и другимъ журналамъ, и они удерживаютъ всякое увлеченіе или ошибку, которыя могли бы произвести дурное впечатлѣніе. Такъ они возстали недавно противъ *Opinione*, который напечаталъ весьма рѣзкую корреспонденцію изъ Болоньи, направленную противъ Чиприани и, кажется, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ пристрастную. Что касается до ретроградовъ, они, конечно, не исчезли и даже продолжаютъ дѣйствовать; но обличеніе правительства и журналовъ останавливаютъ ихъ рѣшительно. Недавно правительство само предупредило тосканцевъ о разныхъ злонамеренныхъ слухахъ и толкахъ въ пользу стараго корадка и поручало ихъ благоразумію уничтожать запоздалыя попытки. Ретрограды только доставляютъ отъ времени до времени злостныя корреспонденціи въ *Allgemeine Zeitung*, которая имъ радуется, но, конечно, не надолго. Самый любопытный документъ о дѣйствіяхъ этой партіи есть, безъ сомнѣнія, рапортъ флорентинскаго префекта министру внутреннихъ дѣлъ о пребываніи во Флоренціи графа Понятовскаго.

Его интриги въ пользу низложенной династіи, такъ долго составлявшія загадку для журналовъ, явились, дѣйствительно, въ смѣшномъ колоритѣ, когда переданы были подробности о визитахъ, которые ему дѣлались, о собраніи подписей, которыми можно было воспользоваться для демонстраціи. Въ дѣлѣ замѣшаны люди, можетъ быть, почтенные, но, во всякомъ случаѣ, не имѣющіе политической важности: цирюльники, камердинеры и т. п.; собранныя имена по большей части были столь же значительны или даже выдуманы. Однимъ словомъ, демонстрація окончательно неудалась. Теперь если между флорентинцами и остались люди, желающіе возстановленія династіи, они ограничиваются ближайшими слугами и приверженцами стараго правительства, для которыхъ оно было выгодно въ матеріальномъ отношеніи.

Существенный раздоръ, котораго разнообразныя факты обнаруживаются во всей свободной Италіи, происходитъ отъ оппозиціи духовенства. Вражда либераловъ — т. е. въ настоящее время цѣлой массы общества, съ клерикальной партіей (*partito pretino*), разумѣется, гораздо старѣе теперешняго вопроса. Начало вражды теряется почти «во мракѣ древности», и интересы обѣихъ сторонъ такъ противоположны, что онѣ встрѣчаются враждебно въ каждомъ важномъ предметѣ общественной жизни и цивилизаціи. Клерикальные итальянцы

лскіе журналы (L'Armonia, Campanile, Cattolico, савойскій Bon sens и др.) совершенные двойники парижскихъ Univers, Ami de la religion, Gazette de France и не уступаютъ имъ ни въ фанатизмъ, ни въ другихъ ультрамонтанскихъ качествахъ. Главный изъ нихъ, L'Armonia, издается въ Туринѣ дономъ Марготти, авторомъ курьёзной книги Le vittoiee della Chiesa (исторія правленія Піа IX) и давнишней басней итальянскихъ журналовъ. Донъ Марготти—ревностный защитникъ папскихъ интересовъ и интересовъ римской церкви, понимаемыхъ по своему, и можетъ быть названъ мученикомъ своего дѣла: въ неклерикальномъ вообще Туринѣ его «Гармонія» представляетъ весьма дпкій контрастъ съ либеральной прессой и побивается ею на каждомъ шагу, на каждомъ словѣ. Книга Марготти о побѣдахъ церкви есть замѣчательное въ своемъ родѣ произведеніе. Заглавіе книги показываетъ точку зрѣнія, съ которой авторъ объясняетъ политическія и общественныя событія. Авторъ, конечно, всѣми средствами превозноситъ не только церковную сторону дѣйствій римскаго престола, но и его государственное управленіе: по его словамъ, оно не только не имѣетъ тѣхъ недостатковъ, въ которыхъ упрекаютъ его злонамѣренные люди, подкапывающіе его кредитъ, но даже могло бы служить образцомъ для европейскихъ государствъ. Именно такими же словами говорилъ недавно одинъ изъ французскихъ епископовъ, поднявшихся теперь на защиту мірской власти римскаго престола. Но Марготти несравненно любопытнѣе ихъ, тѣмъ, что проводитъ свой взглядъ на цѣлый большой томъ, по всѣмъ вѣтвямъ папскаго управленія и доказываетъ все то, чего никакъ нельзя доказать: благосостояніе страны, довольство жителей, участіе мірянъ въ управленіи, отсутствіе разбоевъ и т. д. Онъ доходитъ наконецъ до того, что, унижая постоянно протестантскія государства въ сравненіи съ Римомъ, приводитъ сравнительную таблицу издержекъ двора въ Англіи и въ Римѣ, чтобы поразить читателя скромностью послѣдняго. Цифры, дѣйствительно, очень далеки одна отъ другой; но, не говоря о другихъ разницахъ между двумя государствами, очень забавно упускаетъ изъ виду донъ Марготти, что англійская королева дама семейная, а папа, сколько извѣстно, холостякъ. Изъ этого примѣра можно видѣть, какъ разсуждаютъ эти господа; а они составляютъ обширную партію: она распространена здѣсь столько же, какъ во Франціи, если не больше, и въ случаѣ надобности можетъ доставить кому нужно цѣлую толпу слѣпыхъ фанатиковъ.

Понятно, въ какое бѣшенство приведены были ультрамонтаны послѣдними событіями: паденіемъ тосканской и моденской династій, дорогихъ имъ въ качествѣ австрійскихъ, и особенно отдѣленіемъ

Болоньи. Судьба несчастной Перуджии показала достаточно, на что способна христіанская любовь римскаго правительства. Той же участи подверглась бы и Болонья, если бы только достало силы. *Giornale di Roma* давно игнорировалъ присоединеніе Романьи къ Пьемонту, хотя правительство уже собрало войско противъ Римини; теперь папа въ рѣчи къ собранію кардиналовъ уже призвалъ на Романью тяжкія церковныя наказанія. Ультрамонтановъ много во Франціи, въ Бельгіи, но они нигдѣ не приносятъ столько вреда, какъ въ Италиі: столкновенія ихъ съ массою народа происходятъ безпрестанно, и, становясь всегда на сторону анти-національную, они могутъ вызвать весьма печальные результаты. Вы знаете о сентябрьскомъ волненіи въ Бергамо: подобные, хотя менѣе рѣзкіе, факты, повторяются безпрестанно. Каждый разъ, когда народъ хочетъ религіознымъ торжествомъ выразить свое сочувствіе къ политическимъ событіямъ, епископъ противится, открывается скандалъ, и беспорядокъ дошелъ бы до крайнихъ предѣловъ, если бы между итальянскимъ духовенствомъ не было достаточно развитыхъ людей, которые принимаютъ сторону народа и удовлетворяютъ его желаніямъ. Напримѣръ, недавно въ Реджіо муниципалія пригласила горожанъ къ *Te Deum* въ кафедралѣ, по случаю отвѣта короля моденской депутаціи; но черезъ полчаса она пригласила ихъ въ Санъ-Просперо, потому что епископъ и каноники не хотѣли согласиться на *Te Deum* по такому случаю. Въ городѣ тотчасъ же появились объявленія: *mai più a messa in duomo* — никогда больше не ходитъ къ мессѣ въ соборъ, и прокламаціи, сдѣланныя самими горожанами. Образчикъ ихъ приведенъ былъ въ здѣшнихъ газетахъ:

«Принимая во вниманіе, что епископомъ не хочется, чтобы въ соборѣ молились за отечество, а только за Франческо V и за Австрію,
«Поставляется:

«Будетъ объявленъ врагомъ отечества тотъ, кто войдетъ въ кафедралъ», и онъ, — дѣйствительно, остался пустъ: вся толпа была въ Санъ-Просперо. Недавно также во всѣхъ значительныхъ городахъ сѣверной Италиі происходили торжественныя мессы въ память Давіэля Манина, знаменитаго диктатора Венеціи. Мессы были въ городахъ, принадлежащихъ Австріи, въ самой Венеціи; но въ одномъ изъ свободныхъ городовъ епископъ отказывался отъ церемоніи, отговариваясь незнаніемъ о смерти Манина! Въ Неаполь, этой классической странѣ чудесъ въ наше невѣрующее время, духовные партизаны свѣтскаго папы увѣряютъ народъ, что въ Болоньи совершаются чудеса, что нѣсколько демагоговъ пали мертвыми, приближившись къ алтарю Мадонны, что самъ Гарибальди пораженъ былъ апо-

плексіей, преступивши не помню какое правило церкви. Толпа, чрезвычайно неразвитая въ Неаполѣ, пожалуй, вѣрять всѣмъ подобнымъ выдумкамъ, какъ вѣрять въ кровь св. Януарія.

Самымъ важнымъ поводомъ къ борьбѣ, уже начавшейся теперь, было, конечно, дѣло Романьи. Въ Римѣ еще надѣются, что провинціи вернутся къ прежнему повиновенію; на дѣлѣ это возвращеніе къ старому возможно только при вооруженной силѣ. Въ итальянскомъ духовенствѣ, какъ во французскомъ, уже много людей, совершенно отдѣляющихъ вопросъ католицизма отъ вопроса о свѣтскомъ государствѣ папы: между такими людьми былъ во Франціи Равиньянтъ, котораго не могли бы заподозрить самыя ярые ультрамонтаны. Знаменитая идея о переводѣ папы въ Іерусалимъ нашла горячаго проповѣдника также въ аббатѣ. Общество, конечно, еще болѣе свободно отъ предрасудка, который покидаютъ даже ревностные духовные. Въ Романьѣ, наиболѣе развитой части Папскихъ Владѣній, мысль о секуляризаціи очень стара, и теперь журналистика употребляетъ всѣ усилія, чтобы разрушить фантомъ, отъ котораго дипломатія, къ сожалѣнію, далеко не такъ свободна, какъ всѣ порядочные люди. Что сказала бы Франція — говорятъ публицисты Болоньи, обращаясь къ своимъ католическимъ братьямъ, — если бы правительство ея предложило возвратить панѣ Авиньонъ? Между тѣмъ, ничего не можетъ быть справедливѣе, если только допускать церковно-политическія права папы. Авиньонъ принадлежалъ Риму до самаго 1792 г., когда декретъ Национальнаго собранія присоединилъ его къ французской территоріи. Франція оперлась бы, конечно, на принципы 1789 г. и договоры 1815; но отговорка была бы болѣе политическая, чѣмъ приличная вѣрующему католику; что сказали бы французы, если бы прелаты взяли за должность префектовъ, кардиналы получили гражданскую власть, начали собирать у себя общество, посѣщали спектакли и въ заключеніе обирали народъ? Они, конечно, вспомнили бы о конкордатѣ. Французы, дѣйствительно, не всегда представляютъ себѣ достаточно ясно всѣ подобныя неудобства папскаго управленія, и, напримѣръ, даже порядочные журналы, какъ «Débats», разрѣшаютъ иногда это дѣло гораздо умѣреннѣе, чѣмъ требуетъ его сущность. Полуофициальная брошюра: «Napoléon III et l'Italie», знакомая очень хорошо съ обстоятельствами, предлагала три средства для устраненія всѣхъ затрудненій, не лишая папу свѣтской власти: первое «помирить правленіе церкви съ законнымъ и правильнымъ политическимъ управленіемъ въ Папскихъ Владѣніяхъ», — другими словами, папа долженъ бы дать конкордатъ, который бы ограничивалъ власть его какъ папы; второе — «сдѣлать

папу независимымъ отъ вопросовъ національности, войны, вооруженія, защиты внутренней и вѣншей», — но это опять значитъ лишить папу его вліянія, за которое онъ стоитъ такъ упорно; третье — «устроить туземную армію и замѣнить французское войско покровительствомъ серьезной и дѣйствительной итальянской силы», — но католики думаютъ, что для папы унижительно такое покровительство; да и изъ кого набрать въ туземную армію для покровительства папѣ — изъ римлянъ, противъ которыхъ собственно и держится французское войско? До сихъ поръ папу поддерживали только австріяцы, французы и швейцарцы.

Когда Викторъ-Эммануэль, принявъ романскую депутацію и отдавши все должное уваженіе папѣ, какъ государь католическій, взялъ на себя дѣла Романы, какъ государь итальянскій, ультрамонтанскіе журналы сильно взволновались, говорили о нарушеніи божественнаго права, о расхищеніи достоянія св. Петра. Либеральные журналы справедливо замѣчали на это, что царство Иисуса Христа было, по Его собственнымъ словамъ, «не отъ міра сего», а достояніе св. Петра заключалось въ одномъ хитонѣ и парѣ сандалій. Въ образчикъ языка либеральныхъ журналовъ, раздраженныхъ завистью клерикальной партіи, приводимъ возраженіе, сдѣланное ей въ *Risorgimento*: оно любопытно, какъ голосъ общаго мнѣнія.

«Нетрудно угадать—говоритъ онъ—какое будетъ поведеніе римскаго двора. Онъ будетъ взывать о святотатствѣ, такъ, чтобы его воззванія раздались во всѣхъ концахъ земли.

«Люди и государство составляютъ наследственную *собственность*, составляютъ *именье*. вещь, принадлежащую клиру, вѣчто низшее, чѣмъ онъ. Кто касается ихъ—отлученъ отъ церкви; потому предаются проклятію тѣ, кто сдѣлалъ въ архивѣ гербы св. отца, кто объявилъ, что не желаетъ болѣе папскаго правительства, кто провозгласилъ себя свободнымъ, кто, готовый защищать свое дѣло оружіемъ, избралъ себѣ другаго короля, и наконецъ самый этотъ король, который принималъ поступокъ народовъ какъ законный, право, ему переданное, какъ неоспоримое и святое.

«Римскій дворъ можетъ, однако, взывать изъ своихъ консисторій, можетъ пускать въ ходъ всѣ усилія, чтобы возстановить свои невѣроятныя и безумныя теоріи: мы не вѣримъ, и міръ не вѣритъ больше въ отлученія, которыя посылаются столько же по человѣческимъ причинамъ, сколько по божественнымъ, столько же для увеличенія своей казны, сколько для славы евангелія, столько же, чтобы удержать на головѣ царскій вѣнецъ, сколько для болѣе

славнаго, даннаго Христомъ своимъ послѣдователямъ, въ вида смирѣнія и любви. Міръ не обманываетъ себя больше, и изъ евангелія нельзя сдѣлать перепечатки, говорящей то, чего оно не говоритъ.

«Пусть скажетъ намъ римскій дворъ: когда въ 1797 году Наполеонъ I завоевалъ эти самыя провинціи, которыя теперь освободились, объявилъ ли Пій VI его и французскую армію отлученными отъ церкви? Нѣтъ. Ссымался ли тотъ же Пій VI на двадцать-второе засѣданіе Тридентскаго собора, которое теперь съ триумфомъ носитъ римскій дворъ? Никто не думалъ о такомъ безсмысленномъ поступкѣ. Отказался ли Пій VI отъ права на эти провинціи? Да. Могъ ли бы онъ такъ сдѣлать, если бы они были неотчуждаемымъ достояніемъ церкви? Нѣтъ. Участвовала ли въ этомъ актѣ Священная Коллегія? Да. Еще: не подтвердилъ ли Пій VII дѣла Пія VI? Да. Не уступилъ ли Наполеону (который, по нынѣшнимъ теоріямъ, былъ бы больше, нежели отлученъ) права назначать епископовъ и архіепископовъ въ этихъ самыхъ провинціяхъ? Да, и это было въ 1803 году. Не отправился ли въ 1804 г. изъ Рима Пій VII, чтобы помазать на царство этого отлученнаго? Да. Кардиналъ Каррара, какъ *легатъ папы Пія VII*, не короновалъ ли въ Миланѣ этого самого Наполеона, какъ короля этихъ романскихъ провинцій, которыя онъ завоевалъ и занялъ? Да. И послѣ всѣхъ этихъ фактовъ, принадлежащихъ исторіи, намъ говорятъ, что государства и народы составляютъ неотчуждаемое достояніе церкви, что *ipso facto* отлучаются отъ церкви тѣ, кто вступаетъ въ ея права, кто признаетъ въ себѣ право разума, врожденное народамъ, что отлучается и сардинскій король, принявшій *ex jure* добровольное подданство, имѣющее самое законное происхожденіе.

«Кардиналъ Антонелли могъ бы сберечь свое ученіе для Китая и для Индіи: на насъ оно уже не дѣйствуетъ, и средніе вѣка для насъ уже стали древностью.»

Очевидно, что люди, говорящіе такъ твердо, останутся несправимы и средніе вѣка должны будутъ уступить. Какъ совершится эта побѣда новаго времени, какъ установится въ Италіи этотъ новый протестантизмъ своего рода, мы, конечно, скоро увидимъ.

Политика наконецъ проникла и въ театръ. Флорентинская сцена въ нынѣшнюю осемя не представляетъ вообще ничего интереснаго: опера слаба, комедія и драма берутся большею частію изъ французскаго репертуара, изрѣдка обращаясь къ Гольдони; только народный театръ съ его Стентерелло хорошъ, какъ онъ бываетъ обыкновенно. Несмотря на то, благодаря политическимъ событіямъ, мнѣ случилось быть свидѣтелемъ весьма интереснаго спектакля. Это

была смѣлая политическая пьеса, какія рѣдко удается видѣть на самыхъ свободныхъ сценахъ. Въ мартѣ нынѣшняго года я видѣлъ подобный спектакль въ Берлинѣ, въ заведеніи Кроля, во время карнавала. Тогда еще ждали войны; нѣмецкая ревность къ Франціи была крайне возбуждена, и нѣмцы разыграли комедію подъ заглавіемъ: «Anton! steck' den Degen ein!» гдѣ императоръ французовъ, исполненный въ высшей степени похоже желчнымъ комикомъ Гельмердингомъ, дѣйствовалъ какъ главное лицо фарса, съ другимъ императоромъ, Сулукомъ, и въ самой вульгарной обстановкѣ. Флорентинская пьеса была проникнута комизмомъ менѣе желчнымъ, но все-таки достаточно сильнымъ и наркотическимъ. Въ среду 28 сентября, театръ Кокомеро объявилъ новую пьесу: *La guetta e la rase*, туринца Федерико Гарелли (по привычкѣ къ старому раздѣленію, она все еще означаютъ мѣстное происхожденіе авторовъ). Въ обыкновенномъ комическомъ сюжетѣ пьеса передаетъ всю исторію итальянскаго вопроса. Дѣйствующимъ лицамъ даны очень прозрачныя имена, подъ которыми зритель узнаетъ безъ труда, на кого указываетъ авторъ. Онъ вывелъ, такимъ образомъ, на сцену Пиемонтъ, Францію, Англію, Австрію, Ломбардію, Римъ, Неаполь, Россію, Пруссію, Романью и Герцогства. Сюжетъ состоитъ въ слѣдующемъ. Молодая сирота Челестина Ломбарди страдаетъ подъ несносной опекой старой госпожи Скардассы — scardassare значитъ чесать шерсть, или, переносно, обирать — которая своимъ злобнымъ видомъ, своими цѣтми, чернымъ на платѣ и желтымъ на чепцѣ, тотчасъ дала понять публикѣ, кого она изображаетъ. Сирота не выдержала наконецъ мелкихъ преслѣдованій и обидъ и, узнавши о пріѣздѣ друга ея семейства кавалере Витторіо Леали, открыто отказывается отъ повинновенія своей опекунишѣ. Кавалере Витторіо явился въ сардинскомъ мундирѣ съ историческими длинными усами и столь же длинной испаньолкой. Публика приняла съ восторженными рукоплесканіями этотъ симпатичный для нея портретъ. Кавалере передаетъ дѣвушкѣ трехцвѣтнй букетъ, выражаетъ ей свое горячее сочувствіе и обѣщаетъ сдѣлать все для ея защиты — новыя рукоплесканія. Мадамъ Скардасса, пораженная отпоромъ своей воспитанницы, приглашаетъ на совѣтъ своихъ старыхъ друзей: сеньора Торменту, очень вѣрно изобразившаго неаполитанскаго короля Фердинанда, и профессора дона Лакриму, появленіе котораго на сценѣ встрѣчено было взрывомъ всеобщей веселости (*). Профес-

(*) Для объясненія его прозвища приводимъ извѣстіе объ этой личности въ одной изъ послѣднихъ римскихъ корреспонденцій: *egli è un santo uomo che non sa più che piangere, pregate ed invitare quelli che lo circondano alla rassegnazione*. Онъ, впрочемъ, извѣстенъ мягкостью и слабостью сердца.

соръ очевидно принадлежитъ къ клиру, какъ показываютъ его костюмъ и титулъ *дона*, прибавляемый обыкновенно къ именамъ духовныхъ лицъ; онъ имѣетъ видъ благодушія и кротости, подѣ которыми видна, впрочемъ, хитрость и вмѣстѣ трусость. Актеръ, игравшій *дона Лакриму*, великолѣпно передавалъ эту клерикальную личность; вся внѣшность была очень удачно скопирована съ извѣстнаго подлинника, манеры котораго актеръ зналъ, кажется, хорошо. Товарищъ и другъ его большею частью бросаетъ только свирѣпыя взгляды и односложныя восклицанія и, повидимому, неспособенъ ни къ долгой рѣчи, ни къ долгому размышленію. Когда ихъ пріятельница передала имъ свои опасенія, синьоръ Тормента предлагаетъ ей для укрощенія воспитанницы своей способъ дѣйствій: «у меня въ домѣ всегда смиренно; чуть кто подниметъ голосъ, я сажаю его въ отдѣльную комнату на хлѣбъ и на воду, и все проходитъ». Опекунша съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что въ ея случаѣ нельзя такъ дѣйствовать, что ея воспитанница дѣвушка взрослая. «Что вы скажете объ этомъ, донъ Лакрима?» — Надобно сообразить, *bisogna consoprire*, отвѣчаетъ святой отецъ, и публика предается неудержимому смѣху, который возбуждаетъ въ ней двоякій смыслъ послѣдняго слова, напоминающаго о недавно изобрѣтенномъ догматѣ Иммакулаты. Такимъ образомъ завязывается дѣйствіе. Послѣ разныхъ мѣръ съ той и другой стороны рѣшено было собрать совѣтъ, на который пригласили адвоката Москоне—похожаго на одного извѣстнаго дипломата—съ его секретаремъ Прусси. Происходитъ забавное засѣданіе, послѣ котораго адвокатъ объявилъ, къ удовольствію публики, что мадамъ Скардасса должна уступить. На совѣтѣ, кромѣ ея друзей, были также и друзья ея воспитанницы, кавалере Витторіо, полковникъ Луиджи и сэръ Джонъ. Синьоръ Тормента выражается односложными восклицаніями. Донъ Лакрима дѣлаетъ разныя методичныя предложенія для примиренія враговъ; но его постоянно обрываютъ, и онъ труситъ. Безпрестанные политическіе намеки дѣлаютъ эту сцену очень забавной. Донъ-Лакрима замѣчаетъ, наприимѣръ, что Челестивъ неприлично носить трехцвѣтный букетъ, который похожъ на символъ революціи; но ему напоминаютъ, что было время, когда онъ самъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, падѣвалъ эти цвѣты, и что потому они вовсе нескстати вооружаются противъ нихъ. Опекунша, однако, не послушалась рѣшенія совѣта, и тогда обѣ стороны начинаютъ открытыя враждебныя дѣйствія. Опекунша заперла свою воспитанницу на ключъ; донъ Лакрима съѣздилъ къ настоятелю монастыря и приготовилъ для непослушной келью. Но они ошиблись въ расчетѣ: Витторіо, съ помощью Луиджи, похищаетъ Челестину, кавалере

вступаетъ съ ней въ законный бракъ, и Скардасса уничтожена. Донъ Лакрима восклицаетъ въ святомъ ужасѣ: *Scommunicati, Scommunicati!* Его, впрочемъ, никто не слушаетъ, и онъ совершенно сконфуженъ: «мнѣ остается только отправиться въ Іерусалимъ—говорить онъ—тамъ я осную свое царство!» Публика покрываетъ смѣхомъ его слова — и конецъ пьесы.

Пьеса была разыграна отлично; актеры прекрасно воспользовались и патетическими и комическими мотивами пьесы, и она имѣла рѣшительный успѣхъ. На другой день, въ четвергъ, объявлено было второе представленіе; но среди дня афиши были сняты и представленіе запрещено. Правительство нашло пьесу несвоевременной и не хотѣло раздражать ею тѣхъ, которые и безъ того преслѣдуютъ своихъ враговъ отлученіями. Дѣйствительно, какъ послѣ оказалось, представленія этой пьесы въ другихъ городахъ уже обратили на себя вниманіе римскаго двора, и папа, въ своей рѣчи 26 сентября, говорилъ уже: *negli spettacoli di teatro si offende l'onesta publica de costumi, il pudore e la virtù, e le persone consacrate a Dio sono esposte al disprezzo e alla derisione universale.* Запрещеніе ея было мѣрой осторожности, за которую нельзя упрекать тосканское правительство.

Въ другой разъ я отправился въ народный театръ. Мнѣ хотѣлось видѣть маленькую патриотическую демонстрацію: афиша объявляла послѣ пьесы *l'inno sulla caduta della casa di Lorena in Firenze.* Флорентинскій народный театръ «Политеама» даетъ спектакли по воскресеньямъ, подъ открытымъ небомъ, послѣ четырехъ часовъ. Какъ обыкновенная народная комедія въ Италіи, эта имѣла также свой извѣстный типъ: въ Римѣ онъ называется Кассандрино, въ Неаполѣ Пулччинелла; во Флоренціи эту роль занимаетъ Стентерелло, глуховатый полу-слуга, полу-паясъ, добродушный, но вмѣстѣ хитрый. Опъ необходимое лицо въ каждой пьесѣ, которой онъ главнымъ образомъ придаетъ интересъ своими выходками, остротами, иногда очень мѣткими. Впрочемъ, теперь онъ уже не ограничивается своимъ обыкновеннымъ амплуа и принимаетъ на себя другія главные роли пьесы. Народная комедія составляетъ въ Италіи любопытный и все еще живой остатокъ старины. Я видѣлъ въ Туринѣ другаго Стентерелло, пріѣзжаго изъ Флоренціи, и мнѣ было интересно сравнить двухъ разныхъ исполнителей типа. Ихъ костюмъ, пріемы, комизмъ были одинаково соблюдены обоими: такъ сильно преданіе утвердилось въ народной комедіи. Флорентинскій Стентерелло, какъ обыкновенно такіе актеры, былъ любимцемъ своей публики.... Пьеса кончилась. Черезъ вѣсколько минутъ является Стентерелло и начинаетъ, какъ всегда, объявлять о спектаклѣ буду-

щаго воскресенья; но публика не слушала, начала хлопать и кричать, Стентерелло переминался, говорилъ снова, но публика опять прерывала его криками. Я ничего не понималъ. Наконецъ я понялъ, чего требовала публика: Стентерелло началъ на своемъ гортанномъ флорентинскомъ нарѣчїи пѣть стихи, неозначенные на афишѣ и, можетъ быть, принадлежащіе его собственному остроумію, — и они вполне удовлетворили слушателей; въ пѣснѣ говорилось о due roccelli, l'uno fiorentino, l'altro Modanese. Потомъ былъ рецитированъ и другой гимнъ, уже означенный на афишѣ и также вызвавшій громкія рукоплесканія.

Запрещеніе пьесы въ театрѣ Кокомеро вызвало на слѣдующее воскресеніе маленькую демонстрацію: когда нельзя было ясно говорить на сценѣ о политикѣ, театры достигали этого другимъ способомъ. Одинъ обѣщалъ пьесу подъ заглавіемъ: *Il cittadino di Gand, ovvero la conduista (большими буквами) dell' Indipendenza Nazionale*— «Гентскій гражданинъ или завоеваніе національной независимости», и кромѣ того приготавливалъ «Вильгельма Телля»; другой объявлялъ *la rappresentazione straordinaria, il dramma spettacoloso*, которая называлась *La caduta del duca Gloucester*, (большими буквами) *tiranno regnante, ovvero l'ascensione al trono di Edouardo quinto*— «паденіе герцога Глостера, царствующаго тирана, или восшествіе на престолъ Эдуарда-Пятаго» — афиша прибавляла подробную программу спектакля, въ заключеніе которой опять большими буквами напечатано было *la giustizia di Dio*. Очень понятно было, къ кому относились эти типографскіе намеки: въ концѣ обѣщались гимны на паденіе Австро-лотаринскаго дома....

Когда я кончаю это письмо, газеты приносятъ новыя распоряженія и декреты правительства, клонящіеся къ единству: съ 11 октября внутреннія таможи между Сардиніей, герцогствами и Романьей уже не существуютъ. Риказоли, говорятъ, послѣ переговоровъ съ Чиприани и Фарини, и его министерство обнаруживаютъ сильную дѣятельность, и соединеніе Италїи становится уже ощутительнымъ фактомъ. Если не поднимется реакція и нынѣшнее движеніе пойдетъ твердо впередъ, то можно сказать, что мы присутствуемъ при одномъ изъ важнѣйшихъ моментовъ всей итальянской исторїи, который долженъ закончить старый періодъ и начать болѣе обѣщающій новый.

Что дѣлается въ остальной Италїи въ это время? Она до сихъ поръ исключена изъ центральнаго движенія; но въ Венеціи, гдѣ Австрія возстановляетъ прежній несносный режимъ, жители протестуютъ всѣми возможными для нихъ демонстраціями въ предѣлахъ

закона и эмигрируютъ въ Ломбардію, какъ въ началѣ войны эмигрировали изъ Ломбардіи въ Сардинію; въ Римѣ населеніе въ постоянномъ неудовольствіи и держится въ покоѣ только французскими штыками; въ провинціяхъ грабежъ делегатовъ и возстанія, какъ въ Абруццахъ. Въ Неаполѣ въ полномъ ходу укротительная система короля Фердинанда: но Сицилія готова къ возстанію. Кровавыя сцены уже происходили, въ самомъ Неаполѣ сильное броженіе, которое правительство видитъ, но которое не можетъ остановить. Идея о національности и свободѣ распространилась по цѣлой Италіи.

Все это ждетъ только своей очереди.

А. ПЫШИНЪ.

12 октября н. ст. 1859.

ПОЛИТИКА.

ПАРИССКАЯ СЦЕНА 5-ГО ОКТЯБРЯ. — БЕЗДѢЙСТВІЕ САРДИНИИ. — ВОЗНИКНОВЕНІЕ НѢКОТОРОЙ ЭНЕРГИИ ВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВАХЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИТАЛІИ. — ПРИБЛИЖЕНІЕ ВООРУЖЕННОЙ РЕАКЦИИ. — ОЧЕРКЪ ПОЛОЖЕНІЯ ДѢЛЪ ВО ФРАНЦИИ, АНГЛИИ, ГЕРМАНИИ, АВСТРИИ. — ЗАГОВОРЪ ВЪ ТУРЦИИ.

Временныя правительства центральной Италиі имѣли передъ собою двѣ дороги: они могли стремиться къ достиженію своей цѣли, къ соединенію съ Піэмонтомъ, опираясь на энтузіазмъ народа, отважно возбуждая патріотизмъ въ массахъ и быстро набирая какъ можно больше войска, для того, чтобы собственною силою защищать желанія центральной Италиі противъ австрійцевъ, противъ папы и другихъ враговъ, которые вздумали бы вооруженною рукою помѣшать осуществленію національнаго стремленія. Но мы видѣли, что подобная отважность и самоувѣренность не соответствовала духу и положенію людей, руководящихъ дѣлами центральной Италиі. Гораздо безопаснѣйшимъ казался для нихъ другой способъ дѣйствованія: они хотѣли показать европейскимъ правительствамъ, что не имѣютъ ничего общаго съ какими нибудь бурными демагогами, и что національное движеніе сохраняетъ подъ ихъ руководствомъ характеръ безукоризненной законности; они надѣялись доказать, что дѣло центральной Италиі не заключаетъ въ себѣ никакихъ революціонныхъ тенденцій, такъ что самыя консервативныя правительства могутъ оставаться имъ довольны и своею дипломатическою помощію защищать его отъ австрійцевъ. Само собою разумѣется, что такая политика заключала въ себѣ два очевидныя заблужденія. Правители

центральной Италіи совершенно напрасно воображали, что какими бы то ни было усиліями могутъ придать себѣ законный характеръ въ глазахъ правительствъ континентальной Европы. Какъ бы консервативно ни держали себя тосканскій диктаторъ Риказоли и романьольскій диктаторъ Чипріани, все-таки и происхождение и стремленіе ихъ власти придавало ей неизгладимую печать революціонности. Временныя правительства центральной Италіи были основаны возмущеніемъ противъ легитимной власти и стремятся они къ тому, чтобы предотвратить возстановленіе законныхъ владѣтелей, чтобы замѣнить государей, имѣющихъ право владычествовать надъ своими землями по легитимному принципу, такимъ государемъ, какого само населеніе центральной Италіи вздумало выбрать себѣ безъ всякаго уваженія къ династическому принципу и правамъ освященнымъ трактатами. Благопріятствовать этимъ правительствамъ, по самому ихъ происхожденію, могли только державы, признающія верховную власть народа, но никакъ не могли правительства, основанныя на легитимности. Еще ошибочнѣе была ихъ надежда до такой степени предотвратить всякія народныя волненія, чтобы не дать своимъ противникамъ никакого предлога обвинить національное движеніе центральной Италіи въ связи съ демагогическими тенденціями. Одно изъ главныхъ различій легитимнаго правительства, освященнаго древностью, отъ правительства, вчера возникшаго изъ политическаго кризиса, заключается въ томъ, что народъ, недавно учредившій правительство по своему выбору, никакъ не можетъ имѣть той привычки всѣ свои чувства подчинять его рѣшенію, кака я господствуетъ въ народѣ подъ властью стариннаго и легитимнаго правительства. Потому, какъ бы ни старалось новое, возникшее изъ политическаго переворота правительство предотвратить шумныя уличныя сцены, столь противныя натуральному чувству легитимныхъ правительствъ, оно не можетъ совершенно устранить подобныхъ событій: такъ или иначе, но все-таки произойдетъ что нибудь несообразное съ обычными требованіями системы безмятежнаго спокойствія, потому что населеніе уже имѣетъ мысль дѣйствовать самостоятельно и считать себя высшей правительственной властью. Изъ этого надобно выводить, что если временныя правительства центральной Италіи хотѣли удержать общественную жизнь и событія своихъ областей въ томъ спокойствіи, безъ котораго не могли эти правительства называть себя чистыми отъ революціонныхъ безпорядковъ, то имъ оставалось только стараться о возстановленіи законныхъ правительствъ и спѣшить какъ можно скорѣе передать свою власть—въ Романьи папскому правительству, въ Тосканѣ, Пармѣ и Моденѣ представителямъ законныхъ династій. Только быстрое возста-

новленіе прежнихъ правительствъ могло предупредить революціонныя сцены, и только отреченіе отъ своей власти въ пользу законныхъ династій могло отчасти загладить въ глазахъ легитимности преступность революціоннаго происхожденія нынѣшнихъ временныхъ правительствъ центральной Италіи. Но, по обыкновенному самообольщенію либераловъ, люди, управляющіе нынѣ дѣлами этихъ областей, никакъ не понимаютъ, что они не могутъ не казаться преступными революціонерами въ глазахъ легитимности, и что не въ силахъ они предотвратить революціонныхъ сценъ. Почти не натуральнымъ явленіемъ надобно было назвать то, что около пяти мѣсяцевъ центральная Италія провела подъ властью временныхъ правительствъ безъ такихъ сценъ. Это объясняется только тѣмъ, что до половины іюля военное одушевленіе отнимало у народа охоту ко вспышкамъ со всякою другою мыслью; а по заключеніи мира, почти до половины сентября, населеніе центральныхъ итальянскихъ областей думало, что ихъ присоединеніе къ Піэмонту дѣло уже рѣшенное, исполненіе котораго не требуетъ никакихъ усилій, не подлежитъ никакимъ опасеніямъ, что сардинскій король не колеблется принять ихъ въ составъ своего государства, а Франція благопріятствуетъ такой развязкѣ. Когда съ половины сентября сталъ разъясняться для массы фактъ, съ самаго начала бывшій очевиднымъ для лучшихъ публицистовъ западной Европы, — когда населеніе центральной Италіи увидѣло, что само должно энергически хлопотать объ исполненіи своего желанія, которое подвержено великимъ опасностямъ, что не только Франція, но даже и Сардинія не намѣрены жертвовать своими дипломатическими отношеніями для избавленія центральной Италіи отъ необходимости защищать свое дѣло своими собственными силами, — словомъ сказать, какъ только пробудились въ массахъ усыпленные на время мысли, заботы и опасенія, свойственныя періодамъ политическихъ кризисовъ, съ каждымъ днемъ надобно стало ожидать, что произойдетъ въ томъ или другомъ городѣ какая нибудь изъ уличныхъ сценъ, неразлучныхъ съ революціоннымъ состояніемъ. Надобно приписать мягкости итальянскаго характера то, что почти цѣлый мѣсяць, до 5 октября, замедлилось появленіе первой изъ этихъ неизбѣжныхъ вспышекъ. Либеральныя газеты наполнены очень возвышенными разсужденіями о томъ, что убійство графа Авити въ Пармѣ не должно быть поставляемо въ вину, ни временнымъ правительствамъ центральной Италіи, ни національному движенію, которымъ взялись руководить эти правительства. Съ тѣмъ вмѣстѣ онѣ расточаютъ цѣлые потоки еще болѣе краснорѣчивыхъ фразъ о преступности и гнусности этой самоуправной казни. Намъ кажется,

что либеральныя газеты совершенно ошибаются. Само собою разумѣется, что ни Фарини, пармскій диктаторъ, ни одинъ изъ чиновниковъ пармскаго управленія не имѣлъ намѣренія убивать Анвита; но что жъ изъ этого слѣдуетъ? Изъ тѣхъ людей, которые поразили Анвита своими кинжалами, навѣрное также ни одинъ, за полчаса до убійства, не поколебался бы сказать, что убивать какого бы то ни было преступника самоуправнымъ образомъ вовсе не слѣдуетъ, а надобно предать его правильному суду. На другой день послѣ этого событія почти каждый изъ участвовавшихъ въ убійствѣ также навѣрное готовъ былъ бы согласиться, что этотъ поступокъ былъ великимъ неблагоразуміемъ, тѣмъ болѣе излпшнимъ, что Анвита не избѣжалъ бы наказанія и по приговору правильнаго суда, имѣя противъ себя улики въ дѣйствіяхъ, наказываемыхъ уголовными законами. Убійство было слѣдствіемъ мгновеннаго увлеченія, которому въ совершившихъ его вовсе не предшествовала преднамѣренность и за которымъ навѣрное послѣдовало въ нихъ сожалѣніе о вредномъ для итальянскаго дѣла поступкѣ. Въ чемъ же состоятъ существенныя черты поведенія этихъ людей? Они увлеклись порывомъ чувства. Но если этотъ порывъ ставится теперь въ характеристику имъ и если они называются людьми запятнавшими себя преступленіемъ, то какимъ же образомъ не будетъ характеристика эта относиться и къ движенію, неминусемо соединенному съ порывами, подобными самоуправной казни графа Анвита? Если этотъ фактъ служить пятномъ для людей, къ жизни которыхъ принадлежитъ, то мы не видимъ, какимъ образомъ можетъ быть очищено отъ него и то движеніе, къ которому онъ принадлежитъ. Идемъ далѣе. Могутъ ли быть освобождены отъ отвѣтственности за него и люди, руководящіе итальянскимъ движеніемъ? Передъ уголовнымъ судомъ, конечно—да; но передъ исторіею и инстинктивнымъ здравымъ смысломъ массы—нѣтъ. Кто беретъ за дѣло, тотъ долженъ знать, къ чему поведетъ оно; и если не хочетъ онъ неизбежныхъ его принадлежностей, онъ не долженъ хотѣть и самаго дѣла. Политическіе перевороты никогда не совершались безъ фактовъ самоуправства, нарушавшаго формы той юридической справедливости, которая соблюдается въ спокойныя времена. Перевороты волнуютъ народное чувство, взволнованное чувство забываетъ о формахъ. Кто не знаетъ этого, тотъ не понимаетъ характера силъ, которыми движется исторія, не знаетъ человѣческаго сердца. Человѣкъ, который принимаетъ участіе въ политическомъ переворотѣ, воображая, что не будутъ при немъ много разъ нарушаться юридическіе принципы спокойныхъ временъ, долженъ быть названъ идеалистомъ. Для руководителей нынѣшняго движенія центральной Италіи только и суще-

ствуешь это одно извиненіе въ избавленіе имъ отъ прямой отвѣтственности за смерть Анвита. Они могутъ сказать, что не предполагали неизбежности такихъ эпизодовъ въ дѣлѣ, за которое брались. Мы совершенно вѣримъ искренности этого извиненія, но, снимая съ нихъ прямую юридическую отвѣтственность, оно налагаетъ на нихъ тѣмъ болѣе тяжелую вину передъ исторіей. Человѣкъ бываетъ виновенъ передъ исторіей, когда берется за дѣло, характера котораго не понимаетъ. Онъ виновенъ потому, что своими ошибками приноситъ слишкомъ много вреда и дѣлу и всѣмъ, кого оно касается. Мы теперь говоримъ вообще о всѣхъ руководителяхъ движенія въ центральной Италиі. Что касается въ частности Фарини, пармскаго диктатора, то мы увидимъ, что онъ передъ исторіей виновенъ меньше всѣхъ другихъ правителей центральной Италиі. Если движеніе было ведено не такъ, какъ слѣдовало идти ему, то не отъ Фарини, по крайней мѣрѣ, происходилъ этотъ вредъ; напротивъ онъ дѣлалъ все что могъ для избѣжанія ошибокъ и своимъ вліяніемъ успѣвалъ исправлять нѣкоторыя изъ нихъ. Осудить его можно развѣ за то, что онъ согласился стать въ положеніе, связывающее его зависимою отъ людей, системы которыхъ онъ не можетъ одобрять. Но и за это порицать его трудно: диктаторъ самой маленькой части союза, онъ не могъ принять болѣе рѣшительнаго тона, не могъ требовать, чтобы Тоскана и Романья поставили свою политику въ зависимость отъ политики Пармы и Модены; стало быть довольно и того, что онъ успѣлъ убѣдить ихъ сдѣлать хоть что нибудь.

Къ чему говорили мы все это? Къ тому ли, чтобы осудить итальянское движеніе, или къ тому, чтобы защищать пармскую сцену 5 октября? Ни то, ни другое. Читатель давно долженъ былъ замѣтить, что мы вообще стараемся не брать на себя претензіи хвалить и порицать, а стараемся только рассказывать факты и объяснять связь между ними: читатель не ребенокъ, онъ можетъ самъ видѣть, что хорошо, и что дурно, какое дѣло заслуживаетъ сочувствія, какое заслуживаетъ вражды. По всей вѣроятности, читатель и безъ нашихъ разсужденій знаетъ, что убійство не есть дѣло особенно хорошее. Очень можетъ быть, что онъ также самъ понимаетъ, хорошо или дурно дѣлаетъ нація, стремясь избавиться отъ иноземнаго ига. Стало быть, можно намъ положиться на его собственное чувство въ выборѣ между итальянцами и австрійцами; мы нечли бы обидою для читателя внушать ему, какъ ребенку, что дурное—дурно, а хорошее—хорошо. Мы имѣемъ въ виду совершенно иной вопросъ, и стараемся изложить его какъ можно яснѣе.

Зло и добро такъ тѣсно смѣшаны въ мірѣ, что нѣтъ добраго дѣла, въ которомъ не было бы сторонъ дурныхъ, нѣтъ дурнаго дѣла,

въ которомъ не было бы сторонъ хорошихъ. Возьмемъ въ примѣръ хотя итальянское національное движеніе. Положимъ, что оно представляется вамъ дѣломъ дурнымъ, — но нельзя вамъ не признаться, что одна сторона его, стремленіе націи къ сверженію иноземнаго ига, хороша. Положимъ, что оно представляется вамъ дѣломъ хорошимъ, — но нельзя вамъ не признаться, что принадлежащій къ нему эпизодъ убійства Анвита—дуренъ. Таже исторія во всемъ и всегда. Что жъ тутъ остается дѣлать? Надобно взвѣсить добро и зло, и если вамъ кажется, что въ сущности дѣло хорошо, не смущайтесь тѣмъ, что есть въ немъ стороны дурныя; если кажется, что въ сущности дѣло дурно, не обольщайтесь тѣмъ, что въ немъ есть стороны хорошия. Колебаться изъ-за этихъ разногласій между разными сторонами нечего. Да, или нѣтъ, какъ вамъ угодно, но во всякомъ случаѣ будьте тверды. Надобно быть человѣкомъ, а не флюгеромъ. Это важная вещь, это быть можетъ важнѣйшая вещь въ исторіи. Ничѣмъ такъ не задерживаются успѣхи ея, какъ жалкою склонностью большинства людей говорить нынѣ—да, завтра—нѣтъ, поддаваясь только минутнымъ впечатлѣніямъ быстро смѣняющихся фазисовъ дѣла.

Но само собою разумѣется, что для этого надобно не скрывать отъ себя ни одной изъ сторонъ, неизбѣжно принадлежащихъ дѣлу. Надобно знать, къ чему по необходимости ведетъ оно, какія явленія неизбѣжно вызоветъ. Надобно быть готову къ нимъ, иначе придется играть недостойную человѣка роль флюгера. Положимъ, напримѣръ, что вы жили въ 1848 году въ Германіи, и что вамъ надобно безплодная смуты, и вы желали восстановленія порядка, — вы должны были знать, что восстановленіе порядка повлечетъ за собою продолжительное господство реакціи съ политическими преслѣдованіями. Вы должны были быть готовы безъ ропота, безъ разочарованія, видѣть ихъ, если хотѣли восстановленія порядка. Но чаще всего мы видимъ, что нынѣ кричатъ: «восстанавливается порядокъ, ахъ, какъ мы рады!» а завтра кричатъ: «владеетъ реакція, ахъ, какъ насъ это огорчаетъ!» Это ребячество. Если вы чувствуете, что будете недовольны владычествомъ реакціи, не восхищайтесь восстановленіемъ порядка; а если чувствуете невыносимыми для васъ политическія смуты, въ такомъ случаѣ не жалуйтесь и не играйте роли либераловъ, когда придетъ реакція. Всѣ эти разсужденія сводятся, какъ видимъ, къ извѣстному выраженію Чичикова: «полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ».

Большинство, увлекающееся минутными впечатлѣніями, обнаруживаетъ этою непослѣдовательностью вредное вліяніе на ходъ дѣла обыкновенно уже тогда, когда дѣло очень сильно развилось: едва

начинает оно приносить свои плоды, какъ расположеніе къ нему въ массѣ исчезаетъ; оно лишается поддержки общественнаго мнѣнія, переходящаго на противоположную сторону, потому что въ числѣ плодовъ какого бы то ни было дѣла всегда бываетъ довольно много горькихъ на вкусъ для того самаго большинства, которому нравились цвѣтки. Оттого самыя успѣшныя дѣла въ исторіи остаются недоконченными. Возьмемъ ли мы исторію реакцій или исторію революціонныхъ движеній, мы одинаково увидимъ, что даже самыя сильныя изъ нихъ рѣдко достигали своей цѣли. Французская революція, напримѣръ, не успѣла совершенно искоренить во Франціи стараго порядка вещей: онъ воскресъ при Наполеонѣ и оказался очень сильнымъ при реставраціи; съ другой стороны и реакція, начавшаяся еще до Наполеона и почти непрерывно господствовавшая во Франціи до сихъ поръ, не успѣла искоренить ни революціонной тенденціи, ни даже законовъ ею произведенныхъ въ краткій періодъ шести лѣтъ отъ 1789 до 1795: каждый разъ, какъ только начинала она дѣйствовать успѣшно, большинство легкомысленно переходило на сторону революціи, которую также легкомысленно покидало, едва революція появлялась на горизонтѣ. Мы опять не говоримъ, какое изъ двухъ стремленій надобно считать справедливымъ и полезнымъ: стремленіе ли устроить порядокъ дѣлъ, сообразный съ новыми потребностями общества, или стремленіе возстановить старину; мы говоримъ только, что какое изъ этихъ стремленій ни назовете вы хорошимъ, все-таки неумѣнье большинства понять неразлучность нѣкоторыхъ тяжелыхъ испытаній или оскорбительныхъ для чувства явленій съ исполненіемъ предпочитаемаго вами дѣла, на сторонѣ котораго и большинство становилось по нѣскольку разъ, было причиною того, что дѣлю это оставалось недоконченнымъ и, слѣдовательно, все равно, реакціонеръ вы или прогрессистъ, вы должны быть недовольны этимъ легкомысліемъ большинства. Потому-то мы говоримъ: если человѣкъ имѣетъ потребность распространять свои убѣжденія между другими людьми, то еще важнѣе забота вообще внушать людямъ, что они должны быть тверды въ своихъ убѣжденіяхъ,—пусть имѣютъ какія хотятъ убѣжденія. О томъ, что истина привлечетъ на свою сторону большинство, беспокоиться нечего: это неизбежно. Но должно позаботиться о томъ, чтобы люди приготовились, понявъ истину, не отступить отъ нея легкомысленно изъ-за мелкихъ непріятностей, отъ которыхъ не свободно никакое дѣло.

Но если большинство бываетъ виновно въ томъ, что историческія дѣла бросаются обыкновенно, не будучи долѣланы какъ слѣдуетъ, то предводители большинства еще чаще бываютъ винов-

ны въ томъ, что дѣло подавляется въ самомъ своемъ зародышѣ гораздо прежде, чѣмъ большинство успѣло бы охладѣть къ нему. Великіе люди едва ли не потому только и бываютъ великими людьми, что спѣшатъ ковать желѣзо, пока оно горячо; умѣютъ не терять дней, пока обстоятельства благопріятствуютъ дѣлу. Но извѣстно, что не можетъ ковать желѣза тотъ, кто боится потревожить сонныхъ людей стукомъ. Только энергія можетъ вести къ успѣху, хотя бы къ половинному, если полного успѣха почти никогда не даетъ исторія; а энергія состоитъ въ томъ, чтобы, не колеблясь, принимать такія мѣры, какія нужны для успѣха. И Суворовъ, и Наполеонъ, да и всѣ великіе полководцы, начиная съ Александра Македонскаго, о которомъ такъ пылко говорилъ уѣздный учитель у Гоголя, извѣстны тѣмъ, что не жалѣли жертвъ для одержанія побѣды: ихъ сраженія были вообще страшно кровопролитны. Мы не хотимъ рѣшать, хорошая ли вещь военныя побѣды; но рѣшайтесь, прежде чѣмъ начнете войну, не жалѣть людей; а если хотите жалѣть ихъ, то не слѣдуетъ вамъ и начинать войны. Что о войнѣ, тоже самое надобно сказать и о всѣхъ историческихъ дѣлахъ: если вы боитесь или отвращаетесь тѣхъ мѣръ, которыхъ потребуетъ дѣло, то и не принимайтесь за него и не берите на себя ответственности руководить имъ, потому что вы только испортите дѣло. Нѣтъ ничего хуже, какъ если человекъ, принимающій на себя руководство дѣломъ, поддается самообольщенію относительно средствъ требуемыхъ этимъ дѣломъ и явленій, какія могутъ вызываться этими средствами. Хуже этого развѣ только то, когда онъ не понимаетъ даже и качествъ дѣла, за которое берется. Просимъ читателя помнить, что мы не говоримъ о томъ, хорошо или худо какое дѣло, а только о томъ, какъ должны дѣйствовать люди, считающіе его хорошимъ. Напримѣръ, Наполеонъ I поставилъ себѣ задачей подавить революцію во Франціи. Хороша или дурна была его цѣль, мы не знаемъ; но онъ считалъ ее хорошею, и нельзя не признаться, что онъ дѣйствовалъ, какъ слѣдовало ему дѣйствовать по натурѣ дѣла, за которое онъ взялся. Въ парламентскихъ формахъ крылся тогда революціонный духъ, — онъ уничтожилъ эти формы: революціонеры вздумали противиться ему, — онъ казнилъ или сослалъ въ ссылку революціонеровъ; правильный судъ находилъ, что для ихъ истребленія нѣтъ юридическихъ основаній, — онъ отстранилъ правильный судъ и замѣнилъ его во всѣхъ нужныхъ для дѣла случаяхъ военно-судными комиссіями; во время мира разные либералы, революціонеры и роялисты мѣшали ему, раздѣляли съ нимъ вниманіе націи, приобрътали вліяніе надъ общественнымъ мнѣ-

ніемъ, — онъ рѣшилъ, что Франція не должна имѣть мира, и велъ непрерывныя войны.

Какъ не рѣшаемъ мы, хорошо или дурно было дѣло, которое велъ Наполеонъ, а говоримъ только, что онъ умѣлъ вести его сообразно его сущности. точно также мы не говоримъ, хорошо или дурно дѣло, которое взяли вести правители центральной Италіи, а говоримъ только, что они не умѣютъ вести его, какъ слѣдуетъ, потому что не понимаютъ его сущности и боятся тѣхъ мѣръ, которыхъ оно требуетъ. Ихъ дѣло революціонное, а они воображаютъ придать ему характеръ законности; принципъ, осуществленія котораго они хотятъ — принципъ верховной власти народа — смертельно враждебенъ принципу легитимности, а они хотятъ пріобрѣсти помощь континентальной дипломатіи, которая держится договорнаго права и династическаго принципа; наконецъ, ихъ цѣль есть цѣль народныхъ стремленій, стало быть должна достигаться энтузіазмомъ массы, а они хотятъ, чтобы масса не волновалась. Быть можетъ средства, требуемыя этимъ дѣломъ, дурны, этого мы не знаемъ; но если они дурны, въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы и припиматься за дѣло. Кто не хочетъ средствъ, тотъ долженъ отвергать и дѣло, которое не можетъ обойтись безъ этихъ средствъ. Кто не хочетъ волновать народъ, кому отвратительны сцены, неразрывно связанныя съ возбужденіемъ народныхъ страстей, тотъ не долженъ и брать на себя веденіе дѣла, поддержкою котораго можетъ служить только оушевленіе массы.

Свойство фальшивыхъ положеній таково, что они вовсе не избавляютъ отъ тѣхъ бѣдъ, для избѣжанія которыхъ человекъ мѣнястъ открытое, прямое положеніе на фальшивое. Правители центральной Италіи не хотѣли свое революціонное дѣло вести революціоннымъ путемъ для того, чтобы избѣжать революціонныхъ сценъ. Смерть Аввита показала, что этихъ сценъ итальянское движеніе все-таки не избѣгаетъ. Но пора намъ, бросивъ разсужденія, перейти къ изложенію этого факта. Подробнѣйшій и, кажется, самый точный разсказъ о немъ написанъ итальянскимъ корреспондентомъ Times'a. Кромѣ его письма мы переведемъ еще письмо корреспондента Daily News, чтобы читатель могъ, сличивъ ихъ, видѣть достовѣрность тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ, по нашему мнѣнію, зависитъ характеръ сцены, возбудившей такое сильное негодованіе во всѣхъ газетахъ.

Вотъ письмо корреспондента Times'a.

«Парма, 9 октября.»

«Я пріѣхалъ въ Парму вчера вечеромъ и нашелъ городъ еще погруженнымъ въ глубочайшее отчаяніе отъ одного изъ тѣхъ дикихъ

дѣлъ народнаго мщенія, которыя предусматривались и предсказывались проникательными людьми, но отъ которыхъ по чрезвычайному счастью былъ до сихъ поръ избавленъ этотъ городъ, избавлена и вся центральная Италия.

«Передаю вамъ подробности вполнѣ, потому что руководящіе люди въ Италіи вообще полагаютъ, будто дѣйствуютъ сообразно съ благомъ своей страны, стараясь показаться иностраннымъ державамъ лучшими, нежели каковы они на самомъ дѣлѣ; а я твердо убѣжденъ, что никогда никакое дѣло не выигрываетъ отъ скриванія истины. Многіе факты основаны тутъ на однихъ народныхъ слухахъ; но я былъ чрезвычайно заботливъ и строгъ въ своихъ розысканіяхъ, потому надѣюсь, что я не прибавляю и не убавляю, а рассказываю этотъ случай, просто, какъ онъ произошелъ.

«Луиджи Анвита былъ родомъ изъ Піаченцы и принадлежалъ къ фамиліи, имѣвшей нѣкоторыя претензіи на знатность и носившей графскій титулъ. Онъ и его братъ, уже умершій, много лѣтъ жили въ Пармѣ какъ scroceli и balossi по ремеслу, т. е. какъ плуты и воры, мошенники и надуватели. Луиджи, бывшій младшимъ братомъ, вступилъ въ военную службу и въ 1848 году былъ капитаномъ; тогда, по его извѣстной дурной репутаціи, ему не позволили вступить ни въ число волонтеровъ, ни въ отрядъ регулярныхъ войскъ, посылавшихся Пармою для участія въ національной войнѣ. При востановленіи герцога Карла III, этотъ безумный правитель, выбиравшій самыхъ худшихъ людей, какихъ только можно было найти, для организованія своей нелѣпо большой арміи, быстро возвысилъ Анвиту до чина полковника. Анвита, исполненный зложелательства къ либеральной партіи, которая справедливо отвергла его, сталъ однимъ изъ главныхъ орудій сумасшедшихъ и жестокихъ подвиговъ герцога, особенно въ исполненіи тѣлесныхъ наказаній за политическія преступленія, составлявшихъ источникъ самаго сильнаго неудовольствія пармезанцевъ противъ герцога и стойвшихъ наконецъ герцогу жизни, которой онъ лишился 25 марта 1854. При регентствѣ герцогини Луизы, Анвита прославился участіемъ во всѣхъ жестокихъ мѣрахъ, принятыхъ противъ предполагаемаго убійцы герцога и былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ той систематической рѣзни 22 іюля 1854, которую никогда не могли простить пармезанскіе простые людины. 13 апрѣля 1855 г. Анвита, предметъ всеобщихъ проклятій, подвергся выстрѣлу изъ пистолета, у дверей своего дома, когда возвращался домой въ сумерки. Пуля не попала въ него, онъ остался невредимъ и общая молва была, что это мнимое покушеніе на его жизнь было его собственнымъ дѣломъ, придуманнымъ для произведенія новыхъ свирѣпостей. Дѣйствительно, онъ обвинилъ въ поку-

шеніи на убійство отставнаго рядоваго солдата Карини, предалъ его военному суду, судилъ, приговорилъ къ смерти и разстрѣлялъ, хотя говорятъ, что несчастный положительнѣйшимъ образомъ доказалъ, что во время выстрѣла находился совершенно въ другомъ мѣстѣ. Кромѣ того, Анвита арестовалъ бѣднаго цирюльника Маріо Феррари единственно за то, что онъ свидѣтельствовалъ въ пользу Карини, и цирюльникъ былъ найденъ повѣшеннымъ въ своей тюрьмѣ; тѣло его висѣло, говорятъ, въ такомъ положеніи, которое никакъ не допускало мысли, что онъ удушился самъ.

«Независть всего населенія къ Анвита стала такъ сильна, что даже правительство почло нужнымъ удалить его изъ Пармы и послать его сначала въ Понтремоли, потомъ въ Піаченцу, гдѣ его карьера была также ознаменована гнусными свирѣпостями. При паденіи правительства герцогини въ маѣ нынѣшняго года, Анвита исчезъ и съ тѣхъ поръ не было о немъ слышно.

«Я считалъ нужнымъ предварительно сообщить эти факты, чтобы читатель могъ имѣть ясныя понятія о характерѣ этого человѣка и о свойствахъ правительства, при которомъ такія чудовища пользовались властью.

«Въ пятницу, 5 числа, Анвита, переодѣтый поселявиномъ, ѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Болоньи въ Піаченцу. У него былъ паспортъ отъ папскаго правительства, и невозможно сомнѣваться въ томъ, что онъ ѣхалъ по какимъ нибудь тайнымъ сношеніямъ между папскими войсками и войсками герцоговъ моденскаго и пармскаго, собравшимися теперь въ Мантуѣ. Паспорта отъ нынѣшнихъ правительствъ у него не было, за то была медаль, служившая, какъ предполагаютъ, довѣрительнымъ знакомъ для него въ разныхъ лагеряхъ и доказательствомъ, что онъ дѣйствительно тотъ, кого ждали. Прибавляютъ—но я не удостовѣрился въ этомъ положительнымъ образомъ—что въ его сакѣ было 15,000 франковъ банковыми билетами. Подлѣ моста черезъ Энцу, въ пяти миляхъ отъ Пармы, Анвита былъ узнанъ пармезанскимъ волонтеромъ, по ремеслу сѣдельникомъ, Камоцци, который, говорятъ, получалъ отъ него обиды и однажды былъ арестованъ просто по той причинѣ, что не правился полковнику. Этотъ человѣкъ подошелъ къ нему и назвалъ его по имени, но, получивъ рѣзкій и надменный отвѣтъ, замолчалъ, и молчалъ, пока поѣздъ прибылъ на Пармскую станцію, въ 5 часовъ вечера. Тутъ онъ сказалъ объ Анвита нѣсколькимъ своимъ пріятелямъ волонтерамъ. Они его арестовали и отвели въ казарму жандармовъ (карабинеровъ) близъ porta San Barnaba, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ городскихъ воротъ и станціи. Едва только помѣстили они Анвита въ караульную комнатѣ, какъ простонародье, между которымъ слухъ

объ его арестъ распространился съ быстротою молніи, собралось передъ главною дверью казармы, требуя смерти ненавистнаго эксполковника. Въ центральной Италіи, какъ я вамъ говорилъ, почти нѣтъ вооруженныхъ силъ, и въ казармахъ было всего только 6 или 7 карабинеровъ. Они поспѣшно затворили, заперли и загородили задвижкою главную дверь, а изъ оконъ старались успокоить толпу, убѣждая, что преступникъ не ускользнетъ изъ ихъ рукъ и что судить его надобно законнымъ порядкомъ. Толпа отвѣчала, что въ послѣдніе три мѣсяца она часто отдавала подобныхъ преступниковъ въ руки законныхъ властей и что они всѣ были выпускаемы на свободу; но что теперь она захватила злѣйшаго атамана всей шайки и не хочетъ, чтобы опять его скрыли отъ справедливаго мщенія. Пока предводители вели эти переговоры, толпа раздраженныхъ простодушниковъ, и въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ изъ самаго низкаго разряда черни, нашла входъ въ казарму черезъ маленькую боковую дверь, которая по неосторожности была оставлена незапертой. Она ворвалась въ караульную комнату и нашла тамъ Анвиги, который малодушно залѣзъ подъ одну изъ лавокъ, служащихъ постелями для жандармовъ, отправляющихъ караулъ. Его вытащили оттуда, не обращая вниманія на его крики и мольбы; вывели его изъ казармы, и тутъ, на улицѣ, началось демонское мученіе, которое продолжалось и надъ его трупомъ. Его протащили по всей улицѣ San Barnaba, потомъ черезъ Дворцовую площадь (Piazza del Corte), мимо герцогскаго дворца, гдѣ стоялъ караулъ изъ нѣсколькихъ національныхъ гвардейцевъ, потомъ черезъ Quattro mal cantoni и Bassa dei Magnani, черезъ Piazza grande (главную площадь), гдѣ стоялъ другой караулъ національной гвардіи, и остановились только у швейцарской кофейной въ улицѣ San Michele, по которой въ это время гуляло, по обыкновенію, множество порядочно одѣтыхъ людей. Тутъ, велѣвъ подать лимонада своей почти безжизненной жертвѣ и насытивъ свою ненависть самымъ жестокимъ образомъ, они наконецъ повалили Анвиги на одну изъ мраморныхъ ступеней и отрубили голову ему саблею. Тѣло, какъ мнѣ говорили, еще затрепетало подъ этимъ ударомъ. Прибавляютъ, и, кажется, справедливо, что одинъ изъ каннибаловъ отрубилъ пальцы рукъ у трупа и сосалъ кровь, которая потекла изъ перерѣзанныхъ жилъ; что нѣсколько уличныхъ мальчишекъ плясали надъ обезглавленнымъ трупомъ. Толпа вышла изъ кофейной и ходила почти по всѣмъ улицамъ и частямъ города. Нѣкоторые несли голову, воткнутую на саблю, другіе тащили трупъ по пыли; наконецъ воротились на главную площадь послѣ этой безумной оргіи, продолжавшейся два часа, и, остановившись передъ Colonna della Piazza—колонною безъ капителя, служащею и памятникомъ и

центральнымъ столбомъ, отъ котораго считаются мили, положили голову на вершину колонны и, заставивъ оркестръ слѣпыхъ скрипачей играть, начали плясать карманьюолу вокругъ ужаснаго трофея.

«Было 9 часовъ. Толпа, насытившаяся кровавою сценою, утомленная крикомъ и бѣшенствомъ, начала расходиться, хотя поклялась, что голова останется выставлена на колоннѣ три дня. Нѣсколько ротъ піемонтскихъ солдатъ, еще стоявшихъ въ городѣ, отважились войти въ толпу и разогнали ее. Голова и страшно искаженный трупъ были отнесены въ городской госпиталь и оттуда тайкомъ перенесены для христіанскаго погребенія. При осмотрѣ изувѣченнаго тѣла нашлось на одномъ туловищѣ 23 раны отъ острыхъ орудій и одна рана пулею.

«Событіе, рассказанное мною со всею возможною для меня точностью и обстоятельностью, конечно ужасно; но точно того же можно бы ожидать отъ дурныхъ классовъ черни въ какомъ угодно городѣ какой угодно другой страны. Гораздо печальнѣе этого неистовства кажется мнѣ то, какъ держали себя хорошіе классы жителей и правительство до кроваваго дѣла и послѣ него. Я слышалъ только объ одномъ хорошо одѣтомъ человѣкѣ, который пытался вступить за Анвита у швейцарской кофейной и убѣждалъ толпу, что теперь, когда Анвита уже мертвъ, они должны по крайней мѣрѣ не подвергать труна напрасному поруганію. Но онъ долженъ былъ замолчать, потому что грозили «расправиться» съ нимъ такимъ же образомъ. Въ убѣжденіяхъ и робкихъ упрекахъ недостатка не было, но я не слышалъ, чтобы карабинеры въ казармахъ, или караулы національных гвардейцевъ на двухъ площадяхъ, или какойнибудь солдатъ или гражданинъ нанесъ или получилъ ударъ, защищая, — не говорю злодѣя, — но законъ. Толпа цѣлыхъ три часа владычествовала въ городѣ; она могла бы господствовать и три дня, еслибъ захотѣла, потому что, какъ я говорилъ, въ послѣдніе мѣсяцы вооруженной политической силы почти не было и нѣтъ въ центральной Италіи.»

Вотъ рассказъ корреспондента Daily News:

«Парма, 6 октября.»

«Полковникъ графъ Анвита имѣлъ 48 лѣтъ отъ роду, происходилъ изъ Піаченцы и былъ потомкомъ древней фамилии. Въ очень молодыхъ лѣтахъ онъ вступилъ въ армію Маріи-Луизы и скоро сталъ извѣстенъ пармскому народу своею ненавистью къ либеральной партіи въ герцогствѣ. При возстановленіи Карла III полковникъ Анвита сталъ близкимъ другомъ его и исполнителемъ тѣхъ дѣлъ, которыя были причиною смерти молодаго герцога. Жестокость полковника была такъ велика, жертвы его звѣрства были такъ много

числены, что при смерти герцога онъ былъ уже предметомъ всеобщихъ проклятій. Почти каждый день наказывались палками люди по его распоряженію; старики посылались въ тюрьму безъ суда и слѣдствія единственно подъ тѣмъ предлогомъ, что они либералы. Не разъ онъ выбѣгалъ, какъ бѣшеный, изъ кофейной и тащилъ какого нибудь горожанина въ цирюльню, чтобы тамъ обрить ему бороду, потому что борода, по его мнѣнію, была признакомъ революціонныхъ замысловъ. Его неистовства были такъ многочисленны, что въ 1855 году былъ сдѣланъ по немъ выстрѣлъ изъ пистолета, когда онъ переходилъ черезъ улицу Santa Lucia. Предполагаемые виновники этого покушенія были осуждены и одинъ изъ нихъ, Андреа Карини, былъ разстрѣлянъ, несмотря на ходатайство о помилованіи, представленное герцогинѣ предсѣдателемъ военной комиссіи, которая судила его. Я имѣлъ случай разсматривать документы этого постыднаго процесса и вынесъ изъ разбора ихъ убѣжденіе, что не было и тѣни юридическаго доказательства въ оправданіе казни Карини. Изъ предполагаемыхъ соучастниковъ этого несчастнаго человѣка одинъ, Франческо Паницца, былъ осужденъ на заключеніе въ тюрьму на всю жизнь, а другой, Изола Джузеппе, на двадцать лѣтъ такого же наказанія. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ противъ цирюльни, которую содержалъ нѣкто Маріо Феррари. При самомъ началѣ слѣдствія, показаніе этого человѣка служило доказательствомъ невинности Карини и другихъ обвиненныхъ съ нимъ; потому несчастный Феррари былъ брошенъ въ тюрьму и черезъ два дня наши его повѣшеннымъ на рѣшоткѣ тюремнаго окна. Общее мнѣніе говорило, что полковникъ Анвити тайно велѣлъ задушить цирюльника, чтобы сбить съ рукъ единственнаго свидѣтеля, который могъ спасти предполагаемаго преступника. Карини былъ отцомъ многочисленнаго семейства и имѣлъ двухъ братьевъ, которые по ремеслу своему мясники. Я не безъ намѣренія дѣлаю это замѣчаніе, потому что, по слухамъ, родственники Карини играли главную роль въ кровавой сценѣ вчерашняго дня. По отъѣздѣ герцогини, пармское правительство получило юридическое доказательство невинности Карини, потому что человѣкъ, который выстрѣлилъ въ полковника, сознался въ винѣ.

«При самомъ началѣ національнаго движенія, Анвити бѣжалъ въ Церковную область. Но вотъ у него родилось намѣреніе возвратиться въ свой родной городъ, чтобы составить заговоръ противъ новаго правительства. Вчера онъ выѣхалъ изъ Болоньи съ поѣздомъ желѣзной дороги, отправляющимся въ часть по полудни. Онъ одѣлся въ платье фермера. Поѣздка шла удачно до той самой минуты, какъ поѣздъ прибылъ къ рѣчкѣ Энцѣ, передъ которой вагоны

теперь принуждены останавливаться, потому что мостъ сломанъ; пассажировъ перевозятъ на другой берегъ въ omnibusaxъ. Какъ только полковникъ Анвити сѣлъ въ одинъ изъ этихъ omnibusovъ, онъ, хотя и былъ переодѣтъ, былъ узнанъ человѣкомъ, котораго прежде наказалъ палками. Потому, когда поѣздъ пришелъ на пармскую станцію, несчастному полковнику не дали продолжать его пути въ Пиаченцу. Человѣкъ, узнавшій его, вытащилъ его изъ кареты и повелъ въ городъ среди проклятій толпы. Ярость народа была такъ велика, что нѣсколько національныхъ гвардейцевъ, случайно бывшихъ на станціи, только съ величайшимъ трудомъ могли удержать это раздраженіе. Когда толпа дошла до городскихъ воротъ, съ нею встрѣтился полковникъ Дода, который, узнавши въ чемъ дѣло, поѣхалъ подлѣ арестованнаго, чтобы защищать его. По близости поналась карабинерская казарма, у которой стоѣли часовые; Анвити былъ переданъ подъ стражу имъ и толпа разошлась. Но извѣстіе о томъ, что схваченъ Анвити, дошло до дома, въ которомъ жена, братья и дѣти Карини еще скорбѣли о казни своего невиннаго родственника. Имя графа быстро пробудило чувство мщенія, и въ нѣсколько минутъ собралась у карабинерской казармы толпа, жаждавшая крови. При первомъ приливѣ народной вѣлны, карабинеры (ихъ было всего шесть человѣкъ) заперли дверь казармы, но дверь была выломлена толпою, которая ворвалась въ домъ и стала обыскивать комнаты. «Онъ не уйдетъ отъ насъ», — слышалось со всѣхъ сторонъ: «Правительство теперь не обманетъ народъ; ему не удастся спасти Анвити, какъ снасло оно другихъ злодѣевъ» (Надобно сказать, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ два агента герцогскаго правительства были счастливо спасены отъ народнаго гнѣва). Обыскали первый, второй, третій этажъ казармы, обыскали чердакъ—Анвити нигдѣ не было. Раздраженная толпа обращала уже свою ярость противъ карабинеровъ, когда страшный крикъ послышался изъ подвального этажа. Одинъ изъ искавшихъ нашелъ несчастнаго плѣнника и Анвити погибъ. Тѣло его потащили по улицѣ Св. Барнабы; голова трупа была отрѣзана и положена на верхъ мраморнаго памятника, поставленнаго Бурбонами въ память Юсифа I. Вся эта оцена продолжалась не болѣе четверти часа, не болѣе того времени, сколько нужно было для присылки вооруженной силы. Барабаны національной гвардіи собрали вооружившихся гражданъ, регулярныя войска поспѣшили присоединиться къ нимъ, и въ половинѣ седьмаго толпа была разсѣяна, отрѣзанная голова снята съ памятника и трупъ жертвы отнесенъ въ домъ, гдѣ ставятся покойники передъ похоронами. Пармское правительство сдѣлало все, что зависѣло отъ человѣческой предусмотрительности, для предотвращенія этого великаго преступленія, но оно соверши-

лось такъ быстро, что нельзя было предотвратить его. Прибывъ сюда вечеромъ, я нашелъ Парму въ ужасѣ отъ воспоминанія о кровавой сценѣ, осквернившей ея улицы. Было уже сдѣлано много арестовъ, но говорятъ, что истинные виновники преступленія уже скрылись изъ города.»

Вотъ еще небольшой отрывокъ изъ письма, напечатаннаго въ Siècle:

«Полковникъ Анвити, хотя и носилъ графскій титулъ, былъ человѣкъ безъ всякаго образованія. Будучи главнокомандующимъ небольшою пармскою арміею и генераль-директоромъ полиціи, онъ имѣлъ безграничную власть, которою пользовался для совершенія всевозможныхъ жестокостей. Онъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы присутствовать при наказаніяхъ и оскорблять свои жертвы въ ту минуту, когда палачъ билъ ихъ. По очень сильнымъ уликамъ его обвиняютъ въ томъ, что онъ повѣсилъ въ тюрьмѣ нѣсколькихъ человѣкъ безъ всякаго суда надъ ними.»

Вотъ еще нѣсколько строкъ изъ Opinione.

«Анвити на Пармской станціи былъ узнавъ человекомъ, который, какъ говорятъ, былъ подвергнутъ имъ тѣлесному наказанію: присутствуя при наказаніи, полковникъ ругался надъ нимъ во все продолженіе наказанія». — «Кофейная, въ которую народъ притащилъ полумертваго Анвити изъ казармы, была та самая, гдѣ въ прежнія времена любилъ онъ сидѣть, хвалясь тѣлесными наказаніями и другими жестокостями, которыя дѣлалъ.» — «При возстановленіи порядка, нѣсколько человѣкъ изъ толпы было ранено. Тотъ, который держалъ отрѣзанную голову, не отдавалъ ея, пока самъ получилъ семь ранъ. Его ярость объясняется тѣмъ, что онъ подвергался тѣлесному наказанію въ присутствіи Анвити, который всегда присутствовалъ при тѣлесныхъ наказаніяхъ и при каждомъ ударѣ ругался надъ своими жертвами, приговаривая: вотъ тебѣ за viva l'Italia! вотъ тебѣ за слова: прочь австрійцевъ! и т. д.»

Не останавливаясь на нравственныхъ качествахъ Анвити, мы соберемъ изъ этихъ разсказовъ только тѣ черты, которыя прямо относятся къ сценѣ 5 октября. Но прежде всего сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній.

Тѣлесное наказаніе въ Италіи имѣетъ значеніе, какого не имѣетъ даже во Франціи. Итальянецъ даже самаго низкаго званія чувствуетъ обиду отъ удара точно также, какъ въ другихъ странахъ человѣкъ свѣтскаго общества. Онъ считаетъ, что ударъ на всю жизнь обезчестилъ его, и что эта обида можетъ быть омыта только кровью оскорбителя, какъ у насъ ударъ по щекѣ. Надобно также вспомнить, что прежняя безпредѣльная увѣренность жителей Пармы.

Модены и проч. въ легкости присоединенія къ Піэмонту въ послѣднее время смѣнилась столь же безпокойными опасеніями: они видятъ опасности со всѣхъ сторонъ, повсюду подозрѣваютъ злоумышленія и заговоры. Вспомнимъ также вспльчивость итальянскаго характера и то, что носить при себѣ кинжалъ между итальянцами не такая рѣдкость, какъ у другихъ европейцевъ.

На Пармской станціи Анвити попалъ въ толпу людей, родственниковъ, которыхъ онъ безъ суда казнилъ, и которыхъ самихъ онъ подвергалъ тѣлесному наказанію, ругаясь при томъ надъ ними. Дѣйствительно, узванъ былъ онъ однимъ изъ такихъ людей; главную роль въ толпѣ, поражающей его кинжалами, играли братья Карини, мясники, ремесло которыхъ не располагаетъ къ кротости, братъ которыхъ былъ казненъ Анвити, и одинъ изъ которыхъ также подвергся отъ него тѣлесному наказанію; его голова была тоже въ рукахъ человѣка, котораго подвергалъ онъ тѣлесному наказанію. Главнымъ мѣстомъ дѣйствія была кофейная, извѣстная тѣмъ, что онъ хвалился въ пей тѣлесными наказаніями, которыя производилъ. Толпа думала, что онъ пріѣхалъ въ Парму устраивать заговоръ для возстановленія правительства, при которомъ пользовался безотчетною властью. Толпа думала, что если она выпуститъ его изъ рукъ, передавъ на судъ правительства, правительство тайно освободитъ его, какъ освобождало другихъ подобныхъ ему агентовъ прежняго правительства. Кинжалы были подъ руками. — все, что происходило далѣе, было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ опьяненія, въ которое впадаетъ каждое многочисленное общество, разъ увлекшись страстью.

Но само собою разумѣется, что пармское правительство должно было смотрѣть на самоуправную казнь Анвити, какъ на преступленіе. Немедленно приняты были мѣры для отысканія участниковъ этой сцены. Корреспондентъ Daily News, пріѣхавшій въ Парму на другой день послѣ нея, нашелъ уже многихъ людей арестованными. Однакоже Фарини, который къ несчастію былъ 5 октября въ Моденѣ и присутствіе котораго, вѣроятно, значительно смягчило бы кровавую сцену, возвратившись въ Парму, нашелъ нужнымъ придать еще болѣе строгости преслѣдованію, отрѣшилъ отъ должности многихъ чиповниковъ, чтобы замѣстить ихъ болѣе энергическими, и издалъ прокламацію, написанную съ пламеннымъ гнѣвомъ. Онъ говорилъ жителямъ Пармы: «Вашъ городъ оскверненъ ужаснымъ преступленіемъ. Наша добрая слава поражена, свобода профанирована, Италия оскорблена» и т. д. Мы не увѣрены въ томъ, что Фарини говорилъ это по собственному убѣжденію, а не для того только, чтобы удовлетворить консервативныя силы на континентѣ Европы. По всей вѣроятности, ему казалось, что смерть Анвити — просто не-

счастливый случай, слишком достаточно объясняемый прежними отношениями убитого к людям, бросившимся на него, и что всё составляющая подробности бешенства, выразившагося на его трупъ, какъ ни возмутительны сами по себѣ, происходили не отъ преднамѣренной свирѣпости, а только отъ натурального опьяненія разгорѣвшейся страсти, въ которой, конечно, раскаявались черезъ нѣсколько часовъ люди, поддавшіеся внезапному порыву ея. Мы полагаемъ, что говоря о характерѣ этого случая иначе, онъ только уступалъ необходимости отнять у враговъ Италіи предлогъ къ обвиненію временныхъ итальянскихъ правительствъ въ покровительствѣ революціоннымъ сценамъ или безсиліи наказывать ихъ. Впрочемъ, очень можетъ быть, что мы и ошибаемся. Смерть Анвита могла дѣйствительно поразить Фарини, подобно другимъ либераламъ воображавшаго, что политическіе перевороты могутъ совершаться безъ всякихъ случаевъ нарушенія уличной тишины; продолжительное поруганіе толпы надъ тѣломъ убитого могло возмутить пармскаго диктатора, по обыкновенію либераловъ идеалистически державшаго въ головѣ двѣ равно мечтательныя мысли, противорѣчащія одна другой: народъ — свирѣпый звѣрь, котораго нельзя выпускать изъ клѣтки; народъ — способенъ къ невозмутимой кротости и неотступному соблюденію всѣхъ прекрасныхъ формъ. Люди, подобные правителямъ центральной Италіи, никакъ не могутъ дойти до понятія, что народъ — просто собраніе такихъ же людей, какъ и всякіе другіе люди, то есть людей способныхъ, подъ вліяніемъ страсти, увлекаться до крайности и въ хорошую и въ дурную сторону, людей, въ жизни которыхъ неизбѣжны и натуральны случаи поочередныхъ увлеченій въ обѣ эти крайности. Никакъ это не понимая, они сами безпрестанно приходятъ въ экстазъ, — то въ экстазъ восторга, когда народъ сдѣлаетъ что нибудь энергическое въ хорошемъ смыслѣ, — таково было состояніе духа правителей центральной Италіи до 5 октября, чрезвычайно удивлявшихся патриотизму народа, — то въ экстазъ негодованія, если народъ увлечется какимъ нибудь неблаговиднымъ порывомъ, какъ 5 октября въ Пармѣ: они не умѣли предвидѣть ни того, ни другаго, не предполагали въ народѣ той смѣси хорошаго съ дурнымъ, изъ которой составляетъ жизнь каждаго человѣка. Подумавъ хорошенько, мы убѣждаемся, что Фарини не могъ взглянуть на дѣло хладнокровно: онъ былъ изумленъ, пораженъ, потому дѣйствительно долженъ былъ вознегодовать.

Впрочемъ, все равно, показываетъ ли Фарини только видъ, что не понимаетъ сущности дѣла, или въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ негодованіе и ужасъ. Какъ напрасны оказались мечтательныя успія временныхъ правительствъ центральной Италіи предотвратить появле-

ніе всякихъ революціонныхъ сценъ въ революціонномъ дѣлѣ, точно также напрасны останутся и всѣ ихъ усилія освободиться отъ упрека со стороны консерваторовъ за смерть Анвити. Что бы ни говорилъ и ни дѣлалъ Фарини, консерваторы все-таки будутъ утверждать, что нынѣшнее пармское правительство потворствовало страстямъ, убившимъ Анвити; что по крайней мѣрѣ его существованіе благопріятствовало развитію этихъ страстей; что революціонное движеніе неизбежно ведетъ къ подобнымъ происшествіямъ. Что бы ни дѣлали временныя правительства центральной Италіи, они останутся революціонными и анархичными въ глазахъ консерваторовъ. Сказать ли правду? — въ сущности мнѣніе консерваторовъ будетъ основательно.

Мы останавливались такъ долго на пармской сценѣ 5 октября только потому, что она уже служитъ для враговъ итальянскаго единства поводомъ, сильнѣе прежняго выставлять революціонный характеръ этого движенія и несомѣстность его съ консервативными принципами, которымъ слѣдуютъ континентальныя правительства Западной Европы. Толпа такъ называемыхъ порядочныхъ людей, голось которой составляетъ общественное мнѣніе, и которая всегда слѣдуетъ минутнымъ впечатлѣніямъ и поверхностнымъ выводамъ, неминуемо поддастся вліянію этого факта и другихъ ему подобныхъ революціонныхъ сценъ, которыя не замедлятъ послѣдовать за нимъ, какъ только центральныя области Италіи увидятъ себя въ дѣйствительной опасности отъ заговоровъ и вмѣшательства для восстановленія прежняго порядка вещей. Прежде толпа вслѣдъ за либералами твердила объ удивительныхъ качествахъ итальянскаго движенія, столь умѣреннаго и не имѣющаго будто бы никакихъ наклонностей къ отвратительному революціонерству. Скоро она будетъ повторять вслѣдъ за консерваторами, что итальянское дѣло запятнано кровью Анвити и другими революціонными сценами, которыхъ надобно ждать, лишь только вопросъ прійметъ серьезный оборотъ. Впрочемъ, и сами либералы, какъ мы говорили, съ негодованіемъ разсуждаютъ о гнусности убійства, совершеннаго кровожадными извергами въ Пармѣ. Намъ кажется, что безъ такого отношенія къ общественному мнѣнію весь этотъ случай былъ бы совершенно ничтоженъ. Перестанемъ же наконецъ заниматься имъ.

И теперъ, при разсужденіяхъ о немъ, а еще больше въ прежнихъ нашихъ обзорахъ, мы очень много говорили о томъ, что правительства центральной Италіи не понимаютъ своего положенія и не умѣютъ дѣйствовать сообразно съ своими цѣлями. Дѣйствительно, нѣсколько мѣсяцевъ потеряли они совершенно понапрасну. Читатель помнитъ, что мы не говоримъ о томъ, хороша или дурна цѣль, къ которой они хотятъ привести Италію. Мы не хотимъ ни доказывать

справедливости ихъ дѣла, подобно либераламъ, ни говорить о его святотатственности, подобно консерваторамъ. Съ одной стороны мы видимъ, и каждый читатель видитъ самъ, династическія права, освященныя трактатами и всѣми правительственными преданіями континентальной Европы. Съ другой стороны находится, какъ то же знаетъ каждый читатель, стремленіе итальянскаго народа къ единству для достиженія независимости отъ иностранцевъ. На которой сторонѣ должно быть сочувствіе читателя, онъ самъ долженъ знать и безъ насъ. Мы говоримъ только о томъ, что каково бы ни было дѣло центральной Италіи, хорошо или дурно, временныя правительства не умѣли вести его тѣмъ способомъ, какового оно требовало. Но должно сказать въ ихъ извиненіе, что тому же самому упреку подлежитъ и сардинское правительство, которое, будучи болѣе твердымъ и сильнымъ, должно было бы выказывать больше энергіи и ободрять своихъ слабыхъ союзниковъ. Когда Кавуръ управлялъ Сардиніею и былъ предметомъ всеобщихъ похвалъ, мы не раздѣляли господствовавшаго мнѣнія о мудрости его политики. Мы говорили еще до начала войны, что онъ запутываетъ Сардинію въ такія отношенія, при которыхъ она утратитъ свою самостоятельность, и что, несмотря на всю свою дипломатическую тоцкость, сардинскій министръ вовлечетъ въ обманъ, подвергнетъ горькому разочарованію и себя и сардинскій народъ. Теперь, когда графъ Кавуръ, видя себя обманутымъ, видя Піэмонтъ попавшимъ подъ зависимость отъ Франціи, удаллся отъ дѣлъ, приходится жалѣть о томъ, что не онъ управляетъ дѣлами государства, которое введено въ такое затрудненіе его же собственною непроницательностью. Положеніе дѣлъ въ Сардиніи таково, что власть перешла къ людямъ, въ сравненіи съ которыми графъ Кавуръ заслуживалъ бы полнаго сочувствія. Онъ хотя что нибудь дѣлалъ бы; у него по крайней мѣрѣ есть энергія и смѣлость. Нынѣшній первый министръ, генералъ де ла-Мармора, бывшій при Кавурѣ военнымъ министромъ, оказывается человекомъ лишеннымъ и этихъ качествъ, которыя теперь были бы нужнѣе всего. Центральная Италія требуетъ помощи и руководства отъ Піэмонта, а Піэмонтъ обнаруживаетъ иближайшее безсиліе и самую жалкую робость. Мы любимъ пользоваться чужими свидѣтельствами при изложеніи фактовъ, изъ которыхъ дѣлаемъ выводы; потому просто переведемъ два письма итальянскаго корреспондента Times'a, написанныя изъ Турина.

«Турина, 28 сентября.»

«Піэмонтъ смѣло выступилъ бойцомъ за единство и независимость Италіи; два раза въ десять лѣтъ онъ рисковалъ самымъ суще-

ствованіемъ своимъ для осуществленія этой цѣли. Честолюбіе или патріотизмъ былъ причиною такой политики, все равно, результатъ ея былъ ясенъ. Маленькое королевство стало во главѣ итальянскаго движенія, и всѣ земли, гдѣ говорятъ на итальянскомъ языкѣ, признавали Сардинію своею предводительницею въ національномъ дѣлѣ. Къ изумленію скептическихъ дипломатовъ, казался исчезнувшимъ духъ узкаго провинціализма, на которомъ было построено столько гипотезъ. Ни одна область не хотѣла отстать отъ другихъ, и каждая изъ освобождавшихся отъ угнетенія итальянскихъ земель, какъ только становилась госпожею своей судьбы, спѣшила соединить свою участь съ участью земли и династїи, которыя отважились сдѣлать первый и опаснѣйшій шагъ.

«Почетнымъ положеніемъ для маленькаго государства была такая диктатура, такое супрематство. Но это супрематство имѣло свои опасности. Еслибъ императорская программа даже вполнѣ осуществилась, еслибъ Италія освободилась отъ Альпъ до Адриатики и царственный благодѣтель, съ безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, удалился съ своими легіонами за Альпы, все-таки было бы Геркулесовскимъ подвигомъ соединить и организовать земли, до сихъ поръ бывшія разрозненными, сохранить на будущее время итальянскою силою то, что было пріобрѣтено силою иноземцевъ. Еще гораздо труднѣе, но за то и еще гораздо славнѣе сдѣлалась эта задача послѣ Виллафранкскаго мира. Онъ далъ итальянцамъ только возможность испытать шансы войны, если они дѣйствительно имѣли рѣшимость на попытку своими силами сдѣлать то, чего неразумительно ждали отъ другихъ. Ихъ руки были развязаны, и самъ императоръ, во второй своей миланской прокламаціи, сказалъ имъ, что остальное должны они сдѣлать сами.

«Два мѣсяца прошло съ той поры, — два мѣсяца драгоцѣннаго времени, и какъ же воспользовались этими двумя мѣсяцами? Цюрихская конференція влачила въ это время свое бесполезное существованіе, какъ будто вызывая Италію дѣйствовать и приготовиться къ дѣлу. Теперь была для Піемонта минута показать себя предводителемъ итальянцевъ; національная партія обращала свои взоры на Туринъ.

«А Туринъ спитъ, или какъ будто находится въ сомнамбулизмѣ; онъ неподвиженъ или повинуется жестамъ великаго магнетизера. Какъ будто всякая дѣятельность и рѣшимость покинула правительство вмѣстѣ съ Кавуромъ. Прочтите отвѣты, данныя депутаціямъ Тосканы, герцогствъ и Романьи, и вы угадаете все по этимъ отвѣтамъ. Во всемъ таже апатія и нерѣшимость, таже робость и малодушіе. Разумѣется, каждому понятна щекотливость положеній, въ

какое Сардинія поставила себя относительно своего могущественнаго союзника, которому она столь многимъ обязана, котораго не можетъ она раздражать безъ величайшей опасности для себя. Но именно въ подобныхъ положеніяхъ, смѣлость неизмѣнно быиасть лучшею политикою; она укрѣпляетъ довѣріе друзей и внушаетъ страхъ врагамъ, а противоположная система ободряетъ враговъ и отнимаетъ мужество у друзей. Но смѣлость этого рода требуетъ рѣшимости поддерживать дѣлами и жертвами то, что сказано словами. При энтузіазмѣ, какой показало населеніе Верхней Италіи, Сардинія могла бы въ эти два мѣсяца составить армию, по крайней мѣрѣ, въ 150,000 человекъ. Она тутъ не встрѣтила бы недостатка ни въ деньгахъ, ни въ людяхъ; и если бы теперь она объявила, что согласна на присоединеніе государствъ центральной Италіи, чѣмъ она рисковала бы? Даже и такой могущественный человекъ, какъ императоръ Наполеонъ, не отважился бы на столько презрѣть общественное мнѣніе Европы, чтобы обратить свои легионы противъ своей союзницы. Все, что могло бы случиться, — развѣ только то, что онъ отозвалъ бы ихъ, и оставилъ бы на волю судьбы итальянцевъ, которые теперь плотнѣе соединены и сильнѣе, чѣмъ когда нибудь.

«Но положимъ, что Сардинія и центральная Италія не имѣютъ достаточной самоувѣренности, чтобы быть отважными въ своей политикѣ; самое простое благоразуміе должно было бы совѣтовать имъ не шадить никакихъ усилій для развитія своихъ военныхъ силъ, чтобы имѣть въ будущемъ возможность воспользоваться первымъ представляющимся благоприятнымъ случаемъ, и непостижимая апатія въ этомъ отношеніи болѣе всего подняла во всей центральной Италіи ропотъ противъ нынѣшняго сардинскаго министерства и особенно противъ главы его, генерала де-ла-Мармори. Неудовольствіе владычествуетъ во всѣхъ и въ каждомъ; каждый, съ кѣмъ бы вы ни заговорили, жалуется, и газеты повторяютъ жалобу.

«Съ тѣмъ здравымъ смысломъ, который руководитъ въ критическія времена мыслями массы, какъ инстинктъ руководитъ животную натуру, всѣ вопросы внутренней политики здѣсь отброшены; никто не думаетъ о палатахъ и парламентскихъ преніяхъ, никто не заботится о медленности, какая видна въ окончательной организаціи Ломбардіи; каждый чувствуетъ, что есть нѣчто болѣе важное для общей дѣлы, для единства и независимости Италіи, что важнѣйшее дѣло — организація военныхъ силъ. Даже не принимая присоединенія земель центральной Италіи, Сардинія должна была употребить всѣ усилія для ихъ военнаго устройства; этого ожидали всѣ. Вашъ тосканскій корреспондентъ рассказалъ вамъ, каковы успѣхи этого дѣла, и мнѣ нечего прибавить къ его словамъ, кромѣ того,

что я долженъ передать вамъ всеобщее впечатлѣніе, приписывающее истинную причину жалкаго положенія военныхъ силъ центральной Италіи, апатіи, чтобы не сказать нерасположенію, піэмонтскаго правительства. Всѣ земли на югъ отъ По ждали отъ сардинскаго правительства руководства въ этомъ дѣлѣ; руководить ими было бы не только легко, это было бы обязанностью Піэмонта, но всеобщему убѣжденію. Само правительство почти признало это, пославъ въ центральную Италію генерала Фанти. Но если бы кто сталъ приводить политическія соображенія и опасенія по дѣлу военной организаціи земель центральной Италіи, то, конечно, уже нѣтъ никакихъ извиненій относительно Ломбардіи. Три мѣсяца прошло съ той поры, какъ Ломбардія освободилась отъ Тичино до Минчіо, и ни одинъ солдатъ не прибавленъ къ національнымъ силамъ. Единственная вещь, которую сдѣлали, состояла въ томъ, что пять полковъ ломбардскихъ волонтеровъ, которыхъ набралъ Гарибальди, уменьшили въ два полка и послали двухъ піэмонтскихъ офицеровъ командовать ими. Даже тѣ 10,500 ломбардскихъ солдатъ, которыхъ возвратила Австрія, были разосланы по домамъ (*). Не дѣлая никакого прибавленія къ войску изъ новой провинціи, министерство значительно уменьшило даже существовавшую сардинскую армію, отпустивъ резервы, созванные во время войны; такъ что теперь, по присоединеніи Ломбардіи и при готовности герцогствъ, Тосканы и Романьи, помогать общему дѣлу, Сардинія едва ли можетъ выставить въ поле двѣ трети того числа войскъ, какое имѣла при началѣ послѣдней войны. А между тѣмъ, замѣтьте, Австрія имѣетъ 250,000 войска въ Венеціанской области, и столь многіе вопросы еще не разрѣшены. Какимъ образомъ это произошло, объяснить не трудно. Короля никто не осуждаетъ; онъ популяренъ по прежнему, если не больше прежняго, и между прежними и между новыми своими подданными; но очень многіе имѣли случай изучить странныя понятія перваго министра, которыми объясняется все. Представьте себѣ Дармштадскаго или Гессенъ-Кассельскаго министра, сдѣлавшагося первымъ министромъ достигшей единства Германіи: по всей вѣроятности онъ захочетъ всю Германію обратить въ Дармштатъ или Гессенъ-Кассель.

«Еще во время войны храбрый генераль и его партія, которая, впрочемъ, очень малочисленна даже въ арміи, дѣлали всевозможныя затрудненія устройству національныхъ силъ. «Будьте піэмонтцами, или намъ вась не нужно»,—таковъ былъ ихъ девизъ, и, благодаря

(*) Австрія возвратила въ Ломбардію тѣхъ солдатъ своей арміи, которые были родомъ изъ этой области.

этому девизу военнаго министра, Гарибальди вступилъ въ Ломбардію съ солдатами, у которыхъ не было ни обуви, ни платья. Къ счастью, ломбардскіе города думали иначе и снабдили храбрый отрядъ всѣмъ нужнымъ. Пока былъ министромъ Кавуръ, онъ всячески старался противодѣйствовать этой узкой и нелѣпой политикѣ, но не могъ совершенно преодолѣвать ее, и потому вмѣсто 20 или 30,000 чело-вѣкъ у Гарибальди, даже въ лучшія времена, не было больше 5,000. Теперь Кавуръ живетъ въ деревнѣ, а де-ла-Мармора первый министръ. Боязнь, чтобы піемонтская армія не обратилась въ національную армію, заставила потерять два съ половиною мѣсяца, заставила уничтожить легионъ Гарибальди, заставила отстранять самаго Гарибальди, призываемаго общественнымъ мнѣніемъ Италиі организовать войска центральной Италиі; эта же боязнь замедляетъ военную организацію Ломбардіи. Дѣло дошло до того, что королю представлена изъ Милана просьба, требующая поспѣшить устройствомъ ломбардскихъ военныхъ силъ.»

«Туринъ, 30 сентября.»

«Если бы мѣстныя политическія новости должны были составлять предметъ моихъ писемъ, я могъ бы посылать вамъ бѣлые листы, потому что такого продукта, какъ мѣстныя политическія новости, здѣсь въ настоящее время не находится. По дѣлу о рѣшеніи итальянскаго вопроса можно сообщить много извѣстій изъ Парижа или Вѣны, можно довольно много извѣстій сообщить изъ Тосканы и всѣкой другой средней и южной Итальянской области, не исключая даже маленькихъ герцогствъ Пармскаго и Моденскаго; но ровно нечего сообщить объ этомъ изъ столицы народа, который выступилъ передовымъ бойцомъ итальянской независимости. Это можетъ казаться страннымъ, но это такъ. Въ самую критическую эпоху борьбы, Піемонтъ совершенно исчезъ, или, лучше сказать, принудилъ себя исчезнуть со сцены. Всѣ играютъ роль въ этомъ дѣлѣ: императоръ Наполеонъ, отъ котораго ждуть рѣшенія; императоръ австрійскій, дѣлающій предложеніе за предложеніемъ; нейтральныя державы, предлагающія совѣты; папское правительство, приготовляющееся занять Романью при первомъ удобномъ случаѣ; даже маленькія герцогства, отважившіяся выразить желанье и, по мѣрѣ своихъ силъ, дѣлающія все для его исполненія. Одинъ Піемонтъ, боецъ итальянской независимости, не только не принялъ твердаго и достойнаго положенія, но даже не осмѣливается сдѣлать и того, чего не поколебались сдѣлать маленькія герцогства, — не осмѣливается выразить ни мнѣнія, ни желанія; онъ только осмѣливается предоставлять все рѣшенію другихъ. Золотое яблоко, пред-

меть его давнихъ желаній, само дается ему въ руки, а онъ надѣется своимъ смиреніемъ и умѣренностью тронуть сердца императоровъ. Иначе нельзя объяснить этой непростительной апатіи, этой робости, этого совершеннаго подчиненія чужому рѣшенію.

«Все это было бы чрезвычайно похвально, еслибы Сардинія хотѣла получить не первенство въ Италіи, а Монтионовскую премію въ Парижѣ. Но, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, каково должно быть впечатлѣніе, производимое такою политикою на умы остальныхъ итальянцевъ, привыкшихъ надѣяться на Сардинію? Это значитъ покидать ихъ въ кризисѣ, который былъ вызванъ въ значительной степени самою Сардиніею. Это значитъ ронять Сардинію во мнѣніи итальянцевъ и ободрять всѣ силы, враждебныя итальянской національной идеѣ. Надобно помнить, что единодушіе, съ которымъ верхняя и средняя Италія захотѣла примкнуть къ Сардиніи, происходило не отъ страстной любви къ самой Сардиніи или къ ея учрежденіямъ, не отъ восторженнаго желанія сдѣлаться непременно піэмондцами; оно основывалось на мысли, что Піэмонтъ будетъ служить центромъ, вокругъ котораго могъ бы соединиться народъ, говорящій итальянскимъ языкомъ и имѣющій итальянскія тенденціи. Постояннымъ аргументомъ людей, противившихся соединенію Италіи, было то, что Піэмонтъ едва можетъ считаться итальянскимъ государствомъ и во многихъ отношеніяхъ отсталъ отъ другихъ итальянскихъ земель, и что потому присоединеніе къ Сардиніи было бы для Италіи скорѣе потерей, чѣмъ выигрышемъ. Да и народы сѣверной Италіи не имѣли иллюзій относительно Піэмонта. Но стремленіе къ національному единству было такъ горячо, что для него все другое забывалось. Теперь найдутся люди, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ напоминаютъ итальянцамъ, что такое Піэмонтъ.

«Чувство массъ всегда склонно переходить отъ одной крайности къ другой и переходъ совершается у него быстро. Отреченіе отъ мѣстныхъ и провинціальныхъ преданій, стремленіе къ соединенію со всѣми возможными пожертвованіями было такъ внезапно и пылко, что необходимо должна послѣдовать за нимъ реакція, если оно не будетъ поддержано до самой поры своего осуществленія. Сардинія, становясь во главѣ движенія, принимала на себя обязанность поддерживать его. Пока продолжалась война, это было легко; каждая побѣда надъ австрійцами служила новымъ ободреніемъ желаній остальной Италіи, каждый дюймъ итальянской земли, отнимаемой у австрійцевъ, служилъ для Сардиніи новымъ правомъ на супрематство. Пока слышался громъ пушекъ, онъ заглушалъ всѣ другіе звуки. Всѣ мелкіе сардинскіе недостатки искупались имъ. Задача единства исполнялась, какъ всѣ думали, самымъ дѣйствительнымъ спо-

собою. Французскія и сардинскія войска освобождали Италію, потому могла быть терпима отсрочка въ составленіи національной арміи. Необходимость политической и административной организаціи не чувствовалась, пока дѣйствовали другіе и Италія не призывалась сама исполнять свое дѣло.

«Теперь все это перемѣнилось. Итальянскіе патриоты призваны исполнить обѣщаніе, которое произносили такъ часто: *l'Italia farà da se*, — «Италія устроится безъ чужой помощи». Убѣжденіе въ этомъ быстро распространяется, и таковъ страхъ видѣть всѣ надежды разрушившимися въ послѣднюю минуту, что господствуетъ почти всеобщее расположеніе слѣдовать за кѣмъ бы то ни было, лишь бы онъ взялъ на себя инициативу. Италія ищетъ предводителя; въ комъ наша бы она его, не было бы и сомнѣнія, еслибы піэмонтское правительство, принявшее власть послѣ Виллафранкскаго трактата, исполнило свою обязанность.

«Несчастьемъ не для одного Піэмонта, но и для всей Италіи было то, что Кавуръ удался въ эту, самую критическую минуту; потому что съ нимъ въ эту минуту потеряла силу партія, понимавшая, что Піэмонтъ, для исполненія своего предназначенія въ Италіи, долженъ расширить свои владѣнія, чтобы они вмѣстили новый элементъ, — понимавшая, что Піэмонтъ долженъ сдѣлаться предводителемъ Италіи. Нынѣшнее министерство, или, лучше сказать, глава его, вмѣсто того, чтобы расширить піэмонтскія учрежденія, хотѣло бы втѣснить всю Италію въ Піэмонтъ. Нынѣшній первый министръ служитъ представителемъ узкаго піэмонтскаго провинціализма. Въ правительствѣ есть люди, видящіе безразсудство такого стремленія, — напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ (Ратацци); но сила перваго министра такова, что его взглядъ пересиливаетъ идеи всѣхъ его товарищей. Онъ остался непоколебимъ послѣ Виллафранкскаго трактата и не утратилъ трудностей. Это вмѣняется ему въ большую заслугу, и, конечно, заслуживало бы большаго уваженія, если бъ, оставшись въ министерствѣ, онъ продолжалъ идти прежней дорогой; но этого не слѣдовало бы и ожидать: это значило бы требовать, чтобы обыкновенный человекъ совершалъ геркулесовскіе подвиги.

«Результатъ этого — жаркіе споры, не подвигающіе дѣла впередъ. Никогда не было столь благопріятнаго случая доказать свѣту, что Піэмонтъ понимаетъ свое назначеніе быть предводителемъ и организаторомъ итальянскаго движенія. Ломбардія была окончателно присоединена и никакія политическія соображенія не мѣшали заняться ея политическимъ и военнымъ устройствомъ. Но вотъ прошло уже три мѣсяца, и Ломбардія все еще остается въ томъ не-

устроенномъ положеніи, какъ была при началѣ движенія. Ни одинъ ломбардскій полкъ не прибавился къ національному войску, кромѣ легіоновъ Гарибальди; а по внутренней организаціи только и было сдѣлано, что попытка ввести сардинскую систему налоговъ, сардинскіе уголовные законы и сардинскую систему первоначальнаго обученія; но эту попытку надобно было бросить, потому что она не нашла сочувствія въ Ломбардіи. Натуральнымъ образомъ, нужны были итальянскія, а не піэмонтскія учрежденія. Новыя обстоятельства требовали новыхъ учреждений, новыхъ законовъ на болѣе широкомъ основаніи. Кажется, даже правительство чувствовало эту потребность, потому что министръ внутреннихъ дѣлъ формально выразилъ ее при вступленіи въ должность и учредилъ комитеты для составленія новыхъ законовъ. Но до сихъ поръ нѣтъ никакого слѣда дѣятельности этихъ комитетовъ, и все остается въ прежнемъ видѣ.

«Къ счастью, не весь Піэмонтъ раздѣляетъ мнѣнія или апатію правительства, и если вверху летаргія, то внизу есть жизнь, и жизнь здоровая. Кажется, какъ будто дѣятельность, прежде исключительно принадлежавшая правительству, перешла къ журналистикѣ. Въ Туринѣ явилось множество дешевыхъ газетъ: онѣ продаются въ большомъ количествѣ, находятся въ рукахъ каждаго; это показываетъ, что начинаетъ пробуждаться интересъ къ свободному обсужденію дѣлъ. Не только число газетъ возрасло, но и характеръ ихъ чрезвычайно улучшился. Каждый, кто помнитъ высокопарную декламацію и негнѣную полемику, составлявшую характеръ сардинской журналистики до войны и во время войны, замѣчаетъ чрезвычайную перемену. Это несомнѣнно служитъ началомъ здороваго выраженія общественнаго мнѣнія, котораго до сихъ поръ почти не было въ Сардиніи. Нынѣ въ газетахъ господствуетъ серьезность, показывающая, что въ Піэмонтѣ есть люди, понимающіе важность настоящей минуты. Тонъ газетъ сталъ гораздо спокойнѣе прежняго; въ нихъ стало меньше цвѣтистой фразеологіи, политическія идеи стали формироваться.

«Замѣтимъ же, что всѣ газеты, почти безъ всякихъ исключеній, стали въ оппозицію правительству и требуютъ, чтобы оно пробудилось отъ своей летаргіи. Но еще отраднѣе этой оппозиціи то, что многіе изъ нихъ поняли, что такое нужно для прекращенія летаргіи правительства, поняли, что для этого нужно созвать парламентъ. Такъ напримѣръ, въ нынѣшнемъ номерѣ своемъ *Dritto*, газета, стоящая въ главѣ этого движенія, оканчивая прекрасную статью о внутренней реформѣ, спрашиваетъ, имѣетъ ли министерство власть составлять новые законы безъ согласія парламента, потому что эта исключительная власть была дана ему только на время войны. Статья

могла бы идти дальше и сказать, что нынѣшнее министерство не получило права существовать, потому что власть его не была утверждена палатами, которыя еще не собирались со времени войны.»

Нельзя не согласиться съ авторомъ этихъ писемъ, что сардинское правительство рѣшительно не исполняло до сихъ поръ своей обязанности въ дѣлѣ итальянскаго единства. Правда, велики затрудненія и страшны опасности, отнимавшія у него прежнюю смѣлость и рѣшимость. Последняя война поставила Піэмонть въ великую нравственную зависимость отъ Франціи. Мало того, 50,000 французскаго войска остаются въ Ломбардіи, чтобы обезпечивать со стороны сардинскаго правительства исполненіе обязанностей повиновенія, возлагаемыхъ на него, по мнѣнію императора французовъ, благодарностью за помощь въ войнѣ. Австрія обнаруживаетъ замыслъ возобновить войну, какъ только убѣдится, что Франція не станетъ вновь защищать Италію. Но какъ ни велики опасности, все-таки слѣдовало дѣлать по крайней мѣрѣ то, въ чемъ не было риска. И еслибъ это было сдѣлано, теперь Сардинія могла бы уже не бояться никакого риска за себя и за остальную Италію. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ помѣшать Сардиніи усиливать свою собственную армію, кто могъ помѣшать ей помогать своими совѣтами временнымъ правительствамъ центральной Италіи, руководить ихъ дѣйствіями и послѣ каждой новой мѣры, принятой ими въ пользу единства, принимать соотвѣтственную мѣру въ собственныхъ владѣніяхъ? Сардинія могла бы говорить, что вынуждена къ такой политикѣ общественнымъ мнѣніемъ, слѣдуетъ ей только изъ опасенія пробудить революціонные безпорядки своимъ бездѣйствіемъ. Если бы она поступала хотя такимъ образомъ, она имѣла бы теперь 150,000 собственного войска и 100,000 войска въ центральной Италіи. Съ такими силами она не нуждалась бы ни въ чьей защитѣ отъ австрійцевъ. Что же касается до французскихъ войскъ, остающихся въ Ломбардіи, событія давно доказали, что императоръ французовъ колеблется употребить ихъ даже противъ революціонныхъ правительствъ средней Италіи, не имѣющихъ армій; тѣмъ менѣе могъ онъ до сихъ поръ употребить ихъ противъ законнаго правительства союзной съ нимъ державы. Но напрасны были всѣ внушенія разсчета, всѣ требованія сардинскаго народа, всѣ просьбы и усилія остальныхъ итальянцевъ: сардинское правительство руководилось исключительно уголивостью передъ Франціей и, оставляя само себя беззащитнымъ противъ австрійцевъ, оставляло безпомощной центральную Италію.

Такая жалкая политика Піэмонта въ значительной степени извиняется медлительностью и слабостью, которую обнаруживаютъ правительства центральной Италіи до послѣдняго времени, хотя все-таки

нельзя не сказать, что они измѣняютъ обязанности, лежащей на правительствахъ въ критическія времена, оставаясь позади народныхъ требованій, вмѣсто того, чтобы руководить ими и идти впереди народа. Они допустили ослабнуть народному довѣрью къ нимъ и этимъ объясняется пармская сцена 5 октября: толпа прямо говорила, что хочетъ расправиться сама съ графомъ Анвита потому, что не надѣется на правительство. Въ послѣднее время правительства центральной Италіи начали, кажется, понимать свою ошибку; по крайней мѣрѣ стали они съ половины сентября повиноваться общему голосу, требовавшему отъ нихъ большей рѣшительности. Мы знаемъ, что въ послѣднія недѣли диктаторы герцогствъ, Тосканы и Романьи, декретировали много мѣръ, клонящихся къ установленію фактическаго единства между ихъ областями и Піэмонтомъ: они постановили, что официальные дѣйствія сардинскихъ властей должны быть признаваемы и въ центральной Италіи, на примѣръ полиція Тосканы или Романьи обязана исполнять рѣшенія сардинскихъ судовъ, если лица или имущества, которыхъ касается рѣшеніе, находятся въ этихъ земляхъ; они постановили также, что ученые степени, даваемые сардинскими университетами, признаются и въ центральной Италіи; они ввели сардинскій уголовный кодексъ, провозгласили, что центральная Италія принимаетъ сардинскую конституцію; они рѣшили, что должно быть установлено единство мѣръ и вѣса между Сардиніей и центральной Италіей и введена сардинская монетная система; объявили, что въ ихъ земляхъ не нужны особенные паспорта или визы для путешественниковъ, имѣющихъ паспортъ или визу отъ Сардиніи и уничтожили таможи между Сардиніей и центральной Италіей; наконецъ, для всѣхъ официальныхъ актовъ они приняли формулу, показывающую расширеніе власти сардинскаго правительства на центральную Италію: «Въ царствованіе Виктора Эммануэля, избраннаго короля»; приняли сардинскій гербъ и флагъ. Постыдно сказать, что во всѣхъ этихъ мѣрахъ они не получали ободренія со стороны сардинскаго правительства, — мало того, сардинское правительство до сихъ поръ не выразило даже, согласно ли оно на эти мѣры хотя тогда, когда онѣ уже исполнены. Изъ правителей центральной Италіи пармскій и моденскій диктаторъ Фарини, съ самаго начала дѣйствовавшій рѣшительнѣе тосканскаго своего товарища Риказоли и романьольскаго Чиприани, раньше ихъ понялъ и необходимость въ этихъ мѣрахъ для осуществленія народныхъ требованій. Его вліянію и примѣру надобно главнымъ образомъ приписать то, что два другіе диктатора начали хотя отчасти исполнять свою обязанность. Въ послѣднія недѣли гораздо дѣятельнѣе прежняго занялись правительства центральной Италіи и устройствомъ воен-

ныхъ силъ. Говорятъ, что Фанти, назначенный наконецъ главнокомандующимъ центральной итальянской арміи, надѣется скоро имѣть 60,000 войска, вмѣсто прежнихъ 20,000. Кажется, что дано нѣсколько больше свободы энергическому Гарибальди, которому прежде самымъ тѣснымъ образомъ связаны были руки.

Все это прекрасно, хотя слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ теперь, тосканскому и романскому правительствамъ рѣшительнѣе отбросить апатію и медлительность, остатки которой все еще слишкомъ замѣтны въ ихъ дѣйствіяхъ, какъ будто бы только противъ воли вынуждаемыхъ у нихъ только требованіями народа и вліяніемъ Фарини. Но мы боимся, не окажется ли въ результатѣ, что не вознаграждена потеря долгихъ мѣсяцевъ, пропавшихъ въ бездѣйствіи, — не окажется ли при наступленіи рѣшительной минуты, что прежняя апатія правительствъ центральной Италіи и продолжающееся малодушіе сардинскаго правительства безвозвратно повредили дѣлу итальянскаго единства. Мы боимся, не застанутъ ли центральную Италію все еще не приготовившуюся къ оборонѣ тѣ попытки къ возстановленію прежняго порядка вещей, слухи о которыхъ усиливаются съ каждою недѣлею, и когда настанутъ дни борьбы, не пропуститъ ли сардинское правительство, по своему малодушію, тѣхъ минутъ, въ которыя помощь его могла бы спасти центральную Италію (*).

Давно извѣстно, что въ Мантуѣ собираются такъ называемыя войска герцога моденскаго и великаго герцога тосканскаго, т. е. наряжаются въ моденскіе и тосканскіе мундиры австрійскіе солдаты. Масса прежнихъ тосканскихъ и моденскихъ войскъ осталась на родинѣ, чтобы служить національному дѣлу, но было въ той и другой землѣ по нѣсколько сотъ человѣкъ преторіанцевъ, которые удались въ австрійскій лагерь съ своими государями. Тотчасъ же по заключеніи Виллафранкскаго мира эти немногіе дезертиры были обращены въ кадры для принятія въ свои ряды гораздо многочисленнѣйшихъ товарищей изъ австрійской арміи. Благодаря этой простой системѣ переодѣванія, отряды, называющіеся теперь арміями герцога моденскаго и великаго герцога тосканскаго, стали довольно многочисленны и теперь достовѣрно во-первыхъ то, что они предназначаются къ вторженію въ Модену и Тоскану, а во-вторыхъ, что въ

(*) Письмо изъ Флоренціи, напечатанное въ этой книжкѣ, изображаетъ вещи въ свѣтѣ, гораздо болѣе отрадномъ, нежели въ какомъ представляются онѣ намъ. Мы понимаемъ, что трудно очевидцу воскресенія народа не очароваться, не забыть на минуту о грозѣ, собирающейся надъ свѣтлымъ праздникомъ. А если не имѣть въ виду опасностей, то, разумѣется, легко осудить тѣхъ людей, которыхъ порицаетъ нашъ корреспондентъ. Мы боимся того, что когда увидать нужду обратиться къ этимъ людямъ, будетъ уже поздно.

связи съ этимъ вторженіемъ готовится нападеніе на непокорныя земли съ противоположной стороны: папскія войска давно уже стоятъ на границахъ Романьи. Если бы подъ командою Кальберматтена, начальника такъ называемой папской арміи, находились только прежніе солдаты Пія IX, они не представляли бы большой опасности для Романьи. Но и тутъ производится тотъ же фокусъ, какъ съ мнимыми корпусами герцоговъ modenскаго и тосканскаго. Каждый день присылаются въ лагерь Кальберматтена партіи переодѣтыхъ австрійскихъ солдатъ подъ именемъ рекрутовъ, на вербованныхъ въ Церковной области. Мѣсяца два тому назадъ, количество кальберматтеновыхъ войскъ не увеличивалось отъ этихъ присылокъ, потому что настоящіе уроженцы Церковной области уходили изъ арміи цѣлыми толпами, не желая сражаться противъ соотечественниковъ, дѣлу которыхъ сочувствуютъ. Но, разумѣется, когда всѣ они ушли, а австрійцы все продолжаютъ приходить, то сила арміи возрастаетъ. Она значительно увеличилась также черезъ поступленіе нѣсколькихъ тысячъ швейцарцевъ, ушедшихъ или удаленныхъ изъ Неаполя. Читатель знаетъ, что старинные договоры швейцарскихъ правительствъ о службѣ швейцарцевъ иностраннымъ державамъ или такъ называемыя капитуляціи, не возобновляются съ той поры, какъ демократическая партія въ Швейцаріи окончательно взяла верхъ надъ патриціями, продававшими своихъ соотечественниковъ реакціоннымъ правительствамъ Италіи, нуждающимся въ иностранныхъ войскахъ для поддержанія своей непопулярной политики. Лѣтомъ нынѣшняго года кончался срокъ швейцарскимъ капитуляціямъ въ Неаполѣ. Неаполитанское правительство объявило, что оно оставитъ швейцарскіе полки на своей службѣ, но что они должны называться уже не швейцарскими, а неаполитанскими, и вмѣсто своихъ кантональных знаменъ имѣть неаполитанскія. Это показалось обидно швейцарскимъ солдатамъ, которые, разумѣется, презирали неаполитанское войско; а еще важнѣе то, что съ переименованіемъ въ неаполитанскихъ солдатъ, они опасались потерять высокое жалованье, которое получали до той поры, и быть сравнены въ денежномъ отношеніи съ неаполитанскими, получающими денегъ меньше ихъ. Въ одномъ изъ ихъ полковъ вспыхнулъ мятежъ, солдаты безпорядочною толпою бросились на дворцовую площадь, объявляя, что требуютъ возвращенія своихъ знаменъ или отставки. Въ сущности, они были правы, и если въ опрометчивости нарушили дисциплину или даже совершили преступленіе, убивъ и переранивъ нѣсколькихъ офицеровъ, останавливавшихъ движеніе, слѣдовало разобрать дѣло судебнымъ порядкомъ и наказать виновныхъ, не подвергая всѣхъ безъ разбора убійству. Но въ Неаполѣ господствуютъ инныя понятія и правила:

по толпѣ солдатъ, собравшихся на площади и ограничивавшихся просьбами, пустили картечь, потомъ ударили на нихъ въ штыки. Послѣ того, разумѣется, нельзя было терпѣть въ Неаполѣ и другихъ швейцарскихъ полковъ, раздраженныхъ предательскимъ истребленіемъ своихъ товарищей. Швейцарцы получили отставку, то есть дано было имъ все то самое, чего нѣкоторые просили до рѣзни; для чего же было стрѣлять картечью и колоть штыками?— спросить читатель. Подобные вопросы неумѣстны относительно Неаполя. Тамъ все дѣлается не потому, чтобы могло быть нужно или полезно, а просто потому, что такъ вздумалось поступить. Но мы ведемъ рѣчь объ источникахъ усиленія папской арміи, а не о принципахъ, по которымъ ведутся дѣла въ Неаполѣ. Большая часть швейцарцевъ; удаленныхъ изъ Неаполя, поступила въ папскую армію, стоящую на границахъ Романьи. Благодаря этому и переодѣтымъ австрійцамъ, армія получила солдатъ, пригодныхъ не для одного грабежа, какъ прежде, но и для грабежа и для сраженій. Съ недѣли на недѣлю ждуть столкновеній между нею и корпусомъ инсургентовъ, давно стоящимъ противъ нея подъ командою Гарибальди. Нѣсколько разъ уже разносились слухи о схваткахъ, впрочемъ, еще преждевременные; но Гарибальди на дняхъ отдалъ по своему корпусу приказъ, говорящій о близости рѣшительныхъ дѣйствій. Понятно, почему папскія войска медлятъ нападениемъ: кардиналы со дня на день ждуть, что императоръ французовъ формально выразитъ намѣреніе вступить за нихъ, или позволить австрійцамъ прислать для усмиренія Романьи корпусъ уже безъ переодѣванья. Кромѣ австрійцевъ, есть у папы другіе помощники. Давно уже извѣстно, что король Неаполитанскій готовъ послать свои войска для усмиренія Романьи; они уже придвинуты къ папскимъ границамъ, и свиданіе короля съ папою въ Кастель-Гандольфо положительно имѣетъ цѣлю переговоровъ объ этомъ пособіи. Не одно только сходство принциповъ между папскимъ и неаполитанскимъ управленіемъ, не одна только преданность неаполитанскаго правительства интересамъ папы возбуждаетъ въ королѣ усердіе помочь усмиренію Романьи: есть у него и прямая собственная надобность постараться объ этомъ дѣлѣ. Неаполь наполненъ слухами, будто бы Гарибальди хочетъ вступить въ Неаполитанскія владѣнія, чтобы его корпусъ послужилъ точкою опоры для возстанія, на которое готовы жители всѣхъ неаполитанскихъ провинцій, отъ одного конца королевства до другаго. При всей неправдоподобности такого движенія, неаполитанское правительство серьезно боится его, слишкомъ хорошо зная, какъ легко оно могло бы воспламенить все населеніе королевства. Говоря о вступленіи на престолъ новаго короля, мы замѣчали, что пока можно еще и не

сообщать никакихъ подробностей объ этой перемѣнѣ, потому что она не произвела ровно никакой перемѣны въ системѣ неаполитанскаго управленія. Дѣйствительно, до сихъ поръ все остается въ въ этомъ королевствѣ по прежнему, стало быть не уменьшилось, а напротивъ увеличилось общее недовольство, господствовавшее въ Неаполѣ при Фердинандѣ II, усилившихся и ожесточившихся отъ разочарованія въ надеждѣ на реформы, которыхъ ожидали отъ новаго короля.

Такимъ образомъ, съ одной стороны собираются при первомъ разрѣшеніи отъ Наполеона вторгнуться въ центральную Италію австрійцы въ мундирахъ солдатъ герцога Моденскаго и великаго герцога Тосканскаго, съ другой стороны собираются вторгнуться въ мундирахъ папскихъ солдатъ тѣже австрійцы, съ примѣсью дѣйствительныхъ пацскихъ солдатъ. Въ случаѣ надобности, они будутъ подкрѣплены войсками короля неаполитанскаго. Могутъ получить они подкрѣпленіе и отъ Испаніи, — давно уже ходятъ слухи, что Испанія претендуетъ на право вступить за герцога пармскаго, принца испанской династіи, предлагаетъ свои услуги и папѣ, по своему усердію къ католичеству, а больше для того, чтобы этою услугою превратить въ милость досаду кардиналовъ, которые сердятся на Испанію съ той поры, какъ во время послѣдней революціи конфискованы тамъ огромныя владѣнія монастырей. Испанія готовитъ теперь очень большое войско, — отъ 30 до 50 тысячъ, — для экспедиціи противъ нѣкоторыхъ мароккскихъ разбойничьихъ племенъ, беспокоящихъ ея владѣнія на африканскомъ берегу. Мароккскіе разбойники, конечно, достойны наказанія; но почему же, если будетъ разрѣшеніе отъ Франціи и просьба отъ папы, не обратитъ хотя часть этихъ силъ и на усмирненіе инсургентовъ Романьи, которые хуже всякихъ разбойниковъ въ глазахъ cadaго порядочнаго консерватора? Вотъ, мы уже насчитали довольно силъ для нападенія на инсургентовъ; но австрійцы со дня на день ждутъ, что Франція позволитъ имъ войти въ непокорныя области въ собственныхъ мундирахъ, — а у нихъ войска въ собственныхъ мундирахъ въ Венеціи сосредоточено, говорятъ, до 250,000 человекъ. Притомъ, почему знать? — могутъ и французы, оставленные въ Ломбардіи, пособить дѣлу укрощенія гнусныхъ убійцъ Анвита и еще болѣе гнусныхъ для консерватора либераловъ, непокорство которыхъ довело дѣла до того, что Анвита, вмѣсто того, чтобы вѣшать другихъ, самъ подвергся смерти.

Мы все говоримъ о фактахъ, о солдатахъ, а до сихъ поръ еще не упомянули о томъ, въ какомъ положеніи находится итальянскій вопросъ по дипломатическимъ переговорамъ, извѣстія о которыхъ занимаютъ

всего больше мѣста въ газетахъ. Читатели знаютъ, какъ мало значенія мы придаемъ этой сторонѣ дѣла. Осмѣлимся даже признаться, что съ тѣхъ поръ, какъ мы пишемъ эти обзоры, мы не прочли до конца ни одной изъ тысячъ напечатанныхъ по итальянскому и другимъ дѣламъ депешъ, которыя для многихъ кажутся столь важными, а иногда даже и очень интересными. Послѣ такого признанія, мы уже очень смѣло можемъ прибавить, что ходъ цюрихскихъ конференцій, опечаливавшихъ своею ничтожностью даже терпѣливѣйшихъ любителей этого рода совѣщаній, очень мало интересовалъ насъ. Кажется, конференція покончилась, — мы не поручимся впрочемъ, вѣрно ли мы запомнили извѣстіе, слишкомъ бѣгло прочитанное нами, — быть можетъ, оно говорило только, что цюрихскія конференціи скоро кончатся, — а быть можетъ, говорилось въ немъ и совершенно противное, именно, что конференціи еще не скоро кончатся. Читатель, надѣмся, проститъ нашу невнимательность и забывчивость. А впрочемъ, нѣтъ, мы не ошиблись: должно полагать, что цюрихскія конференціи кончились, потому что подписанъ въ Цюрихѣ трактатъ, подтверждающій всѣ условія Виллафранкскаго мира, — но, впрочемъ, подтверждающій ихъ по какой-то странности очень недостаточно, такъ что для достаточнаго подтвержденія нужно созвать европейскій конгрессъ. Опять измѣнила дрянная память: трактатъ не подписанъ еще, а только подписывается. Но, впрочемъ, бѣда не велика, подписавъ ли онъ, или еще только подписывается, это не составляетъ большой разницы. Во всякомъ случаѣ, консерваторы и мы вмѣстѣ съ консерваторами, которыхъ обыкновенно защищаемъ противъ либеральнаго легкомыслія, были очень утѣшены извѣстіемъ, — какого, впрочемъ, всегда и ожидали, — что подписываемый или подписанный въ Цюрихѣ трактатъ дѣйствительно подтверждаетъ всѣ Виллафранкскія условія. За то опечалены мы были подтвержденіемъ также постояннаго нашего ожиданія, что хотя трактатъ и подписанъ, и Виллафранкскія условія подтверждены, но конференціи съ трактатомъ своимъ не могли рѣшить ни одного изъ вопросовъ, опредѣляемыхъ этими условіями, кромѣ только одной передачи Ломбардіи, то есть уже совершившагося факта, о которомъ не было никакихъ споровъ, слѣдовательно не нужно было и никакихъ переговоровъ. Что же касается остальныхъ вопросовъ, особенно возстановленія низвергнутыхъ правительствъ центральной Италіи, то эти вопросы передаются на рѣшеніе конгресса, потому что не рѣшены, хотя въ то же время и рѣшены, и напри- мѣръ положено, что низвергнутыя правительства должны быть возстановлены.

Какъ постичь всю эту тонкость и рѣшенную нерѣшенность или нерѣшенную рѣшенность, мы, къ сожалѣнію, рѣшительно не рѣ-

шаемся и отгадывать. Но если забыть о ней, какъ будто бы и не было нами прочитано ни одного извѣстія о цюрихскихъ конференціяхъ, и просто, безъ помощи всякихъ дипломатическихъ сообщеній и объясненій, сообразить, чѣмъ должны были кончиться цюрихскія конференціи по извѣстному всѣмъ положенію фактовъ, тогда можно будетъ понять, въ чемъ должно состоять дѣло. Франція покровительствуетъ Австріи; потому Австрія несговорчива и подняла такія страшныя притязанія, что Сардинія не могла ни въ чемъ, кромѣ того, что согласна принять Ломбардію, которую давно приняла. Затѣмъ, Франція и Австрія подтвердили, что остаются при Виллафранкскихъ условіяхъ, то есть Франція обязывается по мѣрѣ возможности поддерживать на европейскомъ конгрессѣ австрійскія требованія, на которыя уже согласилась въ Виллафранкѣ, — обѣщаніе, кажется, совершенно лишнее. Сардинія осталась къ Австріи въ прежнихъ отношеніяхъ, и упрямство это принуждаетъ Францію и Австрію передать дѣло европейскому конгрессу. Да мы забыли, что въ извѣстіяхъ о результатѣ цюрихскихъ трудовъ есть двѣ вещи, которыхъ можно было и не ожидать: во-первыхъ, кромѣ того, что Сардинія обязана принять на себя часть австрійскаго государственнаго долга, соразмѣрную населенію населенію провинціи, отошедшей отъ Австріи, — и лучше сказать не соразмѣрную, а гораздо большую, — кромѣ этого, Сардинія обязана еще уплатить Австріи вознагражденіе за уступку Ломбардіи; говорятъ, что величина этого платежа опредѣлена въ 40 миліоновъ гульденовъ (26 миліоновъ р. сер.). Это хорошо. Во вторыхъ оказывается, что Франція должна также получить отъ Сардиніи вознагражденіе за свою помощь, — имя вознагражденія замѣняется, впрочемъ, названіемъ простой уплаты за продовольствіе и и аммуницію, которыми сардинскія войска пользовались изъ французскихъ магазиновъ; говорятъ, что эта уплата не превышаетъ 60 миліоновъ франковъ, — мы полагаемъ, что она можетъ оказаться и болѣе значительною. Прибавляютъ, что по затруднительности такого платежа для сардинскихъ финансовъ, разстраиваемыхъ уплатою вознагражденія Австріи, можетъ поступить въ замѣнъ его Савоія. Читатель помнитъ, что передъ войною ходилъ слухъ, будто Кавуръ купилъ помощь Франціи и надежду на приобрѣтеніе Ломбардіи, Венеціи, и центральной Италіи — согласіемъ на присоединеніе Савоіи къ Франціи. Потомъ и во время войны, и особенно по ея прекращеніи постоянно происходили и продолжаютъ въ Савоіи попытки поднять агитацію для выраженія жителями ея желанія присоединиться къ Франціи. Но дѣло представляетъ много затрудненій, потому что расширеніе французскихъ границъ возбудило бы слишкомъ сильное неудовольствіе въ другихъ державахъ. На этомъ основаніи, мы безъ

доказательствъ болѣе несомнѣнныхъ не будемъ предполагать во французскомъ правительствѣ стремленія къ обмѣну денежнаго требованія съ Сардиніи на уступку Савойи. Но какъ бы то ни было, мы видимъ, что сардинцы и ломбардцы должны расплатиться за свое соединеніе дороже, чѣмъ ожидали.

Итакъ, война не рѣшила итальянскаго вопроса; не рѣшили его и цюрихскія конференціи; теперь возлагается надежда на европейскій конгрессъ. Какъ сильна должна быть надежда на удовлетворительное устройство итальянскихъ дѣлъ конгрессомъ, будетъ намъ время поговорить тогда, когда онъ соберется, а теперь пока идетъ рѣчь еще о томъ, соберется ли онъ. Англійское правительство говоритъ, что можетъ принять участіе въ устройствѣ судьбы Италіи только въ такомъ случаѣ, если основаніемъ ему будетъ принята свободная воля самихъ итальянцевъ; Morning Post, органъ нынѣшняго министерства, объявляетъ, что низложеніе прежнихъ династій и выраженіе желанія присоединиться къ Піэмонту англійское правительство признаетъ фактомъ не только совершившимся, но и законнымъ, и не можетъ одобрить никакого дѣйствія или рѣшенія, которое вело бы къ его нарушенію. А между тѣмъ, по Цюрихскому трактату Франція съ Австріею подтверждаютъ свое прежнее рѣшеніе о возстановленіи низложенныхъ династій. Итакъ, надобно еще подождать, какимъ способомъ успѣютъ склонить Англію къ согласію на участіе въ конгрессѣ.

Но читатель, конечно, знаетъ, что уже придуманъ способъ согласить обязательство, принятое Франціею, съ «свободнымъ желаніемъ» населенія центральной Италіи. Этого легко достигъ черезъ возстановленіе низложенныхъ династій. Изъ разныхъ возможныхъ передѣлокъ, Франція и Австрія остановились пока на слѣдующей. Часть пармскаго герцогства присоединяется къ Піэмонту—итакъ, Піэмонтъ не можетъ жаловаться. Другая часть этой земли присоединяется къ герцогству Моденскому, и все это вмѣстѣ отдается бывшему герцогу пармскому. Великій герцогъ тосканскій получаетъ обратно свои прежнія владѣнія. Предварительно, герцогъ и великій герцогъ объявляютъ, что каждый изъ нихъ даетъ отдаваемой ему странѣ «либеральную конституцію». Эти конституціи составляются по общему согласію Франціею и Австріею, впрочемъ будутъ походить болѣе на французскую, чѣмъ на австрійскую, во-первыхъ, сообразно тому, что Франція теперь сильнѣе, стало быть и понятія ея имѣютъ перевѣсъ надъ австрійскими въ общихъ совѣщаніяхъ, во-вторыхъ и потому, что австрійская конституція не такъ либеральна, какъ французская, а тутъ нуженъ либерализмъ. Послѣ этого объявленія, предлагается жителямъ Модены (и части Пармской области) и Тос-

каны, хотять ли принять герцога и великаго герцога, дающихъ имъ такія либеральныя конституціи. Но читатель помнитъ, что мнѣніе должно быть выражено жителями свободно; для этого предварительно принимаются мѣры для освобожденія ихъ отъ происковъ и нравственнаго принужденія со стороны Сардиніи, потому что по отчетамъ графа Резе и графа Понятовскаго, бывшихъ въ той части Италіи по порученію французскаго правительства, Сардинія терроризуесть Парму, Модену, Тоскану и рѣшеніе этихъ странъ о присоединеніи къ Піэмонту было вынужденное. Какія именно мѣры нужно будетъ принять для освобожденія ихъ отъ Піэмонтскаго угнетенія, будетъ зависѣть отъ удобства обстоятельствъ: быть можетъ, удобно будетъ ввести въ эти области французскія войска; быть можетъ найдутся средства иначе обезпечить свободу жителямъ при выраженіи согласія на покорность герцогу и великому герцогу. Но въ томъ парижскій политическій кругъ не сомнѣвается, что при надлежащемъ обезпеченіи свободы выраженія мнѣній въ Тосканѣ и Моденѣ съ прибавляемой къ ней частью Пармы, большинство голосовъ будетъ подано въ пользу герцога и великаго герцога. Такимъ образомъ, условія Виллафранкскаго мира относительно этихъ странъ исполнятся по свободному желанію самихъ жителей.

Герцогъ моденскій въ замѣнъ своего герцогства, передаваемого герцогу пармскому, получаетъ денежное вознагражденіе.

Само собою разумѣется, что подробности этого плана могутъ измѣниться, но для насъ важна сущность его.

Излагая его, мы не говоримъ о Романьѣ,—это потому, что судьба ея рѣшена Франціею гораздо опредѣлительнѣе, нежели участь Тосканы и герцогствъ. Положительно и достовѣрно извѣстно, что Франція рѣшилась возстановить въ ней власть папы. Этого требуетъ отъ Наполеона необходимость. Онъ не хочетъ слишкомъ раздражать ультрамонтанскую партію, а она не простила бы согласія на присоединеніе Романьи къ Пьемонту. По всей католической Европѣ уже поднята агитація въ этомъ духѣ. Французскіе епископы принимаютъ въ ней дѣятельное участіе. Въ бордосской рѣчи императоръ выразилъ порицаніе волненію, которое они производятъ своими «пастырскими посланіями» (mandemens),—но въ той жерѣчи онъ сказалъ, что не захочетъ отнятія провинцій у папы. Ультрамонтанскимъ газетамъ запрещено печатать «пастырскія посланія», но *Univers*, главная изъ нихъ, объявила своей публикѣ объ этомъ запрещеніи твердымъ и гордымъ тономъ, съ угрозами, выражающими сознаніе, что правительство не можетъ не уступить требованіямъ ультрамонтанской партіи. А, между тѣмъ, именно въ Романьѣ возстановленіе прежняго порядка потребуесть наибольшихъ усилій, потому что раздраженіе

противъ него тамъ глубже укоренилось въ массѣ, чѣмъ гдѣ либо въ Италіи. Мы приведемъ одно изъ писемъ итальянскаго корреспондента Times'a, показывающее и силу и причины этого чувства.

«Феррара, 7 октября».

«Вчера обѣдалъ я въ общей залѣ гостиницы св. Марка, въ Луго. За разными столами сидѣли люди почти изъ всѣхъ частей Романьи. Обмѣнъ словъ отъ одного стола къ другому скоро произвелъ общій разговоръ, благодаря сообщительности итальянскаго характера. Луго торговый городъ, и его ярмарка знаменита по всѣмъ легатствамъ. Большинство обѣдавшихъ были фермеры и мелкіе купцы, но нѣкоторые изъ присутствовавшихъ принадлежали къ сословію, болѣе образованному. Послѣ нѣсколькихъ мелочныхъ замѣчаній, разговоръ обратился къ общему предмету разговоровъ по всей Италіи, — къ политикѣ. Увѣренность этихъ людей въ томъ, что они избавились отъ монашескаго управленія, равнялась твердостью своею только силѣ ненависти, съ которою всѣ они говорили о немъ. Мнѣ вздумалось, что можно теперь испытать ихъ, и я сказалъ, что «во всякомъ случаѣ» легатства навѣрное останутся подѣльными свѣтскимъ управленіемъ, «если бы даже» они снова признали верховную власть папы. Въ ихъ отвѣтъ не было досады, не было неудовольствія на мое неблагоприятное для нихъ предположеніе. Они отвѣчали спокойнымъ тономъ желѣзной, непоколебимой рѣшимости. Не будетъ моего «если бы даже» и «во всякомъ случаѣ». Они говорили, что ихъ освобожденіе отъ монаховъ дѣло конченное, безвозвратное, независимое ни отъ какихъ случайностей.

«Вы знаете, — сказалъ студентъ изъ Форли, — что жителей въ въ четырехъ легатствахъ болѣе милліона. Половина этого числа погибла бы, прежде чѣмъ какаѣ бы то ни была человѣческая сила успѣла возстановить папское владычество надъ другою половиною. Описываютъ очень мрачными красками ужасы войны, но что значитъ всякая другая война по сравненію съ междоусобною? Страсти нашего народа сдерживаются святою надеждою, что ему будетъ оказана справедливость. Но пусть Австрія или какаѣ нибудь другая большая держава попробуетъ усмирить насъ, и вы увидите, что ярость вспыхнетъ. Я не дамъ тогда двухъ байконовъ за жизнь монаха въ нашей землѣ. Образъ дѣйствій монаховъ подвергаетъ наше терпѣніе самому трудному испытанію. Одного изъ нихъ заставили служить Те Деумъ спокойнымъ, но положительнымъ объясненіемъ, что иначе его жизнь будетъ въ опасности. Въ Форли мы, миряне, отслужили Те Деумъ сами. Во многихъ городахъ въ это воскресенье не служили миссы. Въ однихъ духовенство не хотѣло служить ее, въ

другихъ мы не допустили его служить. Между монахами и нами смертельная вражда, и она вспыхнетъ дикою, кровавою, открытою войною, если какая нибудь могущественная держава приметъ ихъ сторону противъ насъ. Въ нашемъ видимомъ спокойствіи, въ этомъ удивительномъ порядкѣ, соблюдать который мы обѣщались другъ другу, есть расчетливость и система. Мы всѣ единодушны. Мы не сдѣлаемъ ни шагу безъ совершеннѣйшаго согласія и взаимнаго обязательства. Мы теперь какъ стая собакъ на сворѣ. Горе тѣмъ, которые заставятъ насъ сорваться со своры! Пусть Европа судить о нашей непоколебимой твердости по нынѣшней нашей умѣренности, по силѣ, съ которою мы сдерживаемъ себя».

«Подлѣ меня сидѣлъ мелкій торговецъ изъ Ponte Lago Scuro, лежащаго близъ Феррары. Онъ кивалъ головою въ подтвержденіе каждому слову форайскаго студента, и когда студентъ кончилъ, онъ продолжалъ:

«Чего мы не дѣлали для примиренія, для дружелюбнаго соглашенія? Поѣзжайте по нашей области, на каждомъ шагу вы увидите арки и другіе памятники, построенные для встрѣчи Пія IX, когда онъ въ послѣдній разъ путешествовалъ по нашей провинціи, два года тому назадъ. Мы готовы были позабыть послѣднія десять лѣтъ и привѣтствовать кроткаго первосвященника, который началъ свое правленіе святымъ восклицаніемъ *Benedite, o Dio, all'Italia*, — «Боже, благослови Италію!» Мы были готовы отказаться отъ Мацциневыхъ деагоговъ, лишившихъ его престола; извинить многое тѣмъ страхомъ, которому онъ подвергался, дурными иноземными вліяніями, подъ которыми произошло возстановленіе его трона. Мы готовы были, — Богъ тому свидѣтель! — сложить все порицаніе за его дурное управленіе съ него на его недобросовѣстныхъ совѣтниковъ. Мы были убѣждены, что ему нужно только пріѣхать къ намъ, увидѣть и услышать насъ, чтобы разсудить между нами и нашими притѣснителями. Папа пріѣхалъ, видѣлъ насъ, — что же онъ сказалъ намъ, что сдѣлалъ для насъ? Всѣ его политическія дѣйствія ограничились прощеніемъ плута, дѣлавшаго фальшивую монету. Кромѣ этого, онъ далъ намъ только свое благословеніе, а какую пользу принесло намъ это благословеніе? На слѣдующую зиму вода въ По замерзла на нѣсколько футовъ, — случай, котораго не бывало цѣлыя пятьсотъ лѣтъ, — и вся наша торговля, всѣ сношенія остановились, судоходство прекратилось, мельницы замерзли. А на слѣдующую осень наводненіе опустошило наши нивы. Да, такова польза благословеній, получаемыхъ нами отъ этихъ монаховъ. Вся ихъ цѣль въ томъ, чтобы дѣлать насъ бѣдными и невѣжественными. Когда у насъ нѣтъ никакой промышленности, никакого образованія,

они любятъ это. Чѣмъ ближе вы будете подѣзжать къ Риму, тѣмъ яснѣе вы увидите положеніе народа, которое нравится папскому правительству, какъ идеаль христіанской націи. Имъ нужно, чтобы у васъ въ легатствахъ третья часть людей таскались по міру, собирая милостыню, какъ въ Римѣ. Но слава Богу, мы еще не доставили имъ этого удовольствія, и не доставимъ его никогда. Мы хотимъ быть образованными и трудящимися людьми. Посмотрите на эти благодатныя долины, самыя плодоносныя въ цѣломъ божьемъ свѣтѣ, — мы создали эти нивы изъ болотъ. Наши феррарскія долины, гдѣ прежде были болота, покрыты хлѣбомъ и рисомъ. Нашимъ землямъ не нужно удобренія, ихъ нужно только осушать и уравнивать, это мы дѣлали и дѣлаемъ, въ потѣ нашего лица, а не по милости папы. Намъ нужны только улучшенія въ земледѣліи. Намъ нужны желѣзныя дороги и проселочныя дороги, свободныя сношенія съ болѣе образованными націями и сбытъ для нашихъ продуктовъ. Могутъ ли намъ дать это папа и его монахи? Можемъ ли мы это получить себѣ подѣ ихъ ярмомъ? Посмотрите, первая желѣзная дорога изъ Піаченцы въ Болонью открыта только вчера, но удаленіи монаховъ. Какъ только они удалились, мы стали быстро строить желѣзныя дороги изъ Болоньи въ Равенну, Римини и Феррару, хотя находимся среди военныхъ затрудненій. Посмотрите, что десятилѣтняя свобода сдѣлала для Піемонта. Въ 1848 году Піемонтъ не имѣлъ и 4 миль желѣзныхъ дорогъ, а теперь онъ соперничаетъ ими съ Франціею, Бельгіею, Германіею, и линіи, устроенныя и содержимыя правительствомъ, даютъ 20 или 30 милліоновъ казѣнъ. Кто не захочетъ быть Піемонтцемъ? Друзья и синьоры! прочъ монаховъ, и да здравствуетъ Италія и нашъ король, Викторъ-Эммануилъ!

«Невозможно было устоять противъ простаго, но убѣдительнаго красворѣчія добраго купца, и я присоединилъ свой голось къ общему громкому ура. Мы разстались поздно вечеромъ большими друзьями, и я заснулъ съ твердой вѣрой въ пробужденіе этого народа, который такъ давно былъ угнетаемъ».

Романья, какъ видимъ, говоритъ объ отчаянномъ сопротивленіи; но извѣстно, что противъ регулярныхъ войскъ не можетъ удержаться ополченіе, не усвоившее себѣ прочной организаціи, которая бы равняла его съ дисциплинированной арміею. Потому-то мы и опасаемся, что каждый упущенный для организаціи волонтеровъ день гибельно отзовется на судьбѣ земель центральной Италіи. Безъ борьбы онѣ не сладутся, но должно бояться того, что стройныя батальоны подавятъ всякое сопротивленіе.

Теперь очевидно, что ждуть только предлоговъ къ вооруженному вмѣшательству. Смерть Анвита уже представила одинъ такой пред-

логъ. Въ переведенномъ нами письмѣ читатель видѣлъ, что подобныхъ сценъ будетъ не мало, когда опасенія въ массѣ усилятся. Газеты стали со дня на день больше говорить о томъ, что приверженцы стараго порядка, ободряемые слухами о близости вооруженной помощи, становятся отважнѣе прежняго и составляютъ заговоры. Само собою разумѣется, это станетъ пробуждать революціонныя страсти въ массѣ и революціонныя движенія. Итакъ, предпологовъ къ вооруженному скоро будетъ гораздо больше, чѣмъ теперъ.

Итальянскій вопросъ до сихъ поръ исключительно занимаетъ собою вниманіе Европы. Во Франціи пробуждали нѣкоторый интересъ только тѣ явленія, которыя были прямыми или косвенными его послѣдствіями, — наприимѣръ, ультрамонтанская агитація въ пользу папскаго свѣтскаго владычества, о которой мы уже упоминали, и полемика газетъ противъ стѣсненій, которыми онѣ подлежатъ. Она составляетъ предметъ отдѣльной статьи въ этой книжкѣ Современника, и мы здѣсь замѣтимъ только, что требованія, начавшія высказываться съ такою силою, не могутъ долго оставаться безъ вліянія на положеніе дѣлъ: надобно ожидать, что они или вынудятъ реформу, или заставятъ принять мѣры стѣсненія, болѣе прежняго сильныя. Во всякомъ случаѣ, полемика эта свидѣтельствууетъ, что общественное мнѣніе, на время отвлеченное отъ внутреннихъ вопросовъ войною, возвращается къ нимъ съ усиленнымъ интересомъ. По нашему правилу, излагать подробно только тѣ событія, которыя или особенно интересуютъ цѣлую Европу, или имѣютъ внутреннюю великую важность, мы конечно не станемъ утомлять читателя разсказами о томъ, что на Алжирской границѣ началась у французозъ война съ мароккскими племенами, которая по всей вѣроятности кончится тѣмъ, что французы нѣсколько раздвинутъ границы своихъ африканскихъ владѣній на западъ. Мы не будемъ говорить и о томъ, что французскія войска въ Кохинхинѣ изнемогли отъ болѣзней и потому отказываются отъ мыслей объ обширныхъ завоеваніяхъ въ этой странѣ, — какое дѣло не только намъ, но и самой Франціи до завоеваній въ Азій, когда въ самой Франціи надобно было бы производить еще много завоеваній надъ бѣдностью и невѣжествомъ?

Объ Англіи ничего не приходится намъ говорить въ этотъ разъ. Национальнымъ событіемъ было то, что «большой корабль», the big ship, то есть, «Восточный великанъ», Great Eastern, уже началъ свои прогулки по морю, и несмотря на неосторожность въ одной изъ техническихъ подробностей при устройствѣ трубъ, проводив-

шихъ воду въ паровики, неосторожность, которая произвела взрывъ одной изъ этихъ трубъ, онъ оказался совершенно соответствующимъ надеждѣ, какую имѣли на его достоинства. Онъ легко ходитъ по 25 верстѣ въ часъ подъ неполными парами; онъ остается непоколебимъ при волненіи, производящемъ сильную качку въ самыхъ большихъ изъ прежнихъ кораблей, и развѣ только въ бурю будетъ подвергать своихъ пассажировъ морской болѣзни. Самый взрывъ засвидѣтельствовалъ чрезвычайную крѣпость его: онъ не потерпѣлъ никакого вреда отъ этого потрясенія, которое разрушило бы, говорятъ, даже линейный корабль. Но Great Eastern—не политическій фактъ, и мы здѣсь должны ограничиться этими немногими словами о немъ. Сентябрь и октябрь мѣсяцы — время совершеннаго затишья въ государственной жизни Англїи. Но въ ноябрѣ, когда по старому обычаю начинаются приготовленія общественнаго мнѣнія къ приближающейся парламентской сессїи, съ удвоенною силою должна возобновиться агитація въ пользу парламентской реформы, съ которою соединится агитація въ пользу финансовой реформы. Читатель знаетъ, что люди, бывшіе главными дѣятелями въ лигѣ противъ хлѣбныхъ законовъ, по ихъ отмѣненіи образовали лигу въ пользу финансовой реформы вообще. Они находятъ, что теперь наступила пора сильно поднять въ парламентѣ вопросъ о преобразованіи системы англійскихъ налоговъ. Кобденъ и Брайтъ согласны съ этимъ, и надобно ожидать, что митинги въ концѣ нынѣшняго года будутъ очень оживлены, а парламентская сессїя слѣдующаго года пройдетъ не такъ бесплодно, какъ сессїя нынѣшняго года, — разумѣтся, если не возникнетъ опять опасеній какой нибудь войны со стороны Франціи. Разрывъ между хозяевами и работниками по строительной промышленности (Builders' Strike), о которомъ упоминали мы въ предъидущемъ обзорѣ, все еще продолжается, вотъ уже почти три мѣсяца, и до сихъ поръ еще неизвѣстно, когда и какъ онъ кончится.

Въ Германїи продолжаютъ толковать объ агитаціи въ пользу единства. Дѣло это приняло оборотъ, который для человѣка, незнакомаго съ характеромъ германскаго сейма, можетъ казаться подающимъ надежды, но въ сущности ведетъ только къ нескончаемой и совершенно бесплодной дипломатической перепискѣ. Нѣкоторыя изъ второстепенныхъ правительствъ Германїи, чтобы избавиться отъ упрековъ за отсутствіе патріотизма, вздумали предложить сейму заняться пересмотромъ союзнаго акта. Исторія всѣхъ реформъ, которыя предполагалось совершить посредствомъ сейма, доказываетъ полнѣйшее безсиліе сейма сдѣлать что нибудь въ духѣ улучшенія; да и какія существенныя улучшенія могутъ быть предложены тѣми, кото-

рые должны потерять отъ всякаго дѣйствительнаго улучшенія? Если читатель вспомнить, что говорили мы въ прошлый разъ объ этомъ, онъ согласится, что сейму предложены будутъ реформы ничтожныя, да и тѣ сеймъ, послѣ долгихъ и очень скучныхъ споровъ, найдетъ невозможными, если само население Германіи не потрудится разъяснить ему, что не только предложенныя реформы возможны, но необходимы еще другія, болѣе важныя.

Въ Австріи прежнія надежды на замѣненіе реакціонной системы болѣе свободною уступили мѣсто, какъ и слѣдовало ожидать, горькому разочарованію. Венгерскіе протестанты, столь осчастливленные великою реформою касавшеюся инспекторовъ школъ, имѣютъ неблагодарность объявлять, что подобныя реформы просто комедія, насмѣшка. Министры отвѣчаютъ, что они сами знаютъ это, но реформъ иного характера производить не могутъ. Они говорятъ правду. Ихъ безсиліе на добро дѣйствительно стало очевидно для всѣхъ.

Но самымъ занимательнымъ, послѣ итальянскаго вопроса, случаемъ въ европейскомъ политическомъ мірѣ было открытіе колоссальнаго заговора въ Турціи, всего только за нѣсколько дней до срока, назначеннаго къ его исполненію. Заговоръ этотъ очень интересенъ какъ фактъ, опровергающій распространенное по Европѣ предубѣжденіе, будто турецкое правительство идетъ въ главѣ реформы, постепенно распространяющей въ Турціи цивилизацію, и будто бы оно дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ вяло и плохо только потому, что нѣтъ въ турецкомъ обществѣ элементовъ, на которые могло бы оно опереться, нѣтъ многочисленной партіи, которая хотѣла бы видѣть Турцію цивилизованнымъ государствомъ. Характеръ открытаго теперь заговора доказываетъ противное. Не говоря уже о христіанскомъ населеніи Европейской Турціи, которое, разумѣется, только того и желаетъ, чтобы правительство шло путемъ реформъ, мы видимъ теперь, что даже въ турецкомъ племени есть много людей, которые были бы рады очистить Турцію отъ азіатскаго деспотизма и фанатизма и помогать осуществленію всѣхъ тѣхъ улучшеній, которыя требуются отъ него европейскими державами, и которыхъ оно не дѣлаетъ, какъ слѣдуетъ, или не дѣлаетъ вовсе.

Само собою разумѣется, что турецкое правительство употребляетъ всѣ усилія, чтобы скрыть истинныя намѣренія заговорщиковъ и выставить ихъ фанатиками, хотѣвшими истребить христіанъ и т. д., кровопійцами, хотѣвшими зарѣзать султана и т. д. Но мужество, съ которымъ заговорщики держали себя на допросахъ, одно уже могло бы свидѣтельствовать противъ такихъ обвиненій. Люди, замыслы которыхъ дурны, не были бы такъ безтрепетны предъ лицомъ смерти. Они смѣло говорили министрамъ,

своимъ судьямъ, о дурномъ управленіи, которое губить Турцію, о произволѣ администраціи, расточительности двора. Мы подождемъ, пока болѣе разъяснится правда, затемненная теперь официальными клеветами, и приведемъ нынѣ только отрывокъ изъ парижской корреспонденціи Times'a (3 октября).

«Натурально было бы предполагать, что заговоръ, въ которомъ большая часть руководителей—азиатскіе турки, въ которомъ замѣшаны очень многіе мусульманскіе духовные, отчасти вызванъ мѣрами, принятыми въ послѣдніе годы въ пользу христіанъ. Но это предположеніе несправедливо. Я нигдѣ не нахожу ему подтвержденій, а очень длинное, подробное и интересное письмо, помѣщенное въ Presse, которая ручается за вѣрность его извѣстій, положительно опровергаетъ это. Оно говоритъ:

«Заговорщики думали о впечатлѣніи, какое произведетъ на Европу приготовляемый ими переворотъ. Увѣряютъ, что у нихъ былъ составленъ манифестъ для сообщенія европейскимъ державамъ. Въ этомъ актѣ излагались причины неудовольствія націи на Абдуль-Меджида и его министровъ; представлялись свѣдѣнія о дворцовыхъ издержкахъ и суммахъ, получаемыхъ министрами. Далѣе, объявлялось, что переворотъ не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго прогрессу, цивилизаціи, а въ особенности, ничего опаснаго для христіанъ.»

«Каждый народъ имѣетъ свой методъ идти къ своимъ цѣлямъ. Турецкій заговоръ былъ по видимому нѣчто соответствующее нашей англійской лигѣ въ пользу финансовой реформы, только вмѣсто собранія колоссальныхъ митинговъ, мирной агитаціи и краснорѣчія Кобдена и Брайта, у нашей, муфти и улемовъ были тайныя собранія въ домѣ одного изъ ихъ товарищей, близъ мечети султана Баязета, и замыселъ арестовать султана и его министровъ. Письмо помѣщенное въ Presse продолжаетъ:

«Мѣсяца три тому назадъ составилось тайное общество съ смѣлымъ намѣреніемъ арестовать султана и измѣнить форму правленія. Главное лицо общества, Шейхъ-Ахмедъ, курдъ родомъ изъ Сулейманіе, жилъ въ медресе (училищѣ) при мечети султана Баязета. Онъ человекъ просвѣщенный, чуждый фанатизма, уважаемый богословъ и философъ и извѣстенъ непоколебимою честностью. Подобно почти всѣмъ туркамъ, Шейхъ-Ахмедъ печалился тѣмъ, какъ дурно ведутся государственныя дѣла, возрастающею слабостью имперіи, административными злоупотребленіями, финансовыми безпорядками, безвѣрными дворцовыми издержками. Онъ строго осуждалъ дѣйствія министровъ и слабость султана. Его слушали съ почтеніемъ и слова его получали великую силу отъ нравственнаго авторитета, которымъ онъ пользовался. Ежедневно повторяющіеся факты подтверждали эти слова и увеличивали народное

неудовольствіе. Около шейха собрались люди, раздѣляшіе его мысли; у нихъ часто происходили совѣщанія. Это были судьи, духовные, военные, люди средняго сословія и чиновники.»

«Въ числѣ друзей шейха находился черкесь Гуссейнъ-Паша, человекъ горячаго и рѣшительнаго характера, получившій извѣстность въ карскую компанію 1855 года. Онъ былъ тогда командиромъ перваго арабистанскаго полка, отличился при отраженіи русскаго штурма и за это произведенъ былъ въ генералы. Въ прошломъ году онъ былъ менѣе счастливъ въ войнѣ съ черногорцами, гдѣ корпусъ его сильно пострадалъ; подъ нимъ самимъ было убито двѣ лошади и самъ онъ едва спасся отъ смерти. Его удалили отъ командованія. Возвратившись въ Константинополь, онъ требовалъ военнаго суда, но ему отказали въ этомъ. Оставшись безъ должности и считая себя обиженнымъ, онъ питалъ неудовольствіе на правительство. Познакомившись съ Шейхомъ-Ахмедомъ, онъ охотно присоединился къ его замыслу. Мѣсяца два тому назадъ, его опредѣлили въ штабъ румелійской арміи. Онъ отказывался, но потомъ согласился и уѣхалъ. Говорятъ, что въ его отсутствіе руководителемъ движенія положили сдѣлать артиллерійскаго генерала Гассана-Пашу, командовавшаго батареями и караулами на Босфорѣ. Въ числѣ заговорщиковъ былъ также Джаферъ-Паша, албанецъ знатнаго рода, нѣкогда боровшійся противъ Порты, но во время Дунайской компаніи присоединившійся къ арміи султана съ 200 своихъ соотечественниковъ, вооруженныхъ и обмундированныхъ на его счетъ. Послѣ войны ему давали много обѣщаній, но ни одного не исполнили. Ему даже не дозволили возвратиться на родину, а принудили остаться въ Константинополь, давая ему около 7 фунтовъ (45 р. с.) въ мѣсяцъ. Были и другіе значительные люди въ числѣ заговорщиковъ; офицеровъ, замѣшанныхъ въ это дѣло, считаютъ не менѣе 850 человекъ. Общество имѣло правильную организацію и члены его раздѣлялись на два класса, руководителей и простыхъ членовъ.

«Только руководители знали другъ друга. Простые члены знали только своихъ руководителей, изъ которыхъ у каждаго было подъ руководствомъ отъ 100 до 150 человекъ. Надобно полагать, что число членовъ заговора было не менѣе 15 или 18 тысячъ. Планъ заговорщиковъ былъ таковъ: при возвращеніи султана изъ мечети или изъ дворца Топхане съ обыкновенною свитою, они хотѣли ждать его въ самомъ узкомъ мѣстѣ той улицы, которая параллельно Босфору ведетъ изъ Топхане съ Дольма-Бакши, гдѣ стоитъ кабуташскій караулъ. Офицеры и солдаты этого караула должны были арестовать султана; всѣ они были на сторонѣ заговорщиковъ. Послѣ арестованія султана хотѣли пустить съ кабуташскаго крыльца ракеты, чтобы дать сигналъ полку располо-

женному въ Кулали, на другой сторонѣ Босфора. Отряды этого полка должны были идти, чтобы арестовать военнаго министра Риза-Пашу, великаго визира Аали-Пашу и министра иностранныхъ дѣлъ Фуаль-Пашу.

«Другихъ министровъ, президентовъ и членовъ совѣтовъ также хотѣли арестовать и подобно султану держать подъ стражей. Говорятъ, что Гассанъ-Паша, сдѣлавшій доносъ на заговорщиковъ, утверждаетъ, будто бы измѣнилъ имъ, узнавъ, что они хотѣли убить всѣхъ арестованныхъ и самаго Абдуль-Меджида; но общее мнѣніе въ Константинополѣ таково, что у заговорщиковъ не было намѣренія убивать кого бы то ни было и что Гассанъ выдумалъ эту исторію для своего извиненія. Заговорщики назначали уважаемыхъ людей для замѣщенія низложенныхъ сановниковъ, не спрашивая впрочемъ согласія у избранныхъ ими кандидатовъ. Они хотѣли объявить султана низложеннымъ и возвести на престолъ его брата или старшаго сына. Все было готово; исполненіе заговора было назначено въ субботу 17 (5) сентября, но въ среду 14 (2), вечеромъ, Гассанъ явился къ Риза-Пашѣ и разсказалъ ему все. Быстро приняты были мѣры. Въ четвергъ, въ пятницу и субботу множество людей было арестовано: они содержатся въ Кулали, въ Скутари и въ другихъ мѣстахъ. Письмо продолжаетъ:

«Въ числѣ заговорщиковъ, арестованныхъ въ пятницу, былъ Джаферъ-Паша; его посадили на большой канкъ подъ стражею 10 солдатъ, чтобы отвезти въ Кулали. На дорогѣ онъ растегнулъ пуговицы широкаго пальто, которое было на немъ. Въ ту минуту, когда канкъ вошелъ въ быстрое теченіе, онъ вскочилъ и прыгнулъ въ воду; солдаты схватили его за пальто, но онъ вынулъ руки изъ рукавовъ, нырнулъ и исчезъ. Это было въ половинѣ восьмага, вечеромъ. Приближалась ночь; и Джаферъ-Пашу не нашли; только его феска всплыла черезъ нѣсколько минутъ на поверхность, тѣла его не отыскивали. Многие говорятъ, что паша умѣлъ чрезвычайно хорошо плавать и что онъ можетъ быть спасся».

Выбирая достовѣрнѣйшія черты изъ другихъ извѣстій, мы видимъ, что цѣлью заговора было прекратить безпорядки управленія и дворцовой расточительности введеніемъ въ Турцію болѣе правильной администраціи и лучшихъ законовъ, въ томъ числѣ уравненіемъ правъ христіанскаго населенія съ мусульманскимъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

(Картина петербургскихъ улицъ въ сентябрѣ. — Корни деревьевъ, вырытыя на Невскомъ проспектѣ и ученые фельетонисты. — Нѣсколько словъ о домо-хозяевахъ и квартирахъ. — Разсказъ господина, отыскивающего квартиру. — Насмѣнные экипажи, трактиры и проч. — Пассажъ и мозольные операторы. — О лекціяхъ въ Пассажѣ. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. — Драматическій кошмаръ. — Мартыновъ въ «Холостякѣ». — Открытіе итальянской оперы. — Новые пѣвицы и въ особенности о г-жѣ Лагруа. — Письмо ко мнѣ по поводу оперы. — Деревянный циркъ и графъ Соллогубъ. — Г-жа Розати. — Закрытіе дома Штиглица и банкротство А'. — Шамилъ въ Петербургѣ и г. Горайновъ. — Великолѣпное изданіе г. Соловьева: «Путешествіе на Амуръ», съ альбомомъ рисунковъ. — «Дворянское Гвѣздо» г. Тургенева. — «Обломовъ» Гончарова. — О старыхъ и новыхъ журналахъ, и прочее.)

Послѣ 8 сентября на петербургскихъ улицахъ, несмотря на ихъ широту, нельзя было почти ни ходить, ни ѣздить. Съ обѣихъ сторонъ онѣ были взрыты и завалены горами грязи, камней, различной величины чугунныхъ трубъ водопроводнаго и газоваго обществъ и даже корнями деревьевъ на Невскомъ проспектѣ. Грязь изъ вырываемыхъ каналовъ, выбрасываемая на улицу, еще болѣе расплывалась отъ дождей... Однимъ словомъ, сѣверная Пальмира, какъ иногда называютъ Петербургъ официальныя поэты и газеты, представляла довольно безобразное зрѣлище. По поводу древесныхъ корней, вырытыхъ на Невскомъ проспектѣ, ученые фельетонисты пустились въ изслѣдованія и остроумныя догадки: что это за корни?

Вопросъ, дѣйствительно, очень важный... По мнѣнію одного изъ такихъ, «корни эти—остатки того лѣса, который до Петра Великаго покрывалъ Петербургъ и посреди котораго Петръ прорубилъ невскую перспективу, сдѣлавъ ее «окномъ» въ Европу, столь непріятную для нашихъ славянофиловъ».

Думали ли бѣдныя славянофилы, что этими вырытыми на Невскомъ проспектѣ допетровскими корнями можно такъ кстати и ловко уколоть ихъ ?

Впрочемъ, и догадка-то касательно этихъ корней еще неосновательна. Корни эти принадлежатъ просто тѣмъ тощимъ липкамъ, которыя въ двадцатыхъ годахъ украшали Невскій проспектъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ важный вопросъ еще нельзя считать окончательно рѣшеннымъ до тѣхъ поръ, покуда не займутся имъ и не разъяснятъ его спеціалисты.

Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать трудовъ ихъ по этому предмету.

На главныхъ петербургскихъ улицахъ водопроводныя трубы уже положены, и эти улицы начинаютъ моститься и очищаться.

Кстати о мостовой. На петербургскія мостовыя справедливо жалуются всѣ, пишутъ проекты о новомъ способѣ мощенія и проч. Да хоть бы мостили порядочно, по старой методѣ. Надобно посмотреть, съ какою невѣроятною небрежностью слагается эта мостовая. При такомъ выполненіи, она не могла бы держаться на самомъ твердомъ грунтѣ, а на болотистомъ петербургскомъ не выдерживаетъ и мѣсяца... Къ обыкновеннымъ колеямъ, ямамъ и выбоинамъ петербургскихъ мостовыхъ теперь прибавились еще холмы по обѣимъ сторонамъ улицъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проложены водопроводныя трубы. Неужели нельзя было убить землю на протяженіи трубъ и сравнять мостовую? Но водопроводное общество отвѣчаетъ, что это сдѣлано преднамѣренно, ибо земля должна осѣсть....

На каждой петербургской улицѣ въ эту минуту торчатъ лѣса и преграждаютъ путь временныя заборы, воздвигаются огромныя дома въ пять—шесть этажей, и, несмотря на это, цѣны на квартиры увеличиваются непомерно съ каждымъ годомъ. Теперь квартира, заключающая въ себѣ пять комнатъ, конюшни и сарай, на небольшихъ улицахъ, въ третьихъ этажахъ, стоитъ отъ 1,000 до 1,200 р.; за квартиры изъ трехъ маленькихъ комнатъ и кухни на заднихъ дворахъ, въ третьихъ и четвертыхъ этажахъ, платится не менѣе 25 р. с. въ мѣсяцъ безъ дровъ и безъ воды; одна комната, съ небольшою кухнею, 15 р.! Для людей семейныхъ и имѣющихъ небольшія средства остается только Петербургская или Выборгская стороны, съ немощеными улицами, безъ освѣщенія, съ деревянными по-

косившимися и провалившимися тротуарами; для людей бѣдныхъ— грязные, сырые и аловонные углы...

Это безобразное возвышеніе цѣнъ на квартиры происходитъ отчасти оттого, что въ послѣдніе годы дома въ Петербургѣ строятся, надстроиваются и покупаются по большей части различными аферистами и спекуляторами, награбившими свои капиталы откупами, незаконными процентами, взяточничествомъ и другими подобными способами.

Нѣкоторые изъ этихъ господъ, какъ извѣстно, приобрѣли отъ 5 до 60 домовъ!... Они первые подняли цѣны на квартиры, а уже за ними постепенно послѣдовали другіе домовладѣльцы.

При умножающейся вмѣстѣ съ тѣмъ ежегодной прибавки на всѣ самые необходимыя жизненные припасы, жизнь въ Петербургѣ, не заключая въ себѣ никакихъ почти удобствъ, представляемыхъ большими европейскими городами, становится невыносима для людей, имѣющихъ среднія средства... нечего и говорить уже о людяхъ бѣдныхъ. Люди семейные, имѣющіе до 5,000 руб. сер. (17,500 р. ас.), ежегоднаго дохода могутъ еще жить въ Петербургѣ кое-какъ, но и то съ большимъ расчетомъ, отказывая себѣ во всѣхъ развлеченияхъ и удовольствіяхъ.

Лондонъ въ настоящую минуту, кажется дешевымъ городомъ сравнительно съ Петербургомъ.

Наглость и жестокость съ бѣдными жильцами нѣкоторыхъ петербургскихъ домовладѣльцевъ, ех-ростовщикѣвъ, ех-откупщикѣвъ и ех-взяточникѣвъ, превосходитъ всѣ мѣры. Мы имѣемъ на это нѣсколько фактовъ, которые при случаѣ сообщимъ нашимъ читателямъ.

Я не хочу утверждать, чтобъ такіе господа, о которыхъ я поведу рѣчь, непременно существовали въ дѣйствительности, хотя возможность ихъ также отрицать нельзя. Это моя фантазія на тему домохозяйствъ ...

Снисходительности, состраданія и чувствительности, дѣйствительно, смѣшно было бы ожидать, на примѣръ, отъ такого рода господъ.

Господинъ начинаетъ свое коммерческое поприще тѣмъ, что на смертномъ одрѣ обкрадываетъ своего благодѣтеля; съ крадеными деньгами онъ пускается смѣло въ откупа, въ которыхъ сначала участвуетъ робко, и то по милости своего благодѣтеля. Посредствомъ разсыропливанья водки и разныхъ мошенничествъ, которыя обнаружены въ послѣднее время въ статьяхъ по поводу откуповъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ систематическаго грабежа, онъ скопляетъ себѣ милліоны, дѣлается какимъ-то совѣтникомъ (чего

неизвѣстно), — словомъ, становится важнымъ лицомъ, въ присутствіи котораго уже нѣкоторые захлебываются отъ благоговѣнія и страха. Разбогатѣвъ до безобразія и нѣсколько облѣбившись, онъ беретъ къ себѣ въ долю расторопнаго, ловкаго и дѣятельнаго человѣка съ довольно значительнымъ капиталомъ и поручаетъ ему нѣкоторыя дѣла свои, назначивъ большое жалованье. Управляющій этотъ, имѣющій большое семейство, нѣсколько лѣтъ завѣдуетъ всѣми порученными ему дѣлами и находится съ миллионеромъ, повидимому, въ самыхъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Однажды управляющему понадобилась для чего-то небольшая сумма. Онъ проситъ у своего патрона, чтобы тотъ выдалъ ему эту сумму изъ находящагося у него его капитала; но миллионеръ не выдаетъ ему ни копѣйки, однако обвиняетъ его, дауетъ и увѣряетъ, что онъ для собственной выгоды капиталъ свой долженъ оставить у него неприкосновеннымъ, обѣщая ему громадные барыши. Простодушный управляющій убѣждается этими доводами и трогается до слезъ нѣжнымъ обращеніемъ съ нимъ патрона....

Такъ проходитъ нѣсколько времени. Въ одинъ прекрасный день управляющій умираетъ внезапно отъ удара. Вдова управляющаго проситъ у миллионера возвратить ей капиталъ мужа. Миллионеръ приходитъ въ изумленіе.

— Какой капиталъ? спрашиваетъ онъ: — вы съ ума сошли? у вашего мужа никакого капитала не было. Онъ жилъ по моей милости: я его благодѣтельствовалъ....

Со вдовой, разумѣется, обморокъ. Ее уговариваютъ жаловаться; но доказательства нѣтъ никакихъ, сдѣлать ничего нельзя, и вдова управляющаго идетъ почти по міру съ нѣсколькими дѣтьми....

На этотъ капиталъ, ограбленный у вдовы, миллионеръ приобретаетъ свой шестидесятый домъ и этимъ округляетъ цифру своихъ домовъ. 59 домовъ имѣть какъ-то неловко; ужъ гораздо пріятнѣе шестдесятъ!...

Ожидайте же какаго нибудь малѣйшаго снисхожденія отъ такого милаго домохозяина, если вы бѣдный человѣкъ и имѣете несчастіе нанимать квартиру въ его домѣ!

Неудобства и дороговизна петербургскихъ квартиръ превьшаютъ всѣ мѣры.

Моему знакомому нужна была небольшая квартира въ три комнаты на дворѣ. Онъ отправился отыскивать ее.

Отыскивать квартиры въ Петербургѣ — пытка. Вотъ разсказъ его.

Я останавливаюсь у первыхъ воротъ, у которыхъ былъ прибитъ билетъ о томъ, что отдается квартира, именно такая, какая мнѣ

нужна. Я звоню дворника. Отвѣта нѣтъ. Звоню еще нѣсколько разъ— все безъ отвѣта. Выведенный изъ терпѣнія, я отправляюсь на дворъ и кричу: «Дворникъ! дворникъ!»

При этихъ крикахъ, нѣсколько женщинъ высовываютъ головы въ окна и смотрятъ на меня, вытаращивъ глаза.

— Гдѣ тутъ дворникъ? спрашиваю я.

— Онъ тутъ, да ушелъ, видно. Вонъ дворницкая... посмотрите, пишеть одна изъ нихъ.

Я стучу въ дворницкую, но потомъ убѣждаюсь, что это напрасно, потому что дверь заперта.

Я опять пробую кричать, вооружась терпѣніемъ. Минуть черезъ 20 является дворникъ, потомъ отправляется за ключами, заставляетъ прождать еще четверть часа и наконецъ отворяетъ дверь квартиры.

Изъ квартиры только что выѣхали жильцы. Обои на стѣнахъ грязны и оборваны, потолоки закончены, подокошники, двери, поды, — все въ ужасномъ видѣ.

— Чтò жь, это все исправится? спрашиваю я.

— Почистятъ маненько, отвѣчаетъ дворникъ, почесываясь.

— Да чего тутъ маненько почистить! возражаю я съ досадою: — обои оборваны—ихъ надо перемѣнить; все загажено—все надо пере-красить. Нельзя же переѣхать въ эдакую гадость!

— Какъ угодно. Коли хотите, переговорите съ хозяиномъ.

Я подумалъ, что если квартиру подновить, она будетъ довольно сносна, и я рѣшился отправиться къ хозяину.

Хозяинъ — нѣмецъ-булочникъ, нажившій себѣ пятиэтажный домъ... не столько, говорятъ, булками, сколько ростовничествомъ. Онъ, впрочемъ, не лично занимался этимъ почтеннымъ ремесломъ, а черезъ своего агента — чиновника-ростовщика изъ жидовъ. Булочникъ ввѣрялъ ему сначала небольшія суммы, а потомъ побольше за 20 процентовъ, а жидъ-ростовщикъ отдавалъ ихъ, въ свою очередь отъ себя за 50, промотавшимся баричамъ и мутящимъ мелодымъ купчикамъ, подъ залогъ серебра, брилліантовъ и другихъ цѣнныхъ вещей.

Такимъ образомъ, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ нѣмецъ-булочникъ, при величайшей аккуратности и экономіи, незамѣтно составилъ себѣ значительный капиталъ и выстроилъ пятиэтажный домъ, на 60 году отъ рожденія.

Онъ худощавъ, одѣтъ очень чисто, сильно проникнуть чувствомъ собственнаго достоинства, говоритъ медленно, съ разстановками и имѣетъ постоянно глубокомысленное выраженіе.

Я объяснилъ, зачѣмъ я пришелъ къ нему.

— Гм!

Булочникъ глубокомысленно задумался и черезъ минуту спросилъ, бросивъ на меня испытующій взглядъ:

— А позвольте спросить, собственно для себя вы имѣете надобность въ квартирѣ, или для посторонней особы и какого пола — мужескаго или женскаго?

— Для себя.

— Га! А позвольте васъ спросить, вы холостой или женатый господинъ? одни или съ семействомъ займете эту квартиру?

— Да вамъ-то какое дѣло до этого?... Я нанимаю квартиру, буду платить вамъ деньги въ сроки; а кто со мною будетъ жить въ квартирѣ, вамъ до этого нѣтъ дѣла... безпаспортныхъ держать я не буду.

Булочникъ посмотрѣлъ на меня подозрительно.

— Какъ не мое дѣло! возразилъ онъ:—я хозяинъ, слѣдовательно это мое дѣло... Я нажилъ свой домъ честными трудами. Я не хочу, чтобы въ моемъ домѣ жили какія нибудь подозрительныя особы, какія нибудь мамзель. Въ моемъ домѣ все живутъ чиновныя, знатныя особы и даже первыхъ классовъ!

— Я вамъ говорю, что квартира мнѣ нужна для себя. Понимаете вы? перебилъ я, съ досадою, нравственнаго нѣмца.

— Такъ. Ну, все это хорошо; но вы холостой человекъ, а—извините великодушно:—извѣстно, холостые люди вѣтренный пародъ, берутъ иногда къ себѣ мамзелей, а я нажилъ домъ честными трудами... Я не захочу, чтобы на моемъ домѣ было пятно...

— Да я не хочу пятнать вашего дома. Я человекъ скромный, до мамзелей не охотникъ, буду жить одинъ съ человекомъ.

— Въ такомъ случаѣ, это приятно слышать... А цѣна вамъ извѣстна?

— Нѣтъ.

— 350 безъ дровъ и воды.

— Это дорого; ну, да Богъ съ вами. Но квартиру надо прежде вычистить, выкрасить, оклеить новыми обоями.

— Я мои квартиры передѣлываю и обновляю черезъ каждые три года. Это аккуратно, это ужъ законъ; а квартира, которую вы желаете, передѣлана въ прошлый годъ, слѣдовательно я не справъ передѣлывать ее теперь. Черезъ два года она будетъ непременно крашена, обои перемѣнены.

— Такъ вы рѣшительно не хотите ее передѣлать теперь?

— Я не справъ, потому что черезъ три года....

— Но если она въ одинъ годъ, перебилъ я: — такъ загажена, то вы должны сдѣлать исключеніе изъ своего правила...

— Это невозможно.

— Ну такъ прощайте: намъ, стало быть, и говорить не о чемъ.

— Я не воспрепятствую вамъ передѣлать ее самимъ! воскликнулъ булочникъ.

— Нѣтъ, ужь покорно васъ благодарю,

— *Al wie sie wollen mein lieber Herr, wie sie wollen!*.. У насъ жильцы найдутся, произнесъ нѣмецъ съ ироническою улыбкою: — теперь совсѣмъ и нѣтъ пустопорожнихъ квартиръ въ Петербургѣ; мою квартиру всякій схватитъ съ радостію и починитъ на свой коштъ... Цѣны недорогой. Вотъ чрезъ два дома у моего пріятеля Карла Карлыча Юргенса такой квартира 400 идетъ...

Разставшись съ булочникомъ, я пустился въ дальнѣйшее странствованіе, останавливаясь, разумѣется, передъ каждымъ воротами, къ которымъ былъ прибитъ билетъ объ отдачѣ трехъ комнатъ, и дергалъ дворницкій замокъ все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ ожесточеніемъ, потому что изъ десяти домовъ въ пяти я никакъ не могъ добиться дворника, въ трехъ домахъ я бесполезно взбирался въ 4 этажъ, потому что вмѣсто трехъ комнатъ оказывались только двѣ и какой-то темный чуланъ считался за третью комнату, а въ двухъ домахъ дворники надѣлали мнѣ грубостей за то, что я ихъ напрасно беспокою, потому что у нихъ никакихъ квартиръ нѣтъ.

— А билетъ на воротахъ ?

— Да ужь эта квартира давно сдана.

— Зачѣмъ же вы не снимаете билета?

— Это не ваше дѣло, отвѣчалъ одинъ изъ дворниковъ: — идите съ Богомъ. Говорятъ, нѣтъ квартиръ... Что жь тутъ толковать-то?

Я было сильно ожесточился противъ дворниковъ, но, размысливъ хорошенько, убѣдился, что это ожесточеніе надо перенести на домохозяевъ. Если бы въ эту минуту я встрѣтилъ какого нибудь домохозяина, будь онъ моимъ лучшимъ другомъ, я непремѣнно наговорилъ бы ему грубостей.

Я странствовалъ такимъ образомъ часа три и такъ усталъ, что едва передвигалъ ноги.

Вдругъ я вспомнилъ объ одномъ домѣ, удивительное устройство котораго мнѣ много хвалили. Въ этомъ домѣ я былъ одинъ разъ у моего пріятеля и пораженъ былъ роскошью его отдѣлки и различными затѣями: мраморными подоконниками, мраморными каминами, какими-то удивительными паркетамъ и проч.

«Домъ этотъ огромный» думалъ я, «содержится отлично, на дворѣ много небольшихъ квартиръ — попытаемъ счастья: не найдется ли тамъ квартира, какая нужна мнѣ,...

Надобно сказать, что этотъ удивительный домъ принадлежитъ господину, который десять лѣтъ тому назадъ не имѣлъ ровно ни-

чего, кромѣ незначительнаго жалованья; служилъ онъ по строительной части и былъ назначенъ какимъ-то помощникомъ при построеніи одного монументальнаго зданія, которое теперь принадлежитъ къ лучшимъ петербургскимъ украшеніямъ.

По окончаніи этого монументальнаго зданія, мой господинъ вдругъ разбогатѣлъ, тотчасъ купилъ большое мѣсто и выстроилъ домъ, о которомъ я говорю, съ мраморами и неслыханными паркетами. Такіе паркеты и мраморы могутъ украшать только дворцы. Какъ они появились въ частномъ домѣ, это вопросъ, разрѣшить который нетрудно.

Я отпраляюсь въ этотъ домъ, останавливаюсь у воротъ — и, къ великой моей радости, читаю на билетѣ у воротъ объ отдахѣ на дворѣ трехъ комнатъ съ кухней.

Звоню дворника.

Заспанный дворникъ, нехотя и зѣвая, вылѣзаетъ изъ своего подвала.

— Покажи квартиру.

Дворникъ, вооружившись ключами, ведетъ меня по довольно чистой дѣлствницѣ въ четвертый этажъ.

Три маленькія комнаты заново, но просто отдѣланныя, съ коридоромъ сзади и съ перегородкой въ передней, за которой кухня. Квартира ничего. Такого рода квартиры четыре года тому назадъ отдавались по 15 руб. въ мѣсяцъ. Надо сказать, что окна этой квартиры выходятъ на второй грязный дворъ.

— Цѣна? спрашиваю я.

— Четыреста рублей, безъ воды и безъ дровъ и по контракту. У насъ всѣ квартиры по контракту. отвѣчаетъ дворникъ.

— Что? Четыреста? Можетъ ли это быть? Ты съ ума сошелъ!

Дворникъ улыбается.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчаетъ онъ: — спросите у управляющаго, коли мнѣ не вѣрите.

— Да вѣдь это разбой, грабежъ! продолжаю я, глупо разгорячившись.

— Я ничего не знаю. Это не наше дѣло. Не мы назначаемъ цѣны, а хозяинъ. Дорого, такъ не навивайте.

Дворникъ правъ.

— Ну, извини, братецъ, что я тебя напрасно беспокоилъ и не спросилъ прежде о цѣнѣ.

— Ничего, отвѣчаетъ дворникъ. — Эта квартира, продолжаетъ онъ, смягченный моимъ извиненіемъ: — два года тому ходила 250, въ прошломъ году набавили 75 р., да нынче 75 руб. Хозяйская воля: что будешь дѣлать!

— И ты думаешь, что у васъ наймутъ эту квартиру?

— Безпремѣнно наймутъ. У насъ никогда не стоятъ квартиры пустыя... Что жь! домъ чистый, лѣстницы всѣ освѣщены на хозяйскій счетъ: какъ не нанять?

Три утра сряду странствовалъ я; измучился, какъ собака, на-силу отыскалъ три комнаты на дворѣ, безъ дровъ и безъ воды, и еще въ новомъ домѣ, гдѣ не жили, за 300 руб. и по контракту, съ угрозами огромныхъ неустоекъ, въ случаѣ неплатежа, и проч.

Грустно!.. Всѣ наши фантазіи объ удобствахъ и улучшеніяхъ петербургской жизни, даже основанныя на формальныхъ заявленіяхъ, — уничтожаются.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ:

Основатели (г. г. Фелейзинъ и Пренъ) Общества публичныхъ каретъ, которыхъ мы такъ и долго и тщетно ожидали, объявили нынѣ, что за незначительностію подписки на акціи, общество это упраздняется—и бѣдные петербургскіе жители, не имѣющіе своихъ экипажей, увѣ! должны снова страдать.... Неудобнѣе, грязнѣе и безобразнѣе извозничьихъ петербургскихъ каретъ, колясокъ и дрожекъ ничего не можетъ создать самое дикое воображеніе. Таксы на нихъ не существуетъ, или лучше сказать извозчики, содержащіе кареты, не признаютъ ее. Полуразвалившаяся и полуоборванная карета, запряженная клячами, отъ 6 до 11 часовъ (отвести въ театръ и назадъ) стоитъ не менѣе 3 р. — Порядочная карета съ чистымъ кучеромъ и хорошими лошадьми, на цѣлый день, невозможно имѣть менѣе 8 руб. сер!

Такса признается только тѣми несчастными извозчиками, которые кое-какъ содержатъ лошаденку и трясутся на полуразрушенныхъ и оборванныхъ дрожкахъ, оборванные, и въ заплаткахъ, какъ нищія, рискуя умереть съ голоду и уморить свою клячу, если она захромаетъ, или дрожки сломаются. Такой извозчикъ везетъ иногда барина съ Васильевского острова подъ Невскій за 15 коп. и если осмѣлятся замѣтить ему, что ужь больно далеко и не прибавить ли что нибудь *его милость*, то нерѣдко баринъ изволитъ разгнѣваться, раскричаться....

— Какъ, говоритъ, — каналья! Я заплатилъ тебѣ по таксѣ.... Чего жь тебѣ еще? Вы, говоритъ, мошенники таксы не признаете: въ полицію васъ!

А иной разъ такой извозчикъ возитъ цѣлый день сѣдока, измучаетъ лошаденку, а сѣдокъ—то вечеромъ и улизнетъ въ проходной дворъ и поминай, какъ звали.

Плохо жить на свѣтѣ бѣднымъ людямъ вообще!

Зато ничего нѣтъ возмутительнѣе такъ называемыхъ извошниковъ-лихачей на узенькихъ щегольскихъ дрожкахъ, на которыхъ можетъ сѣсть только полчеловѣка (такія дрожки теперь въ большомъ употребленіи у петербургскихъ фравтовъ), съ вензелемъ на задкѣ и съ короной, запряженныхъ рысачкомъ.... Такіе лихачи стоятъ преимущественно на биржахъ по Невскому проспекту и въ особенности у главныхъ мостовъ: у Казанскаго, Аничкова и Полицейскаго. Они не трогаются ни въ какомъ случаѣ съ мѣста менѣе цѣлковаго, хотя бы нужно было проѣхать нѣсколько шаговъ.

Какой-то господинъ однажды при мнѣ адресовался къ такому извошнику.

— До Большаго театра и назадъ на Невскій? спросилъ онъ.

— Три цѣлковыхъ, отвѣчалъ небрежно лихачъ.

Господинъ пришелъ въ негодованіе, началъ ругать его, лихачъ отвѣчалъ ему также бранью, столпился народъ и дѣло дошло до городского.

Наглость этихъ лихачей можетъ только сравниться съ наглостію швейцаровъ большихъ домовъ въ обращеніи съ неизвѣстными (inconnus), приходящими нѣшкомъ....

Люди, пользующіеся большими средствами, не замѣчаютъ безобразной дороговизны и неудобствъ Петербургской жизни, но для людей средняго состоянія, живущихъ собственными трудами и получающихъ отъ 1,000 до 3,000 р. с., Петербургъ рѣшительно становится невозможенъ.

Надобно кататься на лежачихъ рессорахъ, чтобы незамѣчать скверныхъ мостовыхъ, лужъ, грязи и выбоинъ; надобно имѣть собственные дома, или капиталы, чтобы не страдать отъ неудобства и дороговизны петербургскихъ квартиръ; надобно имѣть превосходный желудокъ, переваривающій камни, чтобы переварить обыкновенный рублевый обѣдъ петербургскихъ ресторановъ (за исключеніемъ впрочемъ ресторана Вольфа у Полицейскаго моста, гдѣ за рубль дается очень сытный и порядочный обѣдъ); надобно имѣть тысячу 8 дохода, чтобы пользоваться въ Петербургѣ итальянской оперой челоуѣку семейному....

Но, положимъ, опера — это роскошь, наслажденіе людей богатыхъ, а ѣда и квартира? — это ужъ дѣло первой необходимости.

Кстати о петербургскихъ ресторанахъ. Въ послѣднее время ихъ развелось множество на Невскомъ проспектѣ и въ Большой Морской. Я не говорю о Дюссо, Бореляхъ и Дононахъ, а о ресторанахъ средней руки. Они появляются ежегодно и исчезаютъ ежегодно, потому что устроиваются самымъ нелѣпымъ образомъ.

Мѣсяцъ назадъ тому, въ обѣденный часъ, я проходилъ по Большой Морской. Двери подъѣзда одного изъ домовъ были открыты на улицу и за ними представлялся длинный корридоръ, устланный ковромъ и уставленный деревьями, обложенными губчатымъ камнемъ и раковинами. Во весь домъ протянута узорчатая вывѣска. — Это новый ресторанъ. Я зашелъ туда изъ любопытства.

Ресторанъ помѣщается въ бель-этажѣ и занимаетъ нѣсколько комнатъ, украшенныхъ занавѣсами, портъерами, цвѣтами на окнахъ, каминами съ зеркалами, алебастровыми статуями и прочее. Въ большой залѣ накрытъ длинный столъ, уставленный хрусталемъ, вазами съ цвѣтами и вазами для шампанскаго. Я спросилъ полутора-рублевый обѣдъ и ожидалъ его съ истинно христіанскимъ терпѣніемъ около часа....

Наковецъ обѣдъ появился.

Мнѣ подали супъ—то есть не супъ, а горячую водицу съ какими-то печально плавающими въ ней кореньями и кругами жира.

Къ нему пирожки съ горькимъ масломъ.

Жесткая говядина, подъ названіемъ росбифа, съ недовареннымъ картофелемъ.

Рыба сомнительной свѣжести, подъ бѣлымъ соусомъ съ петрушкой.

Цвѣтная также недоваренная капуста.

Какая-то дичь, разваренная до тряпокъ съ огурцами и пирожное — два слоеныхъ пирожка.

Цвѣтную капусту, по моей просьбѣ, переваривали, но неудачно.

Обѣдъ этотъ съ полубутылкой краснаго обыкновеннаго вина стоилъ мнѣ 2 р. 70 к. За любопытство мое я заплатилъ дорого. Я испортилъ желудокъ.

Любопытство — большой порокъ. Эту пословицу подтвердилъ мнѣ новый ресторанъ.

— Кто же содержитъ это заведеніе? спросилъ я у лакея.

— Да *они* пріѣзжіе-сь, отвѣчалъ лакей. *Они* въ иностранныхъ земляхъ содержали ресторацію-сь.

— Лучше бы не выставлять деревьевъ на лѣстницѣ и не разстилать ковровъ, замѣтилъ я, — вмѣсто всѣхъ этихъ суетныхъ украшеній, позаботиться бы прежде о главномъ — о нищи.

— Точно, сударь, ваша правда, возразилъ лакей, — *они* напрасно поторопились открыть, еще у насъ ничего не устроено порядочно на кухнѣ и повара хорошаго еще нѣтъ....

На какихъ же посѣтителей рассчитываютъ такіе вновь открываемые рестораны? Къ чему вся эта наружная роскошь? — Люди бо-

гатые или мотающіе ѣздить обыкновенно къ Борелю, Дюссо, Дюнону; для людей среднихъ и не бросающихъ деньги т. е. для большинства — необходима дешевизна и сытный обѣдъ, хоть сколько нибудь сносно приготовленный. Ковры на лѣстницѣ, деревья, драпиріи, зеркала съ каминами для нихъ излишество. Много ли найдете такихъ чудаковъ, которые за удовольствіе пройти по красивой лѣстницѣ, посядѣтъ въ роскошно мебелированной комнатѣ и выйти изъ нее голодными, или больнымъ захотятъ заплатить до трехъ рублей? Рестораны должны существовать не для глазъ, а для желудковъ, это бы не дурно принять къ свѣдѣнію господамъ заводящимъ трактиры и ресторации.

Петербургъ вообще походить на барина, усвоившаго себѣ всю европейскую внѣшность, усиливающагося щеголять и хвастать только этою внѣшностію, нисколько не заботящагося о существенномъ и необходимомъ и руководимаго одними прихотями и тщеславіемъ.

Въ Парижѣ, напримѣръ, существуетъ множество пассажей.... Эти пассажи явились тамъ не случайно: они вызваны потребностями и условіями самой жизни; они имѣютъ цѣль: сокращать сообщеніе между улицами въ самыхъ дѣятельныхъ пунктахъ и потому въ нихъ постоянное движеніе, а вслѣдствіе этого не только самые магазины, но всѣ уголки пассажа заняты различными торговцами.

Взгляните теперь на Голицынскую галерею въ Москвѣ и на Штейнбоковскій пассажъ въ Петербургѣ. Имѣютъ ли какую нибудь цѣль эти пассажи, вызваны ли они дѣйствительною потребностію? соединяютъ ли они какіе нибудь важные, дѣятельные пункты? сокращаютъ ли путь между ними?

Нѣтъ, это порожденія необдуманной аферы, или прихотливой фантазіи празднаго и богатаго человѣка.

«Въ Парижѣ столько пассажей, а въ Петербургѣ ни одного, а вотъ я выстрою пассажъ въ Петербургѣ.... Это будетъ новость — и всѣ торговцы непременно бросятся въ мой пассажъ. А пассажъ будетъ двухъ или трехъ-этажный, на славу, такихъ и въ Парижѣ нѣтъ!»

Сказано — сдѣлано.

Возникла необдуманная фантазія, стоящая милліоны — и взгляните теперь.... какое печальное зрѣлище представляетъ она:

Половина магазиновъ пуста, съ заблѣнными окнами; другая половина, въ этомъ храмѣ случайности, занята магазинами какихъ-то случайныхъ вещей, которыми случайно торгуютъ — мозольные операторы.... Здѣсь и сапожники и табашники и портные и модистки и фруктошники — ни что иное, какъ замаскированные мозольные операторы. Здѣсь подъ бронзами и папиросами, фарфорами и сапо-

гами, дамскими шляпками и фруктами въ рукахъ, скрываются мозольные пластыри и инструменты для выниманія мозолей. Здѣсь каждая вещь, начиная отъ бархатнаго дамскаго бурнуса до арбуза и груши — имѣетъ какой-то сомнительный характеръ и непремѣнно отзывается мозольнымъ пластыремъ.

Пассаждъ, предназначенный въ фантазиі его владѣльца для самыхъ роскошныхъ и великолѣпныхъ магазиновъ, для самой блестящей и широкой торговли, сдѣлался пріютомъ мельчайшей, ненадежной и случайной промышленности, пріютомъ какихъ-то лотерей; притономъ для албиносокъ, сиренъ, *четвероногихъ математиковъ и игроковъ* (подъ этимъ именемъ показывается теперь въ дѣтскомъ механическомъ театрѣ какая-то собаченка—Лели) великаншъ, карликовъ и всѣхъ необыкновенныхъ феноменовъ природы, которыхъ показываетъ Петербургу знаменитая и вѣчноюя голландка Вафельница съ бронзовымъ обручемъ на лбу, съ торжественною позою, граціозно стрѣляющая изъ самострѣла; гульбищемъ для всѣхъ петербургскихъ праздношатающихся и волокить съ париками и крашенными усами, залюю для дѣвицъ, ищущихъ пици и приключеній и показывающихъ свои бѣлизы и румяны, улыбки и наряды при свѣтѣ газовыхъ рожковъ....

Но такъ какъ безъ аристократіи нигдѣ нельзя обойтись, то и пассаждъ имѣетъ свою аристократію въ лицѣ г. Дарзанса-племянника и маленькой Жанеты (*la petite Jeanette*), привлекающихъ къ себѣ великолѣпными и изящными выставками (*éfalages*), которыя обходятся не дешево покупателямъ, соблазняящимся блестящею внѣшностію.

Контрасты, представляемые пассажемъ истинно поразительны. На одной оконечности его въ огромной залѣ раздается неумолкаемое щолканье шаровъ на семи бильярдахъ и крики бильярдныхъ героевъ, вооруженныхъ кіями и гордо размахивающихъ ими въ волнахъ табачнаго дыма; на другой его оконечности, въ той залѣ, которая нѣкогда оглашалась удалыми, опьянявшими пѣснями цыганъ: — визгами Матрены, заливавшимися голосами Маши, Лизы и Тавюши, басомъ Ивана, взмахивавшаго гитарой и рукоплесканіями восторженныхъ усачей, — въ этой нѣкогда вакхической залѣ, среди благоговѣйной тишины, раздается теперь строгій, серьезный голосъ науки, которую почтительно ввели туда неисправимые три любители просвѣщенія — гг. Пахитоновъ, Струговщиковъ и Водовъ.

Говоря серьезно, публичныя лекціи въ пассаждѣ — это предприятие, которому нельзя не сочувствовать, — будутъ продолжаться и нынѣшнюю зиму. Если я не ошибаюсь, лекціи откроются съ 1 ноября и уже не ограничатся, какъ въ прошломъ году, одними естественными

науками. Предметомъ лекцій будетъ исторія, литература русская и всеобщая, медицина.... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вслѣдствіе этого аудиторія увеличится. Нельзя не пожелать, чтобы петербургская публика поддержала учредителей этихъ лекцій, употребляющихъ свои средства на такія полезныя предпріятія и издавшихъ уже столько замѣчательныхъ переводныхъ сочиненій по части наукъ положительныхъ.

Кстати о полезномъ.

Въ «Современникѣ» было нѣкогда говорено о литературномъ фондѣ, для вспомошествованія нуждающимся литераторамъ, по поводу статьи объ этомъ предметѣ, напечатанной г. Дружининымъ въ «Библіотекѣ для Чтенія». Общества вспомошествованія бѣднымъ литераторамъ существуютъ почти вездѣ въ Европѣ. Объ лондонскомъ обществѣ г. Тургеневъ сообщилъ нѣсколько любопытныхъ подробностей въ письмѣ къ г. Дружинину, напечатанномъ также въ «Библіотекѣ для Чтенія». Мысль основать такого рода общество у насъ принадлежитъ г. Дружинину. Онъ первый далъ движеніе этой прекрасной и благородной мысли, которая была принята всѣми литературными органами съ глубокимъ сочувствіемъ, и имя г. Дружина навсегда останется связано съ этимъ благодѣтельнымъ учрежденіемъ. Кто составлялъ уставъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ—намъ неизвѣстно, но какъ бы то ни было, уставъ этотъ получилъ уже Высочайшее утвержденіе. Право на пособіе общества имѣютъ всѣ тѣ нуждающіеся литераторы и ученые, которые сдѣлались извѣстными хотя однимъ замѣчательнымъ напечатаннымъ трудомъ, а также вдовы ихъ и сироты. Когда средства общества расширятся, оно будетъ брать на себя изданіе сочиненій и помогать молодымъ людямъ, обнаруживающимъ таланты. Денежныя средства общества будутъ состояться изъ ежегодныхъ и одновременныхъ взносов членовъ общества, и изъ пожертвованій лицъ постороннихъ. Притомъ общество имѣетъ по уставу право устраивать спектакли, публичныя лекціи и чтенія. Дѣлами его будетъ управлять комитетъ, состоящій изъ предсѣдателя общества, его помощника и 10 членовъ, изъ которыхъ одинъ будетъ исправлять должность секретаря и одинъ должность казначея. Собранія общества будутъ: обыкновенныя (два раза въ мѣсяцъ), и чрезвычайныя и годовыя, въ которыхъ будутъ читаться отчеты. Предсѣдатель, его помощникъ и секретари избираются самимъ обществомъ. Строгая гласность и контроль будутъ руководить всѣми его дѣйствіями.

Нельзя сомнѣваться, что всѣ тѣ, которые принимаютъ къ сердцу развитіе мысли и русскаго слова, которымъ дорого просвѣщеніе,

которые знаютъ и любятъ свою литературу и понимаютъ значеніе, захотятъ принять участіе въ новомъ обществѣ.

Дай Богъ, чтобы эта прекрасная мысль осуществилась достойнымъ образомъ!

Обратимся къ текущей петербургской жизни.

8 октября выпалъ въ Петербургѣ первый снѣгъ, который расплылся на слѣдующее утро грязью; начались печальные, почти безразсвѣтные дни; съ дачъ давно всѣ съѣхали, всѣ отсутствовавшіе возвратились изъ своихъ деревень и изъ—за границы и между прочими гг. Тургеневъ и Гончаровъ. Тургеневъ пробылъ, впрочемъ, только одинъ день въ Петербургѣ и отправился въ свою орловскую деревню, изъ которой онъ вернется не ранѣе ноября. Онъ обѣщалъ новую повѣсть для «Современника», которая будетъ напечатана въ первыхъ нумерахъ слѣдующаго года.

Петербургъ въ сію минуту въ полномъ комплектѣ, и на его вѣчной выставкѣ—Невскомъ проспектѣ появились всѣ извѣстные господа и госпожи, которыхъ я имѣлъ удовольствіе не видѣть втеченіе пяти мѣсяцевъ. Осенній сезонъ въ полномъ разгарѣ, всѣ театры полны—и мы очутились снова среди всѣхъ этихъ милыхъ, такъ хорошо знакомыхъ намъ лицъ:—разслабленныхъ либераловъ, съ лорветками въ глазу и на носу, считающихъ за счастье быть аристократическими прихвостниками; всякаго рода «добровольныхъ холоповъ» (по выраженію Пушкина), постоянно имѣющихъ въ запасѣ, на всякій случай, бѣлый галстукъ въ пустомъ карманѣ и нѣсколько каламбуровъ и фарсовъ въ пустой головѣ; среди различныхъ ханжей, лицемѣровъ, заклятыхъ невѣждъ, считающихъ каждую мысль, непереваримую въ ихъ узкой и рутинной головѣ, чуть не уголовнымъ преступленіемъ; среди всѣхъ этихъ важныхъ особъ съ тройными складками на затылкахъ, съ величественнымъ видомъ, тупымъ взглядомъ, краснымъ лицомъ, лысиною и сапожною щеткою на усахъ; среди утонченныхъ и благонамѣренныхъ молодыхъ людей, старающихся деликатно примирять и соглашать всѣ воззрѣнія и идущихъ отлично по службѣ; среди дикихъ театраловъ, неистовыхъ меломановъ, разныхъ акціонеровъ и спекуляторовъ, пускающихъ въ обороты деньги, прибрѣтенныя ловкимъ взяточничествомъ; среди всякаго рода оптимистовъ, поклонниковъ искусства для искусства, доморощенныхъ доктринеровъ, мыслителей, съ глубокомысленной физиономіей серьезно доказывающихъ, что дважды два — не пять, а четыре; среди всѣхъ нашихъ добрыхъ, благородныхъ, простосердечныхъ друзей, безпрестанно умняющихся и увлекающихся, — словомъ, среди всей этой

..... суеты,

Среди досадной пустоты,

Разчетовъ, думъ и разговоровъ,
 Въ семь омутъ, гдѣ съ вами я
 Кунаюсь, милыя друзья!

Театры оживились, нашъ великій артистъ Мартыновъ возвратился изъ-за границы; итальянская опера открылась; въ балетѣ танцуетъ Розати. Меломаны прожужжали намъ всѣ уши о г-жахъ Шартонъ—Демеръ, Навтье—Дидье, Лагруа, Брамбилѣ и проч. и проч.; французская петербургская газета отпустила имъ всѣмъ по ровну нѣсколько очень милыхъ бельгійскихъ комплиментовъ; русскіе фельетоны наполнились длинными отчетами о театральныхъ представленіяхъ и о пріѣзжихъ артисткахъ. Я послушался и начался всего этого до такой степени, что въ одну ночь меня чуть не задушилъ драматическій кошмаръ.

Я видѣлъ себя въ партерѣ какого-то высокаго, неуклюжаго, грязнаго и дурно-освѣщеннаго театра. Вправо отъ меня былъ входъ въ партеръ, вѣтеръ изъ дверей, отворявшихся ежеминутно, прохватывалъ меня до костей. Я чувствовалъ, что я непременно простужусь и занемогу, хотѣлъ уйти, но не могъ, потому что какая-то непреодолимая сила приковывала меня къ моему креслу.

Всѣ ложи и весь партеръ были биткомъ набиты, въ райкѣ была давка: оттуда, порою, раздавались стоны и крики. Мнѣ казалось, что тамъ зрители лежали другъ на другѣ, совсѣмъ свѣспявшись и угрожая партеру паденіемъ.... Въ креслахъ гремѣли саблями офицеры и посвистывая проходили мимо меня, наступая мнѣ на ноги, такъ что я всякій разъ вскрикивалъ отъ боли. Въ первомъ ряду величаво пыхтѣли какія-то толстыя особы съ стройными складками мяса на затылкѣ—всѣ въ красномъ, съ параличнымъ колоритомъ въ лицѣ и съ туно-вытаращенными глазами. Они разговаривали между собою громко, какъ власть имѣющіе, не замѣчая по видимому кромѣ себя никого.... около нихъ всѣ проходили съ осторожностію и съ почтительно-боязливымъ выраженіемъ. Ложи первого и второго яруса пестрѣли цвѣтами, лентами и матеріями всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и изъ-за нихъ выглядывали сѣдые и съ просѣдою бороды, какъ у нашихъ купцовъ; въ бенуарахъ въ различныхъ живописныхъ позахъ сидѣли напудренные и патертые женщины въ неизмѣримыхъ кринолинахъ, съ руками закованными въ драгоценныя браслеты, и пріятно улыбались какому-то молодымъ людямъ, которые мало походили на живыхъ людей и казались фигурами, вырѣзанными изъ модныхъ картинокъ. Вся эта толпа производила на меня тяжелое, подавляющее впечатлѣніе и иногда казалось мнѣ, что это вовсе не люди, а такъ какія-то куклы, безсмыслен-

во говорящія и двигающіеся по рутинѣ устроеннаго внутри ихъ механизма, и мнѣ становилось даже страшно.

Грянула раздрающая уши музыка съ невыносимымъ визгомъ скрипокъ, напомнившая мнѣ почему-то знаменитаго маэстро Лазарева, и смолкла.

Всѣ ушли.

Занавѣсъ поднялся.

На сценѣ появилось нѣсколько мужчинъ и женщинъ и между прочимъ одинъ испанскаго роста — весь въ гороховомъ, съ чернымъ, какъ у трубочиста, лицомъ, и съ страшными глазами, которые дико вращались, обнаруживая бѣлки необыкновенной величины. Господинъ этотъ ходилъ и говорилъ съ трагическою торжественностію. Это были *злодѣй* пьесы. Всякій разъ, когда онъ появлялся на сценѣ, зрителей охватывалъ ужасъ и многихъ дамъ выводилъ изъ залы, потому что имъ дѣлалось дурно.

Я ничего не понималъ: для чего эти люди ходятъ на сценѣ, что они говорятъ, зачѣмъ кричатъ, бьютъ себя въ грудь, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ музыка сурдинкой наигрываетъ подъ ихъ декламацию и проч.

Что это за безобразіе? думалъ я, — и куда попалъ я?

Между тѣмъ, съ каждымъ актомъ крики увеличивались сильнѣе и сильнѣе. Особенно дико кричалъ, завывалъ, растягивалъ слова, пѣлъ, дѣлалъ нестерпимыя гримасы, взъерошивалъ свой хохолъ въ критическія минуты пожилой и беззубый актеръ, представлявшій, сколько можно было догадываться, героя пьесы — молодого и гениальнаго человѣка....

Растягиванья, завыванья и дикіе крики этого актера мучительно раздражали мои нервы. Онъ долженъ былъ возбуждать негодованіе каждымъ словомъ, каждымъ движеніемъ, а между тѣмъ весь театръ въ восторгѣ рукоплескалъ ему. Онъ былъ любимецъ этой публики. Это было ясно.

— Какъ удивительно устроены у нее нервы и уши! думалъ я.

Во мнѣ зарождалось сознаніе, что все это кошмаръ, что въ дѣйствительности не существуетъ такихъ актеровъ и ихъ не потерпѣла бы никакая образованная публика, и при каждомъ взвизгѣ этого актера, при каждомъ рукоплесканіи этой невозможной публики, — я хотѣлъ вскрикнуть и усиливался проснуться, но языкъ у меня не шевелился и члены были, какъ будто прикованы.

А актеръ бѣсновался и кричалъ все больше и больше. Онъ разыгрывалъ роль сумасшедшаго: таскалъ по сценѣ какихъ-то младенцевъ, поднималъ руки вверхъ, трепеталъ, стоналъ и взвизгивалъ

такъ, что мнѣ хотѣлось броситься на него и зажать ему ротъ, и публики, слушающей его, рыдала и говорила между собой: «какой великій актеръ!»

Когда же онъ послѣдній разъ взвизгнулъ, схвативъ себя за голову, и грянулся объ полъ, — поднялся такой крикъ, раздались такіе неистовые громы, что я принужденъ былъ закрыть глаза и заткнуть уши.

Вызовы были безконечные.

Я боялся за мои ушные перепонки. Крики и хлопанья продолжались болѣе получаса.

За тѣмъ вся эта бѣснующаяся толпа съ охрипшими гортанями и съ отбитыми руками отправилась изъ партера въ буфетъ.

Я хотѣлъ выбѣжать изъ этого чудовищнаго театра, но самъ не знаю какъ, вмѣстѣ со всѣми, очутился въ буфетѣ.

Облака табачнаго дыма застилали все и всѣхъ и сквозь нихъ тускло мерцали синіе огоньки газа; безобразный гамъ тысячи голосовъ оглушалъ меня; я задыхался отъ дыма.

Вдругъ изъ этихъ облаковъ появилась румяная и круглая физиономія среднихъ лѣтъ, съ пошлымъ выраженіемъ, съ маслянистыми и льстивыми глазками и съ нестолько плутоватою, сколько подловатою улыбкою. Этой головѣ только недоставало сзади крылышекъ, чтобы походить на восковаго вербнаго херувима, нѣсколько поизношеннаго и обрюзгшаго.

Вербный херувимъ скорчилъ мнѣ пріятнѣйшую мину, при чемъ на носу его образовались складки.

— Какъ ваше здоровье? произнесъ онъ, умиляясь и склоняя голову на бокъ. — Ну что съ? каковъ нашъ несравненный Носковъ! (это была фамилія актера, игравшаго героя піесы и производившаго фуроръ). Что онъ сдѣлалъ изъ этой нелѣпой роли — вѣдь это удивительно! Глядя на такого артиста нельзя не пожалѣть (при этомъ херувимъ вздохнулъ), что нашъ драматическій репертуаръ такъ бѣденъ. Какая у Носкова глубина чувства, сколько страсти!...

Херувимъ остановился и сладко посмотрѣлъ на меня, въ ожиданіи отвѣта.

Я молчалъ.

— Неправда ли? прибавилъ онъ черезъ минуту.

— У всякаго свой вкусъ, отвѣчалъ я: — для меня этотъ господинъ противенъ, потому что у него нѣтъ ни чувства, ни страсти, ни таланта; все это онъ замѣняетъ безобразнымъ крикомъ, ерошеньемъ волосъ, нелѣпными движеніями, вскрикиваньями, взвизгиваньями и разными штуками трагическаго рутинѣрства.

Херувимъ взглянулъ на меня немного иронически (иронія херувимовъ не имѣетъ большой ѣдкости) и воскликнулъ:

— Помилуйте, какъ это можно! Отъ васъ ли человѣка, надѣленнаго эстетическимъ чувствомъ, я слышу это!

— Вѣроятно, отвѣчалъ я, — моя эстетика и ваша — двѣ совершенно различныя эстетики. Вы восторгаетесь и аплодируете этому актеру, по сту разъ вызываете его, — а я согналъ бы его со сцены...

— Не вѣрю, не вѣрю, вы шутите! пропѣшалъ херувимъ и исчезъ въ табачномъ дымѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ его тоненькій голосокъ, который раздавался какъ надтреснутый колокольчикъ.

— Вообразите, — какое варварство! Онъ не признаетъ таланта въ Носковѣ!...

«Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!»

— Но я это не спущу ему такъ, я его отдѣлаю. Надо сбить спѣсъ съ этихъ господъ, чтобы они не смѣли оскорблять наши первые таланты, нашу гордость, нашу славу и открыто идти противъ всеобщихъ убѣжденій. Будьте увѣрены, господа, что я стумѣю защитить честь каждаго артиста, литератора и каждаго изъ васъ, господа, потому что онъ осмѣливается смѣяться надъ вашимъ благороднымъ энтузіазмомъ къ великому артисту.

Херувимъ еще долго говорилъ.... его пискливый голосокъ то возвышался, то понижался. Онъ повидимому производилъ сильное впечатлѣніе на своихъ слушателей, потому что многіе изъ нихъ вскрикивали:

— Какое краснорѣчіе!

— Вотъ настоящій ораторъ!

— Удивительный даръ слова!

— И какая ученость, какой умъ!

Когда херувимъ кончилъ свою рѣчь раздалось оглушающее «ура!», толпа пришла въ смятеніе, волны дыма заколыхались и я увидѣлъ тысячи яростно сверкавшихъ и устремленныхъ на меня глазъ.

Толпа, вооруженная сигарами и папиросами, хлынула на меня и сдавила меня такъ, что у меня захватило дыханіе.... Меня начали поджигать кончиками сигаръ и папиросокъ.... Я вскрикнулъ отъ боли, проснулся, пришелъ въ себя, зажегъ свѣчу и выпилъ стаканъ воды....

Отвратительное впечатлѣніе отъ моего драматическаго кошмара, довольно долго остававшееся во мнѣ, было совершенно изглажено тѣмъ отраднымъ художественнымъ наслажденіемъ, которѣе я

ощутил на яву, увидѣвъ Мартынова въ «Холостякѣ» Тургенева, который возобновленъ и нѣсколько сокращенъ.

Мысль этого возобновленія очень счастливая, потому что несча, несмотря на свою длинноту, отъ которой охлаждается драматическое движеніе, имѣетъ неоспоримыя достоинства.

Роль Холостяка игралъ прежде Щепкинъ, придававшій этой роли, сколько я помню, къ невыгодѣ пьесы, характеръ уже слишкомъ сентиментальный. Мартыновъ, какъ великій артистъ, создающій типы изъ самыхъ ничтожныхъ ролей въ самыхъ ничтожныхъ пьесахъ, удивительно воспользовался прекрасными данными, которые представила ему роль Холостяка и создалъ изъ него полный и цѣльный характеръ въ высшей степени симпатическій и трогательный и между тѣмъ, совершенно вѣрный дѣйствительности, поразительно истинный. Онъ передалъ роль Мошкина съ тою изумительною тонкостью, которая можетъ быть оцѣнена только не многими, людьми истинно понимающими искусство и любящими его, и вмѣстѣ съ тою глубокою чувства, которая должна трогать и смягчать самыя черствыя и закоренѣлыя души и потрясать всѣхъ. Я укажу только на три сцены—на высоко комическую сцену приѣма Мошкинымъ молодого нѣмецкаго бюрократа и аристократа г. Фонъ-Клакса, на чтеніе Мошкинымъ письма съ отказомъ Вилицкаго и на раздирающее душу объясненіе (въ 3 актѣ) его съ Марьею Васильевною, когда послѣ этого отказа доброму старику становится ясно, какую любовью онъ любитъ Марью Васильевну и какъ сильна и глубока эта любовь.

Вслѣдствіе игры Мартынова, «Холостякъ» долженъ сдѣлаться одною изъ самыхъ замѣчательныхъ пьесъ русскаго репертуара.

Надобно сказать, что партеръ и ложи 1 яруса во второе представленіе возобновленнаго «Холостяка» были почти пусты, и что Александринскій театръ обыкновенно бываетъ биткомъ набитъ сверху до низу, въ какой нибудь уродливой мелодрамѣ, переведенной съ французскаго....

Странный вкусъ у публики Александринскаго театра!

Итальянская опера открылась 5 сентября «Марією ди Роганъ» Доницетти, въ которой дебютировала г-жа *Наитъе-Дидье*, замѣнившая г-жу де-Мерикъ-Лаблашъ. Она имѣла вполне заслуженный успѣхъ.

Въ ея голосѣ, который занимаетъ средину между mezzo-soprano и contralto, много пріятности. Въ пѣніи ея незамѣтно ни малѣйшаго усилія: она поетъ съ простотою и съ большимъ вкусомъ. При всемъ этомъ игра ея очень одушевлена.

Г-жа *Шартонъ-Демеръ* дебютировала въ «Севильскомъ цирколникѣ.»

Артисткѣ необходима была нѣкоторая смѣлость и увѣренность въ себѣ, чтобы появиться впервые въ роли Розины передъ неизвѣстною ей публикою, которая слышала въ этой роли г-жъ Виардо, Фреццолини, Гризи и проч.

Но и послѣ такихъ знаменитыхъ Розинъ, г-жа Шартоцъ произвела очень пріятное впечатлѣніе на публику.

У нея полный и свѣжій голосъ въ полномъ и здоровомъ тѣлѣ (*vox sana in corpore sano*), какъ справедливо замѣчено кѣмъ-то.

Идеальнаго, поэтическаго мало въ ея фигурѣ, въ ея станѣ; но все-таки она принадлежитъ къ замѣчательнымъ пѣвицамъ.

Во второй разъ она дебютировала въ «Соннамбулѣ» и съ значительнымъ успѣхомъ.... Ей много аплодировали особенно послѣ ея послѣдней аріи, которая была пропѣта ею безукоризненно.

Дебютъ г-жи Лагура въ «Нормѣ» былъ блистательнымъ триумфомъ....

Г-жа Лагура не имѣетъ величественной фигуры той Нормы, которая нѣкогда приводила въ фуроръ петербургскую публику — Нормы Гризи; г-жа Лагура средняго роста, у нея продолговатое лицо съ смуглымъ, сицилійскимъ колоритомъ, большіе, черные, необыкновенно выразительные глаза и большой, открытый лобъ. Одинъ изъ французскихъ петербургскихъ фельетонистовъ, вообще необыкновенно ловко разсыпающійся передъ пріѣзжими артистами въ комплиментахъ, находитъ въ ней сходство съ Юною Греческой и Флорентинской Ниубеей, приписываемой Праксителью....

До какой степени вѣрны эти сравненія рѣшать бесполезно, — дѣло въ томъ, что итальянская петербургская опера въ лицѣ г-жи Лагура сдѣлала важное приобрѣтеніе....

Г-жа Лагура превосходная пѣвица, обладающая иризомъ высокимъ драматическимъ талантомъ. Она можетъ въ этомъ отношеніи стать рядомъ съ Гризи, которая была великой трагической актрисой.

Послѣ Гризи мы въ первый разъ увидѣли настоящую «Норму», вдохновенную, величественную жрицу, съ дикими инстинктами, пламенную, страстную женщину, въ которой въ тоже время столько вѣры, нѣжности и самоотверженія. Г-жа Лагура вполне воплотила въ себѣ этотъ поэтический и глубоко-человѣчный образъ и представила намъ его во всемъ блескѣ съ силою, энергією, глубиною таланта, не упустивъ ни малѣйшихъ отгѣнковъ.

Нельзя, кажется, болѣе тонко изучить своей роли и болѣе вдохновенно выполнить ее.

Если Норма-Лагура уступаетъ немного въ величіи Нормѣ-Гризи, если она не имѣетъ той античной красоты, которая поражала зрителей въ Гризи, то Лагура нисколько не уступаетъ ей въ энергіи,

въ страсти и можетъ быть превосходить ее въ иѣжности.... Она, какъ будто вырастаетъ передъ глазами зрителя и озаряется блескомъ красоты, движимая негодованіемъ и ревностію. Болѣе живаго, подвижнаго и выразительнаго лица трудно себѣ представить. Всѣ малѣйшія внутреннія движенія и ощущенія рѣзко выражаются на этомъ лицѣ, всѣ ея жесты и позы въ высшей степени правдоподобны, хотя они не такъ эффектны и пластичны, какъ позы Гриси. Она могущественно владѣетъ слушателемъ и зрителемъ отъ начала до конца піесы, то умиляя его въ сценѣ признанія Адальгизы, то наводя на него ужасъ въ сценахъ негодованія съ Полліономъ и въ сценѣ съ дѣтьми, то трогая его до глубины и заставляя проливать слезы въ послѣдней сценѣ съ Оровезомъ.

Послѣ знаменитой *Costa Diva* — публика поняла, что передъ нею талантъ, выходящій изъ ряду обыкновенныхъ талантовъ — и приветствовала ее съ энтузіазмомъ.

Голосъ ея (я передаю мое личное впечатлѣніе, судить объ этомъ дѣло знатоковъ музыки) довольно обширенъ и имѣетъ много пріятности. Она владѣетъ имъ легко, безъ усилій, со вкусомъ и тактомъ, и этотъ голосъ, прекрасно обработанный, выражаетъ также вѣрно, какъ и лицо ея, внутреннія ощущенія, волнующія ее.

Петербургская публика должна быть очень благодарна г-ну директору театровъ за такое пріобрѣтеніе.

Г-жа Лагруа пѣла еще въ Дездемонѣ и произвела большое впечатлѣніе и въ этой роли, хотя пассивная роль Дездемоны не совсѣмъ подходитъ къ ея энергическому таланту. Г-жа Лагруа должна быть превосходна въ «Гугенотахъ», въ «Лукреціи», въ «Семирамидѣ». Вѣроятно, это ея лучшія роли.

Г. Кальцолари совершенствуется съ каждымъ новымъ сезономъ. Въ *Отелло* онъ и г. Тамберликъ съ своимъ знаменитымъ *ut-dies* были превосходны.

Г-жа Брамбила (сопрано), дебютировавшая въ Адальгизѣ, выполнила эту роль удачно и пѣла очень недурно.

По поводу до крайности неприличнаго письма, полученнаго г. Редакторомъ *Journal de St-Petersbourg*, въ защиту г. Монжини. — я получилъ слѣдующее письмо.

М. Г.

«Хотя въ «Замѣткахъ» вашихъ рѣдко говорится объ италіанской оперѣ, но тѣмъ не менѣе я рѣшился писать къ вамъ именно объ этомъ предметѣ, съ покорнѣйшею просьбою напечатать, если признаете возможнымъ, письмо мое въ «Современникѣ», такъ какъ въ большомъ числѣ читателей этого журнала не мало людей, истинно любящихъ музыку и усердно посѣщающихъ италіанскіе спектакли.

«Дѣло вотъ въ чемъ: въ «Journal de St-Petersbourg» 27 сентября, при разборѣ представленія «Соннамбулы,» было, между прочимъ, замѣчено, что теноръ Монжини, *обладающій однимъ изъ лучшихъ извѣстныхъ въ настоящее время голосовъ, долженъ еще много трудиться, работать,* чтобы составить себѣ репутацію истиннаго артиста.

«Безпристрастный читатель не можетъ не замѣтить крайней осторожности такого отзыва; скажемъ болѣе, нельзя не согласиться, что авторъ его отнесся къ г. Монжини *avec une extreme bienveillance.*»

«И что же? Не далѣе, какъ на другой день, г. редакторъ «Journal de St-Petersbourg» получилъ письмо, преполненное нелѣпныхъ и грубыхъ упрековъ въ томъ, что онъ (будто-бы) показалъ себя *très-vilainement hostile à M. Mongini,* что онъ, ровно ничего не понимая въ дѣлѣ музыки, *печатаетъ пустяки (niaiseries)* и рискуетъ прослыть *пристрастнымъ человѣкомъ или роуг и sot!*...

Напечатавъ въ фельетонѣ № 231 «Journal de St-Petersbourg,» этотъ безобразный документъ, на площадныхъ ругательства его редакторъ отвѣтилъ весьма умѣренно, и съ достоинствомъ, не выставивъ, впрочемъ, интереснаго имени недобросовѣстнаго Донъ-Кихота. — Напрасно.

«Не позволяя себѣ дальнѣйшими выписками изъ этого забавнаго посланія марать страницы уважаемаго вами журнала, отсылаемъ любопытныхъ къ вышеозначенному номеру французской газеты; пусть посмѣются они тому, какъ разгнѣванный защитникъ г. Монжини, называя своего противника *новичкомъ въ искусство пѣнія,* полагаетъ, вѣроятно, что для строгой оцѣнки дарованій его любимца, необходимо быть серьезнымъ музыкантомъ. Помилуйте, для этого за-глаза достаточно простаго слуха и безпристрастія.

«Неужели-же тѣ, которые воспитали свой слухъ и музыкальный вкусъ на такихъ талантахъ, какъ Рубини, Виардо, Тамбурины, Альбони, Гризи, Маріо, Лаблашъ, Бозио, не могутъ

снѣтъ

Свое сужденіе имѣть....

о г. Монжини!...

«Вотъ эти-то люди, съ благовоспитаннымъ, какъ мы думаемъ, слухомъ и вкусомъ, къ сожалѣнію не могутъ вполне согласиться съ мнѣніемъ «Journal de St-Petersbourg» относительно природныхъ богатствъ тенора *en question,* и сочувствуя замѣчанію, что ему надо

кую мысль, словомъ — всю прелесть и грацію, которыми надѣлена эта женщина...

«Невозможно быть болѣе Розати — изящной, элегантною, кокетливою, увлекательною. Съ перваго же акта — она торжествовала» и прочее.

Прибавлять къ этому, кажется, нечего.

Г. Сен-Леонъ, который находится въ сію минуту въ Петербургѣ, также дебютпроваль на нашей сценѣ въ какомъ-то балетѣ. Я его не видалъ и не имѣю особеннаго желанія видѣть, потому что въ мужской граціи я ровно ничего не понимаю.

Французская петербургская труппа даетъ временно представленія въ деревянномъ циркѣ, близъ александрійскаго театра, недавно оконченномъ, который не имѣетъ особенной привлекательности.

Разыгрывать серьезно серьезные пьесы въ манежѣ какъ-то не совсѣмъ ловко, но знаменитая пьеса графа Соллогуба — *La preuve d'amitié*, о которой я уже говорилъ, разыграна была въ новомъ манежѣ чрезвычайно удачно и серьезно.

Пьеса эта имѣетъ всѣ достоинства обыкновенныхъ французскихъ водевилей, кромѣ веселости. Она очень длинна и ей не достаетъ куплетовъ. Это жаль. Графъ Соллогубъ писалъ такъ прекрасно русскіе стишки въ альбомы и различные куплеты. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ еще удачлѣе могъ бы написать французскіе куплеты. Ужъ надобно бы было вполнѣ обнаружить свои таланты передъ парижской публикой и петербургскими французами....

Отъ театровъ перейдемъ къ городскимъ новостямъ, слухамъ и толкамъ.

Петербургская биржа поражена неожиданнымъ рѣшеніемъ барона Штиглица закрыть свой банкирскій домъ и немедленно прекратить всѣ дѣла. Г. Штиглицъ уѣхалъ въ Варшаву и оттуда прислалъ это рѣшеніе.

Что подвигнуло къ этому знаменитаго банкира — неизвѣстно.

Это немаловажное событіе въ финансовомъ мірѣ, вѣроятно, скоро объяснится.

Не менѣе поразило многихъ извѣстіе о несостоятельности торговаго дома гг. А. въ Москвѣ.

Домъ этотъ пользовался огромною извѣстностію въ Россіи и слухи о богатствахъ гг. А. имѣли что-то миеологическое.

Но болѣе всего возбуждалъ различныхъ толковъ и разсказовъ во всѣхъ петербургскихъ сословіяхъ и былъ предметомъ всеобщаго любопытства — *Шамиль*.

Я выберу здѣсь все сколько-нибудь любопытное о кавказскомъ героѣ изъ нашихъ газетъ, для читателей «Современника», начиная съ статьи г. Зиссермана о его сдѣлчѣ.

Г. Зиссерманъ начинаетъ съ описанія Гуниба: «Гунибъ, говоритъ онъ, — отдѣльная громадная гора, она имѣетъ въ основаніи болѣе пятидесяти верстъ окружности, съ крутыми осыпями, кое-гдѣ покрытыми тощею зеленью, кое-гдѣ заваленными горами огромныхъ камней, кое-гдѣ испещренными фруктовыми деревьями и кукурузой. — Гора эта, постепенно суживаясь, упирается въ сплошной карнизъ изъ громадныхъ отвѣсныхъ скалъ; вершина ея представляетъ покатую площадь оригинальной формы. Эта покатость съ запада на югъ прорѣзана глубокимъ скалистымъ оврагомъ; по лѣвому обрыву его расположенъ довольно-значительный аулъ Гунибъ, а по правому тянется цѣпь отдѣльныхъ холмовъ, покрытыхъ березовымъ лѣсомъ; кругомъ разбросаны пахатныя поля. Надъ самымъ обрывомъ восточнаго фаса стояла палатка Шамиля, изъ которой онъ могъ видѣть весь нашъ лагерь; близъ нея стояло батарейное орудіе, обстрѣливавшее подъемъ на гору отъ Кара-Койсу; направо и налѣво отъ нея, также надъ обрывами стояли палатки двухъ сыновей Шамиля, съ орудіемъ при каждой. Вездѣ, гдѣ была малѣйшая возможность взобраться, скалы были взорваны порохомъ, а нескалистые промежутки укрѣплены толстыми стѣнами и различными крѣпкими оборонительными постройками; вездѣ надъ обрывами были заготовлены кучи большихъ камней. Весь гарнизонъ, въ числѣ котораго было нѣсколько вооруженныхъ женщинъ, былъ распределенъ по фасамамъ, безпрестанно продолжая работы для сильнѣйшей обороны; для ободренія ихъ Шамиль заставлялъ своихъ женъ и невѣстокъ тоже носить камни. Вообще отъ природы недоступный Гунибъ при всѣхъ искусственныхъ средствахъ сдѣлался, по всеобщему почти убѣжденію, совершенно-непреступнымъ. 22-го августа безплодные переговоры были прекращены, 23-го г. главнокомандующій приказалъ открыть противъ Гуниба дѣйствія, 24-го почти весь день продолжалась пушечная пальба и довольно-частая перестрѣлка, а 25-го, рано утромъ, наши батальоны были на Гунибѣ... Какъ они взобрались туда, какъ преодолѣли всѣ природныя и искусственныя преграды, какъ побѣдили отчаянныхъ защитниковъ — разсказать подробно весьма трудно: они доказали только уже давно извѣстную истину, что для кавказскихъ войскъ, дѣйствительно, нѣтъ ничего невозможнаго. Часу въ восьмомъ утра, мы изъ лагара вдругъ увидѣли, какъ исчезли стоявшія надъ обрывами палатки и какъ съ разныхъ сторонъ показались на горѣ люди. Г. главнокомандующій тотъ-

часть отправился туда же; на подъемъ къ главнымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ намъ попадались на встрѣчу раненные, а ближе подъ стѣнками валялись обезображенные непріятельскіе трупы; дальше, по дорогѣ сидѣли кучки плѣнныхъ, окруженныхъ солдатами, а со всѣхъ сторонъ стягивались части войскъ къ аулу, въ который едва успѣлъ бѣжать Шамиль съ сыновьями и нѣсколькими десятками мюридовъ. Увидѣвъ главнокомандующаго, войска закричали «ура!» Шамиль думалъ, что бросились на штурмъ, что настала его послѣдній часъ — и сталъ молиться. Съ прибытіемъ на Гунибъ, главнокомандующій приказалъ остановить перестрѣлку и предложить Шамилю сдаться, не проливая напрасно крови. Имамъ видѣлъ невозможность держаться дольше. Чтò могло устоять противъ четырнадцати батальоновъ, окружившихъ на пистолетный выстрѣлъ аулъ, кипѣвшихъ желаніемъ покончить съ виновникомъ долгой борьбы и отличиться въ присутствіи своего главнокомандующаго! Всѣ стояли, смотря на аулъ какъ на вѣрную добычу, стояло только произнести роковое «впередъ» — и не осталось бы, кажется, слѣдовъ нетолку засѣвшихъ тамъ людей, но и самого аула. Начались переговоры. Къ намъ вышелъ изъ аула Юнусъ, изъ черкеевскихъ бѣглецовъ, очень приближенный къ Шамилю человекъ, съ вопросомъ: «какія условія предлагаются Шамилю?» Ему сказали: «условія никакихъ, а чтобы выходилъ, или сейчасъ войска ринутся въ аулъ». Пошелъ Юнусъ къ Шамилю, а мы стоимъ, смотримъ на аулъ, на расхаживающихъ тамъ вооруженныхъ людей, на кое гдѣ выглядывающихъ изъ дверей и оконъ женщинъ и дѣтей, и думаемъ: сдаться Шамиль, или рѣшится погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ? останется ли ктонибудь живъ изъ этихъ людей, или уже суждено имъ погибнуть подъ штыками солдатъ, которые, ворвавшись въ аулъ, едва ли дадутъ комунибудь пощаду?... Черезъ полчаса опять идетъ Юнусъ. Шамиль послалъ его, чтобы онъ лично представился г. главнокомандующему и выслушалъ его слова. Нечего дѣлать — послали Юнуса верхомъ къ мѣсту, гдѣ князь Барятинскій находился, въ полуверстѣ отъ аула. — Выслушавъ отъ князя повтореніе уже сказаннаго, чтобы Шамиль тотчасъ выходилъ, а то начнется штурмъ, и нѣтъ тогда никому пощады, и что ему предлагается одно лишь условіе — это его собственная и всего семейства личная безопасность. Юнусъ опять пріѣхалъ къ аулу, рассказалъ намъ о своемъ свиданіи съ княземъ и ушелъ къ Шамилю. Проходитъ полчаса, нѣтъ отвѣта; тишина въ аулѣ, тишина кругомъ, все ждетъ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ — что будетъ? Наконецъ, изъ аула кричатъ, просятъ прислать Исмаила, бывшаго чохскаго наиба, зятя Шамиля. Послали Исмаила; черезъ четверть часа онъ возвращается — Шамиль сказалъ: «не послать ли ему прежде

младшаго сына къ г. главнокомандующему?» Нельзя, кричатъ ему, — выходи сейчасъ, а то подастся сигналъ. Еще черезъ четверть часа, опять идетъ Юнусъ: «Шамиль просить отодвинуть войска подальше отъ аула, послѣ онъ выйдетъ». «Нельзя», говоритъ ему, «пусть не выводитъ насъ изъ терпѣнія и сдастся». Юнусъ ушелъ и чрезъ десять минутъ опять возвратился, весь запыхавшись, едва переводя духъ. «Шамиль просить отогнать по крайней мѣрѣ всѣхъ мусульманъ, чтобы не выдали, какъ будетъ онъ выходить». «Хорошо». Прогнали всю милицію за батальоны и лишили ее удовольствія видѣть шема среди русскихъ. Проходить еще нѣкоторое время; тишина такая, какъ будто тутъ нѣтъ живой души, а между тѣмъ 10,000 штыковъ стояли, притаивъ дыханіе; наше нетерпѣніе достигаетъ крайнихъ предѣловъ: «Будетъ штурмъ?» — «Не будетъ штурма. Онъ надуетъ, тянетъ время до ночи, вѣрно хочетъ убѣжать» — шептались между собою многіе. Наконецъ, въ аулѣ засуетились, между саклями покнзалась толпа — все съ чалмами на головахъ. «Идетъ, идетъ!» раздавалось со всѣхъ сторонъ... Всѣ взоры устремились къ выходу изъ аула; но тамъ вдругъ опять все замолкло, толпа куда-то сирывалась. Пошли нѣкоторые отъ насъ еще ближе къ аулу, къ крайней саклѣ. Давіель — Бекъ, Исмаиль, полковникъ Лазаревъ — начали кричать по-гатарски: «выходите скорѣе, не будьте дѣтьми; вы видите, что нѣтъ другаго спасенія!» Опять зашевелилась толпа, и Шамиль показался изъ аула, тѣсно окруженный сорока самыми отчаянными мюридами; слади вели осѣдланную сѣрую лошадь. Всѣ войска кругомъ аула, какъ будто по сигналу, огласили воздухъ громкими «ура», и вездѣ, во всѣхъ направленіяхъ подхватили солдаты этотъ радостно торжественный кликъ. Шамиль опять пришелъ въ недоумѣніе, остановился на минуту; но, видя батальоны неподвижными, пошелъ дальше. Словъ слишкомъ мало, чтобы выразить торжественность такой минуты; всякъ, кто знаетъ, что такое кавказская война, съ такимъ упорствомъ тянувшаяся полвѣка, кто знаетъ, что былъ Шамиль, самовластно повелѣвавшій такимъ огромнымъ воинственнымъ, фанатическимъ населеніемъ, считавшій себя учредителемъ самостоятельной династии горскихъ владѣтелей, — легко себя представитъ, что должны были мы чувствовать въ эту памятную минуту, въ половинѣ четвертаго часа пополудни, 25 августа 1859 года. Я и теперь еще какъ будто помню продолжительный, богатый фантазіями сонъ. Шамиль росту большаго, крѣпко сложенъ, у него продолговатое, морщинистое лице, прямой, правильный носъ, сѣрые глаза съ глубокимъ выраженіемъ, большая оладистая борода, выкрашенная, по-персидски, красною хинной; одѣтъ онъ въ череску чернаго русскаго сукна, съ патро-

нами на груди, обшитыми черными шелковыми лентами, въ зеленомъ ахалухѣ изъ шерстяной матеріи, въ большихъ чувякахъ съ полуго- ленищами изъ краснаго сафьяна; на головѣ у него большая бѣлая кисейная чалма съ краснымъ верхомъ, концы которой, длиною болѣе аршина, висятъ сзади на спинѣ; вооруженъ онъ шашкой, кинжаломъ, одинъ пистолеть за поясомъ сзади, другой, въ чухлѣ, спереди. Видно было, что послѣднія событія произвели страшное дѣйствіе на Шамиля: онъ былъ блѣденъ, смущенъ, смотрѣлъ какъ-то особенно непріятно по сторонамъ—вообще имѣлъ видъ человѣка растерявшагося, неяснившего себѣ своего новаго положенія; онъ все порывался что-то говорить, но не доканчивалъ фразъ... Окружавшіе его мюнды были вооружены съ ногъ до головы и такъ тѣснились около него, какъ будто собирались защитить его отъ нападенія. Приближаясь къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ г. главнокомандующій, Шамиль слѣзъ съ лошади; оружіе, съ дозволенія князя, осталось на немъ; подойдя ближе, онъ остановился, подозрительно озираясь по сторонамъ. Князь встрѣтилъ Шамиля слѣдующими словами: «Шамиль, ты не принялъ условій, которыя я тебѣ предлагалъ, и не захотѣлъ пріѣхать ко мнѣ въ лагерь; теперь я пріѣхалъ за тобой. Ты самъ захотѣлъ предоста- вить войнѣ рѣшить дѣло, и—она рѣшила его въ нашу пользу; теперь объ этихъ условіяхъ уже и рѣчи нѣтъ; ты долженъ ѣхать въ Петербургъ, и тамъ ожидать рѣшенія своей участи отъ милосердія Госу- даря Императора; за одно тебѣ ручаюсь — это за личную безопас- ность твою и всего твоего семейства. Для твоего сопровожденія я назначилъ моего адъютанта, полковника Тромповскаго, и онъ употре- бить все, чтобы ты не терпѣлъ никакихъ лишеній и недостатковъ». Волненіе Шамиля было такъ велико, онъ такъ растерялся, что не сказалъ въ отвѣтъ ничего особенно-замѣчательнаго, а все только хотѣлъ объяснить, что онъ боялся довѣриться намъ, что былъ уже обманутъ, что поневолѣ сдѣлался осторожнымъ, наконецъ, что «какъ и медъ, если его часто ѣсть, надоѣдаетъ, такъ и все на свѣтѣ надоѣдаетъ, такъ и ему уже надоѣли тридцать лѣтъ войны, и что онъ радъ покончить все, и жить теперь мирно...» Очевидно, это была фраза, сказанная въ надеждѣ, что его оставятъ жить въ горахъ, съ условіемъ не предпринимать ничего противъ насъ. Утопающій хватается за еоломенку; но Шамиль хотѣлъ удержаться еще на толстомъ канатѣ. Понятно, что намеки эти остались безъ послѣдствій, и ему еще разъ было повторено, что онъ взятъ силою оружія, что условій никакихъ онъ просить не можетъ, что жизнь его будетъ цѣла, но будущая судьба зависить отъ милосердія Его Вели- чества. Затѣмъ г. главнокомандующій уѣхалъ съ Гуниба, приказавъ Шамилю ѣхать за нимъ. — Прибывъ въ лагерь уже поздно вече-

ромъ, Шамиль нашелъ разбитую для него суковную палатку, устланную коврами; ему подали чай и плоть. Князь прислалъ ему великолѣпную меховѣю шубу; приставленный къ нему подполковникъ Алибекъ Пензулаевъ оказывалъ ему знаки самаго почтительнаго вниманія и не переставалъ утѣщать и увѣрять въ спокойномъ будущемъ. Шамиль сталъ успокоиваться, попросилъ бумаги и карандаша, и написалъ на Гунибѣ записку, что онъ принять какъ не ожидалъ, чтобы семейство не безпокоилось объ немъ и на другой день всѣ прїѣзжали къ нему. 26-го числа, въ десять часовъ утра, прибыли въ лагерь оба сына имама, всѣ жены, слуги, цѣлый большой караванъ; женщины всѣ съ закрытыми лицами, такъ что мы никакого понятія не имѣемъ объ ихъ наружности; одѣты онѣ всѣ по татарски; двѣ женщины отличались особенною изысканностию костюма: Шуанетъ, любимая жена Шамиля, плѣнная моздовская армянка, и дочь Давидъ-Бека — жена Казы-Магомы. Въ тотъ же день, по случаю коронаванія Государя Императора, было отслужено молебствіе. При пушечной пальбѣ и восторженныхъ крикахъ «ура» г. главнокомандующій благодарилъ войска за вчерашній штурмъ, за всю службу, принесшую такой славный конецъ. — 27 числа Шамиль, провожаемый дивизиономъ драгунъ и батальйономъ пѣхоты, отправился въ Темир-Хан-Шуру; здѣсь семейство его оставлено, а онъ, съ старшимъ сыномъ, въ сопровожденіи полковника Тромповскаго и подполковника Али-Бека, 2 сентября отправленъ въ Петербургъ.

Государь принималъ Шамиля въ Чугуевѣ 15 сентября.

«Имамъ, по разказу одного изъ очевидцевъ, напечатанному въ одной изъ нашихъ газетъ, — шелъ во временной дворецъ блѣднѣе обыкновеннаго и тревожно двигалъ руками, глядя бороду. Потомъ Шамиль былъ на смотру, верхомъ. Войско, парадные наряды и эволюціи заняли его чрезвычайно.

Государь въ половинѣ 3 часа пополудни 16 сентября въѣхалъ въ Харьковъ. Вслѣдъ за нимъ прїѣхалъ Шамиль. Въ 8 часовъ вечера зажглась по городу иллюминація. Запылала въ огняхъ колокольня собора, зажглись вензеля, триумфальныя арки на площадяхъ и запылало электрическое солнце надъ университетомъ. Шамиля повезли по городу.

— Что это? вѣрно слова какія нибудь? спросилъ онъ, полѣзая съ Екатеринославской улицы къ университету, гдѣ надъ горой изъ огня составлена была надпись, длиною саженой въ 50, вдоль оконъ, надъ тополями.

— Да, слова, отвѣтилъ переводчикъ.

— Что же такое, я хочу знать?

— «*Да распространяется повсюду стремленіе къ просвѣщенію!*»

— А!..

И Имамъ склонилъ голову, въ знакъ уловольствія.

Государь пріѣхалъ на дворянскій балъ. Шамиль, былъ уже тамъ. Войдя въ залъ, онъ отшатнулся отъ двери, такъ его поразило освѣщеніе, убранство громадной залы, украшенной гербами уѣздовъ, цвѣтами, блескъ свѣчей и нарядовъ. Заиграла музыка, пары двинулись въ польскомъ. Шамиль вошелъ въ толпу, изумленными глазами, окидывая костюмы дамъ.

— Не усталъ ли имамъ? спросили его черезъ переводчика: вчера онъ былъ на смотру съ дороги, сегодня съ дороги на балу?

— Въ присутствіи Русскаго Императора я не чувствую усталости! отвѣтилъ Шамиль.

— А кто вамъ изъ дамъ болѣе нравится?

— Всѣ нравятся! отвѣтилъ Шамиль.

— А позволяетъ ли вамъ законъ вашей вѣры быть въ обществѣ женщинъ?

— Я самъ законъ моей вѣры и могу...

Сыну его предложили одинъ вопросъ:

— Видите, какъ у насъ всѣ свободны, какъ весело?

— Да, хорошо у васъ; но надо много денегъ!

Одинъ молоденькій господинъ протиснулся къ Шамилю и спросилъ переводчика:

— Читалъ ли Шамиль книгу г. Вердеревскаго: «Плѣнь у Шамиля княгини Орбеліани и Чавчавадзе?»

— Шамиль не видѣлъ ни одной европейской книги и не знаетъ, что о немъ пишутъ!

— А газеты у него получались?

— Ему дѣла не было до газетъ: а покойный его сынъ получалъ Петербургскія и Московскія вѣдомости, но недолго.

Еще часа два за нимъ ходила толпа на балъ. Онъ не ужиналъ, смотрѣлся въ зеркала новой залы, нарочно выстроенной для пріѣзда Государя, прошелся нѣсколько разъ по залѣ и уѣхалъ.

На крыльцѣ, его спросили:

— Какъ же все это, что онъ видитъ, можно сравнить съ его Кавказомъ? Шамиль отвѣтилъ:

— Кавказъ — это жизнь, дѣйствительность; а то, что теперь вижу, сказка для меня!

Въ Москвѣ Шамиль пробылъ нѣсколько дней и 25 сентября утромъ былъ въ Петербургѣ.

Онъ останавливался въ Знаменской гостинницѣ, противъ московской желѣзной дороги, гдѣ во все время пребыванія его тутъ ежедневно толпился народъ у подѣзда, въ ожиданіи его выхода.

Шамиль катался каждый день по Петербургу въ открытой наемной коляскѣ съ своимъ сыномъ и съ подполковникомъ Богуславскимъ, находившимся при нихъ; сзади всегда слѣдовала другая коляска съ его мюридами. Его постоянно можно было встрѣчать въ этой коляскѣ около $\frac{1}{2}$ 4-го на Невскомъ Проспектѣ. Бѣлая чалма его и малиновая борода видѣлись издалека.

Шамиль представлялся Государынѣ Императрицѣ, Великимъ Князьямъ, осматрѣлъ всѣ петербургскія достопримѣчательности, былъ въ балетѣ и въ оперѣ и, говорятъ, отъ всего былъ въ восторгѣ.

Въ городѣ ходили про него тысячи различныхъ разказовъ, и, между прочимъ, его отвѣты на предлагаемые ему вопросы.

Кто-то спросилъ у него, говорятъ, между прочимъ:

— Какъ вамъ понравилась Москва и Петербургъ?

— Я пораженъ всѣмъ, отвѣчалъ Шамиль — и увидѣвъ ваши города, я изумился еще болѣе — за чѣмъ вамъ наши горы?»

Дней десять Шамиль быть львомъ Петербурга; портреты его выставлены были во всѣхъ магазинахъ и лавочкахъ (лучшіе изъ нихъ г. Денъера и фотографическаго заведенія Похитонова. Струговщикова и Водова)... Люди праздные и живущіе пустыми городскими новостями и сплетнями безпошадно фантазировали на его счетъ и прожужжали объ немъ всѣ уши.

Изъ всѣхъ разказовъ правдоподобно только то (это передавалъ одному моему знакомому переводчикъ, находившійся при немъ), что Шамиль упалъ духомъ и сильно скучаетъ по своимъ горамъ....

Онъ между прочимъ (3-го октября) посѣтилъ въ Петербургѣ профессора университета Каземъ-Бека.

Вотъ какъ разказываетъ объ этомъ свиданіи одинъ изъ фельетонистовъ, бывшій въ это время у г. Каземъ-Бека.

«Г. Каземъ-Бекъ почти не ждалъ его, и потому не было у него почти никого постороннихъ, кромѣ двухъ-трехъ человекъ, случайно узнавшихъ объ этомъ посѣщеніи и пожелавшихъ видѣть имама. Хозяинъ встрѣтилъ его у дверей въ залу, и тутъ въ первый разъ мы видѣли Шамиля, говорящаго безъ переводчика. Помѣнявшись нѣсколькими фразами на неопытныхъ для насъ языкахъ (арабскомъ и кумыцкомъ), хозяинъ съ гостемъ, сопровождаемые нами и свитою, вошли въ гостиную, гдѣ сидѣло семейство профессора. Шамиль, кажется, не ожидалъ тутъ видѣть женщинъ, но, догадавшись, что это, вѣроятно, родственницы хозяина, опъ обратился къ нему съ вопросомъ: «это ваше семейство»? Профессоръ представилъ ему свою дочь съ двумя гувернантками; имамъ, слѣлавъ имъ почтительное привѣтствіе, занялъ мѣсто на диванѣ. Съ правой стороны сѣлъ 27-ми лѣт-

цій сынъ Шамиля, Казы-Мохаммедъ, съ лѣвой хозяинъ, прочіе размѣстились по кресламъ, гдѣ попало — и начался разговоръ, сначала мѣрный и степенный, потомъ все болѣе и болѣе оживлявшійся; въ этомъ разговорѣ принимали участіе только г. Каземъ-Бекъ и Шамиль, и изрѣдка сынъ его. Отъ времени до времени хозяинъ переводилъ намъ нѣкоторыя фразы, наиболѣе, по его мнѣнію, интересныя для всѣхъ слушающихъ, какъ-то: о совершенномъ довольствѣ имама тѣмъ гостепріимствомъ, какого удостоивался онъ во всѣхъ мѣстахъ Россіи «и землями и людьми»; о великолѣвіи Москвы и Санктпетербурга, и проч. и проч.

Послѣ довольна-продолжительнаго разговора, г. Каземъ-Бекъ представилъ Шамилю три свои сочиненія — одно на турецкомъ языкѣ, подъ названіемъ *Мухаммедійэ*, и два на арабскомъ — *Мухтесеръ* и *Фухрустъ*. Послѣднее (недавно-вышедшая изъ литографіи большая книга in folio) болѣе всѣхъ обратило на себя вниманіе имама. Онъ долго и съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ эту книгу, оставлялъ ее и снова бралъ, дѣлая при этомъ вопросы. Не менѣе любознателенъ былъ и Казы-Мохаммедъ: онъ также задавалъ вопросы профессору и съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ отвѣты, методически покачивая головою. Имамъ назвалъ нѣсколько арабскихъ сочиненій, которыя оказались въ библіотекѣ профессора и были немедленно ему представлены. Между ними находилась одна большая рукопись, подъ названіемъ *Мизанъ* — «Вѣсы». По объясненію профессора, эта книга содержитъ въ себѣ повѣрку всѣхъ главнѣйшихъ пунктовъ разногласій въ ученіи четырехъ школъ суннитскихъ, а именно аъзамидовъ, шафійтовъ, ганбилидовъ и маликидовъ, и Шамиль высказалъ объ этомъ предметѣ нѣсколько мнѣній, весьма дѣльныхъ, по словамъ г. Каземъ-Бека. Хозяинъ, между прочимъ, показалъ своему гостю всю свою коллекцію манускриптовъ, числомъ до 175. Шамиль съ грустью посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ нѣсколько словъ печальнымъ тономъ. По переводу оказалось, что онъ оплакиваетъ свою славную коллекцію манускриптовъ, которую безпощадно разграбили его же мюриды. «Мнѣ ничего такъ не жаль, какъ моихъ книгъ», сказалъ Шамиль (можетъ быть, изъ дипломатической тонкости), грустно покачивая головою.

«Черты Шамиля очень выразительны, особенно когда онъ говоритъ. Онъ съ аппетитомъ пилъ чай и кофе съ печеньемъ, и ѣлъ варенье нѣсколькихъ сортовъ и конфекты — и все это въ весьма изрядномъ количествѣ, и притомъ въ 12-мъ часу утра... Когда его спрашивали, не имѣетъ ли на него вліянія петербургскій климатъ, онъ, вовсе не понимая такого вопроса, отвѣчалъ: «Когда холодно—

я стараюсь одѣться потеплѣе, а когда въ комнатѣ жарко—одѣваюсь легче»....

«Постоянно состоятъ при Шамилѣ, на время его пребыванія въ Петербургѣ, назначенъ былъ полковникъ Богуславскій, отлично знающій арабскій и турецкій языкъ, и, невидимому, Шамиль имѣлъ большое къ нему довѣріе и расположеніе. По словамъ г. Каземъ-Бека, никто изъ ориенталистовъ въ Петербургѣ не могъ бы такъ свободно объясняться съ Шамилемъ на извѣстныхъ ему языкахъ, какъ г. Богуславскій: по свидѣтельству г. Каземъ-Бека, у него способность къ языкамъ удивительная—въ нѣсколько лѣтъ онъ усвоилъ себѣ свободный разговорный языкъ арабскій, турецкій, персидскій и татарскій, хорошо знаетъ ихъ литературу и обладаетъ даже языкомъ еврейскимъ. По поводу знанія восточныхъ языковъ, кстати привоимъ мы любопытный случай. Одинъ изъ здѣшнихъ ориенталистовъ, давно считающій себя, и можетъ быть, потому считаемый другими отличномъ знаткомъ восточныхъ языковъ, встрѣтился съ Шамилемъ въ Академіи Художествъ и обратился къ нему съ привѣтствіемъ на персидскомъ языкѣ — Шамиль ничего не понялъ; потомъ такое же привѣтствіе на турецкомъ — Шамиль также продолжалъ смотрѣть на ориенталиста, вытаращивъ глаза, въ совершенномъ недоумѣніи; наконецъ, сконфуженный ориенталистъ заговорилъ по-арабски, и Шамиль, вслушавшись, произнесъ одобрительно: «этотъ человекъ знаетъ нѣсколько арабскихъ словъ....» Далѣе разговоръ продолжался чрезъ переводчика....»

Съ побѣжденнымъ кавказскимъ врагомъ правительство наше поступило великодушно и человеколюбиво, какъ поступаютъ въ такихъ случаяхъ всѣ просвѣщенные правительства.

Плѣнный Шамиль, побѣжденный врагъ, не возбудилъ въ русскомъ народѣ ненависти, злобы, мщенія и другихъ дикихъ страстей во имя какого-то дикаго патріотизма. Онъ возбуждалъ только одно (очень натуральное) любопытство. «Лежащаго не бьютъ», говоритъ умная русская пословица. Одинъ только г. Гаряйповъ, выступающій во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ съ своимъ воинственнымъ и патріотическимъ перомъ, которымъ онъ, какъ извѣстно, уничтожилъ уже Тьерра, выступилъ нынѣ и противъ кавказскаго героя...

«Что такое Шамиль», восклицаетъ онъ въ «Сѣверной Пчелѣ», «чтобъ пользоваться такими правами (т. е. правами человеколюбія и великодушія)?... Въ молодости онъ продавалъ виноградъ нашимъ солдатамъ...»

Человекъ такого низкаго происхожденія не заслуживаетъ человеколюбиваго съ нимъ обращенія, по мнѣнію г-на Горайцова.

Затѣмъ г. Горяиновъ рассказываетъ о жестокостяхъ Шамиля и заключаетъ:

... «его не пошлютъ у насъ страдать на какойнибудь нонтовъ, а, вѣроятно, отведутъ ему покойную квартиру съ достаточнымъ содержаніемъ, гдѣ онъ, съ своимъ семействомъ, будетъ жить безъ малѣйшей нужды и довольно...» и проч.

Къ сожалѣнію г. Горяинова, такъ и случилось.

Мѣстомъ пребыванія Шамиля назначена Калуга.

Вотъ что пишутъ объ этомъ въ «Калужскихъ Вѣдомостяхъ»:

«Итакъ, славный герой Кавказа, болѣе 30 лѣтъ враждовавшій противъ Россіи, будетъ жить у насъ въ Калугѣ. Домъ для помѣщенія его съ семействомъ уже избранъ: домъ каменный трехэтажный, просторный и, кажется, удобный. Впрочемъ, въ хорошемъ помѣщеніи въ Калугѣ недостатка не будетъ. Домъ нанятъ, слышно, за 800 руб. сер. въ годъ. Шамилю, какъ говорятъ, назначено весьма порядочное содержаніе.

«Не первому изъ знаменитыхъ плѣнниковъ приходится жить въ Калугѣ Шамилю. Задолго прежде него два магометанскихъ султана въ разное время пребывали въ этомъ городѣ, а именно: послѣдній ханъ крымскій Шагинъ-Гирей и султанъ малой Киргизской Орды Арунгиизъ Абулгазиевъ. Шагинъ-Гирей, по сложеніи съ себя въ 1783 году ханскаго достоинства, сначала удалился въ Воронежъ, а въ 1786 году присланъ на житье въ Калугу. Онъ получалъ на содержаніе отъ казны до 200,000 руб., и жилъ, какъ сказано въ одной запискѣ, для губернскаго города великолѣпно. Для хана выстроенъ былъ, близъ вышшняго Загороднаго сада, особый, большой деревянный домъ, который впоследствии, по словамъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ старожилловъ, достался въ частныя руки и перенесенъ на другое мѣсто, на которомъ существуетъ и до сихъ поръ. Шагинъ-Гирей отпущенъ былъ изъ Калуги въ Молдавію, откуда, по повелѣнію турецкаго султана, увезенъ на о. Родосъ и тамъ удушенъ. Султанъ Арунгиизъ Абулгазиевъ (Арунгази-Абуль-Гасизъ) прибылъ на жительство въ Калугу 31 мая 1823 года. При немъ находились: султанъ Ильджанъ, старшина Бей-Юсуфъ, переводчикъ Рахметулла-Муртазинъ и татаринъ Рахметуллинъ. На содержаніе Арунгииза со свитой отпускалось ежемѣсячно изъ казначейства по 1,500 р. асс., да Рахметуллину по 100 руб. асс. Сверхъ того, одновременно, на первое обзаведеніе, выдана была султану значительная сумма. Для помѣщенія первоначально нанятъ былъ 1 части, 1 квартала, близъ Никитскаго оврага, недалеко отъ р. Оки, весь каменный двухэтажный домъ о 16 комнатахъ Пятницкаго протоіерея Ив. Левшина за 1,200 руб. асс. въ годъ, съ отопленіемъ въ весеннее и лѣтнее время. Не

прибытіи султана цѣлый домъ оказался слишкомъ великъ, и потому заняты были только верхніе покои. Арунгизъ прожилъ въ Калугѣ 10 лѣтъ. Онъ часто бывалъ въ театрѣ, который тогда существовалъ въ городѣ, ѣздилъ на охоту, катался зимой по городу. Въ 1824 году Муртазинъ, по просьбѣ жены своей, оставилъ Калугу и отправился въ Оренбургъ, а въ февралѣ 1829 года уѣхалъ на родину Юсуфъ. Съ Ильджаномъ и Рахметуллинымъ у Арунгиза произошла было размолвка; но дѣло уладилось. Въ маѣ 1829 года султанъ Арунгизъ женился на 16-лѣтней дочери московскаго купца Хассанъ Мангушена Медниѣ, на что ему выдано было отъ казны 2,000 руб. У него были еще три жены въ ордѣ, изъ которыхъ вторая и третья имѣли дѣтей. 24 августа 1833 года Арунгизъ умеръ отъ простудной горячки. 28 августа тѣло его было предано землѣ, по жагометанскому обычаю, прибывшими изъ Москвы муллою, за старообрядческимъ кладбищемъ. Вдова султана и дочь Фатима уѣхали въ Москву, Ильджанъ отправился въ орду, а Рахметуллинъ въ Оренбургъ.

«Кромѣ того, калужскіе старожилы очень хорошо помнятъ пребываніе въ Калугѣ грузинской царевны Феклы Иракліевны съ дѣтьми. Она жила въ этомъ городѣ, во 2 градской части, въ д. калужскихъ купеческихъ племянниковъ Билибиныхъ, которымъ платила за квартиру по 100 руб. ассиг. въ мѣсяцъ, съ 11 октября 1834 года до 6 мая 1835. Въ этомъ году она возвращена въ Тифлисъ; но двое сыновей ея, изъ которыхъ одинъ былъ женатъ, оставались въ Калугѣ, въ д. купца Давида Акулова, кажется, до 1838 года.»

Но довольно этихъ выписокъ. — Перейдемъ къ литературнымъ новостямъ, появившимся въ теченіе сентября.

Прежде всего обратимъ вниманіе читателей на «Путешествіе на Амуръ», совершенное по распоряженію сибирскаго отдѣла Императорскаго географическаго общества въ 1855 г. Р. Маакомъ, съ отдѣльнымъ изданіемъ рисунковъ, картъ и плановъ и съ портретомъ графа Муравьева-Амурскаго. Изданію этому (in—4), отличающемуся рѣдкимъ у насъ изяществомъ и великолѣпіемъ, мы обязаны члену соревнователю сибирскаго отдѣла *С. Ф. Соловьеву*.

Рисунки превосходны; книга напечатана въ Петербургѣ въ типографіи г. Вульфа и неуступаетъ въ типографскомъ отношеніи лучшимъ европейскимъ изданіямъ. Цѣна ея вѣстѣ съ рисунками 20 р. с., — цѣна необыкновенно дешева по роскоши изданія.

«Современникъ» будетъ говорить объ ней въ особой статьѣ. Почтенный издатель предоставляетъ выгоды отъ своего изданія въ распоряженіе сибирскаго отдѣла на новыя географическія изслѣдованія.

Мы искренно желаемъ, чтобы публика обратила особенное вниманіе на это замѣчательное изданіе.

Обломовъ г. Гончарова вышелъ отдѣльно въ Петербургѣ—въ двухъ томахъ, а *Дворянское гнѣздо* г. Тургенева въ Москвѣ въ одномъ томѣ.

Эти изданія должны разойтись мгновенно. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Намъ нечего даже желать объ этомъ, — это совершится само собою, послѣ огромнаго успѣха, какимъ встрѣчены были эти произведенія въ публикѣ при своемъ первомъ появленіи въ журналахъ.

Въ числѣ другихъ литературныхъ новостей, мы можемъ сообщить, что скоро выйдетъ въ Москвѣ книжка разсказовъ г. *Славутинскаго*, котораго дарованіе знакомо уже нашимъ читателямъ. Въ составъ книжки войдутъ повѣсти его: «Исторія моего дѣда» и «Читальница», помѣщенныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и «Своя рубашка», недавно напечатанная въ «Современникѣ».

Въ нынѣшнемъ году пало много журналовъ и журнальковъ. Юмористическія изданія почти всѣ исчезли. Изъ нихъ удержалась одна *Искра*, имѣвшая большой успѣхъ. Надо замѣтить, что успѣху этому «Искра» обязана, безъ сомнѣнія, таланту одного изъ своихъ редакторовъ — г. Степанову. Г. Степановъ доказалъ, что онъ однимъ своимъ тонкимъ и остроумнымъ карандашомъ, ловко, а иногда даже ядовито, подмѣчающимъ комическія явленія современной нашей жизни — можетъ поддерживать изданіе юмористическаго листка...

Иллюстрированныя дешевыя изданія у насъ начинаютъ сильно распространяться, — это прекрасно, но всѣ эти изданія отличаются крайнею безцвѣтностію, отсутствіемъ всякаго направленія и неудачнымъ выборомъ оригинальныхъ и переводныхъ статей. Въ числѣ такихъ изданій «Семейный иллюстрированный листокъ» отличается аккуратностію выхода, очень красивою наружностію и весьма недурными полптишажками.... Если бы текстъ его былъ поудачнѣе — онъ могъ бы имѣть успѣхъ, при своей дешевизнѣ.

Серьезные журналы начинаютъ разставаться съ модными картинками, — давно бы пора, потому что для серьезныхъ журналовъ заниматься модами — не совсѣмъ прилично. Ктому же у насъ развелось множество спеціальныхъ модныхъ журналовъ. Изъ нихъ я рекомендую читательницамъ «Современника» — «Сѣверный Цвѣтокъ» — издающійся аккуратно и роскошно, съ множествомъ выкроекъ, модныхъ рисунковъ и другихъ приложений. Я посоветовалъ бы только редакторамъ «Цвѣтка» исключить кухню *знаменитой спеціалистки* г-жи Авѣевой. Ея метода стряпанья до крайности устарѣла и эта метода никакъ уже не можетъ удовлетворять современныхъ желудковъ.

Говорятъ о новыхъ журналахъ на будущій годъ и, между прочимъ, о какомъ-то *Свѣточъ*, который будетъ издаваться въ Петербургѣ ежемѣсячно.... Хорошо-ли онъ будетъ свѣтить — и кто будетъ держать этотъ Свѣточъ — намъ еще неизвѣстно.

Journal de St-Petersbourg съ будущаго года еще расширяется. — Онъ приметъ форматъ большихъ европейскихъ журналовъ въ шесть столбцовъ.

Онъ обѣщаетъ увеличить свѣдѣнія свои касательно Россіи и слѣдить тщательно за ея нравственнымъ и промышленнымъ развитіемъ — за литературой, наукою, искусствомъ и финансовыми вопросами.

«Расширеніе формата», говоритъ Редакція, «даетъ намъ возможность постоянно представлять переводы лучшихъ русскихъ произведеній, или критическія статьи объ нихъ.

«Мы будемъ переводить, неотлагательно послѣ ихъ выхода, всѣ лучшія повѣсти и романы — русскіе, нѣмецкіе и англійскіе.

«Кромѣ того у насъ будетъ ежедневный фельетонъ и смѣсь (*Faits divers*)....» и прочее.

Въ нынѣшнемъ году *Journal de St-Petersbourg* представилъ въ сокращеніи романъ г. Писемскаго «Тысячу душъ» и перевелъ вполне «Домашнее счастье» г. Толстаго.

Кстати о переводахъ съ русскаго:

Revue des deux mondes въ одной изъ своихъ послѣднихъ книжекъ — напечаталъ «Три встрѣчи» г. Тургенева.

Вотъ еще двѣ замѣчательныя театральныя новости, о которыхъ мы только сейчасъ услышали: на Александринскомъ театрѣ даны будутъ:

«*Венеціанскій купецъ*» Шекспира, въ переводѣ г. А. Григорьева.

Роль Шейлока будетъ играть г. *Самойловъ*.

и *Отелло* въ стихотворномъ переводѣ г. Вейнберга

Роль Отелло будетъ играть.... г. *Леонидовъ*!...

Насъ просили извѣстить, что въ городѣ Перми открыта съ 1-го февраля 1859 г. Библиотека для чтенія.

«Цѣль учрежденія библиотеки — доставить лицамъ всѣхъ состояній возможность читать лучшія изъ вновь выходящихъ сочиненій на русскомъ языкѣ за самую умѣренную цѣну.

Такъ какъ въ настоящее время почти всѣ лучшія литературныя произведенія помѣщаются въ изданіяхъ періодическихъ, то на первый разъ открылось чтеніе только газетъ и журналовъ.

Въ 1859 году получались въ библіотекѣ почти всѣ наши періодическія изданія.

За право получать для чтенія на домъ всѣ выписываемыя журналы въ продолженіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ со дня полученія ихъ въ библіотекѣ платится въ годъ 5 руб.

въ полгода 3 —
въ мѣсяцъ — — 75 коп.

За право чтенія журналовъ платится

въ годъ 4 —
въ полгода 2 — 50 коп.
въ мѣсяцъ — — 60 —

Желающіе могутъ записаться на чтеніе каждаго журнала порознь. Подписывающіеся такимъ образомъ платятъ:

За право чтенія журнала въ продолженіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ по полученіи *восьмую* часть цѣны журнала

Въ продолженіе слѣдующихъ мѣсяцевъ *десятую* часть.

Такимъ образомъ чтеніе одного изъ самыхъ дорогихъ журналовъ, каковы: Библіотека для чтенія, Отечественныя Записки, Современникъ, Русскій Вѣстникъ, Русское Слово, — обходилось подписчику съ небольшимъ въ 2 рубля; годовое же чтеніе журналовъ дешевыхъ, каковы на примѣръ: Листокъ для Всѣхъ, Народное Чтеніе, будетъ стоить 50—25 коп., и это въ первые два мѣсяца; въ прочее же время чтеніе самыхъ дорогихъ журналовъ стоило въ годъ 1 руб. 65 коп.; а журналовъ самыхъ дешевыхъ 40—20 коп.

Въ обезпеченіе цѣлости книжекъ вносился залогъ, и проч.

Учредитель Библіотеки г. Иконниковъ.

Библіотека открыта съ 1-го до 6 часовъ вечера ежедневно.»

Это учрежденіе дѣлаетъ большую честь г. Иконникову. Недурно если бы и въ другихъ губернскихъ городахъ нашихъ завелись такіе библіотеки.

Вышла 8-я тетрадь Портретной галлерей, издаваемой г. Мюнстеромъ, заключающая въ себѣ портреты: Митрополита Филарета, князя Борятинскаго, Жуковскаго и Брюлова. — Въ слѣдующемъ номерѣ мы поговоримъ объ этомъ изданіи.

СВИСТОКЪ

Собрание литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

3

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СВИСТКА ВО ДНИ ЕГО ВРЕМЕННОГО НЕСУЩЕСТВОВАНІЯ.

«Свистокъ» дожидался только выѣзда уполномоченныхъ изъ Цюриха, чтобы опять раздаться въ русской литературѣ. Теперь объявлено, что они въ октябрѣ выѣдутъ, и если они, по свойственной дипломатамъ правдивости, сдержатъ слово, то «Свистокъ» надѣется уже безраздѣльно завладѣть вниманіемъ публики. Въ лѣтніе мѣсяцы ему было неловко являться потому, что общее любопытство было привлечено итальянской войной, и въ началѣ іюля, поощренными примѣромъ «Русскаго Дневника», редакторы «Свистка» даже послали-было въ «Современникъ» такое объявленіе :

«Въ настоящее время, когда все вниманіе публики обращено на политическія событія, совершающіяся на Западѣ, для «Свистка», неспособнаго заниматься политикою—иначе какъ въ шутку, прекратилась возможность разсчитывать на увеличеніе ограниченнаго числа своихъ поклонниковъ; вслѣдствіе чего «Свистокъ» вынужденнымъ находится прекратить свой свистъ.

«Хотя «Свистокъ» былъ при «Современникѣ» не что иное, какъ «съ боку припѣка», по глубоко-вѣрному выраженію нашего умнаго народа, тѣмъ не менѣе редакція «Современника» должна счесть личнок своею обязанностью дать своимъ подписчикамъ удовлетвореніе за австрійско-французскую войну, лишившую ихъ русскаго Свистка. Но такъ какъ извѣстно, и многократно было опубликовано, что редакція «Современника» не имѣетъ достаточно остроумія для подобаго удовлетворенія, то она и должна вознаградить публику за «Свистокъ» приложеніемъ къ своему журналу статей о новыхъ памятникахъ древне-вавилонской письменности, для которыхъ редакція уже имѣетъ достаточный запасъ матеріаловъ въ статьяхъ г. Хвольсона».

Объявленіе это было готово въ тотъ самый день, когда появилось объявленіе о прекращеніи «Русскаго Дневника». Но — «къ несчастью или счастью», — Современникъ нынѣ всегда запаздываетъ (въ чемъ стараются по возможности подражать ему и другіе журналы). Слѣдствіемъ такого обстоятельства было то, что объявленіе наше на нѣсколько дней задержалось, а тутъ вдругъ — ни съ того, ни съ сего — пришло извѣстіе о мирѣ, и наши резоны сдѣлались совершенно неумѣстными.

Тогда мы получили надежду, что скоро придетъ и нашъ чередъ; но — увы! — горько ошиблись! Русская публика, изъ подражанія французамъ, продолжала и по окончаніи войны читать и толковать объ Италіи, такъ что мы никакъ не смѣли, не только свиснуть о нашихъ домашнихъ вопросахъ. Это бѣсило насъ, и мы даже сочинили было филиппику противъ увлеченія иностранными вопросами. Филиппика была очень грозна. Въ ней напоминали мы русскимъ читателямъ слова г. Погодина, что стыдно намъ заниматься европейскими мелочными дразгами, когда у насъ, — и у насъ однихъ только въ настоящее время, — поднято столько міровыхъ вопросовъ. Мы перечисляли даже нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, какъ на примѣръ. «зачѣмъ въ лѣтній зной, по свидѣтельству Н. Ф. Павлова, московскія улицы посыпаются пескомъ? Зачѣмъ докторъ Рклицкій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, расхваленъ въ Современникѣ? Зачѣмъ г. Вышнеградскій пересталъ объявлять въ газетахъ о собственномъ безкорыстіи? Зачѣмъ «Наука Жизни» г. Дыммана не вводится, какъ обязательный предметъ, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, въ которыхъ не преподается греческій языкъ?» и т. д. Сдѣлавъ подробное перечисленіе нашихъ родныхъ вопросовъ, мы взглядывали и на итальянскій вопросъ съ русской точки зрѣнія и приходили къ такому заключенію: что намъ за дѣло до Италіи? Взойдетъ ли къ намъ на дворъ бѣлая корова, въ случаѣ возстановленія герцоговъ или присоединенія герцогствъ къ Пьемонту? Что

намъ мѣшаться въ чужія дѣла? Давно уже замѣчено, что «Italia faga da se»—Италія и безъ насъ проживеть, — плюньте на Италію: Италія есть географическій терминъ, — не болѣе, но глубокомысленному замѣчанію австрійскаго государственнаго мужа. Да и въ географію она совершенно ничтожна: по основательному соображенію г. Шевырева, если бы съ Альпъ спустить на Италію нашу Волгу, — всю бы затопило! Стоитъ ли жь послѣ всего этого заниматься такой ничтожностью? Сравните-ко наше-то положеніе: у насъ Волга не только ничего не затопила, но и сама-то вся засорилась и пересохла!

Мы убѣждены, что наши соображенія, явно рассчитанныя на патріотизмъ, успѣли бы образумить русскую публику. Но въ этомъ году злой рокъ судилъ намъ вѣчно опаздывать: когда мы изготовили свою филиппику, — оказалось, что во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ Петербурга портреты Гарибальди замѣнены уже портретами Шамиля! Къ этому мы были совершенно неприготовлены! Между тѣмъ въ публикѣ проявился такой энтузіазмъ къ Шамилю, какого не бывало со времени посѣщенія Россіи г-мъ юма. Мы опять-было приваились за увѣщанія и хотѣли доказать, что Шамиль, какъ и Дюма, теперь уже неинтересенъ, что —

Онъ изнемогъ, онъ слишкомъ старъ:
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній дѣятельный жаръ, —

что притомъ же борода у него — рыжая, — чтò ужь вовсе не соответствуетъ нашему идеалу прекраснаго черкеса, — что слѣдовательно онъ — просто впяманія не стоитъ. Но тутъ ужь мы сами почувствовали, что подобная попытка была немножко дерзка и не повела бы ни къ чему хорошему. Притомъ же мы были совершенно озадачены г. Горяиновымъ, который въ «Сѣверной Пчелѣ» доказалъ, что мы ходимъ смотрѣть на Шамиля вовсе не съ тѣмъ чувствомъ, какъ на г. Дюма, что мы всѣ одушевлены теперь не простымъ любопытствомъ, а самымъ патріотическимъ желаніемъ — повѣсить и растерзать въ клочки ужаснаго иностранца, съ которымъ обходятся такъ несправедливо, т. е. прилично и гуманно. Противъ такого воззрѣнія на Шамиля съ русской точки, мы уже ничего не могли возразить и сочли за лучшее — продлить свое молчаніе еще на нѣкоторое время.

Но теперь — о, какія благопріятныя для насъ обстоятельства!... Шамиль уѣхалъ въ Калугу, уполномоченные тоже, вѣроятно, уѣхали изъ Цюриха, сама Москва — хотя и нѣкуда еще не уѣхала (потому что по желѣзной дорогѣ ей можно покамѣстъ ѣхать только на Петербургъ, на что она ни подъ какимъ видомъ не рѣшится), — но все-

таки Москва занята теперь недавними банкротствами достойныхъ сыновъ ея, — слѣдовательно и она мѣшать намъ не можетъ... Начнемъ же снова насвистывать, со свойственными намъ безпечностью и благодушiемъ, тѣмъ болѣе, что г. Конрадъ Лиліеншвагеръ, много намъ вредившій своими выходками, темеръ исправился, какъ сейчасъ убѣдятся читатели. Его стихотворенiемъ мы нарочно начинаемъ нынѣшній «Свистокъ».

I.

РАСКАЯНІЕ КОНРАДА ЛИЛІЕНШВАГЕРА.

Извѣстно, что г. Лиліеншвагеръ своимъ смѣлымъ и звучнымъ стихомъ воспѣлъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ «бѣса отрицанья и сомнѣнья», который вовсе не долженъ былъ бы и носа показывать въ публику въ настоящее время, когда (какъ очевидно изъ примѣра акціонеровъ общества «Сельскій Хозяинъ») все создается на взаимномъ довѣрiи и сочувствiи. За непростительную дерзость г. Лиліеншвагера, досталось и намъ и ему въ № 95 «Московскихъ Вѣдомостей». Мы, разумѣется, тотчасъ же сказали, что наше дѣло сторона, и тѣмъ себя немедленно успокоили. Но г. Лиліеншвагеръ, какъ пылкая, поэтическая и притомъ почти нѣмецкая натура, принявъ упреки Московскихъ Вѣдомостей очень близко къ сердцу, и — кто бы могъ это подумать? — въ убѣжденiяхъ его совершился рѣшительный переломъ. Какъ Пушкинъ отрекся отъ своего «Демона», вслѣдствіе нѣкоторыхъ совѣтовъ изъ Москвы, такъ и г. Лиліеншвагеръ отрекся отъ своего бѣса, и сдѣлался отнынѣ навсегда (до первой перемѣны, разумѣется) вѣрнымъ и неліцемернымъ нашего пѣвцомъ прогресса. Вотъ стихотвореніе, которымъ ознаменовалъ онъ моментъ своего раскаянiя.

МОЕ ОБРАЩЕНЕ.

Во дни пасхальныхъ балагановъ
 Я буйной лирой оскорблялъ
 Прогресса русскаго титановъ
 И нашу гласность осмѣялъ.
 Но отъ стиховъ моихъ шутовскихъ
 Я отвратилъ со страхомъ взоръ,
 Когда въ Вѣдомостяхъ Московскихъ
 Прочелъ презрительный укоръ.
 Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ
 О томъ, что презрѣлъ я въ Москвѣ...

Себѣ, въ порывахъ покаянныхъ,
Надралъ я плѣшь на головѣ!...
Но плѣшью приобрѣлъ я право
Смотрѣть на будущность свѣтло!...
Съ тѣхъ поръ, не мудрствуя лукаво,
Я прояснилъ свое чело:
Меня живить родная пресса,
И, полнъ святаго забытья,
Неслышной поступи прогресса
Съ благоговѣньемъ внемлю я...

КОНРАДЪ ЛІЛЕНШВАГЕРЪ.

II.

ЗАБРАКОВАННЫЕ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ЭПИЛОГОМЪ; СЪ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ПѢСНЯМИ
И ПЛЯСКАМИ И ВЕЛИКОЛѢПНЫМЪ БЕНГАЛЬСКИМЪ ОГНЕМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГРИГОРІЙ. дѣточекъ села Пьянова, 32 лѣтъ.
МИХАЙЛО ТРИУМФИРАТОВЪ, сынъ его, 19 лѣтъ, кончившій курсъ въ гу-
бернской гимназіи.
КАЛИСТРАТЪ, второй сынъ ГРИГОРІЯ, 7 лѣтъ.
КОНСТАНТИНЪ ХАРЧИНЪ, 20 лѣтъ, сынъ уѣзднаго приказнаго.
АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢИЧЪ ТУЗОВЪ, сынъ помѣщика села Пьянова, 20 лѣтъ.
НИКАНАРЪ ИВАНОВИЧЪ КАДЫКОВЪ, профессоръ.
дѣвушки 1-я, 2-я и 3-я.
Безъ рѣчей: охотники, поселяне, собаки и лошади.

Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ села Пьянова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ обширный лугъ, скошенное сѣно частію по-
ставлено въ стоги, частію просушивается. Мѣстами разбросаны раз-
ныя принадлежности сѣнокоса: грабли, косы; стоитъ отпряженная телѣга.
Не вдалекѣ видна рѣка.

СЦЕНА I.

ГРИГОРІЙ и КАЛИСТРАТКА.

ГРИГОРІЙ (бросая грабли).

Трапезовать прилично человѣку,
Егда почуветь въ некоторый гладь,

Дай закушу. А ты бѣги на рѣку
 Да зачерпни волицы, Калистратъ!
 Или домой — чтобъ нацѣдили квасу.
 (Калистратка, живой мальчикъ, въ халатѣ,
 босикомъ, убѣгаетъ съ жбаномъ.)

Великъ Господь! Подрѣзали траву —
 И рожь поджали ко второму Спасу,
 Тамъ молотъбой займемся къ Покрову,
 А тамъ просторъ крещенскому морозу,
 Тамъ Постъ Великъ, а тамъ опять весна,
 Весна — пора свезенія навозу
 Съ дворовъ на пашню. Чудно создана
 Природа мать! Я къ «Тайнствамъ Натуры»
 Имѣлъ когда-то «Ключъ» да затерялъ.
 Тамъ сказано... (*вздрагиваетъ.*)

СЦЕНА II.

Григорій и Дѣвушки 1-я, 2-я и 3-я.

(Черезъ сцену проходитъ нѣсколько крестьянскихъ дѣвушекъ въ чистыхъ бѣлыхъ рубашкахъ и цвѣтныхъ платкахъ, съ нѣснею.)
 Экъ, какъ горланять дуры!

1-я ДѢВУШКА.

Богъ на помочѣ.

ГРИГОРІЙ.

Спасибо бы сказалъ

Да испугали.

2-я ДѢВУШКА (*очень красивая.*)

Мы не вѣдьмы, дядя.

ГРИГОРІЙ.

Не вѣдьмы-то — не вѣдьмы, вижу я.

3-я ДѢВУШКА.

Пойдемъ, чего остановилась, Надя?
 Смерть жарко... въ воду такъ и брошусь я...

ГРИГОРІЙ.

Да видишь я задумался... Нарила
Безсмертная ко Господу душа,
Главу мою внезапно озарила
Мысль нѣкая... Я думалъ не спѣша
Въ нее войти — вдругъ пѣнье...

3-я ДѢВУШКА.

Ну прощайте.

ГРИГОРІЙ.

Да вы куда?

2-я ДѢВУШКА.

Купаться.

(Дѣвушки уходятъ съ пѣсней; слышны ихъ
голоса, смѣхъ и черезъ нѣсколько минутъ
плесканье въ водѣ).

ГРИГОРІЙ.

Съ вами Богъ!

Играйте, смѣйтесь, пѣсни распѣвайте...
Чу! бухаются въ рѣку со всѣхъ ногъ!
Какъ тѣло—то съ размаху молодое
Объ воду ударяется... Эхъ-эхъ!

СЦЕНА III.

Тѣже и Михайло Триумвиратовъ, въ гимназическомъ старомъ сер-
тухѣ, очень грустный.

ГРИГОРІЙ.

Ба! Миша! Ты откуда? Что такое?
Не выдержалъ?...

ТРИУМВИРАТОВЪ.

Забраковали всѣхъ!

ГРИГОРІЙ (въ отчаяніи, послѣ минуты молчанія).

Не выдержалъ!.. Последнія деньжонки
Я на него лѣтъ десять убивалъ,
Я покупалъ учебныя книжонки,
Халаты шилъ и сапоги точалъ!

Чтобы его въ гимназію отправить
 Я продалъ жеребенка-сосуна,
 Который могъ со временемъ доставить
 Мнѣ денежки: рѣзвѣ скакуна
 Теперь на всемъ заводѣ у Тузова
 Нѣтъ, говорятъ. Недавно вотъ на немъ
 Проѣхалъ баринъ: мешутъ огонь подковы!
 А ты гляди да шелкай языкомъ!
 Лишивъ меня сокровища такого,
 Ты вѣжностью сыновней не умѣлъ
 Родителя утѣшить: изъ Тамбова,
 Припомни, какъ ты пѣшій прилетѣлъ —
 «Я не могу въ гимназіи остаться
 И тамъ поспѣли»; я еще побилъ
 И приказалъ обратно отправляться,
 Да самъ пѣшкомъ туда же поспѣшилъ.
 Насилу все уладилъ, награжденье
 Единое имѣя впереди,
 Что въ высшее ты вступишь заведенье
 Въ столичномъ градѣ. Богъ тебя суди!
 Копя гроши въ послѣднюю годину,
 Я въ путь тебя отправилъ наконецъ.
 Но паки ты повергъ меня въ кручину —
 Не выдержалъ экзамену, подлець!

ТРИУМВИРАТОВЪ.

Не я одинъ. Вотъ тоже сынъ Тузова,
 Сынъ нашего понытчика — Харчинъ
 И многіе.

ГРИГОРІЙ.

Не ты одинъ? Ни слова!
 Что выдумалъ еще — не онъ одинъ!
 Тузову все простительно: богаты
 Сосѣди наши: возвратился вспять
 И радъ отецъ, и мать и сестры рады,
 И наши же поля начнетъ топтать
 Съ отцовской стаей вѣтренный невѣжда.
 Но ты, но ты... сынъ нищаго дьячка,
 Семья своей единая надежда,
 Съ тобой теперъ раздѣлка коротка!

(Замахивается).

Что пятишься? Я вымѣстить намѣренъ
Отцовскую печаль свою
Немедленно... а завтра, будь увѣренъ,
Я абіе тебя побью!

ТРИУМВИРАТОВЪ.

Отецъ! отецъ! оставь угрозы,
Напрасно сына не брани.
Я плачу, видишь эти слезы —
Уже не первыя они.
Ребенкомъ вѣтреннымъ, съ косичкой,
Когда еще и глупъ и малъ,
Я гнался за невинной птичкой
И съ грядокъ рѣпу воровалъ, —
Уже тогда твой взоръ суровой
За мной заботливо слѣдилъ:
Ты билъ дубинкою сосновой,
Лапшой березовой кормилъ
А въ бурсѣ... Тамъ, отъ боли воя,
Къ сѣченью приводимъ былъ вновь;
По суткамъ на горохѣ стоя,
Простаивалъ колѣни въ кровь.
Охъ! памятна мнѣ эта бурса —
Во вѣкъ не позабыть о ней,
Но гимназическаго курса
Воспоминанія свѣжѣй.
Что сдѣлать розгой или палкой
Возможно — сдѣлано давно.
Въ душѣ я трусь какой-то жалкой:
Мнѣ честь, безчестье — все равно;
Что бь предо мною ни творили —
Смотрю съ безмысліемъ гупца:
Вотъ праваго приговорили,
Вотъ оправдали подлеца:
Молчу — полнѣйшая безгласность!
Какъ будто нѣтъ во мнѣ души!
Надъ всѣмъ господствуетъ опасность
Хватить березовой лапши.
Ну, словомъ, розочной науки
Я всю исчерпалъ благодать.
Зачѣмъ же старческія руки
Тебѣ напрасно утруждать?

СОВРЕМЕННОКЪ.

ГРИГОРІЙ.

А все побью. Но изложи сначала
Причину — почему не принять?

ТРИУМВИРАТОВЪ.

Наступилъ

Вѣкъ строгости какой-то небывалой...
Да вотъ Харчинъ: ужъ какъ прилеженъ былъ!
Онъ до того зазубривался часто,
Что отливали мы его водой.
И что жъ? увя!... Ну, ужъ пускай бы насъ-то:
Нѣтъ, и его... нѣшкомъ пошелъ домой...
Бѣдняжка! какъ онъ трусилъ! какъ боялся!
Отецъ сердитъ и бѣденъ. Что-то съ нимъ?
Я къ Харчину душевно привязался:
Всегда задумчивъ, боленъ, немилъ,
Боюсь, что онъ не выдержитъ печали.

КАЛИСТРАТКА (за сценой).

Вотъ батюшка... ахъ, братецъ!... ты...
(Входятъ Калистратка и Харчинъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ГРИГОРІЙ, ТРИУМВИРАТОВЪ, ХАРЧИНЪ, КАЛИСТРАТКА.

ТРИУМВИРАТОВЪ.

Харчинъ!

Откуда ты?

КАЛИСТРАТКА.

Да вотъ они искали:

Я встрѣтилъ и привелъ...

(Ласкается къ брату.)

ХАРЧИНЪ.

Одинъ теперь, одинъ

На цѣломъ свѣтѣ! Батяка разсердился
И выгналъ!

ГРИГОРІЙ.

Благородный господинъ!

Кто ты такой? Откуда появился?

ХАРЧИНЪ.

Кто я? злосчастный Константинъ Харчинъ!
Въ послѣдній разъ узрѣвъ родную землю,

Готовлюсь къ смерти я...

Да вотъ вамъ вся исторія моя,
Когда вы знать ее хотите.

ГРИГОРІЙ.

Внемлю.

ХАРЧИНЪ.

« Не спору — дѣло честное
« Карать и обличать,
« Но нужно знанье мѣстное —
« Вотъ мнѣ такъ грѣхъ не братъ!
« Какъ черствымъ хлѣбомъ давится
« Голодная семья,
« Такъ безкорыстьемъ славиться
« Позоръ » — вотъ мысль моя!
Такія разсужденія
Отецъ мой развивалъ
И кожу безъ зазрѣнія
Съ живыхъ и съ мертвыхъ дралъ.
Онъ за дѣльца удалаго
Въ уѣздѣ нашемъ слылъ,
Но былъ чинишка малаго
И очень бѣдно жилъ.
« Эхъ! доля неоплатная,
Ты долюшка моя! » —
Пѣвалъ онъ: необъятная
Гвела его семья.
По счастью, отличная
Жена, дѣтей штукъ пять,
Да теща параличная,
Да взбалмошная мать,
Да братъ съ ногой оторванной
Подъ Данцигомъ, да дѣдъ
Прожорливый, оборванный
Ста-двадцати-трехъ лѣтъ!
Такая ужъ живучая
Порода ихъ была.
Въ отцѣ судьба могучая

Кормильца имъ дала.
 И онъ свершалъ призваніе —
 Безропотно кормилъ,
 И даже ихъ ворчаніе,
 Ихъ злость переносилъ !
 Крутенько приходилося :
 Случалось — хлѣба нѣтъ,
 Семья вся притаилася,
 Разбунтовался дѣдъ !
 « Всѣхъ накормлю, родимые ! »
 Промолвить — и уйдетъ,
 И вдругъ непостижимые
 Пути изобрѣтетъ :
 Глядишь, деньгà явилася!
 Утихъ задорный дѣдъ,
 Семья одушевилася...
 Такъ жилъ онъ сорокъ лѣтъ;
 Не измѣнялъ обычая,
 Кормилъ и холилъ насъ,
 Лишь въ годъ до безъязычія
 Пьянъ напивался разъ.
 Тутъ только маску чинную
 Снималъ онъ наконецъ :
 Прибѣтъ жену невинную,
 Облаетъ насъ отецъ !
 Разсказъ враля досаднаго
 О Данцигѣ прерветъ,
 И мучить дѣда жаднаго —
 Обѣдать не дастъ !

Помощникомъ родителя

Лѣтъ съ девяти я былъ :
 У каждаго просителя
 Особо я просилъ,
 И матушкѣ грошевыя
 Доходы отдавалъ...
 Да, съ молоду суровыя
 Картины я видалъ !
 Къ чему о нихъ рассказывать?
 Но долженъ я сказать,
 Что темныхъ дѣлъ показывать,
 Въ нихъ сына посвящать —

Ни малаго желанія
Родитель не питалъ:
«Тебѣ тутъ не компанія —
Иди!» онъ замѣчалъ,
Когда къ нему стекались
Сутяги и дѣльцы.
Но отъ меня старались
Напрасно скрыть концы;
Во всѣ ихъ тайны грязнымъ
Чутьемъ я проникалъ...
Въ продѣлки безобразныя
Какъ самъ я не попалъ,
Несдѣлался воришкою —
То знаетъ только мать.
Почти еще мальчишкою
Я началъ понимать
Все, что въ семьѣ творилось...
Желанье ей помочь
Въ душѣ моей родилось —
Я началъ день и ночь
Учиться, чтобъ отправиться
Весною далеко...
«Разбогатѣть, прославиться
«Тамъ, дитятко, легко!» —
Съ какой-то вѣрой пламенной
Мнѣ говорила мать,
Отецъ до Бѣлокаменной
Рѣшился провожать.
Пришла въ смятенье чудное
Вся бѣдная семья,
И вдругъ признанье трудное
Свершила мать моя:
«Возьмите вотъ, касатики,
«Скопила два рубля!
«Смотри изъ математики
«Не получи нуля!»
Описывать не для чего,
Какъ мы безъ денегъ шли,
Способности подъячаго
Отцу тутъ помогли:
Въ одномъ селѣ прикинулся
Лазутчикомъ: ему,

Чтобъ только дальше двинулся,
 Грошей собрали тьму.
 У Иверской свидѣтелемъ
 Онъ руку приложилъ,
 Что кто-то благодѣтелемъ
 Своимъ засѣченъ былъ.
 Была еще исторія,
 Но вспоминать зачѣмъ? —
 И со стыда и съ горя я
 Сгорѣлъ тогда совсѣмъ...

Одивъ, въ погоду скверную
 Въ столицу я вступилъ,
 И горечь непомѣрную
 Въ ней бѣдности испилъ...
 Питаясь чуть не жестію,
 Я часто ощущалъ
 Такую индигестію,
 Что умереть желалъ.
 А тутъ ходьба далекая....
 Я по ночамъ зубрилъ;
 Коморка невысокая,
 Я въ ней курилъ, курилъ!
 Лежали книги кучею
 Одни передо мной,
 Да дымъ носился тучею
 Надъ тусклою свѣчей.
 Способности усталыя
 Я утромъ освѣжалъ:
 Безъ чаю съ Охты Малыя
 На Островъ пробѣгалъ,
 Какъ пѣшій—то по конному
 Верстѣ восемь продерешь,
 Такъ обаянью сонному
 Съ трудомъ не поддаешь!
 Тутъ голова безпутная
 Начнетъ ходить кругомъ,
 Въ ней безразличность мутная
 И тупость и содомъ!
 Для экстренной оказіи
 Ужь съѣхались туда
 Учителя гимназій,

...Запнулся — и бѣда!
 Стоишь вороной жалкою,
 А въ головѣ стучить,
 Какъ будто сзади скалкою
 Въ затылокъ кто тузить!
 Въ глазахъ снуютъ видѣнія,
 Въ ухахъ: лю-ли! лю-ли!
 И нѣтъ тебѣ спасенія —
 Нули! Нули! Нули!...

За строгость не получите
 -Профессорскій дипломъ,
 Лишь бѣдняковъ отучите
 За сотни верстѣ пѣшкой
 Идти толпой голодною
 На берега Невы,
 Съ надеждой благогородною
 Къ развитью головы....
 Придешь домой — отъ сродниковъ
 Лежитъ ужъ письмецо:
 «Моли, сынокъ, Угодниковъ,
 «Учись, забудь винцо!»
 Эхъ! что вы, мои милые?
 Какое тутъ питье!
 Измаялъ больно силы я —
 Вотъ горюшко мое!
 Измаялъ — и рѣшеніе
 Свершилось: мой языкъ,
 Мой умъ пришли въ смятеніе —
 Увы! я сталъ въ тупикъ!...
 Что толковать съ невѣждою?
 Учитель нуль всучилъ...
 Съ угаснувшей надеждою,
 Я вдругъ лишился силъ.
 Сказались мнѣ безсонныя
 Четырнадцать ночей
 И походецъ конныя
 На парѣ на своей!
 Смутилъ аудиторію —
 Осмѣлился упасть,
 И въ новую исторію
 Не преминалъ понасть.

Сочли меня за пьянаго,
 Въ горячкѣ я кричалъ...
 У сторожа Иванова
 Очулся: смерть я звалъ —
 Конецъ бы одинаковой!
 Но живъ я до сихъ поръ,
 Лишь съ шен крестъ тумшаквой
 Стащилъ какой-то воръ.

(Падаетъ въ изнеможеніи на кошку съна и остается съ закрытыми глазами и блѣдымъ лицомъ. Слышны звуки охотничьихъ роговъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и молодой Тузовъ (быстро въѣзжаетъ верхомъ, окруженный собаками).

ТУЗОВЪ.

Что?... Нѣтъ и здѣсь? Проклятый звѣры!

Какъ будто въ землю провалился!

Эй, Трошка! Да куда жь онъ скрылся?

Гдѣ намъ искать его теперь?

(Появляются еще охотники и собаки).

Подлецъ! надулъ моихъ проворныхъ хватовъ,

Надулъ собакъ. Ужь я жь тебя, косой!

Доѣду... А, камрадъ, Триумвиратовъ!

Здорово, братъ! Поѣдемъ—ка со мной!

Что горевать? Великое несчастье —

Не приняли! Я даже радъ, ей-ей!

Мгновенно я почувствовалъ пристрастье

Къ охотѣ псовой... Книги поскорѣй

Забросилъ... Цѣлый день теперь ликую!

Здоровъ, какъ всякъ, и волсъкъ какъ орелъ.

Съ собаками до сумерекъ гарцую.

А вечеромъ вино, хорошей столъ,

Да разговоръ про травлю, про угонки

И мало ль что... я васъ утѣшу вмигъ.

Какія тамъ чудесныя дѣвчонки

Куцаются!.. Ну, отпусти, старикъ!

Сергѣй! Мирошка! Кто нибудь, — слѣзайте.

Дай лошадь имъ...

ГРИГОРІЙ.

Когда угодно вамъ,

Ослушась не смѣю. Поѣзжайте!

Что плягаться?

ТРИУМВИРАТОВЪ.

Не до охоты намъ!

ГРИГОРІЙ.

Ученьемъ не хотѣлъ ты заниматься,

Такъ вотъ изволь за зайцами гоняться!

(вполголоса).

А вечеромъ напомни-ка ему:

Онъ общалъ мнѣ два куля мучицы.

ТРИУМВИРАТОРЪ (шопотомъ).

Нѣтъ, нѣтъ! избавь, родитель! не возьму

Подобной роли....

СЦЕНА III.

(Толпа крестьянскихъ дѣвушекъ, возвращаясь съ купанья, съ пѣснями переходитъ черезъ сцену)

ТУЗОВЪ.

Здравствуйте, дѣвицы!

Куда спѣшите? спойте пѣсню намъ.

1-я ДѢВУШКА.

Изволь, — споемъ, а ты намъ на орѣхи

Пожалуй, баринъ.

ТУЗОВЪ.

Что хотите — дамы!

2-я ДѢВУШКА.

Такъ мы попляшемъ для твоей потѣхи.

(Дивертиссементъ. Дѣвушки поютъ и пляшутъ. Тузовъ слѣзаетъ съ лошади и пристроивается къ одной изъ нихъ, которая покрасивѣе. Та довольно грубо отталкиваетъ его локтемъ, такъ что онъ падаетъ и остается на коннѣ сѣна, лицомъ къ небу; дѣвушки продолжаютъ плясать).

ТУЗОВЪ (впавъ въ чувствительное настроеніе.)

Въ виду сихъ тучъ, при легкомъ вѣтеркѣ

По небесамъ бѣгущихъ такъ безопасно,

И этихъ женщинъ, только-что въ рѣкѣ

Омывшихся, довольныхъ безконечно,

Вдыхая сѣна чистый ароматъ

И слушаая простыя хороводы,

Я чувствую, что я остаюсь радъ

Подъ крыльями у матери природы
 Всю жизнь мою. Благословляю часть,
 Когда въ виду судей моихъ суровыхъ
 Произнести я принужденъ былъ: пасъ! —
 По милости причинъ какихъ-то новыхъ...
 Какъ я былъ глупъ, когда воображалъ,
 Что я проникнулъ въ таинства науки!
 Да и къ чему? Вотъ счастья идеалъ!
 А впрочемъ — я готовился безъ скуки,
 Съ любовію; я не былъ ни лѣнивъ,
 Ни слишкомъ тупъ; отецъ платилъ исправно,
 Учитель былъ уменъ, краснорѣчивъ,
 Ужъ множество онъ приготовилъ славно; —
 Да вдругъ....

(Въ толпѣ дѣвушекъ раздаются дикая крики. Во время пляски, достигнувъ до край рѣвки, одна изъ нихъ наступила на притаившагося въ кусту зайца, который кинулся со всѣхъ ногъ въ бѣгство.)

ДѢВУШКИ.

Ай, ай, ай, ай, ай, ай!

ТУЗОВЪ.

Что тамъ такое?

ДѢВУШКИ.

Заяцъ косоглазый!

ТУЗОВЪ.

Такъ вотъ онъ гдѣ укрывся! Подайвай
 Мнѣ лошадь поскорѣе, черномазый!

(Всеобщее смятеніе: собаки при первомъ погнѣніи бросились за зайцемъ (гончія съ лаемъ), охотники кинулись къ лошадямъ: одинъ изъ нихъ въ торопяхъ оставилъ недокуренную трубку у стога, гдѣ сидѣлъ; сѣно загорѣлось въ минуту. Охвативъ стогъ, пламя побѣжало въ тоже время по разбросанному сѣну и мгновенно передалось другимъ стогамъ.)

ГРИГОРІЙ.

Пожаръ! пожаръ!

(При великолѣпномъ бенгальскомъ огнѣ, охотники уѣзжаютъ, дѣвки разбѣгаются.)

ТРИУМВИРАТОВЪ.

Пожаръ! пожаръ! спасите!
 Да что жь ты не встаешь, Харчинъ? Сгоришь!
 Ба! умеръ онъ! Родитель мой! взгляните!
 Былъ человекъ, и вдругъ погибъ, какъ мышь,
 Я думалъ — онъ уснулъ; а онъ съ землей разстался...

ГРИГОРІЙ.

Что, умеръ онъ?!... Никакъ ты помѣшался!
 Да, точно умеръ.... Господи прости!
 Сгорѣло сѣно, человекъ скончался,
 И сбился сынъ съ пути!
 (Падаеть безъ чувствъ. Последній стогъ
 сѣна, ближайшій къ нимъ, загорается).

ТРИУМВИРАТОВЪ.

Еще бѣда! Сгорятъ... Мутится разумъ!
 Авось снесу ихъ разомъ!
 Двухъ разомъ....
 (Уноситъ. Занавѣсъ опускается).

ЭПИЛОГЪ.

(ЧЕРЕЗЪ ГОДЪ.)

Театръ представляетъ улицу села Пьянова. — Жаркій лѣтній день.
 Григорій стоитъ у своихъ воротъ, мимо ѣдетъ телега парой; подлѣ
 телеги вѣшномъ идетъ г. Кадыковъ.

КАДЫКОВЪ.

А, старый другъ, Григорій! Богъ привелъ
 Увидѣться еще. А я плетуся
 Домой въ побывку. Я тебя нашелъ
 На этотъ разъ постарѣй, признаюся.
 О чемъ грустишь?

ГРИГОРІЙ.

Да сынъ меня крушитъ.
 Ужъ цѣлый годъ съ помѣщикомъ сосѣдомъ,
 За зайцами гоняется, кутить —
 Ну, сдѣлался формальнымъ дармоѣдомъ!
 Какъ прошлый годъ не приняли его —

Попежь, попежь.... и иѣтъ конца кученю!
 А — видигь Богъ — сначала у него
 Была большая страсть къ ученю!
 Да вишь порядки новыя у васъ....
 Они и хороши, не смѣю сомнѣваться,
 Да только съ ними вы какъ разъ
 Безъ слушателей можете остаться....

КАДЫКОВЪ.

Аудиторія далеко не полна,
 То правда, братъ Григорій;
 За то взглянулъ бы ты — какая тишина
 И никакихъ исторій!
 (Садится къ телегу и уѣзжаетъ).

ЧУРМЕНЬ.

III.

МАТЕРИАЛЫ ДЯ НОВАГО СБОРНИКА «ОБРАЗЦОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ».

(По поводу статей о «Сельскомъ Хозяинѣ».)

Къ числу самыхъ отраднѣхъ явленій послѣдняго времени безспорно принадлежатъ журнальныя статьи о «Сельскомъ Хозяинѣ». Всѣ наши публицисты въ справедливомъ восторгѣ отъ столь радостнаго факта. Но мнѣнію ихъ, статьи о «Сельскомъ Хозяинѣ» должны истинно радовать сердце всякаго человѣка, истинно-любящаго прогрессъ родной литературы (*). Въ статьяхъ гг. *Левашова*, *Боданова*, *Кокорева*, *Байкова*, — поднятъ вопросъ новый, незнакомый намъ до сихъ поръ, вопросъ о дѣлѣ, только еще начинающемся въ нашемъ любезномъ отечествѣ. И при всемъ томъ—какъ пишуть!... Какая смѣлость, какое благородство выраженій! Какое достоинство

(*) Просимъ замѣтить, что здѣсь, какъ и вездѣ, мы рассматриваемъ предметъ исключительно съ литературной, даже правильнѣе—съ беллетристической точки, такъ какъ она гораздо свѣтлѣе. Мы — спокойные литераторы, не государственныя люди, не акціонеры, не дѣтели практической жизни. Намъ иѣтъ дѣла до того, что потеряютъ акціонеры общества «Сельскій Хозяинъ»; мы не хотимъ вмѣшиваться въ эти мелочныя дразги, которые могутъ только испортить пищевареніе. Наше дѣло — литература, живое слово, и болѣе ничего; насъ одушевляетъ любовь къ прекрасному, и во имя этой—то любви мы восхищаемся указанными статьями.

тона! Дѣйствительно, сердце каждаго русскаго, любящаго литературу своего отечества, не можетъ не ощутить радостнаго трепета при чтеніи подобныхъ статей! Мы считаемъ своимъ долгомъ занести ихъ въ «Свистокъ», чтобъ сохранить для будущихъ вѣковъ (*) обрашки образцовыхъ сочиненій нашего времени...

Впрочемъ, чтобъ оцѣнить вполне достоинство статей о «Сельскомъ Хозяинѣ», нужно рассказать все дѣло для читателей, подобно намъ незнакомыхъ съ акціонерной дѣятельностью нашего отечества. Мы возьмемъ свѣдѣнія изъ обстоятельной статьи объ этомъ предметѣ, напечатанной г. Серно-Соловьевичемъ. Эта статья, равно какъ и замѣтка г. Ахшарумова въ № 211 «Спб. Вѣдомостей», — суха и вообще не очень замѣчательна, хотя и она по мѣстамъ блеститъ красотами карамзинскаго слога. Но дѣлать нечего — для ознакомленія съ дѣломъ приходится обратиться и къ такой статьѣ.

Общество «Сельскій Хозяинъ» учреждено въ 1857 году гг. *Коревымъ, Бенардаки, Байковымъ, Фонъ-Дезеномъ и Шолле*. Программа дѣятельности его была очень обширна, но главная задача его состояла въ приготовленіи изъ мяса консервовъ и торговлѣ ими съ Франціею. Дѣло обѣщало большія выгоды, и акціи быстро разобрались, съ преміею до 10 р. с.

19 октября было первое общее собраніе, въ которомъ выбраны въ члены главнаго управленія гг. *Байковъ, Фонъ-Дезень, Алферакъ, Скарманна, Шолле* и *Делессеръ*, и положено, по убѣжденіямъ г. *Байкова*, перевести правленіе общества въ Таганрогъ.

Ностановленіе это было исполнено не ранѣе марта 1858 г., а между тѣмъ засѣданія главнаго правленія происходили въ Петербургѣ, гдѣ изъ шести членовъ находились только гг. *Байковъ* и *Фонъ-Дезень*.

Въ это время образованъ личный составъ управленія, при чемъ сдѣланы условія весьма стѣснительныя для общества. Такъ наиримѣръ, г. *Кимъ*, управляющій главною конторою, приглашенъ на 6 лѣтъ, съ платою ему 6,000 р. с. въ годъ и 3% съ чистой прибыли; въ случаѣ его смерти, наследники его получаютъ полугодовое жалованье и 1% прибыли; если онъ оставитъ службу общества, то ему 5 лѣтъ выдается 1% прибыли; если общество откажетъ ему, то обязано уплатить жалованье и проценты по срокъ контракта.

Въ это же время сдѣланъ планъ дѣйствій, признанный потомъ негоднымъ. Въ это же время куплена привиллегія Фастье на приготовленіе консервовъ — за 20,000 р. с., съ ежегодною платою сверхъ

(*) Исчислено, что «Свистокъ» будетъ долговѣчѣе всѣхъ газетъ и журналовъ.

того въ теченіе 12 лѣтъ по 1000 р. с. Къ чему она послужила, до сихъ поръ неизвѣстно.

Вообще, до составленія новаго правленія въ Таганрогѣ, денегъ было издержано 154 т. р. сер., да г-мъ Шолле во Франціи было израсходовано 165,650 франковъ — безъ всякой предварительной смѣты.

21 января 1858 г. было новое общее собраніе акціонеровъ. Здѣсь было вытребовано — на постройку ростовскихъ фабрикъ съ принадлежностями 400,000 р. с., на покупку и кормъ скота—400,000 р. с., на издержки фабрикаціи и управленія — 100,000 р. с. Подробныхъ смѣтъ не было, и даже не сказано было, на какой срокъ испрашивались суммы для покупки и корма скота и на управленіе. Но тѣмъ не менѣе — общее собраніе акціонеровъ безпрекословно утвердило всѣ требованные расходы.

Въ этомъ же собраніи представлено было о раздѣленіи управленія между тремя директорами—распорядителями. Составили особый комитетъ изъ акціонеровъ и выбрали во Франціи г. Шолле съ вознагражденіемъ 1% съ товаровъ, проданныхъ за границей, а въ Россіи—гг. Байкова и Фомъ-Дезена, съ жалованьемъ 6,000 р. с. въ годъ. Впрочемъ впоследствии оказалось, что гг. Байковъ и Фомъ-Дезенъ брали свое жалованье уже съ октября 1857 г.

Въ томъ же комитетѣ былъ предложенъ директорами вопросъ о разрѣшеніи употреблять свободныя суммы общества на посторонніе обороты, но комитетъ не разрѣшилъ этого. Несмотря на то, впрочемъ, г. Байкову выдано было 42,000 р. с. ссуды изъ кассы общества, подъ залогъ его акціи того же общества, хотя г. Байковъ, вмѣстѣ съ г. Фомъ-Дезеномъ, не оплатили своихъ акцій вторымъ взносомъ. Мало того, — 22,000 изъ выданныхъ денегъ, до недавняго обозрѣнія петербургскимъ правленіемъ кассы, не были истребованы обратно, хотя уже чувствовался недостатокъ въ деньгахъ.

По переводѣ правленія въ Таганрогъ, главными дѣятелями остались опять гг. Байковъ и Фомъ-Дезенъ: первому поручена главная контора и вся текущая часть по дѣйствіямъ и оборотамъ общества; второму—завѣдываніе постройкою ростовскихъ фабрикъ и покушкою скота. Дѣйствія ихъ были не совсѣмъ удовлетворительны, такъ показали послѣдствія: заготавливаемый скотъ былъ плохъ и дорогъ; издержки управленія были такъ велики, что когда потомъ потребовали сокращенія расходовъ, то самъ т. Байковъ нацѣль, что можно ихъ сократить, безъ всякаго неудобства, на 30,000 р. с. За границей содержали нѣсколькихъ агентовъ съ платой имъ 3,000 р. с. въ годъ, — а дѣлъ еще никакихъ не было; на югѣ Россіи арендовались степи, которыя по ненужности надо было потомъ сдавать въ третьи руки. Покупалась для размола пшеница, когда еще только стали говорить

о постройкѣ мельницы; занимались лавки и магазины для товаровъ, которыхъ еще не существовало!...

17 июня 1858 г. было чрезвычайное общее собраніе акціонеровъ для разсужденій о постройкѣ мукомольной мельницы въ Таганрогѣ. Постройка мельницы была, впрочемъ, и безъ общаго собранія рѣшена еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и къ постройкѣ ея уже приглашенъ былъ, по рекомендаціи г. *Кинна*, г. *Штетцера*, хотя онъ, какъ впоследствии оказалось, не имѣлъ никакого понятія о дѣлѣ. Такимъ образомъ разрѣшеніе общаго собранія акціонеровъ было не болѣе, какъ одною формальностью.

Впрочемъ въ половинѣ прошлаго года уже носились слухи, весьма неблагоприятныя для правленія общества. Поэтому собраніе 17 июня началось тѣмъ, что г. *Байковъ* прочелъ весьма краснорѣчивое опроверженіе слуховъ, распускаемыхъ недоброжелателями общества. Акціонеры повидимому убѣдились, — тѣмъ болѣе, что свое краснорѣчивое опроверженіе г. *Байковъ* заключилъ обѣщаніемъ, что факты сами будутъ говорить за себя.

И дѣйствительно, — акціонерамъ представлена записка, изъ которой оказывалось, что по смѣтамъ, составленнымъ вновь и уже *окончательно*, — ростовскія фабрики будутъ стоить не 400, а только 260 тысячъ р. с. Къ этому прибавлялось еще, что цѣны въ смѣтахъ съ намѣреніемъ выставлены самыя высокія, такъ что можно поручиться за 20% экономіи съ сумми 130,000 р. с., назначенныхъ собственно на постройку. Сверхъ того, въ этой же смѣтѣ включены еще 15,000 на непредвидѣнныя издержки. Словомъ, въ общемъ собраніи 17 июня акціонеры внезапно, противъ всякаго чаянія, приобрѣтали 180,000 р. с. на одной постройкѣ ростовскихъ фабрик!.. А между тѣмъ отъ фабрикъ атихъ обѣщали имъ еще 20% чистой прибыли!...

Затѣмъ требовалось на постройку мельницы 330,000 р. с. Представлено было, что чистая прибыль отъ нея, при 12-ти часовой работѣ, должна простираться до 21%, а при 20-ти часовой — до 28%. Возможно ли было не увлечься такой перспективою? Акціонеры и увлеклись дѣйствительно: всѣ требуемые расходы были утверждены.

Мало того: краснорѣчивые доводы г. *Байкова* были такъ убѣдительны, что съ этого времени вся власть по управленію дѣлами переходитъ въ руки г. Байкова. Сначала, подъ предлогомъ отсутствія нѣкоторыхъ членовъ, прекратили ежедневныя засѣданія и поручили *ведение текущихъ дѣлъ* г. *Байкову* и главной конторѣ подъ его непосредственной отвѣтственности, а въ непредвидѣнныхъ случаяхъ разрѣшили г. *Байкову* *дѣйствовать именемъ главнаго правленія*; затѣмъ, въ видахъ устройства кассы и отчетности на коммерческомъ основаніи, главное правленіе положило *не поворачивать кассы*,

а предоставитъ это директору-распорядителю. Наконецъ, главнымъ правленіемъ признано, что раздѣленіе занятій между тремя директорами-распорядителями неудобно, ибо разъединяетъ единство управленія и подчиняетъ его личнымъ, иногда несогласнымъ между собою взглядамъ каждаго директора. Вслѣдствіе того и положено: сосредоточить всѣ дѣла въ лицѣ одного директора-распорядителя, которому правленіе *передаетъ всѣ права свои* и потому предоставляетъ: подписывать бумаги и денежные документы, завѣдывать кассою, блюсти за расходами, заключать контракты и условія, надзирать за работами и постройками, завѣдывать личнымъ составомъ служащихъ, входить во внутреннее управленіе отдѣльными учрежденіями общества, распоряжаться всѣми дѣйствіями и операціями, *подписывать всѣ бумаги именемъ правленія*; послѣднее право предоставлено и г. Кингу.

Все это было рѣшено безъ общаго собранія, т. е. безъ вѣдома большинства акціонеровъ. Поэтому положено было — представить обо всемъ этомъ будущему общему собранію, а до тѣхъ поръ *возложить всѣ вышеуказанныя права и обязанности* на г. Байкова.

Самому же г. Байкову порученъ и докладъ отчета общему собранію, вслѣдствіе чего онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а права его всѣ переданы г. Кингу.

Г. Фомъ-Дезенъ тоже уѣхалъ въ это время въ Петербургъ, не исполнивъ давнихъ ему на югѣ порученій относительно заготовленія скота.

Новое общее собраніе акціонеровъ было 25 января 1859 г. На этотъ разъ г. Байковъ долженъ былъ сознаться въ нѣкоторыхъ ошибкахъ, совершенныхъ *по неопытности*; но вообще увѣрялъ, что дѣла идутъ отлично. Управленіе на югѣ, по его словамъ, было образцовое, составъ служащихъ—превосходный, надежды въ будущемъ—самыя блестящія.... Не ограничиваясь словами, онъ представлялъ факты: удостовѣрялъ, что изъ находящагося у общества въ наличности скота будетъ товару на 200,000 р. с., и для полнѣшаго подтвержденія своихъ увѣреній, указывалъ акціонерамъ на предварительно розданный имъ толстѣйшій отчетъ, изъ котораго однако ничего нельзя было понять.

Обаяніе г. Байкова на всѣхъ акціонеровъ было такъ неотразимо, что они и тутъ готовы были во всемъ предаться на волю его. Но ихъ нѣсколько озадачило то, что акціи общества сильно упали, дивидендъ не былъ выданъ, и между тѣмъ требовались новыя зессигновки.

Вслѣдствіе такихъ сильныхъ фактовъ, общее собраніе рѣшилось *въ первый разъ* изъяснить нѣкоторое несогласіе съ предположеніями

главнаго правленія: Положено было: перевести правленіе изъ Таганрога въ Петербургъ; избрать 10 почетныхъ членовъ для ревизіи кассы и книгъ и для окончательнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ общему собранію; поручить правленію обратить особое вниманіе на скорѣйшее окончаніе фабрики и мельницы; позаботиться о обращеніи издержекъ и привести въ извѣстность текущія расходы.

Эти вѣжливыя мѣры показались однако самымъ акціонерамъ верховъ дерзости, и они постарались сколько возможно смягчить свои дѣйствія, чтобы не показать вида недовѣрія. Такимъ образомъ правленію торжественно *примѣнена благодарность* за откровенное изложеніе дѣла; въ число почетныхъ членовъ избранъ г. *Кокоревъ*, одинъ изъ учредителей общества, дѣйствовавшій въ отношеніи къ правленію—какъ ниже увидимъ; г. *Байковъ*, по очереди выбывшій изъ директоровъ, избранъ снова, — на что онъ и указывалъ впоследствии, какъ на заслугу свою...

Въ Петербургѣ составъ правленія былъ уже другой: гг. *Скарманна*, *Война* и *Алферани* отказались отъ своихъ должностей по переводѣ правленія изъ Таганрога, и вмѣсто нихъ вступили гг. *Яковсонъ*, *Трубниковъ* и *Золотаревъ*. Гг. *Байковъ* и *Фонъ-Дезенъ* остались членами попрежнему, и такимъ образомъ, по смыслу послѣднихъ порученій правленію отъ общаго собранія, получали вновь то лестное право, которымъ г. *Байковъ* и прежде пользовался,—право *ревизовать самихъ себя*.

Однако же теперь г. *Байковъ* былъ уже не одинъ, и потому надо было привести отчетность въ такое положеніе, чтобы она не ему одному была понятна, а могла быть доступна и для другихъ. Но это оказалось чрезвычайно труднымъ, потому что ходъ дѣла былъ крайне запутанъ и единственными матеріалами для соображеній были книги — прихода, расхода и баланса, представленные г. *Байковымъ* и неподписанныя членами правленія. По закону и уставу общества, такія книги не могли быть приняты въ соображеніе, и хотя г. *Байковъ* объяснилъ, что главное правленіе пердало всѣ свои права ему, *Байкову*, но ему сказали, что такая передача, безъ разрѣшенія общаго собранія, — совершенно противозаконна.

Наконецъ собраны кое-какія свѣдѣнія, изъ которыхъ открылось между прочимъ слѣдующее. Несмотря на *окончательную* свѣту, представленную общему собранію 17 іюня и увѣрявшую, что постройка фабрики ростовской будетъ стоить 260,000, — теперь являлась еще *болѣе окончательная* свѣта, утверждавшая, что 260,000 недостаточно, а надо 400,000. Такимъ образомъ акціонеры, недавно обнадеженные, что имъ еще и съ 260 тысячъ будетъ ты-

саять соревъ обавки, теиерь рады были бы и безъ обавки отдѣлаться означенной суммой, да и то оказалось невозможнымъ. Сметы не были доставлены изъ Таганрога и ниѣтъ не просмотрѣны. Но главное правленіе, ниѣтъ въ виду неудовлетворительное положеніе дѣлъ, рѣшило—ограничить ассигновку на фабрики 267-ю тысячами. Въ тоже время открылось, что и постройка мельницы, вмѣсто ассигнованныхъ 330,000, будетъ стоить 400,000. Изъ сличенія подробностей выходило, что на машины прибавлено заѣмъ, чтобы достать ихъ лучшаго качества, но что на случай ломки нѣкоторыхъ предметовъ куплены запасные экземпляры; а въ числѣ этихъ запасныхъ экземпляровъ была цѣрвая стѣсельная машина, цѣною, со всѣми принадлежностями и постройками для нея, въ 100 тысячъ руб. сер!. Въ сметѣ оказалась такая тщательность, что въ числѣ принадлежностей мельницы пропущены были — камни для жернововъ!...

Вообще изъ представленныхъ документовъ нельзя было опредѣлить даже общаго количества произведенныхъ расходовъ!... Можно было видѣть только одно: что дѣла ведены были чрезвычайно дурно и что положеніе общества — очень неблестящее.

Тогда почетные члены и директоры рѣшились преобразовать систему администраціи и ввѣрить управленіе дѣлами въ Таганрогѣ и Ростовѣ одному главноуправляющему, подъ вѣдѣніемъ главнаго правленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано необходимымъ: *измѣнить систему заготовленія скота, уменьшить составъ служащихъ, прекратить производство жалованья по 6,000 р. въ годъ и. Байкову и Фонъ-Дезену, упразднить заграничныя агентства, неприносящія никакой пользы обществу, закрыть мясныя лавки, сдать хуторъ Шейкина, излишнія степи, магазины для помѣщенія пшеницы, продать приобретенную обществомъ отъ и. Байкова и Фонъ-Дезена днѣпровскую мѣстность, закупленную пшеницу, — такъ какъ всѣ эти статьи, не давая доходовъ, требуютъ большихъ издержекъ и поглощаютъ непроизводительно капиталы!...*

Тутъ-то г. Кокоревъ предложилъ отправить для повѣрки дѣлъ на мѣстѣ рекомендованныхъ имъ и. Левашова и Богданова. Тутъ-то и начинается торжество нашей публицистики!.. Просимъ извиненія у нашихъ читателей, что такъ долго утруждали ихъ сухимъ изложеніемъ исторіи общества: это было необходимо для яснѣйшаго разумѣнія слѣдующихъ обстоятельствъ. До сихъ поръ мы брали наши свѣдѣнія почти слово въ слово изъ статьи г. Серно-Соловьевича; но доводя исторію до этой точки, мы оставляемъ его и съ наслажденіемъ обращаемся къ № 15 «Русскаго Вѣстника», въ которомъ

напечатаны—письмо г. Кокорева и отчеты о результатахъ ревизій гг. Лещинскаго и Байданова.

Печатавъ эти документы «въ особнннхъ удовольствіяхъ», «Русскій Вѣстникъ», по обычаю, скавалъ здѣсь и свое серьезное и дѣльное замѣчаніе о разсматриваемомъ предметѣ. Съ полнымъ знаніемъ дѣла и весьма глубокомысленно, начиная съ благородной мысли о преимуществѣ вольнаго труда предъ обязательнымъ, развиваетъ онъ положеніе, что «мысль положенная въ основаніе общества «Сельскій Хозяинъ» принадлежитъ къ самымъ счастливымъ, и нельзя не пожелать ей успѣха, но что вопросъ состоитъ только въ томъ, могутъ ли вообще акціонерныя общества братья за подобныя предпріятія.» Этими словами «Русскій Вѣстникъ», можно сказать, поднимается новый великій вопросъ въ настоящее время, когда уже поднято столько вопросовъ. Но этому вопросу суждена счастливая участь: тутъ же, въ этомъ же номерѣ «Русскаго Вѣстника» онъ и разрѣшается документами, присланными къ издателю «Вѣстника», отъ г. Кокорева, по замѣчанію редакціи этого журнала, еще въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года.

И какое блистательное разрѣшеніе! Г. Кокоревъ оказался здѣсь истиннымъ героемъ публицистики, а гг. Лещинскій и Байдановъ достойными г. Кокорева. Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ, безъ сомнѣнія хорошо знакомыхъ г. Кокореву, онъ не затруднился высказать въ глаза акціонерамъ всю горькую правду и носиться надъ ними такъ зло и справедливо, какъ едва ли кому случалось смѣяться надъ самимъ г. Кокоревымъ. Мы видѣли выше, что общее собраніе акціонеровъ пришло къ главному правленію, т. е. г. Байнову,—благодарность за откровенное изложеніе дѣла. Предавая посмѣянію эту наивную благодарность, г. Кокоревъ весьма сильно даетъ чувствовать, что принесеніе ея акціонерами доказываетъ только совершенное непониманіе ими сущности акціонерныхъ предпріятій.

«Иначе и быть не должно, говорить онъ,—въ такихъ дѣлахъ, гдѣ капиталъ собранъ отъ частныхъ лицъ, гдѣ довѣрители—цѣлое общество, гдѣ дѣйствители — люди избранные обществомъ. Долгъ и честь обязываютъ давать довѣрителямъ откровенный отчетъ; въ дѣлахъ акціонерныхъ обществъ тайна, неоглашеніе подробностей, прикрытие ошибокъ — должны быть признаны за гражданскія преступленія.»

Что вы скажете на это, о простодушные акціонеры, благодарившіе за откровенность? Каково г. Кокоревъ васъ отдѣлываетъ!

Но этого мало: мы видѣли, что въ дѣлахъ общества долгое время существовала, а по нѣкоторымъ частямъ и теперь существуетъ

перезгаданная тайна, вслѣдствіе совершеннаго хаоса отчетной части. Г. Кокоревъ зналъ это и не поколебался назвать тайное веденіе дѣлъ гражданскимъ преступленіемъ, — не побоялся, слѣдовательно, сказать акціонерамъ, что они благодарили не только за отсутствіе преступленія, но и за самое преступленіе!

И этого недостаточно: г. Кокоревъ прямо выставилъ виновнаго этого преступленія самихъ же акціонеровъ. Вольно же вамъ было не смѣрять, говоритъ онъ, вольно сидѣть сложа руки и довряться чужому благодѣтелю: безъ надзора великій будетъ въ мутной водѣ рыбу ловить!... Надо самимъ заботиться о дѣлѣ, да выбирать для ревизій знающихъ и усердныхъ людей; «а не такихъ, которые, не понимая дѣла или не желая удѣлить ему часть своего времени и трудовъ, прѣзжаютъ въ правленіе компаніи только для обрядности, почти не смотря перелистываютъ книги и тотчасъ же ешнпуть набитую фразу, что они находятъ отчетъ вѣрнымъ и правильнымъ.» Мы видѣли, что въ обществѣ «Сельскій Хозяинъ» серьезнаго повѣрочнаго никогда не бывало, все ограничивалось формальными отчетами, а въ сущности все было передано на руки г. Байкову; мы видѣли, что и произошло изъ этого. И вотъ г. Кокоревъ продолжаетъ свой урокъ: «эти ревизіи, дѣлаемые только для формы, вносятъ съ собою въ общество зародыши великаго зла: онѣ внушаютъ управляющимъ дѣлами общества и директорамъ мысль, что можно воровать дѣлами общества по своему произволу; а отсюда истекаютъ все вредныя послѣдствія произвола.» Стало быть, кто же виноватъ, ежели дѣла ваши идутъ плохо, акціи падаютъ, дивиденда нѣтъ, деньги тратятся Богъ-знаетъ какъ и Богъ-знаетъ куда? Разумѣется, вы сами, о добродушные акціонеры! Со стороны же людей дальновидныхъ глупо было бы не воспользоваться произволомъ, который имъ даютъ!... Основательно, истинно, глубоко разсужденіе г. Кокорева!...

Но акціонеры могли возразить, что они избирали въ директоры и въ ревизоры лицъ, которымъ доврѣли и за которыми думали быть совершенно спокойными. Г. Кокоревъ разрушаетъ и это возраженіе, отважно говоря о томъ, какими образомъ производятся выборы въ общихъ собраніяхъ. Мы видѣли, какъ г. Байковъ избранъ былъ вторично въ директоры послѣ того, какъ его распріеженія оказались неудовлетворительными; мы видѣли, какъ онъ съ г. Фомъ-Девякомъ остался членомъ новаго правленія, которое должно было ревизовать его же прежнія дѣйствія. Поэтому, въ приложеніи къ акціонерамъ «Сельскаго Хозяина» сарказмъ г. Кокорева имѣетъ особенно-тяжелый смыслъ. У насъ акціонеры никогда ничего не говорятъ и ничего не знаютъ въ общихъ собраніяхъ, говоритъ г. Кокоревъ; — все дѣлается вадъ диктовку директоровъ. «При подачѣ

голосовъ, при избраніи ревизоровъ и директоровъ, повторяются тѣ же грустныя сцены сомнѣнія и нерѣшительности, продолжающіяся до тѣхъ поръ, пока какіе нибудь господа, по секретному нарученію одного изъ директоровъ, щепнутъ акціонеромъ, что избирая слѣдуетъ такого-то...

Въ этомъ обличеніи виденъ весь г. *Кокоревъ*! Также онъ можетъ простирать любовь къ лядности до того, чтобы, будучи откупщикомъ, обличать откупа, — будучи акціонеромъ-учредителемъ общества, такъ энергически обличать акціонеромъ въ нерадѣніи и незнаціи дѣла! Письмо его останется навсегда знаменательнымъ свидѣтельствомъ величія настоящаго времени, и въ позднѣйшіе гвѣки истинный патриотъ прочтетъ его не безъ сладкаго трепета сердцаго!...

Но еще болѣе отрадно то, что у г. *Кокорева* нашлись достойные послѣдователи. Записки и. *Левашова* и *Богданова* написаны такъ хорошо, такъ условительно, что при нихъ невольно «растопятся шорничны на челѣ» произведенныя сарказмами г. *Кокорева*. Мы видѣли выше, какъ печально было положеніе дѣла, вследствие котораго гг. *Левашовъ* и *Богдановъ* посланы на ревизію. Но какія утѣшительныя явленія открыли они, — это уму неостижимо! Г. *Левашовъ* прямо и начинается съ того: «мѣсто, говоритъ, — очень удобное, воздухъ чистый; плодотивый садъ, кромѣ удовольствія и выгоды живущахъ, представляетъ необходимую въ здѣшнихъ мѣстахъ защиту отъ лѣтняго зноя,» и пр. (Рус. Вѣстн. № 15, стр. 243). Затѣмъ продолжаетъ все въ томъ же идиллическомъ родѣ: «строитель мельницы, г. Штецеръ, — весьма свѣдующій повидимому молодой человекъ; онъ очень дорожитъ своею репутаціею и усердно занимается». «Возведенныя прошлымъ лѣтомъ постройки — сдѣланы весьма хорошо.» «Въ теверешнемъ своемъ объемѣ фабрика дѣйствуетъ весьма удовлетворительно».... «Консервы всѣ очень хороши».... Вообще «до сихъ поръ дѣло велось недурно и получило уже прочное основаніе, а въ будущемъ обѣщаетъ хорошую прибыль акціонерамъ и пользу для государства отъ развитія здѣшняго края». Записка г. *Богданова* совершенно вторитъ запискѣ г. *Левашова*, и обѣ составляютъ какую-то колыбельную пѣсню «Сельскому Хозяину». Они его баюкаютъ, а впередъ обѣщаютъ:

«Купишь домъ многоэтажный,
Схватишь крупный чинъ!» и проч.

И при этомъ нужно замѣтить, что они съ невозмутимѣйшимъ спокойствіемъ указываютъ на тысячи и десятки тысячъ, растраченныхъ понапрасну, да еще видимо стараются прельстить акціонеромъ

тѣмъ, что вотъ уже впередъ этихъ тратъ не будетъ.... За то будутъ другія, — гораздо лучше: напр. въ обширномъ саду при фабрикѣ «очень легко будетъ разводиться *резеда* и другіе цвѣты, такъ хорошо растущіе въ здѣшнемъ тепломъ климатѣ, на этой богатой почвѣ», и проч.

Какъ, однакоже, пишетъ г. *Левашовъ*! Какъ пишетъ! Я думаю, изъ современныхъ литераторовъ только князь Кугушевъ можетъ теперь такъ писать!...

Но акціи, какъ извѣстно, глупы: несмотря на все краснорѣчіе учредителей, директоровъ и ревизоровъ, онѣ себѣ надаютъ да падаютъ въ курсы! Въ то самое время, какъ напечатано было въ «Русскомъ Вѣстникѣ» письмо г. *Кокорева*, съ записками гг. *Богданова* и *Левашова*, акціи общества, оплаченные уже 75 рублями, продавались за 25 рублей! Въ дѣлахъ общества происходили такія явленія: въ Таганрогъ былъ назначенъ главноуправляющимъ г. инженеръ-полковникъ *Риппась*, съ жалованьемъ 10,000 р. с. въ годъ. Пріѣхавши туда, чтобы принять фабрику, постройки и всѣ дѣла отъ г. *Байкова* и *Фонъ-Дезона*, онъ встрѣтилъ сильныя непріятности, въ особенности со стороны г. *Кима*, который даже наотрѣзъ отказался сноестись черезъ него съ главнымъ правленіемъ. Вслѣдствіе такихъ отношеній, г. *Риппась* отказался отъ своего мѣста, и управленіе осталось вопрямому за г. *Кимомъ*, до такой степени, что главное правленіе само оказалось совершенно въ зависимости отъ его распоряженій. Наконецъ посланъ въ Таганрогъ г. *Золотаревъ*, съ рѣшительнымъ предписаніемъ главному правленію — уволить г. *Кима*. Виѣсть съ тѣмъ послана на ревизію г. *Пахомовъ*, который обнаружилъ крайнюю неудовлетворительность постройки таганрогской мельницы и грубое незнаніе дѣла г. *Штетцеромъ*.

Въ это-то время одинъ изъ акціонеровъ, г. *Ахшарумовъ* напечаталъ въ Спб. Вѣд. (№ 211) статейку, въ которой рассказываетъ вкратцѣ все, что мы видѣли выше, весьма умѣреннымъ тономъ, и между прочимъ упоминаетъ вскользь нѣкоторые обстоятельства, касающіяся лично г. *Байкова*. Такъ онъ говоритъ о ссудѣ, данной г. *Байкову* подъ залогъ его неоплаченныхъ акцій, и о томъ, что онъ скупалъ акціи на биржѣ, для возвышенія номинальной цѣны ихъ. Это было, по розысканіямъ г. *Серно-Соловьевича*, такимъ образомъ: г. *Байковъ* поручилъ г. *Фонъ-Дервизу* скупать на биржѣ акціи общества, продаваемые ниже пари; такимъ образомъ, г. *Дервизомъ* скуплена 201 акція, изъ нихъ 14 продано, остальные не оплачены вторымъ взносомъ. Между тѣмъ расходы на нихъ отнесены, по распоряженію г. *Байкова*, на счетъ общества. Г. *Дервизъ* спрашивалъ, не публиковать ли ихъ въ числѣ просроченныхъ, но г. *Байковъ*

велѣлъ переслать ихъ въ Таганрогъ, чтобы замѣнить ими проданныя акціи Шолле... Кроме этого факта, есть и другой, о которомъ г. Ахшарумовъ не говоритъ: г. Байковъ передъ отъѣздомъ изъ Таганрога въ Петербургъ, въ декабрь 1858 г., взялъ изъ кассы 15,000 р. с. для покупки серій; между тѣмъ уже въ январѣ 1859 г. оказался недостатокъ въ деньгахъ на мѣстные потребности; а какой былъ результатъ операціи г. Байкова — неизвѣстно. Обо всемъ этомъ, равно какъ и о безпорядкахъ въ книгахъ, сдѣланы были запросы членамъ таганрогскаго правленія и г. Байкову; но это не привело ни къ чему: 1. Байковъ не представилъ нужныхъ объясненій.

Но съ какимъ достоинствомъ и спокойствіемъ объясняется за то г. Байковъ въ печати съ своими антагонистами! Какъ онъ взываетъ къ гласности, какъ усердно проситъ акціонеровъ выикнуть въ дѣло! Какъ онъ увѣренъ въ себѣ и въ томъ, что общее собраніе оправдаетъ его! Прочтите его отвѣтъ г. Ахшарумову въ 218 № «Спб. Вѣдомостей»:

«Въ № 211-мъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», 30 сентября, акціонеръ общества «Сельскій Хозяинъ» Иванъ Ахшарумовъ помѣстилъ нѣкоторыя замѣчанія свои, извлеченныя изъ переписки и журналовъ главнаго правленія.

«Такъ-какъ господину Ахшарумову (являющемуся въ своей статейкѣ обвинителемъ мѣстныхъ распорядителей въ Таганрогѣ и Ростовѣ и прежняго правленія) угодно было назвать меня, то это даетъ мнѣ право сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ.

«Я не стану говорить о дѣйствіяхъ мѣстныхъ распорядителей; эти дѣйствія были оцѣнены на мѣсть ревизорами, посланными отъ общества, и разными акціонерами, посѣщавшими заведенія наши; отзывы ихъ единогласны, и, впрямую, и, акціонеры въ собраніи 15 октября поинтересуются узнать ихъ... Повѣрять многіе, другіе не повѣрять: это дѣло убѣжденія каждаго и довѣрія его къ лицамъ говорящимъ. Если въ чемъ мѣстные дѣятели будутъ обвиняемы, они отвѣтятъ сами за себя, и должны отвѣтить, потому что за неисполненіе распоряженій правленія и дѣйствія, противныя интересамъ общества, они всѣ могутъ быть уволены, безъ всякой отвѣтственности для общества. — Этого пункта въ контрактахъ ихъ г. Ахшарумовъ впрямую не замѣтилъ.

«Что же касается до сдѣланныхъ мнѣ правленіемъ вопросовъ, то я на нихъ болшею частію уже отвѣчалъ, а тѣ свѣдѣнія, которыя къ 30 сентября не были при дѣлахъ правленія, мною представлены гг. почетнымъ членамъ, ибо они, а не новое правленіе, которое я самъ избранъ 1. акціонерами, въ январѣ сего года, вновь директоромъ (11)—имѣютъ право судить о правильности или неправильности своихъ дѣйствій.

«Не стану отвѣчать на тѣ сообщенія г. Ахшарумова, которыя имѣютъ цѣлію набросить на меня какія-то подозрѣнія. — Управляя со-

вершено-новымъ предпріятіемъ, я могъ дѣлать ошибки, и считалъ непреклоннымъ долгомъ высказать ихъ въ отчетъ моемъ совершенно-откровенно и. акціонерамъ; но что дѣйствія мои были всегда чисты и безукоризненны, въ томъ упрекнутъ всякій, кто ближе и внимательнѣе разсмотритъ все дѣло. — Оставивъ службу и всѣ прочія занятія, для того, чтобы посвятить себя дѣламъ «Сельскаго Хозяина», въ которомъ я и семья моя имѣемъ 1,200 акцій, прямой расчетъ заставлялъ меня дѣйствовать добросовѣстно; мои интересы тѣсно связаны съ интересами общества, и отъ упадка довѣрія къ дѣлу въ Санктпетербургѣ я теряю, можетъ быть, болѣе, чѣмъ г. Ахшарумовъ.

Позволяю себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе: высказывая печатно такія обвиненія, какъ, напримѣръ, въ п. 3 статьи г. Ахшарумова, нужно быть очень-осторожнымъ, потому-что они оставляютъ на авторѣ большую нравственную отвѣтственность. — Понимая, отъ кого и съ какою цѣлью оглашается такое обвиненіе, я оставляю его безъ вниманія. — Можетъ-быть, и вѣроятно, самъ г. Ахшарумовъ слышалъ что-то такое объ акціяхъ, да не такъ, — Позвольте объясниться. — Въ октябрѣ 1858 года выдана мнѣ была ссуда изъ кассы общества, подъ залогъ моихъ акцій, съ вѣдома всѣхъ директоровъ, — записана по всѣмъ книгамъ и возвращена мною съ процентами, по расчету 6% въ годъ. — Посмотрите въ книги, и вы убѣдитесь, что во время производствъ ссуды было въ кассѣ до 130,000 руб. совершенно-свободныхъ денегъ, и никакихъ финансовыхъ затрудненій она не причинила. — Правленіе каждаго общества обязано заботиться о томъ, чтобы капиталы его не лежали непроизводительно, а во многихъ обществахъ производятъ ссуды не только подъ залогъ собственныхъ акцій, но даже подъ акціи другихъ обществъ.

Что же касается отчета г. Левашова, то онъ самъ говоритъ за себя; кто его читалъ, тотъ отдастъ ему полную справедливость. — Шутки въ серьезномъ дѣлѣ неумѣстны, и выдержка г. Ахшарумова о резедѣ не уронитъ достоинства подробнаго и добросовѣстнаго труда г. Левашова.

Въ-заключеніе и я, вмѣстѣ съ г. Ахшарумовымъ, прошу и. акціонеровъ выслушать передъ общимъ собраніемъ въ дѣло; не только взглянуть на переписку, лежащую въ конторѣ, но серьезно ею замяться, чтобы присутствовать въ собраніи не съ односторонними убѣжденіями, а съ полнымъ знаніемъ дѣла, и, не увлекаясь слухами, равными толками и оставя въ сторонѣ личности, общими силами и общимъ разумѣніемъ дать дѣлу вѣрное, твердое и надлежащее направленіе и устройство.

На чемъ основана такая самоувѣренность г. Байкова?

Конечно — на спокойствіи совѣсти!

Это доказали послѣдствія: черезъ день послѣ напечатанія отвѣта г. Байкова, въ «Спб. Вѣд.» объявлено, что общее собраніе акціонеровъ, назначенное 15 октября, отлагается до 30, по неимѣнію полныхъ и подробныхъ отчетовъ изъ Таганрога. Къ тому времени ожидается

сюда и г. Кмигъ (котораго г. *Золотареву* поручено было уволить). При семъ двое изъ директоровъ — *Якобсонъ* и *Трубниковъ* сложили съ себя свое званіе; оставшіеся — *Байковъ*, *Фомъ-Дезенъ* и *Золотаревъ* — возвратились недавно въ Петербургъ и готовятъ отчеты. Это объявленіе показалось почему-то подозрительнымъ нѣкоторымъ акціонерамъ, — между прочими г. Серно-Соловьевичу; онъ навелъ справки и опубликовалъ вотъ что, въ статейкѣ, подъ названіемъ: «Настоящая причина перенесенія общаго собранія акціонеровъ «Сельскаго Хозяина» съ 15 на 30 октября (Спб. Вѣд., № 223).

«Желая узнать, въ чемъ дѣло, мы отправились въ правленіе и прочли тамъ два журнала 7 октября, вполне объясняющіе настоящую причину перенесенія собранія съ 15-го на 30-е октября.

1) Въ засѣданіи 3-хъ директоровъ, гг. *Золотарева*, *Байкова* и *Фомъ-Дезена*, обсуждали, слѣдуетъ ли предоставить г. *Байкову* право на голоса, переданные ему разными лицами, находящимися въ губерніяхъ, но не представившими, (какъ это требуется уставомъ) своихъ акцій въ правленіе? По разногласію (г. *Фомъ-Дезенъ* полагалъ, что не слѣдуетъ) позволено предоставить разрѣшеніе этого почетнымъ членамъ.

2) Въ засѣданіи почетныхъ членовъ и директоровъ обсуживали вопросъ: слѣдуетъ ли выдать квитанціи на право голоса по 1,120 акціямъ, доставленнымъ вчера и сегодня отъ г. *Кокорева*, при объявленіяхъ о переводѣ ихъ на имя 12 разныхъ лицъ? Положили: «На основаніи § 32 устава общества, акціонеры, желающіе присутствовать въ общемъ собраніи съ правомъ голоса, должны внести свои акціи не позже 10 дней до общаго собранія. Если и можно оказать въ этомъ отношеніи какое либо снисхожденіе въ пользу акціонеровъ, о которыхъ, по имѣющимся въ конторѣ свѣдѣніямъ, извѣстно, что они давно уже владѣютъ своими акціями, и предоставить имъ право голоса, хотя бы они внесли акціи и позже, чѣмъ за десять дней, то ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить подобнаго снисхожденія въ пользу тѣхъ, которые теперь только приобретаютъ акціи, тѣмъ болѣе, что директоры и почетные члены признали уже справедливымъ и необходимымъ испросить у правительства разрѣшеніе, чтобы на будущее время и въ нашемъ обществѣ, по примѣру прочихъ компаній, акціонеры приобретали право голоса въ общемъ собраніи не прежде, какъ по прошествіи 3-хъ мѣсяцевъ со дня отпѣтки въ правленіи о переводѣ акцій на ихъ имя.»

«Теперь становится ясно, для чего необходимо было перенести собраніе съ 15 на 30: г. *Кокоревъ* успѣетъ перевести свои акціи на имя другихъ лицъ, а г. *Байковъ* получитъ ихъ отъ довѣрителей — такимъ образомъ одинъ изъ нихъ будетъ располагать 39 голосами (*), а другой 13-ю. Присоединяя къ этому количеству разныхъ родныхъ и пріятелей,

(*) Расчетъ этотъ можетъ быть далеко невѣренъ: г. *Кокоревъ* пока представилъ къ переводу только 1,120 акцій, а у него ихъ до 4,000.

легко может быть, что гг. *Кокорев* и *Байков* будут имѣть за собой большинство голосовъ (особенно если многіе изъ акціонеровъ не придутъ въ собраніе) и рѣшать дѣла по своему усмотрѣнію.

Побужденія г. *Байкова* весьма понятны: имѣ очевидно руководить чувство самосохраненія; вѣдь ему (какъ юристу) очень хорошо извѣстно, какая участь ожидаетъ его, если общее собраніе составится правильно.

Но чего домогается г. *Кокорев*? — Владѣя большимъ количествомъ акцій, онъ, повидимому, долженъ бы былъ заботиться о спасеніи падающаго дѣла, а между тѣмъ онъ поддерживаетъ прежнюю систему управленія, видимо ведущую насъ къ ликвидаціи! Изъ этого прямой выводъ, что, должно быть, для г. *Кокорева* ликвидація общества представляетъ большія выгоды, чѣмъ дальнѣйшее существованіе предпріятія. А между тѣмъ, по бывшимъ примѣрамъ, извѣстно, что на долю акціонеровъ при ликвидаціяхъ не приходится почти ничего!

Но что же затѣмъ дѣлать прочимъ акціонерамъ? Чѣмъ защищаться противъ такихъ дѣйствій? Какъ предотвратить предстоящее конечное разореніе?

По недостатку времени, физически невозможно протестовать съ успѣхомъ противъ послѣдняго распоряженія правленія и настоять, чтобы общее собраніе было 15-го октября.

Затѣмъ остается одно средство: на основаніи новаго устава общества, который сегодня обнародованъ, право голоса въ общемъ собраніи предоставляется только лицамъ, владѣющимъ акціями не менѣе 3-хъ иѣсяцевъ; правило это слѣдуетъ примѣнить къ предстоящему общему собранію, съ тѣмъ притомъ, чтобы подача голосовъ была открыта.

Во всякомъ случаѣ будемъ надѣяться, что въ этотъ разъ акціонеры будутъ энергически противодействовать стремленіямъ лицъ, обязанныхъ заботиться о ихъ благосостояніи, но, вмѣсто того, съ изумительною настойчивостію идущихъ противъ ихъ прямыхъ интересовъ.

Неправда ли, что спокойствіе и достоинство статейки г. *Байкова* объясняется чистотою совѣсти? Неправда ли, что и письмо г. *Кокорева*, съ сарказмами надъ апатіей акціонеровъ, приобретаетъ еще большее достоинство послѣ объясненій г. Серно-Соловьевича? И не правы ли были мы, сказавши, что исторія литературы должна сохранить на своихъ скрижаляхъ статьи гг. *Кокорева*, *Левашова*, *Богданова* и *Байкова*, какъ блистательные опыты русской гласности!...

Да, невольно воскликнешь: вотъ эти люди умѣютъ у насъ пользоваться гласностью!...

IV.

ОПЫТЫ АВСТРІЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.*Соч. Якова Хама.*

(Отъ редакціи Свистка. Въ настоящее время, когда всѣми признано, что литература служить выраженіемъ народной жизни, а итальянская война принадлежитъ исторіи, — любопытно для всякаго мыслящаго человѣка прослѣдить то настроеніе умовъ, которое господствовало въ австрійской жизни и выражалось въ ея литературѣ въ продолженіе послѣдней войны. Извѣстный нашимъ читателямъ поэтъ, г. Конрадъ Лиліеншвагеръ, по фамиліи своей интересующійся всѣмъ нѣмецкимъ, а по мѣсту жительства—пишущій по-русски, доставилъ намъ коллекцію австрійскихъ стихотвореній; онъ говоритъ, что перевелъ ихъ съ австрійской рукописи, ибо австрійская цензура нѣкоторыхъ изъ нихъ не пропустила, хотя мы и не понимаемъ, чего тутъ не пропускать. Стихотворенія эти всѣ принадлежатъ одному молодому поэту — Якову Хаму, который, какъ по всему видно, долженъ занять въ австрійской литературѣ тоже мѣсто, какое у насъ занималъ прежде Державинъ, въ недавнее время другой извѣстный поэтъ, а теперь — г. Бенедиктовъ и г. Розенгеймъ. На первый разъ мы выбираемъ изъ всей коллекціи четыре стихотворенія, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, очень ярко отразилось общественное мнѣніе Австріи въ четыре фазиса минувшей войны. Если предлагаемыя стихотворенія удостоятся лестнаго одобренія читателей, —мы можемъ представить ихъ еще нѣсколько десятковъ, ибо г. Хамъ очень плодovitъ, а г. Лиліеншвагеръ неутомимъ въ переводѣ.)

1.

НЕБЛАГОДАРНЫМЪ НАРОДАМЪ.*(Предъ началомъ войны).*

Не стыдно ль вамъ, мятежные языки,
Возстать на насъ? Вѣдь ваши мы владыки!...

Мы сорокъ лѣтъ оберегали васъ
 Отъ необдуманныхъ ребяческихъ проказъ;
 Мы, какъ дѣтей, держали васъ въ опекѣ,
 И такъ заботились о каждомъ человѣкѣ,
 Что каждый шагъ старались услѣдить
 И каждое словечко подхватить....
 Мы, — къ вамъ любовію отцовской одержимы, —
 Отъ золь анархіи хранили васъ незримо;
 Мы братски не жалѣли ничего
 Для вѣрнаго народа своего:
 Нашъ собственный языкъ, шпіоновъ, гарнизоны,
 Чины, обычаи и самые законы, —
 Все, все давали вамъ мы щедрою рукой....
 И вотъ чѣмъ платите вы Австріи родной!...
 Не стыдно ль вамъ? Чего еще вамъ нужно?
 Зачѣмъ не жить попрежнему намъ дружно?...
 Иль мало нашихъ войскъ у васъ стоитъ?
 Или полиція о дѣлѣ верадить?
 Но донесите лишь, — и въ мигъ мы все поправимъ,
 И въ каждый домъ баталіонъ поставимъ....
 Или страшитесь вы, чтобъ въ будущемъ отъ васъ
 Не отшатили мы заботливый свой глазъ?
 Но мысль столь страшная напрасно васъ тревожить:
 Австрійская душа коварна быть не можетъ!!...

2.

НА ВЗЯТІЕ ПАРИЖА (ЕСЛИ БЫ ОНО СЛУЧИЛОСЬ).

(Писано при объявленіи войны).

Давно ли бунтъ волною шумной
 Грозилъ залить австрійскій тронъ,
 И, полонъ ярости безумной,
 На насъ вставалъ Наполеонъ?
 Давно ли ты, страна разврата,
 Отчизна бунтовъ и крамоль,
 Была надеждою объята
 Разбить еще одинъ престолъ?

И что же? Честь, законъ и право
 Сразились съ буйнымъ мятежемъ.

И въ мигъ — страстей народныхъ лава
 Застыла, въ ужасѣ нѣмомъ!...
 Предъ громоносными полками
 Крамольниковъ голову склонилъ,
 И надъ парижскими стѣнами
 Орелъ австрійскій воспарилъ!...

Теперь простись, о градъ надменный,
 Съ республиканскою мечтой!
 Ты не опасенъ для вселенной
 Подъ нашей мудрою пятой!
 Въ тебѣ покорность и порядокъ
 Отнынѣ царствовать должны,
 И сонъ французъ будетъ сладокъ
 Средь безмятежной тишины!

Мечты преступныя забудутъ,
 Всѣ по закону стануть жить:
 Курить на улицахъ не будутъ,
 Не будутъ громко говорить;
 Людей мятежныхъ разумъ узкѣй
 Закономъ будетъ огражденъ;
 Источникъ смуть — языкъ французскій
 Всѣмъ будетъ строго запрещенъ!

Развратъ, вездѣ у васъ разлитый,
 У насъ сокроется во мракъ,
 И надъ заразою сокрытой
 Не посмѣется злобный врагъ.
 Мы будемъ горды, неприступны,
 Къ вамъ не дойдетъ умовъ развратъ:
 Шпіоны наши неподкупны
 И полицейскіе не спать.

3.

ОДА НА ПОХОДЪ ВЪ ИТАЛІЮ.

(Въ началѣ войны.)

Война! и снова лавръ побѣдный
 Австрійскимъ воинамъ готовъ!...

Я вижу, какъ, — смущенный, блѣдный, —
 Уже трепещеть строй враговъ;
 Готовъ просить себѣ пощады,
 Готовъ о мирѣ умолять...
 Но Австру нѣтъ иной отрады,
 Какъ непокорныхъ усмирять!

Неотразимо, безпощадно,
 Мы будемъ рѣзать, бить и жечь,
 Въ крови враговъ купая жадно
 Австрійскій благородный мечъ!
 Во грады будемъ мы врываться
 Но трупамъ сверженныхъ враговъ
 И гордо станемъ наслаждаться
 Проклятьями сиротъ и вдовъ!

Мы будемъ чужды состраданью:
 Дѣтей и старцевъ перебьемъ,
 Возьмемъ мы дѣвъ на поруганье,
 Что не разграбимъ, то сожжемъ!
 Сожжемъ мы города и села,
 Мы выжжемъ нивы и луга, —
 Чтобъ знала гнусная крамола,
 Какъ поражаемъ мы врага!...

Поникнеть, какъ отъ Божья грома,
 Страна всегдашнихъ мятежей!...
 О, намъ давно она знакома,
 И мы давно знакомы ей!
 Князь Виндишгрець и графъ Радецкій,
 Баронъ Гайнау, Гюлай, —
 Съ отвагой истинно-нѣмецкой
 Уже ходили въ этотъ край!...

Осѣнены ихъ чудной славой
 И полны памятью ихъ дѣлъ,
 Мы потечемъ рѣкой кровавой
 Въ тотъ ненавистный намъ предѣлъ!
 Ура! Австрійскую державу
 Распространить австрійскій мечъ,
 И намъ спокойствіе и славу
 Дастъ смертоносная картечь!...

4.

ДВѢ СЛАВЫ

(при вѣсти о заключеніи мира)

Пусть лавръ побѣдный украшаетъ
 Героя славное чело, —
 Но друга мира не прельщаетъ
 Войны блистательное зло...
 Предсмертный крикъ враговъ сраженныхъ,
 Вопль матерей и плачь сиротъ,
 Стовъ земледѣльцевъ разоренныхъ
 Онъ внемлетъ — и войну клянетъ...

Иная, лучшая есть слава!
 Иная, громче есть хвала!
 И вновь Австрійская держава
 Ее теперь приобрѣла:
 Мечты воинственные бросивъ,
 Щадя запасъ народныхъ силъ,
 Нашъ императоръ Францъ-Иосифъ
 Миръ въ Виллафранкѣ заключилъ!...

На лицахъ всѣхъ сіяетъ радость;
 Ликують села, города;
 Въ поляхъ, почуявъ мира сладость,
 Пасутся весело стада!
 Отъ груди матерней ребенка
 Теперь никто не оторветъ,
 И даже малаго цыпленка
 Никто безвинно не убьетъ!

За столь благіе элементы
 Охотно мы врагамъ своимъ
 Трофеей Палестро и Мадженты,
 И Сольферино отдадимъ!
 Возсядемъ мы подъ мирной кущей,
 Въ восторгѣ пѣсни запоемъ
 Величью Австріи цвѣтущей
 И—кружкой пива ихъ запьемъ!

Съ австрійскаго КОНРАДЪ ЛИНДЕНШВАГЕРЪ.

V.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИСЛАННЫЕ ВЪ РЕДАКЦИЮ «СВИСТА.»

Въ заключение редакция «Свиста» представляетъ суду своихъ читателей пять стихотвореній постороннихъ сотрудниковъ, почувствовавшихъ призваніе къ юмористической дѣятельности. Всѣ они, какъ легко усмотритъ читатель, принадлежать къ теоріи «искусства для искусства.»

1.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА.

(Посвящается Г. И. Сокольскому).

«... Что это за города!? Справедливый Боже!—
 Ни одной заѣзжей, незнакомой рожи....
 Не съ кѣмъ перемолвить «конфиденціально»:
 Всѣ глядятъ такъ тупо, такъ оффиціально!
 И во всемъ такая «мервость заустѣнья», —
 Только что и слышишь: «долгъ» и «исполненье»....
 Но при настоящемъ пониманьи долга, —
 Кажется порядка не дожидаться долго!

Здѣшній подъ прекрасный въ разговорахъ плоскихъ
 Миѣ напоминаетъ попадей московскихъ;
 Слушая ихъ рѣчи, вида одѣянье, —
 Неужели, мыслишь, это «перлъ созданья»?
 Здѣсь меня сначала очень уважали:
 Тридцать три семейства оженить желали;
 Тридцать три дѣвицы миѣ романсы пѣли —
 И при каждомъ словѣ дѣвственно краснѣли;
 Каждая альбомъ миѣ робко подносила
 И стишковъ на память написать просила;
 Измарашки бойко пѣжную страницу
 И себя сравнивши съ мрачною гробницей —
 И прося стихами пѣжного вниманья,
 Все таки я медлилъ бракосочетаньемъ....

Вслѣдствіе такого долгозамедленья,
 Обо миѣ «мамаши» извѣстна миѣсье:

Вдругъ я очутился и «масонъ» и «красный» —
 И меня въ семейство принимать опасно, —
 Что во мнѣ гнѣздятся «вольныя идеи»....
 (Такъ и жду, что скоро попаду въ злодѣи)
 Потерялъ совсѣмъ я ихъ благоволенье!
 Вотъ судья ужъ не былъ третье воскресенье!
 Я ему за это очень благодаренъ:
 Глупъ непроходимо этотъ тучный баринъ;
 Съ нимъ скучаешь страшно; послѣ-жь посѣщенья
 Остается долго нѣкое затѣнье....

Помнишь, какъ съ тобою мы порой мечтали:
 Римъ, Парижъ и Лондонъ быстро посѣщали —
 И роскошно ныряли по водамъ Лемана,
 И видѣлась влѣво пышная Лозанна,
 И Шильонъ угрюмый, Байрономъ воспѣтый....
 Все теперь трущобой замѣнилось этой.

Застрѣлился-бъ съ горя въ этомъ заточеньи!
 Не хочу доставить только развлеченье
 Жителямъ: вѣдь право, изъ-такого задора
 На полгода вѣрно будетъ разговоръ!...

АНДРЕЙ КОМАРОВЪ.

1859. Москва.

2.

МЫСЛЬ МОСКОВСКАГО ПУБЛИЦИСТА.

Какія времена! то Виллафранкскій миръ,
 То смерть Бугарина, то взятіе Шамилъ!...
 Нѣтъ! не пойду я слушать водевиля —
 Отправлюсь къ Печенину въ трактиръ!

3.

ПАРОДИЯ НА СТИХОТВОРЕНІЕ Г. НЕКРАСОВА «ТРОЙКА».

Что понѣмъ голову пустую,
 Въ сторонѣ отъ науки и труда?

Знать все манить тебя на Морскую,
Каждый день все туда да туда?

И зачѣмъ ты бѣжишь торопливо,
Вдругъ накинувъ на плечи шинель?
На тебя, развалившись лѣнливо,
Заглядѣлась въ коляскѣ мамзель.

На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя каждой не лѣнь:
Вьется усь темнорусый игриво,
Ростомъ парень въ косую сажень!

Хватить ей на нарядъ и на ленты,
А тебѣ впредь на горькій урокъ, —
За большіе набитый проценты
Туго-на-туго твой кошелекъ.

Взглядь одинъ, да французскія моды
Распалать въ тебѣ русскую кровь
И отцовскіе хлопнешь доходы
На поддѣльную дѣвы любовь.

Поживешь и попразуешь вволю,
Будетъ жизнь и полна и легка...
Да не то тебѣ пало на долю:
Вѣдь имѣнье поидетъ съ молотка.

Ты съ шампанскимъ и милой дѣвицей
Надорвавши и силы и грудь,
Спустишь все наконецъ за границей
И придется тутъ спину согнуть.

Познакомься съ работою трудной,
Отцвѣтешь, не успѣвши разцвѣсть,
Погрузишься ты въ сонъ непробудный,
Если нечего будетъ поѣсть.

И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни — появится вдругъ
Горькихъ слезъ да стыда выраженье
И послѣдній, тяжелый недугъ.

И схоронять въ сырую могилу,
И забудутъ въ Морскую твой путь,
Гдѣ утратилъ и деньги и силу,
Истощилъ ты и разумъ и грудь.

Не гляди же съ тоской на Морскую,
 У Дюссо горькой чаши не пей.
 Отправляйся къ себѣ въ *Моховую* (*)
 И подумай о жизни своей...

А. А.

4.

СЕРЕНАДА.

Городъ спитъ въ дали туманной,
 Освѣщенъ лишь бельведеръ,
 И играетъ иностранный
 На гитарѣ офицеръ.

Звучно стройная гитара
 Изливаетъ нѣжный стонъ:
 «*Cara mia, mia cara!*
 Выйди, выйди на балконъ!»

Полны слезъ слова живыя,
 Но безмолвенъ бельведеръ,
 И опять «*o cara mia!*»
 Продолжаетъ офицеръ.

Голосъ плакалъ музыканта;
 Вотъ услышали его....
 Изъ окна, — *Maria Santa!* —
 Чѣмъ-то облили всего!...

Жаль мнѣ новаго мундира, —
Maladetto бельведеръ!...
 И въ волнахъ Гвадалквивира
 Сталъ купаться офицеръ....

А. А.

(*) Это ко мнѣ не относится, хотя я и живу въ Моховой.

Примѣчаніе одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ «Семетле.»

5.

ПАСТУХЪ, МОЛОКО И ЧИТАТЕЛЬ.

(Басня).

Однажды несъ пастухъ куда-то молоко,
И такъ ужасно далеко,
Что ужъ назадъ не возвращался.

Читатель! онъ тебѣ не попадался?

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

	Стр.
Година. (Изъ Теннисова). Стихотв. <i>М. Л. Михайлова</i>	5
Историческій очеркъ колонизаціи Сибири. <i>Г. Нейзена</i>	9
Деревенскіе очерки. Десять стихотвореній. 1) Посвященіе. 2) Въ полдень. 3) Проселокъ. 4) Пѣсни. 5) Лѣтней розѣ. 6) «Вчера у окна мы сидѣли въ молчаньи». 7) Грусть дѣвушки (Идиллія). 8) Сосѣдъ. 9) Селенье. 10) Прощаніе съ деревней. <i>А. Н. Алуштина</i>	47
Вопросъ. Разказъ <i>Ер. Б—ша</i>	57
Жизнь и походы Трифона Асманскаго. Повѣсть <i>С. Т. Словутинскаго</i>	75
«Люблю я памятникъ великаго Петра» Стих. <i>Пл. А. Кускова</i>	152
Записки моего отца. (Разказы о старомъ времени). <i>П. Арсѣвскаго</i>	153
Пѣсня Еремушкѣ. <i>Н. А. Некрасова</i>	237
Прогрессъ. (Ямбъ Барбье). <i>П. М. Ковалевскаго</i>	240
Италія. (Изъ «Путевыхъ Картинъ» Гейне.) I. Отъ Мюнхена до Генуи. Перев. <i>М. Л. Михайлова</i>	1
Виргинцы. Романъ <i>В. М. Токкерел</i> . (Продолженіе. — Въ приложеніи).	

	Стр.
Полиціймейстеръ Бубенчиковъ. Повѣсть. <i>М. А. Филиппова</i>	241
Опустѣвшій домъ. Стихотв. <i>А. Н. Плещеева</i>	355
Лунной ночью. Стихотв. <i>А. Н. Плещеева</i>	356
«Моей молодой сосѣдкѣ», стихотв. <i>Я. П. Полонскаго</i>	357
«По горамъ двѣ хмурыхъ тучи», стихотв. <i>Я. П. Полонскаго</i>	358
Путевыя впечатлѣнія иппохондрика. <i>П. М. Ковалевскаго</i>	359
Очерки народнаго быта. IX. Бобыль. — X. Обѣдъ у прикащика. —	
XI. Дорожныя сцены. <i>Н. В. Успенскаго</i>	377
Жена Австрійца. (Изъ Берше). <i>П. М. Ковалевскаго</i>	395
Побѣдитель. (Изъ Барбье). <i>П. М. Ковалевскаго</i>	399
Поземельный кредитъ и его современная организація въ Европѣ.	
Статья четвертая. <i>В. П. Безобразова</i>	401
Пенсильванцы и Каролинцы. (Второй разсказъ изъ путевыхъ замѣтокъ губернскаго депутата) <i>А. Скаврнскаго</i>	473
Суевѣріе и правила логики. <i>Н. Г. Чернышевскаго</i>	503

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ. № XI.
 Матеріалы для рѣшенія крестьянскаго вопроса. *Н. Г. Чернышевскаго*, 1

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СЕНТЯБРЬ.

О распространеніи трезвости въ Россіи. <i>Н. Т—нова</i>	1
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Что иногда открывается въ либеральныхъ фразахъ! (Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII вѣка. <i>А. Щапова</i>).	37
Темное царство. (По поводу сочиненій <i>А. Островскаго</i> .) Статья вторая. <i>Н. А. —ова</i>	53
Новыя книги: Народный календарь на 1860 (високосный) годъ.	129
Обязанности крестьянина. Для сельскихъ училищъ. <i>Я. Флоренсова</i>	134
О трезвости въ Россіи. Сочиненіе <i>Сергѣя Шипова</i>	135
Журналы, газеты и публика. Сочиненіе <i>А. Надеждина</i>	139
Курсъ всеобщей исторіи, доктора <i>Георга Вебера</i> . Переводъ съ нѣмецкаго <i>Е. и В. Корша</i> . Томъ I. Выпускъ первый. — Курсъ всеобщей исторіи, составленный <i>В. Шульгинимъ</i> . Исторія среднихъ вѣковъ. Изданіе 2-е.	143
Лондонскія замѣтки. — IV. Общественная и домашняя жизнь. <i>М. Д. Михайлова</i>	145
Письмо изъ Египта. <i>А. Д.</i>	157
ПОЛИТИКА. (Для центральной Италіи. — Реформы въ Австріи. — Движеніе въ пользу единства Германіи)	165

Петербургская жизнь. Замѣтки *Новаго Поэта*. (Три дня въ деревнѣ подь Петербургомъ. (Разсказъ съ нѣкоторою претензією на поэзію и художественность). — Царскосельская желѣзная дорога и по ея поводу нѣсколько вопросовъ. — Распорядитель одной желѣзной дороги въ *западной Европѣ*. — Скачки въ Царскомъ Селѣ и скачка въ Петергофѣ 13-го августа. — Справочная контора для рабочихъ, приходящихъ въ Петербургъ. — Банковое и торговое общество въ Санкт-петербургѣ. — О наемныхъ экипажахъ. — Замѣтки для биографіи академика Фелотова и письмо его. — Записки Григоровича въ «Морскомъ Сборникѣ». — «Журналъ Министерства Юстиціи» — первые двѣ книжки. — О продолженіи изданія Шиллера. — 8 и 9 сентября. 207

ОКТАБРЬ.

Вопросъ о свободѣ журналистики во Фрнціи. 239

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА — Русская сатира въ вѣкъ Екатерины. (Русскіе сатирическіе журналы (1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. Соч. А. Аванасьева). 267

Новыя книги: Пермскій Сборникъ. Повременное изданіе. Книжка I. 357

Русскія пѣсни, сочиненія Александра Мыльникова. 372

Уроки Естественной Исторіи для учащихся дѣвицъ и юношества, составленные Холецкимъ. — Естественная исторія для женскихъ учебныхъ заведеній, А. Горизонтова. 377

Изъ Флоренціи. А. Ш. Пыпина. 385

ПОЛИТИКА. Пармская сцена 3 октября. — Бездѣйствіе Сардиніи. — Возникновеніе нѣкоторой энергіи въ правительствахъ центральной Италіи. — Приближеніе вооруженной реакціи. — Очеркъ положенія дѣлъ во Франціи, Англии, Германіи, Австріи. — Заговоръ въ Турціи. 411

Петербургская жизнь. Замѣтки *Новаго Поэта*. (Картина петербургскихъ улицъ въ сентябрѣ. — Корни деревьевъ, вырытыя на Невскомъ проспектѣ, и ученые фельетонисты. — Нѣсколько словъ о домохозяевахъ и квартирахъ. — Разсказъ господина, отыскивающего квартиру. — Наемные экипажи, трактиры и проч. — Пассажъ и мольные операторы. — О лекціяхъ въ Пассажѣ. — Общество для пособія пуждающимся литераторамъ и ученымъ. — Драматическій кошмаръ. — Мартыновъ въ «Холостякѣ». — Открытіе итальянской оперы. — Новыя пѣвицы и въ особенности г-жъ Лагруа. — Письмо ко мнѣ по поводу оперы. — Деревянный циркъ и графъ Соллогубъ. — Г-жа Розати. — Закрытіе дома Штиглица и банкротство А. — Шамиль въ Петербургѣ и г. Гаряиновъ. — Великолѣпное изданіе г. Соловьева: «Путешествіе на Амуръ», съ альбомомъ рисунковъ. — «Дворянское Гнѣздо» г. Тургенева. — «Обломовъ» Гончарова. — О старыхъ и новыхъ журналахъ, и прочее). 437

Т. LXXVII. Отд. III.

1/35

СВИСТОКЪ.

Собрание литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

3.

Краткая исторія Свистка во дни его временнаго несуществованія.	497
Раскаініе Конрада Лиліеншвагера.	500
Забракованные. (Трагедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ). <i>Чурмел.</i>	501
Матеріалы для новаго сборника «образцовыхъ сочиненій» (по поводу статей объ обществахъ «Сельскій Хозяинъ»).	516
Опыты австрійскихъ стихотвореній. Четыре стихотворенія <i>Якова Хама</i> . 1) Неблагодарнымъ народамъ. — 2) На взытіе Парижа (если бы оно случилось). — 3) Ода на походъ въ Италію. — 4) Дѣя славы. — Переводъ съ австрійскаго языка — <i>Конрада Лиліеншвагера</i>	531
Стихотворенія присланныя въ редакцію Свистка. 1) Отрывокъ изъ письма <i>Андрея Комарова</i> . 2) Мысль Московскаго публициста ***. 3) Пародія на стихотвореніе г. Некрасова «Тройка». 4) Серенада, А. А. 5) Пастухъ, молоко и читатель, басня ***.	535

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Октября 20 дня 1859 года.

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*

Ценсоръ *Д. Мацковичъ.*

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*